

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
И ОБРАЗЫ ИСТОРИИ**

**Материалы международной научной конференции в честь
95-летия гуманитарного образования в Саратовском
государственном университете имени Н. Г. Чернышевского,
Саратов, 20–21 сентября 2012 года**

Под редакцией Л. Н. Черновой

Издательский центр «Наука»
Саратов, 2013

УДК 94(47+100)(082)
ББК 63.3(2)я43+63.3(0)я43
И90

И90 Историческое прошлое и образы истории: Материалы международной научной конференции в честь 95-летия гуманитарного образования в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского / под ред. Л. Н. Черновой. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2013. — 576 с.

ISBN 978-5-9999-1583-2

В сборник вошли материалы международной научной конференции «Историческое прошлое и образы истории», посвященной 95-летию гуманитарного образования в Саратовском государственном университете (20–21 сентября 2012 г.), организаторами которой выступили Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Институт всеобщей истории РАН, Саратовское отделение Российского общества интеллектуальной истории.

В конференции приняли участие специалисты из Испании, Украины, Республики Беларусь, различных вузов и научно-исследовательских учреждений России – из Москвы, Санкт-Петербурга, Брянска, Волгограда, Вологды, Воронежа, Казани, Красноярска, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Ростова-на-Дону, Самары, Саратова, Ставрополя, Твери, Тобольска, Челябинска и других городов.

На конференции обсуждались разнообразные проблемы и аспекты интеллектуальной истории и шире – интеллектуальной культуры России и Запада: историческая память, способы, механизмы ее конструирования, фиксации, сохранения и трансляции; наследие интеллектуалов и интеллектуальных сообществ и его роль в репрезентации прошлого; проблема взаимоотношений власти, общества и человека в контексте истории и исторических образов.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся гуманитарным знанием.

УДК 94(47+100)(082)
ББК 63.3(2)я43+63.3(0)я43

ISBN 978-5-9999-1583-2

© Саратовский государственный университет, 2013

Л. П. Репина (Москва)

ИДЕИ И ЛЮДИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Что такое «интеллектуальная культура» и каков статус междисциплинарного направления «история интеллектуальной культуры» в пространстве современного социально-гуманитарного знания? Введение в активный научный оборот понятия «интеллектуальная культура» было тесно связано с той трансформацией, которую пережили история идей и интеллектуальная история в последней трети XX века.

Мне неоднократно приходилось писать о предпосылках и обстоятельствах, которые привели ко «второму рождению» интеллектуальной истории, поэтому здесь я ограничусь одним конкретным примером, отражающим этот сложный и неоднозначный процесс.

В этом плане интересно проследить эволюцию, которую претерпел первый проект по истории интеллектуальной культуры, разработанный в Университете Калгари (Канада) во второй половине 1990-х годов. Первоначальный замысел авторов состоял в создании научного форума, способного объединить ученых, заинтересованных в междисциплинарном изучении сферы высшего образования (прежде всего – истории канадских колледжей и университетов). Через несколько лет внимание инициаторов проекта сосредоточилось на выявлении роли профессуры в университетских сообществах и в жизни общества в целом, в разнообразных социально-исторических контекстах. В результате предполагаемый формат журнала по истории высшего образования оказался совершенно неадекватным разросшемуся проекту.

Стартовым для нового шага в расширении проблематики стал концептуальный вопрос – о содержании понятий «интеллектуал» и «интеллектуальное». Ясно, что интеллектуализм выходит за пределы академических границ. Так проект, который сначала ограничивал свою задачу исследованием проблем высшего образования, превратился в гораздо более масштабное предприятие – создание форума для научной работы по изучению «культуры интеллектуалов и интеллектуализма в обществе», а в конечном счете – по истории интеллектуальной культуры.

Как заявили, объясняя свою новую программу, редакторы международного междисциплинарного электронного журнала «История интеллектуальной культуры» в его первом выпуске (2001 г.), они «хотели бы сделать упор на изучение истории идей в связи с их материальным и нематериальным окружением, с теми матрицами, в которых идеи, мысли, споры, языки и нарративы формировались, распространялись и обсуждались», исходя из того, что «все идеи в высшей степени подвижны, изменчивы и контексту-

альны, что идеи вовсе не трансцендентальны, а являются творением личности, места, времени, действия, гендера, этничности, опыта, обстоятельства, перспективы, дисциплины, мотиваций, предрасположенности и идентичности...»¹. Опираясь на тезис о существовании множества контекстов интеллектуализма, инициаторы проекта поставили во главу угла ключевой вопрос о том, каковы были социально-исторические силы, которые приводили в движение интеллектуальную мысль, и обозначили широкий круг тем, нашедших место в исследовательском поле истории интеллектуальной культуры. Это следующие темы и аспекты исследования: социальные, философские, научные, политические и экономические идеи, идеологии и дискурсы в их исторических контекстах; история культур, сообществ и социальных движений, опирающихся на разделяемые их участниками идеи; история образования, включающая анализ обучения, исследования профессорской и административной деятельности, размещение ресурсов, политическую и интеллектуальную среду, дисциплинарную структуру и т. д.; роль идей и дискурсов в историческом конструировании государства, сообщества, нации, гендера, этничности, религии и т. д.; идеологические контексты в истории науки и средств коммуникаций; биографии интеллектуалов; история женщин и интеллектуальная культура; и т. д. Этот список отражает диапазон современных направлений изучения интеллектуальной культуры, однако, на мой взгляд, такой сугубо перечислительный подход не дает представления о базовых принципах, ключевых категориях или исследовательских моделях данного направления.

Центральными в изучении истории интеллектуальной культуры являются понятия интеллектуальной традиции и интеллектуальной общности. В самом широком смысле слова «традиция» определяется как социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в течение длительного времени².

Интеллектуальная традиция выступает одновременно как необходимое условие интеллектуальной деятельности и как ее производное, а также как форма и способ сохранения интеллектуального наследия. Разумеется, рецепция интеллектуальной традиции в новых исторических условиях сопровождается отбором тех или иных элементов наследия, развитием традиции, динамикой ее «культурного дрейфа». Интеллектуальная традиция рассматривается, таким образом, не только как преемственность идей и способов мышления, непрерывность исторического наследования в интеллектуальной сфере, но и как процесс активного восприятия, селекции, переформатирования, творческого преобразования, преодоления или возрождения.

В понимании теоретических оснований и аналитических процедур исследования интеллектуальной традиции на рубеже XX и XXI вв. произошли существенные изменения, связанные с укреплением позиций сторонников контекстуального подхода, воплощенного в широко понимаемой истории интеллектуальной культуры. Контекстуальный подход, в свою очередь, опирается на платформу «новой культурно-интеллектуальной истории»,

¹ Stortz P. J., Panayotidis E. L. Editors' Introduction // History of Intellectual Culture. 2001. No. 1. URL: <http://www.ucalgary.ca/hic> (дата обращения: 16.08.2012).

² См., напр.: Культурология. XX век: Словарь. СПб., 1997. С. 408. См. также: Захарченко М. В. Традиция в истории: опыт типологической интерпретации. СПб., 2002.

рассматривая культуру в духе Клиффорда Гирца – не как фактор или причину, обуславливающую события, процессы или институты, а как контекст, в котором они могут быть адекватно описаны.

Изучение интеллектуальных традиций в исторических контекстах их бытования – базовый принцип истории интеллектуальной культуры. При этом необходимо учитывать, что характерные черты интеллектуальной культуры конкретного периода или региона определяются как унаследованной интеллектуальной традицией и «внутренними» материальными и социальными условиями, так и «внешними» интеллектуальными влияниями (*история интеллектуальных трансферов*). Интеллектуальная культура – понятие весьма сложное по своему внутреннему содержанию. При наличии определенного общего фонда, интеллектуальная культура каждой эпохи многослойна: это и так называемая элитарная, и профессиональная культура, и идеи, разлитые в обществе (на разных его уровнях).

Многовековая традиция, «воспринятая из разнообразных источников», будучи живой, содержит следы множества опосредований, интеллектуальных коммуникаций и взаимодействий, идейных споров и конфликтов, порождающих ростки нового в старых культурных напластованиях. Восприятие исторического наследия включает не только копирование/воспроизведение, но цепь «пересозданий», несущих в себе импульсы обновления. Немаловажную роль в этом процессе играет изменение условий интеллектуальной жизни (особенно в ситуациях радикальных социально-культурных трансформаций) и создание новых институтов (например, таких как монастыри или средневековые университеты, в которых, начиная с XII в., осуществлялось взаимодействие христианской, античной, арабо-мусульманской и иудейской традиций).

Исследование интеллектуальных традиций требует весьма тонкого анализа массивного комплекса текстов (как канонических памятников традиции, так и «второстепенных», но составляющих часть «общего дискурсивного поля»³) и документов (тех, что освещают социально-политические, организационно-институциональные и материальные условия и конкретные жизненные ситуации интеллектуальной деятельности). Подобные исследования способны продемонстрировать сложные перипетии трансляции знаний, идей и ценностей, способов сохранения духовного опыта предшествующих поколений и механизмов культурного обновления.

Важно еще раз подчеркнуть: интеллектуальная культура имеет коммуникативную природу, и одним из самых, на наш взгляд, перспективных направлений является анализ процесса обмена элементов интеллектуальной культуры, ее «социального обращения»⁴. Вот почему изучение истории интеллектуальной культуры непременно включает исследование всех форм, средств, институтов (формальных и неформальных) интеллектуального общения в их целостном социально-культурном контексте, в их все усложняю-

³ *Gouwens K. Perceiving the Past: Renaissance Humanism after the “Cognitive Turn” // American Historical Review. 1998. Vol. 103. No. 1. P. 82.*

⁴ Термин «социальная циркуляция (обращение)» в применении к содержанию понятия «историческая культура» ввел Д. Вульф. См.: *Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730. Oxford, 2003. P. 9–10.* См. также: *Woolf D. Reading History in Early Modern England. Cambridge, 2000.*

щихся взаимоотношениях с «внешним» миром культуры. Речь идет об определенной общекультурной «почве» или «общекультурном фонде»: базовых идеях, представлениях, ценностях, стереотипах, символах, мифах, различных элементах «ментальной программы», с учетом процесса и эффекта кросс-культурных и кросс-темпоральных взаимодействий, наиболее ярко проявляющихся как раз в интертекстуальной реальности интеллектуального пространства в форме продолжающейся (непрерывно или с существенными временными разрывами) серии коммуникаций между автором и последующими поколениями читателей и интерпретаторов.

Интеллектуальная культура формируется и развивается в определенных координатах пространства и времени. В каждую историческую эпоху с изменением условий существования по-своему раскрываются природа и возможности человека, отношения людей с окружающим миром, социальные взаимодействия, ценностные ориентации, познавательные приоритеты, доминирующие идеи, ведущие тенденции в развитии культуры. Хотя деление всемирной истории на периоды тесно связано с историей событийной, в понятии «историческая эпоха» неизбежно подразумевается определенное качественное своеобразие. Новое время историки начинают с Ренессанса, опираясь на «три «открытия», совершенные в эту эпоху: открытие собственного прошлого в виде наследия античности, открытие Нового Света и населяющих его народов и открытие научного знания»⁵. Ренессанс (Возрождение) XIV–XVI вв. рассматривается как эпоха интеллектуального и художественного расцвета (иногда – как возрождение свободной интеллектуальной культуры в Европе). Последовательно выстраивая Проторенессанс, Возрождение в его собственном смысле и Постренессанс в единый культурный процесс, охватывающий четыре столетия и включающий конец Средневековья и начало Нового времени, Б. Г. Кузнецов подчеркивал, что «Возрождение, уже по своему названию, – эпоха перемен, эпоха концентрированного преобразования культуры... “Возрождение” означало и осознанное возвращение к духу античной культуры и столь же осознанное начало нового, уходящего от античных и средневековых традиций периода...»⁶.

В XVII в. Европа пережила революционные процессы: социальную трансформацию и научную революцию – переход к рациональному объяснению мира и человека. «Долгому XVIII веку»⁷, Веку Просвещения отводится решающая роль в повороте западной культуры к рационализму и свободомыслию. Именно с идейным течением, основанным на убеждении во всеисилии Разума и задавшим ключевые характеристики особой интеллектуальной культуры Просвещения, связывается образ всей эпохи, ее особый стиль. Понятие «стиля эпохи», играющее важную роль в истории искусства, вполне адекватно «работает» в более широком пространстве интеллектуальной истории – в виде понятия «стиль мышления исторической эпохи».

⁵ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. М., 1997. С. 197. Термин «Возрождение» появился в XV в., но стал регулярно использоваться в литературе Просвещения.

⁶ Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Возрождения (Наука XIV–XVI вв. в свете современной науки). М., 1979. С. 18–19.

⁷ О его границах см., напр.: *Israel J. Enlightenment Contested: Philosophy, Modernity, and the Emancipation of Man 1670–1752*. Oxford, 2006.

В истории теоретического мышления выделяются четыре основных, последовательно сменявших друг друга периода, соответствующих главным этапам развития европейского общества: античный, средневековый, «классический» (стиль мышления Нового времени) и современный»⁸. Как образно выразился А. А. Ивин, «стиль мышления исторической эпохи – это как бы ветер, господствующий в эту эпоху и непреодолимо гнуший все в одну сторону»⁹. И все же, хотя нет сомнений в существовании общего стиля, общего культурного фонда, общего языка эпохи, невозможно отождествлять, например, все идеи Века Возрождения с идеями гуманистов, или Века Просвещения с собственно просветительскими идеями – в это время существовали различные, не только гуманистические или просветительские идеи. Тем более важно понять реальное взаимодействие элементов интеллектуальной культуры (субкультур) в сложном по своему социальному и образовательному составу обществе, выявить те модели, по которым в данном социуме осуществлялись кросс-культурная интеллектуальная коммуникация и восприятие новых идей¹⁰.

Концепции интеллектуалов обычно рассматриваются в трех разных контекстах: как на них повлияли идеи предшественников; какое влияние они сами оказали на взгляды окружающих; какова роль их идейного наследия для потомков (в разных масштабах – от национального до общечеловеческого). Еще один важный контекст – как именно их представления отражают развитие культуры своей эпохи, как они смогли понять и выразить основной смысл и направление ее развития. Идеи передовых мыслителей одного века со временем становятся расхожими представлениями, складывается некий привычный ход рассуждений и определенный набор идей, который становится частью мыслительного инвентаря многих людей, доминирует в интеллектуальной жизни целого поколения, ряда поколений или даже всей исторической эпохи. Особый интерес представляет изучение ключевых понятий, концептов, логических приемов, методологических принципов, характерных для данной эпохи, составляющих ее «интеллектуальный климат», живую ткань ее интеллектуальной культуры.

Современная интеллектуальная история описывает различные процессы *движения* идей, и не только в фигуральном, но и в самом буквальном смысле. Важное направление изучения интеллектуальной культуры – анализ видов, типов и конкретных механизмов распространения идей (как в социокультурном пространстве, так и во времени). Интеллектуальная коммуникация с помощью корпуса циркулирующих внутри нее текстов, имеющих форму переписки, книг и статей, публичных выступлений или частных разговоров, не только передает информацию, но и поддерживает некое интеллектуальное сообщество, формируя общепринятый для данного

⁸ «Как и всякая история, история мышления слагается из ряда качественно различных этапов. Каждому из них присущ свой стиль, или способ, теоретизирования, переход от этапа к этапу представляет собой революцию в способе теоретического освоения действительности» (Ивин А. А. Интеллектуальный консенсус исторической эпохи // Познание в социальном контексте. М., 1994. С. 134).

⁹ Там же. С. 138.

¹⁰ См.: Lovejoy A. O. The Great Chain of Being. A Study of the History of an Idea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 20.

сообщества язык, тип поведения, систему ценностей, организуя сетевую структуру. Известны такие исторические воплощения интеллектуальной коммуникации, как реальные научные школы и кружки ученых, а также «виртуальные» междисциплинарные сообщества, например, кружки гуманистов в эпоху Возрождения, или *Invisible College* («невидимый колледж») – неформальная группа ученых, образовавшая позже Лондонское Королевское общество (термин введен Робертом Бойлем), или, например, знаменитая *La République des Lettres*¹¹ эпохи Просвещения, или же, например, современные сетевые Интернет-сообщества. В настоящее время понятием «невидимый колледж» часто обозначаются неформальные интернациональные трансдисциплинарные научные сообщества.

Речь идет о сообществах людей, которые – независимо от их конкретной формы или типа – выступают в качестве создателей, хранителей, интерпретаторов и трансляторов той или иной интеллектуальной традиции, формирование и функционирование которых составляли и, в определенной мере, продолжают до настоящего времени составлять главный предмет историко-социологического анализа и так называемой «истории интеллектуалов»¹². Если в 1980-е гг. «история интеллектуалов», по существу, вписывалась в «социальную историю элит» и опиралась на метод «социальной биографии», то «культурный поворот» в историографии конца XX века создал мощный импульс для дрейфа от «истории интеллектуалов» к социокультурной истории интеллектуальных сообществ.

В связи с исследованием бытования, соперничества и взаимодействия интеллектуальных традиций в синхронном и диахронном контекстах (в долговременной исторической перспективе) формальные и неформальные интеллектуальные сообщества разных типов, а также система социальных институтов, обеспечивающих и регулирующих интеллектуальную деятельность, оказались в центре внимания социологии социальных сетей выдающегося американского социолога Рэндалла Коллинза¹³. Созданная им (на основе массива биографических данных) сетевая схема, распространяющаяся «вертикально» (от одного поколения к другому) и «горизонтально» – среди современников, являющихся коллегами, союзниками или соперниками, описывает процессы общения между людьми, которые «транслируют прежний культурный капитал и превращают его в новую культуру»¹⁴.

Среди многообразных условий интеллектуального творчества структура и функционирование формальных и неформальных интеллектуальных сообществ (в том числе – научных школ и профессиональных ассоциаций) за-

¹¹ См.: Трофимова В. С. «Республика Учености»: идея, идеал и виртуальное сообщество европейских интеллектуалов XV–XVIII вв. // Диалог со временем. Вып. 20. 2007. С. 90–99.

¹² См.: Charle C. Naissance des “intellectuels” (1880–1900). P., 1990; *Idem*. Les intellectuels en Europe au XIX siècle: Essai d'histoire comparée. P., 1996; Histoire comparée des intellectuels / Dir. par M.-C. Granjon, N. Racine et M. Trebitsch. P., 1997. См. также: Шарль К. Интеллектуалы во Франции. М., 2005. С. 13–18.

¹³ Р. Коллинз исходит из того, что «непосредственное социальное влияние на конструирование идей оказывает сетевая структура отношений между интеллектуалами». См.: Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 32.

¹⁴ Там же. С. 34.

нимает центральное место, поскольку речь идет о взаимодействии субъектов, которое охватывает разные ее аспекты: контакты, основанные на общих интересах, обмен информацией и культурным капиталом, использование организационных и когнитивных ресурсов, обсуждение, заимствование и распространение идей, взаимная поддержка, создание интеллектуальных репутаций и др.

Комплексное историческое исследование интеллектуальной культуры должно быть ориентировано на решение трех взаимосвязанных задач: а) выявить специфические социальные контексты и культурные ориентиры деятельности интеллектуалов, б) предметно проанализировать механизмы функционирования интеллектуальных сообществ разных типов и в разных сегментах интеллектуальной среды, в) рассмотреть комплекс проблем, связанных с формированием культурно-образовательной среды вокруг центров, которые институционализировались в разных странах в разное время и в различных исторических обстоятельствах. Наиболее перспективной представляется синтетическая модель, в которой могут быть системно интерпретированы и идейное поле, сформированное интеллектуальной традицией или традициями, и результаты мыслительной деятельности, и способы их репрезентации, и коммуникативные практики интеллектуальных сообществ.

Первые шаги в исторических исследованиях функционирования интеллектуальных сетей в Европе Нового времени, в режиме «длительной протяженности» (*longue duree*) – от кружков гуманистов до научных обществ XX столетия дают возможность проследить радикальные сдвиги и долгосрочные изменения в панораме интеллектуальной жизни¹⁵. Таким образом, в исторических реконструкциях интеллектуальной культуры скрещиваются перспективы «истории вообще», истории ментальностей и исторической антропологии, исторической когнитивистики, социальной истории и социологии науки, «автономных» дисциплинарных историй, исторической биографии.

О. В. Воробьева (Москва)

А. ДЖ. ТОЙНБИ И СОВРЕМЕННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Более десяти лет назад в журнале «Диалог со временем» была опубликована статья «Парадоксы восприятия Тойнби в современной отечественной историографии», в которой я размышляла о том, почему столь актуальные, на мой взгляд, идеи британского историка до сих пор не получили должного признания среди отечественных ученых¹⁶. Тогда я объясняла это

¹⁵ См.: Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / отв. ред. Л. П. Решина. М.: Кругъ, 2013 (в печати).

¹⁶ См.: Воробьева О. В. Парадоксы восприятия Тойнби в современной отечественной историографии // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып 4. С. 259–276.

многими факторами, в том числе особенностями контекста, в котором оказалась отечественная наука, вынужденная за короткий промежуток времени осваивать целые пласты мировой социогуманитарной мысли к тому же в условиях смены парадигм. По прошествии десяти лет, уже в несколько ином общественном и научном контекстах, я вынуждена констатировать, что ситуация практически не изменилась. Хотя бы потому, что люди, которые по-прежнему могут через запятую писать «Данилевский, Шпенглер, Тойнби», явно не поняли ни идей Тойнби, ни специфики и эволюции цивилизационного дискурса вообще. Возможно, положение даже ухудшилось, потому что к сказанному добавился еще и колоссальный скепсис по поводу способности этой формы научного мышления к объяснению как общих, так и конкретных проблем исторического развития, и даже шире – по поводу продуктивности макроисторических исследований как таковых. Оставляя в стороне тему важности и значимости цивилизационных исследований, требующую отдельного разговора, обратимся к проблеме актуальности, востребованности и эвристическом потенциале собственно тойнбианских идей. Потому что отношу их к той категории идей и смыслов, которые нуждаются в периодической реактуализации, обнаруживая во временных постановках вопросов какие-то, если не вечные и универсальные, то по крайней мере пролонгировано значимые смыслы, открывая при этом ресурсы, оставленные нами без внимания, которые мы едва-едва начинаем осознавать и которые представляют важность для современной интеллектуальной ситуации.

И начать мне хочется вполне традиционно – с рассмотрения центрального тойнбианского понятия – понятия «цивилизация». Дело в том, что в свое время широко и всерьез на страницах мировой тойнбианы обсуждалась проблема тойнбианской классификации и создания нового универсального перечня цивилизаций¹⁷. Правда, было это лет пятнадцать тому назад, а потому я искренне полагала, что в условиях освоения достижений и завоеваний уже не только модернистской, но и постмодернистской парадигм, этот вопрос окончательно снят с повестки дня. Однако мой анализ современной научной литературы по цивилизационной проблематике свидетельствует, увы, об обратном, а именно – о настойчивых попытках онтологизировать результаты цивилизационных исследований. А ведь опыт многочисленных и маловразумительных дискуссий вокруг этого момента тойнбианской концепции должен был научить как раз обратному. Единого и раз и навсегда данного критерия нет и быть не может, потому что «идея цивилизации есть не более чем эвристический принцип гуманитарного знания. Принцип мировоззренчески насущный, но не *тождественный* фактологической сфере»¹⁸. Ибо цивилизация – не данность нашего опыта, а не более чем гносеологический конструкт нашего мышления, «интеллектуальное поле исследования», условная эвристическая модель, очень тесно связанная с познавательным статусом исследователя. Потому что именно им фиксируются те или иные значимые черты и стороны изучаемого объекта и тем самым вос-

¹⁷ См.: Алаев Л. Б., Коротаев А. В. Перспектива применения кросс-культурных баз данных для сравнительного изучения цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (межцивилизационный подход). Сб. статей. М., 2000. С. 160–161; Ерасов Б. С. Принципы и возможности цивилизационной компаративистики // Там же. С. 49–50.

¹⁸ Рашковский Е. Б. На оси времен. Очерки по философии истории. М., 1999. С. 124.

производится сам этот объект, именно им определяется содержание того самого пространственно-временного континуума, с которым он связывает представление о той или иной цивилизации. Отсюда – неизбежная неустойчивость любого рода инвентаризаций, поскольку каждый исследователь, приступающий к анализу локальных цивилизаций, вырабатывает свой, согласованный с задачами исследования, критерий их систематизации (если ему необходимо такую систематизацию осуществить).

Еще раз акцентирую мысль, которую настойчиво подчеркивал Тойнби (особенно поздний Тойнби): цивилизация – не самодостаточный конструкт теоретического мышления и уже тем более не всеобъясняющий, а потому вполне могущий взаимодействовать с другими конструктами и подходами по принципу дополнительности. Если, конечно, сумеет найти нащупать органические, а не механические пути такой комплементарности. По мнению Тойнби, всемирная история не может быть сведена к цивилизационному анализу еще и потому, что помимо ее цивилизационного пласта, существовал пласт доцивилизационный и возможно на наших глазах формируется пласт постцивилизационный. Классик цивилизационной проблематики, живший в канун эпохи глобализации, чутьем большого мыслителя сумел предвосхитить эту перспективу. «Будущий мир, – писал он, – не будет ни западным, ни незападным, но унаследует все культуры, которые мы заварили в одном тигле»¹⁹.

Но вернемся к понятию «цивилизация».

Существовали разные попытки как-то определить это понятие, в том числе и такие, которые собственно и привели к существующим издержкам цивилизационного дискурса. Я имею в виду абсолютистские и редуцированные подходы догматиков-цивилизационщиков с присущим им органицизмом либо эссенциализмом и попытками выстроить всеобъемлющее цивилизационное мировоззрение. Подобный дискурс выглядит, конечно, весьма сомнительным и не раз подвергался справедливой критике. К счастью, существовали попытки смягчить этот эклектичный подход, сделать его менее натуралистичным, если угодно, более человечным, то есть связать его не столько с имманентным круговоротом внешних форм или же с некими сепаратными коллективными сущностями, сколько с динамикой социальности, культуры, духовных процессов. И вот эта актуализация проблемы человеческих смыслов, объемлющих, пронизывающих и отчасти формирующих опыт больших пространственно-временных человеческих массивов, на мой взгляд, одно из значительных завоеваний тойнбианской мысли. Опыт этот сопряжен и с адаптацией человека к окружающей среде, и к вызовам исторического времени, и сложным внутренним потенциалом, с обращенностью человека к самому себе. Другими словами, в любых исторических условиях возникновение, воспроизводство и содержательное переоформление любой из цивилизаций в той или иной мере требует мобилизации, раскрытия, развития именно человеческого потенциала. Лишенные этого субъектного (если угодно, антропологического) измерения, цивилизации превращаются в совокупность экономических, социальных и политических институтов, в некую жестко структурированную рамку, которая не позволяет понять ни способ-

¹⁹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.; СПб., 1995. С. 66.

ность (порой, вопреки (!); как тут не вспомнить центральный тезис пост-структурализма «структуры не выходят на улицы») некоторых цивилизаций выживать в непредвиденных внешних обстоятельствах и внутренних ломках, ни динамику разных цивилизаций. Тойнбианский человек – не винтик и не слепой исполнитель железных законов исторической необходимости, а (лучше Е. Б. Рашковского, пожалуй, не скажешь) «безусловный и ответственный ее сопричастник»²⁰, и между разнообразными проявлениями человеческой «субъектности» и структурами существует определенная корреляция, способная дать объяснение тем процессам, которые протекают внутри цивилизаций и между ними. Это, на наш взгляд, одно из самых ценных завоеваний тойнбианской мысли. К сожалению, все попытки Тойнби придать цивилизационному дискурсу вот это человеческое измерение так и не стали предметом глубокой исторической рефлексии.

Что это? Может, не так внимательно читали хрестоматийного (!) Арнольда Тойнби? Или наскоро «расчистив завалы» (выражение А. О. Чубарьяна²¹), что-то все-таки упустили, оставили без внимания? А, может быть, мы просто «выросли» из краткого, однотомного изложения «Постижения истории», которое ни при каких обстоятельствах не заменит капитального труда британского историка. К сожалению, обещанный к 1993 г. второй том, составленный на основе материалов 11 и 12 тт. «Постижения истории», так и не появился.

Между тем, в новой интеллектуальной ситуации целый ряд идей Тойнби могут исполниться новой значимости. Во-первых, речь идет о безусловной ценности такого принципа тойнбианской историософии, как открытость истории. История открыта как для соучастия человека в процессе ее развертывания, так и для ее познания. Разделение онтологической и гносеологической сторон жизни индивида здесь, конечно, весьма условно, ибо одно немыслимо без другого. Просто в первом случае акцент делается на особом личностном статусе человека, не просто взирающего на действительность со стороны, но являющегося важным конституирующим элементом этой действительности, постоянно изменяя ее и одновременно изменяя себя. А во втором речь идет об удивительном свойстве человеческого разума входить в состав бытия, сопричастовать ему, находясь с ним в ситуации постоянного диалога, взаимодействия и взаимопроникновения. Отсюда и уникальная роль историка – не стороннего исследователя прошлого, а опять-таки его активного со-творца, выявляющего истину в процессе своей толковательно-конструктивной деятельности. Поскольку истина в истории, в понимании Тойнби, – это постоянный процесс выявления смысла, она не может быть раз и навсегда данной. «Ни одно собрание фактов, равным образом как и ни одно обобщение, не может быть окончательным, потому что Вселенная разломкнута», – писал Тойнби²².

Не надо даже слишком пристально всматриваться, чтобы увидеть, насколько такое понимание истории созвучно современности. Налицо и признание субъективно-толковательной природы человеческого знания, и стремление преодолеть механически-враждебное противостояние субъек-

²⁰ Рашковский Е. Б. Читаем Тойнби // Постигание истории. М., 1991. С. 650.

²¹ Чубарьян А. О. История XX века: новые исследования и проблемы // Исторические записки. М., 1995. Вып. 1 (19). С. 218.

²² Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 41.

та и объекта исследования, поставив их в состояние диалектического взаимодействия. Но одновременно с этим Тойнби далек от крайностей постмодернистской парадигмы, возникших в процессе распространения лингво-семиотического подхода к источнику и поставивших под сомнение научность гуманитарного познания.

Безусловно эвристичным является и тойнбианское видение взаимодействия цивилизаций, которое с точки зрения британского историка выполняет определенную функцию в историю, а именно функцию выживания. Чтобы выжить, цивилизации просто вынуждены обращаться и взаимодействовать с соседями, усваивать взятые извне идеи и смыслы, прибегать к сознательным заимствованиям и нововведениям, ассимилировать чужеродные этнокультурные потоки. Тойнби был далек от идеи проницаемости цивилизаций (более того, акцентировал разную степень проницаемости для разных цивилизационных компонентов), скорее он говорил о со-развитии, о трудном процессе нахождения «золотой середины» в соотношении своего и чужого. Можно ли заимствовать чужое, без ущерба собственному культурному наследию и стоит ли оставаться на позициях традиционализма, рискуя тем самым оказаться в изоляции? По мнению А. Тойнби, истина состоит в том, что «каждое исторически сложившееся культурное пространство есть органичное целое, где все составные части взаимозависимы, так что при отделении одной из частей и сама эта часть, и оставшееся нарушенное целое ведут себя иначе, нежели в исконном состоянии»²³. Стало быть, «ни овладение чужой новейшей технологией, ни ревностное сохранение традиционного образа жизни не может быть полным и окончательным Ответом на Вызов чуждой цивилизации»²⁴. Тогда каким должен быть окончательный ответ? По-видимому, усвоение инокультурных элементов не может быть процессом чисто механического приращения. Смысл диалога – в нахождении особого модуса соотношения своего и чужого, в результате которого и в самом обществе в целом, и в сознании отдельных его представителей, в частности, возникает установка на творческий синтез традиционализма и современности – синтез, в котором будет преодолено искушение как полного отказа от своего прошлого, так и пребывания на позициях традиционализма²⁵.

А в этих условиях на первый план опять выдвигается собственно человеческий аспект межкультурного диалога, проблема взаимосвязи личного и коллективного. Ибо если консервативное начало, по справедливому замечанию Тойнби, чаще всего коренится именно в коллективном опыте культуры, то инновационное – в индивидуальной творческой деятельности человека, обладающего способностью выходить за пределы господствующих в обществе социокультурных норм²⁶. Получается, что без развитых форм мысли и творчества нет и не может быть подлинного межкультурного диалога.

В-третьих, отечественной социогуманитарной мысли еще только предстоит по достоинству оценить и степень провидения Тойнби, когда он говорил об идее исторического прогресса как упрощенном взгляде на дина-

²³ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. С. 184–185.

²⁴ Там же. С. 188.

²⁵ См.: Тойнби А. Д. Постигание истории. С. 599.

²⁶ См.: Переписка Н. И. Конрада и А. Дж. Тойнби // Конрад Н. И. Неоконченные работы. Письма. М., 1996. С. 398.

мику человеческой истории, сложившемся под влиянием представлений о линейно текущем времени. «Это не что иное, – писал Тойнби, – как простейший образ волшебного бобового стебелька из сказки, который пробил землю и растет вверх, не давая отростков и не ломаясь под тяжестью собственного веса, пока не ударит головой о небосвод»²⁷. Позволю здесь одну объемную цитату, образно передающую тойнбианское отношение к этой проблеме. «Мы вряд ли поймем природу Жизни, если не научимся выделять границы относительной дискретности вечно бегущего потока – изгибы живых ее струй, пороги и тихие заводи, вздыбленные гребни волн и мирную гладь отлива, сверкающие кристаллами торосы и причудливые наплывы льда, когда мириадами форм вода застывает в расщелинах ледников. Другими словами, понятие непрерывности имеет значение только как символический умозрительный образ, на котором мы вычерчиваем восприятие непрерывности во всем реальном многообразии и сложности... Предполагает ли термин “непрерывность истории” в общепринятом смысле, что масса, момент, объем, скорость и направление потока человеческой жизни постоянны или если не буквально постоянны, то изменяются в столь узких границах, что ими можно пренебречь? Если этот термин предполагает импликации такого рода, то как бы ни был он привлекателен, мы придем к серьезным ошибкам»²⁸. Во многом благодаря А. Тойнби, стало очевидным, что каждая цивилизация (цивилизационный тип) имеет свое собственное ощущение времени²⁹. Скажем, если ценностью западного типа мышления является совершенствование изначально данной исторической реальности, то целью восточных обществ всегда было сохранение этой реальности в неизменном виде. Отсюда – соответствующая парадигма сознания и отсутствие того, что в Европе понимается как исторический прогресс. Отсюда и прозвучавшая еще в начале 70-х годов XX в. критика Тойнби начинающейся глобализации как вестернизации.

Во-первых, потому что любой диалог (культур, цивилизаций, историографических традиций и т. д.) – это не система для переливания крови, где возможно только однонаправленное движение. В частности, современный опыт, и прежде всего опыт формирования модернистской и постмодернистской парадигм, показывает, что опыление восточных обществ западной научно-технической мыслью нельзя рассматривать как односторонний процесс, так как парадигмы эти не могут быть истолкованы исключительно в европоцентристских терминах. Важнейшим наукотворческим фактором является процесс взаимодействия с культурным и мыслительным наследием восточных обществ (интерес к нелинейным, коррелятивным и ассоциативным связям между вещами и понятиями, богатство знакового мышления этих народов и т. д.). Следовательно, речь идет не только о когнитивном обогащении науки, а «о насущной необходимости современного человечества в многообразии мыслительных структур и стилистик, функционирующих во всей сложности современных междивизиационных взаимодейст-

²⁷ Тойнби А. Д. Постигание истории. С. 85.

²⁸ Там же. С. 39.

²⁹ См.: Формации или цивилизации? (Материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 36.

виях. Универсализм современной науки требует многообразия форм цивилизационно-культурного опыта»³⁰.

Во-вторых, потому что и Запад, и Восток – это не гомогенные, а чрезвычайно гетерогенные феномены, а стало быть, чрезвычайно гетерогенна и рецепция их взаимных влияний. И если в довоенные годы А. Дж. Тойнби немало потрудился над культурно-исторической компаративистикой Запада и Востока, то в послевоенные его гораздо больше занимал вопрос о типологизации и вариативности путей развития самих современных афро-азиатских сообществ. Не случайно в своей книге «Мир и Запад» Тойнби акцентирует свое внимание на различиях в переживании злополучного «западного вопроса» в сообществах Дальнего Востока, Индии, мусульманского и православного миров³¹. Без этого невозможно понять, почему в одних случаях западные инновации более-менее органично входили в ткань национальных сообществ, а в других нет.

Сказанное позволяет сделать вывод, что современные процессы межкультурного взаимодействия требуют отказа от некоторых упрощенных схем, в рамках которых рассматривается проблема диалога, и перехода к более гибкому и подвижному образу мира.

Мне бы не хотелось, чтобы специально заостренные здесь моменты недооцененности Тойнби были абсолютизированы. Ситуация на самом деле гораздо сложнее. Отмахиваясь, порой, от Тойнби, некоторые историки предпочитают не замечать, что сами уже во многом мыслят по тойнбиански. И дело не только в том, что они оперируют такими понятиями как «цивилизация», «цивилизационные разломы», «вызов-и-ответ», «уход-и-возвращение», «философская эквивалентность» или «культурная радиация». Для понимания влияния А. Тойнби на современную социогуманитарную мысль важно, конечно, не сличение дефиниций, а нечто иное. Иное – тойнбианская диалектика локального и универсального, коллективного и индивидуального, природного и социального. Иное – растущий интерес к исследованию нереализованных путей исторического развития, роли случая в осознанном человеческом действии, который при определенных условиях может изменить вектор исторического развития. Иное – старое синкретическое, дисциплинарно неразделенное видение исторического процесса, наложенное к тому же на тойнбианский опыт изучения взаимодействия современных цивилизаций в рамках обзоров международных отношений, которые он на протяжении нескольких десятков лет делал для Королевского института международных отношений. Иное – попытка Тойнби выработать некий категориальный аппарат для анализа разных культур – задача, которая была поставлена еще в XVIII в. Д. Вико. Иное – глубина постановки вопроса о том, что в условиях многообразия культур, форм человеческого опыта взаимопонимание людей без утраты их идентичности и даже, напротив, через ее углубление и содержательное обогащение, становится одним из важнейших императивов современности. Ибо никто до него с такой ясностью не осознал, что беспрецедентный по своей интенсивности процесс культурного взаимодействия народов яв-

³⁰ Рашковский Е. Б. Указ. соч. С. 128.

³¹ См.: Тойнби А. Дж. Мир и Запад // Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. 480 с.

ляется одним из тех фундаментальных вызовов или, если выразаться словами Е. Рашковского, «шифрограмм бытия», на которые человечество вынуждено откликаться в каждом поколении, познавая в частных временных коллизиях свои вечные измерения.

Рефреном к сказанному звучат слова самого А. Дж. Тойнби, написанные им незадолго до смерти: «Строго придерживаясь этой линии, я надеюсь, “перепрыгнул” прямо из XVIII века в век XXI, не запутавшись ни в XIX, ни в XX веке. Я убежден, что традиция прошлого – это также и “волна будущего”»³².

³² Тойнби А. Дж. Пережитое // Тойнби А. Дж. Пережитое. Мои встречи. М., 2003. С. 106.

И. А. Гатауллина (Казань)

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Одним из замечательных признаков современного научного знания стало преодоление устоявшихся представлений, вызывающее острую потребность в модернизации методологического инструментария, который позволяет увидеть изучаемые явления и процессы в новом свете. Это особенно актуально для академической гуманитаристики, которая длительное время утверждала, что история, как движение общества во времени и в пространстве, началась с появлением письменных источников, ставших условной разграничительной линией, отделяющей собственно историю от доисторического времени.

Сегодня этот тезис нельзя считать абсолютным уже потому, что современная наука располагает такими предельно чувствительными приборами и в целом новейшими техническими средствами, способными «видеть» под землей и под водой, что, как ожидается, в скором времени они произведут революцию в археологии, геологии и, соответственно, истории. Предполагается, что за «цепной реакцией» открытий древних городов и даже цивилизаций, канувших в забвение, последует основательный пересмотр многих положений в исторической науке относительно истоков праистории, ее географии, и, соответственно, начал как мировой истории, так и истории отдельных, локальных сообществ. Это непосредственно касается древнерусской истории, летописная христианская интерпретация которой наложила отпечаток на понимание исторического процесса, выраженный как в негативной оценке языческого мировосприятия, так и в неясности дохристианского этапа русской истории.

Действительно, история этого периода Руси, насчитывающая не одно тысячелетие, бесписьменна. Не без оснований предполагается, что письменные источники были полностью уничтожены в ходе утверждения новой религии и морали. В условиях, когда до сих пор не признан наукой и считается подложным изложенный на дощечках докириллическим письмом документ по ранним событиям русской истории – языческий текст «Велесовой книги», единственным источником выступает историческая память. Поскольку этнические, равно как и религиозные, а, значит, в определенном смысле и культурные устремления определенных групп населения, в частности, русских длительное время не реализовывались и даже подавлялись, постольку историческая память для них стала «важнейшей составляющей

самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом»¹. Именно важностью «идентификационной» функции исторической памяти объясняется растущий интерес к прошлому в современном российском обществе, стремящемся понять свои истоки.

Речь идет о Гиперборее, определяемой не только как исток древнерусской цивилизации, но даже – колыбель человечества. Территорией памяти выступает акватория Ледовитого океана, точнее, север России, где началась ее наидревнейшая история. Первоначально основанная на сведениях из античной мифологии, данная гипотеза получила научную разработку в конце XIX – начале XX века. Арктический след человеческой цивилизации обосновывался В. Уорреном, Б. Тилахом, Г. Виртом, Р. Геноном. Дореволюционный отечественный исследователь Е. Елачич утверждал, что человек разумный пришел в Европу именно с севера, а современные российские ученые А. Дугин и В. Демин последовательно отстаивают идею о гиперборейских истоках арийских племен и славянского этноса². Из-за отсутствия письменных источников как основного доказательства существования цивилизации данная версия с трудом пробивает себе путь в академической среде. Хотя, надо признать, сегодня исследовательская ситуация меняется: проблема разрабатывается не только теоретически. Материальные останки – наскальные образы древних богов, доисторические святилища, лабиринты, мегалитические памятники – впервые были обнаружены на островах Белого моря еще в ходе первой экспедиции в эти районы 4 мая 1764 г. по указанию Екатерины II. Научные исследования конца 90-х гг. XX в., а также в 2008–2009 гг. подтверждают этот факт и свидетельствуют в пользу древней цивилизации, которая идентифицируется как Гиперборейская, располагавшаяся в районе, ограниченном с запада Скандинавскими, а с востока – Уральскими горами. Термин Гиперборея в греческой вокализации означает «тех, кто живут за северным ветром-Бореем или на его спине». Однако существует автохтонное название прародины человечества – *Ultima Thule* как «самый далекий Туле», или «крайний Туле», утвердившееся в мировой истории, географии и поэзии. О загадочной северной стране говорил в своей «Географии» Страбон. Прокопий Кесарийский в «Воине с готами» описал «остров» Туле и образ жизни скритифинов – одного из тринадцати племен, возглавляемых отдельным царем. О гиперборейцах как реальном древнем народе, жившем у Полярного круга и генетически связанном с элинами через культ Аполлона Гиперборейского, поведал Плиний Старший в «Естественной истории». Не обошли вниманием далекую северную землю и средневековые авторы. В частности, космограф Демешки указывал на заселенность Тулии славянами. Р. Бэкон, а вслед за ним М. Нострадамус говорили о со-

¹ История и память / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 23-24.

² См.: Елачич Е. Крайний Север как родина человечества. СПб., 1910; Генон Р. Атлантида и Гиперборея. URL: <http://bookfi.org/book/869387>; <http://bookfi.org/book/869387>; Вирт Г. «Palestinabuch». URL: <http://yandex.ru/yandsearch?text=%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%Bo+%D0%93.+%D0%92%D0%B8%D1%80%D1%82%D0%Bo+%22Palestinabuch%22%D1%81%D0%BA%D0%Bo%D1%87&lr=43> (дата обращения: 16.06.2012); Дугин А. Гиперборейская теория. М., 1993; Демин В. Н. Гиперборея. Исторические корни русского народа. М., 2001; Он же. Русь летописная. М., 2002; Тилак Б. Арктическая родина в Ведах. М., 2002.

пряженности России с Гипербореей, именуя россиян «народом гиперборейским». Свое знакомство с таинственным «тульским народом» как одним из уцелевших осколков гиперборейцев-тульцев описал первый учитель славянского народа Кирилл (в миру – Константин), когда путешествовал по землям Хазарского каганата. Считается, что именно после общения с наследниками древней гиперборейской культуры Кирилл-Константин занялся созданием славянской письменности и русской азбуки³.

Однако представляется, что для понимания существа проблемы наиболее важен образ материка Тулы – Гиперборей в русской мифологической истории, который появляется в беломорских былинах о Потыке, записанных лишь в XIX в. в пересказе стариков-поморов. В них содержится любопытная информация о женах Потыки: первой, колдунье Марьи Лебеди Белой, и второй, Авдотьюшке, дочери тульского короля, которые стали носительницами крылатой гиперборейской символики. Лебедь, первоначально являвшийся родовым тотемом, позднее был запечатлен не только в образах античных богов, но и популярных персонажей русского фольклора, начиная с образов-символов летательных средств – Летучего корабля, Дерябанного орла, Ковра-самолета, Ступы Бабы-Яги и, заканчивая поэтическим образом Царевны – Лебеди в произведениях А. С. Пушкина и художественным – на полотнах М. Врубеля. Культ крыльев перерос в культ крылатых людей, получивший свое отражение в архаичном северном искусстве, в так называемых «птичьих танцах», и сегодня напоминающих о существовании «перьевого» северной цивилизации.

Считается, что Гиперборей как «место памяти» исчезла во время вселенского потопа. Представляется, что в контексте современных стихийных явлений (например, землетрясение в Японии в 2011 г.) понятие вселенского потопа приобретает вполне реальный, а не мифологический, как принято считать, смысл. Установлено, что 30–15 тыс. лет тому назад в Арктике было тепло, и народы, разбросанные по просторам Евразии и остального мира, не столь различались по языкам и культурам. Температурный режим полярной области напоминал погоду в современном Средиземноморье, и льды не сковывали Северный океан. В результате резкого похолодания, произошедшего не позднее XII тыс., гиперборейцы мигрировали с севера в направлении Индии, Египта, Шумера и, смешавшись с разными народами, положили начало многим современным культурам. Предполагается, что географически Гиперборей – родная сестра Атлантиды, что они – звенья одной цепи: обеих постигла одна и та же участь. Но если от второй пока не найдено никаких следов, то артефакты полярных областей Евразии могут претендовать на статус правомерных материальных источников Северной цивилизации. В частности, считается, что возраст каменных пирамид древних обсерваторий – не менее 10 тыс. лет и, соответственно, они старше египетских в два раза. Данные факты делают не столь гладкой сложившуюся систему представлений о началах и событиях мировой истории, где древнейшим цивилизациям Востока и Запада, особенно грекам и римлянам, отведена роль исполнителей культурной миссии, а России – только варварская функция. Представляется, что здесь уместнее говорить о неравномер-

³ См.: Демин В. Н. Русь летописная. С. 15.

ности движения народов в историческом времени, наступившей вследствие глобального природного катаклизма.

Тектонический сдвиг в истории Земли – актуальная проблема мировой науки. Один из ее активных разработчиков – выдающийся современный астрофизик и космолог, автор волновой теории А. Чечельницкий, который, изучая историю гибели Атлантиды, в определенном смысле развивает и версию Северной прародины человечества. Согласно позиции ученого, Атлантида также выступает одной из наследниц Арктики, что колыбель истории нужно искать на Дальнем Востоке, точнее, в районе Аляски, а нынешний Берингов пролив считать Геркулесовыми, или Мелькартовыми столбами, которые философ Платон принимал за Гибралтарский пролив. По мнению А. Чечельницкого, до космогенного шока, погубившего не только Атлантиду, полюс находился в Гудзоновом заливе, Аляска же была в зоне вечной весны. Природная катастрофа около 9500 г. до н. э. радикально изменила не только условия обитания человека, но и его ориентацию по странам света, исказив всю картину прошлого⁴. Современная наука пытается ее восстановить.

Так, сегодня предложена гипотеза о новом варианте Атлантиды, представляющей собой часть суши размером с территорию Англии, затонувшей 8000 лет назад и покоящейся на дне Персидского залива. А. Чечельницкий же, опираясь на палеолингвистические и космологические сведения, настаивает на своей версии и находит аргументы, чтобы на Дальний Восток перенести события, которые академическая наука традиционно, и не всегда без натяжек, приписывает Ближнему Востоку. В беседах с Л. Гумилевым об этногенезе, А. Чечельницкий обосновывал принципиальную невозможность изучения истории без учета действия глобальных катастроф. «Есть объективный закон – анализ информации сам ведет исследователя и независимо от авторских пристрастий получается, что Сибирь, особенно Дальний Восток есть континент Прародины», – утверждает ученый⁵.

Таким образом, вопрос истоков древней локальной истории решается в контексте проблемы праистории человечества и наоборот. Здесь мифологические сведения, устная история являются знаковыми нитями, связующими прошлое с настоящим, существенным образом раздвигающими границы знания и усиливающими научный поиск истины. Значит, современные исторические представления по данной проблеме без опоры на историческую память являются лишь частью объективного знания, которое открыто для критического анализа и последующего осмысления.

Развивая представление о гиперборейском истоке русской цивилизации, важно выяснить место и роль славян на пространствах Древнего мира и в контексте его истории. Сохранившиеся до наших дней «канонические» летописи, хроники и написанные на этой основе учебники излагают реальную историю славян с того времени, когда они появились в Карпатах и на Дунае. Однако, в контексте вышеизложенного, данный период славянской истории выступает всего лишь ее промежуточным звеном. Задолго до того, как славяне укоренились в этом районе Европы, а потом расширили ареал своего обитания, как на восток, так и на запад, они имели за плечами мно-

⁴ См.: Чечельницкий А. М. Вызов Платона: Atlantida Incognita. М., 2004; *Он же*. Тайна находится в центре Галактики. Дубна, 2006.

⁵ Рост Ю. Планетянин Чечельницкий // Новая газета. 29 января 2010 г.

готысячелетнюю историю, развивавшуюся параллельно истории первичных и вторичных очаговых цивилизаций древности. Основываясь на убедительной аргументации В. Н. Демина, можно утверждать, что среди множества версий славянского этногенеза (балкано-иллирийская, паннонская, скифская, сарматская, вандалская, гуннская, черноморская и др.) именно гиперборейская гипотеза помогает исследователям в определенном смысле достичь исторического дна. Это движение от истории некогда нерасчлененной индоевропейской этнолингвистической общности через крупные культурно-языковые объединения (например, кельто-германо-славянская группа) к одному из ее истоков – единому славянскому пранароду, говорившему на общем для всех славян языке. Согласно «Великопольской хронике», этот язык «берет начало от одного отца Славы, откуда и славяне»⁶. Знание этапных моментов славянского этногенеза позволяет: а) выявить причины асинхронного движения славян по оси исторического времени; б) критически взглянуть на древнейший период, сильно повлиявший на последующий ход российской и мировой истории; в) определить соотношение письменных, материальных и устных источников в изучении разных периодов истории. Приоритетность письменных и материальных свидетельств воссоздания адекватной картины прошлого очевидна. Между тем, еще академик Б. Греков не без оснований отмечал, что в легендах тоже могут быть зерна истинной правды⁷.

Если принять за основу гиперборейскую теорию, построенную, главным образом, на мифологических источниках, то получается, что славяне в числе других праэтносов – потомков ариев – после миграции из акватории Ледовитого океана расселялись и осваивали северо-западные земли территории современной России. Этот процесс, начавшийся 12 тыс. назад, длился весь неолитический период⁸, в котором и определились вехи славянской праистории. На основе устных источников – преданий, прежде всего, выявлено, что легендарным первопредком, под именем которого славянские пращуры были вписаны в анналы мировой истории задолго до собственного летописания, был Рус. Он вместе со своим братом Словеном, согласно полуапокрифическому «Мазуринскому летописцу» «обладая северными землями по всему Поморью»⁹ и правя задолго до Рюрика, положил начало и русской народности, и русской государственности на полярных и заполярных территориях. Там, на Севере, появились праотцы русского народа, возникли первые города Словенск (первая русская столица, на месте которой позже был построен Новгород Великий) и Руса (ныне – Старая Русса). В «Сказании о Словене и Русе», также основанном на устных преданиях, передаваемых на протяжении тысячелетий от одного хранителя знаний древности к другому, эти события датируются 3099 г. от Сотворения мира. В переводе на современное летоисчисление это означает 2409 г. до н. э. Примерно 1000 лет спустя праистория славянских племен просматривается как участников Троянской вой-

⁶ Цит. по: *Демин В. Н.* Русь летописная. С. 199.

⁷ См.: *Греков Б. Д.* Киевская Русь // Избранные труды. Т. 2. М., 1959.

⁸ Согласно современным представлениям историков и антропологов, неолит (около 10–5 тыс. лет назад) следует считать принадлежащим истории, а не предыстории (т. е. каменному веку), как утверждалось прежде.

⁹ *Демин В. Н.* Русь летописная. С. 20.

ны. Для Гомера славянские защитники Трои были энедами, впоследствии известными во всей Европе как венецы. Проторусские племена на протяжении долгого времени вселяли страх на Римскую и Византийскую империи, а во времена Великого переселения народов входили в состав наводнивших Европу варварских орд. В дорюрикову эпоху из ряда новгородских правителей – Вандала, Избора, Столпосвята и прочих – выделяется фигура Буриvoja, управлявшего обширной северной территорией, по древней традиции именуемой Биармией. Потерпев поражение в кровопролитной борьбе с варягами (русами), Буривож бежал, обосновавшись на Соловецких островах. Сын Буривож – Гостомысл – сумел наладить отношения с варягами, а одна из его дочерей, Умила, в браке с одним из них родила Рюрика – основателя русской династии.

Далее начинается летописная история Руси. В ее христианской интерпретации многое оказалось искаженным, вымаранным. По сути, Древняя Русь лишилась своей протоистории, которая, в свою очередь, утратила связь с Гиперборейской цивилизацией. Ведь Нестор в своей «Повести временных лет» о Словене и Русе умолчал, а Н. Карамзин, ссылаясь на летописца, укоротил русскую историю почти на три тысячи лет, начав ее с первого упоминания Руси в 852 г. в византийских хрониках¹⁰. Заказ христианской церкви ясен и не подлежит сомнению: языческий этап из русской истории и культуры отсекался как варварский. Киевские князья, в свою очередь, были заинтересованы в поддержке церковью не только притязаний власти на всеохватность, целостность и неделимость земли как родового владения Рюриковичей, а также их политического развода со своими северными предшественниками. Не случайно, Рюрик, варяг и рус, назывался «немцем», род которого возводился к римскому императору Августу.

Представляется, что именно по этой причине история Новгорода стоит несколько особняком от истории Киевской Руси, хотя, следуя исторической правде, именно этот город должен был стать центром Древней Руси. Своеобразной компенсацией за несправедливо утраченное право стала история независимости Новгорода, которую удалось-таки сломить только Ивану IV. Новгородская республика, с ее разделением властей просуществовавшая до XVI в., была примером не только институциональной модернизации, но и качественной экономики, показателем которой выступает факт отсутствия ношения новгородцами лаптей¹¹. Глубинные вечевые традиции, разделение власти и собственности, стимулировавшие через динамичное развитие экономики вовлеченность Новгорода в политико-экономическое взаимодействие с Европой, были той благоприятной почвой, на которой сформировалась идентичность этого города как неформального центра Древней Руси на протяжении 350 лет.

История Новгорода выступает в каком-то смысле продолжением и завершением гиперборейской цивилизации, нижняя хронологическая рамка которой теряется где-то на 3 млн. лет, а около 3 тыс. лет тому назад в ней началось образование протогосударственных структур, как, впрочем, и социальных форм, наподобие тех, что возникли в иных очаговых культурах

¹⁰ См.: Демин В. Н. Русь летописная. С. 82.

¹¹ См.: Несчастье // Новая газета. 18 февраля 2011 г.

древности. Это означает, что славянский мир этого периода не пребывал в бесписьменных «сумерках истории», якобы предопределивших его отставание. Напротив, он развивался и так же, как речные цивилизации, достиг технических высот в рамках аграрной стадии человечества. Однако Русь не смогла воспользоваться поистине блестящими достижениями, например, гиперборейских авиаторов, беспристрастную оценку которым одним из первых попытался дать Н. А. Рынин¹². Согласно точке зрения ученого, на первобытных летательных аппаратах многие из уцелевших жителей Гипербореи, а также Атлантиды, смогли перелететь в другие страны и обосноваться на иных континентах¹³.

Таким образом, глобальная природная катастрофа так повлияла на древнеславянскую историю и так глубоко изменила ее ход, что в итоге, как метко заметил Н. Бердяев, «русскую историю съела русская география». Это обстоятельство, многое объясняющее в прошлом, сохраняет свою действенность и сегодня. Факт геополитического изменения России, которая территориально, вследствие распада Советского Союза, предстает ныне фактически в масштабах XVII в., также нуждается в переосмыслении. Тогда колонизация Сибири определила промысловый характер русской цивилизации, обеспечивший ресурсный фундамент будущей империи. Современные геополитические ориентиры России в этом направлении свидетельствуют о том, что Дальний Восток – новая реальность, но выступает как недостаточно усвоенный урок собственной истории. Институциональная невосприимчивость к истокам русской истории, оторванность последней от своих корней – все это где-то на подсознательном уровне тормозит движение страны. Использование огромной территории без учета человеческого, а, значит, исторического фактора в широком смысле этого значения, включая должное обустройство жизни населения, как с точки зрения необходимости современной инфраструктуры, так и с позиции реализации повседневных потребностей людей, снова превращает регион и страну в сырьевой «колосс на глиняных ногах», у которого нет будущего. Всякие попытки сегодняшних политиков подогнать Россию под определенную модель развития всегда будут обречены на неудачу, если их проекты не учитывают реальное положение вещей, которое всегда обусловлено предшествующим ходом развития страны, т. е. историей. Эта история показывает, что Русь, на разных этапах ситуативно ориентируясь на западную или восточную модель, все же двигалась по пути создания собственной, точнее, северной цивилизации. Тезис, согласно которому Россия занимает срединное положение между Востоком и Западом, всего лишь географическое представление, которое тоже может изменяться во времени и в пространстве. Скорее, страна была и продолжает выступать промежуточным звеном между истоками человеческой цивилизации и всей последующей ее историей. Признание данного обстоятельства заставляет серьезно пе-

¹² Рынин Николай Алексеевич (1877–1942) – один из видных специалистов в области воздухоплавания, авиации и космонавтики, автор многотомника «Межпланетные сообщения: воспоминания о грядущем», написанного на основе всех доступных ученому в 1928–1932 гг. сведений по истории вопроса, включая древние и средневековые легенды, а также гипотезы писателей-фантастов.

¹³ См.: Демин В. Н. Русь летописная. С. 33.

реосмыслить не только прошлое Отечества, но и историю мира, начало которого, возможно, следует искать на севере Евразийского континента.

И. А. Краснова (Ставрополь)

ПАМЯТЬ РОДА В ПРОСТРАНСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПО СЕМЕЙНЫМ КНИГАМ ФЛОРЕНТИЙСКИХ ГРАЖДАН

На протяжении XX в. заметен интерес к семейным книгам итальянских горожан эпохи позднего средневековья как к информативным источникам, служащим для изучения экономических и политических отношений XIII–XVI вв., а также для понимания социальных основ феномена итальянского Возрождения. Особое значение они приобрели в историко-антропологических исследованиях, воспроизводящих реалии повседневности городского социума и реконструирующих менталитет его представителей, а также сферу семейно-брачных отношений и динамику демографических процессов¹⁴. О том, что интерес не угас и в начале XXI в., свидетельствует создание в 1202 г. особого научного центра – «Библиотеки информации о семейных архивах» (BILF), а также широта современных дискуссий о времени и ареале их распространения, жанровой принадлежности, мотивации составления¹⁵.

Как правило, в семейных книгах, адресованных бесконечной череде ближайших и отдаленных потомков, воспроизводилась история рода: часто в виде простой регистрации дат свадеб, рождений и смертей представителей фамилии, но в некоторых случаях она выливалась в сложное повествование, наполняясь, в зависимости от описываемых обстоятельств или лиц, эпическим или драматическим звучанием. В том случае, если этот вид меморий включал в себя элементы хроники или дневниковых записей, регистрирующих политические события, охватываемое им пространство расши-

¹⁴ См.: *Bec Ch.* Les marchands ecrivains. Affaires et humanisme à Florence (1375–1434). P., 1967; *Le Goff J.* Marchands et banquiers du Moyen Age. P., 1972; *Branca V.* Introduzione // *Mercanti scrittori: Ricordi nella Firenze tra Medioevo e Rinascimento* / a cura di V. Branca. Milano, 1986; *Trexler R.* Public Life in Renaissance Florence. N. Y., 1980; *Pandimiglio L.* Giovanni di Pagolo Morelli e la continuità familiar // *Studi medievali*. T. I. Spoleto, 1981; *Fabbi L.* Alleanza matrimoniale e patriziato nella Firenze del'400. Firenze, 1991. P. 137–160; *Klapisch-Zuber C.* La maison et le nom: strategies et rituals dans l'Italie de la Renaissance. P., 1996; *Chabot I.* Reconstruction d' une famille. Les Ciurianni et leurs ricordanze (1326–1429) // *La Toscane et les Toscans autour de la Renaissance. Cadre de vie société, croyances (Mélanges offerts à C.-M. de La Roncière)*. Aix-en-Provence, 1999; *Ciappelli G.* I libri di famiglia di Firenze. Stato delle ricerche e iniziative in corso // *Mordenti R.* I libri di famiglia in Italia. II. Geografia e storia. Roma, 2001. P. 131–139. В отечественной историографии см.: *Гуревич А. Я.* Средневековый купец // *Одиссей-1990. Личность и общество*. М., 1990. С. 97–131; *Краснова И. А.* Деловые люди Флоренции XIV–XV вв.: в 2 кн. Ставрополь, 1995; *Абрамсон М. Л.* Человек итальянского Возрождения. Частная жизнь и культура. М., 2005.

¹⁵ См. дискуссионные статьи: *Mordenti R.* Les livres de famille en Italie; *Cazalé Bérard C.*, *Klapisch-Zuber C.* Mémoire de soi et des autres dans les livres de famille italiens в тематической подборке: «Écritures et mémoire familiale» // *Annales. Histoire, Sciences, Sociales*. P., 2004. № 4.

рялось, выходя за пределы Флоренции, Тосканы, даже, в ряде случаев, Италии. Это хорошо видно в текстах хрестоматийной триады семейных книг «полного формата» Донато Веллутти, Джованни Морелли, Бонаккорсо Питти, известных отечественному читателю. Но даже в том большинстве случаев, когда семейная книга мало отличалась от хозяйственной тетради, в ней всегда была представлена идентификация рода в двух пространственных измерениях – за пределами городских стен, откуда могли проследиваться истоки фамилии, и внутри стен Флоренции.

В качестве наиболее показательного примера такого разграничения пространственной идентичности следует привести «Эпистолу» флорентийского нобилия, выходца из древнего и знатного рода, юриста, закончившего факультет канонического права в Болонском университете, видного политика, деятеля и партийного функционера Лапо ди Лапо да Кастильонкьо (1316–1381)¹⁶. «Эпистола» была написана предположительно в 70-е гг. XIV в. в виде нравственно-этического наставления старшему сыну Бернардо. Она включала своеобразный трактат о знатности, отмеченный элементами схоластики, в духе отвлеченно-философского сопоставления воззрений Данте Алигьери и Бартоло да Сассоферрато; генеалогию и историю рода да Квона, к которому принадлежала фамилия Кастильонкьо; а также компилятивную историю Флоренции с прямыми ссылками автора на «Хронику» Джованни Виллани, являющегося в представлениях современников архетипом историка. Достоверность сведений о роде да Квона, разделившемся в начале XIII в. на две враждующие ветви Кастильонкьо и Волоньяно, подтверждается не только «древними документами, хранящимися в сундуках» автора, но также данными хронистов и современными исследованиями¹⁷.

Лапо да Кастильонкьо стремился зафиксировать место истока рода в контадо Флоренции еще до переселения внутрь городских стен, в местечке Вальдисиеве (Нижнее Вальдарно) в 10 милях от Флоренции. Он позиционировал себя и своих предков как «синьоров да Квона», занимающих высокое положение и имеющих репутацию могущественных и самых знатных

¹⁶ См.: *Epistola composta per lo Nobile Uomo e Dottore Eccellentissimo messer Lapo da Castiglionchio cittadino fiorentino a messer Bernardo suo figlio canonico della Chiesa Cattedrale di Firenze*. Bologna, 1753.

¹⁷ Об этой фамилии имеются сведения в хрониках: *Виллани Дж.* Новая хроника или история Флоренции / пер., ст. и прим. М. А. Юсима. М., 1997. IV. 8. С. 83–84; V. 39. С. 131; XII. 23. С. 426; *Malispini R., Malispini G.* Storia fiorentina / a cura di F. Costèro. Milano, 1880. Cap. С. 99; Cap. СII. P.104. См. также специальные исследования: *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000–1211). Firenze, 2010. P. 138, 152; 159, 204; *Cortese M. E.* Castelli e città: incastellamento nelle aree periurbane nella Toscana (sec. X–XII) // *Castelli. Storia e archeologia del potere nella Toscana medievale*. Vol. I / a cura di R. Francovich e M. Ginatempo. Firenze, 2010. P. 205–237; *Cortese M. E.* Nella sfera dei Guidi: I 'da Quona' ed altri gruppi familiari aristocratici della bassa Val di Sieve tra XI e XII // *Sznura F.* Antica possessione con belli costumi. Due giornate di studio su Lapo da Castiglionchio il Vecchio (Firenze-Pontassieve, 2–4 ottobre 2003). Con la nuova edizione dell'Epistola al figlio Bernardo. Firenze, 2005; *Cortese M. E.* Una potenza in ascesa. Formazione, geografia e struttura dei domini guidinghi in territorio fiorentino (secoli X–XII) // *La lunga storia di una stirpe comitale. I conti Guidi tra Romagna e Toscana*. Atti del convegno di studi organizzato dai Comuni di Modigliana e Poppi / a cura di G. Cherubini, G. Pinto, P. Pirillo (Modigliana-Poppi, 28–31 agosto 2003). Firenze, 2009. P. 246–266.

людей той земли, которых «почитали и боялись по всей округе»¹⁸. Им подчинялись, по сведениям автора, 2000 зависимых и вассалов¹⁹, на которых они распространяли права синьориальной юрисдикции, поскольку имели в числе феодальных владений «много крепостей и сел, среди которых находились три хорошо укрепленных замка»²⁰. Кроме того, да Квона удерживали патронат, дающий право на регулярное получение ренты, над одним монастырем из Ордена Валломброзы в двух милях от Флоренции и несколькими приходскими церквами²¹. Оставшийся в Вальдисиеве от предков комплекс земельной собственности члены семьи Кастильонкьо стремились во что бы то ни стало сохранить и приумножить. Современная исследовательница Лаура де Анджелис, изучая имущественное положение потомков Лапо да Кастильонкьо по семейной книге, показала, что в последние десятилетия XIV в. их земельная собственность концентрировалась главным образом в традиционной для них зоне Нижнего Вальдарно, в виде компактно расположенных, крупных владений, сохраняющих преемственность с изначальной для фамилии территориальной идентичностью²². Таким образом, Лапо и его сын Бернардо через категории пространства, обозначенного как место истока рода, идентифицировали себя с древними нобилями, обладающими всеми атрибутами феодальных владетелей.

В данном случае речь шла о древнем и знатном роде, имевшем синьориальные права над частью сельской округи Флоренции, представители которого идентифицировали себя как нобилей и грандов. Можно ли обнаружить подобные формы пространственной идентичности в семейных книгах, составленных членами пополанских фамилий? Обращения к мемориям пополанов позволяют выявить тот же принцип конструирования семейной истории, в которой стремились увековечить память об укоренении рода в определенном пространстве контадо, часто связывая его с истоками фамилии. В начале своих «Ricordi» Донато Веллутти, следуя принятому алгоритму, обозначил пространство, откуда, как он считал, происходил его род: «Я нашел, согласно тому, что сказано было моим отцом и другими, более старшими, нежели я, но не по записям, о каковых говорили, что они ранее имелись, что наши предки сначала происходили из Симифонте ди Вальдельса, каковая была очень обширной землей, и там имелись роды и фамилии крупные и почтенные, и многие были кавалерами с золотыми шпорами. Каковая земля вела большую войну с городом Флоренцией; в конце концов, была она разрушена Флоренцией вплоть до основания»²³. Донато Веллутти не относил себя с полной уверенностью к нобильскому роду, но явно стремился облагородить место происхождения фамилии, не упоминая о

¹⁸ *Lapo da Castiglionchio*. Epistola. P. 31.

¹⁹ См.: *Ibid.* P. 32.

²⁰ *Ibid.* P. 32, 51.

²¹ См.: *Ibid.* P. 32-33.

²² См.: *De Angelis L.* La Repubblica di Firenze fra XIV e XV secolo. Istituzioni e lotte politiche nel nascente stato territoriale fiorentino. Firenze, 2009. P. 126.

²³ *Velluti D.* La cronica domestica scritta tra il 1367 e il 1370 / a cura di I. del Lungo, C. Volpi. Firenze, 1914. P. 4. Симифонте ди Вальдельса после упорного сопротивления было разрушено в 1202 г., когда коммуна распространила на это селение свою юрисдикцию. Видимо, это было хорошо укрепленное место, потому что многие флорентийцы стремились именно здесь обнаруживать корни своего рода.

других жителей Симифонте, кроме «могущественных и почтенных фамилий»²⁴. Этот флорентиец также концентрировал земельную собственность в указанном месте.

Авторы семейных книг незнатного происхождения часто не имели никаких документов, идентифицирующих место, откуда они происходили, кроме ненадежных свидетельств, которые передавались изустно от поколения к поколению. В иных случаях исходной точкой на территории контадо являлся небольшой подере, полученный в наследство от отца и деда. Во всех случаях имела место хозяйственная практика собирания комплекса земель в определенном месте²⁵, которая могла предшествовать пространственной идентификации рода. Например, члены пополанского рода Корсини, следуя семейной традиции, завещанной дедом, скупали земельные участки и виллы в Валь ди Пезе, в приходе Сан Пьетро, где их предки уже основали некое ядро семейных владений²⁶. Точно такая же картина предстает со страниц семейной книги братьев Бальдовинетти, активно формирующих компактный массив своих земель в Муджелло²⁷. Лапо ди Никколини деи Сиригатти непрерывно скупал участки в деревне Патерно, в приходе Санта Мария с 1384 по 1399 г., отмечая, что именно оттуда их род берет свое начало²⁸. Можно утверждать, что подобная ситуация характерна почти для всех семейных книг²⁹. Даже простой ремесленник, но зажиточный золотых дел мастер Одериго ди Креди вел сложные переговоры с соседом по обмену двух наполовину засеянных парцелл последнего на участок леса, принадлежащий ему самому, с условием, что Креди сохранит собственность на груши и сливы, растущие на его бывшей земле. Эти долгие хлопоты предпринимались ради того, чтобы сконцентрировать комплекс земель в одном месте, которое Креди считал истоком своего рода³⁰.

Разумеется, подобный вид хозяйственной деятельности был обоснован насущными экономическими интересами. Подере прежде всего являлись

²⁴ *Velluti D.* La cronica domestica. P. 5–9.

²⁵ См.: *Котельникова Л. А.* Феодализм и город в Италии в XIII–XV веках. М., 1987. С. 108–109.

²⁶ Джованни Корсини купил в 1360 г. в деревне Муччано 2 дома, 6 подере и 26 мелких парцелл, заплатив 3280 флоринов, причем $\frac{2}{3}$ суммы – цена домов и 6-и подере. Первоначально братья Корсини приобретали очень мелкие участки, активно аккумулируя в этом месте земельную собственность на протяжении 6-и лет. См.: *Corsini M.* Il libro di ricordanze dei Corsini (1362-1457) / a cura di A. Petrucci. Roma, 1965. P. 6–7, 8–9, 12–14, 16–25, 27–30, 34–35, 41–42, 45–46, 48–50, 52–56, 58–60, 69–70, 79–80. См. также вводную статью к указанному изданию: *Petrucci A.* I Corsini tra XIV e XV secolo. P. XIX.

²⁷ См.: *Baldovinetti F., Baldovinetti A.* Ricordanze / a cura di G. Corti // Archivio storico italiano. Firenze, 1854. Parte I. P. 116–119.

²⁸ См.: *Niccolini de' Sirigatti L.* Il libro degli affari proprii di casa de Lapo di Giovanni Niccolini de' Sirigatti / ed. Ch. Vec. Paris, 1969. P. 76, 82–83, 86–87, 91.

²⁹ Бернардо Макиавелли собирал земли в Перкуссине (см.: *Macchiavelli B.* Il libro di ricordi / a cura di C. Olschki. Firenze, 1954. P. 95–96), Грегорио Дати – приходе Санта Фьоре, в Эльсе по пизанской дороге (см.: *Dati G.* Il libro segreto / a cura di C. Gargioli. Bologna, 1869. P. 60–68; см. также: *Malanima P.* I Riccardi di Firenze. Una famiglia e un patrimonio nella Toscana dei Medici. Firenze, 1977. P. 8–9, 16–17, 22–24). Риккарди, потомки неизвестного портного, сконцентрировали 154 подере, обогащаясь от спекуляций недвижимостью и продажи продуктов питания, заняв в кадастре 1427 г. почетное 41-е место.

³⁰ См.: *Credi Oderigo d' Andrea.* Ricordanze dal 1405 al 1425 / a cura di F. L. Polidori // Archivio storico italiano. Firenze. 1843. T. IV. P. 93–94.

источником обеспечения семьи необходимым для жизни продовольствием, значительные запасы которого скапливались в каждом городском домохозяйстве на случай частых стихийных бедствий – недородов, разливов Арно и эпидемий, мгновенно влекущих за собой резкое повышение цен на повседневные продукты питания, и вызывающих острые продовольственные кризисы – настоящий бич итальянских городов-государств³¹. Земельные владения в округе, даже если не являлись объектом прибыльных крупных спекуляций недвижимостью³², приносили пусть небольшой, но стабильный доход: многие горожане торговали излишками зерна, вина, масла, льна, фруктов, а также продуктами животноводства – мясом и козьим или овечьим сыром³³. Недвижимость за городом постоянно фигурировала в качестве залога или гарантии при получении кредитов для активной торгово-банковской деятельности. На земельном имуществе основывался принцип ответственности в компаниях, оно являлось постоянным средством возмещения долгов³⁴.

Однако традицию собирания земель в определенном месте контадо, ассоциируемым с истоком фамилии, вряд ли возможно обусловить только материальными факторами. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что центром этого изначального родового пространства часто выступал фамильный замок. Согласно «Эпистоле» Лапо да Кастильонкьо в таком качестве после того, как старинная фамилия да Квона распалась на две ветви, выступал замок Кастильонкьо, купленный в 1204 г. за 40 тыс. пизанских лир. Текст договора о покупке автор тщательно хранил «в моем кассоне для древних карт» и перевел его на *volgare* «для постоянной памяти»³⁵. Ветвь, к которой принадлежали прямые предки Лапо, взяла фамилию от этого замка.

Считающаяся очень знатной, находящаяся в составе правящей элиты с 1378 по 1434 гг. фамилия Каstellани стремилась доказать свое происхождение от Альтафронте, древнего рода владетельных синьоров. Однако Джованни Чаппелли, современный исследователь семейных архивов этого дома, весьма обоснованно в этом сомневается, поскольку не найдено никаких письменных подтверждений. Фамилия Каstellани, в отличие от Строщи, не фигурировала ни в каких важных документах, относящихся к началу XIV в., что является доказательством ее незначительности в политической жизни города и противоречит факту происхождения от знатной патрицианской семьи. Более того, Чаппелли полагает, что само прозвание Каstellани появилось только после 1339 г. вследствие того, что некий Ванни ди сер Лотто дель Анчиза, активно скупавший дома в приходе Сан Пьеро Скераджо,

³¹ См.: *Pinto G.* La società del bisogno. Povertà e assistenza nella Toscana medievale. Firenze, 1989.

³² См.: *Malanima P.* I Riccardi di Firenze. P. 8–9, 16–17, 22–24; *Heers J.* Consorterie familiari alla fine del Medioevo // La crisi degli ordinamenti comunali dello stato del Rinascimento. Bologna, 1979. P. 302–303.

³³ См.: *Jones Ph.* Economia e società nell'Italia medievale. Torino, 1980. P. 371–372.

³⁴ См.: *Pinto G.* Ceti dominanti, proprietà fondiaria e gestione della terra a Firenze nel Trecento // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 43–45; *Cassandro M.* Per una tipologia della struttura familiare nelle aziende toscane, dei secoli XIV–XV // I ceti dirigenti nella Toscana. P. 31–32.

³⁵ *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 35.

купил среди прочих замок Кастелло д'Альтафронте³⁶, образовав от его названия фамильное имя и конструируя от этой исходной точки происхождение рода. Можно предположить, что замок в сельской местности, согласно ментальным установкам горожан, являлся не только центром их более или менее компактного земельного комплекса, но и олицетворением определенного господства над округой, даже если оно не сопровождалось никакими официальными правами юрисдикции и политико-административными функциями, сводясь только к патрональным отношениям.

Если по той или иной причине не было возможности обзавестись замком, стремились приобрести в собственность хотя бы «господский дом» или «патрональную виллу». Когда братьям Корсини удалось купить «дом синьора с двором и лоджией», то эмоции пробились даже сквозь однотипные и монотонные записи, регистрирующие акты купли-продажи и хозяйственные сделки. Маттео Корсини был столь глубоко удовлетворен «возвращением на землю», что братья решили не сдавать это помещение в аренду, но полностью оставить в распоряжении семьи, жертвуя экономической выгодностью нового объекта владения ради социального престижа и возможности ощущать себя в какой-то мере синьорами, господствующими над округой³⁷. То же самое явление можно наблюдать в семействе Бальдовинетти, а также в семейных книгах других горожан³⁸. Замок или господский дом явно символизировали стремление в той или иной негласной форме доминировать над населением определенного сегмента сельской округи, откуда рекрутировали арендаторов, слуг, своего рода «вассалов», которых можно было вооружить и привести в город в качестве телохранителей или для охраны дома в случае весьма часто случающихся гражданских неурядиц. Загородное поместье являлось показателем стабильности социального положения, символом возвышения в системе городской иерархии, непременным атрибутом быта состоятельных флорентийцев, местом отдохновения от го-

³⁶ См.: *Ciappelli G.* Una famiglia e le sue ricordanze. I Castellani di Firenze nel Tre-Quattrocento. Firenze, 1995. P. 21–22. Действительно, древний род гвельфской знати Альтафронте существовал во Флоренции. Джузеппе Альтафронте упоминался среди важнейших советников коммуны уже 1197 г., а его сыновья играли значительную роль во время primo popolo, в 1254–1255 гг., но никоим образом нельзя доказать, что упомянутый Ванни ди сер Лотто, который, скорее всего, по мнению Чаппелли, происходил из незнатного рода дель Анчиза, был их потомком. О членах рода Кастеллани см.: *Diario dello Squittinatore // Corazzini G. O.* I Ciompi. Cronache e documenti. Firenze, 1887. P. 81. Автор указывал на выдающуюся роль Ванни ди Микеле ди Ванни Кастеллани (внук Ванни ди Лотто) в войне за взятие Ареццо в 1384 г. Ванни Кастеллани был назначен коммуной капитаном войны и сумел удержать крепости в контадо Ареццо. См. также: *Diario di anonimo fiorentino // Alle bocche della piazza: Diario di anonimo fiorentino (1382-1401).* Firenze, 1986. P. 19–20, 28, 35–36, 50, 54–55, 57–58, 61–62, 71–72, 76–77, 160, 175–176. Этот аноним первыми в списке среди достойнейших кавалеров, которых еще раз произвели в рыцари в январе 1382 г., когда у власти оказались сторонники изгнанных архигвельфов, указал Микеле ди Ванни ди сер Лотто и его сына Ванни ди мессер Микеле, упомянутого будущего капитана войны, которого дважды избирали на высший пост – гонфалоньера справедливости – в 1366 и 1372 гг. Юноши рода Кастеллани постоянно возглавляли отряды флорентийской молодежи в джострах.

³⁷ См.: *Corsini M.* Il libro di ricordanze. P. 27–30, 34–35, 41–42, 45–46, 48–50, 52–56, 58–60, 79–80; *Petrucchi A.* I Corsini. P. XIX.

³⁸ См. сноску 29.

родских дел и забот, наконец, пристанищем, куда можно было вывезти семью, спасаясь от очередной эпидемии. В семейных книгах часто даются идиллические описания селений в контадо, откуда род вел свое начало³⁹. «Наше место» в контадо играло важную роль в конструировании истории рода, связываясь с корнем или истоком семейной истории «еще до переселения во Флоренцию».

Важнейшим маркером идентичности рода являлось добровольное или насильственное переселение предков внутрь городских стен. Для всех семейных книг свойственна тенденция к присвоению части городского пространства, которое утверждалось за их фамилией. Лапо да Кастильонкьо с гордостью отмечал, что его предки уже очень долгое время обитали в городе Флоренции, и это случилось во времена, когда строились вторые стены города⁴⁰. Он останавливался на важном для определения идентичности рода в городском пространстве эпизоде с переименованием Бычьих ворот: «“Бычьи ворота” затем стали называться “Ворота Мессера Руджери да Квона”, потому что указанные да Квона, каковые сегодня зовутся Кастильонкьо, когда пришли обитать в город, то поместились у этих ворот». Юридически организованный ум Лапо подбирал множество доказательств этого утверждения в городском пространстве: ссылки на хронику Джованни Виллани, воспоминания одного из своих предков, Трибальдо да Кастильонкьо, «жившего долгое время и отличавшегося великой памятью и великим красноречием», который говорил о том, что предкам да Квона «были предоставлены от Коммуны Флоренции по их деяниям признание и привилегии. И эти ворота носили имя Мессера Руджери да Квона вплоть до того времени, как были разрушены и стал строиться третий круг стен». Но название, утверждающее род да Квона в городском пространстве все же сохранилось: «Так стал называться район города или улица (*contrada*), то есть именем Мессера Руджери да Квона; и в мои дни, когда объявляли о смерти одного умершего гражданина из этого района, то говорил глашатай, что та-

³⁹ См.: *Morelli G. Ricordi / a cura di V. Branca. Firenze, 1956. 35a–35b. P. 99–103.* Он писал: «В долине Муджелло лучшие и самые урожайные земли в нашем контадо, откуда можно снимать по 2–3 изобильных урожая в год. Все вещи, на которые есть спрос, превосходно здесь производятся. Здесь изобилие зерна, хлеба, плодов, масла, вина. Здесь большое количество лесных пород и каштанов, а скота столько, что можно обеспечить мясом 1/3 Флоренции. И все самое лучшее – в нашем Муджелло». Нотариус сер Лапо Маццей был склонен впадать в тон восторженной экзальтации, описывая свой маленький подер в сельской местности: «Я шел босиком в сверкающем радостном воздухе под звон цепов... мне хотелось танцевать и прыгать как косуле на горы крупных зерен, которые, казалось, ждут пустых амбаров». Это письмо цитируется по сборнику писем: *Dall' archivio di Francesco Datini / a cura di G. Livì. Firenze, 1910. P. 37–38.*

⁴⁰ См.: *Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 46–47, 73.* В этом случае автор письма ссылался на «Хронику» Джованни Виллани: «...согласно тому, что пишет мудрый человек старинного рода Джованни Виллани, гражданин Флоренции, правдивейший историограф, в пятой книге своей Хроники, в главе LXXXIII, в год от Христа MLXXVIII (1078), и в той самой главе, где он описывает и показывает порядок тех вторых стен». Действительно, Лапо да Кастильонкьо довольно точно пересказал текст хрониста (см.: *Виллани Дж. Новая хроника. IV. 8. С. 83–84: «В 1078 г.... флорентийцы приступили к строительству новых стен, начав с восточной стороны от ворот Сан Пьеро Маджоре, находившихся позади этой церкви»).*

ковой умер у ворот Мессера Руджери да Квона»⁴¹. Кроме того, автор «Эпистолы» для убедительности упоминал «карту Антонио да Барберино, где он разместил собственно почти весь город Флоренцию», «древний статут Коммуны Флоренции, помещающийся в третьей книге Капитана народа», наконец, воспоминания «одной старой женщины», горничной в доме его деда⁴² и отца, поведавшей ему о том, что у его предков была почетная регалия хранения ключей от этих ворот, которые она собственноручно приносила каждый вечер главе дома, чтобы он запирали ворота⁴³. Этому флорентийцу, как и многим другим, свойственна практика концентрации недвижимости именно в этом месте: «Сегодня все это место в моей собственности; потому что я скупил все доли у других консортов, чтобы лучше сохранять их и приумножать»⁴⁴.

Исследователи подтверждают данные «Эпистолы», указывая, что в городе дома да Квона располагались с начала XIII в., когда они урбанизировались, на улице перед мостом Рубаконте, рядом с воротами, прозванными в честь мессера Руджери да Квона»⁴⁵.

Такой же код прослеживается в «Домашней хронике Донато Веллутти, который ссылался на самый древний из находящихся в его распоряжении документов, доказывающий пребывание фамилии в городе (1244 г.)⁴⁶. Его предки поселились в районе Ольтарно, непрестижном и малонаселенным в начале XIII в., и в той его части, где почти не было строений, а «находились одни огороды». Это пространство носило знаменательное название «Казеллино» («домишка», «лачужка») ⁴⁷. Как и для Лапо да Кастильонкьо, для Веллутти очень важна локальная идентичность рода внутри городских стен, присвоение предками городского пространства. С гордостью и удовлетворением он констатировал, что как только «приумножились их персоны и имущество»... Бонаккорсо Веллутти, прадед автора хроники, с племянниками захотели обитать в лучших условиях и купили землю, где сегодня их Палаццо на Виа Маджо, ...а также и мои дома...»⁴⁸. Но и тогда «раздавались насмешки над нашими предками: «Посмотрите, где обитают эти Веллутти, и устраивают там домище!», потому что тогда «их красивое палаццо» находилось «вне стен, почти, можно сказать, на вилле»⁴⁹. Построив это палаццо и дома за ним, Веллутти обзавелись там новым фондако и начали заниматься торговлей с Францией и Англией. Экономический успех фамилии пришелся на этап процветания города и быстрого заселения Ольтарно, что вызвало потребности у представителей рода Веллутти основательнее утвердиться в городском пространстве: «И поскольку казалось вещь достойной порицания, чтобы письма, которые приходили извне, подписывались “Бонаккорсо Веллутти и компаньонам в Казеллину”, была проложена широкая,

⁴¹ *Lapo da Castiglionchio*. Epistola. P. 46–47, 73.

⁴² См.: *Ibid.* P. 47–48.

⁴³ См.: *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000-1211). Firenze, 2010. P. 138, 152, 159.

⁴⁴ *Lapo da Castiglionchio*. Epistola. P. 47–48.

⁴⁵ См.: *De Angelis L.* La Repubblica di Firenze. P. 126.

⁴⁶ См.: *Velluti D.* La cronica domestica P. 5.

⁴⁷ *Ibid.* P. 6.

⁴⁸ *Ibid.* P. 7.

⁴⁹ *Ibid.* P. 8

просторная и длинная улица Виа Маджоре, и построены были множество домов, и велел вышеуказанный Бонаккорсо подписывать письма, которые присылали их факторы, “Бонаккорсо Веллутти и компаньоны на Виа Маджоре”. И таким образом улица была окрещена, и этим именем называлась долгое время, но затем так получилось, что... сократилось название, и она стала зваться вместо «Виа Маджоре» – «Виа Маджа»⁵⁰. В этом случае заметно стремление автора показать участие его рода в преобразовании части городского пространства, которое играло важную роль в формировании престижа, репутации и чести рода, как видно из текста Донато Веллутти.

Подобный же процесс отражали в семейных книгах братья Корсини и Бальдовинетти. Утверждаясь в городском пространстве, Корсини интенсивно аккумулировали недвижимость внутри городских стен, на той же улице Виа Маджа в Ольтарно, откуда, по их мнению, начинались истоки их урбанизации. Между 1362 и 1366 гг. Джованни Корсини купил дом на Виа Маджа для совместного проживания с братом за крупную сумму в 1150 флоринов, затем еще одно палаццо близ Сан Спирито, на которых они поместили фамильные гербы. После восстановления своего членства в цехе Лана братья оформили покупку большой боттеги на той же улице Виа Маджа⁵¹. Бальдовинетти обзаводились собственностью на улице, идущей от «Ворот Святой Марии» в приходе «Санти Апостоли», где основатель семейного благосостояния Пачино приобрел много боттег и «домишко» (*casentino*) весьма непрезентабельного вида. Его потомки Франческо и Алессио Бальдовинетти платили мелкие суммы за множество небольших домиков в «Санти Апостоли», а в 1332 г. сделали более крупное приобретение – «дом со львом», который стоил 145 флоринов⁵².

В семейных книгах флорентийских граждан фиксировались те символические знаки, которыми маркировался процесс присвоения городского пространства. Для XIII в. были характерны упоминания о приобретении в собственность укрепленных башен, которыми стремились обзавестись не только нобильские, но и пополанские консортерии⁵³. Что касается семьи да Квона, то хронист Рикордано Малиспини, описывая установление «первого народного правления (1250 г.), сообщал о том, как народ сокрушал башни знати, укорачивая их до 50 локтей в длину: «Указанные башни почти все принадлежали нобилям Флоренции... В Сан Ромео башни имели... да Квона... Все означенные имели башни высотой в 120 локтей»⁵⁴. Донато Веллутти на основании самого раннего документа, находящегося в его распоряжении, заявлял о том, что у его консортов имелась крепостная башня на улице Сторона четырех Павлинов⁵⁵. В 1332 г. братья Бальдовинетти купили за до-

⁵⁰ *Velluti D.* La cronica domestica. P. 9.

⁵¹ См.: *Corsini M.* Il libro. P. 7–8, 36–37; *Petrucchi A.* Corsini tra XIV-e e XV-e secoli. P. XIII–XVIII.

⁵² См.: *Baldovinetti F., Baldovinetti A.* Ricordanze. P. 116–119.

⁵³ См.: *Malispini R.* Cronica. Cap. CXXXVII. C. 132–133.

⁵⁴ *Ibid.*

⁵⁵ См.: *Velluti D.* La cronica domestica. P. 6. Согласно свидетельствам топонимики городского пространства Флоренции, улица с таким названием действительно существовала, поскольку долго сохранялся топоним «Угол четырех Павлинов», позднее переименованный в «Угол четырех львов». Сохранялись также названия двух маленьких улочек – Веллутти и Веллутини, отходящих от Виа Маджоре (см. *Ibid.* Nota 3).

вольно значительную сумму треть башни в «своем» приходе Санти Апостоли⁵⁶. До 1250 г. обзаведение укрепленной башней являлось необходимым в силу обострения противоречий внутри городского социума: к постоянному противостоянию отдельных кланов добавились усилившиеся социальные противоречия между грандами и пополанами, а также партийные распри между гвельфами и гибеллинами. Башни, в которых располагались вооруженные отряды фамилий, служили опорой во время часто случающихся вооруженных столкновений на улицах города, являясь в то же время и предпосылкой возрастания социальной напряженности. Но «эпоха башен» стала клониться к упадку после 1250 г., когда с принятием установлений «Primo popolo», означавших первый этап преобладания пополанства над знатью, все башни приказано было снести до максимально допустимой высоты в 50 локтей. «Установления справедливости» 1293 г., знаменовавшие окончательную победу пополанства, предоставляли коммунальным властям право до основания разрушить башни, укрепленные палаццо или любые резиденции, если их владельцы попирали законы или совершали насилия над пополанами.

В XIV в. семьи утверждались в городском пространстве, обзаводясь домами или палаццо, а также увековечивали память о фамилии в сакральных местах, затрачивая немалые средства на строительство и украшение церквей и капелл, часто становящихся усыпальницами для членов рода. Идентичность семьи выражалась помещением фамильных гербов на стенах этих сакральных сооружений. Лапо да Кастильонкьо упоминал о том, что герб фамилии был помещен над аркой ворот церкви братьев-миноритов во Флоренции, основанной в начале XIV в. Этот «щит с нашим гербом был замурован в стене» и «оставался там вплоть до моих дней, пока старое строение не было разрушено, и воздвигнуто новое, которое сегодня еще пребывает в совершенстве»⁵⁷. Когда было возведено новое здание церкви, Лапо добился, чтобы «по моей просьбе был вновь восстановлен за мой счет щит из мрамора с нашим гербом в указанной церкви с внутренней стороны стены, как раз в том месте, где стояли древние ворота; каковой герб и теперь находится там; и если Господь мне позволит, я думаю соорудить капеллу, чтобы там находилась моя гробница, когда Господь приберет мою душу...»⁵⁸. Донато Веллутти упоминал многих родственников, вкладывавших немалые средства в крупномасштабные богоугодные дела, например, строительство одной из капелл в Санта Кроче, на которую одной из родственниц была завещана большая сумма: капелла «была украшена со всех сторон нашими гербами и нашими изображениями»⁵⁹. В богатом семействе Никколини одна из сестер Лапо де Никколини завещала имущество капелле св. Николая и «приказала выгравировать там гербы нашего дома»⁶⁰. В гонфалоне «Красный Лев» (Leone Rosso) издавна концентрировалась жизнь богатой пополанской се-

⁵⁶ См.: *Baldovinetti F., Baldovinetti A. Ricordanze*. P. 116–119.

⁵⁷ В этом случае автор также ссылаясь на «Хронику» Джованни Виллани: «...как рассказывал Джованни Виллани в своей хронике...» (*Lapo da Castiglionchio. Epistola*. P. 58).

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ *Niccolini de'Sirigatti L. Il libro degli affair proprii di casa de Lapo Niccilini*. P., 1969. P. 90.

⁶⁰ *Velluti D. La cronica domestica*. P. 102, 105.

мьи Ручеллаи и находились 23 их домохозяйства. Там по проекту Л. Б. Альберти, друга Джованни Ручеллаи, завершилось в 1451 г. строительство палаццо Ручеллаи со знаменитой лоджией из камня в стиле коринфского ордера. В приходской церкви Сан Панкратио, являвшейся объектом благотворительности этой фамилии, Джованни Ручеллаи в 1467 г. построил фамильную капеллу, в которой ежегодно приказал проводить поминальный обряд, включающий мессу, пожертвования на алтарь и угощение прихожан⁶¹. У Джироламо Савонаролы были все основания упрекнуть флорентийцев в том, что «церкви строятся и украшаются только для того, чтобы иметь на стене свой герб»⁶².

Таким образом, перед нами налицо тенденция к увековечиванию памяти об укоренении рода в двух пространственных сферах, не только жизненно необходимых, но наполненных многосмысловым значением. Определенная часть сельского пространства контадо связывалась в семейных книгах с изначальными истоками фамилии, даже в тех частых случаях, когда это невозможно было ничем доказать, или когда хозяйственная практика собирания земель в определенном месте предшествовала составлению меморий и просто служила исходным пунктом для обозначения начала родословной. Закрепленное за фамилией пространство за пределами города позволяло обосновать древность рода и являлось благодатной почвой для облагораживания его истоков. Описание этой «родины», ассоциирующейся с отдохновением от напряженной городской жизни, выздоровлением от болезней и укреплением сил, возможностью спасения от чумной заразы, часто представляло идиллические картины, весьма далекие от реальности.

Не меньшей ценностью, чем древность их рода, для граждан Флоренции являлась давность их обитания внутри городских стен, тот факт, что они были «старыми гражданами» Флоренции. Они стремились сохранить память обо всех следах пребывания их фамилии в городском пространстве, видя в них почетные символы «старого» городского рода. Те места в городе, где издавна обитало их семейство, должны были символизировать высокий социальный статус и достойное место добропорядочного дома в коммунальном обществе, поэтому граждане заботились о строительстве или покупке основательных палаццо, фигурирующих в качестве главных резиденций фамилии. Городское пространство, где укоренялся род, должно было служить символом респектабельности, выражающейся в благочестии и правоте членов данной семьи. К тому же в этом месте концентрировалась та религиозная жизнь фамилии, которая протекала на виду у всего города, была связана с публичными обрядами, требующими посещения приходских церквей, торжественными актами крестин и бракосочетаний, смертей и по-

⁶¹ См.: *Rucellai G. Il Zibaldone // Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone / a cura di A. Perosa. L., 1960. P. 24–25.* Первый составитель истории рода Ручеллаи Л. Пассерини утверждал, что для этого он приказал за свой счет оснастить судно в Иерусалим для изучения плана и пропорций капеллы Гроба Господня, послужившей образцом для сооружения капеллы в честь Девы, воспринявшей благую весть (капелла Аннунциата), которую затем с внешней стороны отделали мрамором по рисунку Леон Баттиста Альберти (*Passerini L. Genealogia e storia della famiglia Rucellai. Firenze, 1861. P. 21*).

⁶² *Fanfani A. Le origini dello spirito capitalistico // Catalano F. Stato e società nei secoli. Pagine di critica storica. Messina-Firenze, 1968. Vol. I. P. 639–640.*

гребений. Важнейшими маркерами набожности и правоверия членов семьи становились фамильные знаки на стенах сакральных объектов, в строительство или украшение которых вкладывались значительные средства.

Л. Н. Чернова (Саратов)

«ИСТОРИЧЕСКАЯ» ПАМЯТЬ В КУПЕЧЕСКОЙ СРЕДЕ АНГЛИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Признано, что самым важным для исследования индивидуальной памяти типом персональных текстов являются автобиографии⁶³. Однако не меньшую ценность представляют жизнеописания, составленные современниками главных героев таких сочинений. Подобно «автобиографической памяти», память, зафиксированная жизнеописаниями, отображает (устанавливает, фиксирует, переживает) наиболее важные и яркие события индивидуальной биографии (биографий), представления об интересующем персонаже (персонажах) и таким образом «собирает» уникальную человеческую личность (личности)⁶⁴.

В центре нашего внимания – «Жизнеописание Джона Ишема»⁶⁵, составленное в начале XVII века. По сути, это семейная книга, написанная в своеобразной форме жизнеописания. Неизбежно встает вопрос об авторстве произведения и аудитории, которой оно было адресовано. Публикатор данного источника Дж. Рэмси полагает, что «Жизнеописание Джона Ишема» было составлено либо непосредственно его старшим сыном Томасом, либо по распоряжению последнего⁶⁶. Но в любом случае именно Томас стал инициатором создания семейной хроники, что можно расценить как проявление особой сыновней привязанности и благодарности с его стороны. С рождения Томас был слепым, и Джон Ишем «...оставил много наставлений как устных, так и письменных, чтобы быть ему вместо глаз, чтобы провести его через все будущие опасности и обеспечить всем необходимым...»⁶⁷.

Предназначалось «Жизнеописание» в первую очередь младшим членам семьи, потомкам, о чем сообщает сам автор: «...наши [Ишемов – Л. Ч.] потомки должны знать свои истоки...»⁶⁸.

Необходимость появления такого сочинения, видимо, обусловлена тем, что 30 мая 1627 г. сын Джона Ишема, тоже Джон Ишем (1582–1651 гг.), был

⁶³ См.: *Репина Л. П.* Память и историописание // *История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени* / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 29.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *The Life of John Isham (Appendix II)* // *Isham, John.* John Isham, Mercer and Merchant Adventurer: Two Account Books of a London merchant in the reign of Elizabeth I / ed. by G. D. Ramsey. Gateshead, 1962. P. 167–174.

⁶⁶ *Ibid.* P. 167.

⁶⁷ *Ibid.* P. 172.

⁶⁸ *Ibid.* P. 169.

возведен в баронеты, получив титул первого баронета Лэмпота⁶⁹. В сложившейся ситуации важно было показать историю семьи, сконцентрировав внимание на отце баронета, воздав ему должное как родоначальнику теперь уже титулованной фамилии из Лэмпота.

Фактически мы имеем дело с так называемыми «воспоминаниями», игравшими важную роль в социальной ориентации, самоидентификации и поведении индивида, в формировании и поддержании коллективной (в данном случае – семейной) идентичности и трансляции этических, социокультурных ценностей⁷⁰. Для семейных общностей прошлое выступало едва ли не ключевым элементом групповой идентификации. Семейная история выполняла функцию накопления и передачи информации, знаний и опыта от поколения к поколению⁷¹. Особое значение семейное прошлое приобрело в Европе периода позднего Средневековья и Раннего Нового времени, когда сословность превратилась в доминирующую характеристику социального устройства. При этом внутрисословная семейная стратификация была характерна не только для дворянства, но и для всех слоев средневекового общества. Семейное прошлое каждого человека едва ли не полностью определяло всю его жизнь уже при рождении – род занятий, достаток, брачный круг и т. д.⁷².

Задача, которую ставит автор «Жизнеописания», двуединая: «моей основной задачей является рассказ о Джоне Ишеме, родоначальнике нашего рода в Лэмпоте»⁷³; «...моя задача рассказать историю [семьи – Л. Ч.] как можно полнее»⁷⁴. С какой целью? Автор определяет ее следующим образом: «...не потому, что ищу славы (Господь свидетель), а потому, что наши потомки должны знать свои истоки. Должны знать, как, с Божьего благословения... они достигли всего...»⁷⁵. Таким образом, автор «Жизнеописания», как и в случае автобиографии⁷⁶, пишет семейную и индивидуальную историю ретроспективно, из настоящего времени, мысленно отвечая на вопрос «как он, Джон Ишем-старший, стал таким, каким он был», поскольку его лучшие качества и достижения наследует сын-баронет.

Автор счел необходимым в начале своего повествования сразу же сообщить о месте и времени рождения Джона Ишема: Рингстед в графстве Нортхемптон, август 1525 года⁷⁷. А далее, прежде чем рассказывать о Джоне и давать его жизнеописание, автор приводит сведения о семье, из которой тот происходил. Начинается повествование с родителей Джона: «его родителями были Осби Ишем (эсквайр), сын и наследник Томаса Ишема из се-

⁶⁹ Последний известный на сегодняшний день 14-й баронет Лэмпота, сэр Норман Ишем, родился в 1930 г.

⁷⁰ См.: *Репина Л. П.* Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. С. 10. См. также: *Она же.* Память и историописание. С. 23–24.

⁷¹ См.: *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Обыденные представления о прошлом: теоретические подходы // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. С. 72.

⁷² См.: Там же. С. 72–73.

⁷³ *The Life of John Isham (Appendix II)*. P. 169.

⁷⁴ *Ibid.* P. 167.

⁷⁵ *Ibid.* P. 169.

⁷⁶ См.: *Репина Л. П.* Память и историописание. С. 30.

⁷⁷ *The Life of John Isham (Appendix II)*. P. 167.

мы в Питчли, и Энн, дочь Джайлза Паултона, эсквайра, из семьи из Десборо»⁷⁸. Автор «Жизнеописания» отмечает, что это была «благословенная пара», вскоре после женитьбы «вышедшая в люди» и основавшая «благополучную семью, которая была обязательна для людей их уровня»⁷⁹.

Почему же эта пара «благословенная», и в чем благополучие этой семьи? Во-первых, сообщается, что они «были женаты 21 год, и произвели на свет 20 детей, большая часть которых выжили и проживали с ними»⁸⁰. Во-вторых, не имея поддержки извне, Осби и Энн «рачительно распорядились теми благами, которые у них были»⁸¹. Автор даже приводит слова соответствующей старинной поговорки: «Они кроили свою одежду, исходя из того материала, который у них был»⁸². А на момент заключения брака у Осби была ферма в Рингстеде, сданная в аренду лордом Джоном Мордаунтом, и 10 фунтов годового дохода от имения в Натсоне, который ему выдавал отец – Томас Ишем. Далее автор продолжает: «...с Божьего благословения они работали с таким удивительным усердием, что смогли передать своим наследникам средства, которые их весьма порадовали, следовательно, они смогли существенно увеличить свое благосостояние, которое, как я надеюсь, благословил Господь»⁸³. Осби и Энн сумели так обеспечить своих многочисленных детей, «что даже самый слабый из них не знал никакой нужды до своей смерти...»⁸⁴. И, наконец, немаловажно, что Осби Ишем воспитывал детей, «обучая их наукам и другим ремеслам и искусствам»⁸⁵. Таким образом, со слов повествователя, родители Джона Ишема отличались удивительным трудолюбием, разумным подходом к ведению хозяйства, а также воспитанию и обучению детей, что позволило им заложить прочный фундамент семейного благополучия; это были люди, «сами сделавшие себя».

Далее автор «Жизнеописания» переходит к рассказу о пятерых сестрах Джона Ишема, которые «прожили достаточно долго, чтобы вступить в брак»⁸⁶. Именно с точки зрения матримониальных отношений они и интересуют повествователя. Сообщив сведения о том, кто из дочерей Осби и Энн за кого вышел замуж – за джентльмена и юриста, эсквайра, йомена или купца, он завершает свой краткий рассказ о них весьма примечательной фразой, в принципе характеризующей отношение тогдашнего социума к женщинам: «И хватит про них»⁸⁷. В аналогичной манере приводятся сведения и о дочерях сыновей Осби и Энн Ишем: «Вот и все, что о них известно»⁸⁸.

Значительно больший интерес автор проявляет к мужским наследникам Осби Ишема: Джайлзу, Роберту, Грегори, Генри и, конечно, Джону. На их примерах, по сути, выстраиваются семейные традиции, достойным на-

⁷⁸ The Life of John Isham (Appendix II). P. 167.

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Ibid. P. 168.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Ibid.

следником и продолжателем которых, в конечном счете, выступает Джон Ишем.

Мы узнаем, что старший из сыновей, Джайлз, следуя традиционным установкам мелких джентри, был отдан в обучение в школу, а потом отправлен отцом в Лондон «изучать закон», где «он увеличил свое состояние», затем «переехал жить в Пичли, где стал мировым судьей, и где его очень ценили»⁸⁹. Профессионализм законника-юриста, материальная состоятельность, уважение в обществе – вот доминанты, определявшие жизнь старшего брата.

Роберт Ишем «хорошо учился в школе и достиг таких успехов в науках, что отец отправил его в Кембридж, где он обучался в знаменитом колледже Христа»⁹⁰. Здесь Роберт изучал богословие и «так преуспел в сем искусстве, что при поддержке друзей был призван и выбран одним из духовников королевы Марии, которая охотно приняла его в этом качестве и оказывала ему большое доверие в течение всей своей жизни»⁹¹. Автор повествования счел необходимым отметить, что «сей муж» известен многими добрыми поступками», «многими благородными вещами», среди которых называет «тот факт, что он был попечителем колледжа Христа, где обучался в юности»⁹². И, что важно – «были люди, которые оценили его доброту»⁹³. Следовательно, Роберт сделал успешную церковную карьеру и добился общественного признания.

Грегори, третий сын, как и другие, был отдан в школу и по прошествии времени отправлен в Лондон, где поступил в ученичество в одну из наиболее богатых и престижных купеческих компаний – компанию торговцев предметами роскоши (мерсеров). Он, как его родители и старшие братья, усердно трудился: занимался торговлей, которая за короткое время обогатила его. Показателем богатства Грегори Ишема повествователь считает, во-первых, скупку им земли в Бренсоне, Фартингстоне, Крике, Критоне, Олде и Натсоне, приносившей ежегодно по 400 фунтов дохода; во-вторых, внушительное денежное наследство – по 900 фунтов каждому, оставленное сыну и двум дочерям, и содержание, назначенное пережившей его жене⁹⁴.

Младший из братьев, Генри Ишем, «провел детство за книгами и по достижении возраста был отправлен в Лондон, к Грегори Ишему в ученичество»⁹⁵. И этот сын Осби Ишема преуспел в жизни. Показателем этого, как и в случае с братом, стало внушительное наследство, оставленное семерым детям: Грегори Ишему, старшему сыну, он завещал сотню фунтов в год от поместья Донсерхилл в 12 милях от Лондона, а остальным детям – «личные суммы»⁹⁶.

Завершается эта часть «Жизнеописания» «выводами» автора, на основании которых можно судить о том, что же для него было наиболее важ-

⁸⁹ The Life of John Isham (Appendix II). P. 168.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Ibid.

⁹² Ibid.

⁹³ Ibid.

⁹⁴ Ibid. P. 169.

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ Ibid.

ным. «Итак, вы слышали, во-первых, о времени, когда Джон Ишем родился, во-вторых, о месте, где он родился, в-третьих, о том, кто были его родители, в-четвертых, о состоянии родителей и, в-пятых, о том, как мудро они им распоряжались. Кроме того, о том, сколько детей было у Осби и Энн, родителей Джона, и как они устроились»⁹⁷.

Главным героем повествования является Джон Ишем, родоначальник рода Ишемов в Лэмпоте, графство Нортхемптон. Автор сообщает, что, по традиции, до 16 лет он воспитывался и обучался отцом чтению и английскому письму, а затем был отправлен в Лондон, где к тому времени уже находились его братья.

В Лондоне Джон оказался 19 июня 1542 г., в день св. Петра, и поступил учеником к купцу. Любопытно замечание повествователя о том, что Джон не приобрел от учителей «никаких полезных знаний за все время своего ученичества, ...а учился он 9 лет...»⁹⁸. Автор, очевидно, хочет, чтобы у читателя сформировалось мнение о том, что успехи Джона, все, чего он сумел добиться в жизни, он сделал исключительно сам, ориентируясь на пример своего отца. Джон словно повторял, поднимая на иной, более высокий уровень, жизненный путь Осби Ишема, разделяя его принципиальные установки.

Обретя свободы Лондона и компании торговцев предметами роскоши, в возрасте 26 лет Джон женился на Элизабет Бакер, весьма состоятельной вдове Леннарда Бакера, горожанина и купца Лондона, и дочери Николаса Бакера, горожанина, оружейника. Как и его отец, Джон прожил в браке вплоть до своего смертного часа, «в полном согласии и тишине, по крайней мере, 20 лет»⁹⁹.

Благодаря женитьбе Джон получил внушительное состояние. Согласно брачному соглашению, ему перешла в управление недвижимость Леонарда Бакера: поместье в Оксфордшире, шесть домов в Лондоне, в том числе дом на Иронмангер-стрит, в котором жили Леонард и Элизабет. Движимое имущество Бакера оценивалось в 1787 ф. 10 ш. 8 п. «в товарах и кредитах» и 235 ф. 3 ш. 9 п. наличными¹⁰⁰. Эта весьма солидная сумма денег, – замечает автор «Жизнеописания», – «весьма кстати перешла к Джону Ишему», у которого почти «ничего не было своего... до брака»¹⁰¹. В подтверждение сказанного автор ссылается на слова самого Джона, которые он «сам слышал», что «отец оставил ему 10 фунтов...»¹⁰². У повествователя нет никаких переживаний, оценочных суждений по поводу «брака по расчету»; для него, человека своего времени и своего социума, совершенно обыденной, нормативной является женитьба Джона, не имевшего существенного дохода, на богатой лондонской вдове. Гораздо важнее другое – Джон «преумножил эти ...суммы, свои и своей жены... и (с Божьей помощью) существенно увеличил их со временем»¹⁰³. И добился этого благодаря своему трудолюбию

⁹⁷ The Life of John Isham (Appendix II). P. 169.

⁹⁸ Ibid. P. 170.

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ Ibid. P. 170–171.

¹⁰¹ Ibid. P. 171.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Ibid.

(он «не гнушался никакой работы...»¹⁰⁴), «старанию, предвидению и умению торговать»¹⁰⁵. Опять-таки человек фактически поднялся самостоятельно, «сделал себя сам», как и его родители, его отец.

Следующее зафиксированное в «Жизнеописании» важное событие, маркирующее новый этап в жизни, в самоутверждении и общественном признании Джона Ишема, – избрание его попечителем компании мерсеров «в год от рождества Христова 1567-й»¹⁰⁶. Это стало возможным, пишет повествователь, потому, что «он добился в своей компании уважения ...обладая сильной волей и пользуясь симпатией своих товарищей»¹⁰⁷. И естественно, что «эту обязанность он исполнял похвально»¹⁰⁸. Автор «Жизнеописания» особо обращает внимание читателей на не по годам разумные речи Джона, его мудрость, поражавшие «коллег» по компании: «Им показались очень странными его речи, поскольку он был гораздо моложе собравшихся»¹⁰⁹. Квинтэссенция всего сказанного выше – фраза автора: «Думается, ни один человек, ни до этого, ни после, вплоть до написания этого текста, не пользовался таким уважением такого большого количества людей»¹¹⁰.

В 1572 г. Джон Ишем перебрался из Лондона и поселился в Лэмпоте, в маноре, который он приобрел ранее. К этому времени, полагает автор, Джон приобрел достаточно денежных средств, репутацию и доверие, что и позволило ему покинуть город. Но и здесь проявились прирожденные таланты Джона, его невероятное трудолюбие: «он занялся земледелием, сажал травы, обрабатывал землю и занимался всеми другими делами так умело, как будто он занимался ими с рождения»¹¹¹.

Способности Джона Ишема, его положение не остались не востребованными. В 1576 г. он был назначен мировым судьей в графстве Нортхемптон. Характеризуя деятельность Джона на этом поприще, повествователь ограничивается одной, но очень емкой фразой: «О том, как он управлялся с этой должностью, пусть расскажут другие, те, кто был с ним ближе, чем я, потому что, если я напишу правду, покажется, что я ему льщу»¹¹².

В 1581 г. Джон был назначен королевой Елизаветой в ее сокровищницу в графстве Нортхемптон. И «эту обязанность, как и все другие, он исполнял весьма похвально», трудился, «чтобы оставить своим потомкам после себя доброе имя и славу»¹¹³.

Подводя своеобразный промежуточный итог своему повествованию, автор заключает; «во всем, за что он брался, он проявлял зрелость ума и благоразумие, и можно сказать, что он был мудрым человеком»¹¹⁴.

Следующий ракурс, в котором повествователь разворачивает Джона Ишема и стремится продемонстрировать читателю, – его внешний облик,

¹⁰⁴ The Life of John Isham (Appendix II). P. 170.

¹⁰⁵ Ibid. P. 171.

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ Ibid.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ Ibid.

¹¹⁰ Ibid.

¹¹¹ Ibid.

¹¹² Ibid. P. 172.

¹¹³ Ibid.

¹¹⁴ Ibid.

поведение, привычки, привязанности в обыденной жизни, отношение к детям и к окружавшим его людям.

Читаем: «Телом он был тучен, широк в костях, достаточно высок, с большим животом человека, не знавшего тяжелой физической нагрузки, но он холил себя вплоть до смерти... По натуре он был холериком, но быстро успокаивался...»¹¹⁵.

Автор пишет о том, что Джон любил сыновей, хотя внешне часто «был суров» и «редко выказывал им привязанность, как это обычно делали любящие отцы»¹¹⁶. Но иногда чувства переполняли его: «Когда они [сыновья] уехали – кто в Лондон, кто в Кембридж, где воспитывались, он часто отворачивался и горько плакал, настолько нежно он их любил»¹¹⁷. Особые отношения, как отмечалось выше, связывали Джона Ишема со старшим сыном Томасом.

Кроме того, Джон Ишем, по словам автора «Жизнеописания», был «верным другом, всегда готовым написать, поддержать словом или приехать и потратить деньги, чтобы помочь»¹¹⁸. Даже будучи больным, «он продолжать принимать всех, кто обращался к нему и помогал всем щедро и от всего сердца»¹¹⁹.

Джон любил веселые компании и приглашал гостей к себе в дом, а к ним присоединялись его дети и друзья. Он никогда не мстил своим врагам, а все противоречия всегда решал при посредничестве друзей. Джон всегда был в курсе всех дел в имении и всех людей, услугами которых пользовался «для собственной выгоды, но не в ущерб для них»¹²⁰. В подтверждение сказанного повествователь ссылается на собственный опыт. Он пишет: «Я сам слышал, как он [Джон – Л. Ч.] решительно заявлял, что он никогда не конфликтовал облигации, хотя и был купцом, и в его руки попадало в свое время много крупных счетов»¹²¹.

Повествователь презентует Джона Ишема и как «хорошего политика», что доказывается, среди прочего, наличием у него большого числа друзей в Лондоне и в деревне¹²².

По словам автора «Жизнеописания», Джон «приятно говорил... высказывался по многим другим случаям, когда представлялась возможность... У него был небольшой запас характерных пословиц и поговорок, которыми он щедро пользовался в разговорах и беседах за столом»¹²³. Повествователь приводит отдельные примеры таких пословиц и поговорок, весьма поучительных, позволяющих выстроить своеобразную шкалу жизненных приоритетов Джона Ишема. Их содержание свидетельствует о том, что превыше всего Джон ценил доверие во взаимоотношениях между людьми, прежде всего на профессиональном поприще, дружбу и друзей, которыми, однако, можно

¹¹⁵ The Life of John Isham (Appendix II). P. 173.

¹¹⁶ Ibid.

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ Ibid.

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ Ibid.

¹²¹ Ibid.

¹²² Ibid.

¹²³ Ibid.

воспользоваться «по максимуму», с пользой; не любил тех, кто проводил время в праздности, и тех, «кто много болтал о себе, даже если говорил правду»¹²⁴; оценивал людей не по их словам, а по поступкам; призывал к тому, чтобы всегда учиться на чужом опыте.

Таким образом, автор «Жизнеописания Джона Ишема» формирует у читателей объемный, многогранный портрет, жизненный путь исключительно положительного героя повествования. Джон Ишем предстает и как успешный деловой человек, и как заботливый, любящий отец семейства, верный, преданный друг, готовый всегда прийти на помощь, и как хороший политик. Выходец из мелких джентри, он, благодаря удивительному трудолюбию, силе воли, рассудительности, мудрости, предприимчивости, расчетливости – качествам, заложенным его родителями, в первую очередь отцом, сумел, с Божьей милостью, стать родоначальником титулованного дворянского семейства. «И, как невинное дитя и агнец Божий, он закончил свои дни в тишине и покое»¹²⁵.

Перед нами – так называемая «модельная биография», представляющая несомненную ценность для историка уже самим фактом этой «модельности», поскольку содержит важную информацию о том, что и как человек должен рассказывать о прошлом, в данном случае – прошлом своей семьи, своих родственников.

С. В. Удалов (Саратов)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА М. Н. ЗАГОСКИНА: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

В своем знаменитом «Философическом письме», опубликованном в 1836 г. и имевшем, как известно, значительный общественный резонанс, П. Я. Чаадаев фактически отказывал русскому народу в праве иметь собственную историческую и культурную память. «Все общества, – писал он, прошли через такие периоды, когда вырабатываются самые яркие воспоминания, свои чудеса, своя поэзия, свои самые сильные и плодотворные идеи. <...> Эта увлекательная эпоха в истории народов, это их юность; это время, когда всего сильнее развиваются их дарования, и память о нем составляет отраду и поучение их зрелого возраста. Мы напротив, не имели ничего подобного... Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания...»¹²⁶.

Само письмо в целом и это высказывание, в частности, вызвали оживленную дискуссию в обществе. Это неудивительно. 1820–1830-е гг. – время,

¹²⁴ The Life of John Isham (Appendix II). P. 173–174.

¹²⁵ Ibid. P. 174.

¹²⁶ Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 324.

когда интерес к истории, к своему прошлому был особенно острым. Начиная с Французской революции, люди были свидетелями масштабных событий, определявших судьбы народов и государств. История проникает в частную жизнь человека. Можно сказать, что история на определенном этапе развития общества становится своеобразной формой мировосприятия или, по крайней мере, его основой. Часто проект будущего строится через рефлексию прошлого. К этому следует добавить и еще такой немаловажный фактор как рост национального самосознания, определявший интерес к прошлому. Период после Отечественной войны 1812 г. в этом плане представляется наиболее характерным. Рост национального самосознания, наблюдавшийся в то время (обусловленный не только войной, но и, конечно же, проявляющимися себя все отчетливее романтическими тенденциями в науке и культуре), – это, помимо прочего, еще и вид самосознания исторического, это осознание своего, еще малознакомого, исторического прошлого, его значимости. Отсюда такой явный интерес к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Ее выход стал, безусловно, важным этапом в процессе становления исторического самосознания русского общества в первой половине XIX века. Это подтверждали и многие современники. Хрестоматийным уже стало пушкинское сравнение Карамзина с Колумбом. Князь П. А. Вяземский в ноябре 1836 г. писал А. И. Тургеневу, что «Карамзин – наш Курузов Двенадцатого года: он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в Двенадцатом годе»¹²⁷.

Степень актуализации вопроса об историческом пути России возрастает после восстания декабристов в 1825 году. Именно поэтому многие современники Чаадаева так остро реагировали на его утверждение. К этому следует добавить сохранение в первой половине XIX в. воспитательной функции исторического познания, например, в плане формирования чувства патриотизма и национальной гордости. Чаадаев, наверное, один из первых столь радикально заявил, что воспитание нового поколения необходимо проводить через чужой положительный опыт, за неимением собственного. Будущий славянофил П. В. Киреевский еще до официальной публикации письма Чаадаева, 14 июня 1833 г. писал Н. М. Языкову, что «чувства собственного достоинства нет без национальной гордости, а национальной гордости нет без национальной памяти»¹²⁸. Оппоненты Чаадаева пытались доказать на конкретных примерах, что русский народ тоже может и должен запечатлеть в своей памяти основные вехи становления русского государства и нации, не менее значительные, чем на Западе.

Одним из противников Чаадаева стал, помимо прочих, и известный в то время писатель М. Н. Загоскин. Еще в 1835 г. он написал комедию «Недовольные», в которой прототипами главных героев стали Чаадаев и М. Орлов. В 1836 г. он пишет эмоциональную по своему характеру статью-опровержение на «Философическое письмо»: «И ужели русские без омерзения могли читать эту статью? У нас нет памятников великих дел! Нет славных преданий! Нет и не было народных добродетелей! Нет поэзии в скрижалях нашей истории! Не злой ли безумец один может сказать, что мы

¹²⁷ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 356.

¹²⁸ Киреевский П. В. Письма к Н. М. Языкову // Труды Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР. М.; Л., 1935. Т. 1. Вып. 4. С. 43.

развратились от Византии? Нет, вместе с великим даром истинного православия, которое утвердило величие России, спасая ее не раз от римского ига, мы почерпнули там и первые выгоды образованности»¹²⁹.

Загоскин в 1830–1840-е гг. написал четыре крупных исторических романа. В те времена он был одним из лидеров в этом жанре, приобретавшем все большую популярность в русском обществе. Причем в условиях, когда историческая наука находилась на стадии своего становления, художественная литература, как и публицистика, являлась важным ресурсом формирования исторической культуры и, одновременно, ее отражением. Более того, в то время обсуждение исторических и историософских проблем было явлением не только культурной, но даже в большей степени общественно-политической жизни. Интерпретация, в том числе в печати, исторических образов часто являлась своеобразной формой репрезентации наиболее значимых идеологем. Соответственно, наиболее важными в структуре исторической памяти становились представления о тех событиях и периодах русской истории, в которых, к примеру, наиболее характерно были представлены отношения России и Запада, власти и общества и т. д. Историческая память, как известно, носит чаще всего избирательный характер, что определяется различными как культурными, так и социально-политическими факторами¹³⁰.

Что касается непосредственно Загоскина, то следует отметить, что его исторические романы служат своеобразными маркерами, отмечавшими эти наиболее актуальные для русской исторической памяти периоды: «Юрий Милославский или русские в 1612 г.» – эпоха Смутного времени; «Рославлев или русские в 1812 г.» – Отечественная война; «Аскольдова могила» – времена утверждения христианства; «Русские в начале XVIII столетия» – эпоха петровских реформ.

В 1829 г. появляется первый русский исторический роман – «Юрий Милославский или русские в 1612 г.». Роман имел большой успех. Только в николаевское царствование он переиздавался семь раз. Произведение Загоскина, принесшее ему громкую славу, получило благоприятные отзывы не только от самого Николая I, но и от многих писателей, журналистов и общественных деятелей того времени. Роман «Юрий Милославский», по выражению М. А. Дмитриева, «удивил всех»¹³¹. Он действительно произвел на читающую публику большое впечатление. Им восхищался В. А. Жуковский, который советовал Загоскину написать в подобном духе роман о Сусанине¹³². Ф. Н. Фортунатов вспоминал, что в «Юрии Милославском» его самого и студенческих товарищей привлекало ярко выраженное патриотическое направление¹³³. В апреле 1830 г. один из современников писал С. П. Шевыреву в Италию, что «в этом романе столько Русского, родного, оригинального,

¹²⁹ Загоскин М. Н. Статья без заглавия, направленная против «философических писем» Чаадаева (1836) // Чаадаев П. Я. Указ. соч. Т. 2. С. 545.

¹³⁰ См. напр.: Лотман Ю. М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII – начала XIX века // XVIII век. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе конца XVIII – начала XIX века. Л., 1981. С. 82.

¹³¹ Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 202.

¹³² См.: Уортман Р. С. Сценарий власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 511.

¹³³ Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 гг. // Русский архив. 1869. № 2. С. 218.

что невольно привязываешься к нему как к другу»¹³⁴. Наконец, сам Шевырев в 1842 г., оценивая современное состояние русской литературы, заметил, что «Загоскин в своем «Юрии Милославском», представил образец народного слога: разговор, подслушанный им на улицах и в селах из уст Русского мужика, отзывался всею силою Русского характера и содействовал много тому народному направлению, которое позднее оказалось у нас на языке»¹³⁵.

Помимо патриотического направления, роман имел и ярко выраженную идеологическую установку. События Смутного времени, которые привлекали внимание не только историков, но и писателей, в данном случае приобретали особое значение. В литературе и драматургии 1830-х гг. художественная интерпретация этих событий вырабатывала, по сути, национальный (приобретающий официальный характер) миф возрождения российской государственности. Несущей основой этого мифа становилась идея связующей нити между русским народом и царем, выразившейся в глубокой преданности и любви русских людей всех сословий к своему самодержцу. При этом в общественном сознании активно культивировалась не только идея всеобщего единения всех сословий в защиту отечества и престола, но также особо подчеркивалась личная преданность и готовность к самопожертвованию отдельных представителей как высших, так и низших сословий. Все это нашло отражение и в «Юрии Милославском».

Если говорить о первом романе Загоскина как именно историческом, то нужно подчеркнуть, что автор серьезно подходил к изучению исторических фактов. По словам С. Т. Аксакова, он буквально погружался в эпоху, через исследуемые им источники¹³⁶. Это видно и из подробных исторических справок, помещенных в этом и других исторических романах. Но, тем не менее, подлинный исторический колорит эпохи ему передать не удалось. На это указывали и критики того времени. Быт, традиции, нравы удались Загоскину, по их мнению, но в основном те, которые приближены к современным, те, которые сохранили актуальность и в начале XIX века.

Изображая внутреннюю жизнь русского народа в разные эпохи, автор не стремился к точной археологической реконструкции, так же как он далек был и от восприятия прошлого как чужой страны, от представления образа Другого в исторической перспективе. К подходу Загоскина вполне применимы слова современного исследователя Д. Лоуэнтала, который отмечает, что «храня верность давнему убеждению в стабильности человеческой природы, исторические достопримечательности, музеи и исторические романы представляют людей на протяжении исторических эпох неизменными. Их прошлое не является прошлым в подлинном смысле слова. Это своего рода альтернативное настоящее»¹³⁷.

По мнению Д. Л. Мордовцева, известного историка и писателя конца XIX в., ученика Н. И. Костомарова, главная задача исторического романа заключается в том, чтобы помогать современникам избавляться от пережитков прошлого, «родовых и видовых рудиментов», унаследованных от

¹³⁴ Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. № 5. С. 49.

¹³⁵ Шевырев С. П. Взгляд на современное направление русской литературы (Сторона светлая) // Москвитянин. 1842. № 3. С. 176.

¹³⁶ См.: Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 5 т. М., 1966. Т. 4.

¹³⁷ Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004. С. 7.

предков¹³⁸. Они должны, по его мнению, способствовать «окончательному вырождению на земле этих видовых признаков и есть... задача исторического романа, как и всякого другого творчества в области духа»¹³⁹. Этого никак не скажешь о романах Загоскина. В отличие, например, от В. Скотта, который, подчеркивая особенность описываемой в его романах эпохи, даже положительных героев наделял «варварскими предрассудками», выпадавшими из современной системы ценностей, Загоскин, наоборот, рисует положительных героев, представителей русского народа, наделенных исключительно положительными чертами, актуальными во все эпохи без различия, что лишает их порой исторической индивидуальности. Думается, что происходило это не из-за недостатка способностей или знаний самого Загоскина. Вероятнее всего, это был его сознательный выбор, обусловленный в первую очередь идеологическими пристрастиями автора.

Загоскин был известен как ярый сторонник русского направления, патриот, причем, крайне консервативного, антизападнического, толка. Образ русского народа с его неизменным религиозным, промонархическим мировосприятием являлся основополагающим в его историософских рассуждениях. Для него не столько было важно представить дух исторической эпохи, сколько именно *дух нации*, русского народа. Причем, разрушая пространственно-временную целостность или, говоря словами М. Бахтина, хронотоп, Загоскин представляет этот дух как бы существующий вне времени, как некую субстанцию, сохраняющую свою целостность вне зависимости от эпохи и определяющую неизменные, характерные черты русского национального лица.

Эксплицитно такая позиция автора представлена и в романе «Рославлев», опубликованном в 1831 г.: «Предполагая сочинить эти два романа, я имел в виду описать русских в две достопамятные исторические эпохи, сходные меж собою, но разделенные двумя столетиями; я желал доказать, что хотя наружные формы и физиономия русской нации совершенно изменились, но не изменились вместе с ними: наша непоколебимая верность к престолу, привязанность к вере предков и любовь к родимой стороне»¹⁴⁰.

Будучи намного слабее в литературном плане, второй роман Загоскина явился, таким образом, прямым продолжением «Юрия Милославского» в своей идейной направленности. Отмечая преемственность между двумя романами, их автор выделял те ее главные моменты, которые заняли центральное место в официальных установках, декларируемых позже Уваровым. Проведя между ними параллель, Загоскин тем самым подчеркнул идеологическую значимость обоих произведений. В 1830-х гг. именно события Смутного времени и войны 1812 г. приобретают ведущую роль в демонстрации официальной версии национальной идеи.

Характерно, что даже в романе «Аскольдова могила», посвященном событиям X в., Загоскин не изменял своему принципу в изображении народа. Как образно заметила Е. Н. Пенская, «для Загоскина и 1612 год, и

¹³⁸ Мордовцев Д. Л. К слову об историческом романе и его критике (Письмо в редакцию) // Исторический вестник. 1881. №11. С. 643. См. об этом также: Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011. С. 35.

¹³⁹ Мордовцев Д. Л. Указ. соч. С. 643.

¹⁴⁰ Загоскин М. Н. Сочинения: в 2-х т. М., 1988. Т. 1. С. 287.

1812, и Крещение Руси, и 18 столетие – в сущности единое мифологическое время»¹⁴¹.

По сути, Загоскин писал не столько исторический, сколько народный национальный роман, действие которого развивается на определенном историческом фоне.

Многие современники, среди которых Вяземский, Аксаков, Пушкин и др., признавая художественные достоинства особенно первого романа, отказывали Загоскину в глубине мысли, критиковали его за поверхностность историософских рассуждений, в то время как ценилось именно концептуальное осмысление того пути, который прошло русское государство и народ, опыта социально-политического и культурного бытия, позволявшего осознать настоящее и в идеале составить проекцию будущего.

Между тем, нельзя сказать, что этот аспект совершенно отсутствует в прозе Загоскина. Автор представил свое видение исторического развития России, и наиболее характерно это сделано в романе «Русские в начале XVIII столетия», завершившем своеобразную тетралогия о русском народе. Его, то есть народа, самобытность Загоскин, в частности, определяет через способность использовать любые политические и социально-экономические катаклизмы для укрепления собственного духа, национального и политического единства. Татарское иго, Смутное время и т. д. для Загоскина болезни, которые способствовали укреплению иммунитета молодого государственного организма и давали импульс дальнейшему ускоренному развитию. То, что они обеспечивали самобытность этого развития по отношению к Западу, считалось только плюсом.

Вот что, например, по этому поводу говорит в романе Яков Брюс, один из немногих действительно исторических персонажей, представленных у Загоскина: «Что русские народ самобытный, этого, я думаю, и вы оспаривать не станете. Их не могли стереть с лица земли ни татары, ни поляки; напротив, после каждого народного бедствия Россия становилась все сильнее и сильнее»¹⁴².

В отношении петровских реформ сам Загоскин позиционирует себя как сторонник разумной модернизации. Он поддерживает идею заимствования и межкультурного взаимодействия (при всей прорусской направленности его мировоззрения мысль о культурной автаркии ему чужда), но выступает резко против слепого подражательства. Один из главных героев его романа, посвященного петровской эпохе, Симский, во многом схож с болгаринским Россияниновым из «Ивана Выжигина», сочетавшем в себе европейское мышление и русский патриотизм, европейскую образованность и национальный колорит. Будучи сторонником радикальных реформ, представителем как раз того круга, выходцев из которого Пушкин назовет птенцами гнезда Петрова, он тем не менее остается национальным патриотом. Характерны слова, сказанные им боярину Максиму Петровичу в конце романа: «...нам должно перенимать все полезное у наших соседей, но не ради того,

¹⁴¹ Пенская Е. Н. Русский исторический роман XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И. М. Савельевой. М., 2012. С. 444.

¹⁴² Загоскин М. Н. Русские в начале XVIII столетия // Загоскин М. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 610.

чтоб сделаться самим немцами. Да разве русский человек не может изучиться разным наукам и всем заморским хитростям, а меж тем остаться таким же точно православным русским, какими были его отцы и прадеды?»¹⁴³

В целом нужно сказать, что успех романов Загоскина и их влияние на общественное сознание, а также участие в формировании исторической культуры русского общества оказались кратковременными. В. Н. Майков уже в 1847 г., после того как прошел первоначальный ажиотаж вокруг «Юрия Милославского», писал: «... это уже не тот роман, который мы читали когда то первый раз. Ах, какой это был тогда прекрасный роман! Сколько он возбуждал в нас сочувствия! Каким великим писателем казался нам г. Загоскин! Уж не переделан ли «Юрий Милославский» в этом седьмом издании? Не вздумал ли автор его из исторического романа, за который, семнадцать лет назад, произвели его в русские Вальтеры Скотты, сделать сказку из произвольно взятого времени для удовольствия публики, восхищающейся в наше время произведениями французских беллетристов второй руки в русских переводах?»¹⁴⁴ Со времени появления этого романа многое изменилось. Исторический жанр прочно утвердился в русской романистике. Требования к нему менялись в соответствии с эволюцией исторического сознания русского общества и исторической культурой в целом. Во второй половине XIX в. под влиянием новых тенденций, утверждения новой позитивистской парадигмы исторического познания и на обыденном уровне статус истории претерпевает изменения. Происходит переориентация социального заказа на историческую литературу. Более востребованными становятся такие авторы, как, например, упоминавшийся выше Мордовцев. Что касается Загоскина, то его произведения переходят на другой уровень, пополнив ряды обычного развлекательного чтива.

Д. Н. Прасолов (Нальчик)

ПРОСТРАНСТВО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ – ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ¹⁴⁵

Одним из значимых факторов общественно-политической жизни Северного Кавказа является историческая память. И если отражение Кавказской войны в этом сегменте общественного сознания уже становилось предметом специальных обобщающих исследований¹⁴⁶, то исторические рефлексии по

¹⁴³ Загоскин М. Н. Русские в начале XVIII столетия. С. 657.

¹⁴⁴ Майков В. Н. Литературная критика. Л., 1985. С. 240.

¹⁴⁵ Работа выполнена в рамках проекта «Образы прошлого в социально-политических и этнокультурных процессах у народов Северного Кавказа (на примере Кабардино-Балкарии)» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности»

¹⁴⁶ См.: Ханаху Р. А., Цветков О. М. Кавказская война в сознании современных русских и адыгов. URL: <http://www.arigi.ru/socio/journal/index.htm> (дата обращения: 15.08.2012); Ханаху Р. А., Цветков О. М. Исторический феномен в современном прелом-

поводу земельного вопроса ограничивались либо узкими рамками частной научной полемики¹⁴⁷, либо развернутыми общественными дискуссиями. Примером последней служит ситуация, возникшая в КБР в связи с Федеральным законом № 131 «О местном самоуправлении», который вызвал рост напряженности вокруг так называемых межселенных территорий, нарушающих исторически сложившиеся традиции землепользования в Кабардино-Балкарии. Новые эпизоды актуализации земельного вопроса связаны с созданием в горной части Кабардино-Балкарии туристического кластера. Даже на подготовительном этапе этот амбициозный проект вызвал протестные настроения в некоторых населенных пунктах нагорной полосы республики, жители которых всерьез обеспокоились перспективами разрушения их традиционного пространства жизнедеятельности и, прежде всего, хозяйственного землепользования¹⁴⁸. Эти события еще раз подтверждают точку зрения, что в основе современных межэтнических противоречий в республике лежат территориальные споры, имеющие глубокие исторические корни¹⁴⁹. Однако, на наш взгляд, необходимо дифференцировать влияние на состояние земельного вопроса исторических факторов, актуализированных исторической памятью, и текущие проблемы экономического и административного характера. В настоящей работе обратимся к рассмотрению некоторых аспектов «исторического» земельного вопроса.

Среди значимых исторических фактов, приобретающих большое значение в переходные эпохи истории Кабардино-Балкарии, на протяжении последних двухсот лет проблемы этнических территорий и хозяйственного землепользования отличаются наибольшей стабильностью. Их различные интерпретации широко представлены в исторической памяти кабардинцев и балкарцев. Возникавшие на их почве противоречия выступали существенным идеологическим фактором актуализации земельного вопроса. В хронологических рамках XIX – начала XX в. он представлял собой совокупность социально-экономических, политических и межэтнических противоречий, связанных с владением и распоряжением землей. В его содержании дифференцировалось три основных аспекта: *пространственный*, связанный с трансформацией территории хозяйственного землепользования и землевладения кабардинцев и балкарцев, *социальный*, отражающий специфику поземельных отношений различных сословных групп кабардин-

лении // Социологические исследования. 1995. № 11; Шницерман В. А. Войны памяти: Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003; Шейджен Э. Ю. Кавказская война в пространстве исторической памяти. Майкоп, 2009; Савельев А. Е. Кавказская война в российском общественном сознании // Кубанские исторические чтения: Матер. Первой межвуз. науч.-практич. конф. (Краснодар, 14 мая 2010 г.). Краснодар, 2010.

¹⁴⁷ См. напр.: Кожаров В. Х. К вопросу о территории феодальной Кабарды // Вестник Института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып.11. С. 3–26; Кучмезов Б. Х. К вопросу об этнических ареалах и этнических границах на Северном Кавказе // Кавказский сборник. М., 2007. Т. IV.

¹⁴⁸ См.: URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/212307/>; <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/211365/> (дата обращения: 20.09.2012).

¹⁴⁹ См.: Акжиева С. И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской республике (постсоветский период). М., 2002. С. 113.

ского и балкарского общества, и *межэтнический* – взаимодействие соседних народов в рамках одного ареала землепользования¹⁵⁰.

Не имея возможности в рамках небольшой статьи рассмотреть все аспекты земельного вопроса, отметим основные тенденции его развития на примере пастбищного землепользования кабардинцев и балкарцев. Исторически так сложилось, что Зольские и Нагорные пастбища издавна являлись пространством совместной хозяйственной деятельности, в котором наиболее наглядно проявлялись противоречия представляемых и фактических границ пространства землепользования.

По мере включения народов Северного Кавказа в состав Российской империи в результате военно-колониционных и миграционных процессов в регионе произошло существенное перераспределение земельного фонда. Эти тенденции в значительной степени затронули территорию Центрального Предкавказья. До установления российской власти доминирующей военно-политической силой здесь были кабардинские княжеские владения, контролировавшие значительные земледельческие и особенно пастбищные угодья, составлявшие важнейшую часть природно-хозяйственного комплекса не только кабардинцев, но и соседних с ними балкарцев, карачаевцев, абазин и других народов. П. А. Гаврилов характеризует эту ситуацию землепользования следующим образом: «Горские общества в прежнее время находились в более или менее тяжелой зависимости от кабардинских князей, без покровительства которых обойтись им было невозможно, ибо только безусловным подчинением себя кабардинским князьям, воля которых уважалась народом, горцы приобретали защиту от хищнических набегов кабардинцев и спокойно пасли свои стада на плоскости, исправно лишь платя своим покровителям условленную дань»¹⁵¹.

С установлением российской администрации и проведением земельных реформ 1860–1870-х гг. некогда иерархическая система распределения земельных угодий была ликвидирована, а все местные общества оказались равными субъектами пользования землей, фактическим собственником и распорядителем которой стало государство. Формируется новая традиция поземельных отношений, которая опиралась уже не на иерархический характер, обусловленный географической оппозицией равнина (Кабарда) – горы (Горские общества), а на совместное использование земельного пространства, с чем впоследствии с определенным сопротивлением мирились кабардинцы и чего последовательно стали добиваться горские общества.

Современник отмечал: «Горцы избавлены были от княжеской зависимости и им оказано было покровительство. К этому времени следует отнести начало споров жителей Горских обществ с кабардинцами за право первых пользоваться осенними и весенними пастбищами на плоскости»¹⁵². Сложность ситуации добавляло то обстоятельство, что в ходе реализации поземельных преобразований кавказская администрация не располагала

¹⁵⁰ См.: *Кагиева Т. А.* Эволюция земельных отношений в Кабарде во второй половине XVIII – начале XX в.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Нальчик, 2011. С. 9.

¹⁵¹ *Гаврилов П. А.* Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // *Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века.* Нальчик, 2006. Т. I. С. 71.

¹⁵² Там же.

привычными ей документальными свидетельствами о прежнем порядке пастбищного землепользования. Причем, даже в исторической памяти пореформенного поколения не сохранилось достоверных сведений об этом. По результатам хозяйственного обследования 1922 г. С. И. есяц писал: «Мы не имеем никаких письменных правил пользования пастбищем до 1877 г. Из расспросов стариков не удалось выяснить этого вопроса. Нельзя также точно установить, как пользовались балкарские общества этими пастбищами. Мы полагаем, что с приходом русских войск в район Кабарды, балкарские общества постепенно приобретали одновременно те или другие права на пользование кабардинскими общественными пастбищами. До этого момента балкарские общества на договорных началах получали их от Кабарды»¹⁵³.

С утверждением государства в качестве верховного распорядителя земельного фонда представители местных этнических сообществ стали принимать попытки дальнейшего перераспределения земельных угодий.

Появившаяся возможность поземельной эмансипации актуализировала в этническом сознании земельный вопрос в соответствии с современными социально-экономическими нуждами, но аргументация его пространственных характеристик апеллировала к более или менее далекому прошлому. У кабардинцев – до прихода российской администрации и начала перераспределения земли с пришлым населением (казаками, крестьянством, военными поселениями и т. п.). У балкарцев же – до прихода кабардинцев на современную территорию проживания.

Остроту проблеме придавало то, что историческая память кабардинцев и балкарцев несла в себе отдельные, существенно различающиеся, как в пространственном измерении, так и в его аргументации, представления о земельных правах. Причем, до межевых работ, осуществленных в ходе проведения земельных реформ середины XIX в., письменные документы, подтверждавшие права землевладения и землепользования, у сторон отсутствовали. Кроме того, в практике землепользования конца XIX – начала XX в. наблюдаются апелляции к «кратковременной» памяти балкарцев – т. е. к нововведениям уже пореформенного периода, юридически отменявшим именно тот образ землепользования, который сохранял в исторической памяти кабардинцев значительно более обширные пространства жизнедеятельности.

Специфика такой исторической памяти была обусловлена процессами интеграции кабардинского и балкарского общества в состав Российской империи и адаптации их к новым социокультурным условиям. Интересующие нас данные нашли отражение в прошении кабардинцев, поданном в 1827 г. генералу И. И. Дибичу¹⁵⁴, документах Терской сословно-поземельной комиссии, в историческом очерке М. Абаева¹⁵⁵ и «Возражениях землевладельцев пяти горских обществ Нальчикского округа Терской области на проекты разрешения земельного вопроса», составленных юрисконсультom Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ Б. Шахановым¹⁵⁶, док-

¹⁵³ *Месяц С. И.* Пастбищное хозяйство Кабарды. Воронеж, 1928. С.26.

¹⁵⁴ См.: Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX в. / сост. Х. М. Думанов. Нальчик, 2000. С. 377–378.

¹⁵⁵ См.: *Абаев М. К.* Балкария // Мусульманин. 1911. № 14–17.

¹⁵⁶ См.: *Возражения Абрамовской комиссии // Этюды о Балкарии.* Нальчик, 2007. С. 86–349.

ладной записке помощника присяжного поверенного М.-Г. Шипшева наместнику кавказскому графу Воронцову-Дашкову¹⁵⁷, а также во множестве других документальных и нарративных источников пореформенного периода. Содержание этих документов, переданное средствами русского бюрократического языка, заслуживает отдельного исследования – именно эти источники превращали преимущественно устные интерпретации пространства землепользования в делопроизводственные факты, на которые ориентировались региональные власти при осуществлении земельных мероприятий.

В середине 1860-х гг. в период разграничения земель между кабардинцами и балкарцами вопрос о пастбищных землях вызвал большой спор между обоими народностями. Кавказская администрация в конце концов примирила их, предоставив обеим сторонам равные права пользования пастбищами. В 1860-х гг. Терская сословно-поземельная комиссия под председательством Д. С. Кодзокова тоже не возражала против предоставления права балкарцам на пользование летними пастбищами и лесными полянами, но при условии возвращения кабардинцам так называемых «кордонных земель» и закрепления за ними всех общественных пастбищ не временно, а в собственность, «как искони принадлежавших кабардинскому народу». Балкарцы доказывали свои права на летние пастбища ссылками на фактическое пользование в прошлом¹⁵⁸. Впоследствии эти тезисы подхватила национальная публицистика. Наиболее обстоятельно они прозвучали в первом историческом очерке «Балкария» Мисоста Абаева, который можно смело отнести к первому в интеллектуальной культуре балкарцев, исторически аргументированному обоснованию пространства жизнедеятельности¹⁵⁹. По существу, все, что впоследствии писалось представителями национальной исторической науки о пространственной динамике землевладения и землепользования балкарцев, в основе своей имело аргументацию М. Абаева.

Кавказская администрация, желавшая ослабить влияние Кабарды на горские народности, поддерживала требования балкарцев¹⁶⁰. Уже в документах земельной реформы кавказская администрация частично закрепила права горских обществ на летние пастбища, а также предоставила территорию для образованных в предгорной местности четырех населенных пунктов, где были расселены нескольких сот дворов крестьян, обезземеленных в ходе освобождения зависимых сословий в балкарских обществах¹⁶¹. К началу XX в. здесь проживала уже четверть балкарского населения. «Изменение границ расселения этноса благотворно сказалось не только на экономических условиях жизни балкарцев, но и на росте их народонаселения, на активизации консолидационных процессов»¹⁶².

¹⁵⁷ См.: Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (Далее – ЦГА КБР). Ф. 6. Оп. 1. Д. 709. Л.97–99.

¹⁵⁸ См.: *Месяц С. И.* Указ. соч. С. 12.

¹⁵⁹ См.: *Абаев М.* Балкария. Исторический очерк // *Этюды о Балкарии*. Нальчик, 2007. С. 156–171.

¹⁶⁰ См.: *Месяц С. И.* Указ. соч. С. 12.

¹⁶¹ См.: *Муратова Е. Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик, 2007. С. 338–340.

¹⁶² История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007. С. 247.

Эти изменения сопровождались новыми интерпретациями пространства хозяйственного землепользования и даже попытками обновления некоторых наименований природно-хозяйственных объектов. Например, в прошении от 23 января 1887 г. жители Урусбиевского общества балкарцев уже уверенно оперировали новыми пространственными образами.

В пореформенный период в смежных территориях землепользования (главным образом пастбищах и лесах), известных в документах под названием «Кабардинские общественные земли», номинация «кабардинские» были скорее данью традиции, ретроспективно поддерживаемой исторической памятью. Однако память, как аргумент в обосновании фактического пространства землепользования не достаточно устраивала представителей Кавказской администрации. Не удивительно, что в середине 1880-х г. апелляция кабардинцев к историческим параметрам землевладения и землепользования вызвала следующее заключение: «вопрос о том, что составляло прежде территорию Кабарды, может иметь только историческое значение, и, на основании прежней принадлежности, не могут быть одним лишь административным распоряжением возвращаемы кабардинцам оставшиеся вне их надела земли»¹⁶³.

В этих условиях кабардинские представители все чаще прибегают к административным средствам защиты уже того пространства землепользования, которое было им определено реформами 1860–1870-х годов. Характерным проявлением этого стала ситуация с распоряжением «излишними» пастбищами. Согласно пункту 2 Правил 1890 г., они должны были предоставляться за минимальную плату в пользование «нуждающимся коневодам и скотоводам из кабардинцев и горцев»¹⁶⁴. Представители горских обществ объясняли: «Кабардинцы, убедившись, что разграничение запасных земель между ними будет стеснять их в скотоводстве и приведет к постоянным столкновениям, при полном собрании доверенных от своих сельских обществ написали приговор о том, чтобы земли эти не были разделены между ними и чтобы они пользовались по старому установившемуся порядку. Но в этом случае они желают только отбросить их, горцев, из своей только среды, чтобы замкнуть в границах, определенных составленным проектом. Желание кабардинцев вполне полезно самим кабардинцам, но не им (горцам. – Д. П.), так как они тогда, просители, неизбежно должны стать данниками кабардинцев, арендуя у них те самые зимовниковые места, которые по проекту отошли к ним»¹⁶⁵. Интересно, что оборот «данники» напрямую совпадает с распределением ролей в пастбищном землепользовании, действовавшим до установления в Кабарде российской администрации.

В начале XX в., с принятием в 1905–1907 гг. новой редакции правил пользования пастбищами, более явственно обозначились разночтения в понимании тех норм, которые значились в правилах пастбищного землепользования. В 1908 г., отвергая притязания горцев на «излишние» пастбища, присяжный доверенный кабардинец М.-Г. Шипшев объяснял отказ кабардинских доверенных следующим: «так называемые Зольские и горные пастбища представляли испокон веков собственность кабардинского народа,

¹⁶³ ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 608. Л. 96–96об.

¹⁶⁴ Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 150.

¹⁶⁵ ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 608. Л. 140–141.

и именно Большой Кабарды, и пять горских обществ никаких прав на них не имели почти до высочайшего повеления от 21 мая 1889 года (подчеркнуто в источнике. – Д. П.)¹⁶⁶. В этот день произошло символическое «Высочайшее дарование» Зольских и Нагорных пастбищ в «постоянное и неотъемлемое пользование» кабардинцев и сопредельных с ними пяти горских обществ. Тем не менее, кабардинцы продолжали мыслить себя распорядителями пастбищ, даже после того, как горским обществам были выделены определенные участки. За их исключением, все остальное пространство осознавалось кабардинским, распоряжаться которым должны представители кабардинского народа (через доверенных, поземельных депутатов, от которых земля предоставлялась в пользование скотоводов и коневодов, арендаторов и даже субарендаторов). Есть основание считать, что такое представление поддерживалось и представителями царской администрации. Так, например, в 1909 г. начальник Нальчикского округа отверг очередные притязания балкарских доверенных, посчитав, что их потребности в пастбищных угодьях уже были достаточно удовлетворены¹⁶⁷.

Примечательно, что противоречия между кабардинцами и балкарцами вокруг пастбищ носили конкретно-хозяйственный характер или ограничивались дискуссиями на Съезде доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, но не приводили к серьезным межэтническим инцидентам. В то же время представление об «общенародности» пастбищ оказалось настолько значимым, что покушение на него со стороны уже кабардинских коннозаводчиков вызвало Зольское восстание 1913 года. В ходе этого крупнейшего в пореформенный период социального конфликта восставшие заявляли, что «пастбищные земли являются достоянием всего кабардинского народа, что «Новые правила» лишили все население лучшей части пастбищной земли, чем причинили огромный ущерб скотоводству и овцеводству, что вновь отведенные им участки неудобны и значительно меньше прежних и что они хотят пользоваться землями на одинаковых правах с коннозаводчиками»¹⁶⁸. Идеологической мотивацией этого конфликта стало острое противоречие между исторической памятью, сохранявшей образный стереотип общедоступности Зольских пастбищ для всех категорий скотоводов и коневодов, и юридически оформленной новыми Правилами 1912 г. социально-экономической действительностью, в которой эти пастбища были изъяты из оборота общедоступного хозяйственного оборота в пользу крупных коннозаводчиков.

В этой высокой фазе конфликтности, когда несовместимость пространства землепользования оказалась более деструктивным фактором во внутрикабардинских поземельных отношениях, чем на межэтническом уровне, земельный вопрос переходит в совершенно иной социально-политический контекст. Он был обусловлен событиями революций 1917 г., в результате которых конфликтный потенциал развивался в плоскости межэтнических и классовых земельных противоречий. Впоследствии земельный вопрос еще более актуализировался в этническом сознании кабардинцев и балкарцев в

¹⁶⁶ ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 709. Л.95об.

¹⁶⁷ См.: Там же. Л. 103.

¹⁶⁸ Цораев М. М. Восстание кабардинских и балкарских крестьян в 1913 году. Нальчик, 1963. С. 37.

годы Гражданской войны и особенно в ходе национально-государственного строительства в начале 1920-х годов.

В контексте постсоветских социально-политических трансформаций первой половины 1990-х гг. межэтнический аспект земельного вопроса актуализировался больше в историографии и публицистическом дискурсе, тогда как практическое состояние поземельных противоречий все больше было связано с экономическими преобразованиями в регионе.

Характеризуя постсоветскую эволюцию этничности на Северном Кавказе, А. Х. Боров справедливо указал на то, что в восстановлении этнокультурного воспроизводства предельно обостряются проблемы разграничения «мы – они», проецируемые на представления о границах этнических территорий. «Запутанность исторического наследия в этом вопросе и давление текущей политики (оглушительная критика и дезавуирование системы национально-государственного устройства, закон о реабилитации репрессированных народов и т. п.) вели к гипертрофированию значимости этнотерриториальной идентичности»¹⁶⁹.

Здесь следует добавить, что исторические ретроспекции играли в этих процессах главным образом идеологическую, вдохновляющую роль. Однако при осуществлении фактических территориальных размежеваний апелляции к ним так и не вышли за рамки исторических дискуссий. На наш взгляд, проблемы поземельных отношений, сложившиеся во второй половине XIX – начале XX в., не выступали провоцирующими факторами в этнополитических событиях 1990-х годов. Их причины, представлявшиеся во взаимосвязи с земельным вопросом, следует искать в событиях более поздней истории (становление советских автономий на Северном Кавказе в 1920-х гг., насильственная коллективизация, сталинские депортации и недостаточно последовательные реабилитационные процессы), а также в социально-экономических трансформациях периода рыночных реформ, которые придали юридическим и хозяйственным аспектам землепользования совершенно иной характер. Эти проблемы требуют специального рассмотрения и выходят за рамки заявленной нами темы.

Д. А. Аникин (Саратов)

«КИЕВСКАЯ РУСЬ» В УКРАИНСКИХ УЧЕБНИКАХ: К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Постсоветское пространство как постимперское:
постановка проблемы*

Проблема отношения к прошлому особенно остро ощущается в тех государствах, которые либо только возникают на политической карте, либо в ре-

¹⁶⁹ Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 72–73.

зультате острых социальных потрясений оказываются вынуждены переосмысливать свою историческую преемственность. После распада СССР в подобных ситуациях оказались все республики, образовавшиеся на постсоветском пространстве. То, как они конструируют образы прошлого, можно рассматривать на материале законодательных актов (так называемых «законов памяти»), а также в репрезентациях официальной позиции в учебной литературе и мемориальной деятельности (создание памятников). Данная статья основана на результатах анализа учебной и политически ангажированной исторической литературы, выпускаемой в Украине, а методологической базой анализа стала конструктивистская концепция памяти П. Нора. Следует отметить, что близкой проблематикой занимается В. А. Шнирельман, рассматривающий в ряде своих статей связь возникновения этноисторических мифов с процессами политической и культурной идентификации в результате распада имперского пространства¹⁷⁰. Интересующей нас тематике также посвящены несколько сборников, в которых анализируются стратегии политики памяти в структуре школьного и университетского образования¹⁷¹.

В современной социальной антропологии существует обширная литература, рассматривающая Советский Союз как империю, а совокупность независимых государств, образовавшихся после его распада, соответственно, как постимперское пространство, обладающее определенными характеристиками – институциональными и социокультурными¹⁷². В. А. Шнирельман считает, что «советская власть десятилетиями внушала людям идеи коллективизма и нерушимой общности. Эти идеи воспринимались людьми на двух уровнях: на одном – как общность “советского народа”, или гражданская общность, на другом – как этническая или этнокультурная общность. Первое лучше усваивалось русскими и обрусевшими людьми, второе – титульными народами республик разного уровня, а также этническими группами, ощущавшими дискриминацию. Однако в условиях авторитарного режима никакого гражданского общества в СССР так и не возникло. Зато советские механизмы формирования власти и ее реальные действия прямо или косвенно укрепляли этническую идентичность как чувство принадлежности к примордиальной общности»¹⁷³. Иначе говоря, амбивалентность имперского пространства определялась тем, что имперское мышление оказалось свойственно только представителям титульной нации, в то время как в советских республиках механизмы производства «советскости» приводили к прямо противоположным результатам. В отдельных республиках формировались интеллектуальные элиты, определявшие себя в первую очередь по этническому признаку и, соответственно, выстраивающие свою иденти-

¹⁷⁰ См.: Шнирельман В. А. Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. № 5; Он же. От «советского народа» к «органической общности»: образ мира русских и украинских неоязычников // Славяноведение. 2005. № 6.

¹⁷¹ См.: Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: Старые и новые образы в современных учебниках истории / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2003. С. 69–33.

¹⁷² См.: Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. Герасимова, С. Глебова, А. Каплуновского, М. Могильнер, А. Семенова. Казань, 2004.

¹⁷³ Шнирельман В. А. Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках. С. 27.

кацию в соответствии с этноисторическими мифами об автохтонности и самостоятельности развития своих этносов.

Скрепляющим фактором выступала политика «фронта», которая отгораживала жителей Советского Союза от некоего внешнего врага, в качестве которого могли выступать абстрактные «капиталисты», а могли и вполне конкретные атрибуты заграничной жизни, вроде рок-н-ролла или солнечных очков. Такое представление оказывалось необходимо для конструирования новой социальной общности, нуждающейся в подчеркивании собственной «инаковости» по отношению к другим социальным группам и политическим режимам. По словам А. Рибера, «концепция фронта может быть востребована для того, чтобы встроить неоднозначную пористость границы в наше понимание способов, с помощью которых человеческие существа стремятся разделять и отделять социальное пространство»¹⁷⁴. Можно даже добавить, что определяющую роль в создании фронта играет распределение властных ресурсов, их стремление обеспечить свой контроль над определенным сегментом социального и географического пространства. Вместе с тем, такой фронт далеко не всегда имел характер «железного занавеса», характеризуясь определенной поливариантностью в зависимости от вариаций национальной и внешней политики СССР.

Не следует абсолютизировать имперскость Советского Союза и приписывать ему стремление максимально ассимилировать находящиеся на его территории нации, причем по двум основными причинам. Во-первых, сама национальная политика СССР на протяжении его существования претерпела несколько резких поворотов (от «интернационализации» 20-х гг. до воспроизводства этничности в противовес религиозности во время реформ Н. С. Хрущева в 60-х гг.). Во-вторых, отношение к конкретным нациям носило выборочный характер и, по убедительному объяснению А. И. Миллера, опиралось на «политический расчет на то, что поощряющая политика в отношении этнических групп, разделенных западной границей СССР, привлечен на сторону СССР их соплеменников за рубежом и увеличит возможности Москвы влиять на западных соседей»¹⁷⁵. Подобная взаимосвязь внешней политики и политики национальной особенно четко проявилась на судьбах наций, разделенных западной границей Советского Союза, в том числе и украинцев.

Легитимация нового политического субъекта достигалась и за счет использования истории в качестве ресурса оправдания политических и социальных моделей поведения советской власти. Как только терпит крах политика «интернационализма», и возникает потребность в выстраивании автономной истории (30-е гг. XX в.) (см. подробнее на примере фигуры Александра Невского работу Ф. Шенка¹⁷⁶), происходит редуцирование исторических фактов к противостоянию европейскому влиянию со стороны Древнерусского государства и тех политических объединений, которые

¹⁷⁴ Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. С. 199.

¹⁷⁵ Миллер А. И. История империя и политика памяти // Наследие империй и будущее России. М., 2008. С. 45.

¹⁷⁶ См.: Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007. С. 132–134.

рассматривались как преемники этой первой формы государственности на территории Советского Союза.

Впрочем, у любого обоснования есть свои границы, и эти границы обозначает изменяющаяся политическая реальность, что и произошло в 1991 году. Пробудившиеся конфликты на национальной почве в 1980-х гг. (Нагорный Карабах) обозначили переход сформировавшихся национальных элит от подчеркивания автономности в рамках советской политической и идеологической системы к претензиям на самостоятельную политическую идентификацию. При этом способом подчеркивания таких претензий стало обращение к истории, совпадающее со стремлением максимально размежеваться с тем типом имперского прошлого, который конструировался в советской историографии. По словам В. А. Шнирельмана, «в национальных республиках еще менее притягательным оказывался образ императорской России, на счету у которой имелись свои преступления, и о них в 1990-х годах много писали, например, в Татарстане, в Башкортостане и в республиках Северного Кавказа. В такой ситуации вполне естественным выглядело стремление многих людей дистанцироваться от всех этих преступлений и несправедливостей. Такой цели можно достичь двумя способами: во-первых, апелляцией к более древнему прошлому, которое не воспринималось столь болезненно, и которому можно было придать героический облик, а во-вторых, акцентом на «малую родину», позволявшим избежать прямой идентификации с деятельностью российского государства»¹⁷⁷.

Даже в современном обществе, провозглашающем принцип максимального ускорения социальных и технических преобразований, история остается главным источником обоснования формы политического правления. Понятно, что в данном случае история лишается своей универсальной значимости, которая ей придавалась в рамках позитивистской методологии, и становится лишь источником конструирования определенного типа памяти.

Политика памяти на постимперском пространстве

Резкое изменение и увеличение количества новых политических образований на постсоветском пространстве, развитие средств коммуникации и получение доступа к ним практически всех социальных групп лишают социальную память непротиворечивости и последовательности, соответствующей эпохе существования национальных государств. Любое знание, в том числе и знание о прошлом, является верифицируемым и корректируемым со стороны любых заинтересованных в этом знании социальных институтов или отдельных индивидов. Образ последовательно развивающейся, однонаправленной и непрерывной памяти сменяется множеством отдельных серий событий, «мест памяти», выражаясь терминологией П. Нора, которые образуют последовательность лишь в результате совокупности историографических операций и коммеморативных практик. Вместе с тем, опрометчиво было бы считать, что многовариантность восприятия прошлого является основанием для краха любых интегративных идеологий.

¹⁷⁷ Шнирельман В. А. Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках. С. 32.

Следует различать понятия «политика памяти» и «историческая политика». Под исторической политикой понимается поиск исторических оснований для предъявления политических или экономических претензий, причем инструментами этой политики может стать придумывание несуществующих фактов, замалчивание «неудобных» фактов, сознательная подтасовка интерпретаций исторических событий. В такой трактовке историческая политика выступает элементом политической борьбы и может рассматриваться как элемент внешнеполитической идеологии. А. Миллер в этой связи добавляет, что само понятие «историческая политика», появившееся в Польше, является идеологически окрашенным, поскольку целью создания такой политики явилось стремление добиться компенсации от правопреемников бывшего Советского Союза¹⁷⁸. «Требую от России покаяния и компенсаций за реальные и мнимые грехи, описывая Россию как неизлечимо агрессивную имперскую нацию, создавая образ России как конституирующего и враждебного Чужого, сторонники «исторической политики» считают ее подходящим инструментом для формирования национальной идентичности у себя в стране, для борьбы со своими политическими оппонентами, для маргинализации тех или иных групп населения»¹⁷⁹. Такая политика может оправдываться эмоциональными и прагматическими факторами, но ее конструктивный потенциал оказывается крайне низок, поскольку происходит продуцирование политических конфликтов, которые, в условиях этнически неоднородного населения стран современной Восточной Европы, приводят к эскалации этнической дискриминации.

Политика памяти представляется в рамках научного дискурса более адекватным термином для описания совокупности действий, предпринимаемых государством или общественными организациями для формирования коллективной идентичности на основании преодоления конфликтных моментов прошлого и подчеркивания тех событий и фактов, которые способны обеспечить консолидацию подавляющей части общества. Политика памяти выходит на передний план тогда, когда современная социальная и политическая ситуация вызывает потребность в изменении не самого отношения к прошлому, а его отдельных элементов, устаревшими оказываются сами стратегии обращения к прошлому. Таким образом, определенный тип памяти начинает поддерживаться и транслироваться с помощью государственных информационных и финансовых ресурсов в том случае, когда вызываемые этой памятью эмоциональные и рациональные ценности оказываются созвучны приоритетам современной политики.

Можно конкретизировать представленные выше суждения следующим образом: политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники по истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик. При этом политику памяти все-таки следует отличать от фальсификации истории (если под фальсификацией понимать придумывание фактов, а не механизм репрессирования ученых и их научных

¹⁷⁸ См.: Миллер А. И. Указ. соч. С. 51.

¹⁷⁹ Там же. С. 52.

концепций), потому что суть данных действий заключается не в придумывании исторических «фактов», а только в поиске более подходящих интерпретаций и выборе новых критериев отбора исторически значимых событий. Политика памяти заключается в создании того набора образов прошлого, которые наиболее эффективно позволят конструировать коллективную идентичность, уменьшать уровень противостояния внутри государства и презентировать это государство в рамках мирового сообщества.

Когда 9 мая мы приходим возлагать цветы к Могиле Неизвестного солдата – это тоже политика памяти, одновременно индивидуальная (поскольку мы совершаем это по зову сердца) и коллективная (поскольку цветы возлагаем не мы одни). Осознание солидарности (в понимании Э. Дюркгейма) возникает не только потому, что мы не одни делаем этот шаг, а потому что в этом ритуале оказываются задействованы механизмы коллективной идентичности, сформированные в результате социализирующих, прежде всего, образовательных практик.

В этом контексте особый интерес вызывает изучение стратегий политики памяти в Украине, поскольку эта страна не только является одним из ведущих политических игроков на постсоветском пространстве, но и занимает, в силу геополитических и экономических факторов, неоднозначную позицию на геополитической карте Восточной Европы. Эта неоднозначность, вкуче со стремлением к конструированию общеевропейской идентичности, оказывается выражена в образовательных практиках политики памяти, в частности, в школьных и вузовских учебниках украинской истории. Следует согласиться с Л. Моисеенковой и П. Марциновским, по своим методам осуществления политики памяти украинская политическая верхушка воспроизводит методы создания советской идентичности, осуществляя, по сути, «приватизацию государственной власти номенклатурой союзных республик». При этом многообразии учебников украинской истории (38 наименований на 2002/03 гг.) и содержащихся в них трактовок спорных событий прошлого не позволяет утверждать, что в украинском обществе присутствует единая политика памяти, а можно говорить лишь о некоторых отчетливо проявляющихся тенденциях.

«Киевская Русь» в украинских учебниках истории

В силу того, что всеобъемлющее рассмотрение украинской политики памяти вряд и возможно в пределах отдельной статьи, следует остановиться подробнее на интерпретациях одного периода украинской истории, на примере которого, как представляется, можно рассмотреть основные стратегии политики памяти в современном украинском обществе.

«Киевская Русь» при всей условности этого термина остается значимым термином при описании периода начальной государственности как для российской историографии, так и для украинской. С одной стороны, это достаточно отдаленное прошлое, которое относительно легко может быть мифологизировано, а с другой – интерпретация Древней Руси как особого государственного образования и вопрос выявления его политических преемников является важным механизмом в конструировании политической идентичности современной Украины. На примере рассмотрения этого периода в украинских учебниках истории и «околонаучной» литературе можно выявить общие тенденции политики памяти в украинском обществе.

При этом, начиная с XII в., в фокус исследования украинских историков попадает только юго-восточный регион тех земель, которые советскими историками включались в состав Древнерусского государства, и именно – Киевское и Галицко-Волынское княжества. Можно выделить в этом периоде несколько основных исторических событий, в интерпретации которых современная украинская историография пытается отойти от штампов советской учебной литературы и использовать новые трактовки для конструирования общеукраинской идентичности:

1. Создание государственного образования «Киевская Русь» и подчеркивание политической преемственности современной Украины по отношению к этому государственному образованию.

2. Феодалная раздробленность в XII в., сопровождающаяся борьбой князей за Киев (в частности, поход на Киев 1169 г.).

3. Татаро-монгольское нашествие, способствующее политическому и культурному обособлению Галицко-Волынского княжества от остальной части русских земель.

Сам термин «Киевская Русь» рассматривается украинскими историками и политиками как название того государства, которое явилось политическим предшественником впоследствии независимой Украины. В пользу этой политической преемственности авторами украинских учебников приводится несколько основных аргументов.

Суть языкового аргумента можно свести к следующему утверждению: тот язык, на котором говорило население Киевской Руси, и который лег в основу «кириллицы», является предком не русского, а современного украинского языка¹⁸⁰. А остальные восточнославянские языки (белорусский и русский) являются сильно испорченными и «замусоренными» позднейшими заимствованиями диалектами вот этого самого исконного языка, только, в отличие от украинского, русский и белорусский диалекты сильно испорчены заимствованиями из татарского и угро-финского. Не вдаваясь в лингвистические споры, можно отметить, что подобное «присвоение» языка не является общей позицией украинских историков, поскольку в некоторых учебниках подчеркивается общее происхождение восточнославянских языков от языка, на которое разговаривало население Киевской Руси¹⁸¹.

Территориальная аргументация того, что Киевская Русь явилась прообразом современной Украины, заключается в подчеркивании того факта, что именно Киев являлся столицей Киевской Руси, и он же выступает в качестве официального политического центра современной Украины. «Киевское княжество стало центром формирования могущественного средневекового государства – Руси»¹⁸². Выбор столицы в данном случае подчеркивает, по мнению авторов украинских учебников, не только политическую, но культурную и этническую преемственность.

¹⁸⁰ См.: Речкалов А. П. Кто ты, Русь: первые времена и первых князей вспоминая... Киев, 2007. С. 16.

¹⁸¹ См., напр.: Лях Р. Д., Темирова Н. Р. История Украины. С древнейших времен и до XV в. Киев, 2000. С. 83.

¹⁸² Свидерский Ю. Ю., Ладыченко Т. В., Романишин Н. Ю. История Украины. Киев, 2007. С. 53.

Второй значимый эпизод из истории Киевской Руси, подвергаемый самым различным интерпретациям – феодальная раздробленность. Феодальная раздробленность оценивается некоторыми авторами украинских учебников, лояльно настроенными по отношению к России, как процесс постепенного обособления украинских земель от тех территорий, на которых впоследствии образуется Московская Русь, причем сам Андрей Боголюбский, бывший вдохновителем походов на Киев, характеризуется вполне нейтрально – «стоял у истоков великорусской государственности, стал первым князем, который отказался править в Киеве и заложил основы независимого великого княжества на Северо-Восточной Руси»¹⁸³. Другими авторами процесс постепенного усиления князей Северо-Восточной Руси, проявившийся во взятии и разграблении Киева в 1169 г., рассматривается как узурпация власти¹⁸⁴.

Общей тенденцией анализируемых учебников является сосредоточение, начиная с XII в., исключительно на судьбах Киевского княжества и, впоследствии, Галицко-Волынской земли. Последнему государственному образованию уделяется особое внимание, поскольку это княжество и его правители (прежде всего, Даниил Галицкий) не только рассматриваются в качестве основоположников украинской государственности, но и выступают проводниками вхождения земель бывшей «Киевской Руси» в ореол европейских стран. Авторы одного из учебников конкретизируют связь между Киевской Русью и последующей Украиной (пусть даже в составе Речи Посполитой) предельно четко: «1. Киевская Русь был многоэтническим государством, откуда ведут свою историю современные украинцы, россияне, белорусы. 2. Галицко-Волынское государство было прямым наследником Киевской Руси. 3. Расположенное на украинских землях, Галицко-Волынское государство стало первым моноэтническим, т. е. населенным преимущественно представителями одной нации, украинским государством»¹⁸⁵.

В учебниках особенно подчеркивается активное противостояние Даниила Галицкого татаро-монгольскому нашествию, а подчинение Галицко-Волынского княжества власти монгольского хана оправдывается и смягчается – «спустя некоторое время Данил Романович Галицкий был вынужден признать власть золотоордынского хана, хотя зависимость Галицко-Волынского княжества от Золотой Орды была намного меньшей, чем других русских земель»¹⁸⁶. Культуртрегерская и проевропейская деятельность Даниила Галицкого противопоставляется в украинских учебниках и публицистических изданиях подчинению владими́ро-суздальского князя Александра Невского власти монголов.

Интересно, что сам Александр Невский, в силу указанного противопоставления, появляется в украинской исторической литературе лишь в качестве антигероя, с чем связаны его отрицательные характеристики как политического деятеля и человека. В частности, по поводу Невской битвы один из украинских историков пишет, что «произошла то ли битва, то ли драка, и в чем состояла ее судьбоносность для будущей Московии – неизвестно... В Моско-

¹⁸³ Лях Р. Д., Темирова Н. Р. Указ. соч. С. 191.

¹⁸⁴ См., напр.: Власов В. С., Даниевська О. М. Вступ до історії України. К., 2002. С. 78.

¹⁸⁵ Свидерский Ю. Ю., Ладыченко Т. В., Романишин Н. Ю. Указ. соч. С. 177–178.

¹⁸⁶ Губарев В. К. История Украины. Донецк, 2007. С. 75.

вии случались драки и побольше Невской, когда на святки шла драться деревня на деревню. Таких «битв» за сотни лет было проведено тысячи, в том числе и с инородцами, но никому не взбрело в голову назвать эти драки битвами, да еще судьбоносными»¹⁸⁷. Таким образом, стремление оправдать и возвеличить Даниила Галицкого в качестве одного из основоположников украинской государственности достигается за счет обвинений в адрес правителей Северо-Восточной Руси, а само такое размежевание выступает в глазах европейски ориентированных украинских историков в качестве кульминационного момента украинской истории, отчетливо обозначившего культурные и политические ориентиры будущей Украины.

Специфика политики памяти в современном украинском обществе

Проведение политики памяти в Украине в 90-е гг. XX в. является во многом характерным для всего постсоветского пространства, и суть ее можно обозначить как национализацию значительной части имперской истории. Специфика украинской историографии заключалась в том, что, по сравнению с другими странами, образовавшимися на постсоветском пространстве (за исключением, может быть, Беларуси), Украина попыталась строить свою политику памяти не на противопоставлении имперской историографии, а на использовании значительного количества фактов, которые в советских учебниках однозначно относились к раннему периоду истории Руси. В таком контексте и сама «Русь» в качестве обозначения государственного образования, одинаково значимого для Российской Федерации и Украины, стала предметом споров как на поле профессиональной историографии, так и среди политиков.

При этом можно выделить несколько узловых исторических моментов, которые оказались использованными украинской историографией и послужили источником формирования национального самосознания и, параллельно, основой для предъявления моральных (а частично, и материальных претензий) по отношению к Российской Федерации.

Во-первых, переосмыслению подвергается само понятия «Киевская Русь». В украинских учебниках все отчетливее – от издания к изданию – проявляется тенденция к удревнению собственной истории и отказу в совместности данной истории с другими народами (прежде всего, украинцами и белорусами). Владимир Святой и Ярослав Мудрый провозглашаются национальными героями Украины, а одним из первых шагов украинского президента Л. Кучмы становится создание памятников этим древнерусским князьям в центре Киева.

При этом украинские историки создают и более глобальное историческое обобщение. В противовес господствовавшей в Советском Союзе концепции «братских народов», согласно которой разделение великорусского, украинского и белорусского народов имело место относительно поздно (XV–XVI вв.), причем причиной этого являлось политическое разделение, украинская историография выдвигает другую теорию. Согласно этой теории, корни разделения трех народов лежат гораздо глубже и заключаются в

¹⁸⁷ Губарев В. К. Указ. соч. С. 58.

их изначально различной этнической природе: если белорусы являются потомками балтских народов, а русские – финно-угорских, то украинцы являются единственным народом, имеющим чисто славянское происхождение. В связи с этим и отвергается этимология самого названия «Украина» от слова «окраина», имеющая, согласно новым украинским учебникам, дискриминационную природу. Л. Кучма в своих работах предложил другую версию – от слова «край», но не в смысле границы, а смысле отдельного региона, особой территории (аналогично понятиям Краснодарский край и Красноярский край).

Во-вторых, в современной Украине кардинально изменилось представление о героизме и, соответственно, пополнилась галерея национальных героев. Проанализированное противостояние «Александр Невский – Даниил Галицкий», можно дополнить и другими историческими примерами. На смену Богдану Хмельницкому, приведшему Украину в состав Российского государства, приходят борцы за независимость – Иван Мазепа и Степан Бандера, принимавший участие в Великой Отечественной войне в составе вермахта. Одним из последних указов бывшего президента Украины В. Ющенко стало присвоение Степану Бандере почетного звания «Герой Украины». Аннулировать данный указ весной 2010 г. оказалось возможным только по одной формальной причине – Степан Бандера не являлся гражданином независимой Украины в силу отсутствия самого такого государства.

И, в-третьих, украинская историография сформировала целый список исторических событий, служащих основанием для предъявления претензий сопредельным государствам, прежде всего, России. Оставляя в стороне сугубо историческую обоснованность данных претензий, можно отметить, что главным обвинением становится «геноцид украинского народа» из-за голода 30-х гг. XX в. («Голодомора»), массовых репрессий и ведения открытых боевых действий (имеются в виду уничтожение членов ОУН в послевоенные годы).

Следует признать, что актуализация подобных тенденций выстраивания политики памяти может быть связана с борьбой политических сил внутри самой Украины, в частности, с решением неоднозначного вопроса о ее внешнеполитической ориентации. О такой зависимости может свидетельствовать изменение трактовок прошлого в результате прихода к власти политических сил, ориентированных на внедрение Украины в европейское культурное и политическое пространство, следовательно, рассмотрение ее истории в контексте общеевропейских тенденций исторического развития. По словам Г. Касьянова, «периодические обострения украинско-российских отношений в разных сферах (от экономики до геополитики) постоянно актуализируют тему имперскости именно в контексте опасности российского империализма и его амбиций»¹⁸⁸. Но, учитывая неоднородность самого украинского общества и возникающие в связи с этим трудности выстраивания общеукраинской культурной и исторической идентичности, односторонние интерпретации исторического прошлого вряд ли смогут обеспечить достижение внутриполитического и социального консенсуса в стране.

¹⁸⁸ Касьянов Г. «Пикник на обочине» осмысление имперского прошлого в современной украинской историографии // Новая имперская история постсоветского пространства. С. 82.

И. Я. Эльфонд (Саратов)

ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVI ВЕКА

Становление и утверждение абсолютной монархии, как правило, повсеместно сопровождалось созданием властной пропаганды, за которой обычно следовало формирование определенного образа власти, персонализированного в облике непосредственного его носителя. На передний план выдвигался образ конкретного монарха как воплощения идеала правителя и в то же время исключительной личности благодаря своим индивидуальным качествам. При этом иногда непосредственно выполнялся социальный заказ, и власть зорко следила за тем, чтобы не допускать отхода от сложившейся и утвержденной свыше традиции. Проблеме конструирования имиджа власти в XVI в. за последнее десятилетие было посвящено немало трудов, в том числе и вопросу о сознательном конструировании культурной мифологемы по заказу самих носителей власти¹.

Решение проблемы репрезентации монархов чаще всего было связано с использованием и обыгрыванием тезиса о сакральности светской власти, о власти государя от Бога. Эпоха Ренессанса с ее светскими основами и культом грандиозной личности предоставила широчайшие новые возможности для прославления царствующих монархов, при этом идея сакральности власти, ее божественного происхождения на какое-то время отходит на второй план. Взамен распространяется апелляция к образам, навеянным античностью, что вполне корреспондировалось с ренессансными веяниями.

Образ правителя конструировался с помощью разнообразных приемов, в том числе и с помощью историографии. Культурная политика эпохи получила название «политики величия». К середине XVI в. культура окончательно превращается в способ прославления власти, при этом добавляется новый компонент – обращение к национальной традиции. Последнее почти автоматически определило трактовку образа правителя в историографии – внимание историков почти полностью уделено не истории народа, не институциональной истории, не даже истории войн, но истории царствований на фоне других исторических событий. Если историки этого периода и не разделяли точку зрения иных теоретиков права – король – это бог на земле, то, во всяком случае, сам исторический процесс трактовался ими как на-

¹ См.: Rites of power: symbolism, ritual and politics since the Middle Ages. Philadelphia, 1985; Yates F. Astraea. L., 1985; Rituals of royalty. Power and ceremonial in traditional societies. Cambridge, 1987.

правляемый деятельностью монархов, и их образ (независимо от эпохи) подавался как образ великих правителей.

Начало гражданских войн значительно изменило ситуацию, задача презентации власти, создание ее ставшего уже традиционного имиджа в этих условиях становятся затруднительными. Но официальная пропаганда вынуждена была обороняться от нападков на носителей власти со стороны множества политических публицистов, которые весьма преуспели в конструировании образов чудовищ, недостойных править. Образ правителя во второй половине века во Франции как бы двоятся (это коснулось и трактовки истории), причем любопытно, что одни и те же авторы вполне могли менять свою позицию и даже политический лагерь.

Начиная со времени правления Генриха II, государи вполне сознательно и последовательно поощряли или прямо заказывали определенную трактовку прошлого в целях прославления монархии путем прославления конкретных правителей. Среди важнейших способов конструирования образа правителя оказывается напоминание о величии и вечности рода французских королей. Восстановление троянского мифа (давно отброшенного историками, начиная с Р. Гагена) сопровождается прославлением правления Каролингов и Капетингов. По этой причине историография привлекает особое внимание, и в ней отражается стремление к пропаганде властных мифов и, в частности, мифа об идеальном государе, а тем самым пропагандировался тот положительный образ власти (обычно на материале давнего прошлого), который с трудом удавалось продвигать средствами политической литературы.

Идеализировать правителя, конструировать положительный образ власти с течением времени становилось все сложнее. Уж очень не соответствовал реальный монарх тому идеалу, который был сформулирован политическими проабсолютистскими теоретиками от Сейселя до Бодена, а, кроме того, оппоненты достаточно успешно трудились в противоположном направлении, рисуя царствующего монарха (особенно в публицистике) самыми черными красками. Поэтому в разработке имиджа власти в сфере политической теории речь идет уже не о персонификации ее в образе царствующего государя, а скорее о разработке образа идеального монарха, венцом которого следует считать соответствующий пассаж в трактате «О государстве» Ж. Бодена.

Как известно, в число необходимых нравственных компонентов характеристики идеального государя Боден (как и Леруа, Лопиталь, Отман, как и все, кто шел за ними) включал вполне традиционные: государь должен быть мудрым и жалостливым, смелым, скромным, непреклонным, разумным, рассудительным, приятным, милостивым и одновременно грозным, беспощадным и, прежде всего, справедливым². Черты эти восходят к античной мысли. От государя также требуется готовность к самопожертвованию, воздержанность, подчинение личных интересов интересам государства, любовь к своим подданным. Государь является источником закона (у теоретиков абсолютизма) или же он исполняет существующие законы (у сторонников народного суверенитета). Характерно, что именно понимание принципа закона

² См.: *Bodin J. De la république les six livres. P., 1578. P. 202.*

отличает монарха от тирана: отношение к закону (и органически связанному с ним порядку) является типологическим признаком монархии или тирании.

Идеал государя как образа власти, как ее персонификации оказался в политических сочинениях на редкость абстрагированным и традиционным. Но политические теоретики сконструировали методом от противного и образ тирана, который по всем своим чертам является полной антитезой идеальному монарху. Он, естественно, даже приходит к власти нелегитимно, а в дальнейшем исходит из собственных интересов, а потому главным образом нарушает закон и порядок: от разорения подданных до их истребления. Он провозглашается «бешеным зверем» и приобретает черты inferнального существа.

Оба эти образа, с увлечением сформулированные теоретиками и внедренные в массовое сознание публицистами, широко использовались при создании образа монарха в эпоху гугенотских войн. Образ монарха-тирана, «попирающего пятой законы Бога и природы», получил большую популярность. Идейное содержание памфлетов во многом было определено кругом политических проблем, и вопрос об облике властителя становился одним из центральных. Этим темам отдали должное все без исключения памфлетисты. В целом все они декларировали формальный легитимизм (а в случае выступления против короны вносились соответствующие оправдательные коррективы) и конструировали резко негативный образ царствующего монарха вплоть до образа «злобного Ирода». За полвека на французском троне сменились пять королей (Генрих II, Франциск II, Карл IX, Генрих III, Генрих IV), образ каждого из этих очень непохожих друг на друга людей и правителей в итоге неоднозначен. Официальная пропаганда пытается сохранить имидж власти, публицисты же конструируют все более чудовищные образы: король – это «цербер римского антихриста»³.

Публицистике противостояли профессионалы, которые конструировали образ власти (т. е. монарха), который столь же легко воспринимался массовым сознанием, и довольно успешно конкурировали с памфлетистами. В числе этих профессионалов значительное место занимают историки. В исторических сочинениях (не только официальных) образы правителей достаточно разнообразны, но в принципе складывается и некое общее клише.

Исторические (или псевдоисторические) сочинения продолжали реализовывать идеальный образ правителя каждого из этих очень непохожих друг на друга по облику и характеру людей. В итоге в исторических сочинениях этот образ схож и соответствует образу идеального монарха, созданному апологетами абсолютной монархии. Это касается даже образа Генриха IV, поскольку уже в 1594 г. появляется сочинение С. Гарнье «Генриада», где присутствуют составляющие, типичные для образа власти – король-воин, король-правитель и мудрый законодатель (естественно, любимый населением).

Образцом же для монарха должны были служить собственные предки, моделью государя провозглашаются Каролинги: тезки короля Карла – Карл Великий и Карл Мартелл. Вполне естественно, что вскоре появляется сочи-

³ Discours par Dialogue sur l'edict de la revocation de la paix publiee le 20 iour du septembre l'an 1568. S./L. [La Rochelle], 1569. S.n.(P.O).

нение, само содержание которого связано с редкостным сервильным замыслом и реализацией последнего – «История королей по имени Карл» (1568)⁴. Имя монарха служило для его возвеличения путем апелляции к великим предкам и тезкам. Характерно, что это сочинение принадлежит Франсуа де Бельфоре – автору, который прославился скорее как литератор, чем как историк. Утверждение абсолютной монархии вызывало к жизни и становление новой политической идеологии, основанной на прославлении абсолютной монаршей власти. Собственно эта тенденция у Бельфоре видна сразу: «Я писал эту книгу как верноподданный ради величия своего суверенного монарха и счастья государства»⁵. История государства и величие монарха неразрывны в исторических сочинениях эпохи. Составной частью этой мифологии являлся и миф об идеальном короле, защищающем права народа и полностью соблюдающем установленные традицией порядки.

Это отразилось даже в названиях исторических сочинений эпохи: исследование Жана дю Тийе («Сборник о французских королях, их короне и королевском доме») вышло в свет в 1548 г., а сочинение его брата и тезки («Хроника французских королей от Фарамонда до Генриха II») – в 1543 году⁶. Официальная историография (прежде всего, Б. Дю Гайян) продолжила эту традицию (его сочинение «Всеобщая история французских королей» вышло в 1576 г. и было опровержением трудов тираноборцев⁷), но и сами тираноборцы рисовали образ идеальных королей, как и эрудиты.

Главное в оценках правителей – их прославление, что связано с оценкой их деятельности на благо Франции. Само могущество Франции есть совокупность деятельности монархов, сменявших друг друга. «Их заслуга в том, что они привели Францию к нынешнему ее величию»⁸, а поскольку величие достигнуто их подвигами и деяниями, то предметом исторического описания и становятся именно они. Grandeur страны для историков – это результат Grandeur монархов. Это величие явлено в истории как благодаря защите монархами своих границ, так и завоеваниям, а также проявляется в государственной деятельности. В частности, так оценивается функционирование Генеральных штатов – «торжественные собрания (solemnelles assemblées) их способствовали величию страны»⁹.

Вторым по значимости фактором, подтверждающим величие монархов, провозглашается организация судопроизводства и создание парламентов, «это далеко не последнее в величии наших королей»¹⁰. Историки доказывают, что «всеми своему величию страна и народ обязаны благодеяниям монархов»¹¹. Монархи вершили эти благодеяния и на ниве просвещения, что доказывает история университетов. Особо почетное место занимает Фран-

⁴ См.: *Belleforest F. de. Histoire des neuf rois Charles de France. P., 1568. L. 1–19.*

⁵ *Ibid. P. 1.*

⁶ См.: *Du Tillet J. Recueil des roys de France, leurs couronne et maison. P., 1548; Idem. Chronicon de regibus Francorum a Pharamondo usque ad Henrici II. P., 1543.*

⁷ См.: *Du Haillan B. Histoire générale des rois de France depuis Pharamond jusqu'à Charles VII inclusivement. P., 1976.*

⁸ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1643. P. 42.*

⁹ *Ibid. P. 43.*

¹⁰ *Ibid. P. 62.*

¹¹ *Ibid.*

циск I, «отец искусства, благодетель школ и покровитель университетов»¹². Здесь по конструированию образа эстета, покровителя наук, языков и искусства на первое место выходит Э. Пакье, вообще считавший, что главное в истории страны – это развитие цивилизации и культуры. Образ Франциска превозносится как раз как образ культурного героя – благодетеля литературы, создателя французского коллежа, библиотеки, терпимости. Короче, «достоинство наших монархов таково, что авторы с трепетом принимают на себя задачу описания их деятельности»¹³. Это исключительное величие французских монархов объясняется тем, что они ранее других королей приняли крещение, и в итоге «сам господь пожелал их дать им такое величие»¹⁴.

Критика при этом также могла быть, но критика отдельных королей. Иногда в одном сочинении могут встретиться прямо противоположные оценки. Так, Карл Лысый – это великий монарх, один из важнейших продолжателей Карла Мартелла в деле превращения франкского государства в государство Францию, но при этом «Карл стал второй лисицей он был по своей природе труслив, но крайне честолюбив»¹⁵. Его отец Людовик Благочестивый не только слаб, но и склонялся к подавлению своего народа (*estoit plus enclin au soulagement de son peuple*)¹⁶. Критика королей связана по преимуществу с их моральными качествами – упоминается «распутство Филиппа I», Карл VII оказывается «слабым, чтобы восстановить свое государство», и «предавался своим чувствам и страстям... любви к прекрасной Агнессе, и забывая рядом с ней о всех государственных делах, необходимых для государства»¹⁷, но при этом остается милым (*gentil*) королем Карлом. Разумеется, у сторонников конституционализма, тем более тираноборцев, встречается куда более негативные оценки, но по преимуществу в связи с теми же недостатками. Если «Хильдерих I предался позорным действиям и вел себя распутно, проводя свое время в разврате и развлечениях»¹⁸, то «Теодорих II злобно и жестоко властвовал, управляя государством»¹⁹. Одинаково осуждается как игнорирование государственных дел («короля Хильдериха III они не сочли достойным править из-за его бездеятельности») ²⁰, так и «суровость правления», за чем следует неизбежность наказания – низложение или убийство. Собственно общие установки тираноборцев а priori заставляют считать, что идеального государя быть не может: «из-за беспомощности, в силу своего малого возраста или же легкомысленного характера король может быть развращен и испорчен любым жадным, прожорливым или развратным советником»²¹.

В принципе король не признается носителем и создателем величия. «Король может быть недалек умом или же вообще лишиться его», король может быть развращен и испорчен, король может быть глуп, но и это – ско-

¹² *Pasquier E.* Op.cit. P. 62.

¹³ *Ibid.* P. 2.

¹⁴ *Ibid.* P. 423.

¹⁵ *Ibid.* P. 433.

¹⁶ См.: *Ibid.* P. 43.

¹⁷ *Ibid.* P. 459.

¹⁸ *Hotman F. Francogallia* / ed. J. Salmon, R. Giesay. Cambridge, 1972. P. 234.

¹⁹ *Ibid.* P. 236.

²⁰ *Ibid.* P. 238.

²¹ *Ibid.* P. 402.

рее исключения. Большинство правителей соответствуют требованиям и стремятся к величию своей страны.

Характерно, что к недостаткам правителя относятся также и попытки в своей деятельности изменить традиционные установления, это может оцениваться как «злодеяние» (речь идет о введении наследственных должностей, которое приписывается Гуго Капету)²². Поэтому Людовик XI не только объявляется «самым хитрым и ловким изо всех предшествующих королей», но его правление оценивается как несоответствующее общепринятым нормам: «Людовик управлял королевством таким образом, что во многих делах было бы желательнее правление доброго государя, любящего свою страну»²³.

Естественно, что оценки монархов нередко даются через постоянные эпитеты. Так, Генрих IV историками постоянно называется великим, Франциск I (второе воплощение идеального монарха) – «талантливым». Историки, однако, негативный образ правителя пытались использовать не столько в полемике со своими оппонентами, сколько применять его в отношении не французских королей, а к правителям других стран, в особенности враждебных Франции. Так, обычны негативные оценки английских монархов. Они клеймятся не только за жестокость, поскольку в их обычае было «убивать братьев или близких родственников», а также за то, что в результате страна «испытывала гражданские распри»²⁴. Действия английских монархов «скорее чудовищны, чем странны». Особой нелюбовью пользуются Ричард II, который «совершил множество гнусностей, которыми он обременил свой народ», чтобы реализовать вымогательства, «но не был еще удовлетворен всем этим, и, чтобы не отличаться от своих предшественников, приказал отправить в темницу, а потом казнить своего дядю Томаса, герцога Глостера и изгнать из страны Генриха Дерби»²⁵. Под предшественниками, разумеется, подразумевался «дрянной король Иоанн». Этого эпитета он удостоился за то, что погубил племянника Артура, и, захватив престол, «предательски прикончил Артура»²⁶.

Образ положительного французского короля подчеркивается осуждением чужеземцев – от «макивавеллистов» Манфреда Гогенштауфена и Фредегонды до захватившего престол византийского императора Андроника I и «кровожадных Османов». Самыми же чудовищными правителем были объявлены Христиан II Датский и Иван Грозный. Но осуждение чужеземных монархов служило опровержению образа государя-тирана на французском троне. Даже выражалось сочувствие уже упокоившимся монархам, чье «доброе имя чернится нынешними публицистами»²⁷. Но при этом неудачи французских монархов объясняются справедливым возмездием за деяния их предков. Так, свержение и заключение Карла Простоватого объясняется жестокостью Людовика Благочестивого по отношению к Бернарду

²² См.: *Hotman F.* Op. cit. P. 412.

²³ *Ibid.* P. 440.

²⁴ *Pasquier E.* Op. cit. P., 1632. P. 528.

²⁵ *Ibid.* P. 530.

²⁶ *Ibid.* P. 529.

²⁷ *Ibid.*

Итальянскому и объявляется справедливым воздаянием потомков последнего (графы Вермандуа).

При подобной трактовке каждого из королей все-таки рисуется некая общая идеальная модель монарха. В роли такого монарха выступает Карл Великий. Когда это делает Бельфоре, дабы направить по пути истинному его потомка и тезку Карла IX, это понятно, но тем же занимается и убежденный тираноборец Ф. Отман. А это дает возможность считать, что французская историческая наука в целом конструирует некую положительную модель идеального монарха, причем, и политическая, и эрудитская историография. Для Бельфоре (да и для дю Тийе, Пакье и многих других) Шарлемань – создатель государства, воин и законодатель (реже просветитель). Сторонники же народного суверенитета как приоритетную заслугу этого монарха подчеркивают любовь Карла к свободе франков, стремление к коллегиальному обсуждению государственных проблем, его роль в становлении французских учреждений и законов и даже создании правового государства. Отсюда идеализация Карла: «Он раздумывал над тем, как дополнить то, что ему казалось несовершенным и дал франкам законы»²⁸.

Королей, которые признаны в качестве воплощения образа идеального правителя, историки оправдывают даже в их негативных поступках. Пакье разбирает историю коннетабля Бурбона, в которой задействованы два монарха (Франциск I и Карл V), очень своеобразно. Он, несомненно, сочувствует жертве, история в его изображении трагична, но при этом оправдывает короля Франции, поскольку не сам он, а его мать «покаялась уничтожить коннетабля»²⁹. Оправданием является и рассуждение относительно того, что государи обычно в случае, если их родственники соперничают с ними в талантах и доблести, ревнивы к этой славе, поскольку никто из подданных не должен даже сравниваться с государем. Это – психологическое оправдание короля. Максимум осуждения – заявление, что «король совершил ошибку». Но при этом подчеркивается добрая душа (*bon esprit*) французского короля. Зато негативно оценивается поведение императора Карла V, которого историк делает виноватым во всех событиях, поскольку он воспользовался ситуацией и переманил чужого подданного (да еще потом использовал несчастного коннетабля, сознательно обманывая его)³⁰. Можно сделать вывод, что историки по-разному подходили к оценкам поступков и решений своих и чужих монархов.

Таким образом, конструирование политической мифологии этого времени оказалось неразрывно связано с историографией, которая нарисовала определенный образ монарха, независимо от того, восхваляют ли его или, наоборот, осуждают. Реальный облик и нравы человека не имеют никакого отношения к имиджу монархической власти, но он создавался, когда сознательно, когда бессознательно, для обработки массового сознания. Можно говорить, что создание образа своего национального монарха в исторической науке Франции XVI в. шло двумя путями. В историографии нашла отражение общая методика конструирования образа правителя путем создания определенного имиджа правителя как носителя власти, самой дина-

²⁸ Hotman F. Op. cit. P. 270. Перелагается тезис Эйнгарда.

²⁹ Pasquier E. Op. cit. P., 1643. P. 482.

³⁰ См.: Ibid. P. 488, 494.

стии, лично кого-то из монархов и, наконец, государственности. Историография выражала общие политические и идеологические тенденции, однако, образ правителя как выразителя и создателя величия страны связан исключительно со своими французскими государями. Как правило, трактовка образа правителя других стран, особенно, находящихся в политической конфронтации с Францией, давался не просто критически, но последовательно негативно. Образ идеального монарха, сконструированный политическими теоретиками, служил основой для трактовки историками того или иного царствования.

Н. М. Ольшанская (Урюпинск)

НАПОЛЕОНОВСКАЯ ЭПОХА В ДОКУМЕНТАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (ПО ПИСЬМАМ И ДНЕВНИКАМ СТЕНДАЛЯ)

По истории наполеоновской эпохи в распоряжении исследователей в настоящее время огромная масса различного рода источников: законодательные, статистические, мемуарные, дневниковые и эпистолярные, периодическая печать. Они содержат, безусловно, полезную, но в то же время не совсем объективную информацию об этом периоде. Среди указанных источников, на наш взгляд, наиболее достоверными являются материалы личных дневников современников, как наиболее недоступные для просмотра наполеоновской полицией. К ним примыкают частные письма, в которых данные о конкретном человеке шифровались, сообщались иносказательно или скрывались под инициалами и прозвищами, настолько в обществе при Наполеоне был сильным страх быть наказанными за вольнодумство, если вдруг письмо подвергнется перлюстрации.

Примером таких документов могут служить дневники и письма Стендаля, современника и сподвижника Наполеона, который хорошо знал характер и деятельность императора. В оригиналах все имена и фамилии были проставлены инициалами, сам он из предосторожности подписывался различными псевдонимами, такими, как Доминик, Ф. де Мартен и др.³¹ Современники знали его под именем Анри Бейль, псевдоним «Стендаль» он закрепил за собой только в 1817 г., когда серьезно займется литературной деятельностью³². Его дневники и письма стендалеведы рассматривают как источники и первую ступень к известности. Суждения и оценки наполео-

³¹ Я. Фрид отметил, что Анри Бейль использовал в своих рукописях и заметках не менее ста псевдонимов (см.: *Фрид Я.* Стендаль. Очерк жизни и творчества. М., 1967. С. 69).

³² Немецкий исследователь М. Нерлих писал, что «в конце 1817 года в Париже и в Лондоне появляются два слегка отличающихся друг от друга издания одного и того же текста под названием «Рим, Неаполь и Флоренция в 1817 году», впервые помеченного именем, под которым Анри Бейлю суждено было прославиться, Стендаль» (*Нерлих М.* Стендаль, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Челябинск, 1999. С. 93).

новской эпохи, зафиксированные в них, приобрели особый вес после того, как их автор стал известным писателем не только в Европе, но и в России.

Дневники Стендаля как источники по истории наполеоновской эпохи и формировании мировоззрения писателя давно привлекают внимание исследователей за рубежом и в России. На их материале написал свой труд «Интеллектуальная жизнь Стендаля» французский писатель В. Дель Литто³³. Для освещения проблемы взаимоотношений Наполеона и Стендаля выдержки из дневников и писем использовал М. Хайслер³⁴. В 1999 г. вышла монография М. Нерлих, название которой говорит само за себя: «Стендаль, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни»³⁵. В советской историографии дневники и письма Стендаля, вошедшие в собрание сочинений в 15-ти томах, изданное в библиотеке «Огонек» в 1959 г., комментировал Б. Г. Реизов, известный стендалевед³⁶. Я. Фрид привлекал их данные в своем труде «Стендаль. Очерк жизни и творчества»³⁷. Они послужили источниками для книги А. Иванова «Повседневная жизнь французов при Наполеоне»³⁸.

Письма Стендаля не раз публиковались на страницах периодической печати и привлекались исследователями в своих работах³⁹. Но в целом указанные источники в историографии, к сожалению, не изучались на том уровне, которого они заслуживают.

Представленная тема, на наш взгляд, довольно сложна для исследования, так как читая дневники и письма Стендаля, мы не найдем в них прямого отношения автора к личности Наполеона и его эпохе. С виду это простая светская запись событий обыкновенного обывателя. Но в этом и заключается их непреходящая ценность – мы видим, как именно протекала жизнь маленького человека в непростое время, чем он и его окружение занимались и интересовались, о чем думали, как развлекались, куда спешили поданные французского императора.

Дневник Стендаль стал вести с середины весны 1801 года. Тогда это было модным явлением. Ему едва исполнилось 18 лет. Первую запись в дневнике сделал в Милане 18 апреля 1801 г.: «Я решил записывать события моей жизни, день за днем»⁴⁰. Он в это время находился в Италии в действующей армии Бонапарта в качестве драгуна.

На следующий день делает пометку о смерти императора Павла I в России, к которому Наполеон дружелюбно относился и рассчитывал в будущем на совместные действия против Англии. Когда он узнал о трагедии в Ми-

³³ См.: *Del Litto V.* La vie intellectuelle de Stendhal. Genèse et evolution des idées (1802–1821). P., 1959.

³⁴ См.: *Heisler M.* Stendhal et Napoléon. P., 1959.

³⁵ См.: *Нерлих М.* Указ. соч.

³⁶ См.: *Реизов Б. Г.* Стендаль. Годы учения. Л., 1968; *Он же.* Стендаль. Философия истории. Политика. Эстетика. Л., 1970.

³⁷ См.: *Фрид Я.* Указ. соч.

³⁸ См.: *Иванов А.* Повседневная жизнь французов при Наполеоне. М., 2006.

³⁹ См.: Письма Стендаля // Русский архив. 1892. № 10. С. 236; *Кочеткова Т. В.* Известные письма Стендаля в СССР // Известия Академии наук Латвийской ССР. Рига. 1959. № 1. С. 145–151; *Она же.* Об издании писем Стендаля в России // Вопросы литературы. 1961. № 3. С. 238–240.

⁴⁰ *Стендаль.* Запись от 18 апреля 1801 г. // Дневники. Собр. соч.: в 15 т. М., 1959. Т. 14. С. 5.

хайловском дворце, то произнес фразу «Англичане промахнулись по мне в Париже 3 нивоза, но они не промахнулись по мне в Петербурге»⁴¹. Стендаль был недалек от истины, полагая, что «эта смерть повлечет за собой большие перемены»⁴² – союз с Россией разрушился, и теперь Наполеон искал другие возможные пути борьбы с английским противником.

В записи от 30 апреля впервые упоминается имя Наполеона Бонапарта в рассказе о закладке первого камня площади имени Бонапарта в Милане.

Стендаль наблюдает и записывает впечатления армейской жизни. Он не прирожденный военный, ему в тягость армейские будни, от скуки спасают его спектакли в городах, в которых останавливался его полк. Это были Милан, Верона, Флоренция. Не раз в своих записях он выступит с осуждением тех военных, которые наживались воровством и вымогательством.

В декабре 1801 г. он получил отпуск и уехал на родину, в Гренобль. Из записи от 5 апреля мы узнаем, что 15 апреля собирался отправиться в Париж из Лиона «в гужском кабриолете; место на откидной скамейке обошлось мне в 48 ливров»⁴³. В июле 1802 г. подает прошение об отставке. Одна из причин – ненависть к гарнизонной жизни, хотя в дневнике есть упоминание об условии отца, который предложил ему 3000 франков содержания, если он оставит военную карьеру⁴⁴.

В Париже отставной военный первоначально наслаждался свободной жизнью. Интересно узнать о том, как проводит день безработный молодой француз с минимальным денежным содержанием. По социальному положению Стендаль примыкал к обедневшей буржуазии; обычным светским времяпровождением ее было посещение кафе, театров и друзей, несмотря на определенную ограниченность в средствах.

4 сентября 1802 г. он провел день следующим образом: позавтракал в кафе с 12 друзьями (завтрак обошелся в 163 франка), 12 франков дали на чай обслуживающему персоналу. Вечером был бал. Но иногда вместо бала была дружеская вечеринка или театр⁴⁵.

Но Стендаль никогда бы не стал известным писателем и историком Наполеона, если бы только проводил время в удовольствиях. Он много читал и занимался самообразованием. В дневниках часто встречаются записи о посещении библиотеки: «Иду в Национальную библиотеку, читаю третий том французских «Мемуаров» Гольдони, наименее интересный из трех. Исследовать французский стиль этого итальянца, в нем есть нечто привлекательное. Думаю, что это предельная ясность; у него короткие фразы, и он предпочитает повторить какое-нибудь слово, нежели пользоваться местоимением. Исследовать его на досуге для моей большой работы о стиле»⁴⁶. Кроме Национальной, Стендаль ходил в библиотеку Медицинской школы, в Пантеон, где читал рассуждения Кабаниса. Стендаль молод, полон сил и пробует себя в актерском жанре. Но познания его в этой области были скромны, и он решает брать уроки декламации вместе с кузе-

⁴¹ Цит. по: *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1957. С. 118.

⁴² *Стендаль.* Запись от 19 апреля 1801 г. // *Дневники.* С. 5.

⁴³ *Стендаль.* Запись от 5 апреля 1802 г. // Там же. С. 23.

⁴⁴ См.: *Стендаль.* Запись от 18 января 1805 г. // Там же. С. 96.

⁴⁵ См.: *Стендаль.* Запись от 4 сентября 1804 г. // Там же. С. 67.

⁴⁶ *Стендаль.* Запись от 7 июня 1804 г. // Там же. С. 44.

ном Марсиалем у известного в то время актера Дюгазона: «Я не представляю себе ничего лучшего, ничего более искреннего (менее манерного), чем то, что сказал нам этот глубокий актер... /... Для развития моего таланта знакомство с Дюгазоном – одно из самых счастливых событий, какие могли встретиться на моем пути»⁴⁷.

Стендаль больше всего рассуждает о двух предметах – о своих сердечных увлечениях и о театре. Это были наиболее безобидные темы, говорить о которых можно было, не опасаясь преследований со стороны Бонапарта. Стендаль чрезвычайно обстоятельно описывает свои душевные переживания, встречи, расставания, разговоры с любимой женщиной.

Посещение театральных постановок было одним из любимых развлечений французов в XVIII веке. В столице Франции к началу революции действовало пять крупных театров: Большая опера, Национальный театр, Итальянский театр, театр графа Прованского и Варьете. Это отмечал русский историк и путешественник Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника»⁴⁸. После начала революционных событий количество театров стало резко возрастать, особенно за счет так называемых бульварных заведений. Театр являлся важнейшим фактором духовной жизни Франции. Но если в период Директории и Консульства театры продолжали жить интенсивной жизнью, то в годы Империи Наполеон резко ограничил их деятельность. Он придавал большое значение агитационно-политической роли театра и пытался поставить его себе на службу. Его не устраивала та свобода театральной жизни, которую принесла революция⁴⁹.

Наполеон издал ряд декретов, направленных на ограничение свободы театров, среди которых выделялся декрет от 8 августа 1807 г., согласно которому в столице Франции оставалось только восемь театров: четыре привилегированных – театр Французской комедии, театр Императрицы (Одеон), Опера, Комическая Опера и четыре бульварных театра – Гетэ, Амбигю-Комик, Варьете и Водевиль⁵⁰.

Как уже отмечалось, Наполеон понимал, какое громадное пропагандистское значение имеет театр, поэтому в первую очередь разрешал в постановке пьесы, в которых речь шла об укреплении его власти. Например, 8 декабря 1804 г. была поставлена пьеса Мари-Жозефа Шенье «Кир», через несколько дней после коронавания Наполеона и написанной для прославления императора. Не протестуя против власти одного, автор, тем не менее, проводит мысль о том, чтобы новый король, опираясь на народ, в то же время был для него опорой. Император был не в восторге от подобных умозаключений, и пьеса вскоре была снята с постановки.

Трагедия «Тамплиеры» видного драматурга периода Империи Франсуа-Жюста-Мари Ренуара, в отличие от «Кира» Шенье, Наполеону понравилась, и в письме к Фуше от 1 июня 1805 г. он одобрил пьесу, так как она

⁴⁷ Стендаль. Запись от 12 декабря 1804 г. // Дневники. С. 81.

⁴⁸ Карамзин Н. М. Соч.: в 2 т. Т. 1. Автобиография. Письма русского путешественника. Повести. Л., 1983. С. 319.

⁴⁹ См.: История западноевропейского театра: в 8 т. М., 1969. Т. 3. С. 103.

⁵⁰ См.: *L.-Henry Lecomte. Napoleon et le monde dramatique.* P., 1912. P. 112.

«направляет умы к французской истории»⁵¹. Религиозная тема трагедии, построенная на национально-историческом материале, в первую очередь привлекла внимание императора, так как перекликалась с проводимой им церковной политикой. Используя влияние религиозных идей, Наполеон стремился подчинить церковь государству и использовать ее в качестве инструмента укрепления своей Империи. В «Тамплиерах» содержатся почти прямые намеки на современность. Образ сильного короля Филиппа IV, имеющего большие заслуги перед страной, прямо ассоциировался с образом Наполеона. Стендаль отозвался о «Тамплиерах» как о «жалкой стряпне, лишенной характеров и интереса»⁵².

Если такая блестящая пьеса, по мнению Наполеона, как «Тамплиеры», не привлекла внимание Стендаля, то какие же постановки приводили его в восторг, что было популярным в то время у простого парижского обывателя? Записи в дневниках 1804–1806 гг. помогают подробным образом ответить на поставленные вопросы.

11 апреля 1804 г. Стендаль был на премьере «Ложной стыдливости» Шарля де Лоншана. Спектакль выдержал всего три представления; по признанию самого автора дневников, «начиная с третьего акта я почти спал; до самого конца пьеса идет под свистки и аплодисменты»⁵³. Тем не менее, он делает вывод о том, что «никогда не следует жертвовать выразительностью фразы ради какого-то там «хорошего тона»⁵⁴.

В апреле Стендаль смотрит и оценивает пьесу «Дом Мольера» С. Мерсье, о которой отзывается, как об «исполненной восхитительной естественности; эта пьеса, по общему мнению, очаровательна, а на мой взгляд, просто чудесна»⁵⁵; отзывается положительно об «Эдипе» Расина и «Ворчливом любовнике».

Помимо пьес, прямо восхваляющих или одобряющих политику Бонапарта, было достаточно постановок, где содержался только намек на его личность, но зрители это прекрасно улавливали. 23 мая 1804 г. Стендаль смотрел «Эдипа»: «Без конца аплодировали стиху: «Он шел, великий царь, один, без пышной свиты». В этих словах усматривают намек на Бонапарта. В каком смысле – в хорошем или в дурном?»⁵⁶.

В целом, как показали наши подсчеты, молодой человек посмотрел за период с 1804 по 1805 г. 50 спектаклей в разных театрах (35 – в 1804 г., 15 – в 1805 г.). Интерес к содержанию постановок постепенно заменяется стремлением видеть и наслаждаться игрой некоторых актрис, поклонником которых он являлся.

Среди десятка имен авторов пьес, актеров и актрис, упоминаемых автором дневника, наибольшее внимание заслуживает внимания характеристика Стендалем личности и творчества одного из талантливых актеров наполеоновской эпохи – Франсуа-Жозефа Тальма.

⁵¹ Цит. по: *Реизов Б. Г.* Между классицизмом и романтизмом. Спор о драме в период Первой Империи. Л., 1962. С. 36.

⁵² *Стендаль.* Запись от 31 июля 1805 г. // *Дневники.* С. 200.

⁵³ *Стендаль.* Запись от 11 апреля 1804 г. // Там же. С. 33.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Стендаль.* Запись от 19 апреля 1804 г. // Там же. С. 35.

⁵⁶ *Стендаль.* Запись от 23 мая 1804 г. // Там же. С. 42.

Ф.-Ж. Тальма родился в 1763 г. в Париже. Учился в парижском пансионе, затем вернулся в Лондон для того, чтобы изучить профессию отца, зубного врача. Продолжая выступать в любительских спектаклях, постепенно овладевал сценическим искусством. Еще все больше и больше тянуло к театру. Отец хотел видеть в нем продолжателя своего дела, но любовь к театру у Франсуа-Жозефа оказалась сильнее. В 1786 г. Тальма поступает в Королевскую школу декламации и пения в Париже. Еще до окончания школы он появился на сцене перед парижской публикой: в небольшом театре на улице Нотр-Дам-де-Назарет сыграл Ореста в трагедии «Ифигения в Авлиде».

Тальма впервые появился на сцене театра «Комеди Франсез» 21 ноября 1787 г. в роли Сеида в трагедии Вольтера «Магомет». В «Журналь де Пари» появилась краткая заметка: «Молодой человек, дебютировавший в роли Сеида, подает большие надежды; он обладает всеми природными данными для амплуа героя: осанкой, лицом, голосом; публика ему рукоплескала вполне заслуженно». 26 декабря того же года Тальма зачисляется в труппу «Комеди Франсез» в качестве пансионера⁵⁷.

Его сближение с Наполеоном Бонапартом началось еще в период Директории. «Фавье рассказал мне, что, когда Бонапарт был молод, Тальма давал ему бесплатные билеты во Французский театр»⁵⁸, — узнаем мы из записи от 25 мая 1804 года. Наполеон это не забыл и впоследствии, став Первым консулом, а затем императором, оказывал покровительство актеру. Тальма играл в придворных спектаклях, ездил с труппой театра «Комеди Франсез» по вызову Наполеона в его военную ставку⁵⁹.

Как и тысячи современников, Стендаль обожал игру Ф.-Ж. Тальма. Впервые это имя появляется на страницах дневника в записи от 10 июня 1803 г.: «Я хочу ограничиться пятью ролями: Цинна, Орест, Владислав, Сид, Радамист. Но, играя их, быть так же близко к совершенству, как Тальма»⁶⁰.

24 апреля 1804 г., после просмотра спектакля «Агамемнон», отметил в дневнике, что «сцену, где замышляется убийство, божественно сыграли Тальма и мадемуазель Дюшенуа»⁶¹.

Невозможно не упомянуть и о впечатлении, которое произвел на Стендаля знаменитый актер, когда 29 апреля 1804 г. он увидел его в коридоре театра: «Ожидая мадемуазель Дюшенуа, я видел в коридоре Тальма; он моего роста, на нем был синий фрак, короткие черные штаны и такие же чулки. Он разговаривал с капельдинером; у него тот же голос, что и на сцене. Его облик произвел на меня сильное впечатление, у него был трагический вид»⁶².

В записях 1804 г. встречаются довольно часто характеристики игры актера, его голоса, манеры поведения: «Тальма местами бывает великолепен,

⁵⁷ См.: 100 великих актеров: Тальма Франсуа-Жозеф (1763–1826). URL: <http://www.100-great.sokrytoe.com/3513-100-velikih-akterov-talma-fransua-zhozef-17631826.html> (дата обращения: 15.10.2012).

⁵⁸ Стендаль. Запись от 25 мая 1804 г. // Дневники. С. 42.

⁵⁹ См.: История западноевропейского театра. Т. 3. С. 96.

⁶⁰ Стендаль. Запись от 10 июня 1803 г. // Дневники. С. 30.

⁶¹ Стендаль. Запись от 24 апреля 1804 г. // Там же. С. 36.

⁶² Стендаль. Запись от 29 апреля 1804 г. // Там же. С. 38.

но часто однообразен, а ведь я воспринимаю его с наилучшей стороны. Но нет такой минуты, когда бы он не был величествен; у величайших художников не найти более прекрасных поз и более прекрасной головы. Это поза и лицо одной из фигур Рафаэля»⁶³.

В дальнейшем восторженность по отношению к актеру стихает, и его имя с 1805 г. практически не упоминается. Да и преклонение перед театром, стремление создать великую пьесу отступают перед другими задачами, которые выдвигала перед Стендалем жизнь.

Несмотря на субъективные оценки творчества Ф.-Ж. Тальма, хотя, на наш взгляд, он был и недалек от истины, Стендаль в целом в дневниках показал себя достаточно глубоким театральным критиком.

О самом императоре автор старается не упоминать или упоминает вскользь, как бы невзначай. Лишь в одной записи от 14 июля 1804 г. можно прочесть о впечатлении, которое на молодого человека произвел Бонапарт во время прогулки Стендаля в Тюильри: «Мы отлично видели Бонапарта; он проехал на прекрасном белом коне, в красивом новом мундире, в обычной треуголке, в форме полковника гвардии, с аксельбантами. Он все время раскланивался и улыбался. Улыбка театральная, при которой сверкают зубы, а глаза не улыбаются: улыбка Пикара»⁶⁴.

Дневники Стендаля могут помочь нам добавить штрихи к характеристике нравов молодого поколения в наполеоновскую эпоху. Стендалю в это время нет еще и тридцати; он и его ровесники деятельны, активны и полны оптимизма. В записях мелькают десятки имен людей, с которыми Стендалю приходилось сталкиваться в жизни: это родственники, актеры, актрисы, за которыми пытался он ухаживать, авторы пьес. Кроме театра и посещения кафе, любимым занятием парижан был отдых на природе: «Два воскресенья подряд – загородные прогулки»⁶⁵.

Но чаще всего молодые люди предпочитали ходить друг к другу в гости, общаться, читать вслух стихи и модные романы. «Я провел у Дюгазона чудесное утро с половины первого до половины третьего; там были Нурри, мадемуазель Роландо, мадемуазель Луазон и немец. /... Я осмелился стряхнуть с себя свою сдержанность; уметь шутить ☐ вот все, что требуется»⁶⁶.

Иногда Стендаль с друзьями мог вечером отправиться на какой-нибудь званый вечер, который устраивали знакомые актеры или актрисы. Занимательно, со всеми подробностями он описывает подобное мероприятие в записи от 25 марта 1805 г., назвав его «Званый вечер у Ариадны в понедельник, 4 жерминаля XIII г.». Автор отметил, что царила скука, оживить общество хозяйке так и не удалось⁶⁷.

Но как бы ни складывался день молодого человека, чаще всего вечер он проводил в театральном зале. Мечта о написании и постановке собственной пьесы долго не покидала Стендаля. Возможно, поэтому он без устали посещал спектакли и читал пьесы просветителей и современных авторов.

⁶³ Стендаль. 20 ноября 1804 г. // Дневники. С. 75.

⁶⁴ Стендаль. Запись от 14 июля 1804г. // Там же. С. 52.

⁶⁵ Стендаль. Запись от 11 ноября 1805 г. // Там же. С. 205.

⁶⁶ Стендаль. Запись от 14 января 1805 г. // Там же. С. 86.

⁶⁷ См.: Стендаль. Запись от 25 марта 1805 г. // Там же. С. 182.

К сожалению, письма Стендаля не настолько информативны по истории театра, как его дневники, зато в них есть, помимо философских рассуждений, сведения об участии автора во франко-русской войне 1812 года.

Наполеоновскую эпоху нельзя назвать мирной – за почти 15-летнее правление Наполеона Франция не воевала только два года – в 1810–1811 гг., когда Империя находилась в самом зените своего могущества.

В 1801–1809 гг. Наполеон продолжал воевать на континенте, теперь уже для того, чтобы расширить сферы своего влияния. В противостояние с Францией в разные годы вступали такие державы, как Англия, Пруссия, Испания, Австрия. Летом 1812 г. Наполеон объявил войну России. Франко-русская война, в отечественной историографии справедливо получившая название «Отечественная война 1812 года», на наш взгляд – одна из ярких, драматических страниц наполеоновской эпохи, повлиявшая в дальнейшем на взаимоотношения между Россией и Францией.

О походе Наполеона на Россию оставлено множество источников, и, возможно, письма Стендаля из разоренной Москвы – всего лишь небольшой штрих к общей картине описания нахождения Наполеона в России и повторение одних и тех же деталей. Действительно, в письмах мы найдем и изображение грандиозного московского пожара в один из сентябрьских дней, и гибель французской армии от голода – Стендаль сам пережил ужасы голодных терзаний, и даже знаменитый русский мороз нашел отражение на страницах писем, написанным убористым неразборчивым почерком. Но самое главное – в них присутствует авторское отношение ко всему происходящему, творческий анализ событий и объяснение всего существующего с точки зрения бейлизма – собственной философии, проповедующей стремление к счастью и наслаждению⁶⁸. Вот как Стендаль объяснял в письме сестре Полине и графине Беньо соединение во дворцах московской знати «величайшего комфорта с самым тонким изяществом»⁶⁹: «здесь, при деспотическом правительстве, у них остается одно – наслаждение»⁷⁰.

Кроме того, Стендаль во время московского похода занимал довольно хлопотную должность интенданта французской армии. По его письмам можно составить представление, что это была за должность, об обязанностях, распорядке дня, о передвижениях войска.

Пожар Москвы в сентябре 1812 г. описывали или упоминали о нем практически все современники тех событий. Сам Наполеон в письме к императору Александру от 20 сентября отозвался о Москве как о прекрасном, великолепном городе, «которого более не существует. Росточин его сжег. Четыре сотни поджигателей были застигнуты на месте преступления»⁷¹ и были расстреляны. Император отметил, что сожжено бы-

⁶⁸ О бейлизме см. не потерявшую актуальности и в наши дни работу Leon Blum. *Stendhal et le beylisme*. P., 1914.

⁶⁹ *Стендаль*. Письмо сестре Полине и графине Беньо от 20 ноября 1812 г. // Письма. Собр. соч. Т. 15. С. 134.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ *Napoléon I. Correspondance*. Т. 1–32. P., 1858–1870. Т. 24. N. 19213. A Alexandre I, Empereur de Russie. P. 256.

ло три четверти домов, и «это поведение ужасно и без цели»⁷². К тому же «пожары разрешают грабеж, которому предается солдат, чтобы оспорить остатки от огня»⁷³.

Наполеон был уверен, что император Александр не имел отношения к начавшимся пожарам, иначе он не написал бы ему это письмо: «Если Ваше Величество еще сохраняет ко мне остаток своих былых чувств, то к этому письму Вы отнесетесь по-хорошему»⁷⁴.

Свидетелем таких пожаров был и Стендаль. Его письма из пылающей Москвы – ценный исторический источник. Как и Наполеон, он с сожалением относился к тому, что такой красивейший город, где существует «пятьсот дворцов, убранных с очаровательной роскошью, неведомой в Париже»⁷⁵, так безжалостно выгорает, и после пережитого считал себя и своих товарищей по несчастью большими знатоками в пожарах. Со временем с улыбкой будет вспоминать свои быстрые сборы при перемене места в первые ночи пребывания в Москве. Вот как Стендаль описывает увиденный пожар в письме к другу детства Феликсу Фору: «Мы выехали из города, освещенные самым величественным пожаром в мире, образовавшим огромную пирамиду, основание которой, как у молитвы правоверных, было на земле, а вершина уходила в небо. Над этой пеленой из пламени и дыма показалась луна. Зрелище было внушительное...»⁷⁶. Это горела местность вокруг Кремля. Личный секретарь Наполеона Меневаль вспоминал, что «пожарище все ближе подбиралось к кремлевским стенам и становилось все более интенсивным. Оконные стекла комнаты, занятой императором, стали раскаленными; возникшие повсюду языки пламени угрожали плотным кольцом окружить Кремль и совершенно уничтожить его. Однако Наполеон продолжал колебаться. Ему очень не хотелось, даже под угрозой наивысшей опасности, спасаться бегством из Кремля и отказаться от завоевания, за которое он заплатил дорогую цену»⁷⁷.

После долгих уговоров Наполеон покинул Кремль пешком и только на набережной Москвы-реки сел верхом на лошадь и доехал до Петровского дворца. В нем он провел два дня и затем вновь вернулся в Кремль.

Пожар Москвы произвел сильное впечатление на Стендаля. Спустя месяц он с волнением и ужасом напишет из Смоленска своей знакомой графине Беньо, что город «превратился в черные зловонные развалины, среди которых бродили несколько несчастных собак и несколько женщин в поисках пищи»⁷⁸.

16 октября Стендаль покинул Москву, перед этим написав ряд деловых писем интендантам городов Ковно, Могилева и Витебска. «Я обличен чем-

⁷² *Napoléon I.* Op. cit. P. 257.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Ibid. P. 256.

⁷⁵ *Стендаль.* Письмо графине Пьер Дарю от 16 октября 1812 г. // Письма. С. 124.

⁷⁶ *Стендаль.* Письмо Феликсу Фору от 4 октября 1812 г. // Там же. С. 116.

⁷⁷ Наполеон. Годы величия. 1800–1814. В воспоминаниях секретаря Меневаля и камердинера Констана. М., 2002. С. 386.

⁷⁸ *Стендаль.* Письмо сестре Полине и графине Беньо от 20 ноября 1812 г. // Письма. С. 134.

то вроде власти над интендантами Смоленска, Могилева и Витебска»⁷⁹, – сообщает Анри шевалье де Ну, интенданту г. Ковно. Главный интендант собирался отправить его в Смоленск создавать резервные запасы в этой губернии. Назначение не особенно понравилось аудитору Государственного совета, каковым являлся Стендаль в то время, он выражал искреннее недовольство и завидовал тем, у кого маленькое интендантство.

Новому интенданту не удалось обеспечить провиантом армию. 2 ноября, находясь на пути в Смоленск, он подвергся двум нападениям казаков и пребывал в полной уверенности, что завтра будет убит. О состоянии его духа, чувствах и мыслях хорошо говорят его письма из Смоленска Феликсу Фору, написанные 7 и 9 ноября 1812 года. 7 ноября в коротком послании он сообщает, что прибыл в Смоленск 2 ноября после «интереснейшего путешествия; оно одно стоило того, чтобы побывать в России»⁸⁰. В тот же день Стендаль написал письмо графине Дарю, в котором отметил, что для него одно из самых острых впечатлений было то, когда он однажды вечером, и не надеясь поужинать, нашел несколько картофелин и съел их без соли с заплесневелым солдатским хлебом. Это было наслаждением после всех мучений – французская армия голодала. Такое состояние продолжалось несколько дней. 10 ноября он опять отправляет письмо графине, в котором сообщал новости о ее муже и жаловался на «дьявольские физические муки»: «Ни один рыночный грузчик не доходит к концу дня до такого изнеможения, как бывало с нами каждый вечер, когда мы строили себе маленький шалаш из сухих ветвей и зажигали костер». И далее: «Нас всех можно испугаться. Мы похожи на своих лакеев»⁸¹. В то же время письма отражают и некоторую долю оптимизма и веру в победу. Свои тревоги он называл «смехотворными». Битвы, которые давал Наполеон, Стендаль охарактеризовал как «великолепные сражения, способные навеки прославить нашу армию»⁸². В письме графине Дарю от 10 ноября отметил о сражении под Малоярославцем: «Это был великолепный бой, и никогда русских не гнали с их позиций более блестящим и более почетным для армии образом»⁸³.

Стендаль в письмах выражает общее настроение солдат: зачем они сюда полезли? Ругань, грязь, множество повозок; каждый день «мы непременно проводили 2 или 3 часа в грязной канаве в полной беспомощности. Вот когда я проклинал свою глупую мысль поехать в Россию»⁸⁴. В то же время путешествия, выпавшие на его долю, вознаграждали: он видел и «прочувствовал такие вещи, какие литератор, ведущий сидячий образ жизни, не угадает и за тысячу лет»⁸⁵.

Вероятно, не стоило бы уделять так много внимания поведению французов в военных условиях, если бы не тот факт, что сам автор этих писем, буду-

⁷⁹ Стендаль. Письмо господину шевалье де Ну, аудитору Государственного Совета, интенданту города Ковно от 15 октября 1812 г. // Письма. С. 117.

⁸⁰ Стендаль. Письмо Феликсу Фору от 7 ноября 1812 г. // Там же. С. 126.

⁸¹ Стендаль. Письмо графине Пьер Дарю от 10 ноября 1812 г. // Там же. С. 130.

⁸² Стендаль. Письмо графине Пьер Дарю 9 ноября 1812 г. // Там же. С. 130.

⁸³ Стендаль. Письмо графине Пьер Дарю от 10 ноября 1812 г. // Там же. С. 131.

⁸⁴ Стендаль. Письмо графине Пьер Дарю от 9 ноября 1812 г. // Там же. С. 128.

⁸⁵ Стендаль. Письмо Феликсу Фору от 9 ноября 1812 г. // Там же. С. 127.

щий писатель, большой знаток человеческих характеров, не наблюдал бы поведение людей в сложных условиях отступления. Наполеоновская эпоха заканчивалась. На его глазах армия разваливалась, потеряла не только боевой порядок, исчезнувший после Смоленска, но превратилась в толпу безжалостных индивидуалистов, которых интересовала только собственная жизнь и возможность добраться до следующего гарнизонного города, где можно было отдохнуть и найти еду. Стендаль считал, что в поражениях и развале армии нельзя винить погоду. В письме Феликсу Фору от 9 ноября он сообщает, что морозец не ниже 2–3 градусов, но так как во Франции бытовало представление, что Россия – страна морозов, то каждый был убежден, что замерзает⁸⁶. Настоящие морозы наступят в начале декабря, когда уже отступление французской армии шло полным ходом. Стендаль вместе со всеми выносит ужасный холод и 14 декабря достигает Кенигсберга. 31 января 1813 г. он снова в Париже, измученный и разочарованный. Несмотря на все героические деяния в России – ни повышения в должности, ни назначения. «Как и прежде, я ничто», – пишет в письме спустя три месяца сестре Полине⁸⁷.

Стендаль осознал значение подвига русского народа. В работе «История живописи в Италии» отмечал, вспоминая об отступлении, что в России он «нашел патриотизм и настоящее величие»⁸⁸ и до конца жизни будет гордиться тем, что прошел сквозь события огромного исторического значения и в тяжелых испытаниях выдержал экзамен на мужество, сохраняя непоколебимую силу духа, ясную мысль. Он был уверен, что жизненный опыт, приобретенный в России, невозможно переоценить.

Начиная с июня 1814 г., уже после падения Империи, тон писем Стендаля меняется, молодой человек более открыто отзывается о прошедших событиях, не боясь, что его послание будет прочтено полицией императора. «К счастью для Франции, люди, подвергавшиеся преследованиям, взяли бразды правления. Кончены кровавые расправы, кончена война; двадцатилетнего художника уже не будут больше забирать в солдаты»⁸⁹, – так написал он сестре Полине 24 июня 1814 года. Он выказывает недовольство предстоящим увольнением – непременно спутником новой власти. «Я считаю, что на меня обрушиваются десять или двадцать лет нужды»⁹⁰, – жалуется он в том же письме.

Таким образом, дневники и письма Стендаля можно использовать как источники для более полной характеристики чрезвычайно непростой и богатой событиями разного плана наполеоновской эпохи. Стендаль фиксировал факты через личностное осмысление своего времени, и каждое письмо, и каждая запись в дневнике являли собой законченное философское и эстетическое произведение.

⁸⁶ См.: Стендаль. Письмо Феликсу Фору от 9 ноября 1812 г. // Письма. С. 126.

⁸⁷ См.: Нерлих М. Указ. соч. С. 80.

⁸⁸ Стендаль. История живописи в Италии // Собр. соч. Т. 16. С. 42.

⁸⁹ Стендаль. Письмо сестре Полине от 24 июня 1814 г. // Письма. С. 140.

⁹⁰ Там же.

**«НЕ ЗНАВШИЙ ВДОХНОВЕНИЯ»: ПОНИМАНИЕ ТВОРЧЕСТВА
В «РАССУЖДЕНИЯХ ОБ ИСКУССТВЕ» ДЖ. РЕЙНОЛЬДСА**

Заглавие данной статьи провокационно. Глядя на картины Рейнольдса, трудно отказать художнику в даре вдохновения. Почему же в своих «Рассуждениях», обращенных в 1769–1790 гг. к студентам Королевской Академии художеств, он так последовательно отрицает идею энтузиазма, да еще в эпоху, когда она обретает новую жизнь в европейской эстетике предромантизма?

В своих маргиналиях на полях изданного в 1798 г. текста «Рассуждений об искусстве» наиболее страстный оппонент Дж. Рейнольдса из лагеря романтиков У. Блейк не стесняется в выражениях. Он называет автора «пошлостью», «мерзавцем», «нанятым сатаной для угнетения искусства», «вежливым и добродетельным ослом»⁹¹. Часто поводами для гневных замечаний Блейка в адрес «Рассуждений» Рейнольдса служили высказывания председателя Академии художеств о концепции энтузиазма. К рейнольдсовским выпадам в адрес концепции художественного вдохновения уже на титульной странице первой речи Блейк делает возмущенный комментарий: «Если Вдохновение является величием, зачем называть его безумием?». Затем Блейк удаляет этот вопрос и с коварством опытного полемиста вставляет утверждение: «Тогда Библия целиком является безумием»⁹². Таким образом он высмеивает мнение Рейнольдса, доводя его до абсурда, да еще и сталкивает его с англиканской церковью. Внизу титульной страницы Рассуждения VII Блейк с горечью записывает: «Цель следующего Рассуждения – доказать, что вкус и гений не являются от небесного источника и что все, кто полагают их таковыми, должны считаться слабоумными фанатиками»⁹³.

Действительно, если в других аспектах своей эстетической теории Рейнольдс достаточно противоречив⁹⁴, то в своем отрицании вдохновения как основы творчества он на редкость последователен. В третьей из своих знаменитых речей Рейнольдс вспоминает, что и древние, и новые теоретики искусства утверждают ограниченность простого подражания природе в искусстве. Свое совершенство искусство получает от идеальной Красоты, которую не найти в индивидуальных формах природы. И Прокл, и Цицерон не могут выразить свое восхищение гением художника иначе, как

⁹¹ *Blake W. The Complete Poetry and Prose / by D. V. Erdman. The Univ. of California Press, 2008. P. 635–656.*

⁹² *Ibid. P. 635.*

⁹³ *Ibid. P. 654.*

⁹⁴ См.: *Leypoldt G. A. Neoclassical dilemma in Sir Joshua Reynolds's reflection on art // The British Journal of Aesthetics. 1999. Vol. 39. № 4. P. 330–335.*

приписав его совершенство поэтическому энтузиазму. «Они называют это Вдохновением; даром небес. Предполагают, что Художник поднимается к божественному миру, где его ум и приобщается к совершенной идее красоты». Современные языки содержат множество различных понятий для выражения этой идеи – продолжает Рейнольдс. В английском – большой стиль, гений, вкус. «Это – то интеллектуальное достоинство, которое, как говорят, облагораживает искусство живописца; отличает его от простого механика»⁹⁵.

Рассуждая о концепции энтузиазма, Рейнольдс стилистически подчеркивает свою позицию вне ее с помощью всех этих «они называют», «они предполагают», «они говорят». Но «восторженное восхищение редко способствует развитию знания»⁹⁶, – чрезвычайно трезво замечает Рейнольдс. Это замечание кажется нам ключом к пониманию рейнольдсовского отношения к концепции вдохновения. Он ощущает себя человеком дела.

Вдохновение, энтузиазм – для Рейнольдса все это – всего лишь звонкие слова, которые запутывают молодого художника, смущают его и могут привести к разочарованию, когда в себе он не обнаружит этих блестящих даров и усомнится в своем предназначении: «Он проверяет собственный ум и не чувствует там ничего от того божественного Вдохновения, которым, как ему многие говорят, другие художники были одарены. Он никогда не путешествовал в небеса, чтобы собрать новые идеи; и он, как оказывается, не обладает никакими другими способностями, кроме простого наблюдения и понимания. Таким образом, он оказывается в тени блеска фигуративных декламаций и считает для себя недостижимым это сокровище человеческой деятельности». И поэтому «...мы должны различать, что дается энтузиазмом, а что Разумом... заботясь о том, чтобы не терять среди выражений неопределенного восхищения основательность и истинность принципа, которым мы можем считать Разум»⁹⁷.

Понятие энтузиазма Рейнольдс согласен принять и рекомендовать, но лишь как обозначающее «ту силу живого выражения, которая необходима для наиболее полного воздействия искусства»⁹⁸. Но «это великое идеальное совершенство и красоту нужно искать не в небесах, а на земле. Они – в нас, и в каждой части нас. И сила обнаружения того, что искажено в природе, или другими словами, что является частным и нетипичным, может быть приобретена только опытом; и целостная красота и великолепие искусства состоят, по моему мнению, в способности подняться над единичными формами, обычаями, частностями и деталями любого вида»⁹⁹.

И источник фидиевского энтузиазма, который так восхищал древних и интригует современных художников, по мнению Рейнольдса, – исключительно в опыте. Совершенство искусства – плод опытного глаза художника, способного отбросить дефекты индивидуальных форм природы и увидеть в ней через сопоставление большого количества этих индивидуальных форм

⁹⁵ *Reynolds J. Discourses / by E. G. Jonson. Chicago. A. C. McClure and Company, 1891. P. 82–83.*

⁹⁶ *Ibid. P. 84.*

⁹⁷ *Ibid.*

⁹⁸ *Ibid.*

⁹⁹ *Ibid. P. 85.*

черты совершенства. И тогда он создает совершенную форму, отличную от несовершенного объекта природы. «Так достиг своей славы Фидий и таким способом те из Вас, у кого есть отвага, чтобы шагать той же дорожкой, можете приобрести равную репутацию», – ободряет своих студентов председатель Академии¹⁰⁰.

Завершая эту лекцию, Рейнольдс нескромно заявляет, что «постарался свести идею красоты к общим принципам» и «очистить умы от кучи противоречивых суждений... путающих и дезинформирующих студента»¹⁰¹. И хотя Рейнольдс прямо не говорит об этом, но, с учетом насыщенности этой речи критикой концепции энтузиазма, ясно, что именно она занимает достойное место в этой куче мусора.

Рефреном звучит в Речах Рейнольдса фраза: «Ничто не может выйти из ничего»! Только прошедший хорошую школу художник может искать воображения: «Имея устойчивое суждение, и хорошо снабженную память, он может теперь без опасения пробовать силу своего воображения». И далее – чрезвычайно иронично: «Уму, который был таким образом дисциплинирован, можно позволить самый горячий энтузиазм, игру на грани самой дикой экстравагантности»¹⁰².

В следующих речах Рейнольдса полемический задор именно в адрес концепции энтузиазма только усиливается. И VII Рассуждение (вспомним маргиналию Блейка) предельно эмоционально в этом отношении. Восемь лет прошло с написания первых двух речей. Идеи романтической эстетики набирают все большую популярность в английском обществе. Ко времени создания речей публикуется поэзия Эд. Юнга, Т. Грея, в 1759 г. была издана критическая работа того же Юнга «Об оригинальном сочинении», «Письма» Р. Хёрда, трактаты Т. и Дж Уортонов, исследование Эд. Бёрка (вместе с которым Рейнольдс заседал в Литературном клубе).

Ни с кем из них Рейнольдс не полемизирует напрямую. Может быть, дело в деликатности художника, которую отмечает искусствовед Г. Морей, ведь лекции были обращены к студенческой аудитории, а со многими из возможных оппонентов Рейнольдс был хорошо знаком. Круг общения Рейнольдса был весьма интересен. Это и Эд. Бёрк, и С. Джонсон, драматурги Голдсмит и Шеридан, актер Гарик и писатель Л. Стерн...

Неудивительно, что рейнольдсовские рассуждения об искусстве свидетельствуют о знакомстве художника с современной ему эстетической мыслью, с ее наиболее острыми темами. Идеи историзма в эстетике, концепция ассоциативности восприятия – эти темы поднимаются Рейнольдсом в его речах. Но с апологетами поэтического Вдохновения у него особые счеты: «Говорить о гении и вкусе как некоем пути, связанном с Разумом или Здравым смыслом, значило бы, по мнению некоторых возвышенных болтунов, говорить подобно человеку... который никогда не испытывал энтузиазма, или, если использовать их собственный раздутый язык, никогда не был согрет этим огнем Прометея, который оживляет холст и вдыхает жизнь в мрамор»¹⁰³.

¹⁰⁰ Reynolds J. Op. cit. P. 86.

¹⁰¹ Ibid. P. 97.

¹⁰² Ibid. P. 66.

¹⁰³ Ibid. P. 173–174.

Обращаясь к студентам Художественной академии, Рейнольдс настойчиво старается их отрезвить, предлагая оставить категории Вдохновения критикам и поэтам. Он сравнивает суждение зрителя о живописи с представлениями невежественных жителей Востока о волшебниках, построивших все те храмы, которые остались им от далеких предков. Эта дистанция между собственными возможностями и достижениями искусства – именно она вызывает мысль о каких-то сверхъестественных способах достижения тех эффектов, которые, при отсутствии знаний о труде художника, кажутся ничем иным, как даром небес¹⁰⁴.

Главное, чтобы сами художники понимали, что в основе искусства – подражание творениям Природы («что одно может рассеять этот фантом Вдохновения») и имитация работ других живописцев. И никаким другим путем художником стать нельзя¹⁰⁵! Можно позволить поэту писать о Вдохновении, смысл которого неясен ему самому, так как в поэзии определенная степень туманности – одна из форм возвышенного. Но когда в простой прозе мы серьезно говорим об ухаживании за музой в тенистой аллее, об ожидании Вдохновения, выясняем, где обитает гений и в какое время и сезон он активнее, то мы лишь развлекаемся пустыми словами. Понимать буквально эти поэтические метафоры так же абсурдно, как всерьез принимать то, как иногда художники изображают поэта с гением в виде мальчика, шепчущего ему поэтические строки. Тогда сам по себе поэт – не более, чем машина, не сознающая действий своего собственного сознания¹⁰⁶.

«Мое воображение, – говорит Рейнольдс во второй речи, – рисует многообещающего молодого живописца, одинаково наблюдательного дома ли, за границей ли, на улицах, или полях... Он оценивает Природу с точки зрения его профессии; и комбинирует ее красоты или исправляет ее дефекты. Он исследует человеческое лицо под влиянием страсти... Ум такого художника заполнен идеями, а его рука поставлена практикой, он работает с непринужденностью и готовностью. Но если бы он в соответствии с Вашей верой ждал Вдохновения гения, то находился бы на самом деле в недоумении, и, наконец, создавал бы чудовищ с трудностью и болью»¹⁰⁷.

И в пятнадцатой лекции Рейнольдс заявляет, что если мы и имеем деградацию искусства со времен Микеланджело, то причина этого – лень и краснбайство (снова камень в огород концепции энтузиазма), которые отвлекают художников от тяжелого, но единственно верного пути в искусстве.

Главное лекарство против этой «болезни века» Рейнольдс видит в формулах рационального классицизма. В конце своей седьмой речи Рейнольдс однозначно заключает: «Среди самых высоких полетов воображения и фантазии Разум должен председательствовать от начала и до конца...»¹⁰⁸.

Итак, ясно, что с точки зрения Рейнольдса рациональное начало доминирует в творчестве. Здесь обращает на себя внимание значительное повышение активности самого понятия *reason* в тексте «Рассуждений». *Reason* противопоставляется здесь не только воображению и фантазии, но и пра-

¹⁰⁴ См.: *Reynolds J.* Op. cit. P. 145.

¹⁰⁵ См.: *Ibid.* P. 146.

¹⁰⁶ См.: *Ibid.* P. 175.

¹⁰⁷ *Ibid.* P. 79.

¹⁰⁸ *Ibid.* P. 205.

вилам (rules) и правильности. Правда, у Рейнольдса это не оппозиция, а, скорее, иерархическое соотношение понятий, так как глава Академии выделяет три этапа в процессе подготовки художника. Первый предполагает получение навыков у определенного мастера, а, как результат – достижение определенной степени «правильности» (correctness). Второй уровень – это интеллектуальное освоение искусства, изучение не только своего ремесла, но искусства в целом. Этот процесс основывается на изучении авторитетов, постижении общей идеи красоты¹⁰⁹.

Выражая эту интеллектуальную работу, Рейнольдс активно использует понятие *understanding*: на этом этапе формирования художник путем «общего наблюдения и ясного понимания» («*common observation and plain understanding*») осваивает те всеобщие и неизменные принципы красоты, которые были выработаны «человеческим познанием» («*human understanding*») и лежат в основе понятия вкуса (*taste*)¹¹⁰.

Интересно, что в тех же отношениях с правилами, что и рациональное, научное (а Рейнольдс часто обозначает эстетическое знание как науку – *science*), по мнению художника, находится и воображение (*imagination*). Именно вторая стадия обучения предполагает расширение воображения художника с помощью изучения самых разных предшественников по искусству (и здесь важно разнообразие, так как даже несовершенные творения, но демонстрирующие различные стили, эпохи возбуждают воображение)¹¹¹. «Истинное творчество опирается на расширенное понимание (*understanding*), разнообразие знания (*a variety of knowledge*) и воображение (*imagination*), разогретое лучшими творениями древней и современной поэзии»¹¹².

Рейнольдс противопоставляет воображение правилам искусства. Он выделяет два типа художников. Первый – тяготеет к самостоятельному творчеству, к новизне, опираясь на живое и энергичное воображение. «Это я называю оригинальным и характерным стилем», – замечает лектор. Это творчество может быть неправильным (*irregular*) и диким (*wild*), но если оно отмечено духом и твердостью, характеризующими творение гения, то заслуживает внимания. В качестве примера Рейнольдс указывает на творчество итальянского художника XVII в. Сальватора Розы. Ему противопоставляется характер другого итальянца – Карло Маратти, который «не имеет большой энергии ума (*mind*) или силы оригинального гения» и «редко использует воображение», но зато – прекрасный знаток правил, которые почерпнул в работах Рафаэля и Карраччи. В итоге – его живопись слишком ровная, нет в ней ни ошибок, ни поразительных красот (*striking beauties*)¹¹³.

¹⁰⁹ См.: *Reynolds J. Op. cit. P. 65.*

¹¹⁰ См.: *Ibid. P. 177–178.*

¹¹¹ См.: *Ibid. P. 65.* В VI речи Рейнольдс однолинейности традиции противопоставляет вариативность обучения. Художник должен интересоваться работами разных мастеров, даже готическими произведениями, так как и в них он найдет оригинальную, рациональную и все возвышающую изобретательность и тем самым будет развивать свою собственную и даст толчок росту своего собственного воображения (см.: *Ibid. P. 163*).

¹¹² *Ibid. P. 93.*

¹¹³ См.: *Ibid. P. 134–135.*

Ключевым понятием рационального, характеризующим художника на третьем и последнем этапе его формирования, является, наряду с самим reason, суждение-judgment. Для художника – это время освобождения от авторитетов, время самостоятельного суждения, основанного на Разуме¹¹⁴. В семантическом пространстве рейнольдсовского текста суждение-judgment в наибольшей степени выражает самостоятельность авторского радио. Это авторское значение judgment подтверждается и повторяющейся лексической формой – через последовательное сочетание этого понятия с притяжательными местоимениями («his own judgment», «our judgment», «your own judgment» и др.).

Подобная форма характерна и для использования Рейнольдсом другого важного понятия, относящегося к семантическому полю рационального – понятия mind («my mind», «his mind»). Свою восьмую речь художник анонсирует следующим утверждением: «Принципы искусства, как поэзии, так и живописи, имеют свои истоки в Уме (Mind)»¹¹⁵. Mind по Рейнольдсу – это вместилище идей, фильтр, преобразующий природные объекты, воспринятые художником. Это – лаборатория творчества и, рассуждая о вкусе, эстетическом суждении, Рейнольдс предлагает это учитывать: «Идея Природы, охватывая не только формы, производимые Природой, но и Природу, и внутреннее устройство, и организацию, если можно так выразиться, человеческого ума и воображения: общие идеи, красота, или Природа, являются, однако, различными способами выразить одно и то же...»¹¹⁶.

Здесь же, в VII речи, Рейнольдс формулирует свое понимание этой «внутренней лаборатории», подчеркивая при этом ее зависимость от внешнего опыта (Nature). Тем самым автор настойчиво старается объединить творчество-подражание и творчество-воображение, то есть – самостоятельное творчество в единый природный механизм: «Внутреннее устройство нашего ума (mind), так же как и внешние формы наших тел, почти едины, а поскольку воображение не способно создавать что-либо само по себе, но может только изменять и комбинировать идеи, которыми оно снабжается с помощью ощущений (senses), то, конечно, будет согласие в воображениях и ощущениях людей»¹¹⁷.

Интересно, что Рейнольдс использует понятия mind и soul как очень близкие, почти взаимозаменяемые. Для Рейнольдса soul – более выразительное обозначение первого, с акцентом на воображении и страсти (passions) как свойствах человеческого сознания¹¹⁸. Воображению, страстям, чувствам (feelings) человека дает существование его ум (mind).

Основная мысль VII речи, где достаточно много говорится о воображении, заключается в том, что воображение – конечно, залог самостоятельного творчества (оригинальности), но работает оно лишь на зрелого мастера.

¹¹⁴ См.: Reynolds J. Op. cit. P. 65.

¹¹⁵ Ibid. P. 207.

¹¹⁶ Ibid. P. 181 («The idea of Nature comprehending not only the forms which Nature produces, but also the Nature and internal fabric and organization, as I may call it, of the human mind and imagination: general ideas, beauty, or Nature are but different ways of expressing the same thing...»).

¹¹⁷ Ibid. P. 191.

¹¹⁸ См.: Ibid.

Воображение несамодостаточно – оно ничто без наблюдения за природой и художественной традицией, то есть – без подражания. Художник должен проверять свои ощущения ощущениями других, и «хорошо дисциплинированный ум подтверждает свой авторитет и предоставляет свое мнение голосу общества», напротив, «тот, кто думает, что охраняет себя от предубеждений, отвергая авторитет других, остается открытым одиночеству, тщеславию, упрямству, самомнению и многим другим порокам, деформирующим его суждение (judgment) и препятствующим естественной реализации его способностей»¹¹⁹.

Итак, рассуждает Рейнольдс, мы зависим от предубеждений и ничего не должны с этим делать, но лишь регулировать их с помощью Разума, предпочитая предубеждения, проверенные временем и широко распространенные. Соответственно, художник, если он пишет портрет женщины, хотя и старается согласовываться с тем воображением, которое, как он знает, определяет суждение большинства, и он пишет ее не в современном облике, но украшает ее фигуру античным антуражем, чтобы подчеркнуть ее достоинство, но и сохраняя при этом нечто современное ради сходства. И таким образом его работа согласовывается и с тем, что мы предпочитаем видеть повседневно, но и с тем, что можно назвать более изученным и научным предубеждением (*more learned and scientific prejudice*)¹²⁰.

Забавно, но эстетика Рейнольдса в каком-то смысле «демократична» и отражает гражданственные идеалы Англии XVIII в.: истина за большинством (палата общин), но при этом требуется согласование с лучшими, благородными (палата лордов). Это чувствовал Блейк и за это злился на главного наставника английских художников.

Рейнольдс старается развеять и опасения тех, кто считает, что обращение художника к Разуму и Философии ограничивает полет фантазии. Напротив, человек подлинного вкуса всегда является человеком верного суждения и в других отношениях, а те изобретения, которые презирают Разум и уклоняются от него, скорее, являются фантазиями расстроенного мозга, чем возвышенным энтузиазмом здорового и истинного гения¹²¹.

Итак, опыт подражания не обедняет, но обогащает художника, а правила, выработанные традицией, – пища, необходимая не только для творчества начинающего художника, но и дающая энергию зрелости. «Самый большой природный гений не может существовать только на своем материале (stock); решение никогда не обращаться к чьему бы то ни было мнению приведет... к беднейшей из всех имитаций – к подражанию самому себе... Ничто не может выйти из ничего», – вновь повторяет Рейнольдс в своей VI речи¹²².

¹¹⁹ *Reynolds J.* Op. cit. P. 192–193.

¹²⁰ См.: *Ibid.* P. 202–203.

¹²¹ См.: *Ibid.* P. 205. Здесь Рейнольдс затрагивает большую тему не только для Блейка, но и для других молодых романтиков, которые чувствовали глубинную общую природу творчества и безумия (см.: *Burwick F.* Poetic madness and the Romantic imagination. The Pennsylvania State Univ. Press, 1996; *Кирюшкина В. В.* Метафора «гений и безумие» в культуре романтизма // Предромантизм и романтизм в мировой культуре: матер. научно-практической конференции, посвященной 60-летию профессора Игоря Владимировича Вершинина: в 2 т. Самара, 2008. Т. 1. С. 111–114.

¹²² *Ibid.* P. 151.

Рейнольдсовская концепция творчества может быть названа интеллектуальной. Основа творчества – знание и, конечно, «искусство не сводится к простой имитации, к опыту, только наука (science) дает любому искусству достоинство и диапазон»¹²³. И поэтому «ошибается Плиний Младший, когда предупреждает, что слишком большие знания могут затушить пламя гения, оно лишь разгорится с новой силой!»¹²⁴. Для Рейнольдса очевидно, что в конечном итоге Разум (Reason) должен определять все, что в эту минуту [творчества – В. К.] требуется, и сообщит нам, когда самое разумное состоит в том, чтобы уступить чувству (feeling)¹²⁵.

На самом деле та «война», которую Рейнольдс объявил концепции энтузиазма и ее апологетам, предопределена как конкретными задачами, которые председатель Академии ставил перед собой в речах, так и теми глубинными процессами, которые происходили в культуре XVIII века.

Первое обозначить легко – речь идет о педагогических задачах речей. Нужно подготовить студентов к трудной и кропотливой работе и выбить из их голов становящиеся все более популярными идеи о чудесном Вдохновении. Именно из соображений педагогических Рейнольдс в своих речах более консервативен, чем в своих мыслях.

Целостный анализ его размышлений об искусстве свидетельствует о том, что сознание Рейнольдса развивается в направлении, характерном для всего европейского интеллектуального сообщества. Это далеко зашедший процесс десакрализации культуры, мировоззрения. То, что Рейнольдс спускает искусство с небес на землю, высмеивая концепт Вдохновения, – отражение этой общей тенденции. У его предшественников-классицистов сохранялись свои эстетические культы – это авторитеты (Буало и др.), Природа как источник бесконечного совершенства (Поуп). У Рейнольдса и Природа свергается со своего культового постаментов, а вместо всего этого – Разум, но не как один из культов XVIII в., а, скорее, в качестве субъективного Ума, зрелого Суждения художника. В этом смысле рейнольдсовская эстетика – очередной шаг в сторону авторского интеллектуального субъективизма, основанного на эмпирическом, внешнем пути постижения мира и творчества.

Соответственно – это путь очень активный, деятельностный. Гений – это *реализация* вкуса в творческом процессе, а энтузиазм – максимальное *выражение* в творчестве тех знаний, того опыта, которые наработаны художником путем неустанного труда. И во всем этом Художник (а не Божество и, даже, не Природа) – главное действующее лицо.

¹²³ Reynolds J. Op. cit. P. 309.

¹²⁴ Ibid. P. 152–153.

¹²⁵ См.: Ibid. P. 309.

РОМАНТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В «ВОСПОМИНАНИЯХ ОБ ИСПАНИИ» Ф. БУЛГАРИНА

Историческая репутация зачастую становится маской, настолько прочно сросшейся с образом того или иного представителя прошлого, что заслоняет собой реальную человеческую личность.

Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859) был достаточно широко известным литератором и преуспевающим издателем журнала, а также внештатным сотрудником Третьего отделения. Последнее обстоятельство сделало его героем многочисленных эпиграмм А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова и многих других литераторов той пишущей эпохи. Именно этот факт биографии закрепил за Ф. Булгариным имидж «Видока Фиглярина», заслонив собой все остальные грани деятельности этого человека.

Вниманием исследователей Ф. Булгарин не был обделен со времен очерков В. Г. Белинского. В литературной критике его персона представлена чаще всего в сопоставлении (противопоставлении) А. С. Пушкину. Очень часто (особенно в последние десятилетия) личность Ф. Булгарина рассматривается в контексте проблемы «писатель на службе режима»¹²⁶.

Что касается изучения его литературного наследия, то за редким исключением¹²⁷, внимание исследователей акцентируется на том, что было написано им в период правления Николая I. А между тем, литературная деятельность нашего героя началась несколько раньше, в самом начале 20-х гг. XIX в. Речь идет о книге «Воспоминания об Испании» Ф. В. Булгарина, увидевшей свет летом 1823 года.

Начало жизненного пути Ф. Булгарина приходится на время становления и распространения в европейской культуре романтизма. «Романтизм – это... общекультурное движение, культурно-исторический тип, охватывающий самые разнообразные явления – от философии и политической экономики до моды на прически и костюмы. Но всех их объединяет одно – конфликт с действительностью, отвергавшейся с позиций высшего идеала»¹²⁸.

¹²⁶ Так, НЛО (1999. № 40) имеет подзаголовок «Булгаринский номер». См. также: *Рейтблат А. И.* Видок Фиглярин: История одной литературной репутации // Вопросы литературы. 1990. № 3; *Янов А.* Загадка Фаддея Булгарина. Социально-исторический очерк // Вопросы литературы. 1991. № 9–10; *Акимова Н. Н.* Булгарин: литературная репутация и культурный миф. Хабаровск, 2002; *Николаева А.* Фаддей Булгарин – «бедный Йорик» русской журналистики // Наука и жизнь. 2005. № 8; *Удалов С. В.* Популяризатор государственной идеологии (Ф. В. Булгарин и теория официальной народности) // Клио. 2006. № 1.

¹²⁷ См.: *Алексеев М. П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964; *Киселева Л. Н.* Фаддей Булгарин о наполеоновских войнах: К вопросу о прагматике мемуарного текста и непрерывного предания. Сб. памяти А. Г. Тартаковского. М., 2004.

¹²⁸ Культурология / под ред. Г. В. Драча. Ростов-н-Д., 1996. С. 269.

Примечательно, что романтические художники (слово «художники» здесь относится ко всем деятелям культуры, представляющим это направление) могли придерживаться самых разных политических идеалов, они «находились на крайне левом фланге, как поэт Шелли; на крайне правом, как Шатобриан и Навалис; переходили то на одну, то на другую сторону, как Вордсворт...»¹²⁹.

Можно сказать, что Фаддей Булгарин как личность подходит под определение романтического героя, если следовать той формуле, которая была предложена младшим современником М. Ю. Лермонтовым: «гонимый миром странник»¹³⁰. Сам он достаточно часто подчеркивал свою бесприютность, свое сиротство. В частности, этот мотив присутствует в обращенных к Н. И. Гнедичу (которому посвящены «Воспоминания») словах: «мне сирому на чужой стороне»¹³¹. Стоит вспомнить, что тема обездоленности постоянно обыгрывалась романтиками, начиная с Д. Г. Байрона.

Начало биографии Ф. Булгарина вполне соответствует идеалам романтической эпохи. Шканденберг-Булгарин Фаддей Венедиктович родился в 1789 г. в семье польского шляхтича. Отец его был другом Т. Костюшки, в честь которого сына назвал Тадеушем. После подавления восстания он был сослан в Сибирь, а имение захватил богатый сосед. Мать устроила Тадеуша в Сухопутный кадетский корпус в Петербурге, где он учился с 1798 по 1806 гг. Плохо говорящий по-русски, он долго конфликтовал с однокашниками и учителями. Определил для себя «жить вперед без чужой помощи».

После окончания кадетского корпуса Фаддей Булгарин участвовал в боевых действиях против французов, под Фридландом ранен, получил орден св. Анны третьей степени. В 1809 г. был замечен шефом полка великим князем Константином в «самоволке» (молодой человек сбежал с дежурства на маскарад), последовал ряд карательных мер, и в 1811 г. Ф. Булгарин был уволен из армии в чине поручика. После этого пережил период материальных трудностей, из Ревеля перебрался в Варшаву, потом с помощью своего бывшего командира, француза по национальности, вступил в наполеоновскую армию, в составе которой, следуя «за белыми орлами» Польского легиона, попал в Испанию. В 1812 г. под командованием Удино воевал на территории Белоруссии и Литвы (то есть в своих родных местах). В 1814 г. во Франции взят в плен, после размена пленными оказался в Варшаве, с 1819 г. обосновался в Петербурге. Эта часть жизненного пути насыщена неожиданными поворотами вполне в духе реалий времени и идеалов романтизма.

Дальнейшее, на первый взгляд, отличает его от романтического героя: он приспособливается к окружающей среде, действует в зависимости от обстоятельств. Позднее Булгарин в письме Гречу так объяснит свою позицию: «...если бы лавочка Наполеона не обрушилась, я бы теперь возделывал где-нибудь виноград на Луаре. Судьба решила все иначе, и я покорился ей»¹³².

¹²⁹ Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-н-Д., 1999. С. 354.

¹³⁰ Для романтиков характерна самоидентификация себя как странников, изгнанников, страдальцев, непонятых и преследуемых обществом (см.: Там же. С. 360–361).

¹³¹ Булгарин Ф. Воспоминания об Испании. СПб., 1823. С. 12.

¹³² Цит. по: Рейтблат А. Видок Фиглярин (История одной литературной традиции) // Вопросы литературы. М., 1990. № 3. URL: www.philology.ru/literature2/reytblat-90.htm (дата обращения 12.09.2012).

Интеллектуальная жизнь русских столиц той поры была насыщенной и бурной, столкновение мнений и личностей проявлялось во всем. Пожалуй, самую меткую и исчерпывающую характеристику ей дал почитаемый Булгариним А. С. Грибоедов: «Шумим, брат, шумим». Деятельность многочисленных литературных обществ (самые известные из них «Арзамас», «Зеленая лампа», «Сословие Друзей Просвещения») с их атмосферой то ли творческой игры, то ли игры в творчество демонстрировала общий накал культурной жизни русского общества. Внешним проявлением этой духовной атмосферы было соперничество пишущей братии, о чем чуть позднее, но уже по другую сторону рубежа, каким стал не только для политической, но для культурной жизни страны 1825 г., напишет Е. Баратынский: «Когда в отечестве все тихо и спокойно / писатели воюют непристойно»¹³³. Светская жизнь с заметным привкусом интеллектуальных турниров и тягой к свободомыслию, точнее к либертинажу: «Игра была видимостью, а не сущностью. Она обозначала только вход в исторический лабиринт, где незаметно с поверхности, переплетались, соседствовали, гармонировали, противоборствовали отношения социальные, эстетические и личные»¹³⁴.

В Петербурге Булгарин начал энергично заводить знакомства среди пишущей братии, в числе его приятелей той поры можно назвать А. С. Грибоедова, А. А. Бестужева-Марлинского, К. Ф. Рылеева. Он был «чужаком» в том кругу, куда старался проникнуть, причем «чужаком» с темным пятном в биографии. За его спиной не было обеспеченного тыла в виде громкого имени, материального достатка, а главное – в виде возможности опереться на родственные связи. Его идеалы были близки к тому, что как раз в эти годы оформлялось в либеральную идеологию¹³⁵. Сам Фаддей Венедиктович в отличие от своего отца-республиканца был монархистом, полагая, что монархия (единовластие) обеспечивает покой и порядок в обществе, а также надежность положения человека, готового служить власти.

Показательно, что начал свою деятельность Ф. Булгарин с издания «Северного архива», журнала, посвященного истории и географии. Эпиграф был избран весьма красноречивый: «Трудись лишь с пользой» («Nihil ager quod non prosit»)¹³⁶. На протяжении всей жизни будет он стремиться к извлечению пользы при реализации всех своих начинаний.

Когда по Южной Европе прокатилась волна революций, Булгарин откликнулся на это событие своими «Воспоминаниями». При этом он продемонстрировал качества блестящего тактика. Замысел был беспроектным (в обществе возродился интерес к испанской теме), а предмет рассмотрения (народная война против Наполеона под лозунгом защиты легитимного монарха) позволил сравнить два варианта массового народного движения, того, что вошло в историю под названием «гверилья» («маленькая война» 1808–1814 гг.) и Отечественной войной 1812 г. в России. Показательно, что автор оговаривается, что написал свои «Воспоминания» в 1819 г.,

¹³³ Цит. по: Вацуро В. Э. С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989. С. 294.

¹³⁴ Там же. С. 305.

¹³⁵ Само слово «либерал» восходило к сторонникам испанской революции 1820–1821 гг.

¹³⁶ Николаева А. Фаддей Булгарин – «бедный Йорик» русской журналистики // Наука и жизнь. 2005. № 8. URL: www.nkj.ru/archiv/articles/1501 (дата обращения 5.10.2012).

что отрывки уже появлялись в периодической печати («Соревнователь Просвещения», «Благонамеренный», «Сын Отечества»), это дает ему основание не упоминать об испанской революции 1820–1821 годов.

Ф. Булгарин не был участником описываемых им событий 1808–1809 гг. (в то время он еще служил в русской армии, сражался против войск Наполеона). Он использовал несколько франкоязычных работ. В этом упрекает его позднее В. Г. Белинский. Да он и не скрывал, что пользовался опубликованными воспоминаниями (он несколько раз упоминает об этом в тексте), но чаще ссылается на рассказы сослуживцев, приятелей. И это не отписка, он общался с поляками, воевавшими в Испании в 1808–1809 гг., а в 1811 г. и сам там находился. Однако, личного впечатления в его работе немного. Совершенно оправданно в трехтомном собрании сочинений, напечатанном в 30-е годы, автор изменил название: «Воспоминания об Испании» были переименованы в «Картину испанской войны во время Наполеона», что более отвечало сути произведения.

Сочинение состоит из четырех неравных по объему частей. Первая представляет собой набор коротеньких, выразительных набросков этно-географического характера; вторая включает несколько самостоятельных эпизодов сопротивления испанцев наполеоновским войскам; третья (самая объемная) содержит описание осады Сарагосы, а четвертая дает характеристику завершения военных действий на Пиренейском полуострове.

Сначала описывается место действия. Несколько первых страниц сочинения заполнены описаниями природы, быта, нравов страны, преподносимых подчеркнуто контрастно. Открывается сочинение описанием диких, грозных горных хребтов («Нигде природа не является в столь грозном величии... Горы Пиренейские предпочитают всем прочим по ужасным картинам и разнообразию оных»¹³⁷) и солнечных, ласковых долин («Прекрасные, плодородные долины, необозримые луга, усеянные горами и деревнями, разделяют сии громады камней»¹³⁸).

Далее рисуется мрачность и негостеприимность жилищ («Железные решетки в окнах, железные двери, укрепленные тяжелыми запорами, суть принадлежности всякого дома. Двери всегда наглухо заперты, как в городах, так и в деревнях; а в сих последних вообще дома обнесены каменной стеною»¹³⁹) и убогость бытовых условий («Нищета и неопрятность, везде... угрюмые и грозные лица, молчаливость, гордость, невежество и предрассудки делают общество несносным»¹⁴⁰).

Подобно всем путешественникам того времени Ф. Булгарин отдельно очень неодобрительно характеризует испанскую кухню: «Гастроном, не имея своего повара, должен умереть с голоду с испанскою кухнею»¹⁴¹.

А вслед за тем посвящает восторженную страницу описанию испанских женщин. В этом описании присутствует много обычных для того времени клише: «Надобно иметь воображение Гомера и кисть Апеллеса для изобра-

¹³⁷ Булгарин Ф. Указ. соч. С. 1.

¹³⁸ Там же. С. 2.

¹³⁹ Там же. С. 3.

¹⁴⁰ Там же. С. 10.

¹⁴¹ Там же. С. 7.

жения всех прелестей, какими природа щедрою рукою осыпала здешних красавиц!»¹⁴².

Отмечает автор слабость правительства: «Равнодушие правителей государства к успехам земледелия и промышленности, тягостная монополия и жадность помещиков, умерщвляют деятельность и трудолюбие»¹⁴³. Стоит отметить, что автор ни одним добрым словом не обмолвился о представителях семейства испанских Бурбонов. Единственным, но неоспоримым достоинством короля Фердинанда VII является легитимность его власти, которая и делает его имя знаковым.

Завершается короткое, но выразительное перечисление неудобств и недостатков испанского быта таким выводом: «Вы хотели бы перелететь за Пиренейские горы, в веселую Францию – но выйдете в поле, окинете взором прелестную природу, взглянете на женщин – и невольно останетесь в Испании»¹⁴⁴. Сильнее всего озаряющий солнечный свет, сладкий и свежий воздух: «Здесь божество почти видимо: вы ощущаете его присутствие»¹⁴⁵. Набросав такую картину, автор дал эмоционально насыщенный фон, подготовил читателя к последующему драматическому повествованию.

Далее следует краткое изложение событий, приведших испанскую королевскую семью в Байонну, и, как отголосок, восстание 2 мая 1808 г. в Мадриде. Перечисление ужасов кровопролития оттеняется небольшой мелодраматичной сценой, описанной со ссылкой на неназванного по имени «единоземца» автора. Бегло обрисовав бесчинства на улицах, Булгарин описывает такой эпизод: доблестный польский офицер в сопровождении 40 гренадеров врывается в дом, из которого раздается жалобный крик, бьющаяся в руках насильников жертва, старый генерал, лежащий в луже крови... Герой разгоняет солдатню, спасенная красавица с восторгом смотрит на своего избавителя, благодарная мать рыдает, растроганный отец встает из лужи крови и предлагает сердце, руку и богатое приданное доблестному воину, тот благодарит, но отказывается, потому что его сердце отдано бедной и скромной панночке, живущей на светлых берегах Вислы. Ситуация обрисована бегло, а небольшой, но выразительный и подробно (на несколько страниц) расписанный эпизод, должен остаться в памяти читателя.

Автор дает обзор нарастающих событий противостояния наполеоновским силам, деятельности революционных хунт (Булгарин именует их «юнтами»): перечисляется, фиксируется, что в осажденном Кадиксе заседали кортесы, но все связанное с разработкой «Кадикской Конституции» остается «за кадром». «Главная испанская Юнта, имевшая прежде свое пребывание в Севилье, а после в Кадиксе, и управлявшая во имя Фердинанда VII королевством, одними только прокламациями делала то, чего ни политика, ни могущество, ни сокровища Наполеона сделать были не в состоянии. Ис-

¹⁴² Булгарин Ф. Указ. соч. С. 14–15.

¹⁴³ Там же. С. 8–9.

¹⁴⁴ Там же. С. 10.

¹⁴⁵ Там же. С. 13. Кстати, этот список контрастов испанской природы и нравов в более развернутом виде будет присутствовать у других русских авторов, посетивших Испанию во второй половине XIX в. (см. «Письма об Испании» В. Боткина, «По Испании» Д. Мордовцева, «Край Марии Пречистой» В. Немировича-Данченко).

панцы слепо повиновались приказаниям Юнты, и с героической решительностью жертвовали жизнью и именем для отечества и свободы. Такова-то сила мнения»¹⁴⁶.

Внимание концентрируется на стихийности народного вооруженного сопротивления французам. «Но благородная гордость испанцев не хотела принять законов из рук чужеземных. “Нет!” говорили они: “мы не можем, не должны оставить короля нашего в несчастии. Мы присягнули ему в верности, и когда же можем дать лучше доказательство в истине нашей присяги, как не в злополучии?” Французские воины уверены были в справедливости их дела – и проливали кровь свою, истребляя сих великодушных рыцарей из угождения властолюбию Наполеона. – О люди, люди! Как здесь согласить разум и волю?...»¹⁴⁷.

Следует изложение целого ряда эпизодов, которые вполне могут служить развернутыми подписями к офортам Ф. Гойи из серии «Бедствия войны»¹⁴⁸: «Французы дрались на всяком шагу, каждый кусок хлеба был куплен кровью; побеждали, и все оставалось в прежнем порядке: ни одна значительная выгода не увенчала их подвигов и смелых предприятий... Испанцы в цепях были независимы»¹⁴⁹.

Больше всего внимание автора сосредоточено на описании двух осад Сарагосы (май – лето 1808 г. и ноябрь-февраль 1808–1809 гг.). Позиция автора беспристрастна, доблесть осажденных испанцев и доблесть польских кавалеристов описывается примерно одними словами. Имена мелькают, но индивидуальности теряются. Булгарин сравнивает Сарагосу с Нуманцией, древним кильтеберским городом, жители которого оказали упорное сопротивление римским завоевателям. «Касаясь слегка важных происшествий, прославивших испанский народ во время борьбы за свободу отечества, я должен несколько распространиться в описании осады Сарагосы, которая, по геройству осажденных и мужеству осаждающих, представляет необыкновенное явление в истории новых времен, и воскресит в памяти людей чудесный патриотизм ... Нуманции»¹⁵⁰.

Последующее изложение утрачивает выразительность. Кажется, что автор сам несколько устал от пафоса и надрывности своего повествования. Он доводит изложение до момента изгнания Наполеона, потому что ему нужно завершить свое сочинение выразительным резюме: «Таким образом, кончилась Испанская война, продолжавшаяся в пределах сей страны около шести лет, с ожесточением и мужеством, коим мало находим примеров в истории. Война сия решила важную задачу, и доказала, что народ, в котором существуют вера, любовь к престолу и отечеству, есть непобедим. Рос-

¹⁴⁶ Булгарин Ф. Указ соч. С. 39.

¹⁴⁷ Там же. С. 171.

¹⁴⁸ Надо учитывать, что Ф. Булгарин не мог видеть «Бедствий войны» Ф. Гойи, хотя этот цикл офортов создавался во второе десятилетие XIX в., доступны публике они стали только в 1863 г. Речь идет о близости видения событий, переданных приемами разных видов художественного творчества.

¹⁴⁹ Булгарин Ф. Указ. соч. С. 40–41.

¹⁵⁰ Там же. С. 85.

сия в 1812 году подтвердила сию истину, и, равно как Испания, увенчалась бессмертной славою!»¹⁵¹.

В испанских событиях рубежа первого-второго десятилетий Булгариным затрагивается только гверилья, народное движение, происходившее под лозунгом восстановления традиционной монархии, своего рода победившая Вандея. Спустя годы (в «Северной пчеле» 1837 г.) почти то же будет сказано им об Отечественной войне 1812 г.: «Россия спасла сама себя, упованием на бога, верностью и доверенностью к своему царю»¹⁵².

Книга была с интересом принята обществом. А. Бестужев-Марлинский доброжелательно отозвался о «Воспоминаниях» в своем критическом обзоре «Взгляд на старую и новую словесность в России». А барон А. А. Дельвиг, стараясь завоевать благосклонность хозяйки литературного салона С. Д. Понамарева, послал ей сонет «вместе с книгой Фаддея Булгарина «Воспоминания об Испании», которую Пономарева хотела прочесть: книга была в моде»¹⁵³.

В «Воспоминаниях» Булгарин заявил о себе как умеренный либерал, монархист. Таким он всю жизнь и оставался. Другое дело, что после 1825 г. в России изменилась ситуация, произошло жесткое размежевание внутри активной части нации. Булгарин примкнул к той ее части, которая поддерживала и обслуживала существовавший режим. Для «странника», каким позиционировал себя Тадеуш-Фаддей, с этим были связаны упования на упрочение материального положения и социального статуса. По его расчетам, только в условиях устойчивого общественного порядка он мог проявить свои способности.

Расчеты оказались правильными. Вышел Булгарин в отставку в чине тайного советника («Его Превосходительства»), умер в своем поместье неподалеку от Тарту, пережив популярность, но сохранив место на обочине Большой литературы. Будучи человеком умным, хватким (в том числе в собственно интеллектуальной сфере), он, не обладая большим литературным дарованием, сумел около двух десятков лет сохранять положение одного из самых преуспевающих издателей и одного из самых читаемых авторов очень разных по жанру литературных произведений (авантюрный роман, фантастический роман, фельетон, очерки нравов). «...Этот энергичный журналист был поддержан в своей литературной деятельности не только Дубельтом, но и большой социальной группой, разделявшей взгляды «Северной пчелы», раскупавшей нарасхват его романы», – совершенно справедливо отмечал еще в 1925 г. в журнале «Красная новь» литературовед Пиксанов¹⁵⁴.

¹⁵¹ Булгарин Ф. Указ. соч. С. 185–186.

¹⁵² Цит. по: Тартановский А. Т. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 198.

¹⁵³ Вацуро В. Э. Указ. соч. С. 230.

¹⁵⁴ Цит. по: Рейтблат А. Видок Фиглярин (История одной литературной традиции) // Вопросы литературы. 1990. №3. URL: www.philology.ru/literature2/reytblat-90.htm (дата обращения: 12.09.2012).

Булгарин может рассматриваться как представитель того пласта романтической культуры, который получил название бидермайер¹⁵⁵. Это был романтизм, приспособленный к уровню, запросам, настроениям людей «среднего состояния» (по его собственному определению). Для России того времени – это было весьма многочисленное чиновничество, мещанство, мелкое дворянство, часть купечества, люди грамотные, читающие, желающие получить от общения с произведениями литературы и искусства удовольствие, не требующего эмоционального и интеллектуального напряжения. В дальней перспективе бидермайер можно рассматривать в качестве предтечи явления, бурно расцветшего в XX в. под названием массовая культура.

И. М. Нохрин (Челябинск)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «НАЦИЯ» И «НАЦИОНАЛЬНОГО»: КАНАДСКИЙ ОПЫТ (60-Е – 80-Е ГОДЫ XIX ВЕКА)

Создание 1 июля 1867 г. доминиона Канада стало событием исключительной важности для вошедших в него североамериканских провинций Британской империи. Несмотря на то, что официальному решению английских властей предшествовали длительные дискуссии в самоуправляющихся колониях, оставалось еще немало проблем, связанных с обеспечением условий эффективного развития нового государства. Это были вопросы не только конституционного, политического, экономического, военного характера, но и идейно-политического осмысления процесса складывания единого канадского организма, позиционирования его в мировом культурном пространстве.

В середине XIX в. для общественно-политических элит государств Европы и Америки господствовавшей стратегией укрепления легитимности власти и повышения лояльности населения существовавшим государственным институтам была концепция национального государства¹⁵⁶. Преемственная идеям Великой французской революции, она основывалась на понятии нации как особом культурно-политическом единстве всех жителей определенной территории. Национальное государство мыслилось наиболее прогрессивной формой развития человеческих обществ, новой ступенью в их движении к будущему глобальному содружеству стран и народов¹⁵⁷. Общественно-политические круги Канады также восприняли эту модель самоопределе-

¹⁵⁵ Стилевое направление в культуре 30–40-х гг. XIX в. Бидермайер отразил вкусы и запросы средних слоев общества: демократические настроения, тягу к уютности, интимности, культ домашнего очага, ограждающего человека от тревог и невзгод внешнего мира. Под этим углом зрения равноценны «Девятый вал» И. Айвазовского и «Воспоминания об Испании» Ф. Булгарина, в равной степени подходящие под стасовскую характеристику «Он пугает, а мне не страшно», зато приятно волнует.

¹⁵⁶ См.: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. Гл. 1.

¹⁵⁷ См.: Лист Ф. Национальная система политической экономии. СПб., 1891. С. 224.

ния в качестве основной. Данная статья ставит своей задачей проследить эволюцию развития представлений канадских политиков и публицистов о «нации» как одном из ключевых элементов формирующейся культурной идентичности. Ее хронологические рамки – от образования доминиона в 1867 г. до середины 80-х гг. XIX в. – охватывают период активной разработки идейного содержания этого понятия вплоть до его окончательного закрепления в общественно-политической жизни страны.

В европейских языках середины XIX в. смысловое наполнение термина «нация» существенным образом отличалось от его значения в последующем столетии. Общепринятая лексика английского языка ставила это слово в один синонимический ряд с такими понятиями как «род», «племя» и «государство», не определяя его самостоятельного смысла¹⁵⁸. Наибольшее распространение в официальных документах периода 1860–80-х гг. понятие «нация» получило в сфере международного права как обозначение любого суверенного государства, субъекта международных отношений. Соответственно под «национальностью» понималась юридическая принадлежность человека к таковому государству, иными словами, гражданство или подданство¹⁵⁹.

Однако в политическом лексиконе Британской Северной Америки уже с момента начала дискуссий о создании канадской федерации понятие «нация» стало приобретать более широкий смысл, выходя за рамки правоведения и включая в себя элементы обозначения определенной гражданско-территориальной общности населения будущей федерации. В одной из резолюций Квебекской конференции 1864 г., на которой были заложены конституционные основы будущего доминиона, утверждалось, что «объединение североамериканских провинций позволяет говорить не только об изменении их политического статуса, но и о создании новой нации»¹⁶⁰. Уже после принятия Акта 1867 г. в похожем духе высказался и первый генерал-губернатор объединенной Канады. На торжественном открытии парламентской сессии 6 ноября 1867 г. лорд Монк провозгласил появление «новой нации» на территории британской Америки¹⁶¹.

Разумеется, подобные заявления не были демонстрацией готовности Канады принять на себя статус суверенного государства. В сознании жителей канадских провинций в первые годы после объединения продолжали господствовать настроения регионализма и локальности, дополнявшиеся заметной культурной неоднородностью, что было невозможно устранить одним лишь росчерком пера под Актом о Британской Северной Америке. В этих условиях термин «нация» был удобен для выражения того желаемого гражданского единства населения доминиона, которое считалось крайне необходимым для его стабильного существования. Так, например, один из

¹⁵⁸ См.: *Oswald J.* A Dictionary of Etymology of the English Language, and of English Synonyms and Paronyms. Edinburgh, 1866. P. 221, 331, 411, 473, 571.

¹⁵⁹ См., напр.: *Cushing C.* The Treaty of Washington; its negotiation, execution, and the discussions relating thereto. N. Y., 1873. P. 9, 277–278; *Howell A.* Naturalization and nationality in Canada. Toronto, 1884. P. 9, 59.

¹⁶⁰ *Paquin S.* The myth of the Compact theory of Canadian Federation. URL: <http://canadahistory.com/sections/papers/paquin.htm> (дата обращения: 14.06.2012).

¹⁶¹ См.: *Young J.* Public men and public life in Canada; the story of the Canadian confederacy, being recollections of Parliament and the press. Toronto, 1912. Vol. II. P. 36.

первых историков доминиона Дж. Макмаллен считал, что именно чувство принадлежности к «канадской нации» позволит сплотить в единое целое всех ее жителей, «пусть даже они были бы недавними эмигрантами из Шотландии или Ирландии»¹⁶².

Подобный подход к вопросу о нации сформировался в общественно-политических кругах Онтарио и далеко не сразу получил популярность в соседних провинциях. В Квебеке границы самоидентификации традиционно совпадали с территорией расселения франкоязычного населения. Местные политики и публицисты постоянно стремились подчеркивать уникальность положения собственной провинции на территории Северной Америки и ее несхожесть с другими владениями британской короны. К середине XIX в. там уже получила развитие концепция двух самостоятельных наций, разделенных языковым, религиозным и политическим барьером: англоканадской и франкоканадской. Образование федерации не изменило настороженного отношения квебекцев к английской Канаде. Даже через два десятилетия после Акта о Британской Северной Америке в общественно-политической жизни франкоязычной провинции доминиона отсутствовало понятие «канадской нации». «За исключением Соединенных Штатов и Канады, – говорилось в одной из типичных франкоканадских публикаций того времени, – в мире нет ни одной страны, в которой население бы состояло из двух великих наций»¹⁶³.

Но ощущение единой нации отсутствовало не только в Квебеке. В Новой Шотландии в первые годы существования доминиона набирало силу движение антифедералистов, протестовавших против включения провинции в состав объединенной Канады. Их мнение выражал видный региональный политик Джозеф Хау. Он доказывал, что для Новой Шотландии было бы гораздо выгоднее оставаться самоуправляющейся колонией Великобритании, нежели присоединяться к экономически многократно превосходящим ее (а потому потенциально опасным) провинциям Онтарио и Квебек¹⁶⁴. Дж. Хау не наблюдал общих интересов и чувства единения у жителей различных провинций Канады, и, в частности, Новой Шотландии и Онтарио, а потому называл Акт о Британской Северной Америке противоречащим народной воле¹⁶⁵. В 1868 г. Дж. Хау предпринял поездку в Лондон с целью убедить английский парламент денонсировать Акт 1867 г., но потерпел полную неудачу. Парламентарии не проявили ни малейшего интереса к протестам населения Новой Шотландии и представлявшему их «народному трибуну» (как неофициально называли Хау): судьба канадской федерации на тот момент была для Вестминстера вопросом решенным. Лишь убедившись в невозможности выхода Новой Шотландии из доминиона Дж. Хау согласился сотрудничать с правительством в Оттаве и присоединился к кабинету министров Дж. Макдональда. К началу же 1870-х гг., когда антифедералистское движение полностью прекратило свое существование, он стал

¹⁶² *McMullen J. M.* The history of Canada from its first discovery to the present time. Brockville, 1868. P. v.

¹⁶³ *Cazes P.* Petites Notes sur le Canada. Quebec, 1882. P. 24.

¹⁶⁴ См.: *Иванов А. Г.* Джозеф Хау: региональный и имперский патриот. – Россия и Канада в исторической ретроспективе и современных реалиях. Магнитогорск, 2006. С. 16.

¹⁶⁵ См.: *Burpee L. J.* Joseph Howe and the Anti-Confederation League // Transactions of the Royal Society of Canada. Section II. Series III. Vol. X. Ottawa, 1917. P. 412.

поддерживать идею «канадской национальности» в качестве способа самоидентификации и консолидации населения доминиона¹⁶⁶. Географическое положение североамериканской федерации вдали от метрополии закономерно подсказывало проведение границ новой национальной общности в соответствии с границами самой самоуправляющейся колонии.

В 1870-х гг. с завершением процесса территориального объединения британских владений в Северной Америке в общественно-политической жизни Канады стало широко распространяться осознание мобилизующих и интегрирующих возможностей, заключенных в понятии «нация». Ни у кого не вызывало сомнений, что на повестке дня молодого государства стоит ряд неотложных задач: освоение новых земель, развитие инфраструктуры, привлечение иммигрантов и иностранного капитала, урегулирование этнических противоречий и многие другие. Их решение требовало объединения усилий всех канадцев, что было невозможно без общей идеологической базы. Стать катализатором развития страны, по мнению многих, могла идея единой канадской нации, обладающей собственной культурной идентичностью и чувством «канадизма» – то есть национальной солидарностью и ощущением общности исторической судьбы¹⁶⁷.

Было очевидно, что на момент создания федерации такой нации не существовало. Необходимость ее формирования, «культивирования национального духа» и повышенного внимания к проблемам внутреннего развития страны постулировались в качестве основных задач правительства и населения доминиона теми, кто стал называть себя «националистами». «Федерация Канада будет лишь умозрительным построением, пока ее людей не сплотит чувство принадлежности к одной нации», – выражал их общее мнение журналист Г. А. Макензи. Он же заключал, что необходимо уделять меньше внимания популярным тогда вопросам модернизации Британской империи и сконцентрироваться на более актуальных для доминиона проблемах внутреннего развития и формирования национального духа¹⁶⁸.

Поставленные задачи требовали, прежде всего, выработки общего понимания и смыслового наполнения таких понятий как «нация» и «национальный дух». С начала 1870-х гг. в общественно-политических кругах доминиона термин «нация» все чаще стал применяться по отношению к Канаде в том же значении, что и к другим странам Европы и Америки, то есть как обозначение суверенного государства, обладающего определенной территорией и проживающим на ней населением. В публичных выступлениях и печати этого времени Канада часто изображалась в образе молодой девушки, нерешительно выходящей навстречу другим «взрослым» нациям всего мира, иногда под покровительством своей «матери» Великобритании¹⁶⁹.

Опираясь только на общепринятые в правоведении и политике того времени формальные признаки нации, такой образ было бы трудно понять.

¹⁶⁶ См.: Иванов А. Г. Указ. соч. С. 21–22.

¹⁶⁷ См.: Fisher R., Cantab M. A. Canada's Alternatives // Rose-Belford's Canadian Monthly and National Review. 1875, Nov. Vol. VIII. P. 429.

¹⁶⁸ См.: Mackenzie G. A. Nationalism and Reaction // Ibid. 1877, Dec. Vol. XII. P. 594–595.

¹⁶⁹ См.: Leggo W. The history of the administration of the Right Honorable Frederick Temple, Earl of Dufferin ... late Governor General of Canada. Montreal? 1878. P. 31; Bengough J. W. The Grip cartoons, [microform]. Toronto? 1875. P. 10, 62, 154.

С точки зрения международного права, Канада была владением Великобритании, пусть и с широкой внутренней автономией, и не могла считаться независимым государством. Отступать от общепринятых стандартов канадцев заставляло желание видеть себя в равном положении с другими независимыми государствами и, прежде всего, со «страной-матерью». В связи с этим, в публицистической литературе стали популярны статистические расчеты прогресса экономики Канады, доказывавшие, как считали их авторы, ее право занимать место в ряду наиболее развитых стран¹⁷⁰.

При этом колониальное подчинение доминиона Великобритании несколько не противоречило самоидентификации канадцев как нации, а возможность имперского сотрудничества и представление о единстве англосаксонской «расы» только добавляло уверенности в собственных силах. Тем не менее, националисты считали, что неизбежно наступит день, когда Канада станет независимым государством. «В нашем доминионе есть все необходимое, чтобы быть сильной и богатой нацией, – доказывал право Канады на самостоятельное существование журналист Н. Дэйвин, – есть огромные незанятые территории, ждущие своих хозяев, природные богатства, выгодное географическое положение, и, конечно же, люди, в жилах которых течет кровь англосаксов и которые по трудолюбию и демократичности сознания практически не имеют себе равных в мире»¹⁷¹. Такие доводы считались достаточно вескими и многократно повторялись в выступлениях и сочинениях политиков и публицистов. Однако до тех пор, пока население доминиона составляло чуть более четырех миллионов человек, он должен был, хотя бы по соображениям безопасности, находится в составе империи. И за это время, как полагали националисты, требовалось сделать все возможное, чтобы подготовиться к полностью независимому существованию Канады.

Вместе с тем, путь к независимости всегда представлялся исключительно эволюционным, без каких-либо серьезных потрясений и радикальных решений. Условной точкой, которая бы обозначила финал этого процесса, считался момент, когда в Канаде сформируется своя собственная национальная индивидуальность, когда будут преодолены локальность и провинциальность в сознании жителей различных провинций. Согласно наиболее оптимистичным прогнозам, все это могло свершиться уже при жизни тогдашнего поколения, к началу XX века¹⁷².

В соответствии с этими идеями, канадские консерваторы разработали (в 1876 г.) и стали претворять в жизнь (с 1879 г.) так называемую Национальную политику, суть которой заключалась в установлении протекционистских таможенных пошлин (в том числе и на товары из Великобритании) и ускоренном строительстве железных дорог. Согласно их представлениям, эта политика должна была «защитить интересы молодой нации и в будущем сделать ее великой»¹⁷³. На волне дискуссий о предложенных мерах консерваторы попытались представить себя настоящими патриотами, ду-

¹⁷⁰ См.: *Drummond A. T. Imperial and Colonial Confederation // Rose-Belford's Canadian Monthly and National Review. 1875, May. Vol. VII. P. 406.*

¹⁷¹ *Davin N. F. The Future of Canada // Ibid. 1881, May. Vol. VI. P. 493–494.*

¹⁷² См.: *Fisher R., Cantab M. A. Op. cit. P. 432.*

¹⁷³ *Ansell D. A. Political generosity. A paper read before the Junior Conservative Club. April, 1881. [microform]. Univ. of Toronto Library, 1881. P. 2.*

мающими об интересах канадской нации, в противоположность, как они считали, «беспечным» либералам-фритредерам, чьи действия неотвратимо вели к разрушению экономики доминиона, его распаду и поглощению США¹⁷⁴. Эта стратегия оказалась настолько удачной, что позволила тори уверенно выиграть выборы 1878 г., несмотря на присутствие в рядах их оппонентов таких известных «националистов» как Э. Блейк и Г. Смит. Впервые термин «нация» оказался одним из центральных понятий в политической жизни канадской федерации.

К середине 1880-х гг. общественно-политическая мысль доминиона пришла к относительно единому мнению по поводу формальных признаков, определявших «канадскую нацию». В нее стало включаться все население, постоянно проживающее на территории Канады. Выразителем ее воли считался парламент и правительство североамериканской федерации, а доказательством права на существование – обширные природные ресурсы, открывавшие широкие перспективы развития страны, и факт превосходства происхождения от «великой англо-саксонской расы» (франко-канадское население по-прежнему иначе смотрело на данный вопрос). Настал момент, когда концепцию «канадской нации» надлежало превратить в элемент массового сознания или, выражаясь языком того времени, «взрастить национальный дух».

Но на этом пути предвиделись многочисленные трудности. Современники хорошо осознавали, что если гражданскую составляющую канадской нации легко очертить границами доминиона и определить как совокупность всех жителей, постоянно проживающих в нем, то чувство духовного единения еще только предстояло создать¹⁷⁵. И в этом процессе ключевое значение придавалось развитию канадского историописания и искусства.

Не случайно в 1870–80-е гг. историография доминиона переживала период бурного становления. Канадские историки того времени часто доказывали актуальность написания своих работ необходимостью национальной самоидентификации жителей Канады, создания у них чувства общности¹⁷⁶. Вполне закономерно, что основным сюжетом исследований стала политическая история британских колоний в Северной Америке, поскольку именно она могла быть наиболее очевидно представлена как общее достояние всех жителей Канады, невзирая на любые лингвистические или культурные различия.

Обыкновенно история Канады через ряд политических событий вписывалась в общую историю Британской империи, а через нее и во всемирный исторический контекст, что, с одной стороны, устанавливало ее «равноценность» с другими нациями мира, а с другой, определяло границы непосредственно канадской идентичности. В этом отношении показательна «Краткая история доминиона Канада» Ч. Таттла, в которой изложение событий начинается с открытия Колумбом Нового света, продолжается главами о политическом развитии Великобритании в XVIII столетии и о Войне за не-

¹⁷⁴ См.: *Carrick J. Toryism in the Canadian Confederation* [microform]. National Library of Canada. P. 80.

¹⁷⁵ См.: *Ferguson D. Love of country*. 1885. [microform]. National Library of Canada. P. iv.

¹⁷⁶ См.: *Dent J. Ch. The Last Forty Years. Canada since the Union of 1841*. Toronto, 1881. Vol. 2. P. 556, 558.

зависимость ее тринадцати американских колоний, а основная часть посвящена развитию канадских провинций в XVIII и XIX веках¹⁷⁷.

Несмотря на то, что сам феномен «нации» еще не стал предметом научного исследования, это понятие нередко использовалось в исторических работах того времени. Его применение к прошлому Британской Северной Америки утверждало канадский национализм в ретроспективе, распространяло на те исторические эпохи, когда он еще фактически отсутствовал как явление в общественно-политической жизни. Показательно, что Дж. Уотсон отнес момент зарождения канадской нации ко времени Войны за независимость североамериканских колоний¹⁷⁸, а его коллега доктор Малвани устанавливал прямую историческую преемственность между сменявшимися друг друга «французской колонией Квебек, английским флагом с красным крестом и новой канадской нацией»¹⁷⁹.

Само появление многочисленных работ, посвященных историческому развитию Канады как единого целого (не отдельных провинций или колоний европейских империй), впоследствии превратившегося в молодую нацию, демонстрировало тесную связь исторической и национальной самоидентификации¹⁸⁰.

Развитие художественной литературы и искусства в Канаде также считалось необходимым условием формирования «национального духа». «Только после того, как появиться канадская литература, – писал известный публицист Дж. Коллинз, – возможно интенсивное развитие канадской нации, только она смоет с нас клеймо колониализма»¹⁸¹. Как и исторические исследования, она служила весьма эффективным инструментом преодоления настроений локальности и воспитания у жителей доминиона любви, преданности и сопричастности к канадской Родине, или, как ее уже тогда начали называть, «земле» или «почве»¹⁸². Не удивительно, что в прозаических произведениях 1860–1870-х гг. большое внимание уделялось наиболее общепризнанному национальному достоянию (независимо от места жительства, религии, языка и политических убеждений любого канадца) – природе и ее неповторимому местному колориту: огромным просторам, снежным и морозным зимам, березовым и кленовым лесам и т. п.¹⁸³ Активно эксплуатировалась «нордическая» тематика.

Еще большее распространение воспевание красот родной природы получило в поэтическом творчестве. Этой теме посвящали целые сборники стихов не только профессиональные поэты вроде Дж. Листона, которого природа Британской Северной Америки вдохновила на целый цикл стихов

¹⁷⁷ См.: *Tuttle Ch. R.* Short history of the Dominion of Canada, from 1500 to 1878. Boston, 1878.

¹⁷⁸ См.: *Watson S. J.* The constitutional history of Canada. Toronto, 1874. Ch. XVII.

¹⁷⁹ *Mulvany C. P.* History of Toronto and county of York, Ontario, containing an outline of the history of the Dominion of Canada. Toronto, 1885. Vol. 1. P. 56.

¹⁸⁰ См. напр.: *Withrow W. H.* A popular history of the Dominion of Canada. Toronto, 1878. P. 5.

¹⁸¹ *Collins J. E.* Canada under the administration of Lord Lorne. Toronto, 1884. P. 343.

¹⁸² *Dent J. Ch.* Op. cit. P. 556.

¹⁸³ См. напр.: *Kirby W.* The golden dog. Toronto, 1877; *Southesk (earl of)*. Saskatchewan and the Rocky Mountains, a diary and narrative of travel, etc. Toronto, 1875; *Picturesque Canada*: in 2 vols. Toronto, 1882.

в четырех книгах под названием «Поэзия доминиона Канада», но и известные политики, в ряду которых можно было найти министра образования П. Шаву и государственного секретаря по делам провинций Дж. Хау¹⁸⁴.

Наряду с литературой немалый вклад в развитие канадской культурной традиции внесло и искусство. Только активное художественное творчество жителей доминиона придавало понятию «нация» зримое и осязаемое воплощение в образах, символах и ценностях. А они, в свою очередь, также служили основой для появления в Канаде чувства национальной гордости, которое, как заметил генерал-губернатор Дж. Сазерленд-Кэмпбелл, «наряду с национальным духом скрепляет невидимыми нитями единство любой страны»¹⁸⁵. И если историография в этом процессе выполняла функцию «корней» канадской нации в прошлом, то литературе и искусству отводилась роль «души» в настоящем.

Таким образом, за прошедшие с момента основания доминиона время содержание понятия «нация» претерпело существенные изменения. Его смысловое наполнение прошло эволюцию от юридического термина, обозначающего суверенное государство в системе международных отношений, до политической идеи, включавшей в себя представление о гражданском, территориальном, культурном, а, в конечном счете, духовном единстве населения Канады. Этот процесс, проходивший с момента образования канадской федерации, явился отражением изменения умонастроений канадских политиков и публицистов. В середине 1880-х гг. он подходил к завершению. Основные идейные понятия принимали ту смысловую форму, в которой они сохранялись на протяжении последующих десятилетий.

Необходимость укрепления межпровинциальных связей, решения масштабных государственных задач и защиты интересов доминиона во внешних отношениях требовала консолидации страны, в том числе и в сфере идеологии. На повестке дня стояла задача выработать некий способ идейного самоопределения, соответствующего актуальным задачам эпохи. В связи с этим понятие «нация» стало для общественно-политических кругов Канады инструментом самоидентификации, позволяющим, с одной стороны, сплотить всех жителей доминиона в некоторую гражданско-культурную общность, а с другой – выделить эту общность в качестве самостоятельного субъекта внутриимперских, а в перспективе, и международных отношений.

¹⁸⁴ См.: *Bourinot J. G.* Our intellectual strength and weakness; a short historical and critical review of literature, art and education in Canada. Montreal, 1898. P. 17; *Liston J.* Poetry for the Dominion of Canada. Toronto, 1868.

¹⁸⁵ *Collins J. E.* Op. cit. P. 476.

А. И. Татарникова (Тобольск)

**ОБРАЗ СИБИРСКИХ «ИНОРОДЦЕВ» НА СТРАНИЦАХ
МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ГАЗЕТНОЙ ПРЕССЫ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)**

Проблемы этнокультурного существования коренных народов Сибири в структуре государства являются одними из наиболее злободневных для современного российского общества. В условиях нарастания негативных последствий процесса глобализации и, как следствие, усиливающегося стремления отдельных народов к сохранению своей культурной идентичности и самобытности, активизируют свою деятельность деструктивно настроенные силы, отрицательно оценивающие факт вхождения и пребывания аборигенов Сибири в составе российского государства и пытающиеся повлиять на общественное мнение коренного населения через пропаганду идеи «российского колониализма» и этнической консолидации в противовес влиянию русских. В этой связи все большую актуальность приобретает вопрос о поиске оптимальных методов инкорпорации коренного населения Сибири в состав России, которая невозможна без обращения к историческому опыту межкультурного взаимодействия народов, проживающих на территории названного региона.

Историки сегодня исследуют не только аспекты государственной политики в отношении сибирских аборигенов, но и проблемы адаптации последних к условиям меняющейся на протяжении веков социокультурной среды, особенности восприятия в поликультурном российском обществе коренных жителей края и коллективных представлений о них.

Интерес ученых к изучению общественного мнения в отношении сибирских «иностранцев» находит отражение в появившейся в последние годы серии публикаций. Так, в работах Е. А. Сениной, Н. Н. Родигиной, А. Ю. Ледовских рассматривается роль периодической печати второй половины XIX – начала XX в. и, в частности, так называемых «толстых журналов», в формировании и трансляции общественного мнения в России об аборигенном населении региона¹⁸⁶.

В общественном мнении россиян отражались коллективные представления о коренных жителях Сибири, формировавшие собирательный образ

¹⁸⁶ См.: *Сенина Е. А.* «Иностранческий» вопрос на страницах сибирской периодической печати во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Иркутск, 2005; *Родигина Н. Н.* Образ сибирских «иностранцев» в журнальной прессе пореформенной Российской империи как инструмент формирования социальных идентичностей // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 126–129; *Ледовских А. Ю.* Сибирский «иностранческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Омск, 2008.

«инородца» на основе теоретических знаний о его образе жизни, традициях, верованиях, а также личного опыта общения с ним. Исходя из вышеизложенного, согласимся с точкой зрения Н. Н. Родигиной, которая под образом сибирского «инородца» понимает, во-первых, отражение в общественном мнении коллективных представлений об аборигенном населении Сибири, базирующихся на знаниях о них, во-вторых, продукт коллективного воображения, который сознательно конструировался заинтересованной интеллектуальной элитой¹⁸⁷.

В качестве источников для изучения образа «инородца» привлечем наиболее массовые по тиражу и охватывающие широкую читательскую аудиторию газеты, издававшиеся в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: «Тобольские губернские ведомости», «Сибирский листок» и «Сибирскую торговую газету».

«Тобольские губернские ведомости» – первая в Сибири ежедневная общественная официальная газета, издававшаяся с апреля 1857 по 1919 гг. и состоявшая из двух частей: официальной и неофициальной. В официальной части публиковались постановления, приказы и распоряжения центральных и местных властей, сведения о назначениях, перемещениях, увольнениях и наградах чиновников, известия о ценах на предстоящих торгах и т. п. В неофициальной части помещались статьи по экономике, этнографии, истории края, сведения об экспедициях и т. п., авторами которых были Н. Абрамов, О. А. Сулоцкий, Г. Потанин, Е. Анучин, П. Головачев, А. Дунин-Горкавич, И. Слоцов, Н. Чукмалдин и многие другие.

Практически в течение 30-ти лет Ведомости были единственным периодическим изданием в губернии, поэтому их роль в качестве инструмента формирования и передачи общественного мнения местного образованного населения была достаточно велика.

Газета «Сибирский листок», издававшаяся с 1890 г., приобрела особую популярность лишь в начале XX в., когда, помимо статей, посвященных вопросам экономического развития края, она стала публиковать материалы разнотематической направленности. Газета выходила два раза в неделю и характеризовалась как издание либеральной ориентации, авторы которого стремились раскрыть общественному мнению «язвы» современности, одной из которых, по их мнению, было неблагоприятное положение аборигенного населения края. Авторами «Сибирского листка» в разное время были Д. Мамин-Сибиряк, Н. Ядринцев, Н. Скалзубов, местные депутаты и др.

«Сибирская торговая газета» представляла собой ежедневное общественное, литературное и коммерческое издание, печатавшееся с 1897 по 1918 годы. Помимо обзоров ярмарочной торговли, в ней публиковались статьи, посвященные сельскому хозяйству, промышленности, вопросам сибирской истории, этнографическому описанию коренных жителей.

Анализ содержащихся в указанных газетах публикаций, позволяет говорить о преобладании описаний сибирских «инородцев» как представителей «чужой», «другой» культуры, нуждающейся в изучении. При этом «чужая» для русских культура аборигенного населения региона характеризовалась как варварская, дикая, отсталая, «бескультурная». «Примитивная»

¹⁸⁷ См.: Родигина Н. Н. Указ. соч. С. 126.

культура коренных народов Сибири противопоставлялась более «цивилизованной», высокоразвитой русской культуре. Исходя из этих представлений, авторы публикаций с присущим им отеческим тоном говорили о необходимости покровительства «инородческому» населению края.

Чувство культурного превосходства влияло на восприятие, оценку и описание авторами газетных статей образа жизни и традиций сибирских аборигенов. В характеристике быта, нравов и обычаев последних достаточно часто использовались такие оценочные термины, как «нечестивый», «дикий», «первобытный» народ. Восприятие «инородцев» как представителей «чужой» культуры и противопоставление ее «своей» культуре нашло отражение в словах-маркерах, употреблявшихся в отношении коренных народов Сибири: «инородцы», «туземцы», «номады», «дикие обитатели Севера» и т. п.

Обращают на себя внимание суждения большинства авторов о влиянии русской колонизации на развитие аборигенного населения Сибири. Очевидна неоднозначность оценок этого влияния. К примеру, основатель Тобольского губернского музея, известный исследователь Сибири И. Н. Юшков, описывая образ жизни сибирских татар, отмечал, что «сближение русских с татарами, необходимое при их взаимных отношениях, имело своим последствием смягчение нравов первобытных сибирских племен»¹⁸⁸.

В то же время подавляющее большинство публикующихся в местных газетах исследователей быта «инородцев» говорит о пагубных последствиях контактов аборигенного населения с русскими, выразившихся в первую очередь в распространении пьянства среди «туземцев». Автор статьи об остяках и самоедах, помещенной на страницах «Сибирской торговой газеты», отмечает: «Водка... отуманивает сознание, отнимает разум у несчастных остяков и самоедов и разоряет их пуце мировой язвы... Водки жаждет муж, жена; водкой угощает отец падкого до нее мальчишку-сына; водку льет в глотку своей дочери. За водку остяк отдаст почти даром с трудом приобретенный товар и все свое достояние, за водку он отдаст свою душу...»¹⁸⁹.

Образ «инородцев» конструировался через описание их антропологического облика, умственных способностей (характеризуемых как примитивные), условий жизни, верований, нравов, обычаев.

Очевидная противоречивость образа нашла отражение в употреблявшихся по отношению к аборигенам Сибири эпитетах: с одной стороны, они выступали как «добрые», «сострадательные», «гостеприимные», «честные», «скромные», «тихие», с другой – как «ленивые», «наивные», «беспечные», «невежественные», «мстительные», «бестолковые» и «трусливые» обитатели края.

В описании антропологического облика «инородцев» чаще всего преобладали следующие характеристики: «нескладны», «вялы», «неповоротливы», «невнятной наружности», «с маленькими глазами», «посредственный рот».

Условия жизни коренных народов Сибири, живущих обособленно, имевших редкие контакты с русским населением вследствие значительной

¹⁸⁸ Юшков И. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 40.

¹⁸⁹ Остяки-идолопоклонники // Сибирская торговая газета. 1898. № 67.

удаленности от мест проживания последних, оценивались как неудовлетворительные. «Грязь, неопрятность, копоть и прочее – главные принадлежности жилища остяка», – говорилось в «Тобольских губернских ведомостях»¹⁹⁰. Им вторил «Сибирский листок»: «Грязь и зловоние в остяцких юртах не поддаются никакому описанию: полы и стены всюду покрыты плесенью, грязь никогда не выметается... постели не проветриваются, насекомые всюду кишат мириадами»¹⁹¹.

В то же время в описании быта народов (преимущественно сибирских татар), проживающих в непосредственной близости от русского населения, либо совместно с ним, преобладали положительные оценки.

Представители местной интеллигенции в своих публикациях призывали власти к улучшению правового статуса, экономического положения аборигенного населения региона. Некоторые авторы предлагали меры для облегчения тяжелого положения народов окраинных территорий. В конце 80–90-х гг. XIX в. на страницах местных газет живо обсуждался вопрос о принятии мер для распространения грамотности среди «иностранцев», организации врачебного дела на территории их проживания.

Одновременно газетная пресса информировала общественное мнение о неэффективности обучения коренных народов основам грамоты. «Окончив курс обучения [в миссионерских школах – А. Т.] и поступив на должности волостных писарей, они, по свойственной всем иностранцам слабости, скоро спиваются и исчезают бесследно в массе своих родичей», – сообщали читателям «Тобольские губернские ведомости» в 1881 году¹⁹².

С тревогой авторы газетных статей говорили о неблагоприятной санитарно-гигиенической обстановке в «иностранческих» населенных пунктах, распространении среди аборигенов края инфекционных заболеваний, в том числе сифилиса, проказы.

В публикациях начала XX в., посвященных «иностранческому вопросу», заметно актуализируются проблемы экономического упадка, обнищания и вымирания аборигенов вследствие столкновения с русской цивилизацией, поднимается вопрос о притеснениях коренных жителей, чинимых колонизаторами и т. п.

Постепенно меняется оценка роли миссионерской деятельности православной церкви. Анализ газетных публикаций 50–80-х гг. XIX в. показал, что в названный период представители местной интеллигенции отводят миссионерам большую роль в «оцивилизовывании» аборигенного населения Сибири. Характерным для этого периода явлением становится идеализация миссионерства и его значения для эволюционного развития «иностранцев». Однако в 90-х гг. XIX – начале XX в. в газетах все чаще говорится о неэффективности усилий церковнослужителей по ассимиляции «иноверцев», большая часть которых по-прежнему остается «идолопоклонниками».

В ряде публикаций авторы описывают отношения между русским населением края и его коренными жителями в семантической оппозиции

¹⁹⁰ Заметки об иностранцах Березовского округа // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 13.

¹⁹¹ Несколько дней у остяков // Сибирский листок. 1891. № 13.

¹⁹² От Тобольска до Обдорска летом и зимой // Тобольские губернские ведомости. 1881. № 9.

«свои – чужие». Примером может послужить описание отношения русских к татарам: «Татары весьма часто бывают у русских предметами шуток, обидного снисхождения к ним, пренебрежения и разных острот... Злой татарин для русского – синоним врага: в минуты доброго расположения духа, самого большого несчастья русский не желает “ни ворогу, ни злому татарину”»¹⁹³. Одновременно автор статьи констатирует, что «в отношении к русским татары ласковы, обходительны, гостеприимны; но сквозь эту ласковость и видимую обходительность их всегда просвечивает какая-то недоверчивость, сомнение, опасение быть обманутым и желание поскорее отделаться от русского. Татары в сношениях с русскими осторожны и мнительны, как бы ожидая какой-нибудь западни, расставленной хитрым, по их мнению, умом русских»¹⁹⁴.

Интерес авторов публикаций начала XX в. был сконцентрирован на изучении процесса перехода аборигенов из одной культурной парадигмы в другую. Вслед за А. Ю. Ледовских отметим, что исследователей занимали вопросы о том, какие черты перенимались аборигенами, какие изменения происходили в результате приобщения к иному типу ведения хозяйства, иному религиозному мировоззрению, иной материальной культуре. Немаловажен был вопрос, почему обрусевших «инородцев» называли все-таки «инородцами», чем обуславливалась их «чуждость»¹⁹⁵.

В этнографических описаниях этого времени предпринималась попытка оценить негативное влияние русской колонизации, обосновать необходимость изменения государственной политики в отношении «инородцев». Сочувственное отношение к бедственному положению коренных народов окраины – характерная черта многих публикаций. Оценивая результаты взаимодействия коренных народов Сибири с русскими, авторы были единодушны во мнении, что пришлое население разрушало традиционные способы взаимодействия аборигенов с окружающей их средой (следствием чего являлся экономический упадок и убыль населения), а также отрицательно влияло на нравственные устои «инородцев», в среде которых быстрыми темпами распространялось пьянство, курение, воровство.

Характеризуя образ сибирского «инородца» на страницах газетной прессы Тобольской губернии, следует обратить внимание на то, что аборигены не воспринимались местной интеллигенцией как потенциально опасные для целостности государства. В публикациях рассматриваемого периода доминировали сюжеты об исключительно мирном характере взаимоотношений колонизаторов и аборигенов, описывавшихся в рамках идеи о цивилизаторской миссии русских.

Информируя общественное мнение о тяжелых условиях жизни и быта сибирских «инородцев», публицисты (особенно представители областничества) ратовали не только за улучшение положения последних, но и за содействие экономическому, социальному и культурному развитию Сибири в целом.

В заключении необходимо отметить следующее: в сложном и противоречивом образе сибирского «инородца», рисуемом авторами газетных публика-

¹⁹³ Юшков И. Указ. соч.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Ледовских А. Ю. Указ. соч. С. 19–20.

ций, находил отражение их личный опыт знакомства и общения с коренными народами региона, а также сложившаяся в обществе практика отношения к сибирским аборигенам, система установок, коллективных представлений, носителями которых являлись публицисты.

Через конструирование образа «инородца» местная пресса знакомила читателей с этнографическими особенностями аборигенного населения Сибири, формировала в общественном мнении сочувственное отношение к бедственному положению коренных народов. В этом, как отмечает Н. Н. Родигина, проявлялась информативная функция публикаций¹⁹⁶. В то же время, создание образа способствовало формированию социальных идентичностей местных интеллектуалов: стимулировало поиск критериев и осмысление характеристик «своей» национальной культуры, актуализировало наличие общих для русского и «инородческого» населения Сибири потребностей и интересов, «будило» региональное самосознание.

В. В. Биткинова (Саратов)

ОБРАЗЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ В БАРДОВСКОЙ ПОЭЗИИ: МЕДНЫЙ ВСАДНИК, КЛОДТОВЫ КОНИ, ПТИЦА-ТРОЙКА И ДРУГИЕ

Главным свойством творчества многих признанных классиков авторской песни является культуронасыщенность. В противовес официальным лозунгам о разрыве с прошлым, уничтожении его «пережитков» и создании «нового» (общества, нации, человека) бардовская поэзия ставит себе задачу восстановить «связь времен». То есть не просто обратиться к истории, но найти в ней объяснения, истоки современных событий или, наоборот, альтернативу настоящему. При этом поиски «прошлого» часто оказываются сопряженными с поисками «народного» и «национального», также противостоящими официальной национальной политике с ее акцентированием внешних атрибутов и установкой на нивелировку сущностных, ментальных различий («новая историческая общность – советский народ»).

Образы «прошлого» и «национального» часто конструируются с опорой на общеизвестные, «хрестоматийные» символы, особо выдвигаемые или хотя бы просто «допущенные» государственной идеологией. Как отмечает К. А. Агабекова, «образ предшествующего века в творчестве шестидесятников, хотя и включал клише и стандарты “огосударственного искусства”, был личностным, индивидуальным, сложившимся в результате собственного выбора и собственной трактовки, что принципиально меняло характер отношения и автора, и его читателей (слушателей) с прошлым»¹⁹⁷. В интерпретациях

¹⁹⁶ См.: Родигина Н. Н. Указ. соч. С. 129.

¹⁹⁷ Агабекова К. А. Концепт *душа* в индивидуально-авторской языковой картине мира Б. Окуджавы // Окуджава. Проблемы поэтики и текстологии. М., 2002. С. 114. (Прил. к Вып. 6 альманаха «Мир Высоцкого: исследования и материалы»).

классических образов бардовской поэзией выделяются общие черты – присущие движению, определяемые его ценностной системой, – и индивидуальные трансформации в творческом сознании разных авторов.

Среди символов, воплощающих представления о русской истории и русском менталитете, как особую группу можно рассмотреть те, смысловым центром которых являются образы коней. Эти образы-символы восходят к самым разным источникам: памятник Петру I Э. М. Фальконе, называемый по поэме А. С. Пушкина «Медным всадником», конные композиции на Аничковом мосту П. К. Клодта, народные песни о тройках и ямщиках и соответствующие мотивы из классических произведений русской литературы, в первую очередь, образ птицы-тройки из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» и др. В настоящей статье мы сосредоточимся сначала на более подробном анализе интерпретаций этих перечисленных образов, а в конце обозначим более широкий спектр. В какой-то мере обращение к образам коней, кроме актуализации классического культурного наследия, само по себе полемически направлено против различных вариантов оппозиции «живого» и «железного коня», активно использовавшейся официальной культурой именно в качестве символа исторического перелома.

Медный всадник, Клодтовы кони, птица-тройка изначально, в соответствии с замыслом своих создателей, или в позднейшем восприятии стали символами России. В разных сегментах отечественной культуры они обрастали новыми смыслами, которые формировались по отношению к первоначальным по принципу развития, полемики, травести и др. Особенно обширный текст в русской культуре (фольклоре, литературе, искусстве) сложился вокруг Медного всадника¹⁹⁸.

Повышенный текстопорождающий потенциал исходных образов определяется, во-первых, самой художественной природой этих произведений. Так, аллегорическое (сюжетное) прочтение входит в законы восприятия искусства барокко и классицизма – скульптур Фальконе и Клодта. Кроме того, четыре группы Аничкова моста представляют собой этапы одного события – укрощения коня, что тоже предполагает сюжетное развертывание. А В. Н. Топоров¹⁹⁹ убедительно доказывает не просто желательность, а прямую необходимость для «погружения» и просто адекватного восприятия монумента Фальконе сначала приближение, а потом обход памятника вокруг, и при таком осмотре для зрителя появляется динамика, смена «настроений», состояний и взаимоотношений трех противоборствующих героев – всадника, коня и змеи, – появляются «сюжеты». Образ же тройки со всем комплексом сопровождающих мотивов: лихой, быстрой езды или, наоборот, долгой, утомляющей дороги, дорожных тягот и опасностей, бескрайних просторов, звука колокольчика, песни ямщика, – уже с

¹⁹⁸ Из обширной научной литературы, посвященной этому вопросу, назовем только: *Осват А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальную повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». М., 1985; *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 208–220; *Топоров В. Н.* О динамическом контексте «трехмерных» произведений изобразительного искусства (семиотический взгляд). Фальконетовский памятник Петру I // *Топоров В. Н.* Петербургский текст. М., 2003. С. 778–813.

¹⁹⁹ См.: *Топоров В. Н.* Указ. соч.

конца XVIII в. превращается в русской литературе в символ народного, русского духа, России. Даже самые известные «народные» так называемые «ямщицкие» песни («Степь да степь кругом», «Когда я на почте служил ямщиком», «Ямщик, не гони лошадей») имеют литературное происхождение, то есть изначально являются стилизациями, попытками понять и воспроизвести народную жизнь как нечто иное, «экзотическое». Что касается гоголевской птицы-тройки, то в тексте поэмы наглядно представлен процесс расширения значения и перерастания конкретного образа в символ. Сначала мы видим много раз предметно описанную бричку Чичикова, его кучера Селифана, имеющего неповторимые индивидуальные черты и даже характеры коней, а также самого Чичикова, который «любил быструю езду»; далее образы становятся все более обобщенными: «И какой же русский не любит быстрой езды» – «Эх, тройка! птица тройка <...> знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить» – «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься?»²⁰⁰ (тройка превращается из субъекта в объект сопоставления, центральным образом становится уже не она, а «Русь»).

Во-вторых, бурное текстопорождение связано с содержанием двойного образа коня и седока. Главный смысл заключается в их противоборстве – противоборстве дикой, но свободной, и цивилизующей, но сковывающей сил. И акценты здесь могут быть расставлены по-разному. Если у Клодта «сюжет» завершен, и завершен гармонично, четыре скульптурные группы представляют, соответственно, владение конем – бунт коня (он поднимается на дыбы, а в следующей композиции повергает человека наземь) – укрощение, то в образах Медного всадника и птицы-тройки, как они представлены в произведениях-источниках, такой завершенности нет (в случае с Медным всадником имеется в виду, в первую очередь, поэма, которая в русской культуре, конечно, играет роль не «вторичного», а «первичного» текста). В знаменитом «лирическом отступлении» автор «Мертвых душ» утверждает, что в быстрой езде ему «слышится что-то восторженно-чуждое», но при этом «что-то страшное заключено в сем быстром мельканье», «что значит это наводящее ужас движение?»; птица-тройка представляется «вскрикнувшему в испуге остановившемуся пешеходу», постороннему «созерцателю» («другим народам и государствам») «Божьим чудом», и автору хочется верить, что она «мчится вся вдохновенная Богом», но начинается «отступление» с причины пристрастия русского человека к быстрой езде: «Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: “черт побери все!” <...> не любить ее»²⁰¹. В содержащем «крылатые слова» фрагменте поэмы Пушкина восприятие «кумира» тоже зримо переходит от героя к автору, и в нем сочетаются мотивы «силы», «мощи» и «ужаса»: «Ужасен он в окрестной мгле! / Какая дума на челе! / Какая сила в нем сокрыта! / А в сем коне какой огонь! / Куда ты скачешь, гордый конь, / И где опустишь ты копыта? / О мощный властелин судьбы! / Не так ли ты над самой бездной, / На высоте, уздой железной / Россию поднял на дыбы?»²⁰². Главным импульсом для продолжения «текста»

²⁰⁰ Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. М., 1994. Т. 5. С. 225.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 3-е изд. М., 1963. Т. 4. С. 395.

и в одном и в другом случае становятся вопросы, на которые не дается ответов: «Русь, куда ж несешься ты?» и «Куда ты скачешь, гордый конь, / И где опустишь ты копыта?».

В поэзии, отражающей сознание советской интеллигенции, сходные образы ассоциативно притягивают друг друга. В качестве иллюстрации можно привести виртуозный пассаж Юлия Кима из поэмы «Москва 1963», в которой как раз воспроизводятся разговоры и сама атмосфера «московских кухонь» и Дубны, и серьезность поднимаемых проблем сочетается с самоиронией: «Россия! / Матушка Россия! / Твои мне песни ветровые... / И всюду, как сказал поэт, / Все те же страсти роковые... / Куда несешься? / Дай ответ. // Не дает ответа»²⁰³ («Россия» Блока, «Цыганы» Пушкина, «Мертвые души» Гоголя). При этом, например, рассматриваемые нами образы коней и всадников, могут не просто быть связанными ассоциативно, но образовывать достаточно напряженное смысловое поле, входить в смысловые оппозиции, трансформироваться под влиянием друг друга и даже сливаться воедино.

Произведения Фальконе и Клодта в некоторых текстах бардов выступают просто как знаковые приметы петербургского пространства, наряду с другими многочисленными конными скульптурами, а также шпилями, каменными ангелами и античными богами и т. д. Достаточно просмотреть тематический сборник «Петербургский аккорд», чтобы найти достаточное количество примеров; приведу один – песню В. Федорова «Видение белых ночей»: «На умытых ладонях седых площадей / Оседлали эпохи своих лошадей. / А у ног властелина гранитной волны / Шелестенье страниц книги вечной весны»²⁰⁴. Но даже в таких случаях это *иное* пространство – пространство культуры прошлого, причастность к которой остро ощущает петербуржец – лирический герой или героиня ролевой поэзии.

Таково одно из наиболее «нейтральных» упоминаний Клодтовых коней – в поэме Александра Городницкого «Окна»: «Синий снег от фонарных огней / Загорается солнечным спектром, / Мимо клодтовских черных коней / Пролетая над Невским проспектом»²⁰⁵. Каждая часть этой поэмы посвящена «окнам» (в прямом и символическом значении), через которые автобиографический лирический герой в разные периоды своей жизни смотрел на мир, и особенностью «видов» из петербургских окон как раз оказывается соединение реалий советского быта и государственной жизни 1940–1950-х гг. с частицами культурного наследия XVIII–XIX веков. Прочитанными стихами начинается фрагмент о занятиях поэтического кружка Ленинградского Дома пионеров, располагавшегося в Аничковом дворце. Уже сама тематика определяет насыщенность этой части поэмы культурными, литературными реминисценциями, лирическому герою «открывается» мир «Вийона и Фета», а учитель, Е. Г. Эткинд, предстает в ореоле образа пушкинского «Пророка» («Нам сердца он глаголами жег, / Обращая в опасную веру»²⁰⁶).

²⁰³ Ким Ю. Творческий вечер: Произведения разных лет. М., 1990. С. 78.

²⁰⁴ Петербургский аккорд: Барды о городе. СПб., 2000. С. 125.

²⁰⁵ Городницкий А. Сочинения: Стихотворения. Поэмы. Песни. М., 2000. С. 464.

²⁰⁶ Там же. С. 465.

В «Песне-балладе про генеральскую дочь» Александра Галича (другое название «Караганда») сюжет, представляющий собой внутренний монолог ролевой героини, женщины, проведшей много лет в лагерях для детей врагов народа, развивается в «колебаниях» между двумя мирами – существующим в воспоминаниях Ленинградом и реальной Карагандой. И именно Медный всадник оказывается для героини символом навсегда утраченного мира. Осознав его потерю, она смиряется и с потерей «чести», и в целом с жизнью по законам Караганды: «Подвозил он меня раз в “Гастроном”, / Даже слова не сказал, как полез, / Я бы в крик, да на стекле ветровом / Он картиночку приклеил, подлец! / А на картиночке – площадь с садиком, / А перед ней камень с Медным Всадником, / А тридцать лет назад я с мамой в том саду... / Ой, не хочу про то, а то я выть пойду!» и финал – «Ой, Караганда, ты, Караганда! / Ты угольком даешь на-гора года, / А на картиночке – площадь с садиком, / А перед ней камень... / Ка-ра-ган-да!..»²⁰⁷.

Но Медный всадник и скульптуры на Аничковом мосту могут выступать и в качестве аллегорий. Примечательно, что для бардовской поэзии, с ее системой ценностей, среди которых главная – свобода, образ Клодтовых коней может становиться более актуальным, чем Медный всадник. Самый простой пример, где дается полная экспликация символического смысла скульптуры, – песня Александра Розенбаума «Прогулка по Невскому»: «Вот и Аничков мост, где несчастных коней / По приказу царя так жестоко взнуздали... / Я хотел бы спросить этих сильных людей: / “Вы свободу держать под уздцы не устали?”»²⁰⁸.

С Медным всадником, находящимся на Сенатской площади, связаны и представления о восстании декабристов. Тогда фигуры Клодтовых коней оказываются на противоположном полюсе образной оппозиции, становясь символом николаевской, постдекабристской и вообще любой усмирённой эпохи. В такой исторический и проблемный контекст вписан этот образ в «Петербургском романсе» А. Галича²⁰⁹. В основной своей части это ролевая песня – от лица полковника (С. П. Трубецкого), который вместе с другими «кричал “Тираны!” / И славил зарю Свободы», но «в то роковое утро <...> себя объявил в отъезде»; расплата – потерявшие смысл военные подвиги прежних лет, сомнения, беспокойство, вынужденное «молчанье за причастность свою». Л. Г. Фризман в статье, посвященной анализу «Петербургского романса», специально останавливается на соотношении голосов ролевого героя и автора. Не только опираясь на содержание, но и отмечая ритмическую выделенность и сходство конструкции первых и последних четырех строф, исследователь утверждает, что они являются «словами Галича, а не Трубецкого»²¹⁰. В них происходит выход за пространственно-временные границы декабристского сюжета: появляются слова «всегда», а в последней части еще и «езде», «все так же», «век наш», вопрос «Можешь выйти на площадь? / Смеешь выйти на площадь?», адресованный своим современникам. Именно в таком контексте и

²⁰⁷ Галич А. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Т. 25. М., 2005. С. 150, 151.

²⁰⁸ Петербургский аккорд. С. 156.

²⁰⁹ См.: Галич А. Я верил в чудо: Песни и стихи. М., 1991. С. 151–153.

²¹⁰ Фризман Л. Г. Декабристы глазами Александра Галича // Галич: Новые статьи и материалы. М., 2003. С. 31–39.

возникает в третьей от конца строфе образ Клодтовых коней: «О, доколе, доколе, / И не здесь, а везде, / Будут Клодтовы кони / Подчиняться узде?!». Если же рассматривать в соотнесении первую и последнюю части «Петербургского романса», как их выделяет Л. Г. Фризман, то мотив подчинения окажется еще более акцентированным благодаря своеобразному развитию образа из первой строфы «Здесь мосты, словно кони, / По ночам – на дыбы». Вкупе с уже отмеченным нагнетением слов типа «всегда», «везде», нарастанием интонационного напряжения из-за обилия вопросительно-восклицательных предложений такое развитие архитектурно-скульптурного образа способствует усилению драматизма.

К символической интерпретации образа Медного всадника неоднократно возвращается А. Городницкий. Образ фальконетовского Петра входит у него в один ряд с описаниями других изображений первого российского императора: «Восковой персоны» Б. К. Растрелли, картины Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе», памятников работы М. Шемякина и З. Церетели. Особо выделенные портретные детали становятся в произведениях барда символами тех проблем российской истории и государственной жизни, истоки которых он видит в петровских преобразованиях.

На протяжении более чем полувекового творческого пути образ Петра, в частности, в облике Медного всадника, претерпевает у Городницкого изменения. Внутренняя конфликтность, драматизм, которые ощущались в этом монументе в XVIII–XIX вв., в рамках советской культуры сглаживаются. Сама скульптура приобретает ореол официально признанной «достопримечательности», а запечатленный в ней образ императора вполне вписывается в формируемые государственной идеологией представления о взаимоотношениях страны и власти: власть поднимает страну в героическом порыве. В стихотворении Городницкого «Петровская галерея» (1988 г.)²¹¹ описание памятника – «Встал на дыбы чугунный конь рысистый» – вызывает в памяти пушкинские слова и имеет символический, тот же, что у Пушкина, смысл. Но обратим внимание: противостояния всадника и коня здесь нет, конь будто бы по своей воле «встал на дыбы». Отмечая все противоречия эпохи «начала просвещения в России»: неорганичность европеизации, насильственность реформ, множество жертв, среди которых оказался и «наследник», – автор по-настоящему восхищен успехами молодой Российской империи, расцветом культуры. Немаловажным оказывается и противопоставление прошлого настоящему. Стихотворение, сюжет которого построен как своеобразная экскурсия по Петровской галерее, заканчивается так: «Все осмотреть готовые сначала, / Мы выйти не торопимся из зала, – / Мы знаем, что последует потом». В стихотворении «Памятник Петру I. Михаил Шемякин» (1995 г.)²¹² Медный всадник становится предметом полемики. Акцент в этом произведении сделан на безумии и бесчеловечности власти. Облик царя – «Судьбы печальной горожан / Пророчество живое»: от убийства сына тянется нить к массовым репрессиям XX в. (Петр напоминает «бритоголового зэка»), тяжелая судьба уготована жителям постро-

²¹¹ См.: Городницкий А. Сочинения. С. 362–363.

²¹² См.: Там же. С. 490–491.

енного им города («Он худобою черной схож / С блокадным ленинградцем, / Тянувшим из последних сил / И прятавшимся в щели, / Что, как и он, не выносил / Просторных помещений»). Вслед за М. Шемякиным, который берет за основу для своей скульптуры «Восковую персону» Растрелли и последовательно лишает ее всех примет героя: орденой ленты, ордена, шпаги, – Городницкий подчеркнуто отвергает созданный Фальконе образ Петра-триумфатора («Без парика и без венка, / Что Фальконетом выдан»).

Важнейшее место в историософии Городницкого занимает идея о непримиримости восточного и западного элементов в русском менталитете и русской культуре. Она воплощается в хронотопе Петербурга, в проходящем сквозным мотивом противопоставлении Петербурга и Москвы. И, конечно, одним из наиболее адекватных символов борьбы Европы и Азии в русской культуре является фигура Петра, особенно в трактовке Фальконе, поскольку в самом памятнике мотив укрощаемой «дикости» является одним из смыслообразующих (шкура вместо седла).

В целом ряде произведений Городницкого 1994–1996 гг. этот образ возникает в контексте таких проблем как очередная, после падения «железного занавеса», попытка «европеизации» (американизации) России, установления демократических принципов; распад Советского Союза; чеченская война; общая криминализация страны, терроризм, активизация ислама. Роли коня и всадника в этих текстах, по сравнению с более ранними, в значительной мере переосмысливаются. Даже по количеству строк главной фигурой становится конь, именно в нем воплощается, если не целиком традиционный национальный менталитет, то его вырвавшаяся на поверхность «азиатская» составляющая. А всадник уже не поднимает, а пытается сдержать коня, и его усилия (цивилизации, Европы), чем дальше, тем больше представляются тщетными: «И бронзовую лошадь под уздцы / Не удержать – напрасные надежды» («Санкт-Петербурга каменный порог...», 1994²¹³), «И храпит от ярости и боли / Седоком неукротенный конь» («Этот край, навек запавший в сердце...», 1995²¹⁴), «На дыбы встаем аргамаком / Под мохнатым седлом Петра» («Чурки», 1996²¹⁵), «Куда же скачет, глаз кося налитый, / Из птицы-тройки вырвавшийся конь, / И где свои чугунные копыта / Опустит он? Никто не знает, где» («Молчи, поэт, – сейчас не до поэм...», 1996²¹⁶).

В процитированных фрагментах, в соответствии с изменившейся семантикой образа, возникают уже упомянутые взаимопереходы Медного всадника, Клодтовых коней и птицы-тройки. В стихотворении «Санкт-Петербурга каменный порог...» речь идет, конечно, о фальконетовском монументе, но описание («бронзовую лошадь под уздцы / Не удержать») вызывает ассоциации скорее со скульптурными группами на Аничковом мосту. В «Молчи, поэт...» конь под Петром – «вырвавшийся из птицы-тройки».

В отличие от Медного всадника и Клодтовых коней, в образе тройки воплощается в чистом виде, если не дикая, то, по крайней мере, «природная», неукротенная и *неукротяемая* сила. И в народных песнях, и в автор-

²¹³ Городницкий А. Сочинения. С. 453.

²¹⁴ Городницкий А. Ледяное стремя: стихи. СПб., 1997. С. 91.

²¹⁵ Там же. С. 107.

²¹⁶ Там же. С. 103.

ских литературных произведениях кони и ямщик не противостоят друг другу: в движении – быстром или медленном – они всегда едины; для ямщика конь – самое близкое существо, а для образованного седока, «европейца» (чей взгляд и передается в литературных произведениях), они вообще представляют собой одно целое – примету экзотического «русского» мира.

У А. Городницкого птица-тройка – символ русского (и именно национального, народного) духа, определяющего ход русской истории. Актуализируются и подчеркиваются мотивы быстроты и неуправляемости ее движения. Так, в стихотворении «Шестидесятники» (1995 г.), где в центр ставится проблема интеллигенции, в своем стремлении к справедливости, к разрушению «царей и царств» «заигрывающей с крестьянским топором», читаем: «В двадцатом веке, где иные нравы, / Где битвы посерьезнее Полтавы, / И не сдержатъ взбесившихся коней, / Не сладко от соленой вашей каши»²¹⁷. Семантизируется в образе тройки такая деталь как то, что впряженные в нее лошади смотрят в разные стороны (как, кстати, и орел на российском гербе). Распавшаяся тройка становится символом распавшейся советской «империи». К уже процитированному стихотворению «Молчи, поэт...» можно добавить «Стервятника на знамени взъерошенные перья...» (1995 г.). Как видим, оно начинается взятым с герба образом – символом агрессивного «имперского сознания», сохраняющегося дольше, чем сама империя, а дальше, в ряду метафорических образов, передающих идею распада, появляется и тройка, причем именно гоголевская: «Ах, тройка, птица-тройка, / куда же ты, куда ты? / Налево пристяжная, / направо коренник»²¹⁸.

Интересно, что в другом стихотворении Городницкого – «Вчерашние гири положены вновь на весы...» (1996 г.), которое посвящено той же теме и в котором так же, как и в рассмотренных выше, присутствуют мотивы внутреннего разлада, призвания «инородцев», торжества «татарщины», возникает другой, противоположный распавшейся тройке, образ, основанный на одном из самых распространенных изображений советского времени – наложенных друг на друга профилях Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина: «мимо сурово партийная смотрит квадрига, / Вперед устремившая бороды и усы»²¹⁹. В ценностной системе шестидесятников и, в частности, бардовской песни такое единодушие не воспринимается как нечто положительное. Устремленность вперед и, возможно, имплицитно присутствующий мотив триумфа (на что наталкивает слово «квадрига», кстати, вызывающее в памяти соответствующие скульптурные изображения), обесцениваются памятью о насильственности этого движения. Показательно, что Городницкий говорит именно о «квадриге», напоминая о присутствии в ряду вождей Сталина, что подчеркивается такой знаковой деталью как «усы», часто метонимически представляющей Сталина. Для трактовки любого зрительно воспринимаемого образа исторического деятеля в качестве исторического символа одной из важнейших деталей является направленность не только потенциального движения, но и взгляда. Так и в данном стихотворении: «квадрига» смотрит не только «сурово», но и «мимо»: насильственность социально-исторического эксперимента, не учитывающего ни уроки на-

²¹⁷ *Городницкий А.* Сочинения. С. 479.

²¹⁸ *Городницкий А.* Ледяное стремя. С. 113.

²¹⁹ Там же. С. 122.

циональной истории, ни национальный менталитет, приводит к тому, что при ослаблении власти «книга новейшей истории» «захлопывается» и история идет совершенно иным путем.

Неожиданные трансформации, отражающие повороты российской истории, претерпевает образ птицы-тройки у А. Галича. В стихотворении «Русские плачи»²²⁰: «Птица вещая – троечка, / Тряска вечная, чертова! / Не смущаясь нисколечка, / Объявилась ты, троечка, / Чрезвычайкой в Лефортово». В «Фантазии на русские темы для балалайки с оркестром и двух солистов – тенора и баритона»²²¹ она превращается в машину «начальничка»: «Королевич, да и только! / В сумке – пиво и “сучок”. / Подрулила птица-тройка, / Сел стукач на облучок». С одной стороны, налицо подчеркнутое и, несомненно, имеющее смысловую значимость разрушение традиции. Но, с другой стороны, сохраняется главный признак исходного образа – стремительность: скорость расправы или быстрота как знак пренебрежения к другим (ведь и у Гоголя «косясь посторониваются и дают ей дорогу»). Примечательно, что в обоих случаях образ тройки появляется в текстах, где значительную смысловую нагрузку несет фольклорная стилизация, в плотном окружении «фольклорных» реминисценций, в контексте проблемы русской духовности. В «Фантазии...» она предстает искаженной: главный ролевой герой, «Баритон», из раскулаченной и сосланной семьи, бывший зэка, как «самозванный купец» ездит по селам «за хурдою-мурдой» – *иконами* для московских гостей, а «Тенор», «вертухаево семя», особо одобряет в своем добытчике то, что «Он не цыган, не татарин и не жид, / Он надежда мой – камаринский мужик <...> Самый подлинный-расподлинный, / Не носатый, не уродливый», выпив, он «заводит “Ермака”» и «беседовать хочет» не о чем-нибудь, а «о спасенье Руси». Фольклорный «фон», заданный уже названием и поддерживаемый словесными и музыкальными фольклорными цитатами, среди которых ведущую роль играет «Камаринская», усиливает как сатирическое, так и трагедийное звучание повествования об исторической и духовной трагедии русского народа. В «Русских плачах» разочарование лирического героя в истории «Расеи-России» перемежается со страстным желанием верить в ту Русь, образ которой создан в народном творчестве и русской поэзии: «Эта – с щедрыми нивами, / Эта – в пене сирени, / Где рождаются счастливыми / И отходят в смиренье. / Где как лебеди – девицы, / Где под ласковым небом / Каждый с каждым поделится / Божьим словом и хлебом» и т. д. И символом *этой* Руси тоже оказывается птица-тройка, представленная в финале уже совершенно иначе: «Птица вещая, троечка, / Буйный свист под крылом – / Птица, искорка, точечка / В бездорожье глухом». Сравнивая два облика тройки «Русских плачей» друг с другом и с образом-источником, видим, что оба они реализуют противоположные потенции гоголевского: первый принадлежит пространству истории, второй – пространству духа; в первом происходит искажение, во втором восстанавливается первоначальный вид; в первом акцент делается на «земной» ипостаси двойственного образа (дважды повторяется «троечка»), во втором – на

²²⁰ Галич А. Я верил в чудо. С. 133–136.

²²¹ Галич А. Антология Сатиры и Юмора России XX века. С. 191–194.

«небесной» (дважды повторяется «птица», плюс «свист под крылом»); в первом тройка агрессивна, наступательна («не смущаясь нисколечка»), во втором беззащитна и уязвима («Птица, искорка, точка / В бездорожье глухом»); в первом ее движение – «пляска вечная чертова», во втором она становится одним из символов надежды на Божье присутствие (сразу за строфой о тройке следует финальная: «Я молю тебя: “Выдюжи! / Будь и в тленье живой, / Чтоб хоть в сердце, как в Китеже, / Слышать благовест твой”», – обращенная, по смыслу, к России, она формально продолжает обращение к тройке, и таким образом, тройка, как у Гоголя, словно «вырастает» в символ России).

Попытаемся, как было заявлено в начале, очертить круг и других актуальных для творчества бардов «смежных» с рассмотренными мотивов и образов, а также их источников.

Это, в первую очередь, стихотворения о России А. Блока и «Бесы» А. С. Пушкина. Последнее иногда становится даже ритмическим архетипом «дорожных» стихотворений. Через эти произведения вводятся мотивы «нищей России», песни ямщика, звенящей «тоской острожной», бездорожья, потери пути (ощущения того, что «В поле бес нас водит, видно»). В поэме Ю. Кима «Москва 1963», с которой мы начали анализ бардовской поэзии, не только цитируется блоковская «Россия». Изменение и купюра в цитате («Россия! / Матушка Россия! / Твои мне песни ветровые...»²²² вместо «Россия, нищая Россия, / Мне избы серые твои, / Твои мне песни ветровые») в какой-то мере «восстанавливаются» в предшествующем тексте: глава «Поездка в Дубну» начинается «дорожными» впечатлениями, где в полной мере создается образ «нищей России». Но примечательно, что и в произведении Кима, который, в отличие, например, от Галича, неоднозначно относится к русской религиозности, в эти, именно дорожные, впечатления входят духовные, «религиозные» мотивы: «Бегут вагоны, спинами поматывают, / Дорожные молитвы проборматывают. / Проносится почти у переносицы / Столбов, кустов, берез чересполосица. / Вдали плывет церковенка-старушка. / Пасет одну лохматую избушку». История же России – история развития революции, поданная через судьбу И. Э. Якира, но включающая обильные реминисценции из «Слова о полку Игореве» и таким образом далеко расширяющая свои временные рамки, – воплощается в образах трех Всадников Апокалипсиса, в которых превращаются участники противостоящих сторон гражданской войны, белые и красные, а также Сталин – «черный всадник».

Мотивы бесовского сопровождения или «вождения» встречаются в «дорожных» песнях и стихотворениях А. Галича, Владимира Высоцкого. Например, лезущие «в поезд из окна / Бесенята, бесенята...» видятся ролевому герою песни Галича «Ночной разговор в вагоне-ресторане»²²³ – бывшему заключенному, которому довелось ломать «статуй» Сталина и который «живой еще – пока, / Но, как видишь, дерганый», травмированный не столько реальными обломками «статуя», сколько ломкой, хотя и страшных, но привычных представлений. На прямой реминисценции из пушкинских

²²² Блок А. Избранное. М., 1978. С. 359.

²²³ Там же. С. 202–205.

«Бесов», трансформации его образов построены стихотворения Высоцкого «Слева бесы, справа бесы...» и «Открытые двери больниц, жандармерий...». В первом «бесы», сбивающие с пути, грозящие превращению его в «этап», приобретают исторически реальные черты: «Эти – с нар, / А те – из кресел»²²⁴. Во втором фигурируют вроде бы «французские бесы», но они водят, «кружат» (Высоцкий пишет «тоже», т. е., как и русские бесы) двух русских художников – лирического героя, самого Высоцкого, и М. Шемякина – толкают их на русский кутеж, «таскают по русским кабакам»²²⁵. Конечно, смысл этого стихотворения, в том числе формируемый образами бесов, гораздо сложнее, выходит на проблемы жизненного пути творческого человека, но это уже иная тема.

Лошади – один из важнейших образов творчества Высоцкого (сюжетно взаимосвязанные песни «Кони привередливые» и «Райские яблоки», диалогия «Погоня» и «Чужой дом»²²⁶, стихотворение «Я дышал синевой...»). Но у Высоцкого этот образ ориентирован, скорее, не на литературу, а на фольклор. Кроме общего структурного сходства с ямщицкими песнями, элементов стилизации, нужно отметить и прямые реминисценции на народные песни – «Очи черные», «Степь да степь кругом». На глубинном, ментальном, уровне эти тексты, конечно, соответствуют общенациональной картине мира, ее ценностной системе (об этом говорит хотя бы их необыкновенная популярность). Но на сюжетном уровне стремительная бешеная скачка у Высоцкого – не образ нации или истории, а, наоборот, образ *личной судьбы* человека, который стремится вырваться из общего порядка – неподвижности, нарушить жестокие законы земли и неба. Символом России в этих текстах становится окружающий героя мир. Примечательно, что образы, из которых складывается картина этого мира, построены на полемике с обычно приписываемыми русской нации ценностями, на антитезах, иногда на оксюмороне, это искажение ценностей: дом, который должен был стать приютом спасшемуся даже от волков страннику, оказывается «чужим», из него лучше бежать, в нем «косо висят образа», «свет лампад погас», «двери настезь <...>, а душа взаперти»²²⁷; в степи, «усыпив, ямщика заморозило желтое солнце»²²⁸; рай – мало того, что на поверку оказывается ничем иным как «зоной», он пустой и тоже замерзший. Ближе всего к «народному видению» кажутся отношения седока и коней: они его спасают, а он не забывает о них позаботиться, но и тут все оказывается неоднозначным. Особенно неоднозначность касается скорости движения. В стихотворении «Я дышал синевой...» автор вступает в полемику с песней «Степь да степь кругом»: «Тот ямщик-чудодей бросил кнут и – куда ему деться! – / Помянул он Христа, ошалев от заснеженных верст... / Он, хлеща лошадей, мог бы этим немного согреться, – / Ну а он в доброте их жалел и не бил – и замерз»²²⁹. Ну и, конечно, знаменитое: «Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю / Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...» и тут

²²⁴ Высоцкий В. Собр. соч.: в 4 т. М., 2008. Т. 3. С. 229.

²²⁵ Там же. Т. 2. С. 279–282.

²²⁶ В связи с отсутствием того, что принято считать каноническим текстом, названия произведений В. Высоцкого в разных изданиях варьируются.

²²⁷ Высоцкий В. Указ. соч. Т. 2. С. 164–166.

²²⁸ Там же. Т. 3. С. 186.

²²⁹ Там же.

же в припеве «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее! / Вы тугую не слушайте плеть!»²³⁰.

Если еще расширять круг образов, то можно указать на произведения поэтов-бардов, где в качестве объектов переосмысления и полемического отталкивания выступают афоризмы наиболее пропагандируемых, «революционных» писателей М. Горького и В. Маяковского.

Так, реплика из диалога Барона и Сатина из пьесы Горького «На дне» «В карете прошлого далеко не уедешь» становится отправной точкой, даже зерном сюжета стихотворений Булата Окуджавы «В карете прошлого»²³¹ и А. Городницкого «Карета прошлого»²³² (оба текста включают еще и цитаты из «Горя от ума» А. С. Грибоедова, у Городницкого – «Карету мне, карету!»). И в том, и в другом произведении представлены попытки своеобразного «бегства» лирического героя в XVIII–XIX вв. – попытки уйти от настоящего, найти в минувшем «секреты бытия» и попытки познания самого себя. Сюжет стихотворения Городницкого более локален, почти замкнут в пространстве жизненных реалий и душевного мира автобиографического лирического героя, у Окуджавы он шире по проблематике, включает как особую задачу и постижение жизни русских людей прошлого столетия. Лирический герой Окуджавы «открывает» в эпохе, которая издавна казалась ему только прекрасной («стерильный экипаж»), «водевильность», в людях – «все те же страсти», но это приводит не только к разочарованию, но и – в финале – к приятию («Крушение надежд – не поражение, / и наших лиц святое выражение, / авось, не исказится от стыда»).

Естественно, был актуален в сознании поэтов-бардов призыв из «Левого марша» Маяковского «Клячу истории загоним». Не на уровне прямых реминисценций (хотя реминисценции из Маяковского и, в частности из этого стихотворения в произведениях поэтов-бардов есть), но на уровне принципиального отношения к истории и к прошлому в «полемику» с ним вступают образы извозчиков. Оставаясь яркой бытовой деталью, одним из способов создания «колорита», этот образ, конечно, наполняется и символическим смыслом, как, например, в песне Б. Окуджавы «Былое нельзя воротить...»: «Теперь нам не надо по улицам мыкаться ощупью. / Машины нас ждут, и ракеты уносят нас в даль... / А все-таки жаль, что в Москве больше нету извозчиков, / хотя б одного, и не будет отныне... А жаль»²³³. Однажды в ответ на вопрос о «нравственности в современной жизни» поэт сказал: «Я думаю, что нравственность обратно пропорциональна скорости движения. Так всегда бывает, к сожалению. Может быть, поэтому я с таким интересом занимаюсь XIX веком»²³⁴.

Таким образом, в данной статье представлена попытка рассмотреть одну их ключевых и самых масштабных тем в творчестве поэтов-бардов – тему исторической судьбы России в связи с проблемой менталитета ее народа – через анализ определенного «образного поля» – сходных и взаимосвязан-

²³⁰ *Высоцкий В.* Указ. соч. Т. 2. С. 62.

²³¹ *Окуджава Б.* Арбатский дворик. М., 2007. С. 663–668.

²³² *Городницкий А.* Гадание по ладони. СПб., 2006. С. 152–153.

²³³ *Окуджава Б.* Арбатский дворик. С. 182.

²³⁴ *Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...» / сост. А. Петраков. М., 1997. С. 119.

ных образов, имеющих к тому же общие источники в классических произведениях русской литературы и других искусств. Это помогает лучше представить общий образный фонд бардовской поэзии, а также индивидуальные творческие миры признанных мастеров этого поэтического направления. Анализ интерпретации образов классического наследия поэтами второй половины XX в. не только позволяет говорить о значении преемственности в русской литературе и способах ее реализации, но также дает возможность в очередной раз почувствовать глубину смыслового потенциала произведений-источников.

Е. Л. Ситникова (Воронеж)

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В США В НАЧАЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Холодная война, ставшая феноменом XX в., ознаменовалась глобальным противостоянием Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. По обе стороны «железного занавеса» происходило складывание образов врага, которые были необходимы правительствам двух держав для обоснования в глазах населения правильности собственной политики.

Формирование негативного восприятия СССР в США происходило по мере ухудшения советско-американских отношений, изменения внешнеполитической линии Белого дома, которые имели место после окончания Второй мировой войны. Невозможность продолжения союзнических отношений была осознана в Вашингтоне еще в 1945 г., однако, создававшийся в годы войны образ СССР как доблестного союзника, понесшего огромные потери ради защиты общечеловеческих ценностей, невозможно было «отменить». Требовалось время для изменения полярности восприятия массовым сознанием в Соединенных Штатах образа СССР.

Образ врага, Советского Союза, складывался «сверху» и стал отражением изменившихся отношений бывших союзников. Каждый шаг Москвы на международной арене интерпретировался в США сквозь призму его возможных негативных последствий.

СССР представлялся американской пропагандой как бесчеловечный и безжалостный враг, у которого есть только одна цель – господство над миром, достичь которого он пытался с помощью военной силы и распространения коммунистической идеологии. В силу недостатка информации о жизни за «железным занавесом» население СССР представлялось в худшем случае пособником преступного и агрессивного режима, а в лучшем – его жертвой, безликой серой массой, лишенной не только прав и свобод, но и всех радостей жизни.

Для создания негативного образа Советского Союза в начале холодной войны в США разнообразные методы активно использовались таким образом, что уже в начале 1950-х гг. образ врага был окончательно сформирован. Для общественного сознания США конца 1940-х – начала 1950-х гг.

было характерно складывание антикоммунистического консенсуса. Проводимая Белым домом политика в целом поддерживалась Конгрессом, общественными организациями, бизнесменами, военными, средствами массовой информации и большинством населения страны.

Представляется интересным, однако, не только механизм формирования образа врага, но и степень его восприятия американцами, глубина его укоренения в массовом сознании в США в 1945–1952 гг., в начале холодной войны. Рассмотрение данных процессов и явилось целью настоящей статьи.

Отражение образа СССР в общественном сознании США в начале холодной войны, степень его «враждебности» можно проследить, опираясь на источники личного происхождения, в частности, ряд устноисторических интервью с гражданами США, проведенных автором, в также анализ опросов общественного мнения.

Представление рядовых американцев относительно мотивов Советского государства и его сущности в целом соответствовали стереотипам, насаждаемым пропагандой в США. Мало кто верил в миролюбивые мотивы Советского Союза, который в годы Второй мировой войны продемонстрировал собственную мощь и теперь мог претендовать на лидирующее положение в мире. Опросы общественного мнения показывают, что американцы приписывали Советскому Союзу стремление к мировому господству. В августе 1946 г. в этом были уверены 60% респондентов²³⁵, в октябре 1947 г. – 76%²³⁶, в марте 1948 г. – 77%²³⁷, а в ноябре 1950 г. данный показатель достиг 81% опрошенных²³⁸.

В первые годы после Второй мировой войны уровень доверия к Советскому Союзу и его намерениям снижался. В сентябре 1945 г. 54% опрошенных верили, что СССР и США смогут продолжить после войны союзнические отношения²³⁹. В январе 1947 г. 43% ответили утвердительно на вопрос: «Будет ли Россия сотрудничать с нами на мировой арене?»²⁴⁰, а в июне 1949 г. количество таких респондентов снизилось до 20%²⁴¹. Интересно отметить, что прослеживается взаимосвязь между уровнем образования опрошенных и степенью доверия к СССР. Так, если средний показатель доверия к Советскому Союзу в 1947 г. составлял 43%, то среди лиц с высшим образованием он увеличивался до 60%, а с начальным школьным снижался до 35%. Очевидно, что это было обусловлено тем, что американцы с более низким уровнем образования, по сути, были менее склонны к самостоятельному анализу внешнеполитической ситуации и больше доверяли официальной линии в интерпретации внешнеполитических событий. От Белого дома население ждало ужесточения его политики в адрес Кремля. В октябре 1947 г. 62% опрошенных назвали позицию Вашингтона по

²³⁵ См.: The Gallup Poll. Public Opinion 1935–1971. N. Y.: Random House, 1972. Vol. 1. P. 591.

²³⁶ См.: Ibid. P. 682.

²³⁷ См.: Ibid. P. 721.

²³⁸ См.: Ibid. Vol. 2. P. 949.

²³⁹ См.: Ibid. Vol. 1. P. 523.

²⁴⁰ См.: Ibid. P. 617.

²⁴¹ См.: Ibid. Vol. 2. P. 826.

отношению к Москве слишком мягкой²⁴², а в марте 1948 г. их число увеличилось до 73%²⁴³.

Очевидно, что пропагандистская машина работала вполне эффективно, создавая необходимый фон для реализации внешнеполитической линии Соединенных Штатов. Негативное восприятие советского режима, которое складывалось на основе анализа поведения Москвы на международной арене, накладывало отпечаток на восприятие рядовых советских граждан, о которых, по сути, в США было мало что известно.

Жизнь в СССР представлялась американцам «серой»: безликие однотипные дома, хмурое небо, неприветливые мужчины в грубых пальто или военной форме и женщины с покрытыми платками головами. Такое видение было продиктовано воздействием пропаганды, недостатком информации о жизни в Советском Союзе и отсутствием личных контактов с русскими. Когда же такие контакты случались, как правило, они оставляли неизгладимое впечатление, поскольку советские мужчины и женщины в реальной жизни кардинально отличались от сформированных о них представлений. Все, кому довелось увидеть русских или пообщаться с ними, отмечали их красоту, стать, яркость. Одна из респонденток так описывает свое впечатление: «Он был более шести футов ростом (более 183 см – *E. C.*). Очень мускулист. Голубые глаза. Черные волосы. Он пришел в отделение торговли, где я работала, чтобы заплатить за документы, и вытащил огромный рулон наличными. Я сказала ему, что это было действительно глупо... Он, казалось, удивился... Я полагаю, что он думал меня впечатлить. Но я сказала: «Даже человек вашего размера не должен афишировать, что у него так много наличных денег». Я это помню, потому что тогда я была молодой и красивой. Ну, может, не красивой, но довольно хороша собой, а он, казалось, был разочарован тем, что не произвел на меня впечатление. Но это был действительно самый красивый человек, которого я когда-либо видела в моей жизни»²⁴⁴. Очевидно, что такое восприятие формировалось «от противного», поскольку шло вразрез с общепринятым представлением.

Более образованная часть американцев понимала разницу между советским режимом и населением СССР, именовавшимся «русскими». Такое понимание базировалось на знании российской истории, классической русской литературы, интересе к русскому языку, что в условиях антикоммунизма конца 1940-х – начала 1950-х гг. было весьма нечасто и в какой-то мере опасно. Так, опрос, проведенный в июле 1946 г., показал, что на вопрос «Что нужно сделать с коммунистами в нашей стране?» 36% американцев ответили «убить или отправить в заключение», 16% – сдерживать или лишить активности, 7% предлагали внимательнее за ними следить, 16% полагали, что следует ничего с ними не делать, а 25% опрошенных не имели никакого мнения²⁴⁵.

Взрослые американцы, не желавшие быть обвиненными в симпатиях к коммунистам, старались избегать контактов с американцами русского происхождения, «на всякий случай» воздерживались от прослу-

²⁴² См.: The Gallup Poll. Public Opinion 1935–1971. Vol. 1. P. 682.

²⁴³ См.: Ibid. P. 721.

²⁴⁴ Interview with Rona Foot LaPrade // Архив автора. Rona Foot LaPrade. P. 4.

²⁴⁵ См.: The Gallup Poll. Public Opinion 1935–1971. Vol. 1. P. 587.

шивания русской музыки. В одном из интервью был описан такой случай: «Я даже не знаю, где он теперь, но у нас был альбом, я думаю, что это была 78-минутная запись хора Красной Армии, мужской хор. Это, очевидно, было невероятно сказочное пение. Где люди поют лучше, чем в России!? Мы постоянно слушали эту пластинку. И в какой-то период, я помню, отец сказал: «Возможно, было бы лучше не слушать ее». [...] Может быть, кто-то собирался к нам прийти. Я помню, что спрашивала: «Почему?», но мне приглушенным голосом ответили, что это не объясняется, так, как обычно отвечают детям»²⁴⁶.

Однако подростки пренебрегали предостережениями родителей, для них запретный плод был сладок. Они не боялись обвинений. Они разделяли тот страх, который был свойственен большинству населения вне зависимости от возраста, пола и места жительства – страх войны.

Страх перед советской военной мощью был вполне объясним. Красная Армия на полях сражений доказала свою боеспособность, бесстрашие и готовность выполнять приказы. Появление у СССР атомного оружия в 1949 г. привело к нарастанию тревожности у населения Соединенных Штатов. В марте 1950 г. 68% американцев полагали, что Россия может использовать водородную бомбу против США²⁴⁷. Страх формировался не только под воздействием риторики, транслировавшейся через СМИ, но, в большей степени, в связи с действиями по укреплению гражданской обороны.

В школах демонстрировались фильмы из серии «Пригнись и укройся» («*Duck and Cover*»), из которых следовал порядок действий в случае авианалета. Тренировки, сопровождавшиеся громкими sireнами, имели своей целью закрепить полученные знания и носили регулярный характер. В католических школах было принято молиться за мир, просить недопущения атак и бомбежек²⁴⁸. Молитвы, как правило, не содержали никаких указаний на источник опасности²⁴⁹, но этого и не требовалось – безбожный режим был всем хорошо известен. В октябре 1947 г. 72% опрошенных американцев утверждали, что коммунисты хотят уничтожить христианскую религию²⁵⁰.

Враг воспринимался как более агрессивный на фоне собственного миролюбивого образа. Данная антитеза ярко прослеживается в пропаганде Соединенных Штатов времен холодной войны: мы живем по заповедям церкви – они безбожники, мы наслаждаемся свободой – они имеют право выбора «только между двумя оттенками губной помады»²⁵¹, мы хотим мира во всем мире – они стремятся завоевать человечество. Подобное противопоставление хорошо усваивалось общественным сознанием страны. В феврале 1948 г. 73% респондентов верили, что причиной, по которой Советский Союз способен вступить в войну, могло явиться достижение им своих целей. Лишь 19% полагали, что СССР способен на активные вооруженные действия в целях обороны страны. При этом 5% опрошенных

²⁴⁶ Interview with Holly Ketron // Архив автора. Holly Ketron. Part 1. P. 4.

²⁴⁷ См.: The Gallup Poll. Public Opinion 1935–1971. Vol. 2. P. 895.

²⁴⁸ См.: Interview with Bill McGuire // Архив автора. Bill McGuire. P. 4.

²⁴⁹ См.: An American Prayer Book / compil. and ed.d by Ch. L.Webber. N. Y.: Morehouse Publishing, 2008.

²⁵⁰ См.: The Gallup Poll. Public Opinion 1935–1971. Vol. 1. P. 682.

²⁵¹ Interview with Holly Ketron // Архив автора. Holly Ketron. Part 1. P. 5.

предположили, что США способны начать войну из-за своих интересов, 92% – в целях обороны²⁵².

Правительство всячески старалось подчеркнуть, что Соединенные Штаты способны дать достойный отпор врагу, но у населения не было абсолютной уверенности. Американцы осознавали, что в случае атаки с воздуха армия США вряд ли смогла бы помочь им спастись. Началось массовое строительство бомбоубежищ. Вот как характеризуется этот процесс в одном из интервью: «Даже в Северной Каролине у нас было бомбоубежище. У моей семьи не было, но я бы назвал это «манией бомбоубежищ» или даже «истерией». Они строились по всей Америке, там накапливали продуктовые консервы и противогазы. Мы, будучи детьми, в школе учили, что делать, если бомба взорвалась, как прыгать под стул. Показывали некоторые защитные таблицы и как сесть в позу эмбриона. Нам говорили, что делать, если бомба взорвалась, а мы были на улице, то нужно было попробовать найти воду. Это было повсюду, этот страх. [...] После водородной бомбы началось действительно массовое оборонительное строительство в Соединенных Штатах. Все ради того, чтобы иметь возможность выжить в ядерной катастрофе»²⁵³.

Страх войны с Советским Союзом в начале 1950-х гг. проявлялся в большей или меньшей степени в зависимости от места жительства того или иного человека, но, тем не менее, приобрел всеобщий характер. Жители крупных городов полагали, что они станут первыми мишенями для советских атак и больше опасались за свою жизнь, чем сельские жители. Кроме того близость военных баз или иных стратегически важных пунктов так же подогревало беспокойство населения²⁵⁴.

Большинство респондентов в начале холодной войны были детьми и, возможно, не смогли в полной мере описать происходившее в американском обществе. Они не являлись непосредственными объектами пропаганды. Они не привели ни одного примера бесед на тему отношения к Советскому Союзу со стороны родителей или учителей. Они не интересовались внешней политикой США и тем более СССР, так как были увлечены музыкой, спортом, общением, первыми романтическими отношениями и познанием окружающего мира и своего места в нем. Однако именно поэтому данный источник и ценен, поскольку в нем не воспроизводится официальное клише, а отражается общее состояние американского общества сквозь призму детско-подросткового аполитичного мышления.

Образ Советского Союза как врага Соединенных Штатов Америки в начале холодной войны был глубоко воспринят общей массой населения. Специфика оценки степени враждебности СССР зависела от целого ряда факторов: возраста, уровня образования, места жительства, пола. Однако большинство американцев видели в нем реальную угрозу своей безопасности, которая порождала страх. Он приобрел всеобъемлющий характер и стал реальной составляющей общественной жизни США в конце 1940-х – начале 1950-х гг., заложив вектор развития образа Советского Союза на протяжении всей холодной войны.

²⁵² См.: The Gallup Poll. Public Opinion 1935–1971. Vol. 1. P. 709.

²⁵³ Interview with Ben Mast// Архив автора. Ben Mast. P. 5.

²⁵⁴ См.: Interview with Roger Ketron// Архив автора. Roger Ketron. P. 5.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ДЖОРДЖА БУША-МЛ. О СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

История российско-американских отношений полна драматичных эпизодов. В этой истории нашлось место вражде и союзничеству, гонке вооружений и экономическому сотрудничеству, взаимным обвинениям и культурному диалогу, непримиримому идеологическому противостоянию и «медвежьим объятиям» государственных лидеров.

Представления двух народов друг о друге, образ другого, складывавшийся в сознании русских и американцев, также менялся в зависимости от многих факторов. Помимо официального внешнеполитического курса обеих стран, одним из таких факторов, влияющих на формирование образа чужой страны среди основной массы населения, являлась персональная позиция государственного лидера, транслируемая через прессу, публичные выступления и мемуары.

Потестарный образ (образ власти) России в Америке после окончания холодной войны был предельно персонифицирован и завязан на личность российского лидера, поскольку отношения Москвы и Вашингтона в этот период во многом строились на тесном личном контакте президентов двух стран: Дж. Буша-ст. и М. С. Горбачева, Б. Клинтона и Б. Н. Ельцина.

Не стал исключением и 43-й президент США, Джордж Буш-мл., чье представление о России – в том виде, в каком оно выносилось на суд широкой общественности, – формировалось на основе личных взаимоотношений с В. В. Путиным. Отношения эти складывались постепенно, трансформируясь в зависимости от внешнеполитической обстановки и являясь индикатором как дипломатического сотрудничества, так и разногласий, возникающих на высшем государственном уровне.

Придя к власти, бывший губернатор Техаса Джордж Уокер Буш не отличался искусностью в международных делах. Давая интервью, он периодически ошибался в названиях стран и народов, путал термины и понятия. Его первоначальные представления о России не выходили за рамки курса лекций по истории Советского Союза, прослушанных в студенческие годы в Йельском университете. Эти занятия, по его собственным словам, «стали своеобразным введением в проблему противостояния тирании и свободы»²⁵⁵.

Расширить и углубить понимание этой проблемы Дж. Бушем-мл. на этапе подготовки к предвыборной гонке и после его вступления в должность президента помогла К. Райс. Проректор Стэнфордского университета, крупнейший специалист по России, служившая советником президента еще

²⁵⁵ Буш Дж. Ключевые решения. М., 2011. С. 29.

при Буше-отце, она стала для младшего Буша наставником на пути постижения тонкостей дипломатии и международной политики.

К. Райс занимала довольно жесткую позицию по отношению к постсоветской России, критиковала политику экономической помощи и ту модель российско-американских взаимоотношений, которая была выработана администрацией Б. Клинтона. Вслед за ее компетентным мнением Дж. Буш-мл. в своих предвыборных речах негодовал по поводу жестокостей «чеченской кампании», ущемления гражданских прав и демократических свобод и отсутствия свободной прессы в России, а российскую правящую верхушку, с которой сотрудничала администрация Клинтона, и вообще открыто обвинял в воровстве американской экономической помощи: «Мы пришли в Россию и сказали: “Вот вам деньги МВФ”, и они тут же исчезли в карманах Виктора Черномырдина и других. А мы продолжаем вести себя так, как будто там были какие-то реформы»²⁵⁶.

Образ России казался будущему президенту туманным, а перспективы взаимоотношений с ней внушали некую тревогу, в том числе и в связи с загадочностью фигуры Владимира Путина и сомнениями относительно его политических намерений. «Этот парень, Путин, являющийся сейчас временным президентом, пришел к власти благодаря Чечне. Его популярность очень выросла, когда российская армия начала якобы набирать мощь, решая чеченскую ситуацию способами, неприемлемыми среди мирных государств. И еще один по-настоящему основополагающий вопрос к России: Какой она будет? Будет она страной с рыночной экономикой или же станет одной из тех стран, в которых немногочисленная элита набивает свои карманы? Мы не знаем всего, и я волнуюсь по поводу России, которая колеблется от одного пути к другому. Я волнуюсь по поводу руководства, которое, в конечном итоге, и будет делать выбор», – так, довольно безрадостно, представлялась картина российской действительности будущему президенту Соединенных Штатов на этапе его предвыборной борьбы в 2000 году²⁵⁷.

В. В. Путин, бывший подполковник КГБ, лелеющий мечты восстановить Россию в статусе сверхдержавы, не вызывал у Дж. Буша-мл. желания с первых дней налаживать с ним тесные взаимоотношения. Новый американский президент четко дал понять, что будет «плыть к России на тихом парохоме», и прежде чем сесть за стол переговоров с российским лидером, проведет ряд консультаций с главными американскими союзниками в Европе²⁵⁸.

О том, чтобы, подобно Клинтону, строить отношения с Россией, основываясь на личной приязни и дружбе с ее президентом, не шло и речи. Более того, Буш-мл. и его советники обещали покончить с подобной «непро-

²⁵⁶ Vice President Gore and Governor Bush Participate in Second Presidential Debate Sponsored by the Presidential Debate Commission, October 11, 2000 // Federal News Service/ Washington Transcript Service. 10.11.2000. URL: <http://www.fnsg.com/archive.htm> (дата обращения: 02.03.2012).

²⁵⁷ Newsmaker: George W. Bush. 2000. February 16. Transcript // PBS Newshour. URL: http://www.pbs.org/newshour/bb/politics/jan-june00/bush_02-16.html?print (дата обращения: 03.03.2012).

²⁵⁸ Hoagland Jim. Bush's Slow Boat to Russia // The Washington Post. Jan. 28, 2001. P. B7.

дуктивной» практикой и придать российско-американским отношениям более прагматичный и предсказуемый характер²⁵⁹. Россия была холодно причислена к категории «ни партнеров, ни врагов»²⁶⁰.

Ситуация кардинальным образом изменилась в июне 2001 года. На саммите в Любляне произошел исторический поворот. Дж. Буш-мл. взглянул в глаза В. Путина «...и смог уловить движение его души»²⁶¹. Даже с учетом того, что подобное заявление было продуктом скорее стратегии, нежели эмоций, оно ознаменовало собой возвращение к той модели двусторонних отношений, от которой Буш-мл. и его команда еще несколько месяцев назад так решительно отказывались. В своих мемуарах американский президент признается: «Моей целью на саммите было снять напряжение в отношениях между нашими странами и наладить контакт с Путиным. Я сделал ставку на личную дипломатию. Знакомство с мировым лидером, его личностью, характером и интересами поможет найти общие точки соприкосновения и прийти к компромиссным решениям. Этот опыт я унаследовал от отца, который великолепно использовал практику личных взаимоотношений»²⁶².

С этого момента президент России превратился в глазах Дж. Буша-мл. из «темной лошадки» с сомнительным шпионским прошлым в «выдающегося лидера», которому можно доверять²⁶³. «Он честный, открытый человек, любящий свою страну. Он любит свою семью. У нас много общих ценностей», – заявил американский президент²⁶⁴, чем вызвал массу насмешливых отзывов в прессе, а также негодование части собственных коллег по партии. В частности, сенатор-республиканец Джесси Хелмс раздраженно замечал, что «г-н Путин совершенно не заслужил такого сильного политического престижа и влияния, которое проистекает из чрезмерного персонального одобрения президентом Соединенных Штатов»²⁶⁵. Репортеры ведущих американских изданий соревновались в остроумии, уличая собственного президента в наивности, непонимании основ международных отношений, несамостоятельности и следовании по стопам отца²⁶⁶. Тем не менее, Джордж Буш-мл. продолжил работать с российским лидером в рамках выбранной тактики.

Взаимоотношения двух лидеров стали еще более тесными после теракта 11 сентября 2001 года. В. Путин оказался первым иностранным главой

²⁵⁹ См.: *Weiss Andrew S. Like father, like son on Russian policy...* // *The Boston Globe*. Aug. 28, 2001. URL: http://www.boston.com/dailyglobe2/240/oped/Like_father_like_son_on_Russian_policy_.shtml (дата обращения: 12.04.2012).

²⁶⁰ Политика в отношении России является трансатлантической задачей [Электронный ресурс] // *The International Herald Tribune*. Feb. 06, 2001. URL: <http://www.inosmi.ru/untitled/20010206/144269.html> (дата обращения: 18.09.2012).

²⁶¹ *Буш Дж.* Указ. соч. С. 234.

²⁶² Там же.

²⁶³ См.: *Заглядывая в душу г-на Путина* // *The Washington Post*. July 5, 2001. URL: <http://www.inosmi.ru/untitled/20010705/141088.html> (дата обращения: 18.09.2012).

²⁶⁴ *Бейсбол, Путин и президент США* // *MSNBC*. Jun. 28, 2001. URL: <http://www.inosmi.ru/untitled/20010628/141058.html> (дата обращения: 18.09.2012).

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ См.: *Will We Ever Get Russia Right?* // *The Washington Post*. Aug. 31, 2001. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A22132-2001Aug30.html> (дата обращения: 12.04.2012).

государства, позвонившим в Белый дом в день трагедии. Он уверил американскую сторону в том, что Россия не собирается повышать военную готовность в ответ на переход США к третьему уровню боеготовности, что сделал когда-то Советский Союз. Более того, в конце сентября Россия поддержала намерение США начать войну в Афганистане. «Добро победит зло, и я хочу, чтобы вы знали, – в этой борьбе мы с вами», – заверил Путин американского президента в личной беседе²⁶⁷. Путинская Россия представала в новом образе – в образе союзника Соединенных Штатов перед лицом общего врага, каковым был объявлен международного терроризм.

Дж. Буш-мл. объявил о начале новой эпохи российско-американских отношений. Свидетелями удивительного единения двух президентов стала не только высокая мировая общественность, но и обычные ученики школы Кроуфорда, которую посетили мировые лидеры во время пребывания В. Путина в Техасе. «Многие даже представить себе не могли, что между американским президентом и российским президентом могут сложиться дружеские отношения, как это случилось у нас... Мы долго были врагами. Когда я учился в школе, Россия была врагом. Сейчас учащиеся средней школы могут воспринимать Россию как друга. Я привез его на свое ранчо, потому что, как хорошо известно людям в этой части земного шара, в свой дом здесь обычно приглашают только своих друзей...», – заявил Буш-мл. перед лицом юных американских граждан²⁶⁸.

Оптимизм президента по поводу России разделяла и К. Райс. Во всяком случае, в мае 2002 г. во время визита в Россию для подписания договора по ПРО, она была настроена весьма позитивно: «Наблюдать отношения такого рода, какие установились между президентом Бушем-младшим и Путиным, и видеть Россию прочно привязанной к Западу это мечта трехсот лет, а не только эпохи после окончания холодной войны»²⁶⁹. Джордж Буш-мл. читал Достоевского, постигал загадочную русскую душу и давал своему «другу Владу» шуточные прозвища²⁷⁰.

Что примечательно, американский президент продолжал демонстрировать свою искреннюю симпатию к российскому лидеру даже тогда, когда Москва и Вашингтон всерьез разошлись во мнениях по иракскому вопросу. Американская пресса обвиняла Путина в диктатуре и «закручивании гаек», а Буш-мл. в Кэмп-Дэвиде заявлял, что уважает его «за его видение России как страны, на территории которой царит мир, которая пребывает в мире со своими соседями, в которой процветают демократия, свобода и верховенство закона»²⁷¹. И в дальнейшем, когда российско-американские противоречия еще более обострились на фоне иранской проблемы, американского

²⁶⁷ Буш Дж. Указ. соч. С. 235.

²⁶⁸ Только вопросы. И, пожалуйста, не по математике // Русская Америка. Служба новостей. URL: http://therussianamerica.com/web_NEWS/articles/6949/1/ (дата обращения: 18.09.2012).

²⁶⁹ *Carney James*. Our New Best Friend? // *Time*. May 19, 2002. URL: <http://www.time.com/time/printout/0,8816,238619,00.html> (дата обращения: 18.09.2012).

²⁷⁰ См.: *Borger Julian*. Bush's love of Pootie-Poot Putin // *The Guardian*. May 20, 2002. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2002/may/20/russia.usa> (дата обращения: 18.09.2012).

²⁷¹ Демократия подождет // *The Washington Post*. Oct. 07, 2003. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20031007/195573.html> (дата обращения: 18.09.2012).

«Плана свободы», ситуации в Грузии и Украине, Буш-мл. и Путин продолжали периодически встречаться в неформальной обстановке. В июле 2007 г., принимая российского президента в резиденции Уокер-Пойнт, Дж. Буш-мл. вновь повторил тезис о доверии к своему российскому коллеге, высказанный шесть лет назад²⁷².

«Иногда он мог быть дерзким, иногда – обаятельным, но всегда упрямым... Путин был гордым человеком, любившим свою страну. Он хотел, чтобы Россия вновь обрела престиж великой державы, и был одержим расширением сфер ее влияния», – вспоминает Дж. У. Буш²⁷³. Как можно заметить, это суждение, хорошо обдуманное и запечатленное в мемуарах, не слишком отличается от того представления, с которым Буш изначально пришел на пост главы государства. «Путин любил власть, а россияне любили его», – почти завистливо пишет Буш, рисуя российского лидера хитрым, жестким, амбициозным и в высшей степени противоречивым, как и страна, которую он возглавляет.

²⁷² Колесников А. Владимир Путин сдал карты как честный человек // Коммерсант. № 114 (3690). 03.07.2007. URL: <http://www.kommersant.ru/daily/36320> (дата обращения: 18.09.2012).

²⁷³ Буш Дж. Указ. соч. С. 490–491.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

И. Ю. Старостина (Саратов)

ДЖ. ЧОСЕР КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛ

На сегодняшний день в научной литературе существуют споры относительно определения понятия «средневековый интеллектual». В частности, по мнению П. Ю. Уварова, интеллектual – это человек, достигший совершенства в «искусствах» и «науках». Исследователь выделяет два периода в истории науки и образованности: монастырский (до середины XI в.) и городской (с середины XI в.). В ранний период носителями образованности, людьми «науки», являлись монахи, церковнослужители таких монастырей, как Сент-Галлен, Райхенау, Фульда, Клюни. Второй период ознаменован ростом и развитием городов, становившихся центрами грамотности и образованности. Городские интеллектualы, которыми двигали тяга к знаниям, стремление нести людям свет разума, представляли собой особую социальную среду, способную обеспечить благоприятные условия для развития культуры¹.

В отличие от П. Ю. Уварова, Ж. Ле Гофф связывает рождение интеллектualов именно со становлением городов². Для него интеллектual средневековья – это человек, постоянно занятый умственным трудом (философ, богослов, преподаватель); это в первую очередь ученые – мыслители, теоретики науки. На закате средневековья (XIV–XV вв.) утверждается особый тип «антиинтеллектualиста»-гуманиста – «более литератора, чем ученого»; он оторван от постоянного умственного труда повседневными заботами³.

Эту точку зрения оспаривает П. Ю. Уваров, считающий, что многие гуманисты были представителями университетской культуры, являлись интеллектualами⁴.

Таким образом, Ле Гофф не признает существование интеллектualов в переходную («гуманистическую») эпоху. А для П. Ю. Уварова интеллектual – это образованный человек, способный применить теорию на практике. Речь в данном случае идет о человеке, получившем образование и реализующем свои знания в общественной жизни. Представляется важным акцентировать внимание на этом спорном моменте, так как известный английский поэт

¹ См.: Уваров П. Ю. История интеллектualов и интеллектualного труда в Средневековой Европе. М., 2000. С. 6–7.

² См.: Ле Гофф Ж. Интеллектualы в средние века. СПб., 2003. С. 7.

³ См.: Там же. С. 141.

⁴ См.: Уваров П. Ю. Указ. соч. С. 39.

Джеффри Чосер (1340?–1400) жил в переходную эпоху, и вопрос о его образовании до сегодняшнего дня остается открытым.

Согласно гипотезе Дж. Гарднера, Дж. Чосер обучался в стенах Оксфордского университета на факультете права. Оксфорд в XIV в. был центром философской, политической, теологической мысли, центром вольнодумия и кипучей умственной деятельности, что было обусловлено его влиянием, прочным положением, правом на самоуправление⁵. Кроме того, ученые-францисканцы, интересовавшиеся как вопросами теологического содержания, так и проблемами естественнонаучного знания, среди которых – Роберт Гростест, Роджер Бэкон, Уильям Оккам, создали здесь особую творческую атмосферу. На студенческой скамье Чосер вполне мог познакомиться с сочинениями названных выше профессоров.

Другая версия связывает обучение Чосера с Темплом. Темпл являлся одним из судебных иннов – учебных заведений, где молодым людям преподавали общее право. Судебные инны – те же университеты, причем образование, полученное здесь, более соответствует последующей практической жизни. Данное заведение не являлось общедоступным. Здесь могли обучаться только сыновья зажиточных людей. Чосер мог поступить сюда (равно как и в Оксфорд) при непосредственной поддержке короля.

Резюмируя сказанное выше, нельзя не заметить, что Чосер, несмотря на неопределенность места обучения, являлся образованным человеком. Исследователи неоднократно подчеркивают его познания в разных областях книжного знания, рассматривая поэта настоящим эрудитом своего времени. Т. Дженкс отмечает, что Чосер был истинным интеллектуалом своей эпохи: он знал латынь, французский⁶ и итальянский языки, любил учиться и получать все новые знания⁷. С. Ригби называет Чосера «фанатичным библиофилом» и отмечает его познания в области классической (Овидий, Бозций) и современной ему литературы, в том числе итальянской и французской, знание им Библии, сочинений Отцов церкви, научной мысли средневековья⁸. А. Вард считает его знатоком Священного писания, патристической литературы⁹.

Сам поэт в одном из своих произведений заявляет: «... по многим соображениям мы доверяем тем книгам, посредством которых мы храним в памяти события древности, а также наставлениям мудрецов древности, и верим

⁵ Ректор, избравшийся высшим преподавательским составом факультета богословия, концентрировал в своих руках право самоуправления; он имел право ограждать своих членов от действия гражданских законов и даже право вершить суд над горожанами, если одной из сторон в тяжбе оказывался член университета (см.: *Гарднер Дж.* Жизнь и время Чосера. М., 1986. С. 199–200, 206).

⁶ Об этом свидетельствуют следующие строки, характеризующие аббатису: «И по-французски говорила плавно, / Как учат в Стрэтфорде, а не забавным / Парижским торопливым говорком» (*Чосер Дж.* Кентерберийские рассказы. Общий Пролог / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой. М., 2007. С. 48–49.).

⁷ См.: *Jenks T.* In the days of Chaucer. N. Y., 1904. P. 8. URL: <http://archive.org/search.php?query=chaucer%20AND%20subject%3A%22Chaucer%2C%20Geoffrey%2C%20d.%201400%22> (дата обращения: 06.03.2010).

⁸ См.: *Rigby S. H.* Chaucer in context: society, allegory and gender. Manchester, 1996. P. 14.

⁹ См.: *Ward A. W.* Chaucer. L., 1908. P. 92. URL: <http://archive.org/search.php?query=-Chaucer%20AND%20subject%3A%22Chaucer%2C%20Geoffrey%2C%20d.%201400%22> (дата обращения: 06.03.2010).

этим древним, достоверным историям о святости, о королевствах, победах, любви, ненависти, различных других вещах, которых сейчас я не могу перечислить. И если бы не было этих книг у нас, тогда бы мы утратили ключ народной памяти»¹⁰. В этих строках, как мы можем заметить, Чосер касается многих проблем: книга для него – это необходимое средство хранения различного рода знаний, главным из которых выступает знание историческое. Говоря о книгах, Чосер показывает, насколько важна история как хранилище коллективной памяти о прошлом. Для Чосера книги предоставляют возможность изучить и понять жизнь во всем ее многообразии: понять значение побед и поражений, смысл философских категорий, которые характеризуют эмоциональную сторону отношений любовь и ненависть.

Произведения Чосера, и прежде всего «Кентерберийские рассказы», позволяют говорить о разнообразии его интересов. На наш взгляд, наиболее полно они отражают знание Чосером литературы, истории от античных времен вплоть до современных ему событий.

Что касается литературы, то исследователи выявили такую специфику творчества Чосера, как непосредственное заимствование им сюжетов из произведений различных авторов. Отметим некоторые наиболее интересные, «занимательные» для Чосера произведения. Прежде всего, это «Метаморфозы» и «Героиды» Овидия; «Энеида» Вергилия; «Утешение философией» Боэция. Кроме того, многочисленные упоминания поэтом таких произведений, как «Роман о Розе» Жана де Мэна и Гильома де Лорриса; «Брачное зеркало» Эсташа Дешана, ряд заимствований из них свидетельствуют об интересе поэта к ним, как и к произведениям Боккаччо «Филоколо» и «Декамерон».

Мифология для Чосера практически неотделима от истории (речь идет об античной истории): поэт обращается к фрагментам греческих и римских, библейских преданий, он называет имена античных ученых, философов и величайших деятелей.

Основные сюжеты греческой мифологии развиваются в «Легенде о хороших женщинах», «Троиле и Крессиде» и «Доме Славы». Чосер разворачивает ряд своих повествований на фоне событий Троянской войны; он называет ее участников, которые оказываются героями его «историй» и его рассуждений. Среди них – Гектор, Приам, Ахилл, Парис, Елена, предатель Трои Антенор, Кассандра и т. д.¹¹. Он рассказывает о персонажах цикла «Аргонавты»: Ясоне, Медее. Упоминаются: Орфей как «бог мелодии», Сизиф, томящийся в мрачном царстве Аида; миф о Тантале и его муках и т. д.

Что касается сюжетов римской мифологии и истории, то, прежде всего, следует отметить заимствование у Овидия сюжета о Кеике и Алкионе в его

¹⁰ См.: *Chaucer G. The Legend of good women. Prologue / The electronic edition was prepared by Douglas B. Killings. 1996 // The Online Medieval and Classical Library. URL: <http://mahan.wonkwang.ac.kr/link/med/literature/OMACL.html> (дата обращения: 23.10.2009).*

¹¹ См.: «For hoolly al the storie of Troye... / of Ector and of king Priamus, / of Achilles... / of Paris, Eleyne...» (*Chaucer G. Book of the Duchesse / The electronic edition was prepared by Douglas B. Killings. 1994 // The Online Medieval and Classical Library. URL: <http://mahan.wonkwang.ac.kr/link/med/literature/OMACL.html> (дата обращения: 14.09.2008).* «Anthenor... / The traytour that betrayed Troye...» (Ibid.). «That trewly Cassandra, that so / Bewayled the destruccioun / Of Troye and of Ilioun» (Ibid.).

поэме «Книга герцогини»¹². Он неоднократно пересказывает миф о карфагенской царице Дидоне и ее смерти из «Энеиды» Вергилия и т. д.

Обращения автора к обозначенным сюжетам представляют собой как бы вкрапления преданий в основной текст с целью сравнений некоторых моментов повествования через обращение к опыту прошлого. Кроме того, это – свидетельства чосеровской эрудиции и желания подкрепить свои высказывания многочисленными «античными» ссылками.

Примечательно, что «своим» изложением истории в «античных повествованиях» Чосер иногда противоречит сюжетам некоторых мифов (прием «авторское умолчание»). Так, в рассказе о Гепсипиле и Медее в «Легенде о хороших женщинах» Медея предстает как обманутая жена, но верная и благочестивая дама, при этом автор опускает подробности о том, как жестоко она отомстила супругу Ясону за вероломство и убила их общих детей.

Чрезвычайно много авторских сюжетных заимствований связано с Овидием. По мнению Л. Паттерсона, особую признательность Чосер выражает также Вергилию и Стацию, которые были не просто замечательными мастерами слова, они были, что важнее для него, великими историками¹³. Обращение же к античным авторам, сюжетам, как известно, есть характерная черта гуманистической культуры, и Чосер оказывается приверженным ей.

Чосер знал и историю не столь отдаленных от него событий. Им упоминаются, например, герои произведения «Песнь о Роланде» – Ганелон, Роланд, Оливье. Поэт хорошо знаком с историей Томаса Бекета, убитого по наущению короля Генриха II Плантагенета. Ясно, что Чосер знает непогрешимость канцлера и косвенно указывает на злой умысел короля¹⁴.

Отдельно стоит остановиться на интересе Чосера к медицине и истории ее развития. Чосеру известны имена античных и раннесредневековых медиков (от Эскулапа до Авиценны), а также основы алхимии. В «Кентерберийских рассказах» он описывает процедуру поиска философского камня через приготовление специальной смеси из благородных и неблагородных металлов, неметаллов, продуктов животного происхождения и т.д. Чосер неплохо разбирается в только зарождающейся тогда химической науке, он знает основные в то время вещества – «тела», которым соответствует то или иное астрономическое тело (например, Меркурию – ртуть)¹⁵. Как отмечает Ф. Гримм, Чосера не просто волнуют астрономические объекты, прежде

¹² Согласно С. А. Александровскому, Чосер вольно пересказал миф о Кеике и Алкионе. Вольность, в частности, заключалась в том, что супруги Алкиона и Кеик превратились у Овидия после смерти в зимородков, а у Чосера об этом ничего не говорится (см.: *Чосер Дж. Книга о королеве* / пер. с англ. и коммент. С. А. Александровского. М., 2005. С. 188).

¹³ См.: *Patterson L. Chaucer and the Subject of History*. Madison, 1991. P. 61. URL: <http://books.google.ru/books?id=xEXVJfDXwWUC&printsec=frontcover&dq=Patterson+L.+Chaucer+and+the+Subject+of+History.+Madison&hl=ru&sa=X&ei=KMuoUO7Ijk4QT054DADw&ved=oCDIQ6AEwAA#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 04.06.2011).

¹⁴ См.: *Chaucer G. The Canterbury Tales. The Prologue* / New wave publishers, made by T. and F. Daniel. Portland, 1993. URL: <http://www.fordham.edu/halsall/basis/canterbu.txt> (дата обращения: 06.08.2008).

¹⁵ См.: *Chaucer G. The Canterbury Tales. The Cannon's Tale*.

всего, его волнует влияние, которое оказывают небесные тела на человека и его характер¹⁶.

Следовательно, Чосер обладал энциклопедическими для своего времени познаниями – от истории и мифологии до химии. Спектр интересов поэта обширен: естественнонаучное и гуманитарное знания. В то же время Чосер не был ученым, занятым постоянным умственным трудом (т. е. интеллектуалом – по Ле Гоффу). Но, согласно П. Ю. Уварову, XIV в. принес новый тип интеллектуала – тип светского должностного лица, которому в полной мере соответствует Дж. Чосер, поскольку поэт, находясь на королевской службе, на протяжении жизни «сменил» несколько мест: он был надсмотрщиком за сбором торговых пошлин в Лондонском порту; выезжал с дипломатическими миссиями за границу; мировым судьей в Кенте (где он мог применить полученные им юридические знания) и т. д. Видимо, Чосер был ценным, толковым чиновником. По мнению П. Стром, Чосер оказался «идеально вписанным» в бюрократическую систему, к которой он легко приспособился в силу своей образованности¹⁷.

Подводя итог, отметим, что Чосер вполне соответствует характеристике интеллектуала «переходного периода», данной П. Ю. Уваровым. Поэт был образованным человеком – об этом свидетельствуют его произведения. Значительная часть его жизни была связана с Лондоном. Поэтому мы вправе говорить о Чосере как о городском интеллектуале, но с одной важной оговоркой: жизнь поэта была тесно связана и с придворным окружением, поэтому его социальный статус четко не определен. Чосер не занимался исключительно умственным трудом, но это, на наш взгляд, не лишает его возможности быть интеллектуалом. Он не ученый, а служащий. Досуг давал ему возможность осмысливать увиденное, пережитое. Таким образом, Чосер – интеллектуал, с одной стороны, за счет своей образованности; с другой – в силу использования своих знаний, применения их на практике, а главное – в литературных сочинениях, принесших автору огромную славу и признание.

С. А. Мезин (Саратов)

ДИДРО И РОССИЯ¹⁸

5 октября 2013 г. исполнится 300 лет со дня рождения одного из величайших мыслителей XVIII в. Дени Дидро (1713–1784). Он единственный из корифеев Просвещения посетил Россию. Русская тема занимает видное ме-

¹⁶ См.: *Grimm F.* Astronomical lore in Chaucer. Lincoln, 1919. P. 13. URL: <http://archive.org/search.php?query=chaucer%20AND%20subject%3A%22Chaucer%2C%20Geoffrey%2C%20d.%201400%22> (дата обращения: 06.03.2010).

¹⁷ См.: *Strohm P.* Social Chaucer. Harvard, 1989. P. 22. URL: http://books.google.ru/books?id=8_nFIUz03oC&printsec=frontcover&dq=Strohm+P.+Social+Chaucer&hl=ru#v=onepage&q=Strohm%20P.%20Social%20Chaucer&f=false (дата обращения: 23.10.2011).

¹⁸ Работа выполнена при поддержке Дома наук о Человеке (Париж).

сто в творческом наследии философа. После классических работ В. А. Бильбасова «Дидро в Петербурге» (1884) и М. Турнё «Дидро и Екатерина II» (1889) появилось немало публикаций по отдельным вопросам темы¹⁹. Исследования россики французского философа обрели «новое дыхание» в связи с подготовкой и осуществлением критического издания Полного собрания сочинений Дидро в издательстве «Hermann», потребовавшего расширения источниковой базы и нового научного комментария. Подготовкой к печати политических сочинений Дидро, в том числе его россики, занимается международный авторский коллектив в составе Ж. Дюлака, Д. Годжи и С. Карпа. Пожалуй, именно работы Ж. Дюлака подняли изучение проблемы «Дидро и Россия» на новый уровень. Французский исследователь отошел от распространенных представлений о наивном философе-мечтателе, который якобы не знал реальной России и был одурачен ловкой Екатериной II. Тонкий анализ «русских» сочинений Дидро привел Ж. Дюлака к выводу о том, что еще до приезда в Россию просветитель предложил свою концепцию «цивилизации» России, которую сумел донести до сведения русской императрицы. Исследователь показал, что россика Дидро – совсем не мечтания в духе барона Мюнхгаузена, как до сих пор пытаются утверждать некоторые историки²⁰, а ядро и квинтэссенция политических трудов философа²¹. Современное состояние историографии вопроса позволяет по-новому взглянуть на узловые вопросы темы, которые будут обозначены в настоящей статье, и показать эволюцию отношения Дидро к России.

До середины 1760-х гг. Россия не привлекала особого внимания Дидро. Лишь «русские» статьи Энциклопедии (прежде всего – «Петербург» и «Россия») позволяют определить исходный момент отношения философа к далекой северной державе, которая своими войнами и «революциями» не давала европейцам забыть о себе. Правда, автором статей о России был не сам Дидро, а его сотрудник и единомышленник Луи де Жокур. В Энциклопедии проявилось неоднозначное, критическое отношение к России и ее реформатору Петру I. Как заметил М. Мерво, автор энциклопедических статей колебался между «русским миражом», созданным Вольтером и Фонтенелем, и негативными впечатлениями путешественников, более склоняясь к последним²².

В статье «Петербург» проводилась мысль о том, что Петр I своими преобразованиями «побеждал и насиловал природу». На эту мысль, высказанную ранее Вольтером и Альгаротти, обратил внимание Дидро, который в дальнейшем будет разрабатывать свой план «цивилизации» России в противовес идее насилия над природой: нельзя побеждать природу, надо сле-

¹⁹ См.: Мезин С. А. Русские контакты Дидро: эволюция исследования проблемы // Вопросы истории. 2008. № 12; см. также: Дидро Д. Собр. соч. Т. X: Rossica. Произведения, относящиеся к России. М., 1947.

²⁰ См.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 328–343.

²¹ См.: Мезин С. А. Дени Дидро и возникновение концепции «цивилизации» России // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2012. Вып. 6. С. 46–56; там же указаны основные работы Ж. Дюлака.

²² См.: Mervaud M. Le knout et l'honneur des Russes (à propos de deux articles de l'Encyclopédie) // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie. 1993. Avril, № 14. P. 120.

довать ее законам²³. «Следуйте постоянному ходу природы. Бесплезно было бы стараться уклониться от него. Вы увидите бесплодными ваши усилия и затраты; вы увидите все погубленным вокруг вас. Вы окажетесь в том же состоянии варварства, из которого вы хотели выбраться; вы там останетесь до тех пор, пока обстоятельства не произведут из вашей собственной почвы местную культуру, рост которой можно ускорить с помощью иностранного просвещения. Не надейтесь на него и возделывайте собственную почву»²⁴, – напишет позже философ.

Дидро, конечно, был в курсе полемики о Петре I (по сути – о России), которая разгорелась на рубеже 1750–60-х гг. между Вольтером и Руссо. Энциклопедист с большим интересом отнесся к вышедшему в 1760 г. первому тому «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера, но он разочаровал его: «Французский историк не поднялся до уровня законодателя России»²⁵. Дидро не воодушевился вольтеровской концепцией трансплантации европейской культуры в Россию и «творения новой нации», хотя, как свидетельствуют дальнейшие размышления философа, не разделял он и крайнего скептицизма Руссо в отношении России.

В сентябре 1762 г. Дидро получил предложение Екатерины II продолжить выпуск Энциклопедии в России в связи с препятствиями, которые чинились изданию во Франции. «Франция преследует философию, а Скифия ей покровительствует»²⁶, – заметил по этому поводу Вольтер, еще раз демонстрируя свои симпатии к России. Но в этот раз Дидро сумел урегулировать проблему и отвечал Вольтеру: «Нет, ...мы не поедим ни в Берлин, ни в Петербург заканчивать Энциклопедию, по той причине, что в тот момент, когда я вам пишу, ее печатают здесь, доказательства чего у меня перед глазами»²⁷.

Начало тесных связей Дидро с Россией было положено в 1765 г., когда Екатерина II приобрела за огромную сумму в 50 тыс. ливров библиотеку философа, оставив ее в его пользовании пожизненно и заплатив жалование библиотекарю на 50 лет вперед (еще 50 тыс. ливров). Тем самым было обеспечено материальное благосостояние философа²⁸. Вольтер с восторгом писал об этом: «Кто бы мог предположить пятьдесят лет назад, что скифы столь благородным образом вознаградят в Париже добродетели, науки и

²³ См.: *Salon de 1765 // Diderot. Oeuvres complètes*. P., 1984. Vol. XIV. P. 278 ; *Salon de 1767 // Diderot. Oeuvres complètes*. P., 1990. Vol. XVI. P. 308 ; (*Raynal G.-T.*) *Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes*. Amsterdam, 1770. Vol. 2. P. 204–205; *Diderot. Fragments politiques échappés du portefeuille d'un philosophe / textes établis et présentés par G. Goggi*. P., 2011. P. 164–175; см. также: *Diderot. Oeuvres*. Vol. III: *Politique / éd. L. Versini*. P., 1995. P. 660–664; (*Raynal G.-T.*) *Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes*. Genève, 1780. Vol. III. P. 167–178; Vol. X. P. 40–52.

²⁴ *Diderot. Fragments politiques échappés du portefeuille d'un philosophe*. P. 169–170.

²⁵ *Diderot D. Correspondance recueillie, établie et annotée par G. Roth*. Vol. III. P., 1957. P. 161.

²⁶ *Ibid.* Vol. IV. P., 1958. P. 175.

²⁷ *Ibid.* P. 175–176.

²⁸ См.: *Desné R. Quand Catherine II achetait la bibliothèque de Diderot // Thèmes et Figures du Siècle des Lumières. Mélanges offerts à Roland Mortier / éd. par R. Trousson*. Genève, 1980. P. 73–94.

философию, с которыми у нас обходятся недостойно?»²⁹. До конца жизни Дидро пользовался материальной поддержкой русской императрицы. Последним аккордом ее благодеяний была покупка новой квартиры для умиравшего философа. При посредничестве М. Гримма Дидро был обеспечен удобным жильем на нижнем этаже дома на улице Ришелье. Речь шла не только о том, что больному философу было тяжело подниматься на верхний этаж. Дом на улице Таран, где ранее проживал Дидро, находился в приходе церкви Сен-Сюльпис, настоятель которой аббат Терсак отказал в христианском погребении Вольтеру. Родственники и друзья Дидро опасались, что история может повториться³⁰. Таким образом, Екатерина обеспечила своему «библиотекарю» не только безбедную жизнь, но и спокойное погребение.

Так, может быть, Екатерина просто «купила» философа, как полагал Альбер Лортолари, который и слово «философ» всегда брал в кавычки³¹?

Дидро, конечно, чувствовал себя обязанным русской императрице и старался оказать ей помощь в культурных начинаниях, и не только. Однако все содержание «русских» сочинений Дидро указывает на то, что он сумел высказать свои сокровенные мысли о невысоком культурном уровне современной России, о путях ее «цивилизации», об искусстве управления, рискуя быть непонятым и отвергнутым своей высочайшей покровительницей.

Дидро оказал неоценимую услугу всей русской культуре, предложив в качестве автора памятника Петру I в Петербурге своего друга Э. М. Фальконе. В общении с Дидро была выработана просветительская концепция памятника³². Фальконе, отличавшийся невыносимо трудным характером, обострил отношения с русским окружением и внушал своему корреспонденту Дидро самые мрачные мысли о русских, которые, по его словам, «все скоты и остаются таковыми навсегда»³³.

Дидро во Франции, как известно, оказал ряд ценных услуг Екатерине II. Он убедил дипломата и писателя К.-К. Рюльера не публиковать «Анекдоты о революции в России 1762 года», в которых в невыгодном свете была представлена роль Екатерины в дворцовом перевороте. Дидро вместе со своим другом русским послом в Париже Д. А. Голицыным содействовал покупке уникальных коллекций живописи (Генья, Троншена, Кроза и др.), которые значительно обогатили собрание Эрмитажа³⁴. Вместе с Голицыным Дидро покровительствовал русским художникам-пенсионерам в Париже. «Соблаговоление имеем ходить к нему [Дидро. – С. М.] и от него пользуемся благоразумными наставлениями»³⁵, – писали русские ученики в Петербург.

²⁹ *Voltaire. Correspondance. Best. D. Vol. 113. P. 66.*

³⁰ См.: *Wilson A. V. Diderot. Sa vie et son oeuvre. P., 1985. P. 592–595.*

³¹ См.: *Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIIIe siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIIIe siècle. P., 1951. P. 213.*

³² См.: *Шенкер А. Медный всадник. Памятник и его творцы. СПб., 2010.*

³³ Цит. по: *Майков П. М. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904. С. 355.*

³⁴ См.: *Левинсон-Лессинг В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа. Л., 1986. С. 57–84; Карп С. Я. Князь Д. А. Голицын и первый каталог живописи Эрмитажа // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. LVI: Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 2011. С. 60–66.*

³⁵ Цит. по: *Марусина И. М. Россия – Франция. Век восемнадцатый. М., 1995. С. 26.*

Энциклопедист направил в Россию в качестве советника ученого-физиократа, бывшего губернатора Мартиники Мерсье де ла Ривьера и... потерпел в этом случае полное фиаско. Советник, полагавший, что «все предстоит сделать в этой стране; лучше сказать, что все необходимо сломать и сделать заново»³⁶, вызвал раздражение у императрицы и, получив вознаграждение, был отправлен восвояси. Более результативной оказалась посылка в Россию в качестве преподавателя П.-Ш. Левека, который написал лучшую для своего времени историю России³⁷.

Движимый чувством благодарности к русской императрице, Дидро полагал, что ему следует побывать в Петербурге: «Если я не съезжу туда, я не сумею оправдаться ни перед ней, ни перед самим собой». Екатерина II также хотела видеть у себя знаменитого философа. Однако, будучи домоседом, он долго откладывал поездку, не желая «тащиться на северный полюс»³⁸. Даже после неудачи с Мерсье де ла Ривьером он писал: «Я, конечно, поеду в Россию. Я чувствую свое сердце, которое меня туда постоянно толкает; это порыв, которому я не могу сопротивляться»³⁹.

Как раз в то время, когда судьба повернула Дидро в сторону России, он начал размышлять о судьбах культуры и искусства в обществе в контексте концепции «цивилизации». Он задумался об условиях развития культуры в обществе, подошел к пониманию культурного прогресса как длительного, естественного, обусловленного многими факторами процесса. Он пришел к заключению о невозможности скачка в цивилизованный мир без постепенного совершенствования агрикультуры и простых ремесел, без воспитания общественных потребностей и нравов, без концентрации населения, наконец, без свободы. Эту концепцию философ не мог не применить к России.

Русская тема вновь привлекла его внимание в связи с выходом «Путешествия в Сибирь» аббата Шаппа д'Отероша (1768) и «Антидота» (1770). Дидро не питал особого уважения к ученому аббату. Однако еще большее неприятие он испытывал к «Антидоту», не подозревая о его принадлежности перу русской императрицы: «Вот книга наихудшая из всех по своему тону, самая мелочная по сути, самая абсурдная по своим претензиям. Опровергатель полагает, что русские являются народом самым умным, самым культурным, самым многочисленным и самым богатым на земле. Тот, кто опровергает Шаппа, более достоин презрения за свою лесть, чем Шапп за свои ошибки и ложь»⁴⁰. Чтение «Путешествия в Сибирь» и «Антидота» дало толчок к дальнейшим размышлениям философа о российской цивилизации, которые в некоторых случаях оказались созвучны критическим идеям Шаппа.

³⁶ Бильбасов В. А. Дидро в Петербурге. СПб., 1884. Прил. I. С. 151.

³⁷ См.: Сомов В. А. П.-Ш. Левек – протеже Дидро и историк России // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVIII–XX вв.). История науки и международные связи. М., 2002; Ильиченко Э. В. Русско-французские культурные и научные связи второй половины XVIII века: Пьер-Шарль Левек. Автореф. ...канд. ист. наук. Саратов, 2011.

³⁸ *Diderot D. Corr. Vol. VII. P., 1962. P. 29.*

³⁹ *Ibid. Vol. VIII. P., 1962. P. 38.*

⁴⁰ *Ibid. Vol. X. P., 1963. P. 237.*

В конце 1760-х гг. Дидро начинает сотрудничество с Г.-Т. Рейналем в «Истории обеих Индий», где анонимно помещает свои размышления о России. Как установил Д. Годжи, отрывок о России уже в первом издании «Истории обеих Индий» (1770) принадлежит Дидро⁴¹. Здесь он ставит под сомнение путь цивилизации России, начатый Петром I и продолженный его преемниками: «хорошие наблюдатели, которые исследуют результаты деяний, без труда разберутся в череде блестящих ошибок [Петра I], оставивших обширные области без законов, без свободы, без богатств, без населения и без промышленности»⁴².

Кто же были эти «хорошие наблюдатели», на которых ссылается Дидро в своем скептическом мнении о состоянии дел в России? К их числу, наверное, можно отнести Мерсье де ла Ривьера, которого он считал «человеком добрым, умным и простым», а также большим политиком, наделенным логикой, опытным и предусмотрительным⁴³. Одним из верных источников знаний о России было для Дидро общение с доктором Антонио Рибейро Санчесом, известным врачом и ученым, прожившим в России семнадцать лет. Санчес хорошо знал Россию и русских, более того, он, как и Дидро, размышлял о ее настоящем и будущем, проявляя интерес к теоретическим трудам физиократов и философов шотландской исторической школы. В 1764–1771 гг. он написал целый ряд (до 20!) записок о России, в том числе – собственный проект развития науки и образования в России, не просто созвучный «цивилизационным» планам знаменитого энциклопедиста, но, по-видимому, оказавший на него прямое влияние⁴⁴. Свои мысли о России Дидро оттачивал в беседах со своим единомышленником и другом князем Дмитрием Алексеевичем Голицыным⁴⁵. Русский посол в Париже, а затем в Гааге, ученый и политик, франкофил и поклонник просветителей и физиократов, он с энтузиазмом воспринял реформаторские начинания Екатерины II 1760-х гг. и разделял идею Дидро о необходимости отмены крепостного права и формирования третьего сословия в России. Правда, «наблюдателем» Голицына можно назвать лишь условно: этот аристократ почти всю свою жизнь провел за границей. «Хорошими наблюдателями» могли быть для Дидро не только очевидцы происходящих в России событий, но и мыслители, к которым автор испытывал уважение, такие, например, как Ш. Монтескье или Д. Юм.

⁴¹ См.: *Goggi G.* Diderot et la Russie : quelques remarques sur une page de la première édition de l' « Histoire des deux Indes » // *L'Encyclopédie, Diderot, l'esthétique. Mélanges en hommage à Jacques Chouillet 1915–1990.* P., 1991. P. 99–112.

⁴² (*Raynal G.-T.*) *Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes.* Vol. 2. Amsterdam, 1770. P. 204–205.

⁴³ См.: *Diderot D.* *Corr.* Vol. VIII. P. 35–36. См. также: Vol. VII. P. 199, 215, 219, 222, 224.

⁴⁴ См.: *Dulac G.* *Ribeiro Sanches et le développement de la Russie : le travail politique d'un médecin encyclopédiste (1764–1771)* // *Ici et ailleurs: le dix-huitième siècle au présent. Mélanges offerts à J. Proust.* Tokyo, 1996 ; *Idem.* *Science et politique : Les réseaux du Dr Antonio Ribeiro Sanches (1699–1783)* // *Cahiers du Monde russe.* 43/2–3. Avril-septembre 2002; *Дюлак Ж.* Рибейро Санчес о политике колонизации и колониях в России (1765–1766) // *Европейское Просвещение и цивилизация России.* М., 2004.

⁴⁵ О нем см.: *Цверева Г. К.* Дмитрий Алексеевич Голицын. Л., 1985; *Кучеренко Г. С.* Д. Дидро и Д. А. Голицын // *Французский ежегодник.* 1984. М., 1986; *Dulac G., Evdokimova L.* *La correspondance de Dmitri A. Golitsyn (1760–1784)* // *Dix-huitième siècle.* 1990. № 22; *Карп С. Я.* Князь Д. А. Голицын и первый каталог живописи Эрмитажа.

В развернутом и почти окончательном виде взгляды Дидро на Россию нашли отражение в «Политических фрагментах» 1772 года, которые вошли во второе издание «Истории обеих Индий» Рейналя. Эти тексты были опубликованы Д. Годжи в 1977 г. и переизданы (в сотрудничестве с Ж. Дюлаком) в 2011 году⁴⁶. Здесь Дидро определенно заявляет, что цивилизация России идет неверным, искусственным путем. Что мешает цивилизовать Россию? Много: суровый климат и громадная территория, малочисленность населения; отсутствие третьего сословия: без него даже внезапное освобождение рабов не принесет результатов; слабость городов и коммерции, ужасающее состояние дорог; суеверие простого населения, подчиненного невежественному духовенству; деспотизм власти; отсутствие общественной поддержки реформам. Однако Дидро не терял надежды на возможность «цивилизации» страны. Для начала необходимо установить строгий порядок наследования престола; умерить любовь к славе и внешним завоеваниям; отказаться от деструктивной мысли, которую Петр I оставил своим наследникам: «власть – это все, а подданные – это ничто»; перенести столицу в Москву; начать постепенную отмену крепостного права и создание третьего сословия. Убедить русских в преимуществах свободного труда можно на примере правильно организованных иностранных колоний. «Во всем надо начинать с начала: начало – это приведение в действие ремесел и низших классов. Научитесь возделывать землю, обрабатывать кожи, производить шерсть, делать башмаки; и со временем без особого вмешательства у вас появятся художники и скульпторы, потому что из низших классов поднимутся богатые дома и многочисленные семейства»⁴⁷. Обеспеченное общество само породит поэтов, философов, ораторов, скульпторов и живописцев.

С этими идеями шестидесятилетний Дени Дидро 8 октября 1773 г. наконец прибыл в Россию и прожил здесь до 5 марта 1774 года. В Петербурге он беседовал с русскими и французами, знакомился с промышленными предприятиями, учебными заведениями русской столицы. В одной из своих статей Ж. Дюлак привел список (неполный!) русских людей, известных просветителю, состоящий из 150 имен⁴⁸. Он был принят в члены Российской Академии наук⁴⁹. Он тщательно готовился к беседам с августейшей собеседницей, заранее писал записки, передавал их после бесед императрице. Так возник целый том «Философских и исторических записок для Екатерины II» («*Mélanges philosophiques, historiques, etc. pour Catherine II*»). В «Записках» представлена та же концепция цивилизации России, но из тактических соображений философ изложил ее в форме отдельных, разрозненных высказываний. Притом он был искренним и свободным в своих высказываниях. Он прекрасно видел слабые стороны сельского хозяйства, промыш-

⁴⁶ См.: *Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. Contribution à l'Histoire des deux Indes. Vols. 1–2 / éd. Gianluigi Goggi. Siena, 1977; Diderot. Fragments politiques échappés du portefeuille d'un philosophe / Textes établis et présentés par G. Goggi. Postface de G. Dulac. P., 2011.*

⁴⁷ *Diderot. Fragments politiques échappés du portefeuille d'un philosophe. P. 168.*

⁴⁸ См.: *Dulac G. Les relations de Diderot avec la Russie: transcription et identification des noms des personnes // editer Diderot. Oxford, 1988. P. 317–341.*

⁴⁹ См.: *Dulac G. Diderot et deux academiciens de Pétersbourg // Europe. Mai 1984; Idem. Un nouveau La Mettrie à Pétersbourg: Diderot vu de l'Académie impériale des sciences // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie. Avril 1994. № 16.*

ленности, образования в России, вполне адекватно определял болевые точки развития страны. Не заблуждался он и относительно Екатерины, которая лично его очаровала («душа Брута и очарование Клеопатры»), но притом оставалась в его глазах деспотом. «По секрету» он признавался в письме к мадам Неккер, что «видел тигра в лесу», который сильно отличается от нарисованного зверя⁵⁰.

Дидро готовил вопросы императрице⁵¹, графу Миниху, Академии наук⁵² («Политические фрагменты» 1772 г., «Философские и исторические записки для Екатерины II» и все три опросных листа Дидро, адресованных Академии наук, Екатерине II и Миниху, должны выйти в 2013 г. в издательстве «Hermann» в XXI томе Полного собрания сочинений Дидро). Он живо интересовался реалиями русской жизни: «Я не пренебрегаю никакими усилиями, чтобы просвещаться здесь». Воодушевленный обещаниями императрицы оказать помощь в переиздании Энциклопедии Дидро планировал основательно переработать статьи о России на основании новейших данных. С помощью братьев Нарышкиных, подаривших ему библиотечку русских книг, Дидро начал изучать русский язык⁵³. Но знакомство с Россией не перевернуло его прежних представлений. Как справедливо пишет Ж. Дюлак, «ничто не указывает на то, что тогда в нем произошла резкая и глубокая перемена мнения или отношения (к России)»⁵⁴.

В исследованиях последних лет появилось немало уточнений, касающихся пребывания Дидро в Петербурге. Выяснилось, в частности, что философ жил в гостях у Алексея Васильевича Нарышкина, с которым он приехал в одной карете из Гааги в Петербург. Дом этот находился на месте современного театра имени Ленсовета на Владимирском проспекте⁵⁵. Ранее ошибочно считалось, что Дидро остановился у старого придворного Семена Кирилловича Нарышкина на Исаакиевской площади (там до сих пор висит мемориальная доска).

В советской литературе можно было встретить утверждения, что в Петербурге Дидро «близко сошелся» с русскими учеными. На деле оказалось, что русские академики (в том числе и знаменитое семейство Эйлеров) вра-

⁵⁰ См.: *Diderot D. Correspondance publiée par G. Roth et J. Varloot. Vol. XIV. P., 1968. P. 70–77.*

⁵¹ См.: *Карп С. Я. Вопросы Дидро Екатерине II о состоянии России: некоторые уточнения // Европейское Просвещение и цивилизация России. С. 178–185.*

⁵² См.: *Крутикова М. В., Черников А. М. Дидро в Академии Наук (Страница из истории Академии Наук) // Вестник Академии наук СССР. 1947. № 6. С. 69–73; Proust J. Diderot, l'Académie de Pétersbourg et le projet d'une Encyclopédie russe // Diderot Studies. XII. P. 117–125.*

⁵³ См.: *Порше Ж. Русские книги Дидерота в Париже // Временник Общества друзей русской книги в Париже. Париж, 1932. Вып. 3. С. 123–138 (Переиздание: М., 2007. С. 371–386); Райский Б. Г. Дидро и братья Нарышкины. Страницы из истории франко-русских культурных связей // Французский ежегодник. 1982. М., 1984. С. 240–251.*

⁵⁴ *Dulac G. Diderot et le «mirage russe»: quelques preliminaries à l'étude de son travail politique de Pétersbourg // Le Mirage russe au XVIIIe siècle / Textes publiés par S. Karp et L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001. P. 189.*

⁵⁵ См.: *Краснова Е. И. Дидро в Петербурге. История одного поиска // История Петербурга. 2005. № 3 (25). С. 68–71.*

ждебно встретили Дидро и приняли его в члены Академии только под прямым давлением императрицы⁵⁶.

После отъезда из России Дидро издал книгу И. И. Бецкого «Планы и уставы учреждений... для воспитания юношества» («*Les Plans et les status des différents établissements ordonnés par... Catherine II*». Amsterdam, 1775), написал для Екатерины «План университета» (1775), составил «Замечания на Наказ» (1774). (Два последних сочинения войдут в XXII том нового Полного собрания сочинений Дидро.) И в этих работах Дидро оставался верен идее «цивилизации»; сложившегося мнения о России он уже не изменил.

Возвратившись в Париж, Дидро в разговорах не уставал превозносить русскую императрицу и «чудеса» России. Как иронически писал близкий к просветителям Ф.-Л. Эшерни, эпически преувеличенное воспевание добродетелей и великих качеств Екатерины, наводило его на мысль, что Дидро был бы прекрасным переводчиком Гомера. «Дидро был очень благодарен доброте, которую ему выказала императрица; она сформировала фонд его бесед о России, его наблюдений и большого количества интересных анекдотов. Я их не привожу, поскольку возможно, что он их включил в какие-то неизвестные опубликованные или неизданные мемуары, которых я не знаю, так как я не читал всех сочинений Дидро»⁵⁷. Как видим, просветитель рассказывал своим знакомым о беседах с Екатериной и составленных по этому поводу записках. Однако в более доверительном общении с мадам Неккер он, имея в виду нравы, законы и обычаи русских, написал четверостишие: «О северном климате я не скажу никогда ничего ни прозой, ни стихами. Я был бы неблагодарным, говоря о нем плохо. Я бы солгал, если бы говорил о нем хорошо»⁵⁸.

Изучение русского языка Дидро не продолжил, а подаренные ему русские книги продал в Королевскую библиотеку. По словам А. Вильсона, «продажа этих книг была символом крушения его мечты о новом «русском» издании Энциклопедии»⁵⁹.

Старость и угасание жизненной активности в последнее десятилетие жизни как будто снизили интерес Дидро к России. Однако исследователи находят аллюзии на события в России, скрытую апологию Екатерины II и в поздних сочинениях философа⁶⁰.

Взгляды Дидро на Россию не остались незамеченными прежде всего самой Екатериной II. О том, что проекты и предложения, изложенные Дидро для русской императрицы, не были «гласом вопиющего в пустыни», и диалог между философом и императрицей был вполне реальным, не раз писал Ж. Дюлак⁶¹. Впрочем, и комментатор русского издания «Записок» П. И. Люблинский отмечал, что многие предложения Дидро нашли про-

⁵⁶ См.: *Dulac G.* Un nouveau La Mettrie à Pétersbourg. P. 19–43.

⁵⁷ *Oeuvres complètes de Diderot.* P., 1877. T. 20. P. 137.

⁵⁸ *Diderot D.* Corr. Vol. XIV. P. 75.

⁵⁹ *Wilson A.V.* Diderot. Sa vie et son oeuvre. P. 548.

⁶⁰ См.: *Накагава Х.* «Надлежало оставить бразды правления в руках прежнего государя...»: Дидро, защитник Нерона и Екатерины II // Европейское Просвещение и цивилизация России. С. 166–177.

⁶¹ См., напр.: *Dulac G.* Dans quelle mesure Catherine II a-t-elle dialogué avec Diderot ? // *Catherine II et l'Europe.* P., 1997. P. 149–161.

должение в законодательной деятельности Екатерины⁶². Конечно, речь идет о частных вопросах государственной жизни и управления. В целом концепции цивилизации Екатерина не приняла. Однако определенный параллелизм во взглядах императрицы на некоторые просматривается еще до их знакомства. Императрица (по свидетельству И. И. Бецкого) в 1764 г. говорила о неудаче образовательной политики Петра I и связывала с этим отсутствие в стране третьего сословия⁶³. В сочинении И. И. Бецкого «Планы и уставы учреждений... для воспитания юношества», изданном Дидро в Голландии, приведены слова императрицы, которые содержат почти дословное цитирование отрывка Дидро «О том, что нужно начинать с начала», помещенного в «Correspondance littéraire» от 15 ноября 1772 года⁶⁴. Речь вновь идет о неудачном опыте организации просвещения в России, именно опыте Петра I, и об отсутствии третьего сословия в России. Однако, как пронизательно заметил Ж. Дюлак, Бецкой, приписав Екатерине высказывание, на первый взгляд созвучное идеям Дидро, на самом деле упростил и выхолостил мысль философа⁶⁵. Он оставил лишь общий посыл о неудаче образовательной политики Петра I, но далее екатерининский деятель Просвещения проводил собственную мысль, что воспитание «новой породы людей» в закрытых учебных заведениях может привести к формированию отсутствующего в России третьего сословия. Это была просветительская утопия. В то время как Дидро подчеркивал необходимость «приведения в действие ремесел и низших классов», то есть отмены крепостного права, формирования свободных крестьян и ремесленников, которые со временем станут базой для появления людей творческих профессий. Этот случай показывает, что полного взаимопонимания у императрицы и философа не было. Об этом же свидетельствует и реакция Екатерины на «Замечания на Наказ», которые ей стали известны уже после смерти автора. «Это сущий лепет, в котором нет ни знания вещей, ни благоразумия, ни предусмотрительности»⁶⁶, – писала она Гримму.

«В записках русских современников не осталось никаких следов... учения» Дидро⁶⁷, – безапелляционно заявлял В.А. Бильбасов, делая исключение лишь для Е.Р. Дашковой. Действительно, ученая княгиня, с которой Дидро встречался и переписывался, испытала влияние просветителя. Она была солидарна с ним в том, что цивилизация России должна идти мирным, естественным путем; осуждала петровскую милитаризацию русского общества, выказывала отрицательное отношение к Петербургу, признавала

⁶² См.: Дидро Д. Собр. соч. Т. X: Rossica. С. 515, 519, 520, 524, 530, 532.

⁶³ См.: Майков П. М. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. Прил. 1 к главе второй. С. 7–8.

⁶⁴ См.: Betskii I. Les Plans et les statuts des différents établissements ordonnés par <...> Catherine II. Amsterdam, 1775. Vol. II. P. 4–7; ср.: Diderot. Fragments politiques échappés du portefeuille d'un philosophe. P. 167–170; Dulac G. Diderot, éditeur des Plans et statuts des établissements de Catherine II // Dix-huitième siècle. 1984. № 16. P. 332–333.

⁶⁵ См.: Dulac G. La reception du FP XVI («Qu'il faut commencer par le commencement») // Diderot. Fragments politiques échappés du portefeuille d'un philosophe. P. 210–213.

⁶⁶ Сб. РИО. Т. 23. С. 372.

⁶⁷ Бильбасов В. А. Екатерина II и Дидро // Русская старина. 1884, май. С. 223.

неудачу образовательной политики Петра I⁶⁸. Однако Бильбасов ошибался, и список людей, испытавших влияние дидеротовской концепции «цивилизации» России, можно продолжить. Так, на примере трудов французских историков России Н.-Г. Леклерка и П.-Ш. Левека можно увидеть два способа освоения концепции «цивилизации» России, разработанной Д. Дидро: ее творческое развитие Левеком и неглубокое внешнее восприятие Леклерком⁶⁹. Отзвуки этой концепции дают себя знать в малоизвестном сочинении А. В. Нарышкина «Мысли о России»⁷⁰, а также в сочинениях А. Н. Радищева⁷¹, Н. М. Карамзина, М. М. Сперанского⁷².

Подводя итог, обратим внимание на основные вехи эволюции взглядов Дидро на Россию. Первые признаки интереса философа к державе Севера проявились на рубеже 1750–60-х гг., когда писались «русские» статьи Энциклопедии, выходила «История» Петра Великого Вольтера. С 1765 г. у Дидро появляется личная заинтересованность в России, обусловленная благодарностью к Екатерине II и надеждой на ее реформаторские возможности. На рубеже 1760–70-х гг. интерес к России достигает своего пика. В ходе чтения книг о России, общения со многими авторами и собеседниками, в том числе выходцами из России или побывавшими там иностранцами, Дидро вырабатывает оригинальную концепцию «цивилизации» России, основное содержание которой анонимно публикуются в «Истории обеих Индий». Затем эти идеи развиваются и конкретизируются в целой серии сочинений, написанных для Екатерины II в 1773–1774 гг. Визит в Россию обогатил знания Дидро, но пребывание в Петербурге не изменило его отношения к стране, которая, по его мнению, только вступила на путь «цивилизации». Философ испытал некоторое разочарование от своего пребывания в России, обусловленное тем, что конкретные результаты визита оказались более скромными, чем он ожидал. Тем не менее, Дидро не утратил веры в возможности «цивилизации» России. В будущем, полагал он (вопреки мрачным предсказаниям Руссо), может наступить время, когда иностранцы будут посещать Россию с образовательными целями, «как когда-то посещали Египет, Лакедемон и Крит, но с любопытством, которое будет более обоснованным и лучше вознаграждаемым»⁷³. Наверное, Дидро смотрел на целые века вперед.

⁶⁸ См.: Мезин С. А. Д. Дидро и Е. Р. Дашкова о «цивилизации» России // Из истории русской общественной мысли XVIII–XX веков: Сб. науч. ст. К 70-летию профессора В. А. Китаева. Н. Новгород, 2012. С. 65–72.

⁶⁹ См.: Мезин С. А. П.-Ш. Левек, Н.-Г. Леклерк, Д. Дидро и «цивилизация» России // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVII: Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: К 275-летию основания: Матер. науч. конф. СПб., 2007. С. 106–113.

⁷⁰ См.: Карп С. Я. Дидро, А. В. Нарышкин и цивилизация России. URL: <http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/karp_diderot>; Он же. «Пропавшая» рукопись Дидро: Замечания на проект договора между Россией и Сардинским королевством // Художественный перевод и сравнительное изучение культур (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 426–441.

⁷¹ См.: Мезин С. А. Дидро, Рейналь и Радищев: из истории филиации идей // XVIII век (в печати).

⁷² См.: Мезин С. А. Петр I, Лейбниц и Сперанский // Российская история. 2011 № 1. С. 115–120.

⁷³ *Betskii I.* Op. cit Vol. II. P. 367.

МОСКОВСКИЕ МАСОНЫ–РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ XVIII СТОЛЕТИЯ: ПРОСВЕТИТЕЛИ, МИСТИКИ, КОНСПИРАТОРЫ

После провозглашения Великой ложи Лондона (24 июня 1717 г.) структуры и обряды регулярного масонства быстро распространились в большинстве стран континентальной Европы. Не осталась в стороне и Россия. В имперской столице – Санкт-Петербурге – также появились ложи «вольных каменщиков». Их организаторами были представители приближенной ко двору аристократии. В списке адептов и участников масонского движения в России XVIII столетия неизменно присутствуют фамилии самых родовитых вельмож. Среди них – графы Никита Иванович Панин, Николай Александрович Головин, Захар Григорьевич Чернышев, Кирилл Григорьевич Разумовский, Александр Сергеевич Строганов, князья Николай Васильевич Репнин, Юрий Владимирович Долгоруков, Гавриил Петрович Гагарин, Алексей Борисович Куракин. Разночинские же элементы в местные, законопослушные христианско-православные ложи поначалу не допускались.

В конце 70-х – начале 80-х гг. XVIII столетия в масонских структурах России наметились важные перемены. Главным образом, они были обусловлены «охлаждением» к масонству в высшем свете. Модное увлечение со временем превратилось в элемент поднадоевшего подражания Западу. Парадная мишура иноязычных собраний, непонятно-бессмысленные и многочисленные обряды, засилье иностранцев, скучнейшие заседания – все это порождало недоверие, а иногда и враждебное отношение к отечественным «вольным каменщикам». Однако ложи чудаковатых «фармазонов» не были преданы забвению. Масонские собрания успели превратиться для России в важный элемент стратегии личной и социальной идентификации. Принадлежность к братству давала человеку ощущение причастности к слою добродетельных и просвещенных подданных, то есть к избранным. Наряду с клубами, литературными и научными обществами, салонами и театрами, ложи утвердили себя в качестве нового института «публичной сферы». В восприятии посвященного, масонский храм обеспечивал течение жизни в неизведанной ранее системе координат – за пределами службы, церкви и семьи⁷⁴. Так что у большинства братьев, особенно неродовитых, были все основания гордиться своей принадлежностью к масонскому Ордену.

Как и в большинстве европейских стран, активными участниками очередной масонской реформы стали представители дворянской интеллигенции, избравшие непростую стезю критиков-вольнодумцев. В движении

⁷⁴ См.: *Смит Д.* Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке / пер. с англ. М., 2006. С. 9.

«вольных каменщиков» новоявленные адепты увидели столь необходимую для них среду, способную откликнуться на пропаганду передовых воззрений. Тем самым масонские ложи в России, никогда не помышлявшие о Фронде, вплотную приблизились к запретной для них сфере политики и неминуемо должны были вступить в конфликт с государственной властью.

Новое поколение отечественных масонов, возвращенное на высоких идеалах европейского Просвещения, приступило к поиску таких философских систем, которые более точно соответствовали их собственным представлениям об истине и общественном благе. В 1783 г. в Москве был учрежден Орден Злато-розового Креста, участниками которого являлись последователи взглядов французского мистика К. де Сен-Мартена (1743–1803). В организационном плане его структура стала филиалом Берлинского Ордена розенкрейцеров, созданного и возглавлявшегося масоном И. Х. Таденом (1714–1797).

Переговоры о создании российского филиала Ордена провели Иван Григорьевич Шварц (1751–1784) и Петр Алексеевич Татищев (1730–1810), посетившие Пруссию в поисках «истинного масонства»⁷⁵. По итогам визита новоиспеченные российские масоны-розенкрейцеры взяли на себя обязательства поддерживать инициативы герцога Брауншвейгского, одобренные в 1782 г. масонским конгрессом в Вильгельмсбаде. Их суть – унификация масонского Ордена, осуждение иллюминатов, преодоление раскола «вольных каменщиков» путем отказа от хаотичного «изобретения» новых, в том числе, «рыцарско-тамплиерских» Обрядов⁷⁶. Распространение в Москве влияния Ордена розенкрейцеров, являвшегося подразделением прусского «научного масонства», имело своей конечной целью формирование особой административной надстройки, призванной заменить существование высших степеней в других Обрядах. Для координации усилий в Россию прибыл немецкий эмиссар Генрих Якоб Шрёдер (1757–1797)⁷⁷. В 1787 г., в качестве уполномоченного московских розенкрейцеров, в Берлин выехал Алексей Михайлович Кутузов (1749–1797).

Установление особых контактов с немецкими масонами, в противовес Англии и Швеции, несомненно, помогло отечественным «каменщикам» занять более выгодное место в орденской иерархии Европы. На масонском конвенте в Вильгельмсбаде (1782), участниками которого были И. Г. Шварц и П. А. Татищев, территория Российской империи была признана самостоятельной масонской провинцией. До этого страна являлась IX провинцией «шведского» Обряда, который не признавался другими масонскими структурами. В соответствии с новым статусом, 30 апреля 1784 г. в Москве состоялось учреждение Провинциального Капитула и Директории – новых центров управления российскими ложами. В состав руководства вошли князь Николай Никитич Трубецкой (1744–1821), Николай Иванович Новиков (1744–1818) и Петр Алексеевич Татищев. Деканом масонской провинции был избран видный московский «вольный каменщик» князь Юрий Никитич Трубецкой (1736–1811).

⁷⁵ См.: Киселев Н. П. Из истории русского розенкрейцерства. СПб., 2005. С. 208.

⁷⁶ См.: Hammermayer L. La crise de la Franc-Maçonnerie Européenne et le convent de Wilhelmsbad (1782) // Dix-huitième siècle. La Franc-Maçonnerie. Revue annuelle publiée par la Société française d'Étude du XVIII siècle. № 19. P., 1987. P. 73–95.

⁷⁷ См.: Киселев Н. П. Указ. соч. С. 208.

В целом, затеянная при поддержке из-за рубежа масонская реформа в Москве носила весьма умеренный характер. Об этом говорит тот факт, что розенкрейцеры не прервали отношений со старой руководящей элитой братства. К примеру, негласным покровителем поручика в отставке Н. И. Новикова оставался генерал-фельдмаршал российской армии, петербургский масон, князь Николай Васильевич Репнин (1734–1801). Будучи радикалами, но лишь в глазах малограмотных обывателей, сами масоны-розенкрейцеры предпочитали дистанцироваться от политических коллизий. Об этом свидетельствуют документы, сохранившиеся в масонских архивах Москвы.

Особый интерес вызывает «Циркуляр об иллюминатах в Германии», распространенный в 1787 году⁷⁸. Анонимные авторы, выражая настроения провинциальных розенкрейцеров, характеризовали политизированный немецкий Орден⁷⁹ в качестве «вредоносной секты», которая отвлекает истинных масонов от «чистой Христианской Религии»⁸⁰. Столь же отрицательно были представлены стремления главы иллюминатов Адама Вейсгаупта (1748–1830) к «необузданной независимости от светской и духовной власти». Его приверженцы были названы «ложными просветителями» и даже «душеубийцами»⁸¹. Все истинные братья призывались «противостоять врагу» и следовать собственной морали, которая предусматривала служение «Учению и образу Спасителя и Мастера нашего Иисуса Христа»⁸².

Несмотря на ограниченные возможности, деятельность московских розенкрейцеров – в их рядах, помимо уже упомянутых Н. И. Новикова, И. Г. Шварца и П. А. Татищева, пребывали Семен Иванович Гамалея, Иван Владимирович Лопухин, Иван Петрович Тургенев – составила серьезную конкуренцию петербургским ложам. В первую очередь, она была направлена на упрочение позиций благотворительно-христианского служения в отечественном масонстве. По оценкам московского главнокомандующего князя Александра Александровича Прозоровского (1732–1809), розенкрейцерские ложи в короткое время объединили около 800 человек⁸³. И растущая популярность этой структуры власть не радовала. Особое беспокойство у князя, который не симпатизировал масонам вообще, вызывали зарубежные связи московских мартинистов-розенкрейцеров. Перлюстрация писем (ее организатор – Иван Борисович Пестель, почт-директор Москвы и отец будущего декабриста П. И. Пестеля) позволяла этому чиновнику судить об их интенсивности. В списке авторов значились А. М. Кутузов, А. А. Плещеев, Н. Н. Трубецкой, И. Г. Шварц, Г. Я. Шрёдер, И. В. Лопухин, Н. М. Карамзин, Н. И. Новиков, А. А. Ржевский, И. П. Тургенев. Их корреспондентами были

⁷⁸ См.: НИОР РГБ. Ф. 14 (Арсеньев В. С.). Ед. хр. 458. Л. 1–4.

⁷⁹ См.: Орден иллюминатов (просветленных) был создан в 1776 г. в Баварии. Прикрываясь завесой масонских обрядов, пытался установить контроль над обществом и приобрести политическое влияние. Был раскрыт и запрещен в 1784 г.

⁸⁰ НИОР РГБ. Ф. 14 (Арсеньев В. С.). Ед. хр. 458. Л. 2–3.

⁸¹ Там же. Л. 3.

⁸² Там же. Л. 4.

⁸³ См.: Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. XXII.

видные прусские масоны, в частности, герцоги Брауншвейгский и Гессен-Кассельский.

Между тем розенкрейцеры всячески пытались усилить свое влияние. С этой целью в Москве были образованы Дружеское общество и Педагогическая семинария; на 10 лет взята в аренду типография Московского университета (Типографское общество)⁸⁴. Этот отрезок времени оставил заметный след не только в истории отечественного масонства, но и в просветительстве. В летописи русского Просвещения период 1779–1789 гг. принято называть «Новиковским десятилетием». О проделанной работе свидетельствуют богатейшие коллекции масонских книг и брошюр, сохранившихся не только в столичных, но и в провинциальных библиотеках⁸⁵. Московские розенкрейцеры наладили широкий канал для распространения в России влияния западноевропейских писателей-мистиков, подготовивших становление консервативного течения в идеологии «вольных каменщиков». В наши дни с их творчеством, которое усиленно пропагандировалось в конце XVIII в., можно познакомиться в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ (НИОР РГБ). Так, фонд 237 (Д. И. Попова) содержит работы И. Вейгеля, Г. Кунрата, Г. Веллинга, И. Фабра⁸⁶. В фонде 267 (П. И. и Н. П. Сафоновых) хранится 10-томное собрание сочинений Я. Беме в переводе известного русского мистика и масона С. И. Гамалеи (1743–1822)⁸⁷. Труды патриархов западноевропейской мысли активно обсуждались в масонских ложах. Поскольку они часто попадали в списки неодобряемой церковью литературы, издатели практиковали малотиражные выпуски таких трактатов. Они предназначались для «внутреннего», масонского круга. Более широкое распространение среди русскоязычного читателя получили труды крупнейшего мистика XVIII в. Л.-К. Сен-Мартена⁸⁸. С ним русские масоны завязали личное знакомство в Риме, Париже и Лондоне. В 1787–1788 гг. Сен-Мартен был принят при дворе матери великой княгини Марии Федоровны⁸⁹ в Мюнхене. Небезынтересно, что среди спутников Сен-Мартена находился адъютант князя-масона Н. В. Репнина⁹⁰. Персона автора культовой книги «О заблуждениях и истине», только что изданной в России, привлекала внимание не случайно. Мартинизм, воспринятый розенкрейцерами в качестве идеологического компонента, противопоставлялся радикализму французского Просвещения. Энциклопедисты были объявлены врагами немецкого мистического Ордена. Разумеется, такая позиция не являлась тайной для французских мыслителей. Давая оценку творению Сен-Мартена, Воль-

⁸⁴ См.: Бакунина Т. А. Знаменитые русские масоны. М., 1991. С. 31.

⁸⁵ См.: Попкова Н. А. Книги из библиотек саратовских усадеб в фонде Научной библиотеки университета // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы: Материалы IX межрегиональных научных краеведческих чтений. Саратов, 2000. С. 261.

⁸⁶ См.: Дмитрий Иванович Попов (1793–1863) – литератор, поэт, масон, член московского Библейского общества.

⁸⁷ См.: Сафоновы: Петр Илларионович – масон, предводитель дворянства Ливенского уезда; Николай Петрович – масон, корреспондент Н. И. Новикова.

⁸⁸ См.: Сен-Мартен Л. К. О заблуждениях и истине, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания / пер. с фр. М.: Типография И. Лопухина, 1785.

⁸⁹ См.: София-Доротея Вюртембергская, жена цесаревича Павла.

⁹⁰ См.: Барсков Я. Л. Указ. соч. С. XXXVIII.

тер писал Гельвецию: «Не думаю, чтобы когда-либо было напечатано что-либо более абсурдное, темное, сумасшедшее и глупое, чем эта книга»⁹¹. Масло в огонь концептуального спора добавили события Великой французской революции. По мнению русских масонов-розенкрейцеров, она стала результатом политического заговора. Эмиссар московских мартинистов А. М. Кутузов, побывав в июле 1789 г. в Париже, характеризовал революцию в качестве возмутительного акта насилия со стороны вольнодумцев, просветителей, иллюминатов⁹². Подобное мнение разделяли и в Москве. В письме И. В. Лопухина в Берлин от 14 октября 1790 г. революционная Франция называется «юродствующей» и «несчастной»⁹³. Подобные мнения сложились не на пустом месте. Розенкрейцеры, конечно же, знали, что в предреволюционной Франции «истинные» масоны также пытались добиться стабилизации. Активное содействие в этом им оказали российские братья. В 1773 г. герцог Филипп Орлеанский (1747–1793), кузен короля, осуществил важную реформу масонского Ордена. В стране были созданы структуры Великого Востока Франции, лояльного по отношению к монархии, объединившие все капитулы, советы и «шотландские» ложи. Участником этих событий был граф Александр Сергеевич Строганов (1733–1811). Его включили в состав руководства Востока и поручили работу по редактированию важнейших уставных документов. В столь напряженной ситуации действия московских розенкрейцеров носили вполне миролюбивый и адекватный характер. Во всяком случае, их трудно заподозрить в нагнетании страстей как внутри страны, так и за ее пределами.

Между тем, «вольные» типографии в Москве окончательно сосредоточились на распространении политически нейтральной «классики» масонской литературы. Их стараниями наибольшей популярностью в России пользовались сочинения К. Ф. Кеппена⁹⁴, В. Гучинсона⁹⁵, Т. Уилсона⁹⁶, И. А. Штарка⁹⁷, К. Г. Плуменек⁹⁸. Помимо всего прочего, в типографии И. В. Лопухина было начато издание популярного масонского альманаха, который распространялся по подписке⁹⁹. Российским читателям предлага-

⁹¹ Барсков Я. Л. Указ. соч. С. XXXIX.

⁹² См.: Там же.

⁹³ Там же. С. 16.

⁹⁴ См.: [Кеппен К. Ф.] Крата Репоа или Посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов / пер. с нем. М.: В Университетской типографии, 1779.

⁹⁵ См.: [Гучинсон В.] Дух масонства. Нравоучительные и истолковательные речи / пер. с нем. М.: В типографии Н. Новикова, 1783.

⁹⁶ См.: [Уилсон Т.] Масон без маски или подлинные таинства масонские, изданные со многими подробностями точно и беспристрастно / пер. с англ. СПб.: Печатано у Христофора Геннинга, 1784.

⁹⁷ См.: [Штарк И. А.] Апология или Защищение ордена Вольных каменщиков / пер. с нем. М.: В вольной типографии И. Лопухина, 1784; *Он же*. О древних мистериях, или таинствах, бывших у всех народов / пер. с нем. М.: В вольной типографии И. Лопухина, 1785.

⁹⁸ См.: [Плуменек К. Г.] Влияние истинного свободного каменщицества во всеобщее благо государств / пер. с нем. М.: В Университетской типографии, 1816.

⁹⁹ См.: Магазин свободно-каменщицкий, содержащий в себе: речи, говоренные в собраниях; песни, письма, разговоры и другие разные краткие писания, стихами и прозою: В 7 т. М.: В типографии И. Лопухина, 1784. Помимо издательской деятельности, этот человек был известен также как талантливый масонский автор (см.: Лопухин И. В. Духовный рыцарь или ищущий премудрости. М.: В типографии Н. Новикова, 1791).

лись и другие, менее известные издания, как правило, философско-нравоучительные и сатирические¹⁰⁰. При этом бросается в глаза отсутствие в списке трудов французских просветителей. Напомним в этой связи, что в России уже был опубликован труд масона Шарля Монтескье, а Екатерина, в надежде снискать титул «просвещенной» царственной особы, даже вступила в переписку с Вольтером и Дидро¹⁰¹. Но время показало ошибочность и опасность ставки на французскую интеллектуальную экзотику: якобинцы в православной России оказались не в моде.

В 1786 г. Екатерина II подписала указ о введении запрета на распространение опасных по содержанию книг¹⁰². Действия властей активизировались после начала Великой французской революции. Свою роль сыграли также доносы князя А. А. Прозоровского, занявшего пост московского градоначальника. Он подозревал розенкрейцеров в «заведении новой церкви», во вмешательстве в государственные дела и даже в республиканизме. «Мартинисты, – писал Прозоровский императрице, – считают Христа своим начальником и действуют Его именем, а это значит: где Христос управляет, то тут другого правительства, как гражданского, так духовного быть не может... Через книги и школы они пытаются приготовить умы к тому, чтобы их признать законниками»¹⁰³. Губернатор характеризовал масонов-розенкрейцеров, которых в совокупности именовал мартинистами, политическими преступниками и радовался, что ему удалось разрушить их опасный замысел.

Так или иначе, маховик репрессий в Москве запустить удалось. В начале лета 1792 г. был арестован, а затем и приговорен к 15-летнему заключению в Шлиссельбургской крепости масон и розенкрейцер Н. И. Новиков¹⁰⁴. Сам пострадавший «за идею», не признавая вины, объяснял на следствии, что «истинное масонство ведет к нравственному исправлению»¹⁰⁵. Помимо него, были допрошены Н. Н. Трубецкой, И. В. Лопухин, И. П. Тургенев.

Один из основных итогов разгрома московских розенкрейцеров – введение властями существенных ограничений в сфере издательской деятель-

¹⁰⁰ См.: Дом молчания. Повесть философская / пер. с фр.: В 2 кн. М.: В Университетской типографии, 1763; Хризомандер, аллегорическая и сатирическая повесть, различного весьма важного содержания / пер. с нем. М.: В вольной типографии И. Лопухина, 1783; Массонские песни. В Иерусалиме, 1817.

¹⁰¹ См.: *Монтескье Ш.-Л.* Размышления о причинах величия римского народа и его упадка / пер. с фр. А. Поленова. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1769.

¹⁰² Указ был подписан императрицей 27 марта 1786 г. В проскрипционные списки попали многие масонские издания (см.: Обзор русской духовной литературы. Книга первая. 862–1720. Сочинение *Филарета (Гумилевского)*, архиепископа Черниговского. СПб.: В Синодальной типографии, 1884. С. 407, 446).

¹⁰³ *Барсков Я. Л.* Указ. соч. С. XIV.

¹⁰⁴ Дореволюционный историк Александр Генрихович Брикнер не связывал наказание Новикова только с его принадлежностью к масонству (см.: *Брикнер А.* История Екатерины Второй: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 690). Этой точки зрения придерживается испанка Исабель де Мадариага, которая подчеркивает неудачи и просчеты предпринимательской деятельности русского просветителя (см.: *Де Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой / пер. с англ. М., 2002. С. 832).

¹⁰⁵ Ответы Новикова Шешковскому в Шлиссельбурге в июне 1792 г. // Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Время Екатерины II. М., 1923. Ч. II. Вып. 3. С. 226–236.

ности¹⁰⁶. Расправа над Новиковым поставила также под вопрос существование российских «вольных каменщиков». Контрдействия генерала и куратора Московского университета Петра Ивановича Мелиссино (1724–1797), вознамерившегося создать национальный масонский Орден, ситуацию не изменили. Императрица не без оснований связывала деятельность «вольных каменщиков» с проникновением в Россию влияния столь ненавистной ей французской революции. Особые опасения при дворе вызвало воздействие масонского вольномыслия на цесаревича Павла. Тем не менее, первое столкновение масонства и самодержавия закончилось для братства «легким испугом». В своем указе А. А. Прозоровскому от 1 августа 1792 г. Екатерина вовсе не объявила о запрете масонских структур¹⁰⁷, хотя многие исследователи сообщают о якобы состоявшемся в конце XVIII в. роспуске масонства в России¹⁰⁸. Историк Д. Смит (США) пишет о закрытии русских лож уже в 1790 году¹⁰⁹. На самом деле, суровое наказание Н. И. Новикова, который был охарактеризован императрицей как «фанатик», явилось лишь грозным предупреждением его последователям в Москве и покровителям в Санкт-Петербурге. После этого деятельность масонских собраний России, впервые уличенных в неблагонадежности, верноподданнически и сама по себе замерла.

Эволюция масонского движения в России XVIII столетия, в целом, и деятельность московских масонов-розенкрейцеров, в частности, позволяют говорить о безусловном факте мощного духовно-нравственного и культурного воздействия Ордена «вольных каменщиков» на общество. Вне всяких сомнений, усилия масонов-просветителей, сгруппировавшихся вокруг Н. И. Новикова и И. В. Лопухина, были призваны содействовать приобщению патриархальной, православной страны к либеральным ценностям европейской цивилизации. При этом ставка делалась на мирные способы пропаганды идей модернизации страны, а революционные методы отвергались и критиковались. Однако корреляция внешнего духовного влияния, предпринятая напуганным событиями во Франции самодержавием, остановила этот интересный эксперимент в самом начале его осуществления.

¹⁰⁶ См.: Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 19–34. Приведенная здесь «Роспись книгам, печатанных в университетской типографии у поручика Новикова» содержит 368 названий.

¹⁰⁷ См.: Старцев В. И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 23–24.

¹⁰⁸ См.: Платонов О. А. Криминальная история масонства 1731–2004 гг. М., 2005. С. 59.

¹⁰⁹ См.: Smith D. Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-century Russia. Northern: Illinois Univ. Press, 1999.

**НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
(профессор Харьковского университета М. Н. Петров)**

В истории отечественной исторической науки вторая половина XIX в. характеризуется тем, что значительно продвинулось изучение истории нового времени. Российские специалисты в области новой истории, во-первых, исследовали заново многие изучавшиеся до них документальные комплексы; во-вторых, подняли не известные ранее архивные материалы; в-третьих, выдвинули на основе исследования первоисточников ряд новых научных проблем.

Первым историком нового времени в России из рядов университетской профессуры следует считать профессора Харьковского университета Михаила Назаровича Петрова (1826–1887), хотя принято отдавать первенство в этой области московскому профессору Владимиру Ивановичу Герье (1837–1919), раньше других всеобщих историков в России приступившему к исследовательской монографической разработке проблем новой истории стран Запада¹¹⁰. В 1922 г. В. А. Бутенко в историографическом обзоре «Наука новой истории в России» писал о В. И. Герье как о «первом пионере и вместе с тем основателе русской научной школы в области новой истории»¹¹¹.

Цель этой статьи – вернуть из небытия имя М. Н. Петрова, творчество и преподавательскую деятельность которого нередко незаслуженно забывают. Упоминания о харьковском профессоре в исторической литературе советского времени нечасты и сопровождаются диаметрально противоположными оценками. Так, О. Л. Вайнштейн в ходе обзора научной литературы по западноевропейской историографии, существовавшей на русском языке до 1940 г., прежде всего назвал среди специальных трудов «старую, но представляющую некоторый интерес работу М. Н. Петрова «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции»¹¹². О. Л. Вайнштейн упрекал автора в симпатиях к наиболее консервативным направлениям историографии, но в то же время отметил, что деятельность М. Н. Петрова, тщательно разрабатывавшего свои университетские курсы, способствовала развитию исторического образования и пробуждению интереса у молодежи к самостоятельным занятиям историей. Особенно заметную роль в этом отношении О. Л. Вайнштейн отводил «Лекциям по всемирной истории», ставшим, по его словам, на целые десятилетия основным руководством для студентов историко-филологических факультетов. О. Л. Вайнштейн подчеркнул недостаточную самостоятельность оценок, даваемых М. Н. Петровым событи-

¹¹⁰ См.: Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. М., 1960. Т. II. С. 393.

¹¹¹ Бутенко В. А. Наука новой истории в России // *Анналы*. 1922. № 2. С. 130.

¹¹² См.: Вайнштейн О. Л. *Историография средних веков*. М.; Л., 1940. С. 13.

ям прошлого, а также аналогию его трудов произведениям Т. Н. Грановского. Правда, по мнению О. Л. Вайнштейна, труды харьковского профессора лишены основных свойств, отличавших творчество Т. Н. Грановского, – либерализма и чувства гуманности¹¹³.

Наоборот, М. М. Смирин во введении монографии «Народная реформация Т. Мюнцера и Великая крестьянская война в Германии» указывал, что «профессор Харьковского университета М. Н. Петров высказал ряд интересных и правильных мыслей о причинах крестьянской войны и о характере мюнцеровского учения»¹¹⁴. По мнению М. М. Смирин, оценка М. Н. Петровым мировоззрения Мюнцера может быть противопоставлена оценке многих исследователей XIX в., относивших того к мистикам. Петров, напротив, видел в Т. Мюнцере первого мыслителя, порвавшего со средневековой мистикой, подчеркивал М. М. Смирин.

Во втором томе коллективного труда «Очерки истории исторической науки в СССР» автором главы об изучении новой истории в России во второй половине XIX в. стал Б. Г. Вебер. Эти же сюжеты впоследствии были развиты им в работе «Историографические проблемы», где несколько страниц посвящены оценке М. Н. Петровым событий Крестьянской войны в Германии. Б. Г. Вебер критиковал М. Н. Петрова за неприятие революционного пути преобразования общества, за апологию реформаторства, т. е. за «недемократические» политические взгляды, но не за научные недостатки¹¹⁵.

М. Н. Петров родился в 1826 г. в городе Вильно. Его отец был уроженцем Оренбургского края, государственным крестьянином, из солдат дослужившимся до обер-офицерского чина. В 1848 г. Михаил Назарович блестяще окончил Харьковский университет, его кандидатское сочинение «Цивилизация Галло-франков во времена Меровингов» по размерам далеко превосходило тогдашние обычные студенческие работы, но написано было не по источникам, а по трудам Ф. Гизо и О. Тьерри¹¹⁶.

В 1850 г. М. Н. Петров защитил магистерскую диссертацию «О характере государственной деятельности Людовика XI», и в 1851 г. начал преподавать и затем преподавал в течение 35 лет в Харьковском университете. Командированный в 1858 г. за границу, он посетил Германию, Францию, Англию, Бельгию, Италию. Результатом пребывания в заграничной командировке стал опубликованный в 1861 г. отчет, по материалам которого в 1865 г. в Москве была защищена докторская диссертация «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции»¹¹⁷. Данная проблематика привлекла внимание молодого преподавателя, так как, по его мнению, «нигде не высказывается в такой степени самосознание нации, как в том, каким образом объясняет она свою собственную историю»¹¹⁸, именно

¹¹³ См.: Вайнштейн О. Л. Указ. соч. С. 302.

¹¹⁴ Смирин М. М. Народная реформация Т. Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955. 2-е изд. С. 58.

¹¹⁵ См.: Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974.

¹¹⁶ См.: Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века: в 2 ч. Л., 1929. Ч. I. С. 121.

¹¹⁷ См.: Там же.

¹¹⁸ Петров М. Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии Франции. Харьков, 1861. С. I.

в историографии можно уловить господствующее настроение века и нации, господствующие в обществе цели и идеалы. Помимо характеристики направлений исторической науки до конца 50-х гг. XIX в. и представителей этой науки, труд М. Н. Петрова знакомил читателей с ходом университетского преподавания истории в Западной Европе в конце 50-х гг. позапрошлого столетия.

Перед диспутом соискатель докторской степени произнес речь об отношении исторической науки к естествознанию, опубликованную впоследствии в качестве приложения к первому тому его лекций по всемирной истории. М. Н. Петров отметил, что достигнутые к началу 60-х гг. XIX в. успехи в естественных науках отразились на развитии исторических исследований. Он высказал мысль, что все научные знания могут быть сведены к двум категориям: естествознанию и истории, и показал влияние естествознания на область истории. Под влиянием успехов астрономии была создана теория Дж. Вико с его циклами, «астрономическая история» Гердера. Как наиболее яркий пример «вторжения» естествознания в историю он привел труд Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии», показав не только положительные стороны, но и вредные последствия этого влияния из-за внесения в науку о нравственном мире чуждых ей понятий и приемов¹¹⁹.

Научное наследие М. Н. Петрова нельзя назвать обширным. Кроме упомянутых диссертаций, перу харьковского профессора принадлежат «Очерки из всемирной истории», где собраны написанные в разное время научно-популярные статьи. Эта работа выдержала четыре издания, первые два (1868 и 1882 гг.) – прижизненные, два последних (1896 и 1904 гг.) увидели свет после смерти автора. Она представляет собой ряд мастерски выполненных исторических характеристик, отличающихся легкостью и выразительностью языка.

В 1880 г. М. Н. Петров опубликовал статью «Историческая подготовка», вышедшую в 1881 г. отдельным изданием, в которой говорил об отсутствии в обществе политического воспитания. Такой исторической подготовки, утверждал он, массе неоткуда было приобрести: ее не могли дать господствовавшая в гимназии система обучения и существующие учебники. Автор остроумно и беспощадно высмеял изложение истории Англии и Пруссии в самом распространенном тогда учебнике Д. И. Иловайского и в качестве примера привел конспект истории названных стран, какой она, по его мнению, должна быть.

Резко высказался он и об «истинной ценности революций, которые в массах нашей недоучившейся или вовсе не учившейся молодежи до сих пор еще пользуются привилегией заманчивости и репутацией панацеи против всех зол общественных. История показала почти повальную бесплодность всех насильственных переворотов в Европе с великой Крестьянской войны в Германии XVI в. до Парижской Коммуны в наши дни, показала, что в общественных катаклизмах этих, не исключая и громадного извержения конца XVIII столетия, обыкновенно достигалось прочно лишь то, что и без них достигнуто было бы нормальным, т. е. более спокойным движением жизни, все же остальное быстро уносилось временем, как уносит ветер сухие листья – и что насильственное ускорение и без того неизбежной развязки не окупало

¹¹⁹ См.: *Петров М. Н. Лекции по всемирной истории: в 4 т. Харьков, 1889. Т. I.*

тех страшных жертв, которых оно стоило»¹²⁰. М. Н. Петров полагал, что чем дольше живет человечество, тем меньше в нем простора и успеха для насилия, а единственным надежным и всегда достойным путем добиться прочного благоденствия и разумной свободы являются образование и труд.

Незначительное число печатных трудов М. Н. Петрова можно объяснить тем, что преподавательскую деятельность он считал важнее научного творчества. Он полагал, что при тогдашней организации Российских университетов преподавание в них всеобщей истории «должно состоять преимущественно в общих курсах, а не в специальных», хотя сам читал и специальные курсы, например, по истории Римской империи, папства. По воспоминаниям современников, в частности, его биографа В. П. Бузескула (1858–1931), М. Н. Петров был блестящим лектором, читавшим «историю средних и новых веков»¹²¹. Но основные научные интересы профессора были связаны с тематикой истории нового времени, начальным рубежом которого было принято считать конец XV – начало XVI века.

Лекции М. Н. Петрова по всемирной истории были изданы в 1888 г., т. е. уже после того, как летом 1886 г. профессор покинул Харьковский университет и в начале 1887 г. скоропостижно скончался. В первый том, подготовленный к печати А. Н. Деревницким, вошли лекции по древней истории, редакцию и обработку материалов второго тома, содержащего изложение истории средних веков, взял на себя профессор В. К. Надлер, а третьего и четвертого – В. П. Бузескул. «Лекции» М. Н. Петрова имели успех у читателей, выдержали три издания и были удостоены большой премии Петра Великого «ввиду неоспоримых важных достоинств этих лекций» по представлению и на основании отзыва академика В. Г. Васильевского. Читателей привлекало, что М. Н. Петров не столько излагал факты, сколько отмечал их смысл и связь, их причины и следствия; он полагал, что «история учит понимать, откуда и как произошли явления окружающей нас общественной жизни, отчего эта жизнь такая, какою мы ее видим теперь»¹²².

М. Н. Петров предложил своеобразную периодизацию всемирной истории, поделив ее на два раздела: 1) историю мертвых государств и народов, закончивших свою государственную и культурную деятельность; 2) историю нового мира, т. е. «тех народов, которые живут и поныне». В свою очередь, историю нового мира он снова разбивал на два периода: историю средних веков, длившуюся десять столетий, и новую историю в «тесном смысле этого слова», охватывающую события XVI–XIX веков. Таким образом, он принимал средневековье и новое время лишь за два больших отдела одной и той же «истории нового мира», ибо не видел между средними веками и новым временем такого резкого различия, как между древним и новым миром вообще¹²³.

М. Н. Петров выделил критерии, положенные им в основу его периодизации. В качестве первого из них он предлагал «выявить, кто были главные деятели истории», и подчеркивал, что в новое время это народы германские, романские, славянские в Европе, арабы и турки – в Азии. Выделение

¹²⁰ См.: *Петров М. Н.* Историческая подготовка. Харьков, 1881. С. 13.

¹²¹ *Бузескул В. П.* Указ. соч. С. 124.

¹²² Там же. С. 125.

¹²³ *Петров М. Н.* Лекции по всемирной истории: в 4 т. СПб., 1904. Изд. 2-е. Т. III. С. 1.

«исторических» народов на каждом этапе развития общества можно рассматривать как следствие несомненного влияния философии И. Г. Гегеля. Вторым критерием М. Н. Петров считал место действия, а именно, распространение происходивших событий на всю обитаемую землю. В качестве третьего критерия разработанной периодизации он рассматривал доминировавшие в обществе религии, указывая на господство язычества в древние времена и отмечая, что «у новых народов источником духовного развития стали религии откровенные»¹²⁴. Между средними веками и новым временем такого резкого различия М. Н. Петров не усматривал, полагая, что оно существует лишь в географическом смысле, «в размерах поприща исторической деятельности народов».

Новые комбинации нравственных начал, движущих народами, породили ряд явлений, свойственных лишь новой истории в «тесном смысле этого слова», и М. Н. Петров перечислил особенности данного исторического периода. К их числу он относил прежде всего реформацию западной церкви, с одной стороны, разрушившую ее средневековое единство и теократическую систему, а с другой – возродившую сам католицизм.

Второй характерной чертой новой истории М. Н. Петров считал возникновение идеи и системы политического равновесия, которой не знали средние века. Он подчеркивал, что христианские государства средневековья «были связаны лишь единством религии, а не политическим». Напротив, в новое время государства находятся в настолько тесной связи, что каждая перемена в судьбе и положении одного сейчас же производит соответственное изменение и в отношении к нему всех остальных. В подтверждение этого тезиса М. Н. Петров обращался к истории Итальянских войн и соперничества Франции с Габсбургами, обнаруживал эту черту в истории Тридцатилетней войны, в коалициях Европы против Людовика XIV и войнах XVIII века.

Третью характерную черту новой истории автор лекционного курса видел в сильном развитии абсолютной монархии на Западе в различных формах и разными династиями – сначала Габсбургским домом, потом – Тюдорами в Англии и французскими министрами Ришелье и Мазарини. Полной зрелости это явление, по мнению М. Н. Петрова, достигло в системе Людовика XIV.

Далее, в качестве четвертой особенности нового времени он выделял идущую почти повсеместно борьбу со старым общественным строем, со средневековыми порядками и учреждениями и стремление установить социальные отношения на новых началах свободы и равенства. Борьба эта, писал М. Н. Петров, «выразилась целым рядом общественных потрясений последних столетий – крестьянской войной в Германии, английской революцией в XVII веке, наконец, в конце XVIII в. – великой революцией во Франции»¹²⁵.

В стремлении европейских народов к политической самобытности и независимости, выраженном сначала в борьбе Нидерландов с Испанией, затем – англо-американских колоний с метрополией, М. Н. Петров видел пятую характерную особенность новой истории.

¹²⁴ Петров М. Н. Указ. соч. С. 2.

¹²⁵ Там же. С. 3.

Наличие колониальной системы, повлекшей распространение европейского образа жизни и образования во всех частях света, представлялось ему еще одной существенной чертой новой истории. Не менее значительными особенностями этого периода европейской истории казались М. Н. Петрову более важная, чем прежде, роль общественного мнения и литературы, а также быстрое и всестороннее развитие науки и изобретений, совершенно изменившее все условия общественной и частной жизни.

На последнее по счету, но не по значению, место среди явлений, присущих новой истории, М. Н. Петров ставил мощное промышленное развитие Европы, какого не было в средние века. Ученый подчеркивал важную роль промышленных, «материальных» интересов в обусловленности происходивших политических событий, в чем можно увидеть несомненное влияние марксистской концепции общественного развития на историческую науку второй половины XIX века.

М. Н. Петров вошел в историю российской науки как создатель первого университетского руководства по всемирной истории – курса лекций, в котором предложил отличавшуюся своеобразием периодизацию исторического процесса. Он одним из первых среди российской университетской профессуры разработал самостоятельный систематический курс новой истории, в котором определил характерные черты и отличительные особенности этого периода истории Западной Европы. Историографический труд М. Н. Петрова стал первой в России академической работой в области новой истории.

О. А. Кирьяш (Омск)

ОБРАЗ УКРАИНЫ В СОЗНАНИИ РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Современная историографическая ситуация отличается значительным вниманием к интеллектуальным составляющим исторического процесса: образам, интеллектуальным конструктам и концептам. Однако, «большинство текстовых и графических источников, привлекаемых исторической наукой для реконструкции прошлого, сами являются продуктом восприятия, воспоминаний и толкования идей»¹²⁶, т. е. интеллектуальным продуктом человеческого сознания. История в этом случае представляет собой процесс познания не столько самого прошлого, сколько его образа. Исторический процесс превращается в сложное переплетение многочисленных образов: пространства, времени, врага, чужого, своего, другого и т. д. Образ пространства в сознании людей играет зачастую определяющую роль в формировании определенного отношения к территории и населению, кото-

¹²⁶ Шенк Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства Европы // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2001. С. 4.

рое там проживает. Значимую роль в конструировании восприятия, закреплении образа и соответствующей оценки пространства играет историческое сообщество, которое задает, своего рода, шкалу оценивания, определяет основные его ориентиры.

Особым пространством в исторических сочинениях второй половины XIX в. предстает территория Украины. С одной стороны, это внутренне пространство, хорошо освоенное историческим сообществом, имеющее четкие границы и характеристики. С другой стороны, это пространство предстает в качестве пограничья. Оно граничит с «чужим» пространством, чуждой культурной традицией. Украина – это пространство, располагающееся на стыке «своего» и «чужого» культурного миров.

Образ Украины в исследованиях русского исторического сообщества второй половины XIX в. не отличался единством и монолитностью, наоборот, для характеристики этой территории историки использовали разнообразные интеллектуальные конструкты. Применяя их в своих работах, исследователи не только формировали отношение к пространству Украины, но и закрепляли и транслировали этот сложный образ.

Одним из первых образов, который находит свое отражение в работах русских историков, это образ Украины как прародины Киевской Руси. Эта территория, где не только образовалось Древнерусское государство, но и пространство, с которого началось распространение христианства на всю остальную территорию. В. О. Ключевский подчеркивал, что «последующие поколения вспоминали о Киевской Руси как о колыбели русской народности. Народ доселе помнит и знает старый Киев с его князьями и богатырями, с его Святой Софией и Печерской Лаврой, непритворно любит и чтит его, как не любил и не чтит ни одной из столиц, его сменивших, ни Владимира на Клязьме, ни Москвы, ни Петербурга»¹²⁷.

Образ православной Киевской Руси, действительно, достаточно прочный, однако далеко не единственный представленный в исторических исследованиях второй половины XIX века. Образ православной Украины актуализируется при описании историками событий борьбы с Польшей. В. О. Ключевский отмечал: «Казачество получило знамя, лицевая сторона которого призывала к борьбе за веру и за народ русский <...>»¹²⁸.

Другим не менее сильным образом, который закрепился в сознании общества, был образ богатой и хлебосольной Украины. Описывая эпизоды Северной войны, русское историческое сообщество акцентировало внимание как раз на этом образе. В. О. Ключевский заметил, что «Я не берусь судить о стратегическом достоинстве того крутого поворота, каким был поход Карла от Могилева на юго-восток к Полтаве. Тогда толковали, что Украина манила к себе Карла обилием продовольствия, недостатком укреплений, близостью к Крыму и Польше, надеждой найти в казаках сильное подкрепление и с их помощью безопасно пробраться к Москве, куда он не решался пробиться сквозь царские войска через Смоленск»¹²⁹. Эпизод, представленный историком, весьма интересен с нескольких позиций. Во-первых, в этом

¹²⁷ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. М., 1993. Кн. 1. С. 124.

¹²⁸ Там же. Кн. 3. С. 258.

¹²⁹ Там же. С. 299.

отрывке раскрывается отношение иностранцев и собственно самих русских к территории Украины – территория богатая, обильная продовольствием. С другой стороны, отмечается, что здесь имеется сила, которая может противостоять существующей власти и на которую могут опереться недруги. Этой силой были казаки.

Казачество представляет собой еще один неотъемлемый компонент в раскрытии образа Украины. Почти все русские историки второй половины XIX в., описывая территорию Украины, не обходят стороной этих людей. Однако однозначного отношения к ним нет. С. М. Соловьев пишет в «Общедоступных чтениях по русской истории», что «с XIV века, южные границы имеют такое население, которое носит название казаков. Этим казакам правительство давало земли, поместья по границе, и потому они назывались поместными казаками и служили, повинувшись всем распоряжениям правительства. <...> уходя далее в степь, селились обыкновенно по большим рекам, для рыболовства, которое вместе со звероловством и военной добычей составляло для них главное средство пропитания. Эти люди назывались также казаками <...> Они не отрывались от России и признавали над собою власть русского государя; но, живя очень далеко в степи, плохо его слушались <...>»¹³⁰. По мнению В. О. Ключевского, казачество было «историческим продуктом степи, соответствовавшим ее характеру и значению, является козак, по общерусскому значению слова – бездомный и бездольный, «гулящий» человек, не приписанный ни к какому обществу, не имеющий определенных занятий и постоянного местожительства, а по первоначальному и простейшему южнорусскому своему облику человек «вольный», тоже беглец из общества, не признававший никаких общественных связей вне своего «товариства», удалец, отдававший всего себя борьбе с неверными, мастер все разорить, но не любивший и не умевший ничего построить <...>»¹³¹.

Русские историки особо подчеркивают роль казачества в период Смутного времени. С. М. Соловьев отмечал, что в период Смуты казак приравнивался практически к недругу, врагу. Описывая события Смуты, историк дает казакам следующую характеристику: «Ляпунов, издавна неразборчивый в средствах, и теперь, при восстании земли для очищения государства, для установления наряда, подал руку – кому же? Врагам всякого наряда, людям, жившим смутою, козакам! С ним соединились козаки, бывшие под начальством Заруцкого, Просовецкого, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого – всех тушинских бояр и воевод»¹³². Ему вторит историк С. Ф. Платонов: «По всей стране бродят казаки и, везде грабят и жгут, опустошают и убивают»¹³³. Не менее ярко описывал бесчинства казачества в период Смуты Н. И. Костомаров: «Казаки своевольничали, бесчинствовали <...> После смерти Ляпунова казаки стали стеснять и обижать земских людей и довели их до того, что большая часть их убежала. Казаки продолжали

¹³⁰ Соловьев С. М. *Общедоступные чтения по русской истории*. URL: http://az.lib.ru/s/-solowxew_sergej_mihajlowich/text_0160.shtml (дата обращения: 12.05.2012).

¹³¹ Ключевский В. О. *Указ. соч.* Кн. 1. С. 46.

¹³² Соловьев С. М. *История России с древнейших времен. Сочинения: в 18 кн. М., 1993. Кн. 1. С. 67.*

¹³³ Платонов С. Ф. *Лекции по русской истории*. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/platonov/platsoo4.htm#gl4> (дата обращения: 14.06.2012).

стоять под Москвою табором»¹³⁴. Действительно, Смута привела к формированию устойчивого негативного отношения к казакам, в текстах при их описании начали доминировать отрицательные коннотации. В. О. Ключевский подчеркивал, что «со Смутного времени для Московской Руси козак стал ненавистным образом гуляки, «вора»¹³⁵.

Помимо образа казака как недруга государства, В. О. Ключевский отмечал, что казачество «попало в самый водоворот международных столкновений Руси, Литвы, Польши, Турции и Крыма. Роль, какую пришлось играть днепровскому казачеству в этих столкновениях, и сообщила ему историческое значение. <...> Это был люд, нужный для края и всего государства, но беспокойный, создававший много затруднений польскому правительству. Привычные к борьбе степные промышленники доставляли лучшую оборону стране от татарских набегов. Но это было обоюдоострое оружие. Одним из степных отхожих промыслов, даже главным промыслом казаков, были их ответные набеги на татарские и турецкие земли. <...> В отместку турки грозили Польше войной, которой поляки пуще всего боялись»¹³⁶. Действительно, казачество было, с одной стороны, элементом опасным как для соседних государств, так и для своего собственного. Однако, с другой стороны, это был необходимый компонент для защиты южных рубежей. Такое неопределенное отношение исторического сообщества второй половины XIX в. к казачеству приводило к неоднозначному отношению и к территории, которую оно населяло.

С образом казака в исторических сочинениях тесно и неразрывно связан образ Степи. Пространство, которое угрожает устоявшемуся государственному порядку, культурным нормам и традициям. Близость Степи к Украине приводит к постепенному перенесению характеристик одного пространства на другое. Весьма показательна трансформация образа Украины как хранительницы государственного начала до пространства, противостоящего устоявшемуся государственному порядку. «Все эти разряды казаков одинаково смотрели в степь, искали там поживы и этими поисками в большей или меньшей степени способствовали обороне постоянно угрожаемой юго-восточной окраины государства. С Люблинской унии малороссийское казачество поворачивается лицом назад, на то государство, которое оно доселе обороняло»¹³⁷.

Образ пространства Украины в исторических сочинениях дополнялся образом Киева, что основательно раскрыл А. Г. Брикнер, занимаясь историей Екатерины II. Историк писал, что «Императрица была недовольна Киевом. Ее поразили невзрачный вид зданий в губерниях, состоявших в ведении фельдмаршала графа Румянцева. Киев она находила, что улицы грязны и дурно мощены, а постройки вообще в дурном состоянии и лишены всякого изящества. Ей досадно было видеть, что в Киеве не заботились об украшениях, которые она встречала проездом в городах гораздо менее значитель-

¹³⁴ Костомаров Н. И. Повесть об освобождении Москвы от поляков 1612 году и избрание царя Михаила. URL: <http://istrorijarossii.narod.ru/istbiblioyeka.html> (дата обращения: 10.04.2012).

¹³⁵ Ключевский В. О. Указ. соч. Кн. 1. С. 52.

¹³⁶ Там же. Кн. 3. С. 326.

¹³⁷ Там же. С. 340.

ных»¹³⁸. Однако следом А. Г. Брикнер приводит письма Екатерины II Циммерману и Салтыкову, в которых она отмечала, что «Киев по своему положению есть место совершенно живописное. От прежнего его великолепия остались одни только церкви <...> У нас здесь четыре гранд д`Еспань, князья имперские без счета, поляков тьма, англичане, американцы, французы, немцы, швейцарцы; на многих страницах имена их и не прочтешь; с роду столько иноязычных я не видала, – даже киргизы и те здесь очутились, и все сие по киевским хижинам живет...»¹³⁹. Однозначное отношение к пространству Украины и к самому Киеву отсутствует и у спутников императрицы.

Образ исторической Украины дополнялся у русских историков образом реальной Украины. Однако необходимо отметить, что Украина как целостное образование для русского исторического сообщества перестала существовать. Она представляла собой мозаику, в которой основным значимым элементом выступал университет. Он выступал основным мерилем всего пространства, именно он придавал основную ценность и значимость территории. Для русского исторического сообщества второй половины XIX в. актуализировались, как правило, места, где располагались университеты и научные центры.

Отношения между столичными и украинскими учеными стали складываться еще в первой половине XIX века. Ярким примером служит переписка между М. П. Погодиным и М. А. Максимовичем. М. П. Погодин неоднократно посещал Киев, уделял внимание историческим работам киевлян, читал киевские издания. «Твоей Истории словесности я получил только вместе с «Киевлянином» 3 экз., один для себя, а другой для Кириевского, и 3-й для Гоголя»¹⁴⁰. М. П. Погодин высоко ценил научные достижения своего украинского коллеги. «Я радуюсь вообще на твои работы <...> Послесловие твое я прочел студентам: оно очень, очень мило и умно»¹⁴¹.

Традицию тесного сотрудничества с украинскими университетами русские историки продолжили и во второй половине XIX века. Однако, отношения были далеко неоднозначными. В одном из писем А. А. Котляревскому И. В. Цветаев писал: «<...> Если сравнить прожитые месяцы здесь с соответственным временем прошлого года, то невольно сжимается сердце от тяжелой боли, при воспоминании о Киевской жизни <...>»¹⁴². Вопрос об украинском университете поднимает и другой русский историк М. А. Дьяконов. В одном из писем к С. Ф. Платонову он, будучи преподавателем Дерптского университета, советуется с коллегой относительно возможного перехода в Одессу: «Я до сих пор еще не смог решить этого вопроса окончательно, т. к. хотя и очень желательно перейти отсюда в русский университет, но против Одессы очень много возражений: она и дорога и очень далека от Питера; тамошний юридический факультет прославился на всю Россию, да и студенчество там сомнительное:

¹³⁸ Брикнер А. Г. Путешествие Екатерины II в Крым. URL: <http://www.bibliotekar.ru/-reprint-46/21.htm> (дата обращения: 03.06.2012).

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу. СПб., 1882. С. 23.

¹⁴¹ Пономарев С. М. П. Погодин в его отношениях к Киеву. Киев, 1875. С. 9.

¹⁴² Российская национальная библиотека (далее – РНБ). Ф. 386. Д. 123. Л. 6.

евреи, греки, армяне и прочие культурные нации. В случае какой-либо работы до Москвы и до Питера не так легко доскочить»¹⁴³.

Вопрос о смене университета поднимает в своей переписке с С. Ф. Платоновым П. Н. Милюков, в ответном письме он получает ответ: «<...> Из П[етер]б[урга] в Москву будет труднее перебраться, чем из Одессы, ибо, если Вы не станете приват-доцентом здесь, Вы выйдете из М[инистерства] Нар[одного] Пр[освещения] в другое место. Хотя Лицей дает «великолепные» награды (тайного советника!) и хорошую пенсию, но отдалит Вас от университета <...> В этом отношении из Одессы переход в Москву, простой переход с кафедры на кафедру, будет естественнее, законнее, легче <...> Одесса лучше П[етер]бурга с одним Лицеом, но равна П[етер]бургу с Лицеом и университетом»¹⁴⁴.

В целом, можно говорить о том, что в представлениях русского исторического сообщества второй половины XIX в. находят отражение разнообразные образы Украины. Такая многослойность образа пространства, его сложность и неоднозначность подчеркивают идентификационные искания русского исторического сообщества второй половины XIX века. Через сложную систему сравнений, эпитетов, коннотаций, смысловых оттенков русские историки пытались вписать Украину в «свое» пространство, как на уровне исторических исследований, так и на уровне научных практик.

О. В. Богомазова (Челябинск)

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ СООБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ: УВЕКОВЕЧИВАНИЕ ПАМЯТИ О В. О. КЛЮЧЕВСКОМ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Вненаучные практики являются неотъемлемым сопровождением научной жизни представителей академического сообщества¹⁴⁵. Одной из устойчивых форм корпоративных университетских традиций являются мемориальные практики, связанные с увековечением памяти о «корпоративных героях», среди которых в первые десятилетия XX в. появляется имя Василия Осиповича Ключевского. По наблюдению Е. А. Вишленковой, российские университеты рубежа XIX–XX в. являлись носителями и одновременно – творцами богатой мемориальной культуры¹⁴⁶. Практики «вспоминания» в научном сообществе отличались многообразием, имея при этом специфиче-

¹⁴³ РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2857. Л. 26 об.

¹⁴⁴ Письма С. Ф. Платонова П. Н. Милюкову // Мир историка. Век XX / под ред. А. Н. Сахарова. М., 2002. С. 380.

¹⁴⁵ См.: *Алеврас Н. Н.* Что такое «историографический быт»? Из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции // Историческая наука сегодня. Теории, методы, перспективы / под. ред. Л. П. Репиной. М., 2011. С. 516–534.

¹⁴⁶ См.: *Вишленкова Е. А.* Мемориальная культура российского университета XIX века // Мир историка: историографический сборник / под. ред. В. П. Корзун, С. П. Бычкова. Омск, 2011. Вып. 7. С. 81–94.

ские формы, и одновременно несли отпечаток общекультурных традиций. Учитывая это, в центр исследовательского внимания поставлены мемориальные традиции историко-научной среды первой трети XX в., связанные с увековечением памяти об ученом; основной задачей стало выявление, описание и обозначение места коммемораций, посвященных В. О. Ключевскому, в корпоративной культуре.

К 1890-м гг. сформировались очертания научной «школы Ключевского». Этот процесс происходил не столько усилиями ее лидера, сколько стремлением его учеников к объединению вокруг научного авторитета мэтра исторической науки¹⁴⁷. Возможно, именно эта осознанная консолидация в среде учеников В. О. Ключевского заложила основу крепких коммеморативных традиций, посвященных учителю. Отметим, что часть мемориальных академических традиций была связана с юбилейными чествованиями университетского «героя» еще при его жизни. К примеру, торжественно были отмечены научные юбилеи В. О. Ключевского: 20-ти, 25-ти и 30-летие работы в Московской Духовной академии, Московском университете¹⁴⁸.

После смерти ученого, 12 мая 1911 г., берут начало посмертные коммеморативные практики как религиозного, так и корпоративного характера. В данном случае мы сосредоточимся на актах увековечения памяти об ученом-историке в пространстве корпоративных традиций.

На основе материалов протоколов заседаний историко-филологического факультета Московского университета можно сделать вывод о том, что в до-революционной корпоративной культуре этого учебного заведения практики поминовения скончавшихся коллег были распространенным явлением¹⁴⁹. По мнению ряда исследователей академической мемориальной культуры¹⁵⁰, групповое прошлое, выраженное в мемориальных традициях, является важным фактором консолидации корпорации и способствует формированию идентичности в научном сообществе в целом. Относясь к практикам самоопределения, коммеморация не может ограничиваться просто актом «вспоминания», инвокация прошлого должна экстериаризироваться для совместных переживаний и чтобы произвести впечатление на окружающих. Отсюда появляются различные формы проявления корпоративной коммеморации, которые мы рассмотрим ниже.

Поскольку В. О. Ключевский был ученым, который вел не только научную, но и активную общественную жизнь, то члены многих общественных, научных и государственных организаций, узнав о его кончине, почтили па-

¹⁴⁷ См.: *Алеврас Н. Н.* В.О. Ключевский и его школа (фрагменты лекционного курса «Отечественная историография») // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2005. № 2. С. 111–112.

¹⁴⁸ См.: Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 229. Оп. 5. Д. 643. Л. 40, 59; Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности (5 дек. 1879–5 дек. 1909). М., 1909. 828 с.

¹⁴⁹ См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 43. Л. 12; Д. 43. Л. 55, 61 об.

¹⁵⁰ См.: *Вишленкова Е., Мальшева С., Сальнюкова А.* История университета как история памяти корпорации? // *Ab Imperio.* Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. Тема года 2004: Археология памяти империи и нации. № 3. 2004. С. 271–310; *Савельева И. М.* «Уроки истории» ученой корпорации // Мир историка: историографический сборник. С. 63–80.

мять историка *вставанием*. Эту мемориальную традицию поддержали в Петербургской городской думе¹⁵¹; на Торжественном заседании Исторической комиссии учебного отдела Общества распространения технических знаний; на мемориальном заседании Общества славянской культуры¹⁵²; на заседании Совета историко-филологического факультета Московского университета. Кроме того, на последнем из перечисленных заседаний было утверждено посмертное введение заслуженного ординарного профессора В. О. Ключевского в звание «почетного члена совета Московского университета»¹⁵³.

Панихиды, проводимые в последующие после смерти В. О. Ключевского годы, собирали всех, кому была дорога память о нем. В 1912 г., 5 января, в доме покойного историка собрались его ближайшие ученики и родственники, чтобы почтить память учителя и отца. В их числе оказался и приехавший из Санкт-Петербурга С. Ф. Платонов¹⁵⁴. В 1916 г., 12 мая, панихида по Ключевскому была проведена в Донском монастыре. По дневниковым записям М. М. Богословского отмечаем, что на ней присутствовали представители старого и нового поколений московских историков, коллеги и друзья Ключевского по Московской Духовной академии¹⁵⁵.

В дневнике Ю. В. Готье отмечено, что (12) 25 мая 1918 г. в Большом Донском монастыре состоялась панихида «по случаю годовины» Ключевского¹⁵⁶. На основе этого можно сделать заключение о том, что церковные панихиды по Ключевскому проводились и в первый год после революции. Отметим, что своего учителя Ю. В. Готье часто вспоминал в контексте рассуждений историка о возможности русской революции и тех бедствий, которые она может принести для России. В 1918–1920-х гг. его ученикам приходилось переносить эти тяготы, в их глазах В. О. Ключевский выглядел пророком.

Торжественные памятные чтения и доклады, посвященные юбилеям Ключевского, состоявшиеся в различных аудиториях, представляют очередную группу коммеморативных практик академического сообщества. По опубликованным материалам мемориальных докладов можно выявить, где проходили заседания в память о В. О. Ключевском, определить контингент присутствовавших и представить себе обстановку подобных чтений. Рассмотрим здесь лишь некоторые из многих состоявшихся мемориальных собраний.

Как уже отмечалось, потеря ученого не осталась незамеченной в обществе. Представители Московской городской думы после собрания в память о В. О. Ключевском, состоявшемся 17 мая 1911 г., единогласно постановили «выразить семье почившего соболезнование <...> по случаю понесенной тяжелой

¹⁵¹ См.: Отголоски кончины. В Москве. В Петербурге // Русское слово. 1911. № 101. 14 (27) мая. С. 10.

¹⁵² См.: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 131. К. 24 (б). Д. 33. Фш. 5–87/85. V.

¹⁵³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 38. 1911 г. Л. 6, 13.

¹⁵⁴ См.: *Колобков В. А. С. Ф. Платонов и В. О. Ключевский* (За строкой некролога. По материалам архива С. Ф. Платонова) // Ключевский. Сб. матер. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 140.

¹⁵⁵ См.: *Богословский М. М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея* / Отв. ред. С. О. Шмидт; вступ. ст. С. О. Шмидта; публ. и коммент., биогр. справка Е. В. Неберекутиной и Т. В. Сафроновой. М., 2011. С. 188.

¹⁵⁶ См.: *Готье Ю. В. Мои заметки*. М., 1997. С. 144.

утраты»¹⁵⁷. Память историка почтили на заседании Русского военно-исторического общества¹⁵⁸, в Отделении русского языка и словесности петербургской Академии наук¹⁵⁹. Общество славянской культуры организовало публичное заседание, посвященное памяти историка. Заседание прошло 18 декабря в большой аудитории Политехнического музея. Данное мероприятие было платным, для всех желающих входной билет стоил 2 рубля. В «Русских ведомостях» был описан ажиотаж публики, занявшей не только все места в зале, но и столпившейся вдоль стен, на лестницах. Эстраду украшал портрет В. О. Ключевского, «окруженный зеленью и белыми цветами»¹⁶⁰.

Через полгода после кончины историка в его честь были проведены торжественные заседания в Историческом обществе Нестора-Летописца¹⁶¹ и в ОИДР, где историк долгое время был председателем. На заседании ОИДР было обозначено принятое ранее решение: «посвятить <...> книгу Чтений» памяти В. О. Ключевского, планировалось опубликовать все зачитанные в «чрезвычайном заседании» доклады, воспоминания о нем, биографические материалы и библиографические списки¹⁶².

Десятилетняя годовщина В. О. Ключевского была отмечена «торжественным собранием» в Петроградском Доме литераторов. Выступавший с докладом А. В. Амфитеатров отмечал, что «громадный посмертный успех Ключевского» – свидетельство того, «что русскому человеку, по прежнему, дорого его самосознание». Он говорил о всемирной значимости историка, который завоевал это положение благодаря своей «национальной оригинальности», открывающей двери в «международность», как это было сделано Пушкиным, Толстым, Достоевским, Мусоргским¹⁶³.

Поводом для проведения торжественных памятных чтений становились не только годовщины смерти, но и день рождения В. О. Ключевского, отмечаемый в 1916 и 1919 годах. Авторы докладов поясняли необходимость их выступлений «осознанием нравственного долга перед почившим историком»¹⁶⁴. Слушавший мемориальный доклад М. М. Богословского Ю. В. Готье писал, как в его «мастерском изложении <...> ожили воспоминания о Московском университете за 80-е и начало 90-х гг., когда университет был еще умственным центром Москвы». На слушателей «пахнуло чем-то далеким,

¹⁵⁷ НИОР РГБ. Ф. 131. К. 24 б. Д. 19.

¹⁵⁸ См.: Сообщение о докладе А. К. Баиова «Значение В. О. Ключевского для русской военно-исторической науки» на заседании нового «Разряда истории войск» Русского военно-исторического общества // Журнал Русского военно-исторического общества. 1911. Кн. 6. Отд. IV. С. 1–10.

¹⁵⁹ См.: *Котляревский В. А.* [Некролог о В. О. Ключевском] // Отчет о деятельности отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук за 1911 г. СПб., 1911.

¹⁶⁰ Объявление // Русские ведомости. 17 декабря. 1911. № 290.

¹⁶¹ См.: *Смирнов П. П.* В. О. Ключевский. Доклад, прочитанный 12 ноября 1911 г. в заседании Исторического Общества Нестора-Летописца, посвященного памяти В. О. Ключевского.

¹⁶² См.: Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1914 год. Кн. 1. Двести сорок восьмая. М., 1914. С. V.

¹⁶³ См.: *Амфитеатров А. В.* В. О. Ключевский, как художник слова // Литературный альманах «Грани». Кн. I. Берлин, 1922. С. 175–197.

¹⁶⁴ *Шпаков А. Я.* В. О. Ключевский. К 75-летию со дня рождения. Одесса, 1916. (Оттиск из XXXIII тома «Записок Императорского Одесского Общества Истории и Древностей»). С. 3–6.

хорошим, навсегда ушедшим»¹⁶⁵. Эти воспоминания о В. О. Ключевском в первые послереволюционные годы вызывали волну ностальгических ассоциаций с прошлым, университетом, научной эпохой, которая ушла навсегда.

Юбилей историка В. О. Ключевского объединили многих русских интеллектуалов, пребывавших в разных городах: Москва и Петербург, Одесса, Витебск, Нижний Новгород, Рязань. Кроме того, в рамках открытых мемориальных чтений происходило знакомство широкой публики с фигурой великого ученого. Все мероприятия, посвященные памяти В. О. Ключевского, выдерживались в академическом стиле, торжественные публичные собрания и чтения докладов выстраивались в традициях дореволюционного научного этоса, воссоздавая ориентир для корпоративной культуры нового поколения историков.

Закономерно, что преподавательская деятельность и принадлежность к профессорской академической среде отразилась на формах меморизации В. О. Ключевского. Одной из специфических корпоративных форм увековечения памяти об историке стало *учреждение именных стипендий и премий*. Интересно, что принятие подобных решений происходило не только «во имя», но и «вопреки». Например, в одном из любимых учебных заведений Василия Осиповича – Училище живописи ваяния и зодчества – у преподавателей возникла идея «почтить память В. О. учреждением при училище стипендии его имени» взамен венка, возложение которого на могилу противоречило бы воле покойного¹⁶⁶.

Первое учреждение стипендии в Московском университете было инициировано Московской городской думой в декабре 1911 года¹⁶⁷. Сумма в 360 руб., выплачиваемая студентам, была эквивалентна Ломоносовской стипендии в Московском университете. Этот жест памяти свидетельствовал о высокой оценке среди москвичей вклада В. О. Ключевского в развитие культуры и науки их города.

В свете подобной гражданской инициативы в Московском университете в 1913 г. было принято решение почтить память В. О. Ключевского так же, как и «его великого учителя С. М. Соловьева», и возбудить ходатайство об учреждении при университете стипендии его имени «для оставленных при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории, а также и премии за лучшие сочинения по русской истории и истории русской церкви»¹⁶⁸. Для создания стипендиального фонда был открыт отдельный банковский счет для внесения пожертвований на адрес Совета университета и разосланы Подписные листы в ряд научных учреждений.

Работа по учреждению именной стипендии Ключевского проводилась на Московских высших женских курсах (МВЖК) с 1912 по 1916 гг. «Стипендиальный капитал памяти профессора В. О. Ключевского» был образован

¹⁶⁵ Готье Ю. В. Указ. соч. С. 263.

¹⁶⁶ См.: Отголоски кончины. В Москве. В Петербурге // Русское слово. 1911. № 101. 14 (27) мая. С. 10.

¹⁶⁷ См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 242. Д. 61. Л. 1; Оп. 243. Д. 66. Л. 1–6; Ф. 634. Оп. 1. Д. 47. Л. 16–20.

¹⁶⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 242. Д. 61. Л. 1; Ф. 418. Оп. 476. Д. 38.

на пожертвования З. А. Фальевой и предназначался для оплаты обучения одной из слушательниц историко-филологического факультета¹⁶⁹.

Отметим, что фонды именных стипендий пополнялись разными способами. Вышеприведенные примеры, иллюстрирующие создание стипендиальных фондов имени В. О. Ключевского, можно сравнить с формированием подобных именных фондов в Московском университете и на МВЖК. В частности, в Московском университете стипендия имени Т. Н. Грановского была учреждена на пожертвования, сделанные Я. М. Неверовым¹⁷⁰. А стипендия имени Н. И. Крылова создавалась на деньги, собранные его учениками¹⁷¹. Оригинален случай с доктором А. А. Понятовским – он сам завещал свои накопления в стипендиальный фонд Московских высших женских курсов: 8 тыс. рублей, из них – 100 руб. шли в счет оплаты обучения, а остальные деньги (не менее 304 руб.) выдавались стипендиатам на руки¹⁷².

Именованье библиотек, училищ, школ – еще одна форма увековечения памяти об ученом-историке. В мае 1912 г. на родине В. О. Ключевского, в Пензе, предполагалось «устройство библиотеки его имени»¹⁷³. В 1918 г. одной из школ в Пензе было присвоено имя историка. Санкт-Петербургская городская дума в 1914 г. решила назвать именем В. О. Ключевского одно из будущих четырехклассных училищ и открыть (его же имени) бесплатную читальню¹⁷⁴.

В связи с тем, что в 1920–1930-е гг. историография была в ряду тем, проблемных для официальной науки, коммеморативные практики, посвященные В. О. Ключевскому, переходят в иную нишу общественно-научной деятельности – в область краеведения. В течение года, с осени 1927 по октябрь 1928 гг., Комитетом по охране могил выдающихся деятелей Общества изучения Московской губернии велась работа по установке надгробного памятника на могиле В. О. Ключевского. Первое заседание особой комиссии Комитета состоялось 21 января 1928 года. Приглашенные на него ученики В. О. Ключевского, М. К. Любавский, Ю. В. Готье, М. М. Богословский, С. В. Бахрушин, заявили, что еще годом ранее обсуждали вопрос о необходимости установки памятника и креста на могиле историка. В их кругу неоднократно озвучивалась и мысль об установке отдельного памятника ученому.

Первоначальный проект, предложенный С. К. Богоявленским, предполагал памятник из светлого камня – «какова была мысль В. О. Ключевского»¹⁷⁵. Но впоследствии, из-за недостатка материала, для памятника была найдена плита красного цвета. Средства на сооружение мемориала собирались путем пожертвований различных учреждений и отдельных лиц через подписные листы, разосланные Комитетом¹⁷⁶. В свою очередь, архитектор

¹⁶⁹ См.: ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 140. Л. 39–45.

¹⁷⁰ См.: Там же. Ф. 418. Оп. 224. Д. 48.

¹⁷¹ См.: Там же. Д. 57.

¹⁷² См.: Там же. Ф. 363. Оп. 1. Д. 140. Л. 43.

¹⁷³ Селиванов А. Ф. Петербург // Пензенские ведомости. 19 мая. № 122. 1912.

¹⁷⁴ См.: Савин О. М. В. О. Ключевский в пензенской дореволюционной печати // Ключевский. Сб. матер. С. 247. К сожалению, пока подтвердить реализацию этих идей с помощью архивных данных не удалось.

¹⁷⁵ НИОР РГБ. Ф. 177. К. 31. Д. 45. Л. 9.

¹⁷⁶ См.: Там же. Д. 43. Л. 9–10; Ф. 177. 55 л. Л. 21–36.

Н. А. Пустоханов обещал безвозмездное содействие в подготовке и установке плиты на место.

В итоге, 4 октября 1928 г., общими стараниями историков и краеведов было открыто заседание секции «Старая Москва», предшествующее открытию памятника¹⁷⁷. На нем был представлен доклад М. М. Богословского в память об учителе. Его речь заканчивалась словами: «Придет время, когда В. О. будет поставлен памятник как выдающемуся научному деятелю»¹⁷⁸. Из этих слов можно сделать вывод о том, что ученики В. О. Ключевского, как и некоторые другие участники Комитета¹⁷⁹, питали надежду в будущем увидеть полноценный памятник историку в городе.

Вскоре по всей Москве разошлись извещения об открытии памятника на могиле профессора В. О. Ключевского, которое состоится 7 октября на кладбище бывшего Донского монастыря¹⁸⁰. При открытии памятника прозвучали выступления А. И. Яковлева, Н. П. Розанова, В. А. Адольфа, М. С. Саламытовой, И. К. Линдемана, С. И. Бахрушина, М. К. Любавского, М. Н. Розанова, Н. Д. Моргуновой, П. П. Корнева и П. Н. Миллера. Выступал ли с речью сын историка, Борис Ключевский, – неизвестно, в имеющихся архивных источниках не найдено упоминаний об этом. Председатель комиссии, П. Н. Миллер, заканчивая торжественное собрание при открытии памятника, выразил пожелание: «К нему не зарастет народная тропа». Эта строка из А. С. Пушкина, с одной стороны, показывает высокой интерес общества конца 1920-х гг. к этому мемориальному месту и к фигуре В. О. Ключевского, что, в частности, выражалось в большом потоке посетителей могилы историка¹⁸¹. С другой – она символизирует вписанность образа В. О. Ключевского в российскую культуру, отсылая к литературному наследию XIX в. и научному наследию великого историка.

Кроме недостатка материальных средств, инициативная группа, занимавшаяся установкой памятника на могиле В. О. Ключевского и других деятелей науки и искусства, встретила с трудностями идеологического характера. В конце 1920-х гг. запрещалось устанавливать «религиозные» символы на свежих могилах ученых, сносились кресты на старых надгробиях. Кладбища превращались в парки для прогулок и музеи под открытым небом, кресты там были ни к чему¹⁸². В этой ситуации пришлось отказаться от установки креста взамен рухнувшего деревянного.

Подводя итоги, отметим, что коммеморативные практики, как правило, имеют привязку к юбилейным датам (5, 10, 15, 20-летиям). Близкие ученики и родные историка, по крайней мере, в первое десятилетие после кончины В. О. Ключевского, отмечали годовщины панихидами или неформальными «поминками», собираясь в доме историка. Круг лиц, принимавших

¹⁷⁷ См.: НИОР РГБ. Ф. 177. К. 2. Д. 10. Л. 1–1 об. См. также: Иванова Л. В. «Старая Москва» и увековечение памяти В. О. Ключевского // Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1994. С. 200–202.

¹⁷⁸ НИОР РГБ. Ф. 177. К. 2. Д. 10. Л. 1–1 об.

¹⁷⁹ См.: Там же. Л. 9.

¹⁸⁰ См.: АРАН. Ф. 640. Оп. 1. Д. 41. Л. 1, 2.

¹⁸¹ См.: НИОР РГБ. Ф. 177. К. 31. Д. 45. Л. 10–12..

¹⁸² См.: Ученые кресты // Газета «Вечерняя Москва». 12.08.1929. (О критике деятельности Комитета и Комиссии по благоустройству кладбищ).

участие, с одной стороны, можно обозначить именами его учеников. Но, с другой стороны, в процесс коммеморации был вовлечен широкий круг людей, целенаправленно или опосредованно участвовавших в памятных мероприятиях (похоронах, учреждении стипендий, слушаниях воспоминаний и докладов на вечерах памяти, установке памятника и т. п.).

Несомненно, в период с 1911 по начало 1930-х гг. мемориальные традиции сообщества историков приобретают свою специфику, подчиненную влиянию сложившейся социокультурной ситуации – революция, гонения на историков «старой школы», их уход из науки, из университетов в музеи и краеведческие организации, эмиграция (в том числе и «внутренняя»). И в этих условиях мемориальная деятельность затихает, «уходит в подполье»; не получая поддержку со стороны официальных институтов, становится частным делом небольших сообществ, объединенных одной идеей – идеей о необходимости сохранения памяти о «корпоративных героях», предшественниках, учителях. В этот период ученики В. О. Ключевского, оставшиеся в Москве, старались держаться вместе и поддерживать друг друга. Сознательное окружение себя антуражем прошлой жизни в симбиозе с коммеморативными традициями стало разновидностью стратегии выживания в новых условиях. Воспоминания об учителе стали одной из практик, консолидирующих это сообщество историков, позволяя осмыслить настоящее. Рассмотренные мемориальные практики, посвященные В. О. Ключевскому, демонстрируют осознанную реакцию зрелого научного сообщества на значимую для него утрату, концентрируют идею о необходимости сохранения памяти научной корпорации в условиях трансформирующейся социокультурной ситуации.

Н. В. Кузнецова (Волгоград)

ВЛАСТЬ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВУЗОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1945–1953 ГОДАХ

После Великой Отечественной войны советское руководство усилило внимание к интеллектуальной элите общества в целом и научно-педагогическим работникам в частности. Это было вызвано рядом факторов: огромными масштабами и сложностью восстановительных работ; политическими целями ВКП (б); частичными изменениями в общественном сознании, а также переходом от сотрудничества к конфронтации с Западом. От работников высших учебных заведений зависел не только квалификационный уровень подготовки специалистов для всех отраслей народного хозяйства, но и идейно-политическое и нравственно-психологическое состояние советского общества. Не случайно послевоенные годы ознаменовались чередой идеологических кампаний, прямо или косвенно затрагивавших преподавательские кадры высшей школы, ужесточением контроля за их составом, качеством и идейной направленностью работы.

В данной статье внимание сосредоточено на таких формах воздействия власти на научно-педагогических работников во второй половине 1940-х –

начале 1950-х гг. как включение их в номенклатуру партийных и советских органов власти; расширение партийной прослойки в вузах; регулирование национального состава преподавателей; проверки учебных заведений специальными комиссиями; сбор компрометирующих материалов на представителей вузовской интеллигенции.

Все ответственные работники высших учебных заведений и значительная часть рядовых преподавателей могли назначаться на должность и увольняться с нее только с согласия соответствующего органа власти. В первые послевоенные годы произошла частичная децентрализация номенклатурной системы. В соответствии с приказом № 86 министра высшего образования СССР от 8 февраля 1947 г. в ведении министерства осталось 4350 должностей вместо 18719 на 1 сентября 1946 г.: директора высших учебных заведений (кроме учительских и заочных), их заместители и деканы факультетов, руководители вузовских НИИ, заведующие кафедрами марксизма-ленинизма, политэкономии, права, истории СССР, философии и логики. При этом были расширены полномочия Главных управлений высших учебных заведений. Одновременно 1882 важнейшие должности – директоров вузов, заместителей директоров по учебной и научной работе самых крупных учебных заведений, заведующих кафедрами общественных наук и работников аппарата МВО – входили в номенклатуру ЦК ВКП (б)¹⁸³.

Неудовлетворенность Центрального Комитета партии преподаванием общественно-политических дисциплин побудила его к принятию решения от 13 июня 1949 г. о персональном утверждении МВО СССР работников кафедр марксизма-ленинизма, политэкономии и философии, численность которых составила в 1949/1950 г. 4651 человек¹⁸⁴. Кроме того, как и в предыдущие годы, все они составляли номенклатуру местных партийных органов. Таким образом, расширились возможности непосредственного влияния центральных и местных органов власти на комплектование преподавательских кадров.

Особое внимание было уделено увеличению числа коммунистов в вузовских коллективах. Согласно отчету министра высшего образования В. Столетова в ЦК ВКП (б), к концу 1950/1951 учебного года партийная прослойка во всех категориях вузов СССР достигла в среднем 41,1%. Наибольший процент членов и кандидатов в члены ВКП (б) имел место в юридических институтах, наименьший – в университетах¹⁸⁵.

По этому показателю в Нижневолжском регионе также выделялся юридический институт. Доля коммунистов среди работников Саратовском юридическом институте увеличилась с 61,5% в 1947/1948 г. до 68,5% в 1950/1951 г. и 78,2% в 1952/1953 году¹⁸⁶.

В то же время партийная прослойка в Саратовском государственном университете была выше среднестатистических показателей. Уже в 1947/1948 г. она составила 39,6%, а в конце 1950/1951 учебного года

¹⁸³ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 9396. Оп. 13. Д. 4. Л. 4–6.

¹⁸⁴ См.: Там же. Д. 33. Л. 203.

¹⁸⁵ См.: Там же. Д. 65. Л. 18; Д. 109. Л. 7.

¹⁸⁶ Подсчитано по: Там же. Оп. 2. Д. 209. Л. 4; Д. 561. Л. 26; Д. 772. Л. 24.

63,6%¹⁸⁷, что объясняется пристальным вниманием партийных органов к СГУ как ведущему научно-образовательному учреждению не только в Саратовском Поволжье, но и в целом в Нижневолжском регионе. Стабильно высоким (около 50% в течение всего изучаемого периода) оставался удельный вес коммунистов среди работников Саратовского экономического института. Заметно выросла доля партийных преподавателей в Астраханском рыбвтузе, Сталинградском педагогическом институте, медицинских вузах Саратова и Сталинграда¹⁸⁸.

Вместе с тем, ниже общесоюзных были показатели уровня партийности кадров в двух группах учебных заведений региона. Во-первых, в быстро растущих вузах, пополнявшихся в основном за счет собственных выпускников: автодорожном и институте механизации сельского хозяйства (г. Саратов), механическом (г. Сталинград) и др. Во-вторых, в институтах, считавшихся второстепенными – таких как педагогический и медицинский в г. Астрахани. Но и в этих вузах удельный вес коммунистов стал немалым – от 31 до 37% в 1951/1952 учебном году¹⁸⁹. Наличие большого количества коммунистов в вузах обеспечивало поддержку их коллективами всех направлений политики ВКП (б), ее проведение среди студенчества и других слоев населения.

Советское руководство предприняло также попытку регулирования национального состава работников научно-образовательных учреждений, вызванную в первую очередь проведением антиеврейской кампании. Постановлением № 832 от 20 марта 1948 г. правительство обязало все министерства ежегодно осуществлять персональный учет кадров по этническому признаку. При этом ЦСУ СССР получило указание дополнить сводный отчет МВО пятым разделом: «Национальный состав научных работников»¹⁹⁰. О представительстве различных национальностей в вузах Нижневолжского региона свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица № 1

Национальный состав научно-педагогических работников саратовских институтов в 1947/1948, 1950/1951 и 1952/1953 учебных годах (в процентах)¹⁹¹

Институты	Национальный состав	Учебные годы		
		1947/1948	1950/1951	1952/1953
Автодорожный ¹⁹²	русские	81,8	76,1	78,2
	евреи	11,9	16,8	15,7

¹⁸⁷ Подсчитано по: ГА РФ. Д. 147. Л. 81; Д. 447. Л. 20.

¹⁸⁸ См.: Там же. Д. 188. Л. 7; Д. 543. Л. 5; Д. 725. Л. 7; Государственный архив современной документации Астраханской области (далее – ГАСДАО). Ф. 325. Оп. 6. Д. 54. Л. 273; Оп. 23. Д. 275. Л. 41; Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 30. Д. 133. Л. 1; Д. 189. Л. 17.

¹⁸⁹ См.: ГА РФ. Ф. 9396. Оп. 3. Д. 473. Л. 122; Оп. 4. Д. 329. Л. 52; Оп. 5. Д. 774. Л. 16; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 20. Д. 295. Л. 152; Д. 376. Л. 18.

¹⁹⁰ См.: ГА РФ. Ф. 9396. Оп. 13. Д. 65. Л. 133.

¹⁹¹ Подсчитано и составлено по: Там же. Оп. 2. Д. 188. Л. 7; Д. 209. Л. 3-4; Д. 543. Л. 5; Д. 561. Л. 26; Д. 772. Л. 24; Д. 894. Л. 6; Оп. 4. Д. 154. Л. 5; Д. 329. Л. 58; Д. 641. Л. 16.

¹⁹² Данные по автодорожному институту приведены за 1949/1950 учебный год.

	украинцы	4,4	4,5	3,9
	мордва	---	1,3	1,1
	прочие	1,9	1,3	1,1
Экономический	русские	82,7	80,0	82,3
	евреи	12,3	11,4	11,4
	украинцы	4,9	5,7	2,5
	прочие	---	2,9	3,8
Юридический	русские	73,8	61,4	57,7
	евреи	21,5	22,8	28,9
	украинцы	1,5	7,0	1,9
	татары	1,5	3,5	1,9
	прочие	1,5	5,3	9,6

Из показателей таблицы 1 следует, что во всех вузах Саратова преобладали русские. Второе место занимали представители еврейской национальности. Несмотря на антисемитский характер послевоенных идеологических кампаний, их доля оставалась относительно стабильной. В юридическом институте она стала более заметной в связи с сокращением наличного контингента преподавателей за счет русских с 35 в 1950–1951 г. до 30 в 1952/1953 г. при увеличении числа евреев с 13 до 15¹⁹³. На третьем месте находились украинцы, представленные среди научно-педагогических кадров всех высших учебных заведений региона. В отдельных вузах работали также лица других национальностей – татары и мордва, армяне и азербайджанцы, латыши и поляки, немцы и корейцы, но их численность исчислялась единицами. Такая же ситуация, отражавшая этнический состав Нижневолжского региона, была характерна и для вузов Астрахани и Сталинграда¹⁹⁴.

Все это позволяет сделать вывод, что введение учета национального состава научно-педагогических работников имело в основном предупредительно-устрашающий характер. В условиях дефицита высококвалифицированных кадров в провинциальных вузах оно редко сопровождалось увольнением или понижением в должности лиц еврейской национальности. Власть действовала более гибко, создавая различного рода препятствия на пути их научного и карьерного роста.

Общие данные по стране свидетельствуют о типичности положения в вузах Нижневолжского региона. Из отчета министра МВО В. Столетова в ЦК ВКП (б) следует, что к июню 1951 г. 61,2% преподавателей высшей школы составляли русские, 12,3% – евреи, 10,7% – украинцы, 15,8% – представители других национальностей¹⁹⁵. Для успокоения вождей, стремившихся не допустить «еврейского засилия» среди интеллектуалов, министерство предоставило и другие сведения. По состоянию на 1 октября 1950 г. по доле преподавателей, имевших ученые степени, впереди находились грузины (53,8%), армяне (44,6%), узбеки (43,3%), евреи (43,1%) и русские (36,5%)¹⁹⁶. Тем самым подчеркивалось, что уровень образования научно-

¹⁹³ См.: ГА РФ. Оп. 2. Д. 543. Л. 5; Д. 725. Л. 7.

¹⁹⁴ См.: Там же. Д. 142. Л. 81; Оп. 3. Д. 473. Л. 125; Оп. 5. Д. 400. Л. 16; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 20. Д. 294. Л. 32; Д. 295. Л. 152; Д. 376. Л. 18; Оп. 23. Д. 275. Л. 41; ЦДН ИВО. Ф. 113. Оп. 30. Д. 133. Л. 2.

¹⁹⁵ См.: ГА РФ. Ф. 9396. Оп. 13. Д. 109. Л. 7.

¹⁹⁶ См.: Там же. Д. 65. Л. 26–27.

педагогических кадров у грузин был значительно выше, чем у других народов. Вслед за этим в справке приведены более конкретные данные, позволившие автору статьи составить табл. 2.

Таблица № 2

Доля докторов и кандидатов наук среди преподавателей различных национальностей вузов и научных учреждений Министерства высшего образования СССР на 1 октября 1950 года¹⁹⁷.

Национальность	Всего преподавателей	Доктора наук		Кандидаты наук	
		Число	%	Число	%
Русские	23 220	1 350	5,8	7 152	30,8
Евреи	5 027	297	5,9	1 870	37,2
Украинцы	3 920	115	2,9	1 213	30,9
Грузины	1 004	97	9,7	442	44,0
Армяне	809	50	6,2	311	38,4
Узбеки	180	5	2,8	73	40,6

По общему числу «остепененных» преподавателей евреи, особо беспокоившие ЦК ВКП (б), уступали только русским, хотя их доля в составе населения СССР была невелика. Количество же докторов наук еврейской национальностей превышало численность представителей всех других народов, названных в табл. 2, кроме русских – грузин, армян, украинцев и узбеков, вместе взятых. В такой ситуации советское руководство не могло не ограничивать размах и направленность антисемитской политики.

В послевоенные годы важное значение придавалось проверкам высших учебных заведений центральными и местными партийными и советскими органами власти. В Нижнем Поволжье чаще других инспектировались вузы Саратова.

В феврале 1947 г. МВО СССР проверило состояние работы по подбору и расстановке кадров в 27 учебных заведениях страны, в том числе расположенных в Саратове. Судя по содержанию справки управления кадров министерства, эта проверка имела формальный характер. Во-первых, из-за большого объема работы – только в Саратове она распространялась на 445 человек (каждого четвертого вузовского работника). Во-вторых, в связи с минимальным количеством конкретных замечаний.

Комиссия оценивала не только профессиональные качества кадров, уровень их общей культуры, но и степень политической лояльности. Ею было предложено освободить от занимаемых должностей четырех вузовских работников Саратова, в том числе проректора по учебной работе СГУ П. С. Фролова, «как не пользующегося политическим доверием», и преподавателя кафедры марксизма-ленинизма зооветеринарного института Р. С. Гутину за ошибки, допущенные при проведении занятий¹⁹⁸.

Повторная проверка саратовских вузов министерством осуществлялась в октябре 1947 года. Члены комиссии Н. Жиромский, В. Кобзев и И. Салун изучали выполнение решений ЦК по идеологическим вопросам, в первую

¹⁹⁷ Подсчитано и составлено по: ГА РФ. Ф. 9396. Оп. 13. Д. 65. Л. 41.

¹⁹⁸ См.: Там же. Д. 4. Л. 69–70.

очередь задач, поставленных в связи с «делом профессоров Ключевой и Роскина». В докладной записке министру МВО С. В. Кафтанову они заострили внимание на том, что в саратовских институтах – медицинском, зооветеринарном и юридическом – многие научно-педагогические работники не читают марксистско-ленинской литературы, а отдельные не всегда знакомятся даже с газетными публикациями. Кроме того, указывалось на малое количество научных работ, посвященных критике буржуазных теорий и показу преимуществ социалистической системы хозяйствования над капиталистической. Это замечание касалось в первую очередь СГУ, педагогического, юридического и экономического институтов, но оно не имело персонифицированного характера и не привело к негативным последствиям для кого-либо из преподавателей¹⁹⁹.

В ходе кампании по борьбе с космополитизмом агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП (б) организовал масштабную проверку состава кафедр марксизма-ленинизма, философии и политической экономии 213 вузов Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Ростова-на-Дону, Казани, Свердловска и Саратова. Ее итоги были подведены в докладной записке Агитпропа секретарям ЦК Г. М. Маленкову и М. А. Суслову 19 мая 1949 года. Помимо детального анализа состава преподавателей по уровню образования, наличию степеней и званий, что делалось и ранее, обращалось внимание на численность членов ВКП (б), их дифференциацию по партийному стажу и национальную принадлежность кадров. В документе содержался вывод, что «некоторая часть преподавателей общественных наук не внушает политического доверия и поэтому не может быть использована на преподавательской работе»²⁰⁰. Этот вывод стал одним из аргументов власти при переходе к более жесткой политике в отношении научно-педагогической интеллигенции.

Среди нижеволжских вузов наиболее ярко это проявилось в Саратовском государственном университете. В связи с постановлением ЦК ВКП (б) от 4 августа 1950 г. положение в СГУ проверила группа ответственных работников МВО во главе с заместителем заведующего сектором вузов отдела агитации и пропаганды ЦК С. И. Сдобновым. Проверившие констатировали наличие крупных недостатков в деятельности университета, в том числе идейно-политического характера²⁰¹. Часть преподавателей обвинялась в «упрощенчестве и вульгаризации важнейших вопросов теории, объективистском изложении материала»²⁰². Отдельные из них (старшие преподаватели кафедры марксизма-ленинизма М. С. Персов и П. В. Котлованов, кафедры политической экономии – А. И. Могилевская, кафедры диамата и истмата – И. С. Серебров) не были утверждены в должности Саратовским обкомом партии как не подходящие по своим политическим и деловым качествам для работы в вузах. По просьбе обкома 5 октября 1950 г. Министерство

¹⁹⁹ См.: ГА РФ. Ф. 9396. Оп. 23. Д. 14. Л. 49–50, 53.

²⁰⁰ Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. С. 411–413.

²⁰¹ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 382. Л. 202–204, 228.

²⁰² Там же. Л. 205.

высшего образования приняло решение об укреплении СГУ «квалифицированными профессорско-преподавательскими кадрами»²⁰³.

Усиление контроля за вузами со стороны ЦК ВКП (б) и МВО сопровождалось активизацией деятельности местных партийных органов. За 1949–1952 гг. все высшие учебные заведения Нижневолжского региона были проверены бригадами обкомов и горкомов ВКП (б), уделивших главное внимание кафедрам общественных наук. Партийные органы действовали по единой схеме. В каждом вузе они находили недостатки в лекциях нескольких преподавателей, которые становились объектом критики на партсобраниях, заседаниях бюро обкомов и горкомов ВКП (б). Результатом проверок стали, во-первых, частичное обновление состава кафедр общественных наук. Во-вторых, были организованы плановые посещения занятий преподавателей не только коллегами, но и деканами, заместителями директоров по научной и учебной работе. В-третьих, в вузовских коллективах стали регулярно изучаться постановления ЦК ВКП (б) и важнейшие редакционные статьи центральных газет по идеологическим вопросам. В-четвертых, увеличилось число текстов лекций, обсуждавшихся на заседаниях кафедр, таких как «О работе В. И. Ленина «Что делать?», «Работы товарища Сталина по языкознанию – неоценимый вклад в сокровищницу марксистско-ленинской науки», «О работе товарища Сталина «Коротко о партийных разногласиях» и др.²⁰⁴.

В итоге преподаватели стали более тщательно подбирать лекционный материал и, как правило, трактовать его в рамках, заданных ЦК ВКП (б). Однако и в конце исследуемого периода местные партийные органы выражали неудовлетворенность состоянием преподавания общественных наук: поверхностным объяснением основных положений «Краткого курса истории ВКП (б)», неумением лекторов убедительно показать преимущества социализма над капитализмом, увязать теоретические вопросы с реальной социально-экономической политикой в СССР и др.²⁰⁵.

Названные выше формы контроля за преподавательскими кадрами вузов дополнялись сбором компрометирующих материалов местными органами Министерства государственной безопасности. Уже в 1948 г. МВО СССР получило обобщенные данные, согласно которым из 4 195 преподавателей кафедр общественных наук, вошедших в разработку, 992, то есть 23,6%, подвергались различным наказаниям и являлись неблагонадежными. При этом использовалось несколько критериев:

1. Членство в других партиях.
2. Участие в оппозиции и колебания при проведении генеральной линии ВКП (б).
3. Пребывание в плену в годы войны.
4. Привлечение к судебной ответственности и наличие партийных и административных взысканий²⁰⁶.

²⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 382. Л. 239.

²⁰⁴ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 30. Оп. 21. Д. 4. Л. 40; Ф. 594. Оп. 2. Д. 950. Л. 17; Д. 1506. Л. 283–284; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 6. Д. 16. Л. 80–86; Д. 26. Л. 82; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 30. Д. 132. Л. 14–15, 27; Оп. 33. Д. 45. Л. 89–92; Д. 188. Л. 55–56.

²⁰⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 22. Д. 4. Л. 32; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 39. Д. 68. Л. 22.

²⁰⁶ См.: ГА РФ. Ф. 9396. Оп. 13. Д. 62. Л. 24.

Аналогичная работа проводилась и в вузах Нижневолжского региона. Комиссия Агитпропа ЦК ВКП (б) и МВО СССР, проверявшая Саратовский государственный университет в 1950 г., доложила в ЦК, что ректор СГУ П. В. Голубков и секретарь парткома Б. И. Ильин «проявили в деле подбора кадров политическую близорукость и беспечность». На 80 преподавателей этого вуза (30% общего количества) были собраны компрометирующие материалы политического характера, причем «особенно засоренными оказались кафедры общественных наук»²⁰⁷.

11 октября 1950 г. коллегия МВО СССР по согласованию с секретарем Саратовского обкома ВКП (б) Г. А. Борковым освободила П. В. Голубкова от обязанностей ректора СГУ. Вскоре Кировский райком партии г. Саратова принял решение снять с должности секретаря парткома Б. И. Ильина²⁰⁸.

В Государственном архиве новейшей истории Саратовской области (Ф. 594. Оп. 2. Д. 1503. Л. 8–15) сохранился список преподавателей и сотрудников СГУ, считавшихся неблагонадежными. Замечания в их адрес связаны с социальным происхождением, службой в Белой армии их самих или родственников, нахождением в плену, наличием осужденных членов семьи, пребыванием за границей, получением партийных взысканий. Таким образом, количество признаков неблагонадежности к 1950 г. выросло по сравнению с 1948 годом. В итоге в 1950/1951 учебном году по политическим мотивам из СГУ были уволены 6, предупреждены 4 преподавателя²⁰⁹. В 1951/1952 г. полностью изменился состав кафедры политэкономии. Ректорат предупредил известного в стране литературоведа – доктора филологических наук, профессора Ю. Г. Оксмана «о необходимости подыскания им более подходящего для него места работы»²¹⁰ за якобы допущенные ошибки в выступлении перед студентами.

Кроме того, Саратовский обком ВКП (б) не утвердил в должности преподавателей кафедры диамата и истмата СГУ Иванова и кафедры марксизма-ленинизма автодорожного института Ларина. В 1952/1953 учебном году был исключен из партии и снят с преподавательской работы в университете Б. И. Ильин²¹¹.

Сбором компромата на преподавателей вузов занимались также органы МГБ Астрахани и Сталинграда. В Астрахани их особый интерес вызывал коллектив мединститута. Еще 26 августа 1949 г. заместитель начальника управления МГБ Астраханской области полковник Горелкин направил инспектору ЦК ВКП (б) Фонинову справку о наличии в этом вузе 14 преподавателей (10% состава), имевших компрометирующее прошлое²¹². В 1952 г. комиссия Астраханского обкома партии вновь пришла к выводу, что «преподавательские кадры в мединституте засорены бывшими пленными, имевшими связь с врагами народа – троцкистами, высланными из Ленинграда в 1936 г.»²¹³. На этот раз перечень неблагонадежных состоял из 6 человек, причем из списка 1949 г. в нем

²⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 382. Л. 215.

²⁰⁸ См.: Там же. Л. 218–219.

²⁰⁹ См.: ГА РФ. Ф. 9396. Оп. 2. Д. 447. Л. 23.

²¹⁰ Там же. Л. 31.

²¹¹ См.: Там же. Д. 63. Л. 50; Д. 771. Л. 37.

²¹² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 216. Л. 137–139; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 6. Д. 54. Л. 273.

²¹³ ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 20. Д. 376. Л. 19.

осталось только 2 преподавателя. В том же году Астраханский обком и горком ВКП (б) проверили рыбвтуз, сделав такой же вывод, что и в отношении мед-института²¹⁴.

Критерии выделения скомпрометированных граждан в Нижнем Поволжье, как и во всей стране, были одинаковы. В то же время в вузах Сталинградской области, ввиду ее особого положения в годы войны, превалировало обвинение в нахождении на временно оккупированной территории. Будущее всех, внесенных в особые списки МГБ, было неопределенным. Так, в справке дирекции Сталинградского СХИ за 1952 г. подчеркивалось, что руководство института стремится к замене преподавателей, имеющих компрометирующие данные. По этой причине были освобождены от работы профессор Карпов, доцент Добротин, ассистент Иванов²¹⁵. Ситуация, сложившаяся в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в вузах Нижнего Поволжья, не отличавшаяся от других регионов страны, позволяет предположить возможность фабрикация органами госбезопасности новых дел – на этот раз против представителей вузовской интеллигенции.

Таким образом, в послевоенные годы, особенно в конце 1940-х – начале 1950-х гг., усилился партийно-государственный контроль над научно-педагогической интеллигенцией вузов. Преподаватели, считавшиеся потенциально опасными в политическом отношении, были отстранены от работы или включены в списки неблагонадежных, что вело к росту их зависимости от власти. Меры, принятые ЦК ВКП (б), МВО СССР и местными партийными органами, способствовали превращению вузовской интеллигенции в один из важных инструментов сохранения идеологически и политически управляемого советского общества.

А. В. Кубасов (Челябинск)

ОБРАЗ «СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ» В КОНТЕКСТЕ МЕТАФИЗИКИ РОССИЙСКОГО МЫШЛЕНИЯ

В современных отечественных средствах массовой информации, ряде публицистических и научных трудов подводятся итоги советского прошлого. Авторами поднимается целый пласт вопросов. Полемика развернулась и вокруг проблемы определения роли советской интеллигенции. Исследователями содержание термина «советская интеллигенция» преимущественно сводится до большевистского наречения «прослойки» и прислужницы коммунистических идеалов. Данные дефиниции сформировали негативный образ «советской интеллигенции» в современном российском мышлении. Такая, укоренившаяся с середины 1950-х гг., привязка «вшивая» по отношению к интеллигенции перекочевала в современность и обрела устойчивую систему. Однако с данной формулировкой согласны далеко не все. Про-

²¹⁴ См.: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 20. Д. 291. Л. 25.

²¹⁵ См.: ЦДНВО. Ф. 113. Оп. 39. Д. 223. Л. 15.

тивоположные точки зрения высказывают представители советской интеллигенции. Так, известный советский режиссер Павел Чухрай в одном из интервью заявил: «С развалом Советского Союза мы потеряли соль нашего народа, его наиболее просвещенную и ответственную часть – интеллигенцию. Интеллигенция, которая должна развивать духовный потенциал нации, сцеплять исторические периоды страны, осмысливать происходящее, будить в обществе совесть – эта интеллигенция у нас отсутствует»²¹⁶.

Итак, наша задача состоит в том, чтобы проследить этапы формирования образа советской интеллигенции и выявить его особенности.

Большевистский идеолог В. И. Ленин в статье «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?» акцентировал внимание на интеллигенции как главной силе социалистического общества: «без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен...»²¹⁷. После гражданской войны был взят курс на создание на основе Российской империи социалистического государства. С середины 1920-х гг. обозначились основные черты строящегося советского порядка. СССР восстанавливался как держава со своим особым представлением о мироустройстве, исключая как западные веяния, так и униформизацию человечества через мировую пролетарскую революцию. В обретающем очертания новом государственном образовании (1920–1930-е гг.) проклевываются ростки «советской интеллигенции», основу которой должны были составить усаживающиеся за парты, благодаря развернутому принципу всеобщей грамотности, крестьяне и рабочие.

Политика большевиков, направленная на развитие в стране школ, техникумов, рабфаков, комвузов и вузов, имела своей задачей не только искоренение безграмотности в рабочей и крестьянской средах. Всеобщая грамотность являлась необходимым условием на пути к построению социалистического государства²¹⁸. Большое значение большевики придавали и кадрам, призванным донести знания до тех, кто усаживался за парты.

С провозглашением новой экономической политики в отношении старой интеллигенции происходят метаморфозы. Большевиками в качестве бродильного начала новой концептуальной категории общества – советской интеллигенции – привлекается та часть интеллигенции, которая разделяла взгляды сменовеховцев. Ведущий идеолог «Смены вех» Ю. Ключников первым высказался о необходимости примирения с советской властью. В 1921 г. на заседании Парижского комитета кадетской народной свободы он в докладе «Новые задачи кадетизма» сказал о бесперспективности вооруженной борьбы с большевизмом и обозначил новый вектор в развитии с ними: «Наиболее реальное будущее как раз у большевизма... Необходимо поэтому добиваться... исторически мирного сосуществования либерализма с ре-

²¹⁶ Чухрай П. Государство кривых зеркал // Аргументы и факты. № 41. 2011. С. 3.

²¹⁷ Ленин В. И. Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1969. Т. 1. С. 178.

²¹⁸ См.: Крупская Н. К. База культуры // Крупская Н. К. Педагогические сочинения. М., 1957. Т. 1. С. 41.

волюционным большевизмом и вместо борьбы с ним... взять из него все хорошее»²¹⁹.

На фоне снаряжения двух «философских теплоходов» и высылки не принявших события Октября 1917 г. в Советскую Россию возвращались кадры интеллигенции, признававшие правильность умозаключений сменовеховцев.

В возвращавшейся из-за границы интеллигенции большевики видели «строителей» нового облика государства. О ней стали говорить как о «активных патриотах», «рыцарях». Именно этим кадрам, «одинаково горячо интересующимся русской государственностью и судьбами культуры русского народа»²²⁰, предстояло внести огромный вклад в сферу образования, науки, культуры, права. Обретя в лице «сменовеховцев» «спутников», большевики доверили им обучение усаживающегося за парты населения. Например, Ю. Ключников, занимая должность заведующего кабинетом международной политики Коммунистической академии и являясь консультантом в Наркомате иностранных дел, способствовал становлению и развитию советского международного права. Одним из виднейших руководителей союзной науки стал в прошлом член ЦК партии кадетов, заместитель министра Временного правительства В. Вернадский. При Главном управлении профессионального образования Наркомпроса РСФСР трудился с 1926 г. вернувшийся из эмиграции Б. Дюшен. Председатель Центральной рады Грушевский по возвращении на родину стал академиком АН УССР. Все они, находясь на коммунистической почве, не стали большевиками. Этого партия от них требовать не могла. Однако все они принимали активное участие в процессе утверждения большевистского строя.

Заменить все педагогические кадры на разделяющих «сменовеховские» взгляды не представлялось возможным. Одновременно шел процесс сохранения старых кадров. Так, А. В. Луначарский стремился защитить многих профессоров от высылки. В одном из писем Л. Б. Каменеву нарком просвещения указывал: «...На Украине... высылка профессуры произошла до крайности неправильно... Профессоров изгоняют потому, что это русские профессора, преподающие на русском языке... У нас... высылались только профессора бесполезные и в настоящее время вредные. Эти же [Свенсон, Крымов, Титов, Бочаров, Волкович, Рожанов, Деларю] профессора... вполне достаточно лояльны в политическом отношении, в отношении же научном представляют собой почти все действительно серьезное научное ядро»²²¹. Проявляя лояльность ко многим представителям старой интеллигенции, большевики не могли перепрофилировать их и сделать социалистами. Остававшаяся в СССР и возвращающаяся из-за границы интеллигенция были патриотами, и для них важным был дух родной земли, а политические предрассудки оставались чуждыми. Хотя машина «осовечивания» старой интеллигенции, как считает российский исследователь С. И. Романовский,

²¹⁹ Квакин М. В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920-1930-х годов в поисках Третьего Пути. М., 2006. С. 32.

²²⁰ Луначарский А. В. Смена вех интеллигентской общественности. URL: <http://magister.msk.ru/library/politica/lunachar/lunaa004.htm> (дата обращения: 04.12.2011).

²²¹ Письмо А. В. Луначарского Л. Б. Каменеву. 28 ноября 1922 г. URL: http://az.lib.ru/l/-lunacharskij_a_w/text_0040.shtml (дата обращения: 10.06.2012).

была запущена и в данном процессе большевики даже преуспели²²². Для перекраивания сознания использовались различные методы. В научной сфере финансировали только при условии, что исследования будут ориентированы на «нужды социалистического строительства»; в творческой среде определялся шаблон работы, от которого нельзя было отойти. Большевики, используя по отношению к представителям старой интеллигенции устрашения, лишая возможности сказать слово, как нам видится, не ставили своей целью переманить их на свою сторону, то есть сделать «советской». От них требовались лишь знания на этапе построения СССР, и для их получения использовались различные методы. Политически активные члены старой интеллигенции (революционной, леворадикальной, главным идеалом которых было сокрушение самодержавного строя и преобразование общества по типу западноевропейской демократии) с конца 1920-х гг. становились главными фигурантами различных судебных процессов: «Шахтинское дело», «Академическое дело», «процесс Промпартии» и другие. Этими жестами советская власть поставила точку в отношениях со старой интеллигенцией. Заметим, что большинство ее представителей (учителя, врачи, журналисты), не выражающие открыто свою политическую позицию, а добросовестно и профессионально выполняющие свою работу (обучали, лечили), вклинились в структуру нового советского общества. Они не «осоветились», остались самими собой – патриотами родной земли, несмотря на то, что им пришлось действовать в жестких рамках и доносить до масс социалистические идеалы и нормы.

С середины 1920-х гг. наметился путь к постепенному исчезновению радикально настроенных элементов российской интеллигенции и появлению совершенно иной по характеру интеллигенции. Стали появляться первые ростки советской интеллигенции, которая с конца 1930-х гг. и особенно в послевоенный период расширилась до необъятных размеров. Пополнение происходило за счет полного (14-летнего) образования в школах и вузах. К 1960-м гг. произошел процесс трансформации советской интеллигенции, как его обозначил А. И. Солженицын, в «образованщину»²²³.

Официально о появлении советской интеллигенции как отдельной категории общества было провозглашено в Конституции СССР 1936 г.: «Наша советская интеллигенция – это совершенно новая интеллигенция, связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством», цель ее определялась «служением народу»²²⁴. Именно в 1936 г. было закреплено определение интеллигенции как межклассовой прослойки. «Я изложил обычное марксистское понимание интеллигенции, – заявил И. Сталин в беседе с германским писателем Л. Фейхтвангером. – Интеллигенция – обслуживающий элемент, не общественный класс. Она сама ничего не производит, не занимает самостоятельного места в процессе производства... Роль интеллиген-

²²² См.: Романовский С. И. Нетерпение мысли или исторический портрет радикальной русской интеллигенции. СПб., 2000. С. 259–278.

²²³ Солженицын А. И. Образованщина // Солженицын А. И. Публицистика. Ярославль, 1995. Т. 1: Статьи и речи. С. 670–701.

²²⁴ Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. 25 ноября 1936 г. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 124.

ции – служебная, довольно почетная, но служебная. Чем лучше интеллигенция распознает интересы господствующих классов и чем лучше она их обслуживает, тем большую роль она играет. В этих рамках и на этой базе ее роль серьезная»²²⁵. Тем самым мы имеем право говорить о нескольких видах интеллигенции: «технической», «научной», «гуманитарной», «сельской», «рабочей» и т. п. В совокупности они сформировали феномен «советская интеллигенция», которая в общественном сознании ассоциировалась со служащими и специалистами. Однако представлял ли новый конгломерат цельный элемент? Вся ли новая советская интеллигенция включилась в процесс пропаганды коммунистических идеалов?

Несмотря на то, что атмосфера пропитывалась духом социализма, пропаганда осуществлялась через плакаты, газеты, искусство и т. д., сознание человека выстраивалось в процессе общения, посредством обучения. Новую интеллигенцию не представлялось возможным оградить от взаимоотношений с представителями старой интеллигенции, на плечи которых, как указывалось выше, возлагалась обязанность заложить основы советского образца. Воспользовавшись послаблением большевистской власти в период реализации новой экономической политики, они через свои выступления стремились донести мысль об эволюции коммунистического режима и построении русского национально-демократического государства. В рядах формирующейся советской интеллигенции наметилось раздвоение. Одно направление составила интеллигенция, которая пропитавшись взглядами своих учителей, отстаивала строительство русского национально-демократического государства с «западным лицом»; другая – видела будущее за коммунистическим «флагом». Одним предстояло разделить судьбу преподавателей: они становились главными фигурантами в инспирированных полномочными представителями ОГПУ делах. Другие по спасительной дороге пошли разными тропами, которые впоследствии, четко это обозначилось после XX съезда КПСС, сформировали три образа советской интеллигенции. Первый связан с формированием внутренней неприязни к установившемуся режиму и, как следствие, появлением диссидентства (реакционный элемент в «советской интеллигенции», определившие свою деятельность как борьбу против социалистических принципов и немедленное сворачивание программы «построения коммунизма» в пользу демократических идеалов). Второй составили истинные ленинцы, уверовавшие в идеал коммунизма и готовые при первой возможности «разорвать неудобных». Третий сформировали стоявшие на нейтральных позициях, для которых идеалом служило ответственно и качественно выполнять свои обязанности в своей области (технической, культурной, гуманитарной и др.) и приносить пользу своему государству.

Однако советская интеллигенция в период проведения политики коллективизации и индустриализации, имевшей целью превращение СССР в могущественное государственное образование, и особенно во время Великой Отечественной войны ощутила неразрывность своей личной жизни с судьбой Родины. Положенная в основу патриотизма духовность совместила любовь и веру в свое Отечество и ее народ с осознанием приближающейся

²²⁵ Беседа товарища И. Сталина с германским писателем Л. Фейхтвангером. 8 января 1937 г. URL: http://ng.ru/ideas/2008-01-22/10_socialism.html (дата обращения: 10.06.2012).

опасности и желанием не позволить превратить жизнь в рабское существование. Патриотические ценности, служившие в самый тяжелый исторический период строжайшим началом советской интеллигенции, растворились с началом поворота в сторону осуждения предшествующего этапа исторического развития общества (1930 – начала 1950-х гг.), что в итоге привело к распаду советской интеллигенции на три составляющие части.

Как видим, категория «советская интеллигенция» представляла собой не просто прослойку между рабочим классом и крестьянством, а довольно сложный механизм, от налаживания которого зависела работа всей системы. Однако на его работу накладывала отпечаток политическая ситуация.

С начала 1950-х гг. наметился не только раскол в среде советской интеллигенции, но обрел яркие очертания процесс возвеличивания преданных социалистическому строю элементов (А. А. Фадеев, А. В. Софронтов, А. М. Герасимов и др.), под предводительством которых набирает обороты травля как встававших на позиции диссидентства (Л. И. Романов, Ю. Ф. Орлов, А. И. Солженицын, А. А. Яковсон и др.), так и остававшихся патриотами (А. Г. Ромм, А. М. Эфрос, В. Л. Гинзбург, П. Н. Фоменко, А. А. Тарковский и др.). Из имевшего политическую почву раскола советской интеллигенции особую выгоду стремились извлечь как остававшиеся на позициях «верных ленинцев», так и причислявшие себя к диссидентам. Для первых предоставлялась возможность продвинуться по политической лестнице и обрести свою нишу в выстраиваемой номенклатурной структуре. Вторые, используя различные средства, стремились подорвать господство коммунистического строя. Вступая в борьбу за свободу, построение демократического государства по западным лекалам, они обрекали себя на тюремные заключения, запреты на любую деятельность в пределах СССР, эмиграцию. Эта часть советской интеллигенции ассоциировалась в общественном сознании со спасителями народа.

Заметим, что на российском историческом пространстве проявлялись ростки интеллигенции, для которой главной целью считалось ведение отчаянной борьбы за права народа, при полном безучастии к этой борьбе самого народа, непонимании им ее задач. Видя конечную цель своей борьбы в сворачивании проекта «Союз ССР», они вышли на ведущие позиции в период крушения социалистического государственного образования в конце 1980 – начале 1990-х гг. и в многочисленных своих выступлениях показывая лишь темную сторону недалекого прошлого.

Представители гуманитарной и творческой видов советской интеллигенции из-за своего политического нейтралитета подвергались жесткой цензуре. Многие их труды «уходили в стол». Упорством им приходилось доказывать свою состоятельность и необходимость государству. Так, Петр Наумович Фоменко, чьи две постановки («Смерть Тарелкина» и «Новая Мистирия-Буфф») в 1960-х гг. закрыли по цензурным соображениям и за эстетическую неблагонадежность, был наречен «осквернителем праха русской классики». Однако такие удары судьбы его не сломили, и он продолжал творить в своей манере, пусть и далеко за пределами столицы. Андрей Арсеньевич Тарковский, создатель «Соляриса», «Андрея Рублева», «Сталкера» и многих других кинолент, подвергался травле, организованной чиновниками Госкино. Его философские размышления о человеке, совести, жизни, смерти и ответственности перед будущим чиновникам и критикам

представлялись несвоевременными, в них видели подрывные элементы общества. Игнорирование Госкино просьб А. А. Тарковского о работе, запрет на сотрудничество с иностранными коллегами привели к его отъезду из Советского Союза. Но тоска по родной земле, прошедшая красной нитью в фильме «Ностальгия», сказалась на здоровье.

Особое отношение власти наблюдалось к научной и технической интеллигенции, которая создавала новые технологии. В научно-исследовательских институтах создавались благоприятные условия для их работы. Многие открытия получали признание за рубежом и не раз выдвигались на получение Нобелевской премии: П. Н. Лебедев (экспериментальные работы по обнаружению давления света), К. А. Тимирязев (исследования по фотосинтезу растений), А. М. Ляпунов (основоположник теории устойчивости), Н. Е. Жуковский и С. А. Чаплыгин (создатели теории современной авиации), Н. Н. Семенов (первооткрыватель цепных реакции в химии), Л. В. Канторович (экономические теории) и др. Их научные изыскания стремились по достоинству оценить в СССР и оградить ученых от попыток поддаться диссидентским мыслям и отправиться за границу. Именно научной и технической интеллигенцией создавался облик могущественной державы, что ограничивало высшее руководство от тех методов, которые пропагандировались в культурно-просветительской среде.

Итак, в процессе формирования советской интеллигенции можно обозначить три этапа: 1) октябрь 1917 – вторая половина 1930-х гг., когда имела место политика фильтрования старой, буржуазной интеллигенции для определения способных стать у истоков зарождения новой формации; 2) вторая половина 1930-х – середина 1950-х гг., время складывания «советской интеллигенции»; 3) вторая половина 1950-х – конец 1980-х гг., характеризуемый разделением дефиниции «советская интеллигенция» на три составных элемента, каждый из которых сформировал три образа, являющиеся важными компонентами коллективной памяти о советском периоде.

В современном российском мышлении все, что было связано с советским периодом, признается не способным на возрождение. В ряде отечественных средств массовой информации, публицистических и научных трудах озвучиваются мнения об исчезновении старой – советской – интеллигенции и зарождении новой – российской. Однако, обращаясь к культурной памяти, обнаруживаем, что происходит лишь смена ориентиров, сохраняя три образа «советской интеллигенции».

Д. С. Артамонов (Саратов)

ОБРАЗ ВАДИМА НОВГОРОДСКОГО В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII ВЕКА

Легенда о Вадиме Храбром берет свое начало из сообщения Никоновской летописи, достаточно позднем летописном сборнике XVI в., где под 6372 (864) г. значилось: «Того же лета оскорбишася Новгородцы глаголющее: яко быти нам рабом и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби Новгородцев советников его»¹. Рюрик, согласно летописному свидетельству под 6370 (862) г., был приглашен в Новгород в качестве князя вместе со своими братьями Синеусом и Трувором самими новгородцами². Получалось, что легенда о Вадиме была теснейшим образом связана с вопросом о добровольном призвании варягов.

Первым, кого заинтересовало летописное сообщение о Вадиме Храбром, был В. Н. Татищев. Вопрос о призвании варягов В. Н. Татищевым не ставился под сомнение, однако, по его мнению, выбор новгородцев не был случайным. Одним из важнейших политических убеждений историка было представление о легитимности самодержавной власти только как о власти, передающейся по наследству. Рюрик, таким образом, как родоначальник княжеской династии сам не мог не иметь родовых корней, связанных с правителями Новгорода. В. Н. Татищев, пользуясь сведениями Иоакимовой летописи, выстраивает стройную систему наследования власти славян. В этом вопросе он выказывает гораздо большее доверие свидетельствам новгородского епископа Иоакима, чем сообщениям черноризца Печерского монастыря Нестора, противопоставляя их. «О князях русских старобытных, – писал историк, – монах Нестор плохо знал, какие дела свершали славяне в Новгороде, а святитель Иоаким, хорошо знающий...»³.

Согласно Иоакиму, родоначальником княжеской династии славян был некий Славен, основавший Славенск – Великий град, в котором «сотни лет» правили его потомки, в том числе и Вандал. Вандал имел трех сыновей – Избора, Владимира и Столпосвята, из которых Владимир по смерти своих братьев унаследовал «всю землю». После него правили его сыновья и внуки, имена которых остались неизвестны, а дела «разве в песнях древних воспоминают»⁴. Девятым по счету правителем после Владимира был

¹ Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767. С. 16.

² См.: Повесть временных лет // Повести Древней Руси. М., 2009. С. 46.

³ Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. М., 2005. Т. 1. С. 52–53.

⁴ Там же. С. 53.

князь Буривой, прославившийся войнами с варягами. В одной из битв Буривой был побежден и спасся на острове Бярмы, а варяги захватили Великий град. Сын Буривой Гостомысл отвоевал город, заключил с варягами мир и стал править⁵.

Гостомысл имел четырех сыновей и трех дочерей, но к старости потерял своих сыновей, павших в битвах, а дочерей выдал замуж за соседних князей. Перед своей смертью Гостомысл, собрав «всех старейшин земли от славян, руси, чуди, веси, меров, кривичей и дряговичей... послал избранных в варяги просить князя»⁶. Пришел, как повествуют летописи, «Рюрик с двумя братья и их сородичами»⁷.

Рюрик, по мнению В. Н. Татищева, был сыном средней дочери Гостомысла, хотя прямо по тексту летописного сказания этого не следует. Татищев делает такой вывод, анализируя сюжет сна Гостомысла, присутствующий в летописи, дабы оправдать призвание варягов. Гостомыслу привиделся сон, «как из чрева средней дочери его Умилы произрастает дерево великое плодovitое и покрывает весь град Великий, от плодов же его насыщаются люди всей земли»⁸. Татищев считал, что «сновидение это точно показывает на мать Рюрикову»⁹, так как оно было истолковано волхвами в том духе, что «от сынов ее следует наследовать ему (Гостомыслу)»¹⁰.

Рюрик тем самым становился не пришлым варяжским князем, приглашенным в Новгород, а законным наследником княжеской славянской власти. Но тогда перед В. Н. Татищевым возникала проблема объяснения известного ему сообщения летописи о сопротивлении новгородцев власти Рюрика под предводительством Вадима. Историк использует следующие средства: во-первых, как известно, он придавал большое значение изложению материала не «по делам», т. е. событиям и фактам, а по годам, не меняя порядка летописного повествования¹¹, но известие о Вадиме он помещает под 869 г., а не под 864 г., как указано в летописи. Получалось, новгородцы восстали после семи лет владычества Рюрика, что было более логичным в свете истории о его призвании. Видимо, Татищев считал, что два года – слишком короткий срок для появления недовольства призванным князем, который еще бы и не успел показать себя как правитель.

Во-вторых, Татищев меняет хронологию самого события, тем самым, меняя его внутренний смысл. Согласно летописному сказанию, вначале новгородцы возымели мысль «оскорбишася» на Рюрика, так как «много зла всячески пострадати» от него и не хотя быть рабами, а затем Рюрик убил Вадима и многих его советников. Татищевым эта история представлена ровно наоборот: «В сии времена славяне бежали от Рюрика из Новгорода в Киев, так как убил Вадима, храброго князя славянского...»¹², т. е. вначале

⁵ См.: Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 53–54.

⁶ Там же. С. 55.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 54–55.

⁹ Там же. С. 65.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ См.: Валк С. Н. В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век. М.; Л., 1966. № 7. С. 69.

¹² Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 13.

Рюрик убил Вадима, и только затем новгородцы бежали в Киев. Примечательно, что Татищев вообще не говорит о казнях новгородцев и избегает говорить о восстании против Рюрика. Сопrotивление его власти приобретает под пером историка пассивный характер – бегство. В комментариях к тексту Иоакимовой летописи он также неопределенно говорит о народном беспокойстве: «Рюрик убил славянского князя Водима, что в народе смятение сделало»¹³. И так, история противостояния новгородцев и Рюрика никоим образом не выглядит как попытка сопротивления его власти, а представлена ссорой двух князей.

В. Н. Татищев (и это, в-третьих), объясняет конфликт Рюрика и Вадима двояко. С одной стороны, Вадим «не хотел как раб быть варягам»¹⁴, и потому был убит. Здесь Татищев подчеркивает, что протест Вадима был индивидуальным. С другой стороны, историк делает предположение, что, может быть, Вадим был, так же как и Рюрик, внук Гостомыслу, только от старшей дочери и «большее право к наследству имел и из-за того убит»¹⁵. В комментариях к летописи Нестора Татищев записал: «Сей Вадим, видимо... был сын старшей дочери Гостомысла, князь изборский, и по старшинству матери его наследник престола, и по той вражде убит»¹⁶. Однако, как видно, историк не совсем уверен в этом. Так, он никак не объясняет свидетельство Иоакимовой летописи, приводимой им, что новгородцы, узнав о весте сие и решении Гостомысла, «радовались тому, что не будет наследовать сын старшей дочери, ибо негож был»¹⁷. Если Вадим действительно был сыном старшей дочери, то чем он не подходил новгородцам раньше, и почему после его смерти они пришли в смятение, и некоторые даже бежали? Эти вопросы Татищев оставляет без ответа. Видимо, предполагая происхождение Вадима от старшей дочери Гостомысла, историк старается убедить читателя, что причина сопротивления варяжской власти кроется в династических притязаниях одного из славянских предводителей. Тем самым Татищев еще раз утверждает легитимность власти Рюрика как внука Гостомысла.

В-четвертых, причину бегства новгородцев в Киев Татищев объясняет тем, что «некоторые славяне, не желая под властью Рюрика, как варяга, быть, бежали»¹⁸. Здесь, по сути, делается предположение о существовании в Новгороде некой антиваряжской «партии», сделавшей своим знаменем Вадима, имевшего, по их мнению, больше прав на княжение и бывшего славянином. Таким образом, только подчеркивалось, что большинство новгородцев признали власть Рюрика, а Вадим действовал не самостоятельно, а под влиянием лишь незначительной группы своих сторонников, не имея широкой поддержки.

Несмотря на старания Татищева придать эпизоду с сопротивлением новгородцев владычеству Рюрика незначительный характер, им была заложена основа легенды о Вадиме Храбром, неизменно привлекавшая внимание в дальнейшем как историков, так и литераторов. Структура образа

¹³ Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 65.

¹⁴ Там же. Т. 2. С. 13.

¹⁵ Там же. Т. 1. С. 65.

¹⁶ Там же. Т. 2. С. 585.

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 55.

¹⁸ Там же. Т. 2. С. 585.

Вадима, набросанная Татищевым, была такова: Вадим – славянский князь, внук новгородского правителя Гостомыла от старшей дочери, предводитель или же «знамя» антиваряжской группы новгородцев, храбрый воин, не побоявшийся бросить вызов могущественному правителю, за что и был убит им.

Совершенно иначе выглядит образ Вадима под пером Г. Ф. Миллера. Историк обращается к этой теме дважды в своих работах «О народах, издревле в России обитающих» и «Кратком известии о начале Новгорода и о происхождении российского народа». В истолковании сюжета Никоновской летописи о Вадиме Миллер исходит из своей общей концепции начальной российской истории и вопроса о призвании варягов. Миллер, как показал советский историк М. А. Алпатов, выдвинул такую трактовку появления Рюрика и его братьев на славянской земле: «Они появились здесь в качестве предводителей наемных дружин для охраны Новгородской земли. Именно поэтому их не пустили в Новгород, а рассадили по крепостям: Рюрика поместили в Ладогу, Синеуса – в Белоозеро, Трувора – в Изборск, на что указывает и сама летопись. Впоследствии Рюрик узурпаторски захватил власть в Новгороде и стал единовластным правителем. С этого, собственно, и начинается захват власти варягами на русской земле...»¹⁹.

В соответствии с этой концепцией, Миллер следующим образом излагает историю Вадима в работе «О народах, издревле в России обитающих», правильно относя ее к 864 г: «Новгородцы жаловались, что сделаны рабами (чужого народа) и принуждены сносить всякое зло от Рурика и племени его». После чего непосредственно следует: «в том самом году Рурик убил Вадима храброго и многих жителей Новгородских с ним в согласии бывших». И так было возмущение противу Рурика»²⁰. Миллер называет Вадима предводителем славян, «коим новое правление несносным показалось»²¹. Историк не считает Вадима славянским князем и именует его – «знатной муж от племени славенского, витязь, делами своими имя храброго себе заслуживший»²². Князем Вадим не был, по мнению Миллера, потому что правление славян до Рюрика было «общенародным». Не являлся князем у Миллера и Гостомысл, которого он называет «знатный старейшина народа Новгородского» и не может признать за ним право называться владетельным государем²³. И Вадим никак не связан с Гостомыслом. Миллер нисколько не предполагает их родство и сомневается в самом факте существования Гостомысла. Начало единой державного правления было положено Рюриком, и выступление против него новгородцев было тому началом, «здесь, – писал Миллер, – надлежит положить начало неограниченного Рюрика в Новгороде державствования»²⁴. «Таким образом, – полагал исто-

¹⁹ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985. С. 24.

²⁰ Миллер Г. Ф. Труды по истории, географии и этнографии, История науки, Предисловия к различным сочинениям. Избранные труды. М., 2007. С. 91.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ См.: Там же. С. 87.

²⁴ Там же. С. 92.

рик, – Рурик возложил на вольный народ оковы: его призвали для защиты вольности, а он тот, которые ее угнетил»²⁵.

Получалось, что события 864 г. в Новгороде являются ключевыми в вопросе о становлении русской государственности. По мнению Миллера, выраженному в сочинении «Краткое известие о начале Новгорода и о происхождении российского народа», «призвание... князей наипаче токмо в том состояло, чтоб они защищали границы от всех неприятельских нападений: однако Рюрик после того вступил в неограниченное правление, когда Новгородцы в 864 году против него взбунтовались, и он нашел средство наказать знатнейших заводчиков, между коими был Вадим, прозванием Храброй»²⁶. Миллер признает, что «по правде числится он [Вадим – Д. А.] первым Великим Князем Российским, потому что сей титул в Российских Историях прикладывается тем, кто в каждом месте имели полную власть, не будучи никому подсудными»²⁷. Такая риторическая уступка в пользу предводителя народного восстания против единоначалия Рюрика не меняла сути характеристики Вадима. Он становился защитником Новгородской вольности, противником чужеземной власти и поборником принципов общенародного правления.

Взгляды А. Л. Шлецера сближаются в рассматриваемом вопросе с концепцией Миллера. В своем главном труде по российской истории «Нестор» он так комментирует сообщение летописи о Вадиме: «Трех братьев призвали только для того, чтобы быть предводителями; грубые славяне и чудь верно не помышляли об общественном условии. Дикие норманны очень скоро начали на себя брать вид повелителей; это удивило Новгородцев, и они начали роптать: даже дошло до вторичного [под «первым» подразумевается изгнание варягов в 859 г. – Д. А.] возмущения против варягов. Один Новгородец, по имени Вадим храбрый, сделался начальником угнетенных; однако же был побежден. Три брата привели с собой столько людей, что смогли все преодолеть... Многие из недовольных Новгородцев, после неудачного своего возмущения, убежали в 867 г. в Киев, что кажется послужило после Рюрикову наследнику Олегу главной причиной завладеть Киевом»²⁸. Явная несообразность сообщения о бегстве новгородцев в Киев через три года после возмущения под предводительством Вадима по причине его поражения имела, как представляется, только одну цель – развитие концепции Миллера о начале становления русской государственности, установлении единодержавной власти варяжскими князьями после победы над новгородским сопротивлением 864 г, что, кстати, доказывают частые ссылки Шлецера по этому вопросу на работы Миллера.

М. В. Ломоносов внес, пожалуй, самую значительную лепту в создание легенды о Вадиме Новгородском. Концепция начала самодержавной власти в русском государстве ничем не отличалась от убеждений предшественников Ломоносова на попроще исторических штудий. Можно сказать, в этом

²⁵ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 92.

²⁶ Там же. С. 103.

²⁷ Там же.

²⁸ Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Людвигом Шлецером. Ч. I / пер. с нем. Д. Языкова. СПб., 1809. С. 355–356.

вопросе он развивал взгляды В. Н. Татищева и Г. Ф. Миллера, правда, внося существенные коррективы. В частности, Ломоносов, как и Татищев, не сомневался, что идея пригласить варягов на княжение принадлежала Гостомыслу, однако, ученый не называет его князем, а именует старейшиной²⁹. Ломоносов, вслед за Миллером, предполагал, что в Новгороде до призвания варягов было общенародное правление, и именно Рюрик устанавливает самодержавную форму власти, поэтому Гостомысл не был князем, и Вадим не являлся его родственником. Вадима Ломоносов называет «знатный новгородец»³⁰, что очень неопределенно характеризует его общественный статус, но в то же время создает представление о его некоем высоком положении в обществе, об этом же говорит и указание на то, что Вадим, готовя восстание, уповал на «свою у новгородцев важность»³¹.

М. В. Ломоносов был убежден, что Рюрик происходил из славян. Он исходил из того, что, помимо варягов скандинавских, существовали варяги-россы, жившие в Пруссии, от которых и происходил Рюрик. Эти варяги-россы, по мнению Ломоносова, были славянами³². В то же время россы у Ломоносова противопоставлены славянам новгородским, что нашло отражение в описываемой им истории о Вадиме. Владычество Рюрика характеризовалось как установление «росской власти». Вадим у Ломоносова «советовал с единомышленниками, как бы избыть от росской власти», и говорил новгородцам, что «Рурик пришел привести их россам в рабство и в роды родов утвердить самодержавство»³³. Таким образом, власть Рюрика рассматривалась как установление господства чужого народа и самодержавного правления, Вадим же характеризовался Ломоносовым как «человек, склонный к общенародному прежнему владению»³⁴. Ученый, тем не менее, не отказывал Вадиму в честолюбии, он предположил, что новгородец «и сам желал быть, по-видимому, в том [общенародном правлении – Д. А.] участником или еще и главным»³⁵. Ломоносов, по всей видимости, здесь намекал на то, что Вадим стремился играть такую же роль в Новгороде как и Гостомысл. Хотя он и писал о новгородской форме правления как о народной, в то же время, говоря о Гостомысле, называл его старейшиной, под предводительством которого новгородцы «приведены были в цветущие состояние»³⁶. По мнению Ломоносова, Гостомысл играл главную роль в управлении Новгородом и к тому же стремился Вадим.

В своих претензиях Вадим опирался на поддержку своих «сообщников», «единомышленников», которых, как предполагал Ломоносов, было достаточно в Новгороде. Это были те, кто «на избрание Руриково не соглашались», «неспокойные головы», «роптать приобыкшие», которых Рюрик со своими братьями Синеусом и Трувором «принудили к молчанию и к ока-

²⁹ См.: *Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого князя Ярослава первого или до 1054 г.* СПб., 1766. С. 55.

³⁰ Там же. С. 59.

³¹ Там же.

³² См.: *Алпатов М. А.* Указ. соч. С. 66.

³³ *Ломоносов М. В.* Указ. соч. С. 59.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 55.

занию совершенной покорности»³⁷. Вадим оказался во главе их, стал открыто роптать, за что был предан смерти. Примечательно, что у Ломоносова вся вина Вадима заключалась не в выступлении против Рюрика, а в том, что он «говорил не закрыто» и только замышлял восстание. Рюрик казнил Вадима, «услышав сии возмутительные речи и узнав умышление»³⁸.

М. В. Ломоносов обогатил миф о Вадиме новыми чертами. Независимо от того, что на самом деле имел в виду ученый, восприятие нарисованного им образа порождало новые смыслы. Вадим предстает не только как поборник демократической формы правления, защитник славянского народа, но и как человек пострадавших за свои убеждения, казненный лишь за умысел и пропагандистские речи.

Ф. А. Эмин издал первый том своего труда о российской истории через год после выхода в свет сочинения М. В. Ломоносова. С. М. Соловьев охарактеризовал Эмина как историка, который «берет бог знает какие источники, бог знает какие списки летописей и начинает витийствовать, сочиняя факты и речи действующих лиц, не щадя никаких средств для достижения своей цели, т. е. для украшения рассказа»³⁹. Эти слова вполне справедливы. В пример можно привести хотя бы его описание истории того, каким образом Гостомысл убедил новгородцев призвать варягов. Для Ф. А. Эмина Гостомысл не был ни князем, ни старейшиной и вообще никакого участия не принимал в «общенародном» управлении Новгородом. Он был человеком, имеющим «праведную душу и не испорченный нрав», который, когда новгородцам установленный у них порядок правления «наскучил», и они стали бороться между собой за право установления «самодержавства», стал увещевать их. Ф. Эмин вложил в уста Гостомысла совершенно вымышленную речь, якобы он пугал новгородцев тем, что их ссоры приведут к порабощению их неприятелем, что враги придут и возьмут их жен, «и будут творить с ними по своей воле и похоти», что они с детьми будут привязаны «по хлевам», и будут и их продавать «вместо скота. А кто не имеет волов, тот на хребте своем все потребное возить будет»⁴⁰, и тому подобные небылицы, которые Эмин ниоткуда почерпнуть не мог, кроме своего воображения.

К фантазиям Ф. Эмина можно было бы относиться как к историографическому курьезу, если бы не одно обстоятельство. Труд Эмина был оплачен из средств Кабинета Екатерины II и пользовался вниманием высочайших особ, в том числе, возможно, и самой императрицы⁴¹, которая внесла значительный вклад в формирование мифа о Вадиме.

В своем сочинении Ф. А. Эмин критически отозвался о М. В. Ломоносове как историке, но это не помешало ему воспользоваться неизданными материалами рукописного наследия ученого и позаимствовать из его историче-

³⁷ Ломоносов М. В. Указ. соч. С. 59.

³⁸ Там же.

³⁹ Соловьев С. М. Собрание сочинений. СПб.: «Изд. Т-ва «Общественная польза», Б. г. Стб. 1381.

⁴⁰ Эмин Ф. А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, все великие и вечной достойные памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере златого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая. СПб., 1767. Т. 1. С. 59.

⁴¹ См.: Шамрай Д. Д. Ф. Эмин и судьба рукописного наследия М. В. Ломоносова // XVIII век. Сборник. № 3. М.; Л., 1958. С. 471–472.

ских трудов описание некоторых сюжетов⁴². Так, описание Эминым истории Вадима почти текстуально совпадает с рассказом об этом событии Ломоносова, однако, писатель, не изменяя своим принципам сочинительства, привносит в него немного своего воображения, тем самым способствуя развитию легенды. Оставляя структуру рассказа, использованную Ломоносовым, Эмин употребляет другие слова, что, не меняя смысла события, придает ему совершенно другую семантическую характеристику и трансформирует образ Вадима. Если у Ломоносова Вадим – народный герой, казненный за образ мыслей, то у Эмина он «злоумышленник», выступивший против законной власти. Так, Эмин утверждал, что «народные роптания побудили гордого Вадима вельможу Новгородского к измене своему Государю»⁴³. Слово «вельможа» может употребляться в двух значениях: знатный человек и государственный чиновник⁴⁴, а государь здесь в значении «царь», «владелец»⁴⁵. Это отражает общее представление о Вадиме как знатном новгородце и убеждение Эмина, что Вадим был на государственной службе и должен был подчиняться владетельному государю.

Вадим дважды в тексте у Эмина характеризуется как человек гордый, что также не говорило о нем как о положительном герое. Гордый, значит, надменный, высокомерный, спесивый и т. п. Это проявлялось в том, что он, «войну любящий», «разные заговоры между новгородцами делать привыкший, желал сам владения»⁴⁶. Вадим так же уповал на «гордость своих единоплеменников»⁴⁷, что в контексте общего негативного описания новгородцев как своевольных, беспокойных, склонных к ссорам, междоусобиям и злодеяниям людей, было вполне логично.

В этой связи призывы Вадима к новгородцам «извергнуть то иго, которое на них тогда налагать начали», его открытые речи, что «Рюрик пришел из варяг, для того чтобы лишить их вольности, привести их варягам в рабство, и в роды родов в земле их утвердить самодержавство»⁴⁸, оказывались весьма двусмысленными, так как, по мнению Эмина, Вадим сам желал утвердить свою единоличную власть над Новгородом.

Ф. А. Эмин закладывал основы негативного образа Вадима, наделенного всего одним положительным качеством – храбростью. Легенда Эмина о Вадиме, с одной стороны, развивала идеи Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова о нем как о защитнике народной вольности, сближалась и с мыслью В. Н. Татищева, что Вадим был из знатного рода, и этим обосновывались его притязания. Но, с другой стороны, она полностью противопоставлялась предыдущим образам. Вадим Федора Эмина – мятежный слуга своего владетеля, охваченный гордыней и желающий безграничной власти.

⁴² См.: Шамрай Д. Д. Указ. соч. С. 472–473; Эмин Ф. А. Указ. соч. С. 4–5.

⁴³ Эмин Ф. А. Указ. соч. С. 81.

⁴⁴ Словарь российской Академии наук XVIII в. дает следующее определение слову «вельможа» – «большой боярин, знатной в государстве чиновник, великомошной господин» (Словарь Академии российской. СПб., 1789. Ч. 1. От А. до Г. С. 594).

⁴⁵ Там же. СПб., 1790. Ч. 2. От Г. до З. С. 279.

⁴⁶ Эмин Ф. А. Указ. соч. С. 81.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

Раздвоение образа Вадима Новгородского отразилось в историческом сочинении князя М. М. Щербатова. Историк не знал, в каких терминах описывать сюжет сопротивления Рюрику. Он считал, что в Новгороде «сделался бунт», но не мог определиться с его причинами, был ли он от «беспокойного нраву Новгородского, или князь Рюрик хотел по обыкновенному в людях честолюбию преступить границы, врученной ему самовольно власти и утеснить любящий вольность народ»⁴⁹. Для Щербатова так и остался не решенным вопрос, кто были эти новгородцы, выступившие под предводительством Вадима: «бунтовщики» или «защитники своих прав»?

Такая растерянность историка объясняется двумя причинами: во-первых, отсутствием четкой определенности или даже двойственностью образа Вадима в сочинениях предшествующих авторов, а, во-вторых, исходной посылкой в оценке правления Рюрика. Щербатов, следуя за Г. Миллером, считал, что «Новгородцы, избрав себе в государи... трех князей, не дали им неограниченной власти, а единственно токмо препоручили им, дабы они границы от вражеских нападений защищали... Но после Рюрик сию власть себе приобрел»⁵⁰. Получалось, что призвание Рюрика не означало установления самодержавной власти, его власть представляла собой ограниченную монархию, постепенно превращавшуюся в единоедержавное правление. М. М. Щербатов был первым, кто поставил вопрос о том, какой тип власти олицетворяло правление варяжских князей – абсолютную монархию или ограниченную правами аристократии⁵¹ (новгородских сановников, фигурировавших в его рассказе о Вадиме), и от решения этого вопроса напрямую зависел образ Вадима – был ли он защитником новгородской вольности от притязаний варягов или был бунтовщиком против законной монаршей власти.

Таким образом, историки из одного краткого упоминания о Вадиме Новгородском создавали развернутые описания событий новгородского восстания 864 г. и закладывали основу легендарного образа. История Вадима Храброго связывалась с вопросом о призвании варягов и установлении самодержавной власти Рюрика, а возмущение в Новгороде становилось ключевым в объяснении природы варяжского владычества. Кроме того, сочинения историков XVIII в. заложили основу последующей литературной интерпретации истории восстания Вадима, когда начинают создаваться великолепные произведения искусства, люди, события, факты просто придумываются, и эти придуманные факты становятся частью исторического прошлого и культурного наследия.

⁴⁹ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1. С. 193.

⁵⁰ Там же. С. 192.

⁵¹ См.: *Артельева Т. В.* Михаил Щербатов. СПб., 1994. С. 19.

Н. А. Казарова (Ростов-на-Дону)

ИСТОРИЯ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ И. П. КОЗЛОВСКОГО

История развития исторической науки в России в первой четверти XX в. изучена далеко не полностью. В частности, имя Ивана Павловича Козловского мало что говорит современному исследователю. Между тем, оно было хорошо известно в научном мире в начале XX века. Почти сорок лет жизни профессор Козловский посвятил науке и преподаванию истории в Киевском университете, Нежинском историко-филологическом институте и народном университете, в Варшавском, а затем Донском и Северо-Кавказском университетах, в Донском археологическом институте, в Новочеркасском и Уральском педагогическом институте. Научные интересы профессора Козловского были весьма разнообразны. Они охватывали проблемы русской раннесредневековой и новой истории, источниковедения, историографии, архивоведения, краеведения. Некоторые из его трудов до сих пор не найдены, другие остались в рукописях и до сегодняшнего дня не опубликованы. Изучение научного наследия И. П. Козловского, выводов, содержащихся в его исследованиях, представляет интерес не только само по себе, но и для уяснения общего состояния исторической науки в России в начале XX века.

В многогранном научном наследии И. П. Козловского особое место занимает история русского просвещения в допетровскую эпоху. Очевидно, что эта проблема представляет самостоятельный интерес, позволяет определить место И. П. Козловского в отечественной историографии того времени. Взгляд ученого на уровень развития русского просвещения выражал его воззрения на характер и особенности российской истории в целом.

История русского просвещения была предметом научного интереса И. П. Козловского на протяжении всей его жизни. Первая научная работа, только что закончившего курс Киевского университета св. Владимира Ивана Козловского была посвящена просветителю XVII в. Сильвестру Медведеву⁵².

С первых же лет преподавательской деятельности И. П. Козловский, наряду с общим курсом русской истории, читал и специальный курс по истории русского просвещения. К сожалению, спецкурс И. П. Козловского по истории русского просвещения не был опубликован, хотя Иван Павлович принимал неоднократные попытки опубликовать его⁵³.

О содержании курса можно судить по сохранившимся конспектам лекций, которые профессор читал студентам историко-филологического фа-

⁵² См.: Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Ивана Козловского, окончившего курс историко-филологического фак. (Приложение: Созерцание краткое лет 7190–92 Сильвестра Медведева. Киев: Тип. Ун-та св. Владимира, 1895. 363 с.)

⁵³ См.: Известия СКГУ. 1927. Т. 1. С. 149.

культета Варшавского университета в 1915–1916 г. в Ростове-на-Дону. Курс охватывал большой период, начиная со свидетельств источников о первых школах и книгах на Руси в XI в. и до эпохи Петра Великого.

Во введении к курсу автор давал определение понятий культура, цивилизация, просвещение. Если история русской культуры началась с момента исторического существования русского народа, то началом истории русского просвещения автор считал время распространения христианства на Руси. Под историей русского просвещения И. П. Козловский подразумевал, прежде всего, историю интеллектуального развития русского народа. Поэтому его прежде всего интересовала история школы и связанной с ней науки, а также личности русских просветителей. Эта проблематика тогда была слабо исследована. Впервые вопрос о школах и просвещении в древней Руси стал предметом специального исследования в 1854 г. в диссертации Н. А. Лавровского «О древнерусских училищах».

На основании анализа Лаврентьевской, Софийской, Новгородской летописи, Патерика Печерского и других источников Козловский пришел к выводу о том, что распространение просвещения на Руси началось вслед за крещением. Большая заслуга в распространении просвещения принадлежала св. Константину (Кириллу) и Мефодию, труды которых дали возможность познакомиться со священными книгами. Сословие учителей появилось одновременно с духовенством и в значительной степени с ним совпадало. Обучение в большинстве случаев ограничивалось грамотностью, но желающие имели возможность учиться и языкам, и грамматике. Обучение существовало не только в главных, но и второстепенных городах и монастырях. Женщинам образование было тоже доступно. Но пользовались обучением лица более состоятельные. В целом же, русская земля имела больше возможностей для успехов просвещения в X–XIII вв., чем западные государства того времени с их латинской письменностью, к которой привилегированные классы относились равнодушно, а народ совсем не понимал⁵⁴.

Таким образом, в дискуссионном вопросе об уровне русского просвещения И. П. Козловский, вслед за В. Н. Татищевым, выступал как ревностный защитник теории о высоте просвещения в Древней Руси.

Признав факт существования школ в домонгольской Руси доказанным, ученый попытался воспроизвести сам строй этих школ на основании свидетельств источников. Он обратил внимание на то, что наряду с духовенством существовали светские учителя. Это тем более вероятно, что представителей духовенства было немного, а часть его была – греки, которые вряд ли могли так освоиться со славянским языком, чтобы на нем преподавать. Козловский считает возможным говорить о династиях учителей, когда дети наследовали занятие отцов⁵⁵.

Обучение начиналось в семилетнем возрасте с азбуки, запоминания букв, затем слов и совершенствовалось чтением Псалтири. Уважение к чтению, к книге отразилось на самом способе написания книг и их сохранении. Несмотря на дороговизну книг, любители собирали целые библиотеки (на-

⁵⁴ См.: История русского просвещения. Лекции, читанные студентам историко-филологического факультета Варшавского ун-та в 1915–1916 г. проф. И. П. Козловским. Ростов-на-Дону, 1916. С. 22.

⁵⁵ См.: Там же. С. 29.

пример, Ярослав Мудрый). Из сказанного Козловский делает вывод о том, что в Древней Руси в образованных людях не было недостатка. На основании летописей и татищевских известий он приводит примеры высокой образованности князей (смоленских князей Святослава и Романа Ростиславичей, Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, черниговских князей Игоря Ольговича и Святослава Давидовича, галицкого князя Ярослава Осмомысла) и духовенства (игумена печерского Феодосия, епископов новгородских Иоакима и Луку Жидяту, монахов печерских Нестора, Никона и Никиту Затворника, митрополита Иллариона, туровского епископа Кирилла и др.).

Большое внимание историк уделяет кругу чтения древнерусского чело- века. Исследуя этот вопрос, И. П. Козловский имел в виду не только те книги, которые дошли до нас от XI–XIII вв., но и те, списки которых относились к более позднему времени, но о которых с уверенностью можно сказать, что они были знакомы русским читателям в XI–XIII веках. На первом месте среди древних книг стояли книги Св. Писания и творения отцов церкви. Любимым чтением были сочинения Иоанна Златоуста, так как его изложение отличалось жизненностью и отсутствием аскетического ригоризма. Был знаком русский читатель и с иностранной литературой, прежде всего, византийской и южнославянской. В большом почете были классические языки.

В вопросе о культурном влиянии Византии на древнерусское просвещение Козловский придерживается вывода о том, что с первых шагов русская литература стремилась к самостоятельности. Это видно из подбора тем и их освещения. Но форма произведений была заимствована из Византии. То же можно сказать о школьном образовании. Византийское влияние сказывалось на характере преподавания и его приемах, но не на содержании преподаваемых наук.

Следующий раздел спецкурса профессора Козловского был посвящен истории просвещения в эпоху монгольского ига (XIII–XV вв.). Автор обращает внимание на то, что в литературе преувеличивают отрицательные культурные последствия для Руси монгольского завоевания. Напротив, на основании ряда источников (послание новгородского архиепископа Геннадия, Стоглав и др.) он констатирует более широкое распространение грамотности в этот период⁵⁶. Об этом свидетельствует то, что учительством занимались разные люди и учили не бесплатно, т. е. была потребность в учении, существовал целый разряд людей, которые переписывали и продавали книги.

Общий вывод, к которому приходит И. П. Козловский, оценивая уровень просвещения в XIII–XV вв., состоит в том, что образовательный уровень духовенства в эту эпоху понизился, но грамотность и любовь к просвещению развивались, особенно в светской среде. Византия перестала давать умственную пищу Руси, и передатчик этой пищи – духовенство утратило свою роль в этом деле. В народе же грамотность продолжала развиваться, и культурные взгляды передовых людей приобретали национальную окраску.

Особое внимание Козловский уделяет истории образования в юго-западной Руси, справедливо считая, что южнорусские ученые сыграли вы-

⁵⁶ История русского просвещения. С. 50.

дающуюся роль в умственном движении Московского государства в XVII веке.

На юге рано осознали необходимость изучения латыни. Идея открытия высшего учебного заведения принадлежала Петру Могиле. Получив сан архимандрита Киево-Печерской лавры, он стал отправлять за границу монахов для получения образования. Вернувшись, они реформировали Киево-Печерскую школу. В 1633 г. она была объединена с Богоявленской школой и стала называться Киево-Могилянской коллегией. Так было положено начало знаменитой Киевской Академии. Она обслуживала весь юго-западный край. В основу преподавания были положены три языка: латинский, славянский и греческий. Все преподавание было рассчитано на 13 лет.

При Алексее Михайловиче инициативу создания школы в Москве взял на себя Ф. Ртищев, личность которого привлекла И. П. Козловского еще в начале его научной карьеры. Историко-биографическое исследование, посвященное Ф. М. Ртищеву, было темой магистерской диссертации И. Козловского⁵⁷. На основе диссертации была издана книга. Козловский несколько идеализировал личность и деятельность Ртищева, считая, что по своим взглядам на свободы слова, совести, веры он стоял выше не только своих современников, но и потомков. Козловский очень высоко оценивал религиозно-просветительную деятельность Ртищева и его роль в церковных реформах Никона, считая его их инициатором, а Алексея Михайловича и Никона только исполнителями.

Тем не менее, несмотря на преувеличения и идеализацию Ртищева, Козловский проделал огромную работу, прочитал огромное количество печатных и рукописных исторических источников, на что потратил много времени и труда. По отзывам других историков, «...он [Козловский И. П. – Н. К.] настолько исчерпал исторический материал, касающийся личности и деятельности Федора Ртищева, что другому историку и в голову не придет мысль снова заняться этой неблагодарной темой»⁵⁸.

Дальнейшее развитие просвещения в Московском государстве И. П. Козловский связывал с появлением Спасской и Чудовской школы и с деятельностью Симеона Полоцкого и его ученика Сильвестра Медведева. Сильвестру Медведеву, как было сказано выше, было посвящено одно из ранних сочинений И. П. Козловского. Дав подробный анализ сочинения «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92», приписываемого Медведеву, Козловский пришел к выводу, что эта книга не может быть отнесена к летописям и является одним из первых в России исторических сочинений, которое посвящено событиям стрелецкого бунта 1682 года. Таким образом, по мнению И. П. Козловского, уже применительно к последней четверти XVII в. можно говорить о переходе от летописания к историческому исследованию.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что история русского просвещения занимала особое место в научном наследии И. П. Козловского. Рассматривая этапы развития просвещения на Руси, он считал,

⁵⁷ См.: Ф. М. Ртищев. Историко-биографическое исследование магистранта И. Козловского. Киев, 1906. 201 с. (отт. из унив. Известий за 1906 г.).

⁵⁸ Отзыв ординарного профессора П. Н. Буцинского о книге: «Ф. М. Ртищев. Историко-биографическое исследование магистранта И. Козловского» // Записки императорского Харьковского университета. 1908. Кн. 4.

что важнейшим из них был XVII век. Историк понимал значение познания переходного периода истории для уяснения сущности исторических явлений и процессов, общего характера существования страны в прошлом и настоящем.

Интерес И. П. Козловского к истории русского просвещения не был случаен. Он в полной мере соответствовал характеру и особенностям общественно-политической мысли в стране в конце XIX – начале XX века. В развитии просвещения историк видел один из наиболее важных показателей особых черт и качеств отечественной культуры.

А. В. Савина (Вологда)

Ж. КАЛЬВИН И КАЛЬВИНИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ Р. Ю. ВИППЕРА: ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК

Роберт Юрьевич Виппер (1859–1954) вошел в анналы отечественной исторической науки как ученый необычайно разносторонних интересов, воплощающий собой характерный для российской науки второй половины XIX – начала XX в. идеал «всеобщего» историка. В центре внимания исследований Виппера в разное время находились история Древнего мира, Средних веков, Нового времени, отечественная история.

Творчество Виппера привлекает внимание исследователей, прежде всего, с точки зрения его изысканий в области теории и методологии истории⁵⁹. Историко-философские взгляды Виппера пережили серьезную трансформацию на протяжении жизни ученого. Наиболее глубоко эту проблему исследовали Б. Г. Сафронов и Д. М. Володихин⁶⁰, благодаря работам которых можно выделить этапы формирования теоретико-методологических установок Виппера: до 1900 г. ученый находился на позициях позитивизма, затем до 1916 г. продлилось его увлечение теорией эмпириокритицизма. События Первой мировой войны перевернули мировоззрение Виппера, изменив систему ценностей и ориентиров в его взглядах на историческую науку, и в период с 1916 по 1925 гг. Виппером была выработана оригинальная историко-философская система. С 1924 г. ученый эмигрировал в Латвию в связи с гонениями на него как представителя «группы историков, которые заняли враждебную позицию по отношению к Октябрьской революции, Советской

⁵⁹ См., напр.: *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. Ч. 2. Л., 1931; *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики. 1917–1966. Л., 1968; *Хмылев Л. Н.* Проблема методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX века. Томск, 1978; *Рамазанов С. П.* Кризис в российской историографии начала XX века: в 2 ч. Волгоград, 1999–2000; *Нечухрин А. Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно, 2003.

⁶⁰ См.: *Сафронов Б. Г.* Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976; *Володихин Д. М.* «Очень старый академик». Оригинальная философия истории Р. Ю. Виппера. М., 1997; *Он же.* Критика теории прогресса в трудах Р. Ю. Виппера // Вопросы истории. 1999. № 2.

власти и марксизму»⁶¹. В 1941 г. Виппер вернулся в Москву, и научные труды последних 13 лет жизни были пропитаны духом марксистской науки.

Учитывая, что конкретные проблемы исследований Виппера остаются до сих пор в тени, представляется актуальной задача хотя бы частично восполнить данный пробел и показать развитие взглядов исследователя на проблему, с изучения которой началась его научная карьера. Речь идет об исследовании кальвинизма XVI в., которому была посвящена диссертация Виппера «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма» (1894). Этот объемный труд Виппера – один из немногих в отечественной историографии, до сих пор не утративший актуальности и имеющий статус классического фундаментального исследования по истории кальвинизма. Причем, этот статус признан и на Западе⁶², хотя в Европе была опубликована лишь статья Виппера в периодическом издании Общества истории Женевы за 1896 год⁶³.

Р. Ю. Виппер далеко не первый из российских историков, кто обратился к изучению проблем кальвинизма. «Первопроходцем» этой темы среди отечественных ученых был И. В. Лучицкий⁶⁴. Ряд работ по кальвинистской тематике появился в 1880-х годах⁶⁵.

Работа Виппера над диссертацией велась с 1887 г., причем тема выбиралась долго и из множества совершенно разных проблем⁶⁶. Что именно способствовало избранию именно кальвинизма в качестве предмета исследования, остается неизвестным. Вероятно, в выборе проблематики диссертации проявилось влияние В. И. Герье, учителя и наставника Виппера⁶⁷.

В речи на защите диссертации в Московском университете 14 мая 1894 г. Виппер обозначил теоретико-методологические посылы исследования. По мнению историка, эпоха Реформации является «промежуточной и подготовительной», поскольку, не выдвинув «оригинальных политических принципов», основываясь на идеях более ранних эпох, заложила основы теорий XVII–XVIII столетий. Рассматривая кальвинизм как явление «промежуточной» эпохи, Виппер отмечал, что нельзя изучать его, как и любую другую теорию, в отрыве «от почвы», от среды, в которой эта теория появилась и изменялась⁶⁸.

Во введении к диссертации автор четко формулирует свою исследовательскую задачу: выяснение «первоначальной церковной и политической теории кальвинизма» в Женеве, «в каких практических формах она выра-

⁶¹ Буржуазные историки Запада в СССР // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 47.

⁶² См., напр.: *Léonard E. G. Histoire générale du protestantisme*. V. 1. P., 1988. P. 363.

⁶³ *Сафронов Б. Г.* Указ. соч. С. 21.

⁶⁴ См.: *Лучицкий И. В.* Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871; *Он же.* Католическая лига и кальвинисты во Франции. Киев, 1877.

⁶⁵ См.: *Михайловский В. М.* Сервет и Кальвин. М., 1883; *Любович Н. Н.* История Реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарианство. Варшава, 1883; *Клячин В. П.* Политические собрания и организация политическая кальвинистов во Франции в XVI веке. Киев, 1888.

⁶⁶ См.: *Сафронов Б. Г.* Указ. соч. С. 17–18.

⁶⁷ См.: Там же. С. 77.

⁶⁸ См.: *Виппер Р.* Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. Вступительная речь перед диспутом // *Русская мысль*. 1894. № 6. С. 96–97.

зилась здесь и в какую традицию она перешла под влиянием действовавшей на нее среды»⁶⁹.

Название диссертации ясно показывает основную проблему, которая интересует автора: взаимоотношения церковной и светской власти в городе-государстве Женеве в XVI веке. Подзаголовок труда: «Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI века», с одной стороны, конкретизирует тему работы, с другой – значительно расширяет ее рамки, «выводя» за пределы Женевы. Однако в диссертации эта линия обозначена лишь пунктиром. Судя по всему, Виппер предполагал продолжить изучение темы, и вслед за выявлением сути раннего кальвинизма должно было последовать изучение «революционных теорий второй половины XVI века»⁷⁰.

Труд Виппера состоит из 15 глав. Первые две главы играют роль вступительных – Виппер посвящает их Женеве до приезда Жана Кальвина, следующие девять глав рисуют положение дел в городе при Кальвине (1536–1564) и четыре главы – ситуацию после смерти реформатора, при преемниках Кальвина в 1564–1604 годах. Таким образом, по замыслу автора, структура работы должна развернуть перед нами полную картину развития города-государства на протяжении столетия: до, во время и после Кальвина.

Основными источниками исследования послужили труды Кальвина (ключевое значение имеет здесь кальвиновское «Наставление в христианской вере», впервые опубликованное в 1536 г., многократно редактировавшееся Кальвином и издававшееся на латыни, французском и других европейских языках), а также письма и документы, имеющие отношение к его деятельности в Женеве. Помимо опубликованных источников Виппер работал с архивами во время поездки в Женеву в 1892 г.: это протоколы Совета Женевы, коллегии пасторов, консистории. Надо отметить, что Виппером был охвачен практически весь круг источников, которые до сих пор составляют базу исследований учения и деятельности франко-швейцарского реформатора.

Тем не менее, в центре внимания исследователя находится не столько Кальвин, сколько Женеве: этот город-государство является главным «героем» научного труда, ведь именно на женевской почве начал «определенно формироваться» и приобрел законченный вид кальвинизм как церковная и политическая система⁷¹.

Исходя из мнения, что нельзя преувеличивать значение какой бы то ни было личности в истории⁷², Виппер старается объективно оценивать все, что связано с Кальвином, тщательно и критично подходя к источникам и мнениям авторитетных историков, развенчивая «мифы», уходя от очерняющих

⁶⁹ *Vunper P. Ю.* Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. М., 1894. С. IX.

⁷⁰ Там же. С. I.

⁷¹ См.: *Vunper P. Ю.* Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. Вступительная речь перед диспутом. С. 97.

⁷² Позиция Виппера по вопросу о личности в истории, характерная для него в этот период, получила отражение и в других работах историка, где он призывал выяснять связь исторической личности со средой, которая ее формирует и выдвигает. См., напр.: *Vunper P. Ю.* Екатерина II и просветительские идеи Запада // Мир Божий. 1896. № 12.

или превозносящих оценок, коими грешили работы европейских историков, разделенных на сторонников Кальвина и его противников⁷³.

У Виппера Кальвин, его жизнь и деятельность – всего лишь фрагмент славной истории города, пусть и значимый. Именно поэтому мы не видим ни биографии реформатора (историк отсылает читателя к исследованиям своих зарубежных коллег), ни систематического изложения его деятельности. По выражению Б. Г. Сафронова, Кальвин у Виппера растворен как личность на фоне своего времени и в потоке событий⁷⁴.

Реформатор интересует Виппера в той мере, в какой явно отразилось его влияние на женеvский политический уклад, уже сложившийся к моменту начала кальвиновской реформации. Причем это влияние, с точки зрения Виппера, не было «безусловным, поглощающим»⁷⁵, ведь, как показывает историк, несмотря на распространенное мнение, Кальвин никогда был диктатором, единоличным правителем Женевы: он не мог вести самостоятельную и независимую от городских властей политику, постоянно сталкивался с оппозицией в лице женеvских граждан.

Женева не была «лишь пассивным свидетелем или орудием для выполнения широких планов реформатора». Например, Кальвин не был «единственным инициатором... общеевропейской пропаганды из Женевы»⁷⁶, поскольку в городе была «партия», стремившаяся вывести его на новый европейский уровень. Деятельность консистории (церковно-светского учреждения Женевы, состоявшего из старейшин-мирян и пасторов) всегда находилась под контролем городского совета, и консистория так и не стала главным орудием влияния церкви в Женеве, как того хотел Кальвин⁷⁷.

Рассматривая «Наставление...» как основной источник для исследования политических воззрений Кальвина, Виппер последовательно рассмотрел редакции 1536, 1539, 1543, 1559 гг., что дало возможность проследить эволюцию взглядов реформатора. Такой подход был сравнительно новым в кальвиноведении XIX века. Одно из неоспоримых достоинств работы Виппера состоит в том, что он показал процесс формирования политической теории реформатора под влиянием конкретных обстоятельств жизни Женевы.

В частности, в первом издании «Наставления...» (1536) историк констатирует отсутствие предпочтения какой-либо форме правления, провозглашение принципа равноценности форм государственного правления. В «Наставлении...» 1543 г. Виппер отмечает важное изменение – здесь реформатор, по выражению Виппера, поет «панегирик умеренной аристократической республике»⁷⁸. Виппер видит в этом факте признак «акклиматизации» Кальвина в Женеве, поскольку именно в городах Швейцарии наряду с Южной

⁷³ По мнению историка, исследователи из католического лагеря, равно как и представители противоположного течения «протестантских панегиристов», воспевающих Кальвина, идут по ложному пути, преувеличивая роль реформатора и игнорируя ход внутреннего развития Женевской республики (см.: *Vunper P. Ю.* Церковь и государство. С. IV–V).

⁷⁴ См.: *Сафронов Б. Г.* Указ. соч. С. 103.

⁷⁵ *Vunper P.* Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. Вступительная речь. С. 98.

⁷⁶ *Vunper P. Ю.* Церковь и государство. С. 224.

⁷⁷ См.: Там же. С. 234.

⁷⁸ Там же. С. 300–302.

Германией существовали подобные формы государства. В редакции 1559 г. четко выявилось «недоверчивое или враждебное отношение» к монархии и одобрение республики⁷⁹, в чем решающую роль Виппер отвел двум факторам: Женеве с ее республиканскими порядками и разочарованию в европейских монархах как союзниках Реформации.

Еще один пример воздействия этих факторов – изменение точки зрения Кальвина на право сопротивления власти. Первоначально Кальвин проводил идею о повиновении народа любой власти (поскольку она имеет божественное происхождение), хотя с некоторыми оговорками, которые делали возможным неповиновение народа (в случае «богопротивных» законов) или сопротивления со стороны сановников. В «Наставлении...» 1559 г., а также комментариях к Священному Писанию, написанных в последние 14 лет жизни Кальвина, реформатор приближается к допущению права сопротивления для частных лиц и фактически допускает восстание против нечестивого монарха⁸⁰.

По вопросу отношений церкви и государства Виппер отмечает, что Кальвин изначально принял сформулированную М. Лютером теорию «двух царств», но четче разделял сферы деятельности светской и духовной власти, предусматривая направляющую роль церкви. Реализация этой идеи на практике в Женеве столкнулась с серьезными препятствиями уже в начале пребывания здесь Кальвина в 1536–1538 годах. Для женеvцев более приемлемым представлялся распространенный в Швейцарии цвинглианский вариант, когда церковь была подчинена магистрату. Сопротивление магистрата и большинства населения планам реформатора приводит к изгнанию Кальвина из города в 1538 г. (в 1541 г. Кальвин по просьбе женеvцев вернулся для продолжения реформационной деятельности).

Тем не менее, в следующих редакциях «Наставления...» от принципа разделения церкви и государства Кальвин не отказался, хотя на практике в Женеве реализовать идею так и не удалось. Виппер призывал четко разделять теорию и практику: позиции реформатора по злободневным политическим вопросам выражены в его сочинениях, на практике же господствовал «общий тон умеренности и лояльности», вызванный стремлением к компромиссу, прежде всего с женеvским магистратом.

Таким образом, Виппер рассматривал процесс формирования и трансформации учения Кальвина, признавая, что идеи реформатора «прошли интересное и крупное развитие»⁸¹, прежде всего под воздействием Женевы. Те порядки, которые были заложены в ходе развития города в предыдущее время, оказали определяющее влияние на происходившее в Женеве в период Реформации и воздействие на самого реформатора.

Согласно советским историкам, характерной чертой випперовского подхода к кальвинизму было выявление его социальной природы⁸². Впро-

⁷⁹ *Vinper P. Ю.* Церковь и государство. С. 516.

⁸⁰ См.: Там же. С. 526–527.

⁸¹ *Vinper P.* Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. Вступительная речь. С. 98.

⁸² См., напр.: *Косминский Е. А.* Изучение истории Западного Средневековья (работы русских дореволюционных и советских историков) // *Косминский Е. А.* Проблемы англ-

чем, еще в рецензии П. Г. Виноградова (1894) было отмечено, что кальвинизм у Виппера изображен как «продукт живой общественной борьбы»⁸³. Советские ученые трактовали этот момент более конкретно. Например, по мнению Б. Г. Могильницкого, Виппер, «исходя из анализа эволюции социально-политических отношений в Женеве», делает вывод о буржуазной сущности его учения⁸⁴.

Однако, следует заметить, что в диссертации данный вопрос прямо поднят единожды, причем не в итоге «анализа эволюции социально-политических отношений в Женеве», а скорее, предваряя его: начиная говорить о Кальвине, Виппер оспаривает распространенный в западной науке тезис о симпатиях реформатора к дворянству⁸⁵. Исходя из отрицательных оценок дворянской аристократии, которые встречаются у реформатора «всюду, где только представляется малейший к тому повод», Виппер говорит о выражающейся таким образом позиции Кальвина как представителя «дельного и экономного буржуазного слоя», который далек «от осуждаемой им жизни придворной знати» и в то же время завидует «влиятельной ее роли»⁸⁶. Этот вывод Виппера не подкреплён другими аргументами, и сам вопрос явно не являлся задачей исследования. Иными словами, мы не находим в диссертации Виппера сколько-нибудь развернутого и обоснованного тезиса о буржуазной природе кальвинизма.

К тому же Виппер подробно показывает противоборство Кальвина и «олигархической» власти женевской буржуазии. Например, Кальвин не приветствовал закрепление «олигархического правления» в так называемой женевской «конституции» 1543 г. (речь шла об увеличении роли Малого городского совета, где заседали представители богатейших фамилий Женевы, с соответствующим уменьшением роли народного собрания). Реформатор, по мнению Виппера, не сочувствовал сосредоточению власти в руках богатейших граждан, ведь чем больше укреплялась власть магистрата, тем «более затруднительным» было осуществление идеи независимости церкви⁸⁷.

Говоря о посткальвиновской Женеве, Виппер отмечает, что преемники Кальвина развивают республиканские симпатии и более радикально трактуют право на сопротивление тирании, допуская, как Теодор де Без, неповиновение не только по причине нарушения правителем закона Божьего и сопротивление не только представителей «низшей» власти, но и частных лиц⁸⁸. Как показывает Виппер, в последней трети XVI в. система отношений между магистратом и церковью в Женеве «отклонилась» от кальвиновской модели и стала ближе к общешвейцарскому образцу, где магистрат имел главенство⁸⁹. Другими словами, те тенденции, которые были заложены в

лийского феодализма и историографии средних веков. М., 1963. С. 97; Гутнова Е. В. Историография истории Средних веков. М., 1985. С. 357.

⁸³ Виноградов П. Г. Кальвин и Женевы // Русская мысль. 1894. № 9. С. 141.

⁸⁴ См.: Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской буржуазной медиевистики середины 70-х годов XIX – начала XX вв. // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1963. Вып. 1. С. 80.

⁸⁵ См.: Виппер Р. Ю. Церковь и государство. С. 77.

⁸⁶ Там же. С. 80–81.

⁸⁷ См.: Там же. С. 278.

⁸⁸ См.: Там же. С. 560.

⁸⁹ См.: Там же. С. 612.

развитии Женевы как части Швейцарии, в конечном счете, восторжествовали, и о решающем воздействии Кальвина речи идти не может.

«Соперничество» церкви и государства, характерное для Женевы, по мнению Виппера «составляет счастливую особенность западной истории, содействуя развитию прав личности»⁹⁰. Кальвина же больше занимали «вопросы организации, гарантии порядка, а не гарантии свободы; о положении личности в государстве нет речи»⁹¹, а его деятельность во многом представляла собой «продолжение средневековых церковных традиций» (то есть ориентировалась на католические образцы). Однако, из политических взглядов Кальвина происходили идеи «самоуправления, общественного контроля, представительства», реализующиеся на практике в кальвинистских общинах и производившие «сильное впечатление на общество» того времени. Таким образом, Виппер разделял распространённое в исторической науке мнение о роли кальвинизма в подготовке появления «демократических, конституционных, федеративных» теорий следующих веков⁹².

Аналогичные суждения мы находим в написанных Виппером для XIV тома знаменитой энциклопедии Брокгауза и Ефрона статьях о Кальвине и кальвинизме⁹³. Здесь отмечается специфика кальвинизма, который, с одной стороны, проникнут средневековыми католическими принципами (нетерпимость, безусловное подчинение личности и так далее), с другой – как никакое другое протестантское учение был тесно связан с политикой и принял антимоноархическое направление, сближаясь с «республиканскими и конституционными партиями»⁹⁴. Отмечая, что «ученым центром» кальвинизма долго оставалась Женева, Виппер даёт краткую характеристику немецкому, нидерландскому, французскому, шотландскому, английскому, польскому кальвинизму⁹⁵. При этом французский вариант историк называет наиболее близким «в учении и церковном строе» к «родоначальнику направления»⁹⁶.

В статье о Кальвине (которая более чем в два раза больше по объёму, чем статья о кальвинизме) Виппер, как того требует жанр, уделяет внимание биографии реформатора Кальвина, начиная с семьи и образования (в диссертации этим вопросам был уделён минимум внимания). Также Виппер подробнее останавливается на сути богословских взглядов Кальвина (идея абсолютного предопределения, взгляды на причастие), чего не было в диссертации и что рецензенты отмечали как один из её недостатков⁹⁷.

Однако в остальном Виппер следовал духу и букве своей диссертации. Например, исследователь отмечал «легендарность» некоторых распространённых фактов, в частности, сведений о том, что в 1534 г. будущий рефор-

⁹⁰ *Vinper P.* Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. Вступительная речь. С. 103.

⁹¹ *Vinper P. Ю.* Церковь и государство. С. 132.

⁹² См.: *Vinper P.* Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. Вступительная речь. С. 97.

⁹³ См.: *Vinper P. Ю.* Кальвинизм. Кальвин // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XIV. СПб., 1895. С. 100–107.

⁹⁴ *Vinper P. Ю.* Кальвинизм. // Там же. С. 100.

⁹⁵ См.: Там же. С. 100–102.

⁹⁶ Там же. С. 101.

⁹⁷ См., напр.: *Виноградов П. Г.* Указ. соч. С. 139–140.

матор вынужден был бежать из Франции как преследуемый протестант. Как утверждает Виппер, нет оснований говорить, что Кальвин в это время испытывал гонения со стороны французских властей, а его эмиграция, скорее всего, носила добровольный характер⁹⁸. То же самое мы находим и в диссертации⁹⁹. Другой пример преемственности: как в диссертации, так и в статье энциклопедии говорится об отсутствии диктатуры Кальвина в Женеве: историк констатирует ограниченность власти реформатора, хотя подчеркивает чрезвычайно влиятельное личное положение Кальвина в республике¹⁰⁰.

Как и следовало ожидать, наибольшее внимание в статье Виппер уделяет деятельности Кальвина в Женеве, устройству женевской церкви, оппозиции реформатору, борьбе за чистоту нравов горожан и борьбе против еретиков (особенно делу Сервета). Сколько-нибудь системного изложения политических взглядов реформатора нет, зато Кальвин представлен как деятель европейского масштаба, дан обзор его деятельности в рамках Реформации в Европе. В завершении статьи дается краткий список опубликованных источников и перечень литературы по теме, в том числе, недавно опубликованный труд самого Виппера¹⁰¹.

Как уже было сказано выше, Виппер, ставя в диссертации цель изучить «политическую и церковную теорию» Кальвина, предполагал обратиться впоследствии к идеям кальвинистов. Однако полноценного научного труда по этой тематике не появилось. Единственное, чем мы располагаем – его реферативная лекция, прочитанная в Историческом обществе Московского университета 2 января 1896 г. и опубликованная в том же году в Журнале Министерства народного просвещения¹⁰².

Данная работа была написана «по мотивам» посвященных политическому измерению кальвинизма и опубликованных в последней четверти XIX в. научных трудов западных историков: Р. Треймана, О. Гирке, Г. Вейля¹⁰³. Целью статьи Виппер указал рассмотрение работ зарубежных коллег, характеристику используемых ими приемов исследования и выявление пробелов и недостатков в этой области¹⁰⁴. При этом историк не преминул высказать собственное мнение по спорным вопросам в изучении теорий французских кальвинистов – «монархомахов».

Историк отмечал, что политические теории гугенотов (Ф. Отмана, Ю. Ланге и др.) важны не только как фрагмент политической истории Франции, истории Реформации, но и как пример развития «революционных» теорий¹⁰⁵. Кроме того, интерес Виппера был связан с его размышлениями о методологии изучения политических учений, которые фигуриро-

⁹⁸ См.: *Vunper P. Ю.* Кальвин. С. 103.

⁹⁹ См.: *Vunper P. Ю.* Церковь и государство. С. 104–114.

¹⁰⁰ См.: *Vunper P. Ю.* Кальвин. С. 104–105.

¹⁰¹ См.: Там же. С. 107.

¹⁰² См.: *Vunper P. Ю.* Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. № 8. С. 278–313.

¹⁰³ См.: *Gierke O. Joh.* Althusius und die Enwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. Bresslau, 1880; *Weill G.* Les theories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres du religion. P., 1892; *Трейман P.* Тираноборцы / пер. с нем. под ред. М. А. Рейснера. СПб, 1906 (немецкое издание вышло в 1895 г.).

¹⁰⁴ См.: *Vunper P. Ю.* Политические теории во Франции. С. 283.

¹⁰⁵ См.: Там же. С. 312.

вали и в речи на защите диссертации. В статье Виппер говорит о том, что нужно видеть в любом учении «последнюю сжатую формулу продолжительного движения», то есть учитывать целый комплекс факторов, влиявших на автора тех или иных идей явно и подспудно, включая обстановку, «желания и настроения эпохи», адресата сочинения и так далее. Историк подчеркивает, что следует изучать политические теории именно в условиях их рождения и развития, иначе «случайное, местное» можно принять за «общее и центральное».

Гирке и Трейман, по мнению Виппера, «философы-юристы», которые много внимания уделяют абстрактным идеям, не соотнося их с конкретными условиями существования авторов гугенотских трактатов. Например, Гирке объяснял аристократический характер взглядов монархомахов только влиянием идеи Кальвина о сановниках как противовесе тирану, не учитывая устройство Генеральных Штатов или сословное общество Франции той эпохи¹⁰⁶.

Кроме того, Гирке и Трейман рассматривают теории французских кальвинистов как будто те «собирали материал», который систематизировали в договорных и естественно-правовых теориях мыслители следующих двух столетий (Альтхузий, Гоббс, Локк)¹⁰⁷. По мнению Виппера, такое построение содержит «натяжку», приписывая людям XVI в. ход мыслей современников ученых¹⁰⁸.

В отличие от них, Вейль работает как историк, рассматривая теории в связи с конкретными реалиями политической борьбы во Франции, привлекаемая кроме гугенотских трактатов памфлеты, брошюры и другие источники. Однако, по мнению Виппера, Вейль впадает в другую крайность, считая идеи монархомахов обусловленными только определенными задачами борьбы. По мнению Виппера, нельзя считать теории тираноборцев «масками» сиюминутных политических задач – любые идеи «укоренены» и опираются на сложившуюся традицию¹⁰⁹.

В отличие от Гирке и особенно Треймана, который говорил о революционности идей монархомахов, Виппер отмечал «консервативный» характер их учений: французские кальвинисты апеллировали к прошлому, стремясь к возрождению городских вольностей и сепаратизму. О возрождении средневековых идей как основе кальвинизма Виппер говорил в своей диссертации.

Виппер отмечает недостаточную изученность «протестантского принципа в теории монархомахов»¹¹⁰, для чего, по его мнению, необходимо обратиться к деятельности кальвинистских синодов как религиозной организации гугенотов и их политическим собраниям, причем указывает в данном случае на сочинение ученика И. В. Лучицкого В. П. Клячина как пример подобного обращения¹¹¹. Кроме того, важным фактором воздействия на

¹⁰⁶ См.: *Виппер Р. Ю.* Политические теории во Франции. С. 286.

¹⁰⁷ См.: Там же. С. 288.

¹⁰⁸ См.: Там же. С. 291.

¹⁰⁹ См.: Там же. С. 306.

¹¹⁰ Там же. С. 308.

¹¹¹ Виппер отмечает, что данная работа написана на основе архивных материалов, собранных Лучицким (см.: Там же. С. 309).

французских кальвинистов был пример Женевы, где церковные представители участвовали в политической жизни, обличали представителей власти, имея нравственный авторитет и выступая посредниками между народом и властью¹¹².

Что касается вопроса о социальной природе гугенотов, то Виппер указывает на преобладание в их рядах буржуазии в первые 20 лет религиозных войн¹¹³, расходясь тем самым с позицией Лучицкого об аристократической сущности французского кальвинизма и точкой зрения, исходящей от французского историка Ж. Мишле о «демократическом» характере движения.

В следующий раз Виппер обращается к теме диссертации спустя более 40 лет. В преддверии своего возвращения в Москву из эмиграции Виппер публикует статью в «Историческом журнале» за 1940 г. под названием «Жан Кальвин и протестантская республика в Женеве»¹¹⁴. Эта работа, явно связанная с диссертационным исследованием, носила скорее просветительский характер, представляя советскому читателю, не избалованному сведениями об истории религиозной жизни Европы, общую характеристику деятельности и учения Кальвина на фоне Реформации (включая религиозные, политические и социально-экономические аспекты). В основу статьи легли выводы диссертации, отредактированные в духе времени и приведенные в соответствие с марксистской трактовкой кальвинизма, данной Ф. Энгельсом (кальвинизм как религиозная оболочка интересов самой смелой части буржуазии XVI в.)¹¹⁵. Таким образом, на первый план вышла «классовая природа» кальвинистского учения, в связи с чем в тексте Виппера в большом количестве появились марксистские штампы.

Например, показывается связь учения Кальвина, ярко выразившего «идеологию первоначального накопления», и интересов «женевских банкиров, менял и ростовщиков»¹¹⁶. Кальвин характеризуется здесь как выходец из среды старого бюргерства, мировоззрение которого основывалось на «традициях средневековой промышленности и торговли»¹¹⁷.

Что касается политических взглядов Кальвина, то в статье мы видим совершенно другую, нежели в диссертации, трактовку отношения реформатора к олигархии. В «новой» версии реформатор «был полностью удовлетворен» политическими переменами в Женеве, и в «Наставлении...» высказывает «свою симпатию к строю, только что установившемуся в Женеве»¹¹⁸. В отличие от диссертации, Виппер не делает разницы между расположением Кальвина к аристократии как «аристократии ума, таланта и опыта»¹¹⁹ и антипатией к олигархии как правлению богатейших семейств. Очевидно, что это нивелирование оценок и изменение тезиса об отношении Кальвина

¹¹² См.: *Виппер Р. Ю.* Политические теории во Франции. С. 311–312.

¹¹³ См.: Виппер ссылается в данном случае на результаты исследования В. П. Клячина (см.: Там же. С. 309).

¹¹⁴ См.: *Виппер Р. Ю.* Жан Кальвин и протестантская республика в Женеве // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 99–111.

¹¹⁵ См.: *Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 308.

¹¹⁶ *Виппер Р. Ю.* Жан Кальвин и протестантская республика в Женеве. С. 110.

¹¹⁷ Там же. С. 101.

¹¹⁸ Там же. С. 108.

¹¹⁹ *Виппер Р. Ю.* Церковь и государство в Женеве. С. 81.

к олигархии с отрицательного (в диссертации) на положительное (в статье) связано с тенденциозным пониманием кальвинизма в марксистской исторической науке: если Кальвин – буржуазный идеолог, он должен поддерживать установление власти богатейших.

Таким образом, проследив эволюцию в оценках Кальвина и кальвинизма в трудах Р. Ю. Виппера на протяжении 46 лет, мы можем констатировать явную трансформацию под влиянием перипетий жизненного пути историка, его методологических исканий, ситуации в исторической науке. Нужно учитывать различие «жанров» рассмотренных нами работ: основательная и объемная диссертация, предназначенная для узкого профессионального сообщества, и статьи, ориентированные на рядового неподготовленного читателя. Также важно, что большая часть изученных работ написана Виппером в начале его научного пути, в период, когда позиции историка определяли позитивистские установки, а статья 1940 г. символизировала «вхождение» Виппера в разряд советских историков, что, безусловно, сопровождалось «встраиванием» в общую «тональность» советской науки. Так или иначе, все последующие работы Виппера по тематике кальвинизма основывались на положениях и оценках диссертации, которая, по признанию автора, являлась единственной в его научном наследии настоящей исследовательской монографией.

В. А. Райкова (Санкт-Петербург)

ОБРАЗ ДЖОРДЖА Ф. КЕННАНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Джордж Фрост Кеннан – известный американский дипломат, политик, историк, публицист, социальный философ и мыслитель, биография и деятельность которого давно вызывают устойчивый интерес у исследователей. Несомненно, более всего Кеннан известен как автор «доктрины сдерживания» Советского Союза и коммунизма, являвшейся на протяжении «холодной войны» ключевой и системообразующей для американской внешней политики, однако он сумел блестяще проявить себя и в других сферах деятельности. Масштаб личности, многогранность талантов, незаурядные аналитические способности, редкое умение прогнозировать развитие событий сделали Кеннана известным далеко за пределами США. К настоящему моменту в исторической науке существует значительное количество исследований, посвященных осмыслению интеллектуального наследия Кеннана, в которых присутствуют различные, зачастую противоположные, оценки и суждения его деятельности.

Цель данной работы – представить имеющиеся в отечественной и зарубежной (преимущественно американской) историографии подходы к изучению личности Дж. Ф. Кеннана, реконструировав в самом общем виде его образ, сложившийся на страницах научных изданий.

В отечественной исторической науке, посвященной Кеннану, существует два пласта работ – советская историческая критика «доктрины сдерживания» и

ее автора и историография последних двух десятилетий, для которой характерен доброжелательный интерес к его творчеству и деятельности. В советский период исследователи оценивали Кеннана как «откровенного и ярого защитника внешнеполитических кругов США, связанных с крупными монополиями и военно-промышленным комплексом», известного своим антикоммунизмом и неприятием советского общественного строя¹²⁰. Кроме того, особо подчеркивалось, что в своих взглядах Кеннан отражал экономические и идейно-политические интересы «влиятельных кругов американской буржуазии», стремившихся к осуществлению «давних гегемонистских устремлений американского империализма»¹²¹. В трудах Б. Д. Дмитриева, Н. Н. Иноземцева, А. Е. Куниной, Б. И. Марушкина, Г. А. Трофименко, А. Н. Яковлева и др. активно артикулировалась враждебность Кеннана коммунизму и советскому обществу, экспансионистский характер его внешнеполитической концепции¹²².

Наряду с тщательным изучением «доктрины сдерживания», советские историки большое внимание уделяли деятельности Кеннана на посту американского посла в Советском Союзе в 1952 г., которая закончилась объявлением его *persona non grata*. Причиной этой неординарной ситуации стало интервью, которое Кеннан дал журналистам-международникам в аэропорту Западного Берлина, сравнив условия жизни иностранных дипломатов в СССР и нацистской Германии. 26 сентября 1952 г. в газете «Правда» появилась редакционная статья, в которой сообщалось, что американский посол, прилетевший в Западный Берлин из Москвы, сделал клеветническое заявление для прессы и показал себя лжецом и заклятым врагом Советского Союза.

С окончанием «холодной войны» отношение к Кеннану в отечественной историографии заметно смягчилось, породив целый ряд публикаций с положительными оценками его деятельности. Заметный резонанс в российском обществе вызвал 100-летний юбилей дипломата в 2004 году. Институт Кеннана в России выпустил сборник статей ведущих отечественных американистов, приуроченный к этой памятной дате¹²³. Такие известные историки как Н. Н. Болховитинов, В. Л. Мальков, В. О. Печатнов, А. И. Уткин единодушно отмечали особую роль Кеннана в развитии советско-американских отношений в XX в., которая не сводилась только к созданию «доктрины сдерживания»¹²⁴.

¹²⁰ См.: *Ладыченко Т. В.* Метаморфоза автора одной доктрины // Под знаменем ленинизма. Сентябрь 1977. С. 69.

¹²¹ *Яковлев А. Н.* «Эксперт по России» Дж. Кеннан и уроки истории // История СССР. 1960. № 5. С. 37.

¹²² См.: *Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; *Яковлев А. Н.* Идеиная ницета аполлетов «холодной войны». М., 1961; *Кунина А. Е., Марушкин Б. И.* Миф о миролюбии США. М., 1960; *Трофименко Г. А.* США: война, политика, идеология. М., 1967; *Дмитриев Б. Д.* Внешнеполитические доктрины США. М., 1972; *Кунина А. Е.* Идеологические основы внешней политики США. М., 1973 и др.

¹²³ См.: Вестник института Кеннана в России. М., 2004. Вып. 5.

¹²⁴ См.: *Арбатов А. Г.* Доктрина Кеннана и диалектика внешней и внутренней политики Москвы // Там же. С. 53–55; *Болховитинов Н. Н.* Джорджу Ф. Кеннану исполнилось 100 лет // Там же. С. 8–11; *Мальков В. Л.* Неизвестный Кеннан: заметки о морфологии мышления дипломата // Там же. С. 24–39; *Печатнов В. О.* «Краи или размягчение»: Джордж Кеннан и судьба советской системы // Там же. С. 45–52; *Уткин А. И.* Роковые телеграммы Кеннана // Там же. С. 40–44.

Характеризуя отношение дипломата к нашей стране, Н. Н. Болховитинов подчеркивал, что главной дихотомией, сопровождавшей Кеннана на протяжении всей жизни, являлось сочетание «глубоких знаний современной жизни, истории и культуры России, любовь к А. П. Чехову и Л. Н. Толстому» с «ненавистью к советскому строю, тоталитаризму и всей системе лжи, террора и насилия, которая царила при И. В. Сталине»¹²⁵. Пренебрежение этим важным обстоятельством ведет к упрощенному и неверному истолкованию кеннановской идеи.

Важный сюжет, получивший достойное освещение в научной литературе – это невероятные прогностические способности Кеннана, предсказавшего крах коммунистической идеи и распад Советского Союза еще в самом начале «холодной войны». Мнение о том, что Кеннан гораздо глубже своих соотечественников на Западе «проник в суть советской системы и потому оказался, пожалуй, самым лучшим пророком ее исторической судьбы»¹²⁶, является общим местом в работах отечественных историков. По выражению В. Л. Малькова, «Кеннан оказался одним из первых аналитиков, усматривавших в могущественной советской системе не монолит, а внутренне развивающийся организм, способный дать в отдаленном будущем неожиданный результат»¹²⁷.

Стоит также отметить, что наряду с выявлением роли Кеннана в истории международных отношений, исследователи обратились к изучению такой важной темы в его творчестве, как критика американского общества. Формируются представления о Кеннанае как о человеке, «предпочитавшем «старый порядок» новым либеральным течениям в политической, общественной жизни и экономике, элитарную культуру – массовой, самоценность индивидуального сознания – массовому», что роднило его с «консервативно-культурным течением в общественной мысли Америки и Европы 20–30-х годов XX века»¹²⁸.

После смерти Кеннана 17 марта 2005 г. интерес к его персоне еще более усилился, сопровождаясь публикацией многочисленных биографических статей, в которых он предстает другом России, испытывавшим на протяжении всей жизни искреннюю привязанность к нашей стране¹²⁹. Среди всех публикаций особняком стоят статьи И. И. Орлика, который лично встре-

¹²⁵ Болховитинов Н. Н. Указ. соч. С. 8.

¹²⁶ Печатнов В. О. «Крахи или размягчение»: Джордж Кеннан и судьба советской системы. С. 45.

¹²⁷ Мальков В. Л. Указ. соч. С. 24.

¹²⁸ Животягин Е. А. Джордж Ф. Кеннан и советско-американские отношения в 1933–1936 годах: первые надежды и разочарования // Вестник института Кеннана в России. Вып. 5. С. 23.

¹²⁹ См.: Батурич Ю. М. «Мистер Х» оказался прав // Вестник института Кеннана в России. М., 2005. Вып. 8. С. 7–16; Он же. Посольство США. Москва. 1944. Секретно... (Эпизоды дипломатической карьеры Джорджа Кеннана в СССР) // Там же. М., 2008. Вып. 13. С. 123–131; Гуднев П. А. Дж. Кеннан (1904–2005). Идеалист, патриот, прагматик? // Антропология международных отношений. 2005. Т. 3. №2 (8); Печатнов В. О. Человек на все времена (памяти Джорджа Кеннана) // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование. Сб. статей. М., 2007.

чался с Кеннаном и сохранил теплые воспоминания об этой встрече¹³⁰. Эти исследования проникнуты глубоким уважением и симпатией к дипломату, стремлением представить объективную оценку его деятельности. Трудно не согласиться с И. И. Орликом, утверждающим, что «многие оценки дипломатом и историком Кеннаном международных событий второй половины XX века, его глубокие мысли о природе внешней политики США, России, ряда европейских государств, размышления о будущем развитии мира не только представляют интерес для историков, но и являются чрезвычайно актуальными для понимания современной все более усложняющейся и грозящей серьезными опасностями международной жизни, для разработки новых принципов дипломатии XXI века»¹³¹.

Среди последних отечественных работ, посвященных Кеннану следует отметить чрезвычайно интересное диссертационное исследование Р. Н. Чанышева «Джордж Фрост Кеннан как дипломат, государственный деятель и историк»¹³². В диссертации предпринимается попытка (вполне успешно) дать «комплексное осмысление жизни, творчества и основных этапов политической карьеры Джорджа Кеннана, вплетенных в сложную мировую историю XX века»¹³³. Чанышев совершенно прав, утверждая, что «личность Джорджа Кеннана, его наследие вызывают огромный неподдельный интерес у специалистов по истории США и России – как образец человека, внесшего благодаря своему «беллетризованному» опыту вклад в историческую науку; для дипломатов нового поколения – как образец государственной службы; для начинающих политиков – как незаурядный политический мыслитель и теоретик; для широкого круга людей – как личность, которая всю жизнь выдвигала и отстаивала свои взгляды по вопросам жизни, общества, морали, искусства и культуры»¹³⁴.

В целом, очевидно, что в современном российском обществе существует потребность в систематическом обращении к жизни и деятельности Кеннана, а отечественная историческая наука стремится удовлетворить эту потребность.

В зарубежной, прежде всего американской, исторической литературе Кеннану уделено еще большее внимание, проявившееся в создании целого ряда работ, в которых его взгляды «вписаны» в широкий исторический и социально-культурный контекст. Вопрос об образе Кеннана в американской историографической традиции чрезвычайно сложен, что обусловлено наличием огромного количества научной литературы, в которой фигура дипломата так или иначе представлена. Речь идет об исследованиях по истории «холодной войны», истории советско-американских отношений, эволюции внешнеполитических доктрин. В этой связи представляется целесо-

¹³⁰ См.: Орлик И. И. Россия и Америка: к пониманию друг друга. Уроки Джорджа Ф. Кеннана // Вестник института Кеннана. 2008. Вып. 14. С. 76–88; Он же. Дж.Ф. Кеннан: «Большие дебаты» // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 150–166.

¹³¹ Орлик И. И. Россия и Америка: к пониманию друг друга. С. 78.

¹³² Чанышев Р. Н. Джордж Ф. Кеннан как дипломат, государственный деятель и историк. автореф. дис. ...канд. ист. наук. Казань, 2012.

¹³³ Там же. С. 6.

¹³⁴ Там же. С. 5.

образным остановиться на характеристике только биографических трудов, показав основные тенденции в изучении личности Кеннана.

Одним из первых к кеннановскому творчеству обратился американский журналист Б. Гелман, который в 1984 г. опубликовал работу о взглядах Кеннана на американскую внешнюю политику¹³⁵. На протяжении работы автор прослеживал эволюцию кеннановской позиции по вопросам стратегии и национальных интересов США, допустимых методов и способов осуществления внешней политики, процессу принятия внешнеполитических решений в условиях демократической системы. В конечном счете, Гелман пришел к выводу о доминировании во взглядах Кеннана консерватизма, «укоренившегося элитизма» и резкой критике демократического устройства¹³⁶. Во многом именно после работы Гелмана заговорили о таком явлении как «кеннановский консерватизм».

Эта идея была развита в исследовании профессора Колумбийского университета А. Стефенсона, вызвавшем значительный резонанс в американском обществе¹³⁷. Стефенсон стремился выявить взгляды Кеннана на Советский Союз и коммунизм, Соединенные Штаты и демократическую систему, а также представить его политическую философию в обобщенном и целостном виде. В итоге, он пришел к мысли о тесной взаимосвязи кеннановских представлений с европейской философией, эстетикой и литературой, и, напротив, разрыв с американской традицией. Стефенсон отмечал также присутствующий у Кеннана «органический консерватизм», проявившийся в его твердой убежденности в приоритете духовных ценностей над материальным достатком и техническим прогрессом.

Изучением своеобразного «кеннановского европоцентризма» занимался профессор Университета Дж. Хопкинса Дж. Харпер, в 1997 г. опубликовавший исследование о взглядах известных американских государственных деятелей на Европу¹³⁸. Касательно Кеннана, большая часть дипломатической карьеры которого прошла в различных европейских странах, Харпер видел в его отношении к Европе странную комбинацию «любви, ностальгии, разочарования и сожаления»¹³⁹. Харпер справедливо отмечал, что большое влияние на взгляды Кеннана оказали европейские мыслители – О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, Т. Элиот, Д. Лоуренс и другие, под влиянием которых его антилиберализм и консерватизм стали еще более отчетливыми¹⁴⁰.

Таким образом, изучение основ мировоззрения и мироощущения Кеннана является одним из важнейших направлений в исследовании его творчества. Однако совершенно очевидно, что наибольшее число произведений посвящено дипломатической и государственной деятельности Кеннана, охватывавшей период 1925–1952 гг. В центре внимания историков находится

¹³⁵ См.: *Gellman B.* Contending with Kennan: Toward a Philosophy of American Power. N. Y., 1985.

¹³⁶ См.: *Ibid.* P. 6–7.

¹³⁷ См.: *Stephanson A.* Kennan and the Art of Foreign Policy. Harvard, 1989.

¹³⁸ См.: *Harper J. L.* American Visions of Europe. Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson. Cambridge, 1997.

¹³⁹ *Ibid.* P. 231.

¹⁴⁰ См.: *Ibid.* P. 160.

анализ «доктрины сдерживания» и общая характеристика внешнеполитической концепции Кеннана. Чуть менее известен т.н. «югославский эпизод» его карьеры, случившийся в 1961–1963 гг., когда Кеннан занимал должность американского посла в Югославии при администрации Дж. Кеннеди.

В 1986 г. вышел в свет совместный многостраничный труд У. Айзексона и Э. Томаса, содержащий жизнеописание судеб шести правительственных чиновников – Д. Ачесона, Ч. Боулена, А. Гарримана, Дж. Ф. Кеннана, Р. А. Ловетта и Дж. Макклоя, определявших внешнюю политику США в послевоенный период¹⁴¹. Работа изобилует множеством подробностей и деталей, прекрасно передает атмосферу и дух времени, раскрывает характер взаимоотношений внутри Госдепартамента, реконструирует процесс принятия внешнеполитических решений. Айзексон и Томас в немалой степени способствовали созданию образа Кеннана как интеллектуально одинокого и до конца непонятого человека в американском внешнеполитическом ведомстве. Только «длинная телеграмма» сделала Кеннана по-настоящему влиятельным дипломатом, но не потому, что он сказал в этом документе что-то принципиально новое (идеи, заложенные в «длинной телеграмме» он неоднократно высказывал, начиная с 1930-х гг.), а потому что Вашингтон, наконец-то, захотел его услышать¹⁴².

Продолжил и развил линию противопоставления Кеннана и официального Вашингтона профессор Д. Майерс, предложивший максимально подробное и детальное биографическое исследование дипломата¹⁴³. Майерсу удалось собрать и проанализировать все доступные источники, относящиеся к кеннановскому творчеству, предложив собственную трактовку его идей. Характеризуя каждый этап биографии Кеннана, Майерс отводил ему место вне круга ключевых американских деятелей, считая, что кеннановские взгляды всегда находились в противоречии с позицией руководства США. «Доктрина сдерживания» стала исключением (к сожалению, временным), которое лишь подтверждало это правило. Подобная ситуация привела к глубокому разочарованию Кеннана в возможности США проводить эффективную и ответственную внешнюю политику¹⁴⁴. Майерс пытался быть объективным и старался избегать как безоговорочной поддержки Кеннана, так и резкой критики, представив на страницах своей монографии сложную и противоречивую натуру героя, подверженную сомнениям и колебаниям, рефлексии и неуверенности в себе.

Известный историк-ревизионист У. Хиксон также обратился к творчеству Кеннана, сделав акцент на рассмотрении его внешнеполитической концепции¹⁴⁵. Прежде всего, Хиксон утверждал, что «доктрина сдерживания», сделавшая Кеннану имя и вознесшая его к вершинам политического влияния, предполагала установление американской гегемонии в планетарном масштабе. В этом смысле Хиксон выступал как критик «доктрины

¹⁴¹ См.: *Isaacson W., Thomas E. The Wise Men: Six Friends and the World They Made: Acheson, Bohlen, Harriman, Kennan, Lovett, McCloy.* N. Y., 1986.

¹⁴² См.: *Ibid.* P. 354.

¹⁴³ См.: *Mayers D. George Kennan and the Dilemmas of U.S. Foreign Policy.* N. Y.; Oxford, 1988.

¹⁴⁴ См.: *Ibid.* P. 101.

¹⁴⁵ См.: *Hixson W. George F. Kennan: Cold War Iconoclast.* N. Y., 1989.

сдерживания», отмечая при этом, что Кеннан видел в СССР исключительно политико-идеологическую угрозу, бороться с которой нужно невоенными средствами¹⁴⁶. Другой важный вывод, сделанный в исследовании, касался психологического портрета Кеннана. По мнению Хиксона, на протяжении всей его политической карьеры существовал глубокий конфликт между кеннановским реализмом и эмоциональностью, который нередко приводил к непредсказуемым результатам.

Свою трактовку внешнеполитической концепции Кеннана предложил и М. Полли, труд которого был опубликован в 1990 году¹⁴⁷. В этой монографии Кеннан рассматривается как яркий представитель школы политического реализма. Главным достоинством работы является подробный анализ основных произведений Кеннана, относящихся к изучению американской внешней политики. В изображении Полли Кеннан предстает активным защитником реалистичного подхода к мировым делам, оказавшим значительное влияние на американскую общественность и способствовавшим тому, что реализм станет мощной интеллектуальной силой в США после Второй мировой войны.

Чрезвычайно интересен труд профессора Университета Нотр-Дам У. Д. Мискэмбла, посвященный изучению влияния Кеннана на американскую внешнюю политику послевоенного периода¹⁴⁸. Подробно проанализировав деятельность Кеннана на посту руководителя Отдела политического планирования (ОПП), сопоставив влияние Отдела с другими государственными структурами, в частности, Советом национальной безопасности, Мискэмбл пришел к выводу, что кеннановское влияние было наибольшим при госсекретаре Дж. Маршалле (1947–1948 гг.). Хотя период синхронизации внешнеполитической концепции Кеннана и представлений высшего руководства США был очень недолгим, но довольно продуктивным. Именно в первые послевоенные годы была сформирована мировая международная система, и роль Кеннана в этом процессе трудно переоценить. По мнению Мискэмбла, «доктрины сдерживания» была сформулирована Кеннаном в самом общем виде и преследовала цель восстановить баланс сил в мире¹⁴⁹. Реализм, приоритет политико-экономических методов борьбы над военными, стремление найти нестандартные решения – все это отличало Кеннана на посту руководителя ОПП.

Можно уверенно констатировать, что именно по поводу внешнеполитической деятельности Кеннана развернулись наиболее острые дебаты – являлся ли он идеологом американского экспансионизма или же, напротив, решительно отстаивал реалистичный подход к международным отношениям и внешней политике США.

Американские научные круги отреагировали на смерть Кеннана, выпустив несколько новых биографических исследований. Среди прочих особо

¹⁴⁶ См.: *Hixson W.* Op. cit. P. 21.

¹⁴⁷ См.: *Polley M.* A Biography of George F. Kennan: The Education of a Realist. Lewiston, 1990.

¹⁴⁸ См.: *Miscamble W. D.* G.F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950. Princeton, 1992.

¹⁴⁹ См.: *Ibid.* P. 347.

выделяется монография Дж. Лукаса¹⁵⁰. Это не первое обращение автора к судьбе Кеннана – еще в 1997 г. была опубликована переписка между ними, которая велась в 1994–1995 гг. и затрагивала вопросы зарождения идей «сдерживания»¹⁵¹. Произведение «Джордж Кеннан: изучение характера» нельзя отнести к разряду скрупулезного исследования, в котором автор тщательно и дотошно анализирует источники или охотно пускается в историографические дебаты, по жанровой принадлежности это скорее историко-психологическое эссе, пространные размышления о склонностях, привычках и убеждениях героя. Лукаса интересует не столько событийная канва, детали и подробности карьеры Кеннана, взгляды и идеи, сколько эмоционально-психологическое состояние и внутренние переживания героя.

На страницах монографии Лукаса Кеннан предстает типичным уроженцем Среднего Запада, достигшим всего благодаря «интеллекту, характеру, сознательному использованию своих талантов»¹⁵², нашедшим способ самовыражения в постоянном писательском труде, интеллектуально одиноким, склонным к пессимистической оценке действительности, внешне отстраненным, но при этом ранимым, тонко чувствующим, способным к сопереживанию. Автор не скрывает симпатий, любви и уважения к герою, называя его не иначе как «совесть Америки», «воплощение лучших и совершенных черт американского характера», сетуя на недооцененность Кеннана соотечественниками¹⁵³.

Последняя на настоящий момент монография о Кеннана вышла в 2011 г. и автором ее является профессор Йельского университета Дж. Л. Гэддис. Его исследование «Джордж Ф. Кеннан: американская жизнь»¹⁵⁴ в апреле 2012 г. было удостоено Пулитцеровской премии. Гэддис неоднократно интервьюировал Кеннана, получил доступ к его личным дневникам и прочим документам, анализ которых и лег в основу монографии. В итоге появилась книга, «искренность которой сопоставима разве что с масштабностью охвата материала. Это глубокое историческое исследование и биография, где наряду с блистательным описанием частной жизни воспроизведена грандиозная панорама эпохи»¹⁵⁵.

Следует отметить, что Гэддис впервые обратился к творчеству Кеннана еще в 1970-е гг. в ходе работы над общими сюжетами истории «холодной войны»¹⁵⁶. Большое внимание он уделял «доктрине сдерживания», решительно отстаивая тезис о ее направленности на поддержание баланса сил в мире преимущественно невоенными методами. Именно Гэддис призывал разделять кеннановский замысел «сдерживания» и реализацию этих идей на практике. Неудивительно, что Гэддиса по праву считают одним из глав-

¹⁵⁰ См.: *Lukas J.* George Kennan: A Study of Character. New Haven, CT, 2007.

¹⁵¹ См.: *George Kennan and the Origins of Containment, 1944–1946. The Kennan-Lukas Correspondence.* Columbia, 1997.

¹⁵² *Ibid.* P. 6.

¹⁵³ См.: *Ibid.* P. 1.

¹⁵⁴ См.: *Gaddis J. L.* George F. Kennan: An American Life. N. Y., 2011.

¹⁵⁵ Пулитцеровская премия за биографию Джорджа Кеннана // Вестник института Кеннана в России. М., 2012. Вып. 21. С. 128.

¹⁵⁶ См.: *Gaddis J. L.* The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947. N. Y., 1972; *Idem.* The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War. N. Y., 1987; *Idem.* We Now Know. Rethinking Cold War History. Oxford, 1997.

ных апологетов Кеннана на Западе, что нашло новое подтверждение в недавно вышедшем исследовании.

В завершение необходимо еще раз подчеркнуть высокий научный и общественный интерес к личности, деятельности и интеллектуальному наследию Кеннана, который в равной степени существует в США и России. Отечественная историографическая традиция, посвященная Кеннану, прошла значительную эволюцию от всемерной и уничижительной критики до позитивных оценок и даже апологетики Кеннана. В американской историографии существовали и продолжают сохраняться различные подходы к изучению кеннановского наследия. Наибольшие дебаты вызывает «доктрина сдерживания», которая трактуется и как направленная на укрепление американского влияния в мире, и как ориентированная на защиту национальных интересов США. Однако все более очевидным становится стремление историков максимально полно охватить все грани невероятного таланта Дж. Ф. Кеннана, показав истинную значимость этой исторической фигуры.

С. В. Ананьев (Саратов)

БОРЬБА ЗА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ В 60-Х ГГ. XIX ВЕКА

*«Что же это была за страшная сила, которая подняла народ польский, двинула его на русские земли и за Днепр отбросила русскую народность? Это было колоссальное могущество костела, который принял под свое покровительство польское дело, и польское дело сделал собственным делом»
А.Мицкевич¹*

Вопрос о столкновении различных культур на каком-либо историческом пространстве всегда вызывал интерес у исследователей. В данном случае речь пойдет о Северо-Западном крае, как главном рубеже столкновения русского и польского народов, а также с культурой местного населения: белорусов и литовцев. Рассмотрим предысторию проблемы.

Северо-Западный край, именовавшейся русскими чиновниками как «губернии от Польши возвращенные», или как его называли поляки «Забранный край» употреблялся поляками для обозначения земель, отошедших к России по трем разделам Речи Посполитой, в противоположность Царству Польскому². Западная Россия была в три раза больше по площади, чем сама Польша, и полякам было необходимо жизненное пространство, так как они считали себя оплотом Европы от территориальных и иных посягательств России³. Эти земли ранее были русскими, а коренным населением являлись литовцы и белорусы, но с XIV в. началось заселение туда поляков (однако к 60-м гг. XIX в. их численность составила всего лишь 10% от общего населения края, и 2 млн. литовцев и русских говоривших по-польски – С. А.). После трех разделов Речи Посполитой в 1772, 1793, 1795 гг., поляки всячески пытались оспорить приобретенные Россией территории (с точки зрения географии, владеть этими землями проще и удобнее всего было Пруссии – С. А.).

К 1863 г. в Северо-Западном крае проживало около 3,5 млн. белорусов, 1,5 млн. литовцев, 0,5 млн. поляков. Оставшееся население края составляли русские, украинцы, евреи⁴. Обрусение западных земель Российской империи шло медленно. До конца 50-х гг. XIX в. высшие администраторы в повседневной служебной речи по-прежнему продолжали именовать эти земли

¹ Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Вильна, 1867. Т. 1. С. 1.

² См.: Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909. С. 38–40.

³ См.: Ратч В. Ф. Указ соч. С. 18.

⁴ См.: Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши. М., 1962. С. 49.

– «польскими губерниями»⁵. Местная культура противопоставлялась более рьяно именно «господской» культуре, нежели русской. Распространение в 40-х гг. XIX в. книг на литовском языке подтверждало претензии этих народов на национальную самобытность⁶.

Германизация польских земель, например, шла успешнее, так как она сопровождалась насильственной колонизацией и ассимиляцией населения⁷. Эта политика сопровождалась насильственной ассимиляцией населения и доходила до абсурда. Например, немецкие власти так мотивировали взимание штрафов с девочек-пастушек за употребления польского языка: «Коровы отлично понимают и по-немецки, а потому дерзость пастушек должна быть наказана»⁸. В итоге их родители приговаривались к денежному штрафу, а сами виновницы должны были написать по пятьдесят раз каждая – «Ich darf nicht polnisch sprechen» («я не имею права говорить по-польски») и столько же раз повторить эту фразу. «Культуркампф» О. фон Бисмарка предполагала даже тюрьмы для 12–13 летних детей, и вызывала стачки детей. Данную политику вполне отражают следующие строки: «Там от Варты до Гнезна / В мир стучится голос гневный / Стонет мать-земля во мраке / Мучают детей пруссаки»⁹

В сравнении с прусской частью Польши политика царской администрации в крае была более сдержанной. Напротив, с началом царствования Александра II в крае оживилась общественная и культурная жизнь. Крупнейшие общественные деятели той поры не скрывали надежд на сближение двух народов. А. И. Герцен писал: «Нам кажется, что Польша и Россия могут рука об руку идти одной дорогой к новой свободной, социальной жизни», а Н. А. Серно-Соловьевич подчеркивал, казалось бы, наметившееся «естественное тяготение славянского мира к России»¹⁰. Германизация и колонизация польских земель проводилась жестко, и поэтому успешнее. Несмотря на все это немецкая печать называла русских из-за проводимой политики в Северо-Западном крае: «монголами», «язычниками», «туранскими шаманами» и пр.¹¹

Еще в период правления Николая I правительство стремилось превратить поляков в лояльных подданных империи. Проводилось переселение и «перевоспитание» поляков, регулирование браков между православными и католиками и пр. Но не был учтен фактор зависимости политики от влияния ментальных образов и стереотипов «Польши» и «поляков»¹². Католицизм с течением истории становился в глазах русских сугубо польской верой. Русский образ поляка-врага отчетливо обрисовался в общественном

⁵ Долбилов М. Д. Конструирование образа мятежа: политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. или объект историко-антропологического анализа // Actio Nova. 2000. С. 338.

⁶ См.: Революционная Россия и революционная Польша. М., 1967. С. 8.

⁷ См.: Под австрияка или под прусса? // Русский вестник. 1891. № 12. С. 93.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 95.

¹⁰ Гросул В. Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине не XIX века. М., 2001. С. 60–61.

¹¹ См.: Под австрияка или под прусса? С. 93–94.

¹² См.: Долбилов М. Д. Рец: Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 19–20.

сознании после Смутного времени начала XVII века. 1861 год стал весомым стимулом к русификации в результате пробуждения народных национальных сил и т. п.¹³. Образы «кичливого ляха», интригана и смутьяна, или коварной обольстительницы польки трансформировались в литературе на протяжении XIX–XX вв., принимая форму идеологических клише. Например, видный историк Н. И. Костомаров сравнил национальные черты русского человека и поляка. Он отметил, что, несмотря на то, что русский человек был неучен и не знал того, что знал поляк, но более его был развит в жизненных вопросах, имел более прямой взгляд на вещи¹⁴. Если для одних Польша была аванпостом цивилизации, то для других она олицетворяла «латинскую ересь». Известнейший славянофил Ю. Ф. Самарин дал следующую характеристику этому государству: «Польша – это острый клин, вогнанный латинством в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепы»¹⁵.

Для поляков был характерен образ России как враждебной силы, угрожающей цивилизованной Европе, страны бескрайнего холода и деспотизма, покорных и забитых людей¹⁶. Такое негативное представление двух народов друг о друге объяснялось еще тем, что они долгие века находились по соседству, вели частые войны, имели взаимные территориальные претензии. Образ русского-врага также формировался на протяжении долгого времени. Россия участвовала в трех разделах польского государства, затем проводила там политику русификации (в XX в. – советизации). В свою очередь, наоборот, в польской пропаганде имелся оскорбительный образ «Московии» – азиатской, варварской, полумонгольской страны. В сознании поляков происходило раздувание образа некогда великой Польши, проводилась пропаганда того, что Северо-Западный край – составная часть Польши (претензии на территорию Северо-Западного края поляки мотивировали еще и тем, что край никогда не был именно «московским» – С. А.). До восстания 1863 г. и в русском обществе модным явлением (особенно в его либеральной среде) было полонофильство.

Следует отметить, что политика в Северо-Западном крае тесно переплеталась с религией. В польской среде в XIX в. сохранилась сила «латинства», образовался своеобразный патриотизм, любовь к старой католической Польше и вера в ее возрождение¹⁷. «Латинство» к тому же воспитывало умение принаравливать к людям и обстоятельствам, верить во все иррациональное. Так как два народа боролись за первенство в славянском мире, то закономерным для них являлся показ превосходства в поведенческих схемах, публичных жестах, символически окрашенных административных

¹³ См.: Долбилов М. Д. Стереотип поляка в имперской политике: деполонизация Северо-Западного края в 60-е гг. XIX в. // Перекресток культур. Междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук. М., 2004. С. 53–55.

¹⁴ См.: Костомаров Н. И. Старый спор. Последние годы Речи Посполитой. Смоленск, 1994. С. 43.

¹⁵ Голубев С. А. Русско-польские отношения в последней трети XIX – начале XX вв. Тверь, 2003. С. 7.

¹⁶ См.: Филатова Н. М. «Гордый лях» в русских глазах // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 443–444.

¹⁷ См.: Миловидов А. И. Заслуги М. Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 6.

акциях и т. д.¹⁸. В 1862 г. распространение получили массовые манифестации и демонстрации поляков как знак протеста против властей. Распространение получило пение песен и гимнов. Примером могут послужить строки одной белорусской песни: «Выскажемся все за поляков, / Дружно присоединимся к ним / Ибо если будем с поляками, / Станем шляхтичами, дворянами»¹⁹.

Демонстранты несли с собой портреты участников польских восстаний, брошки и значки с изображением Белого орла, устраивали «кошачьи концерты» под окнами жандармерии и т. д. У польских женщин была мода на шляпки в форме конфедераток. Чиновник по МГИ Я. Н. Бутковский писал о том, что тогда ношение траура и пение гимнов в костелах производило впечатление общественных похорон, а народ избегал выходить на улицы в яркой одежде²⁰.

В январе 1863 г., после объявления правительством проведения рекрутского набора в Польшу (царское правительство посредством рекрутского набора пыталось изолировать наиболее опасные элементы польского общества, которые участвовали в манифестациях – С. А.), началось национально-освободительное восстание. Оно бросило русскому правительству не только военный, но и интеллектуальный вызов.

Ключевую роль в этой «культурной борьбе» между двумя народами в указанный период сыграло назначение Михаила Николаевича Муравьева виленским генерал-губернатором в мае 1863 г., – крайне консервативного министра Александра II, имевшего репутацию «крепостника» и «вешателя» в либеральных кругах. Помимо жестких административных мер к повстанцам, новый генерал-губернатор края стал одним из вдохновителей политики борьбы с поляками и в культурном направлении.

Муравьев создал собирательный образ «мятежника» 1863 года. Он был убежден, что в крае народ – русский; шляхта – «ополяченная»; католическая вера – знамя в борьбе²¹. Культивировалось убеждение, что польский национальный характер определяется чертами и свойствами женской натуры. Создавался образ коварной искусительницы, способной помрачить разум мужчины. Начальник края был убежден и в «поджигательной» роли польских женщин в восстании²². Муравьев по отношению к ним форсировал жесткие меры к ношению траура, за что взимались штрафы (первоначально взималась сумма в 25 руб., которая увеличивалась при повторном ношении траура). Для ношения траура по ближним родственникам давались особые билеты²³.

Показательным явлением стали публичные казни поляков. Первая при Муравьеве такая казнь произошла в Вильно 22 мая 1863 г. за чтение в кос-

¹⁸ См.: *Долбилов М. Д.* Стереотип поляка в имперской политике: деполонизация Северо-Западного края в 60-е гг. XIX в. С. 52–53.

¹⁹ Революционная Россия и революционная Польша. С. 7.

²⁰ См.: *Бутковский Я. Н.* Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1883. № 10. С. 86–88.

²¹ См.: *Ратч В. Ф.* Указ. соч. С. 239–240.

²² См.: *Долбилов М. Д.* Конструирование образа мятежа: политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. или объект историко-антропологического анализа. С. 360–361.

²³ См.: *Милютин Д. А.* Воспоминания 1863–1864 гг. М., 2003. С. 239.

теле революционного манифеста ксендзом С. Ишорой²⁴. К концу 1864 г. было казнено 7 ксендзов²⁵. Особенностью первых казней было то, что расправа происходила без предварительного снятия с ксендзов сана. Эти меры произвели жуткое впечатление на католическое население края. Ординарец наместника Н. Морозов признал, что виленская администрация действовала «жестоко, бессердечно, это все, что вам угодно, но другого пути для успешной борьбы с восстанием не было»²⁶.

Одним из самых главных направлений политики Муравьева в крае стали его мероприятия в конфессиональном вопросе, так как религия, во многом, определяла курс культурного развития населения края. Если Муравьев был знаком с высказыванием А. Мицкевича (см. выше), то он мог его перефразировать и с полным основанием для себя отметить, что ему удалось отбросить польский костел из Северо-Западного края за Неман. Возможно, в проводимой им политике Муравьев учел особенности русского патриотизма и самосознания. Русский человек, прежде всего, должен был быть православным. Поляк – католиком. Принимая к сведению такое положение, генерал-губернатор направил борьбу с поляками на религиозную основу. По глубокому убеждению Муравьева, католическая церковь являлась одним из самых главных организаторов восстания 1863 года. Официально было выявлено 183 случая участия лиц католического духовенства прямо или косвенно в восстании 1863 года. Это послужило основанием к репрессиям по отношению к ним.

Проводилась политика, основанная на жестком вмешательстве светской власти в дела духовенства. Другой важной мерой Муравьев считал строительство и ремонт православных церквей. На эти цели он выделил из имевшихся в его распоряжении средств более 900 тыс. рублей. Также было построено 98 новых церквей и 63 часовни, возобновлено и отремонтировано 126 церквей. Открылась часовня во имя Александра Невского, созданная в память русских воинов, павших при усмирении восстания 1863 года. С другой стороны, Муравьев не приветствовал массового обращения местного населения в православие, чтобы избежать разговоров крестьян о том, что царское правительство ломает их веру²⁷.

В 1863–1864 гг. в Северо-Западном крае царское правительство вырабатывает стандарт политики русификации национальных окраин. Культивировалось чувство морального превосходства над польской цивилизацией. Борьба за души литовцев, белорусов, евреев стала важной составляющей русско-польской «войны за цивилизацию». Фронт этой войны проходил по белорусским землям. Причем поляки были убеждены в своем культурном превосходстве над русскими²⁸. Русский образ национальной территории или «идеального отечества» сформировался в остром конфликте, в том

²⁴ См.: Из записок виленского старожила // Русская старина. 1893. № 7. С. 79–80.

²⁵ См.: Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф. 811. Оп. 1. Д. 57 (Положение Западного комитета о размещении высланных участников польского восстания 1863 г.). Л. 42–45.

²⁶ Морозов Н. Люди и нравы за полвека // Русская старина. 1913. № 10. С. 104.

²⁷ См.: Черевин П. А. Воспоминания П. А. Черевина. Кострома, 1920. С. 66.

²⁸ См.: Щукин В. Pro et contra «честной чичиковщины» // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 344–345.

числе и с соответствующей польской концепцией. Для поляков же, «идеальным отечеством» была Польша в границах 1772 года. Территория Северо-Западного края входила в рамки «идеального отечества» как для поляков, так и для русских²⁹. Вследствие приоритета католического вероисповедания население края больше тяготело к западноевропейской культуре.

Муравьев прозорливо полагал, что русская школа сделает в крае больше, чем русская армия. Если к началу 1863 г. в крае насчитывалось 115 народных школ, то до конца года было открыто еще 120, а в конце 1864 г. их было уже 520. Все они находились на попечении православного духовенства. Получило запрет изучение истории и географии Польши в пределах 1772 года³⁰.

В крае полным ходом шла пропаганда православия. Он декларативно объявлялся «древним достоянием» России. Унификации подверглось не только польское образование, а также транспорт, таможенная и почтовая службы и т. д. Было решено ввести в литовских школах русский алфавит и издать новый букварь, что вызвало недовольство местного населения. Теперь в польских, немецких и еврейских школах было введено обязательное преподавание русского языка. Польские учителя повсеместно замещались русскими. Согласно циркуляру Муравьева 24 марта 1864 г., все вывески, объявления, надписи и т. п. на польском языке должны были быть заменены русскими за короткий срок. Велась борьба с польской символикой, организовывались инспекции в типографии и фотостудии. Все делопроизводство вплоть до низшего уровня теперь должно было вестись на русском языке. Русским было также запрещено жениться на польках³¹. Применялось наказание за распространение и поддержание польских начал в обществе. В местных театрах ставились исключительно русские пьесы. Один из чиновников Муравьева вспоминал: «Польский говор был изгнан... раньше польская речь царила всюду, даже семейство Назимовых (предшественника Муравьева на посту генерал-губернатора края – С. А.) училось польскому языку»³². Констатируя свое культурное национальное превосходство над русскими, польский журналист А. Шимановский впоследствии написал, недоуменно обращаясь к польскому читателю: «С каких это пор Восток стал для нас колыбелью великих общечеловеческих идей? С каких пор веяния этих идей отуманивают наши умы?»³³.

Успех политики русификации был бы невозможен и без призрака «полонизма»³⁴. Искусственным путем целенаправленно нагнеталось ощущение сплошного окружения русских жителей края знаками и символами «полонизма». Однако генерал-губернатор М. Н. Муравьев был уверен, что на тот период русская историческая идея была намного сильнее польской. Известный русский демократ А. И. Герцен не без сарказма заметил: «И хо-

²⁹ См.: *Миллер А.* Конфликт «идеальных отечеств» // *Родина.* 1999. № 8. С. 81–82.

³⁰ См.: ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 48. Л. 48.

³¹ См.: *Бутковский Я. Н.* Из моих воспоминаний. С. 101.

³² *Никотин И. А.* Из записок И. А. Никотина // *Русская старина.* 1902. № 3. С. 511, 517.

³³ *Снытко Т. Г.* Русское народничество и польское общественное движение 1855–1881 гг. М., 1969. С. 107.

³⁴ *Долбилов М. Д.* Стереотип поляка в имперской политике: деполонизация Северо-Западного края в 60-е гг. XIX в. С. 241–242.

роша, должно быть, эта коренная (русская) народность, которую поддерживать надобно такими (имея в виду жесткость политики Муравьева в крае. – С. А.) виселицами и комфортативами...»³⁵.

Впоследствии, уже в период наместничества В. Н. Троицкого, в Вильно был открыт музей Муравьева (материалы к нему собирались сразу после восстания 1863 г.), в котором была собрана богатая коллекция о польском восстании. Интерес представляют некоторые картины: на одной, например, одноглавый польский орел повалил на землю двуглавого и терзает его, а возле него в отчаянии рвет на себе волосы православный «москаль», которого как схизматика с неба поражает молнией сам Господь; на второй – Спаситель воскрешает Польшу; на третьей – Польша распята на кресте³⁶. Польский художник Я. А. Матейко написал большую картину, представляющую казаков, бьющих нагайками польскую даму, стоящую на коленях перед Муравьевым³⁷.

Появившийся в Вильно в 1856 г. музей древностей подлежал реконструкции – его богатейшая коллекция активно заменялась. В период наместничества М. Н. Муравьева в Северо-Западном крае, по сути, проводилась культурно-политическая ассимиляция. Большинство тамошнего населения рассматривалось как составная часть русского народа. Необходимо было вытеснить из употребления польский язык и заменить его русским. Преследовалось публичное употребление польского языка и письменности. А. И. Герцен отмечал, что налагался штраф за польский разговор в размере 10 руб. серебром, а за ношение католического креста – штраф суммой в 50 рублей³⁸. М. Н. Муравьев считал, что поляки и большая часть Европы «постепенно стремились отторгнуть Западный край от России, и отодвинуть нас к пределам Азии, обратить, как они презрительно выражаются, в прежнюю Московию или Монголию», так как «они хорошо знают, что с лишением Западных губерний мы должны будем потерять и значение наше в Европе»³⁹.

Ужесточение политики по русификации края произошло, как ни странно на первый взгляд, уже после Муравьева – в 1868–1869 гг., когда сопротивление повстанцев было окончательно подавлено. Были введены указы о ведении делопроизводства исключительно на русском языке, а в дальнейшем польский язык и вовсе был исключен из учебных программ в крае. В дальнейшем эта политика подстегнула новую волну недовольства местного польского населения. Один из руководителей польского тайного общества А. Шимановский недоумевал: «С каких это пор Восток стал для нас колыбелью великих общечеловеческих идей, с каких пор веяния этих идей отуманивают наши умы?»⁴⁰. Постановка этого вопроса в данном случае не вызывает удивления, если брать в расчет то презрительное

³⁵ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30-ти т. М., 1959. Т. 18. С. 54.

³⁶ См.: Каспийский М. И. Муравьевский музей в Вильне // Исторический вестник. 1901. № 7. С. 276–277.

³⁷ См.: Владимиров А. П. О Виленском памятнике М. Н. Муравьеву // Русское обозрение. 1895. № 6. С. 879.

³⁸ См.: Герцен А. И. Указ. соч. С. 326–327.

³⁹ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 45. Л. 14.

⁴⁰ Снытко Т. Г. Указ. соч. С. 107.

отношение польской интеллигенции к русской политике и культуре в крае, о котором было сказано выше.

С 60-х гг. XIX в. снова начинают употребляться термины «белорусы» и «Белоруссия». Второй термин вытесняет ранее господствующее название края – «Литва». В целом, проводимая политика русификации возымела успех, а к началу XX в. Западный край почти перестали называть «польским». В журнале «Русский инвалид» отмечалось, что в крае, где свирепствовала анархия, было водворено спокойствие. По мнению редакции журнала, Польша была просто обречена на потерю независимости, и не было возможности «вдохнуть жизнь в это одряхлевшее тело»⁴¹. С. С. Рейсер в своей оде нарисовал образ поверженной Польши: «Жена печально сокрушена, / В одежду скорби облачена, / почти безжизненно лежит, / мечами тело изъязвлено, / и смерть над ней косою блестит»⁴².

Однако искоренить полностью польскую культуру в крае (которая занимала более прочные позиции, чем русская) не удалось. Поэтому, несмотря на «подавление» там «польского элемента», развитие культуры в крае застопорилось, а сильный русский землевладельческий класс так и не был создан, бюрократия получила расцвет⁴³. Крестьянство края продолжало различаться русского по внешности, обычаям, нравам. Оно отделяло себя от крестьян Великороссии, и у него не было явного тяготения к Москве⁴⁴. Меры по обрусению не дали ожидаемого результата, а лишь усилили раздражение польского общества. А. Свентоховский метко подметил по этому поводу: «Нельзя бороться против зимы, зима останется зимой, но за ней должна прийти весна»⁴⁵.

Очередное польское восстание 1863 г. было подавлено царскими войсками, общественное спокойствие восстановлено жесткими действиями администрации Муравьева. Эти меры были востребованы временем и ситуацией в России. К тому же Муравьев успешно провел своего рода «информационную войну» против поляков и католичества в крае, внедряя в русское население новые стереотипы. Однако окончательно интегрировать Западные губернии в Российскую империю и одержать верх именно в культурном направлении над поляками там не удалось. А. И. Герцен высказал ту точку зрения, которая предельно актуальна и в наши дни и заключается в равноправии народов: «Никого не надобно ни русифицировать, ни полонизировать...никому не надобно мешать говорить и думать, учиться и писать как ему хочется»⁴⁶. В заключение хотелось бы отметить, что слова виднейшего российского демократа как нельзя кстати подходят для нашего многонационального государства.

⁴¹ Вестник Западной России. 1864–1865 гг. Т. 3. Кн. 11. Отд. 3. С. 405, 442.

⁴² Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917 гг. М., 1976. С. 24.

⁴³ См.: Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909. С. 43–44.

⁴⁴ См.: Карнович. Е. Раздумье над «Записками» графа Муравьева // Наблюдатель. 1883. № 12. С. 28–29.

⁴⁵ Голубев С. А. Русско-польские отношения в последней трети XIX – начале XX вв. Тверь, 2003. С. 17.

⁴⁶ Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917 гг. С. 133.

О. В. Борисова (Саратов)

ОТКРЫТИЕ И ПЕРВЫЕ ШАГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САРАТОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ (1830–1840-Е ГОДЫ)

История Саратовской духовной семинарии в той или иной степени затрагивалась исследователями⁴⁷, которые кратко касаются вопроса об организации учебного процесса в семинарии. Более подробно останавливается на этом аспекте Колесникова С. Ю. (но автор, в основном, затрагивает эпоху Великих реформ)⁴⁸.

В настоящей статье предпринимается попытка осветить предысторию и первые шаги духовной семинарии.

Открытие Саратовской духовной семинарии явилось событием закономерным и имело значительную предысторию, поскольку имели место неоднократные попытки создать это учебное заведение⁴⁹. Но только 26 сентября 1830 г. это дело увенчалось успехом⁵⁰.

⁴⁷ См.: *Покровский В. М.* Материалы к истории Саратовской Духовной Семинарии // Тр. СУАК. 1902. Вып. 22; *Демченко А. А.* Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Ч. 1. Саратов, 1978; *Он же.* Литературная и общественная жизнь Саратова (из архивных изысканий). Саратов, 2008; *Воробьев М., свящ.* Православное краеведение: Очерки церковной истории Вольска и Саратовского края. М., 2002; *Мраморнов А. И.* Жизненный путь священника Александра Петровича Мраморнова (1874–1941). Саратов, 2004. *Он же.* Духовная семинария в России начала XX века. Кризис и возможности его преодоления (на саратовских материалах). Саратов, 2007; *Майорова А. С.* Саратовская духовная семинария и ее роль в преобразовании культурного пространства губернского города в первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Сер. История, международные отношения. 2005. Т. 5. Вып. 1–2. *Она же.* Архивы духовного ведомства в Саратовской губернии XIX в. // Православие в контексте истории, культуры и общества / под ред. И. А. Дорошина. Саратов, 2005; *Кащеев В. И.* Иван Федорович Синайский и преподавание древних языков в Саратовской духовной семинарии (1830–40-е гг.) // Церковь и образование: значение православных духовно-нравственных ценностей в современной России / под ред. прот. Димитрия Полохова, И. А. Дорошина. Саратов, 2008; *Ардабацкий Е. Н.* Выпускники Саратовской духовной семинарии: епископы-писатели XIX века // Православная культура: ценности классической науки, образования и искусства: в 2 т. Т. 2. Саратов, 2010.

⁴⁸ См.: *Колесникова С. Ю.* К вопросу об изменении учебного курса в Саратовской духовной семинарии в 50–60 годы XIX века // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2010. Вып. 9; *Она же.* Становление миссионерского образования в середине 50-х гг. XIX в. (на примере Саратовской духовной семинарии) // Платоновские чтения: материалы и доклады XVI всеросс. конф. молодых историков. Самара, 2010; *Она же.* Учебный процесс в Саратовской семинарии после реформы 1867 года // Новый университет. Серия «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук». 2011. № 2 (2).

⁴⁹ См.: Саратовская православная духовная семинария. История и современность. Саратов, 2010.

⁵⁰ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 83.

Необходимость открытия духовной семинарии в Саратове объяснялась многими причинами. В частности, по «безуспешности в нравственном отношении»⁵¹ Саратовской мужской гимназии, появившейся в 1820 году. Кроме того, невысокий уровень образования саратовского духовенства требовал более подготовленных кадров. Так, барон Шенк находившийся в Саратове в ноябре 1812 г., писал: «Попы, или низший класс русского духовенства, является, как правило, незнающими, грубыми и в большинстве своем людьми без всякого образования, и сами лишь отчасти почитаются жителями. <...> О научных знаниях у них не может быть и речи; я не встретил ни одного, кто понимал бы латинский язык»⁵². В 1839 г. А. Ф. Леопольдов сообщал: «Духовенства ученаго в Саратовской губернии едва ли есть третья доля. Ныне приняты особые меры для того, чтобы дать церквям, по крайней мере Священников ученых»⁵³. «Подавить плевелы глубокаго невежества и закоренелаго суеверия», – продолжал он, – в этом обществе видело задачу семинарии, осознавая, что «это не прежде как через годы»⁵⁴. Протоиерей Николай Герасимович Скопин описывал многочисленные жалобы на священников. Причиной их были чаще всего вымогательства и пьянство: «1808 год. Июля 8 дня. Посетил я узморского священника Стефана и нашел его всецело впавшим в пьянство»⁵⁵. Его же записи, сделанные в другие годы: «Соборной дьячек Абрам Кононов пьянствовал и много раз содержался духовном Правлении. <...> Священники в праздничные дни никто не были ни у молебнов, ни сами в церквях не служили»⁵⁶. Архивный фонд Саратовской духовной консистории содержит дела о взяточничестве⁵⁷, о разврате⁵⁸, а есть и вовсе о сожжении церковнослужителями человека и разгроме питейного дома⁵⁹.

Исследователи также отмечали широкое распространение сектантства в России, и Поволжье не было исключением⁶⁰. Государственный архивный фонд Саратовской области содержит дела о сектантах, раскольниках, молоканах⁶¹. Чтобы этот процесс не приобрел угрожающие размеры, церковь должна была приложить значительные усилия, а для этого были просто необходимы подготовленные кадры, способные противостоять сектантству.

3 ноября 1828 г. император утвердил доклад Святейшего Синода, в котором говорилось об открытии в Саратове духовной семинарии и причисле-

⁵¹ Цит. по: *Духовников Ф. В.* Первые страницы Саратовской мужской гимназии // Труды СУАК. Т. 4. Вып. 2. С. 48.

⁵² Цит. по: *Тотфалушин В. П.* Волжские пленники. Саратов, 2011. С. 200.

⁵³ *Леопольдов А. Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1839. С. 50.

⁵⁴ Там же. С. 51.

⁵⁵ *Скопин Н. Г.* Журнал для записи деяний и иных поступков, до духовного причта Саратовского касающиеся // Саратовский исторический сборник, издаваемый СУАК в память трехсотлетия города Саратова. Саратов, 1891. Т. 1. С. 583.

⁵⁶ Там же. С. 581–584.

⁵⁷ См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 67.

⁵⁸ См.: Там же. Д. 438, 896.

⁵⁹ См.: Там же. Д. 628.

⁶⁰ См.: *Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1931. URL: http://books.e-goods.ru/img/49945_d.JPG (дата обращения 11.04.12).

⁶¹ См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 46, 47, 49–62, 150–175, 177–207, 334–430, 550–620, 730–732, 756, 758–812, 896, 896а–898, 1728, 1733, 1746, 1750, 1754–1778.

нии ее к Казанскому учебному округу⁶². Тогда же была определена сумма на содержание – 20390 руб., которая и была выделена 5 августа 1830 года⁶³. Комиссия духовных училищ приобрела под учебное заведение дома старшего советника Устинова, утвердила правление семинарии, ее штат, а также было приказано перевести учеников и учителей из Пензенской семинарии⁶⁴. Обо всем этом, а также о церемонии открытия семинарии⁶⁵, ее преподавательском составе подробно написано В. М. Покровским⁶⁶.

Итак, цели и задачи семинарии очевидны. Она была открыта и приступила к их реализации. Каким образом? Рассмотрим, как строился учебный процесс в данном учебном заведении. К моменту открытия семинарии в Саратове несостоятельность и неэффективность уже существовавших к тому моменту учебных заведений объяснялась педагогической системой – «системой выучки». Из педагогических приемов, прививавших любовь к наукам, самыми распространенными были заучивание наизусть «от сих до сих» и наказание⁶⁷. Впрочем, эти методы процветали и впоследствии.

Однако нельзя не отметить, что стали появляться преподаватели иного уровня. Среди них Николай Герасимович Скопин. Его педагогические приемы были кардинально иными. Уважение среди учеников и завидную репутацию среди преподавателей ему создали требовательность, сочетающаяся с гуманностью по отношению к ученикам, умением объяснять, беседовать, вести общение в благоразумной форме⁶⁸. Позднее эту линию продолжил Гаврила Иванович Чернышевский.

Схоластика имела под собой вполне определенные основания. 29 мая 1830 г. инспектор архимандрит Евлампий из правления Московской духовной академии указал: «По представлениям Преосвященных Епархиальных Архиереев об усилении надзора за нравственностью учеников и о наблюдении, чтобы не были первого разряда такие ученики, коих отличные успехи в науках не сопровождаются совершенно добрым поведением»⁶⁹. Предписывалось для надзора, кроме инспектора, иметь до трех помощников из профессоров, которые бы следили «за благонравием неупустительно»⁷⁰. Следила за благонравием и Комиссия духовных училищ, исключая из реестра запрашивавшихся правлением семинарии книг лишние, по ее мнению⁷¹.

Что касается преподавателей, то интересно, что, по указу Николая I переезжавшие в Саратов из Пензы, Уфы, Рязани получали разное количество лошадей в соответствии с саном. В связи с долгой дорогой жалование с прежнего места работы приходило в течение нескольких месяцев. При этом случались курьезы. Например, Московская духовная академия рассчитала, что Розанову и Саблукову положено на обзаведение по 100 руб., на прогоны

⁶² См.: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

⁶³ См.: Там же. Л. 6.

⁶⁴ См.: Там же. Д. 4, Д. 8, Д. 20, Д. 21, Д. 23, Д. 35.

⁶⁵ См.: Там же. Д. 4. Л. 83.

⁶⁶ См. *Покровский В. М.* Указ. соч.

⁶⁷ См.: Биография священника Герасима Алексеевича Скопина // Саратовский исторический сборник, издаваемый СУАК в память трехсотлетия города Саратова. Т. 1. С. 77.

⁶⁸ См.: Там же. С. 78.

⁶⁹ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 162.

⁷⁰ Там же. Л. 162 об.

⁷¹ См.: Там же. Л. 114, 115.

по 94 руб.80 копеек⁷². А выдали последнему обе суммы на обзаведение, одну из которых впоследствии пришлось истребовать.

Архивный фонд семинарии содержит аттестаты и послужные списки преподавательского состава. Разумеется, в них давались лишь положительные характеристики, хотя и имелись графы под названием: «Какого поведения, и в должности исправен ли и надежен ли?», «Не подлежал ли суду и штрафам?». Есть сведения о том, где каждый обучался, какие предметы должен знать, где затем применял свои знания; включены все заслуги, награды, пожалования и, наконец, на какой должности находится на момент составления документа⁷³. Штатные места после открытия занимали:

1. Ректор, профессор богословских наук, магистр, архимандрит Никодим.

2. Инспектор, профессор философских наук, магистр, игумен Иоанн.

3. Эконом, священник Саратовской нерукотворной Спасской церкви, Яков Снежницкий.

4. Секретарь правления, учитель церковной истории и греческого языка, кандидат Иван Синайский.

5. Профессор словесных наук и французского языка, магистр Константин Сокольский.

6. Учитель физико-математических наук и немецкого языка, кандидат Яков Розанов.

7. Учитель гражданской истории и еврейского языка, кандидат Гордий Саблуков⁷⁴.

Приведу в пример послужной список Иакова Снежницкого. «Имя и звание»: Нерукотворенно-Спаской церкви священник. «Лета от рождения»: 38. «Какой нации или состояния»: из Велико-Россиян, священнический сын. «Где и чему обучался»: 23 сентября 1801 г. поступил в Пензенскую семинарию, в низших классах которой обучался российской и латинской грамматике, священной и всеобщей историям, географии, арифметике. В высших – поэзии, мифологии, риторике, философии, богословию, французскому и греческому языкам. «Награждения»: в течение богословского курса 1810 г. определен был учителем этимологического класса. По окончании курса, 15 июля 1812 г., преосвященным Афанасием епископом Пензенским определен при Пензенской семинарии комиссаром. 20 октября 1818 г. рукоположен преосвященным города Саратова во введенной церкви в священника. 1 апреля 1819 г. определен увещателем по саратовским присутственным местам. 25 января 1820 г. определен учителем высшего отделения в Саратовское духовное училище. 5 августа 1822 г. указом Пензенской духовной консистории с утверждения Пензенского преосвященного Амвросия определен наставником саратовского духовенства. 28 октября тем же указом стал доверенным лицом на экзаменах по закону божьему и священной истории в Саратовском уездном училище. 10 мая 1824 г. ему объявлено одобрение от Пензенского семинарского правления. 19 октября переведен от введенной церкви к Нерукотворенно-Спаской. 8 августа 1826 года преосвященным Ирмеем епископом Саратовским на-

⁷² См.: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 69.

⁷³ См.: Там же. Д. 23. Л. 1–11.

⁷⁴ См.: Там же. Д. 80. Л. 9.

гражден набедренником. 16 июля 1829 г. преосвященным Моисеем епископом Саратовским определен попечителем о бедных духовного звания Саратова⁷⁵.

Никаких жалоб на преподавателей, замечаний мною найдено не было. Однако, если обратиться к воспоминаниям о Н. Г. Чернышевском, мы черпнем и неофициальные сведения. Ученики страдали полным отсутствием интереса к предметам, которые поручали вести И. Ф. Синайскому, за исключением греческого языка (последним он владел в совершенстве)⁷⁶. Математические науки изучались опытами и измерениями лишь на бумаге, представляемой учителем М. И. Смирновым⁷⁷. Скучнейшие лекции объяснялись тем, что учителя боялись выйти за рамки, строго установленные сверху. Материальная мотивация занятий науками также отсутствовала – заработок был предельно скромный.

И все же нельзя не сказать о прогрессивной роли семинарии. В первую очередь она обучала. 11 декабря 1830 г., в связи с внутренними испытаниями в семинарии в этом месяце, Саратовское семинарское правление потребовало от преподавателей конспекты по предметам и отвело на подготовку 5 дней⁷⁸. По классу Богословия преподаватель за сентябрьскую треть 1830 г. из 30 человек учеников выделил 5 «очень хороших способностей», 8 «изрядных», 13 «хороших», 1 «довольно хороших» и 3 «нехудых», перечисляя всех поименно⁷⁹. Надо отметить, что, как и в настоящее время, в большинстве случаев те, кто занимался отлично по одному предмету, имели положительные оценки и по остальным. И, наоборот, нерадивые ученики имели плохие оценки практически стабильно. Впрочем, в 50% случаев, имея отличные успехи в науках, семинаристы были на плохом счету по поведению и прилежанию, что учитывалось в первую очередь. Трудно сказать, каким образом учитель делил для себя характеристики одного и того же ученика, такие как способности, прилежание и успехи. Из тех же 30 человек 15 были «прилежания ревностного», 3 «неослабного», 1 «неутомимого», 1 «очень порядочного», 1 «похвального», 1 «довольно хорошего», 4 «старательного и 3 – «прилежен»⁸⁰. И. Ф. Синайский по предмету церковной истории отметил среди 41 ученика 6 отличников, 7 человек «очень хороших способностей», 21 «хороших», 6 «нехудых», 5 «средственных» и 2 не посещали занятия, так как были больны⁸¹. Нужно отметить следующую закономерность: по классу математических наук показатели менее успешны. Из 44 человек всего 1 отличник, 3 способностей «посредственных», 1 болел, а 3 вовсе не занимались⁸². Сравним хотя бы с иностранным языком (немецким), где из 40 человек 12 получили высшую оценку⁸³. Единой системы оценок не про-

⁷⁵ См.: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.

⁷⁶ См.: Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Ч. 1. С. 77.

⁷⁷ См.: Там же. С. 78.

⁷⁸ См.: ГАСО. Ф. 12. Д. 32. Л. 2.

⁷⁹ См.: Там же. Л. 5.

⁸⁰ См.: Там же.

⁸¹ См.: Там же. Л. 6.

⁸² См.: Там же. Л. 17.

⁸³ См.: Там же. Л. 18.

слеживается. Каждый преподаватель произвольно определял, как занимались его подопечные.

После экзаменов 20–22 декабря 1830 г. семинарское правление завело книгу успеваемости, в которой отмечало уже только количество лучших учеников по отделениям и количество самых худших (больше всего таковых было по математическим наукам) без каких-либо дополнительных характеристик. Например, после экзаменов в декабре 1846 г. сделана запись о преуспевших учениках: «Высшего отделения 1 класса 5 человек, 2 класса 1 человек, Среднего отделения 1 класса 3 человека, 2 класса 3 человека, Низшего отделения 1 класса 5 человек, 2 класса 4 человека»⁸⁴. Эта система существовала вплоть до 1867 г., когда устав духовных семинарий установил пятибалльную шкалу отметок⁸⁵.

С экзаменов в июле 1833 г. преподаватели стали также отмечать выговоры, замечания и наказания. Среди них такие, как содержание в течение трех дней на хлебе и воде в столовой из-за неуспеваемости по греческому языку⁸⁶. По еврейскому языку семинаристы давали подписку впредь хорошо учиться. По классу философских наук стояли на коленях 4 человека, а вот по математике на 7 дней 14 (!), из них 2 сняты с казенного содержания⁸⁷. По классу всеобщей истории провинившиеся 7 дней служили в столовой⁸⁸. Это лишь несколько примеров из всех возможных. С экзаменов в декабре того же года записей о наказаниях больше не делали.

Из послужных списков преподавателей следует, что, находясь в богословском или философском классах, они уже сами вели предметы, так как учителей не хватало. Ни методики, ни педагогики на тот момент еще не существовало, все зависело от личности наставника: как он видел учебный процесс, какого результата хотел добиться, в соответствии с этим и действовал. И. Е. Захарова приводит отрывок из письма Владимира Игнатьева, выпускника Александро-Невской академии, поступившего в 1814 г. учителем в Новгородскую семинарию: «209 человек сидят у меня в одном классе, да целая сотня в другом. Все хотят у одного научиться, каким образом различные народы на разных диалектах и языках прославляли и прославляют одного и того же Бога... Как занять всех вместе? У всякого своя способность, свои успехи, свой возраст. Пииты требуют первых начал грамматики, риторики другого, философы и богословы – высших сведений. Как удовлетворить всем в два часа? Как занять всех одновременно? Я выдумывал средства, но все маловажны. Везде должен быть я: я – поправить, я – диктовать, я – сказать, я – назначить... Сейчас лежит у меня на столе 400 тетрадок по языку греческому, да около сотни по французскому»⁸⁹. Преподавание в Саратов-

⁸⁴ ГАСО. Ф. 12. Д. 36. Л. 31 об.

⁸⁵ См.: Высочайше утвержденный Устав Православных Духовных Семинарий // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1871. Т. 42. № 44571.

⁸⁶ См.: ГАСО. Ф. 12. Д. 36. Л. 48.

⁸⁷ См.: Там же. Л. 49.

⁸⁸ См.: Там же.

⁸⁹ Цит. по: Захарова И. Е. Гавриил Иванович Чернышевский – представитель элиты провинциального духовенства первой половины XIX века: дис. ...канд. ист. наук. Саратов, 2010. С. 70.

ской семинарии было обеспечено рекомендациями ни чуть ни больше. Хотя определенные указания встречаются.

После открытия Саратовской семинарии исполняющий обязанности ректора игумен Иоанн отправил записку с тем, чтобы из Московской духовной академии прислали предписания, существующие для семинарий⁹⁰. В академии сослались на то, что документы есть, но переписывать их некому, и переслали запрос в правление Пензенской семинарии. От последней ответ пришел только 28 марта 1831 года⁹¹. То есть полгода Саратовская семинария не имела возможности начать занятия по правилам. В Пензе тоже не нашлось писмоводителей, у которых было бы время на переписку документов, поэтому ректор архимандрит Иоанн прислал оригиналы, с них следовало снять копии и отправить обратно. В архивном фонде есть опись документов, переправленных когда-то из Московской духовной академии в Пензенскую семинарию⁹². В ней огромное количество документов, однако, сохранились они не все. Запрошенные семинарским правлением конспекты по предметам (о них уже говорилось) составлены как раз на основе данных списков. Рассмотрим, каковы были эти предметы и их содержание.

Обучение продолжалось 6 лет и состояло из трех двухгодичных отделений, или классов: низший класс риторики, средний класс философии и высший класс богословия. Рассмотрим по порядку.

Словесность российская и латинская. Важной составляющей этих дисциплин было стихосложение. Однако основной целью было подготовить семинаристов к богословию и философии, поэтому словесность преподавалась раньше. Цель опять же – «способствовать развитию мыслить и изъясняться»⁹³. На курсе отводилось два года. Что касается поэзии, то здесь следовало научить русскому и латинскому стихотворству и «употребительнейшим родам его: поэзия Египетская, Дидактическая, Лирическая и Драмматическая». Выбор книги полностью предоставлялся семинарии. Второй составляющей было церковное красноречие. Чтобы им овладеть, необходимо было изучить Риторику Ломоносова, *De Oratore* Цицерона, а также Квинтилиана. Обязательным упражнением был «правильный и строгий разбор» какого-либо места из вышеперечисленных авторов по выбору наставника и написание сочинения. План сочинения давал наставник. Раз в неделю то же следовало проделывать с проповедями. Также давалось задание переложить прозу в стихи. Подобные задания выполнялись 2–3 раза в неделю. В конце курса каждый ученик должен был предоставить 2–3 больших речи на русском и латинском языках.

Всеобщая история. Ее преподавание «имеет предметом своим то, чтобы дать ученикам ясное понятие о важнейших происшествиях мира»⁹⁴. Смысл в том, что предполагалось сформировать определенный взгляд, но охватить как можно большее количество событий целью не ставилось. Из всех народов, империй преподаватель должен был рассказать лишь о самых воинст-

⁹⁰ См.: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁹¹ См.: Там же. Л. 5.

⁹² См.: Там же. Л. 7.

⁹³ Там же. Л. 16.

⁹⁴ Там же. Л. 18 об.

венных и самых просвещенных, то есть передовых цивилизациях. А из истории последних нужно было выбрать те события, которые явно, с точки зрения наставника, являлись свидетельством промысла Божия на Земле о человеческом роде.

Философские науки. Их задача состояла в следующем: «Раскрыть разумок в учащихя, и возвести их до того, чтобы они мыслили постоянно и основательно»⁹⁵. В курс включались предметы под названием 1) «последствующие философии» (*Philosophia instrumentalis den Logica*) – излагали «правила к основательному суждению о каждой истине»; 2) «всеобщие философии» (*universalis Ontologia*) – открывали «истины общие всем существам»; 3) мирословие (*Cosmologia*), наука о мире вообще; 4) наука о духах, «неотделима от душесловия и Психологии»; 5) естественное богословие (*Theologia naturalis*); 6) философия деятельная (*Philosophia Practica*). Новшество в данной науке состояло в том, что академия не находила учебников, которые соответствовали бы требованиям, поэтому профессор имел широкое поле деятельности. Ему рекомендовалась всего одна книга Евментия *Philosophia Vanmistera demonstratinum*, которую советовали отредактировать, добавив свои соображения и замечания. Кроме этого, учитель имел право назначить для чтения любую литературу, которую посчитает нужной. Разрешалось перед учениками ставить под сомнение общепринятые утверждения, задавать вопросы, заставляя тем самым их размышлять самостоятельно. Разумеется, данный подход имел прогрессивные последствия для учащихя, с одной стороны, и способствовал появлению свободомыслия, с другой.

Математические и физические науки. Курс их также распределялся на два года. В первый год предстояло изучить 1) основания универсальной арифметики или алгебры. Было сказано, что «Частная Арифметика, или Арифметика чисел не полагается», так как этот предмет входит в курс приходских или уездных училищ; 2) основания геометрии; 3) приложение алгебры к геометрии и плоская тригонометрия. Во второй год входили 4) основания дифференциального и интегрального исчисления; 5) основания механики; 6) математическая география; 7) пасхалия; 8) основания умозрительной и опытной физики. Книги по предметам были точно определены: а) начальные основания чистой математики Фуеса, б) руководство к механике, изданное для народных училищ Российской империи, в) краткое руководство к математической географии и к познанию небесного шара, изданное для народных училищ, г) правило пасхального круга, или краткое наставление как разуметь и употреблять церковную пасхалию, д) основания умозрительной и опытной физики Шрадера.

Богословские науки предполагалось изучать, чтобы воспитать «Пастырей для церкви, которые должны быть наставниками вверяемых им христиан». Включать эти науки должны следующие предметы: 1. Богословие изъяснительное (*Theologia hermenevtika*) призвано открыть способы поиска и нахождения истины в Св. Писании, научить находить истинное знание самостоятельно. 2. Богословие созерцательное (*Theologia Dogmatika*) включает в себя изучение книг. Строго определены имена отцов церкви, к которым можно

⁹⁵ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

обращаться для разъяснения догматов. 3. Богословие нравственное (Theologia Moralis). 4. Археология. По этому предмету профессору рекомендовано составить курс самостоятельно по плану. То есть, дать понятие «о древностях Церкви вообще», «древности лиц или степеней церковных», действий и обрядов, совершаемых во время богослужения, описать предметы, для этого необходимые. Любопытно то, как определяли, что именно относить к археологии: «Для утверждения древности какого-либо предмета можно довольствоваться одним кратким, но вернейшим свидетельством, почерпнутым из совершенного установления, или ближайшего к сему времени писателя; а иногда и одним указанием на место Автора»⁹⁶.

Толкование предмета «Церковная история» определено следующим образом: «Это есть основание на твердых свидетельствах, от частных повествований ко всеобщим соображениям возведенные, и к деятельному наставлению направленное изложение происхождения на Земле Церкви Божией, перемен, во внешнем и внутреннем ее состоянии последовавших, и непрерывного ея под особым промыслом сохраненныя, от начала мира до ныне»⁹⁷. Делят историю церкви на внешнюю и внутреннюю. Внешняя изучает церковь как «общество Человеков», его лучшее состояние и бедственное, союзников и врагов, географию распространения церкви. Внутренняя история занимается изучением веры, богослужения, сути учения, выдающихся представителей, внутренних противоборств, расколов, ересей. Если все это систематизировать, то за два года следовало изучить Ветхозаветную церковь в десяти периодах: I. От сотворения мира до потопа. II. От потопа до Авраама. III. От Авраама до Моисея. IV. Времена Моисея. V. Времена судей. VI. От начала царей до построения храма. VII. От создания храма до его первого разрушения. VIII. Времена пленения вавилонского. IX. От Ездры до Маккавьев. X. От Маккавьев до Христа. Новозаветную церковь в пяти периодах: 1. Новая церковь под видимым главой, от Христа до его вознесения на небо. 2. До Константина Великого. Церковь, процветающая внутри, и угнетаемая извне. 3. От внешнего мира церкви до разделения на восточную и западную. 4. От разделения до нового раздробления западной. 5. Новейшая история. Разделение церкви на множество частных ветвей. Преподаватель должен был самостоятельно провести деление внутри каждого периода по векам, пользуясь Св. Писанием, а также черпая сведения у Иосифа Флавия, Евсевия, Сократа, Феидирита. Данную программу предполагалось пройти за полтора года, а последние полгода отводились на повторение и закрепление курса.

Кроме того, Комиссия духовных училищ находила полезным чтение Св. Писания и определила каждый день читать воспитанникам отступление из Нового Завета, а также отводить 2 часа на занятие каждую субботу. Читать должен был каждый из профессоров по очереди.

⁹⁶ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 11 об.

⁹⁷ Там же. Л. 12.

**Расписание занятий в Саратовской духовной семинарии
в 1830 уч. г.⁹⁸**

В высшем отделении	В среднем отделении	В низшем отделении	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота
Богословия	Философия	Словесность	9.10	9.10	9.10	9.10	9.10	9.10
Церковная история	Математика и физика	Всеобщая история	11.12	≐	11.12	≐	11.12	≐
Язык греческий	Математика и физика	Всеобщая история	≐	11.12	≐	11.12	≐	11.12
Повторение и отчет в собственном упражнении учеников								
по Богословии	по Философии	по Словесности	3.4	≐	≐	≐	≐	≐
по Церковной истории	по Математике и физике	по Всеобщей истории	≐	≐	≐	≐	≐	3.4
Языки Еврейский Немецкий Французский	Еврейский Немецкий Французский	Немецкий Французский	≐	3.4	3.4	≐	3.4	≐

В 1830г. семинария насчитывала в риторическом классе 172 чел., в философском 76 и в богословском – 41, то есть всего в своем составе – 289 человек. Из них по окончании курса выпустились 39⁹⁹. Что касается того, как распределялось число учеников, существовало правило (согласно предписанию Московской духовной академии от 21 декабря 1818 года), по которому в класс к одному преподавателю набирали до 75 человек. Если число учеников превышало эту цифру, ему давали помощника из воспитанников высшего отделения. Последний получал звание лектора и жалование из хозяйственных сумм в размере «умеренное». Что под этим подразумевалось, точно сказать нельзя, но назначалось жалование по усмотрению семинарского правления. Если же класс превышал 150 чел., его делили на два, и

⁹⁸ Таблица составлена автором на основе: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 26 об.

⁹⁹ См.: Покровский В. М. Указ. соч. С. 57.

каждый препоручали отдельным профессорам. В зависимости от того, какие качества правление усматривало в наставниках, они подчинялись либо оба вышестоящему начальству, либо один другому.

Воспитанники семинарии на законных основаниях могли продолжить свою деятельность и на ином поприще, помимо духовного. Об этом 14 октября 1829 г. министерство внутренних дел известило гражданского губернатора¹⁰⁰. В силе для Саратовской семинарии оставались параграфы Императорской медико-хирургической академии наук (§105–108), в которых значилось, что сообразно надобностям медицинской службы каждый год Св. Синод назначает из воспитанников, окончивших философский курс, тех, кто в июле-августе отправляются на экзамены и, успешно их выдержав, остаются в академии на полном ее содержании. Есть также сведения о том, что в Императорскую академию художеств в Петербурге семинария, с утверждения духовно-учебного отдела при святейшем Синоде, отправляла учеников, обнаруживших талант в этой области, для дальнейшего изучения живописи¹⁰¹.

В зависимости от того, как семинарист окончил обучение, он мог претендовать на звание выпускника соответствующего разряда. Если получал первый разряд, то имел право обучаться далее в духовной академии, либо стать священником второклассной церкви. Выпускник со средними успехами мог претендовать на место священника в церкви третьего разряда, преподавателя приходской школы. Семинарист, окончивший обучение плохо, вряд ли мог надеяться сразу на место священника, а чаще становился дьяконом в церкви четвертого разряда. Обо всех выпускниках семинарии судить нет возможности. Но есть документы, которые свидетельствуют, что, например, Дмитрий Смиренский был обычным сторожем при церкви¹⁰². Многие ученики получали отказ в священнических местах. Например, Михаил Веселовский просил место своего отца, священника при Троицкой церкви Камышинского уезда Николаевской слободы. Однако ему последовал ответ: это место достоин занять лучший из учеников¹⁰³. Другой выпускник, Савва Архангельский, согласно резолюции его преосвященства Моисея, получил место священника Вольского округа.

Приведенный в статье материал свидетельствует, что открытие Саратовской духовной семинарии и ее становление способствовало повышению общеобразовательного и культурного уровня духовенства Саратовской епархии.

¹⁰⁰ См.: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 160.

¹⁰¹ См.: Там же. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1780, 1781.

¹⁰² См.: Там же. Ф. 12. Д. 161.

¹⁰³ См.: Там же. Д. 97. Л. 6 об.

З. И. Бичанина (Москва)

**«ЧЕМУ УЧАТ В ШКОЛЕ?»
(К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И ВОСПИТАТЕЛЬНОМ
ПРОЦЕССАХ В НЕМЕЦКИХ ШКОЛАХ ГОРОДА САРАТОВА)**

Современное российское школьное образование стремятся с каждым годом усовершенствовать, ссылаясь на необходимость реформирования в связи с возрастающими потребностями общества. Памятуя о поговорке, что «новое – это хорошо забытое старое», хочется обратиться к опыту предшествующих эпох и рассмотреть процесс обучения и воспитания в немецких школах города Саратова на рубеже XIX–XX веков.

Данный хронологический период был выбран не случайно. Именно к концу XIX – началу XX вв. немецкие национальные образовательные учреждения достигли подъема и представляли собой учебные заведения двух типов: приходские школы и училища, основанные при евангелическо-лютеранской и римско-католической церквях Саратова, а также частные гимназии. Все немецкие учебные заведения, кроме школ и училищ при евангелическо-лютеранском приходе, были полиэтничны. Причем, в некоторых частных гимназиях преобладали русские воспитанники из среднего класса городского общества, что может свидетельствовать о высоком уровне образования. При каждом образовательном учреждении обязательно находился попечительный благотворительный совет, который оказывал материальную поддержку школам и ученикам в трудных ситуациях.

Первая школа у немцев-лютеран Саратова появилась спустя некоторое время после их расселения на территории Саратовского Поволжья в 1786 году. В школе до 1793 г. проводились службы¹⁰⁴, на которых учитель выступал в роли священника¹⁰⁵. Обучались в школе дети обоего пола. Преподавание было, как и во многих других немецких школах¹⁰⁶, религиозным, то есть за основу обучения бралось изучение Библии и Евангелия, по которым дети учились читать, преимущественно заучивая тексты наизусть. Также предполагалось обучение письму, счету, библейской и новозаветной истории.

Лютеранское училище открылось 6 августа 1866 г. при пасторе Карле Коссмани и получило название Александро-Мариинской школы (училища),

¹⁰⁴ В 1793 г. лютеране возвели в городе церковь, и с тех пор школа была ее неотъемлемой частью.

¹⁰⁵ См.: Лиценбергер О. А. Школы в евангелическо-лютеранском приходе Святой Марии г. Саратова // Немцы и развитие образования в России. СПб., 1998. С. 242.

¹⁰⁶ См., напр.: Плесская-Зебольд Э. Г. Одесские немцы. 1803–1920. Одесса, 1999. С. 237–240; Дённингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004. С. 130–137; Черказыянова И. В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). СПб., 2004. С. 71–89.

в честь императора Александра II и церкви св. Марии¹⁰⁷. Попечителем училища был назначен и утвержден еще в 1860 г. Саратовской 2-й гильдии купец Иван Зейферт¹⁰⁸.

В это учебное заведение могли поступить только этнические немцы мужского пола различного вероисповедания¹⁰⁹. Оно разделялось на три класса, а каждый класс – на два отделения. Полное обучение длилось 5 лет. Учеников, умеющих читать и писать, набирали два раза в год – в январе и августе.

Программа обучения была обширнее и глубже, нежели в приходской школе. Она включала в себя такие предметы, как Закон Божий, русский и немецкий языки, географию, российскую и всеобщую историю, арифметику, алгебру, геометрию, основы физики и химии, искусство чистописания, рисование, гимнастику. Для учеников евангелическо-лютеранского вероисповедания предполагалось еще и церковное пение. Причем, обучение в училище, можно рассматривать с современных позиций вариативного образования. Например, такой предмет как Закон Божий преподавался в училище, исходя из религиозной принадлежности учащихся. Ученики евангелическо-лютеранского вероисповедания изучали Евангелие, Библию, катехизис, историю распространения христианской веры и т. д. Для учеников других конфессий предоставлялось «необходимое число часов во всех классах по усмотрению законоучителя с преподаванием сообразным с установленными от настоятелей духовным начальством»¹¹⁰. Во втором и третьем классах, по желанию учеников и их родителей, вводились дополнительные предметы: французский, латинский¹¹¹ и греческий¹¹² языки. Занятия проходили 5 раз в неделю, по 3 часа в день.

Формой проверки знаний учащихся служили экзамены, проводившиеся дважды в год: до Рождественских праздников и перед летними каникулами. Экзамены принимались должностными лицами, принадлежавшими к училищу, директором училища и членами церковного и училищного советов. Летние экзамены были открытыми: на них допускались родители и родственники учеников¹¹³. Видимо, такая система сдачи экзаменов носила воспитательный характер и в тоже время являлась некой формой моральной поддержки учеников. Родители же получали возможность увидеть результаты обучения своих чад.

Обучение велось тремя штатными учителями, остальные нанимались в училище по договору. Учителя избирались и определялись училищным со-

¹⁰⁷ См.: Лиценбергер О. А. Школы в евангелическо-лютеранском приходе Святой Марии г. Саратова. С. 245.

¹⁰⁸ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО) Ф. 825. Оп. 1. Д. 40. Л. 3.

¹⁰⁹ Позднее в училище стали принимать и девочек. К 1916 г. в училище существовали мужские и женские классы, а также смешанные приготовительные классы, где количество девочек иногда в два раза превышало количество мальчиков (см.: ГАСО Ф. 852. Оп. 1. Д. 252. Л. 1–11).

¹¹⁰ Там же. Д. 40. Л. 57.

¹¹¹ Если ученики в третьем классе отдавали предпочтение изучению классических языков, то их освобождали от занятий по французскому языку, физике и химии (см.: Там же. Л. 52).

¹¹² См.: Там же. Л. 48–52.

¹¹³ См.: Там же. Ф. 852. Оп. 1. Д. 40. Л. 53.

ветом, а сумма назначенного им вознаграждения утверждалась церковным советом, что свидетельствует о зависимости училища от церкви. Преподаватели также выполняли функции воспитателей. За каждым из них закреплялось отделение с 25 учениками. В обязанности воспитателей входило нравственное обучение воспитанников и подготовка с ними домашнего задания¹¹⁴. Большинство педагогов, прежде чем попасть в училище, окончили семинарии или частные пансионы с правом преподавания в качестве домашних учителей. Некоторые имели дипломы Московского и Дерптского университетов¹¹⁵.

Каждый воспитанник в конце месяца получал свидетельство об успехах в учебе и поведении, а по окончании курсов в высшем классе – подробный аттестат с отметками по предметам и нравственному поведению¹¹⁶.

Училище, ввиду малого финансирования, в 1870-х гг. было преобразовано в реальную школу¹¹⁷.

Ощущая нехватку учебных заведений в городе, немцы в 1889 г. дополнительно открыли школу при лютеранской церкви, которая в скором времени была признана учебным заведением II категории, частной прогимназией для детей обоего пола. Детям здесь предоставлялась возможность подготовиться для поступления в высшие учебные заведения, а также основательно изучить немецкий и русский языки. Школа просуществовала до 1916 г. и была преобразована в высшее начальное училище¹¹⁸.

На примере изучаемой детьми литературы интересно проследить, как тщательно педагоги относились к воспитанию будущего поколения. В начале учебного года воспитанники упражнялись в умении читать на простых и понятных для всех рассказах о животных: «Совет мышей», «Два козлика», «Лисица и волк». В середине года тематика произведений менялась, и детям предлагали читать рассказы на темы, связанные с семьей и воспитанием: «Наш дом», «Наша семья», «Брат и сестра», «Отец и сыновья». Далее следовал блок произведений, раскрывавших ученикам окружающий мир: «Наша улица», «Город», «Село и деревня», «В ожидании паром». В завершении обучения учащиеся обращались к социальным вопросам и проблемам: «Босой и безногий», «Какое богатство бог дал человеку», «Богач и бедняк», «Наследство», «Уступчивость», «Два товарища», «Странник», «Нужда», «Добрая слава лучше богатства», «Не в богатстве счастье», «Бережливость не скупость», «Бедный богач»¹¹⁹.

Для углубленного изучения немецкого языка ученикам предоставлялись специальные тетради для письменных упражнений к учебнику немецкого языка П. Глезера и Э. Пецольда, составленные преподавателем немецкого языка Э. Г. Кикасом. Издавались тетради в Санкт-Петербурге и присылались в училище на заказ¹²⁰. Все это свидетельствует о тщательной проработке

¹¹⁴ См.: ГАСО Ф. 852. Оп. 1 Д. 40. Л. 54–55.

¹¹⁵ См.: Там же. Ф. 852. Оп. 1. Д. 40. Л. 131–131 об.

¹¹⁶ См.: Там же. Л. 55 об.–56 об.

¹¹⁷ См.: *Лиценбергер О. А.* Школы в евангелическо-лютеранском приходе Святой Марии г. Саратова. С. 246.

¹¹⁸ См.: Там же. С. 248, 250.

¹¹⁹ См.: ГАСО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2.

¹²⁰ См.: Там же. Л. 30–44.

школьных программ, с учетом потребностей детей в познании мира и изучении родного для большинства школьников немецкого языка.

Помимо школ и училищ при евангелическо-лютеранской церкви, в Саратове существовали школа и духовные семинарии при римско-католической Тираспольской (Саратовской) епархии. Уровень образования в приходских школах долгое время оставлял желать лучшего, о чем свидетельствует и тот факт, что после открытия в 1857 г. духовной семинарии при римско-католической епархии набрать в нее 25 воспитанников из числа немцев-колонистов так и не удалось. Почти половину кандидатов пришлось приглашать из польских епархиальных семинарий¹²¹. Чтобы хоть как-то поправить положение в образовательной сфере среди католиков, в Саратове была открыта Малая семинария для мальчиков, носившая характер прогимназии. Обучались в ней преимущественно дети немецких колонистов. Задачей Малой семинарии была подготовка учеников для поступления в Духовную семинарию¹²².

За весь период существования Духовной семинарии ее окончили 244 воспитанника. Она играла существенную роль в процессе передачи духовного опыта последующим поколениям, осуществляя под руководством опытных педагогов обучение будущих духовных пастырей, и была неразрывно связана с религиозно-нравственным просвещением¹²³.

В начале XX в. большой популярностью стали пользоваться частные немецкие женские гимназии С. Н. Штокфиш, Э. К. Ульрих, А. Д. Куфельд, М. И. Островской-Горенбург. Все четыре учебных заведения были схожи по набору преподававшихся в них основных предметов. В частных гимназиях Э. К. Ульрих, А. Д. Куфельд и М. И. Островской-Горенбург дополнительно преподавали чистописание, пение, танцы, рукоделие, рисование, немецкий, французский и латинский языки¹²⁴. Такие предметы, как немецкий и французский языки, изучались по желанию учениц и их родителей. Преимущественно их выбирали ученицы лютеранского и римско-католического вероисповедания¹²⁵.

Успеваемость среди воспитанниц была на начало XX в. средней. Классные настоятельницы в своих отчетах подчеркивали, что девочкам не хватало усидчивости и терпения. «Не высокую степень успеваемости класса можно объяснить малою их серьезностью на занятиях. Соблюдая внешний порядок на уроках, они нередко бывают рассеяны, не умеют сосредоточиться, и потому многое ускользает от их внимания, а потом бывает труднее вспомнить»¹²⁶, – писала в своем отчете за 1909–1910 учебный год Е. В. Крубер, классная настоятельница в частной женской гимназии С. Н. Штокфиш. Конечно, были среди учениц гимназий и те, которым обу-

¹²¹ См.: *Лиценбергер О. А.* Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001. С. 117.

¹²² См.: Там же. С. 118.

¹²³ Подробнее о деятельности семинарий при Тираспольской римско-католической консистории в Саратове см.: *Лиценбергер О. А.* Римско-католическая церковь в России. С. 117–125.

¹²⁴ См., напр.: ГАСО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 2–14 и др.; Ф. 242. Оп. 1. Д. 2, 6, 13; Ф. 244. Оп. 1. Д. 8.

¹²⁵ См.: Там же. Ф. 246. Оп. 1. Д. 8. Л. 2, 7, 9, 11, 14, 15, 17; 29. Л. 1–4.

¹²⁶ Там же. Д. 5. Л. 5.

чение давалось легко, результатом чего становились их успехи в обучении. Помимо свидетельства, такие выпускницы получали серебряные либо золотые медали. Для получения золотой медали необходимо было обязательно иметь «отлично» по таким предметам, как Закон Божий и русский язык, по другим предметам допускалось наличие отметок «хорошо», но не более пяти из 12 дисциплин.

Рекомендации, предлагавшиеся для улучшения развития детей в то время, вполне можно взять на вооружение и в наши дни. Необходимо «возбудить в ученицах интерес к саморазвитию, создать запросы, вызвать искания наилучших идеалов. Цель стремлений – выработать дисциплину внутреннюю, т. е. установить постепенно порядок, основанный на сознательном отношении детей к окружающему. Этим будет создаваться сила гораздо более устойчивая и глубокая, при которой послушание вызывается не приказанием и страхом, а собственной разумной волей»¹²⁷.

Для привлечения в гимназии учениц в газетах «Саратовский вестник» и «Саратовский листок» размещались объявления о наборе на новый учебный год¹²⁸. К 1908 г. численность обучавшихся в некоторых немецких гимназиях превышала 600 человек¹²⁹. Набор в немецкие учебные заведения осуществлялся по конкурсу. Например, на 2 сентября 1910 г. в гимназию С. Н. Штокфиш было подано 130 прошений, из них 40 – в четвертый класс. После решения педагогического совета выяснилось, что поступили лишь 60 учениц, остальным было отказано по причине плохой подготовки¹³⁰.

Следует отметить, что в саратовских газетах о деятельности немецких школ города помещалось множество любопытных заметок и статей, касавшихся, в первую очередь, учебного процесса¹³¹.

В целом, обучение в гимназиях соответствовало образовательным стандартам того времени. О качественном преподавании в гимназиях может свидетельствовать то, что обучались в них дети из состоятельных семей, а по окончании учебного заведения воспитанницы зачастую получали сертификат на право домашнего обучения. Некоторые из учениц, стараясь продолжить обучение, поступали в высшие учебные заведения страны.

Чтобы время, проведенное в гимназиях, не превращалось в серые рабочие будни, для учениц устраивались развлекательные мероприятия с их непосредственным участием. Это могли быть вечера, танцы или выставки работ по рукоделию и рисованию.

К «300-летию юбилею дома Романовых» в саратовских учебных заведениях проходили торжественные мероприятия. Не остались в стороне и немецкие гимназии. В гимназии А. Д. Куфельд были организованы литературно-музыкальные вечера, на которых ученицы декламировали стихотво-

¹²⁷ ГАСО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

¹²⁸ См.: Саратовский вестник. 1908–1914. Март – сентябрь; Саратовский дневник 1877–1907. Март-сентябрь; Саратовский листок. 1908–1914. Март-сентябрь.

¹²⁹ Так, например, в 1908 г. в женской гимназии Э. К. Ульрих обучалось 669 учениц, а в гимназии А. Д. Куфельд – 684 ученицы (см.: Саратовский листок. 1908. 6 декабря. С. 3).

¹³⁰ См.: Саратовский вестник. 1910. 2 сентября. С. 3.

¹³¹ См.: Там же. 7 апреля. С. 2; 11 июня. С. 3; 13 августа. С. 3; 2 сентября. С. 3; 10 октября. С. 5; Саратовский дневник. 1877. 20 сентября. С. 1; 1890. 3 января. С. 1; 17 мая. С. 3; 15 июля. С. 1; 27 ноября. С. 2; Саратовский листок. 1910. 14 апреля. С. 3; 1911. 9 января. С. 3; 4 июня. С. 3; 8 июня. С. 2; 11 июня. С. 2.

рения и прозу: А. А. Коринфского «Смутное время на Руси», М. Розенгейма «Памятник Минину и Пожарскому», Л. Н. Толстого «Монолог инокини Марфы». «После чего ученицами был разыгран 2-й акт из «Жизни за царя» с участием хора»¹³².

Гимназистки сами пытались проводить благотворительные вечера в пользу нуждавшихся. Так, «воспитанницы двух старших классов гимназии г. Штокфиш задумали и осуществили доброе дело. Они, собственными силами, при участии воспитанниц других учебных заведений и местных студентов, устроили в здании гимназии Штокфиш 2 февраля музыкально-литературный вечер, выручку с которого, 350 рублей, пожертвовали “на радий против рака”. Не говоря уже о почине, который дорог сам по себе, техническое оборудование вечера и достигнутые результаты, – все свидетельствовало о способности к организованной совместной работе. Заслуживает внимания, что вечер обошелся без участия профессиональных артистов, пели, играли, читали, рассказывали только студенты, гимназисты, гимназистки»¹³³.

Саратовские немцы смогли создать довольно развитую систему национального образования. Классические формы обучения, применяемые в немецких учебных заведениях рубежа веков, были весьма продуктивны. Среди студентов и вольнослушателей Саратовского университета с 1910 по 1917 гг. наблюдался количественный прирост лиц немецкого происхождения (с 16 до 160 человек), в том числе и окончивших саратовские немецкие средние образовательные заведения¹³⁴.

Арчебасова Н. А. (Волгоград)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СТИПЕНДИАТЫ XIX В.: ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ВДАЛИ ОТ ДОМА

В XIX в. происходят серьезные изменения в образовательной политике Российской империи. Государственная заинтересованность в обучении квалифицированных государственных служащих (император Петр Великий) и развитие корпоративной культуры дворян и дворянок (императрица Екате-

¹³² Саратовский вестник. 1913. 26 февраля. С. 3.

¹³³ Там же. 1917. 12 февраля. С. 4.

¹³⁴ Посчитано по: Список студентов и посторонних слушателей императорского николаевского университета на 1912–1913 учебный год. По медицинскому факультету. Саратов, 1912; Список студентов и посторонних слушателей императорского николаевского университета на 1913–1914 учебный год. По медицинскому факультету. Саратов, 1913; Список студентов и посторонних слушателей императорского николаевского университета на 1914–1915 учебный год. По медицинскому факультету. Саратов, 1914; Список студентов и посторонних слушателей императорского николаевского университета на 1915–1916 учебный год. По медицинскому факультету. Саратов, 1916. Также см.: Аврус А. И., Ганоненков А. А., Данилов В. Н. История Саратовского университета. 1909–2009: в 2 т. Т. 1. 1909–1945. Саратов, 2009. С. 54, 68.

рина Великая) стали ощутимо полезными для всех граждан¹³⁵. Российское дворянство ранее других сословий достигло уровня обязательного среднего образования для мужчин и женщин за счет государственной поддержки, корпоративной взаимопомощи, привлечения разнообразных источников финансирования.

Малочисленность гимназий и институтов приводила к значительной доле среди учащихся полных пансионеров. Они вынуждены были жить в «благородных пансионах» вдали от своих родных, оплачивать проживание, питание, обучение, воспитание, лечение, организацию досуга и другие расходы, связанные с обособлением от семейного хозяйства. Все это стоило в несколько раз дороже оплаты посещения только учебных занятий приходящими учениками, семьи которых проживали в данном населенном пункте, и было доступно далеко не всем представителям привилегированных слоев общества.

Для помощи малоимущим дворянам (в XIX в. в «благородном» сословии наблюдается значительное экономическое расслоение) получить необходимое их детям по статусу образование привлекались разнообразные финансовые источники: средства губернских приказов общественного призрения, удельных и институтских имений; стипендии представителей императорской фамилии, организаций и частных лиц; общественные сборы и пр.¹³⁶. Другие сословия старались адаптировать накопленный опыт. Наряду с подражанием элитарной культуре дворянства здесь сыграли свою роль такие факторы, как расширение сфер применения получаемых знаний и умений; появление интеллигентных профессий; эмансипация женщин и др.

Особой формой благотворительности можно полагать воспитание приемных сирот своих родственников или жителей данного населенного пункта (особенно характерно для купечества¹³⁷), помощь детским сиротским приютам. Пожертвования в пользу приютов можно классифицировать по времени – на ежегодные, периодические и единовременные; по виду – на денежные и вещественные (утилитарные и ценные), предоставление услуги (лечение, пользование банями и прачечными, ремонт); по форме организации общественного благотворительного мероприятия – на любительские концерты и спектакли, лотереи, замены праздничных визитов в гости пожертвованиями и др.¹³⁸. Так, в типичном для того времени отчете Пензенского Александринского детского приюта можно увидеть значительное разнообразие видов благотворительной помощи детям. Среди них: денежные и

¹³⁵ См.: *Артамонова Л. М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX века: (Юго-Восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. – 391 с.

¹³⁶ См., напр.: Отчет о состоянии Казанского Родионовского института благородных девиц за 1848 год // Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 80. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 24–25.

¹³⁷ См.: *Кузнецов В. В.* Основные черты и особенности семейного уклада и духовной жизни волжского уездного купечества в конце XVIII – первой половине XIX в. // Саратовский краеведческий сборник: научные труды и публикации / под ред. проф. В. Н. Данилова. Саратов, 2008. Вып. 4. С. 70–86.

¹³⁸ См.: Годовой отчет Саратовского губернского попечительства детского приюта за 1850 год // Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1–10б.

вещественные пожертвования от разных персон и неизвестных лиц взамен праздничных визитов или в «кружечный» сбор приюта; выручка за проведение любительского благотворительного спектакля, от продажи рукоделий дам местного общества и воспитанниц приюта, подаренных картин¹³⁹. Каждое из проведенных мероприятий вносило свой вклад в улучшение условий социализации сирот. Например, три благотворительных спектакля 1859 г. в пользу детских приютов и бедных города Астрахани позволили собрать около трех тыс. рублей¹⁴⁰.

Основными формами помощи учащимся, воспитывавшимся в родных или приемных семьях, можно считать анонимное или именованное пожертвование; деньги, собранные по подписке; узаконенный или добровольный общественный целевой сбор¹⁴¹. Причинами добровольной общественной помощи была ощутимая выгода. Например, в 1862 г. общества удельных крестьян Самарской губернии, «изъявившие желание участвовать в расходах на школы, открываемые в их селениях, были побуждаемы к тому назначением из них большего против прежнего числа учеников в приказные училища и уничтожением в последних вакансий учеников, находящихся на общественном содержании»¹⁴².

Обязательные образовательные сборы в России XIX в. не были обременительными для податных сословий. Так, на обучение сельских писарей из детей государственных крестьян подушный сбор в середине века составил не более пяти коп. серебром¹⁴³. К концу XIX в. Российская империя занимала последнее место среди европейских государств по расходам на народное образование (в процентном отношении ведомственных расходов в государственном бюджете)¹⁴⁴, однако за счет общественной поддержки в 1907 г. начала реализовывать законопроект об обязательном начальном обучении детей.

Общественно-ориентированный характер образования становится знаковым для первой половины XIX в. и приобретает завершенность в земско-общественных и общественно-городских учебных программах. Территориальные, сословные, корпоративные типы обществ и их альянсы по-разному реализовывали свои интересы в сфере образования. Сельское общество активно участвовало в решении насущных образовательных вопросов для го-

¹³⁹ См.: Сведения о Пензенском Александринском детском приюте. 1850 год // Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. ба. Л. 5.

¹⁴⁰ См.: О благотворительных спектаклях любителей в пользу детских приютов и бедных города Астрахани // Астраханские губернские ведомости. 1859. № 7.

¹⁴¹ См.: Благотворители и меценаты прошлого и настоящего: словарь-справочник от А до Я / авт.-сост.: М. Л. Макальская, Н. Н. Бобровская. М., 2003. – 256 с.; Ведомость о денежных сборах Астраханской губернии на отправление разных повинностей в 1857 году // Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 8. Ед. хр. 51. Л. 63об.–64.

¹⁴² Рапорт управляющего Самарскою удельною конторою Рихтера в Департамент уделов. 31.05.1862 года // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 515. Оп. 8. Ед. хр. 2516. Л. 32.

¹⁴³ См.: Потребности на содержание мальчиков, приготовляющихся в сельские писаря. 1850 год // Там же. Ф. 383. Оп. 22. Ед. хр. 32030. Л. 60б.

¹⁴⁴ См.: Антропов П. А. Финансово-статистический атлас России. СПб., 1898. С. 15.

сударственных, удельных и частновладельческих крестьян¹⁴⁵; волостное – государственных крестьян; уездное и губернское – преимущественно для дворянства; городское – для всех жителей города и его окрестностей; епархиальное – духовенства Русской православной церкви и их семейств.

Приоритет в вопросах среднего образования принадлежал обществам городов уездного и губернского статуса. Общества столичных городов Москвы и Санкт-Петербурга мало отличались по инициативности от провинциальных, так как ведущую роль в становлении системы высшего и среднего образования играла власть. Ходатайства отдельных городских обществ об открытии на их территории университетов практически не рассматривались. Например, общество губернского города Саратова начало просить об этом с середины XIX в., так как на весь Казанский учебный округ (Поволжье и Приуралье) работал один Казанский университет, но университет в Саратове открыли только в 1909 году¹⁴⁶. Значительная часть студентов вынуждена была жить далеко от своих семей. Средние учебные заведения размещались по стране строго по административно-территориальному принципу. Сначала они открывались исключительно в губернских центрах, потом, по мере необходимости, в уездных городах.

Формы общественной образовательной помощи можно разделить по месту в процессе обучения на предшествующие, сопровождающие и последующие. К предшествующим относились: а) предоставление желающим учиться увольнительных свидетельств из обществ (документ, обязательный для поступления в учебное заведение); б) перераспределение среди членов общества финансовых обязательств учащихся перед государством (подушные подати и сборы, рекрутская повинность, др.); в) принятие решений на общественных собраниях и сходах о необходимости постройки новых учебных заведений.

Наиболее детально представлены в источниках увольнительные свидетельства. Процедура их получения включала в себя прошение родителей, родственников или опекунов к правлению общества; зарегистрированную подписку поручителей в принятии на себя всех финансовых обязанностей учащегося перед обществом и государством; протокол общественного собрания и выписку из него об отсутствии препятствий к обучению. Приведем пример типичного содержания подписки поручателей: «Июнь 1854 года. В конторе астраханского мещанского общества мы, нижеподписавшиеся астраханские мещане Е. Максимова, Я. Степанов и М. Андреев, дали сию подписку астраханскому мещанскому обществу в том, что мы обязуемся за сына астраханской мещанки Степана Степанова, состоящего в малолетстве и уволенного здешним мещанским обществом для обучения фельдшерскою школою на счет астраханского приказа общественного призрения, платить <...> подушные подати как во время обучения его фельдшерскому званию,

¹⁴⁵ См.: Арчебасова Н. А. Школы для крестьянских детей в имениях помещиков Шереметевых (середина XIX века) // Модернизация и традиции – Нижнее Поволжье как перекресток культур: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева. СПб.; Волгоград, 2006. С. 390–399.

¹⁴⁶ См.: Национальный исследовательский Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского: официальный сайт. URL: <http://www.sgu.ru/node/23420> (дата обращения: 12.05.2012).

так и в то время, когда по окончании четырехлетнего курса учения будет находиться на службе в ведении приказа общественного призрения всенепременно ежегодно и в положенное законом время»¹⁴⁷.

Данные решения и документы не были формальными. Рабочих рук в хозяйствах постоянно не хватало, повинности податных сословий государству составляли значительные расходы в семейных бюджетах. Отсюда становится понятным желание крестьян и купцов обучать детей дома или забирать их из школ по мере надобности (посевная, уборка урожая, сезонные ярмарки и др.)¹⁴⁸. Массовый характер исключения учащихся из школ по требованию родственников наряду с частыми пропусками учебных занятий близко живущих учеников типичны для данного столетия.

Крестьяне и купцы до середины XIX в. предпочитали домашнее обучение и воспитание, носившее практически-прикладной характер участия в семейном хозяйстве. Дворянское общество также неохотно отпускало своих детей учиться далеко от дома из-за значительных расходов на проживание в благородных пансионах, редких свиданий и пр. Широко зафиксирована практика всесословного обучения в начальных школах, когда в одном классе были как личные дворяне, мещане, солдатские дети и пр., так и крепостные крестьяне. Во второй половине XIX в. ситуация с приоритетным домашним воспитанием меняется в пользу школьного обучения, но значительную роль здесь сыграла политика государства по увеличению количества учебных заведений, приближению их к домам учащихся.

Важным предварительным этапом подготовки к школьному обучению были: а) сборы средств на частичную или полную оплату обучения; б) первоначальное обмундирование детей (сезонная одежда и обувь, белье, постельные принадлежности); в) оформление документации (выписка о рождении из метрической книги; увольнительное свидетельство из общества; медицинская справка о наличии прививки от оспы и общем физическом здоровье; гораздо реже – документ о первоначальном уровне образования); г) организация сопровождения группы детей в дороге до отдаленных учебных заведений, возвращение на родину больных, малоуспешных, недисциплинированных, сбежавших из школ и др.

Сопровождающие образовательный процесс формы общественной помощи включали в себя: а) информирование руководством образовательного заведения родителей и всего местного общества об успехах, здоровье и поведении учеников, в форме отчетной документации, публичных экзаменов и торжественных мероприятий; б) контроль своевременности перечислением оплаты за обучение авансовыми платежами по полугодиям или месяцам; в) широкое привлечение граждан к активному участию в делах попечительства, благотворительности и опеки (именные стипендии, лотереи, любительские концерты, отчисления с азартных игр и др.). Последний аспект требует более детального изучения, так как он наиболее ярко демонстрирует специфику участия каждого общества в мероприятиях по поддержке учреждений образования и воспитания.

¹⁴⁷ Подписка поручителей за увольняющегося из общества для обучения С. Степанова. 1854 год // ГААО. Ф. 877. О. 1. Ед. хр. 42. Л. 25.

¹⁴⁸ См.: *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: в 2 т. Т. 2. Реализация и последствия реформы. Москва, 1958. С. 240.

По степени вовлеченности можно выделить массовое консолидированное участие и индивидуальную значимую инициативу всеобщей или социальной направленности. Один из крупнейших специалистов по истории крестьянства в России XIX в. Н. М. Дружинин, анализируя общественный резонанс известия об учреждении государством приходских училищ в 1842 г., писал: «Из двадцати шести губерний – великорусских, украинских, молдавских, татарских – поступили денежные пожертвования на открытие школ в размере более девятнадцати тысяч рублей; в числе жертвователей преобладали государственные крестьяне, которые вносили индивидуально и коллективно значительные суммы»¹⁴⁹. Частная благотворительность могла быть намного больше коллективной. Так, купец Лулудаки в 1864 г. завещал проценты с капитала в 200 тыс. руб. серебром для образования сыновей бедных жителей города Феодосии. Купец И. И. Стахеев в 1876 г. передал обществу города Елабуги каменные здания стоимостью 150 тыс. руб. серебром на устройство в них женской богадельни с воспитательным отделением для 20 бедных девушек-сирот¹⁵⁰.

Осознанная обществом потребность в образовании привела к полноценному сотрудничеству его с государством в вопросах формирования заказа количества учебных мест, финансирования деятельности учебных заведений, оплаты труда преподавателей и обслуживающего персонала, создания и отборе учебных пособий, расширении круга обучаемых за счет стипендиальных программ и благотворительных акций, а также много другое.

К формам общественной образовательной помощи выпускникам учебных заведений относились: а) организация возвращения домой; б) трудоустройство по полученной специальности; в) применение государственных льгот; г) возвращение отложенных или перераспределенных финансовых и общественных обязательств. Они требовали от обществ меньше внимания, поскольку предназначались преимущественно лицам, достигшим совершеннолетия, имеющим гарантированную помощь и поддержку родственников или государственные льготы. Создание выпускниками учебных заведений семей еще более сглаживало проблемы ресоциализации за счет помощи родственников.

Таким образом, специфика образовательной сферы Российской империи XIX столетия заключалась в следующих моментах. Во-первых, общество имело право одобрить или отклонить предназначенные для него образовательные проекты государства и частных лиц. Во-вторых, значительное расширение вариантов образования на начальном уровне (более 60 в течение столетия) и поиски оптимального вида на среднем (гимназия против частных пансионов и домашнего обучения) стали проявлением общественной инициативы в регионах¹⁵¹. В-третьих, осуществлялась корпоративная

¹⁴⁹ Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 248.

¹⁵⁰ См.: Известия // Русский. 1867. 27 марта. С. 93; История Елабуги в документах и материалах (с древнейших времен до начала XX века) / авт.-сост.: И. Е. Кропоткина, И. В. Маслова, А. З. Нигамаев. Казань, 2012. – 272 с.; Маслова И. В. Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX – начала XX веков: монография. Москва, 2010. С. 286–287.

¹⁵¹ См.: Арчебасова Н. А. Начальное народное образование в Царицынском уезде Саратовской губернии в 1861–1914 гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Волгоград [Волго-

сословная поддержка обучения детей неимущих дворян, купцов, мещан, крестьян и др. по причинам многодетности, скромного жалования или болезни главы семьи, отсутствия кормильца, сиротства¹⁵². В-четвертых, заинтересованность общества в повышении уровня образования его представителей проявилась в широком спектре благотворительности и попечительства. Все это вместе позволило укрепить благосостояние российского государства и общества, сохранить традиции активного семейного участия в процессе социализации подростков.

С. П. Синельников (Волгоград)

ЗАКОН БОЖИЙ В НАЧАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Краеугольным камнем религиозного воспитания и образования в до-революционный период считалось повсеместное и обязательное преподавание Закона Божия в начальных и средних учебных заведениях России. Закон Божий как предмет преподавания слагался в низших школах из церковных молитв, священной истории, объяснения богослужения и катехизиса, а в средних учебных заведениях к этому добавлялась история христианской церкви. На основании церковных канонов (64 прав. VI Вселенского собора) и действовавшего тогда законодательства, правом преподавания Закона Божия обладали исключительно священнослужители и лица, окончившие духовные школы не ниже семинарии. Кроме преподавания Закона Божия, законоучитель руководил еще и молитвой учеников, чтением ими Священного Писания и религиозных книг, а также призван был «следить за исполнением ими долга исповеди и причащения», наставляя учеников в соблюдении правил Церкви¹⁵³.

Задолго до 1917 г. современники видели, что что-то неладное творится с преподаванием Закона Божия. Мало кого удовлетворяла его постановка, как и в целом религиозно-нравственное воспитание молодежи. Жалобы и нарекания на неудовлетворительные результаты этого преподавания слышались от родителей и педагогов, со стороны самих законоучителей, земских деятелей, представителей Думы и архиереев.

Острые проблемы законоучительской деятельности, включая организацию и устройство школ, постановку в них преподавания Закона Божия, проведение экзаменационных испытаний, вопрос о вознаграждении зако-

градский государственный университет] 2000. URL: <http://dissertacii.com/263077> (дата обращения: 05.04.2012).

¹⁵² См.: Арчебасова Н. А. Начальные учебные заведения духовного ведомства во второй половине XIX–XX веках // Мир Православия: сб. науч. ст. Вып. 4. Волгоград, 2002. С. 216–254.

¹⁵³ См.: Полный православный богословский энциклопедический словарь [Репринт. изд.]. М.: Концерн «Возрождение», Б.г. Т. 1 [А–Г]. С. 903.

ноучителей и курсов для них, а также сравнение эффективности религиозного воспитания в земских, министерских и церковных школах, ставились в журнальной публицистике преимущественно либерального направления¹⁵⁴.

В светских и церковных журналах активно обсуждались вопросы преподавания Закона Божия в начальных и средних учебных заведениях. Высказывалось немало справедливой и заслуженной критики в адрес законоучителей, разработчиков программ и методик, устроителей школ и педагогических работников, анализировались причины постепенного и ползучего расцерковления народа. На страницах либерально-прогрессивных изданий высказывались соображения, радикально отрицающие значение Закона Божия, ставившие под сомнение сам принцип религиозного образования и воспитания детей и юношества. Поэтому критику в адрес религиозного воспитания следует разделять на продуктивную, имеющую целью улучшение качества или повышения эффективности (отдачи) религиозного обучения, и критику, ниспровергающую и отрицающую, целью которой было устранение религиозных моментов в воспитании и утверждение светского образования.

Известный методист, законоучитель и историк религиозного образования прот. Д. П. Соколов писал на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» о причинах малой эффективности Закона Божия, преподавание которого ведется «отвлеченно, неприложимо к жизни, безжизненно, сухо»¹⁵⁵. А также о том, что звучали голоса то о расширении преподавания нравов с сокращением и даже исключением учения догматического, то об уничтожении или сокращении преподавания ветхозаветной истории и усилении изучения Евангелий. Много писалось о развитии религиозного чувства, но оставлялось в стороне религиозное знание. Однако, как считал Д. П. Соколов, «успех преподавания, кроме душевных качеств преподавателя и окружающей среды, много зависит от дидактических приемов»¹⁵⁶.

¹⁵⁴ См.: Архирейские экзамены (От нашего корреспондента из Саратова) // Народный учитель. 1912. № 19–20. С. 30; Звягинцев Е. О надзоре за религиозно-нравственным воспитанием в начальных народных училищах // Вестник воспитания. 1910. № 1 (январь). С. 115–127; Он же. Духовное ведомство о деятельности министерской и земской школы // Вестник воспитания. 1910. № 5 (сентябрь). С. 88–92; Он же. Уездные земские собрания очередной сессии 1910 года // Вестник воспитания. 1910. № 9 (декабрь). С. 124, 127; Он же. Губернские земские собрания очередной сессии 1912 года // Вестник воспитания. 1913. № 3 (март). С. 116; Он же. [О вознаграждении законоучителей; О церковно-приходских школах] // Вестник воспитания. 1914. № 9 (декабрь). С. 80–83; Он же. Филаретовское общество народного образования // Вестник воспитания. 1914. № 5 (май). С. 114–115; Он же. Экзаменационная пыль // Народный учитель. 1912. № 26. С. 5. [Учительские ответы на анкету по поводу экзаменационных вопросов по ЗБ]; Книжник И. [Рец. на кн.: Краткосрочные курсы для законоучителей. Приложение к “Циркуляру по Казанскому учебному округу”. Казань, 1913. 317 с.] // Русская мысль. 1914. № 7. С. 273–274; Ковалевский М. Тени прошлого // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 327–328; [А. Л.] Церковно-школьные дела // Вестник воспитания. 1910. № 6 (сентябрь). С. 126–138; и др.

¹⁵⁵ [50-летний юбилей прот. Д. П. Соколова] // Исторический вестник. 1908. № 1. С. 365–367.

¹⁵⁶ Д.П.С. [Соколов Д. П., прот.] О преподавании Закона Божия (По поводу нового распределения учебных предметов по классам в гимназиях и прогимназиях С.-Петербургского учебного округа, введенного в виде опыта в 1866/67 учебном году) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1868. Ч. 137 (СXXXVII). С. 171–183.

Позже, к основательному историческому очерку преподавания Закона Божия в России, изданному в 1874 г., его автор – протоиерей Д. П. Соколов приложил «Заметку о нравственном влиянии законоучителя», в которой обозначил обучающую и воспитывающую стороны Закона Божия. Будучи авторитетным специалистом, он считал, что в обучении предмету требуется всесторонне подготовленный и методически грамотный преподаватель. Но поскольку целью преподавания Закона Божия являются не знания сами по себе, а религиозное воспитание, то в этой области все зависит от личности законоучителя, от его сердечности, и здесь никакие наставления, правила, руководства или программы не помогут. Д. П. Соколов так характеризовал недостаточность обучающей компоненты религиозного образования: «Можно тысячу раз приказывать: “развивайте религиозное чувство воспитанников, имейте на них нравственное влияние”, и ничего не достигнуть. Иногда даже, при строгих приказаниях законоучителям иметь влияние на учеников и при настойчивых стремлениях учителя выполнить рачительно приказание начальства, – в результате оказывается, что в учениках развивается ханжество, индифферентизм, или, еще хуже, отвращение к религии, если преподаватель религии – человек черствый или только заученно-верующий»¹⁵⁷. Как считал Д. П. Соколов, к сожалению, «у нас большею частью идет одно обучение Закону Божию, а не воспитание в этом Законе»¹⁵⁸. Поэтому, до тех пор, пока класс Закона Божия не примет характера религиозного, а законоучитель не станет духовным отцом и представителем Церкви Божией, изучение этого предмета останется простой выучкой, а законоучитель – простым учителем¹⁵⁹. Д. П. Соколов напомнил одно важное общее правило религиозного воспитания: «живите сами так, как хотите, чтобы жили ваши дети». На самом деле, если жизнь родителей или воспитателей идет вразрез с религиею, то дети видят эту рознь слова и дела и приучаются к не очень честному праву жизни: «не все то делается, что говорится»¹⁶⁰.

На слабую постановку преподавания Закона Божия указывал сельский священник, пожелавший остаться неизвестным, подписавшийся «протоиереем и благочинным в приходе близ губернского города в одной из приволжских губерний»¹⁶¹.

Известный педагог С. А. Рачинский, создатель уникальной сельской школы, ставшей прообразом церковно-приходской школы, считал главным для преподавателя Закона Божия «практическое знакомство с церковным богослужением», которое дается не образованием, а «постоянным, с самого детства участием в церковных службах». Поэтому малограмотного дьячка в

¹⁵⁷ Соколов Д. П., прот. Исторический очерк преподавания Закона Божия, с указанием учебных руководств и пособий // Руководство к преподаванию общеобразовательных предметов, входящих в курс: домашнего обучения, народных, городских и реальных училищ, мужских и женских гимназий и прогимназий, женских институтов, духовных училищ и семинарий и всех других общеобразовательных заведений / под ред. Н. Х. Весселя. Т. II, ч. II. СПб., 1874. С. 354.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же. С. 355.

¹⁶⁰ Там же. С. 342.

¹⁶¹ Записки сельского священника: Быт и нужды православного духовенства. СПб.: Издание исторического журнала «Русская старина», 1882. С. 136–145.

качестве законоучителя он ставил выше «усовершенствованного учителя», напичканного приемами передовых западных педагогов¹⁶².

В острой форме вопрос о религиозном воспитании поставил Н. С. Лесков в статье «Чудеса и знамения»: «Мы хотим, мы просим... чтобы в наших детях сберегли веру, которую мы посеяли в них с колыбелей, как посеяли ее в нас отцы наши». Закон Божий, как самый живой и необходимый предмет школьной программы, по словам писателя, «неумелые законоучители» обратили «в мучительную докучу»¹⁶³. Н.С. Лесков требовал переменить отношение преподавателей к Закону Божию: «Мы не хотим и не можем оставить своих детей без религии, которую делают им неприятною и противною различные «начатки» и «кончатки», выдуманнные с целью упразднить изучение Слова Божия в его простой и всякому доступной форме»¹⁶⁴.

В другой статье 1880 г. писатель обнажил проблему, состоящую в том, что по тем или иным причинам в каждой пятой начальной школе в России Закон Божий не преподается, назвав это печальное явление «безбожными школами». По мнению писателя, причиной тому послужили законоучители, одни из которых не могли и не хотели преподавать Закон Божий, находя этот труд невыгодным, другие оправдывали уклонение от законоучительства своей неспособностью, третьи были чрезвычайно заняты исполнением своих священнослужительских обязанностей на приходе, а четвертые оказались не на высоте своего призвания. Пропуски уроков и уклонения священнослужителей приобретали угрожающие масштабы. Публичное обсуждение вопроса вызвало предложения о предоставлении светским учителям права преподавать Закон Божий, под наблюдением священников¹⁶⁵.

Свящ. Г. С. Петров, известный своими публичными лекциями, пользовавшийся популистскими средствами и обличавший правительство, общество и Церковь, писал в одной из своих брошюр: «Возьмите, наконец, уроки Закона Божия. Какие это должны быть ценные золотые часы и как часто утомительно скучны, безнадежно сухи бывают они!..»¹⁶⁶. Публицист и философ В. В. Розанов, многие журналисты и писатели видели серьезные проколы в деле преподавания Закона Божия в учебных заведениях¹⁶⁷.

Суммируя результаты неудовлетворительной постановки преподавания Закона Божия, в начале 1900-х гг. в печати выступил известный законоучитель прот. Ф. Н. Орнатский. Он указал на формальное и отрывочное усвоение Закона Божия одним умом, когда в итоге высота и глубина истин пра-

¹⁶² См.: *Майорова О. Е.* «...Жаль наших православных...» (О затерянной статье Н. С. Лескова «Безбожные школы в России») // *Путь. Международный философский журнал.* 1994. № 5. С. 185.

¹⁶³ *Лесков Н. С.* Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки // *Церковно-общественный вестник.* 1878. № 40. 2 апреля.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ См.: *Лесков Н. С.* Безбожные школы в России // *Путь. Международный философский журнал.* 1994. № 5. С. 187–193.

¹⁶⁶ *Петров Г., свящ.* Школа и жизнь. СПб., 1903. С. 6.

¹⁶⁷ См.: *Розанов В. В.* Собр. соч. Т. 5. Около церковных стен. М., 1995. С. 71–81; *С. У. [Уманец С. И.]* На северо-западной окраине (из записок русского чиновника) // *Исторический вестник.* 1908. № 10. С. 132–133. [О манкировке православными священниками уроков Закона Божия]

вославия остаются непознанными¹⁶⁸. Ф. Н. Орнатский сформулировал пожелания законоучителей в шести пунктах – тезисах, опубликованных в газете «Новое время» (1901 № 9153), смысл которых сводился к следующему: 1) Закон Божий есть не учебный, а воспитательный предмет, а законоучитель – не только учитель, но и воспитатель личности христианина; 2) необходима замена учебников подлинным словом Божиим (об издании учебной Библии); 3) законоучитель должен «гореть духом» сам и возжигать религиозное чувство у детей и «живым словом быть руководителем в деле спасения»; 4) возврат учащихся под кров св. Церкви с ее молитвами, богослужением и таинствами; при этом законоучитель является пастырем для учеников; 5) участие в воспитании детей родителей – живым словом и примером; 6) обязательное увеличение числа уроков Закона Божия (с одного до двух часов в неделю)¹⁶⁹. Из шести тезисов, предложенных Ф. Орнатским, 2-й и 6-й относились к организации уроков, 5-й касался родителей и три тезиса (1-й, 3-й и 4-й) были напрямую обращены к законоучителю и зависели только от него. Таким образом, самыми пристрастными критиками неудовлетворительного состояния преподавания Закона Божия были сами законоучители и священники¹⁷⁰.

В некоторых школах Камышинского уезда Саратовской епархии наблюдалось «неосмысленное, нередко даже механическое знание учащимися всего учебного курса, особенно же молитв и катихизиса»¹⁷¹. В 1910 г. здесь же отмечалось «неумелое и небрежное отношении законоучителей к своему делу», «непосещение ими уроков» и как результат – «плохое знание учащимися этого предмета». Законоучители, занятые по основному месту службы в приходе, перепоручали учителям проводить уроки Закона Божия вместо себя. Земство приняло решение удерживать из зарплаты за непроведенные ими уроки¹⁷².

В 1912 г. Могилёвское губернское собрание указывало преосвященному епископу на «из рук вон плохое преподавание Закона Божия» в земских

¹⁶⁸ Прот. философ Орнатский писал: «Каковы же плоды такой (нынешней) постановки Закона Божия? Небогатые и довольно невкусные. Усвоенное одним умом, как и естественно, забывается, остается в голове очень немногое ... и хорошо еще, если самое главное, а то большею частью какие-то жалкие и бессвязные отрывки! Источник христианского самоназидания – слово Божие – школьникам остается почти неизвестным; высота и глубина религиозно-нравственных истин не познаны; многие недоумения по религиозным вопросам не устранены; потребность религиозно-нравственного просвещения у меньшинства возбуждена, но не удовлетворена (отсюда и увлечение всяким ветром религиозно-философских учений, напр., взглядами гр. Толстого, Ницше и т.п.); у большинства же от долговременного неправильного удовлетворения эта потребность замерла...» (Церковный вестник. 1901. № 19.).

¹⁶⁹ См.: Пожелания об изменении постановки Закона Божия // Педагогический сборник. 1901. Ноябрь. (Книжка 419). С. 426.

¹⁷⁰ См.: *Лисицын М. А.* Религиозное состояние современного общества и необходимость религиозного образования. – СПб.: Тип. Александро-Невского о-ва трезвости, 1914. 30 с.

¹⁷¹ Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Камышинского уезда в 1902–1903 учебном году. Камышин, [Б.г.]. С. 11.

¹⁷² См.: *Звягинцев Е.* Из хроники народного образования [Уездные земские собрания очередной сессии 1910 года] // Вестник воспитания. 1910. № 9 (декабрь). С. 124–127.

школах¹⁷³. В северо-западном крае отмечались небрежное отношение и открытое пренебрежение своими законоучительскими обязанностями не только в министерских, но и в церковно-приходских школах («манкировка православными священниками уроков Закона Божия»)¹⁷⁴. Невыдача уроков Закона Божия была зафиксирована в Воронежских уездных земских школах и составляла более половины часов от всей программы¹⁷⁵.

Земские органы Курской губернии обвиняли духовные власти в низком методическом уровне преподавания Закона Божия, в пропусках занятий и в уклонениях законоучителей от своих обязанностей (в «теплохладном» отношении к своим законоучительским обязанностям). В свою очередь, духовная власть, горой стоявшая за церковно-приходские школы, обвиняла земства в утрате церковности и особенно в том, что Закона Божий в земских школах становится обычным в ряду других, когда к его преподаванию допускаются лица, не имеющие на то ни призвания, ни права, а также в том, что через земских учителей происходит «заражение» школы революцией¹⁷⁶.

Обычной практикой в школах были наказания учащихся, в том числе унижающие человеческое достоинство. Некоторые законоучители позволяли себе ставить учащихся на колени или в угол, оставлять без обеда, таскать за «вихры», высмеивать нелестными эпитетами перед классом и т. д.¹⁷⁷. Как писал один исследователь истории народного образования в России, обращение с учениками в церковно-приходских школах не отличалось мягкостью. «Розги были главным дисциплинарным средством, а сечение ими поручалось ученикам, которые считались лучшими; кроме розог практиковалась постанова на колена, иногда на горох, а теребачки, щелчки и колотушки считались мерами самими обычными и без них не выучивался ни один урок»¹⁷⁸. В старейшей на Дону церковно-приходской школе для православных детей прихожан в слободе Даниловка Усть-Медведицкого округа, как отмечалось в церковно-приходской летописи, метод обучения зависел от учащихся, но самый главный способ, к которому прибегали обучающие для достижения легкости обучения, была розга, которая отвечала за «непонимание учащихся и учащихся»¹⁷⁹.

Проблемы церковно-приходских школ и преподавания Закона Божия стали специальным предметом обсуждения на заседаниях Училищного Со-

¹⁷³ См.: *Звягинцев Е.* Губернские земские собрания очередной сессии 1912 года // Вестник воспитания. 1913. № 3 (март). С. 116.

¹⁷⁴ См.: *С. У. [Уманец С. И.]* На северо-западной окраине (из записок русского чиновника) // Исторический вестник. 1908. № 10. С. 132–133.

¹⁷⁵ См.: *Русская школа.* 1911. № 5–6. С. 132.

¹⁷⁶ См.: *Чуриков Е.* Провинциальные картинки // Современный мир. 1914. № 1 (январь). С. 247.

¹⁷⁷ См.: *Лашев М., учитель.* О наказании учащихся // Русская школа. 1909. № 5–6 (май–июнь). С. 107.

¹⁷⁸ *Попов В.* Народное образование в Шадринском уезде, Пермской губернии, до открытия в ней земских учреждений (К истории народного образования в России // Русская школа. 1892. № 5–6 (май–июнь). С. 45–46.

¹⁷⁹ Церковно-приходская летопись [Покровская церковь слободы Даниловской Усть-Медведицкого округа (1896–1908 гг.)] // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 113. Оп. 1. Д. 36. Л. 5–6.

вета Св. Синода в 1910 г., названных «чрезвычайными собраниями» ввиду важности обсуждаемых вопросов¹⁸⁰.

На Съезде оо. Наблюдателей церковных школ Саратовской епархии (11 августа 1914 г.), по докладу Сердобского Уездного наблюдателя свящ. о. Д. В. Орлова о преподавании в церковных школах Закона Божия и о средствах повышения его успешности, указано, что «преподавание Закона Божия не во всех церковных школах поставлено на должную высоту и это заключение касается всех отделов программы этого предмета, а именно: молитвы в некоторых школах читаются без достаточного выражения и благоговейной настроенности и часто с искажением их текста, дети мало знакомы со смыслом молитв и со значением отдельных слов и выражений в тексте, нередко мало осведомлено и в священно-исторических событиях, затрудняясь связно и толково передать то или иное событие, истолковать его смысл и значение, встречаются неясные и мало отчетливые познания и в изъяснении Символа Веры»¹⁸¹. По мнению докладчика, причинами малоуспешности Закона Божия являлись следующие моменты: 1) перегруженность приходских священников уроками во многих школах своего прихода; 2) недостаточная осведомленность некоторых законоучителей, главным образом, из лиц, не имеющих законченного богословского образования, в деле преподавания Закона Божия; 3) нерадивое отношение некоторых оо. Законоучителей к своим обязанностям и 4) несогласованность по местам преподавания славянского языка и церковного пения с преподаванием Закона Божия¹⁸².

Тема преподавания Закона Божия во всех типах учебных заведений и их разной ведомственной принадлежности остро стояла вплоть до 1917 г. включительно и была одной из важнейших на страницах церковной и светской печати.

Несмотря на остающиеся проблемы организационного и методического плана в постановке Закона Божия в школе, в синодальный период были заложены все юридическо-правовые основы для полноценного религиозного образования и воспитания детей и юношества. Религиозное просвещение народа рассматривалось как важнейшая государственная задача, которой должны были служить правильно организованные педагогические и учебные формы. Причем, министерство народного просвещения, Святейший Синод и его подразделения – Учебный комитет и Училищный совет – проявляли способность и готовность к реформированию системы религиозного образования.

Успешность решаемой задачи зависела от многих факторов и прежде всего от государственных решений, методик и форм преподавания Закона Божия, от законоучителей, родителей, от общества в целом. Страшным бед-

¹⁸⁰ См.: Речи, произнесенные В. К. Саблером 4 и 5 мая 1910 г. в заседаниях Чрезвычайного Собрания Училищного Совета при Святейшем Синоде // Прибавления к Церковным Ведомостям. 1910. № 21 (22 мая). С. 850–854; Речь при открытии Чрезвычайного Собрания Училищного Совета при Св. Синоде 3 мая 1910 г. // Там же. С. 845; Чрезвычайные Собрания Училищного Совета при Св. Синоде // Там же.

¹⁸¹ Журнал № 3 Съезда оо. Уездных наблюдателей церковных школ Саратовской епархии, 11 августа 1914 г. // Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 410. Оп. 1. Д. 100. Л. 6 об.–7.

¹⁸² См.: Там же.

ствием для религиозного образования стал формализм и превращение Закона Божия в один из предметов школьного преподавания.

Отметим ряд факторов, определявших успешность преподавания Закона Божия. К ним следует отнести:

1. Учебные программы и планы, требовавшие корректировки, учета многих моментов. Во всяком случае, не могло быть единой, раз и навсегда составленной программы на более или менее продолжительный период.

2. Методика, методы и формы обучающего или воспитывающего религиозного образования. Сами по себе методы и методики ничего не значат, если ими не «заболевал» по-настоящему законоучитель.

3. Подготовка законоучителя – богословская и общегуманитарная, но главное – церковность. Было понимание того, что законоучителю необходима психолого-педагогическая подготовка.

4. Большое значение придавалось учебным пособиям, книгам и учебной литературе.

5. Формы организации и совместной работы (обмен опытом, учеба друг у друга) законоучителей: законоучительские братства и союзы, педагогические корпорации и законоучительские съезды, которые должны были помочь законоучителю в его деле.

6. Достойное финансирование, внимание и «не удушающая» поддержка со стороны правительственных и церковных властей.

7. Семья и ее влияние часто недооценивались: из семьи ребенок приходил в школу и приносил первоначальные религиозные навыки и знания.

8. Настроение в обществе, общее расположение или критическое неприятие также оказывали мощное влияние на успех преподавания Закона Божия.

Главным фактором или «слабым звеном», потащившим все религиозное обучение назад, был вопрос о «воцерковленности» школы, которая постепенно «расцерковлялась»: дух и атмосфера церковности покидали школу, не только светскую, но и церковную, как во внешних проявлениях (молитва перед началом занятий), так и в содержании изучаемых, смежных по отношению к Закону Божию, предметов (истории, литературы, естествознания).

К концу синодального периода общество и школа все более заражались вирусом формализма, убивающим в зачатке живую веру. С другой стороны, школа захватывалась той частью светской культуры, которая агрессивно противопоставляла себя Церкви и христианской религии. Указанные причины минимизировали результат религиозного обучения.

Представители Церкви, министерства народного просвещения, известные методисты и сами законоучители имели ясное понимание больших и малых недостатков в преподавании Закона Божия, необходимости исправления и совершенствования системы религиозного образования в школе. В научном, педагогическом и законоучительском сообществе было осознание того, что многое зависело от законоучителей, их личной настроенности, пастырской и учительной позиции, образованности.

Н. М. Бурик (Барнаул)

МЕТАМОРФОЗА ОБРАЗА СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ 1920-Х ГОДОВ¹⁸³

Газетная пресса как исторический источник содержит в себе концептуальные и ментальные основы конкретного временного периода. Выявление смыслообразующей роли заголовка в составе газетной статьи остается актуальным на сегодняшний день, в первую очередь, среди филологов, так как, выступая в качестве предтекста, он выполняет целый ряд различных функций. По словам Л. П. Феталиевой, «Заголовок, являясь стержнем газетно-публицистического дискурса, концентрирует в себе такие специфические особенности, как информативность и оценочность»¹⁸⁴. С точки зрения исторической науки, анализ газетных заголовков, содержащих концентрированную информацию статейного текста, позволяет понять образы социальных групп, которые конструировались в газетах и журналах.

1920-е гг. – период утверждения антирелигиозной политики. Различные кампании (изъятие церковных ценностей, внедрение антирелигиозных праздников и обрядов и т. д.), проводимые в этом направлении, получали широкий резонанс, в том числе и потому, что их муссировали на страницах прессы, а заголовки часто выступали в качестве идеологических лозунгов. Борьба с церковью и религией, в первую очередь, подразумевала под собой противостояние советской власти священнослужителям, которые были основными трансляторами веры. Обесценив значимость духовенства в глазах общества, сторонники советского строя, придерживаясь теории «домино», хотели разрушить всю религиозную систему, существовавшую столетиями.

Историография, касающаяся вопроса антирелигиозной политики, достаточно обширна и разнообразна. Основной массив научных трудов посвящен выявлению и анализу периодов кардинальных преобразований в политическом дуэте «государство – церковь»¹⁸⁵. Так, Р. В. Мезенцев выделил и проанализировал три этапа государственной политики по отношению к церкви на Алтае: 1917–1921 гг. – период бессистемного преследования духовенства;

¹⁸³ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ «Источники юга Западной Сибири и сопредельных территорий XVII–XX вв.». № 6.4137.2011.

¹⁸⁴ Феталиева Л. П. Оценочный потенциал заголовка в лезгинском и русском газетно-публицистическом дискурсе: сопоставительный аспект : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Махачкала, 2012. С. 4.

¹⁸⁵ Напр., см.: Дронова В. В. Эволюция государственно-церковных взаимоотношений в 1917 – конце 1930-х гг. (на примере Тобольской епархии): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Барнаул, 2011. 24 с.; Борисова В. В. Русская православная церковь в условиях трансформационных процессов 1917–1936 гг. (на материалах Зауралья): автореф. дис. ...докт. ист. наук. Тюмень, 2012. 27 с.

1922–1928 гг. – различные антирелигиозные акции; 1929–1940 гг. – целенаправленная политика разгрома религиозной жизни в СССР¹⁸⁶.

Проблема «образов» также активно обсуждается историками. В работах Н. Н. Родигиной, изучавшей образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв., под образом понимаются различные интеллектуальные проекты (версии), которые детерминируются двумя основными группами факторов: во-первых, связанных с мировоззренческой ориентацией и отраслевой специализацией издания, структурой, личностью редактора – издателя и т. д.; во-вторых, зависящих от объекта общественного сознания – от изменения самой реальности¹⁸⁷.

Таким образом, авторами научных работ в основном рассматриваются крупномасштабные антирелигиозные акции большевистского правительства на государственном и местных уровнях, а весь комплекс вопросов, связанных с формированием в советский период негативного образа священника как отдельного структурного элемента общественного сознания, еще недостаточно изучен. Целью данной статьи является исследование метаморфозирования образа священнослужителя, формировавшегося заголовками газетных статей в 1920-е годы.

Газеты и журналы являлись главными осведомителями общества, они закладывали читателям ту информацию, которая соответствовала интересам правительства. В связи с этим в качестве основного источника мы использовали центральную партийную газету «Правда», которая являлась ведущим изданием советского периода. Кроме того, исследовали массовые газеты Алтая: «Красную степь», «Каменскую правду», «Бийский пахарь», «Наш труд», «Красный Алтай», «Звезду Алтая», «Молодежь Алтая». «Красный Алтай» издавался ежедневно Алтгубисполкомом, был ориентирован на рабочих и крестьян. В 1925 г. он стал одним из основных средств утверждения партийной идеологии на Алтае. К смешенному типу газет (для рабочих и крестьян) относилась и «Звезда Алтая»¹⁸⁸. Газета «Красная степь» издавалась в г. Рубцове с 1922 г., предназначалась для крестьян.

Нами было изучено 395 заголовков газетных статей (76 названий – из газеты «Правда», 319 – из региональной прессы) за 1920-е годы. Названия публикаций о церкви, вере, священнослужителях формулировались авторами в основном в рамках антирелигиозной политики и, соответственно, носили негативную окраску.

Еще в дореволюционный период священник и церковь с религией приобрели устойчивую репутацию апологетов самодержавия¹⁸⁹. В связи с этим уже в первые годы становления советской власти большевики выявили вра-

¹⁸⁶ См.: Мезенцев Р. В. Взаимоотношения органов государственной власти и православной церкви на Алтае в 1917–1940 гг. // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории Государства Российского. Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина. 2006. С. 184–187.

¹⁸⁷ См.: Родигина Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: основные итоги изучения // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. С. 95.

¹⁸⁸ См.: Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-2 Оп. 5. Д. 296. Л. 14.

¹⁸⁹ См.: Леонтьева Т. Г. Православный священник в литературно-художественных образах «своего» времени: вторая половина XIX – начало XX века // Вестник Тверского государственного университета. 2010. № 10. С. 40.

га, которого необходимо было ликвидировать. На страницах прессы в первой половине 1920–х гг. антирелигиозная политика, по сути своей, приравнивалась к борьбе и выражалась в деятельном противостоянии большевиков церкви (например, заголовок «В борьбе с церковью»¹⁹⁰). А уже во второй половине 1920–х гг. на основе анализа заголовков можно говорить о существовании двух мощнейших противоборствующих «фронтов»: антирелигиозного¹⁹¹ и «поповского»¹⁹².

Пиетет по отношению к духовенству был сведен в газетах на нет, так слово «поп», которое имеет оттенок пренебрежительности, используется в 128 названиях; «батя» – в трех, «обдирало» – в двух. Для заголовков, конструирующих образ священника, характерна инвективная лексика: «мародер», «церковный хищник», «дармояд», «сеятель тьмы», «вор», «плут», «черный ворон», «живодер», «живоглот», «эксплуататор». Если мы проведем аналогию с дореволюционной прессой, то в ней в основном использовали термины «батюшка», «отец духовный», (в 1920–е гг. данные слова в названиях статей тоже встречались, но корреспонденты употребляли их с сарказмом: «отец духовный» – в трех заголовках, «батюшка» – в трех), которые свидетельствовали об уважении и значимости данной социальной группы в обществе.

Газетные заголовки 1920–х гг., конструирующие образ священнослужителя, по смысловой нагрузке можно разделить на несколько групп. Первую группу названий, которую мы выделили, составляют призывы к борьбе с религией в целом, а не со священниками: «Долой темноту»¹⁹³; «В религиозном дурмане»¹⁹⁴, «Поход против богов»¹⁹⁵, «Богов в кладовую!»¹⁹⁶, «В борьбе с церковью»¹⁹⁷ и т. д. В рамках данной группы следует отметить подгруппу заголовков назидательного характера в виде лозунгов: «С попами не связывайся»¹⁹⁸, «Пора взяться за ум»¹⁹⁹. И названия статей, в которых читателей убеждали в том, что победа над религией близка: «Религиозный дурман расхочется»²⁰⁰, «Тяга к свету»²⁰¹, «Без попа и ладана»²⁰², «Поповщина отмирает»²⁰³, «Беднота не идет на удочку попов и церковников»²⁰⁴, «Боги умирают»²⁰⁵, «В деревне светает»²⁰⁶, «Как мы прогнали попа»²⁰⁷. Ряд

¹⁹⁰ В борьбе с церковью // Правда. 1924. № 134. 15 июня.

¹⁹¹ См.: На антирелигиозном фронте неблагополучно // Красный Алтай. 1928. 18 сен.

¹⁹² Поп и лишенцы выступают единым фронтом // Там же. 1929. № 26.

¹⁹³ Голованов А. Долой темноту // Красная степь. 1923. 18 февр.

¹⁹⁴ В религиозном дурмане // Звезда Алтая. 1923. 12 авг.

¹⁹⁵ Поход против богов // Правда. 1923. 30 янв.

¹⁹⁶ Богов в кладовую! // Там же. 7 февр.

¹⁹⁷ В борьбе с церковью // Там же. 1924. 15 июня.

¹⁹⁸ С попами не связывайся // Красная степь. 1924. № 68.

¹⁹⁹ Пора взяться за ум // Там же. 18 мар.

²⁰⁰ Религиозный дурман расхочется // Там же. 24 июля.

²⁰¹ Тяга к свету // Звезда Алтая. 1923. 24 мар.

²⁰² Без попа и ладана // Молодежь Алтая. 1924. № 15.

²⁰³ Поповщина отмирает // Красный Алтай. 1923. № 101.

²⁰⁴ Беднота не идет на удочку попов и церковников // Там же. 1929. № 25.

²⁰⁵ Боги умирают // Звезда Алтая. 1923. 7 апр.

²⁰⁶ В деревне светает // Там же. 13 окт.

²⁰⁷ Как мы прогнали попа // Там же. 4 дек.

заголовков повествовал о новом советском быте, о коммунистических обрядах: «Похороны без попа»²⁰⁸, «Церковь под школу»²⁰⁹.

Вторая группа включает в себя синонимичные термины, формирующие образ священнослужителя в качестве отдельной асоциальной личности. Духовенство и церковь испокон веков считались оплотом мира и помощи: обездоленные, угнетенные, ищущие душевной покой могли обрести здесь поддержку и приют. Заголовок «Попы – не помощники»²¹⁰ свидетельствует о том, что журналисты пытались сломить общепринятые стереотипы. По нашему мнению, пастве навязывалась мысль о поддержке и помощи со стороны государства и партии, но не батюшек. В названиях статей через использование оксюморонов авторы пытались отразить аморальное поведение священнослужителей, создать образ пропойного пьяницы или ловеласа: «Блудливый поп»²¹¹, «Пьяный поп»²¹², «Учитель – пропойный поп»²¹³.

Дореволюционный период с императором и церковью, по представлению большевиков, был временем тьмы, общество находилось в душевном и физическом рабстве. После ликвидации монархии священнослужитель должен был ассоциироваться с издержками прошлых времен, а религия – с одурманивающим средством, которое подвергает общество деградации: «Поп – сеятель тьмы»²¹⁴, «Распространяющий зловоние»²¹⁵.

Проблема материальной обеспеченности духовенства являлась одним из главных вопросов как для паствы, так и для самих служителей церкви. По свидетельству авторов статей, священники всеми способами пытались выманить у населения лишнюю копейку²¹⁶. В связи с этим заголовки «Поп – мародер»²¹⁷, «Обдирало»²¹⁸, «Поп-вор»²¹⁹, «Новый обирало»²²⁰ довольно часто встречались в газетной прессе. На их основе конструировался образ «казнокрада».

Образ двуличного человека создают заголовки «Фабриканты “чудес”»²²¹, «Волк в серебряной шкуре»²²², «Под маской святого гражданина»²²³, «Не плут ли поп»²²⁴, в основе которых нередко использовались фразеологизмы, легко воспринимающиеся читателями.

²⁰⁸ Чупринов Б. Похороны без попа // Звезда Алтая. 1923. 11 дек.

²⁰⁹ Церковь под школу // Красный Алтай. 1926. 17 июня.

²¹⁰ Попы – не помощники // Красная степь. 1923. № 52.

²¹¹ Блудливый поп // Там же. 1924. 5 авг.

²¹² Аргунов С. Пьяный поп // Красный Алтай. 1923. № 108.

²¹³ Учитель – пропойный поп // Там же. 1926. 30 янв.

²¹⁴ Поп – сеятель тьмы // Звезда Алтая. 1923. 26 окт.

²¹⁵ Распространяющий зловоние // Красный Алтай. 1923. № 147.

²¹⁶ Напр., см.: Бурик Н. М. Образ священника на страницах газет Барнаула накануне Первой мировой войны и в первое десятилетие советской власти // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. матер. I Всеросс. молодежной науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 185–190.

²¹⁷ Ковылин И. И. Поп – мародер // Каменская правда. 1921. 7 мая.

²¹⁸ Обдирало // Бийский пахарь. 1922. 25 июня.

²¹⁹ Поп-вор // Звезда Алтая. 1923. 9 нояб.

²²⁰ Новый обирало // Наш труд. 1921. 17 июня.

²²¹ Фабриканты «чудес» // Звезда Алтая. 1923. 2 авг.

²²² Волк в серебряной шкуре // Там же. 30 нояб.

²²³ Под маской святого гражданина // Каменская правда. 1920. 3 авг.

²²⁴ Герасименко. Не плут ли поп // Звезда Алтая. 1923. 30 нояб.

Образ жестокого человека, мучителя отражен в названии «Живодер»²²⁵.

Итак, корреспондентами формировался негативный окарикатуренный образ, который полностью раскрывал смысл публикации. В данной группе заголовков для стилистического эффекта журналисты часто прибегали к такой стилистической фигуре как оксюморон.

Третья группа заголовков демонстрирует антирелигиозные поступки священников, в ней присутствует много сарказма и иронии. Заголовок «Отец духовный развлекается»²²⁶ не соответствовал общепринятым религиозным основам, так как праздная жизнь ставила человека на грешный путь. В названии статьи «Поп знает, когда молиться»²²⁷ явной дискредитирующей информации нет, однако сама формулировка заставляет задуматься о преднамеренных действиях священника для собственной выгоды и наживы. Криминогенный образ создается заголовками: «Поп вымогает»²²⁸, «На небо поглядывают, а на земле похапывают»²²⁹, «Попы подрались»²³⁰. О вседозволенности и привилегированности духовенства авторы публикаций пытались сказать через такие названия как: «Никакими способами не брезгают»²³¹; «Поп Ершов загребает денежки»²³², «Попу все можно»²³³.

Следовательно, асоциальный образ «попа» дополнялся отрицательными характеристиками через заголовки, повествующие о противозаконной и антигуманной деятельности.

Четвертая группа статейных заголовков, транслируя образ «кумира» паствы, демонстрирует контрастность жизни на селе: «Лучше попу, чем детям»²³⁴, «Батюшке – все, голодающим – ничего...»²³⁵, «Дармоедам хлеб нашелся, МОПРу – нет»²³⁶, «Школе дров нету, а попу нашли»²³⁷, «Попу сенокос нашелся, а бедняку – нет»²³⁸, «Попа два, учителя ни одного»²³⁹, «Церковь красят, а школа плачет»²⁴⁰, «На церковь деньги есть, а на школу нет»²⁴¹. В основе заголовков используется антитеза. Авторы статей с сарказмом демонстрировали читателям попу как человека, перед которым общество должно приклоняться, выражать ему исключительную преданность вместо помощи обездоленным детям, голодающим и т. д.

Использование антитезы в заголовке позволяет авторам публикаций выразить не только иронию, но и явно критическую оценку ситуации. Так-

²²⁵ Живодер // Красный Алтай. 1926. 6 апр.

²²⁶ *Алтайский В.* Отец духовный развлекается // Красная степь. 1923. № 18.

²²⁷ Поп знает, когда молиться // Там же. 1924. 16 июля.

²²⁸ Поп вымогает // Красная степь. 1923. № 44; Поп вымогает // Там же. 1924. 11 янв.

²²⁹ На небо поглядывают, а на земле похапывают // Звезда Алтая. 1923. 21 мар.

²³⁰ Попы подрались // Там же. 13 дек.

²³¹ Никакими способами не брезгают // Красная степь. 1924. № 67.

²³² Поп Ершов загребает денежки // Красный Алтай. 1928. 31 янв.

²³³ Попу все можно // Там же. 15 апр.

²³⁴ Лучше попу, чем детям // Каменская правда. 1921. № 16.

²³⁵ «Батюшке – все, голодающим – ничего...» // Бийский пахарь. 1922. 11 мая.

²³⁶ Дармоедам хлеб нашелся, МОПРу – нет // Красная степь. 1924. 11 апр.

²³⁷ Школе дров нету, а попу нашли // Там же. 27 мая.

²³⁸ Попу сенокос нашелся, а бедняку – нет // Там же. 19 авг.

²³⁹ Попа два, учителя ни одного // Звезда Алтая. 1923. 10 янв.

²⁴⁰ Церковь красят, а школа плачет // Красный Алтай. 1926. 17 февр.

²⁴¹ На церковь деньги есть, а на школу нет // Там же. 2 июля.

же используется гиперболизация, которая повышает эффективность коммуникации между читателем и журналистом.

Ликвидация эксплуататорских классов была главной задачей социалистической революции и переходного периода от капитализма к социализму. Н. Б. Арнаутков развивал мысль о том, что большевики формировали свой образ «врага народа», который они свели в комплексную категорию, используя инструментарий экономических, социальных, политических признаков. Они создавали идеологически оформленные образы-стереотипы и на вершине идеолого-пропагандистской пирамиды образа «врага народа» находилось, в первую очередь, «кулачество» и церковные служители всех конфессий²⁴². В связи с этим, необходимо выделить пятую группу заголовков, в которой рассматривается единение «попа» и «кулака». Определяющим названием выделенной группы мы считаем «Паучий союз»²⁴³, в котором «кулак» и священник представлены в качестве союзников в борьбе с советской властью. Подчеркивалась взаимосвязь, взаимопомощь между ними: «Кулаки помогают попу»²⁴⁴, «Кулацко – поповская агитация»²⁴⁵, «Поп и кулаки – заправители села»²⁴⁶, «В совете кулак – попу благодать»²⁴⁷; «Сельсовет на потеху попу да кулаку ругается с учителями»²⁴⁸, «Как кулаки церковь ставили (почти анекдот)»²⁴⁹, «Кулак, поп, самогонщик»²⁵⁰. Стоит добавить, что и в карикатурах, печатавшихся в газетах, их часто изображали совместно, иногда и в зооморфных образах (например, карикатура «Деревенская парочка»: кулак представлен в виде свиньи, а священник – в виде гуся²⁵¹).

При этом авторы публикаций в отдельных заголовках напрямую транслировали образ священника как «кулака», «эксплуататора»: «На церковную ограду с бедноты тянут»²⁵², «Попы эксплуатируют»²⁵³, «Попу мы нужны с ... пшеничкой»²⁵⁴, «Дерут с живых и мертвых»²⁵⁵. Показательными названиями являются «Эксплуататор в рясе»²⁵⁶ и «От 107 статьи ряса не спасет»²⁵⁷. То есть к концу 1920-х гг. в ряде случаев происходит отождествление образа «кулака» и «священника».

²⁴² См.: Арнаутков Н. Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого – пропагандистский аспект (декабрь 1934 г. – ноябрь 1938 г.): автореф. дис.... канд. ист. наук. Томск, 2010. С. 14.

²⁴³ Паучий союз // Красный Алтай. 1923. № 230.

²⁴⁴ Кулаки помогают попу // Красная степь. 1924. 12 июля.

²⁴⁵ Кулацко – поповская агитация // Каменская правда. 1921. № 15.

²⁴⁶ Поп и кулаки – заправители села // Красный Алтай. 1929. № 154.

²⁴⁷ В совете кулак – попу благодать // Звезда Алтая. 1923. 21 авг.

²⁴⁸ Сельсовет на потеху попу да кулаку ругается с учителями // Красный Алтай. 1928. 12 июля.

²⁴⁹ Как кулаки церковь ставили (почти анекдот) // Правда. 1923. 20 февр.

²⁵⁰ Кулак, поп, самогонщик // Там же. 1924. 17 янв.

²⁵¹ Там же. 1929. 6 янв.

²⁵² На церковную ограду с бедноты тянут // Красная степь. 1924. 8 июля.

²⁵³ Попы эксплуатируют // Там же. 1923. № 59.

²⁵⁴ Попу мы нужны с ... пшеничкой // Там же. № 97.

²⁵⁵ Дерут с живых и мертвых // Звезда Алтая. 1923. 13 дек.

²⁵⁶ Эксплуататор в рясе // Красный Алтай. 1927. 25 фев.

²⁵⁷ Барановский П. От 107 статьи ряса не спасет // Там же. 1928. 8 апр.

Сравнивая региональную прессу с центральной, следует выделить несколько особенностей. Во-первых, в газете «Правда» заголовки, в большей степени, посвящены новой советской обрядности («октябринам», «красной свадьбе», «гражданским похоронам»), деятельности кружков Безбожников, а для прессы Алтая были характерны публикации об отдельных священниках, конкретных житейских ситуациях. Во-вторых, названия статей о священниках в основном публиковались в разделе «Деревня», авторами которых были сельские корреспонденты, сотрудничавшие с «Правдой». В-третьих, негативная информация в отношении священнослужителей в центральной печати практически отсутствовала, а в региональной преобладала. По нашему мнению, газета «Правда», которая освещала наиболее важные события общегосударственного уровня, отдала прерогативу точечного воздействия местной печати на свой читательский круг. В-четвертых, с середины до конца 1920-х гг. в «Правде» информационный акцент сместился с антирелигиозной борьбы на борьбу с «кулачеством».

Итак, заголовок репрезентировал основную информацию текста, выступая как резюмирующее высказывание, он настраивал и формировал стратегию прочтения, конструировал определенные образы. В названиях статей в первой половине 1920-х гг. антирелигиозная политика приравнивалась к борьбе и выражалась в противостоянии большевиков церкви. К концу 1920-х гг. заголовки свидетельствуют о существовании двух оформившихся противоборствующих «фронтов»: антирелигиозном и «поповском». Основная масса названий статей метаморфизировала образ священнослужителя во «врага народа», который в себя включал ряд отдельных образов: «эксплуататора», «вора», «кулака», «ловеласа». Священников критиковали, девальвировали их образ, ассоциировали с маргиналами общества.

А. Н. Галямичев (Саратов)

НЕЗРИМЫЕ НИТИ (ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КАРТИНЫ М. В. НЕСТЕРОВА «ВИДЕНИЕ ОТРОКУ ВАРФОЛОМЕЮ»)

Обсуждая тему «Историческое прошлое и образы истории», было бы, на наш взгляд, неправомерно обойти вниманием опыт постижения исторического прошлого в образах исторической живописи. Обращение к знаменательным страницам пройденного ею пути таит в себе возможность открытия новых граней творческих исканий великих мастеров искусства и духовного развития их времени.

Одной из такого рода страниц представляется история создания шедевра русского искусства XIX в. – картины Михаила Васильевича Нестерова «Видение отроку Варфоломею» (1889–1890). Нестеров вошел в историю живописи как певец родной природы, славных страниц истории Руси – России, тонкий знаток русской духовности. «Видение отроку Варфоломею» писалось в уютной тиши подмосковных лесов и полей, в тех овечьих седьми преданиями краях, где рос, вырос и мужал, а затем неустанно трудился

святой Сергий Радонежский – великий подвижник земли Русской эпохи Куликовской битвы. Картина Нестерова – явление глубоко самобытное, неразрывно связанное с вековыми традициями русской культуры.

Тем более интересным представляются те страницы предыстории написания картины, которые показывают, что творческие импульсы, способствовавшие созданию неповторимого шедевра русской исторической живописи, исходили не только от традиций культуры нашего Отечества, но и от художественных свершений мастеров западноевропейской живописи.

Началу осуществления замысла создания художественного образа юного Сергия Радонежского предшествовала длительная зарубежная поездка молодого живописца (май – август 1889 г.), впервые получившего возможность непосредственно познакомиться с великими творениями корифеев искусства стран Западной Европы. Впечатления, полученные во время этого путешествия, по собственному признанию Нестерова, существенно повлияли на его работу над «Отроком Варфоломеем».

Эти впечатления были многоплановыми и многообразными. Особое место занимает знакомство Нестерова с произведением его французского современника Жюль Бастьен-Лепажа – историческим полотном «Жанна д'Арк»²⁵⁸, которое экспонировалось на Всемирной выставке в Париже.

В своих воспоминаниях русский художник дает восторженную оценку картине Бастьен-Лепажа: «В этой вещи достижения Бастьен-Лепажа совершенно феноменальны. Я старался постичь, как мог он подняться на такую высоту, совершенно недостижимую для внешнего глаза француза. Бастьен-Лепаж тут был славянин, русский, с нашими сокровенными исканиями глубин человеческой драмы. В «Жанне д'Арк» не было и следа тех приемов, коими оперировал, например, Поль Деларош²⁵⁹, его театрального драматизма. Весь эффект, вся сила «Жанны д'Арк» была в ее крайней простоте, естественности и в том единственном и нигде не повторяемом выражении глаз. Эти глаза были особой тайной художника. Они смотрели и видели не внешние предметы, а тот затаенный идеал, ту цель, свое призвание, которое эта дивная девушка должна была осуществить. Задача созерцания, внутреннего видения у Бастьена-Лепажа передана со сверхъестественной силой, совершенно не сравнимой ни с одной попыткой в этом роде»²⁶⁰.

²⁵⁸ Написанная в 1880 г. картина французского художника хранится в нью-йоркском музее Метрополитен.

²⁵⁹ Деларош Поль (1797–1856) – знаменитый французский исторический живописец, часто обращавшийся к драматическим эпизодам средневековой истории. В числе его наиболее известных произведений – картина «Кардинал епископ Винчестерский допрашивает Жанну д'Арк в темнице» (1824).

²⁶⁰ *Нестеров М. В.* Воспоминания. М., 1989. С. 132. Непосредственные впечатления от картины Бастьен-Лепажа Нестеров передал в письмах, 1889 г.: «Первый и величайший из современных французов, по-моему, есть Бастьен-Лепаж. Каждая его вещь – это событие, это целый том мудрости, добра и поэзии. Не стану описывать каждую вещь в отдельности. Скажу лишь про главную: Иоанна д'Арк у себя в саду в деревне, после работы стоит усталая, она задумалась, задумалась о своей бедной родине, о любезной ей Франции, и вот в этот-то момент восторга и чистого патриотизма она видит между кустов и цветов яблони тени Людовика Святого и двух мучениц. Это так высоко по настроению, что выразить лишь можно гениальной музыкой, стихом или в минуту энтузиазма» (Письмо родным от 22 июля (3 августа 1889 г.) // *Нестеров М. В.* Письма. Избранное. Л., 1988. С. 54); «Изо дня в день бывал на выставке, просиживая часами перед «Жанной д'Арк». И чем

В «Видении отроку Варфоломею» многое непосредственно перекликается с «Жанной д'Арк» Бастьен-Лепаж. И в том, и в другом случае на полотне изображены важные, судьбоносные, но глубоко личные, скрытые от всеобщего обозрения события жизненного пути выдающихся деятелей русской и французской истории. И здесь, и там глубокий реализм в изображении родной природы и неторопливого хозяйственного быта среднерусской и лотарингской деревни, тонкий психологизм образов главных героев сопровождается изображением сверхъестественных явлений, видений, доступных взору далеко не каждого из смертных.

Это необычное для живописи последних десятилетий XIX в. соседство обыденного и чудесного нередко трактуется как следствие стремления художников как можно более полно отразить внутренний мир героев исторических полотен: при всех догматических спорах и обрядовых различиях западной и православной церковью мировоззрению человека Средневековья была свойственна вера в реальность чудесного, сверхъестественного, в заботливое вмешательство Небесных сил в дела человеческие²⁶¹.

Думается, однако, что внутреннее родство полотен Нестерова и Бастьен-Лепаж определяется не только стремлением художников как можно более глубоко погрузиться, «вжиться» во внутренний мир средневекового человека, взглянуть на историческое прошлое его глазами. На наш взгляд, их объединяло другое – сходство основных мировоззренческих установок²⁶²: будучи художниками-реалистами, они были вместе с тем глубоко верующими людьми, для которых и в последние десятилетия XIX в. таинственное вмешательство Провидения в земную жизнь оставалось незыблемой составной частью мировоззрения. Глубокая вера, как нам представляется, обусловила их ровное, сдержанное отношение к наиболее громким явлени-

более знакомился я с ней, входил во внутренний мир этой чудной девушки, проникался всем тем, что воспитало такую возвышенную поэтически-восторженную душу, тем более все остальное принимало в глазах моих бесцветный, бледный и безжизненный тон. На «Жанну» я смотрел уже, не принуждая себя, не как на картину, а как на реальное явление, проявившееся в такой дивной форме. Уезжая, я с ней искренне простился, зная, что никогда более не увижу этих тихих голубых очей. Я испытывал состояние влюбленности при прощании со своей милой... Спасибо Б[астьен-]Лепажу, это поистине великий художник, который, создав «Жанну д'Арк», искренне сказал, как любит он свою родину. Не любя реально этой отвлеченной идеи, нельзя было и выразительницу ее воспроизвести так сильно и правдиво (Письмо Н. А. Бруни от 20 августа 1889 г. // Там же. С. 58).

²⁶¹ См., напр., мнение А. А. Сидорова: «Следует уметь воспринимать явления истории искусств исторически. В картинах Нестерова, посвященных жизни конкретно жившего в Древней Руси Сергия Радонежского, в детские годы носившего имя Варфоломея, художник следует легендам, записанным и сохранившимся в рукописной литературе тех лет. Старые русские люди не знали иного способа возвеличить деятеля своей страны, чем дать ему «титул» или «звание» святости. ...Несколько позже «Отрока Варфоломея» замечательный русский писатель А. П. Чехов опубликовал свой рассказ «Черный монах», в котором совершенно медицински точно передает то, что привиделось болезненно экзальтированному, но такому все же славному и простому русскому пастушонку» (Сидоров А. А. Нестеров и художественная культура его времени // *Дурылин С. Нестеров в жизни и творчестве*. М., 1976. С. 12–13).

²⁶² Именно это, как нам представляется, имел в виду Нестеров, говоря о том, что в картине «Жанна д'Арк» Бастьен-Лепаж выступает как «славянин, русский, с нашими сокровенными исканиями глубин человеческой драмы».

ям и течениям художественной жизни своего времени²⁶³. Складывается впечатление, что эта самодостаточность, духовная независимость от погони за модой и сиюминутным успехом у публики была главной основой внутреннего родства русского и французского художников, вызывавшей раздражение и даже негодование критики определенного направления.

Известно, насколько резко выступил против «Видения отроку Варфоломею» известнейший русский критик В. В. Стасов, сыгравший выдающуюся роль в развитии реалистического направления в русской живописи, в поддержке и пропаганде искусства передвижников. После первого появления картины на XVIII Передвижной выставке В. В. Стасов писал на страницах «Северного вестника»: «Только одному из новопришлых я не могу симпатизировать. Это Нестерову. Еще не в том беда, что он вечно рисует скиты, схимников, монашескую жизнь и дела, это куда бы ни шло: что ж, когда у него такое призвание, но в том беда, что все это он рисует притворно, лже-наивно, как-то по фарисейски, напуская на себя какую-то неестественную деревянность в линиях, пейзажах и красках, что-то мертвенное и мумиобразное. Нынче во Франции появилась целая школа таких притворщиков, с Пювис де Шавань во главе; одну из таких картин («Благовещение») привозили к нам недавно французы. Неужто ж нам этому подражать и радоваться на это? Боже, сохрани нас. Подальше от этих пейзажей в виде сухих, тощих метелок, от красок, умышленно выцветших, как старый замаранный ковер. Нет, я все надеюсь, что г. Нестеров еще соступит со своего никуда не годного пути и обратится к действительной жизни»²⁶⁴. Следует отметить, что В. В. Стасов был далеко не одинок в решительном неприятии «Видения отроку Варфоломею», и среди его единомышленников было немало известных художников и критиков²⁶⁵.

Характерно, что не менее безапелляционно и негативно В. В. Стасов отзывался впоследствии и о работе Бастьен-Лепаж: «Не взирая на все виртуозное мастерство его, в нем скоро все-таки разглядели, что у него творчества – нет, что его Жанна д'Арк не вдохновенная будущая спасительница отечества, а какая-то безумная психопатка, у которой только от физических причин, от лихорадки, блуждают глаза, а щеки рдеют, и нет тут во всем ее лице ни единой черточки глубокого душевного подъема, душевной жизни»²⁶⁶.

Сегодня эти оценки выглядят настолько предвзятыми, что, пожалуй, не нуждаются в опровержении. Время показало их историческую ограниченность, жесткую привязанность к наболевшим проблемам искусства и жизни своего времени и поискам наиболее простых и эффективных путей их разрешения. Между тем, оставшись в стороне от наиболее смелых творческих экспериментов своего времени, Бастьен-Лепаж²⁶⁷ и Нестеров чаще, чем мно-

²⁶³ При этом оба художника стремились творчески освоить и достижения своих современников. Например, пейзаж в «Жанне д'Арк» Бастье-Лепаж, несет на себе, на наш взгляд, отчетливую печать влияния импрессионизма.

²⁶⁴ Цит. по: *Дурылин С.* Указ. соч. С. 141.

²⁶⁵ См.: Там же. С. 138–143; *Никонова И.* Михаил Васильевич Нестеров. М., 1984. С. 337–338.

²⁶⁶ Цит. по: Валентин Серов в переписке, документах и интервью. Л., 1985. С. 165.

²⁶⁷ В многотомном труде по истории зарубежного искусства характеристика творчества Ж. Бастьен-Лепаж уместается в пять строк: «Ряд французских живописцев старается в этот период следовать традициям мастеров реализма середины XIX века. Так, искусство

гие их современники, задумывались над «вечными» вопросами, видели более отдаленную историческую перспективу развития собственных стран и всего человечества. В отличие от своих критиков, они всматривались в художественные искания современников взглядом, свободным от нетерпимости, но нередко отдавали предпочтение не им, а мастерам минувших столетий, в мировоззрении которых находили гармоничное единство вера и разум, Бог и природа. Именно это, как нам представляется, и позволило русскому и французскому художнику достичь столь высоких вершин на пути образного постижения исторического прошлого.

Следует при этом особо отметить, что для Нестерова, по его собственным оценкам, наиболее значимым открытием во время первой зарубежной поездки стало искусство итальянского Возрождения, в котором впервые в истории мировой художественной культуры в единое, органическое целое слились христианская духовность и реализм.

Вспоминая о том впечатлении, которое произвели на него творения великих мастеров Возрождения, Нестеров писал: «Душа моя была полна новыми впечатлениями, я не мог их вместить, претворить в себя... Скульптура Микеланджело и фрески в кельях монастыря Св. Марка – все это теснило одно другое, приводя меня в неописуемый юный восторг. Язычник Боттичелли легко уживался с нахристианнейшим фра Беато Анжелико. Все это мне хотелось запечатлеть в памяти, в чувстве, всех их полюбить так крепко, чтобы любовь эта к ним уже не покидала меня навек. Мне кажется, что искусство, особенно искусство великих художников, требует не одного холодного созерцания, «обследования» его, но таковое искусство, созданное талантом и любовью, требует нежной влюбленности в него, проникновения в его душу, а не только форму, его составляющую... Христианское искусство мне было понятней, родней. Чтобы его воспринять, мне не надо было делать никаких усилий. Искусство же дохристианское оставалось где-то по ту сторону моего сознания, чувства в особенности»²⁶⁸.

Подводя итог путешествию по Италии, художник отметил: «Нужно было хотя бы немного привести свои впечатления в порядок. Надо было рассмотреть свои силы с тем, чтобы по возвращении домой можно было приступить к новой картине, которая все более и более вырисовывалась в моем воображении. Впереди было «Видение отроку Варфоломею»²⁶⁹.

В этой связи видится важным подчеркнуть, что, вспоминая о парижских впечатлениях, Нестеров – наряду с полотном Бастьен-Лепаж – особо выделяет произведения другого французского художника-современника – Пюви де Шаванна: «Пювис и Бастьен-Лепаж из современных живописцев Запада дали мне столько, сколько не дали все вместе взятые художники других стран, и я почувствовал, что если я буду жить в Париже месяцы и даже год-два, я не обрету для себя ничего более ценного, чем эти разновид-

Милле находит продолжение в лице Жюль Бастьена-Лепаж (1848–1884). Он писал преимущественно сцены из крестьянской жизни, изображая их просто, жизненно, с искренним чувством («Любовь в деревне», 1882, Москва, ГМИИ) (История искусства зарубежных стран. М., 1964. Т. 3. С. 262).

²⁶⁸ Нестеров М. В. Воспоминания. С. 118–119.

²⁶⁹ Там же. С. 126.

ные авторы»²⁷⁰. При этом, говоря о цикле росписей Пюви де Шаванна на темы из жизни Святой Женевьевы в Париже, Нестеров отмечал: «Пювис глубоко понял дух флорентийцев Возрождения, приложил свое к некоторым их принципам, их достижениям, приложил то, что жило в нем и пело, соединил все современной техникой, и поднес отечеству этот превосходный подарок, его обессмертивший... «Святая Женевьева» Пювиса перенесла меня во Флоренцию, к фрескам Гирландайо в любимой мною капелле Санта Мария Новелла»²⁷¹.

Таким образом, молодой русский художник, постепенно открывая для себя сокровища художественного наследия Запада, находя незримые нити духовного родства с творческими исканиями зарубежных современников и далеких предшественников, шаг за шагом шел к созданию неповторимого шедевра русской исторической живописи.

Следует при этом отметить, что Нестеров был в полном смысле слова сыном своего времени, характерной чертой которого было преодоление национальной и конфессиональной обособленности, стремление к творческому освоению ценностей, рожденных в иных культурных мирах.

Особенно ярко это выразил сам художник, передавая свои впечатления от знакомства с шедевром великого мастера Высокого Возрождения Рафаэля «Сикстинская мадонна». Нестеров ожидал от этого события многого: отказавшись от ряда первоначальных планов посещения крупнейших художественных собраний Западной Европы, он все же посчитал необходимым посетить на обратном пути в Россию Дрезденскую картинную галерею, чтобы познакомиться с жемчужиной собрания саксонских королей, полагая, что это произведение представляет собой шедевр мировой живописи непреодолимого значения.

Обращаясь к русским читателям своих воспоминаний, художник предлагает путь к постижению ее художественного и мировоззренческого содержания: «Мадонна Рафаэля чисто католический идеал мадонны, а не образ владычицы небесной. С этим нам, православным, русским, необходимо с первого же взгляда примириться. Рафаэль писал величайшее свое произведение для католического мира, будучи сам сыном церкви католической. Рафаэль в этой своей мадонне, как наш Иванов в «Явлении Христа народу» выразил всего себя. Он как будто для того и пришел в этот мир, чтобы повесть свою гениальное откровение»²⁷².

Таким образом, «Видение отроку Варфоломею», продолжая и развивая вековые традиции русской культуры, впитало в себя целую гамму плодотворных творческих импульсов, исходивших от выдающихся произведений мастеров искусства Западной Европы, созданных в течение нескольких столетий²⁷³.

²⁷⁰ Нестеров М. В. Воспоминания. С. 133.

²⁷¹ Там же. С. 132.

²⁷² Там же. С. 135.

²⁷³ Думается, что здесь уместно привести строки из воспоминаний художника об окончании заграничной поездки и возвращении в Россию: «Итак, мое первое заграничное путешествие кончилось... Посмотрим, что дала мне Европа, что я сумел от нее взять, что понял, что полюбил в ней, посмотрим... Я прямо поехал в Москву. Повидал кое-кого

Показательно, что годы спустя, поддерживая первые шаги в искусстве талантливых русских художников-самородков, вышедших из иконописной школы Палеха, братьев Павла и Александра Кориных, Нестеров настойчиво прививал им мысль о необходимости «непрерывного ученичества у мастеров мирового искусства», в первую очередь – корифеев итальянского Возрождения²⁷⁴.

Тихонов М. Н. (Нижний Новгород)

МУЗЕИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕДУЩИХ МЕСТНЫХ ГАЗЕТ 1911–1912 ГОДОВ

Успехи, достигнутые к середине XIX в. русской исторической наукой, и реформы 1860-х гг. привели к массовому открытию музеев в городах Российской империи. Таковые открылись в Саратове, Самаре, Казани, Херсоне и других губернских центрах. Город Нижний Новгород также не оставался в стороне: на начало XX столетия здесь действовали Естественно-исторический музей губернского земства, Городской художественный и исторический музей, Педагогический музей при Нижегородской дирекции народных училищ.

Развитие музейной сети России продолжалось и в 1910-е гг., когда музеи стали частью жизни крупных городов. Факт их вхождения в повседневную жизнь подтверждали заметки местных газет, отражавшие успехи и проблемы данных организаций.

Привлечение прессы как источника в рамках исследования музейной жизни российских городов позволит лучше представить людей, имевших к ней отношение. Использование официальных документов удержит от поверхностной оценки событий. Цель представленной работы – анализ годичных публикаций нижегородских газет «Волгарь» и «Нижегородский листок», посвященных местным музеям. Газеты взяты за относительно спокойные и благополучные 1911 и 1912 гг., находятся в Нижегородской обла-

из приятелей и уехал в Хотьков монастырь. Нанял избу в деревне Комякине, близ монастыря, и принялся за этюды к Варфоломею» (Там же. С. 136).

²⁷⁴ С. Дурьлин отмечал: «Для Кориных была раскрыта большая книга богатейшего творческого опыта Нестерова. Как художник, на редкость щедро соединявший в себе страстную веру в русское искусство с любовью к искусству Возрождения, Нестеров открывал Кориным самые заветные свои мысли о русских путях в мировые просторы искусства. Нестеров ничего так не опасался для живописцев, как сужения их художественного и культурного горизонта. Он – усерднейший ученик великих мастеров Византии, Италии, Франции, России – призывал Кориных к этому непрерывному ученичеству у мастеров мирового искусства – не одной живописи, но и поэзии и музыки... Нестеров считал счастьем для Кориных, что Горький, чуткий ко всему самобытно-талантливому, взял их с собою в Италию в 1931 году, раньше всех, вместе с Нестеровым, поверив в художественную одаренность братьев-палешан. Нестеров следил за художественным путешествием Кориных с любящей внимательностью. Корины и путешествовали по Италии с кратким путеводителем, собственноручно написанным для них Нестеровым» (Дурьлин С. Указ. соч. С. 337–338).

стной библиотеке им. Ленина. Фоном исследования явились отчеты Комитета управления Нижегородского городского художественного и исторического музея за 1910–1913 гг. и другие документы, обнаруженные в ГУ ЦАНО.

«Волгарь» и «Нижегородский листок» пользовались хорошей репутацией и стабильным спросом читателей. Газеты эти выходили ежедневно в «раннее время»²⁷⁵. Большинство экземпляров распространялось по подписке в разночинной среде, часть – продавалась.

Права на «Волгарь» принадлежали семье Жуковых. Рыбинский купец Иван Алексеевич Жуков приехал на знаменитую Нижегородскую ярмарку в 1860-е гг., и, пораженный ее размахом, перевел сюда свое дело – издание газет²⁷⁶. Проект И. А. Жукова оказался успешным, и в 1891 г. «Нижегородский биржевой листок» достался в наследство сыну Сергею. Новый владелец расширил тематику издания. Помимо правительственных распоряжений, деловой информации и рекламы, в газете появились фельетоны, стихи, новости науки, театра, описание местных событий (отдел «Хроника», важный источник для краеведческих исследований). Возник вопрос о переименовании газеты, решившийся через год. Логичку выбора названия советский журналист Ф. Н. Боронин, занимавшийся на пенсии историей местной полиграфии, представлял следующим образом: «Под боком Волга. На ней трудятся тысячи волгарей. «Волгарь». Это название понравилось»²⁷⁷.

Со временем перемены коснулись и типографии «Волгаря». В 1908 г. она получила новое здание с электрическим освещением на углу Большой Ямской улицы. Здесь впервые в губернии был применен машинный набор, «современные печатные машины»²⁷⁸. В сутки выпускались 6000 экземпляров «Волгаря», «такого тиража в те годы не имела ни одна газета»²⁷⁹, и дополнительно выполнялись частные заказы.

Представляясь потенциальным подписчикам как «независимый орган прогрессивной печати»²⁸⁰, «Волгарь» старался избегать конфронтации с властями. Авторский коллектив газеты состоял из журналистов средней руки, сведений о которых не удалось обнаружить в справочниках и обзорах по местной прессе. Исключениями могут считаться поэтесса А. Мысовская и писатель демократического направления В. Кокосов, творчество которых оказывало влияние на литературную жизнь Нижнего Новгорода. Основная масса газетных сообщений выходила без подписей, а фельетоны завершались подписями «Ростов», «Сав.Р.» или «Некто». Сам С. И. Жуков в 1910-е гг. был гласным Городской думы, членом октябристской партии.

Основанный 1893 г. «Нижегородский листок» сменил семь собственников, однако «направление газеты неизменно прогрессивное»²⁸¹ оставалось визитной карточкой издания. В отличие от «Волгаря», подразумевавшего

²⁷⁵ Нижегородский листок. 1912. 6 янв. С. 1.

²⁷⁶ См.: Смирнов С. А. Нижегородская пресса: краткая энциклопедия. Н. Новгород, 2010. С. 20.

²⁷⁷ Боронин Ф. Н. «Нижегородский биржевой листок» – «Волгарь» // Записки краеведов: сборник. Горький, 1983. С. 60.

²⁷⁸ Смирнов С. А. Указ. соч. С. 149.

²⁷⁹ Боронин Ф. Н. Указ. соч. С. 61.

²⁸⁰ Волгарь. 1911. 10 янв. С. 1.

²⁸¹ Нижегородский листок. 1912. 6 янв. С. 1.

под «прогрессом» развитие авиации и автоклубов, «Нижегородский листок» видел «прогресс» в установлении между людьми справедливых взаимоотношений. Например, в ноябре-декабре 1912 г. газета отстаивала права работников пароходства купчихи Кашиной, уволенных по сокращению без выплаты денег, заработанных за лето. Активная позиция не редко вредила изданию в материальном отношении: административные штрафы за публикации накладывались на него ежегодно. Иногда арестам подвергались редакторы газеты. Сотрудники ее менялись часто, но при этом сохраняли между собой дружественные отношения. В. Г. Короленко после отъезда из Нижнего Новгорода до начала 1920-х гг. переписывался с редактором А. А. Дробышевским. Журналист Ф. П. Хитровский в 1932 г., озабоченный сохранением домика Каширина (сегодня – музей), просил бывшего коллегу А. М. Горького вспомнить план этого здания²⁸².

С «Нижегородским листком» одновременно сотрудничали В. Г. Короленко, Н. Г. Гарин-Михайловский, Е. Н. Чириков, А. И. Пискунов, М. Горький «и другие известные российские публицисты и писатели»²⁸³. Кроме новинок литературы, газета «знакомила читателя с правительственными распоряжениями, известиями из столиц, местной хроникой (город, ярмарка, навигационные известия)»²⁸⁴. Успех информационной части обеспечивался не только своевременными перепечатками из центральных изданий. Стихийно сложившийся круг друзей-соперников газеты, разбросанных по городам империи, всегда был готов разнообразить ее личными наблюдениями. Названия же рубрик «Нижегородского листка» и «Волгаря» часто совпадали.

С 1906 г. изданием «Нижегородского листка» занимался Е. М. Ещин. Он «совмещал адвокатуру с журналистской и революционной работой»²⁸⁵, принадлежал к партии кадетов. Печать газеты осуществлялась в частной типографии З. А. Остафьевой.

Улица Большая Покровская, где находилась «контора «Нижегородского листка»» ориентировалась на Благовещенскую площадь, на Дмитровскую башню нижегородского кремля. В кремле находились органы управления Нижегородской губернией, а в башне после реставрации 1894–1896 гг. размещался Городской художественный и исторический музей. Основу его художественной коллекции заложили «50 художественных произведений, бывших на выставках последних лет», – дар Нижнему Новгороду от «русских художников»²⁸⁶. Дальнейшие поступления приходили из Петербургской Академии художеств и от добровольных жертвователей, отношения с которыми поддерживал выборный Комитет музея. Исторический отдел, изначально в музее не планировавшийся, в полном составе был передан Нижегородской губернской ученой архивной комиссией (НГУАК), членами которой

²⁸² См.: *Забурдаев Н. А.* Об усадьбе Кашириных на Успенском съезде // Записки краеведов: сборник. Горький, 1988. С. 182.

²⁸³ *Курбакова Е. В.* Периодическая печать // Вестник Нижегородской энциклопедии: периодическая печать, журн., изд. дело. Н. Новгород, 2005. Вып. 3. С. 3.

²⁸⁴ *Галай Ю.* Нижегородский листок // Там же. С. 25.

²⁸⁵ *Смирнов С. А.* Указ. соч. С. 146.

²⁸⁶ Нижегородский городской художественный и исторический музей: каталог и ист. очерк музея / сост. Н. И. Драницын. Н. Новгород, 1896. С. 9.

и был собран²⁸⁷. На начало 1911 г. фонд городского музея, согласно отчету его комитета, составлял 1966 произведений искусства и 4511 предметов старины. Осмотр музея был возможен во все дни, кроме больших церковных праздников. Возможность ознакомиться с выставкой была почти у всех. Стоимость посещения по воскресным дням равнялась трем копейкам (цена трамвайного билета²⁸⁸), по будням – двадцати.

Напротив фасада Дмитровской башни, чуть левее, лежала улица Тихоновская, которую через несколько кварталов пересекала Мартиновская. В доме на пересечении улиц находилось Губернское земство и при нем Естественно-исторический музей. Созданный трудами известного почвоведом В. В. Докучаева еще в 1885 г., он был ориентирован на прикладную исследовательскую работу. В 1903 г. музей возглавил А. И. Попов, вместе с которым пришли «люди, увлеченные биологией»²⁸⁹. Им удавались не только работы в музейной лаборатории (в интересах агрономии и лесного хозяйства), пополнение коллекций, разбор накопленного материала, но и занятие популяризацией биологических знаний. В середине 1910-х гг. справочник «Нижегородский ежегодник» указывал, что Нижегородский Естественно-исторический музей имеет «серьезное научно-образовательное значение»²⁹⁰.

Не все музеи города были общедоступными. Целью Педагогического музея Нижегородской дирекции народных училищ было «облегчить учителям знакомство с педагогической литературой и учебными пособиями, по возможности предоставлять пользование ими»²⁹¹. В 1903 г. музей (основан в 1897 г.) переехал на Новобазарную площадь в училище имени Александра II, где под него отвели две комнаты. К 1910-м гг. учреждение обладало примерно 4000 томов и 1500 экземпляров наглядных пособий. Выдача «экспонатов» являлась его важной особенностью. Открыт музей был пять дней в неделю, имея субботу и понедельник в качестве выходных.

Процесс создания новых местных музеев не прекратился в Нижнем Новгороде с началом XX века. Сбор коллекции музея Аракчеевского кадетского корпуса прошел среди его бывших выпускников в рамках подготовки 75-летия организации по призыву ее руководства²⁹². В 1909 г. музей был торжественно открыт. Предназначаясь для воспитанников корпуса и находясь в нем, музей редко фигурировал на страницах нижегородской прессы. За период с 1911 по 1912 гг. в «Волгаре» и «Нижегородском листке» о нем ни разу не упоминалась. Возможно, необходимый материал находится в изданиях, выходивших для военнослужащих и офицеров царской армии.

Отчеты Нижегородского городского художественного и исторического музея позволили выделить из газет ряд дополнительных сведений.

²⁸⁷ См.: Нижегородский городской художественный и исторический музей. С. 15.

²⁸⁸ См.: Нижегородский ежегодник: иллюстрированный литературный Календарь-справочник / под ред. Г. И. Сергеева, В. Е. Чехихина. Н. Новгород, 1915. С. 254.

²⁸⁹ Фомина И. Первый естественно-исторический музей России // Нижегородский рабочий. 1996. 23 янв. С. 11.

²⁹⁰ Нижегородский ежегодник: иллюстрированный литературный Календарь-справочник. С. 87.

²⁹¹ Шиян Л. И. Педагогический музей при Нижегородской дирекции народных училищ // Нижегородский музей. 2007. № 14. С. 158.

²⁹² См.: Гусев М. Ю. Исчезнувший музей // Там же. С. 81.

Первой «околомузейной» новостью в «Хронике» «Волгаря» за начало 1911 г. стала сдача в печать сборника НГУАК, посвященного памяти П. И. Мельникова-Печерского. Сын знаменитого исследователя старообрядчества, А. П. Мельников готовил иллюстрации и вступление, местный историк А. К. Кабанов и библиограф Н. И. Драницин добавили свои научные работы о жизни и творчестве Мельникова-отца²⁹³. Двое из названных членов НГУАК состояли в Комитете художественно-исторического музея с 1909 г. на правах специалистов-консультантов, третий, Драницин, вошел туда в 1912 году. Архивная комиссия, передавшая городу исторический музей исключительно из-за финансовых трудностей, продолжала наблюдать за ним.

Просветительская деятельность Андрея Киприановича Кабанова привлекала внимание газетчиков. За два года он имел восемь публичных выступлений и четыре письменные работы, в числе которых брошюра «Смута Московского государства и Нижний Новгород». Брошюра в 1912 г. была «выписана» городской управой для начальных школ²⁹⁴. Основной деятельностью Кабанова была работа в Первом городском училище, но основной успех – в Народном доме, где им проводились за 5–25 копеек со слушателя увлекательные лекции. «Нижегородский листок» писал: «...Кабанов обладает неоспоримым качеством хорошего лектора... Его звучный голос, ясная фразировка, сжатость и популярность изложения невольно заставляют... внимательно относиться к лекции»²⁹⁵. Информация о передаче денег, собранных на лекциях, в счет «Общества распространения начального образования» и «Общества заботы о детях» также характеризует вышеназванную личность.

Преподаватель Сергей Михайлович Парийский шел вторым по числу проведенных и отмеченных в газетах лекций. Интересы выпускника Казанской духовной академии, избравшего светскую стезю, простирались в область русского средневековья. Рвение его было замечено во НГУАК, где Парийский в 1910-е гг. занимал ответственный пост правителя дел (секретаря). 15 февраля 1911 г. он выступил в комиссии совместно с А. К. Кабановым²⁹⁶. Обычно подобные выступления базировались на архивных источниках. К 50-летию отмены крепостного права доклад подготовил Кабанов, Парийский же представил материал «прикладного» исследования Дмитровской башни кремля. Вскоре его опубликовали на первой полосе «Волгаря».

Недовольство помещением появилось среди сотрудников городского музея почти сразу после его открытия. Первая же осень показала, что в Дмитровской башне мало света (несмотря на устройство в крыше светового фонаря) и сыро. Предполагалось, что под зданием скапливаются грунтовые воды. Исследуя башню, Парийский обнаружил вход в «погреб» музея, в XVIII в. заваленный землей с внешней стороны. Наличие там воды подтвердилось. «По ходатайству архивной комиссии перед городским головой

²⁹³ См.: Хроника // Волгарь. 1911. 17 янв. С. 2.

²⁹⁴ См.: Местная хроника // Нижегородский листок. 1912. 23 февр. С. 2.

²⁹⁵ Местная хроника // Там же. 1912. 17 сент. С. 1.

²⁹⁶ См.: Журнал 120 заседания 15 февраля 1911 г. НГУАК // Действия НГУАК. Журн. и докл. Н. Новгород, 1912. С. 67.

было приступлено к откачиванию воды»²⁹⁷. За два дня посредством ручного насоса пожарной команды из-под башни удалось откачать 8000 ведер. Благодаря этому событию необходимость перевода музея в другое здание стала очевидной для всех. В свете предстоящих дел С. М. Парийского пригласили в Комитет, полноправным членом которого он стал в октябре²⁹⁸.

В 1911–1912 гг. Комитет по управлению Нижегородским городским музеем претерпел значительные изменения: пришло девять новых членов, сменился председатель.

Весть о смерти члена Госсовета Александра Васильевича Баулина пришла из Петербурга 10 мая. Газеты последующих трех дней выходили с именем покойного, заключенным в траурные рамки. А. В. Баулин в 1870-е гг. начал свою карьеру учителем математики Нижегородской духовной семинарии. В некрологах его ученики вспоминали, что учитель имел коммерческий талант и всегда находил для них заработок репетитора, если его просили²⁹⁹. В 1889 г. Баулин стал во главе Купеческого банка и в краткие сроки «поднял его деятельность». Через два года он уже был членом биржи, что со временем открыло ему путь в столицу. В 1897 г. гласные Городской думы, согласно букве музейного устава, избрали своего коллегу Баулина председателем Комитета. Далее он только переизбирался.

Вопрос о смене помещения обсуждался в 1904 г. с подачи председателя. Для музея приметили старое здание Городской думы, из которого она съехала менее года тому назад. Одновременно к городским властям с аналогичной просьбой обратилась библиотека. Дом достался ей. Однако в адрес управы до 1911 г. от имени Комитета поступали требования предоставить место под коллекции в уже занятом доме. Время шло, а положение музея не улучшалось, о чем с горестью писали А. А. Карелин³⁰⁰, Д. И. Хмельницкий³⁰¹, В. А. Ликин³⁰² – члены Комитета, художники-специалисты.

Пост председателя занял его заместитель А. Я. Садовский. Началась разработка новых вариантов перехода из Дмитровской башни. Стремительное развитие дальнейших событий привело к смещению внимания газетчиков с конкретных членов Комитета на сам Комитет и управляемый им музей.

Земский деятель А. А. Савельев, трудившийся над проектом городского музея еще в 1895 г., предлагал летом 1911 г. объединить исторический отдел с коллекцией земства³⁰³. Перевод Естественно-исторического музея в каменные стены повышал его сохранность, так как «в случае пожара, некото-

²⁹⁷ Парийский С. Доклад об обследовании Нижегородского кремля // Волгарь. 1911. 17 февр. С. 1.

²⁹⁸ См.: Отчет о состоянии Нижегородского городского художественного и исторического музея за 1911 г. Ком. по упр. Нижегородским худ. и ист. музеем. Н. Новгород, 1912. С. 4.

²⁹⁹ См.: Парийский С. Памяти учителя // Волгарь. 1911. 11 мая. С. 2.

³⁰⁰ См.: Сведения из отчета о сост. гор. музея за 1907 г., смета по содержанию музея на 1908 г, приложение и докл. к министру внутренних дел от почетного члена музея А. А. Карелина // Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 569. Оп. 1779. Д. 6. Л. 9.

³⁰¹ См.: Там же. Л. 71.

³⁰² См.: Нь. О художественно-историческом музее // Нижегородский листок. 1912. 19 марта. С. 2.

³⁰³ См.: Хроника // Волгарь. 1911. 17 мая. С. 2.

рые редкости музея приобрести будет невозможно». «Волгарь» следил за развитием событий. Сначала земцы предлагали помещение гостиницы «Россия», принадлежавшей городу. Ее капитальное двухэтажное здание на Благовещенской площади реконструировалось в это время. Планировалось устройство парового отопления и возведение пристроя. В июле комитет Городской думы по заведованию Обрядчиковскими имуществами (завещатель «России») «отклонил предложение губернского земства, указав, что отстраиваемый дом уже предназначен для городского ломбарда и двух городских школ»³⁰⁴.

Незадолго перед случившимся отказом, 3 июня 1911 г., выяснилась судьба старой городской тюрьмы. Император разрешил передать тюрьму городу. Городской голова И. В. Богоявленский предложил ее Нижегородскому художественно-историческому музею на сентябрьском заседании управленческого Комитета. Небольшая ремарка: нижегородский реставратор А. И. Давыдов в альманахе «Записки краеведов» отмечал, что к XX в. Острог пришел в «весьма ветхое состояние»³⁰⁵.

Предложение, поскольку «в настоящее время у города нет подходящих помещений»³⁰⁶, пришлось рассматривать всерьез. Конец 1911 г. ушел на обсуждения и прикидки. Члены НГУАК склонились к мысли переоборудовать «обширное помещение» не только под нужды городского и земского музеев, но и для своей работы³⁰⁷. Не снятым оставалось лишь одно препятствие – перевод заключенных в новое здание должен был совершиться по его постройке, а осенью на строительстве «второго корпуса Нижегородской тюрьмы» только-только началась укладка фундамента.

Вариант Острога-музея отпадал. Ждать несколько лет Комитет не считал возможным. Осмотр художественной коллекции еще в начале года выявил, что картины разрушаются. Особые опасения вызывало большое полотно «Последние минуты Дмитрия Самозванца» кисти профессора Венига. Поверхность его покрылась трещинами. Подтвердить правильность сделанных выводов нижегородские музейщики пригласили реставратора из Петербурга.

Командированный Академией художеств художник Богословский приехал 10 декабря. Он заключил, «что хранилище... является гибелью для картин»³⁰⁸, которые должны быть перенесены в сухое и теплое помещение (отопление Дмитровской башни было малоэффективно, о чем газеты писали ранее).

Результат поездки Богословского благодаря прессе стал общеизвестен. Один только «Волгарь» за период с 11 декабря по 10 января обращался к теме трижды. «Нижегородский листок» 7 января 1912 г. известил о беспокойстве Нижегородского общества любителей художеств в связи со сложившимися обстоятельствами. 27 мая членом общества В. И. Бреевым был обнародован вариант временного переноса картин в дом, предназначенный для муко-

³⁰⁴ Хроника // Волгарь. 1911. 7 июля. С. 2.

³⁰⁵ Давыдов А. И. Из истории нижегородского острога // Записки краеведов: сборник. Горький, 1988. С. 137.

³⁰⁶ Отчет о состоянии Нижегородского городского художественного и исторического музея за 1911 г. С. 6.

³⁰⁷ См.: Хроника // Волгарь. 1911. 22 нояб. С. 2.

³⁰⁸ Хроника // Там же. 11 дек. С. 2.

мольной школы купца Я. Е. Башкирова. Брееву владелец здания «сообщил, что если город обратится с такой просьбой, то может дело и уладится»³⁰⁹.

В начале года Комитет городского музея вел самостоятельные переговоры с местной властью, дабы временно поместить живопись в залах Городской думы, но не достиг успеха. Власть ответила предложением отремонтировать в башне отопление, ненадолго переместив коллекцию в дом Башкирова, что не устроило уже городской музей³¹⁰. Полотна могли пострадать от частой переноски.

Поиск компромисса продолжался на фоне все возрастающего интереса журналистов и художественных кругов России. На съезде художников, прошедшем в Петербурге во время рождественских праздников, почетный член Комитета Нижегородского городского художественно-исторического музея А. А. Карелин обнародовал выводы реставратора Богословского. Следствием стала «угроза» художника Н. А. Кошелева потребовать свою картину обратно³¹¹. Кошелев был уважаемый живописец-академик. Он расписывал храмы Русского палестинского общества на Святой земле, его кисть украшала строящийся в Москве собор Христа Спасителя. Катрина «Погребение Христа» являлась одной из лучших его работ, подаренной автором к открытию Нижегородского музея. В 1911 г. она среди прочих «гнила» в Дмитровской башне.

Сопоставляя доступные данные с текстом газетных статей, приходится констатировать излишнее усердие некоторых корреспондентов. Находились авторы, прямо обвинявшие музейный Комитет³¹². Последнему приходилось отбиваться от нападков: 28 марта постановили отпечатать в ведущих газетах статью с обозначением вех проделанной за 15 лет работы. В «Нижегородском листке» она появилась 6 апреля в разделе «Письма в редакцию». Ниже редакция написала комментарий, что напечатанные ранее материалы «может быть ... не справедливы в том смысле, что комитет стоял далеко от дела...»³¹³.

Однако отток членов из управления Нижегородского музея уже начался. Первым, после визита петербургского специалиста, ушел заместитель председателя М. С. Фон-Брин. В начале января 1912 г. оставил председательское кресло А. Я. Садовский, объяснив свое решение активной деятельностью в Нижегородском филиале Московского археологического института, где он преподавал. И. Ф. Ремлер, избранный Гордумой на освободившееся место, сразу отказался от должности³¹⁴. Исполнение обязанностей руководителя музея взял новый товарищ председателя, врач по профессии, А. Н. Алелеков. Незнакомая и нервная работа (поиск помещений и новая фаза переговоров по ним) быстро измотала его. В августе Алелеков попросил освобождения от «и. о.»³¹⁵. До октября музей работал без директора.

³⁰⁹ Местная хроника // Нижегородский листок. 1912. 28 янв. С. 2.

³¹⁰ См.: Отчет о состоянии Нижегородского городского художественного и исторического музея за 1912 г. С. 7.

³¹¹ См.: *Перо*. Случайные заметки // Нижегородский листок. 1912. 6 апр. С. 3.

³¹² См.: *Нь*. О художественно-историческом музее // Там же. 19 марта. С. 2.

³¹³ *Перо*. Случайные заметки // Там же. 6 апр. С. 3.

³¹⁴ См.: Местная хроника // Там же. 9 февр. С. 2.

³¹⁵ См.: Местная хроника // Там же. 17 авг. С. 2.

Для поиска помещений при музее была создана комиссия из 6 человек. На заседании Комитета 2 сентября рассмотрели и отправили на одобрение Гордумы «квартиру в доме дворянского общежития»³¹⁶, здания на Б. Покровской, относительно недалеко от Дмитровской башни. На 6 сентября в думе, собиравшейся на следующий день, находились уже два варианта помещения³¹⁷. Утвердили первый, более дешевый. Музей получил комнаты на двух этажах Дворянского собрания, отапливаемые паром и освещенные электричеством. Арендная плата до 1917 г. возлагалась при этом на город. Занимаясь поиском причин, приведших к уступкам со стороны администрации, следует иметь в виду: местным властям, у которых «находятся помещения для трактиров, а для музеев совсем нет»³¹⁸, от прессы доставалось наряду с Комитетом.

С 22 сентября доступ в Дмитровскую башню закрылся. 8 ноября музей был открыт на новом месте. Корреспонденты, посетившие залы, писали, что общее впечатление осталось приятным, но «новое помещение тоже тесновато» для экспонатов³¹⁹. У одного местного художника возникли нарекания по переноске и развеске картин³²⁰, впрочем, устраненные Комитетом в 1913–1914 годах. Закрывая тему, «Нижегородский листок» опубликовал специальный доклад И. Н. Кемарского, где отмечалось удовлетворение музейщиков предоставленными в их распоряжение площадями. Кемарский возглавил музей 10 октября 1912 г. и оставался председателем до революции. Молодой инженер и фотограф-любитель, Иван Николаевич часто фигурировал в прессе. Его личность заслуживает представления в отдельной статье.

Заключения петербургского реставратора положили конец борьбе за Острог. Земскому музею в одиночку не удалось бы освоить всю площадь старой тюрьмы, даже с учетом планов предстоящей его реорганизации. Перемещение Естественно-исторического музея из деревянного здания должно было вызвать перестановку экспонатов «в целях популяризации естествознания и агрономии, согласно новейшим задачам такой популяризации и наибольшей ее продуктивности»³²¹. Затем предполагалось устройство правильно оборудованных аудиторий и лабораторий. Переезд музея не состоялся, однако информация о нем, попадавшая в газеты 1912 г., позволяет заключить, что коллектив пытался воплотить проект.

Об активной работе с экспозицией говорит передача «в дар некоторым земским школам» нескольких десятков чучел птиц³²². Затем в феврале газеты отмечали, что в музей «поступили новые естественно-исторические коллекции, изображающие жизнь животных в естественной обстановке»³²³. Дореволюционные нижегородские музеи не имели фондохранилищ, поэтому экспонаты сразу попадали в залы.

³¹⁶ Отчет о состоянии Нижегородского городского художественного и исторического музея за 1912 г. С. 9.

³¹⁷ См.: Местная хроника // Нижегородский листок. 1912. 6 сент. С. 2.

³¹⁸ См.: *Перо*. Случайные заметки // Там же. 29 авг. С. 3.

³¹⁹ См.: Местная хроника // Там же. 9 нояб. С. 2.

³²⁰ См.: *Нь*. О художественно-историческом музее // Там же. 11 дек. С. 2.

³²¹ Хроника // Волгарь. 1911. 24 июнь. С. 2.

³²² См.: Хроника // Там же. 22 нояб. С. 2.

³²³ Местная хроника // Нижегородский листок. 1912. 7 фев. С. 2.

Перемены в музее 1910-х гг. во многом связаны с именем хранителя Н. А. Покровского. Еще будучи студентом Петербургского университета, Покровский передавал собираемые им ботанические и зооколлекции в Естественно-исторический музей³²⁴. После возвращения в Нижний Новгород он посвятил музею всю оставшуюся жизнь.

Встречаясь в стенах учреждения с молодежью, Н. А. Покровский привел в биологию много «ребятишек», впоследствии ставших видными советскими профессорами. В Естественно-исторический музей приходили отдельные посетители и экскурсии. Групповые посещения иногда фиксировались в газетах: за два года последовали 4 подобных сообщения. Наибольший вклад в популяризацию музея вносила его метеостанция. С начала осени до завершения судоходства «Волгарь» публиковал в «Навигационных вестях» сводку погоды «по данным метеостанции при сельскохозяйственном музее гор. губ. земства»³²⁵. Земский музей не давал прогнозов, сводка за ночь устаревала, но какие-то выводы на ее основе были возможны. «Нижегородский листок» по этой же схеме печатал музейные метеосводки круглый год.

Общероссийский интерес к правильной, «научной», постановке работы просветительских учреждений, пробудившийся в 1910-е гг., следующим образом отразился на Нижегородском педагогическом музее. В ноябре 1911 г. «Волгарь» писал, что Губернское земское собрание решило устроить музеи в уездных центрах. Вскоре «Нижегородский листок» сообщил, что планируется официально создать 11 уездных «библиотек-музеев»³²⁶. В Нижнем начали готовить педагогов-просветителей. Соответственно, возросла посещаемость Педмузея, предоставлявшего книги по теории просвещения. Будущие учителя, библиотекари, музейщики «стали лично обращаться в музей с целью наглядно ознакомиться с его пособиями, чтоб возможно лучше выбрать материал для приобретения в порайонные музеи и школы»³²⁷. Ниже в той же статье сообщалось, что сотрудникам Педмузея пришлось «выделить особую показательную учительскую библиотеку». Библиотека эта не выдавалась на дом, чтобы быть всегда доступной для обозрения.

Анализ публикаций ведущих нижегородских газет свидетельствует, что городские музеи 1911–1912 гг. пользовались интересом граждан. При этом успешность организаций напрямую зависела от их руководства и наличия «почитателей», готовых к активным действиям.

Участие прессы в музейной жизни являлось положительным фактором, несмотря порой на неоправданную критику. Статьи о музеях привлекали к ним внимание, подталкивали к содействию им.

³²⁴ См.: Козлов В. И. Краевед-биолог Николай Александрович Покровский // Записки краеведов: сборник. Горький, 1988. С. 83.

³²⁵ Навигационные вести // Волгарь. 1911. 6 сент. С. 3.

³²⁶ Местная хроника // Нижегородский листок. 1912. 21 мая. С. 2.

³²⁷ Местная хроника // Там же. 25 апр. С. 2.

РОЛЬ АРХИТЕКТУРЫ СТАЛИНСКОГО НЕОКЛАССИЦИЗМА В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЛИКА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Архитектура сталинского периода составляет огромный пласт в существующей застройке современных провинциальных городов. Предыдущим стилем, столь широко проявившим себя в массовой и индивидуальной застройке в России, был классицизм. Именно он и берется за основу стиля новой эпохи – сталинской.

Рождение стиля связано с запретом предшествующих – конструктивизма и функционализма. Появляется стиль практически «из ничего» и стремительно развивается, поскольку он поддерживается властными структурами. Более того, власть не только дает установку на создание нового стиля, но и предоставляет образцы, которым нужно следовать, тем самым обозначая направление его развития. В качестве этого направления берется классицизм. Кроме однокоренных названий классицизм и неоклассицизм имеют много общего, несмотря на временной промежуток почти в век между периодами своего господства. Классицизм перенимался как стройная система, с наличием определенных взаимосвязей между культурными продуктами и их влиянием на человека. Однако все это было включено в контекст советской реальности с внесением изменений, обусловленных несколько иными представлениями о новом человеке. Советский неоклассицизм был рассчитан не на образованные слои населения, но преимущественно на массового человека – трудящегося, в качестве одной из предполагаемых целей формирования такого человека виделось повышение производительности его труда и культурно-образовательного уровня путем привития ему осознанной необходимости занятий своим совершенствованием. Государство предлагало образовательный минимум, освоив который, человек должен был сам решить свою судьбу, и, принимая решение о своем развитии, согласно идеям, преподносимым пропагандой, он помогал государству.

В качестве сходства стилей можно отметить исторический контекст их расцвета, обусловленный послевоенными преобразованиями. Классицизм находит свое наиболее яркое воплощение (ампир) после Отечественной войны 1812 г., а неоклассицизм – после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Оба стиля отличались регулярностью и массовостью, широким распространением в провинции. Различение их следует провести следующим образом: поскольку теоретизированное основание классицизма включало в себя представление о внутреннем облике человека, то при становлении сталинского неоклассицизма были переняты некоторые идеи о его личностных качествах (чувство гражданского долга, уравновешенность), которые предстояло взрастить и закрепить в первую очередь с помощью культуры. В связи с этим культура стала главным инструментом в руках власти по

преобразованию сознания масс с целью создания нового «советского» человека. Недостижимым идеалом при этом мыслились «такие как все, только намного лучше», партийные авторитеты – В. И. Ленин и И. В. Сталин. Сталин при этом был фактически создателем и руководителем воплощения стратегии развития советского государства как в духовно-культурном, так и в экономическом плане. Приводимые к единой структуре аспекты жизни общества повлекли за собой единообразие в культурном развитии, которое проявляется в использовании одних и тех же образных и смысловых феноменов, направленных на поддержание одной идеи в различных видах искусства. Стиль создавался в рамках существующей идеологической концепции, и выход за ее пределы представлялся невозможным. Правильность понимания и принятия ее проверялась с помощью различных мероприятий, где демонстрировались вера в идеи и преданность партии. На основе анализа семантики архитектурной формы были сделаны выводы о новой интерпретации исторической традиции в свете господствующей идеологии. Произведенный «отбор» исторических фактов и присвоение им значений в контексте советской реальности подкрепляли веру в необходимость идущих общественных преобразований. Формализованные образы классицизма представляли легитимность новой власти в визуальных образах, широкое их тиражирование было воплощено в массовой типовой застройке.

Создававшийся внутри страны стиль впервые был представлен на всеобщее обозрение в ходе Парижской выставки, воплощенный в павильоне, представлявшем достижения СССР. Главным конкурентом советского государства как на выставке, так и вне ее, выступала Германия, где господствующим был схожий архитектурный стиль. Это объясняется как сходством политических режимов стран, так и общими тенденциями развития архитектуры.

В рамках советской культуры взаимодействовали три субъекта – власть, художники и аудитория. У каждого из них была своя цель: власть подчиняла себе культуру; художники, убедившись в бесплодности попыток противостоять власти, либо соглашались на предлагаемые условия, либо исчезали с поля действия (замолкая или покидая страну); аудитория же вбирала предлагаемую ей культурную продукцию.

Визуализированным сохранением классицизма в основе неоклассицизма является формальное применение основных черт стиля, например в архитектурном оформлении зданий: смысловое его содержание формировалось в рамках идеологии, а официальный государственный стиль служил средством ее выражения. Характерные для власти демонстративность и парадность нашли свое выражение в архитектуре «подземных храмов» – станций метрополитена, а также высотных зданий столицы. Поскольку представители власти являлись непосредственными участниками становления стиля, то и свое распространение он начинает от столицы и находит свое наиболее яркое воплощение на ее территории. Как и классицизм, новый стиль охватывает весь функциональный спектр зданий, но с учетом развития техники и архитектуры неоклассицизм расширяет его перечень. Выбор классицизма как опорного стиля для неоклассицизма обосновывается его идеологической безопасностью в отношении существующего режима. Кроме того, новый стиль способствует утверждению сложившегося политического режима. Основным механизмом закрепления стиля является пере-

осмысление существующей исторической традиции, выраженной в «старых» произведениях искусства. Кроме критического ее рассмотрения предполагается новая интерпретация существующих образов и создание новых. Строительство неоклассических зданий, кроме эстетического и практического, подразумевает и социальный эффект, который может рассматриваться как воспитание советского человека.

В рамках регионального воплощения стиля следует отметить массовую послевоенную застройку новых районов, которая проводилась во многих советских городах, в том числе и в Саратове, а также проект реконструкции центральной части города. В послевоенный период происходит расцвет строительства по всей стране. В первую очередь это обусловлено большими разрушениями. По некоторым данным, за годы войны в городских и сельских местностях остались без крова около 25 млн. человек. Коммунальному хозяйству СССР был нанесен огромный ущерб. Полностью или частично было разрушено свыше 70 млн. кв. м жилой площади, выведено из строя около 250 водопроводов, 114 канализационных систем, 46 трамвайных и 5 троллейбусных хозяйств, 362 коммунальные электростанции и большое число других предприятий и учреждений инфраструктуры жилищного сектора. В городах СССР, подвергшихся фашистской оккупации, было разрушено 1209 тыс. жилых домов (из 2567 тыс.), около 32 тыс. крупных и средних промышленных предприятий, 82 тыс. школ, множество больниц, музеев, магазинов и т. д. В годы войны произошла значительная миграция населения, при этом изменился и его структурный состав: численность городского населения за 1941–1945 гг. возросла почти в 1,3 раза. Промышленные центры, принявшие несколько «волн» эмиграции, вновь «зарастают» индивидуальными деревянными домами и бараками с печным отоплением. По мере освобождения районов страны, временно оккупированных немецко-фашистскими войсками, в них немедленно разворачивались ремонтно-восстановительные работы. В течение военных лет было построено и заново введено в действие 3,5 тыс. и восстановлено в освобожденных районах свыше 7,5 тыс. крупных промышленных предприятий. Жилищную проблему граждане по возможности решали самостоятельно. В ноябре 1945 г. СНК СССР был утвержден список из 15 старейших русских городов, подлежащих первоочередному восстановлению. Восстановление Киева, Сталинграда (Волгограда), Минска, Харькова, Севастополя, Смоленска и других городов сопровождалось их коренной реконструкцией³²⁸.

Поскольку множество домов фактически были снесены (бомбежки, мины и т. д.), то реконструкция относилась и к планировке, город фактически строился заново. Поэтому в этих городах архитектура сталинского периода представлена наиболее планомерно и полно. В государственном стиле выполнены здания различного назначения, представлен широкий спектр сооружений – от жилых домов и административных зданий до вокзалов и зданий правительственных учреждений. После решения первоочередных задач по восстановлению разрушенных городов перешли к плановой реконструкции советских городов с учетом новой реальности. Старые города «капитали-

³²⁸ См.: Издержки и потери народного хозяйства. URL: http://militera.lib.ru/h/voznesensky_n/14.html (дата обращения: 17. 05.2012).

стической» застройки не отвечали новым требованиям власти. В официальных документах старая застройка характеризовалась крайне негативно. В частности, о существовавшей застройке города Саратова в пояснительной записке к «Проекту реконструкции застройки проспекта им. С. М. Кирова в г. Саратове» отмечается: «Центральная часть города Саратова представляет из себя хаотическую и бесплановую внутриквартальную застройку, характерную для развития старых капиталистических городов»³²⁹. А также: «В этом отношении Саратов не представляет исключения из большинства старых городов, развивавшихся и застраивавшихся в период капитализма, оставившего нам тяжелое наследство»³³⁰.

Наиболее близкий к воплощению проект касается реконструкции одной из центральных улиц города – проспекта им. С. М. Кирова и прилегающих к нему кварталов. Предполагалось оформление улицы в едином стиле, с приданием ей черт единого ансамбля. Кроме того, рассматривалось и улучшение общего впечатления восприятия центральной части города, для чего предусматривалось создание вертикалей – высотных сооружений. Разработка проекта была поручена архитектурно-планировочной мастерской при главном архитекторе.

В задачи авторов входило: «составить проект полной реконструкции улицы с тем, что бы в ближайшие годы осуществить строительство и архитектурно оформить главную улицу города»³³¹. Решение задачи осложнялось существующими условиями: predeterminedena ширина улицы в 24 м, которая оценивается как недостаточная, учитывая значение магистрали; наличие большого количества опорных зданий, стесняющих композиционные возможности. Критика проекта, высказанная после рассмотрения его в Москве, в основном содержит замечания о малом размахе строительства, не очень парадного оформления проектируемых зданий, низкой этажности: «Едва ли можно создать парадную улицу из домов в 4 этажа»³³². Однако, все предложения критиков по увеличению этажности (до 5 этажей, а некоторых зданий до 6–7), расширению улицы, сносу кварталов прилегающих улиц, находят обоснованный отказ. И проект утверждается практически без изменений. К сносу предусматриваются только малоценные одноэтажные и двухэтажные здания, двух и трехэтажные здания предназначаются к надстройке. Проводится тщательный анализ каждого здания с целью принятия решения о его дальнейшей судьбе. Проект разрабатывался бригадой под руководством главного архитектора города В. С. Аралова, в составе авторов – архитекторов Т. Г. Ботяновского (автора большого числа зданий, построенных в советский период в Саратове, ему же принадлежит авторство реконструкции Академического театра оперы и балета 1960 г.), Н. Я. Богачевского, О. А. Гера.

В соответствии с проектом было начато строительство трех крупных зданий, два из которых уже к 1952 г. были сданы в эксплуатацию, и надстройка еще одного здания. Продолжали прорабатываться замечания и московских архитекторов, это задание было поручено Т. Г. Ботяновскому и

³²⁹ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. р-2397. Оп. 1 п/д. Д. 23. Л. 14 об.

³³⁰ Там же. Д. 25. Л. 13.

³³¹ Там же. Д. 26. Л. 5.

³³² Там же. Л. 7.

Н. Я. Богачевскому, которые в результате остались полноправными авторами проекта.

Характерным авторским привнесением при составлении проекта явилось то, что улица не вырывалась из общего городского контекста, а видоизменяла его под себя. Так, внесение изменений предполагается в облик площадей, находящихся с обеих сторон проспекта – площадь им. С. М. Кирова и площадь им. Н. Г. Чернышевского. Следует обратить внимание, что в период составления проекта наименования данных площадей отличались от современных. Современная площадь им. Н. Г. Чернышевского, расположенная рядом со зданием Саратовской консерватории, носила имя С. М. Кирова, в то же время современная площадь им. С. М. Кирова перед зданием Саратовского цирка и Крытого рынка, где расположено здание известное под названием «Кассы Аэрофлота», именовалась площадью им. Н. Г. Чернышевского. Во избежание путаницы в дальнейшем при упоминании площадей будем употреблять новые названия.

Для реконструкции площади им. С. М. Кирова проектируется большое 8-этажное угловое здание (известное в просторечии как «Кассы Аэрофлота»), выходящее фасадами на красные линии площади и ул. им. Н. И. Вавилова (Михайловской), на углу здания запроектирована башня, ориентированная на ось проспекта им. С. М. Кирова. Само здание было построено, а вот вертикали города – башне, значение которой обосновывалось в проекте, так и не суждено было воплотиться. Предполагалось ее направляющее значение для движения с проспекта на ул. им. Н. И. Вавилова (Михайловскую). Так же отмечается и эстетическое значение для восприятия ансамбля улицы и площадей: «Необходимо учесть, что угловое 8-этажное здание и нижний объем башни при рассмотрении со стороны проспекта будут проектироваться на силуэт гряды Лысой горы. Что будет мешать четкому восприятию объемов. Верхняя же часть башни будет рассматриваться на фоне неба четким силуэтом. В совокупности такая постановка башни даст чрезвычайно богатый в художественном отношении эффект»³³³. Здание было построено в 1955–1957 годах³³⁴.

На площади им. Н. Г. Чернышевского планировалось возведение здания нового театра, на месте современного входа в парк «Липки», однако этот проект даже не был разработан и остался только в планах.

Архитекторы не строили иллюзий о высоких темпах строительства, поскольку реконструкция не входила в список крайне необходимых и первостепенных преобразований. Расчетное время реализации оценивалось в 15–20 лет, в связи с чем проект не обеспечивался расчетно-денежной сметой.

В процессе оценки степени реализации проекта было выявлено, что она была остановлена фактически на начальном этапе, и результатом представили лишь несколько зданий. В связи с этим нельзя считать достигнутым в полной мере и социальный эффект перестроенного городского центра, главным образом, дисциплинирующий. Тем не менее, возведенные строения несут в себе смысловую нагрузку зданий сталинского неоклассицизма,

³³³ ГАСО. Ф. р-2397. Оп. 1 п/д. Д. 23. Л. 20.

³³⁴ См.: Там же. Ф. 3665. Оп. 1 Д. 20. Л 156.

производя эффект от ансамбля более существенный, чем от разнящихся построек.

Получив широкое распространение, стиль был запрещен практически сразу после смерти И. В. Сталина. Объяснялся этот процесс экономическими соображениями. Запрет распространялся на массовую жилищную застройку, здания общегородского значения строились в том же официальном стиле.

Рассматриваемый в качестве демаркационной линии значений архитектурных образов классицизма и неоклассицизма стилиевой поворот в советском искусстве 1933 г. видоизменяет историческую традицию, создает новый пантеон героев, который неоднократно пересматривается, а также присваивает новые значения создающимся образам. Значение образов представлено в идеологических установках развития стиля и культуры в целом. Преимущественными мотивами в изобразительном искусстве являются направленность в светлое будущее и неограниченность возможностей советского человека.

При декорировании зданий в неоклассицизме изменяется использование конкретных архитектурных элементов, классическая ордерная система трансформируется, используются отдельные элементы ордера в свободном сочетании, при этом добавляются и новые. В первую очередь это советская символика – пятиконечная звезда, серп и молот, что можно проследить на основе анализа архитектурного оформления саратовских построек.

Наиболее близким примером является комплекс зданий современного Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А. (в рассматриваемый период – Саратовский автодорожный институт), точнее – здание главного и пятого корпусов (в меньшей степени 11 корпуса). Причем, здания разительно отличаются по типу экстерьера. Главный корпус носит характерные черты раннего сталинского неоклассицизма, близкого к конструктивизму (и, может, даже в большей степени к нему принадлежащий). В едином стиле здесь выполнены как внешний фасад здания, так и внутренняя отделка. В украшении капителей интерьера использованы вольные декоративные элементы и советская символика. В оформлении фасада присутствуют колонны, рельефы, выраженные карнизы. Капитель колонн нельзя отнести к какому-либо ордеру, в ее оформлении используются подобные каннелюрам желобки. Здание же пятого корпуса, изначально предназначавшееся для общежития, а позднее перестроенное для учебного процесса, несет отличительные черты классицизма, в первую очередь, это использованные в отделке фасада полуколонны. Оформление капители можно характеризовать как модифицированный композитный ордер, поскольку использованы волюты и лепестки, вместо листьев аканта. Круглые полуколонны расположены вдоль главного фасада здания, однако почти по всему периметру идут пилястры. В оформлении их капители использованы волюты, желобки подобные каннелюрам (как и на капителях главного корпуса), а также растительный декоративный элемент.

Процессы строительства, схожие с саратовскими, происходили и в других провинциальных городах, например, в Пензе, Воронеже. В Волгограде (Сталинграде) сложилась несколько другая ситуация, ввиду сильного разрушения города в годы Великой Отечественной войны. Восстановление города сопровождалось здесь коренной реконструкцией, благодаря чему поя-

вились широкие магистрали, площади, проспекты. К сожалению, в городе практически не осталось памятников архитектуры довоенного периода, огромный культурный пласт утерян. При восстановлении Волгограда разрабатывается концепция города как единого целого, формируя его структуру как гигантскую метафору победы и триумфа. Символический центр Сталинграда (Волгограда) с его линейным планом, растянутым вдоль реки Волги, должен был выстроиться по короткой поперечной оси как анфилада площадей, подходящая к Дому Советов (1944–1947, архитекторы К. С. Алабян, В. Н. Симбирцев, Н. Х. Поляков). «Роль символа-доминанты» Сталинграда и других городов часто возлагалась на «главную улицу», которая мыслилась как барочно-классицистическая структура, где локальные ансамбли нанизаны на пространственный стержень.

Проведенный анализ типовой застройки ряда провинциальных городов позволяет говорить о сохранении канонических сооружений сталинского неоклассицизма до наших дней. Правда, в результате изменения в ряде случаев своего функционального предназначения и в силу утраты с течением времени ряда элементов богатого некогда убранства они не играют уже прежней роли. Пережив власть, которую призваны были утверждать, они не несут той смысловой нагрузки, которая им придавалась. Так, образы сталинского неоклассицизма в архитектурном облике Саратова имеют в большинстве своем формальный характер, с малым социальным эффектом.

Е. Ю. Жарова (Брянск)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СТУДЕНТА-БИОЛОГА В НАЧАЛЕ XX И XXI ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

За сто лет история нашего государства не раз сделала крутой поворот, не раз пережила различные реформы и контрреформы. Не избежало этой участи и высшее образование. Реалии начала XXI в. – это переход на двухуровневую систему образования в связи с присоединением России к Болонскому процессу. В начале XX в. студенчество переживало не менее острые проблемы – это проекты нового университетского устава, который так и не был принят, переход на предметную систему обучения вместо существовавшей ранее курсовой. На долю студентов начала XX столетия выпали испытания войнами и революциями, которые в итоге привели к краху империи и привычного мира.

В начале XX в. в Российской империи было, не считая Гельсингфорского в Финляндии, 9 университетов (Московский, Юрьевский, Харьковский, Казанский, Петербургский, Киевский, Новороссийский, Варшавский и Томский), в 1909 г. был основан Саратовский, в 1916 – Пермский университет. В восьми из них существовали физико-математические факультеты, на естественных отделениях которых обучались и студенты-биологи. Среди прочих специальностей естественного отделения (а специализация начиналась с третьего курса) студенты могли выбрать биологию с ее отделами – морфологией и систематикой растений, физиологией растений и животных, зооло-

гией беспозвоночных и позвоночных. Но такой широкий выбор специальностей существовал не в каждом университете. Наиболее развитыми в этом отношении были Московский, Петербургский, Харьковский, Новороссийский университеты, где существовали сильные биологические школы по разным направлениям.

Студенты-биологи имели как общие для всех студентов черты повседневности, так и особенные, присущие только им. Постараемся осветить и те, и другие.

В университеты поступали без экзаменов выпускники классических гимназий. Эти абитуриенты еще и обладали правом выбора факультета. В начале XX в. при условии сдачи дополнительного экзамена (латинский язык) доступ в университеты получили выпускники реальных училищ³³⁵. Они подавали на имя ректора университета прошение о приеме, а также аттестат, «сословное свидетельство», метрическое свидетельство, свидетельство о приписке к призывному участку по отбыванию воинской повинности; свидетельство о «благонадежности»; 2 фотографии, заверенные собственноручной подписью или учебной администрацией. Свидетельство о «благонадежности» не должны были предоставлять только что окончившие гимназии, о коих судили по так называемым «секретным характеристикам», которые предоставлялись директорами гимназий. В 1902 г. эти «секретные характеристики» были заменены на выписки из кондуита (дисциплинарного журнала) за последние три года.

В начале XXI в. абитуриенты предоставляют заявление о приеме в вуз, аттестат, документ, удостоверяющий личность (аналог сословного и метрического свидетельства), 4 фотографии, свидетельство о сдаче ЕГЭ, а также документы, подтверждающие льготы. В настоящее время вузы принимают абитуриентов по результатам единого государственного экзамена. Ранее, до 2009 г., поступающие сдавали вступительные экзамены. Льготами при сдаче экзаменов пользовались лишь медалисты, которые поступали по результатам собеседования.

Можно сказать, что современное поколение выпускников школ приближено к выпускникам гимназий начала XX в. – они поступают в вуз без экзаменов, лишь «набор» предметов ЕГЭ определяет выбор специальности и факультета, чего не существовало в начале XX в., когда абитуриент был свободен в выборе факультета.

Сто лет назад, как и сегодня, учебный год начинался 1 сентября, об этом вспоминают многие универсанты. Например, С. И. Петриковский, поступивший в Петербургский университет на физико-математический факультет в 1913 г., писал: «В Петербург я приехал в конце августа 1913 года. Первые дни, пока не было занятий, бродил по проспектам, бульварам и улицам города... Занятия в университете начинались с 1 сентября»³³⁶. Каникулы продолжались с 20 декабря до 15 января, а второе полугодие заканчивалось в начале июня.

Поступление в университет рассматривалось студентами с воодушевлением, словно начало новой жизни: «Когда после летнего отдыха в тихвин-

³³⁵ При условии сдачи еще и греческого языка их принимали на историко-филологический факультет.

³³⁶ Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1982. Т. 2. С. 130.

ской деревне я осенью впервые переступил университетский порог, еще в старой гимназической курточке, с робостью и нерешительностью новичка, меня прежде всего поразила бесконечный шумный коридор, освещенный с левой стороны большими окнами... Коридор шумел, гудел, глухо рокотал от сливающихся воедино молодых голосов... Мелькали форменные тужурки всех оттенков темно-зеленого и синего цветов, изредка попадались длинно-полые сюртуки «белоподкладочников», но больше всего было все же провинциальных, домашнего покроя пиджачков и русских рубашек. Стеклянные двери аудиторий пестрели бумажками объявлений и различными рисунками.

...Не меньше недели ушло у меня на то, чтобы хоть приблизительно освоиться с необычным положением. Сначала я очень терялся от того, что был предоставлен самому себе, но впоследствии в полной мере оценил эту свободу, особенно приятную после надоевших в гимназии муштры и порядка. А через месяц уже ходил в форменной тужурке с еще светлыми пуговицами, носил под ней синюю косоворотку – знак моей принадлежности к демократическому лагерю – и составлял себе примерный план посещения лекций»³³⁷.

Студенческая форма появилась еще после принятия устава 1884 года. Первоначально студенты были обязаны ходить в мундирах либо в сюртуках. Из-за неудобства для повседневного ношения мундиров и сюртуков в качестве обычной одежды студентов в 1896 г. была утверждена тужурка (двубортное полупальто серого сукна на 6-ти пуговицах с отложным воротником). Именно в этих тужурках и ходило большинство студентов начала XX века.

Приезжая в университетский город, студенты приобретали либо готовую форму у старьевщиков, либо шили на заказ. Многие студенты с вдохновением вспоминали свою форму и с радостью носили ее. Современные студенты не знают формы в университетах, причем традиция эта идет еще с советской эпохи, отменившей ненавистную форму как примету царских учебных заведений. Лишь после Великой Отечественной войны форма вернулась в средние школы. Но, если существование школьной формы рассматривается как необходимая данность и родителями, и учителями, да и самими учениками, то современных студентов вряд ли удастся одеть в форму, подобно студентам начала XX века.

Еще одно отличие – это раздельное обучение. Мир университета до 1917 г. был мужским. Как подчеркивает А. Е. Иванов, в государственном секторе высшей школы «не было ни одного высшего учебного заведения со смешанным составом студентов»³³⁸. Впрочем, женщины в высшей школе все же были – не на правах студентов, а в качестве вольнослушательниц.

Кроме выбора факультета и приобретения формы, новоявленный студент должен был думать и о других вещах. Во-первых, где разместиться в городе, во-вторых, ему необходимо было внести плату за обучение (она составляла 100 руб. в год). Много это или мало? Как указывает А. В. Шипилов, в 1912 г. на оптовом рынке Москвы гречневая крупа продавалась по 1 руб.

³³⁷ Ленинградский университет в воспоминаниях современников. С. 146.

³³⁸ Иванов А. Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 292.

40 коп. за пуд, пшено стоило 1 руб. 60 коп., мука ржаная – 1 руб. 44 коп., мука пшеничная – 2 руб. 60 коп., говядина – 5 руб. 85 коп., свинина – 7 руб. 31 коп., масло свежее вологодское из гретых сливок – 17 руб. 83 коп., масло подсолнечное – 5 руб. 05 коп., яйца – 29 руб. 50 коп. за 1000 штук³³⁹. Он же приводит данные по зарплате рабочих, которая в среднем составляла 252 рубля 59 копеек. Профессор Московского университета получал 275 рублей в месяц. Естественно, те, кто занимал более низкое положение в социальной иерархии, зарабатывал меньше.

В начале XXI в. месячная зарплата доктора наук, профессора составляла «4640 руб. «грязными», т. е. 4037 рублей «чистыми»³⁴⁰, на сегодняшний день доктор наук, профессор, получает около 19550 руб. оклад и 7000 руб. за степень, не считая других региональных выплат, которые изменяются в зависимости от субъекта Российской Федерации. Впрочем, в некоторых субъектах должностной оклад доктора наук, профессора ниже указанной цифры, так как его размер напрямую зависит как от регионального коэффициента, так и от ведомственной принадлежности вуза.

Как и заработная плата, за 12 лет выросла стоимость обучения, которая в 2000 г. составляла около 5–10 тыс. в год. Отметим, что стоимость обучения зависит от выбранной специальности и от места нахождения вуза, некоторые столичные университеты устанавливают высокую плату за обучение. В 2012 г. стоимость обучения по регионам России составила от 25–30 тыс. до 60 и более тыс. в год.

После оплаты за полугодие студенту выдавался входной билет в университет и матрикул (своеобразный эквивалент зачетке – его студенты были обязаны предъявлять перед сдачей экзамена), так же студенту необходимо было получить вид на жительство в полицейском участке, который давал право владельцу проживать только в городе обучения. До 1907 г. он выдавался на год, позднее – на полгода. Студенты, уезжающие на каникулы, не могли просто так покинуть место проживания – они должны были согласовать это с учебным начальством, а то, в свою очередь, с полицейским участком. Поэтому студенты чаще всего и на каникулах оставались в городе, тем более что некоторые из них не имели денег для дальних поездок.

Современные студенты существенно мобильнее – они имеют возможность уезжать домой каждую неделю, остаются лишь те, которым ехать слишком далеко. Естественно, облегчают передвижения студентов современные виды транспорта.

Итак, студенты, съезжавшиеся в университетский город в конце августа, всегда были озабочены поиском жилья, ведь по данным студенческих переписей, лишь четверть из них жила с родителями или у родственников. Средний месячный бюджет студента в Москве равнялся 25 рублям. Естественно, в нестоличных университетских городах жизнь была намного дешевле (например, в Казани, от 9 до 15 руб., в Юрьеве – около 18 руб.).

³³⁹ См.: *Шутилов А. В.* Зарплата российского профессора в ее настоящем, прошлом и будущем // *Alma mater. Вестник высшей школы.* 2003. № 4. С. 38.

³⁴⁰ Там же. С. 41.

В начале XX в. абсолютное большинство студентов (75,5% в Томске, 74,3% в Москве, 86,5% в Харькове, 84% в Киеве³⁴¹) снимали жилье, чаще всего это была единственная комната в хозяйской квартире – наиболее бюджетный вариант. Самые бедные студенты жили по 2–3 человек или снимали угол у хозяйки. Богатые нанимали меблированные комнаты или останавливались в гостинице. Немногие могли позволить себе жить в отдельной квартире (лишь 3,5% студентов). Подарком судьбы было попасть в общежития, которые строились на средства меценатов, а места в них были ограничены – в Москве это были Лепешкинское и общежитие имени имп. Николая, знаменитая Ляпинка, куда жильцов поставляла всемогущая нужда.

В начале XXI в. студенты преимущественно живут с родителями (52,2%) или отдельно – в общежитии (21%) или снимают комнату (17,2%). Как и 100 лет назад позволить себе отдельное жилье может меньшинство (8,2%)³⁴². Но необходимо принять в расчет, что сейчас в каждом областном центре есть университет и другие вузы прикладного характера, чего 100 лет назад не было. В начале XX в. (до 1906 г.) вообще существовала система распределения по университетским округам для выпускников гимназий. Сейчас студенты предпочитают поступать в местные вузы, лишь немногие едут в другие регионы.

Но у современных студентов существует возможность учиться за счет средств бюджета и получать ежемесячную стипендию, которая с начала XXI в. существенно выросла – с 200 руб.³⁴³ (минимальная) до 1100 рублей³⁴⁴. Это так называемая академическая стипендия. Кроме этого, студенты могут рассчитывать на социальную стипендию (ее размер увеличился с 500 до 1650 руб.), а также повышенную (за отличные успехи в учебе) или именную стипендию.

Студенты начала XX в. также могли получать стипендии. Они были государственными (казенными), общественными и частными. Кроме того, студенты пользовались различными формами вспомоществования в виде единовременных пособий, освобождения от платы за обучение. Но стипендиями пользовались, по данным П. Иванова, в Московском университете около 15% студентов³⁴⁵, столько же студентов могли получить единовременные пособия, выдаваемые университетом. Средний размер стипендии составлял 20–22 руб. в месяц – этого было достаточно, чтобы покрыть расходы на жилье и питание.

Итак, студент попадал в новый для себя мир – мир свободы от родителей, но не свободы в университете, где он подвергался строгому контролю со стороны собственной университетской «полиции» – инспектора, субинспекторов и «педелей», которые должны были следить за посещением сту-

³⁴¹ См.: *Иванов А. Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 300.

³⁴² См.: *Пузанова Ж. В., Борисенкова П. А.* Студенты в начале и конце XX века. Опыт сравнительной характеристики // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 136.

³⁴³ См.: п. 3 ст. 16 №125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» по состоянию на 1.01.2001 (с изм. от 07.08.2000, 27.12.2000).

³⁴⁴ См.: Министерство образования и науки РФ: Стипендии студентам и аспирантам. URL: <http://mon-ru.livejournal.com/23424.html> (дата обращения 28.09.2012).

³⁴⁵ См.: *Иванов П.* Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. (Очерки). Изд-е 2-е, доп. М., 1903. С. 55.

дентов университета. А. С. Барков, учившийся на физико-математическом факультете Московского университета в 1894–1898 гг., вспоминал: «... в наше время посещение лекций считалось обязательным, и у дверей аудитории стоял «педель» (большей частью из отставных солдат), отмечавший по списку входивших студентов, но сговориться с ним при желании было трудно»³⁴⁶. Сами преподаватели, как в начале XXI в., посещаемость студентов не контролировали. В настоящее время эта обязанность возложена на старост студенческих групп и на преподавателей. Таким образом, в начале XX в., хотя присутствие студентов на лекциях формально контролировалось университетской полицией, отношение к непосещению занятий было мягче. Практика отчисления из университета за не посещаемость отсутствовала. Более жестко власть контролировала студентов по месту жительства, что было связано с революционными настроениями в студенческой среде.

Несомненно, одной из главных составляющей повседневной жизни студента был сам учебный процесс. Во-первых, как и в настоящее время, расписание и особенности проведения занятий менялись от университета к университету. Сейчас где-то существует пятидневная рабочая неделя, а где-то – шестидневная. В начале XX в. студенты в основном занимались 6 дней в неделю, занятия начинались в 9 утра и могли длиться с перерывами до 8 вечера. Пара составляла два часа по 45 минут. Некоторые занятия длились не 2 часа, а час.

До 1906 г. в университетах существовала курсовая система обучения – студенты учились по твердому расписанию, в конце каждого учебного года сдавали экзамены за курс, при неудачной сдаче оставались на второй год. Например, в Петербургском университете в 1904–1905 уч. году студенты естественного отделения имели около 30 часов обязательных предметов в неделю, на третьем и четвертом курсе доля обязательных предметов снижалась, тогда как необязательных увеличивалась. Такая нагрузка давала около 5 часов занятий обязательными предметами в день. По желанию, студенты могли посещать необязательные предметы, тогда нагрузка увеличивалась. В начале XXI в. нагрузка у бакалавров составляет около 23 часов в неделю, а у специалистов – около 31 часа. Причем, современные студенты изучают большое количество социально-гуманитарных и математических дисциплин, чего у студентов-биологов начала XX в. не было, так как они в основном уделяли время специальным и естественнонаучным предметам.

Стоит сказать, что студенты-биологи в начале XX в. вообще много времени проводили в университете, что было связано с обязательными практическими занятиями, а также участием в различных научных кружках. Они даже селиться старались рядом с университетом. Академик Л. С. Берг вспоминал: «После лекций студенты-естественники обычно направлялись в лабораторию для практических занятий или шли в читальню Румянцевской библиотеки»³⁴⁷.

Кроме практических занятий важным элементом обучения были лекции, хотя, студенты начала XX в. критиковали лекционную систему обучения, называя ее изжившей себя, она продолжала и продолжает существо-

³⁴⁶ Московский университет в воспоминаниях современников / под ред. П. А. Зайончковского, А. Н. Соколова. М., 1956. С. 366.

³⁴⁷ Там же.

вать ввиду отсутствия альтернативы. Но в начале XX в. студенты более вольно относились к посещению лекций и к конспектированию, часто пользуясь литографированными лекциями. С. Т. Шацкий вспоминал: «Обычная картина лекции через три месяца после начала. В большой аудитории, расположенной амфитеатром, в самом низу, около кафедры сидит небольшая кучка студентов, которая внимательно следит за лекцией. За ними в верхних рядах студенты читают книги, романы, газеты. Еще выше можно встретить студентов, спящих на лавках, играющих в шахматы и тихо разговаривающих друг с другом»³⁴⁸. В начале XXI в. газеты и книги заменили мобильные телефоны с выходом в интернет.

Введение предметной системы позволило студентам самостоятельно планировать свои занятия, лишь перед каждым полугодием необходимо было на специальном бланке записать перечень выбранных предметов с именами профессоров в общем количестве не менее 10 часов лекций, который студенты первого семестра отдавали делопроизводителю, а все остальные бросали в специальный ящик. Первоначально студенты могли выбирать любые предметы, в последующем их выбор был ограничен определенным набором на каждом курсе, к которому допускались лишь после сдачи определенного числа экзаменов по предыдущим семестрам. После 1906 г. была облегчена сдача экзаменов, которые теперь могли сдавать 2–3 раза в год, а в некоторых университетах круглогодично.

Повседневная жизнь студента-биолога в начале XX в. мало отличалась от жизни современных студентов – лекции и практические занятия, научные кружки, в которых участвовали немногие, научные экскурсии (ботанические, географические, зоологические), работа в лаборатории, занятия в библиотеке, чтение книг, поиск работы и жилья. И, тем не менее, сто лет, разделяющие культуру студенчества, наделили современных студентов иными ценностями. Как точно заметили исследователи: «В советское время весь уклад жизни «дореволюционной» университетской корпорации был сначала размыт, а потом уничтожен вместе с людьми, его воплощавшими. Примечательно, что особенно недолговечной оказалась культура дореволюционного студенчества. Юноша-интеллигент, с его тоской о судьбах страны и неизменным чувством вины перед народом, в 1920-е годы полностью ушел со сцены»³⁴⁹. Современные студенты имеют другие жизненные ценности, совсем не похожие на ценности и смыслы дореволюционного студента. Это не значит, что они хуже или лучше. Они просто другие – это новое поколение студенчества с особой культурой повседневности.

³⁴⁸ Шацкий С. Т. Педагогические сочинения: в 4 т. М., 1962. Т. 1. С. 156.

³⁴⁹ Вишленкова Е. А., Мальшева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis: два века унив. культуры в Казани. Казань, 2005. С. 373.

И. И. Болдырева (Воронеж)

**СТАТУС ЖЕНЫ ПРАВИТЕЛЯ
В АНГЛОСАКСОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
VII – НАЧАЛА IX ВЕКОВ**

На сегодняшний день в отечественной историографии вопрос о статусе жены раннесредневекового правителя остается практически неизученным. Лишь немногие работы так или иначе соприкасаются с отдельными аспектами этой проблемы¹. С другой стороны, медиевисты отмечают, что на протяжении всей средневековой истории влияние представительниц прекрасного пола на государственные дела было весьма ощутимым. И, несмотря на то, что политическая активность раннесредневековых королей, как правило, являлась незначительной, некоторые из них добивались могущества и пользовались авторитетом². Среди влиятельных раннесредневековых монархинь Т. Б. Рябова называет дочь Теодорика Великого Амаласунту (468–534), супругу франкского короля Сигиберта Брунгильду (534–613), германскую императрицу Адельгейду (931–999), англосаксонскую королеву Эмму (ум. 1052 г.)³.

В зарубежной медиевистике интерес к рассматриваемой проблематике применительно к англосаксонской истории обнаруживается с последней трети прошлого столетия и по времени совпадает с началом динамичного развития гендерных исследований. Авторы особое внимание уделяют позднесаксонским королевам, вероятно, в силу специфики источниковой базы, а также новых тенденций в политической жизни и культуре Англии, связанных с церковной реформой второй половины X века⁴.

¹ Еще в 80-е годы прошлого столетия В. К. Ронин на примере династии Каролингов изучал бытовавшие у франков формы брака и семейно-брачные представления (см.: *Ронин В. К.* Брачно-семейные представления в каролингской литературе (до середины IX в.) // Историческая демография докапиталистических обществ Западной Европы: Проблемы и исследования / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1988. С. 92–109). Среди новейших работ можно отметить целый ряд публикаций, посвященных меровингской королеве Радегунде: *Бикеева Н. Ю.* Королева-монахиня: монастырь св. Радегунды как место власти // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2007. № 4. С. 72–86; *Она же.* Век аббатис и королей: «власть женщин» в раннее средневековье // Женская история и современные гендерные роли: Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ, 1-3 ноября 2010 г., Череповец. М., 2010. Т. 1. С. 13–18; *Ривчак В. К.* Власть королевы в раннесредневековой Англии и ее апогей в XI в // Там же. С. 23–29.

² См.: *Рябова Т. Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999.

³ См.: Там же. С. 79.

⁴ См.: *Campbell M. W.* Queen Emma and Ælfgifu of Northampton: Canute the Great's Women // *Medieval Scandinavia*. 1971. Vol. 4. P. 66–79; *Idem.* Emma, reine d'Angleterre: mere

Между тем вопрос о положении государевой жены начал волновать англосаксонское общество задолго до бенедиктинского Возрождения. В 90-е годы IX в. биограф Альфреда Великого епископ Ассер утверждал, что в Уэссексе его времени жена правителя не могла сидеть на троне рядом с мужем и носить титул королевы⁵. Из его слов следует, что такое положение сохранялось на протяжении многих лет, хотя сам Ассер называл устоявшийся обычай неприглядным (*perversa et detestabilis*) и противоречащим традициям всех германских народов (*ultra morem omnium Theotiscorum*)⁶. Правление короля Альфреда совпало с периодом заметного укрепления англосаксонской государственности и ростом престижа монаршей власти. Возможно, именно эти тенденции обусловили интерес уэссекской знати к проблеме статуса королевских жен, тем более что к концу IX в. в западно-саксонских придворных кругах сохранилась память о временах, когда королевы пользовались авторитетом и имели возможность принимать участие в государственных делах.

Для обоснования низкого статуса королев западно-саксонские правители использовали исторический эпизод, восходивший к рубежу VIII–IX веков. Его главным действующим лицом была одна из дочерей мерсийского короля Оффы (757–796) Эадбурга, в 789 г. выданная замуж за уэссекского правителя Беортрика (786–802). Имея большое влияние при дворе и пользуясь поддержкой своего супруга, Эадбурга активно, но очень неумело вмешивалась в политическую жизнь страны, что вызвало резкое недовольство знати. «Как только она завоевала расположение короля и власть практически во всем королевстве, – пишет Ассер, – она стала себя вести подобно тирану по примеру своего родителя – ненавидела каждого, кого любил Беортрик, делала все противное Богу и людям, доносила на всех, на кого могла, королю и обманом лишала их жизни или власти, а если не удавалось добиться этого благодаря уступчивости короля, убивала их ядом»⁷. В итоге жертвой злой королевы по ошибке оказался ее собственный муж, а отравительница бежала к франкам⁸.

Рисуя исторический портрет Эадбурги в самых нелестных тонах, Ассер, возможно, сгущал краски, стремясь дискредитировать Мерсию как давнего политического соперника Уэссекса. Согласно Ассеру, именно злодеяния Эадбурги стали клеймом на репутации всех последующих королев и привели к тому, что им было отказано в троне⁹. Его слова косвенно подтвер-

denature ou femme vindicative? // *Annales de Normandie*. 1973. Vol. 23. P. 97–114. *Stafford P.* Queen Emma and Queen Edith: Queenship and Women's Power in Eleventh Century England. Oxford, 1997; *Idem*. Queens, Nunneries and Reforming Churchmen: Gender, Religious Status and Reform in the Tenth- and Eleventh-century England // *Past and Present*. 1999. Vol. 164. P. 3–35.

⁵ См.: *Asserius*. De rebus gestis Ælfredi, 13 // *Asser's Life of King Alfred with the Annals of Saint Neots, erroneously ascribed to Asser*/ ed. W. H. Stevenson. Oxford, 1904. P. 11.

⁶ См.: *Ibid.* 13. P. 12.

⁷ *Que confestim accepta Regis amicitia et totius pene regni potestate, more paterno tyrannice vivere incepit, et omnem hominem execrari, quem Beorhtric diligeret, et omnia odibilia Deo et hominibus facere, et omnes, quos posset, ad regem accusare, et ita aut vita aut potestate per insidias privare. Et si a regi illud impetrare non posset, veneno eos necabat* (*Ibid.* 14. P. 12–13).

⁸ См.: *Ibid.* 15. P. 13.

⁹ См.: *Ibid.* 13. P. 11–12.

ждает актовъй материал. После смерти Беортрика в 802 г. подписи жены правителя надолго исчезают из свидетельских списков уэссекских королевских грамот.

О статусе англосаксонской королевы в предшествующие столетия можно судить на основании целого ряда исторических свидетельств, которые, впрочем, далеко не всегда предоставляют однозначную информацию. Помимо грамот важные сведения сохранил исторический нарратив, отдельные агиографические сочинения и эпические памятники, отразившие в литературной форме важные социальные и культурные реалии той эпохи. В ряду этих памятников особое место принадлежит героическому эпосу «Беовульф»¹⁰, текст которого, по мнению большинства исследователей, сложился в VIII в. на основе старинных германских преданий, относящихся к дохристианскому времени¹¹.

Образы королей из «Беовульфа» неоднократно оказывались в центре внимания филологов, интересующихся изучением древнеанглийского литературного стереотипа женщины-аристократки. Справедливости ради стоит отметить, что все «хорошие» женщины «Беовульфа» – носительницы королевского статуса. Нередко их образы рассматривались как второстепенные, пассивные и трагичные в противовес фигурам доблестных королей-воителей¹². На наш взгляд, такое мнение справедливо лишь отчасти, поскольку не учитывает специфику героического эпоса как жанра, повествующего о родовых распрях и воспевающего ратные подвиги. Кроме того, мотив обреченности героя характерен для германского эпоса в целом¹³, и здесь не имеют значения гендерные различия. Однако, как показывают источники, фигуры короля и королевы, особенности их статуса и связанные с ним общественные обязанности воспринимались англосаксами неодинаково. В VII–VIII вв. хороший конунг был, прежде всего, хорошим военным вождем, приумножающим свои территории и защищающим их от посягательств извне¹⁴. Его супруге социальный эталон предписывал качества в известной степени противоположные.

В памятниках древнеанглийского эпоса по отношению к королевам употребляются метафоры *freodwebbe* и *fríodusibb*¹⁵, буквально «пряжа мира», «звено мира». В «Беовульфе» «пряхой мира» иронично названа королева Трюд, которая в юности, подобно Эадбурге, отличалась крайней жестокостью. В поэме такая модель поведения трактуется как асоциальная и не приемлемая для благородной дамы: «не к лицу то властительнице, /

¹⁰ См.: *Beowulf* // *Anglo-Saxon Poetic Records* / ed. E. V. K. Dobbie. Vol. 4. N. Y., 1953. P. 3–94.

¹¹ См.: *The Dating of Beowulf* / ed. C. Chase. Toronto, 1997.

¹² См., напр.: *Hill J.* “*Þæt wæs geomuru idres!*”: A Female Stereotype Examined // *New Readings on Women in Old English Literature* / eds. H. Damico, A. H. Olsen. Bloomington, 1990. P. 235–247; *Overing G.* *Language and Gender in Beowulf*. Carbondale, 1990. P. 76–81.

¹³ См.: *Гуревич А. Я.* О природе героического в поэзии германских народов // *Известия отделения литературы и языка АН СССР*. 1979. Т. 37. № 2. С. 133.

¹⁴ См.: *Глебов А. Г.* Королевская власть и основные тенденции ее развития у англосаксов в VII – начале IX века // *Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения*. 2009. Т. 9. С. 16.

¹⁵ См.: *Beowulf*, 1942, 2017; *Widsith*, 6 // *ASPR*. V. 3. N. Y., 1936. P. 149.

не пристало то женщине, / даже лучшей из жен, / прях согласья, / по злобе, наветам / лишать жизни / мужей неповинных!»¹⁶.

Роль миротворицы для раннесредневековой королевы с полным основанием можно назвать фундаментальной. С точки зрения Дж. Чанс, она определялась биологическими функциями матери, которая в своих детях смешивает кровь двух разных семейств или родов¹⁷. В раннесредневековом обществе, постоянно находившемся под угрозой военных конфликтов, эта функция была чрезвычайно важна. Одна из героинь «Беовульфа» Хильдебурга, супруга фризского конунга, даже после трагической гибели ее сына и брата в междоусобной расправе символически соединяет их тела на погребальном костре, стремясь до конца выполнить предназначенную ей в ее культуре роль *freoðwebbe*¹⁸.

С другой стороны, образ королевы-миротворицы реализуется в различных дворцовых церемониях, изображенных в памятниках эпоса: «там хозяйка державная, / миротворица, / не воссев еще / за веселый стол, / высылала в зал / юным дружинникам, / им на радость, / витое золото¹⁹; / вышла Вальхтеов, / блистая золотом, / супруга Хротгара, / гостей приветствовать / по древнему чину: / высокородная / вождю наследному / вручила первому / чашу пенную... / затем гостей / обходила Вальхтеов / с полной чашей, / потчужа воинов»²⁰.

Эпические королевы принимают на себя важные официальные функции хозяйки, дарительницы, выполняют определенный круг обязанностей, предусмотренных придворным этикетом и обладающих безусловной политической значимостью. Присутствуя на пиру, произнося приветственные речи и поднося пенный кубок гостям и дружинникам своего супруга, королева символически и психологически сплачивает героическое общество, являясь неотъемлемым атрибутом сложившегося в нем социального порядка. Во время дворцовых празднеств жена датского конунга Вальхтеов занимает почетное место рядом со своим супругом²¹ – привилегия, не доступная для западно-саксонских королей IX века. Блеск золотых украшений Вальхтеов в равной степени подчеркивает богатство ее мужа и высокий статус их обладательницы.

Одновременно роль эпических королевы не сводима к церемониальной, и они пытаются активно влиять на принятие важных политических решений, касающихся судеб народа и трона. Это влияние, как правило, осуществляется через совет. Согласно Тациту, совет женщины высоко ценили древ-

¹⁶ «Ne bið swylc cwenlic þeaw / idese to efnanne, / þeah ðe hio ænlicu sy, / þætte freoðwebbe / eores on sæce / æfter ligetorne / leofne mannan» (Beowulf, 1940–1943).

Русский текст «Беовульфа» здесь и далее цитируется в переводе В. Г. Тихомирова: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.

¹⁷ См.: *Chance J. Woman as Hero in Old English Literature*. Syracuse, 1986. P. 1–3.

¹⁸ См.: Beowulf, 1107–1117.

¹⁹ «Hwilum mæru cwen / friðusibb folca, / flet eall geondhwearf, / bædde byre geonge; / oft hio beahwriðan / secge sealde, / ær hie to setler hie to setleg» (Beowulf, 2016–2019).

²⁰ «Eode Wealhþeow forð, / cwen Hroðgares, / cynna gemyndig, / grette goldhroden / guman on healle, / ond þa freolic wif / ful gesealde / ærest Eastdena / eþelwearde... / Ymbeode þa / ides Helminga / duguþe ond geogoþe / dæl æghwylcne, / sincfato sealde...» (Beowulf, 612–616, 620–622).

²¹ Ibid., 640–641.

ние германцы²². Не случайно неотъемлемой характеристикой целого ряда эпических королей является их мудрость²³. В народном сознании общественные функции жены правителя были многоплановы. Как и хороший конунг, хорошая королева несла благо для своего народа. Так, заботясь о своем племени, вдова конунга геатов юная Хюгд предлагает возвести на престол Беовульфа²⁴. Еще более интересен эпизод, иллюстрирующий политические маневры королевы Вальхтеов, которая использует все свое дипломатическое искусство, чтобы убедить мужа пересмотреть поспешно принятое им решение и после смерти оставить свой народ и землю не чужаку, а кровному родственнику²⁵. В тексте памятника Вальхтеов названа «народной королевой» (*folccwen*)²⁶, но здесь ею движет не забота о народе, а беспокойство за судьбу своих малолетних сыновей²⁷. Такая ситуация определенно напоминает некоторые исторические реалии X в., когда англосаксонские королевы проявляли наибольшую политическую активность, отстаивая интересы своих детей в борьбе за престол. Характерно, что совет Вальхтеов звучит публично, в присутствии гостей короля, которых она обходит с чашей меда в руках. Эта публичность в известной степени легитимизирует роль королевы как советчицы своего супруга, демонстрируя, что Вальхтеов действует в рамках традиции и в соответствии с представлениями о своем правовом положении.

Образы эпических королей – один из продуктов англосаксонской культуры, отразивший особенности мировоззрения той эпохи. Эпические сказания сохранили древнейший пласт представлений о роли королевы в ранне-средневековом английском обществе. Однако в какой степени эти культурные реалии репрезентативны относительно конкретного политического опыта VII–VIII вв. – вопрос достаточно непростой. Свидетельства участия ранних англосаксонских королей в государственных делах мы находим в грамотах периода. Их подписи сравнительно немногочисленны, но такую ситуацию отчасти объясняет скромный объем актового материала. Древнейшие англосаксонские грамоты, подписанные королевами, были составлены в правление Этельреда Мерсийского (ум. ок. 704 г.) и Уитреда Кентского (690–725)²⁸.

На протяжении VIII в. в свидетельских списках можно обнаружить подписи жен правителей Уэссекса, Сассекса и Мерсии. От королевства южных саксов сохранилась лишь одна такая грамота времен правителя Нунны

²² См.: *Tacitus. Germania*, VIII, 5–8 // *Cornelii Taciti. Germania. Agricola. Dialogus de oratoribus*. Lipsiae, 1886. S. 224.

²³ См.: *Beowulf*, 625–626, 1926.

²⁴ См.: *Ibid.*, 2367–2379.

²⁵ См.: *Ibid.*, 1169–1187.

²⁶ См.: *Ibid.*, 641.

²⁷ См.: *Ibid.*, 1180–1187.

²⁸ Самая ранняя из них – мерсийская грамота, датируемая 680 г., где фигурирует некая «*Ostrich regina Ædelredi regis*» (*Anglo-Saxon Charters: an Annotated List and Bibliography*/ ed. P. H. Sawyer. L., 1968. № 72; здесь и далее ссылки на англосаксонские грамоты даются по каталогу П. Сойлера – S и номер грамоты). В грамотах Уилфреда стоят подписи двух его жен Кинигиты (S 15) и Этельбурги (S 16, 19, 21). В одной из грамот Этельбурга наряду со своим супругом упомянута как дарительница (S 18).

(688–720)²⁹. Началом VIII в. датируется совместное земельное пожалование монашеской общине в Гластонбери, сделанное западно-саксонским правителем Инэ (688–726) и его женой Этельбургой³⁰. В грамотах преемника Инэ Этельхэрда (726–740) фигурируют подписи его супруги Фридегиты³¹. Подписи жены короля Беортрика Эадбурги, о которой писал епископ Ассер, мы находим в документах, датированных 796 и 801 годами³².

В Мерсии, на родине Эадбурги, статус жены правителя во второй половине VIII и на протяжении всего IX в. оставался очень высоким. Это подтверждает обилие грамот, подписанных королевами. Эти подписи становятся регулярными в правление отца Эадбурги Оффы и его жены Кюнитрид. Кюнитрид была единственной англосаксонской королевой, чеканившей собственную монету. Она подписала более полутора десятков грамот своего мужа³³. В свидетельских списках IX в. присутствуют имена ее преемниц³⁴.

Актовый материал позволяет говорить о том, что в конце VII–IX вв. в различных англосаксонских королевствах статус жены правителя не был одинаковым. Степень влияния королевы могла варьироваться в зависимости от конкретного правления. Необходимо признать, что грамоты освещают изучаемую проблему достаточно калейдоскопично. Одна из главных причин – их неравномерное распределение по отдельным землям и периодам. Некоторые правления королевскими грамотами не обеспечены. Среди них – правление Сеаксбурги Уэссекской, которая после смерти своего мужа Кенвала (ум. 672 г.) руководила страной около года³⁵. Практически отсутствуют грамоты из Нортумбрии. Между тем политическая активность нортумбрийских королей VII в. хорошо засвидетельствована нарративными памятниками. Благодаря им мы, например, узнаем, что король Освю (651–670) и его супруга Эанфлед следовали разным традициям относительно даты празднования Пасхи. На синоде в Уитби (664 г.), созванном по инициативе Освю, победу одержала «римская» партия, сторонницей которой была Эанфлед³⁶. Именно Эанфлед был обязан своей церковной карьерой один из первых англосаксонских святых епископ Уилфред Йоркский, принимавший активное участие в работе этого синода³⁷.

«Житие епископа Уилфреда», составленное Эддием Стефаном в начале VIII в., приоткрывает еще одну важную особенность политической действительности того времени – соперничество королей и видных церковных деятелей за влияние при дворе. Так, виновником многочисленных злоключе-

²⁹ См.: Anglo-Saxon Charters. S 42.

³⁰ См.: Ibid. S 250.

³¹ См.: Ibid. S 253, 254.

³² См.: Ibid. S 149, S 268.

³³ См.: Ibid. S 104, 110, 111, 116, 117, 118, 120, 121, 124, etc.

³⁴ См.: Ibid. S 159, 163, 165, 168, etc. – подписи Эльфтриды жены Кенвульфа (796–821); S 191, 192, 193, 194, 195, 196, etc. – подписи Сэгриды жены Бертвульфа (840–852) и т. д.

³⁵ См.: The Anglo-Saxon Chronicle, a. 672 // English historical documents c. 500–1042 / ed. D. Whitelock. Vol. 1. L., 1955. P. 135–235.

³⁶ См.: Bede's Ecclesiastical History of the English People, III, 25 / ed. and trans. B. Colgrave, R. A. B. Mynors. Oxford, 1969. (Далее – HE с указанием номера книги, главы и страницы). P. 296.

³⁷ См.: The Life of Bishop Wilfred by Eddius Stephanus, II, III / ed. B. Colgrave. Cambridge, 1927. P. 7–9.

ний св. Уилфреда Эддий называет искусителя, который решил действовать через «немогущий сосуд» (*vasa fragilia*) – женщину в лице нортумбрийской королевы Ирминбурги³⁸. По словам агиографа, вторая жена короля Эгффрида по наущению дьявола прониклась ненавистью к святому мужу и всячески старалась настроить против него короля. Злые речи Ирминбурги, которые Эддий сравнивает с ядовитыми стрелами (*sagittas venifica*), возымели свое действие и св. Уилфред потерял епископскую кафедру³⁹.

Даже после возвращения св. Уилфреда из Рима, где его апелляция к папе была удовлетворена, Эгффрид оставался непреклонным, и опальный епископ оказался в заточении. Только после того как Ирминбургу поразил страшный недуг, король согласился освободить пленника с тем, чтобы выдворить его из страны. Но и в изгнании епископу было нелегко найти пристанище. Если верить агиографу, причиной этого стали козни влиятельных родственниц нортумбрийской королевской четы: жены королей Уэссекса и Мерсии всячески препятствовали Уилфреду обосноваться на их территориях⁴⁰.

Насколько достоверен этот рассказ, и не является ли «война», объявленная святому королевами плодом воображения раннесредневекового клирика? Здесь невольно вспоминаются слова Джойс Хилл, по наблюдению которой в раннесредневековых источниках вина за преступления королей часто возлагается на их жен, чьи изображения проникнуты духом враждебности и антифеминизма⁴¹. Средневековые книжники нередко пытались осмыслить окружающую действительность сквозь призму библейских образов и сюжетов. Следует заметить, образность Святого Писания в некотором смысле облегчала задачу дискредитации королей. Ветхий Завет предоставлял яркий пример плохой царицы в лице Иезавели – жены израильского царя Ахава. Показательно, что в своем сочинении Эддий сравнивает королеву Ирминбургу с царицей Иезавелью, которая преследовала и убивала пророков⁴².

С другой стороны, автора «Жития епископа Уилфреда» сложно упрекнуть в мизогинии. Это – один из немногих памятников эпохи Беды, сохранивший свидетельства могущества ранних англосаксонских королей, и, что не менее важно, свидетельства авторитета представительниц высшей англосаксонской аристократии в церковных кругах. Так, агиограф сообщает, что король Эгффрид освободил епископа Уилфреда, послушав свою тетку – колдинхэмпскую настоятельницу Эббу⁴³. Абатиса Уитби Эльфлэда утешала всю округу и была лучшей советчицей (*semper totius provinciae consolatrix optimaque consilatrix*). На равных с епископами она принимала участие в Ниддском синоде, и благодаря ее вмешательству св. Уилфреду возвратили епископскую кафедру⁴⁴. Даже рассказывая о кознях королевы Ирминбурги, Эддий Стефан не забывает заметить, что после смерти мужа она из волчицы

³⁸ См.: *The Life of Bishop Wilfred*. XXIV. P. 48.

³⁹ См.: *Ibid.*

⁴⁰ См.: *Ibid.* XXXIV. P. 70, XXXIX. P. 78, XL. P. 80.

⁴¹ См.: *Hill J.* Op. cit. P. 235.

⁴² См.: *The Life of Bishop Wilfred*. XXIV. P. 48.

⁴³ См.: *Ibid.* XXXIX. P. 78.

⁴⁴ См.: *Ibid.* LX. P. 128–132.

превращается в кроткую агницу и примерную аббатису⁴⁵. В «Житии епископа Уилфреда» оценка исторических лиц, в том числе королей, не всегда дается в зависимости от их гендерной принадлежности. Здесь не меньшее значение имеет характер их отношений со святым.

С другой стороны, в англосаксонских источниках присутствуют косвенные свидетельства того, что политическая активность королей далеко не всегда вызывала одобрение церкви. Современник и друг епископа Уилфреда Беда Почтенный деликатно умалчивает о конфликте святого с христианской королевой. Самый известный труд Беды «Церковная история народа англов» нередко фигурирует в историографии в связи с вопросом об участии королей в христианизации Англии, что тоже могло бы пролить свет на особенности их статуса. Беда Почтенный сообщает, что женой кентского короля Этельберта (591–616), первого англосаксонского правителя, принявшего новую религию, была франкская принцесса Берта. По брачному соглашению христианке Берте гарантировалось беспрепятственное исповедание ее религии при дворе супруга-язычника⁴⁶. Таким образом, еще до прибытия миссии Августина (597 г.) с христианским учением Этельберт был знаком. Похожие события предваряли крещение Пeadы Мерсийского (656–658) и нортумбрийского короля Эдвина (616–633), взявшего в жены дочь Этельберта кентскую принцессу Этельбургу⁴⁷. По мнению ряда исследователей, роль королей в процессе христианизации Англии была весьма велика⁴⁸. Интересно, что и святой престол отводил особое место королевам в своих миссионерских планах. Известны два папских письма, адресованных Берте и Этельбурге⁴⁹. Здесь понтифики увещевают королей более ревностно проповедовать своим мужьям истинную веру. Содержание и тон обоих посланий не позволяет усомниться в том, что для Рима эти женщины были соправительницами своих мужей, и на их посредничество возлагались большие надежды.

В связи с этим еще больший интерес вызывает полное отсутствие в «Церковной истории» образа правительниц-прозелиток⁵⁰. Крестителями Англии у Беды всегда выступают короли, римские миссионеры и святые, руководимые Божьим промыслом. Об участии королей в христианизации страны «Церковная история» хранит молчание, что могло быть обусловлено как политическими, так и культурными реалиями периода.

⁴⁵ Nam de lupa post occisionem Regis agna Dei et perfecta abbatissa materque familias optima commutate est (Ibid. XXIV. P. 48).

⁴⁶ См.: HE, I, 25. P. 72–75.

⁴⁷ См.: HE, II, 9. P. 162; HE, III, 21. P. 278.

⁴⁸ См., напр.: The Anglo-Saxons / ed. J. Campbell. Oxford, 1982. P. 44, 52; Wallace-Hadrill J. M. Early Germanic Kingship in England and on the Continent. Oxford, 1971. P. 91.

⁴⁹ См.: Gregory the Great. Epistle XXIX. To Bertha, Queen of the Angli // Nicene and Post-Nicene Fathers / ed. P. Scraff. Series II. Vol. XIII. Grand Rapids. P. 141–142. Текст письма папы Бонифация V к королеве Этельбурге сохранился в «Церковной истории» Беды: HE, II, 2. P. 172–175.

⁵⁰ Возможно, именно поэтому В. В. Зверева в своей статье, посвященной христианизации Британии, не обсуждает вопрос об участии королей в этом событии (см.: Зверева В. В. Христианизация Британии в сочинениях Беды Достопочтенного // Средние века. Вып. 63. М., 2002. С. 218–240).

Крещение для англосаксонских правителей было, безусловно, значимым политическим шагом, за которым стояли родственные связи, приобретенные благодаря выгодным династическим союзам. Женщина, как правило, оказывалась заложницей такой сделки. И все же статус королевы был высок и давал ей право участвовать в обсуждении важных политических решений, в том числе касающихся принятия новой религии. Например, Беда Почтенный пишет, что новообращенный король Восточной Англии Рэдвальд (593 – ок. 624) по возвращении из Кента столкнулся с противостоянием своей жены и неких «лжеучителей», что и послужило причиной его отступничества⁵¹. По наблюдению С. Клейн, женский совет Беда изображает как пережиток ушедшей в прошлое языческой Англии, которому нет места при дворе благочестивых христианских правителей⁵².

Означает ли это, что такова была политическая реальность? Актовый материал и «Житие епископа Уилфреда», скорее, свидетельствуют об обратном. Более того, образ королевы – защитницы церкви не был чужд англосаксонской интеллектуальной культуре. В своем письме к кентской королеве Берте папа Григорий ставит ей в пример святую Елену, мать Константина Великого⁵³. Восьмым – девятым веками датируется англосаксонский религиозный эпос «Елена», повествующий об обретении римской императрицей Животворящего Креста⁵⁴. Здесь Елена изображена властной и решительной правительницей, просвещающей язычников. По мнению филологов, текст памятника мог быть составлен в Нортумбрии или Мерсии⁵⁵. Жены правителей этих королевств принимали самое активное участие в государственных делах. Не исключено, что в центральном женском образе поэмы нашли отражение важные социально-политические реалии Англии VII–IX веков.

На наш взгляд, имеющаяся источниковая база, во-первых, позволяет говорить о достаточно высоком положении королевских жен в Англии VII–VIII веков. При этом в силу состояния источников региональные различия удастся выявить далеко не всегда. Во-вторых, очевидно, что ранняя англосаксонская церковь неоднозначно относилась к политическому влиянию королей, усматривая в их лице могущественных соперниц.

В начале IX в. статус уэссекских королей резко деградирует. Однако это явление вряд ли было обусловлено объективными историческими закономерностями. Не случайно униженное положение жен западно-саксонских королей не вызывало одобрения при дворе Альфреда Великого. При наследниках Эдуарда Старшего (ум. 924 г.) ситуация начала меняться. В середине X в. происходит возвышение его вдовы Эдгифу, подписи которой появляются в королевских грамотах. В 973 г. Эдгар венчает на царство

⁵¹ Nam rediens domum ab uxore sua et quibusdam peruersis doctoribus seductus est atque a sinceritate fidei depranatus habuit posteriora peiora prioribus (HE, II, 15. P. 190).

⁵² См.: Klein S. Ruling Women: Queenship and Gender in Anglo-Saxon Literature. Notre Dame, 2006. P. 35.

⁵³ См.: Gregory the Great. Op. cit. P. 141.

⁵⁴ См.: Cynwulf's Elene / ed. P. Gradon. Exeter, 1996.

⁵⁵ См.: Sisam K. Cynwulf and his Poetry // Proceedings of the British Academy. Vol. 18. 1932. P. 303–308.

свою жену Эльфрит – первую англосаксонскую королеву, чья коронация засвидетельствована историческими источниками.

Т. В. Мосолкина (Саратов)

СТРОИТЕЛЬНАЯ «ГОРЯЧКА» В АНГЛИИ ЭПОХИ РЕСТАВРАЦИИ: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Во многих работах по архитектуре Англии можно встретить утверждение, что только в XVIII столетии в Англии был создан самостоятельный архитектурный стиль, а XVII в. был для английской архитектуры эпохой ученичества. Если подходить к этому вопросу формально, то многие известные английские архитекторы XVIII в., действительно, были учениками знаменитых зодчих XVII века. Достаточно назвать имена Иниго Джонса и Кристофера Рена. Тем более, что своеобразие английской архитектуры второй половины XVII – первой половины XVIII вв. состоит в том, что практически ни одно строение нельзя отнести к чисто барочному или палладианскому классицизму. Все они в той или иной мере носят черты классицизма. Кроме того, специалисты отмечают, в истории английской архитектуры XVII–XVIII вв. трудно выделить четкие периоды. В одно и то же время сосуществовали различные архитектурные стили.

Однако в статье не ставится задача проследить историю английской архитектуры. Я хочу поднять вопрос о том, чем был вызван огромный размах строительства жилых зданий во второй половине XVII в., а если точнее, то после Реставрации Стюартов. Конечно, могут сказать, что Лондонский пожар, уничтоживший практически весь центр города, естественно потребовал восстановления сгоревших зданий. Но ведь массовое строительство наблюдалось не только в Лондоне, и не только после пожара 1666 года.

Доказательством этого могут служить сами строения или их изображения, а также «Дневник» Джона Эвелина⁵⁶. Почему именно Джона Эвелина? Во многих энциклопедиях он именуется не только знаменитым мемуаристом XVII в., но и садоводом (точнее лесоводом), написавшим книгу, посвященную английским лесам, которая несколько раз переиздавалась⁵⁷. Находясь в эмиграции вместе со Стюартами, Эвелин много путешествовал по Европе и везде, где бывал, обращал внимание на планировку парковых ансамблей. Вернувшись в Англию после Реставрации, он постоянно приглашался в качестве советчика по планировке не только садово-парковых ансамблей, но и самих зданий. Иногда его приглашали, чтобы показать, что уже сделано, и получить его оценку. Или просто похвалиться новым домом и садом. Поэтому в его «Дневнике» очень много записей, касающихся раз-

⁵⁶ См.: *Evelyn J. The Diary of John Evelyn / ed. by W. Bray: in 2 vols. L., 1901.*

⁵⁷ См.: *Evelyn J. Sylva, or A Discourse of Forest Trees. L., 1664.*

маха строительных работ в Англии рассматриваемого периода, а также достоинств или недостатков построенных жилых зданий.

Высказывается мнение, что во второй половине XVII в. нормальному развитию архитектуры в Англии мешали последствия Гражданской войны, чума 1665 г., Великий пожар 1666 г. и события Славной революции 1688 г., а вот в XVIII в. в стране начинается интенсивное строительство. Факты говорят об обратном. Именно упомянутые события стимулировали рост строительства жилых зданий во второй половине XVII в. как представителями аристократии, так и разбогатевшей буржуазией. Причем, не только в Лондоне, но и по всей стране, и не столько в городе, сколько в сельской местности. Нужно отметить одну особенность менталитета английского дворянства и буржуазии: в отличие от Франции или Германии, высокий социальный статус или престиж не обязательно были связаны со степенью близости ко двору. Именно поэтому так много особняков строилось в сельской местности.

Итак, с чем было связано такое широкое строительство в Англии именно в рассматриваемый период? Причин было несколько. Начать можно с того, что многим вернувшимся со Стюартами аристократам-эмигрантам возвращаться было некуда – их владения оказались конфискованы. Карл II не имел возможности вознаградить своих сторонников, которые во время Гражданской войны потеряли все. Ярким примером может служить история семьи Черчилль, которые в указанный период лишились своего имения. В итоге Джон Черчилль стал сначала пажом при дворе, потом гвардейским офицером, потом генералом, знаменитым полководцем и получил титул герцога Мальборо. К слову сказать, и его сестра Арабелла смогла устроить свою жизнь, став любовницей будущего Якова II, и ее сын от него стал герцогом Бериком. Правда, не у всех сторонников Стюартов судьба была столь драматичной.

Но даже те, кто оставался в стране, но были лояльными к королю, из-за высокого налогообложения, штрафов, конфискаций были вынуждены закладывать или продавать свою недвижимость. Чтобы вернуть себе былой социальный престиж, потерявшие все аристократы должны были вновь обзавестись реальной собственностью.

Некоторые аристократы, покупали готовые здания, а затем перестраивали их по своему вкусу. Например, Уильям Терзби в 1669 г. купил имение Абингтон в Норхемптоншире и не только перестроил дом, но и построил водонапорную башню⁵⁸. В 1671 г. Дж. Эвелин посетил лорда Арлингтона и записал в «Дневнике»: «Его дом является очень величественным зданием, состоящим из четырех павильонов во французском стиле рядом со зданием большого дома. И хотя не возведенные целиком, но составляющие дополнение к старому дому (купленному его светлостью у некоего сэра Т. Роквуда)»⁵⁹. В этой записи интересно не только упоминание о покупке герцогом Арлингтоном готового здания, но последующее замечание Эвелина об окружающем дом саде: «Сад красив, канал прекрасен, однако земля

⁵⁸ См.: *Cliffe J. T. The World of the Country House in Seventeenth-Century England*. New Haven, 1999. P. 37.

⁵⁹ *Evelyn J. The Diary*. V. II. P. 84.

сухая, бесплодная и сильно песчаная, которая летает по ветру, как только он появится...»⁶⁰.

Для Эвелина поместье без парка было неполноценным. Когда в августе 1678 г. он посетил дом и сад герцога Лодердейла, то дом удостоился высокой, но краткой похвалы – «не хуже некоторых лучших вилл самой Италии»⁶¹. А вот сад описан более подробно: «цветники, цветочные сады, оранжереи, рощи, аллеи, дворики, статуи, перспективы, фонтаны, вольеры – и все это на берегах приятнейшей реки в мире...»⁶². Посетив дом или дворец, как пишет сам Эвелин, лорда Берли он с похвалой отзывается о самом доме, но довольно кратко, отмечая, что он очень хорошо построен. Гораздо больше внимания он уделяет тому, что находится за пределами дома: «Что касается остального, передний двор великолепен, также и конюшни; и более всего парк, который является бесподобным по причине неровности местности и наличия прелестного рыбного пруда»⁶³.

В сентябре 1667 г. Эвелин сопровождал м-ра Говарда на его виллу (villa), где он составил для него «план канала и сада с подземной криптой под холмом»⁶⁴. В XVII в. многие сельские поместья имели семейные часовни, хотя не все из них использовались по назначению. Некоторые были построены еще в средние века, однако многие строились в XVII веке. Это могло быть и отдельно стоящее строение, и комната, помещавшаяся внутри дома. Так, Дж. Эвелин, описывая дом лорда Сандерленда, отмечает его недостатки: кухня находится внутри дома и «часовня слишком мала»⁶⁵. Явно, что в доме лорда часовня была действующей. Причем, как отмечает Эвелин, дом является «современным строением», а значит и часовня строилась одновременно с ним. Во времена Карла I получить разрешение на строительство частной часовни было сложно, поскольку нужно было получить одобрение епископа диоцеза, в то время как архиепископ Лод и некоторые из его сторонников-епископов относились к частным часовням с подозрением. После Реставрации добиться разрешения стало проще, но все же оно могло включать некоторые условия и ограничения⁶⁶. Известно, например, что Питер Лестер в своем имении в графстве Чешир в 1675–1678 гг. построил в саду часовню для своей семьи. Строительство обошлось ему в 795 фунтов⁶⁷.

В рассматриваемый период понятие вилла включало в себя не только жилое помещение, но и сад. Поэтому дворцы и «кантри-хаус» обязательно вписывались в определенный пейзаж. И хотя считается, что пейзажный парк характерен уже для XVIII в., а в XVII в. преобладали регулярные парки, но то, что описывает Дж. Эвелин скорее напоминает именно пейзажный парк, где можно не только любоваться красивыми видами, но и найти уединение.

⁶⁰ *Evelyn J. The Diary. V. II. P. 84*

⁶¹ *Ibid. P. 125.*

⁶² *Ibid.*

⁶³ *Ibid. P. 84.*

⁶⁴ *Ibid. P. 38.*

⁶⁵ *Ibid. P. 105.*

⁶⁶ См.: *Cliffe J. T. Op. cit. P. 35.*

⁶⁷ См.: *Ibid. P. 34.*

В XVII в. в сельских поместьях стали обращать большое внимание на снабжение дома, сада и парка водой. Источником воды могли служить протекающие рядом реки, фонтаны, искусственные пруды, рвы. Так, Дж. Эвелин упоминает, что дом его старого друга м-ра Пакера «построен внутри рва с водой». Фонтаны были сооружены в саду герцога Лодердейла и в усадьбе графа Нортумберленда. А в парке лорда Берли был вырыт пруд⁶⁸. Во второй половине XVII в. стали сооружать более эффективные приспособления для снабжения водой цветников, оранжерей, садов и обеспечения нужд дома. Речь идет о водонапорных башнях, подобных той, которую построил в купленном поместье Уильям Терзби. Такие же башни стали строиться и в других поместьях.

Многие представители знати предпочитали возводить дома по своему плану. Примером может служить уже описанный дом лорда Арлингтона или дом лорда Сандерленда в 4-х милях от Нортхемптона. Причем Эвелин замечает, что дом лорда Сандерленда представляет собой «тип современного строения из песчаника»⁶⁹. В октябре 1671 г. Эвелин был приглашен в Норич сэром Томасом Брауном, который хотел посоветоваться с ним по поводу плана перестройки своего дома⁷⁰.

В старых домах первой комнатой, в которую входил посетитель, был большой холл, обычно высотой в два этажа. Во многих домах он использовался как обеденная комната для слуг и тех посетителей, которые по положению были слишком низки, чтобы разделить трапезу с семьей хозяина. В тех домах, которые построены во второй половине XVII столетия, и вид, и назначение холла подверглись радикальной трансформации: его высота часто была снижена до одного этажа, здесь же размещалась элегантная лестница, и холл становился, в основном, вестибюлем, который предназначался для того, чтобы производить впечатление. Ранним примером такого нового строительного подхода является холл в Коулшилл-хаусе в Беркшире, который был закончен в 1662 году⁷¹.

После Реставрации появилась мода превращать длинные галереи, которые когда-то использовали для физических упражнений, потом в качестве спальных апартаментов или хранилищ разных вещей, в картинные галереи. Среди домов, где имела место подобная трансформация, можно назвать Ройдон-холл в Кенте, Шадлос в Бакингемшире, Янтон-мэнор в Оксфордшире и другие⁷². Дж. Эвелин также упоминает подобные галереи в доме лорда Сандерленда и во дворце Одли Энд⁷³.

Кроме представителей аристократии и дворянства собственными особняками в сельской местности стали обзаводиться и богатая буржуазия. Этому способствовал и тот факт, что многие аристократы, не говоря уже о дворянах более низкого ранга, стремились повысить свой материальный достаток (в том числе и для содержания поместий) за счет женитьбы на дочерях богатых купцов. В результате в английской провинции появилась масса

⁶⁸ См.: *Evelyn J. The Diary. V. II. P. 96, 7–8, 125, 84.*

⁶⁹ *Ibid. P. 105.*

⁷⁰ См.: *Ibid. P. 73.*

⁷¹ См.: *Cliffe J. T. Op. cit. P. 24.*

⁷² См.: *Ibid. P. 31.*

⁷³ См.: *Evelyn J. The Diary. V. II. P. 56–57, 105.*

прекрасных особняков, принадлежащих буржуазии, которая хотела повысить свой социальный престиж и приобщиться к образу жизни знати. Тот же Эвелин пишет в «Дневнике», что в августе 1674 г. отправился в Грумбридж повидать своего старого друга м-ра Пакера, дом которого был построен в лесистой долине и окружен рвом с водой⁷⁴.

Таким образом, уже с середины XVII в. образцы столичной архитектуры стали проникать в провинцию⁷⁵. И если дома бедняков почти не изменились, то дома богатых простолюдинов преобразовались разительным образом. Но при всех переменах главным было то, что дом англичанина, каким бы роскошным он ни был, сохраняет именно жилой, частный характер⁷⁶. Дж. Эвелин, описывая дом лорда Арлингтона, отмечает, что он не только очень величественный, состоящий из четырех павильонов и основного корпуса, очень пышный, вместительный и просторный, но и удобный⁷⁷. Англичане стремились сохранить в своих поместьях условия для уединения, по мере возможности сохраняя и первозданную природу. Главным было сохранить и благоустроить наследственное поместье. И это было важнее, чем блистать при дворе.

Еще одним мощнейшим стимулом для широкого строительства жилых зданий стал Лондонский пожар 1666 года. Причем, хотелось бы отметить, что не все горожане, которые жили в Лондоне до пожара, вернулись в город на прежние места жительства. Часть людей эмигрировала в Америку в поисках лучшей доли, а многие перебрались в провинцию⁷⁸. Так что Великий пожар не только привел к масштабному строительству в самом городе, но способствовал и увеличению его в сельской местности. Многие богатые люди предпочитали иметь дома одновременно и в городе, и в деревне. Те, кто имел собственные средства передвижения, предпочитали селиться подальше от шумного Сити. В 1670 г. граф Саутгемптон предложил облагородить Блумсбери-Сквер, возведя там личный особняк и добротные дома для богатых торговцев, а также перестроить прилегающие улицы и построить рынок. Дж. Эвелин отмечал, что здесь появился настоящий «маленький город»⁷⁹.

Интересно заметить, из многочисленных планов реконструкции Лондона специалисты выделяют два – К. Рена и Дж. Эвелина. Правда, ни один из этих планов не был полностью претворен в жизнь. Руководить восстановительными работами должна была комиссия из шести человек, в которую были включены и Рен, и Эвелин. Восстановление Лондона хотя и было стремительным, но не мгновенным, ведь сгорело более 13 тыс. зданий. Но уже за два первых года после пожара были построены 1200 домов, а на следующий год еще 1600⁸⁰. Деятельность К. Рена чаще всего связывают с восстановлением собора св. Павла и других церковных строений, а также об-

⁷⁴ См.: *Evelyn J. The Diary. V. II. P. 96.*

⁷⁵ См.: *Girouard M. The English Town. A History of Urban Life. New Haven; L., 1990. P. 120–121.*

⁷⁶ См.: *Cliffe J. T. Op. cit. P. 30–32.*

⁷⁷ См.: *Evelyn J. The Diary. V. II. P. 71.*

⁷⁸ См.: *Акройд П. Лондон. Биография. М., 2005. С. 278.*

⁷⁹ *Клаут Х. История Лондона. М., 2002. С. 59–60.*

⁸⁰ См.: *Акройд П. Указ. соч. С. 279.*

щественных зданий. Но его творчество повлияло и на строительство жилых домов. Благодаря ему в Англии появился «дом в стиле королевы Анны» – не дворец, а красивый и практичный дом для джентльмена. И в городе, и в сельской местности оформился тип кирпичных домов с отделкой из белого камня, которые стали образцом для более позднего английского зодчества. Примерами могут служить приписываемые Рену поместья Грумбридж-Плейс в Кенте и «Дом с лебедями» (Суон-хауз) в Чичестере⁸¹.

Таким образом, период с 1660 г. стал в Англии временем бурного строительства жилых зданий. Этому способствовало несколько обстоятельств. Оставляя в стороне последствия Великого пожара, который с неизбежностью вел к развертыванию массового строительства для восстановления города, отметим два других обстоятельства. После Реставрации аристократии, которая за свою преданность Стюартам заплатила потерей наследственных владений, необходимо было восстановить свой социальный престиж, для чего нужны были зримые признаки высокого положения – вызывающие восхищение жилые особняки. С другой стороны, английская буржуазия достаточно разбогатела, чтобы стремиться повысить свой социальный престиж и приблизиться по уровню жизни к дворянству.

О. В. Королева (Саратов)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АНГЛИЙСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА В ИНДИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ПУТЕВОГО ЖУРНАЛА Ч. ЭКЛОНДА (1842–1845 ГГ.))

В записках первых английских путешественников об Индии (конец XVI – первая треть XVII вв.) сведения о повседневной жизни самих англичан очень скудны, что вполне объяснимо. В подавляющем большинстве своем они были торговыми представителями, прагматический интерес которых делал их рассказы о путешествиях похожими на отчеты о том, что они увидели, с какими трудностями столкнулись. Ранние путешественники, скорее, являлись сторонними наблюдателями, нежели активными преобразователями той «чужой» действительности, с которой они столкнулись.

Письма Чарльза Эклонда, написанные им в Индии с 1842 по 1845 гг., помогают воссоздать многие компоненты действительности, которая окружала его в путешествии и проживании в этой стране. Путевые письма английского путешественника предоставляют широкие возможности для воссоздания способов приспособления, образа жизни и модели поведения в «чужой» среде. Вместе с тем, важным становится то, как пишет автор, и то значение, которое придает тем или иным вещам и явлениям в своей новой жизни. Исследование опыта прямых высказываний автора писем делает

⁸¹ См.: *Dutton R.* The Age of Christopher Wren. L., 1932; *Lindsey J.* Christopher Wren, His Work and Times. N. Y., 1952.

возможным перенесение акцента с макро-событийной истории на ее богатую конкретику – «историю подробностей жизни».

Письма Ч. Эклонда, адресованные детям, оставшимся в Англии, в 1847 г. стали достоянием массового читателя благодаря Дж. Мюррею, издавшему их в виде путевого журнала. Как отмечал редактор, стиль изложения автора он оставил без изменений.

Священник Ч. Эклонд вместе со своей женой оставил Англию в марте 1842 г. и прибыл в Мадрас в июне того же года⁸².

Какие же «образы» повседневности являются самыми яркими иллюстрациями жизни английского священника в «иных» географических рамках?

Автор писем, прежде всего, акцентирует внимание на обусловленности бытовой жизни природными условиями. В первых же строках он пишет о «сильной» жаре, но здесь же признается в том, что вовсе не страдает от нее. В доме с этим «неудобством» помогают справиться опахала, которые, по словам англичанина, как большие веера свисают с потолка в каждой комнате и которые местные мальчишки днем и ночью покачивают взад-вперед, охлаждая воздух⁸³.

Особенности местного климата определили распорядок дня английского священника. В письмах делается акцент на необходимость приспособления к недостаткам географического местоположения города. Эклонд пишет, что в Мадрасе «мы обязаны вставать половина шестого утра, затем отправляемся на пешую прогулку или в палантине; полвосьмого солнце слишком сильное даже для подобных занятий; после мы возвращаемся домой, принимаем холодную ванну и завтракаем»⁸⁴. Ч. Эклонд признавался в том, что ему нравилось принимать ванну в Англии, но здесь это занятие стало самым большим удовольствием

По прибытии в Калькутту, как сообщается в письме от 15 июля 1842 г., Ч. Эклонд с женой получил приглашение епископа остановиться в его дворце. В распоряжение священника были предоставлены две очень большие комнаты рядом с ванной и большая веранда для прогулок. Дневной ритм жизни епископа также был расписан по часам, что во многом было продиктовано особенностями местного климата. В полшестого утра выпивалась чашка кофе, затем непродолжительная прогулка, в 7 часов – прием холодной ванны, после чего – чтение книг или занятие письмом до 9 часов, затем – завтрак, в 2 часа после полудня – второй завтрак, или ланч, на который, по словам англичанина, подавалось много мяса. В 5 часов предписывалась часовая прогулка, в половину восьмого – обед, в 9 – чаепитие, а в 10 все ложились спать. Такое времяпрепровождение в доме епископа, общепринятое в Индии, в целом устраивало Ч. Эклонда. Но на страницах письма он признавался в том, что «как только у меня будет свой дом, я буду обедать в 3 часа»⁸⁵.

⁸² См.: *Ackland Ch. A Popular Account of the Manners and Customs of India* / ed. by J. Murray L., 1847. P. IV.

⁸³ См.: *Ibid.* P. 5.

⁸⁴ *Ibid.* P. 6.

⁸⁵ *Ibid.* P. 10.

Первым пунктом назначения Ч. Эклонд был бенгальский город Миднапур, расположенный в 80 милях к югу от Калькутты⁸⁶. Этот город путешественник находил самым приятным и подходящим местом для проживания англичанина. В отличие от Калькутты, в которой прогулки в середине дня были смертельной опасностью, здесь погода, по словам Ч. Эклонда, была восхитительной. Днем в ноябре – декабре термометр показывал 76° [около 24,5°C – О. К.]. Совершая прогулку ранним утром, как пишет путешественник, нужно было быстро идти, чтобы согреться⁸⁷. Англичанин отмечает, что все с радостью надели шерстяную одежду, а ночью накрывались шерстяными и толстыми стегаными одеялами⁸⁸.

День в доме Ч. Эклонда начинался в 6 часов с кормления домашней птицы и прогулки. Завтракали в 8 часов, после чего наступало время писать, читать и работать. В 16 часов шли обедать. Иногда, как пишет Ч. Эклонд, между завтраком и обедом он шел встречаться с прихожанами. После вечерней прогулки в 7 часов священник с женой пили чай. Последняя часть дня посвящалась чтению вслух и игре в нарды. В половине десятого молились и шли спать⁸⁹.

По признанию самого Ч. Эклонда, его жилищные условия в Миднапуре были очень скромными. В отличие от важного города Калькутты, в котором знатные англичане жили во дворцах с верандами на каждом этаже, поддерживаемыми каменными столбами, в Миднапуре не было даже постоянных дворов. Ч. Эклонд называет свой одноэтажный дом с соломенной крышей и цементным полом, покрытым циновками, «самым экономичным»⁹⁰. Безрадостное описание ничем не примечательного жилища контрастирует с колоритным и эмоциональным рассказом о внешнем пространстве. Дом священника стоял посередине большого поля, которое он называл своей резиденцией. С гордостью он отмечает: «У меня был цветник и огород, место для содержания козлов и домашней птицы, коровник, конюшня и индийская смоковница»⁹¹. Тропинки были посыпаны гравием, живая изгородь состояла из алоэ, кактусов и цветущих кустарников, источавших аромат, Там и здесь рос бамбук, который был похож на плакучую иву и признавался путешественником самым красивым деревом. Дикорастущие растения с розовыми цветами напоминали ему красные гвоздики. На момент написания письма в саду цвели алоэ. Большой кактус в 10 футов высотой, со стеблем и листом толщиной в ногу тоже имел очень красивый большой белый цветок. В огороде росли ананасы, манго, маис и другие растения⁹².

В этом детальном и, вместе с тем, не лишенном положительных эмоций описании Ч. Эклондом среды обитания мы находим многочисленные подтверждения того, что эта «чужая» земля по праву могла называться «земным раем», где есть все необходимое для жизни. Идеализация «чужой» страны, превращение ее в свою «другую» страну, мечту и спасение от раз-

⁸⁶ Ч. Эклонд прибыл в Миднапур в сентябре 1842 г.

⁸⁷ См.: *Ackland Ch.* Op. cit. P. 29.

⁸⁸ См.: *Ibid.* P. 31.

⁸⁹ См.: *Ibid.* P. 29.

⁹⁰ *Ibid.* P. 11.

⁹¹ *Ibid.* P. 12.

⁹² См.: *Ibid.*

очарований жизни – все это сближает письма Ч. Эклонда с отзывами первых англичан об Индии.

Ч. Эклонд подчеркивал важность и преимущества садоводства, огородничества и разведения домашнего скота и птиц. Он пишет: «Когда нет возможности купить мясо, в моем распоряжении имеются 35 уток, 60 куриц, 4 козы и 3 козленка»⁹³. О хозяйственности Ч. Эклонда также свидетельствовал тот факт, что он собирался вступить в «овечий клуб», который образовали 4 человека, чтобы содержать небольшое стадо овец. Дважды в неделю забивалась овца, каждый член «клуба» получал четверть туши, и в порядке очереди – ливер, сердце, голову.

Каждый день пили козье молоко. Путешественник с уверенностью заявлял, что «в Англии вы никогда не попробуете козьего молока. Оно восхитительно. Намного лучше коровьего. Каждая коза, когда у нее отнимают козленка, дает по три четверти пинты в день...»⁹⁴. По утрам садовник приносил корзину овощей, чтобы хозяева выбрали все необходимое для дневного рациона. Однако зимой с похолоданием рацион питания кардинально менялся. Самыми частыми продуктами на столе были горох и бобы, употребление которых, по словам Ч. Эклонда, делало европейцев «счастливыми и энергичными», но не здоровыми, «ибо все они были бледными и чрезвычайно тучными»⁹⁵.

Отдельной темой повествования является рассказ путешественника о местной прислуге. Самой большой статьей расхода наряду с рентой за дом являлась оплата труда слуг. Как отмечал Ч. Эклонд, он содержал столько прислуги, сколько мог себе позволить. 12 человек – это было то минимальное число слуг, без которых в этой стране нельзя было обойтись. Среди них – главный слуга (надсмотрщик), официант (обслуживающий за столом), сирдар – смотрящий за лампами и мебелью, один носильщик, который работает опахалом и помогает сирдару, портной, который штопает чулки, шьет платья и сорочки, 2 плотника, 2 садовника, водонос, уборщик дома, кто содержит дом в порядке, и горничная для жены⁹⁶. Главный слуга и официант были мусульманами, остальные – индусами. Английский священник объяснял в письме: «Мы не могли обойтись меньшим количеством, поскольку, если я попрошу официанта принести мне пальто, он ответит «я не носильщик»⁹⁷. Это обстоятельство вызывало у него непонимание и возмущение. В письме содержится рассказ о том, как однажды при кормлении попугая несколько зерен риса упали на стол, и смотрящий за мебелью отказался убрать их, поскольку едой должен заниматься официант. Даже угроза увольнения не испугала слугу, отказавшегося выполнять не «его» работу. Поэтому возмущенному англичанину ничего не оставалось, как выгнать его⁹⁸.

По сведениям Ч. Эклонда, слуге платили от 3-х до 10-ти рупий в месяц. Для сравнения, аренда дома, одного из самых дешевых в Миднапуре, обо-

⁹³ *Ackland Ch.* Op. cit. P. 12

⁹⁴ *Ibid.* P. 31.

⁹⁵ *Ibid.*

⁹⁶ См.: *Ibid.* P. 16.

⁹⁷ *Ibid.* P. 9.

⁹⁸ См.: *Ibid.* P. 25.

дилась англичанину 40 рупий за месяц. Многие англичане держали от 40 до 50 слуг⁹⁹.

По приезду Ч. Эклонда удивлял тот факт, что на все званые обеды и ужины нужно было являться со своей прислугой, поскольку слуга хозяина обслуживал за столом только его. Не привычным делом было звать слугу криком – «Кто здесь?», а не звонком как на родине¹⁰⁰.

Ч. Эклонд обвинял местное население в вороватости, по этой причине он и его жена старались ничего не оставлять там, где слуги могли украсть. Однажды его жена, делая свои подсчеты и заподозрив слугу по кухне в обмане, попросила его дать пояснения по некоторым статьям расхода. Слуга, признаваясь в мошенничестве, был невозмутимым и казался совершенно не пристыженным. «И этот человек, – с уверенностью заявлял Ч. Эклонд, – считался одним из лучших слуг и был таким же честным как любой другой»¹⁰¹.

Священник признавал слуг очень медлительными в движениях и чрезвычайно ленивыми. Однако обычную практику некоторых англичан бить на прогулке хлыстом слишком назойливых местных жителей он называл жестокой.

Одежда, как неотъемлемый компонент повседневной жизни, была призвана выполнять не только «материальные» функции, а именно, защищать от неблагоприятных воздействий погоды в «чужой» стране. То, какое внимание Ч. Эклонд уделяет описанию вынужденной манере одеваться, характеризует его как человека, склонного производить впечатление и не чуждого самоиронии. По его словам, здешний костюм мог вызвать улыбку. Он носил легкую обувь, белые чулки, белые штаны, черную сутану чуть ниже колен, шляпу, сделанную из мягкой сердцевины пальмы и покрытую черной мериносовой шерстью. Это был уличный костюм священника. В доме вместо сутаны он надевал белую куртку без жилета. На званый обед – черные шелковые носки, черные брюки, длинную черную шелковую сутану¹⁰².

Стесненный в средствах, Ч. Эклонд досадовал на дороговизну одежды в этой стране. По словам священника, самые обычные предметы одежды в Калькутте в три раза дороже, чем в Англии. «Я купил шелковую шляпу, – пишет он, – которая дома стоила бы пять шиллингов, здесь я заплатил 14 рупии. Некоторые ленты, которые стоили бы три пенса за ярд в Англии, стоят здесь 1,5 рупии»¹⁰³. Также в письме путешественник жаловался на то, что, за исключением Калькутты, здесь не было магазинов, куда англичане могли бы пойти. Вместо этого им приходилось иметь дело с торговцами вразнос, которые хитрили с товаром, завышая цену в несколько раз¹⁰⁴.

По оценке Ч. Эклонда, собрание людей на званом обеде представляло собой приятное зрелище. Все дамы приходили в белых платьях с короткими рукавами, а джентльмены – в белых куртках и брюках, кроме майора и самого священника. Майор был одет в красную куртку, а священник – в черную сутану. За стулом каждого из присутствующих стоял темно-

⁹⁹ См.: *Ackland Ch.* Op. cit. P. 16.

¹⁰⁰ См.: *Ibid.* P. 8.

¹⁰¹ *Ibid.* P. 26.

¹⁰² См.: *Ibid.* P. 18.

¹⁰³ *Ibid.* P. 31.

¹⁰⁴ См.: *Ibid.* P. 26.

коричневый слуга с длиной бородой и усами, в белой тунике и с белым тюрбаном, цветным поясом, обмотанным несколько раз вокруг талии. Все слуги были босыми, поскольку знаком неуважения считалось появление слуги обутым¹⁰⁵.

Рассказ Ч. Эклонда о жизни в Индии был бы неполным без подчеркнутых трудностей пребывания в «чужой» стране. С одной стороны, эти сюжеты были призваны акцентировать внимание читателей на сложностях выполняемых заданий англичан. С другой стороны, вызвать интерес к местной экзотике, которая далеко не всегда была привлекательной для путешественников.

В первых строках журнала Ч. Эклонд не забывает упомянуть о москитах, которые, как он пишет, «в большом множестве летают по ночам и кусаются»¹⁰⁶. Каждый дом кишел муравьями, которые отличались от тех, которых он видел на родине, и были настоящим бедствием для европейцев. Одни оставляли болезненные укусы, другие приходили стаями и за одну ночь могли превратить стол или полку с книгами в прах. Также в доме было большое количество кузнечиков, непривычно больших, стрекотание которых можно было услышать за полмили. Местные тараканы были похожи на английских, но больше в размерах – 3–4 дюйма длиной.

В числе других повседневных рисков для жизни Ч. Эклонд называл большое количество змей, ядовитых ящериц, которые часто «приходили» на веранду. Однако, как объяснял священник, его домашний мангуст не подпускал их близко. Он не случайно уделял большое внимание описанию опасных представителей фауны. Ч. Эклонд признавался в том, что страшно боялся всех рептилий Индии, и удивлялся тому факту, что был отправлен именно в Миднапур – место, где их было больше всего¹⁰⁷.

На страницах своего письма он рисует сцену, как хладнокровно расправляется с ядовитой змеей, которую слуги убили в окрестностях дома и принесли ему показать. Ч. Эклонд взял ее за хвост и пошел показать жене. На полу гардеробной змея ожила, стала извиваться, подняла голову и уставилась на священника и его жену. Он пишет: «К счастью под рукой оказалась палка, и я убил ее одним ударом»¹⁰⁸. Чтобы не быть укушенным змеями, от которых здесь умирает «великое множество», ни один челок не ложился спать без света или, по крайней мере, не вставал с кровати. «Мы никогда не надеваем обувь, не проверив, нет ли в ней никакой живности», – сообщает Эклонд¹⁰⁹.

Ночью беспокойство англичанам доставляли шакалы, которые были в окрестностях дома, производя «чудовищный шум». Свирепые буйволы, обезьяны со злобным взглядом, – кажется, весь животный мир Индии ополчился на английского путешественника.

Англичане постоянно подчеркивали, что путешествие по Востоку было сопряжено с многочисленными угрозами и риском для жизни. Эти сюжеты были призваны подчеркнуть сложности выполненного ими задания, пока-

¹⁰⁵ См.: *Ackland Ch.* Op. cit. P. 19.

¹⁰⁶ *Ibid.* P. 4.

¹⁰⁷ См.: *Ibid.* P. 24.

¹⁰⁸ *Ibid.*

¹⁰⁹ См.: *Ibid.* P. 25.

зять пугающее в облике «чужого» мира и, тем самым, набить себе цену. Людям свойственно наделять ландшафты, с которыми они соприкасаются, теми или иными символическими значениями¹¹⁰. Поэтому неудивительно, что путешествие по «чужой» стране вызывало такие неприятные ассоциации, как страх и опасность.

Письма Ч. Эклонда изобилуют и другими «многоговорящими» сюжетами из повседневной жизни английского путешественника. Они не только раскрывают подробности жизни и путешествий в «чужой», порой неприятливой, и даже агрессивной, действительности, но и проливают свет на то, как английский священник приспособился к ней. Он «научился» выживать в условиях землетрясений, когда дом «ходит ходуном взад и вперед, а сам он падает со стула»¹¹¹. Он быстро выучил хинди, чтобы не было трудностей в общении с местными жителями.

Таким образом, изучение повседневной жизни Ч. Эклонда посредством его личных писем позволяет объединить в общий предмет широкой области отдельных сюжетов (быт, отдых, труд и т. д.) «Описательность», доминирующая над «аналитичностью», правомерно реабилитируется в данной области. Новые природно-географические условия пребывания и проживания объективно задают определенную «матрицу» повседневности, определяют новые материальные и социальные параметры жизни.

С. В. Лёвин (Балашов)

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЗЕМСКИХ СТАТИСТИКОВ

Открывая 11 января 1900 г. XXXV очередное губернское земское собрание, самарский губернатор В. Г. Кондоиди, сам того не предполагая, ввел в общеупотребительный оборот термин «третий элемент» (первый элемент – правительство, второй – земство), которым стали называть наемных специалистов на земской службе. «Между тем, – говорил он, – позволю себе обратить внимание земского собрания, за последнее время все более и более усматривается в местной жизни участие нового третьего элемента. <...>, в земской жизни усматривается участие нового фактора, не принадлежащего ни к администрации, ни к числу представителей местных сословий»¹¹². «В сущности, – отмечал в своих воспоминаниях историк, публицист и общественный деятель А. А. Кизеветтер, – этот столь пугавший самарского губернатора «третий элемент» представлял собою не что иное, как одну из групп так называемой разночинной интеллигенции, занявшей видное место

¹¹⁰ См.: *Голд Дж.* Психология и география: Основы поведенческой географии. М., 1990. С. 139.

¹¹¹ *Ackland Ch.* Op. cit. P. 26–27.

¹¹² Речь г. управляющего губернией // Самарская газета. 13.01.1900. № 9. С. 1.

в общественной жизни со времени освободительных реформ 60-х годов»¹¹³. Образную и весьма точную характеристику «третьему элементу» дал писатель, в прошлом участник народнического движения, С. Я. Елпатьевский: «Третий элемент» являлся своеобразным продуктом русской своеобразной жизни. В большинстве случаев он набирался из людей, познавших закономерность русской жизни, из студентов, выгнанных из высших учебных заведений, из людей, побывавших в тюрьмах, в ссылках. <...>. Рядом с подпольной работой, часть интеллигенции, в то время еще по преимуществу народнической, избирала легальный путь и работала на открытом воздухе. Шли и, так сказать, мирные люди, но не желавшие служить на государственной службе и не соблазнявшиеся легкими и обильными хлебами частной службы»¹¹⁴.

Среди «третьего элемента» особенно выделялись земские статистики, которые, по справедливому выражению Н. М. Пирумовой, являлись «передовым отрядом земской интеллигенции» (или «передовой, общественно активной группой земской интеллигенции») ¹¹⁵.

Необходимость приглашения на службу специалистов-статистиков у земств возникла сразу же с началом их хозяйственной деятельности. «Для производства статистических работ, – писал земский статистик и агроном Д. И. Рихтер, – среди самих земских гласных, за весьма немногими исключениями, сил не нашлось, и в этом случае, как при организации земской медицины, при учреждении земских учительских школ и т. п. начинаниях, пришлось обратиться к лицам, до того времени стоявшим в стороне от земства, и так называемые земские статистики вошли в состав лиц, работающих на земском поприще не по выбору, а по приглашению в качестве «специалистов», и которых в последнее время окрестили названием «третьего элемента» в земстве. Этот третий элемент, состоящий из наемных людей, сыграл в земстве, да и продолжает играть в нем немаловажную роль: под крылом земства он, можно сказать, создал земскую медицину, земскую школу, земскую статистику»¹¹⁶. «Третий элемент» создал земскую статистику почти во всем помимо, а во многом и вопреки самому земству, или, во всяком случае, вопреки доминирующему во многих земствах помещику элементу», – категорично заявлял А. А. Кауфман, акцентируя свое внимание и на трудности ее образования¹¹⁷.

¹¹³ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания. 1881–1914. М., 1996. С. 163–164.

¹¹⁴ Елпатьевский С. Я. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 221.

¹¹⁵ См.: Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 114; Она же. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. / отв. ред. В. Я. Лавёрычев. М., 1986. С. 141. «Земские статистики постепенно становились организующей силой земских служащих – «третьего элемента», – пришла к выводу В. Р. Лейкина-Свирская, исследуя социальный, половозрастной состав и образовательный уровень российской интеллигенции пореформенного периода (см.: Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 210).

¹¹⁶ Рихтер Д. И. Земская статистика и ее работы // Вестник Европы. 1904. Кн. 7. С. 320.

¹¹⁷ Кауфман А. А. Земская статистика // 1864-1914. Юбилейный земский сборник / под ред. Б. Б. Веселовского, З. Г. Френкеля. СПб., 1914. С. 272.

Во второй половине 1870-х гг. в земских губерниях при губернских земских управах начинают образовываться статистические отделы (бюро, отделения), на которые была возложена одна из сложнейших и трудных хозяйственных задач – проведение экономико-статистического обследования основной производительной силы страны – крестьянского хозяйства. Согласно подсчетам Департамента полиции, к 1884 г. «таковых отделений было организовано девятнадцать, а именно в губерниях: Бессарабской, Вятской, Екатеринославской, Калужской, Курской, Московской, Новгородской, Орловской, Пермской, Полтавской, Рязанской, Самарской, Санкт-Петербургской, Саратовской, Тамбовской, Тверской, Уфимской, Херсонской и Черниговской»¹¹⁸. Численность статистиков, по сравнению с другими категориями земских служащих, например, с врачами и учителями, была невелика. К середине 1880-х гг. штатных сотрудников земских статистических бюро насчитывалось немногим более 100 человек.

Основной контингент земских статистиков составляли бывшие участники народнического движения 1860-х – 1870-х годов. Например, руководитель московской земской статистики В. И. Орлов в 1876 г. был арестован за участие в собраниях «Всероссийской социально-революционной организации», но вскоре, за отсутствием улик, вышел на свободу. В июле 1877 г. «по высочайшему повелению» дело в отношении него было прекращено, «с отменой установленного за ним надзора»¹¹⁹.

Известным народническим публицистом был заведующий черниговским земским статистическим бюро П. П. Червинский, проявивший себя на революционном поприще уже в 1860-х годах. В «Отчете по делам следственной комиссии 1868 года» он охарактеризован не иначе, как «личностью с самыми враждебными правительству воззрениями»¹²⁰. П. П. Червинский участвовал в нелегальных студенческих собраниях, на которых обсуждались современные общественно-политические вопросы. В 1870 г. его арестовали. Но при аресте, как явствует из материалов следственной комиссии 1862 г. по делам о распространении революционных воззваний и пропаганде, были изъяты только «записки и заметки о бывших революциях и о покушениях на коронованных особ»¹²¹. Более серьезного компромата полицейским найти не удалось. Тем не менее, П. П. Червинского сослали в Архангельскую губернию, где он пробыл до 1875 года.

Один из первых земских статистиков В. И. Покровский, возглавивший статистическое бюро при тверской губернской земской управе, еще в 1866 г. привлекался к дознанию по делу Д. М. Каракозова и два месяца провел в заключении в Петропавловской крепости.

Глава нижегородской земской статистики Н. Ф. Анненский во второй половине 1870-х гг., находясь под негласным надзором полиции, активно

¹¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. 3-е дело-производство. Оп. 78. 1882 г. Д. 625. Ч. 2(3). Л. 172 об.-173.

¹¹⁹ В. И. Орлов // Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь / сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова; под ред. Б. П. Козьмина, Ф. Я. Кона, В. И. Невского. М., 1931. Т. II. Вып. 3. С. 1098.

¹²⁰ Отчет по делам следственной комиссии 1868 г. // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 213.

¹²¹ ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 412. Л. 1.

сотрудничал в газете «Начало», на страницах которой помещались материалы антиправительственного содержания, в связи с чем, неоднократно подвергался обыскам. В феврале 1880 г. он был арестован и посажен в Вышневолоцкую тюрьму, но по постановлению Верховной распорядительной комиссии в административном порядке выслан на три года в Тобольскую губернию.

Известный рязанский статистик В. Н. Григорьев за участие в студенческих беспорядках в Петровской земледельческой академии, в 1876 г. был арестован и выслан в Олонецкую губернию «под надзор полиции». В июле 1877 г. «с правом проживать в местностях по своему выбору» В. Н. Григорьев освобождается от полицейского надзора, но в 1879 г. его вновь «привлекли к дознанию по обвинению в государственном преступлении, ввиду полученных сведений в том, что он, будто бы, вместе с студентом Епифаном Панкеевым принимает деятельное участие в печатании революционных изданий»¹²². Проведя несколько дней в доме предварительного заключения, В. Н. Григорьев без предъявления обвинения был отпущен на свободу¹²³.

Возглавивший в 1885 г. саратовскую земскую статистику С. А. Харизоменов вел революционную агитацию среди рабочих уральских заводов, участвовал в организации землевольческих поселений в Анапе, а также в Саратовской и Тамбовской губерниях, был одним из авторов программы «Земли и воли»¹²⁴. Заведующий самарским земским статистическим бюро И. М. Красноперов являлся, до поступления на земскую службу, активным участником так называемого «казанского заговора» 1863 г., целью которого было поднять крестьянское восстание в Казанской и соседних с нею губерниях. За участие в «казанском заговоре» он был приговорен к каторжным работам сроком на восемь лет, но по «высочайшему повелению» помилован и отдан на три года под надзор полиции¹²⁵.

Согласно подсчетам Е. Г. Корнилова, в освободительном движении 1870-х гг. участвовало и подверглось в той или иной мере правительственным репрессиям 44 будущих земских статистика, среди них: 37,1% дворяне, 34,2% – выходцы из духовного сословия, 5,7% – представители купечества, 20% – из мещан и 3% составляли выходцы из крестьян¹²⁶. Думается, именно этим и можно объяснить постоянные преследования земских статистиков в конце XIX – начале XX в. со стороны правительства. Уже летом 1882 г. губернаторам земских губерний был разослан циркуляр № 2307 директора Департамента полиции В. К. Плеве, положивший начало проверкам на «политическую благонадежность» лиц, поступавших на службу в статисти-

¹²² ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 78. 1882 г. Д. 625. Ч. 2(3). Л. 208.

¹²³ См.: В. Н. Григорьев // Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. М., 1929. Т. II. Вып. 1. С. 313.

¹²⁴ См.: Лёвин С. В. С. А. Харизоменов в русском освободительном движении // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов, 1999. Вып. 17. С. 39–53.

¹²⁵ См.: Горовой Ф. С., Латин Н. А. Революционный народник Иван Красноперов // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 209–211.

¹²⁶ См.: Корнилов Е. Г. Земские статистики и служащие земских управ в революционном движении 70-х годов XIX века // Общественно-политическая мысль и классовая борьба в России в XVIII–XIX вв.: межвуз. сб. / отв. ред. И. В. Оржиховский. Горький, 1973. С. 103.

ческие отделы при губернских земских управах. «Замечено в последнее время, – говорится в циркуляре, – что многие лица весьма сомнительной политической благонадежности, поступая на службу в земства, посвящают себя занятиям по статистической части, в большинстве случаев представляющих возможность разъездов по деревням и легкого общения с сельским населением. В виду этого, признав необходимость обратить на это явление особое внимание, Департамент Государственной Полиции, предварительно каких-либо по сему поводу распоряжений, иметь честь просить Ваше Превосходительство не отказать в доставлении следующих сведений: 1) устроено ли и на каких началах в земских учреждениях вверенной Вам губернии управление или заведывание статистическою частью и 2) из каких лиц управление это состоит. При этом Департамент покорнейше просит Ваше Превосходительство не отказать в списке лиц, занимающихся в ведении земства собиранием и разработкою статистических данных, поместить и подробные сведения о прошедшем лиц, упомянутых в списке, буде таковые сведения имеются»¹²⁷. Согласно подсчетам Департамента полиции из 232 земских статистиков, числившихся на земской службе, «76 или немного более одной трети [подчеркнуто в тексте – С. Л.] всего их состава, представляются неблагонадежными в политическом отношении»¹²⁸.

В 1886 г. за подписью министра внутренних дел Д. А. Толстого появляется очередной циркуляр губернаторам, градоначальникам, обер-полицмейстерам земских губерний, в котором, в частности, говорилось: «Имея в виду, что собирание статистических сведений сопряжено с частыми разъездами по селам, заводам и фабрикам и ставит собирающих сведения в непосредственные, вне всякого контроля, сношения с сельским и фабричным населением, представляется существенно важным, чтобы лица политически неблагонадежные не допускались к занятиям земскою статистикою, а находившиеся уже на службе были отстранены от этих занятий»¹²⁹.

Постоянно усиливавшееся влияние земских статистиков на земскую жизнь, вызывало тревогу коронной администрации, как в Петербурге и Москве, так и в губернских центрах. В начале XX в. правительство вновь обрушилось с репрессиями на земских статистиков. Причиной этого стали вспыхнувшие на Украине, в частности в Полтавской и Харьковской губерниях, крестьянские восстания. Министр внутренних дел В. К. Плеве, который, по образному выражению земского статистика и общественного деятеля И. П. Белоконского, смотрел на события в этих губерниях «исключительно с полицейской точки зрения, как на результат деятельности крамолы, сосредоточенной в лице «третьего элемента», преимущественно среди земских статистиков» и потребовал от императора Николая II запретить в ряде земских губерний проведение статистических работ¹³⁰.

Таким образом, первой отличительной чертой земских статистиков можно считать их революционное прошлое. Здесь необходимо сделать определенную оговорку: большинство земских статистиков уже к началу 1890-х гг. эволюционировало с народнических позиций в сторону буржуазного

¹²⁷ ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 78. 1882 г. Д. 625. Ч. 1(4). Л. 8–8 об.

¹²⁸ Там же. Л. 177 об.

¹²⁹ Там же. Оп. 82. 1886 г. Д. 761. Л. 15.

¹³⁰ См.: Белоконский И. П. Земство и конституция. М., 1910. С. 96.

либерализма. Если в 1870-х – начале 1880-х гг. подавляющее большинство руководителей губернских земских статистических бюро находилось еще под влиянием народнических идей, то к началу 1890-х гг. – это уже «представительные буржуа», осуждавшие революционные учения. Их социальный статус и материальное положение отнюдь не располагали к революционным выступлениям. Так, глава самарской земской статистики И. М. Красноперов снимал особняк в центре города, имел собственный дачный загородный дом, содержал штат прислуги из шести человек и собственный экипаж¹³¹. Руководитель саратовского земского статистического бюро С. А. Харизоменов получил личное дворянство, имел свой дом в Саратове, а в Балашовском уезде губернии купил небольшое имение, его имущество в 1896 г. оценивалось в 4500 рублей¹³². Курский статистик И. А. Вернер в середине 1890-х гг. характеризовался Департаментом полиции как «человек вполне состоятельный»; он имел собственный магазин в Москве по продаже фонографов, который приносил доход свыше 15000 руб. в год¹³³. Размер жалованья заведующих земскими статистическими бюро был одним из самых высоких и колебался от 2000 до 3000 руб. в год. И. П. Белокопский в своих воспоминаниях указывает, что ряд его заведующих статистическими отделами при губернских земских управах с полным основанием можно отнести «скорее ко «второму» [буржуазно-либеральному – С. Л.], чем к «третьему» бесцензовому земскому элементу»¹³⁴.

Ряд статистиков неоднократно обращались к правительству с просьбами разрешить им занимать должности государственных служащих, при этом они уверяли, что окончательно порвали со своим революционным прошлым. Так, руководитель земского статистического бюро при тамбовской губернской земской управе Н. Н. Романов в своем письме на имя управляющего государственным Дворянским земельным банком просил «позволить» ему «служить в центральном управлении Дворянского банка», а глава черниговской статистики П. П. Червинский – «в местных учреждениях Крестьянского или Дворянского банков», при этом оба заявляли о своей «политической благонадежности»¹³⁵. И. А. Вернер обратился к директору Департамента полиции с просьбой снять с него полицейский надзор и разрешить занимать должности на государственной службе. «Смею заверить Ваше Превосходительство своим честным словом, – писал он, – что я оправдаю такое доверие и окажусь верным подданным моего государя»¹³⁶.

Второй характерной чертой служащих земских статистических бюро является их высокий образовательный уровень, который признавался как земскими гласными, так и правительственными чиновниками. Самарский губернатор В. Г. Кондоиди, говоря о «проникновении» в земскую жизнь

¹³¹ См.: Красноперов И. М. Воспоминания земского статистика (1872–1902) / подгот. текста, предисл. и прим. Ю. И. Соколова. М., 2008. С. 91.

¹³² См.: Лёвин С. В. С.А. Харизоменов. Общественная и научная деятельность: дис. ...канд. ист. наук. Саратов, 1999. С. 137–138.

¹³³ См.: ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 79. 1883. д. 1563. Л. 91–92.

¹³⁴ Белокопский И. П. В годы бесправия: Воспоминания. М., 1930. С. 98.

¹³⁵ ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 81. 1885. Д. 603. Л. 1–1 об.

¹³⁶ Там же. Оп. 79. 1883. Д. 1563. Л. 38.

«третьего элемента», констатировал его высокий образовательный, а следовательно, и профессиональный уровень. «Нельзя не отдать должной справедливости этому фактору, он состоит из особей, обладающих большим запасом научных теоретических познаний, которые поднимают и завоевывают им авторитет в местном обществе...», – говорил В. Г. Кондоиди¹³⁷. «Значение повышенного интеллектуального уровня, <...>, вырастает до громадных размеров, если принять во внимание то влияние, какое он оказывает на общий ход работы, в особенности такой сложной, как земская статистика», – указывал А. В. Пешехонов¹³⁸.

Применительно к 1870-м – 1880-м гг. И. П. Белоконский привел следующие данные о своих коллегах: из 28 руководителей земских статистических бюро 7 человек имели высшее юридическое образование, 1 – высшее техническое, 2 окончили историко-филологический факультет, 2 – математический, 1 – медицинский, 1 руководитель имел два высших образования – юридическое и историко-филологическое, 6 – окончили курсы различных агрономических учебных заведений и 8 человек имели среднее образование (или неоконченное высшее, поскольку участие в народническом движении 1870-х гг. прервало их обучение в высших учебных заведениях)¹³⁹. В начале 1900-х гг. 14% земских статистиков имели высшее образование, 11% – незаконченное высшее, 49,4% – среднее и 25,6% – ниже среднего¹⁴⁰. Здесь необходимо заметить, что определенное снижение образовательного уровня земских статистиков во второй половине 1890-х – начале 1900-х гг. связано с вступлением в силу закона от 8 июня 1893 г. «Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами», который главной задачей земской статистики определил оценочные работы и поставил статистические работы земств под полный контроль правительства. Для проведения оценочных исследований требовались оценщики и технический персонал, в обязанности которого входила, главным образом, регистрация первичных данных. Колоссальные объемы оценочных работ, которые должны были выполнены в кратчайшие сроки, однообразная методика подсчета требовали не высокообразованных статистиков-теоретиков, а рядовых исполнителей – техников-оценщиков, счетчиков, регистраторов. Наглядно эти произошедшие изменения иллюстрирует штат сотрудников саратовского оценочно-статистического отделения на 1 апреля 1902 года. Из 8 служащих только двое имели высшее образование, классическую гимназия закончили также 2 человека, реальное училище – 3 и один сотрудник имел за своими плечами техническое училище. «Первое, что бросается в глаза при сравнении теперешних статистических бюро с прежними, – писал А. В. Пешехонов, сравнивая кадровый состав земских статистических отделов 1880-х годов с началом 1900-х годов, – это резкое умножение кадра низшего статистического персонала – счетчиков. Теперь уже не редкость, что число их в том или ином бюро

¹³⁷ Самарская газета. 13.01.1900. № 9. С. 1.

¹³⁸ Пешехонов А. В. Кризис в земской статистике // Русское богатство. 1901. № 12. С. 177.

¹³⁹ Белоконский И. П. Земство и народное хозяйство: Статистика // Северный вестник. 1892. № 5. С. 19-20.

¹⁴⁰ См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 27. 1902 г. Д. 651. Л. 44.

достигает нескольких десятков. Умножившись в своей численности и сделавшись постоянным элементом статистических организаций, эта группа постепенно стала обособляться, все более и более уклоняясь по своему составу от обычного, свойственного земско-статистической профессии, типа. Скудно вознаграждаемый и пополняемый лицами далеко не всегда интеллигентными, контингент счетчиков в отдельных в отдельных случаях спускается уже до уровня «барышень» конторского типа, не имеющих подчас никакого представления о задачах исследования и общем плане работы и пригодных лишь для выполнения изолированных и несложных функций»¹⁴¹.

Счетчик занимался главным образом подсчетом, проверкой и обработкой собранных первичных данных, группировкой цифрового материала и сведением его в статистические таблицы. А. В. Пешехонов так писал об обязанностях счетчиков: «Они должны выполнить первую критику материалов, взвесить достоинства и недостатки каждой отдельной записи, заметить неполноту в них и возможные несообразности, суметь дополнить неполное и откинуть нелепое или, по крайней мере, обратить на все это внимание, <...>, счетчик должен ясно представлять себе те формы, в которых записи, которыми он пользуется, могли быть или могут быть использованы для других целей и суметь, в видах сбережения труда, сделать все необходимое для исправления работы уже выполненной и облегчения работы предстоящей»¹⁴². Чтобы успешно выполнять свою работу, счетчик должен был иметь относительно высокий уровень образованности и определенные знания математического счета.

Однако самой низкооплачиваемой группой среди земских статистиков были регистраторы. В их обязанности входил сбор первичных статистических сведений, главным образом путем устного опроса крестьян на сходе. Для сотрудника, занимавшего эту должность, наиважнейшим качеством являлось умение вести опрос и выслушивать ответы крестьян. «Земский регистратор должен опросить каждого домохозяина – и не только опросить: он должен поставить каждый вопрос удобопонятным образом, навести опрашиваемого на соответствующий смыслу вопроса ответ, помочь ему сообразить, что нужно, подметить всякую неточность, добиться согласованности в ответах на отдельные вопросы; роль его становится, в значительной мере, творческою: он не только воспринимает ответы, даваемые на определенные вопросы, но комбинирует их между собой, проверяет и исправляет...», – писал о функциях регистратора А. А. Кауфман¹⁴³. На должности регистратора очень часто принимался временный персонал, поскольку на столь тяжелую работу с низкой оплатой труда найти подготовленного, «сведущего в деле статистики», работника было весьма затруднительно.

Оплата труда служащих земского статистического отделения в начале 1900-х гг. была на порядок выше оплаты труда статистиков в 1880-е годы. Минимальный размер жалованья (840 руб. в год) среди сотрудников саратовского губернского земского оценочно-статистического отделения весной 1902 г. имел лишь один 28-летний крестьянин М. В. Беляков, трудившийся в должности статистика. У остальных служащих размер оплаты

¹⁴¹ Пешехонов А. В. Кризис в земской статистике. С. 180.

¹⁴² Там же. С. 177–178.

¹⁴³ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 289.

труда варьировался от 1000 до 1500 руб. в год, а у заведующего отделением Н. Н. Черненкова он составлял 2400 рублей¹⁴⁴. В 1880-е гг. оплата труда статистика-счетчика, занимавшегося сведением цифрового материала в статистические таблицы, составляла не более 60 руб. в месяц. Как явствует из расписки сотрудников самарского губернского земского статистического бюро в получении жалованья за май-сентябрь 1887 г., счетчики получали от 40 до 60 руб. ежемесячно, регистраторы – 20–30 рублей¹⁴⁵. Примерно столько же платили и временному персоналу. Некоторые земства в целях экономии денег для «сводно-счетных работ» приглашали женщин. Именно так объяснял председатель саратовской губернской земской управы М. С. Кропотов принятие на службу в статистическое бюро некой Е. Ф. Алферовой. В своем письме от 12 июля 1883 г. саратовскому губернатору А. И. Косичу он, в частности, отмечал: «Имея в виду, что женский труд в настоящее время оплачивается дешевле, нежели мужской, так что только приглашением женщин на места подсчетчиков в статистическое отделение Управа может исполнить возложенную на нее земским собранием обязанность – собрать и обработать статистические данные по экономическому положению населения губернии, – не выходя за пределы назначенной Собранием на этот предмет сметной суммы – губернская управа сочла себя вправе и по необходимости должна была пригласить г-жу Алферову для занятий счетными работами при статистическом отделении управы»¹⁴⁶.

Земские статистики отличались довольно пестрым социальным составом. Конечно, больше всего среди земских статистиков было разночинцев, но на службу в земские статистические отделы поступали и дворяне, купцы, бывшие священнослужители. Так, И. А. Вернер, В. С. Пругавин, П. П. Червинский, Н. Н. Черненко по происхождению были дворянами, Н. Ф. Анненский – из семьи чиновника, А. В. Пешехонов – разночинец, Е. М. Панкеев – из купеческой семьи, С. А. Харизоменов – из семьи священнослужителя.

Выделялись земские статистики и сравнительно молодым возрастом. В 1880-е гг. он составлял 30–35 лет, оставаясь неизменным и в последующие десятилетия. Думается, этому можно дать следующее объяснение: в 1880-х гг. земскими статистиками становились выпускники вузов, а большей частью вчерашние студенты, бросившие учебу, чтобы «идти в народ». После принятия 8 июня 1893 г. «Правил оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» штат служащих губернских земских статистических бюро стал пополняться опять-таки молодыми в большинстве случаев специалистами – техниками, оценщиками, счетчиками, в обязанности которых входили простые счетные операции, не требовавшие глубоких знаний в области теории статистики, математики и т. д., а также большого опыта практической работы.

¹⁴⁴ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 1427. Л. 17 об.–18.

¹⁴⁵ См.: Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 5. Оп. 9. Д. 179. Л. 24, 79, 92 об.

¹⁴⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3644. Л. 161. В штате Самарского земского статистического бюро за 1887 год значится, с окладом в 20 рублей, жена заведующего И. М. Красноперова О. В. Левочская, очевидно, выполнявшая временную работу регистратора или счетчика. (ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 179. Л. 79, 92 об.).

Третьим штрихом к социально-историческому портрету земских статистиков следует отнести их корпоративность. «Статистические бюро, – отмечал А. В. Пешехонов, – отлились в форму коллегий, состоявших из равноправных людей, родственников по типу и объединенных между собою общностью интересов, тождеством работы и близким знакомством друг с другом, – коллегий, существовавших без каких-либо статуты, но тем не менее прекрасно функционировавших внутри и дружно реагиовавших во внешних сношениях»¹⁴⁷. Едва возникнув, эта категория «третьего элемента» довольно быстро оформилась организационно. В составе юридического общества при Московском университете было создано и продуктивно функционировало статистическое отделение, на заседаниях которого обсуждались актуальные теоретические и практические вопросы статистики и проведения статистических исследований на местах. Кроме того, статистикам удалось организовать свою подсекцию в составе секции географии на съездах русских естествоиспытателей и врачей. Нельзя не согласиться с высказыванием А. А. Кизеветтера, что «с середины 90-х годов начинают играть все более заметную роль в формировании общественного мнения профессиональные съезды, на которых земский «третий элемент» встречался и выступал рука об руку с общественными работниками, действовавшими и вне рамок земской организации, а также и с прогрессивными земцами и городскими деятелями, и таким образом эти выражения широкого общественного мнения»¹⁴⁸. «Нарушая установленные границы, земства и земские статистики стремились к самому широкому объединению общественных сил», – справедливо подчеркнул В. Ф. Абрамов, рассматривая организационную деятельность земских статистиков¹⁴⁹.

Если на IX съезде естествоиспытателей и врачей присутствовало около 100 статистиков, то на X съезде уже 120 чел., на XI – 138, а XII съезд собрал около 400 статистиков¹⁵⁰. Данные цифры наглядно свидетельствуют о постоянном увеличении численности земских статистиков.

Участие земских статистиков в работе съездов естествоиспытателей и врачей делало ее более продуктивной. Кроме того, согласно свидетельству современников, проезд земских статистиков на каждый съезд значительно оживлял общественно-политическую жизнь города. «В 1894 г., – вспоминал А. А. Кизеветтер, – в Москве происходил IX-й съезд естествоиспытателей и врачей. При этом съезде была образована при географической секции подсекция статистики. Это дало возможность съехаться в Москву из разных губерний земским статистикам, составлявшим одну из наиболее влиятельных групп в земском «третьем элементе». Приезд земских статистиков очень оживил Москву. В различных частных домах был устроен ряд политических обедов, на которых речи лились рекой, все в духе признания невозможности оставаться долее при старом порядке, который не удовлетворяет новым

¹⁴⁷ Пешехонов А. В. Кризис в земской статистике. С. 173.

¹⁴⁸ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 164.

¹⁴⁹ Абрамов А. Земская статистика: организация и практика (к 130-летию основания) // Вопросы статистики. 1996. № 3. С. 70.

¹⁵⁰ Лёвин С. В. Земские статистики на съездах русских естествоиспытателей и врачей // Власть. 2011. № 4. С. 129–131.

жизненным требованиям»¹⁵¹. Такое свидетельство А. А. Кизеветтера представляется вполне закономерным, поскольку земских статистиков отличала активная жизненная позиция; они всегда принимали самое деятельное участие в общественной жизни того губернского города, где они проводили статистические работы. «С появлением статистиков в том или ином городе, – отмечал в своем докладе на XI съезде русских естествоиспытателей и врачей А. В. Пешехонов, – возникали и оживали всякого рода культурные предприятия и вновь приходили в упадок вместе с исчезновением их»¹⁵². Думается, высказывание А. В. Пешехонова излишне категорично. Конечно, культурная жизнь губернского города с отъездом заведующего земским статистическим бюро не прекращалась, да и «всякого рода культурные предприятия» далеко не всегда и не везде «приходили в упадок» с «исчезновением» из губернского центра земских статистиков. Но земские статистики, говоря словами Е. В. Чернышевой, «были в большей степени, чем другие категории земских специалистов, интегрированы в национальное и научное пространство»¹⁵³. «Третий элемент», как образно выразилась О. Л. Протасова, являлся, своего рода, «ферментом общественного брожения в стране»¹⁵⁴.

Постоянно усиливавшееся влияние «третьего элемента», а значит и статистиков, на земскую жизнь, вызывало тревогу коронной администрации, как в Петербурге и Москве, так и в губернских центрах. Директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел, действительный статский советник, реакционер Б. В. Штюрмер в своем отчете о проводившейся им проверке («ревизии») Тверского земства в 1903 г., подчеркивал, что «действительная власть в направлении земских дел мало по малу перешла к лицам, служащим в земстве по найму»¹⁵⁵.

Таким образом, если в земстве своей демократичностью, профессионализмом, ответственным отношением к делу выделялся «третий элемент», то в нем, в свою очередь, сформировался передовой отряд наемных земских служащих – статистики. Ими становились вчерашние участники «хождения в народ» и землевольческих поселений, по разным причинам отошедшие от революционного движения, но не утратившие веру в народ и желание помогать ему. К своей работе земские статистики относились со всей ответственностью и энтузиазмом. Они много сделали для изучения крестьянского хозяйства пореформенного периода, составлявшего главную производительную силу страны.

¹⁵¹ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 141.

¹⁵² Пешехонов А. В. Внешние условия земско-статистических работ // Труды под-секции статистики XI съезда русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге 20–30 декабря 1901 г. СПб., 1902. С. 478.

¹⁵³ Чернышева Е. В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х – 1914 годы) в отечественной историографии: автореф. дис. ...докт. ист. наук. Челябинск, 2011. С. 22.

¹⁵⁴ Протасова О. Л. А. В. Пешехонов. Человек и эпоха. М., 2004. С. 14.

¹⁵⁵ Цит. по: Веселовский Б. Б. История земства. СПб., 1911. Т. III. С. 551.

ЖИЗНЬ И БЫТ СОВЕТСКИХ РАБОЧИХ ИНОСТРАННЫХ КОНЦЕССИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В 1920-Е ГОДЫ

Жилищный вопрос в России – один из самых традиционных и важнейших в повестке дня страны независимо от эпохи: дореволюционной, советской или постсоветской. В различные исторические периоды предпринимались попытки как-то разрешить эту проблему: устройство коммуналок в «буржуйских домах», за счет иностранных концессионеров, строительство панельных пятиэтажек во времена Н. С. Хрущева, массовое панельное строительство времен «застоя», строительство жилья эконом класса в настоящее время.

В дореволюционной России жилищное хозяйство в основном находилось в руках частных предпринимателей. По низкому уровню благоустройства и уплотненности жилища, а также антисанитарии Российская империя занимала первое место в Европе. По статистике средняя обеспеченность жилой площадью в городах России в 1913 г. составляла 4,5 м², в то время как фактическая обеспеченность была еще ниже¹⁵⁶. Накануне Первой мировой войны жилищный фонд городов России составлял 180 млн. м² общей площади. На 80% он состоял из одноэтажных деревянных и малоразмерных домов, находившихся в собственности граждан¹⁵⁷.

После Октября 1917 г. новая власть приступила к решению жилищной проблемы в соответствии со своими программными документами. Так, декрет СНК РСФСР от 23 ноября 1917 г. «Об отмене частной собственности на городские недвижимости» и декрет ВЦИК от 6 декабря 1917 г. «О запрещении сделок с недвижимостью»¹⁵⁸ предполагали изъятие из частного владения крупных капиталистических домов и строений и передачу их в ведение советов. Декретом от 25 мая 1920 г. «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения» изъятию подлежала вся жилая площадь сверх норм, установленных исполкомами местных советов, как у граждан, так и учреждений¹⁵⁹. В результате с 1917 по 1921 гг. в руках местных советов в городах удалось сосредоточить около 18% жилых домов.

Решая жилищную проблему, руководство страны в основном делало акцент на перераспределение и уплотнение уже существовавшего жилого фонда. Поэтесса И. Одоевцева в своих воспоминаниях писала: «В Москве, на Басманной, в квартире из шести комнат двадцать один жилец всех возрастов и всех полов живут в тесноте и в обиде:

¹⁵⁶ См.: Брокер Д. Л. Современные проблемы жилищного хозяйства. М., 1961. С. 56.

¹⁵⁷ См.: Дмитриев Н. Жилищный вопрос: Два мира – два подхода. М., 1973. С. 71.

¹⁵⁸ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 137.

¹⁵⁹ См.: Там же. С. 135.

*Эх, привольно мы живем –
Как в гробах покойники:
Мы с женой в комодке спим,
Теща в рукомойнике»¹⁶⁰.*

Финский историк Т. Вихавайнен подчеркивал, что XX в., обычно представляемый «эпохой потрясений и ложных решений, убийственных заблуждений и опрометчивых интриг», в то же время был эпохой невиданных социальных перемен¹⁶¹. В переломные эпохи обыденность превращалась в центр активного культурогенеза: именно в коллизиях бытовой неустроенности формировался образ будущего.

Обратимся к опыту советской власти, которая попыталась за счет концессионеров решить жилищный вопрос для рабочих. При заключении коллективных договоров центральные комитеты отраслевых профсоюзов требовали от концессионеров улучшения жилищных условий рабочих, введения в эксплуатацию нового жилья, предоставления площади в соответствии с законодательно определенными нормами¹⁶².

Получив разрешение на концессионную деятельность, иностранные предприниматели ремонтировали дома, расположенные на территории концессии, и строили новое жилье. Заместитель УНКЗ на юго-востоке России Н. С. Дмитриев в докладе по обследованию деятельности сельскохозяйственной концессии «Маньч» писал: «Концессионером отремонтированы старые дома и довольно деятельно производятся новые постройки»¹⁶³. Кроме того, регулярно проводились уборка и дезинфекция общежитий и квартир. В концессии «Друзаг» все помещения (жилые и нежилые) были освещены электричеством. Так же отмечалось, что все новое жилье «просторно, светло и со всеми удобствами»¹⁶⁴.

Однако в зависимости от того, какая задача стояла перед комиссией, можно встретить совершенно противоречивые результаты проверок. Если одна комиссия писала положительный отзыв, то другая – отрицательный. Это заметно по результатам проверок концессии «Друзаг». Если выше нами приведены положительные отзывы, то Постоянная комиссия по наблюдению за выполнением концессионного договора в акте проверки отметила совершенно противоположное: «Жилищные условия рабочих в неудовлетворительном состоянии (деревянные полы сгнили, нет вентиляции, отсутствуют баки с кипяченой водой, мыло выдается один раз в месяц, полотенце нет)»¹⁶⁵.

Несмотря на усилия властей, обеспеченность жилья оставалась довольно низкой. Минимальные размеры жилой площади были определены в

¹⁶⁰ Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988. С. 245–246.

¹⁶¹ Цит. по: Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930-е годы. СПб., 1999. С. 5.

¹⁶² См.: Юдина Т. В. Иностранный капитал в жилищной сфере России в 1920-е гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 310. С. 100.

¹⁶³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 931. Л. 2.

¹⁶⁴ Там же. Д. 921. Л. 268.

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1678. Л. 2.

размере 6 куб. сажень на человека¹⁶⁶, хотя в каждом коллективном договоре предусматривались свои нормы жилья. Например, на концессии «Лена Гольдфилс» общая жилая площадь на одного проживающего составляла 5,57 кв. м¹⁶⁷. На концессии «Тетюхе» на одного человека в среднем приходилось 1,85 кв. м: в общежитии площадь равнялась 3,2 кв. м жилой площади на человека, служащим и администрации концессии выделялось по 4,4 кв. м¹⁶⁸. На сельскохозяйственной концессии «Маньч» для постоянных рабочих и служащих выделялось не менее 40 куб. аршин на каждого члена семьи, а для холостых работников 3–4 кв. м. При этом жилье делилось на следующие виды: квартиры для семейных рабочих и служащих, комнаты в общежитиях для одиноких рабочих (мужчин и женщин), бараки.

Чтобы контролировать деятельность концессий, а также с целью проверки выполнения условий коллективных договоров правительственные инспекции и различные комиссии не менее одного раза в год посещали концессионные предприятия (фактически значительно чаще). В своих отчетах они указывали не только на положительные факты деятельности, но и на недостатки.

Правительственная инспекция в ходе проверки концессии Крупна «Маньч» обратила внимание на то, что «... оборудование концессии ... необходимыми постройками идет крайне медленно. <...> Жилых помещений для рабочих и хозяйственных служб недостаточно. Некоторые помещения, занятые рабочими для жилья непригодны, ибо не удовлетворяют самым скромным санитарно-гигиеническим требованиям. <...> Квартиры штатных служащих и рабочих отличаются относительным простором, чистотой и некоторыми достаточными удобствами»¹⁶⁹. На сельскохозяйственной концессии «Друаг» условия проживания администрации и рабочих резко контрастировали: «Сравнительно с рабочими, она (администрация) живет в очень хороших условиях: чистенькие, с деревянными полами комнаты, в окнах сетки от комаров, кровати завешаны густыми сетками от тех же комаров, чистое постельное белье и пр.»¹⁷⁰.

Как правило, сотрудниками правления концессий и служащими были иностранцы. Приглашая их на работу, концессионер предлагал им улучшенные условия проживания в отличие от рабочих, которые были из числа русского населения. Врач Северо-Кавказского краевого управления здравоохранения Каминик отмечал: «В то время как немцы имеют довольно благоустроенные жилые помещения, рабочие помещаются в строениях барачного типа... <...> Барачные постройки не везде соответствуют всем необходимым требованиям санитарии и гигиены»¹⁷¹. Однако бывали и исключения, в основном для семейных рабочих, которые «... большей

¹⁶⁶ См.: Токунова Г. Ф. Строительная отрасль в периоды экономических кризисов XX века // Экономическое возрождение России. 2010. Т. 26. № 4. С. 126. (1 сажень равна 2,134 метра).

¹⁶⁷ См.: Юдина Т. В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы НЭПа. Волгоград, 2009. С. 214.

¹⁶⁸ См.: Там же. С. 223.

¹⁶⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1085. Л. 52.

¹⁷⁰ Юдина Т. В. Советские рабочие и служащие. С. 228.

¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1763. Л. 19.

частью квалифицированные, занимали помещения более или менее удовлетворявшие жилищным нормам»¹⁷².

Если концессионер не имел возможности обеспечить жильем работников, то он мог частично возмещать им оплату коммунальных услуг, либо снимать или оплачивать жилье. Размеры оплаты регулировались постановлениями советских органов власти и обязательно согласовывались с профсоюзом. Под коммунальными услугами понималось предоставление квартиры, отопления, освещения, водоснабжения, бани, прачечной, хранилищ для продуктов питания в летнее время, а также очистка нечистот и дымовых труб, дезинфекция жилья «в борьбе с паразитами»¹⁷³.

По сведениям Рабочкома, около 15 работников концессии «Маныч» вынуждены были снимать квартиры в ближайших селах. За коммунальные услуги концессионер платил им по 5 руб. в сутки¹⁷⁴. На концессии «Лена Гольдфилс» оплата коммунальных услуг производилась путем удержания сумм из заработной платы, а за жилье казарменного типа плата не взималась¹⁷⁵.

Для холостых рабочих были предусмотрены общежития. Заведующий секретариатом КК НКЗ Морыгалов отмечал их удовлетворительное состояние на концессии «Маныч»: наличие умывальников, кипяченой воды, кроватей, электрического освещения и уборной.

Следует отметить, что такое положение было характерно не для всех концессионных предприятий. Так, на концессии «Тетюхе» «общежития для холостяков переполнены до невозможности (особенно общежития восточных рабочих), уборка в помещениях общежитий производится ненормально: не моются совершенно полы, матрацы всем рабочим не выдаются, тумбочками не снабжены»¹⁷⁶; а иногда в одной комнате с 3–4 холостыми рабочими жили два семейных рабочих¹⁷⁷.

По условиям коллективного договора концессионеры обязаны были обеспечивать сезонных рабочих жильем – общежитием или палатками. Однако из-за отсутствия общежития часть рабочих ночевала в сарае для скота «на сыром грязном полу, даже без соломы». Часть размещалась в кукурузном амбаре, не приспособленном под жилье. В жалобах работниц концессии «Маныч» указывалось: «в полу большие щели, стены забраны редко камышом, во время ветра и пыли <...> в сарае нет никакого спасения»¹⁷⁸.

Полевые рабочие вместо брезентовых палаток жили в соломенных шалашах. При этом нередко были случаи, когда мужчины и женщины вынуждены были размещаться в общих шалашах. Такая ситуация была характерна для многих концессий. Так, на концессии «Друаг» «для сезонных рабочих помещения совершенно отсутствовали, и они спали где попало»¹⁷⁹.

¹⁷² ГАРФ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1005. Л. 181.

¹⁷³ Юдина Т. В. Советские рабочие и служащие. С. 217.

¹⁷⁴ См.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1162. Л. 128.

¹⁷⁵ См.: Юдина Т. В. Советские рабочие и служащие. С. 217.

¹⁷⁶ Там же. С. 225.

¹⁷⁷ См.: Там же. С. 223.

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1675. Л. 39.

¹⁷⁹ Юдина Т. В. Советские рабочие и служащие. С. 227.

Следует отметить, что иногда профсоюзы предъявляли завышенные требования к концессионерам или выдвигали заведомо невыполнимые условия. Управляющий концессией «Маныч» просил убедить профсоюз отказаться от требования соорудить следующие постройки: жилых домов на 25 квартир для женатых рабочих, больницы на 10 кроватей с квартирой для врача, яслей на 25 детей¹⁸⁰. Свой отказ в решении этого вопроса он мотивировал тем, что материальное положение концессии довольно сложное. К тому же за короткий промежуток времени не реально построить жилье при отсутствии строительных материалов.

Кроме обеспечения жилья концессионеры должны были снабжать рабочих питанием. Перечень продуктов включал крупу, муку, сахар, соль, масло, чай, овощи, а иногда и мясо. При этом размеры продовольственных пайков устанавливались в зависимости от возраста члена семьи. В коллективных договорах этот пункт не всегда был четко прописан. В договоре с концессией «Маныч» было сказано: «всем штатным, сезонным и временным рабочим могут отпускатся по их желанию, для личного потребления продукты питания, производящиеся концессией»¹⁸¹. Несмотря на это, на концессии имелась столовая, и обеды стоили недорого – 34 коп. Однако качество продуктов было неудовлетворительное. Комиссия, состоявшая из фельдшера и представителей охраны труда и администрации, не раз выявляла некачественное мясо. Ею отмечалось, что на рабочую кухню посылался только больной скот, который скоро должен был умереть¹⁸².

Такое же положение наблюдалось на концессии «Лена Гольдфильдс»: «Продаваемое в лавках мясо, собственно, нельзя назвать и мясом, оно не годно к питанию. Мясо, которое продает нам концессия, обыкновенно обливают керосином, а мы здесь едим его. Администрация старается на каждом шагу урвать у рабочего – вместо фунта продает $\frac{3}{4}$ и т. д.»¹⁸³. И это несмотря на то, что в продовольственных лавках имелось хорошее мясо.

На концессии «Друзаг» также имелись столовые, в которых рабочие могли обедать и ужинать. Однако имелись случаи получения хлеба и картофеля вместо полноценного питания.

На концессионных предприятиях проводилась и культурно-просветительская работа. На концессии «Маныч», согласно коллективному договору, был выстроен клуб, в котором работали кружки кройки и шитья, драматический, тракторный, стрелковый. Из Германии были привезены разные игры и музыкальные инструменты. Клуб вмещал 200 человек. 2–3 раза в неделю показывалось кино. Чтобы предоставить всем желающим возможность читать, была оборудована передвижная изба-читальня¹⁸⁴. Кроме того, имелась хорошая библиотека. Однако правительственная комиссия считала, что отбор литературы проводился невнимательно, потому что на полках стояли такие книги: Л. Толстой «Анна Каренина», «Исповедь»; полное собрание стихотворений С. Есенина. Особое недовольство вызвали книги Л. Толстого, М. Горького, Дж. Лондона, пользовавшиеся

¹⁸⁰ См.: ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1773. Л. 33.

¹⁸¹ Там же. Д. 1675. Л. 38.

¹⁸² См.: Там же.

¹⁸³ Юдина Т. В. Советские рабочие и служащие. С. 163.

¹⁸⁴ См.: ГАРО. Ф. 3555. Оп. 1. Д. 40. Л. 17.

большим спросом у читателей. По мнению членов комиссии, подобная литература оказывала вредное влияние на сознание людей¹⁸⁵.

На одном из предприятий концессии «Мологолес» культурно-просветительная работа велась приглашенными специалистами в клубе, «обставленном довольно хорошо», имелись библиотека, радиоприемник, выделялись средства на проведение культурно-массовых мероприятий. Концессия «Тетюхе» на свои средства финансировала содержание клуба, библиотеки, красного уголка, школы грамоты и отчисляла 0,5% средств на проведение культурной работы¹⁸⁶.

Деятельность клубов была ориентирована не только на русских рабочих, но и иностранных. Нередко она способствовала сплочению коллектива. Так, немецкий рабочий Гастроп с концессии «Шток» писал: «... когда мы вступили в союз, мы начали принимать участие в культурной работе. Благодаря этому русские увидели, что мы ни в коем случае не являемся защитниками интересов администрации. Положение значительно улучшилось. Сегодня между организованными немецкими и русскими рабочими царит самое дружеское отношение, чего прежде не замечалось»¹⁸⁷. Инспектор труда Казак отмечал наличие школы 1-й ступени, в которой обучались 44 ученика. Предприятие взяло на себя полное обеспечение преподавателей, ремонт, отопление и освещение школы¹⁸⁸.

Следует отметить, что концессионер наталкивался на значительные препоны со стороны как центральных, так и местных властей, но и само строительство велось медленными темпами. Кроме того, администрация концессий считала, что советские органы по охране труда предъявляют «непосильные для предприятий требования, в особенности в отношении строительства домов для рабочих»¹⁸⁹.

Несмотря на строительство нового жилья и ремонт старого, обеспеченность жильем оставалась низкой. Организация клубов и проведение культурно-массовых мероприятий способствовали культурно-нравственному и образовательному уровню развития рабочих концессионных предприятий.

Т. Г. Недзелюк (Новосибирск)

ГЕНДЕРНЫЕ ПРАКТИКИ В КАРТИНЕ МИРА СИБИРСКИХ КАТОЛИКОВ

Находящийся в нашем распоряжении эмпирический материал позволяет судить о множественности картин мира в религиозном сообществе не только в зависимости от национальной идентификации или уровня образованности и профессиональной принадлежности. Бесспорно, важную роль в формиро-

¹⁸⁵ См.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1229. Л. 34–35.

¹⁸⁶ См.: Юдина Т. В. Советские рабочие и служащие. С. 261.

¹⁸⁷ Там же. С. 270–271.

¹⁸⁸ См.: ГАРО. Ф. 3555. Оп. 1. Д. 40. Л. 18.

¹⁸⁹ Юдина Т. В. Советские рабочие и служащие. С. 234.

вании картины мира играет гендерный фактор. Обыкновенно, характеризуя гендерный фактор, исследователи останавливаются на женской социальной роли. Мы считаем необходимым охарактеризовать и мужскую, и женскую гендерные картины мира. Наша цель – не просто выявить роль и статус мужчины и женщины в католичестве, но определить степень влияния конкретной религиозной системы на формирование гендерных отношений, стереотипов, норм и идентичностей. К задачам нашего исследования относятся: анализ гендерных отношений, сложившихся в рамках религиозной традиции католицизма, и их трансформация в условиях Сибири, выявление стереотипов надлежащего мужского и женского поведения.

Н. Л. Пушкарева, анализируя работы Л. А. Киркпатрика¹⁹⁰, сделала вывод, что: «Образ Бога – это образ идеального отца... мужская социальная роль весомее, престижнее, директивнее»¹⁹¹. Психолог и культуролог Э. Эриксон¹⁹² предположил, что религия связана с неким базовым доверием, и это чувство конструируется именно матерью¹⁹³. «Разумеется, у католиков образ Бога чаще ассоциируется с Матерью, нежели у представителей других конфессий – коммуникативное поведение современных католиков вообще довольно часто отличается соотнесенностью с женской социальной ролью»¹⁹⁴.

Роль мужчины в любой христианской общине, действительно, более весома и директивна. Данное утверждение справедливо относительно стабильного существования конфессионального социума. Священнослужителем в католической церкви, как сегодня, так и сто, и тысячу лет назад, может стать только мужчина, синдиком и приходским старостой – тоже. Сибирские реалии таковы, что в отсутствие священнослужителя мужчины, главы семей, брали на себя заботу о поддержании веры и стабильном существовании религиозного социума.

Анализ массива переписки католиков г. Ишима Тобольской губернии с Могилевской римско-католической духовной консисторией позволяет составить представление о фигуре синдика¹⁹⁵. Назначение мирян на церковные должности органиста, синдиков, кандидатов происходило ежегодно на общем собрании прихожан и утверждалось рапортом руководителя деканата митрополиту, где сообщалось, что представляемые лица отличаются примерным поведением и усердием, под судом не состояли и не состоят¹⁹⁶. В обязанности синдиков входило организация общих церковных собраний и поддержание порядка во время их заседания, содержание церковных построек в надлежащем виде, контроль за расходом церковных денег. Узнаём, что по ходатайству синдиков, «доверенных жителей-католиков

¹⁹⁰ См.: *Kirkpatrick L.A.* An attachment-theory approach to the psychology of religion // *International Journal of the Psychology of Religion*. 1992. № 2. P. 3–28.

¹⁹¹ *Пушкарева Н. Л.* Религия и гендер в новейших работах зарубежных ученых // *Гендер и религия: Сборник статей*. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 9–10.

¹⁹² См.: *Ericson E. N.* *Childhood and Society*. N. Y., 1963.

¹⁹³ Цит. по: *Пушкарева Н. Л.* Указ. соч. С. 10.

¹⁹⁴ Там же. С. 11.

¹⁹⁵ Синдики – члены приходского совета; в официальной переписке с Тобольским губернским правлением синдики поименованы «доверенными лицами».

¹⁹⁶ См.: Российский государственный исторический архив (Далее – РГИА). Ф. 826. Оп. 1. Д. 125. Л. 35, 40.

г. Ишима, мещан Альбина Пазерского и Анастасия Садовского», в ДДД ИИ МВД было сделано распоряжение Тобольскому губернскому правлению о разрешении строительства в этом городе римско-католического молитвенного дома¹⁹⁷.

Членами церковного совета избирались наиболее авторитетные и деятельные мужчины. В 1915 г. появился новый человек, ходатайствовавший «от лица всех католиков Ишима» перед «Его Преосвященством митрополитом всех римско-католических церквей в Российской империи», – Иосиф Михайлович Мицкевич¹⁹⁸. Стараниями обновленного состава синдиков Ишимского римско-католического костела – Петра Ивановича Буйневича, Бронислава Викторовича Дудзинского и Франца Антоновича Герчиса, проживавших в Ишиме Тобольской губернии, 11 сентября 1917 г., по всем правилам канцеляристского искусства, было составлено «Постановление... об открытии при нашем костеле самостоятельного Ишимского прихода». Постановление подписано всеми присутствовавшими на собрании взрослыми мужчинами-католиками и заверено костельной печатью. Приведенные выше на материалах Ишимского приходского совета аргументы позволяют сделать вывод о влиянии гендерных ролей и стереотипов на конфессиональную картину мира католиков данного прихода.

Грамотно составленные тезисы «Постановления» подтверждают гражданскую состоятельность избранных членов церковного совета. Требования об учреждении в Ишиме самостоятельного церковного прихода подкреплены следующими аргументами. «1. В г. Ишиме имеется каменный костел, освященный 29 июня 1917 г.; 2. В г. Ишиме и в его уезде имеется около двух тысяч католиков; 3. С ежегодным увеличением католического населения ведение метрических книг при Тобольском костеле сопряжено с большими затруднениями; 4. При Ишимском костеле имеется готовая квартира для ксендза; 5. При наличии вышеозначенного количества прихожан материальный быт ксендза будет вполне обеспечен путем самообложения прихожан на содержание его»¹⁹⁹.

Инициатива приглашения понравившегося священнослужителя в качестве настоятеля также исходила от наиболее авторитетных мужчин – членов церковной общины. В том же Ишиме 15 сентября 1917 г. от имени синдиков Буйневича, Дудзинского и Герчиса митрополиту Могилевскому было направлено «Прошение... о назначении Настоятеля Ишимского костела, вместо временно пребывающего в г. Ишиме ксендза-беженца г. Мечислава Домбровского, который, по его заявлению, после окончания войны намерен немедленно переехать в Западный край... бывшего Викария Омского костела, ныне состоящего настоятелем поселка Келлеровка, Петропавловского уезда Акмолинской обл. ксендза Иосифа Казакевича, который, по отзывам о нем Омского Декана ксендза Пржемоцкого, являясь человеком энергичным и преданным своему делу, наиболее соответствовал бы задачам пастыря-руководителя в нравственно-религиозной жизни членов молодого прихода»²⁰⁰.

¹⁹⁷ См.: РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 2151. Л. 2.

¹⁹⁸ См.: Там же. Л. 7-8об.

¹⁹⁹ Там же. Л. 21.

²⁰⁰ Там же. Л. 20.

Иосиф Казакевич, в свою очередь, не удовлетворил настроениям немецкого сельского общества в пос. Келлеровка. Причины конфликта настоятеля с паствой сохранили для нас архивные документы: не понимая иного языка, кроме немецкого, крестьяне игнорировали наставления и распоряжения священника, говорившего не на их языке, требовали полного подчинения «пастера»²⁰¹ прихожанам, претендовали на управление церковными делами по своему усмотрению, попрекали священника тем, что уплачивают ему содержание²⁰². Результатом стало противостояние мужского социума немецкого поселка представителю церкви.

Помимо коллективных гендерных картин мира, имели место и индивидуальные, «героические». «Построив кое-как в гор. Ишиме костел каменный, хотя небольшой, но довольно изящный... трудами местного жителя католика старика Петра Ивановича Буневича, который сейчас находится в преклонных летах и которому, конечно, желательно дело довести до конца, которому осталось очень мало потребностей, и его, т. е. Буневича, мысль оставшееся имущество после смерти своей записать на костел на содержание ксендза, которого у нас в г. Ишиме нет и нет даже таких духовных лиц, которые помогли бы это дело привести в исполнение»²⁰³. В лице одного человека соединились честь возведения церковного здания, желание и далее участвовать в его архитектурном совершенствовании, заявление о намерении выступить жертвователем-меценатом.

Сложившаяся конфессиональная традиция очень хорошо себя продемонстрировала как в польскоязычных обществах, так и в немецких католических общинах переселенцев из Поволжья в села Алтайского края и Омского округа Акмолинской области. Прошения к митрополиту и Томскому губернатору инициативных синдиков Славгородского немецкого католического общества по своему содержанию и тону очень похожи на вышеописанную практику Ишимской общины²⁰⁴.

Представление о роли мужчины-католика в обществе было бы неполным без образа мужчины в семье. «Меня отец учил молитвам»²⁰⁵, – вспоминала в 1997 г. о своем детстве 90-летняя информантка, вывезенная из Поволжья в Сибирь в раннем детстве. После заключения брака в немецких католических селениях Сибири: «Невесте полагалось жить с мужем у его родителей»²⁰⁶.

Характеристики мужской и женской картин мира в католицизме, в том числе в сибирском католичестве, очень живо и наглядно отражены в фольклоре. Исследователь Ф. Ф. Болонев приводит отрывок песни, исполненный старушкой, в детстве вывезенной из Польши: «Я католь, я католь, / А ты каталичка. / Я вилик, я вилик, / А ты нивиличка»²⁰⁷.

²⁰¹ Патер – немецкое наименование католического священнослужителя, аналог польского «ксендз».

²⁰² См.: РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1859. Л. 56, 56об.

²⁰³ Там же. Л. 7.

²⁰⁴ См.: Там же. Д. 2153. Л. 23–23об.

²⁰⁵ Дубнякова О. Встречи в сибирских селах. Половинное // Сибирская католическая газета (СКГ). 1997. № 7. С. 21.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Болонев Ф. Ф. Белорусско-украинские элементы в духовной культуре семейских Забайкалья // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 143.

В четырех коротких строчках очень лаконично и вместе с тем предельно рельефно запечатлен мужской взгляд на мир: «Я велик». Положение «нивилички», живущей, «как за каменной стеной», в семье отца, далее мужа, закреплено каноническим правом католической церкви. Тем не менее, в картине мира католички прорисовывались черты не робкой домохозяйки, но женщины горделивой, знающей себе цену, что неоднократно становилось предметом рефлексии последователей иных конфессий. Образ женщины-католички, исторически сложившийся в русском общественном сознании, зафиксирован Ю. Визбором: «Католичка не простая, а загадочная сплошь...»²⁰⁸.

Особенностью католицизма, что неоднократно подчеркивалось и российскими, и зарубежными исследователями²⁰⁹, является отождествление образа Бога не столько с мужской ролью Творца (как в иудаизме), Сына (как в православии), сколько с женской ролью Девы Марии. В католицизме сложились традиции почитания Девы Марии Ченстоховской, Острабрамской и т. д., культ Богородицы. К Деве Марии обращены многочисленные литании²¹⁰, выдержку из наиболее известной из них, Лоретанской, сложившейся в XV–XVI вв. и названной так по итальянскому городу Лорето, месту христианского паломничества, мы приводим далее: «Святая Мария, молись о нас. / Святая Богородица, молись о нас... / Мать благодати Божьей, молись о нас. / Мать нетленная, молись о нас. / Мать пречистая, молись о нас. / Мать целомудренная, молись о нас. / Мать непорочная, молись о нас... / Звезда утренняя, молись о нас. / Болящим исцеление, молись о нас. / Грешникам прибежище, молись о нас. / Скорбящим утешение, молись о нас. / Верным помощь, молись о нас. / Царица ангелов, молись о нас. / Царица патриархов, молись о нас. / Царица пророков, молись о нас. / Царица апостолов, молись о нас. / Царица мучеников, молись о нас... / Царица святого Розария, молись о нас. / Царица мира, молись о нас»²¹¹.

Если в стереотипе поведения мужчины-католика заложено поклонение образу Богородицы, то в стереотипной женской модели поведения – подражание Ее образу. Спокойствие, ровное отношение ко всем и ко всему, вместе с тем мужество и готовность к самопожертвованию. Образ женщины-католички в Сибири дошел к нам благодаря описаниям в мемуарной

²⁰⁸ Визбор Ю. Католическая церковь. URL: <http://www.megalirics.ru/liric> (дата обращения: 03.05.2012).

²⁰⁹ См., напр.: Rees D. G. Denominational Concepts of God. Liverpool, 1967; Пушкарева Н. Л. Указ. соч.

²¹⁰ Литания – в христианстве молитва, состоящая из повторяющихся коротких молебных воззваний. Латинское слово лат. *litanía* образовалось от греческого греч. *λήτή*, означающего «молитва» или «просьба». Литании могут адресоваться к Христу, Деве Марии или святым. Наиболее часто употребляется в богослужебной практике католической церкви. Литании поются или читаются в храме, как правило, в соединении с мессой или другими богослужениями. Во время богослужения священник читает первую часть каждого воззвания, а народ в храме хором повторяет прошение. Литании могут читаться также в рамках частной молитвы. Литания Пресвятой Деве Марии читается в мае, месяце, посвященном Богородице, в первые субботы каждого месяца и в дни богородичных праздников (см.: Литания // Словари и энциклопедии на Академике. Католическая энциклопедия. Электронный ресурс. URL: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/catholic> (дата обращения: 04.04.2012).

²¹¹ Там же.

литературе. Винцент Мигурский в «Записках из Сибири» описывает служанку своей супруги Магдалену Закшевскую. К числу положительных характеристик женщины мемуарист относит: «Знание ею наизусть множества молитв, величаний, колядок, псалмов, песен, к исполнению которых она с детства была привычна». Готовность Магдалены к самопожертвованию передана Мигурским с большой долей эмоциональности. На предложение разделить тайну о предстоящем побеге из Сибири, «Магдуся ответила не задумываясь:

– Хорошо, господа! Я для вас все готова сделать и уверена, что вы не потребуете от меня ничего такого, что не было бы угодно Богу.

– Верно говоришь, Магдуся, – отозвалась Альбина, – правильно, что нам доверяешь, душу твою Бог не осудит и не откажет тебе в своем благословении, если поклянешься и сохранишь тайну».

Мемуарист приводит и содержание клятвы. «Я, Магдалена Закшевская, клянусь перед Господом Богом Всемогущим, Пресвятой Девой и всеми святыми, что тайны, которая мне будет доверена, никому не открою, не предаю, не выдаю даже знаками; в противном случае пусть справедливый гнев Божий настигнет меня всюду, пусть душа моя навеки осуждена будет и никогда не увидит сияния Господа. Помогите мне во имя невинных страданий Сына Твоего. Аминь!»²¹².

Гендерная позиция женщины в католицизме по своей сути отлична от мужской. Представление о роли женщины в обществе и в семье определено предписанной ей социальной ролью. Если для мужчины вопрос социальной реализации в глазах общества имел первостепенную важность (семья, как само собой разумеющееся; добрый семьянин – характеристика положительная, но не главная – *Т. Н.*), то в картине мира женщины на первом месте находилась семья, а уж потом – позиция в социуме. В сибирском католическом социуме женщины активно участвовали в музыкальной жизни прихода: пели в церковных хорах, обучали музыке детей. Будущий скрипач запечатлел образ матери, поющей в Новониколаевском костеле: «Я очень любил ходить в костел, музыка лилась свободно, легко, откуда-то из души, я импровизировал, забывая обо всем на свете... Какие это были чудесные незабываемые минуты! В хоре пела моя мама, у нее был высокий сильный голос. Я, играя на скрипке, как бы сливался душой с ней и от этого испытывал такое счастье, какое невозможно описать»²¹³.

Активная социальная позиция была уделом не только мужчин. В РГИА сохранились документы о духовном завещании Екатерины Алексеевской в пользу Тобольской римско-католической церкви от 5 апреля 1893 г.²¹⁴, «О деньгах 25 руб., пожертвованных Октавиєю Краснопольскою в пользу Омской римско-католической церкви» от 2 октября 1895 г.²¹⁵, «О разреше-

²¹² Мигурский, В. Записки из Сибири // Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / сост., пер., публ. Б.С. Шостаковича. Иркутск, 2009. С. 166.

²¹³ Рыдзевский С. Воспоминания о старой католической церкви в Новосибирске наших старших прихожан // СКГ. 1998. № 2. С. 5.

²¹⁴ См.: РГИА. Ф. 822. Оп. 2. Д. 19820.

²¹⁵ См.: Там же. Д. 20109.

нии продать дом, завещанный Янович, в пользу Ишимского костела» от 26 апреля – 3 июня 1917 года²¹⁶.

Женские имена мы видим в перечне библиотекарей: Янина Григорьевна Хросицкая в Иркутске и Павлина Владиславовна Молоховская в Томске²¹⁷. Школьные учительницы в католических учебных заведениях Сибири: Дроздовская Антонина Флавиановна в Тобольске, Кошарская Люция Иосифовна, Стржельбицкая Мария Феликсовна, Томчик Теофилия Фаддеевна, Щепановская Жозефина, Яздовская Ванда Иосифовна – в Омске, Томашевская Камилла – в Томске, Короповская Зоя Сергеевна и Кудельская Мария – в Новониколаевске²¹⁸.

Реализация «женской судьбы» в католической традиции не могла устроить тех, кто рожден лидером. Девочка из семьи немцев-католиков, «маленькая Гертруда очень жалела, что как девочка не сможет стать священником. Она даже поделилась этим со своим настоятелем. Он успокоил ее и сказал: «Потерпи, Гертруда, Бог тебе еще покажет, что Он от тебя хочет»²¹⁹. Позже эта девочка стала крестной матерью сотен российских немцев-католиков. Воспоминания о трудармии: «В бараках с одной стороны жили католики, а с другой – лютеране. Гертруда говорила нам утром и вечером: «Девочки, идем молиться». Лютеране тоже начинали молиться вместе с нами. Несмотря на тяжелый труд, Гертруда всегда была радостна, приветлива. Она обычно говорила: «Господь Бог возложил на нас этот крест и поможет нам его нести»²²⁰.

В экстраординарных ситуациях (ссылка, а в советские годы в отсутствие регулярной деятельности приходской общины) женщины являлись организаторами групп по чтению Розария. Для российских немцев-католиков, высланных в Сибирь и Казахстан в годы Второй мировой войны, сосредоточением религиозной жизни явились «молитвенные группы, а главными фигурами, в отсутствие священников, стали простые, набожные женщины-матери и бабушки, руководившие этими группами и совершавшие экстремальных условиях основные религиозные обряды. Они крестили детей, перед ними вступающие в брак пары приносили свои супружеские обеты, ими же совершался и обряд погребения»²²¹. Исследовательница Л. А. Бургарт приводит воспоминания пожилой немки о том, что: «...Ей самой священник поручил вести молитву, крестить детей и преподавать религиозное учение

²¹⁶ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 1795.

²¹⁷ См.: *Островский Л. К.* Польские библиотеки и печатные издания на польском языке в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // *Поляки в Западной Сибири (1890-е – 1930-е годы)*. Новосибирск, 2011. С. 394–409.

²¹⁸ См.: *Весь Омск: справочник-указатель на 1913 г.* Омск, 1913. С. 43; НИАБ. Ф. 1781. Оп. 26. Д. 1502. Л. 125; *Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 год*. Тобольск, 1910. С. 207; *Семенова И.* Благотворительное общество // *Сибирская старина*. Томск, 1997. № 12. С. 28–29.

²¹⁹ *Верт И.* Католики бывшего СССР будут иметь свою канонизированную святую // *СКГ*. 1996. № 7/8. С. 8–10.

²²⁰ *Мерц Е.* «Девочки, пойдемте молиться» (Воспоминания о Гертруде Детцель) // *СКГ*. 1998. № 1 (январь). С. 22–24.

²²¹ *Бургарт Л. А.* О значении молитвы и «евхаристических женщин» для сохранения католической веры в СССР в 40–80-е годы XX века (на примере немцев-католиков Казахстана) // *Немцы Сибири: история и культура*. Омск, 2010. С. 110–124.

старшим детям, по его поручению она совершала венчания и уделяла благословение вступающим в брак»²²². Действия аналогичного характера совершала в латгальской общине Тимофеевки Каинского уезда Томской губернии учительница Антонина Дакуль²²³.

Как относились священнослужители к такой «самодеятельности»? Католический священник о. Владислав Буковинский писал: «В этих обширных краях, где поблизости нет ни одного священника, очень распространено крещение светскими католиками. Чаще всего крестит какая-нибудь авторитетная бабушка. Поляки называют такое крещение крещением водой, а немцы называют «Nottaufe»... молодожены дают друг другу клятву верности в присутствии двух свидетелей-католиков. Это уже настоящее сакраментальное супружество... К сожалению, у поляков такая «Nottraung» не известна и не употребляется»²²⁴.

Проживающая ныне в Германии Е. Мерц вспоминала о трудармии: «К концу войны Гертруда стала проводить мессы. В мою обязанность входило зажигать свечи»²²⁵. Месса с евхаристией является основным церковным таинством: «Только священник мог дать людям Бога, дать Христа, как нельзя более конкретно и непосредственно, т. е. в виде Евхаристии и Святого Причастия»²²⁶. Разрешение невозможной проблемы в экстраординарной ситуации, принятие причастия мирянами без священника у немцев получило название «Selbstkommunion». Л. А. Бургарт приходит к выводу, что: «Священники, по сути, вынуждены были взять на себя большой риск и ответственность – доверить Святое таинство – Тело Христа в Святой Хостии, к которому мог прикоснуться только священник, мирянам, передать им какую-то часть своих исключительных священнических полномочий с одной лишь целью – дать жить Церкви и вере в евхаристии и в Святом причастии... Это была большая ответственность, которая ложилась не только на священника, но и на верующих»²²⁷. Епископ Атаназиуш Шнайдер в своей книге называет женщин, руководивших жизнью религиозных общин, «евхаристическими», «женщинами со священнической душой», «которые с необычайной любовью, чувством нежности, большим благоговением хранили Евхаристию и даже раздавали ее, именно в духе христиан первых веков, выражающемся в девизе: «*cum amore ac timore*» (с любовью и благоговением)»²²⁸.

Понимали ли сами «евхаристические женщины» важность возложенной на них функции? «Здравствуйте, многоуважаемый епископ Иосиф Верт! От имени Цайгерт Маргариты пишет ее внучка Агнесса Герман.

Огромное спасибо за Ваше письмо, за то, что хоть в глубокой старости моя бабушка услышала слова благодарности за ту огромную работу, что она

²²² Бургарт Л. А. Указ. соч. С. 113.

²²³ См.: Государственный архив Новосибирской области. Ф. 859. Оп. 1. Д. 10. Л. 51–54.

²²⁴ Цит. по: Бургарт Л. А. Указ. соч. С. 114.

²²⁵ Мерц Е. Указ. соч. С. 22–24.

²²⁶ Цит. по: Бургарт Л. А. Указ. соч. С. 115.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Шнайдер А. Это Господь (*Dominus est*). Размышления центрально-азиатского епископа о святом Причастии. Караганда, 2009. С. 10–16.

сделала во спасение великой веры в Бога, во спасение душ человеческих...»²²⁹.

Подводя итог вышесказанному, мы приходим к ряду выводов. Роли в религиозной общине, роли в семье определялись, в числе других факторов, и половой принадлежностью. Представление об идеальных образах мужчины и женщины в католической среде имело директивное оформление и было закреплено каноническим правом. Их реальное воплощение в контексте сибирских условий приобрело четкие контуры, продиктованные суровой действительностью.

Л. Е. Мариненко (Красноярск)

ОТКЛИКИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ О СНАБЖЕНИИ ДЕРЕВНИ В 1930-Е ГОДЫ

Вопросы об альтернативах общественного развития в первые десятилетия XX в. до сих пор остаются актуальными и дискуссионными. В числе наиболее острых проблем историографии СССР остается вопрос о социальных последствиях проводимых преобразований, их цене с точки зрения «человеческого измерения» истории.

Цель данной статьи – на основе источников личного происхождения изучить, какие противоречия экономической политики, в частности, системы снабжения стали предметом критики сельского населения.

Источники личного происхождения содержат суждения крестьян о работе системы снабжения в деревне, ее недостатках и причинах их возникновения. На основе данной группы материалов можно судить об истинном положении в снабжении сельского населения продуктами питания и промышленными товарами. Письма и отклики сельского населения позволяют составить представление о влиянии сельской системы снабжения на трудовую этику крестьянства.

Крестьянские письма позволяют реконструировать изменения массового крестьянского сознания. Периодическая печать в качестве представителя центральных органов власти пользовалась доверием населения. Политический миф о «добром и справедливом вожде» прочно укоренился в общественном сознании благодаря умелой пропаганде. Именно поэтому крестьянские письма, адресованные Сталину и высшему партийному руководству, широко представлены как в архивах газет, так и в политсводках карательных органов 1930-х годов.

В газеты шел постоянный поток откликов сельского населения с просьбами о помощи, жалобами, доносами, предложениями. Так, например, за три месяца 1930-х гг. (май-июль) редакция газеты «Красноярский рабочий»

²²⁹ Герман А. Свидетель веры // СКГ. 1998. № 7 (июль). С. 22–24.

получила 3511 писем, из них в газете было опубликовано 1962 письма²³⁰. Часть крестьянских писем, которые не подлежали публикации по политическим мотивам, сотрудники редакции направляли в ОГПУ.

В числе источников личного происхождения необходимо отметить сводки ОГПУ, где были собраны данные о высказываниях сельчан в частных беседах, на собраниях, в семейном кругу и т. д. Уполномоченные в регионах и сельских поселениях фиксировали высказывания крестьян по широкому спектру: от мнения по поводу общественно-политических событий в стране до повседневных трудностей. Кроме того, в региональных архивах отложились письма сельского населения руководству страны, листовки антиправительственного содержания с призывами к вооруженной борьбе. Все они попали в фонды ОГПУ.

Система снабжения населения СССР в 1929–1941 гг. подчинялась нуждам индустриализации. В данный период времени необходимо было обеспечить стабильное снабжение населения важных народнохозяйственных объектов, предприятий и городов. Товарные фонды для сельских поселений формировались по остаточному принципу. Происходило перераспределение ресурсов государства в военно-промышленный сектор за счет сокращения фондов рыночного потребления. Система сельского снабжения являлась инструментом для стимулирования хода коллективизации и должна была гарантировать государству стабильное поступление сельскохозяйственной продукции. Товарная масса в СССР распределялась между регионами в зависимости от степени их участия в процессе наращивания промышленного потенциала страны. Восточная Сибирь в связи с аграрной специализацией получала значительно меньший объем товарной массы, нежели другие регионы. Следствием данной экономической политики был товарный дефицит, голод в отдельных регионах, резкое снижение уровня жизни населения.

Приоритетным направлением распределительной системы в 1930-е гг. являлось первоочередное снабжение промышленных районов, сельские поселения снабжались по остаточному принципу. Власть обрекла крестьянство на самообеспечение, возможности которого в условиях аграрной политики 1930-х гг. были весьма ограничены. Данная ситуация вызывала в крестьянской среде негодование, зависть и негативное отношение к жителям города, рабочим. В докладной записке ОГПУ о продовольственных трудностях и политических настроениях в Канском округе 1930 г. содержатся наглядные иллюстрации подобных фактов. Так, в селе Нижний Ингаш середняк среди толпы крестьян 20–25 человек говорил следующее: «Что мы, крестьяне, другой народ что ли? Три месяца аванс дал, и обуви нет, а рабочий получает, сколько ему нужно. Зачем мне стараться для государства? Все дай, а тебе? Это, по-моему, делается нарочно, чтобы обидеть крестьян»²³¹. На базаре г. Канска в разговоре сельского жителя со служащим были высказаны следующие претензии: «А зачем вам паек, власть вас кормит. Мы не виноваты, что у нас весь хлеб забрали. Хлеб теперь продает беднота, у се-

²³⁰ См.: Что сделано с рабселькоровскими заметками // Красноярский рабочий. 1930. № 187. С. 4.

²³¹ Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (Далее – ЦХИДНИ КК). Ф. 96. Оп. 1. Д. 814. Л. 286.

редняков его нет. Отбили охоту сеять, зачем я буду на кого-то работать, да еще в тюрьме гнить, сравниюсь с бедняком»²³². В традиционной трудовой этике крестьян существовала прямая зависимость между трудом и материальным благосостоянием. В колхозе крестьяне работали не на себя, а на государство, а оплата труда зачастую не зависела от конечного результата. Поэтому сельское население не было заинтересовано в увеличении производства сельскохозяйственной продукции. Началось разрушение традиционной крестьянской этики.

Отсутствие продуктов питания, голод приводили к развалу колхозов, отказу сельского населения от работы. Примером тому может служить письмо, написанное жителем д. Ново-Покровка Кожевниковского района на имя Сталина: «... с 20 мая 1932 г. стало нечего есть. Стало правление выдавать только тем, кто работает, 800 грамм, а детям, старикам и матерям, которые из-за отсутствия ясель должны быть при детях, не выдавали хлеба совсем. Такое положение заставило колхозников выходить из колхоза: из 120 домохозяев осталось в колхозе 27...»²³³.

Не только крестьяне не видели перспектив своей работы в деревни, но и многие другие слои сельского населения также в условиях полуголодного существования пытались найти себе другие источники доходов. В спецсводке ОГПУ приводятся подобные факты. Так, в Кобринском сельсовете Рыбинского района учитель говорил в присутствии нескольких крестьян: «В силу того, что негде достать хлеба, я вынужден бросить работу». В Тайшетском районе уполномоченные отмечали факты ухода с работы сельских учителей и врачей в связи с трудностями в снабжении²³⁴. Еще одним примером подобной тенденции может служить высказывание колхозника Филатова из Ужурского района, зафиксированное уполномоченным ОГПУ в 1936 г.: «Колхозник Филатов говорил: «Навозом кормят, овсом кормят, последний кусок хлеба отнимают у колхозников. Хватит терпеть, надо все, что есть хлеба в колхозе, распределить на трудодни, другого выхода нет, как только брать в колхозе справки, заверять их в сельсовете и расходиться куда хочешь, а колхозы пускай распускаются». На другой день Филатов на работу не вышел, ушел сам и увел еще пять колхозников на железную дорогу работать, а на другой день не вышла целая бригада и ушла на железную дорогу»²³⁵. Подобные высказывания являются подтверждением того, что часть сельского населения в условиях низкого материального вознаграждения от труда в колхозе, перебоев в работе системы снабжения и более низкого уровня жизни, чем в городе, бежала из деревни.

Голод, товарный дефицит на фоне насильственных методов проведения коллективизации вызвали взрыв возмущения сельского населения, который был направлен против Советской власти. Политсводки ОГПУ зафиксировали факты резкой критики центрального и местного руководства, призывов к сопротивлению проводимым реформам и к вооруженной борьбе. В их числе можно отметить высказывание бывшего партизана из с. Шары-

²³² ЦХИДНИ КК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 814. Л. 52.

²³³ Познанский В. С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. / отв. ред. М. П. Малышева. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 238.

²³⁴ См.: ЦХИДНИ КК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 808. Л. 166; Д. 839. Л. 309.

²³⁵ Там же. Д. 383. Л. 166.

пово Березовского района: «Советская власть неправильно поступает. Разве мы за это боролись, чтобы разорять крестьянство? Ведь Ленин совершенно не это говорил. Тут есть что-то непонятное, непохожее на Советскую власть. Ведь мужиков совершенно оставили голодом, ведь поневоле пойдешь в колхоз, с голоду хоть к черту пойдешь. Ленин вовсе не говорил, чтобы власть глумилась над мужиками, он говорил, что с крестьянами надо вопросы согласовывать, иначе мы проиграем революцию. А сейчас у нас обострение с крестьянством, так что никто на Советскую власть смотреть не может»²³⁶. 3 мая 1930 г. в с. Б. Барандате в здании сельсовета была найдена прокламация следующего содержания: «Граждане, мы погибаем, чего еще смотреть, давайте бить руководителей. Вы видите, до чего нас довели, хлеб забрали, нас оставили голодными. Когда сторит Советская власть, и куда делся батюшка-царь. Долой эту власть»²³⁷. Подобных откликов сельского населения о власти и проводимой политике в фондах ОГПУ сохранилось много.

Однако, несмотря на протесты населения, политика индустриализации и коллективизации набирала обороты. Массовый террор, осознание собственного бессилия против системы, деятельность советской пропаганды не позволили протестам принять широкий характер и обеспечили поддержку проводимым реформам. Пропагандистская машина в СССР активно и успешно внушала советским гражданам «миф о светлом будущем», которое ожидает их в ближайшей перспективе. Эта тенденция нашла отражение в речи участника четвертой Томской окружной конференции бедноты и батрачества, состоявшейся 20–23 февраля 1930 г.: «Товарищи, создание материальной базы связано с большими трудностями и даже лишениями, много жалуются на недостаток предметов первой необходимости. Да, такое положение есть. Это происходит потому, что мы по нашей пятилетней программе строим нашу тяжелую промышленность, которая не вырабатывает мануфактуры, кожи, ниток, но вырабатывает уголь, чугун, сельскохозяйственные машины. [...] Поэтому, я думаю, что лучше нам один-два года походить в худых сапогах, чтобы нам выпустили машины, а после этого будет развивать промышленность, которая будет вырабатывать средства потребления»²³⁸. Подобные высказывания позволяют понять причины, в силу которых в 1930-х гг. многие люди воспринимали продовольственные трудности, дефицит, как временные явления, которые скоро уйдут в прошлое. По их мнению, это была та цена, которую стоило заплатить за счастливое будущее.

Система снабжения деревни находилась в прямой зависимости от выполнения плана обязательных поставок сельскохозяйственной продукции государству. Однако и выполнение плана не всегда гарантировало стабильное товарное обеспечение сельского населения. В условиях хронического дефицита товарных фондов местные торговые организации обменивали товары на продукты питания у крестьян. Это вызывало недовольство сельско-

²³⁶ ЦХИДНИ КК. Ф.59. Оп.1. Д.746. Л.7.

²³⁷ Центр документов новейшей истории Иркутской области. Ф.123. Оп.1. Д.59. Л.18об.

²³⁸ Центр хранения и изучения документов новейшей истории Томской области. Ф.76. Оп.1. Д.935. Л.12,13.

го населения. Подобным примером может служить докладная записка уполномоченного Каннского окружного комитета ОГПУ. Он пишет: «Причиной, возбуждающей недовольство большей части крестьян всех прослоек, является кризис на промышленные товары. Это недовольство усугубляется еще и тем обстоятельством, что общества потребителей товары стали отпускать в обмен на яйца, щетину, шерсть и т. д. Это положение отражается особенно на тех, кто не имеет кредитов на обмен, и некоторые из них, не получив необходимого товара, пускаются на демагогические приемы. Так, крестьянин середняк д. Капитоновка тут же срезал у своего коня хвост и с этим хвостом в руке, обращаясь к стоящему в числе присутствующих бывшему партизану, сказал: «Видишь, ты завоевал, что нам приходится отрезать лошадям хвосты для того, чтобы получить покурить»²³⁹. Из-за товарного дефицита происходили и вовсе абсурдные случаи. Так, в с. Ивановское по рассказам уполномоченного: «не известно, по каким соображениям, общество потребителей додумалось отпускать гвозди только на гробы. Следовательно, чтобы получить гвозди, нужно, чтобы в семье кто-то умер. По поводу отпуска гвоздей на гробы крестьяне шутили: «Ну, значит, Советская власть о нас заботится, уже гвозди для гроба заготовила, помирай ребята, не стесняйся. Советская власть поможет, гвоздей на гроб даст, а о другом и думать не стоит»²⁴⁰. Товарный дефицит подогревал недовольство политикой партии в крестьянской среде.

Часто в откликах сельского населения звучали жалобы на плохую организацию торговли, злоупотребления со стороны работников торговли. Периодическая печать постоянно публиковала подобные жалобы на страницах своих изданий. Для связи с читателями в газетах существовали специальные рубрики. Например, в газете «Красноярский рабочий» она называлась «Письма читателей». Некоторые из писем, отправленных в газету, направлялись позже сотрудниками редакции в надзорные органы. Так, в сводках ОГПУ существуют отчеты по неопубликованным в газетах письмам. В их числе было письмо следующего содержания: «Мне приходилось быть в колхозе «Красное знамя» Сухобузимского района. В беседе с крестьянами выяснилось, что работники прилавка сельпо к колхозникам относятся чрезвычайно грубо, заставляют ждать отпуска товаров по 5–6 часов. Колхозникам, приехавшим за 15 верст, продавцы не хотят отпускать товары без очереди. Дефицитных товаров не дают, мотивируя тем, что в Устьеге единоличники сдают по 1000 пудов хлеба, так что мы обслуживаем примерных сдатчиков, хотя бы они были и кулаки»²⁴¹.

Злоупотребления работников торговли постоянно были предметом критики сельского населения. Крестьянские письма позволяют частично реконструировать механизмы и масштаб правонарушений в области торговли. Наиболее часто сельские жители писали о спекуляции, хищениях, мешочничестве, пытаясь привлечь таким образом внимание власти к проблемам в сфере торговли. В одном из писем была описана ситуация в Усть-Батойском сельпо: «Продавец в магазине постоянно обвешивал и обсчитывал покупателей. У него в кассе даже имелся специальный кошелек, куда он

²³⁹ ЦХИДНИ КК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 808. Л. 6, 57.

²⁴⁰ Там же. Л. 57.

²⁴¹ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 709. Л. 70.

складывал полученные таким путем деньги. Когда в сельпо поступила ткань по цене 4 рубля 80 копеек, продавец начал ее продавать по 5 рублей 80 копеек»²⁴². Огромное количество правонарушений в сфере снабжения являлось следствием хронического дефицита товаров и продуктов. Уловки, к которым прибегали работники торговли, стремясь к наживе, были разнообразны. В их числе «пересортица» (продажа товара низшего сорта по цене более высокого сорта), обвешивание покупателей, «активирование потерь» (списание продуктов и товаров, якобы пришедших в негодность). В результате проверки розничной торговой сети в Иркутской области в 1938 г. было выявлено нарушение законов и правил советской торговли в 655 магазинах (38,5% к количеству проверенных). Нарушения были следующего характера: нарушение цен – 375 случаев, подмена сортности – 46, «обвес и обсчет» – 19, нарушения правил санитарии – 65, прочие нарушения – 156. За 8 месяцев 1938 г. из-за превышения цен с покупателями этих торговых точек было незаконно получено около 909 тыс. руб.²⁴³, что составило 0,67% от розничного товарооборота Иркутской области в 1938 году²⁴⁴.

Таким образом, источники личного происхождения фиксировали противоречия и проблемы системы снабжения сибирской деревни в 1930-е годы. Система снабжения выполнила политические функции – она помогала перераспределить товарные ресурсы на нужды индустриализации, а это стало возможно лишь ценой снижения уровня жизни для большей части населения страны. Товарный дефицит и голод являлись устойчивой тенденцией довоенного десятилетия. Следствием экономической политики стало раскрестьянивание. Перебои в снабжении товарами и продуктами питания, изъятие практически всего урожая для выполнения плана хлебозаготовок, невысокие выплаты из колхозных фондов не способствовали формированию стимулов к труду. Доходы от работы в колхозе не зависели от интенсивности труда колхозника. Власть, пытаясь возродить интерес к зарабатыванию денег, так и не смогла обеспечить сельского потребителя всеми необходимыми товарами. Такая система снабжения не создавала у крестьян заинтересованности в расширении производства. А это в свою очередь отрицательно сказывалось на темпах экономического развития. Сельское население, несмотря на все административные преграды, бежало из деревень в поисках более обеспеченной жизни в города и рабочие поселки. Плохое снабжение деревни, низкий уровень жизни были основными причинами «внешнего раскрестьянивания». В 1930-е гг. происходило разрушение традиционной крестьянской этики, отчуждение крестьян от земли и превращение их в наемных рабочих с наделом (личным подсобным хозяйством), не заинтересованных в результатах своего труда.

²⁴² Почему закрыты магазины // Красноярский рабочий. 1936. № 79. С. 4.

²⁴³ См.: Государственный архив Иркутской области. Ф. 1827. Оп. 3. Д. 7. Л. 63.

²⁴⁴ См.: Высчитано по источнику: Иркутская область. Экономико-статистический справочник. Иркутск, 1941. С. 372.

Н. В. Чеберяк (Красноярск)

ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ И ПОТРЕБЛЕНИЕ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Феномен существования особых привилегий и льгот в системе продовольственного снабжения для власть имущих в советском государстве всегда вызывал пристальный интерес у исследователей. Однако, несмотря на наличие фундаментальных научных трудов, посвященных данной теме²⁴⁵, следует признать, что истоки, следствия, масштабы и региональные особенности данного социального явления до конца не осмыслены. Послевоенный период в истории развития системы распределительных отношений советского государства является одним из самых сложных. Действительно, окончание войны ознаменовало собой начало широкомасштабной гуманитарной катастрофы, вызванной нехваткой продовольствия и голодом. Еще долгое время после войны в стране продолжала действовать система нормированного распределения товаров по карточкам²⁴⁶, а властям всех уровней приходилось кроить между отдельными категориями населения и без того скудные государственные фонды. В связи с этим, изучение системы снабжения населения играет важную роль в определении сущности государственной социальной политики, позволяет выявить особенности социальной стратификации и дифференциации советского общества. Цель данной статьи состоит в попытке рассмотреть существовавшие формы, методы и качественное содержание снабжения партийно-советской номенклатуры необходимыми продуктами питания и промышленными товарами в послевоенный период на примере Красноярского края.

С момента введения правительством нормированной системы распределения продовольствия снабжение партийно-советской номенклатуры существенно отличалось от уровня снабжения других категорий советских граждан. Согласно приказу народного комиссариата торговли СССР № 312 от 22 августа 1941 г. «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в отдельных городах, рабочих поселках и поселках городского типа», руководящим советским и партийным работникам республиканских, областных и городских организаций производится выдача продовольствен-

²⁴⁵ См., напр.: *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 2005; *Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность.* 1995. № 1. С. 62–63.

²⁴⁶ Даже официальная отмена карточек в конце 1947 г. не привнесла в жизнь рядовых советских граждан каких-либо кардинальных изменений: по-прежнему сохранился товарный дефицит, очередь, нормированное распределение. По свидетельству архивных документов, в Красноярском крае торговля по карточкам велась вплоть до 1953 года.

ных карточек, как рабочим первой категории²⁴⁷. В годы войны изначально установленный паек для руководящих работников стал «обрастать» дополнительными льготами и привилегиями. Так, по постановлению СНК СССР от 17 сентября 1942 г. ответственные работники получали право на предоставление второго горячего питания. Постановлением СНК СССР от 27 февраля 1943 г. и приказом Наркомторга СССР от 16 марта 1943 г. для руководящих работников крупных промышленных предприятий были установлены литературные обеды «А», «Б», «В» и сухие пайки по нормам особого списка, которые в пределах установленных лимитов выдавались дополнительно к литературным обедам. Так, по сухим пайкам были установлены следующие нормы отпуска: мясо – рыба 2200 гр., жиры – 600 гр., крупа-макаронны – 1500 гр., сахар, кондитерские изделия – 1500 граммов.

Окончательно привилегированный статус партийно-советской номенклатуры в системе распределения продовольствия и порядок ее снабжения был регламентирован постановлением СНК СССР № 557–224-с от 12 июля 1943 г. «О снабжении руководящих работников партийных, комсомольских, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций» и сопутствующем ему секретным приказом Наркомторга от 17 июля 1943 г. за № 3205/2364. Согласно принятому «продовольственному статусу о рангах», все руководители – работники партийных советских, комсомольских, хозяйственных и профсоюзных организаций по уровню снабжения делились на три группы²⁴⁸. К первой группе были отнесены руководители краевых, областных, окружных и городских (в городах краевого подчинения) партийных, комсомольских, советских, профсоюзных организаций, их заместителям, руководителям важнейших хозяйственных организаций, а также первые секретари райкомов ВКП (б) и председатели райисполкомов. Им следовало выдавать продовольственные карточки по группе рабочих особого списка и отпускать литературные обеды и сухие пайки по нормам, установленных приказом Наркомата торговли²⁴⁹. Ко второй группе относились руководящие работники краевых, областных, окружных и городских (в городах краевого подчинения) партийных, комсомольских, советских, профсоюзных организаций, крупных хозяйственных организаций и работникам, приравненным к ним, а также секретарям сельских райкомов ВКП (б). Они получали продовольственные карточки по группе рабочих промышленности, транспорта и связи, а так же литературные обеды и сухие пайки. В третью группу входили оставшиеся руководящие работники партийных, комсомольских, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций. Они получали продовольственные карточки по группе рабочих промышленности, транспорта и связи им же предоставлялись дополнительные горячие обеды в порядке, установленном постановлением СНК СССР от 17. сентября 1942 года. Этим же постановлением руководящим ра-

²⁴⁷ Приказ народного комиссариата торговли Союза ССР № 312 от 22 августа 1941 г. Согласно постановлению СНК СССР, все городское население было разбито на 4 группы. К первой группе относились рабочие и инженерно-технические работники, которые получали по карточкам 800 грамм хлеба в день.

²⁴⁸ См.: КГБУ ААКК. Ф. П-26. Оп. 4. Д. 2. Л. 88, 89.

²⁴⁹ Данные нормы были расписаны в кратком справочнике Наркомата торговли от 20 июля 1942 года.

ботникам предоставлялось право, которым на практике широко пользовались, взамен обедов получать продукты по указанным нормам в виде сухого пайка.

Значение данного постановления сложно переоценить. Если ранее положение номенклатуры в иерархии советской системы распределения можно было определить как первые среди равных (напомним, что руководящие работники снабжались по нормам рабочих первой категории), то отныне за ней закреплялось особое место. Вместе с тем, постановлением официально закреплялось фактически существовавшее расслоение внутри правящей элиты по степени ответственности в сфере руководящей деятельности, в связи с чем значительно улучшалось качество материальных благ, предоставляемых наиболее значимым руководящим постам, в то время как ее рядовые члены правящей элиты получали лишь гарантированный минимум.

В количественном и качественном выражении основной номенклатурный паек включал 2200 гр. мяса и рыбы, 500 гр. жиров, 500 гр. сахара, 1500 гр. крупы и макарон. По талону на сухой паек «Литер-Б2» руководители получали 2200 гр. мяса и рыбы, 1000 гр. жиров, 1000 гр. сахара, 2000 гр. крупы, 10 кг картофеля, 5 кг овощей, 50 гр. чая, кусок туалетного мыла, кусок хозяйственного мыла, 300 гр. табака или 500 штук папирос. Нормы снабжения рабочих промышленности, транспорта и связи, введенные этим же постановлением, были чуть ниже и предусматривали на одного человека в месяц мяса/рыбы – 1800 гр., жира 400 гр., крупы/макарон – 1200 гр., сахара и кондитерских изделий – 400 гр., хлеба 600 гр. в день, а также второе горячее питание (ужин).

По подсчетам одного из ведущих исследователей данного периода В. С. Пушкарева²⁵⁰, руководящим работникам первой группы по всем видам пайков полагалось в месяц 9,4 кг мяса или рыбы. Кроме этого в паек входили дефицитные для остального населения продукты: водка или вино, сахарно-кондитерские изделия, сухофрукты, сыр, шоколад.

Но все же главным преимуществом в системе государственного снабжения литерного контингента, в сравнении с другими группами населения, была возможность отоваривать карточки в спецмагазинах и столовых закрытого типа. Официально их создание объяснялось ненормированным рабочим днем служащих аппарата управления, привлечением на службу высококвалифицированных специалистов, на деле же они имели цель защитить совпартактив от последствий товарного дефицита. В конце 1943 г. в Красноярском крае действовало 53 специальных столовых и магазина для номенклатурных работников²⁵¹. Нередко встречаются мнения экспертов, что цены в спецмагазинах и столовых для руководящих работников, учитывая качество продуктов, были «чисто символические». Что же касается их ассортимента, известно, что в спецмагазинах можно было достать такие продукты, которые рядовые граждане могли приобрести лишь на «черном рынке».

²⁵⁰ См.: Пушкарев В. 40-е: становление «черного рынка» // Посев. 2002. № 1. С. 31.

²⁵¹ См.: Красноярский край в истории Отечества. Кн. 3. 1941–1953 гг. Хрестоматия для учащихся / ред. В. В. Чагин. Красноярск, 2000.

Согласно Постановлению СНК СССР № 557–224-с от 12 июля 1943 г. «О снабжении руководящих работников», в г. Красноярске весь совпартактив был разделен на три группы и прикреплен для снабжения к трем торговым предприятиям. Члены Крайкома ВКП(б), Крайисполкома, Крайкома ВЛКСМ, Горкома и Горсовета – контингент I и II групп снабжения – в количестве 335 человек снабжались в магазине при Горторге. Не входящий в указанный перечень совпартактив, но также снабжаемый по первым двум категориям, в количестве 600 человек отоваривался в помещении магазина Гастроном. Весь оставшийся литерный контингент, снабжаемый по III группе (800 человек), был прикреплен к магазину при Крайпищепроме, расположенному по адресу Горького 14²⁵².

Однако, в небольших городах и рабочих поселках Красноярского края, а также на производстве специализированных закрытых столовых для обслуживания литерного контингента не создавалось, для него отводились специальные залы или подсобные помещения. В редких случаях, по причине скудной материально-технической базы и невозможности организации отдельного питания, литерный контингент кормили «из одного котла» с другими категориями населения, получавших право на льготное питание (инвалидами, гражданами, получавшим усиленное дополнительное питание по медицинским показателям, беременными женщинами), что, безусловно, негативно отражалось на качестве литерного обеда и вызывало многочисленные возмущения со стороны руководящих работников²⁵³.

Де-юре представители партийно-советской номенклатуры в составе городского населения края были немногочисленны. Так, на начало 1946 г. в Красноярском крае насчитывалось чуть более 4 тыс. руководящих работников краевых и городских партийных организаций²⁵⁴, принятых на снабжение в соответствии с постановлением СНК СССР от 12 июля 1943 г., из них литерное снабжение по 1 и 2 группе получали 1998 человек²⁵⁵.

Но стоит отметить, что привилегиями элиты пользовалась и небольшая полупривилегированная прослойка советского общества, находящаяся в непосредственном контакте с партийно-советской номенклатурой и за счет этого обеспечивающая собственное благосостояние. В эту прослойку входили секретари, шоферы, корреспонденты местных печатных органов, повара закрытых столовых, доктора и медсестры лечкомиссий, парикмахеры, машинистки и т. п. Этим объясняется то, что в расходовании лимитов литерного снабжения, выделенных Наркомторгом для обеспечения номенклатурных работников, всегда присутствовал перерасход. Так, например, вместо установленных для партийно-советской номенклатуры края лимита литерного снабжения в 4087 пайков фактически Крайиторготделом выдавалось в третьем квартале 1946 г. 4824 пайка (см. табл. № 1²⁵⁶).

²⁵² См.: КГБУ ААКК.Ф. П-26. Оп. 16. Д. 624. Л. 39, 40.

²⁵³ См.: ААОА. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.

²⁵⁴ Для сравнения: всего в январе 1946 г. в Красноярском крае насчитывалось 1.223.418 человек, принятых на государственное снабжение хлебом.

²⁵⁵ См.: КГБУ ААКК.Ф. П-26. Оп. 16. Д. 624. Л. 39, 40.

²⁵⁶ См.: Там же. Д. 470. Л. 18

**Перерасход лимитов литературного снабжения
по Красноярскому краю в третьем квартале 1946 г.**

Литерный контингент, снабжаемый по:	Выделено по плану Минторгом	Фактически принято на снабжение Крайторготделом	Увеличение против плана
I группе	552	640	88
II группе	1494	1716	222
III группе	2041	2468	427
Итого	4087	4824	737

Проверка фактического распределения этих «сверхнормативных» пайков внутри отдельных организаций показала, что литературные пайки по норме руководящих работников партийно-советских и хозяйственных организаций получали машинистки, кассиры, бухгалтера и прочий обслуживающий персонал. В то время, когда по литературному снабжению наблюдался перерасход, лимиты продовольственного снабжения, выделенные Наркоматом торговли СССР Крайторготделу для снабжения служащих и иждивенцев, систематически не использовались (см. табл. № 2²⁵⁷). Таким образом, перерасход продуктов по литературным нормам покрывался за счет лимитов, выделенных для снабжения других категорий контингентов, включая детей и иждивенцев.

Таблица № 2

Расходование лимитов, выделенных для снабжения служащих и иждивенцев в Красноярском крае в I–III кварталах 1946 г.

Контингент	Дата	Выделено по плану Наркомторгом	Фактически принято на снабжение Крайторготделом	Уменьшение против плана
Служащие	Январь 1946	–	188	–
	Апрель 1946	800	29	771
	Сентябрь 1946	800	44	756
Иждивенцы	Январь 1946	1600	300	1300
	Апрель 1946	1300	385	915
	Сентябрь 1946	400	359	41

Документы местных архивохранилищ за 1945–1946 гг. содержат многочисленные сведения о рассмотрении заявок руководящих работников краевых районных и городских партийных и советских организаций на выделение их работникам дополнительных лимитов на продовольствие и промышленные товары. Как правило, такие заявки удовлетворялись. Номенклатура

²⁵⁷ См.: КГБУ ААКК.Ф. П-26. Оп. 16. Д. 624. Л. 24.

и ее ближайшее окружение получали лимитные книжки²⁵⁸, по которым они приобретали продукты питания и промтовары со скидкой от 10 до 35% в коммерческих и особых магазинах²⁵⁹. Кроме того, номенклатурные работники имели возможность поучаствовать в распределении носильных вещей, поступивших в качестве гуманитарной помощи от союзников²⁶⁰.

В 1945 г. снабжение продовольствием населения Красноярского края стало заметно ухудшаться. Уже весной 1945 г. в сельских районах были зафиксированы первые вспышки голода и распространение сопутствующих ему заболеваний. Система нормированного распределения товаров и раньше давала сбои, однако особенностью нового продовольственного кризиса было то, что он коснулся всех категорий населения. В закрытых магазинах для руководящих работников стало появляться такое редкое доселе явление как очередь, обычным стала выдача продуктов низкого качества или в виде заменителей. Так, в докладной записке в торговдел при Крайкоме ВКП(б) отмечалось, что «в ежедневной в продаже имеются только говяжий жир, растительное масло, манная крупа и яичный порошок»²⁶¹.

Распоряжением Наркомторга от 24 октября 1945 г. №8410/1896 с ноября 1945 г. вводились новые нормы снабжения продовольственными товарами. По литературным обедам «А» и «Б» 1 кг мясопродуктов заменялся 1 кг крупы и макарон на человека. Сухие пайки, установленные постановлением от 27 февраля 1943 г., также сокращались на 200 гр. мясопродуктов и 500 гр. жиров, вместо них выдавали 2500 гр. пшеничной муки. Отпуск второго горячего питания (ужина) для совпартактива отменялся, вместо него предоставлялся чай, 100 гр. хлебобулочных изделий и 20 гр. сахара²⁶². Вместе с тем, установленные ранее по дополнительному питанию нормы молока, картофеля, овощей, сухофруктов, винно-водочных изделий, мыла, табака, оставались неизменными.

Таким образом, вплоть до отмены карточной системы нормы централизованного снабжения руководящих работников корректировались, дополнялись и уточнялись под влиянием изменений, происходящих в народном хозяйстве. Кроме экономических факторов на корректировку нормированного снабжения оказывали влияние стратегические приоритеты правящего режима. Дифференциация в снабжении прослеживалась не только между группами потребителей, но и внутри каждой из групп. Понятно, что указанное выше неравенство в нормах обеспечения и многочисленные злоупотребления в сфере снабжения хлебом и продуктами питания формировали в военном и послевоенном социуме определенные психологические стереотипы и способствовали сохранению его гетерогенности.

Наряду с получением продовольствия из официальных источников значительную часть потребительских товаров номенклатура получала по теневым каналам распределения. Как убедительно доказал один из крупнейших специалистов в области социально-экономической истории Сибири

²⁵⁸ Эти документы, предоставляющие право произвести покупки в магазинах или питаться в ресторанах Особторга на сумму от 1000 до 5000 рублей.

²⁵⁹ См.: КГБУ ГАКК Ф. П-26. Оп. 15. Д. 469. Л. 9, 23.

²⁶⁰ См.: Пушкарев В. Указ. соч. С. 31.

²⁶¹ КГБУ ААКК Ф. П-26. Оп. 15. Д. 470. Л. 7.

²⁶² См.: ААОА. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.

А. В. Шалак, теневое перераспределение играло значительно большую роль в снабжении партийной и советской элиты, чем официальные льготы. Анализ архивных документов позволяет утверждать, что в послевоенный период в рядах советско-партийной номенклатуры и ее окружении было широко распространено так называемое «самоснабжение», то есть получение дополнительных льгот и привилегий, не положенных данному представителю «номенклатуры» по статусу.

В отличие от государственной системы снабжения, где решающую роль в обеспечении благосостояния руководящего работника играла его близость к высоким постам во власти, в неофициальной системе «самоснабжения» значение имела лишь профессиональная близость к непосредственным каналам распределения или к производству продуктов и товаров. Поэтому, когда система нормированного распределения товаров давала сбой, в наиболее выгодном положении находились категории работников, отнесенные к третьей группе номенклатурного списка (руководящие кадры торговли и общепита, отделов рабочего снабжения, руководители предприятий, имевших подсобные хозяйства, руководители социально-бытовых учреждений и другие), несмотря на то, что официальные нормы снабжения данной категории руководящих кадров были ниже, нежели у двух первых групп²⁶³.

Объективная проверка любого учреждения выявляла массовые факты злоупотреблений со стороны представителей его руководства. Руководящий состав промышленных предприятий обеспечивал себя и своих приближенных продовольствием за счет продукции подсобных хозяйств. Самоснабжение обычно осуществлялось через руководителей организаций, отвечающих за распределение госфондов. Повседневной практикой стали случаи отпуска продуктов по запискам руководства, прямо со складов ОРСов, минуя торговую сеть и сеть общественного питания. В ходе проверки организации рабочего снабжения на артиллерийском заводе № 4 им. К. В. Ворошилова была установлена практика выдачи продуктов на сухие пайки руководящему составу завода по талонам неустановленного образца и нормам, установленным заведующим ОРСом Артюхиным, намного превышающим законные нормы выдачи сухих пайков за счет подсобного хозяйства. Так, вместо выдаваемой в исключительных случаях утроенной нормы, предусмотренной указом Наркомторга мяса-рыбы до 6,6 кг, 1,8 кг жиров, руководящему составу выдавали ежемесячно на человека мяса и рыбы до 18–20 кг, жиров до 4 кг.

Через закрытые столовые из фондов, предназначенных для организации общественного питания рабочих, советско-партийная номенклатура края получала огромное количество нормированных продуктов. Значительная часть продукции подсобных хозяйств растрачивалась на организацию банкетов, вечеров, конференций, совещаний. В 1946 г. на все эти цели было израсходовано 3,5 тонн мяса, свыше 0,5 тонн жиров, 2 тонны крупы.

О том, насколько подобное самоснабжение руководящих лиц считалось заурядным делом, говорит то, что пойманные с поличным организаторы хищений не рассматривали собственные действия как преступные, ибо они действовали с ведома руководства и в целях лучшего снабжения партакти-

²⁶³ См.: Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940–1950 гг.). Иркутск, 2000. С. 97.

ва. С другой стороны, на работу в артели и магазины, в том числе и на руководящие должности, охотно назначались лица, хотя и с богатым опытом работы, но и с не менее богатым криминальным прошлым.

Руководящие работники партийных и советских органов областного и городского звена свое материальное благополучие обеспечивали не только за счет предприятий, имевших более богатые фонды, но и через фонды таких госбюджетных организаций, как детские учреждения, больницы и школы²⁶⁴. Большое количество продуктов, предназначенных для оздоровительного питания детей в детских домах, домах отдыха и пионерских лагерях, растворялось по каналам теневого распределения. При проверке контрольно-учетным бюро Ачинского детского дома были выявлены грубые нарушения в организации питания воспитанников детских домов в период летней оздоровительной кампании. Без всякого основания рацион питания детей не соблюдался: нормы выдачи мяса и жиров существенно занижались. По детскому дому № 1 детям за июль 1946 г. не было выдано: 8,3 кг жиров, 53,3 кг сахара, 20,4 кг подболточной муки, 997 штук яиц, 1120 литров молока. По Дому ребенка дети недополучили: круп 11,1 кг, 8,3 кг сахара, 857 яиц. По пионерскому лагерю за этот же период обнаружилась недостача 12 кг мяса, 1 кг сыра, 275 кг хлеба.

Если же речь шла об улучшении снабжения руководящих работников, то предписания и инструкции Наркомата торговли с легкостью нарушались. Так, в сентябре-августе 1946 г. начальником краевого карточно-учетного бюро Гончаровой Красноярскому отделению Военторга выдано разрешение на получение 1400 пайков по нормам особого списка, вместо 700 пайков, утвержденных Министерством на третий квартал 1946 года. Системе ГУЛАГ МВД в августе-сентябре 1946 г. разрешалось получать 200 пайков повышенной нормы снабжения, в то время как лимитов снабжения для системы ГУЛАГ по этим нормам не выделялись²⁶⁵.

Еще одним немаловажным источником, которым пользовалась номенклатура для удовлетворения потребностей в тех товарах, которые не могла обеспечить государственная система распределения, была торговля на «черном рынке». Рост цен на рынке не соответствовал скромным доходам рядовых горожан по заработной плате. В 1945 г. рыночные цены были выше довоенного уровня в 5,6 раз. Новый виток рыночных цен был вызван продовольственным кризисом 1946–1947 гг., когда цены на хлеб и муку выросли в 5–6 раз, на картофель – в 2–3 раза²⁶⁶.

Отмена карточной системы не оказала существенного влияния на изменение продовольственного статуса номенклатурной элиты, он по-

²⁶⁴ См.: *Исаков А. Н.* Снабжение и торговля на Северо-Востоке России в годы Великой Отечественной войны // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛАГ. Магадан, 1996. С. 131; *Он же.* Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск, 1998. С. 34,39–40.

²⁶⁵ См.: КГБУ ААКК Ф.П-26. Оп. 16. Д. 32. Л. 6, 7, 8.

²⁶⁶ Если в 1946 г. 1 кг хлеба стоил 8–14 руб., то в 1947 г. – 50–70 рублей. Рыночная цена на 1 кг пшеничной муки на колхозном рынке в Красноярске в 1947 г. составляла 25 руб., пшеничной – 18 руб., килограмм говядины можно было приобрести на рынке за 40 руб., килограмм свинины – за 70 рублей. Животное масло стоило в среднем 150–160 руб. за килограмм, молоко 10–12 руб. за литр.

прежнему был выше, чем у большинства советских граждан. Директивой Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 23 декабря 1947 г. отменялся бесплатный отпуск продовольствия и промтоваров руководящим партийным, советским и хозяйственным работникам, который сопутствовал существовавшей и отмененной тогда же карточной системе. Вместо этого дополнительно к зарплате руководителям выдавалось денежное довольствие.

Однако при всем выше упомянутом следует отметить, что члены номенклатурной элиты были не столько богаты в «западном» смысле этого слова, сколько разительно отличались по уровню жизни от простых людей. Жизнь номенклатурной элиты в сталинскую эпоху характеризовалась аскетизмом: роскошь запрещалась, а комфорт проявлялся в наличии всего необходимого, в первую очередь, продовольствия.

Наличие системы привилегий для советско-партийной номенклатуры было связано с состоянием советской экономики, неизменным спутником которой был дефицит товаров и услуг, в то время как представители номенклатуры обладали преимущественным доступом к таким товарам и услугам. В рассматриваемом периоде наблюдается интенсивное расслоение кадров партийного аппарата. Но следует отметить, что расслоение протекает с разной степенью динамики на союзном, региональном и местном уровне.

Благосостояние отдельных представителей номенклатуры в системе государственного нормированного распределения напрямую зависело от их нахождения в иерархии власти. Однако на практике представители правящей элиты и ее окружения широко прибегали к различным методам «самообеспечения», что явилось одной из причин перерождения социалистической экономики и превращения коррупции в неотъемлемый элемент советской хозяйственной системы. С другой стороны, особый продовольственный статус номенклатуры увеличивает разрыв между чиновничеством и широкими слоями советского общества, окончательно разделяя его на «мы» и «они».

Л. Е. Васильева (Саратов)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ ПОГИБШИХ ФРОНТОВИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В результате Великой Отечественной войны в СССР появилась новая категория одиноких женщин – вдовы, мужья которых погибли на полях сражений, и помощь этим женщинам и их детям стала новой проблемой, требовавшей решения.

Ситуация в стране в первые послевоенные годы была тяжелой, а уровень жизни населения очень низким. На конец 1945 г. цена 1 кг ржаного хлеба из обойной муки в нормированной торговле составляла 1 руб., в коммерческой – 24 руб., литр молока стоил соответственно 2 руб. и 40 руб., 1 кг масла сливочного – 25 и 370 руб., десяток яиц – 6,5 и 100 руб., 1 кг мяса –

12 и 150 руб.²⁶⁷ Средняя зарплата рабочего составляла в это время 442 руб.; в сельском хозяйстве доходы были еще ниже – 223 руб.²⁶⁸ Сопоставление зарплаты и цен показывает, что основная масса рабочих, служащих, колхозников не могла покупать продукты в коммерческих магазинах, а дети по иждивенческой карточке, отовариваемой по государственным ценам, получали в день 300 гр. хлеба, 6 гр. жиров, 3 гр. сахара, 20 гр. круп, 20 гр. мясо-продуктов (в основном яичный порошок)²⁶⁹, что не могло обеспечить полноценное питание растущего организма, а купить что-либо из продуктов по коммерческим ценам матери были не в состоянии.

После засухи 1946 г. правительство СССР пошло по пути жесткой экономии продовольствия. Эта политика коснулась всех слоев советского общества, особенно вдов с детьми, многодетных и одиноких матерей, стариков и инвалидов. Постановление правительства о повышении пайковых и снижении коммерческих цен²⁷⁰ было неоднозначно встречено населением страны, в том числе Саратовской области. Однако надо отметить, что женщины, имевшие детей, более негативно отнеслись к данному постановлению, чем мужчины, и после опубликования Постановления многие из них выражали свое возмущение. Так, раздавались высказывания: «Когда кончится похабщина на рынке, учебники стоят 45 руб., а в школе их не дают, сколько же надо получать заработную плату, чтобы учить ребенка в школе», «В войну так не страдали, как сейчас». В магазине № 100/8 г. Саратова покупательница заявила: «Сами обжираются, толстеют, а мы и наши дети можем погибнуть». Вдовы погибших, прикрепленные к магазину № 20, также выражали свое недовольство – «как будем жить», «тяжело», «четверо детей имею и разве я смогу на пенсию прожить». Работницы предприятий были настроены столь же негативно: «Как же жить нам, ведь я и раньше не могла выкупить продукты из-за денег, что же делать сейчас, хоть ноги протягивай», «Мы ждали конца войны, думали, что жить будем лучше, а мы будем жить плохо, особенно одинокие и многодетные женщины, низкооплачиваемые работницы», «Теперь мне хана, семья 5 человек. Получаю 350 руб., семья не увидит белый хлеб», «Возьмите детей, мне кормить их нечем»²⁷¹.

Денежная реформа 1947 г., проводившаяся в условиях низкого материального уровня жизни населения, облегчила переход к свободной торговле, но поставила людей в затруднительное положение. При проведении реформы старые деньги обменивались на новые в соотношении 10:1. По данным Госбанка, правительству за счет ряда мер удалось сократить количество денег, находившихся в обращении к началу реформы, с 63,4 до

²⁶⁷ См.: Государственные розничные цены нормированной торговли в 1940, 1945 гг. и коммерческой торговли в 1944–1945 гг. на отдельные продовольственные товары // Советская жизнь 1945–1953. Сборник документов, М., 2003. С. 512–513.

²⁶⁸ См.: Народное хозяйство СССР в 1965 г. Статистический ежегодник. М., 1966. С. 593.

²⁶⁹ См.: Советская жизнь. С. 67, 68.

²⁷⁰ См.: Правда. 1946. 16 июня.

²⁷¹ Центр документации новейшей истории Саратовской области (даже – ЦДНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 4866. Л. 5–6; Д. 4777. Л. 9, 15, 21, 23, 70, 83(об.).

43,6 млрд. руб., 37,2 млрд. руб. было обменено, государство достигло финансовой стабилизации, но за счет ограбления народа²⁷².

Одновременно с денежной реформой проводилась отмена карточной системы. Продовольственные и промышленные товары стали продаваться в открытой торговле по единым государственным розничным ценам. Например, цены на хлеб и крупы устанавливались на 10-12% ниже пайковых, на другие продовольственные товары на уровне пайковых, на промышленные товары – повышались в сравнении с пайковыми, но были ниже коммерческих примерно в 3 раза. В дальнейшем правительство неоднократно снижало государственные розничные цены на продукты массового потребления. Трудно найти иную акцию советского правительства СССР, считает В. П. Попов, которая принесла бы ему столь ощутимые идеологические дивиденды у населения, продемонстрировав всему миру неусыпную заботу о повышении жизненного уровня населения²⁷³. Однако правительство, ежегодно снижавшее розничные цены, в то же время изымало часть средств у граждан путем займов. Соотношение розничных цен и заработной платы показывало, что материальный уровень жизни рабочих и служащих повышался незначительно²⁷⁴. Еще более тяжелое положение испытывали колхозники, особенно в первый послевоенный год, так как расчет с колхозниками по зерну был хуже, чем в военном 1943г. – самом неблагоприятном для сельского хозяйства. В целом по СССР в 1946 г. в 78,5% колхозов выдавали на трудодень меньше 1 кг зерна, а 7,7% вообще не производили оплату зерном, что в сочетании с летней засухой стало причиной голода. Положение дел в деревне не являлось для властей секретом, об этом крестьяне регулярно информировали вышестоящие инстанции в своих жалобах и письмах, которые в подавляющем большинстве случаев оставались без ответа²⁷⁵.

Следствием введения высоких цен на продовольственные товары в декабре 1947 г. и изъятия большинства наличных средств в ходе денежной реформы стало дальнейшее ухудшение материального положения населения. «Полученной заработной платы среднему рабочему и служащему, – отмечалось в письме группы руководителей колхозов председателю Совета по делам колхозов при правительстве СССР А. А. Андрееву, – хватает на 5–10 дней, а остальные 20–25 дней он находится на полуголодном пайке, не говоря уже о покупке одежды»²⁷⁶. В дальнейшем, по мере восстановления народного хозяйства, происходил рост заработной платы, хотя и незначительный.

Такое тяжелое материальное положение вызывало необходимость в особой заботе государства о семьях воинов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Государство и местные власти должны были обеспе-

²⁷² См.: Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 45.

²⁷³ См.: Там же.

²⁷⁴ См.: Кузнецова Н. В. Нижнее Поволжье в 1945–1953 гг. Экономические и социальные проблемы послевоенного восстановления и развития: дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2002. С. 234.

²⁷⁵ См.: Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 34.

²⁷⁶ Советские архивы. 1991. № 4. С. 67.

чить эти слои населения дополнительными видами помощи, так как размер пенсий и пособий был явно недостаточен для содержания детей.

Правительство проявляло заботу об осиротевших семьях погибших воинов (так, например, в 1945 г. Постановлением СНК СССР от 21.09.1945 г. семьям погибших воинов были отменены недоимки за прошлые годы по сельхозналогу и поставкам сельхозпродукции). Обязанности по организации материально-бытовой помощи семьям погибших государством были возложены на органы социального обеспечения, местные партийные, советские органы. Тем не менее, многие семьи жили в тяжелейших материально-бытовых условиях, матери не имели возможности отправить детей в школу²⁷⁷.

Саратовский обком ВКП(б) отмечал тот факт, что руководители колхозов на протяжении военных лет и после окончания войны не оказывали помощи в ремонте квартир, надворных построек, подвозе кормов и топлива семьям погибших фронтовиков, критиковал исполкомы районных и городских советов за то, что они не провели обследования этих семей, не проявляли заботы о них²⁷⁸. В 1946 г. в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР Саратовский обком провел проверку, смысл которой состоял в том, чтобы вскрыть факты, «извращающие политику партии в отношении удовлетворения законных нужд трудящихся»²⁷⁹. Прокуратура Саратовской области в 1946 г. также организовала проверку рассмотрения и разрешения жалоб, которая показала, что больше всего их поступало именно от нуждавшихся многодетных вдов, которым не оказывалась материальная помощь (396 жалоб), не предоставлялись льготы, положенные по закону (148), не предлагалась работа (14), не назначались законные пенсии и пособия (66), не выдавался хлеб, заработанный на трудодни (62), не решался вопрос с жильем (63)²⁸⁰. Последняя проблема была очень серьезной, но труднее всего разрешимой. Так, значительная часть многодетных семей погибших воинов проживала в ужасных бытовых условиях, но их просьбы оставались без ответа, хотя помещения освобождались и занимались впоследствии другими лицами²⁸¹. Проверка отчасти помогла, однако решить проблемы всех нуждавшихся женщин не было возможности. Да и контроль осуществлялся от случая к случаю.

Тем не менее, исполком Саратовского облсовета в 1947 г. отметил в своих отчетах, что исполкомы районных и городских советов и органы соцобеспечения проделали значительную работу по выполнению Постановления Совета министров СССР от 13.08.1946 г. о всемерной помощи семьям погибших воинов и их материально-бытовому обслуживанию и в течение 1947–1948 гг. организовали шефство предприятий, колхозов, МТС, совхозов и учреждений над семьями погибших воинов. Работа шефских и опекунских советов была направлена на усиление всесторонней материально-бытовой помощи таким семьям, установление контроля за своевременным назначением и выплатой пенсий и пособий, трудоустройством в промыш-

²⁷⁷ См.: ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4264. Л. 80.

²⁷⁸ См.: Там же. Д. 4266. Л. 1.

²⁷⁹ Там же. Д. 4837. Л. 20.

²⁸⁰ См.: Там же. Л. 20 об.-26, 32об, 34, 35, 36, 39об, 44об.

²⁸¹ См.: Там же. Л. 27, 27 об, 28.

ленности и сельском хозяйстве членов семей, в том числе переводом их на более высокооплачиваемые работы²⁸². Трудоустройство членов семей погибших воинов должно было способствовать укреплению их материального положения. Районным и городским собесам в этом деле существенную помощь оказывали комиссии по трудоустройству, созданные при всех исполкомах советов в области. С образованием таких комиссий значительно уменьшились случаи необоснованных отказов в приеме на работу женщин. С целью обеспечения трудоустройства для некоторых многодетных вдов организовывали работу на дому. В Саратовской области трудоустроено было 77% членов семей погибших воинов, но в целом вопросы повышения их квалификации и переобучения на предприятиях решались неудовлетворительно²⁸³.

Еще одним видом поддержки детей из многодетных и неполных семей после окончания войны стала общественная помощь из фондов всеобщего образования. В Саратовской области, как и по всей стране, была проведена работа по созданию этого фонда. Ряд райкомов партии г. Саратова при активной помощи комсомольских организаций и хозяйственных руководителей способствовали поступлению в них средств за счет массовых культурных мероприятий. В результате такой работы учащиеся некоторых школ города обеспечивались форменной одеждой, обувью, учебниками и т. д. На 1-е сентября каждый год дети из нуждавшихся семей получали подарки²⁸⁴.

Одной из форм помощи вдовам, которую проводили районные и городские отделы собесов, были декадники по сбору материальной помощи для них. Например, в 1946 г. было собрано 968192 рублей. Собранные средства были выданы остро нуждавшимся женщинам²⁸⁵. Но это были разовые мероприятия, да и не везде проходившие организованно.

Несмотря на принятые постановления и проведенные мероприятия, в деле обслуживания семей погибших воинов имелись серьезные недостатки. Многие исполкомы районных, городских, сельских советов недостаточно проявляли заботу об улучшении их материально-бытового обслуживания. В частности, имели место факты беспечного, а порой и бездушного отношения к их жалобам²⁸⁶. Так, Казакова Д. В., многодетная мать, работавшая в горторге уборщицей с заработной платой 200 руб., в течение ряда лет не могла добиться ремонта дома, в котором крыша и стены представляли из себя сплошные щели, а в помещении (из-за отсутствия хлева) вместе с людьми жили домашние животные. Невнимательность по отношению к вдовам простиралась до того, что в комнату, где проживала мать с детьми, Аткарский горком поселил нищенку, вышедшую из тюрьмы, болевшую инфекционными заболеваниями. И только благодаря вмешательству бригады

²⁸² См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-413. Оп. 1. Д. 971. Л. 8об.

²⁸³ См.: Там же. Л. 46, 99.

²⁸⁴ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 52. Л. 142.

²⁸⁵ См.: ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 971. Л. 127.

²⁸⁶ См.: Там же. Л. 13.

общественниц (созданной для оказания материально-бытовой помощи вдовам) данная ситуация была исправлена²⁸⁷.

Исполком облсовета, областной отдел социального обеспечения не приняли необходимых мер по организации опекунских советов на предприятиях и даже не довели указания по этому вопросу до районных отделов. Планы практических мероприятий на 1947 г. по улучшению материально-бытовых условий семей погибших воинов во многих районах не были выполнены. Например, кассы взаимопомощи организованы только в 46% колхозов области, да и в тех материальная база была слаба, жилья отремонтировано 16% от запланированного, надворных построек 38%, 21% нуждавшихся были построены новые дома, крупным и мелким скотом наделены 40%, обеспечено топливом 12% семей, организовано шефство над 19% семей. Обследовано было только 72,4% семей погибших воинов, из них выявлено 7833 остро нуждавшихся семей. В результате плохой работы органов соцобеспечения 10 тыс. детей из этих семей отсеялось из школ из-за материальной необеспеченности²⁸⁸.

Таким образом, вдовам погибших воинов оказывалась помощь в трудоустройстве, построении и ремонте жилья, помещении детей в детские ясли и сады, в пионерские лагеря, единовременная денежная помощь, в том числе хозяйственными, профсоюзными органами, школами (за счет фондов всеобуча), правлениями и кассами общественной взаимопомощи, завкомами²⁸⁹. В то же время необходимо отметить, что многие местные партийные и советские органы не уделяли проблемам матерей достаточного и постоянного внимания. Многие не были обеспечены жильем или имели жилье плохого качества, некоторые женщины были без работы. Из-за недостаточного количества дошкольных учреждений возникала проблема устройства детей. Случаи волокиты, игнорирования нужд семей погибших фронтовиков г. Саратова и области не становились объектом должного внимания партийных и советских органов.

К 1948 г. наблюдалось ослабление внимания райгоротделов социального обеспечения к трудоустройству и материально-бытовому положению семей одиноких и многодетных матерей. В результате к 1 января 1949 г. не посещало школы в Саратовской области 3370 их детей. В начале 1950-х гг. практическая помощь вдовам погибших практически была сведена к нулю. Это доказывало, что внимание к вдовам погибших было в значительной степени вынужденным, а как только дело вроде бы пошло на улучшение, о них забыли.

²⁸⁷ См.: ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 1383. Л. 121.

²⁸⁸ См.: Там же. Д. 971. Л. 14, 44, 46.

²⁸⁹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 3349. Л.180; Д. 215. Л. 215.; Д. 3619. Л. 303; Д. 3900. Л. 265; Д. 4066. Л. 88.

А. А. Гуменюк (Саратов)

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В СССР В 1953–1964 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Институт современной социальной работы в России начал формироваться только в конце прошлого века. На пути своего становления он сталкивается со многими проблемами, облегчить решение которых во многом помогает обращение к историческому прошлому нашей страны. Особое место в этом отношении занимает период 1953–1964 гг., отмеченный усилением внимания государства к социальным проблемам. Анализ основных проявлений в деятельности служб социального обеспечения и страхования в этот период на региональном уровне поможет нынешнему поколению политиков и специалистов по социальной работе более качественно решать проблемы социального обеспечения нуждающегося в этом населения.

Лежавшая в основе советской системы социального обеспечения экономика к началу 1950-х гг. стала давать серьезные сбои. Кризисные явления напрямую сказались на социальной сфере, которая финансировалась по остаточному принципу. Тогдашние лидеры страны старались не замечать социальных проблем²⁹⁰. В результате в системе социального и, прежде всего, пенсионного обеспечения стала распространяться практика нарушений в начислении пенсий. Нередко их получали лица, не имеющие на это право²⁹¹.

Саратовский областной отдел социального обеспечения (облсобес) имел смутное представление о ситуации в районах области, поскольку его работники редко туда выезжали. Ущербность существующей модели социальной работы проявлялась и в том, что многие жители Саратовской области, как и всей страны, вообще не получали никакой помощи. Так, в первом полугодии 1953 г. в облсобес поступило 2279 жалоб и заявлений от трудящихся, лишенных права на получение пенсий, хлебных надбавок и т. д.²⁹². Те же, кто мог рассчитывать на материальную помощь со стороны государства (жены погибших фронтовиков, инвалиды), ожидали ее оказания по месяцу и более или вообще получали отказ²⁹³. Подобное отношение властей к населению, особенно сельскому, вынуждало колхозников любыми путями перебираться в город. Так, «некоторые» члены колхоза им. Ленина Турковского района Саратовской области записывались на курсы в районное училище механизации сельского хозяйства «...только для того, чтобы... получить документ на получение пенсии»²⁹⁴. Население жаловалось и на работу

²⁹⁰ См.: Агапов Е. П. История социальной работы: Учебное пособие. М., 2010. С. 224.

²⁹¹ См.: Государственный архив научной информации Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 2. Д. 2779. Л. 155; Д. 3055. Л. 201.

²⁹² См.: Там же. Д. 2730. Л. 50, 70–71.

²⁹³ См., напр.: Там же. Ф. 202. Оп. 26. Д. 1. Л. 72.

²⁹⁴ Там же. Ф. 115. Оп. 29. Д. 1. Л. 79.

областной врачебно-трудовой экспертной комиссии (ВТЭК), работниками которой нередко допускались ошибки при определении групп инвалидности. В первом полугодии 1953 г. в облсобес поступило 281 заявление по этому поводу (всего же за этот период было зафиксировано 345 жалоб на ВТЭК)²⁹⁵.

Сокращалось число инвалидов и пенсионеров, трудоустроенных по линии облсобеса. Если за первое полугодие 1953 г. количество работающих инвалидов Великой Отечественной войны уменьшилось лишь на 0,3%, то только за первый квартал 1954 г. – уже на 1,2%. Неработающие пенсионеры и инвалиды труда, особенно больные туберкулезом, постоянно жаловались в сектор трудового и бытового устройства облсобеса на нехватку путевок в санатории. Например, из требующихся 698 путевок в 1953 г. облсобесу было выделено меньше половины. К тому же их получения нуждающиеся ожидали по 2–3 года. Аналогичное положение наблюдалось и с мото- и велоколясками, производимыми протезным заводом в недостаточном количестве. В первом полугодии 1953 г. облсобесом из 100 требующихся мотоколясок не было получено ни одной; а из 110 велоколясок облсобес смог получить только 24²⁹⁶.

Саратовский областной отдел Всероссийского общества слепых (ВОС) ничего не мог сделать для улучшения жилищных условий слепых г. Саратова, проживавших «... в одной комнате... по 3–4 семьи вместе с малолетними и взрослыми детьми»²⁹⁷. К тому же им приходилось трудиться в тяжелых условиях: цеха были тесными, грязными, ощущалась нехватка спецодежды. Поэтому темп прироста работающих слепых был низким: с 1954 г. по 1957 г. их число увеличилось только на 64 человека²⁹⁸.

Имеющиеся дома инвалидов в области были переполнены, чтобы попасть в них нуждающиеся ожидали от двух до трех лет. Это было причиной многочисленных жалоб населения в органы власти. Руководство облсобеса неоднократно обращалось в обком с просьбой выделить «несколько дач» для организации «хотя бы одного дома инвалидов для г. Саратова». Те из инвалидов, кому удавалось попасть в эти дома, становились «заложниками» плохого продовольственного обеспечения яйцами, сметаной, рыбой, сухофруктами (особенно в селах), не могли нормально соблюдать личную гигиену из-за нехватки бань (в городах). Врачи райздравотделов редко посещали дома инвалидов, что сказывалось на качестве медицинского обслуживания²⁹⁹.

Многие районные отделы социального обеспечения располагались в непригодных для организации нормальной работы помещениях. Так, например, в «Сведениях о работе Дергачевского отдела социального обеспечения на 1 ноября 1953 года» отмечалось, что «... комната, в которой располагался райсобес очень тесная. Стоят шесть столов вплотную. Посетителей принимать негде. А их... бывает много. Сойдутся два, три пенсионера разрешить вопросы, каждый из них старается скорее разрешить вопрос и

²⁹⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 2730. Л. 96, 101.

²⁹⁶ См.: Там же. Л. 79, 86, 87; Д. 3055. Л. 142, 143, 201.

²⁹⁷ Там же. Д. 3055. Л. 184.

²⁹⁸ См.: Там же. Д. 3854. Л. 175.

²⁹⁹ См.: Там же. Д. 3055. Л. 201, 206, 211.

уйти. Обращаются одновременно к заведующему, счетоводу, инспектору получается шум и трудно понять друг друга, а остальным работникам тоже тяжело работать»³⁰⁰. Такая картина являлась результатом плохого освоения средств, выделяемых на приобретение мягкого и жесткого инвентаря, на капитальный ремонт и т. д. Так, в 1953 г. в области не было использовано по назначению 90 тыс. рублей³⁰¹.

При Хрущеве государство начало заботиться о массе пожилых людей – главном «человеческом материале» первых пятилеток и инвалидах войны. Число последних с 1941 г. по 1956 г. выросло в целом по стране на 7,2 млн. человек³⁰². Первые позитивные перемены в деятельности органов социального обеспечения Саратовской области обозначились уже на следующий год после смены власти. Увеличилось число трудоустроенных пенсионеров и инвалидов (финансирование этой стороны деятельности собесов за 1953–1954 гг. выросло с 445,3 тыс. руб. до 524 тыс. руб.), был произведен ремонт в областной профшколе-интернате³⁰³. Реализация принятого 15 мая 1954 г. Совмином СССР постановления «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий старых членов КПСС» способствовала повышению внимания работников саратовских областных социальных служб к этой категории населения (всего 211 человек по области)³⁰⁴. Если в 1953 г. на содержание инвалидов и престарелых в интернатах и домах инвалидов по области было затрачено 5215 тыс. руб., то в 1954 г. – уже 60370 тысяч. На 2118 тыс. руб. за этот же период выросли расходы на протезирование инвалидов войны и труда. Например, если в 1953 г. моторных и велосипедных (с ручным управлением) колясок было выдано всего 54 инвалидам войны и труда, то в 1954 г. – уже 166. Всего же за 1953–1955 гг. расходы по социальному обеспечению в области выросли с 20,1 млрд. руб. до 45,8 млрд. рублей. Однако при этом позитивного прироста в выплате пенсий, единовременных пособий нуждающимся за счет средств соцстраха³⁰⁵ и на санаторно-курортное обслуживание еще не наблюдалось (в 1955 г. было выдано всего на 4 путевки больше, чем в 1953 г.). В этой связи делегаты X областной партийной конференции (12–13 января 1956 г.) отмечали, что только в 1955 г. в обком поступило 430 жалоб по вопросам социального обеспечения³⁰⁶.

Все выше перечисленное, в сумме с другими доставшимися новому советскому руководству от предшествующей эпохи социальными проблемами, делало систему социализма более уязвимой в мирном соревновании с капитализмом. Необходимость доказать преимущества социализма более наглядным путем заставила Н. С. Хрущева обратить более пристальное внимание на социальные вопросы. Уже в 1953 г. на предприятиях ВОС вместо восьмичасового рабочего дня и отпуска продолжительностью 12 дней

³⁰⁰ ГАНИСО. Ф. 1778. Оп. 29. Д. 28. Л. 8–8 об.

³⁰¹ См.: Там же. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3055. Л. 201.

³⁰² См.: История России. XX век: 1939–2007 / под ред. А. Б. Зубова М., 2010. С. 336.

³⁰³ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3055. Л. 207; Д. 3336. Л. 421.

³⁰⁴ Министерство социального обеспечения РСФСР стало им выплачивать денежные пособия в размере от 600 до 1200 руб. (см.: Там же. Д. 3055. Л. 215–216).

³⁰⁵ Если за III квартал 1954 г. в среднем на одну семью рабочих было выдано 120 руб., то за III квартал 1955 г. – только 90 руб. (см.: Там же. Д. 3212. Л. 284).

³⁰⁶ См.: Там же. Д. 3336. Л. 421–423; Д. 3439. Л. 123.

были введены шестичасовой рабочий день и 24-дневный отпуск. 9 марта 1954 г. своим распоряжением Совмин СССР предоставил слепым право бесплатного пользования внутригородским транспортом и ряд других льгот. В начале 1960-х гг. аналогичные льготы получили и другие категории инвалидов³⁰⁷.

Президиум ВЦСПС своим постановлением от 5 февраля 1955 г. утвердил положение «О порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию». Право на получение пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, на рождение ребенка, на погребение и на переквалификацию этим документом было распространено на все категории рабочих и служащих и трудящихся других категорий³⁰⁸.

В последующие годы советская система социального страхования подвергалась некоторым изменениям, касавшимся детализации условий получения пособий различными категориями населения, а также увеличения размеров этих пособий³⁰⁹. Изменения в социальном законодательстве сопровождались увеличением ассигнований на социальное страхование. Так, лишь с 1955 г. по 1957 г. областной бюджет социального страхования вырос с 171 тыс. руб. до 417 тыс. руб., что позволило увеличить объемы выплачиваемых пособий. Например, только за год (с 1960 г. по 1961 г.) в области нуждающиеся получили больше на 3,1 млн. руб. пособий по временной нетрудоспособности³¹⁰. Возросли размеры дотации от предприятий и учреждений на приобретение путевок в санатории, дома отдыха, пионерские лагеря и на содержание детей в детских учреждениях. Если за 1961 г. расходы на эти цели выросли на 4,5%, то за девять месяцев 1962 г. уже на 10%³¹¹.

14 июля 1956 г. Верховным советом СССР был принят закон «О государственных пенсиях», означавший начало нового этапа в функционировании советской системы социального обеспечения. Определив три вида пенсий – по старости, по инвалидности и по случаю потери кормильца – закон и постановление, детализирующее порядок его реализации, не только расширили круг лиц, которым они предоставлялись, но и практически положили начало всеобщему государственному пенсионному обеспечению трудящихся. Был установлен самый низкий в мире возрастной порог ухода на пенсию (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин). Размеры всех разновидностей пенсий колебались от 360 руб. до 1200 рублей³¹². Согласно прописанным в этом законе положениям должно было осуществляться и пенсионное обеспечение офицеров, военнослужащих сверхсрочной службы, писателей, композиторов, работников изобразительного искусства, просвещения,

³⁰⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3055. Л. 182; Собрание Постановлений (СП) РСФСР. 1962. Отд. 1. № 1. Ст. 13, 15.

³⁰⁸ См.: История социальной работы в России: хрестоматия. М., 2009. С. 43–44.

³⁰⁹ См.: Собрание постановлений (СП) СССР. 1957. Отд. 1. № 2. Ст. 9; № 3. Ст. 22; 1960. Отд. 1. № 17. Ст. 149; 1964. Отд. 1. № 8. Ст. 64.

³¹⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3688. Л. 62; Д. 4864. Л. 26.

³¹¹ См.: Там же. Д. 3212. Л. 284; Д. 4664. Л. 98; Д. 4864. Л. 28, 127; Ф. 970. Оп. 32. Д. 9. Л. 20.

³¹² См.: Социальное обеспечение в СССР. Сборник официальных материалов. М., 1960. С. 7–22; СП СССР. 1957. Отд. 1. № 1. Ст. 1; 1962. Отд. 1. № 1. Ст. 9; № 8. Ст. 68; 1963. Отд. 1. № 2. Ст. 14; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4523. Л. 46–46 об.

здравоохранения, сельского хозяйства и членов их семей; учащихся средних школ, ставших инвалидами в результате трудового или профессионального увечья, и других³¹³.

Уже на стадии обсуждения (май 1956 г.) проект этого закона «О государственных пенсиях» вызвал большой позитивный резонанс в обществе. Так, один из работников пенсионного возраста института сельского хозяйства Юго-Востока СССР (г. Саратов) по поводу этого закона высказался так: «Закон о государственных пенсиях намного повышает благосостояние моей семьи. Лично я получаю 260 рублей, а с 1 октября буду получать 490 рублей. Кроме того, некоторые члены моей большой семьи также получают пенсии за умерших кормильцев и по инвалидности 1400 руб., а по новому закону будут получать до 9000 рублей»³¹⁴. Аналогичным образом высказывались рабочие и служащие механического, станкостроительного, почтовый ящик № 236 заводов г. Саратова, перчаточной, макаронной, швейной фабрик города³¹⁵.

В то же время на митингах можно было услышать недовольство тем, что закон вступал в силу только 1 октября 1956 года. Например, токарь станкостроительного завода инвалид II группы заявил: «После тяжелой операции мне врачи запретили работать. Но, получая 150 рублей пенсии, я не могу оставить работу, так как имею семью. Я очень доволен, что буду получать пенсию около 450 руб. в месяц, но мне еще придется работать 5 месяцев, а это очень тяжело»³¹⁶. Однако позитивные высказывания превалировали над критикой.

К 1 октября 1956 г. органы социального обеспечения г. Саратова и области приступили к перерасчету старых пенсий и назначению новых, согласно принятому закону. Эта работа проводилась до 1 июня 1957 г.³¹⁷, что позволило улучшить до конца года материальное положение 163 тыс. пенсионеров в области и г. Саратове. Действительно, суммы, предназначенные для выплаты пенсий, выросли по сравнению с 1955 г. в два раза, а размеры пенсий в 5–7 раз³¹⁸. К началу 1958 г. населению области было выплачено в виде пенсий и пособий свыше одного миллиарда 454 млн. руб.³¹⁹, в 1961 г. эта сумма выросла еще на 19,2 млн. рублей. В течение следующего 1962 г. размеры пенсий и пособий, получаемых престарелыми и инвалидами области, выросли на 5,8 млн. рублей³²⁰.

Реформа пенсионного законодательства позволила рабочим и служащим, достигшим пенсионного возраста, оставить работу. В результате, количество пенсионеров в области выросло с 60872 человек в 1955 г. до

³¹³ См.: СП СССР. Отд. 1. 1957. № 3. Ст. 23; № 10. Ст. 196; 1959. № 20. Ст. 163; 1960. № 1. Ст. 2.

³¹⁴ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3543. Л. 3, 5.

³¹⁵ См.: Там же. Л. 2, 6, 7, 9, 17; Ф. 136. Оп. 14. Д. 34. Л. 7, 8, 10.

³¹⁶ Там же. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3543. Л. 3.

³¹⁷ См.: Там же. Д. 3592. Л. 202; Д. 3854. Л. 182.

³¹⁸ Среднемесячный размер пенсий на одного человека в 1955 г. составлял 196 руб., а в 1957 г. уже 330 рублей. Это от 55 до 100% средней заработной платы (см.: Там же. Д. 3688. Л. 61; Д. 4098. Л. 2; Д. 4523. Л. 34; Соколов А. К., Тяжельникова В. С. Курс советской истории. 1941–1991. М., 1999. С. 232).

³¹⁹ Коммунист. 1958. 18.02. С. 3.

³²⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4864. Л. 212; Ф. 1012. Оп. 1. Д. 101. Л. 2.

278,9 тыс. человек (без пенсионеров офицерского состава и их семей) к началу 1963 года³²¹. Новая пенсионная система существенно сократила разрыв в размерах пенсионного обеспечения различных категорий населения и в то же время сохраняла необходимую дифференциацию в зависимости от квалификации труда и заработка каждого выходящего на пенсию. Уже к 1960 г. в целом по стране размеры пенсионного пособия каждого пенсионера были в пять раз выше, чем в довоенном 1940 году³²².

Однако, условия, в которых работники собесов претворяли в жизнь реформу пенсионного обеспечения, были плачевными, особенно в конце 1950-х годов. Даже в большинстве отделов облсобеса прием посетителей был «... организован плохо, в помещении отсутствует необходимый уют и удобства для пенсионеров, зачастую в ожидании приема престарелые люди вынуждены стоять, так как нет мебели»³²³. Аналогичная ситуация наблюдалась во всех районных собесах г. Саратова и некоторых райсобесах области³²⁴, являлась причиной многочисленных жалоб пенсионеров. Другим поводом для их недовольства выступали нарушения пенсионного законодательства: в 1957 г. в облсобес поступило около 10 тыс. жалоб³²⁵. В целом по стране вследствие допущенных ошибок только в 1963 г. было незаконно выплачено пенсий на сумму 508 тыс. руб. и переплачено на сумму 3312 тыс. рублей³²⁶. Население области в своих наказах властям также просило увеличить количество домов инвалидов общего типа, особенно в районах; улучшить условия содержания в них³²⁷.

Все это послужило основанием для принятия в январе 1961 г. нового «Положения о Министерстве социального обеспечения РСФСР», призванного повысить качество исполнения основных функций этого ведомства: выплаты пенсий, организации врачебно-трудовой экспертизы, трудового устройства и профессионального обучения инвалидов, материально-бытового обслуживания пенсионеров, многодетных и одиноких матерей, предоставления протезно-ортопедической помощи³²⁸. Реализация этого положения действительно привела к некоторому сокращению сумм переплат пенсий: если в 1957 г. в области было переплачено пенсий на сумму 244,5 тыс. руб., то в 1961 г. – только на 11666 рублей. Расходы на социальное обеспечение по сравнению с 1953 г. выросли на 150%³²⁹. Несколько улучшилась работа ВТЭК, были проведены значительные работы по капитальному ремонту детских домов инвалидов и домов престарелых. С 20 декабря 1963 г. начало функционировать государственное учреждение социального

³²¹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3854. Л. 182; Ф. 1012. Оп. 1. Д. 101. Л. 2.

³²² См.: История России. С древнейших времен до конца XXI в. / под ред. А. Н. Сахарова. М., 2011. С. 1150; Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. С. 430.

³²³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4098. Л. 3.

³²⁴ См.: Там же. Д. 3592. Л. 201, 202; Д. 3854. Л. 189, 202, 206, 239, 247; Ф. 196. Оп. 26. Д. 81. Л. 4; Ф. 2918. Оп. 22. Д. 8. Л. 66.

³²⁵ См.: Там же. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4098. Л. 3; Д. 4720. Л. 59.

³²⁶ См.: СП РСФСР. 1964. Отд. 1. № 8. Ст. 60.

³²⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3801. Л. 7, 55. 99 об.

³²⁸ См.: СП РСФСР. 1961. Отд. 1. № 2. Ст. 7.

³²⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4098. Л. 2; Д. 4915. Л. 45, 46, 207.

обслуживания системы социальной защиты населения «Саратовский дом престарелых и инвалидов»³³⁰.

Однако принятые меры не привели к снижению количества жалоб, поступавших в обком «о пенсиях, оказании материальной помощи, устройстве на лечение». Если за десять месяцев 1957 г. их поступило 458, то за 1960 г. и пять месяцев 1961 г. – уже 1092³³¹. Одной из причин их роста являлось то, что вышеуказанные изменения системы пенсионного обеспечения, прежде всего, затронули население городов. Колхозники оказались обделенными³³², за исключением инвалидов Великой Отечественной войны, председателей колхозов, специалистов по сельскому хозяйству и механизаторов, перешедших в колхозы после реорганизации МТС³³³. Эти категории населения имели право на получение государственных пенсий по старости, размеры которых были увеличены после выхода в свет закона от 14 июля 1956 года. Рядовые же колхозники могли рассчитывать только на страховые и пенсионные фонды, находившиеся в распоряжении касс общественной взаимопомощи колхозов (КОВК). Они оказывали помощь семьям погибших воинов, инвалидам войны, а также колхозникам в случае старости, болезни, потери трудоспособности, при содержании детей сирот. В Саратовской области уже в начале 1956 г. такие кассы были организованы в 580 колхозах, членами которых состояли 94800 человек. Правлениями этих касс было выдано нуждающимся 16,8 тыс. руб. и 182,5 центнеров хлеба³³⁴. Однако в шести районах области КОВК вообще не было³³⁵.

Ситуацию было призвано изменить постановление Совмина СССР от 6 января 1958 г., утвердившее новую редакцию «Примерного устава кассы общественной взаимопомощи в колхозах», тем не менее, по-прежнему только половина колхозов страны оказывала помощь нуждающимся в порядке пенсионного обеспечения³³⁶. Поэтому не удивительно, что работники районных собесов, видя, что многие престарелые колхозники фактически брошены на произвол судьбы, предлагали центральной власти так скорректировать перспективный план развития народного хозяйства на 1959–1965 гг., чтобы предусмотреть «... организацию единого государственного

³³⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4412. Л. 70; Д. 4523. Л. 54; Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-1738. Оп. 8. Д. 14. Л. 29; Саратов плюс ТВ. 2011. № 51 (597). Л. 3.

³³¹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3688. Л. 118; Д. 4586. Л. 197.

³³² Так, колхозники Федоровского района Саратовской области обращались к работникам райсобеса с таким вопросом: «Что мы не советские люди, что потеряв трудоспособность, не можем получить ниоткуда помощи?» (см.: Там же. Ф. 2918. Оп. 18. Д. 1. Л. 138).

³³³ Судьбы российского крестьянства / под ред. академика Ю. А. Афанасьева. М., 1996. С. 429.

³³⁴ По объему оказываемой помощи КОВК Саратовской области значительно уступали обществам взаимопомощи других областей. Так, в Краснодарском крае в 1956 г. этими организациями было выдано 10 млн. руб. безвозвратных и примерно на такую же сумму возвратных сумм. В Волгоградской области в 1957 г. денежный фонд КОВК составлял 3,5 млн. руб., а натуральные фонды оценивались в 440 тыс. рублей (см.: *Александров П. А.* Развитие социального обеспечения советского крестьянства // Вопросы истории. 1974. № 9. С. 24).

³³⁵ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3336. Л. 424.

³³⁶ См.: СП СССР. 1958. Отд. 1. № 6. Ст. 68; Судьбы российского крестьянства. С. 430.

пенсионного обеспечения колхозников... как это делается по рабочим и служащим»³³⁷.

К подобным инициативам центр, видимо, не остался равнодушным. Своим постановлением от 24 февраля 1958 г. Совет Министров РСФСР распорядился ввести для инвалидов, бывших членов колхозов, не получающих пенсий, государственные пособия³³⁸. Уже в 1959 г. 70% колхозов РСФСР выплачивали пенсии по старости и пособия по временной нетрудоспособности и женщинам по беременности и родам. В Саратовской области размер выплаты пенсий и пособий и других поступлений от государства и колхозов на одну сельскую семью вырос с 165 руб. в третьем квартале 1954 г. до 297 руб. в первом квартале 1959 года³³⁹.

Другим источником социального обеспечения колхозников являлся созданный после 1953 г. общественный фонд помощи и пенсионного обеспечения. В 1962 г. в этот фонд колхозы области отчислили 6583 тыс. руб., не считая натуральных отчислений. Это позволило выплачивать пенсии 56845 колхозникам, а в 1963 г. – 61 тыс. пенсионерам. Им было выплачено 5421 тыс. рублей³⁴⁰.

Однако причины для недовольства у престарелых колхозников все еще сохранялись, поскольку не существовало единых норм отчислений в вышеуказанный фонд. Во многих хозяйствах пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца не назначались, размер пенсий был низким. Управление пенсионным делом в некоторых колхозах было децентрализовано, пенсии назначались в пределах одного и того же колхоза различными органами (правление колхоза, комиссиями пор назначению пенсий и КОВК), функции которых не были четко разграничены³⁴¹. К тому же советское крестьянство оказывалось «заложником» бедности колхоза, безответственного отношения колхозного руководства или МТС к заполнению трудовых книжек и т. д. Кроме того, помощь от колхозов законодательно было запрещено выдавать тем членам КОВК, кто не выполнял установленного минимума трудодней, нарушал трудовую дисциплину³⁴².

³³⁷ ГАНИСО. Ф. 2918. Оп. 18. Д. 70. Л. 90. Процедура начисления пенсий рабочим и служащим была достаточно простой: на заработную плату каждого из них начислялись страховые взносы. Аналогичная процедура в отношении колхозников была гораздо сложнее: учитывалась степень нуждаемости престарелых, выполнение установленного минимума трудодней перед выходом на пенсию, выполнение пенсионеров посильных обязанностей в общественном хозяйстве, наличие трудоспособных членов семьи, обязанных содержать престарелых по закону, количество трудоспособных в семье, величину приусадебного участка у пенсионера, наличие у него других видов заработка (См.: Там же; *Александров П. А.* Указ. соч. С. 26).

³³⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4092. Л. 47; СП РСФСР. 1962. Отд. 1. № 19. Ст. 100; № 17. Ст. 135.

³³⁹ См.: Судьбы российского крестьянства. С. 430; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3212. Л. 287; Д. 4231. Л. 244.

³⁴⁰ См.: *Беликов М. С.* Политика коммунистической партии Советского союза в области повышения благосостояния колхозного крестьянства в 1953–1965 гг. (на материалах Саратовской области): дис. ...канд. ист. наук. Саратов, 1966. С. 243; *Островский В., Венниг Б.* По старым саратовским трактам. Из истории прошлого и настоящего саратовского крестьянства. Саратов, 1966. С. 62.

³⁴¹ *Александров П. А.* Указ. соч. С. 26.

³⁴² См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3620. Л. 89; Ф. 3120. Оп. 19. Д. 8. Л. 11, 20; СП СССР. 1958. Отд. 1. № 6. Ст. 68.

Снизить количество жалоб сельчан было призвано введение государственных пенсий колхозников, ставшее подлинной «революцией» в социальной сфере. Принятые в июле 1956 г. три вида государственных пенсий распространялись сначала на председателей колхозов, специалистов по сельскому хозяйству и механизаторов³⁴³, а затем на все остальные категории колхозников. В июле 1964 г. на сессии Верховного Совета СССР Н. С. Хрущев представил проект закона «О пенсиях и пособиях членам колхозов». Порядок их назначения и выплаты был детализирован уже после снятия Хрущева³⁴⁴. В 1969 г. правовые нормы социального обеспечения и социального страхования членов колхозов были подтверждены в «Примерном уставе колхоза», а в последующие годы они практически мало чем отличались от соответствующих социально-правовых норм обеспечения рабочих и служащих. Однако единая для всех категорий граждан система пенсионного обеспечения была введена только в 1989 году³⁴⁵.

Тем не менее, в предперестроечное двадцатилетие (особенно в 1970-е гг.) в СССР было построено более или менее целостное социальное государство, хотя и на явно недостаточной материальной основе³⁴⁶. Но это не помешало западным странам активно заимствовать многие его черты. «Хрущевская оттепель» же явилась переходным периодом к этому государству.

С. А. Яковлев (Саратов)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ТРУДА И ПРОИЗВОДСТВА В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1965–1975)

Решение проблемы переоснащения сельскохозяйственного производства новейшей техникой долгое время являлось одним из основных направлений в деятельности государства. Наиболее плодотворными в этом плане были 1960–1970-е годы.

Модернизировался ряд моделей машин и механизмов, создавались новые агрегаты. Продолжалась начатая в 1953 г. работа по созданию системы машин для комплексной механизации сельского хозяйства, основной вектор которой заключался в следующих направлениях: повышение энергооснащенности тракторов, создание широкозахватных и многорядных машин и машин с активными рабочими органами, внедрение комбинированных ма-

³⁴³ См.: СП СССР. 1964. Отд. 1. № 13. Ст. 89.

³⁴⁴ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 5. 1962–1965 гг. М., 1968. С. 472–478, 497–500, СП СССР. 1964. Отд. 1. № 20. Ст. 128.

³⁴⁵ См.: СП СССР. 1969. Отд. 1. № 26. Ст. 150; *Сухоруков М.* Становление и совершенствование советской модели социального обеспечения населения (1918–1991 годы) // Социальная защита. 1996. № 1. С. 127.

³⁴⁶ Это доказывает динамика писем жителей области по вопросам социального обеспечения, поступавших в Саратовские обком и облисполком: если в 1971 г. их было подано 262, то в 1983 г. – только 164. (см.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 15. Д. 7. Л. 117; Оп. 32. Д. 138. Л. 19).

шин, увеличение скорости тракторов и пропускной способности уборочных комбайнов, создание новых типов уборочных машин, широкое применение электроэнергии для механизации сельскохозяйственного производства.

В марте 1965 г. был сформулирован новый подход к проблемам экономики в рамках социалистических представлений о сельскохозяйственном производстве. В развитие этих положений предусматривалось внедрение более прогрессивных и универсальных машин, выполняющих одновременно несколько технологических процессов, применительно к природно-экономическим зонам и возделываемым культурам. Такой подход получил развитие в директивах съездов, Пленумов, постановлений ЦК КПСС и решениях правительства СССР³⁴⁷.

Большое значение в осуществлении комплексной механизации имело развитие международного сотрудничества и экономической интеграции в отраслях промышленности, производящих средства производства для сельского хозяйства в рамках бывшего Совета Экономической Взаимопомощи (далее – СЭВ). Еще в 1949 г. вторая сессия СЭВ определила конкретные принципы этого сотрудничества, в соответствии с которыми страны – члены СЭВ оказывали друг другу помощь в строительстве и реконструкции ряда заводов по производству тракторов, запасных частей, сельскохозяйственных машин, позволявших переоснастить сельское хозяйство новой техникой.

Интенсивное развитие международного сотрудничества привело к тому, что уже в 1961 г. в рамках СЭВ была принята первая международная система машин, которая включала 1103 типоразмера. Вторая международная система, одобренная в 1965 г., включавшая 1113 типоразмеров машин³⁴⁸, сыграла определенную роль в индустриализации сельского хозяйства нашей страны. Развернувшаяся во второй половине 1960-х годов в зерновом хозяйстве комплексная механизация подошла к завершению, а в животноводстве ее развитие приняло всеобщий характер. Учеными и специалистами сельского хозяйства и промышленности была разработана система машин, которая предусматривала внедрение в сельскохозяйственное производство 857 типоразмеров машин и орудий для механизации возделывания и уборки свыше 100 сельскохозяйственных культур и всех производственных процессов в животноводстве в 15 почвенно-климатических зонах³⁴⁹. К концу восьмой пятилетки в животноводстве и на полях колхозов и совхозов страны работало 700 типоразмеров машин и механизмов³⁵⁰. Эти направления нашли отражение в разработке системы машин на 1971–1975 гг., которая включала более 2 тыс. типоразмеров оборудования, комплектов поточных линий, приспособлений и приборов.

³⁴⁷ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5. С. 739–740; Ленинская аграрная политика КПСС. Сборник важнейших документов (март 1965 г. – июнь 1975 г.). М., 1978. С. 100, 113, 117, 481, 625; Ленинская аграрная политика КПСС. Сборник важнейших документов (август 1978 г. – август 1982 г.). М., 1983. С. 81, 122, 230; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. М., 1985. Т. 15, ч. 1. С. 47; ч. 2. С. 264.

³⁴⁸ См.: Комплексная программа развития сельского хозяйства в действии. М., 1980. С. 293.

³⁴⁹ См.: Коммунист. 1965, № 7. С. 55.

³⁵⁰ См.: Экономика сельского хозяйства. 1971. № 5. С. 19.

Система машин на 1976–1980-е гг. состояла из 2965 наименований, из них 954 были созданы заново, 223 модернизированы³⁵¹. Речь шла о переходе от частичной к комплексной механизации производства, о практическом внедрении системы машин во все сельскохозяйственные отрасли. В техническом перевооружении сельского хозяйства участвовали 28 промышленных министерств³⁵². В 1975 г. на укрепление материально-технической базы сельского хозяйства направлялась продукция почти 900 предприятий, в том числе 214 специализированных заводов тракторного и сельскохозяйственного машиностроения³⁵³. Такая производственная база позволила за годы десятой пятилетки разработать и начать производство свыше 550 типов сельхозмашин и агрегатов³⁵⁴. В это время среди других получили путевку в жизнь тракторы К-700 с двигателем 450–500 л. с., гусеничные тракторы с двигателем 250 л. с., универсальные пропашные тракторы мощностью 150 л. с., самоходный кукурузоуборочный комбайн КСКУ-6, кормоуборочный комбайн КСК-100, свеклопогрузчик СП-4, большое количество машин для животноводства и кормопроизводства³⁵⁵.

Комплексная механизация и автоматизация производственных процессов требовали специальной подготовки, постоянного повышения профессиональной квалификации работников. Поэтому интенсивно шел процесс профессионального разделения труда. В сельскохозяйственном производстве появились новые профессии, такие как оператор машинного доения, наладчик оборудования ферм, слесари-электромонтажники, линейные электромонтеры, мастера-наладчики сельскохозяйственных машин, лаборанты-химики, машинисты насосных станций. Вместе с тем наблюдалась тенденция к совмещению профессий, что помогало более эффективно использовать сельскохозяйственную технику, сокращать потребность в рабочей силе. В годы восьмой пятилетки подготовка механизаторских кадров в Саратовской области осуществлялась в 20 сельских профессионально-технических училищах по 20 специальностям. Училища готовили трактористов-машинистов широкого профиля, электромонтеров сельской электрификации, слесарей по ремонту топливной аппаратуры, водителей автомобилей, электросварщиков, мастеров-наладчиков, механизаторов мелиоративных работ, слесарей по ремонту тракторов и автотракторного оборудования, автомобилей и сельскохозяйственных машин, машинистов дождевальных установок и т. д.³⁵⁶.

В Саратовской области уже в 1972 г. из 20 сельских профтехучилищ 5 работали по программам средних училищ с трехлетним сроком обучения, где готовили трактористов-машинистов широкого профиля. Пугачевское училище готовило механизаторов-мелиораторов, Хвалыинское – токарей, столяров-строителей, Петровское – электромонтеров сельской электрифи-

³⁵¹ См.: Механизация и электрификация социалистического сельского хозяйства. 1976. № 2. С. 2.

³⁵² См.: Там же.

³⁵³ См.: Там же. С. 3.

³⁵⁴ См.: Степанов А. И. Реализация аграрной политики КПСС. М., 1984. С. 43.

³⁵⁵ См.: Там же. С. 44.

³⁵⁶ См.: Романченко В. Я. Партийное руководство совхозами в условиях развитого социализма. (1965–1970). На материалах Нижнего Поволжья: дис. ...канд. ист. наук. Саратов. 1979. С. 102.

кации. В целом подготовка охватывала 26 профессий³⁵⁷. В начале десятой пятилетки 14 училищ из 21 были преобразованы в средние.

Вместе с тем, осуществлялась широкая подготовка кадров массовых профессий в филиалах СПТУ, организованных непосредственно в колхозах и совхозах, имеющих необходимую материально-техническую базу и педагогические кадры. Кроме традиционных профессий механизатора, в них обучали профессиям, необходимым в связи с развитием новых направлений в сельском хозяйстве. Так, развитие мелиорации вызвало потребность в кадрах специалистов-мелиораторов. В Саратовской области на базе совхоза «Энгельсский» был создан межрайонный учебный комбинат для механизаторов-мелиораторов, который с 1970 по 1975 гг. окончили 765 специалистов. Комбинат также выпускал машинистов насосных станций и дождевальных установок.

Основная часть работников ферм в начале восьмой пятилетки не имела специальной подготовки. Вместе с тем, расширение поставок нового оборудования для ферм, механизация трудоемких процессов требовали укрепления животноводства квалифицированными кадрами птицевода, техника искусственного осеменения, механизаторов по стрижке овец, классировщиков шерсти, 156 механизаторов животноводческих ферм, 378 мастеров машинного доения³⁵⁸.

Оснащение колхозов и совхозов тракторами, комбайнами, широким ассортиментом машин и механизмов, дальнейшее развитие ремонтной базы, привели к росту энерговооруженности и качественно новому уровню механизации производственных процессов на селе. Развитие производительных сил, наряду с ростом индустриальной прослойки сельских тружеников, повлекли за собой крупные изменения и в организации труда и производства в основных отраслях сельского хозяйства – в полеводстве и животноводстве.

В середине 1960-х гг. стал внедряться групповой метод использования машин на севе и уборке зерновых. Опыт показал, что он позволяет резко сократить простои агрегатов при заправке сеялок и транспортировке зерна от комбайнов, повысить уровень технического обслуживания с помощью ремонтных звеньев и звеньев-наладчиков, улучшить питание механизаторов. Там, где этот метод применялся на севе, там появлялась возможность применения его и на уборке, так как одновременный засев всего поля предопределял одновременное созревание хлебов, создание условий для начала уборки сразу на крупных участках.

В Саратовской области групповой метод уборки и сева зерновых начал внедряться в Ершовском районе. Здесь уже на уборке урожая 1966 г. во многих хозяйствах с успехом применялся этот метод. Примером может служить совхоз «Декабрист», где труженики полей продемонстрировали высокую производительность труда. Так, на бороновании наиболее эффективную работу показала группа из четырех агрегатов, применение которых позволило снизить эксплуатационные расходы на 19% в расчете на гектар. В целом в районе благодаря применению этого метода было сэкономлено около

³⁵⁷ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 20. Д. 23. Л. 7.

³⁵⁸ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 2163. Оп. 4. Д. 1467. Л. 67.

24 тыс. руб., а производительность труда повысилась на 24%. На севе при работе группами из трех агрегатов эксплуатационные расходы снизились на 7%, а общая годовая экономия составила 18,6 тыс. рублей. На подборе и обмолаоте валков наиболее производительно работали группы из 2–3 комбайнов. При этом производительность повысилась на 10%, а экономия по району составила 114 тыс. рублей³⁵⁹.

Опыт Ершова изучался, а затем стал предметом специального постановления коллегии Министерства сельского хозяйства РСФСР от 27 июня 1967 г. «Об опыте организации уборочных работ в колхозах и совхозах Ершовского района Саратовской области».

Постепенно групповой метод становился нормой организации труда в Саратовском Поволжье. Развитие этого процесса было обусловлено тем, что он не противоречил существовавшей системе хозяйствования на селе и поощрялся администрацией всех уровней. Тем более, что преимущество метода, выражавшееся в оперативном техническом обслуживании, позволяло до 70% сменного времени затрачивать на основную работу³⁶⁰.

Широкое внедрение трехсеялочных агрегатов, группового метода выполнения сельскохозяйственных работ послужило толчком к дальнейшему повышению производительности труда. Так, в конце восьмой пятилетки в Саратовской области получила распространение работа комбинированных агрегатов, совмещающих несколько операций. Одновременно выполнялись сев, рыхление, внесение минеральных удобрений, прикатывание почвы. Наряду с другими преимуществами это значительно удешевляло проведение сельскохозяйственных работ.

Увеличение производства и поставок специального оборудования для проведения технических уходов обусловило поиск эффективных форм обслуживания действующей техники, продления сроков ее работы. Проведение технических уходов являлась сложной и трудоемкой работой, занимавшей 30% времени механизаторов. В связи с поступлением новой техники объем ежемесячных и периодических технических уходов еще больше возрос. Не каждому механизатору было по плечу своевременное и полное его проведение. Машины быстро изнашивались, возникали поломки, резко снижалась выработка, увеличивались затраты на ремонт. В Саратовской области хорошо зарекомендовала себя на практике система технического обслуживания машинно-тракторного парка специализированными звеньями мастеров-наладчиков.

В тех хозяйствах, где проводились плановые технические уходы в стационарных условиях и с помощью передвижных агрегатов, эксплуатация машинно-тракторного парка заметно улучшалась. В совхозе «Балашовский», например, на один 15-сильный трактор выработка за смену возросла на 0,8 га. Внедрение стационарных пунктов, а в полевых условиях – передвижных мастерских, позволило совхозу сократить сроки выполнения полевых работ. Если в 1965 г. сев ранних зерновых культур проводился за 21 день, то в 1967 г. за 15 дней, а на обработку пропашных культур затрачивалось соответственно 40 и 30 дней. Перерасход средств на текущий ремонт

³⁵⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 10. Л. 1.

³⁶⁰ См.: Соколов М. М. Техническое перевооружение сельского хозяйства РСФСР в 10-й пятилетке. М., 1977. С. 33.

за указанный период снизился с 34,9 до 17 тыс. рублей. Количество капитальных ремонтов тракторов уменьшилось с 8 до 5 единиц, а затраты на них более чем в два раза³⁶¹. Такая система стала типичной для передовых хозяйств Саратовской области.

Надежная работа машин позволяла молодым механизаторам иметь устойчивый заработок, а, следовательно, способствовала их закреплению в колхозах и совхозах. Там, где техническое обслуживание было внедрено, пришли работать на машины и женщины. В Озинском районе Саратовской области, где 80% машинно-тракторного парка обслуживалось мастерами-наладчиками, девушки-трактористки не уступали мужчинам при проведении весенне-полевых работ³⁶².

Работа по внедрению новой системы дала свои плоды. Если в 1966 г. в области имелось 80 мастеров-наладчиков, которые обслуживали 1700 тракторов и комбайнов, то в 1970 г. работали уже 437 звеньев, обслуживавших 10888 тракторов и комбайнов. Широкое применение получила механизированная заправка горюче-смазочными материалами. К концу пятилетки в хозяйствах области 592 механических заправщика обслуживали 12700 тракторов и комбайнов³⁶³.

Большая работа проводилась по внедрению новых технологий не только в зерновом производстве, где широко практиковалась поточная уборка зерновых культур с измельчением соломы, послеуборочная обработка зерна на типовых зерноочистительных пунктах, но и на возделывании сахарной свеклы, картофеля и овощей. В Саратовской области успешно осваивался метод поточного и поточно-перевалочного способа уборки пропашных культур, при котором комплекс машин позволяет в едином, последовательном процессе не только убирать и транспортировать урожай к местам обработки и хранения, но и полностью готовить поля к последующим работам.

Одной из важных форм организации труда и производства была звеньевая система. В Саратовской области звенья стали создаваться в большом количестве еще в годы семилетки для выращивания кукурузы, сахарной свеклы и других культур. К 1963 г. уже насчитывалось 1692 кукурузоводческих и 342 свекловодческих укрупненных механизированных звена³⁶⁴.

В годы восьмой пятилетки возникли укрупненные механизированные звенья с аккордно-премиальной системой оплаты труда и повременным авансированием. Такие механизированные звенья в дальнейшем явились основной формой внутрибригадной организации труда. Комплексные звенья помогали быстрее и качественнее проводить полевые работы, лучше организовывать труд, внедрять новое, передовое. Между звеном и хозяйством заключался договор, в котором определялись права и обязанности сторон. Руководство хозяйством обязывалось закрепить за звеном участок земли сроком на 5-6 лет, полный набор машин и механизмов. Для каждого звена устанавливались: лимит горюче-смазочных материалов, запасных частей и годовой фонд заработной платы. Звену выплачивалось 20% стоимости продукции, полученной сверх плана, но не выше ежемесячного окла-

³⁶¹ См.: ГАСО. Ф. 2163. Оп. 4. Д. 1384. Л. 13.

³⁶² См.: Там же. Д. 2092. Л. 15.

³⁶³ См.: Там же. Л. 23.

³⁶⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 10. Л. 91.

да каждому человеку. Поскольку все работы звено выполняло своими силами, каждый член звена был заинтересован в конечных результатах деятельности, в увеличении выхода сельскохозяйственной продукции.

Как показала практика, в этих звеньях наиболее полно сочетались личные и общественные интересы, укреплялась трудовая дисциплина, повышалась ответственность коллектива за выполнение хозяйственных планов, сокращались затраты труда и средства на единицу продукции. Так, в совхозе «Советский» Балашовского района успешно работало звено Н. П. Шапошникова в составе 10 трактористов-машинистов. За звеном были закреплены 1893 га пашни, 10 тракторов, из них 4 гусеничных, 4 зерноуборочных комбайна и необходимый набор сельскохозяйственных машин и орудий. В первый же год звено достигло значительного повышения урожайности сельскохозяйственных культур, снижения себестоимости одного центнера продукции и прямых затрат на ее производство. В следующем году звено добилось более высоких показателей, чем в колхозе в целом. Урожайность зерновых культур была на 15, подсолнечника на 6, кукурузы на силос на 60 и однолетних трав на сено на 17 процентов выше, чем по колхозу. Производство валовой продукции в стоимостном выражении в расчете на одного среднегодового механизатора в звене было выше на 3266 руб. или на 29,3%, на 1 человеко-день – на 181,6%, на 100 га пашни – на 15,2% и на 100 руб. прямых затрат и основных средств соответственно на 88,3% и 71,9%. Хорошие экономические показатели способствовали увеличению заработной платы механизаторов. Если годовой заработок механизатора в среднем по колхозу составлял 1691 руб., то в звене – 2463 руб., а оплата 1 человеко-дня в звене была на 37,5% выше, чем в колхозе³⁶⁵.

Почти повсеместно в Саратовской области создание звеньев с аккордно-премиальной оплатой труда давало положительные результаты. Механизаторы обрабатывали в 1,5–2 раза больше посевных площадей, чем в среднем по области³⁶⁶.

В хозяйствах Саратовской области этот процесс стал приобретать целенаправленный массовый характер, и в 1975 г. подобных формирований насчитывалось 1600 единиц. Успешная работа звеньев привела к тому, что, например, в Балашовском районе себестоимость продукции в хозяйствах сократилась вдвое³⁶⁷.

Казалось бы, при таких показателях оставалось сделать небольшой шаг в обеспечении большей хозяйственной и экономической самостоятельности, вплоть до реализации продукции самими производителями. Но существующая система сделала все, чтобы не допустить этого. Звенья, смысл которых состоял в предоставлении определенной хозяйственной независимости трудовым коллективам, не вписывались в существовавшие производственные отношения, поэтому они отторгались всей системой управления сельскохозяйственным производством. С середины 1970-х гг. происходит постепенное сокращение этих новых экономических формирований. Подобное происходило в целом по стране. В Саратовской области осуществлялась практика

³⁶⁵ См.: Организация и работа механизированных звеньев. Саратов, 1974. С. 7–8.

³⁶⁶ См.: Очерки истории Саратовской областной организации КПСС. Ч. 3 (1938–1980). Саратов, 1982. С. 281.

³⁶⁷ См.: Там же.

объединения существующих звеньев и бригад в более крупные подразделения. Уже в конце 1970-х гг. преобладающей формой организации труда в сельском хозяйстве стали отделения в совхозах и комплексные бригады в колхозах. Расчет был прост: чем крупнее подразделения, тем больше шансов сохранить командно-административные методы руководства.

Хозяйственный механизм, действовавший в то время, оказался невосприимчивым к коллективному подряду. Из-за отсутствия подлинного хозрасчета резко снижалась эффективность деятельности этих подразделений. Кроме того, хозяйственные руководители и специалисты не только не хотели, но и были не способны работать в новых условиях. Зачастую они не только не содействовали освоению подряда и хозрасчета, но оказывали скрытое и явное сопротивление³⁶⁸.

Скромные результаты хозяйственной деятельности, медленный рост производства продукции растениеводства там, где преобладали подрядные бригады и звенья, объясняется тем, что на уровне хозяйств, районов и выше часто нарушались договорные условия, руководители подразделений или ограничивались, или лишались администрацией возможности решения хозяйственных вопросов. Неправильно определялись нормы производства и расценки за единицу продукции, вследствие чего возникали конфликты, связанные с оплатой труда подрядных коллективов. Во многих местах коллективный подряд внедрялся административными методами, члены бригад и звеньев вообще не участвовали в управлении производством и решении других хозяйственных вопросов.

Отношение к собственности формируется, прежде всего, теми условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда. При сложившейся тогда системе землепользования и хозяйствования член подрядной бригады или арендатор был абсолютно бесправен и целиком зависел от воли председателя колхоза, экономиста, инженера, агронома, зоотехника и т. д.

В 1980-е гг. стало очевидным, что дальнейший прогресс в производстве продуктов питания для населения и сырья для промышленности должен быть неразрывно связан с углублением и развитием демократии и экономической независимости человека, созданием условий, когда труженик участвует в планировании, управлении производством, становится заинтересованным в результатах своей работы. Соблюдение этих принципов, возможно, предотвратило бы реформаторский беспредел 1990-х годов.

Существенные изменения в землепользовании, произошедшие в постперестроечный период связаны с ликвидацией государственной монополии на землю. На смену социалистическим пришли новые организационные формы хозяйствования. Многоукладность экономики стала господствующей на селе. Произошли глубокие перемены в организации производства и труда. Ожидалось, что возрастут не только общие объемы сельскохозяйственного производства, но и рентабельность и качество производимой продукции. Однако этого не произошло, и одна из причин этого, на наш взгляд, – развал отечественного сельхозмашиностроения.

³⁶⁸ См.: Правда. 1987. 19 ноября.

В декабре 2006 г. был принят Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства». К сожалению, там не прописан механизм возрождения сельскохозяйственного машиностроения, расширения производства новых типоразмеров машин и механизмов, источников и объемов финансирования. Правда, с 2007 г. для реализации принятого закона готовилась пятилетняя программа, которая и была принята как «Государственная программа развития сельского хозяйства ...на 2008–2012 годы», однако и здесь предпочтение отдается развитию животноводства, малых форм, строительству жилья. Впервые за годы аграрных реформ 2 марта 2011 г. в городе Тамбове тогда еще премьер-министр В. В. Путин в своем докладе о техническом обеспечении сельскохозяйственного производства, кроме вопросов развития лизинга, упомянул о возрождении государственного сельхозмашиностроения с привлечением к этому процессу заводов всех отраслей. Прошло время, но до сих пор правительством не дана оценка сегодняшнему техническому и энергетическому состоянию сельскохозяйственного производства и не прописаны направления выхода из кризиса сельхозмашиностроения.

Заводы перестали выпускать сотни типоразмеров сельскохозяйственной техники. Снизилось производство комбайнов для уборки зерновых, овощных и других культур, современных зерноочистительных, поливных, транспортных, погрузочно-разгрузочных машин, агрегатов и оборудования для животноводства и птицеводства, почвозащитной и мелиоративной техники. Такими видами машин как универсальные погрузчики, агрегаты для приготовления травяной муки, раздатчики кормов и многими другими сельское хозяйство централизовано перестало снабжаться с начала перестройки.

Отсутствие комплексной механизации и автоматизации в производственных процессах не дает возможности внедрять новые, прогрессивные формы и методы организации труда в отечественном сельском хозяйстве, тем самым снижая его конкурентоспособность в условиях вступления России в ВТО.

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК: ИСТОРИЯ И ОБРАЗЫ В ИСТОРИИ

И. Г. Адоньева (Новосибирск)

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ СЮЖЕТЫ В «ЛИБЕРАЛЬНЫЙ» ПЕРИОД ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»

«Либеральный» период журнала «Русский вестник» (1856–1862) совпадает со временем обсуждения будущих реформ. Хотя в рассматриваемое время продолжали действовать цензурные установления Николая I, печать смело заявила о себе, представляя варианты будущего страны. В основанном М. Н. Катковым издании сошлись блестящие умы эпохи. Юридическая проблематика стала востребованной в период, когда под влиянием процессов модернизации право превратилось в серьезный регулятор общественных отношений. На фоне отсталой судебной-правовой системы обсуждение вопросов ее реформирования было особенно острым. Так же произошли изменения представлений о праве в среде высшей администрации. Р. Уортман указывает на то, что тогда группа чиновников, приверженных праву и получивших образование в учебных заведениях, основанных при Николае I, начала выдвигаться на важные должности в Министерстве юстиции. Эти бюрократы приобрели основательные познания в праве и культивировали почтение, преданность праву как высокому этическому призванию. Они начинали видеть в себе служителей права, а не слуг царя или государства¹. Т. Тарановски акцентирует внимание на интеллектуальных и общекультурных особенностях поколения 30–40-х гг. XIX в., отмечая, что на формирование правосознания будущих реформаторов повлияли «историческая школа» в юриспруденции, литературное течение романтизма и концепции французского социализма. Это привело к тому, что правовое сознание государственных чиновников, готовивших проект реформы 1864 г., определило «их безграничный идеализм и веру в благотворное влияние законности и права на все общество»². Не обошли эти тенденции и образованную – пишущую и читающую – публику. Темы законности и порядка становятся востребованными в печати. Не исключением здесь являлись вопросы истории права, репрезентации которых в журнале «Русский вестник» в 1856–1862 гг. посвящена данная работа.

¹ См.: Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 19–20.

² Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России, 1856–1874 гг. М., 1992. С. 301–315.

Еще до революции исследователи начали обращаться к отражению правовых сюжетов в прессе. В частности, данной теме посвятил свою статью И. А. Блинов в масштабной труде в честь юбилея судебной реформы³. Советская и российская юридическая и историческая науки, уделяя внимание развитию правовой системы второй половины XIX в., чаще всего задействовали освещение в прессе как иллюстративный материал. В основном, историография является косвенной, касаясь обсуждения в прессе судебной реформы, профессиональной биографии выдающегося правоведа или исторических сюжетов в печати. Единственное исключение – работа М. П. Мохначевой «Журналистика и историческая наука», где затронуты особенности изложения историко-правовой тематики в отраслевой юридической периодике как проявление историографического дискурса журнальной прессы в целом. Автор отметила, что профессиональная печать придерживалась «единомыслия» и реализации принципов информационной дополнителности и достоверности повествования, благодаря чему отраслевая историография занимала одно из ведущих мест. Приводя в качестве примера «Журнал министерства юстиции», М. П. Мохначева показала, что большое количество публикуемых в нем материалов было посвящено истории права⁴.

О. Б. Леонтьева указала на склонность ученых, работавших на стыке истории и права – С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, к «эволюционному либерализму», основанному на уважении к традициям, порядкам и институтам, сложившимся в ходе развития государства и общества⁵. Эта тенденция прослеживается у большинства авторов, избравших данную проблематику, испытывавших пиетет перед концепцией С. М. Соловьева. И даже в тех случаях, когда статья посвящалась современным сюжетам, она сопровождалась экскурсом в прошлое. Интерес к истории европейских государственно-правовых институтов был обусловлен тем, что западный опыт должен был быть применен в ходе реализации судебной реформы. Чем четче обрисовывались контуры крестьянской и судебной реформ, тем очевиднее падала интенсивность дискуссий по историко-правовым проблемам, изменялся и авторский корпус. Публикуемые историко-правовые статьи были достаточно объемными (100 и более страниц), часто «разбивались» на 2–3 номера. Интенсивность публикаций по этой проблематике представлена в табл. 1⁶.

³ См.: *Блинов И. А.* Отношение к «Основным положениям» общества и печати // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за 50 лет. СПб., 1914. Т. 1. С. 145–164.

⁴ См.: *Мохначева М. П.* Журналистика и историческая наука. М., 1999. Ч. 2. С. 147–155.

⁵ См.: *Леонтьева О. Б.* Властители дум: интеллектуальная история России от великих реформ до революции 1917 г. Самара, 2000. С. 43.

⁶ Подсчитано автором на основании сплошного просмотра годовых комплектов журнала «Русский вестник» за 1856–1862 гг. За единицу принята статья в одном номере журнала, в том числе являющаяся частью цикла статей, публикуемого в нескольких номерах.

**Динамика историко-правовых публикаций
в «Русском вестнике» (1856–1862 гг.)**

Год	Число публикаций (в абсолютных величинах)	Авторы
1856	3	Б. Н. Чичерин
1857	4	А. Н. Афанасьев А. В. Лохвицкий Б. Н. Чичерин
1858	4	К. П. Победоносцев П. К. Щербальский Н. В. Щербань
1859	2	Г. В. Вызинский С. М. Соловьев
1860	3	К. П. Победоносцев Б. И. Утин
1861	1	В. Н. Лешков
1862	0	–

Причины такой динамики представляются следующими. Основание журнала привлекло к нему московских интеллектуалов, но круг обсуждаемых ими проблем оставался еще относительно неопределенным и частично формировался авторским корпусом. Б. Н. Чичерин, который в правление Николая I долго не мог представить результаты своих научных изысканий, стремился, чтобы они были опубликованы. Этим было обусловлено сотрудничество юриста с изданием, несмотря на технические недоразумения публикации первой статьи о сельской общине и противоречивые отношения с редакцией⁷. Однако его «одиночество» как юриста среди авторов «Русского вестника» продолжалось недолго. Интенсивность дальнейших публикаций коррелирует с обсуждением судебной реформы, путевыми статьями и заметками о правосудии в Англии, Франции и США, которые появлялись как в результате целенаправленного изучения (например, М. И. Зарудный), так и мимолетного наблюдения (Р. Матиль, Э. Р. Циммерман). Большинство авторов являлись профессиональными юристами с учеными степенями, чаще всего выпускниками Московского университета. Поэтому историко-правовые статьи имели гораздо более научный, чем публицистический характер, что вполне соотносимо с целевой аудиторией «толстых журналов» – российскими интеллектуалами. Падение интереса к историко-правовой проблематике совпадает с консервативным поворотом в политике редакции. Кроме того, в это время обретает окончательные контуры проект судебной реформы, который и становится основным предметом рассмотрения в юридических публикациях.

⁷ См.: Чичерин Б. Н. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 267–268.

Авторы обращались к разнообразным историко-правовым сюжетам. В этот период вне их интереса находилось государство и право Древнего мира. Это, возможно, было связано с невысокой степенью актуальности непосредственно античного правового наследия. Гораздо более востребованными были аспекты истории европейского (начиная со Средних веков) и российского права. Тематика и авторство историко-правовых публикаций представлены в табл. 2⁸.

Таблица 2

Авторский корпус и направление историко-правовых публикаций в «Русском вестнике» (1856–1862 гг.)

Автор	Проблемное поле публикации	Количество статей
А. Н. Афанасьев	Судебные чиновники XVIII в.	1
Г. В. Вызинский	Европейское право в дофеодальную эпоху	1
В. Н. Лешков	Имущественные и личные права по законодательству Петра I	1
А. В. Лохвицкий	История церковного управления и права	1
К. П. Победоносцев	История крепостного, гражданского и уголовного права	3
С. М. Соловьев	Зарождение русского государства и права	1
Б. Н. Чичерин	История русской сельской общины и сословий, духовные и договорные грамоты русских князей	5
Б. И. Утин	История суда присяжных	2
П. К. Щербальский	Судебные учреждения эпохи Петра I	1
Н. В. Щербань	История судебных учреждений Франции	1

В работах С. М. Соловьева эволюции и роли государственно-правовых механизмов в развитии общества отводится значительное место. Он отметил, что право суда изначально принадлежало общине, и только в тех случаях, когда она не могла решить дело, обращались к наместнику. Отправление правосудия считалось тяжкой обязанностью. При этом С. М. Соловьев в «Исторических письмах» приходит к выводу о доверии к суду и его авторитете, будь то суд князя, общины или старцев; а чем больше процедуры усложнялись, тем больше в них появлялось «неправды»⁹.

⁸ Выявлено автором на основании сплошного просмотра годовых комплектов журнала «Русский вестник» за 1856–1862 гг. За единицу принята статья в одном номере журнала, в том числе являющаяся частью цикла статей, публикуемого в нескольких номерах.

⁹ См.: Соловьев С. М. Исторические письма // Русский вестник (Далее – РВ.). 1859. № 3. С. 7–9.

Его ученик Б. Н. Чичерин не был склонен считать сельскую общину специфическим, патриархальным фактором русской жизни. Опубликованные статьи раскрывают концепцию автора о последовательном «закрепощении сословий» Древней Руси и России. Община для Чичерина – начало государственное, следствие воли власти, ее стремления организовать народ для своей пользы¹⁰. Он полемизирует с немецким исследователем А. Гакстаузенем, который рассматривает общину как исключительно русское явление. Чичерин апеллирует к работам своего покойного учителя и друга Т. Н. Грановского, доказывая сходство развития общины у европейских народов и славян. Он указывал, что община не подразумевала равный раздел при неравном применении усилий; статья пестрит примерами достаточной самостоятельности крестьян в деле улучшения своего благосостояния. На фоне постоянного перемещения народа московские государи представлены как несущие тяжкий груз наведения порядка в стране, где еще не были развиты «юридические начала», и, соответственно, казуальный характер законодательной деятельности приводил к массе противоречий, разрешил которые Петр¹¹.

В свете начавшегося обсуждения будущей крестьянской реформы Б. Н. Чичерин обратился к эволюции состояний зависимости. Говоря об институте холопства и смежного с ним закупничества, исследователь фактически ведет речь о наличии в период Киевского государства и раздробленности рабства, приближающегося к классическому: «Из лица зависимый человек делается вещь, ибо по частному праву между лицом и вещь нет такого неизмеримого расстояния»¹². Данный тезис автор подтверждает ссылками на «Русскую правду», а также отмечает, что рабство пришло вместе с варягами¹³. Исходя из научного мировоззрения Чичерина в целом, можно предположить, что таким образом он высказывал мнение о варианте рецепции римского права в древнерусском.

Стремление понять, когда право и управление из частного дела князей становится государственным, где сила начинает уступать закону, прослеживается и в цикле статей Б. Н. Чичерина, посвященных духовным и договорным грамотам великих и удельных князей. Этим временем автор считает эпоху правления Ивана III, когда частное наследование престола и имущества уступает место интересам государства¹⁴, хотя исследуемые источники свидетельствуют о приоритете родственных отношений¹⁵. Чичерин делает вывод о существовании в рассматриваемый период в Московском государстве гражданского общества (в значении, вкладываемом автором) как в Западной Европе с тем отличием, что отечественной чертой была «шатость

¹⁰ См.: Чичерин Б. Н. Обзор исторического развития сельской общины в России // РВ. 1856. № 2. С. 579, 600–601.

¹¹ См.: Чичерин Б. Н. Обзор исторического развития сельской общины в России // Там же. № 1. С. 373–396.

¹² Чичерин Б. Н. Несвободные состояния в Древней России // Там же. № 5. С. 204.

¹³ См.: Там же. С. 187.

¹⁴ См.: Чичерин Б. Н. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей // Там же. 1857. № 2. Кн. 2. С. 671.

¹⁵ См.: Чичерин Б. Н. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей // Там же. № 3. Кн. 1. С. 21–23.

всех гражданских отношений», причиной которой были отсутствие наследия Рима и особенности природы страны.

Аналогичных воззрений относительно эволюции российской государственности придерживался А. В. Лохвицкий. Он отметил, что церковь представляла собой более прогрессивный по сравнению с государством институт, поскольку руководствовалась готовым каноническим правом¹⁶. Этим автор объясняет достаточно широкую церковную юрисдикцию, в том числе и в мирских делах. Но церковное устройство фактически дублировало формы управления, существовавшие в государстве, включая различные формы зависимости. Однако, согласно точке зрения А. В. Лохвицкого, государство эволюционировало, шло вперед, в то время как церковь вплоть до раскола «держалась за свои устои»¹⁷.

В. Н. Лешков, А. Н. Афанасьев, П. К. Щебальский и К. П. Победоносцев сконцентрировали свое внимание на судебной системе и праве XVIII века.

П. К. Щебальский представил изменения верховного управления при Петре I, считая, что при нем произошло преобразование «домашней» власти московских царей в государственную¹⁸.

А. Н. Афанасьев, известный собиратель русских сказок и исследователь культуры, был профессиональным юристом, закончившим Московский университет. В одной из статей он уделил внимание своим коллегам эпохи Екатерины II. Судебная система того времени, на взгляд автора, не выдерживала никакой критики, и следствием становилось соответствующее качество слуг Фемиды: «Судьи прошлого столетия не могли похвастаться образованием ни нравственным, ни умственным. Редко знали основательно даже те указы, которыми должны были руководствоваться при разборе и решении дел, что, впрочем, при отсутствии стройного системного свода законоположений и при накоплении разнообразных указов, не чуждых сбивчивости и противоречий, было несколько не удивительно»¹⁹. Статья, изобилующая примерами «подвигов» членов судейского сословия, словно готовила читателей к контрасту, который должна явить собой судебная реформа.

В. Н. Лешков развитие частного права в России XVIII в. связал с законодательной деятельностью Петра I, которая привела к очередному этапу в закреплении крестьян. По мнению автора, в допетровской России присутствовала полная частная земельная собственность, а первый император стремился ее уничтожить, что определило слияние статуса поместья и вотчины²⁰.

Аналогичную позицию занимал К. П. Победоносцев, говоря о том, что «власть не осознавала границ своих... Со стороны власти государственной мы видим в этом периоде безотчетное стремление расширить пределы кре-

¹⁶ См.: Лохвицкий А. В. Очерк церковной администрации в древней России // РВ. 1857. № 1. Кн. 2. С. 210.

¹⁷ Там же. С. 271–272.

¹⁸ См.: Щебальский П. О России, какую ее оставил Петр I // Там же. 1858. № 1. Кн. 1. С. 14–19.

¹⁹ Афанасьев А. Н. Черты русских нравов XVIII столетия. Приказные и судьи // Там же. 1857. № 8. Кн. 2. С. 623.

²⁰ См.: Лешков В. Имущественные и личные права по указам Петра Великого // Там же. 1861. № 11. С. 402.

постного права»²¹. И если П. К. Щербальский видит законы Петра рациональными и уместными, то В. Н. Лешков, не ставя под сомнение продуктивную деятельность «работника на троне», находит эту активность большей частью «бестолковой», разорвавшей царя и народ, отнявшей у последнего справедливый суд. Автор также склоняется к мысли о «закрепощении сословий», аргументируя это обязательной службой дворян и детальной регламентацией профессиональной сферы для всех слоев общества. Противоречивое семейное законодательство, акты, регулирующие частную жизнь и внешний облик, также способствовали «несвободе» жителей империи. В. Н. Лешков пришел к выводу, что указы Петра I «вели Россию к уничтожению собственности и личности», и прямым шагом к установлению гражданского общества будет «смягчение централизации»²².

К. П. Победоносцев знакомил читателей «Русского вестника» с правом XVIII в. на примере довольно громкого дела. Частный сюжет убийства матери и сестры бывшим ответственным за провиант унтер-офицером Преображенского полка стал поводом продемонстрировать историю уголовного права и процесса, показать эволюцию системы оценки доказательств и подчеркнуть, что у нас пытки были гораздо менее распространены, чем в Европе. В качестве эталона судебного устройства К. П. Победоносцев представляет Англию, где «драгоценное учреждение присяжных» не позволило развиваться системе формальных доказательств и, как следствие, пытке²³.

Г. В. Вызинский в масштабной статье, посвященной Европе в дофеодальную эпоху, рассмотрел особенности права у древних германцев. Судебная и законодательная власть находилась в руках народного собрания. Автор указал, что именно из связи поземельной собственности со свободой появился обычай быть судимым только равными себе. При этом Г. В. Вызинский отметил отсутствие единства суда: с земельными раздачами от короля уходила и судебная власть²⁴.

Несмотря на ярко выраженные симпатии «Русского вестника» к английской правовой системе, Н. В. Щербань положительно отзывался о французской судебной власти. Он отметил, что до создания империи Карла Великого отправление правосудия находилось в руках народа и короля²⁵. Этот аспект, а также постоянное движение галльского населения подводят читателя, уже знакомого с работами С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина, к мысли о тождественности развития государства и права в России и Европе. Формирование во Франции единого государства, складывание абсолютной монархии автор представляет как совместное движение короля и народа к праву, изъятие из рук захвативших его корыстных феодалов²⁶. Несмотря на вполне рациональное отношение к историческому процессу, Н. В. Щербань словно

²¹ Победоносцев К. П. Учреждение крепостного права в России в XVIII столетии // РВ. 1861. № 9. С. 223–224.

²² Лешков В. Указ. соч. С. 410–415.

²³ См.: Победоносцев К. П. Анекдоты из XVIII столетия. Убийство Жуковых // РВ. 1860. № 12. Кн. 1. С. 470.

²⁴ См.: Вызинский Г. В. Западная Европа в дофеодальную эпоху // Там же. 1859. № 1. Кн. 2. С. 206–228.

²⁵ См.: Щербань Н. Суды, магистратура и адвокатура во Франции // Там же. 1858. № 5. Кн. 1–2. С. 183.

²⁶ См.: Там же. С. 187–195.

стремится показать союз монарха и простых людей, объединенных желанием правды. Это можно рассматривать и как желание продемонстрировать, что вера в главу государства как носителя истины – не только отечественная черта. Однако существенные коррективы были внесены появлением профессиональной корпорации юристов, парламента как судебного органа, поэтому развитие правовой системы Франции пошло иным путем.

В цикле статей «Очерк образования суда присяжных в Англии» Б. И. Утин рассмотрел эволюцию этого института до начала XVIII в., сопровождая главную сюжетную линию экскурсами в европейскую историю. Данный способ отправления правосудия автор считает универсальным, условием введения которого является «известный период народного возраста»²⁷. Описывая перипетии английской истории, Б. И. Утин стремился показать, что суд присяжных был элементом судебной системы, органично развивающимся совместно с другими, постепенно «отточившимся» до состояния, когда стал примером для остальных. Идеалами для автора являются постепенность и разумность королей, постепенно совершенствующую судебную систему. В этих положениях проявляется поддержка Александра II, желание видеть в нем монарха, преобразующего страну вообще и правосудие в частности на рациональных и либеральных началах.

Историко-правовые сюжеты «Русского вестника» в первый период найдись в контексте политики издания в целом. Восторженное восприятие будущих преобразований, стремление заимствовать лучшее из опыта европейских стран, желание донести свои идеалы до читателей являлись мотивами публицистической активности юристов. Сторонники государственно-правовой школы представили взвешенные, научно апробированные концепции, показывающие, что Россия находится на пути к правовому государству. Однако сопровождавшие реализацию реформ события заставили редакцию и часть авторов изменить свои позиции. Однако «либеральный» период «Русского вестника», помимо прочего – яркий пример знакомства общества с достижениями отечественной историко-правовой науки.

С. А. Кочуков (Саратов)

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГГ. НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ЛЕТУЧИЙ ВОЕННЫЙ ЛИСТОК»

Начало очередной Русско-турецкой войны в 1877 г. ознаменовало собой появление специальных военных изданий, на страницах которых предполагалось освещать ход военных действий против Османской Турции. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. являлась первым военным мероприятием Российской империи, в котором голос общества играл первостепенную роль. В ходе войны общество могло благодаря отечественной и отчасти зарубежной прессе внимательно следить не только за развитием боевых действий,

²⁷ Утин Б. Очерк образования суда присяжных в Англии // РВ. 1860. № 3. Кн. 1. С. 6.

но и наблюдать за подготовкой к войне, дипломатическими демаршами России и ее политических оппонентов. Пресса не просто являлась своеобразным средством трансляции информации, но в полной мере формировала взгляды общества на проблему решения Восточного вопроса.

Общественный подъем был подогрет публикациями, выступлениями военных корреспондентов и общественных деятелей разного толка, большинство из которых называло войну и национально-освободительное движение на Балканах справедливыми и необходимыми. Мощное средство в общественно-политической борьбе – слово, несомненно, формировало сознание и влияло на создание поведенческих моделей. Русская пресса сыграла значительную роль в «достижении духовной зрелости русского общества»²⁸. Яркие, порой обличительные и в чем-то новаторские статьи русских журналистов, появлявшиеся в прессе накануне и во время войны с Турцией, несомненно, способствовали формированию определенной позиции по отношению к событиям на Балканах. Большая часть русского общества, соприкасавшаяся с печатным словом, восприняла помощь единоверцам как обязательный, непреложный факт, долг христианина и гражданина.

Главное изменение, сказавшееся на русской прессе 1860–1870-х гг. – это отказ от секретности как несомненно преобладающего принципа государственной политики в области информации. Во второй четверти XIX в. в «николаевской» России именно секретность рассматривалась в качестве инструмента государственной власти в целях повышения оперативности действий в разработке и обсуждении различных вопросов²⁹. Взаимоотношения власти с прессой проявляли себя в первую очередь через институт цензуры. По данной проблематике существует значительная историография, в которой рассматриваются не только взаимоотношения власти и прессы, но и в более широком контексте – власти с образованием и публицистикой³⁰.

К началу вооруженного столкновения с Османской империей в России уже сформировался ряд периодических изданий, адресованных военным. Подобные издания имели определенную специфику. Военные журналы и газеты выходили под эгидой Военного или Морского министерств, как например, «Военный сборник» и «Морской сборник». А те периодические издания, которые были основаны частным порядком, «Русский инвалид», «Разведчик», «Чтение для солдат», «Листок конторы и склада Березовского», в конечном итоге получали весомую финансовую поддержку от того же военного ведомства.

Балканский вопрос на протяжении всего XIX в. оставался важнейшей темой на страницах военной прессы. Тем не менее, в исторической науке работ, которые позволили бы определить, как русское общество рассматри-

²⁸ Болотова Н. В. Московская печать в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: дис. ...канд. филол. наук. М., 1999. С. 5.

²⁹ См.: Власть и общество в имперской России и СССР (1760-е гг. – 1985 г.): к постановке проблемы. Саратов, 2009. С. 18.

³⁰ См.: Антонова Т. В. Дух Мильтона в России // Открытая политика. 1996. № 11–12; Также см.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1986; Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001; Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX вв.: Традиции и новации. М., 2003; Мильчина В. Беспечные французы и бдительные русские // Отечественные записки. 2006. № 5.

вало балканскую проблему через призму военных периодических изданий, чрезвычайно мало. До настоящего времени сохранили свое научное значение статья Э. Д. Днепров «Морской сборник в общественном движении»³¹ и написанная более ста лет тому назад работа С. Шубинского «Забытый филантроп»³². В 50-е гг. XX в. появились библиографические указатели по военной периодической печати³³. Полной картины по данной проблематике из исторической литературы составить невозможно. Большая часть работ представляет собой своеобразный набор цитат, ставших от частого употребления хрестоматийными³⁴. На сегодняшний день не определено, какую позицию по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. занимал целый ряд таких военных периодических изданий, как «Оружейный сборник», «Инженерный журнал» и др.

Настоящим событием во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стало открытие газеты «Летучий военный листок»³⁵. Абсолютно не означает, что кроме «Летучего листка» больше не было чисто военных периодических изданий, которые были сформированы уже в процессе войны. Такие издания, безусловно, были. Это «Иллюстрированная хроника войны»³⁶, «Обзор известий о русско-турецкой войне»³⁷. Но «Летучий листок» отличался полнотой изложения. Если «Иллюстрированная хроника войны» являлась, по сути, приложением к газете «Всемирная иллюстрация», а «Обзор известий о русско-турецкой войне» выходил всего два раза в месяц, то «Летучий военный листок» появлялся три раза в неделю.

Чрезвычайно оживило издание участие в его работе В. М. Крестовского. В июле 1868 г. Крестовский добровольно поступил на службу в 14-й уланский Ямбургский полк в Гродненской губернии, совмещая службу строевого офицера-кавалериста с творческой деятельностью. В 1870 г. сочинитель в ранге поручика был прикомандирован к Главному штабу русской армии в Санкт-Петербурге с официальным поручением написать историю полка. В то же время он исполнял некоторые иные особые поручения, в результате

³¹ См.: Днепров Э. Д. «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1965.

³² См.: Шубинский С. Забытый филантроп // Исторический вестник. 1896. № 3. С. 864–880.

³³ См.: Левашева З. П. Библиография русской военной библиографии. М., 1950; Левашева З. П., Синицына К. В. Русская военная периодическая печать (1702–1916): библиографический указатель. М., 1959.

³⁴ См.: Апушкин В. Расцвет русской военной журналистики // Вестовой. 1899. № 48. С. 1–2; Краткий очерк развития русской военно-периодической печати // Военный альманах. 1901. С. 346–349; Збойчик О военной газете // Офицерская жизнь. 1906. № 33. С. 510; Изобилие военных повременных изданий // Вестовой. 1906. № 116. С. 33–35; Кузьминский К. Очерк развития военной журналистики в России // Война и мир. 1906. № 7. С. 114–130; О журналах для нижних чинов // Офицерская жизнь. 1909. № 158. С. 859–860; Дьяченко А. И. Военная пресса. Пути и перепутья военной прессы. Военная печать в ее настоящем. Военные отделы в общей прессе // Военный мир. 1914. № 1. С. 86–94; Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.

³⁵ См.: Летучий военный листок. 1877. № 1–72; 1878. № 73–77.

³⁶ См.: Иллюстрированная хроника войны: в 2 т. 1877. Т. 1. №1–50; 1878. Т. 2. № 51–105.

³⁷ См.: Обзор известий о русско-турецкой войне. 1877. № 1–3.

которых в 1872 г. был переведен тем же чином в лейб-гвардии Уланский полк. В декабре 1876 г. штаб-ротмистр Крестовский получил отпуск по службе и отправился на воюющие Балканы в качестве официального корреспондента столичной газеты «Правительственный вестник» при добровольческом отряде генерала М. Г. Черняева.

С начала Русско-турецкой войны Крестовский попал в штаб действующей Дунайской армии уже как редактор армейской газеты, следовательно, он был уже аккредитованным корреспондентом и черпал информацию «из первых рук». К тому же, Всеволод Михайлович был лично знаком со многими высшими офицерами русской армии, в том числе и с генералом М. Д. Скобелевым, а также с рядом иностранных корреспондентов. Помимо традиционных армейских сводок, в «Летучем военном листке» постоянно публиковались материалы по истории Турции и стран Балканского полуострова, красочно описывались батальные сцены, состояние вооруженных сил Османской империи, история возникновения балканского конфликта³⁸.

Если штатские газетчики были ограничены в своих действиях, даже были разработаны специальные правила, автором которых являлся полковник Д. А. Скалон³⁹ – известный мемуарист Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., то редактор «Летучего листка» имел право беспрепятственного въезда в ближние военные тылы и не раз добровольно участвовал в боевых действиях передовых частей русских войск. В том числе он принимал участие в штурме Траянова перевала на Шипке, боях за Деда-апач и рейде кавалерийского отряда Струкова до Адрианополя в феврале 1878 года. За боевые заслуги и храбрость армейский газетчик был удостоен чина штаб-ротмистра и орденов св. Анны 3 ст. св. Станислава 2 ст. с мечами. св. Владимира 4 ст. с мечами, сербского Таковского креста, орденов Румынии и Черногории.

Уже в самом первом своем номере издатели газеты определили задачи нового издания: «Начиная издание «Летучего листка»... мы (редакторы. – С. К.) вполне сознаем всю трудность исполнить удовлетворительно возложенное на нас дело без самого широкого содействия лиц, принимавших участие в военных действиях. Считая его общим делом, - с искренней признательностью будем принимать каждое слово, малейшее заявление из армии. Подробности сражений, подвиги отдельных лиц, характеристика павшего боевого товарища, заметки о стране занятой армией, – словом все, что так или иначе касается последней, - составить драгоценный материал, не только для будущего историка настоящей войны, но и для воспоминания всех ее участников...»⁴⁰.

Рассматривая деятельность газеты «Летучий военный листок», необходимо отметить, что этот печатный орган являлся официальным, исходил от действующей армии, и поэтому на его страницах выходило только то, что было согласовано с Главной квартирой. Это относится и к позиции газеты по Балканскому вопросу: Русско-турецкая война рассматривалась в качестве освободительной миссии России на Балканском полуострове. Уже в первом номере «Летучего военного листка» была опубликована «Прокламация» за подписью Александра II, в которой обозначались цели и задачи России в войне с Турцией. Она была адресована христианскому населению и мусуль-

³⁸ См.: Левашева З. П., Синицына К. В. Указ. соч. С. 44.

³⁹ См.: Скалон Д. А. Мои воспоминания. 1877–1878 гг.: в 2 т. СПб., 1913.

⁴⁰ От редакции // Летучий военный листок. 1877. № 1. С. 1.

манам Балкан. В этом документе указывалось: «Жители болгарского края! Задача России – созидать, а не разрушать. Она всевышним промыслом призвана согласить и умиротворить все народности и все исповедания в тех частях Болгарии, где совместно живут люди разного происхождения и разной веры. Отселе русское оружие оградит от всякого насилия каждого христианина: ни один волос ни спадет безнаказанно с его головы; ни одна крупица имущества не будет, без немедленного возмездия, похищена у него мусульманином или кем другим... Одинаково будут обеспечены жизнь, свобода, честь, имущество каждого христианина, к какой бы церкви он не принадлежал. Но не месть будет руководить нами, а сознание строгой справедливости, стремление постепенно создать право и порядок там, где доселе господствовал лишь дикий произвол.

К вам обращаюсь я, мусульмане Болгарии! ...С горестью я вспоминаю о недавних жестокостях и преступлениях, совершенных многими из вас над беззащитным христианским населением Балканского полуострова. Мир не может позабыть этих ужасов; но русская власть не станет вымещать на всех вас совершенные вашими единоверцами преступления... Сделайтесь мирными гражданами общества, готового даровать и вам все блага правильно устроенной гражданской жизни. Ваша вера останется неприкосновенною; ваша жизнь и достояние, жизнь и честь ваших семейств, будут свято охраняемы...

По мере того, как русские войска будут продвигаться внутрь страны, турецкие власти будут заменяться правильным управлением... Слушайтесь русской власти, исполняйте в точности ее указания. В этом ваша сила и спасение...»⁴¹. По сути, эта «Прокламация» являлись программой действий. При чем ориентированы они были не только на христианские народы Балканского полуострова. С одной стороны, это попытка обезопасить русские войска от партизанской войны со стороны мусульман, а с другой – показать, что русскому самодержцу не безразличны свои собственные мусульманские подданные. Кроме того, Россия, помимо Дунайского фронта, вела войну и на Кавказе, где количество нехристианских народов было весьма значительно.

Необходимо несколько подробнее остановиться на деятельности военных корреспондентов, которые печатали свои материалы на страницах «Летучего листка». Главное, чего им не хватало, – это школы военного корреспондента как такового. Описательная сторона дела доминировала над анализом действий. Ряд газетчиков описывал лишь сугубо батальные сцены, за которыми не видно было людей и самого положения армий на Балканах или Кавказе. В результате, интерес к таким материалам был не высок. Особенно этим отличались заметки в «Летучем военным листке»⁴², где публиковались материалы и приказы из рассекреченных документов действующей армии и корреспонденции кн. Л. В. Шаховского⁴³. Кроме того, на русских корреспондентов на фронте оказало определенное влияние несколько искаженное понимание общественным мнением самой войны. С одной стороны, эйфория в желании помочь братьям по вере и начать «...Божьей ми-

⁴¹ Прокламация жителям болгарского края // Летучий военный листок. 1877. № 1. С. 2–3.

⁴² См.: Летучий военный листок. 1877. №1–72; 1878. №73–77.

⁴³ См.: Шаховской Л. В. С театра войны (1877–1878). Два похода за Балканы. М., 1878.

лостью войну за идею»⁴⁴, а с другой - слухи об ужасах войны, которые отпугивали газетчиков.

Другим крупным недостатком являлась малая мобильность военных корреспондентов. Вместо того, чтобы искать интересные факты или события и торопиться поделиться ими с читателем своих газет и журналов, отечественный корреспондент ждал, пока ему преподнесут какие-либо сведения, «а потому он воодушевляется, когда попадает на что-нибудь крупное и рисует блестящую картину, затем он погружается снова в обыденную жизнь, жалуется, что ничего не происходит и молчит по целым неделям»⁴⁵. Это объясняется отчасти тем, что представители иностранной прессы находились непосредственно на передовой, тогда как русским корреспондентам приходилось довольствоваться второй линией войск или находиться непосредственно в тылу.

Материалы «Летучего военного листка» были ориентированы на военную массу, поэтому простому обывателю было не особенно интересно его читать. Но уже в начале 1878 г. газета была несколько изменена. Для расположения читателя основной акцент был сделан на описание батальных сцен. Более того, авторами этих заметок были непосредственные участники боев, в результате чего корреспонденция шла в Россию как бы из первых рук. Ярким примером этого являются заметки генерал-майора Малахова, которые представлены в виде официальных донесений: «Считаю своей священной обязанностью донести вашему превосходительству, что войска вверенного мне отряда, утомленные двумя бессонными ночами и усиленным семидесяти-верстовым переходом, с начала наступления, как бы переродились, быстро и неустрашимо рвались вперед, едва сдерживаемыми своими ближайшими начальниками, не обращая внимания на град неприятельских пуль; офицеры, подавая собою, пример храбрости и неустрашимости, находились непосредственно впереди своих частей и с полным хладнокровием руководили огнем и движением своих подчиненных»⁴⁶.

Редакция «Летучего военного листка» всячески отстаивала идею, что Россия в войне против Турции фактически ведет борьбу против очередной коалиции государств, точно так же как и в Крымскую войну, только, по мнению В. М. Крестовского, в этот союз входили не только Англия и Франция, но и США. В газете была создана специальная рубрика «Телеграммы Летучего листка», в которой помещались любопытные материалы об отношении иностранных государств к войне между Россией и Турцией. Уже в первых номерах отмечалось, что Англия и США, несмотря на официальное невмешательство в Балканский конфликт, поддерживали Порту. Причем эта поддержка была не только дипломатического характера. На страницах газеты «Летучий военный листок» разгорелась настоящая война по поводу

⁴⁴ Мещерский В. П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 3.

⁴⁵ Новое время. 1877. № 481. С. 1.

⁴⁶ Донесения генерал-майора Малахова командующему 11-м армейским корпусом о взятии деревни Златарицы // Летучий военный листок. 1878. № 4. С. 2. Подобные материалы встречаются в «Летучем военном листке» достаточно часто. См., напр.: Донесение Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургского генерал-майору Дантевилю о действиях отряда Его Высочества при взятии гор. Этрополя // Летучий военный листок. 1878. № 73. С. 1–4.

участия в конфликте англичан на стороне Турции. В «Летучем военном листке» от 6 августа 1877 г. отмечалось: «Нью-Йорк 2/14 августа. Британский пароход отплыл 31-го июля (11 августа) из Нью-Гевена в Константинополь с грузом оружия и боевых припасов для Порты, ценностью на миллион двести тысяч долларов»⁴⁷. В продолжение темы, 8 августа было заявлено: «Лондон. 1/13 августа. Газете «Таймс» пишут из Нью-Йорка, что там появились турецкие агенты, вербуемые рекрутов для турецкой армии между рабочими, оставшимися без работы...»⁴⁸.

«Летучий листок» прямо обвинял Англию во вмешательстве в русско-турецкий конфликт. В одной из статей отмечалось: «...70 английских офицеров и до 300 английских матросов поступили на службу туркам и были размещены на турецких судах и в войсках... Английский военный агент при русской армии полковник Велеслей открыто заявлял, что его правительство примет сторону Турции, если наши военные действия будут продолжаться и после 1-го января 1878 года. Известно, что наше правительство 2-го января 1878 года получило от Лондонского кабинета сообщение, что Англия не допустит прямых мирных переговоров между нами и Турцией»⁴⁹.

Несмотря на все недостатки и «шероховатости» в деле создания специальной военной прессы в лице «Летучего военного листка», русское общество достаточно оперативно получало о том, как разворачиваются события на театрах военных действий. Конечно, в ряде случаев оценки событий различались, но это давало возможность общественным силам страны думать и принимать ту или иную позиции в отношении органов печати.

Однако русская пресса не смогла осуществить главного - объединить общество одной общей всеславянской идеей освобождения. При кажущемся единстве целей и задач общественное движение России было уже настолько расколото, что Русско-турецкая война не стала «моментом национального единства», а, напротив, дала почву для очередного витка дискуссий относительно дальнейшего переустройства страны, реформ в армейской сфере, понимания места России в мире.

Ю. А. Сафронова (Санкт-Петербург)

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР КАК ЗЕРКАЛО ДЛЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА (1879–1881 ГОДЫ)

Русское общество традиционно является предметом изучения исследователей, видящих в нем самостоятельного актора исторического процесса. При этом парадокс социальной топографии Российской империи заключается в том, что общество можно определить только через противопоставление кому-то, кто обществом не является. Так, В. Я. Гросул предлагает определять

⁴⁷ Телеграммы Летучего листка // Летучий военный листок. 1877. № 11. С. 4.

⁴⁸ Там же. № 12. С. 2.

⁴⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 485. Оп. 1. Д. 720. Л. 18.

общество как «особый социальный организм, отличный от власти и от народа»⁵⁰. Изъян такого подхода заключается именно в отсутствии четких границ. Очевидно, что во всех случаях отделения от «темного народа» речь идет не столько о грамотности, занятиях или уровне дохода, сколько о других, слабо формализуемых признаках, определяемых ситуативно и интуитивно. Еще больше сложностей возникает при попытке отделить общество от власти. Трудно обнаружить людей, полагавших себя членами общества, которые не были бы так или иначе связаны с чиновной иерархией: тайный советник, цензор или генерал-майор Генерального штаба не сомневались в том, что являются его частью⁵¹. Если даже сенаторы порой воспринимались как часть общества⁵², то с уверенностью можно говорить, что не были его представителями только Государь Император и члены Императорской Фамилии.

Альтернативой такому подходу является определение общества через активную деятельность и самодеятельность, которая рассматривается как добродетель. При этом на первый план неизменно выходит политика, поскольку всякая самодеятельность, предпринимаемая без прямых указаний правительства, неизбежно приобретает политический характер. Такой взгляд на общество как на единого агента действия, «игрока» в публичном политическом пространстве привел к возникновению в исторических исследованиях двух возможных интерпретаций рассматриваемого явления, во многом находящихся под влиянием либеральной историографической традиции конца XIX – начала XX века. Первая из них представлена полемикой вокруг вопроса о существовании в Российской империи «гражданского общества»⁵³. Суть дискуссии заключается в том, можно ли говорить о таком феномене западной цивилизации как «гражданское общество» применительно к самодержавному государству. Ученые, склонные утверждать, что данное явление имело место, ссылаются на то, что в России активно развивалась общественная жизнь в форме добровольных организаций, объединений, союзов или городских и сельских органов самоуправления⁵⁴. Противники этого подхода говорят о том, что самодержавное государство, подавляя общественную инициативу,

⁵⁰ Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 6.

⁵¹ См.: Записка тайного советника Варадинова, 26 февраля 1880 // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 201; Гаврилов Н. – Лорис-Меликову М. Т., 7 марта 1880 // Там же. Д. 643. Л. 1.

⁵² Так, в одной из статей «Санкт-Петербургских ведомостей» утверждалось: «К величайшему нашему стыду, есть в среде нашего общества и сановники высших сфер, которые говорят, что нигилисты – сила, с которой надо считаться!». – Обзор дня // СПб. 1881. 15 февраля. Также: Фадеев Р. А. С апреля 1879 по апрель 1880 // Собр. соч. Т. 3. Ч. 2. Письма о современном состоянии России. СПб. 1890. С. 16.

⁵³ О концепции «гражданского общества» и ее связи с теорией модернизации см.: Пиетров-Эннкер Б., Ульянова Г. Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2007. С. 13–29.

⁵⁴ См.: Туманова А. С. Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVIII – начала XX века // Отечественная история. 2002. № 6. С. 50–63. Она же. Современная западная историография гражданского общества позднеимперской России // Российская история. 2011. № 2. С. 160–167; Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Sciences, Patriotism and Civil Society. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 2009.

не способствовало складыванию «гражданского общества»⁵⁵. Проблема заключается еще и в том, что разработанная на западноевропейском материале концепция «гражданского общества» предполагает наличие определенной социальной страты ее носителей. Речь идет о таких конвенциональных классификационных категориях как «буржуазия» и «средние классы» («middle classes»), механическое перенесение которых на российский материал, как убедительно показывает немецкий историк Л. Хефнер, бесполезно. Не решает проблему носителя «гражданского общества» в России и предлагаемая некоторыми исследователями категория «интеллигенция» – как вследствие размытости границ этого явления, так и вследствие идеологической окрашенности: оно автоматически облагораживает те социальные группы, которые маркирует, так же как понятие «буржуазия» стигматизирует⁵⁶.

Альтернативный вариант интерпретации рассматриваемого явления дает сформировавшееся в XIX в. в России понятие «общественность». Редакторы сборника «Между царем и народом. Образованное общество и поиск общественной идентичности в поздней Российской империи» Э. Клоуз, Д. Уэст и С. Кассоу предлагают использовать эту категорию в качестве инструмента анализа, так как она, во-первых, имеет преимущество идеологической нейтральности, а во-вторых, менее связана с понятием класса и тем самым классового сознания, а более с готовностью действовать на общее благо и дело прогресса. Ловушка всех подобных рассуждений заключается в том, что при наложении политического измерения «гражданского общества»/«общественности» на социальное появляется закономерный вопрос: кем являются люди, стоящие «между царем и народом», если они не участвуют в политическом процессе постоянно и активно? Не менее сложный вопрос, что можно считать актом такого участия?

Обращение к текстам 1870-х гг., оставшимся за пределами внимания американских исследователей, позволяет скорректировать представление об «общественности». Из программной статьи журнала «Общее дело» можно выяснить, что «понятие общественной среды, удовлетворяющей потребностям индивидуального развития, индивидуальной свободы, и достоинство этой среды измеряется степенью быстроты обмена мысли и согласия в комбинации усилий, или иначе – единством общественного духа и действия»⁵⁷. Это определение позволяет говорить о возможном восприятии «общественности» не как актора, а как публичного пространства, арены для коммуникации и самодеятельности. Л. Хефнер, ориентируясь на немецкое понятие *Oeffentlichkeit*, разработанное Ю. Хабермасом, предлагает рассматривать «общественность» как социальную практику. Он выделяет в ней три уровня: «face-to-face общественность» («более или менее случайные разговоры на улицах, в салонах и т. п.»),

⁵⁵ Подробно дискуссия рассмотрена в статье: Хефнер Л. В поисках гражданского общества в самодержавной России. 1861–1914 гг. Результаты международного исследования и методологические подходы // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности. С. 35–60.

⁵⁶ См.: Хефнер Л. *Civil society, Buergertum* и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в поздней имперской России // *Ab Imperio*. 2002. № 3. Л. 182.

⁵⁷ Наше прошедшее и настоящее // *Общее дело*. 1877. №. 1.

«публичные собрания» и «массовую коммуникацию», позволяющую через печатные средства выходить за локальные границы⁵⁸.

В качестве политического действия, следовательно, можно рассматривать любой акт коммуникации внутри публичного политического пространства: коллективное или индивидуальное обращение во власть, а также разные способы взаимодействия между отдельными представителями общества или их группами внутри этого пространства (от газетных статей до разговоров в салонах). В условиях стабильности количество «игроков» со стороны общества минимально, а проблемы, ими обсуждаемые, зачастую не выходят за рамки местных интересов. Общество возможно увидеть только в зеркале кризиса, заставляющего отдельных людей проблематизировать самое его существование, возможности, а также свой статус в нем. В качестве такого зеркала я рассматриваю реакцию русского общества на проблему терроризма в течение ноября 1879 – марта 1881 годов.

Ирония выбора заключается в том, что наиболее обоснованная теория терроризма как «инструментального насилия» понимает его именно как процесс коммуникации, где каждый акт является «посланием», адресованным определенной аудитории⁵⁹. Здесь уместно вспомнить Степана Халтурина, оказавшегося наедине с императором и «не решившегося» нанести смертельный удар. Ольга Любатович в воспоминаниях объяснила этот эпизод обаянием Александра II, его обходительным обращением с рабочими. Убийство монарха без свидетелей, «тяжелым острым молотком», однако, в свете террористической тактики не имело смысла, поскольку не способно было «сказать» то, что пыталась донести до своей аудитории «Народная воля». Терроризм невозможен, если, кроме непосредственной жертвы, в него не вовлечена третья сторона, ответ которой на «послание», отправляемое с помощью насилия, и является конечной целью террористов. Широкий резонанс покушений на самодержавного монарха и высокая личная значимость происходящего для представителей общества будили эмоции и мысли, заставляли высказываться и действовать даже тех, кто обычно молчал, наконец, вели к размышлениям о том, что есть общество, какова его роль в происходящем.

Наиболее формальным способом коммуникации власти и общества были верноподданнические адреса и телеграммы, которые отправлялись императору после каждого террористического акта различными учреждениями, корпорациями, собраниями и иногда частными лицами. Их смысл заключался в самом акте коммуникации монарха и подданных, а не в содержании послания, с небольшими вариациями сообщавшего о неизменной преданности престолу и негодовании на злоумышленников. Адреса позволяют обнаружить едва ли не все общество Российской империи и даже какую-то часть ее «народа». Как представитель дворянства, купечества, губернского или уездного земства, органов городского самоуправления, чиновник, учитель и т. д. почти каждый член общества принимал участие в составлении и подписании адреса, а то и нескольких. Ритуальность этого

⁵⁸ См.: Хефнер Л. Civil society, Buergertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в поздней имперской России. С. 201–202.

⁵⁹ О терроризме как коммуникации см.: Turk Au. T. Sociology of Terrorism // Annual Review of Sociology. Vol. 30 (2004). P. 274–276.

вида коммуникации правительства и общества приводила к тому, что самые массовые из всех обращений во власть ни она сама, ни позднее исследователи не брали в расчет. Внимания и тех и других заслуживали лишь те адреса, в которых, нарушая законный порядок, представители общества пытались выдвигать политические требования. Стоит подчеркнуть тот факт, что, кроме верноподданнических адресов, у русского общества не было законных способов коммуницировать с властью от лица сколько-нибудь значительного количества людей по поводу политических вопросов. Политика государства, во время великих реформ дозволившего, наконец, не только собрания, основанные на сословном принципе, но и земства как внесословные объединения, была направлена на установление жестких территориальных границ между ними и не менее жестких политических рамок. По сути, обращаясь ко *всему обществу*⁶⁰, власть разговаривала с фантомом, которому она сама всячески препятствовала обрести плоть. Ответить ей, выражая действительно какое-то мнение, а не жонглируя набором известных фраз, мог лишь отдельный представитель общества, взявший на себя смелость говорить от лица всех остальных и тем самым неизбежно узурпировавший их права.

Противоположное верноподданническому адресу явление представляло собой поднесение монарху стихотворений, музыкальных произведений и священных предметов. В отличие от адресов, в получении которых власть нуждалась, эти проявления монархических чувств терпели скорее по традиции. С ноября 1879 г. по июль 1881 г. министерством императорского двора было получено 43 верноподданнических заявления, вызванных, по указанию их авторов, террористическими актами⁶¹. В большинстве случаев их едва ли можно относить к актам коммуникации в публичном политическом пространстве. С другой стороны, в этих посланиях можно видеть реликты политики совсем иного рода, основанной на личном взаимодействии монарха и подданных. То, что такого рода общение было в рассматриваемое время скорее пережитком, доказывает немногочисленность корреспондентов, их невысокий социальный статус, а также неизменный поиск чинами канцелярии корыстных мотивов, вызвавших послание. Власть делала вид, что верит в искренность адресов, отправляемых коллективно, но не скрывала недоверия к личным заявлениям подданных.

Наибольший интерес для исследования представляют индивидуальные записки о борьбе с терроризмом. Всего было выявлено 215 записок, созданных в промежутке с декабря 1879 г. по октябрь 1881 г. и принадлежащих перу 191 автора. Хотя такого рода тексты стали появляться уже после первого покушения «Народной воли», большинство их стало ответом на обращение М. Т. Лорис-Меликова «К жителям столицы» 15 февраля 1880 года. Второй всплеск отмечается после царевубийства 1 марта 1881 года. При этом большинство записок конца апреля-мая 1881 г. появились как ответ на манифест «о незыблемости самодержавия». Таким образом, можно утверждать, что взаимодействие власти и общества было инициировано самой властью, давшей дозволение на такого рода коммуникацию. Разумеется, последняя не была свободна от определенных ритуальных правил, хотя подчинялась

⁶⁰ См.: К жителям столицы // Правительственный вестник. 1880. 15 февраля.

⁶¹ См.: РГИА. Ф. 472. Оп. 16. 381/1901. Д. 6, 9.

им не в такой мере, как верноподданнические адреса. Обращение к высшим сановникам империи требовало использования верноподданнической риторики, с одной стороны, и определенной осторожности, с другой. Некоторые авторы опасались последствий своей откровенности: 51 (т. е. почти четверть) выявленное послание было отправлено анонимно.

Содержание записок охватывало довольно большой круг внутривнутриполитических проблем, среди которых можно выделить несколько основных направлений:

1. Вопросы, связанные с обнаружением, преследованием и наказанием террористов, куда входили проекты реформирования полиции и, более узко, политического сыска, включение в эту систему представителей общества, реформа административной ссылки и в целом системы наказаний за политические преступления.

2. Воздействие на молодое поколение как на основной «ресурс» террористов – реформирование школы, церковные реформы, направленные на укрепление веры, идеологическое воздействие на молодежь.

3. Устранение экономических и социальных неурядиц, борьба с административными нестроениями.

4. Включение представителей общества в процесс принятия политических решений.

Корреспондентов высочайших адресатов с полной уверенностью можно назвать представителями русского общества: не только в силу их социального статуса или стремления повлиять на политическую ситуацию, но, в первую очередь, потому, что они сами считали себя таковыми. Одни, как кишиневский землемер Алмазов, прямо объявляли себя «членами того русского общества, к которому Вы [М. Т. Лорис-Меликов – Ю. С.] обратили свое слово»⁶². Другие подчеркивали, что высказывают не индивидуальное мнение, но говорят с властью от имени общества.

Реконструкция «горизонтального» обсуждения проблемы терроризма – чрезвычайно сложная задача, не только потому, что сведения о ней по крупицам рассыпаны по огромному пласту разнообразных источников, но и потому, что сфера приватного не была гарантирована от вмешательства государства, готового «в административном порядке» регламентировать темы разговоров и обстоятельства их ведения в частных домах.

В столицах и крупных городах империи, где общество было значительным в численном отношении явлением, разговоры о политике во множестве разных мест объединяли единомышленников в одном физическом пространстве. Чем дальше от центра, тем малочисленнее становилось общество, тем меньше мест, где можно было обменяться мнениями о политической ситуации. В совсем уже глухой провинции ««общества» в собственном смысле слова не было, не было даже места, где могли бы собираться городские люди – клуба, общественного собрания, – и трактир был местом, где изредка по зимам устраивались вечера с танцами»⁶³.

Спускаясь вниз по ступеням объединений представителей общества во сколько-нибудь многочисленные группы и не находя ни на одной из них ни

⁶² Алмазов – Лорис-Меликову М. Т. 17 марта 1880 // РГИА Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 228; 232.

⁶³ *Елпатьевский С. Я.* В провинции. Из воспоминания // Былое. 1925. № 3. С. 66.

согласия, ни организованного политического действия, не вызывавших бы протеста внутри самих этих групп, исследование доходит до предела – до отдельного человека, действующего от своего имени. На этой последней ступеньке русское общество внезапно кажется иллюзией, грандиозным обманом и самообманом. Оно не приходит на помощь правительству, когда то взывает к нему, но и слухи о грандиозных пожертвованиях в кассу «Народной воли», укрывательстве террористов, сотрудничестве с ними при ближайшем рассмотрении оказываются преувеличением. Достоверные случаи прямого пособничества или просто переговоров представителей общества террористам за пределами ограниченного кружка фрондирующих литераторов и земских деятелей крайне немногочисленны. Ощущение беспомощности и бессмысленности существования выражено в горьких словах Н. П. Колюпанова: «как жило до сих пор русское общество? Мы думали, говорили, писали, сочувствовали, бранили, просили, желали, надеялись... но никогда *ничего не делали*»⁶⁴.

В этой жалобе есть слово, которое способно победить скепсис по поводу существования русского общества за пределами локальных публичных собраний и face-to-face коммуникации. Это слово «мы». Человек, высказывающий свои мысли высшей администрации, чувствовал себя не только служащим, дворянином, родителем, но и членом общества, говорящим с властью от имени многих. Все попытки коллективного давления на власть предпринимались от имени общества и ради общего блага. Русское общество говорило на одном языке, размышляло над одними и теми же проблемами, предлагало схожие способы их решения, придерживалось определенного стиля жизни, обладало общими ценностными ориентациями. Именно ощущение «мы», постоянно присутствующее в разговорах, мыслях, поступках, а не какие бы то ни было формальные признаки и даже не принадлежность к одной «культурной сети», позволяют говорить об обществе как едином акторе в публичном политическом пространстве.

Народовольческий террор стал для русского общества серьезным испытанием. В ситуации рушащегося на глазах под ударами горстки людей, действия которых выходят за рамки привычного и с трудом поддаются рациональному анализу, порядка вещей, оно слышало призывы о помощи – и со стороны революционеров, и со стороны власти. Попытки ответить на эти призывы, равно как и попытки осмыслить происходящее, больше всего повлияли на само общество. Вместо уверенности в своей силе, воскресшей было с назначением М. Т. Лорис-Меликова, оно осознало собственную слабость. Слабость не только перед лицом правительства, но и перед людьми, решившимися вмешаться в течение дел с помощью динамита. В то же время эти призывы заставили очень многих задуматься о своем статусе и открыть в себе не только чиновника, генерала, дворянина, родителя, но и члена общества.

⁶⁴ Колюпанов Н. Из захолустья // Русский курьер. 1881. 17 марта.

О. В. Кочукова (Саратов)

**ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
В ВОСПРИЯТИИ ИДЕОЛОГОВ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА
(М. Н. КАТКОВ И Р. А. ФАДЕЕВ)**

Общественное мнение в качестве фактора исторического развития России XIX столетия в отечественной историографии, как правило, привлекало внимание исследователей в связи с изучением различных аспектов взаимоотношений власти и общества⁶⁵. В настоящее время существуют различные подходы к изучению феномена общественного мнения, включая освоение пространств социальной, институциональной и интеллектуальной истории. Так, в одном из современных исследований, посвященных истории клубов в России, затронут вопрос о механизмах формирования, инструментах и социальных очагах функционирования общественного мнения⁶⁶. Но все еще недостаточно изучены теоретические представления современников по обозначенной проблеме, то есть, совокупность созданных ими концепций «общества» и «общественного мнения». Представляется, что перспективным направлением изучения общественного мнения в истории России XIX в. должно стать его всестороннее осмысление в контексте интеллектуальной истории, понимаемой как «история идей и людей». В связи с этим более пристального внимания заслуживает и самый первый уровень изучения обозначенной проблемы, который связан с выяснением спектра теоретических представлений современников, общественных деятелей и мыслителей по проблеме общественного мнения. Эта тема обозначена в статье Т. В. Андреевой, которая, в частности, рассмотрела отдельные опыты ее анализа современниками⁶⁷. Среди них – противостоящие друг другу взгляды славянофила И. С. Аксакова, создавшего первую теорию «общества» и «общественного мнения», и военного публициста генерала Р. А. Фадеева, пришедшего к выводу об их фактическом отсутствии в современной ему России. Открытое статьей Т. В. Андреевой исследовательское поле может быть расширено, ведь очень многие современники вполне сознавали значимость

⁶⁵ См., напр.: *Гросул В. Я.* Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М., 2003; *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003; *Шевченко М. М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003; *Власть. Общество. Культура: Из истории общественных инициатив в России XVIII–XX вв.* / сост. В. Г. Леонов; науч. ред. Т. А. Васильева. М., 2006; *Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники.* СПб., 2009.

⁶⁶ См.: *Розенталь И. С.* «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. М., 2007.

⁶⁷ См.: *Андреева Т. В.* Теоретический аспект проблемы общества и общественного мнения в России во второй половине XIX – начале XX в. // *Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники.* С. 256–263.

фактора общественного мнения. В данной статье предпринята попытка сопоставительного анализа взглядов двух идеологов консерватизма в пореформенной России – М. Н. Каткова и Р. А. Фадеева.

Анализ теоретических представлений об общественном мнении деятелей консервативного движения имеет значение в связи с тем, что традиционно приоритетными в этом отношении считались предложенные современниками либеральные концепции. Представители либерально-прогрессивной части общественного движения, как правило, исходили из несомненного признания положительной исторической роли общественного мнения в России XIX века. Напротив, мыслители консервативного направления зачастую выявляли негативные черты этого общественно-политического феномена. Их понимание проблемы по-своему интересно именно в связи с отказом от однозначности и шаблонности мышления. Рассуждения М. Н. Каткова и Р. А. Фадеева о русском общественном мнении можно понимать как своеобразные «образы восприятия» самого феномена общественного мнения, которые, конечно же, важны как для изучения реалий общественно-политической жизни эпохи, так и ее отражения в сознании современников. Кроме того, исследование такого рода поможет выявить дополнительные аспекты вопроса о дифференциации течений внутри консервативного направления общественной мысли.

Источниками являются публицистические произведения и газетно-журнальные публикации М. Н. Каткова и Р. А. Фадеева, относящиеся к периоду второй половины 1860-х – начала 1880-х годов. Эти хронологические рамки обозначают время после свершения основных освободительных реформ 1860-х гг. и вызревания общественной реакции на преобразования и порожденные ими процессы. В сущности, это был новый период в плане становления и развития общественного мнения, после общественного подъема второй половины 1850-х – начала 1860-х годов. Тогда общественное мнение впервые столь ярко проявило себя как фактор политической жизни, но его осмысление могло состояться спустя определенное время. Поэтому взгляды М. Н. Каткова и Р. А. Фадеева на проблему общественного мнения сформировались в основном в процессе рефлексии на тему оценки состояния умов в эпоху Великих реформ.

Даже самое общее знакомство с текстами М. Н. Каткова и Р. А. Фадеева, в которых употребляется термин «общественное мнение», позволяет прийти к выводу об общей основе их воззрений. И тот, и другой исходили из признания необходимости общественного мнения, считали его значимым фактором социально-политической жизни, без которого развитие страны в современном мире невозможно. В целом, это свидетельствует о серьезной эволюции консервативной мысли и принципиальном отличии от официального консерватизма «николаевской» эпохи.

Формирование общественного мнения рассматривалось Р. А. Фадеевым в качестве ведущей задачи современности. В работе «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)» (1874) он, заявляя, что Россия – страна, которой еще очень долго нужно будет управлять, не полагаясь на всестороннее значение принципа самоуправления, выражал понимание того факта, что «правительство не состоит из волшебников», знающих народные нужды лучше, чем сам народ: «... без содействия самого общества, способного к местному самоуправлению и к совещательному обсуждению перед

лицом власти общерусских вопросов, ...без общества мы можем прозябать, но жить не можем»⁶⁸. Более того, по мнению публициста, признание необходимости общественного мнения является, ни много, ни мало, как открытием нового периода русской истории и завершением «воспитательного» ее этапа, начатого Петром I. Тогда власть относилась к народу как наставник, реализующий «просветительную миссию сверху» («Известное дело, что от ученика требуют только прилежания и послушания, а не мнения») ⁶⁹. И так, «мнение» в глазах Фадеева является признаком «зрелости» народа.

Точно так же в статьях М. Н. Каткова в «Московских ведомостях», посвященных различным актуальным сюжетам и написанных в 1860–1870-е гг., достаточно часто можно встретить упоминание о необходимости «общественного обсуждения вопросов, занимающих правительство» с целью изучения желаний и потребностей страны⁷⁰.

Таким образом, в представлениях М. Н. Каткова и Р. А. Фадеева, общественное мнение – это, прежде всего, канал взаимодействия власти и подвластного населения.

В статье 1866 г. «Исключительное господство бюрократии и верховная власть» М. Н. Катков называл «признание в правах» общественного мнения в ряду ведущих реформ 1860-х гг. и уверенно выражал мысль о необходимости «голоса общественных сил» «помимо бюрократии». Упомянул он и о пользе общественных дискуссий: «из столкновения мнений всегда выйдет что-нибудь существенно полезное»⁷¹.

Несколько раз М. Н. Катков высказывал суждение о том, что «свобода мнения» являет собой необходимое условие спокойного общественного развития, будучи лучшим залогом от радикализма, нигилизма, политического экстремизма. Так, редактор «Московских ведомостей» напоминал, что «загрязнение литературы вредными учениями» началось с эпохи Николая I, и не потому, что тогда был переизбыток свободы, а, наоборот, «переизбыток административной опеки»⁷². Здесь Катков, в сущности, повторял известный либеральный аргумент в пользу свободы печати, сводящийся к тому, что высказанные мнения являются гораздо менее опасными, чем скрытые, невысказанные настроения. Разумеется, в конкретной общественной ситуации аргументация тезиса о «свободе мнения» имела для идеологов русского консерватизма и важный лично для них смысл, связанный с поиском механизмов распространения своего влияния и орудий в общественной борьбе. В таком случае «свобода мнения» становилась способом «дать дорогу» «здоровым, охранительным и благонадежным общественным силам» в их борьбе с «нигилизмом»⁷³.

⁶⁸ Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ / сост., авт. предисл. и коммент. С. В. Лебедева. М., 2010. С. 931.

⁶⁹ Там же. С. 723.

⁷⁰ См.: Катков М. Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. Русский консерватизм: Государственная публицистика. Деятели России / под общ. ред. А. Н. Николюкина. Сост., подг. текста, коммент. А. Н. Николюкина и Т. Ф. Прокопова. СПб., 2011. С. 87 и др.

⁷¹ Там же. С. 87.

⁷² Там же. С. 273.

⁷³ Там же.

Но признание необходимости общественного мнения как фактора общественно-политической жизни страны не означало совпадения позиций М. Н. Каткова и Р. А. Фадеева с представителями либеральной части общественности. И связано это, прежде всего, с тем, что они выявляли негативные характеристики «общественного мнения» как реальности российской современности.

Тема критики общественных настроений и мнений наиболее последовательно развивалась Р. А. Фадеевым. Интересные соображения на этот счет встречаем в его записке «Причины распространения нигилизма» (1871). Принципиально важным обстоятельством, определившим качественные характеристики общественного мнения в России, Фадеев считал момент его зарождения. По его мнению, это был завершающий этап Крымской войны, когда в восприятии действительности преобладали отрицательные эмоции обиды и оскорбления. С точки зрения Фадеева, общественные настроения того периода лучше характеризует не слово «мнение», а слово «увлечение». Оно «истекало не из мнения, а из чувства, из общего настроения». Это было «нравственное возмущение против государственной власти»: «Оно было ничем иным как загнанным внутрь чувством народной гордости и минутно пошатнувшимся доверием к династии, не умевшей, да простится мне выражение, застраховать за Россией победы, вошедшей привычкой в плоть и кровь русского человека»⁷⁴. Общественное мнение вследствие этого приобрело «форму всеобщего отрицания» (и поэтому Фадеев использовал термин «нигилизм» в очень широком смысле).

Для обозначения тех же самых характеристик общественного мнения в России М. Н. Катков использовал очень яркое выражение «дух народного самоотрицания и самоуничтожения», сделав его названием статьи («страсть бранить, порицать и отрицать в себе все, предавать в себе все поруганию и осмеянию, все в себе терзать и уничтожать, ...изображать гнусные свойства русского человека и русского быта во всех его видах»⁷⁵). Такое состояние умов перестает быть здоровой самокритикой, превращаясь в «общественную болезнь». В конце концов, иронизировал Катков, начали «вменять русскому народу и русской истории даже те недостатки, которые свойственны всем людям, человеку вообще»⁷⁶.

Следует признать, что М. Н. Катков и Р. А. Фадеев размышляли о процессах и явлениях, действительно имевших место: пафос самообличения, гиперкритицизм в восприятии своей истории, максимализм оценок существующего общественного устройства весьма ярко проявлялись в общественных настроениях накануне Великих реформ. Интересно, что М. Н. Катков видел происхождение этой «болезни» в мировосприятии бюрократической среды, «административного Петербурга», выработавшего привычку смотреть с недоверием на русский народ как объект цивилизаторских усилий правительства⁷⁷.

⁷⁴ Цит. по: Порох И. В. А. И. Герцен в русском освободительном движении 50-х годов XIX в.: дис. ...докт. ист. наук. Саратов, 1977. С. 374.

⁷⁵ Катков М. Н. Указ. соч. С. 95.

⁷⁶ Там же. С. 96.

⁷⁷ См.: Там же.

Вторая отрицательная характеристика общественного мнения в России, которую выявляли М. Н. Катков и Р. А. Фадеев, – это отсутствие четкой дифференциации направлений и тем для дискуссий, «разброд мнений». По этому поводу Фадеев даже создал нечто вроде афоризма, когда написал, что два европейца спорят, исходя из каких-то общих оснований мысли, а двое русских, даже если соглашаются, исходят из различных точек зрения и соглашаются только в практическом выводе. «Под нашими взглядами нет общей подкладки», – заключал Фадеев. А отсутствие «сборных мнений, общих интересов, сложившихся групп» создает сложнейшую ситуацию для общественных деятелей, так как «влиять на людей поодиночке значило бы черпать море ложкой»⁷⁸. Именно в данном отношении взгляды Р. А. Фадеева резко противостоят концепции «общества», созданной И. С. Аксаковым: по мнению военного публициста, общества и общественного мнения в современной ему России не было, им только предстояло сложиться. «Покуда мы только государство, а не общество», – подводил итог Фадеев.

Достаточно часто в текстах авторства М. Н. Каткова и Р. А. Фадеева можно встретить упоминание о подражательности русского общественного мнения, его ориентированности на чужеземные теории и практики⁷⁹.

Выявление негативных характеристик в процессах и явлениях, связанных с формированием общественного мнения в России, подводило идеологов русского консерватизма к весьма важному умозаключению о том, что оно не отвечает самому своему названию, так как не является *общим* мнением, выражающем реальные интересы действительно сложившихся социальных слоев и групп населения. М. Н. Катков и Р. А. Фадеев озвучивали суждение о том, что общественное мнение не является социально значимой реальностью в России потому, что его формирование «монополизировано» незначительной группой людей. В глазах М. Н. Каткова таким «узурпатором» власти во влиянии на умы являлась, прежде всего, печать (суждение несколько удивительное для редактора одного из самых популярных периодических изданий).

В статье «Новые реформы» (1863) М. Н. Катков вопрошал: «Неужели политическая жизнь общества, общественное мнение по законодательным и административным вопросам должны быть исключительно уделом редакторов газет? ... Неужели заявление желаний и потребностей страны может быть привилегией людей, которым случайно выпал жребий издавать газету или писать в газетах? Печать становится полезной силой в обсуждении общественных вопросов не иначе, как служа непосредственному отражению мнений и желаний самого общества или его законных представителей»⁸⁰. Нельзя не признать правоты Каткова, по крайней мере, в одном: процессы формирования общественной мысли и общественного движения в России, действительно, в отличие от Западной Европы, носили, в отсутствии социальной опоры, более «чистый», «идейный», интеллектуальный характер, и уже в силу этого печати принадлежала совершенно особая роль.

Р. А. Фадеев был склонен к более масштабным обобщениям социологического характера, когда речь заходила об определении источников скла-

⁷⁸ Фадеев Р. А. Указ. соч. С. 725.

⁷⁹ См., напр.: Там же. С. 782.

⁸⁰ Катков М. Н. Указ. соч. С. 86.

дывания той реальности общественного мнения, которая им не признавалась как таковая. Автор программного публицистического произведения «Чем нам быть?» находил вполне конкретные социальные силы, по его общей с М. Н. Катковым логике, «узурпировавшие» формирование общественного мнения. Такими силами в его представлении были незначительные социальные прослойки, которые оказались наиболее активными и агрессивными. К их числу Фадеев относил, прежде всего, «семинаристскую среду», «клокочущую по неимению выхода» вследствие особенностей социального положения церковного сословия, к тому же испорченную пороками семинарского образования. В этом факторе, по его мнению, в России проявлялся невиданный исторический пример, когда «дух отрицания исходил из церковной ограды».

Второй прослойкой, оказывавшей, с точки зрения Р. А. Фадеева, постоянное влияние на общественные настроения, была бюрократия, или «дело-производственная администрация». Нетрудно заметить, что Фадеев хотел подчеркнуть то «противоестественное» обстоятельство, что на состояние умов и нравов влияют не основные социальные слои, а прослойки отчасти маргинального характера. Но сравнивать бюрократию с «семинаристами» было, конечно же, непросто. И здесь на помощь публицисту пришла «историческая» аргументация. Фадеев делал акцент на том, что «делопроизводственная администрация» исторически в России никогда не считалась почетным «дворянским делом», а была уделом «приказных людей»⁸¹. Действительный смысл построений Фадеева сводился, разумеется, не к критике бюрократии самой по себе. Разоблачительный пафос был направлен против вполне конкретной силы. И этой силой была «либеральная бюрократия». В одном из частных писем он дал свой, удивительно резкий, вариант названия этой группе лиц – «банда 1861 года»⁸². В частности, братья Н. А. и Д. А. Милютины, с деятельностью которых было связано осуществление крестьянской, земской и военной реформ, в глазах Фадеева были «злыми гениями русской истории». Программа деятельности реформаторов была охарактеризована консервативным публицистом в качестве «канцелярского либерализма». По этому поводу он заявлял, что даже «осадное положение менее сокрушительно для самостоятельного общественного развития, чем канцелярский либерализм»⁸³. В конечном счете, эпоха Великих реформ была представлена Фадеевым как эпоха деятельности «канцелярских либералов», вооруженных чужеземными идеями и эксплуатировавших «детские увлечения свободного русского слова»⁸⁴.

Осуществленная идеологами консерватизма последовательная критика процессов и явлений в формировании общественного мнения в России неизбежно должна была завершиться формулировкой его необходимых, желательных и эффективных параметров. Среди последних М. Н. Катков и Р. А. Фадеев особо выделяли его национальный характер и обозначали проблему преодоления «разброда мнений». Последняя тема отражена в названии одной из статей «Московских ведомостей» – «Корень всякого зла в Рос-

⁸¹ Фадеев Р. А. Указ. соч. С. 828.

⁸² Письма Р. А. Фадеева Ю. Ф. Самарину // Фадеев Р. А. Указ. соч. С. 939.

⁸³ Фадеев Р. А. Указ. соч. С. 828.

⁸⁴ Там же. С. 897.

сии есть внутреннее раздвоение». (1866). Но при этом весьма примечателен один факт: к концу 1870-х гг. в публицистике Каткова незаметно исчезает сам термин «общественное мнение». Его вытесняет «*русское мнение*», в авторской логике и фразеологии противопоставленное «*так называемому общественному мнению*». Еще более недвусмысленно они противопоставлены Катковым в виде борьбы «русской и антирусской партий»⁸⁵.

Но именно в понимании М. Н. Катковым и Р. А. Фадеевым конкретных параметров необходимого, с их точки зрения, вектора развития «общего мнения» или «русского мнения» возникало их важное расхождение. Два консервативных мыслителя давали противоположные по смыслу ответы на вопрос о социальной основе формирования их «идеального образа» общественного мнения.

Р. А. Фадеев в сочинении «Русское общество в настоящем и будущем» выступал последовательным защитником социальных и политических интересов дворянства. С его точки зрения «общество» и «общее мнение» потому и не смогли стать в России значимой реальностью, что единственной основой их формирования могло быть только дворянство, но именно оно было «задвинуто на второй план» реформами 1860-х годов. По этому поводу он заявлял: «Прямое участие нашего культурного слоя – дворянства – в общественной жизни, вместо нынешнего косвенного участия, серьезная деятельность и серьезная ответственность сложат его в одно целое и между собой, и с народом, проникнут его единством настроения и отрезвят совершенно... У нас явятся тогда и общественное мнение, и общественная деятельность»⁸⁶. Собственно, конкретные предложения Фадеева сводились к плану сохранения, укрепления и расширения сословных преимуществ дворянства.

Такой план вызывал несогласие М. Н. Каткова. И именно по вопросу о социальной основе не только формирования общественного мнения, но вообще будущего исторического развития России, возникла дискуссия двух идеологов консерватизма. В статье М. Н. Каткова, посвященной задачам деятельности комиссии для пересмотра учреждений губернского и уездного правлений (1881) критически оценивалась (без упоминания авторства) брошюра «Письма о современном состоянии России», изданная Р. А. Фадеевым в 1881 г. в Лейпциге. Катков подвергал критике имевшую славянофильское происхождение мысль Фадеева о том, что с эпохи Петра I в отношении государства и народа вторглась бюрократия, деятельность которой привела к последовательному ущемлению дворянства. С основательной долей иронии он вопрошал: можно ли представить большую меру «самоуправления» для дворянства, нежели исторически предоставленную ей крепостным правом в отношении управления на правах собственности крестьянством?

Парируя Фадееву, Катков приходил к заключению, что до 1861 г. в России существовали крепостное право и дворянское самоуправление, а после реформ 1860-х гг. сфера «самоуправления» еще больше расширилась: возникли «всякие самоуправления, легальные и нелегальные, образуются разные власти слишком, к сожалению, независимые от государства». Постоянной темой «Московских ведомостей» этой поры было отстаивание того

⁸⁵ Катков М. Н. Указ. соч. С. 415, 418–419.

⁸⁶ Фадеев Р. А. Указ. соч. С. 779.

принципа, что государственная власть не должна допускать «никаких государств в государстве»⁸⁷. Соответственно, и способ выработки общественного, или в новой авторской транскрипции, «русского», мнения связывался Катковым не с дворянством как социальным слоем, а с людьми, осознающими всю важность государственных исторических задач и потребностей. Он считал, что нужно больше прислушиваться к мнению «государственных людей»: «их голос мог бы направлять общественное мнение и политически воспитывать умы»⁸⁸. Иными словами, Катков говорил об управляемом и направляемом государственной властью общественном мнении.

Таким образом, круг замыкался. М. Н. Катков, начав с признания необходимости общественного мнения в ограничении исключительного господства бюрократии пришел к фактическому его отрицанию, заменив его на «русское мнение» и подчинив «наставничеству» «государственных людей» (то есть, представителей той же самой бюрократии). А Р. А. Фадеев создавал консервативную утопию, в которой общественное мнение складывалось исключительно в недрах «культурного слоя» – дворянства.

Д. Е. Луконин (Саратов)

«ТРИ ВЕЛИКИЕ ЗАБОТЫ»: РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ В КОНЦЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ БАЛАКИРЕВСКОГО КРУЖКА)

Одним из господствующих стереотипов, созданных в рамках советской историографии русской художественной культуры и хорошо согласующихся с общей концепцией «освободительного движения», было утверждение о якобы существовавшем противостоянии власти, с одной стороны, и демократически настроенной художественной интеллигенции, с другой. Так, М. О. Янковский говорил, например, о «борьбе правящих кругов против патриотического и демократического направления могучей кучки», причем к активным действующим силам «правлящих кругов» причислялась «реакционная пресса»⁸⁹. Таким образом, пространство развития русской художественной культуры в ее общественном модусе было представлено как арена борьбы двух глобальных «партий»: реакции (и всех примкнувших к реакционной стороне) и небольшой группы прогрессивно мыслящих и активно борющихся с засильем власти художников.

Западные ученые неоднократно оспаривали такую точку зрения. Еще на рубеже 70–80-х гг. прошлого века американский историк культуры Р. Райднаур утверждал, что в исследованиях борьбы «художественных пар-

⁸⁷ Катков М.Н. Указ. соч. С. 449–450.

⁸⁸ Там же. С. 87.

⁸⁹ Янковский М. О. Стасов и Римский-Корсаков // Римский-Корсаков: Исследования. Материалы. Письма: в 2 т. М., 1953. Т. 1. С. 337.

тий необходимо «исследовать другие основания соперничества...»⁹⁰. Важнейшим мотивом борьбы Райднаур считал профессиональную конкуренцию (*personal rivalry*) композиторов в деле построения собственной карьеры. «Рассмотренное в этом свете противостояние Русского музыкального общества, Серова и кружка Балакирева, – писал он, – предстает в совершенно новой перспективе. Оно перестает быть борьбой национализма против космополитизма, либерализма против консерватизма, хорошего против дурного и становится вместо этого соперничеством между талантливыми и амбициозными людьми, намеревающимися построить собственную карьеру в музыке»⁹¹. В противовес концепции «двух враждующих партий» Райднаур обозначил концепцию, которую (если воспользоваться крылатым словом В. Караджича) можно было бы назвать «три великие заботы», т. к. карьерные амбиции русских композиторов упирались в необходимость получения официального статуса (места), возможности исполнения и публикации своих произведений.

Выводы Райднаура противоречили не только официальной точке зрения в советской историографии, но и общепризнанному мнению, сложившемуся в середине XIX – начале XX века. Справедливости ради следует отметить, что подобное мнение не было единственным. Если подавляющее большинство критиков в весьма широком спектре – от М. М. Иванова до В. Г. Каратыгина – использовали противопоставление «двух враждующих партий», называя их либо «умеренными и радикалами», либо сторонниками и противниками «национального русского стиля»⁹², то не менее авторитетный критик, издатель «Русской музыкальной газеты» Н. Ф. Финдейзен выдвинул иную версию, согласно которой «борьба новой русской школы с консерваторией, Рубинштейном и его «партией» (Русским музыкальным обществом) была воображаемая. Русское музыкальное общество не боролось против новой русской школы, как последняя (Стасов) ошибочно предполагала и печатно объявляла. Консерватория и Рубинштейн только не хотели выступать (полемизировать) против печатных походов Кюи и Стасова, считая подобное занятие потерянным временем»⁹³. Далее следует ряд фактов, подтверждающих, по мнению Н. Ф. Финдейзена, «сотрудничество» Русского музыкального общества и «Могучей кучки».

Более пристальное рассмотрение доводов сторонников «антипартийной» теории позволяет считать их недостаточно убедительными. Действительно, преследование собственных карьерных целей или отдельные элементы сотрудничества («шахматные ходы», как называл их В. В. Стасов), даже полный переход из одной партии в другую (чего, однако, никогда не случалось, бывали только случаи сближения и расхождения) никак не свидетельствуют ни против теории «партий», ни против констатации их враж-

⁹⁰ *Ridenour R. C. Nationalism, Modernism and Personal Rivalry in Nineteenth-Century Russian Music. Ann Arbor (Mich.), 1983. P. 2.*

⁹¹ *Ibid. P. 233.*

⁹² См.: *Иванов М. М. История музыкального развития России: в 2 т. СПб., 1910–1912. Т. 2. С. 91–92; Каратыгин В. Г. Скрябин: очерк. Пг., 1915. С. 7–8.*

⁹³ Цит. по: *Космовская М. Л. М. А. Балакирев и Н. Ф. Финдейзен // Балакиреву посвящается: Сб. ст. к 160-летию со дня рождения композитора (1836–1996) / под ред. Т. А. Зайцевой. СПб., 1998. С. 174.*

дебной направленности. Если уж применять «партийную» терминологию, то следует применять ее последовательно, по аналогии с реально существовавшими и существующими политическими партиями, в среде которых личные амбиции, карьерные стремления и «шахматные ходы» в виде сближений и расхождений являются общепринятыми и понятными действиями. Н. Ф. Финдейзен безусловно прав в своем умозаключении, что «борьба – это условие существования «партийности» в искусстве»⁹⁴. Необходимо поэтому рассмотреть сами условия и формы существования борьбы художественных «партий», которые, если экстраполировать на данный материал теорию «трех великих забот», можно было бы обозначить как осознание внутреннего единства сообщества, возможность демонстрации своих намерений перед представительским собранием (парламентаризм) и широкое публичное изложение собственных взглядов. В рамках музыкальной жизни России второй половины XIX в. данные функции выполняли кружки и общества, концерты (вопрос о постановке музыкальных произведений на императорской сцене выходит за рамки представленной работы, хотя и в этой области наблюдались сходные тенденции) и пресса, освещающая жизнь искусства.

Наиболее четкую и категоричную формулировку теории «двух враждующих партий» дал, на наш взгляд, глава «Могучей кучки» М. А. Балакирев в своей записке, написанной по просьбе Т. И. Филиппова и содержащий сведения, предназначенные для доклада царю. И хотя документ был опубликован еще в начале 60-х гг. прошлого века, ввиду его важности для поставленной проблемы, позволим себе привести достаточно большую цитату: «В начале 60-х годов в музыкальном русском мире ясно обозначились два лагеря противоположных: первая категория во главе с Рубинштейном находила безумным стремиться в области музыки к чему-то национальному, самобытному, тогда как музыкальные формы уже выработались в Европе, и, главным образом, в Германии, настолько существенно, что всякое уклонение от них могло вести только к упадку искусство. Другая категория находила не только возможным, но должным и естественным идти по стопам гениального Глинки, считая его основателем самобытной русской школы музыки. К первой категории, кроме Рубинштейна, принадлежали все иностранцы Петербурга, которых ремеслом была музыка. Впоследствии к этой партии присоединились музыкальные критики двух больших петербургских газет – гг. Соловьев и Иванов, что и дало в литературе окончательный перевес этой партии над ее противниками 2-й категории, к которой принадлежали: Балакирев, Бородин, Кюи, Мусоргский, Римский-Корсаков. Выражением идей первой категории были и есть концерты императорского Музыкального общества и выражением 2-й категории были концерты Бесплатной музыкальной школы...»⁹⁵.

Итак, в записке М. А. Балакирева с достаточной ясностью обозначены три основных элемента «партийной» жизни русских музыкантов. Во-первых, это создающие корпоративное единство кружки или сообщества: с одной стороны – новая русская музыкальная школа, с другой – Императорское музыкальное общество, центр притяжения, по словам Балакирева

⁹⁴ Цит. по: *Космовская М. Л.* М. А. Балакирев и Н. Ф. Финдейзен // Балакиреву посвящается. С. 174.

⁹⁵ *Балакирев М. А.* Воспоминания и письма. Л., 1962. С. 230–231.

«всех музыкальных иностранцев Петербурга». Во-вторых, это противостояние концертов Императорского Русского музыкального общества и Бесплатной музыкальной школы. В-третьих, газетная критика, с одной стороны, ведущих газет «Санкт-Петербургские ведомости» и «Новое время», в которых сотрудничали Н. Ф. Соловьев и М. М. Иванов, с другой (за исключением Ц. А. Кюи) – почти в единственном числе В. В. Стасова, печатавшегося после скандального разлада с А. С. Сувориным и «Новым временем» в самых различных органах, как то: «Голосе» А. А. Краевского, «Новостях и биржевой газете» О. К. Нотовича, журналах «Вестник Европы», «Северный вестник» и др. – и не имеющего, так сказать, «постоянной прописки».

Однако следует заметить, что ни в одном из данных случаев не идет речь о противостоянии интеллигенции и власти. Противопоставляются два различных частных сообщества. Слово «императорское» в названии Русского музыкального общества не должно вводить в заблуждение. Изначально это была частная организация, учрежденная пятью «директорами» (среди которых ведущую роль играл А. Г. Рубинштейн) с целью «постановки в России музыкального образования»⁹⁶. Связь его с императорским двором обеспечивалась за счет «высочайшего покровительства», которое в первые годы существования общества взяла на себя Великая княгиня Елена Павловна (и осуществляла в достаточно активной форме), затем – другие представители царской семьи. По ходатайству Великого князя Константина Николаевича от 6 апреля 1873 г. общество получило право именовать себя «императорским»⁹⁷. Противники Императорского Русского музыкального общества неоднократно утверждали, что А. Г. Рубинштейн умело пользовался счастливым случаем и расположением царской фамилии. Так, с 1866 г. музыкальное училище при Русском музыкальном обществе получило возможность именовать себя консерваторией, благодаря вовремя поданному Рубинштейном письму по случаю «счастливого исхода покушения на императора»⁹⁸. Однако такая практика использовалась не только А. Г. Рубинштейном.

Бесплатная музыкальная школа также была учреждена четырьмя частными лицами (наиболее значимыми из которых были ее первый директор Г. И. Ломакин и М. А. Балакирев) для «распространения музыкального образования»⁹⁹. В правление императора Александра II школа была принята под «высочайшее покровительство наследника цесаревича». В похожих случаях составлялись похожие документы. Так, в делах Бесплатной музыкальной школы за 1886–1891 гг. находится документ, составленный в конце октября 1888 г., следующего содержания: «Ваше Императорское Величество! Бесплатная музыкальная школа, имеющая счастье состоять под Августейшим покровительством Вашего Императорского Величества, будучи поражена ужасом опасности чудесно отвращенной неизреченною Божест-

⁹⁶ Финдейзен Н. Ф. Очерк деятельности Санкт-Петербургского отделения императорского Русского Музыкального общества (1859–1909). СПб., 1909. С. 3.

⁹⁷ Пузыревский А. И. Императорское русское музыкальное общество в первые 50 лет его деятельности (1859–1909). СПб., 1909. С. 15.

⁹⁸ Там же. С. 10.

⁹⁹ См.: Константинова М. А. Из истории Бесплатной музыкальной школы (1862–1873) // М. А. Балакирев: Личность. Традиции. Современность / под ред. Т. А. Зайцевой. СПб., 2004. С. 69.

венною милостью, осмеливается повергнуть к стопам Вашего Величества верноподданические чувства живейшей радости о дивном спасении Вашем...» и т. д.¹⁰⁰. Любопытно отметить, что оригинал письма собственноручно написан М. А. Балакиревым, а затем переписан набело писарским почерком.

Действительно, М. А. Балакирев сделал концерты Бесплатной музыкальной школы публичной трибуной, с которой звучала музыка композиторов-кучкистов. Такой подход не соответствовал ее первоначальным задачам и, скорее всего, стал причиной ухода Г. И. Ломакина с поста директора¹⁰¹. Оставшись единоличным руководителем, М. А. Балакирев в еще большей степени начал использовать концертную практику для пропаганды нового художественного направления, лидером которого являлся. Деятельность Бесплатной музыкальной школы вызывала много споров и нареканий. Так, подводя итог ее четвертьвекового существования, В. В. Стасов использовал ставший уже к тому времени классическим образ «двух враждующих сил»: «Целых три поколения публики и критиков были враждебны Бесплатной школе, – писал он. – Вражда эта становилась иногда настоящей травлей. Но Бесплатная школа была несокрушима: слишком здоровые, могучие силы наполняли и направляли ее»¹⁰². Значение Бесплатной музыкальной школы Стасов оценивал как «грандиозное и чудесное».

Прямо противоположное мнение было высказано газетой «Новое время» в лице ее музыкального критика М. М. Иванова. Разделяя задачи Бесплатной музыкальной школы на педагогические (главнейшие) и просветительские, Иванов полагал, что первые к 25-летию юбилею были не выполнены вовсе (уровень преподавания там он считал «жалким»), принесены в жертву концертной деятельности, однако и вторые также не оправдали надежд, ввиду своей «исключительности и нетерпимости». «Бесплатная школа, – писал он, – даже в своей маленькой сфере хорового пения не достигла равно ничего. <...> Исполнять оркестровые произведения композиторов, хотя бы и кружковых, дело хорошее (и никто не мешает делать это руководителям школы), но они должны позаботиться и о тех бедняках, которые дают им средства для концертов...»¹⁰³. Руководители Бесплатной музыкальной школы якобы пропагандируют «русскую музыку», однако в их концертах не находится места для сочинений А. Рубинштейна, Чайковского, Серова, Направника. К сожалению, по мнению Иванова, никакие положительные сдвиги в работе Бесплатной музыкальной школы невозможны, из-за тех «взглядов, которыми руководствуются деятели школы в настоящее время»¹⁰⁴.

Столь различные мнения о Бесплатной музыкальной школе вполне можно было бы считать «партийными» (и, как видно из записки Балакирева, именно так и происходило), хотя и в такой оценке есть своя методическая трудность. Если пользоваться представленной выше концепцией «двух

¹⁰⁰ ОР РНБ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 466. Л. 31–32.

¹⁰¹ См.: Константинова М. А. Указ. соч. С. 70–71.

¹⁰² Стасов В. В. 25-летие Бесплатной музыкальной школы // Стасов В. В. Статьи о музыке: в 5 вып. Вып. 4. М. 1978. С. 24.

¹⁰³ Иванов М. М. Двадцатипятилетие Бесплатной музыкальной школы // Новое время. 1887. № 3976 (16 марта). С. 2.

¹⁰⁴ Там же.

враждующих партий», – условно говоря, «немецкой» и «русской», или национальной и космополитической, – то очевидно, что нововременских критиков трудно записать в «немецкий» или «космополитический» стан. Ориентация газеты была окрашена в ярко националистические тона, поэтому оппонентам скорее приходилось упрекать ее в «неправильном» понимании национализма. Осознавал это и М. А. Балакирев. В письме С. К. Буличу от 28 марта 1902 г. он писал: «Если националистическое направление, которым кичится «Новое время», состоит в обруживании всего того, что составляет действительно нашу национальную гордость, то избави Бог от такого «национализма»...»¹⁰⁵. В данном случае правильнее было бы говорить о двух различных (притом враждующих) партиях сходного националистического толка. Необходимо отметить, что М. М. Иванов при всей своей враждебности по отношению к Стасову¹⁰⁶, Балакиреву и Бесплатной музыкальной школе неоднократно защищал в своих публицистических работах то, что он называл «русскими интересами»¹⁰⁷.

«Самым большим несчастьем», произошедшим в результате «музыкальной конкуренции» Р. Райднаур называет отставку М. А. Балакирева от управления концертами Русского музыкального общества в начале 1869 года. По мнению американского автора, таким образом была сорвана «самая плодотворная комбинация профессионализма и отличительного национального стиля»¹⁰⁸. Сомнительным однако представляется, чтобы данная ситуация могла быть объяснена с помощью концепции «профессионального соперничества». Единственным авторитетным соперником М. А. Балакирева на русской музыкальной сцене был в то время А. Г. Рубинштейн, который в 1867 г. покинул свои посты директора Русского музыкального общества, директора консерватории и руководителя концертов Русского музыкального общества из-за противоречий в консерватории. Председателем дирекции Санкт-Петербургского отделения Русского музыкального общества стал композитор А. С. Даргомыжский, благожелательно относившийся к балакиревскому кружку. В сезоне 1868–1869 гг. М. А. Балакирев занял место А. Г. Рубинштейна в концертах Русского музыкального общества. Однако 5 января 1869 г. Даргомыжский умер. На вакантное место одного из директоров Русского музыкального общества была выдвинута кандидатура Балакирева, однако выборы прошли без успеха. Примерно через месяц он получил от Елены Павловны уведомление об «отставке» от концертов¹⁰⁹.

Одним из первых отозвавшийся в печати на это событие В. В. Стасов трактовал его следующим образом: «Немецкая музыкальная партия у нас торжествует [Елена Павловна была немкой по национальности – *Д. Л.*], рус-

¹⁰⁵ Балакирев М. А. Воспоминания и письма. С. 243.

¹⁰⁶ Даже после смерти выдающегося критика М. М. Иванов продолжал давать уничтожающие оценки его деятельности. В своей «Истории музыкального развития России» он писал: «Дурное влияние Стасов оказал на целый период нашего искусства и счастливы были те художники, которые ушли от его непрошеной и назойливой опеки» (*Иванов М. М. История музыкального развития России: в 2 т. СПб., 1910–1912. Т. 2. С. 379.*)

¹⁰⁷ См., напр.: *Иванов М. М. Музыкальные наброски // Новое время. 1880. № 1669 (20 октября). С. 2.*

¹⁰⁸ *Ridenour R. C. Op. cit. P. 234.*

¹⁰⁹ См.: *Зайцева Т. А. В поисках духовной опоры (М. А. Балакирев в 1870-е годы) // Балакиреву посвящается. С. 93.*

ская, с Балакиревым во главе, унижена, отвергнута...»¹¹⁰. В советской историографии делался акцент на разрушительном значении этого шага для «демократически настроенного» художественного кружка, последовавшего якобы с самых верхов властной лестницы, от представительницы царской фамилии. Но во всех указанных трактовках имеются свои слабые места. Балакирев не был вытеснен со своего места кем-либо из серьезных конкурентов (А. Г. Рубинштейн вернется к общественной деятельности лишь в 1886 г.) Противная кучкистам партия не была ни полностью немецкой (пост председателя Санкт-Петербургской дирекции Императорского Русского музыкального общества после Даргомыжского занял А. А. Киреев, отнюдь не немец), ни совершенно космополитической. И, наконец, даже если считать противоречивые действия Елены Павловны некой сознательно проводимой политикой власти, то почему уходу Балакирева было придано столь резонансное политическое значение, а уходу Рубинштейна, не сумевшему двумя годами ранее добиться согласия своих «условий» с уступками покровительницы, нет?¹¹¹

Видимо, без понимания того, что русское музыкальное сообщество было расколото на части («партии») невозможно адекватное восприятие ситуации. Трудно согласиться с Р. Райднауром в предположении о том, что после нескольких лет ожесточенной партийной борьбы и весьма ядовитых, переходящих на личности высказываний в печати, между противниками неожиданно могли бы воцариться мир и любовь. Гораздо более взвешенной кажется оценка Н. А. Римского-Корсакова, согласно которой обеими сторонами были проявлены элементы «нетерпимости, нетактичности и несдержанности», связанные с «партийной» пристрастностью¹¹².

Уход Балакирева воспринимался им самим и его ближайшим окружением как уход из сообщества, кружка. Т. А. Зайцева, наиболее активный в настоящее время исследователь жизни и творчества композитора, привлекает к этому факту специальное внимание, цитируя его слова, обращенные к Б. Ф. Каленскому: «С 1870 года вследствие, конечно, важных причин, я стал расходиться с нашим кружком»¹¹³. Однако «выход» Балакирева из партии не привел ни к ее уничтожению (на роль лидера постепенно выдвинулся Н. А. Римский-Корсаков), ни к смене «направления», так же, как в свое время сложение обязанностей и отъезд А. Г. Рубинштейна за границу не привели к существенным изменениям в деятельности и политике Русского музыкального общества. «Партийное» противостояние продолжило свое существование (вновь несколько обострившись в период возвращения А. Г. Рубинштейна) вплоть до 1905 г., когда вследствие известных событий, связанных с увольнением ведущих профессоров и реформой консерватории, «новая русская школа» получает власть над важнейшей «политиче-

¹¹⁰ Стасов В. В. 25-летие Бесплатной музыкальной школы. С. 35

¹¹¹ См.: Пузыревский А. И., Саккетти Л. А. Очерк 50-летней деятельности Санкт-Петербургской консерватории. СПб., 1912. С. 28–29. Исключение представляет мнение Л. А. Баренбойма.

¹¹² См.: Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. 7-е изд. М., 1955. С. 63.

¹¹³ Цит. по: Зайцева Т. А. В поисках духовной опоры (М. А. Балакирев в 1870-е годы). С. 95.

ской площадкой» противников, и противостояние указанных партий фактически сходит на нет.

Начало царствования Александра III ознаменовалось существенными изменениями в официальном положении лидеров «новой русской школы». Благодаря активным хлопотам Т. И. Филиппова, друга М. А. Балакирева, последнему удалось занять один из ключевых музыкальных постов – управляющего Придворной певческой капеллой (при формальном директоре – графе С. Д. Шереметеве). Н. А. Римский-Корсаков был приглашен Балакиревым на место помощника. Неопубликованная переписка Т. И. Филиппова и М. А. Балакирева показывает некоторые конкретные действия (или бездействия) на пути к достижению цели. Встречается в ней и традиционное представление о «немецкой» и «русской» партиях. Так, в письме от 27 мая 1882 г. Т. И. Филиппов упрекает М. А. Балакирева в том, что он до сих пор не составил проект Положения и штата капеллы: «Посылаю Вам письмо гр. Шереметева и прошу меня уведомить, делаете ли Вы что-нибудь, чтобы подготовить Положение и Штат Капеллы. Если мы это дело выпустим из рук, то я буду глубоко презирать себя за вялость моих настояний. Подумайте, что бы мы сказали, если бы кто-нибудь нам полгода тому назад обещал вложить судьбу этого дела в наши руки. Ведь мы разохались бы! А вот теперь, когда Бог сам влагает его в наши руки, мы ничего не делаем, чтобы закрепить его за нами. Немец давно бы уже все нашел и рассчитал и сообразил, – и у него все было бы подготовлено...»¹¹⁴. Такое противопоставление «русских» и «немцев» было достаточно расхожим в образованном обществе эпохи правления Александра III и достигало самых высоких уровней власти¹¹⁵.

Появление в середине 80-х гг. XIX в. на петербургской музыкальной арене богатого лесопромышленника и мецената М. П. Беляева значительно изменило расстановку сил. Он дал возможные ответы на вызовы, стоящие перед русскими музыкантами, утешил их в «трех великих заботах». Ежедневно в специально оборудованной квартире мецената проводились весьма многолюдные (количество посетителей доходило до 40 человек) кружковые собрания, получившие название «беляевские пятницы». Раскованная дружеская атмосфера и обильный стол способствовали укреплению взаимоотношений, формированию общего взгляда на проблемы развития русского искусства. Беляев организовал и финансировал Русские симфонические концерты, создал нотное издательство в Лейпциге, ориентированное на публикацию музыкальных произведений русских композиторов. По сути дела, М. П. Беляев выступил в роли человека, оказавшего весьма значительную материальную поддержку направлению «новой русской школы». Во главе беляевского кружка встали Н. А. Римский-Корсаков и младшие лидеры направления – А. К. Глазунов и А. К. Лядов. Поддержку беляевских начинаний в прессе взял на себя В. В. Стасов.

В то же время старшие кучкисты заняли по отношению к обновленной партии скептическую позицию. Ц. А. Кюи, в 60–70-х гг. XIX в. активно выступавший в печати на стороне «новой русской школы», первоначально поддержал и Русские симфонические концерты. Но уже в 1887 г. он выска-

¹¹⁴ ОР РНБ. Ф. 41. Д. 1275. Л. 12–12 об.

¹¹⁵ См., напр.: Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 256, 259–260, 287.

зал ряд критических замечаний об их программе и «партийной пристрастности»¹¹⁶. Этот шаг мгновенно был оценен В. В. Стасовым как «ренегатство», переход в «противоположный лагерь». В подтверждение своей позиции почтенный критик ссылаясь на то, что публицисты «вражеского лагеря» сами отмечают «отступничество» Кюи¹¹⁷. В письме к Балакиреву Стасов объяснял поведение бывшего союзника «политическими» ходами и даже под горячую руку писал что-то о его «польской» сущности, видимо, противопоставляя его таким образом истинно «русской» партии¹¹⁸. Критика с противоположной стороны (в лице М. М. Иванова) оценила произошедшее как «большой раскол в знаменитой «кучке»¹¹⁹. Однако «Новое время» не спешило раскрыть отеческие объятия навстречу новым взглядам Кюи. Изменения в его позиции М. М. Иванов объяснял беспринципностью и отсутствием у Кюи каких-либо твердых «убеждений»¹²⁰. Как видно, и здесь «партийная» неприязнь оказывалась сильнее любых логических аргументов.

Не сумел интегрироваться в новое сообщество и М. А. Балакирев. Его обращение к М. П. Беляеву с предложением о поддержке концертов Бесплатной музыкальной школы (под его руководством) не нашло положительного отклика у мецената и повлекло за собой затронувший его гордость категорический отказ¹²¹. Письма Т. И. Филиппову дают представление о том, что Балакирев, тем не менее, не оставил надежды на возрождение своей «партии» в ее прежнем виде и подыскивал для этого необходимые средства пропаганды. Рассчитывал он и на протекцию Александра III. «В прежнее время, – писал он, – во время поста еженедельно давали театральной дирекции симфонические концерты с участием оркестров и хоров Императорских театров, для чего приглашался не театральный оперный капельмейстер, а опытный артист, каковым был покойный виолончелист Шуберт, прекрасно дирижировавший и бывший солидным образованным музыкантом. – Чтобы в наступающем году возобновить эти концерты *под моим управлением*? Г[осударю] это было бы интересно, а в объеме пяти симфонических концертов при участии мощных театральных сил можно было бы показать товар лицом...»¹²².

Как и Кюи, Балакирев поставил себя в оппозицию по отношению к М. П. Беляеву. Однако, в отличие от Кюи, он не пытался «наводить мосты» в отношениях с другими партиями, а мечтал о построении собственной, по

¹¹⁶ Кюи Ц. А. Избранные статьи. Л., 1952. С. 382.

¹¹⁷ См.: Стасов В. В. Печальная катастрофа // Стасов В. В. Статьи о музыке. Вып. 4. С. 49–51.

¹¹⁸ См.: Балакирев М. А. и Стасов В. В. Переписка: в 2 т. М., 1970–1971. Т. 2. С. 85.

¹¹⁹ См.: Иванов М. М. Музыкальные наброски: «Печальная катастрофа» и повесть о ней // Новое время. 1888. № 4270 (18 января). С. 2.

¹²⁰ См.: Там же.

¹²¹ См.: Римский-Корсаков А. Н. Н. А. Римский-Корсаков: в 5 вып. М., 1933–1946. Вып. 2. С. 42–44. В письме В. В. Стасову Балакирев писал, что М. П. Беляев «отказал ему» и «сказал, что никаких заслуг Беспл[атной] школы он не признает и не желает с ней иметь ничего общего». Балакирев скептически оценивал возможность продолжения прежней деятельности, так как «в настоящее время» не имел «никакой поддержки, а в прежнее время за меня была популярнейшая газета – «Петербургские ведомости» (Балакирев М. А. и Стасов В. В. Переписка: в 2 т. Т. 2. С. 90–91).

¹²² ОР РНБ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 751. Л. 5 об.–6.

убеждениям и взглядам весьма близкой «беляевскому кружку», но непременно со своим доминирующим влиянием. Такая постановка вопроса не могла не сказаться на его отношениях с Н. А. Римским-Корсаковым. Последний после ряда инцидентов прервал отношения с Балакиревым и покинул пост помощника управляющего Придворной певческой капеллы. Весьма показательным кажется тот факт, что в собственной автобиографии Н. А. Римский-Корсаков сразу же после сообщения об уходе из капеллы (буквально следующей строкою) говорит о возвращении к управлению Русскими симфоническими концертами¹²³, «что было принято Беляевым с радостью»¹²⁴.

Неслучайным видится в указанном свете достаточно предвзятое отношение Балакирева к Русским симфоническим концертам. Бывший глава «новой русской школы» отрицательно отзывался об их общественном значении. Эта мысль неоднократно была повторена в его переписке, а в наиболее развернутом виде прозвучала в одном из писем Н. Ф. Финдейзену: «Их не следует и считать концертами, а скорее семейными вечерами их учредителя, на которые собирается маленький кружок (50 или 60 человек) близких его знакомых и почитателей его птенцов. Там чуть не всякий номер библируется, и вызовы авторов после каждой пиэсы сделались обязательными. Эти вечера не дадут славы композитору и не уронят его...»¹²⁵. Как бы ни оценивать правдивость слов Балакирева, следует признать, что «беляевский» центр притяжения исторически оказался более привлекательным, чем «балакиревский». В то время как ряды беляевцев постоянно расширялись за счет многочисленных молодых композиторов, вокруг Балакирева в последние годы жизни, как замечает Т. А. Зайцева, «оставались лишь немногие друзья, горстка учеников, из значительных музыкантов – С. М. Ляпунов»¹²⁶.

Последствия партийного раскола нашли отражение и в публицистике. Так, «Русская музыкальная газета», в своем первом номере заявившая о горячих симпатиях по отношению к деятельности М. П. Беляева¹²⁷, с течением времени охладела к его концертам. В 1899 г., например, Н. Ф. Финдейзену было опубликовано открытое письмо некоего «Старого посетителя», который обратил в адрес организаторов Русских симфонических концертов традиционный упрек в том, что они, исполняя кружковую музыку «отечественных музыкальных недорослей», исключают из программ музыку Балакирева, Серова и др.¹²⁸. В письме Балакиреву Финдейзен обращает внимание на присутствие «в большинстве деяний Митрофана Петровича» некоего неотъемлемого отрицательного компонента, который он именуется «Тит Титычево»¹²⁹.

¹²³ От которого он временно отказался.

¹²⁴ *Римский-Корсаков Н. А.* Указ. соч. С. 193.

¹²⁵ Письма М. А. Балакирева к Н. Ф. Финдейзену (1900–1908) / публ. М. Л. Космовской // М. А. Балакирев: Личность. Традиции. Современники. С. 172.

¹²⁶ *Зайцева Т. А.* «Попробуйте меня от века оторвать...»: Под августейшим покровительством и вне его // Там же. С. 41.

¹²⁷ См.: *Русская музыкальная газета.* 1894. № 1. С. 19. Так как данный материал, посвященный деятельности М. П. Беляева, не подписан, есть все основания считать его принадлежащим перу главного редактора газеты – Н. Ф. Финдейзена.

¹²⁸ См.: *Русская музыкальная газета.* 1899. № 41. С. 1017–1018.

¹²⁹ Письма М. А. Балакирева к Н. Ф. Финдейзену (1900–1908). С. 193.

Итак, учитывая многообразие ситуаций, в которых «партийный» принцип проявлял себя в художественной жизни России последней четверти XIX в. и был осознан как таковой самими участниками событий, можно сказать, что отказ от «партийной» терминологии пока еще недостаточно оправдан. С другой стороны, нельзя сводить эти ситуации только к противостоянию «двух враждующих партий». Реальная расстановка сил была более подвижной и сложной. Тем более, нельзя принять устаревший тезис о том, что двумя этими партиями были партии «власти» и «прогрессивной художественной интеллигенции». Факты не дают никакого подтверждения этой уже ушедшей в прошлое точке зрения. Нельзя согласиться, однако, и с теми исследователями, которые видят в деятельности партий только следование единому лозунгу, манифесту, художественной «идее». Практика действий художественных сообществ, как было показано, весьма напоминает поведение реальных политических партий и не сводится ни к деятельности отдельных ее членов, ни к роли «идеи», которая, как известно, может трансформироваться. Партийному противостоянию, как и партийному сотрудничеству способствовало слишком большое количество самых различных элементов для того, чтобы их можно было свести исключительно к художественной «идее». Помимо идеального плана в общественной жизни русского художника, музыканта, композитора существовали и другие «великие заботы».

Е. В. Ананян (Волгоград)

РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II В СУДЬБЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Реформы как таковые всегда обусловлены острой потребностью в смене экономического и/или политического курсов. Так, Александр II видел свою главную задачу в преобразовании феодально-архаического российского общества в буржуазное, что и предопределило масштаб его реформаторской деятельности. В данном контексте вполне оправдана оценка его правления как «эпоха Великих реформ». Однако для немецких колонистов эти преобразования имели иной смысл и в целом негативные последствия, так как, по сути, явились отменой законодательных актов Екатерины II, положивших начало массовой колонизации России и заложивших основы национальной политики государства.

Известно, что колонизационная политика Екатерины II была существенной частью политического курса России второй половины XVIII века. Приглашая иностранцев, правительство исходило из необходимости не только заселения окраин России, но и включения в хозяйственный оборот огромных территорий. В указе Сенату 14 октября 1762 г. Екатерина II выражала надежду на то, что прием всех желающих поселиться в России со временем умножит благополучие империи. Будучи дальновидным политиком, императрица считала необходимым использование иностранцев в процессе освоения земель, так как в условиях крепостного права и отсутствия свободных рабочих рук путь к процветанию России лежал через уве-

личение ее населения. Таким образом, Екатерина II стремилась использовать европейский опыт для реформирования страны, в которой не было еще ни частной инициативы, ни буржуазного гражданского общества, а имелось «традиционно развитое государственное хозяйство, господствовало крепостное право»¹³⁰.

Иммиграция немецких колонистов в Россию была добровольным актом и сопровождалась широким предоставлением им материальных и юридических льгот и привилегий. Наряду с земельными наделами, ссудами на строительство домов, государственной помощью в организации фабрик и заводов, организацией самоуправления колоний, переселенцы освобождались от податей и налогов, несения военной и гражданской службы «противу воли»¹³¹. При этом важно подчеркнуть, что по прошествии льготных лет колонисты обязаны были платить все подати и «службы земские нести, как и прочие Наши подданные»¹³². Исключением стало освобождение от военной обязанности на вечные времена.

В соответствии с екатерининским Манифестом 1763 г., уже в первой половине XIX в. происходит выравнивание статуса немецких колонистов с государственными крестьянами, что выражается в ликвидации экономических привилегий¹³³ и административным переустройством колоний, связанным с их передачей из ведомства Министерства внутренних дел во вновь учрежденное Министерство государственных имуществ¹³⁴.

Однако, привыкнув к обособленности существования и привилегированности положения, российские немцы не желали этого терять, поэтому крайне негативно восприняли Правила 4 июня 1871 г. об общественном устройстве и управлении поселян-собственников (бывших колонистов)¹³⁵. Данный документ определил судьбу сотен тысяч немецких колонистов, в связи с чем целесообразно его подробное рассмотрение.

В соответствии со ст. 1 настоящих Правил, российские немцы были подчинены ведению общих губернских, уездных и местных по крестьянским делам учреждений, введены в состав сельских обывателей и причислены к разряду крестьян-собственников (ст. 2). Отметим, что такой же статус получили и русские крестьяне после отмены крепостного права. Данный факт объясняется тем, что в основу Правил о поселянах-собственниках легло Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости¹³⁶. Однако, несмотря на то, что положения Правил 1871 г. были направлены на ликвидацию привилегий российских немцев и уравнивание их в правах с общей массой крестьянского населения России, определенные уступки поселянам со стороны правительства все-таки были сделаны.

¹³⁰ Омельченко О. А. «Законная монархия Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России» // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 186.

¹³¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ-1). Т. 16. № 11880.

¹³² См.: Там же.

¹³³ См.: Там же. Т. 30. №23008.

¹³⁴ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 180. Д. 195. Л. 2,3.

¹³⁵ См.: ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. первое. № 49705.

¹³⁶ См.: Там же. Т. 36. Ч. 1. №36657.

В частности, бывшие колонисты сохраняли некоторые личные имущества, «коиными доселе пользовались» (ст. 2)¹³⁷. Так, из существующих колонистских округов образовывались особые волости, что позволяло сохранять привычную обособленность от окружающего мира (ст. 3). Сверх дел, указанных в ст. 51 Общего Положения о крестьянах, ведению сельского схода поселян-собственников подлежали: 1) разрешение переуступки подворных участков от одного хозяина другому; 2) распоряжение мирскими оброчными списками; 3) заведование общественными лесами и плантациями (ст. 4, п. 2).

К компетенции волостного правления немецких поселян-собственников помимо дел, установленных в ст. 89 Общего положения, относились: 1) распоряжения на основании приговоров волостного схода по общественным и оброчным статьям, принадлежащим целой волости или нескольким в составе волости сельским обществам; 2) распоряжения по страхованию от огня, градобития и т. п. и по выдаче вознаграждения за причиненный вред и 3) распоряжение по оборотам ссудо-сберегательных касс и возникающим от этих оборотов взысканиям (ст. 4, п. к).

Поселянам дозволялось в порядке наследования земель «руководствоваться местными своими обычаями» (ст. 19).

Таким образом, необходимо констатировать, что возможности сельского схода и волостного правления поселян-собственников были шире, чем у русских крестьян.

Вместе с тем, в отношении податей, сборов, земских и мирских повинностей к поселянам применялись ст. 177–197 Общего Положения о крестьянах, что предполагало уравнивание бывших немецких колонистов с русскими крестьянами в податях и повинностях. Однако данное положение лишь закрепило уже сложившуюся в первой половине XIX в. практику отправления платежей и несения повинностей. Другое дело, что теперь иностранные поселяне, как и русские крестьяне, связывались круговой порукой, а недоимки раскладывались на общество и погашались до 15 января следующего года (ст. 189).

В соответствии со ст. 7 Правил о поселянах-собственниках, мирские капиталы предоставлялись в распоряжение подлежащих обществ на основаниях, установленных для крестьян-собственников. Согласно этому, капиталы, составляющие общую принадлежность нескольких обществ, поступали вкладами в местные кредитные учреждения и должны были расходоваться строго по назначению¹³⁸. Кроме того, Министерство государственных имуществ прекратило выдачу ссуд из переселенческого капитала, а в 1873 г. изъяло капитал из ведения Саратовской Конторы, передав его в Петербург. Это означало ликвидацию наиболее значимой экономической привилегии колонистов.

Самым болезненным в ходе проведения реформ был земельный вопрос. Правила предусматривали, что «поселянские общества, в дачах которых числится излишняя земля против установленного нормального надела», обязаны были в течение десяти последующих лет «допринять в свою среду

¹³⁷ См.: ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. первое. № 49705.

¹³⁸ См.: Там же. Т. 46. № 49705.

без особых приемных переговоров такое число выходцев из малоземельных коренных водворений, какое может быть наделено в нормальном размере из имеющихся при каждом обществе излишних земель» (ст. 16). Однако в поволжских колониях с их системой подушного землепользования понятие «нормального надела» задолго до выхода Правил утратило реальный смысл. При этом земли, отведенные для заселения выходцами из коренных поселенческих (колониетских) водворений, «по сие время ими еще не заселенные», признавались свободными казенными землями и предназначались преимущественно для поселян (бывших колонистов) тех селений, общества которых, согласно ст. 33 «Высочайше утвержденных 31 марта 1867 г. Правил для составления и выдачи государственным крестьянам владенных записей», получают разрешение на выселение части членов их на казенные земли.

Это означало упразднение практики бесплатного выделения государством новых земельных участков, что заметно ухудшало и без того сложную экономическую ситуацию в немецких селениях. Среди колонистов стали распространяться «преувеличенные толки» о том, что «правительство впоследствии отнимет у них земли, наделив их только по 4,5 десятин на душу»¹³⁹.

Одновременно с переводом немецких крестьян под общероссийское управление и получением ими довольно неопределенного статуса поселенческих собственников указанными Правилами предписывалось составление приговоров сходов и волостных судов, а также ведение делопроизводства в общественном управлении осуществлять на русском языке (ст. 4, п. i), которым не владело подавляющее большинство немецких колонистов. Именно это положение привело к распространению слухов о предстоящей русификации, вплоть до принуждения правительством принятия немцами православия. Подчеркнем, что одним из важных факторов переселения немцев из Германии в Россию в XVIII в. стали религиозные притеснения на родине. В этой связи русское правительство обеспечило колонистам свободу вероисповедания, которую после отмены привилегий в 1871 г. они боялись потерять. Известно, что в середине 70-х гг. XIX в. немцы Поволжья в качестве главной причины выселения из России называли именно угрозу религиозной свободе¹⁴⁰.

Наряду с изменением социально-политического статуса немецких колонистов Правилами предусматривалась возможность их переселения из России, что подталкивало поселян к эмиграции (в 70-х гг. XIX в. этим правом воспользовалась существенная часть немцев Поволжья). Данным положением судьбоносного для российских немцев документа правительство не только подчеркивало незаинтересованность в немецких колонистах, но и фактически выдворяло их из страны.

Таким образом, оценивая значение и исторические последствия Правил 4 июня 1871 г. об общественном устройстве и управлении поселенческих собственников (бывших колонистов), следует акцентировать внимание не на самой отмене привилегий, а на изменении отношения государства к ко-

¹³⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. Оп. 161. Д. 207. Л. 5.

¹⁴⁰ См.: ГАСО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2073. Л. 250.

лонистам. Очевидная ошибка правительства заключалась в том, что, проводя реформы сверху, оно не провело широкой разъяснительной работы среди колонистского населения.

В контексте русификации колонисты оценивали и военную реформу. Поскольку в исторической литературе именно она связывается с эмиграцией немцев Поволжья в страны Америки в середине 70-х гг. XIX в., необходимо ее детальное рассмотрение.

Точкой отсчета в решении вопроса об отмене военной привилегии колонистов следует считать май 1863 г., когда вопрос о привлечении иностранных поселенцев к рекрутской повинности впервые был поставлен комиссией для пересмотра Рекрутского устава. На тот момент колонисты пользовались льготой наряду с дворянством, купечеством и духовенством.

Рассмотрение изъятий от рекрутской повинности по сословиям было поручено сенатору К. Г. Репинскому и статскому советнику Д. М. Сольскому, на которых возлагалось решение следующих вопросов: возможно ли привлечение к отбыванию рекрутской повинности привилегированных сословий, и необходим ли для этого переходный период¹⁴¹.

В апреле 1864 г. в Государственный совет было представлено решение о причислении иностранных колонистов в раздел изъятий от несения рекрутской повинности, который состоял из трех разрядов. К первому были причислены колонисты, переселившиеся в Россию по манифесту Екатерины II, белостокские поселенцы, золингенские оружейники, работавшие на Златоустовском заводе, суконщики, мастеровые и рабочие из Царства Польского, переселившиеся в центральные губернии, заграничные овцеводы, овчары, пастухи и ветеринары. Во второй разряд вошли «руснаки и задунайские выходцы 1853–1854 гг., освобожденные от рекрутства с имевшимися детьми пожизненно». Третий разряд составили меннониты, «обязанные денежным сбором» по истечении 20 лет, начиная с 1851 года¹⁴².

В феврале 1865 г. Александр II утвердил эти положения, что означало сохранение льгот и освобождение колонистов от рекрутской повинности. Однако уже в 1870 г. военный министр ставит вопрос о необходимости увеличения численности войск и введения в стране всеобщей воинской повинности. Скорее всего, Д. А. Милютина, как и многих его современников, поразила быстрота мобилизации прусской армии в ходе франко-прусской войны, что и подтолкнуло его к радикальным военным реформам. К тому же, отношения России с Германией заметно обострились.

В ноябре 1870 г. по инициативе Д. А. Милютина была создана комиссия для обсуждения закона о воинской повинности. 20 декабря 1870 г. в докладе на заседании комиссии военный министр предложил сохранить «особые условия» только для жителей Финляндии, инородческого населения нескольких областей империи и казаков»¹⁴³.

Вопрос о льготах рассматривался комиссией 27, 28 мая и 4 июня 1871 года. В результате иностранцы были разделены на три разряда: 1) избавленные навсегда от рекрутской повинности, как натуральной, так

¹⁴¹ См.: *Нелипович С. Г.* Воинская повинность и иностранные колонисты // Военно-исторический журнал. 2003. № 2. С. 39.

¹⁴² См.: Там же. С. 40.

¹⁴³ Там же. С. 41.

и денежной; 2) избавленные пожизненно вместе с детьми; 3) меннониты, поселившиеся до 18 декабря 1861 г., по истечении 20 лет обязанные денежным сбором¹⁴⁴.

На заседаниях комиссии неоднократно говорилось о невозможности дальше рассматривать колонистов как особое «государство в государстве» и необходимости привлечения их к военной службе. Но в соответствии с Правилами 4 июня 1871 г., свобода от военно-постоянной повинности поселян подтверждалась и сохранялась впредь на десять лет. В течение десятилетнего льготного периода (т. е. до 1881 г.) бывшие колонисты имели право оставить русское подданство, выехать из России без взноса в казну части нажитого капитала. По истечении указанного срока они подчинялись действию общих законов империи относительно оставления русского подданства¹⁴⁵. Однако уже к сентябрю 1872 г. был разработан проект устава о всеобщей воинской повинности, по которому колонисты лишались льготы.

Первого января 1874 г. был принят закон, отменивший рекрутчину и распространивший обязанность служить в армии на мужчин всех сословий, достигших 20-летнего возраста и годных по состоянию здоровья¹⁴⁶. При этом важно обратить внимание на пункт о не распространении этого закона на определенные местности и группы населения, в число которых поволжские немцы не входили. Так, действие устава не распространялось на Закавказский и Туркестанский край, Приморскую и Амурскую области и др. и инородцев Северного Кавказа, Астраханской губернии, Тургайской и Уральской областей и всех губерний и областей Западной и Восточной Сибири.

Особо решался вопрос о меннонитах, которых также традиционно причисляют к российским немцам. По ст. 156 они освобождались от военной присяги как лица, «неприемлемые оной по их вероучению», а по ст. 157 меннониты «могли быть назначаемы только на нестроевые должности при госпиталях или в мастерских военно-сухопутного или морского ведомств и тому подобные заведения», причем они освобождались от ношения оружия. Однако эти правила не распространялись на тех меннонитов, которые присоединились к секте или прибыли из-за границы для водворения в империи уже после издания устава.

Реакция российских немцев на введение всеобщей воинской повинности была незамедлительной и однозначно отрицательной. Меннониты, получившие право на альтернативную службу, продолжали требовать получения полной свободы от отправления военной обязанности, ссылаясь на свободу совести. Значительная часть меннонитов покинула страну, не согласившись с военным уставом¹⁴⁷.

Массовая эмиграция охватила также немецкое Поволжье, но мотивация переселения из России здесь была иной. Безусловно, введение всеобщей воинской повинности было важным фактором эмиграции, однако на фоне сложившегося еще в дореформенный и усугубленного в пореформенный период комплекса социально-экономических проблем новая для колонистов военная обязанность стала поводом, а не причиной для начала

¹⁴⁴ См.: *Нелипович С. Г.* Указ. соч. С. 41.

¹⁴⁵ См.: ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. первое. № 49705.

¹⁴⁶ См.: Там же. Т. 49. №52983.

¹⁴⁷ См.: ГАСО. Ф. 82. Оп. 2. Д. 12. Л. 61.

эмиграции. Тем не менее, следует отметить, что Александр II, нарушив обещание Екатерины II об освобождении колонистов и их потомков от военной службы на вечные времена, не счел нужным как минимум объяснить свои действия, а уж тем более принести колонистам извинения. Результатом стало недоверие правительству и как следствие – рост эмиграционных настроений, прежде всего в поволжских колониях, где экономическая ситуация, не решаемая на государственном уровне, была гораздо сложнее в сравнении с меннонитскими колониями.

С военной реформой была связана еще одна проблема. Известно, что, в соответствии с Уставом о воинской повинности, сроки службы могли быть сокращены при наличии определенного образования. Документальный материал свидетельствует о том, что большинство призывников из числа немцев Поволжья окончили курс обучения в местных евангелическо-лютеранских и католических церковных школах. Положение о сокращении сроков службы в зависимости от уровня грамотности довольно долго не распространялось на них. В приложении к ст. 53 Устава о воинской повинности приводились списки учебных заведений, в которых католические и лютеранские приходские школы отсутствовали. В этой связи 1 июня 1875 г. в Саратовское губернское по воинской повинности присутствие обратился председатель Камышинского уездного по воинской повинности присутствия с вопросом: к какому разряду должны быть отнесены новобранцы, имеющие свидетельства католических приходских школ? Губернское присутствие переадресовало это письмо в Министерство внутренних дел, обратившись туда с просьбой разъяснить статус немецких школ¹⁴⁸.

Второго января 1876 г. товарищ министра внутренних дел Шидловский запросил у Саратовского губернатора устав католических и лютеранских школ и программу преподаваемых в них предметов¹⁴⁹. 20 февраля 1876 г. из Саратовской канцелярии губернатора был направлен ответ, в котором сообщалось, что «в школах этих учителя под строжайшим надзором приходского священника, по программам им самим составленным, преподают первоначальное чтение, чтение и чистописание на русском и немецком языках, из Закона Божия – катехизис и библейскую историю и четыре правила арифметики»¹⁵⁰.

Представленная информация стала основанием для выработки Государственным Советом постановления, в соответствии с которым «к 4-му разряду учебных заведений подлежат католические приходские школы в колониях Саратовских иностранных поселенцев; выдача свидетельства о знании курса сих школ производится на основании примечания к ст. 56 Устава о воинской повинности»¹⁵¹.

Таким образом, благодаря инициативам и настойчивости самих колонистов, немецкие школы были приравнены к начальным училищам (народным, одноклассным, городским и сельским приходским), и срок службы для окончивших их сокращался до четырех лет.

¹⁴⁸ См.: ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 47. Л. 2, 3.

¹⁴⁹ См.: Там же. Л. 8.

¹⁵⁰ Там же. Л. 13.

¹⁵¹ Там же. Л. 15, 16.

Оценивая роль военной реформы в судьбе российских немцев, важно отметить, что она стала мощным стимулом для распространения русского языка в немецких селениях. Это было связано не только с запретом немецкого языка в делопроизводстве. Необходимость изучения языка была вызвана тем, что немцы должны были служить вместе с русскими. Российская администрация создавала этнически смешанные воинские части: $\frac{3}{4}$ русских и $\frac{1}{4}$ от меньшинств, как правило, от разных этнических групп. Призывники из одной местности распределялись по воинским частям, так как военно-окружная система России строилась не по принципу местных призывов, и военнообязанные служили в других местностях или округах.

Разноязычные новички имели такую трудную службу, что некоторые колонисты посылали молодых сыновей для временного проживания в русских домах, где они учили разговорный русский язык. О результатах можно судить по документам: в делах об исполнении воинской повинности за 1888 г. в графе об образовании практически у всех новобранцев значится – «грамотный по-немецки и по-русски»¹⁵².

Для правильного понимания вышеизложенного стоит еще раз подчеркнуть, что подробное рассмотрение Правил 4 июня 1871 г. и Устава 1874 г. в рамках данного исследования обусловлено важностью именно этих реформ, ставших судьбоносными, прежде всего, для немцев Поволжья как наиболее уязвимой категории немецкого населения в России в виду специфики их экономического развития.

Что же касается земской реформы 1864 г., то она открыла российским немцам новые возможности для решения важных вопросов (прежде всего, в области образования и здравоохранения), на которые бывшие колонисты не жалели средств. Известно так же, что в земском собрании и земской управе Камышинского уезда Саратовской губернии и Новоузенского уезда Самарской губернии – самых густонаселенных колонистами – немецкие поселяне занимали ведущие позиции из-за пассивности и частого отсутствия дворян¹⁵³. Объяснение этому связано с традиционным самоуправлением колоний, заложенным еще при Екатерине II. Активность поселян (бывших колонистов) в земских структурах связана с их вековой практикой волостных и сельских сходов в рамках предоставленного им еще в XVIII в. самоуправления, позволявшего решать злободневные вопросы.

Однако необходимо отметить, что земства практически не влияли на церковные школы, так как духовенство осуществляло контроль над образованием в колониях. Местный священник утверждал выбранного общиной шультмейстера, обладал правом veto на учительский подбор, посещал школы и регистрировал свои наблюдения в школьных записных книгах, утверждал учебные программы и определял методы обучения. Духовенство всячески препятствовало изучению русского языка в церковных школах, в то время как денежные средства выделялись государством только тем школам, где преподавали русский язык¹⁵⁴.

¹⁵² Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 203. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

¹⁵³ См.: Long J. The Volga Germans and the Zemstvos 1865–1917 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1982. № 30. P. 337.

¹⁵⁴ См.: Ibid. P. 345.

И, наконец, главное: по сути, Александром II был взят новый курс национальной политики государства, который при последующих правителях – Александре III и Николае II – из русификации трансформировался в национализм. Относительно российских немцев это было обусловлено внешнеполитическим фактором. На фоне обострения отношений с Германией в панславистских кругах заговорили об опасности «германизации», в результате чего российские немцы к началу XX в. стали «национальными врагами»¹⁵⁵.

А. Ю. Зайцев (Львов)

ДМИТРИЙ ДОНЦОВ ОБ ИСТОКАХ И СМЫСЛЕ РУССКОГО КОММУНИЗМА

После победы большевистской революции многие интеллектуалы в России и за ее пределами пытались объяснить феномен русского коммунизма. В огромном массиве литературы на эту тему книга Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», впервые изданная в 1937 г., несомненно, является одной из самых глубоких попыток историчесофского осмысления этого феномена. Интересно, что многие оценки этого выдающегося мыслителя совпадают с идеями политического публициста, очень далекого по своим взглядам от Бердяева, идеолога украинского интегрального национализма Дмитрия Донцова (1883–1973), хотя выводы последнего отличаются от тех, к которым пришел русский философ. Конечно, трудно сравнивать Донцова с Бердяевым – как мыслитель, последний гораздо глубже первого. Однако анализ взглядов Д. Донцова на русский коммунизм представляет интерес в более широком контексте – изучения интеллектуального взаимодействия разных течений социальной и политической мысли, искавших ответ на исторический вызов большевизма.

В молодости Донцов был марксистом – членом Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП). В конце XIX – начале XX в. марксизм пользовался большим влиянием в среде молодого поколения интеллигенции Российской империи. В отличие от «критических марксистов» – Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и других, пытавшихся синтезировать отдельные стороны учения Маркса с немарксистскими философскими теориями, Донцов принадлежал к той части марксистов, которая, по словам того же Бердяева, «более всего дорожила целостным, тоталитарным характером своего революционного мирозерцания, охраняла свою ортодоксию и отличалась крайней нетерпимостью»¹⁵⁶. Будущий идеолог интегрального национализма был в те годы ортодоксальным, интегральным марксистом, активным борцом против буржуазных идеологий, укра-

¹⁵⁵ Велицын А. А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб., 1893. С. 1, 2, 13, 180.

¹⁵⁶ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 89–90.

инского национализма и религии¹⁵⁷. В целом политические взгляды Донцова того времени были близки к платформе большевиков-ленинцев, принципиально отличаясь лишь в одном пункте: Донцов, как и большинство членов УСДРП, отстаивал федеративный принцип как в государственном устройстве будущей России (с автономией Украины), так и в организации российской социал-демократии (с автономной партией украинского пролетариата).

Однако в 1913–1914 гг. Донцов стал пропагандистом политического сепаратизма и государственной самостоятельности Украины. На этой почве он разошелся с УСДРП, признававшей лишь программу автономизма и федерализма, а в годы Первой мировой войны отошел и от марксизма, обратившись к волюнтаризму в философии и национализму в политике.

К анализу ленинизма Донцов впервые обратился сразу же после октябрьского переворота 1917 года. В статье «Русский Торквемада (В. Ленин)» Донцов указал на коренное отличие Ленина от западноевропейских марксистов: «Как Адлер или Каутский, Ленин также был “марксистом”, но не таким, который знает, а таким, который верит. Он верил каждому написанному слову белобородого социалистического пророка, святого Карла, образ которого украшал комнату каждого русского интеллигента вместо святого образа, верил, как иудеи в своего Яхве, в быстругневногo Юпитера, который каждого упряма поразит молнией и громом. Маркс, пролетариат и революция – вот святая троица Ленина. Каждая дерзость против “пролетариата”, каждое сомнение в его способности осчастливить мир, в его миссии создать на земле *civitas dei*¹⁵⁸, были непростительными, как грех против Святого Духа»¹⁵⁹.

Донцов не был первым, кто обратил внимание на сходство большевизма с религией. Несколькими месяцами ранее, в июле 1917 г., Н. А. Бердяев написал статью «Религиозные основы большевизма», в которой доказывал, что русский большевизм – явление религиозного порядка, причем явление чисто русское, «наша национальная болезнь, которая и в прошлой русской истории всегда существовала, но в иных формах»¹⁶⁰.

После 1917 г. Донцов постоянно обращался к теме русского коммунизма, а в книге «Основания нашей политики» (1921 г.) подробно рассмотрел ее в контексте своей идеи (впрочем, не слишком оригинальной) об извечном противостоянии Запада и Востока, Украины и России. Он видел в коммунизме не столько интернациональное движение с целью свержения капитализма, сколько чисто русское явление, органический продукт традиционной русской культуры и последнюю фазу извечной борьбы России против Запада. В этом смысле большевики, по мнению Донцова, стали наследниками и царизма, и славянофильства, и даже русского православия. Большевизм стал

¹⁵⁷ См.: *Сосновський М. Дмитро Донцов: політичний портрет. З історії розвитку ідеології українського націоналізму.* Нью-Йорк; Торонто, 1974. (Бібліотека Українознавства. Т. 33). С. 80–81, 85–88.

¹⁵⁸ *Civitas dei* (лат.) – град Божий.

¹⁵⁹ *Донцов Д. Російський Торквемада (В. Ленін) // Донцов Д. Вибрані твори.* Т. 1. Дрогобич; Львів, 2011. С. 289.

¹⁶⁰ *Бердяев Н. Духовные основы русской революции. Опыт 1917–1918 гг.* СПб., 1998. С. 42–52.

лишь новой формой старого русского мессианства, выраженного в идее «третьего Рима»: «Одни мечтали о “Москве – третьем Риме”, другие – о Москве – столице Третьего Интернационала. В деталях своих мыслей разнились между собой идеологи русского мессианства, но все крепко и непоколебимо верили, что русский народ... поведет за собой... все другие народы навстречу, хоть и неведомому, но великому будущему...»¹⁶¹. Донцов считал, что большевики унаследовали не только русский мессианизм, но и российский деспотизм, и российский империализм, и ассимиляторскую политику царизма в отношении Украины.

Мысли Донцова о том, что корни большевизма – в традиционной русской духовности и, в частности, в русском мессианизме, перекликаются с идеями Бердяева, наиболее полно сформулированными в книге «Истоки и смысл русского коммунизма». В ней философ писал: «Вместо Третьего Рима, в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. [...] На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма. [...] И это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу»¹⁶².

Оба мыслителя – Донцов и Бердяев – затронули также тему участия евреев в русском коммунизме и опять пришли к похожим выводам. Донцов писал: «Как евреи, так и русские в своих собственных глазах – “избранная нация”, и если почти все еврейские партии пришли к большевизму, то не потому ли, что в крови этой расы лежит мессианская идея?»¹⁶³. Аналогичную мысль находим у Бердяева: «Я склонен думать, что даже активное участие евреев в русском коммунизме очень характерно для России и для русского народа. Русский мессианизм родствен еврейскому мессианизму»¹⁶⁴. Однако у Донцова в 1921 г. уже присутствуют антисемитские нотки, совершенно чуждые Бердяеву. Среди возможных интерпретаций большевизма Донцов готов был признать даже частичную правоту антисемитов, которые утверждали, что большевизм – «это еврейский заговор для порабощения христианства в пользу воюющего Израиля», но все же настаивал, что в действительности большевизм – это, в первую очередь, русское явление¹⁶⁵.

В 1921 г. Донцову еще могло казаться, что существует единый европейский путь развития, противостоящий большевизму, который для Донцова был лишь новой формой русского антизападного империализма. Но уже в следующем году победой фашистов в Италии заявил о себе «третий путь», отрицавший как либеральный капитализм, так и марксистский социализм. После недолгих колебаний Донцов, а вслед за ним и многие другие украинские националисты стали решительными сторонниками «третьего пути».

¹⁶¹ Донцов Д. Підстави нашої політики // Донцов Д. Твори. Т. 1. Львів, 2001. С. 98.

¹⁶² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 118.

¹⁶³ Донцов Д. Підстави нашої політики. С. 194–195.

¹⁶⁴ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 94.

¹⁶⁵ См.: Донцов Д. Підстави нашої політики. С. 95.

В январе 1923 г. Донцов опубликовал статью, в которой сравнивал фашизм с большевизмом и анализировал причины их успеха¹⁶⁶. Донцов выделил четыре общие черты этих движений:

1) «Как большевизм, так и фашизм, были, прежде всего, движениями антидемократическими»;

2) «И большевизм, и фашизм в своих началах были, хоть и антидемократическими, но народными движениями»;

3) «Оба движения были движениями инициативного меньшинства, которое навязало свою волю землякам»;

4) «Четвертой приметой этих движений является их бескомпромиссность, непримиримость»¹⁶⁷.

Именно отсутствие этих качеств у украинских демократов и монархистов обусловило, по мнению автора, поражение их попыток создать собственное государство. Донцов подчеркивал, что призывает перенимать не внутреннюю политику фашизма и большевизма, а «методы захвата государственного аппарата и его укрепления... а в этом отношении и фашизм, и большевизм до сих пор остаются главными примерами того, как это нужно делать»¹⁶⁸. Похоже, именно тогда Донцов увидел в фашизме модель движения, которое сам стремился создать – столь же энергичного, бескомпромиссного, авторитарного и исполненного фанатичной веры в свои идеалы, как большевизм, но националистического по духу и целям.

Впоследствии Донцов не раз возвращался к сопоставлению фашизма и коммунизма, призывая украинских националистов учиться у обоих. В статье «Партия или Орден»¹⁶⁹, автор противопоставил старым партиям партии нового типа, воплощенного в большевизме, итальянском фашизме, немецком национал-социализме и подобных движениях. Обильно цитируя Гитлера, он доказывал, что этим новым «партиями» присущи черты, больше напоминающие религиозные ордена, чем собственно партии: их цель – не реформа, а радикальный переворот общественных условий и человеческой психики; их идеология – не оппортунистическая партийная программа, а мировоззрение, нетерпимое к другим мировоззрениям, отсюда – присущая им уверенность в собственной непогрешимости. «Для этих Орден фашизма или коммунизма, также как и для Маркса, и для Магомета, враждебный мир – просто не существует. Он со всеми его богами – мир фантазии, который нужно разрушить, дьявольское заблуждение, которое нужно распылить заклятием, а не вести с ним переговоры»¹⁷⁰.

Коммунизм и фашизм импонировали Донцову своей агрессивностью, культом насилия и духом господства, которые он противопоставлял бессилию либеральной демократии. Донцов считал либеральный демократизм

¹⁶⁶ См.: *Донцов Д. Bellua sine capite // Літературно-Науковий Вістник. 1923. Кн. I. С. 58–71.*

¹⁶⁷ Заметим, что Донцов одним из первых указал на фундаментальное сходство большевизма и фашизма – идея, ставшая впоследствии основанием теории тоталитаризма.

¹⁶⁸ *Донцов Д. Bellua sine capite. С. 60.*

¹⁶⁹ См.: *Донцов Д. Партія чи Орден // Вістник. 1933. Кн. 2. С. 116-134. См. также: Донцов Д. Партія чи орден, об'єднання чи роз'єднання. Львів, 1938. (Книгозбірня "Вістника". Ч. 3 (19)). С. 5–34.*

¹⁷⁰ *Донцов Д. Партія чи Орден. С. 118.*

особенно вредным для Украины, где «этот слизняцкий демократизм сводил и продолжает сводить на нет самые героические стремления нации к самостоятельности и выработке незапятнанной, твердой национальной идеологии». Именно либеральной доктрине украинцы обязаны разложением политической мысли и поражением освободительной борьбы, ибо в то время, когда нужно было «не дискутировать, а командовать», национальная элита отреклась от «аргумента силы, заменяя его силой аргумента». В результате ее место заняла аристократия чужой национальности – русские коммунисты¹⁷¹.

Таким образом, для Донцова русский коммунизм был плох не столько тем, что был коммунизмом, сколько тем, что был русским. К украинскому коммунизму Донцов сначала относился гораздо благосклоннее. Коммунизм, отделенный от его русских корней, импонировал ему своим антилиберализмом. Но, по мнению Донцова, беда украинских коммунистов заключалась в том, что «они усвоили... только темперамент антилиберальной доктрины, не вкладывая в нее свое национальное содержание». Они верили, что свободу, которую отождествляли с социализмом, им могут принести чужие штыки. Донцов прогнозировал, что украинским идеологам коммунизма не удастся достичь синтеза идей Октябрьской революции с идеей национального освобождения, «потому... что свобода без независимости невозможна». Однако он не исключал возможности согласования и даже синтеза своей идеологии с идеологией украинских коммунистов, если те сумеют соединить свой коммунизм с национализмом: «...Когда антилиберальный темперамент их идеологии наполнится национальным содержанием, тогда и только тогда можно будет мечтать о согласовании обоих антилиберальных течений украинского национализма в синтезе, который окончательно поставит крест на старом “демократическом” украинофильстве, разъедавшем волевой инстинкт нашей нации, делая ее навозом для других. Пока этого не произошло, единственное возможное отношение между украинским “фашизмом” и коммунизмом – это отношение борьбы»¹⁷². Впрочем, надежды на успешный синтез украинского коммунизма с национализмом оказались тщетными. Крах украинского национал-коммунизма, символами которого стали самоубийства писателя Миколы Хвильевого и наркома просвещения УССР Николая Скрыпника в 1933 г., подтвердил худшие прогнозы Донцова¹⁷³.

Критикуя большевизм как новейшую версию российского империализма, Донцов отмечал и его «положительные» черты, достойные заимствования националистами. Это, прежде всего, методы захвата и удержания власти, в чем большевики, как и фашисты, были непревзойденными мастерами. Далее – антилиберальная и антидемократическая направленность коммунистической доктрины и практики, решительность и бескомпро-

¹⁷¹ См.: *Донцов Д.* Агонія одної доктрини (Під новий рік) // Літературно-Науковий Вістник. 1924. Кн. I. С. 63–66.

¹⁷² Там же. С. 67.

¹⁷³ Об украинском национал-коммунизме 1918–1933 гг. см.: *Mace J. E.* Communism and the Dilemmas of National Liberation. National Communism in Soviet Ukraine, 1918–1933. Cambridge, Mass., 1983; *Борисенко Е. Ю.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006.

миссность большевиков, квазирелигиозный характер коммунизма. По мнению Донцова, сила большевизма, которую он прививает не в интеллектуализме, не в теории, а «в заостренной воле навязать себя и свою доктрину всему окружению»¹⁷⁴.

Донцов видел в новом поколении советской молодежи, воспитанном большевизмом, почти все качества, которые хотел воспитать в молодых украинских националистах – волюнтаризм, жажду борьбы, романтику, догматизм, веру в мифы, фанатизм, готовность к насилию, сочетание национализма со всечеловеческим мессианством¹⁷⁵. Он считал, что в таком же, но антисоветском, духе необходимо воспитывать и украинскую молодежь, ибо нельзя «делать наших детей ягнятами, когда сосед воспитывает своих, как волков»¹⁷⁶.

Большевизм был для Донцова образцом эффективной политической религии. Донцов видел в нем чисто религиозные признаки: догматизм, фанатизм, непримиримость к «ересям», культ коммунистических «святых», мессианизм. Ключевой миф коммунистической веры – аналог евангельской истории спасения: «Сначала был предвечный хаос капитализма и эксплуатации. Потом пришел Маркс – предтеча “Ильича”, а за ним и сам “освободитель”. Благодаря самопожертвованию богоносного пролетариата всероссийского, капиталистические “врата адовы” разбиты и хаос побежден. Новая “нагорная проповедь” дала миру новый закон – закон “пятилетки”, закон всеосвобождающей машины. Учить все народы этому закону – обязанность красных “апостолов”: “шедше убо научите вся языки”. И придет второй Мессия, мировая революция, когда Москва будет приказывать всему миру». Большевикам помогает «их мессианская идея, идея избранности, исторической миссии российского пролетариата. Он, этот пролетариат, этот богоносный народ, должен по своему образу и подобию переделать все остальные народы»¹⁷⁷. Донцов считал, что победить эту новую религию сможет не интеллектуализм «рассудительных людей», а только другая, не менее фанатичная политическая религия.

Что может противопоставить большевизму национализм? Донцов отвечал словами Гитлера: «пропитанное адской нетерпимостью мировоззрение сможет сломить только вдохновенная тем же духом, охраняемая той же волей, но чистая в себе, истинная идея»¹⁷⁸. Итак, идея национализма должна быть «чистой и истинной», но духом и волей подобной большевизму и столь же фанатично нетерпимой. Донцов верил, что усвоив эти качества, национализм, в конце концов, уничтожит коммунизм в мировом масштабе.

Коммунизм и фашизм служили для Донцова образцами для создания мифологии и религии национализма. Признаком мифологичности мышления Донцова было характерное для него манихейское, черно-белое видение мира. «Эстетическая система Дмитрия Донцова, – пишет Сергей Квит, – строится на жестком противопоставлении двух первопричин жизни, Добра и Зла. Этим она родственна христианству. [Скорей средневековой ереси

¹⁷⁴ Донцов Д. Світська молодь і ми // Вістник. 1933. Кн. 1. С. 25.

¹⁷⁵ См.: Там же. С. 17–32.

¹⁷⁶ Там же. С. 26.

¹⁷⁷ Там же. С. 18–19.

¹⁷⁸ Донцов Д. Партія чи Орден // Там же. Кн. 2. С. 133–134.

альбигойцев, близкой к манихейству – А. З.] Встать на сторону Добра для того, чтобы победить Зло – вот главная задача интеллектуала, рассматривающего жизнь и искусство как мистерии, в которых он участвует. Соответственно национальные ценности относятся к Добру, а все, что против Украины – Зло»¹⁷⁹.

Этим мировоззрение самого Донцова и его последователей оказалось близким к мировоззрению русских коммунистов, как его описывал Бердяев: «Психический тип коммуниста определяется прежде всего тем, что для него мир резко разделяется на два противоположных лагеря – Ормузда и Аримана, царство света и царство тьмы без всяких оттенков. Это почти манихейский дуализм, который при этом обыкновенно пользуется монистической доктриной. Царство пролетариата есть светлое царство Ормузда, царство же буржуазии – темное царство Аримана. Представителям светлого царства все дозволено для истребления темного царства»¹⁸⁰. Для Донцова же «темным царством» был СССР и его настоящие и мнимые союзники.

В 1933–1939 гг. новое направление приобрела внешнеполитическая ориентация Донцова. Оценивая ситуацию в Европе как преддверие решающего столкновения двух мировоззренческих систем – коммунистической и националистической, воплощенных соответственно в большевистской России и фашистских государствах – Донцов стремился связать дело освобождения Украины с блоком государств, который возглавит гитлеровская Германия¹⁸¹.

Он с энтузиазмом приветствовал победу национал-социализма в Германии, видя в нем силу, способную уничтожить большевизм его же методами: «Для нас самое важное в гитлеризме – это заповедь решительной борьбы с марксизмом. Важно, что наконец-то нашелся в Европе режим, который решил поступать с большевиками – по-большевистски. Это в высшей степени отрадное явление, которое не останется без отзвука во всем мире, куда только проникла советская гангрена»¹⁸².

Для Донцова не было сомнения: украинский национализм должен был присоединиться к фашистскому блоку: «Не может быть двух мнений, что мы должны встать на сторону этой новой Европы – ...не так называемой демократической Европы, а той, которая наконец нашла себя, свои традиции и решилась сдержать железной рукой коварный поход гнилого мессиянства с Востока. Если встанем против этой Европы – окажемся в обществе: России, 2-го и 3-го Интернационала и международного еврейства. С этим обществом нам решительно не по пути»¹⁸³.

Упоминание «международного еврейства» в одном ряду с Интернационалами не было случайным. С 1933 г. в статьях Донцова усилились антисемитские мотивы, что объяснялось не только влиянием нацизма, но и убеждением автора, что еврейство – советское и мировое – опора коммунистического режима в СССР. Неудивительно, что Донцова стали считать своим ду-

¹⁷⁹ *Kvím S.* Дмитро Донцов: ідеологічний портрет. К., 2000. С. 78.

¹⁸⁰ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 149.

¹⁸¹ См.: *Stryjek T.* *Ukraińska idea narodowa okresu międzywojennego: Analiza wybranych koncepcji.* Wrocław 2000. S. 143–146.

¹⁸² *Донцов Д.* Сумерк марксизму (Тарде – Гітлер – Сталінська опозиція, – і ми) // Вісник. 1933. Кн. 4. С. 304.

¹⁸³ *Донцов Д.* Кінець російської революції // Там же. Кн. 5. С. 383.

ховным вождем украинские сторонники теории «жидокоммуны». Один из них писал Донцову в марте 1939 г.: «...Молю Бога, чтобы ускорил день смерти московско-коммунистическо-жидовско-масонской дряни... Отдаю себе отчет, что “миллионы свинопасов” остаются еще под влиянием нашей также “родной” соц[иалистическо]-жидокоммунистической сволочи, которая будет мобилизовать все свои силы на борьбу с “хвашистами”, а в первую очередь с теоретиками – духовными вождями этого, по их словам, “шовинизма”...»¹⁸⁴.

Таких взглядов Донцов придерживался по крайней мере до конца Второй мировой войны. В книге «Дух нашей старины» (1944 р.) Донцов вновь оценил национал-социализм, фашизм и испанский фалангизм как здоровую реакцию части Европы на демократический хаос и угрозу большевизма. Заслугу национал-социализма он видел в освобождении Германии «от влияния еврейства» и в создании «в противоположность демократии, западно-еврейскому коммунизму Карла Маркса и восточно-русскому коммунизму Ленина» собственной общественно-политической системы, которая основательно изменила структуру и облик германского (а отчасти и романского) мира и повлияла на развитие всей Европы¹⁸⁵.

На склоне жизни Донцова его видение борьбы с миром коммунизма приобрело новую, мистическую окраску. В 1960-х гг. он писал о великой миссии Украины в борьбе «нашей западной цивилизации против антихристианских сил дьявола», авангардом которых по-прежнему выступала коммунистическая Россия¹⁸⁶.

Изучая русский коммунизм как главного врага украинского национализма, Д. Донцов одним из первых сформулировал ряд концепций, получивших впоследствии широкое распространение: о связи коммунизма с русской традицией, особенно с русским мессианизмом; о типологическом сходстве большевизма и фашизма; о коммунизме как политической религии и т. д. Некоторые идеи Донцова созвучны наблюдениям Н. А. Бердяева, также стремившегося понять истоки и смысл коммунизма. Но если Бердяев категорически отверг тоталитарную сущность коммунизма и фашизма, противопоставив ей идеи христианского возрождения и персоналистического социализма, то Донцов пришел к убеждению, что тоталитарную религию коммунизма может победить только столь же тоталитарная религия национализма. Эта идея овладела радикальным крылом украинского националистического движения накануне Второй мировой войны, и лишь сокрушительное поражение фашизма стало толчком к ее пересмотру.

¹⁸⁴ Biblioteka Narodowa (Warszawa), kolekcja: Towarzystwo Naukowe im. Tarasa Szewczenki, podzespól: Archiwum Dmitra Doncowa, teka VI, k. 404 b.

¹⁸⁵ См.: *Донцов Д.* Дух нашої давнини. Прага, 1944. С. 245.

¹⁸⁶ См.: *Донцов Д.* Націоналізм // *Донцов Д.* Твори. Т. 1. С. 248.

**«ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ШПИОНСКИЙ УЗОР...»: К ВОПРОСУ
О РАССЛЕДОВАНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ
КОМИССИЕЙ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБВИНЕНИЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ИЗМЕНЕ И ШПИОНАЖЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Расследуя криминальный сюжет «измена и шпионаж», Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК) пыталась выяснить: была ли изменническая деятельность у кого-нибудь из членов Государственной думы, Совета министров или их близкого окружения. Однако допрошенный в качестве свидетеля бывший председатель Думы М. В. Родзянко ответил на этот вопрос отрицательно. Единственное, что он отметил, так это историю, связанную со странными переговорами А. Д. Протопопова с Ф. Варбургом, но «она кончилась довольно неприлично, так как оказалось, что Варбург – есть подставное лицо и даже, что он ничего общего с германским правительством не имел, – уточнил Родзянко. – Я бы ничего не скрыл, но даже слухов об измене не было. Говорили, что Штюрман получает какие-то деньги из заграницы, но это ничего не доказывает»¹⁸⁷.

Более подробно о заграничной поездке и роли Протопопова на переговорах остановился в своих показаниях один из членов этой делегации – П. Н. Милюков. Прежде всего, он подчеркнул, что Протопопов был «навязан в состав этой экспедиции», так как Родзянко не поехал, а нужно было, чтобы поехал официальный представитель Думы – товарищ председателя. Им оказался «случайно попавший в товарищи председателя Думы за отсутствием других кандидатов» Протопопов, и свою неподготовленность к той роли, которая ему предназначалась, – представлять от имени всей экспедиции, – он обнаружил с первых шагов. «Это слишком бытовой тип обанкротившегося дворянина, к европейской среде он не подходит, – охарактеризовал его Милюков. – Приходилось применять чрезвычайные меры, чтобы его удержать на высоте положения»¹⁸⁸.

Члены парламентской делегации возвращались на родину тремя партиями. Протопопов попал в последнюю, так как его попросили остаться в Стокгольме еще на несколько дней. В столице Швеции 6 июля 1916 г. Протопопов и встретился с представителем крупных финансовых кругов Ф. Варбургом, «выполнявшим в годы войны специальные поручения гер-

¹⁸⁷ Падение царского режима Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства в 1917 г.: В 7 т. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 134.

¹⁸⁸ Там же. Т. 6. С. 337–338.

манского МИДа в Стокгольме»¹⁸⁹ и приехавшим туда из Германии специально для ведения переговоров о возможности заключения сепаратного мира с Россией. Встреча состоялась в доме княгини Е. А. Ржевуской (Радзивилл, Кольб-Данвин), которая, вспоминая об этом событии, писала Ф. Варбургу 19 января 1921 г.: «Я была в Стокгольме, когда состоялась его знаменитая встреча с г-ном Протопоповым, и среди людей, которые вместе с Ашбергом¹⁹⁰ участвовали в ее подготовке, был некто Малиньяк¹⁹¹, который на самом деле работал на союзников и сообщал им обо всех передвижениях Вашего брата, встречая их [союзников. – Ю. В.] в МОЕМ доме»¹⁹².

В связи с этим Г. Катков указывал, что летом 1916 г. кайзер Вильгельм II поручил канцлеру «предпринять более решительные шаги по проникновению в Россию при содействии “банкиров, евреев и так далее”...». В ответ канцлер «заверяет кайзера, что министерство иностранных дел поступает соответственно его указаниям, но что, к сожалению, самая в этом отношении “многообещающая личность” – банкир Дмитрий Рубинштейн – арестован в Петрограде во время “еврейского погрома”»¹⁹³. Таким образом, встреча Протопопова с Варбургом явилась, по мнению Г. Каткова, одной из акций этого «проникновения». Немцы предложили руководителю думской делегации России встретиться с «крупным немецким промышленником, принадлежащим к влиятельной банкирской семье Варбургов». Катков отмечал, что «столь доверительная миссия была выполнена членом клана Варбургов с большой готовностью и сверхпатриотизмом». Впоследствии об этой встрече, на которую «немцы возлагали большие надежды», Фриц Варбург написал для министерства иностранных дел подробный отчет¹⁹⁴.

Непосредственными участниками этой встречи с российской стороны, кроме Протопопова, были: член Государственного совета граф Д. В. Олсуфьев, О. Ашберг, Поллак (Поляк) и Гуревич (общество «Мазут» в Польше). В ходе встречи Варбург пытался убедить своих собеседников в бессмысленности продолжения войны, которое выгодно лишь Англии. При этом в качестве компенсации понесенных Россией за годы войны потерь предлагал часть Галиции; таким образом, предполагалось заключить мир за счет союзника.

Однако усилия Варбурга в итоге оказались тщетными. К такому выводу пришел госсекретарь немецкого правительства по иностранным делам Г. фон Ягов, который, ознакомившись с отчетом Варбурга, разочарованно

¹⁸⁹ Новикова И. В. Германия стремилась к сепаратному миру с Россией. 1914–1916 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 19.

¹⁹⁰ Ашберг Олоф (1877–1960) – шведский банкир, посредник во встрече А. Д. Протопопова с Ф. Варбургом.

¹⁹¹ По свидетельству Е. А. Ржевуской «...еврей, по имени Малиньяк, который был приговорен в России то ли на несколько лет, то ли несколько месяцев тюрьмы, но который каким-то образом добился назначения как подрядчик Русского Красного Креста в Стокгольме. Здесь его считали одним из новых миллионеров, появившихся на свет благодаря войне» (подробнее см.: *The Firebrand of Bolshevism; The True Story of the Bolsheviki and the Forces That Directed Them*. 1919. P. 171).

¹⁹² *Ржевуская (Радзивилл, Кольб-Данвин) Е. А.* Избранные документы из российских и американских архивов // Новый литературный журнал. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1350/1359/> (дата обращения: 19.07.2012).

¹⁹³ Катков Г. Февральская революция. Париж, 1984. С. 86, 123

¹⁹⁴ См.: Там же. С. 86, 108.

записал на его полях: «Эти русские выдоили Варбурга, а сами фактически так ничего и не сказали»¹⁹⁵. Так как данный отчет является практически единственным источником о содержании переговоров между Варбургом, Протопоповым и Олсуфьевым, утверждения об организации международного заговора с участием этих лиц приходится отнести к разряду мифотворчества, ввиду отсутствия достоверных данных о какой-либо закулисной, «шпионской» игре русского парламентария. Тем более, по возвращении в Петербург Протопопов испросил личной аудиенции у царя и рассказал ему о свидании с Варбургом. Кроме того, тайная встреча российского депутата с немецким банкиром вскоре сделалась достоянием гласности и стала одним из основных эпизодов, скомпрометировавших Протопопова как политика. Тем не менее, в сентябре 1916 г. он все-таки был назначен министром внутренних дел.

В связи с тем, что Протопопов отстал от парламентской делегации, которую он возглавлял, «о его похождениях в Стокгольме» Милюков узнал после того, как тот вернулся в Россию. В кулуарах Думы Протопопов довольно откровенно рассказывал о своем разговоре с Ф. Варбургом и о германских мирных предложениях. Милюков пришел в недоумение и попросил его разъяснить эту ситуацию. Во время состоявшейся встречи присутствовал и В. В. Шульгин.

«Вообще Протопопов, это – человек, про которого нельзя сказать, чтобы он сознательно, намеренно говорил неправду, – отметил Милюков, – но у него эта Хлестаковская черта имеется. Он органически говорит не так, как было. Мне приходилось его наблюдать в течение одного дня, когда он устанавливал в разных версиях происшедшее с полной уверенностью, что это верно»¹⁹⁶.

Депутатам «думский Хлестаков» рассказал, что с ним должен был вести переговоры официальный представитель Германии фон-Люциус, и что только случайное обстоятельство (тот повредил себе ногу) не дало ему возможности принять участие в беседе и вместо себя он послал Варбурга. Между тем, по другим сведениям стало известно, что фон-Люциус и не собирался с ним видеться, и выяснилось, что аранжировку разговора на эту тему он предоставлял Варбургу. Стало также известно, что Протопопов попытался втянуть в эти «переговоры» российского посла в Швеции А. В. Неклюдова, но из беседы последнего с Милюковым выяснилось, что посол не поощрял Протопопова на подобные действия и узнал о состоявшейся встрече *post factum* и только в общих чертах, поэтому, сделал вывод Милюков, «вся беседа получила более случайный характер и политически не важный»¹⁹⁷.

То, что Протопопов сообщил Милюкову при их встрече, совпадало с курсировавшей информацией о возможных мирных предложениях Германии. В тот момент лидер кадетов не придавал особого значения этому разговору, представив «похождения» Протопопова как «случайный эпизод, и что при проезде через Стокгольм он пошел на это, чтобы получить интересное впечатление туриста». Однако позднее Милюков расценил эти действия как ступень к восхождению на Олимп власти, так как Протопопов, по его мне-

¹⁹⁵ Цит. по: Zeman Z. A. B. A Diplomatic History of the First World War. L., 1970. P. 108.

¹⁹⁶ Падение царского режима. Т. 6. С. 338.

¹⁹⁷ Там же. С. 339.

нию, сумел обратить этот инцидент в свою пользу, докладывая о встрече императору.

Перед самой войной в Петербурге появился «известный хиромант и спирит» Шарль Перрен. Прочитав попавшееся ему на глаза объявление хироманта, рекламировавшего через «Вечерние биржевые ведомости» свое умение «предсказывать будущее, составлять гороскопы и отгадывать мысли», Протопопов, в то время товарищ председателя Государственной думы, немедленно отправился в гостиницу «Гранд-отель» и узнал, что планета его, Протопопова, – «Юпитер, но проходит она под Сатурном». Будущему министру внутренних дел было сказано также, что он должен «опасаться четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого чисел каждого месяца». Попутно хиромант «отгадал» имя матери своего высокопоставленного клиента и этим окончательно пленил его¹⁹⁸. Контрразведка, заинтересовавшаяся хиромантом, выдававшим себя за американского подданного, тогда же установила, что он – австриец и вовсе не Шарль, а Карл. Кроме гадания, «хиромант» этот, судя по всему, занимался и шпионажем. Так как «почти никакой борьбы с немецким шпионажем у нас до войны не велось, – отмечал М. Д. Бонч-Бруевич, – Перрену еще до начала военных действий удалось уехать из России и обосноваться в Стокгольме»¹⁹⁹.

Во время стокгольмских переговоров с Варбургом Протопопов, как установила русская контрразведка, имел доверительное свидание и с Перреном. Уже будучи министром иностранных дел, Милюков узнал что сношения Протопопова с «известным хиромантом и спиритом» [читай – шпионом! – Ю. В.] на этом не закончились, и он поддерживал с ним регулярные связи, подтверждением которых служили две зашифрованные телеграммы от Перрена, попавшие в руки Милюкову, которые он передал А. Ф. Керенскому²⁰⁰.

Однако на допросе в ЧСК Протопопов категорически отрицал свои сношения с Перреном и утверждал, что встречался с ним только один раз – в Петербурге, во время сеанса гадания. При этом он на полном серьезе убеждал членов комиссии, что Перрен «...по линиям руки и по мыслям отгадывал. Он понимал мысли: это поразительно было!», – искренне и с неподдельным изумлением утверждал Протопопов. Даже после того, как ему – министру внутренних дел – официально доложили о том, что Перрен – шпион, Протопопов представил эту ситуацию себе так, что его любимый предсказатель всего лишь «на плохом счету» у генерального штаба. При этом в ответ на недоуменный вопрос председателя ЧСК Муравьева: что означает выражение «на плохом счету», Протопопов пояснил: Перрен «...считался причастным к шпионству...». На логичный вопрос Смиттена, почему Протопопов считал возможным продолжать «какие-нибудь отношения» с Перреном, ответственный государственный муж наивно признался: «...я не вполне доверял тому, что шпион... Этому я не поверил! <...> Потому что вообще у нас в последнее время чрезвычайно много говорят: шпион, шпион...»²⁰¹.

¹⁹⁸ См.: Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам! М., 1958. С. 84.

¹⁹⁹ Там же. С. 86.

²⁰⁰ См.: Падение царского режима. Т. 6. С. 340.

²⁰¹ Там же. Т. 2. С. 3–5.

Противоречивые впечатления и мнения у членов Комиссии вызвали также показания бывшего министра внутренних дел А. Н. Хвостова. Буквально с первых же слов на допросе он заявил, что кроме своих прямых обязанностей, руководствуясь «долгом русского человека», стал изучать «большой вопрос – о шпионаже»²⁰². И личность Хвостова, и достоверность его показаний вызывали и вызывают неоднозначные оценки. Исследователь А. Я. Аврех считал, что «Допрос Хвостова от 18 марта – это подлинная мюнхаузиана XX в.»²⁰³. По его мнению, подследственный просто-напросто ввел в заблуждение доверчивых и неразборчивых ко лжи членов Комиссии.

В изображении П. Е. Щеголева царский сановник представлен как «беспардонный и жизнерадостный шут, последовательно – губернатор, член Думы, министр внутренних дел. Его показания поразительны по своему откровенному цинизму, безудержной наглости и полному отсутствию сознания какой-либо вменяемости поступков, какой-либо ответственности»²⁰⁴. А вот у секретаря Комиссии А. А. Блока, который не только внимал свидетельствам Хвостова, но и работал со стенограммой его допроса, не осталось впечатления лживости его показаний. Восприятие поэта, чуткого к неискренности и фальши, было, на мой взгляд, более адекватным из всех представленных. «Занятие А. Н. Хвостовым (толстым): противно и интересно вместе, – признался Блок. – Вот придворные помои, гнусные сенсации, жизнь подонков общества во всей ее наготе»²⁰⁵.

Показаниями Хвостова заинтересовался и глава правительства А. Ф. Керенский. 4 августа Муравьев поручил Блоку срочно отредактировать этот материал. Поэт с интересом и смешанными чувствами взялся за «...37 страниц стенограмм второго допроса Хвостова. Увлекательно и гнусно»²⁰⁶, – отметил Блок. Тем не менее, даже в таком мутном, а подчас и грязном потоке показаний прожженного чиновника-пройдохи ЧСК смогла разглядеть важные для следствия сведения. А данные эти были чрезвычайно интересные. Секретарь Комиссии, например, остался под глубоким впечатлением от информации, выданной Хвостовым: «И ночью, и утром я читаю интереснейший допрос Хвостова А. Н. (кружки, Распутин и пр.)»²⁰⁷, – записал 26 июня его «откровения» Блок.

В ходе допросов, когда бывшему министру внутренних дел задавался конкретный вопрос о подозрении в шпионаже какого-то определенного человека, он ловко уходил от прямого ответа, предоставляя членам Комиссии возможность самим делать окончательные выводы. Подобная тактика, избранная бывшим министром на допросах, привела Авреха к выводу о том, что эти показания представляли собой «фантастический шпионский узор, который Хвостов сплел из названий «электрических» и прочих компаний, имен ряда министров, проходимцев и фрейлин»²⁰⁸. Вместе с тем, многие

²⁰² Падение царского режима. Т. 1. С. 32.

²⁰³ Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 82.

²⁰⁴ Падение царского режима. Т. 1. С. XVI.

²⁰⁵ Блок А. А. Дневник. М., 1989. С. 233.

²⁰⁶ Там же. С. 243.

²⁰⁷ Там же. С. 222.

²⁰⁸ Аврех А. Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. Вып. 118. М., 1990. С. 83.

современники не считали, что в информации Хвостова содержались фантазии на популярную тему шпиономании.

Фактически то же самое, что и членам Комиссии, бывший министр поведал в приватной беседе и Н. А. Маклакову. «Хвостов в бытность свою министром внутренних дел рассказывал мне, – вспоминал Маклаков, – он учредил наблюдение за Распутиным и для него было совершенно ясно, что Распутин окружен людьми, которых подозревали как немецких агентов...». Точно так же и А. Ф. Керенский, внимательно изучивший материалы дознания, был уверен, что «около Распутина беспрепятственно работали не только германofilы, но и немецкие агенты». Наряду с этим есть свидетельства, подтверждающие показания Хвостова и из агентурных источников Департамента полиции. Так, неназванное лицо, которое участвовало в слежке за квартирой Распутина, высказалось по вопросу о шпионаже еще более определенно: «Тогда для меня и стало ясно, что его квартира – это то место, где немцы через свою агентуру могут получать нужные им сведения»²⁰⁹.

Что же касается Г. Е. Распутина, то Милюков отметил, что предводитель «темных сил» относился к войне отрицательно. Удостоверился в этом депутат еще перед войной. «Тут была одна из корреспонденток, жена итальянского журналиста, которая мне сообщила о своем непреклонном желании познакомиться с Распутиным и спрашивала, о чем его спросить, – рассказал он на допросе. – Это было до объявления войны, я узнал, что она готовится, и просил спросить Распутина, будет война или нет. Она довольно искусно пробралась к нему, получила его доверие и задала этот вопрос; он сказал: да, говорят, война будет, они затевают, но, бог даст, войны не будет, я об этом позабочусь. В дальнейшей фразе о нем как о германском посреднике говорить не приходится, потому что он вообще был посредник, и этого рода льгота могла пройти так же, как и другая»²¹⁰. Косвенные указания на Распутина «...как на нашего спасителя от бессмысленного кровопролития...» прозвучали в речи Милюкова еще 28 апреля 1914 г., когда он сообщил о том, что «...указывают на одного проникновенного старца, истинного патриота, горячо любящего Россию, причем близкого к кормилу нашей политики, который удержал своим благородным влиянием от страшного шага». По этому поводу депутат не удержался от ироничного вывода: «Итак, господа, судьба России, потому что война и мир есть судьба, находится в руках этого самого старца, по моему убеждению...»²¹¹. Между тем, остается не до конца выясненным вопрос: была ли эта позиция «старца» свидетельством его германofilских настроений или неким пацифистским и патриотическим желанием оградить Россию от тяжелых военных потрясений? Во всяком случае, из показаний Милюкова этого не видно.

В то же время М. В. Родзянко был уверен в том, что подобная позиция Распутина сложилась под влиянием Берлина, хотя и вынужден был признать, что фактов этого воздействия у него нет, кроме того, что «Распутину окружали люди, которые, несомненно, имели связь с заграницей». При этом он заявил на допросе в ЧСК, что «...конечно, никто этих фактов не получит, потому что так исправно прятали концы в воду, что фактов получить

²⁰⁹ Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М., 1991. С. 79–80.

²¹⁰ Там же. С. 371.

²¹¹ Цит. по: Падение царского режима. Т. 6. С. 371.

невозможно. Но определенно ходили слухи, и ко мне приезжали даже какие-то частные люди с заявлением о том, что они знают, что через шведское посольство Распутину передаются большие деньги из заграницы»²¹².

Таким образом, случаев прямой измены и шпионажа со стороны членов Государственной думы или высших государственных сановников Российской империи Чрезвычайной следственной комиссией выявлено не было. Однако, обобщая результаты расследования Комиссией вопросов, связанных с обвинением политической элиты царской России в измене и шпионаже, Блок вывел емкую и лаконичную формулу состояния правящего класса накануне революции: «Страшное влияние Распутина, страшная расшатанность идеалов»²¹³, которые, думается, и привели к разрушению самодержавных устоев империи («Православие, самодержавие, народность») и, наконец, к падению Российской монархии.

Ковалева Д. Н. (Саратов)

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА НА СОСЛОВИЕ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ В РОССИИ

1917 год стал переломным в истории России. В общем собрании Петроградских присяжных поверенных 16 мая 1917 г. председатель Совета Николай Платонович Карабчевский так оценил сложившуюся политическую ситуацию: «Политическая революция – свержение вредного, опасного и ненавистного для страны режима – свершилась, как это ясно для всех, по воле народа. Иначе было бы необъяснимо то редкое, почти феерическое единодушие, с которым старая власть была свергнута. Веками подгнившая самодержавная власть рухнула без остатка. Это – факт!»²¹⁴. При новой власти для самоуправляющегося сословия адвокатов принципы существования остались прежними: «<...> свергнув ненавистное и вредное правительство отнюдь не значит свергнуть законы, веления морали и перевернуть страну верх дном»²¹⁵.

Сословие присяжных поверенных не осталось в стороне от происходящих изменений. Адвокаты по-разному отнеслись к недавно изменившимся условиям. Петербургский Совет «признал несовместимым, чтобы судьи, сенаторы и лица прокурорского надзора, назначаемые из адвокатов, продолжали числиться присяжными поверенными»²¹⁶. Такое решение имеет вполне конкретную причину: «Деятельность наша слишком близко внешне соприкасается, а по существу слишком различна по своим задачам <...> присяга у нас разная и круг отношений и интересов правовых иной. Мы – за

²¹² Падение царского режима. Т. 7. С. 129.

²¹³ Блок А. А. Записные книжки. М., 1965. С. 334.

²¹⁴ ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 8. Л. 10б.

²¹⁵ Там же. Л. 2.

²¹⁶ Там же. Л. 1 об.

личность, те за государство»²¹⁷. Исключение делалось лишь для «временных занятий комиссаров и министров и т. п., где нужны юридические сведения, то здесь приходится мириться с временным совмещением, в виду исключительных неотложных обстоятельств»²¹⁸.

В сословии присяжных поверенных четко обозначились две позиции по вопросу участия в политической жизни страны. Большинство адвокатов предпочли остаться в стороне от государственной службы²¹⁹. Для этой группы характерен ответ Н. П. Карабчевского на предложение министра юстиции А. Ф. Керенского стать сенатором уголовного кассационного департамента: «Нет, Алекс. Федорович, разрешите мне остаться тем, что я есть, – адвокатом. <...> Я еще пригожусь в качестве защитника...»²²⁰. Этот разговор, состоявшийся 3 марта 1917 г. в доме у Карабчевского имел интересное продолжение. «Александр Федорович поинтересовался, кого собрался защищать Николай Платонович: – Николая Романова?

– О, его я охотно буду защищать, если вы затеете его судить.

Керенский откинулся на спинку кресла, на секунду призадумался и, проведя указательным пальцем левой руки по шее, сделал им энергичный жест вверх. Я и все поняли, что это намек на повешение.

– Две, три жертвы, пожалуй, необходимы! – сказал Керенский, обводя нас своим, не то загадочным, не то подслеповатым взглядом, благодаря тяжело нависшим на глаза, верхним векам.

– Только не это, – дотронулся я до его плеча, – этого мы вам не простим!.. Забудьте о Французской Революции, мы в двадцатом веке, стыдно, да, и бессмысленно идти по ее стопам...»²²¹.

Некоторые адвокаты приняли самое активное участие в политической жизни страны. Это в основном были представители «молодой» адвокатуры.

Разное отношение к политической карьере в среде присяжных поверенных можно объяснить произошедшими изменениями в сословии с начала XX в., а именно сменой поколений адвокатов.

По мере становления и укрепления адвокатуры росла ее политическая активность, которая проявлялась главным образом в защитительных речах адвокатов перед царским судом, но, кроме того, и во внесудебных, просто гуманных или оппозиционных акциях.

Перед революцией 1905 г. политическая активность адвокатуры резко возросла. Так, в числе 95 лиц, подписавших заявление на имя министра внутренних дел Д. С. Сипягина с протестом против разгона и избиения студенческой демонстрации в Петербурге 4 марта 1901 г., были и девять адвокатов:

²¹⁷ ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 8. Л. 10б.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ На Западе ситуация была иной, достаточно назвать премьер-министров и президентов из адвокатов XIX в. во Франции: Ж. Мартиньяк, О. Барро, А. Тьер, Э. Оливье, Ж. Дюфор, в США: Т. Джефферсон, Д. Медисон, Э. Джексон, М. Фимор, Ф. Пирс, Д. Бьюкенен, А. Линкольн. В XVIII в. один из французских адвокатов, Ги Фуко, стал даже папой римским под именем Климента IV.

²²⁰ *Карабчевцев С.* Жизнь и суд. Рига, 1929. С. 9.

²²¹ *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 122.

Д. В. Стасов, Н. П. Карабчевский, В. Н. Герард, В. О. Люстиг, К. К. Арсеньев, В. В. и М. В. Беренштам, А. А. Вейнберг, Н. Н. Шнитников²²².

Бурные выступления адвокатов последовали по случаю 40-летия Судебных уставов 1864 г., акции прошли во многих городах страны²²³.

В декабре 1904 г. адвокатура приняла участие в политических демонстрациях: присяжные поверенные подписали протест 112 литераторов против полицейской расправы с демонстрацией студентов на Невском проспекте в Петербурге 28 ноября, 14 декабря петербургская адвокатура приняла участие в собрании памяти декабристов. Политическая активность адвокатов с началом революции 1905 г. продолжала нарастать и привела к созданию 30 марта 1905 г. Всероссийского союза адвокатов, который объединил 2,5 тыс. присяжных поверенных и их помощников из 64 городов европейской России, включая Закавказье²²⁴.

В первые годы XX в. в адвокатуру приходит новое «молодое»²²⁵ поколение присяжных поверенных: «“Молодыми”, очевидно, мы считались не по годам, а по направлению», – заметил М. Л. Мандельштам²²⁶, примкнувший к «молодой адвокатуры» уже 37-летним и достаточно опытным адвокатом. Новое поколение в адвокатуры несло на себе печать времени – преддверия революции. В стране наблюдалась масса рабоче-крестьянских выступлений, росла антиправительственная оппозиция в обществе, начали активно формироваться нелегальные политические партии – эсеров, социал-демократов, «Союз освобождения» (будущие кадеты). Молодое поколение отличалось от своих предшественников.

К тому времени адвокатура уже блестяще зарекомендовала себя в политических процессах, таких как процессы нечаевцев, участников Казанской демонстрации, «193-х», Веры Засулич (в юридической квалификации ее дело чисто уголовное, но для общества представляющее политический интерес), по делу «1 марта». Адвокаты умело защищали своих подзащитных, не акцентируя в своих выступлениях политических идей. «Речи политических защитников, даже таких, как Спасович, по своему содержанию были чисто юридической защитой обвиняемых, а не их дела. Спасович рассматривает обвиняемых по политическим делам, как людей, не только совершенно чуждых ему по своим идеям <...> Он борется за право, а не за революцию»²²⁷.

²²² См.: *Троцкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 208.

²²³ В Петербурге была принята резолюция с требованием введения Конституции и созыва Учредительного собрания, подобная же резолюция была принята в Москве; политические демонстрации прошли в Екатеринославе, Новочеркасске, Орле, Костроме, Ростове-на-Дону, Харькове.

²²⁴ *Троцкий Н. А.* Указ. соч. С. 211–212.

²²⁵ «Молодой адвокатуры» условно стали называть небольшой, сравнительно с общей численностью российской адвокатуры, отряд защитников, которые даже объединялись в особые группы (кружки) политзащиты везде, где функционировали Советы присяжных поверенных, преимущественно в Петербурге и Москве. Первый кружок появился в Москве в 1895–1896 гг.

²²⁶ См.: *Мандельштам М. Л.* 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 54.

²²⁷ Там же. С. 46.

В новом поколении меняется отношение к задачам адвоката на политическом процессе. «Политические защитники новой формации заняли иное положение. Почти все мы в подсудимых видели своих товарищей, делающих с нами одно и то же дело, но только более решительных и самоотверженных. Многие из нас сами принадлежали к подпольным партиям, а иные и работали там с подсудимыми. Недаром члены судебной палаты иногда в шутку называли нас вместо «защитников» – «зачинщиками». В своих судебных выступлениях мы иногда солидаризировались с обвиняемыми так, что трудно было провести демаркационную линию, отделяющую скамью подсудимых от кресел защитников. Часто мы получали от обвиняемых определенное указание не заботиться об их личной судьбе, а содействовать их делу. И тогда мы через головы судей говорили со страной»²²⁸. Таким образом, дела для «молодых» защитников делились на две категории: первая – это дела, в которых на первом плане были интересы самого подсудимого, и вторая категория это дела – на первом плане пропаганда идей подсудимого и его партии.

Адвокаты неизменно выступали в роли «бесцензурной почты» между обвиняемыми и их родственниками, а также много делала для освещения процессов как в легальной, так и нелегальной печати. Но «молодые» адвокаты также взяли на себя и популяризацию политических процессов в широких кругах общества. «Мы реферировали наиболее интересующие наших слушателей процессы того времени; мы рассказывали о настроениях в других местах обширной империи; рассказывали, что происходит в партиях, в общественных организациях, произносили агитационные речи»²²⁹.

Наиболее значительный пост получил политический лидер «молодой» адвокатуры Александр Федорович Керенский, в марте 1917 г. он стал министром юстиции. Новый министр юстиции наметил широкую программу действий: создание ряда законодательных комиссий для пересмотра и исправления уголовных и гражданских законов, судопроизводственных правил, а также предоставление адвокатуře полной независимости и автономии.

В здании министерства юстиции постоянно заседали какие-то комиссии, обсуждая «важнейшие» вопросы. Карабчевский поначалу почти ежедневно посещал самые различные законодательные комиссии. Но вскоре пришло четкое осознание бесполезности происходящего: « <...> бесконечное количество слов. Обдумывать мельчайшие оттенки и тонкости спасительных благопожеланий, когда кругом царит явное бесправие и грубейшее нарушение самых примитивных основ правосудия»²³⁰.

Интересной является реакция сословия на назначение Керенского. На общем собрании петроградских присяжных поверенных Н. П. Карабчевский так характеризовал своего коллегу: « <...> добрый товарищ по сословию А. Ф. Керенский. Живое воплощение истинной свободы, так счастливо добытой нами и так беспощадно изъязвленной уже грубыми ранениями. Человек этот вырос и возмужал в нашей среде и лозунг свободы, за который

²²⁸ Мандельштам М. Л. Указ. соч. О том же см.: Мошинский (Конарский) И. Н. Политическая защита в дореволюционных судах // Девятый вал. К 10-летию освобождения из царской каторги и ссылки. М., 1927. С. 45.

²²⁹ Там же. С. 47.

²³⁰ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Ч. 2. С. 140.

он рисковал не раз жизнью, для него никогда не был синонимом эгоизма и ненавистной похоти. Он верил в силу права, в силу морали, в силу радостного перевоплощения каждого из нас в свободного гражданина. <...> Как горько обманули его радужные надежды. Думал-ли он, что клич наступления на измучившего и залившего кровью родину врага будет квалифицироваться изменой, а измена солдата воинскому долгу, измена союзникам – подвигом! Думал-ли он, что свергая ненавистную власть, он тем самым свергает, якобы, все законы божеские и человеческие. Нет, свершая свой благородный подвиг, идя впереди революции, во главе свободных граждан, он этого не думал.

Керенский, став министром юстиции с помощью всего сословия, хотел поднять русское правосудие на недостижимую высоту. До конца мы останемся с ним, потому что все самое высокое, рыцарское, что таилось в служении нашего сословия свободе и праву, выявились в этой отныне исторически-отчеканенной личности»²³¹.

Намного позже, пережив Октябрьскую революцию, находясь в эмиграции, Николай Платонович Карабчевский высказывается о Керенском следующим образом: «Керенский, как судебный оратор не выдавался не на йоту: истерически-плаксивый тон, много запальчивости при всем этом, крайнее однообразие и бедность эрудиции. Его адвокатская деятельность не позволяла нам провидеть в нем даже того «словесного» халифа на час, каким он явил себя России в революционные дни»²³².

А вот воспоминания известного советского юриста Бориса Самойловича Утевского: «Позер и комедиант по природе, Керенский, которого годами адвокаты не замечали, а если и замечали, то расценивали весьма невысоко, получил, наконец, возможность показать себя во всем блеске и щегольнуть властью»²³³. <...> Истерия, пафос, выкрики, позерство сквозили в каждом его (Керенского) вопросе свидетелю, в каждом самом обыденном ходатайстве перед судом. <...> Мне приходилось видеть крупных царских сановников, министров. Среди них были чванливые, важничавшие, напыщенные дураки. Но всем им было далеко до Керенского. Он уже не ходил, а шествовал. Он не говорил, а изрекал. <...> Керенский перестал сам открывать перед собой двери. Это делали его «адъютанты» – офицеры. Их у Керенского было всегда двое (кстати, даже царские военные министры ходили без адъютантов)»²³⁴.

XX век многое изменил в сословии присяжных поверенных: начало столетия уходят из адвокатуры ее признанные корифеи, приходят новые, полные революционных идей, адвокаты. Февральская революция, казалось, принесла долгожданное освобождение от гнета царской администрации, но Октябрьская революция и приход к власти большевиков привели к ликвидации адвокатуры в ноябре 1917 года.

Изменения в стране затронули, безусловно, все общество, в связи с этим определенный интерес представляет восприятие событий отдельно взятым человеком. Отношение к революции, изменение политических взглядов, их

²³¹ ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–2об.

²³² *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. Ч. 2. С. 19. См. также: *Карачевцев С. В.* Указ. соч. С. 11.

²³³ *Утевский Б. С.* Воспоминания юриста. М., 1989. С. 197.

²³⁴ См.: Там же. С. 201–202.

эволюцию интересно рассмотреть сквозь призму яркой личности в среде адвокатуры – Н. П. Карабчевского.

1917 г. стал переломным периодом не только в жизни страны, но и в судьбах очень многих людей. К этому времени Н. П. Карабчевский многого добился, достиг всего, о чем мог мечтать адвокат: признания в обществе и сословии, достойного материального положения, хорошей семьи. Но история внесла свои коррективы.

После проведенных на фронте новогодних каникул Карабчевский окунулся в повседневную жизнь. А предчувствия были самыми мрачными.

7 (20) февраля 1917 г. госпожа Карабчевская, большая поклонница Италии и всего итальянского, организовала большой обед в честь гостившей в Петрограде итальянской военной делегации. По мнению итальянских военных, летом 1917 г. война завершится, причем Германия будет вынуждена принять условия мира²³⁵. 26 февраля (11 марта) 1917 г., в самый канун революции, состоялся юбилейный бенефис драматического артиста Ю. М. Юрьева. В Императорском театре с большим размахом был поставлен лермонтовский «Маскарад», в постановке В. Э. Мейерхольда, декорации изготовлены художником А. Я. Головиным. На следующий день чета Карабчевских отправилась в Мариинский театр, несмотря на предупреждение о возможной стрельбе на улицах города. При этом публики было значительно меньше. Впрочем поход в театр удался, но напряжение витало в воздухе.

Дальнейшие революционные события, свидетелем которых стал Н. П. Карабчевский, разворачивались стремительно: «в какие-нибудь три дня, Петроград стал неузнаваемым. Это была уже не щеголеватая когда-то столица, а базарная, загрязненная площадь, на которой отныне должна была пойти бойкая торговля судьбами России»²³⁶.

3 (16) марта в доме Карабчевского состоялось полуофициальное заседание Совета присяжных поверенных. Инициатором выступил А. Ф. Керенский, ставший министром юстиции во Временном правительстве. По свидетельству Б. С. Утевского, Николай Платонович, мягко сказать, был не в восторге от подобных изменений: «Боже мой, до чего мы дожили! Керенский – министр...»²³⁷. На собрании обсуждался кадровый вопрос в министерстве, главою которого был теперь Керенский: директором департамента министерства юстиции по личному составу стал А. А. Демьянов, двумя товарищами министра – Н. В. Тесленко и М. В. Беренштам, прокурором Петроградской судебной палаты был выбран П. Н. Переверзев. Карабчевскому Керенский предложил место сенатора уголовного кассационного департамента, но Николай Платонович предпочел «остаться тем, кто он есть, – адвокатом»²³⁸.

Карабчевский, тем не менее, принял назначение на должность «председателя чрезвычайной комиссии по расследованию германских зверств и нарушения правил и обычаев ведения войны», с условием, что эта должность не должна иметь сенаторского статуса, так как Николай Платонович

²³⁵ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Ч. 2. С. 113.

²³⁶ Там же. С. 118.

²³⁷ Утевский Б. С. Указ. соч. С. 202–203.

²³⁸ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Ч. 2. С. 121. См. также: Карабчевцев С. В. Указ. соч. С. 9.

хотел оставаться присяжным поверенным. Из-за этого назначения, летом 1917 г. Карабчевский отправляется в скандинавские страны для опроса бывших военнопленных относительно условий их пребывания в плену. К сожалению, он больше не вернулся на Родину, так как Октябрьской революции принять не смог.

Октябрьская революция застала его в Копенгагене, где заседала комиссия по расследованию случаев проявленной германцами во время войны жестокости. Карабчевский уже не мог вернуться в Россию, и с этого времени началась его жизнь на чужбине. После пребывания в течение нескольких лет в Копенгагене, он переехал в Ниццу²³⁹. В Италии он примкнул к легитимистскому движению и стал официальным представителем Вел. Кн. Кирилла Владимировича. В 1921 г. организовал в Риме «интимный театр» «Русская ласточка», который не имел успеха²⁴⁰. Материальное положение его было крайне печальное: «Восемь лет эмиграции стали временем угасания в беспросветности эмигрантских странствий, нужды и изнурительного бездействия»²⁴¹.

Атмосфера (в эмиграции) оказалась совсем иная, иная идеология, иные навыки. Тяжело, как и многие, Карабчевский переносил и материальные лишения. Настрой был пессимистичный: «Зимы почти нет. Много ярких, солнечных дней. <...> Хвала Господу! Не требуется ни теплой одежды, ни прочной обуви, ходят кто в чем, как застало изгнание на далекой родине. Нищенствовать, не нищенствуют, но не всегда обедают; ложатся спать нередко впроголодь <...> протянуть бы завтрашний день. За этот рубеж уже не заглядывай. Страшно!»²⁴². Бездействие, материальные лишения подтачивали и физические силы. М. Ф. Кшесинская вспоминала: «Осенью 1923 г. ко мне на виллу Аллам приехал с визитом Н. П. Карабчевский с женой. <...> Тяжело было видеть, как этот старик, гордость и слава русской адвокатуры представлял собой жалкое зрелище, без слов говорящее о его крайней нужде»²⁴³.

В 1924 г. в Париже праздновался 50-летний юбилей пребывания Карабчевского в адвокатуре, а в 1925 г. он скончался в Риме²⁴⁴ и был похоронен на кладбище Тестаццо²⁴⁵.

²³⁹ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. (Записки русского еврея): в 3 т. Т. 3. Париж, 1933. С. 70.

²⁴⁰ См.: Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь: в 5 т. Т. 2. М., 1992. С. 465.

²⁴¹ См.: Кулишер Е. М. Н.П. Карабчевский (1851–1925) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. С. 305.

²⁴² Карабчевский Н. П. Тени прошлого // Общее дело. Париж, № 243. 15 марта 1921 г. С. 2.

²⁴³ Кшесинская М. Ф. Воспоминания: в 2 т. Париж, 1953. Т. 2. С. 416.

²⁴⁴ Слиозберг Г. Б. Указ. соч. С. 70.

²⁴⁵ Изучением Тестаццо с 1950-х гг. занимается группа исследователей, преимущественно шведских, которые описывают памятники, изучают архивы и компьютеризируют сведения. Работа осуществляется в рамках исследовательского проекта Progetto Cimitero Acattolico под руководством профессора Карла Ниландера. Для обработки материалов по русским захоронениям привлекалась доцент кафедры славистики Стокгольмского университета А. М. Юнгрен. В полном объеме описание российской части некрополя началось недавно. В течение последних десяти лет над этим работали преподаватель Римского университета В. Гасперович, А. Шумков, М. Талалай, М. Катин-Ярцев.

Итак, Февральская революция была воспринята Карабчевским с воодушевлением, как возможность изменить существующий порядок вещей. Собираются бесконечные комиссии, ведутся нескончаемые дебаты, а ситуация в стране только ухудшается, особенно с точки зрения блюстителей закона. С Октябрьской революцией все обстояло иначе – «кровавый революционный пир в годовщину тяжелой войны, на деньги мутного источника»²⁴⁶. Николай Платонович не принял октябрьских изменений, так как считал произошедшее чуждым России и ее интересам: «в самом начале войны в немецких газетах уже появились известия о революции в России. Рисовали именно эту картину, которая наступила лишь в феврале 1917 г. <...> противники планомерно действовали, дабы их заветная мечта осуществилась. Подземные кроты, шнырявшие прямым трактом из Берлина через Данию и Швецию, работали теперь как никогда снабженные неприятельскими деньгами на «дело русской революции»²⁴⁷. Мотивы подобного стремления Германии понятны – события в России затянули войну, «развязали руки» на западном фронте военных действий: «Германия это учитывала вполне и ей, а вовсе не России, нужна была именно в эту минуту «великая русская революция», с ее приказом № 1, с ее разложением войска и братанием на фронте»²⁴⁸.

Пребывая в эмиграции, оценивая происшедшие в России события, Николай Платонович неожиданно для тех, кто его знал, пришел к мысли о поддержке самой идеи самодержавия. Монарх, по мнению Карабчевского, мог бы рассчитывать на всестороннюю поддержку народа, произведя необходимые реформы: широкая аграрная реформа, автономия окраин, решение рабочего и еврейского вопроса²⁴⁹. Если бы находившийся на престоле Николай II нашел в себе силы опереться на народ в своих преобразованиях, то ни о какой революции не было бы и речи. Причины падения самодержавия были самые разные, и не последнюю роль в падении престижа царской власти, по мнению Карабчевского, сыграли приближенные императора. Зная о последствиях и Февральской, и Октябрьской революций, Н. П. Карабчевский приходит к выводу, что России нужна только «твердая, абсолютно твердая власть». После окончания войны, по глубокому убеждению Карабчевского, мирные политические изменения не заставили бы себя долго ждать. Монарх в глазах народа являлся «сверхчеловеком священным и неприкосновенным», а «истинная конституционная монархия на твердых законных началах стала бы «нормальной формой правления для России»²⁵⁰.

В эмиграции Карабчевский примкнул к монархическому движению, став официальным представителем Вел. Кн. Кирилла Владимировича²⁵¹ в Риме. После расстрела в 1918 г. в Екатеринбурге Николая II и его семьи, а также Вел. Кн. Михаила Александровича, Кирилл Владимирович оказался

²⁴⁶ См.: *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. Ч. 2. С. 15.

²⁴⁷ Там же. С. 21–22.

²⁴⁸ Там же. С. 24.

²⁴⁹ Там же. С. 58.

²⁵⁰ Там же. С. 165–166.

²⁵¹ Великий Князь Кирилл Владимирович (30 сентября (13 октября) 1876 – 12 октября 1938) – старший сын Вел. Кн. Владимира Александровича, третьего сына императора Александра II, и Вел. Кн. Марии Павловны.

старшим членом династии. 31 августа 1924 г. он, несмотря на то, что Советский Союз уже был признан некоторыми государствами, провозгласил себя императором Всероссийским под именем Кирилла I. Это решение было поддержано далеко не всеми русскими монархистами, указывавшими на участие Кирилла в Февральской революции²⁵² и на то, что Николай II не признавал его брака²⁵³.

Изменение взглядов Карабчевского вызвало недовольство некоторых его современников: «Карабчевский на старости лет, после защиты Созонова и Бейлиса, говорит черносотенные речи, по найму от Кирилла, сделавшись его представителем»²⁵⁴. Вскоре Николай Платонович совсем разочаровался в политике: «что касается политики, то и я окончательно умыл в ней руки. Когда я, очертя голову, кинулся в легитимизм, я лично не имел представления о личностях и уверовал в сокрытый престиж. Мечтания с глаз долой и спала пелена»²⁵⁵.

Конец XIX – начало XX в. – время, насыщенное политическими событиями, когда каждому пришлось делать выбор. Н. П. Карабчевский сторонился, но не боялся политики, понимая, что его призванием была адвокатура. С течением времени в симпатиях знаменитого адвоката менялись приоритеты: от сочувствия революционерам к непониманию и нежеланию принять их борьбу, а далее, уже после революции, неожиданно и ненадолго, к монархическому пристрастию.

Р. И. Гальперин (Саратов)

АДВОКАТ ВО ВЛАСТИ: ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ Н. Н. МЯСОЕДОВ В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Февральская революция 1917 г. смела самодержавную власть. Между тем сформированное Временное правительство приступило к своей работе без кардинальной ломки структур старого государственного аппарата. Были сохранены основы старого права и, с некоторыми изменениями, вся система правосудия в целом. Перед новыми руководителями министерства юстиции

²⁵² Во время Февральской революции 1917 г. Кирилл Владимирович сразу перешел на сторону революции, надев так называемый «красный бант». 8 марта 1917 г. Временное правительство отдало приказ об аресте Николая Александровича Романова и его семьи. Кирилл Владимирович в знак протеста подал в отставку. Вскоре он нелегально выехал в Финляндию, которая тогда еще оставалась в составе Российской империи. В период Гражданской войны в России 1917–1923 гг. Кирилл Владимирович искал возможные пути к восстановлению монархии.

²⁵³ К 1905–1909 гг. относится конфликт с Николаем II, связанный со вступлением Кирилла в несанкционированный императором брак. Причина конфликта была в том, что невеста Кирилла, Виктория Мелита, перед этим развелась с родным братом российской императрицы Александры Федоровны Эрнстом-Людвигом и активно распространяла слухи о его гомосексуальной ориентации. Впоследствии брак был признан.

²⁵⁴ См.: *Бобринцев-Пушкин А. В. Патриоты без Отечества*. Л., 1925. С. 134.

²⁵⁵ *Гершун Б. Н. П. Карабчевский // Руль*. № 1522. Берлин, 3 декабря 1925 г. С. 3.

была поставлена задача восстановить основные положения судебных уставов 1864 г. в том виде, к которому изначально стремились «отцы судебной реформы»²⁵⁶.

Во время революционных событий самое активное участие в политической жизни страны приняли представители адвокатского сословия, а с приходом к власти Временного правительства они заняли ведущие позиции во всех органах новой власти. Имея юридическое образование, в течение 20 лет они принимали участие в политических судебных процессах. Именно это дало им не только богатый правовой опыт, но и всестороннее знание политической обстановки в стране²⁵⁷. Большинство из них принадлежали к синергии «Молодая адвокатура»²⁵⁸.

Свое место в революционных событиях в России, вместе с выдающимися деятелями той эпохи – А. Ф. Керенским, П. Н. Переверзевым, А. С. Зарудным, П. Н. Малянтовичем и др., занял и саратовский адвокат Николай Николаевич Мясоедов²⁵⁹.

Первые сообщения о вооруженном восстании в Петрограде поступили в Саратов в ночь на 1 марта. Несмотря на усилия губернатора С. Д. Тверского не допустить «никаких эксцессов» и локализовать информацию из Петрограда, по городу распространились слухи о «каком-то важном документе», об отставке и даже свержении правительства. Вести прорвались в народ, и жители Саратова потянулись к Думе²⁶⁰.

Городская дума пожелала занять центральное место в начавшейся революции. Было созвано совместное заседание Думы и представителей общественных организаций. Мясоедова сначала не хотели туда пускать, но он настоял, ссылаясь на то, что является председателем организации «Маяк». По мнению саратовского историка В. А. Жилкина, помимо Мясоедова на заседании также находились другие деятели, «кого не обходило бдительное око полиции», а именно: народный социалист М. П. Овчинников, социалист-революционер Н. И. Ракитников, большевики В. П. Милютин и М. И. Васильев-Южин²⁶¹.

²⁵⁶ См.: *Варфоломеев Ю. В.* Присяжный поверенный Н. Н. Мясоедов – Старший Председатель Саратовской Судебной палаты // Присяжный поверенный: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4 / под ред. Д. В. Рязанова. Саратов, 2008. С. 21.

²⁵⁷ См.: *Варфоломеев Ю. В.* Адвокаты во власти: присяжные поверенные – сотрудники Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Адвокат. М., 2011. № 6. С. 72.

²⁵⁸ См.: Там же. С. 62.

²⁵⁹ Подробнее о нем см.: *Гальперин Р. И.* Судьба человека в годы перелома конца XIX – нач. XX вв.: присяжный поверенный Н. Н. Мясоедов // Материалы VI Всероссийского конкурса на лучшую работу по русской истории «Наследие предков – молодым». 2010. URL: http://moscowia.ru/images/konkurs_raboti/2010/konkurs2010.htm (дата обращения: 10.06.2012); *Он же.* Присяжный поверенный Н. Н. Мясоедов // Социально-гуманитарные науки и современность: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2011. Вып. 6.; *Он же.* «Трудовой интеллигент» Н. Н. Мясоедов – адвокат и общественный деятель // Дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения. Иваново, 2011.

²⁶⁰ См.: *Воронихин А. В.* Адвокаты во власти (об участии присяжных поверенных в событиях февраля 1917 – марта 1918 гг.) // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. В. С. Парсамова. Саратов, 2003. Вып. 20. С. 153.

²⁶¹ См.: *Жилкин В. А.* Социалистические партии в дни падения монархии в России (по материалам Нижнего Поволжья) // Поволжский край: межвуз. сб. науч. тр. Саратов,

Н. Н. Мясоедов убеждал гласных «покориться воле восставшего и победившего народа и искренне пойти вместе с пролетариатом»²⁶². Он был инициатором и одним из авторов обращения к жителям города от имени Думы (1 марта 1917 г.) с выражением поддержки нового правительства и призывом к населению сохранять спокойствие и порядок²⁶³.

На заседании Думы решено было образовать общественный городской исполнительный комитет (далее – ОГИК)²⁶⁴. Взгляды Мясоедова не принимали ни думские, ни интеллигентские круги, поэтому ни от Думы, ни от общественных организаций в ОГИК адвокат пройти не смог.

Мясоедов был выбран в первый после 1905 г. Совет рабочих депутатов и в его первый Исполком. Николая Николаевича делегировали вместе еще с пятью депутатами в ОГИК под председательство А. А. Токарского²⁶⁵. В деятельности Исполкома Мясоедов занимал крайнее левую позицию вместе с большевиками. Для него была допустима программа разрушения старого строя. Единственное, что он хотел сохранить – это судебные уставы 1864 г. Он утверждал, что они «опередили свое время»²⁶⁶. Юрист и адвокат утверждал, что «есть огромная разница между тем, что хотели сделать авторы Судебных уставов, и тем, что сделали с судом люди, стоявшие во главе правительства за время с 1904 по 1917 гг.»²⁶⁷.

Первой личной заботой Мясоедова после революции было освобождение политических заключенных, с которыми его связывала адвокатская карьера. Этим он занимался и в Совете рабочих депутатов, и в ОГИКе. Мясоедов отправился к прокурору судебной палаты и убедил его немедленно исполнить требование об освобождении «политических». Прокурор не стал ждать распоряжений министра юстиции, и в тот же день Николай Николаевич вышел из тюрьмы в сопровождении около 60 освобожденных²⁶⁸. Толпа, собравшаяся на площади перед тюрьмой, подхватила его на руки и носила по всей площади.

Мясоедов мог содействовать освобождению только тех, кто был явно «политическим». Но в тюрьмах находилось много осужденных за общеуго-

2005. Вып. 12. С. 121; *Он же*. Саратовский Губернский Исполнительный комитет: обретение и утрата властных полномочий // Саратовский краеведческий сборник: научные труды и публикации / под ред. проф. В.Н. Данилова. Саратов, 2002. Вып. 3. С. 22.

²⁶² Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 409. Оп. 1. Д. 356. Л. 30об.

²⁶³ См.: *Рейли Д.* «Заложники пролетариата». Отрывки из воспоминаний А. А. Минха / под ред. О. Ю. Абакумова. Саратов, 2001. С. 21.

²⁶⁴ Главная функция ОГИКа – поддержание порядка, а также административные функции, сотрудничество с армией ради «окончательной победы» над врагом (см.: *Рейли Д.* Саратов и губерния в 1917: события, партии, люди. Саратов, 1994. С. 17).

²⁶⁵ См.: Там же. С. 21; *Минх А. А.* Из «Воспоминаний очевидца» // «В политике творится нечто невероятное»: Документы ГАРФ о Февральской революции. 1917 г. Документ № 6. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/71774> (дата обращения: 17.04.2012); *Варфоломеев Ю. В.* Присяжный поверенный А. А. Токарский. («На его руках Чернышевский и умер...») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2008. Т. 8. Вып. 2. С. 59.

²⁶⁶ ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 356. Л. 31.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ См.: *Жилкин В. А.* Социалистические партии в дни падения монархии в России (по материалам Нижнего Поволжья). С. 124.

ловные преступления, но действовавших по политическим мотивам. Этот характер их деятельности нужно было доказать. Для этого Мясоедов настоял на образовании комиссии под его председательством, а также вошел в состав комиссии по ликвидации жандармского управления. Но работать в них ему не пришлось.

Во время заседания Совета рабочих депутатов вечером 5 марта Мясоедову принесли телеграмму, в которой министр юстиции Керенский «очень, очень» просил немедленно приехать к нему в Петербург. Николай Николаевич доложил совету о полученной телеграмме. Совет единогласно разрешил ему ехать в столицу. Отъезд новоиспеченного сотрудника министерства юстиции в Петроград превратился в митинг поддержки Временного правительства. Сам Мясоедов вспоминал, что на вокзале «подвергся многочисленным овациям со стороны провожавших меня рабочих»²⁶⁹.

Задачами нового руководителя ведомства А. Ф. Керенского было наведение порядка в столице, отмена устаревших, противоречащих «революционному правосознанию» законов и замена старого чиновничьего аппарата судебного ведомства. Для этого была создана специальная комиссия²⁷⁰, в которую и вошел Николай Николаевич. Ядром будущего министерства должны были стать присяжные поверенные, а точнее – представители синергии «Молодая адвокатура». Вместе с Мясоедовым Керенский призвал под знамена новой власти своих коллег – А. С. Зарудного, Н. К. Муравьева, П. Н. Малянтовича, П. Н. Переверзева и др.²⁷¹

Чтобы сформировать любое ведомство Временного правительства учитывалось многое. Во-первых, лояльность к новой власти, но больше всего ценились профессиональные качества кандидатов. Почти повсеместно на ответственные должности назначались бывшие адвокаты. Но не многие имели опыт прокурорской или судейской работы, как Н. Н. Мясоедов и А. С. Зарудный. Они в совершенстве знали методы работы следственных органов, сами «доследовали» проблемные вопросы. За их плечами были сотни политических процессов.

В Петербурге Н. Н. Мясоедов пробыл до конца апреля. Это время самой активной общественно-политической жизни саратовского юриста. Он попал «в пестрый, разнохарактерный калейдоскоп больших и маленьких событий»²⁷². Мясоедов принимал участие в устройстве судебной части, посещал Петербургский Совет рабочих депутатов, выступал на митингах и на самых разнообразных заседаниях и совещаниях, постоянно работал в центральном органе еще не распавшейся трудовой группы.

Но, пожалуй, самая яркая страница в судьбе Мясоедова в тот период была связана с именем легендарной революционерки Веры Фигнер. «Нет ничего удивительного в том, если это короткое наше знакомство во мне оставило одно из самых сильных жизненных впечатлений...», – писал он спустя годы. Их совместная работа в организации Политический Красный

²⁶⁹ ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 356. Л. 32об.

²⁷⁰ См.: Варфоломеев Ю. В. Присяжный поверенный Н. Н. Мясоедов – Старший Председатель Саратовской Судебной палаты. С. 21.

²⁷¹ См.: Там же. С. 22.

²⁷² ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 356. Л. 33.

Крест, по воспоминаниям Мясоедова, заключалась «...в организации помощи освобожденным каторжанам»²⁷³.

Мясоедов утверждал, что его пригласили в Петербург «не для какого-нибудь определенного дела, а в помощь А. Ф. Керенскому и тому кружку общественных деятелей, который вместе с ним устраивал новые порядки в ведомстве министерства юстиции»²⁷⁴, где он проводил целые дни. Вечером, когда Керенский уезжал в Совет министров, Мясоедов обычно отправлялся на квартиру в Пески²⁷⁵, где собиралась верхушка трудовой группы. Там же он встречался со своим хорошим другом товарищем министра А. С. Зарудным.

А. Ф. Керенский хотел оставить Мясоедова в Петербурге любым путем. Сначала ему предлагали должность сенатора, председательствующего в одной из следственной комиссий, которая должна была вести следствие о деятельности прежних сенаторов. Временно Керенский просил Николая Николаевича поехать на Кавказ и занять должность революционного генерал-губернатора с широкими полномочиями для наведения там революционных порядков. Саратовского юриста удивили эти предложения: «У меня нет никакой склонности к следственной работе и сенатором быть я вовсе не хотел, но этого он (Керенский – Р. Г.) мог, конечно, и не знать, но он, несомненно, доподлинно знал, что я никогда не имел никакого административного опыта, вовсе не знаком с Кавказом, где не был даже в качестве туриста, какую же пользу я мог бы там принести»²⁷⁶. Мясоедов отказался от всех предложений и сказал, что «единственная служба, на которую он мог бы пойти и где он мог бы быть полезен, это судейская». Всю свою жизнь он работал или в судах, или около судов²⁷⁷.

Тогда Керенский предложил ему должность старшего председателя Петербургской судебной палаты. Но и на это предложение Мясоедов ответил отказом. Николай Николаевич утверждал, что «не хотел бы оставлять Саратов, где перезащищал несколько тысяч человек, и где все его знают, и что здесь его работа будет гораздо плодотворнее, чем в каком-либо другом месте»²⁷⁸. Тогда Александр Федорович предложил Мясоедову должность старшего председателя Саратовской судебной палаты, но с условием, что около месяца он проработает в Петербурге в комиссии по пересмотру судебных уставов и сближению их с основными началами 1864 года. Николай Николаевич принял должность, но только с разрешения и полного одобрения саратовского Совета рабочих депутатов.

22 марта 1917 г. состоялось его назначение на должность старшего председателя Саратовской судебной палаты²⁷⁹. И он сразу же вернулся в Петербург, чтобы продолжить работу над судебными уставами. Окончательно

²⁷³ Варфоломеев Ю. В. «Был и остаюсь почти фанатическим поклонником судебных уставов 1864 года» адвокат Н. Н. Мясоедов в общественно-политической жизни Саратова и страны в 1917 г. // Доклады академии военных наук: военная история. Саратов, 2007. Вып. 5. С. 17.

²⁷⁴ ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 356. Л. 33.

²⁷⁵ Пески – исторический район Санкт-Петербурга.

²⁷⁶ ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 356. Л. 33.

²⁷⁷ См.: Там же.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ См.: Там же. Д. 737. Л. 1.

Мясоедов вступил в должность только в конце апреля. Николай Николаевич продолжал оставаться членом совета рабочих депутатов и обоих исполкомов, поэтому должен был делить свое время между палатой, советом и исполкомами. В округе Саратовской судебной палаты²⁸⁰ Мясоедов должен был знать всех судебных деятелей. Нужно было искать людей, способных занять новые посты, что предполагало неоднократные поездки во все эти города для личного знакомства²⁸¹. Эта работа требовала от него колоссального напряжения и огромной отдачи.

Мясоедову приходилось председательствовать на общих совещаниях представителей социалистических партий для выработки общей линии. Здесь были представители большевиков, меньшевиков, эсеров, энесов, бунда и Николай Николаевич в качестве единственного оставшегося в Саратове представителя трудовиков. Трудовая группа к этому времени окончательно распалась. Ее члены перекочевали к народным социалистам, эсерам, меньшевикам. «Не признаю ликвидации трудовой группы, и если все уйдут, останусь один в ней»²⁸², – говорит Мясоедов. Так и вышло, несколько месяцев он был единственным трудовиком в Саратове и как представитель трудовой группы требовал себе место в совете и в Исполкоме.

Такое внепартийное положение доставляло неудобства, но Мясоедов не торопился вступать в партию. В конце апреля он получил телеграмму от ЦК народно-социалистической партии с предложением занять место в ее центральном комитете. Отказался он и от этого. Вскоре начиналась предвыборная кампания в новую Городскую думу. Общественные деятели намекали, что юрист туда непременно попадет и что вопрос сводится только к его официальной партийности. Идти в Думу Мясоедов не хотел, потому что «к хозяйственной, экономической, административной деятельности у меня никогда склонности не было, да и работы по судебной палате было так много, что отрывать от нее время было очень тяжело»²⁸³. Но принять участие в предвыборной агитации было необходимо, чтобы препятствовать несоциалистическим элементам (кадетам и всем, кто правее). Для этого тоже было нужно выявить свою партийность. Теоретически Мясоедов колебался между энесами и эсерами, а практически между эсерами и большевиками.

Выбор пал на эсеров, программе которых, кроме положений об устройстве суда, Николай Николаевич сочувствовал. Поработать в партии, правда, не удалось, поскольку все силы были обращены на устройство судебной части в округе Саратовской палаты.

В конце июня 1917 г. Мясоедов был снова вызван в Петербург новым министром юстиции П. Н. Переверзевым, чтобы принять участие в совещаниях старших председателей и прокуроров судебных палат, а также в работе комиссии по пересмотру судебных уставов. Мясоедов принял предложения и около двух недель проработал в комиссии, отказавшись от любой политической деятельности²⁸⁴.

²⁸⁰ См.: В него входили семь окружных судов: Пензенский, Тамбовский, Самарский, Астраханский, Оренбургский, Уральский и Троицкий.

²⁸¹ См.: ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 356. Л. 33об.-34.

²⁸² Там же. Л. 34.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ См.: Там же. Л. 35.

Все лето и начало осени 1917 г. Мясоедов разъезжал по городам судебного округа, производя расследования по жалобам на судебных деятелей²⁸⁵. В Саратов Мясоедов вернулся за несколько дней до Октябрьского переворота.

Весть о революции застала его на рабочем месте. Ему сообщили о разрыве между Думой и партией большевиков. Мясоедова попросили придти в Думу, так как она предложила включить его в число делегатов для переговоров с большевиками и Советом рабочих депутатов, оказавшимся сплошь большевистским, поскольку эсеры и меньшевики вышли из него. Приглашение к участию в делегации объяснялось исключительно тем, что Николай Николаевич был едва ли не единственным из общественных деятелей не большевиков, сохранившим добрые отношения с ними. Мясоедов вместе с двумя гласными Думы и двумя военными вел переговоры с президиумом Совета. Удалось даже придти к определенному соглашению об условиях прекращения межпартийной борьбы. Но Дума такие условия не приняла. Пока делегация ходила в Совет и вела переговоры, на Московской улице появились баррикады.

После захвата власти большевиками Мясоедов оставался несколько месяцев во главе Саратовской судебной палаты. Судебная система императорской России уже формально не существовала. Советская власть упразднила ее Декретом о суде № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 года. Но многие судебные учреждения, в том числе Саратовская палата, продолжали работу как подразделения министерства юстиции свергнутого Временного правительства²⁸⁶.

Эту парадоксальную ситуацию описал руководитель советского наркомата юстиции П. И. Стучка: «Все суды с Правительствующим Сенатом во главе нашу резолюцию просто проигнорировал. Если в феврале, на второй день революции, суды еще писали свои решения «по указу Временного правительства», то после Октябрьской революции они Рабоче-крестьянское правительство и временно признавать не желали»²⁸⁷.

Об Октябрьском перевороте членом судебной палаты Мясоедов объявил на общем собрании департаментов. Было решено продолжать работу судебной палаты на основании судебных уставов. Николай Николаевич был уверен, что, «изменив все гражданские и уголовные законы, советская власть оставит неприкосновенными судебные места, сделав незначительные необходимые судостроительные и судопроизводственные изменения»²⁸⁸.

Мясоедов всячески старался, чтобы судебная жизнь текла своим нормальным порядком. П. А. Лебедев, назначенный губернским комиссаром юстиции, не вмешивался в дела палаты, даже несколько раз помог уладить конфликт с жилищным отделом из-за помещения²⁸⁹.

²⁸⁵ См.: ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 356. Л. 35об.

²⁸⁶ См.: *Варфоломеев Ю. В.* Присяжный поверенный Н. Н. Мясоедов – старший председатель Саратовской Судебной Палаты. С. 35.

²⁸⁷ *Стучка П. И.* Пять лет революции права // В борьбе за Октябрь. Рига, 1960. С. 107.

²⁸⁸ ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 356. Л. 37об.

²⁸⁹ См.: Там же.

Большевистские комиссары грубо вмешивались в деятельность старых судебных учреждений. 8 января 1918 г. председатель Самарского окружного суда сообщил Мясоедову о захвате власти большевиками²⁹⁰. Не спокойнее было и в Астрахани, Оренбурге, Пензе, Тамбове²⁹¹.

Судебная палата проработала до 2 марта 1918 г., когда было объявлено, что деятельность судебной палаты прекращается. «Так закончилась моя работа, – пишет Николай Николаевич, – с большим энтузиазмом начатая за год перед тем с самым искренним желанием обновить суд в духе судебных уставов 1864 г., сделать невозможным проявление той несправды, которую я видел и выстрадал в нем по политическим делам и подготовить его к правильному применению новых законов, издания которых я ждал от социалистической власти»²⁹².

Н. Н. Мясоедову как руководителю Саратовской судебной палаты, как и другим деятелям юстиции по всей стране, новая власть не оставила никаких шансов для стабильной и созидательной работы. В начале 1918 г. под натиском большевистского террора прекратила свое существование не только Саратовская судебная палата, но и вся система правосудия в России²⁹³. 2 марта 1918 г. Николай Николаевич Мясоедов остался вне службы и вне политики.

В. А. Чолахян (Саратов)

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ РОЛЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В РАЗРЕШЕНИИ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1920-Е ГОДЫ

Административно-правовая роль государства в регулировании производственных отношений в промышленности в 1920-е гг. наиболее активно проявлялась в разрешении трудовых конфликтов. После 1917 г. кардинальные изменения претерпели трудовые отношения, ставшие главной составляющей в политике и практике построения социалистического общества. На протяжении 1920-х гг. советское законодательство в области труда развивалось и совершенствовалось в соответствии с конкретно-историческими обстоятельствами в стране. В условиях существования «смешанной экономики» и развития рыночных отношений в годы нэпа происходило частичное восстановление трудовых отношений, сложившихся до революции и возвращение к старым проблемам борьбы рабочих за свои права: за повышение зарплаты, снижение интенсивности труда, улучшение условий быта и труда.

²⁹⁰ См.: ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 171. Л. 6.

²⁹¹ См.: Там же. Л. 13-39.

²⁹² Там же. Д. 356. Л. 37об.

²⁹³ См.: Варфоломеев Ю. В. Присяжный поверенный Н. Н. Мясоедов – старший председатель Саратовской Судебной Палаты. С. 36.

Изучение трудовых отношений в годы нэпа в советской историографии полностью было посвящено «исторической роли» рабочего класса в процессе промышленной реконструкции. Тема трудовых конфликтов в силу своей «идеологической неудобности» получила весьма скудное освещение в литературе. Между тем изучение этой проблемы в 1920-е гг. имеет актуальную значимость для воссоздания объективной, правдивой, более всесторонней экономической и социальной картины. Кроме того, различные формы недовольства нередко несли в себе некоторый политический заряд, а также отражали важные реалии повседневной жизни тех лет.

Лишь в 1990-е гг. интерес к теме трудовых конфликтов стал расширяться. Появились отдельные специальные работы по этой тематике, изучающие настроения рабочих и раскрывающие причины сохранившегося «социального напряжения»²⁹⁴. Важный вклад в разработку проблемы внесли исследования Бородкина Л. И., Кирьянова Ю. И., Соколова А. К. и др., посвященные мотивации труда и рабочему протесту в 1920–1930 годах²⁹⁵.

Учитывая новизну и неразработанность темы в исследовательском плане, автор в предлагаемой вниманию читателей статье предпринимает попытку на основании достаточно представительной совокупности ранее неизученных архивных источников раскрыть природу трудовых конфликтов в промышленности и по-иному взглянуть на сущность производственных отношений в 1920-е годы.

В первое десятилетие Советского государства одной из форм проявления активности рабочих являлись конфликты между ними и администрацией предприятий. Они проходили как без остановок производства, так и в форме забастовок (стачек), сопровождавшиеся прекращением работы и предъявлением определенных требований. В 1922–1928 гг. забастовки с определенными оговорками приобрели «разрешительный» статус. В резолюции XI съезда ВКП(б) (март-апрель 1922 г.) «Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики» отмечалось, с одной стороны, право рабочих на стачечную борьбу, а с другой – содержался призыв переговорным путем между профсоюзом и руководством предприятий разрешать производственные конфликты²⁹⁶. В то же время V Всероссийский съезд профсоюзов (1924 г.) в резолюции «О тарифно-экономической работе профсоюзов» строго регламентировал право рабочих на стачки: «Всякий... возможный случай стачки должен быть строго индивидуализирован, соответственно значению данной отрасли хозяйства и в зависимости от нее всей хо-

²⁹⁴ См.: *Кунин В.* Забастовки // Аргументы и факты. М., 1990. Май. № 21. С. 7; *Иглицкий А. А., Райхцаум А. Л.* Из истории забастовочного рабочего движения в России (1919–1925) // Новые движения трудящихся: опыт России и других стран СНГ: в 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 127–135; *Голубев Е. Е.* Формы социального протеста рабочих в годы новой экономической политики (по материалам губерний Верхнего Поволжья) // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Отечественная история. Ярославль, 1995. С. 141–142; *Камардин И. Н.* Забастовки на государственных предприятиях в Среднем Поволжье в 1918–1929 гг. // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность. М., 2002. С. 193–205.

²⁹⁵ См.: *Трудовые конфликты в советской России 1918–1929 гг.* М., 1998; *Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина.* М., 1999. Вып. 3. С. 47–55.

²⁹⁶ См.: КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 15 т. М., 1983. Т. 2. С. 485–486.

зайственной жизни. Поэтому вопросы о применении стачки должны быть решены не только с точки зрения местных интересов, но и с точки зрения всех рабочих в целом»²⁹⁷. Там же подтверждалось, что в вопросе о забастовках «союзы исходили из того незыблемого положения, что на госпредприятиях в Советской стране стачка, как нормальный метод разрешения конфликтов, неприемлема. В крайнем случае стачка на государственных предприятиях могла иметь место лишь как следствие бюрократического извращения государственного органа...»²⁹⁸.

В условиях новой экономической политики вопросы регулирования условий труда и заработной платы осуществлялись посредством коллективных и индивидуальных договоров, которые применялись дифференцированно в зависимости от социального статуса предприятий и учреждений в соответствии с новым Кодексом законов о труде (КЗОТ) РСФСР, принятом в октябре 1922 года. В коллективных договорах, подписываемых администрацией предприятий с рабочими и служащими в лице профсоюзных организаций, определялись тарифные ставки по 17 разрядной сетке, в основу которой устанавливался прожиточный минимум, условия применения и оплаты сверхурочных работ, порядок приема, увольнения и отпусков работников и т. д.

Договоры, ухудшающие положение работников по сравнению с порядком, установленным законом о труде, признавались недействительными. Размер вознаграждения за труд не мог быть меньше обязательного минимума, установленного государством, а профсоюзные организации представляли интересы трудящихся по всем вопросам труда. Значение коллективного договора заключалось не только в закреплении на определенный период установленного уровня заработной платы для рабочих той или иной отрасли промышленности, но и в организующей и воспитывающей его роли. Кампании по перезаключению договоров втягивали массы рабочих в хозяйственную жизнь предприятия, создавали видимость их реального участия в управлении производством. Лозунг профсоюзов «ближе к массам» нашел широкое и всестороннее применение в обсуждении проектов коллективных договоров, в защите и отстаивании интересов рабочих.

Однако на практике переговоры с хозяйственными органами затягивались на слишком продолжительный срок (до 1,5–2 месяцев), иногда из-за самых незначительных расхождений. В результате часто споры передавались не на третейское разбирательство, а на решение партийных органов, что ослабляло авторитет профсоюзов в глазах рабочих. Как правило, именно в ходе обсуждения и принятия коллективных договоров возникало большинство конфликтов, в ходе которых промышленные рабочие отстаивали свои интересы²⁹⁹.

Законодательство о труде устанавливало следующие органы, к компетенции которых было отнесено разрешение трудовых конфликтов: расце-

²⁹⁷ Стенографический отчет пятого всероссийского съезда профессиональных союзов. М., 1922. С. 105.

²⁹⁸ Профессиональные союзы СССР. 1922–1924 гг. Отчет ВЦСПС к VI съезду профсоюзов. М., 1924. С. 223.

²⁹⁹ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 6089. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–7.

ночно-конфликтные комиссии (РКК), трудовые сессии народного суда, примирительные камеры при органах наркома труда и третейские суды. Помимо этих институтов, установленных КЗОТом, практика выработала еще целый ряд институтов, выходящих за его рамки. К ним относились всякого рода примирительные и согласительные заседания, организуемые в губотделах профсоюзов или при тарифно-экономических отделах ГСПС. В последних обычно рассматривались все споры и разногласия, возникавшие при заключении коллективного договора или при его применении. Эти инстанции являлись действительно «последними», так как обычно, если в этих заседаниях стороны не приходили к соглашению, то разногласия передавались или в примирительную камеру при органах нарком труда, или в третейский суд.

В соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР от 13 июля 1922 г. при Наркомате труда и его местных органах были учреждены примирительные камеры и третейские суды, призванные содействовать профсоюзам в разрешении трудовых конфликтов на производстве³⁰⁰.

Статистические данные о трудовых конфликтах, рассмотренных в примирительных камерах и третейских судах в 51 губернии страны, характеризовались следующим образом:

Таблица № 1

**Трудовые конфликты в промышленности РСФСР
в 1923–1925 гг.³⁰¹**

Годы	Число конфликтов	Число участников	Число участников на 1 конфликт
1923 г.	2596	665453	256
1924 г.	3979	728286	183
I пол. 1925 г.	3273	426241	130

Из таблицы видно, что по мере восстановления промышленности увеличивалось и число конфликтов, а среднее число участников на 1 конфликт уменьшилось. Наиболее крупные конфликты происходили в текстильной, металлообрабатывающей и пищевой промышленности, а увеличение их числа в 1925 г. произошло в результате изменения норм выработки и сдельных расценок.

Несомненный интерес представляют данные о результатах разрешения трудовых конфликтов.

³⁰⁰ См.: Известия народного комиссариата труда. 1922. № 7. (16). С. 6.

³⁰¹ Таблица составлена по: Буянов В. Трудовые конфликты о политике профсоюзов // Вестник труда. 1926. № 2. С. 37.

Итоги разрешения трудовых конфликтов³⁰²

Годы	% разрешения конфликтов		
	В пользу проф-союза	Компромиссно	В пользу нанимателя
1923 г.	32,8	52,9	14,3
1924 г.	37,6	39,6	22,8
I пол. 1925 г.	41,5	37,2	21,3

Увеличение количества конфликтов, разрешенных в пользу рабочих, свидетельствовало о том, что профсоюзы предъявляли справедливые и обоснованные требования, стремясь безболезненно уладить возникшие трения в трудовых отношениях.

Наряду с конфликтами, не повлекшими за собой прекращение работ на предприятиях, в отмеченный период были и такие, которые принимали крайне острые формы и заканчивались забастовками.

Таблица № 3

Забастовки в промышленности в 1924/1925 г.³⁰³

Годы	Забастовки на государственных предприятиях		Забастовки на частных предприятиях		Всего	
	Число забастовок	Число участников	Число забастовок	Число участников	Число забастовок	Число участников
1924 г.	58	12498	54	1658	112	14250
I пол. 1925 г.	45	22255	34	1972	79	24527

Таким образом, несмотря на уменьшение числа забастовок, количество участников продолжало расти. Наибольшее число забастовок приходилось на металлистов, строителей, деревообделочников и текстильщиков, а средняя продолжительность их равнялась одному дню.

Изучение информационных сводок губернских комитетов ВКП(б), составленных по материалам местных и фабрично-заводских партийных организаций и донесений ОГПУ, свидетельствует об увеличении забастовок в 1921–1922 гг., связанное с кризисом сельского хозяйства и разразившимся голодом в Нижнем Поволжье. Так, в апреле 1921 г. бастовали деревообделочники Саратова, а в июле того же года приостановили работу команды нескольких судов по причине неполучения хлебного пайка³⁰⁴. В декабре 1921 г. в связи с невыплатой жалования, на один час приостановили работу рабочие трамвайного парка г. Саратова. Забастовки закончились удовлетворением

³⁰² Таблица составлена по: Буянов В. Указ. соч. С. 39.

³⁰³ Таблица составлена по: Там же. С. 40.

³⁰⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 393. Оп. 43^а. Д. 1715. Л. 20, 204 об.

требований рабочих, «благодаря принятым мерам», сообщалось в донесении ОГПУ³⁰⁵. Уменьшение и без того мизерного хлебного пайка стало причиной стачки рабочих железнодорожных мастерских Саратова в 1921 году³⁰⁶.

Как правило, забастовки в начале 1920-х гг. заканчивались частичными уступками властей, которые, будучи неспособные полностью обеспечить рабочих продуктами питания, выдавали им мизерные пайки.

В последующие годы, в связи с успехами НЭПа, несколько изменился характер забастовок, а требования рабочих стали иметь наступательную направленность: за увеличение расценок, снижение высоких норм выработки, обеспечение спецодеждой и т. д. В августе-сентябре 1923 г. в Царицыне и Саратове почти одновременно прошли забастовки рабочих-кожевников, работавших на дому по заказам частных магазинов с требованиями заключить коллективный договор и увеличить расценки. В Царицыне при поддержке профсоюзов, бастующие организовали стачечный фонд, оказавший материальную помощь семьям рабочих³⁰⁷.

В Саратове в стачке участвовало 342 чел., организовавших пикетирование частных обувных магазинов. Забастовку, длившуюся 1,5 месяца, санкционировал профсоюз кожевников. Владельцы магазинов были вынуждены удовлетворить требования рабочих и заключить с ними коллективный договор³⁰⁸.

По мнению властных структур, основная задача профсоюзов в области разрешения конфликтов на государственных предприятиях состояла в их предупреждении. На VI съезде ВЦСПС отмечалось, что «тактика союзов в разрешении конфликтов», «возникающих на почве применения наемного труда, заключается в защите интересов рабочих». «Вместе с тем, – подчеркивалось на съезде, – союзы обязаны учитывать и интересы производства и на примере каждого конфликта разъяснить рабочим неразрывную связь их материального положения с состоянием государственной промышленности»³⁰⁹.

С этой целью на промышленных предприятиях с числом рабочих более 25 чел. создавались местные расценочно-конфликтные комиссии (РКК) на паритетных началах из представителей завкома и заводоуправления. Норма представительства сторон в РКК устанавливалась в зависимости от числа рабочих предприятия: от 25 до 500 чел. – не свыше 2 чел. от каждой стороны; от 500 до 2000 – 3-х чел., от 2000 до 10000 – 4-х чел. сроком на один год³¹⁰. Заседания РКК проходили открыто в рабочее время. При двукратной неявке без уважительных причин на заседания РКК лиц, подавших заявление или жалобу, дело рассматривалось в его отсутствие. В случае не достижения соглашения сторон в РКК, вопрос передавался на рассмотрение в примирительную камеру и в третейский суд.

Основная масса конфликтов на предприятиях Нижнего Поволжья носила мелкий, индивидуальный характер на почве нужд отдельных рабочих,

³⁰⁵ См.: ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43^а. Д. 1715. Л. 204 об.

³⁰⁶ См.: Трудовые конфликты в советской России 1918–1929 гг. М., 1998. С. 74.

³⁰⁷ См.: Известия. 1923. 2 сентября.

³⁰⁸ См.: Там же. 11 октября; Голос кожевника. 1923; Октябрь. № 15. С. 10–11.

³⁰⁹ Профессиональные союзы СССР. 1922–1924 гг. Отчет ВЦСПС к VI съезду профсоюзов. С. 229.

³¹⁰ См.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 365. Л. 51.

и, по данным профсоюзов, примерно 85 % их решалась на месте в РКК³¹¹. Особенно возрастало количество конфликтов в период заключения коллективных договоров. По данным Саратовского губернского отдела труда в 1924/25 г. на решения РКК поступило 97 дел, из которых 64 было отменено. В I полугодии 1925/26 г. по Саратову было 169 конфликтов, охватывавших 11727 чел., а в I полугодии 1926/27 г. – 178 конфликтов с числом участников почти в 2 раза больше, 23049. Из них разрешено в примирительной камере 120 конфликтов с 10196 участниками, а в третейском суде – соответственно 58 и 12853³¹². В третейских судах решения выносились следующим образом: в I полугодии 1925/26 г. из 62 конфликтов 19 было решено соглашением сторон, а 43 – голосом суперарбитра; в I полугодии 1926/27 г. из 58 конфликтов 15 завершились соглашением сторон, а 43 решением суда³¹³.

Результаты рассмотрения конфликтов отражает табл. № 4:

Таблица № 4

**Разрешение трудовых конфликтов в г. Саратове
в 1925–1927 гг.³¹⁴**

	Всего разрешено конфликтов		Из них разрешено					
			В пользу рабочих				Против рабочих	
	Кол-во конфликтов	Число рабочих, затронутых конфликтами	Полностью		Частично		Кол-во конфликтов	Число рабочих
			Кол-во конфликтов	Число рабочих	Кол-во конфликтов	Число рабочих		
За I полугодие 1925/26 г.	169	11727	69	2555	70	8939	30	233
В % к общему числу	100	100	40,8	21,8	41,4	76,2	17,8	2,2
За I полугодие 1926–1927 г.	178	23049	54	5149	71	1558	43	2797
В % к общему числу	100	100	30,3	22,6	39,9	65,4	29,4	12,1

³¹¹ См.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 366. Л. 42.

³¹² См.: Там же. Д. 110. Л. 155.

³¹³ См.: Там же.

³¹⁴ Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 110. Л. 155; Д. 183. Л. 133.

Основным содержанием конфликтов являлись вопросы низкой зарплаты (установление ставки I разряда), найма и увольнений, сроков комитета, об отпусках, спецодежде и т. д. Имели место частые нарекания рабочих по поводу норм выработки, особенно после подписания коллективного договора, как это было, например, на табачной фабрике³¹⁵.

В работе самих РКК на предприятиях Саратова имелись существенные недостатки. Члены РКК от рабочих очень часто менялись, редко когда они представляли до 6 месяцев. Многие из них были плохо знакомы с общим и трудовым законодательством, в то время как администрация предприятия со своей стороны направляла в РКК юристов, которые аргументированно решали вопросы в свою пользу. Имелись случаи административного и экономического воздействия хозяйственных органов на членов РКК (угроза уволить или перевести на низкооплачиваемую работу), а также нападки, оскорбления и угрозы со стороны недовольных рабочих на членов РКК (табачная фабрика, «Сотрудник революции»)³¹⁶. Поэтому местным профсоюзным организациям приходилось буквально «силой» посылать рабочих в РКК.

По положению РКК рассматривали и утверждали расценки, разрабатываемые администрацией. На практике, однако, РКК часто сами устанавливали их. Вследствие загруженности РКК несвойственной им работой, рассмотрение дел в них затягивалось, что вызывало справедливые нарекания со стороны рабочих. Недовольство последних вызывали факты невыполнения администрацией уже согласованных решений РКК и коллективных договоров. Такое положение оказывало самое разлагающее воздействие на рабочих и толкало их на поиск иных путей восстановления «справедливости»: оскорбление администрации и специалистов, бросание работы, прогулы и т. д.

Изучение материалов работы РКК в Сталинграде в 1926/27 г. показывает, что местные профсоюзные организации старались многие конфликтные вопросы разрешить на производстве, не допуская их передачи в органы НКТ. Отсюда и значительно меньшее, по сравнению с Саратовом, количество участников в третейских судах. Согласно статистическим данным в губотделах союзов в 1926/27 г. было рассмотрено 276 конфликтов, охватывавших 5603 человек.

³¹⁵ См.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 110. Л. 154 об.

³¹⁶ См.: Там же. Д. 111. Л. 27.

**Количество производственных конфликтов
в Сталинграде в 1926/27 г.³¹⁷**

	Общее количество	Предприятия			Причины возникновения		
		Государственные	Кооперативные	Частные	Зарплата	Увольнения	Прочие причины
1926/ 27 г.	276 конфликтов	242	31	3	211	26	39
	5603 участника	5342	258	3	3226	147	2230
В % %	100	27,7	11,2	1,1	76,5	9,4	14,1

Как видно из таблицы, подавляющее большинство конфликтов произошло на государственных предприятиях и связаны они были в основном с вопросами зарплаты рабочих (увеличение норм выработки, снижение расценок без проведения соответствующих мер по рационализации производства, ущемление интересов работников при заключении новых коллективных договоров и т. п.).

Анализ результатов разрешения конфликтов свидетельствует об ужесточении политики хозяйственных органов по отношению к требованиям рабочих.

**Результаты рассмотрения трудовых конфликтов
в Сталинграде в 1926/27 г.³¹⁸**

Общее количество	В пользу рабочих полностью	В пользу рабочих частично	Против рабочих	Недостигнуто соглашение
276 конфликтов	43	9	17	207
5603 участника	793	149	213	4452
В % %	15,6	3,3	6,1	75,0

Таким образом, лишь 18,9% всех производственных конфликтов в промышленности Сталинграда в 1926/27 г. было разрешено в пользу рабочих.

Несколько иная картина складывалась и в промышленности Астрахани. В 1925/26 г. здесь было рассмотрено 233 конфликта, из которых 113 дел в

³¹⁷ Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 366. Л. 96–97.

³¹⁸ Таблица составлена по: Там же. Л. 96.

примирительных камерах и 120 в третейских судах. В примирительных камерах 67,8% решений было принято в пользу рабочих, 8% компромиссных и 24,2% в пользу нанимателей, а в третейских судах соответственно 48%, 30% и 22%. В порядке надзора за решениями местных РКК органами НКТ рассматривалось 787 решений, из которых 221 было отменено³¹⁹.

Практика разрешения трудовых конфликтов на предприятиях Нижнего Поволжья в 1925/1927 г. в ходе заключения коллективных договоров свидетельствовала о том, что около 70% из них были разрешены в третейских судах, 20% в примирительных камерах и лишь 10% в РКК. Если же взять по числу рабочих, которые эти конфликты охватывали, то на третейские суды приходилось 87%, на примирительные камеры 4,2% и на РКК 8,8%. В среднем на один конфликт, разрешенный в примирительной камере, приходилось около 27 человек, а в третейском суде – около 90 человек³²⁰.

Приведенные данные свидетельствовали о том, что подавляющее большинство спорных вопросов при заключении коллективных договоров поступали непосредственно в третейский суд, минуя примирительную камеру. В самом суде конфликтующие стороны также не стремились к соглашению, а полагались на решение супер-арбитра, что свидетельствовало о нежелании сторон взять на себя ответственность за последствия выполнения принятого решения. Профсоюз и правление трестов, в случае предъявления к ним со стороны вышестоящих хозорганов или рабочих обвинений в неправильном разрешении того или иного вопроса, ссылались на решение супер-арбитром.

Таким образом, анализ производственных конфликтов и статистических данных позволяет выяснить и понять сложные и противоречивые процессы, происходившие в промышленности в 1920-х гг. в целом, и в среде рабочего класса, в частности, связанные со становлением новых форм организации труда. На фоне бурных политических событий «наверху» в борьбе за власть внутри промышленности ежедневно происходили производственные конфликты, которые неизменно «проверяли» власти на прочность и отражали действительную способность и возможность рабочих изменить условия жизни и труда. Волнения «внизу», по мнению В. Розенберг, затрагивали повседневные проблемы быта простых людей и были слишком обычными и очевидными, чтобы их можно было быстро «ликвидировать», подавить³²¹.

По мере того, как политическая борьба «наверху» близилась к утверждению единоличной власти сталинской группировки, характер принимаемых решений в сфере разрешения производственных конфликтов «внизу» становился все более жесткий, не терпящий длительных разбирательств.

В письме ВЦСПС Ленинградскому Губпрофсовету от 28 июля 1927 г. отмечалось, что «вопросы, неразрешенные в РКК, могут быть разрешены в порядке непосредственного согласования хозорганов и профсоюзов, причем конфликты, не разрешенные на местах, должны передаваться в вышестоя-

³¹⁹ См.: Отчет Астраханского Губисполкома за 1925–1926 г. Астрахань. 1927. С. 287–288.

³²⁰ См.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 112. Л. 78.

³²¹ См.: Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. С. 14.

щие хозяйственные и профсоюзные органы; в случае же злоупотреблений со стороны администрации при использовании ими своих полномочий – надлежит обращаться к инспектору труда»³²². Тем самым, ВЦСПС в деле разрешения производственных конфликтов склонен был свести на нет такие институты, как примирительные камеры и третейские суды. Мотивировалось это волокитой и параллелизмом в работе последних. Одно и то же дело могло возвращаться в ту же инстанцию несколько раз, поскольку вышестоящие инстанции не выносили решения по существу конфликта, а лишь отменяли предыдущие решения и предлагали пересмотреть вторично. Конфликт, попадая в органы труда, мог дойти до НКТ, а по судебной линии – до Верховного суда. Такой порядок рассмотрения дел приводил к многолетнему хождению их и какой-нибудь конфликт по вопросу о выдаче 8–10 рублей за сверхурочные работы затягивался на 2–3 года и проходил 15–20 судебных инстанций.

Вопрос упрощения прохождения трудовых конфликтов и в связи с этим их ускорения обсуждался на заседаниях специальной комиссии НК РКИ совместно с ВЦСПС и НКТ. В итоге Коллегия НК РКИ СССР и РСФСР приняла 8 марта 1928 г. решение о сокращении инстанций, расширении функций РКК как основной и единственной первичной ячейки рассмотрения конфликтов и установлении круга вопросов РКК, а также жестких норм прохождения дел, сроки исковой давности и конечные инстанции: по линии органов труда – губернские отделы труда, а по судебной линии – губернский суд³²³.

В год десятилетия Октября государственные и партийные органы приняли меры, направленные не только на ослабление существовавшей социальной напряженности в сфере промышленного производства, но и на изменение системы учета трудовых конфликтов. Вся информация о забастовках и производственных конфликтах стала носить сугубо секретный характер, а соответствующая тематика в печати оказалась «под запретом». В директиве о делопроизводстве в 1927 г. указывался перечень «совершенно секретной», «секретной» и «не подлежащей оглашению» переписке в профсоюзных организациях.

К «совершенно секретным» относились «политические и экономические сводки, выявляющие настроения как в стране в целом, так и на отдельных предприятиях, характеризующих разложение и упадок». Сведения об «отдельных отрицательных явлениях в политическом и моральном отношении среди рабочих, могущих подвести их к разложению», а также данные о задолженности по зарплате причислялись к «секретной» информации. «Не подлежали оглашению» разработки тарифной сетки и нормирование зарплаты до утверждения их в законодательном порядке, переписка о стачках и забастовках, если они произошли стихийно, а также сведения о падении производительности труда³²⁴.

Этим объясняется многократное уменьшение в 1928 г. числа трудовых конфликтов и их участников. По официальным данным профсоюзов Саратова в ходе заключения коллективных договоров в 1927/28 г. на предпри-

³²² ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 365. Л. 68.

³²³ См.: Там же. Л. 44–45.

³²⁴ См.: Там же. Ф. 6080. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

ятиях возникло 19 конфликтов, и «все они были разрешены за 1-3 дня на основе директив ВЦСПС и ВСНХ об основных принципах перезаключения колдоговоров»³²⁵.

Таким образом, анализ производственных отношений в первое десятилетие Советской власти в промышленности Нижнего Поволжья позволяет констатировать, что в начале 1920-х гг. рабочие еще прибегали к дореволюционным методам борьбы за свои права – забастовкам. Судя по статистике, большинство их приходилось на частные (кожевенные) предприятия. Профсоюзные организации часто выступали организаторами и руководителями таких забастовок. Основными причинами возникновения их на частных предприятиях были: низкие расценки, нежелание владельца подписать коллективный договор на условиях, выработанных профсоюзом. Как правило, забастовки на частных предприятиях кончались удовлетворением требований рабочих, а профсоюзы занимали в отношении частных предпринимателей жесткую позицию, что соответствовало общегосударственной политике, направленной на свертывание частного сектора в экономике.

Начиная с 1926–1927 гг. меняется как характер рабочих требований, так и пути преодоления конфликтов. С этого времени открытых забастовок на предприятиях региона не происходило, а возникавшие конфликты решались расценочно-конфликтными комиссиями и хозяйственными органами с участием профсоюзов. Трудовые конфликты на государственных предприятиях происходили систематически и носили чисто экономический характер. Рабочие, недовольные формально-бюрократическим отношением администрации и профсоюзов к их нуждам, часто сравнивали свое положение с существованием до революции. Большинство трудовых конфликтов, особенно с 1927 г., разрешалось в расценочно-конфликтных комиссиях предприятий и все чаще заканчивались без удовлетворения требований рабочих.

В трудовых конфликтах выявлялись и отношения между рядовыми рабочими и их профсоюзными организациями. Приведенные материалы свидетельствовали как о существенных противоречиях между ними, так и о двойственном положении самих профсоюзов. С одной стороны, они были призваны отстаивать интересы трудящихся, а с другой, исходя из партийных директив, не допустить возникновения и развития трудовых конфликтов, создающих на предприятиях напряженную атмосферу и отрицательно влияющих на производительность труда.

³²⁵ ГАНИСО. Ф. 6080. Оп. 1. Д. 113. Л. 80 об.

Е. Л. Фурман (Волгоград)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И КООПЕРАЦИЯ В АВТНОМИИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ (1917 – НАЧАЛО 1930-Х ГОДОВ)

Российская кооперация уже к Февральской революции стала крупной хозяйственной силой, а к Октябрьской ее деятельность для большевистского руководства приобретает значение серьезного фактора для дальнейшего развития революции и успешного исхода Гражданской войны. Советское правительство активно использовало разросшийся кооперативный аппарат в деле организации продовольственного снабжения. Кооперативная система подверглась значительному внутреннему перерождению, объективно превращавшему ее в условиях товарного дефицита в продовольственно-распределительную систему государства.

Целый ряд декретов Советского правительства призван был провести национализацию и реорганизацию финансовой сферы³²⁶. Были упразднены и национализированы Управление по делам мелкого кредита, общественные и частные кредитные учреждения, среди прочих Московский народный банк – единственный кооперативный банк, кредитовавший все кооперативные системы. Усиление натурализации хозяйства привело к резкому ограничению кредитных отношений в стране, сокращению и упрощению функций финансовой системы.

В области сельскохозяйственной кооперации, наряду с созданием Сельскосоюза и Сельскосовета³²⁷, в течение 1918 г. шел дальнейший процесс формирования специализированных центров сельскохозяйственной кооперации: Козерно, Союзкартофель, Плодоовощ и других. Работа первичных кооперативных товариществ и союзов на данном этапе осуществлялась в основном на основе договоров, заключаемых с центральными и местными органами государственной власти, в соответствии с которыми кооперативы осуществляли заготовку продукции по твердым ценам. Установленный обязательный порядок отпуска товаров обрабатывающей промышленности исключительно в обмен на хлеб и другие продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье распространялся как на кооперативы, так и на другие общественные и частные учреждения. Принудительное участие населения в

³²⁶ См.: Декрет «О национализации банков»: принят Всероссийским центральным исполнительным комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 14 декабря 1917 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, 1917–1928. М., 1957. Т. 1. С. 30.

³²⁷ Сельскосоюз – Всероссийский закупочный союз сельскохозяйственной кооперации создан с целью объединения кооперативных организаций, занятых переработкой и сбытом сельскохозяйственных продуктов. Сельскосовет был создан с целью объединения деятельности различных видов сельскохозяйственной кооперации в сфере финансовой, экономической и торговой политики и представительства и защиты ее интересов в правительственных, кооперативных и других организациях.

товарообменных операциях и обязательной сдаче продукции сельского хозяйства и промыслов приходили в противоречие с экономическими принципами функционирования сельскохозяйственных кооперативных организаций.

Разработанный еще в конце 1917 г. проект декрета «О потребительских коммунах», более известный как проект А. Г. Шлихтера и встреченный крайне негативно в кооперативных кругах, советскому руководству удалось принять лишь 20 марта 1919 года³²⁸. В соответствии с декретом, потребительские кооперативы превращались в единый распределительный орган – потребительскую коммуну с сетью распределительных пунктов, к которым приписывалось все население. Вся хозяйственная деятельность должна была вестись за счет государственного бюджета или за счет организаций, по чьим поручениям велись операции коммуны. Кроме того, в потребительских коммунах отменялись паевые и вступительные взносы, нарушались традиционные принципы работы кооперативной системы.

Направления реорганизации потребкооперации в рамках политики военного коммунизма закреплялись основными положениями принятой VIII съездом РКП (б) 22 марта 1919 г. программой партии³²⁹. Основной задачей Советской власти в области распределения становилась замена торговли постепенным, организованным в государственном масштабе, распределением продуктов. Потребкооперация признавалась наиболее подготовленным аппаратом массового распределения.

Декрет СНК РСФСР от 27 января 1920 г. «О слиянии всех видов кооперативных организаций» завершал коренную реорганизацию кооперации в условиях военного коммунизма³³⁰. Он преследовал цель постепенного сближения и объединения кредитных, сельскохозяйственных и промысловых кооперативов с потребительскими в единую кооперативную систему, работающую как государственный распределительный аппарат. При этом кооперация использовалась, прежде всего, для заготовки тех продуктов и предметов первой необходимости, которые заготавливались вне разверстки.

Таким образом, оформленный в декретах 1919–1920 гг. принцип деятельности кооперативных систем рассматривался как мероприятие по превращению страны в единый кооператив трудящихся.

Ко времени выхода декрета о потребительских коммунах потребкооперацией было охвачено практически все население немецкой Автономии Поволжья, кооперативы были зарегистрированы в 172 из 200 колоний. Практически все потребкооперативы в первый период объединялись в двух союзах – «Прогресс» и «Посредник»; последний, пройдя этап реорганизации, был переименован в Областной потребсоюз немцев Поволжья или Немоблсоюз. Потребительская кооперация, включенная в сеть распределительных пунктов Наркомрода, насчитывала на территории ОНП 195 рас-

³²⁸ См.: Декрет СНК РСФСР «О потребительских коммунах» от 20 марта 1919 г. // Сборник декретов и постановлений по кооперации. Ростов-н/Д., 1920. С. 6–10.

³²⁹ См.: Из программы Российской коммунистической партии (большевиков), принятой VIII съездом РКП (б) 22 марта 1919 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1917–1928. М., 1967. Т. 1. С. 132–141.

³³⁰ См.: Декрет СНК РСФСР «Об объединении всех видов кооперативных организаций» от 27 января 1920 г. // Сборник декретов и постановлений по кооперации. С. 57–58.

пределительных пунктов, к которым было приписано все население области (преобладающим видом кооперативного объединения являлась многолапка с сетью товарораспределителей³³¹).

Реорганизация сельскохозяйственной кооперации на основе декрета «О слиянии всех видов кооперативных организаций» началась в июне 1920 г. и продолжалось вплоть до перехода к нэпу. Отличительной чертой этого процесса можно считать более медленный темп его проведения. В конце 1920 – начале 1921 г. часть сельскохозяйственных кооперативов распалась, многие объединения, особенно кредитные, были преобразованы в другие виды кооперативов, часть товариществ прошла процесс слияния с потребительскими обществами на правах отделений. На отдельных территориях к реорганизации так и не приступили, более того, в ряде мест шел процесс образования новых сельскохозяйственных кооперативов.

Предпринятая Советским правительством попытка построения социалистического хозяйства с помощью единой кооперативной системы не привела к желаемым результатам. Обострение социально-политической ситуации в стране вынудило власть пойти на уступки. Решение X съезда РКП (б) о замене продразверстки продналогом и допущении свободного оборота излишков продукции крестьянских хозяйств рассматривало роль кооперации в экономической жизни страны в новом ракурсе. Прежде всего, в сфере организации товарообмена между городом и деревней, где, в частности, сельскохозяйственная кооперация должна была играть главную роль, сосредоточив в своей сети основной товарный фонд и осуществляя товарообменные операции под контролем Наркомпрода. Подчиненной Наркомпроду оставалась и потребительская кооперация, более того, декрет 1921 г. «О потребительской кооперации» подтверждал обязательность членства в ее рядах³³². Вместе с тем, потребкооперации предоставлялось право обмена и скупки оставшихся у крестьян после реализации продналога излишков сельскохозяйственного производства, а также предметов ремесленного и кустарного производства. Запланированный государством уже после перехода к нэпу натуральный товарообмен, который должен был осуществляться через систему товарных эквивалентов, к осени 1921 г. превратился в стихийный рынок, где кооперации отводилась новая роль – одного из участников борьбы за овладение рынком, вытесняющего частного, но при поддержке и руководстве государства.

1919-1921 гг. в целом можно охарактеризовать как период восстановления и организационного оформления кооперативных систем в немецкой Автономии Поволжья. К 1920 г. на территории немецкого Поволжья были зарегистрированы 2 коммуны и 7 сельскохозяйственных артелей, находившихся в общем подчинении Наркомзема РСФСР³³³. Коллективные хозяйства стали самой приемлемой формой объединения в условиях практически

³³¹ См.: *Instuktor A. W. Die Entwicklung des Kooperativnetzes im Gebiet der Wolgadeutschen // Unsere Wirtschaft. 1923. № 8. S. 228.*

³³² См.: Декрет СНК РСФСР «О потребительской кооперации» от 7 апреля 1921 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, 1917–1928. Т. 1. С. 230–233.

³³³ См.: Кооперативно-колхозное строительство в СССР, 1917–1922: документы и материалы. М., 1990. С. 232–233.

полного отсутствия сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота у большинства хозяйств области, обескровленных продразверсткой, реквизициями и переживающих тяжелейшие годы голода и разрухи.

Именно сельскохозяйственная кооперация с 1921 г., существующая как самостоятельная кооперативная система, становилась той силой, которая могла привести разоренные крестьянские хозяйства к стабилизации. В сложившихся условиях на ее плечи ложились задачи снабжения крестьянских хозяйств сельхозтехникой, селекционным семенным материалом, восстановления поголовья скота, организации сбыта продукции крестьянских хозяйств.

Процесс организационного строительства и восстановления сельскохозяйственной и кредитной кооперации происходил сверху: от союзных центров к низовой кооперации. В 1921 г. был восстановлен Сельскосоюз, с 1922 г. в процесс союзного строительства вовлекается и ОНП. 9–12 марта 1922 г. состоялось учредительное собрание Немсельскосоюза, на момент организации объединявшего 33 товарищества, две артели, одну коммуны³³⁴. Имевшие ранее преимущественное развитие в немецких колониях кредитные кооперативы после революции и гражданской войны уступят пальму первенства универсальным товариществам. Разновременное законодательное оформление кредитной и сельскохозяйственной кооперации, отсутствие единого плана восстановления (декрет о кредитной кооперации был принят спустя год после восстановления сельскохозяйственной, в декабре 1922 г.³³⁵) привели к искусственному разрыву двух взаимосвязанных кооперативных систем. В результате кредитной кооперации приходилось восстанавливать свою деятельность на отчасти занятом пространстве – другие кооперативные организации уже включили в сферу своих функций кредитные.

Сельскохозяйственная кооперация в условиях повторяющихся в 1920-е гг. в Поволжье неурожаяев приобретала для крестьянских хозяйств роль спасительного островка. Не случайно уровень кооперированности крестьянских хозяйств к 1925 г. составлял 36%, сельхозкооперация объединяла в своих рядах 30823 крестьянских хозяйств АССР НП. Численность кооперативов достигла 288, почти половину из них составляли товарищества универсального типа, объединявшие в себе функции сбыта и снабжения (48%), далее следовали сельскохозяйственные кооперативные товарищества с кредитными функциями (29%)³³⁶. Низкая товарность крестьянского хозяйства в условиях повторяющихся неурожаяев и низких цен на сельхозпродукцию являлась главной причиной преобладания универсальных кооперативных товариществ до 1927 года.

Особую озабоченность административных органов вызывал факт существования «диких», неосоюженных, организаций. Опасения вызывала и большая паевая задолженность в низовых кооперативах, а также низкая

³³⁴ См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4106. Оп. 3. Д. 99. Л. 35 об., 36.

³³⁵ См.: Декрет ВЦИК и СНК СССР «О восстановлении сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности и об организации для крестьянства сельскохозяйственного кредита» от 21 декабря 1922 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, 1917–1928. Т. 1. С. 353–357.

³³⁶ См.: РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 3. Д. 828. Л. 6.

доля собственных средств по отношению к заемным. Соотношение между собственными капиталами и заемными в первичной сети составляло к 1925 г. 1:12. Проблему дефицита финансов можно было бы решить путем мобилизации внутренних ресурсов кооперативных организаций, однако отсутствие четкой линии государственных органов в кооперативной политике, неустойчивое финансовое положение и, как следствие, недоверие населения к сохранности вкладов в кооперации, приводили к практически полному отсутствию вкладов. В балансе первичной сети к 1925 г. они составляли всего лишь 0,5%³³⁷. Зажиточное крестьянство в условиях классовой дифференциации кредитной политики, не имея никаких гарантий сохранности вкладов, просто опасалось обнародовать излишки. Ссудные операции также строились исключительно на заемных средствах Немволбанка.

Новый вектор развития сельскохозяйственной кооперации получил свое официальное оформление в решениях XV съезда ВКП (б). В соответствии с резолюцией «О работе в деревне» от 19 декабря 1927 г., задача производственного кооперирования крестьянства рассматривалась как основная задача сельскохозяйственной кооперации и основной лозунг съезда. Дальнейшее развитие сельскохозяйственной кооперации шло по линии специализации, путем создания специализированных союзов, колхозов и простейших производственно-сбытовых кооперативов³³⁸. В масштабах страны сельскохозяйственная кооперация также перешла от универсального Сельскосоюза к специализированным центрам: Хлебоцентру, Маслоцентру, Центроживотноводсоюзу, Колхозцентру и др., объединенных Союзом союзов сельскохозяйственной кооперации РСФСР.

С 1927 г. более половины всех сельскохозяйственных кооперативов было переведено на новый устав сельскохозяйственного кредитного товарищества. Кооперированность населения АССР НП в рамках сельскохозяйственной кооперации к 1928 г. достигла 47,1%, или 85% всех хозяйств республики (к 1 апреля 1928 г. в системе сельскохозяйственной кооперации АССР НП насчитывалось 778 кооперативов, большую часть из которых составляли машинные товарищества и ТОЗы, а также сельскохозяйственные кредитные товарищества³³⁹). Однако, количественный рост системы так и не остановил рост дебиторской задолженности низовой сети Немсельскосоюза, которая к началу 1928 г. достигла 1 млн. 300 тыс. рублей³⁴⁰. Перераспределение кредитов в пользу беднейших слоев деревни и колхозов, как элемент политики нажима на классово чуждые слои села, делал проблему ликвидации задолженности в кооперативах практически неразрешимой.

³³⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1450. Л. 200.

³³⁸ Первый специализированный сельскохозяйственный кооперативный союз Семплеосоюз возник на территории немецкой Автономии Поволжья еще в 1924 году. Союз содействовал всестороннему улучшению сельскохозяйственного производства (к подобным мероприятиям относились: создание племенных рассадников, введение улучшенного севооборота, селекционное семеноводство и др.) и опирался на опыт и традиции Всероссийского сельскохозяйственного общества меннонитов. Подобных Семплеосоюзу организаций по СССР к 1927 г. насчитывалось всего 8, объединенных в рамках Семплеосоюза РСФСР, в состав правления которого входил представитель от АССР НП – Ф.К. Цайтлер (см.: РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 3. Д. 506. Л. 15).

³³⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1622. Л. 258.

³⁴⁰ См.: Работа и задачи Немсельскосоюза // Трудовая правда. 1928. № 33. С. 1.

Несмотря на развернувшийся процесс специализации, результатом которого к 1928 г. стало существование на территории АССР НП семи специализированных союзов³⁴¹, главной целью сельхозкооперации становилось переустройство сельского хозяйства на началах коллективизации, где специализация рассматривалась лишь как «вернейшее средство к постепенному переходу от кооперирования сбыта и снабжения к обобществлению производства индивидуальных крестьянских хозяйств»³⁴².

Таким образом, в процессе фактического свертывания сельскохозяйственной кооперации, начавшегося в 1927 г. реорганизацией союзного звена и развертыванием сталинской «революции сверху», рядом постановлений 1929–1930 гг.³⁴³ была поставлена точка. По сведениям Наркомзема СССР «О ходе коллективизации по округам и краям», на территории АССР НП к 15 декабря 1929 г. из 12 кантонов – 8 было коллективизировано на 50–70%³⁴⁴, к 20 апреля 1931 г. в среднем по АССР НП 88,6% крестьянских хозяйств прошли процесс коллективизации. При этом три кантона, Зельманский, Франковский и Каменский, были коллективизированы на 100%³⁴⁵.

Возвращаясь к проблеме развития потребительской кооперации, отметим, что вслед за этапом организационного оформления развитие потребительской кооперации в целом осуществлялось по линии создания единых потребительских обществ, обслуживавших потребности преимущественно сельского населения. Незначительность прослойки промышленного пролетариата в АССР НП объясняла слабое развитие рабочей кооперации (к февралю 1923 г. в Области немцев Поволжья насчитывалось 9 кантонных рабочих кооперативов, 99 единых потребительских обществ и 6 добровольных потребительских обществ³⁴⁶). Подавляющее большинство представленных кооперативов (86,8%) развивалась в рамках областного союза потребительской кооперации Немоблсоюза.

Потребительская кооперация развивалась в условиях так называемых ножниц цен – значительного отставания объемов промышленного производства от темпов развития сельского хозяйства. Потребкооперативы получали прибыль в основном за счет роста цен на промышленные товары, что в свою очередь свидетельствовало о слабой финансовой и хозяйственной деятельности организаций. Кредитная политика Немволбанка в большей мере была ориентирована на предоставление кредитов сельхозкооперации, потребительская же зачастую вынуждена была приобретать кредит товарный

³⁴¹ См. подробно: *Моисеев И.* Организационные вопросы кооперации в связи с районированием // Нижнее Поволжье. 1928. № 5. С. 106–111.

³⁴² Резолюция XV съезда ВКП (б) «О работе в деревне» от 19 декабря 1927 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4. С. 293–311.

³⁴³ См.: Постановление ЦК ВКП (б) «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации» от 27 июля 1929 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1929–1940. М., 1967. Т. 2. С. 78–82; Постановление ЦИК и СНК «О кредитной реформе» от 30 января 1930 г. // Там же. С. 166–173; Постановление КЦ ВКП (б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. // Там же. С. 153–155.

³⁴⁴ См.: РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 376. Л. 90.

³⁴⁵ См.: Там же. Д. 565. Л. 9.

³⁴⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 209а. Л. 58.

на очень жестких условиях. При этом попытки некоторых инициативных кооператоров пополнить собственные средства кооперативов за счет самостоятельно спланированных и проведенных на свой страх и риск торговых операций оценивались крайне негативно и всячески порицались³⁴⁷. В складывающихся рыночных условиях потребительская кооперация была нацелена на конкуренцию с частным торговым капиталом, но зачастую как конкурента ее воспринимали и государственные торговые организации (архивные документы свидетельствуют о весьма непростых отношениях между Немоблсоюзом АССР НП и ОСНХ, Сарпинсоюзом и Обтекстилем³⁴⁸).

Осуществляя торговые операции, Немоблсоюз активно сотрудничал с иностранными торговыми и кооперативными организациями, также подвергаясь мелочной опеке со стороны областных и центральных хозяйственных организаций. Наличие большого количества контролирующих организаций (Торгпред РСФСР, Хозбюро ОНП, Плановая комиссия РСФСР) и, как следствие, отсутствие единого руководства при проведении торговых операций с заграницей зачастую сводили на нет все положительные начинания. При этом установление торговых, экономических связей между Россией и Германией, создание совместных предприятий, деятельность кооперативных организаций, концессий вызывали особое внимание и контроль со стороны органов ОГПУ (об этом свидетельствуют выдержки из материалов обследования немецких колоний в СССР КРО ОГПУ «О германской контрреволюционной деятельности в СССР» от 14 июня 1925 г. «...все немецкие колонии используются как осведомительная и в случае войны вредительская база»³⁴⁹, «германские колонии являются очагом и базой контрреволюции и шпионажа и могут быть рассмотрены, как монархические ячейки внутри СССР, на которых строится в значительной степени антисоветская политика германских национальных кругов (взорвать изнутри)»³⁵⁰).

В отличие от других кооперативных систем потребительская до 1923 г. продолжала сохранять обязательность членства, и лишь постановление ЦИК и СНК «О реорганизации потребкооперации на началах добровольного членства» от 28 декабря 1923 г.³⁵¹, а также декрет «О потребительской кооперации» от 20 мая 1924 г.³⁵² восстанавливали принцип добровольности, определяли порядок организации кооперативов на основе нового устава, разработанного в соответствии с Нормальным уставом. Положение об

³⁴⁷ Заключение несогласованных торговых сделок в 1923 г. стало причиной исключения из состава правления Немоблсоюза опытного кооперативного работника В. Ф. Альтергота. Официальная версия отстранения звучала так: общее количество сделок, заключенных В. Ф. Альтерготом в Москве и Нижнем Новгороде, а также займ в Покобанке превышали все существующие капиталы Немоблсоюза (см.: J. S. Der Kongress der Bewollmächtigten der Konsumkooperativen // Unsere Wirtschaft. 1924. № 18. S. 536).

³⁴⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 209б. Л. 15.

³⁴⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 317. Л. 20.

³⁵⁰ Там же. Л. 15.

³⁵¹ См.: Постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации потребительской кооперации» от 28 декабря 1923 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. 1917–1928 гг. С. 385.

³⁵² См.: Постановление ЦИК и СНК СССР «О потребительской кооперации» от 20 мая 1924 г. // Там же. С. 412–416.

уставе сохраняло лишь видимость свободы, СНК союзных республик могли вносить коррективы, соответствующие местным хозяйственным условиям, но общее содержание устава не должно было противоречить декрету. Тем не менее, переход на добровольное членство вызвал буквально всплеск кооперативного движения, рост количества членов в кооперативах достигал 100% и являлся повсеместным.

К 1924–1925 гг. потребительская кооперация обслуживала 65% населения республики³⁵³. Процент кооперированности городского населения достиг 47%, сельского – 26,8%³⁵⁴. Торговля ходовыми потребительскими товарами в условиях товарного дефицита, более быстрый оборот средств создавали для потребительской кооперации относительно благоприятные условия функционирования. Соотношение собственных средств к заемным к 1926 г. составляло 2:1, что выгодно отличало потребкооперацию от других кооперативных систем.

С 1928 г. в потребкооперацию стала внедряться практика предварительных заказов, вносящая элементы плановости, но в условиях слабого развития промышленного производства реально приводившая к постоянным сбоям и накладкам. Новая система затрудняла для торгующих организаций возможность маневрирования и совершенно исключала возможность исправления допущенных ошибок и промахов при заказе товаров (предварительный заказ предоставлялся на 6–12 месяцев вперед – *Е. Ф.*).

Однако, несмотря на определенные организационные и финансовые трудности, обусловленные непродуманной кредитной политикой государства, снижением покупательской способности населения вследствие повторяющихся неурожаев, «ножницами цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары, излишней регламентацией деятельности со стороны партийных и хозяйственных органов республики, положение потребительской кооперации Немреспублики к моменту вхождения АССР НП в Нижневолжский край в 1928 г. в целом характеризовалось как устойчивое. Положение потребкооперации кардинально изменяется в условиях форсированного строительства крупного социалистического сектора и перехода к коллективным формам хозяйствования и фактического слома сельскохозяйственной и кредитной кооперации. В новых условиях потребительская кооперация должна была участвовать в поголовном кооперировании всего взрослого населения колхозов и батрацко-бедняцких групп населения республики. Перед кооперативной системой ставилась задача преимущественного учета интересов колхозников. Кроме того, нажим на зажиточное население края осуществлялся и путем исключения кулаков и так называемых «торгашеских элементов» из состава кооперативов, введением дифференцированного пая. В результате потребительская кооперативная система вынуждена была собственные формы и методы организации работы на селе подчинять формам и темпам социалистического переустройства деревни.

Таким образом, потребительская кооперация, в отличие от сельскохозяйственной, которая к 1931 г. фактически перестала существовать, про-

³⁵³ См.: *Liubomudrow A. Ueber die Mitgleidschaft und die Konsumkooperation // Unsere Wirtschaft. 1924. № 21. S. 633.*

³⁵⁴ См.: *Областное совещание потребительской кооперации Нижнего Поволжья // Нижнее Поволжье. 1925. № 1. С. 78.*

должала функционировать в условиях государственного регулирования, выполняя функции аппарата распределения товаров ширпотреба, обеспечивая преимущественно работников артелей и коммун, осуществляла закупочные операции.

Получившие свое развитие лишь после Октябрьской революции кустарно-промысловая и инвалидная кооперации приходят к моменту создания своих кооперативных центров к 1923 году.

14 сентября 1923 г. был создан Немкустпромсоюз, на момент организации в основном объединявший кустарей сарпиноткацкого (кустари-сарпинчики объединялись кроме того в рамках специализированного союза сарпиноткацких артелей немецкой Автономии Поволжья – Сарпинсоюза, созданного 1918 г.³⁵⁵), веялочного промыслов, кустарей, трудившихся в корзиноплетении и соломоплетении³⁵⁶. Роль кустарно-промысловой кооперации в новых условиях определялась в резолюции XIV конференции РКП (б) «О кооперации» от 29 апреля 1925 года. Промкооперация, с одной стороны, в условиях преимущественного развития тяжелой промышленности становилась наряду с местной промышленностью основным производителем товаров народного потребления, а, с другой стороны, являлась средством использования избыточной рабочей силы деревни и в некоторых районах главным источником доходов крестьян. Вследствие этого в правовой области рекомендовалось отказаться от причисления кустарей и промысловиков к нетрудовым элементам³⁵⁷. Все эти меры укрепляли кустарно-промысловую кооперацию и способствовали ее количественному росту, но одновременно все больше укрепляли зависимость кустарно-промысловой кооперации от государства.

Несмотря на предпринятую регламентацию правового положения кустарно-промысловой кооперации, ей все же уделялось наименьшее внимание со стороны государственных органов. На равнодушное и зачастую враждебное отношение к промкооперации со стороны партийных и хозяйственных органов в своих выступлениях не раз акцентировал внимание председатель ВСНХ А. И. Рыков. Так, в докладе «Ближайшие перспективы народного хозяйства СССР» от 11 декабря 1923 г., произнесенным в Деловом клубе, А. И. Рыков указывал на дискуссию, разгоревшуюся на XII партийном съезде, где промысловая кооперация характеризовалась как враждебная социалистическому строю и крупной промышленности. Подтверждая значимость кустарной промышленности и кустарно-промысловой кооперации в хозяйственном комплексе страны, председатель ВСНХ отмечал: «В НЭП мы входим при крайнем упадке крупной промышленности, при низкой покупательской способности населения. В этом отношении кустарная промышленность сделала много – она выращивает платежеспособного потребителя для государственной промышленности ...Крупная

³⁵⁵ См.: Степанов П. А. Саратовская сарпинка. Маркштадт, 1920. С. 12.

³⁵⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 737. Л. 20б.

³⁵⁷ См.: Резолюция XIV конференции РКП (б) «О кооперации» от 29 апреля 1925 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1928. Т. 1. С. 465–467.

промышленность добьется диктатуры лишь тогда, когда будет производить товары дешевле, чем кустарная»³⁵⁸.

Несмотря на возложенные на кустарно-промысловую кооперации задачи, отношения с государственными предприятиями часто принимали характер открытой конфронтации, как в случае с разразившимся в 1924 г. скандалом между фабрикой «Саратовская мануфактура» и обслуживавшим интересы кустарей-сарпинщиков Обтекстилем АССР НП по вопросу снабжения кустарей необходимым количеством пряжи. Точку в разыгравшемся конфликте подвело постановление Госплана и Экосо РСФСР от 18 сентября 1924 г., в соответствии с которым фабрика «Саратовская мануфактура» после образования Нижневолжского края переходила в ведение Сарпинтреста АССР НП, а до этого момента Сарпинтресту передавалось лишь право ее аренды³⁵⁹. Случай с фабрикой не являлся исключением.

Лидирующие позиции в кустарно-промысловой кооперации занимали кустари – сарпинщики, как по количеству организаций, объединенных в рамках Немкустпромсоюза (из 73 кустарно-промысловых кооперативов членов Немкустпромсоюза 37 артелей представляли сарпиноткацкий промысел)³⁶⁰, так и по объему распределяемых кредитов (на долю кустарей Сарпинсоюза приходилось 86,9% всех средств, выделенных Немкустпромсоюзу в момент организации)³⁶¹. Вместе с кустарями, входившими в Сарпинсоюз, в 1927 г. в АССР НП насчитывалось 12530 кооперированных кустарей³⁶² (по другим данным – 13024³⁶³). Всего по переписи 1926 г. числилось 35439 кустарей и ремесленников на территории АССР НП, таким образом, в составе кооперативных организаций трудилось 35,3%. При этом в составе отдельных промыслов процент кооперированности был еще выше средних показателей к 1927 г.: в сарпиноткацком 71,6%, корзиноплетении 41,5%, трикотажном 81%, соломоплетении 46,8%, производстве веялок 85,9%³⁶⁴. Среди кооперативных систем АССР НП к 1927 г. кустарно-промысловая кооперация по уровню кооперированности занимала лидирующие позиции (45,2%), опережая потребительскую – 44,9%, и сельскохозяйственную – 33,4%³⁶⁵.

Однако рост количественных показателей не решал проблему финансовой стабильности кооперативной системы. Несмотря на количественный рост, финансовое положение кустарно-промысловой кооперации все же нельзя было назвать удовлетворительным. Имевшиеся у кооперации предприятия требовали постоянных капиталовложений, из прибыли коопера-

³⁵⁸ Рыков А. И. Доклад на заседании Делового клуба «Ближайшие перспективы народного хозяйства СССР» от 11 декабря 1923 г. // Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 264.

³⁵⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 127. Л. 26.

³⁶⁰ См.: Краткий обзор ориентировочных планов кооперативных организаций АССР НП (на 1925 г.) // Нижнее Поволжье. 1926. № 2–3. С. 136.

³⁶¹ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 739. Л. 3 об.

³⁶² См.: Экономист. Промкооперация в Немреспублике и ее задачи в 1927–28 г. // Нижнее Поволжье. 1928. № 1. С. 168–169.

³⁶³ См.: Итоги народно-хозяйственного строительства АССР НП за 15 лет (1918–1933 гг.). Энгельс, 1933. С. 64.

³⁶⁴ См.: Там же.

³⁶⁵ См.: Кооперативно-колхозное строительство в СССР, 1923–1927: документы и материалы. М, 1991. С. 266.

тивные организаций выделяли средства на организацию фондов взаимопомощи и кооперирования, вовлечение в кооперацию женщин и молодежи, развитие ученичества (особенно в сарпиноткацком производстве: организация школ ткачей в Маркштадтском и Фриденфельдском районах). Некоторые артели при распределении прибыли организовывали кооперативную доплату. Для успешного функционирования кустарно-промыслового предприятия необходима была твердая финансовая база, но промкооперация, объединяющая в основном кустаря-бедняка, не имела возможности разыскать необходимые для производства средства с помощью внутренних резервов. При этом проводившаяся государством политика, вопреки высоким целям, по-прежнему стоявшим перед кустарно-промысловой кооперацией, дестабилизировала и без того ее неустойчивое финансовое положение. Так, постановление СНК СССР от 3 мая 1927 г. «О кустарно-ремесленной промышленности и промысловой кооперации»³⁶⁶ отмечало, что задачи снабжения городского и сельского населения потребительскими товарами в условиях слабости фабрично-заводской промышленности продолжали делегироваться кустарно-ремесленной промышленности. Максимально снижая цены на кустарные изделия, промкооперации вменялось в обязанность компенсировать хотя бы отчасти разницу цен между промышленными товарами и сельскохозяйственной продукцией.

К 1931 г. кустарно-промысловая кооперация, пройдя очередной этап реорганизации, превращавший ее в многоотраслевое объединение на основе специализации производств, в условиях нового административного деления внесшего элемент дезорганизации и дестабилизации в управление кооперативными системами АССР НП, фактически была превращена в одну из составляющих производственно-хозяйственного механизма государства.

Кооперация нетрудоспособного населения немецкой Автономии Поволжья, изначально не следовавшая кооперативным принципам (не связывала своих членов паевым капиталом; вышестоящие органы имели право назначать членов правления артелей, отменять решения общего собрания; прибыль артелей согласно уставу распределялась полностью между членами кооперативов), с самых первых шагов (Центральное инвалидно-кооперативное объединение АССР НП было учреждено в составе 4 артелей в 1923 г.) представляла собой большое разнообразие форм и видов хозяйственной работы, но при этом оставалась до 1926–1927 гг. во многом полупризнанной кооперацией³⁶⁷. Кооперативная система не пользовалась необходимым признанием и поддержкой советских учреждений и организаций ни в отношении снабжения сырьем и товарами, ни в области финансирования системы и укомплектовки квалифицированными кадрами. Изначально функционирующая под руководством Наркомсобе-

³⁶⁶ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1928. Т. 1. С. 639–648.

³⁶⁷ Перелом наступил с принятием Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 5 июля 1926 г. «Об утверждении положения о кооперативных объединениях инвалидов», в соответствии с которым все звенья системы были переведены на кооперативные уставы (см.: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении положения о кооперативных объединениях инвалидов» от 5 июля 1926 г. // Систематическое собрание законов РСФСР. М., 1929. Т. 1. С. 600–605).

са, за весь недолгий период существования она так и не избавилась от мелочной опеки государства.

Таким образом, к началу 1930-х годов промкооперация, потребительская, как и кооперативные объединения нетрудоспособного населения, вошли в комплекс планового хозяйства страны. Контроль и планирование, безальтернативная ценовая политика, постоянная зависимость кооперативных систем от государственного кредитования, поставок сырья и товаров привели в итоге к изменению самого статуса кооперативных объединений, которые лишь формально оставались самостоятельными организациями, а в действительности превратились в элемент производственно-распределительного механизма государства.

А. П. Мякшев (Саратов)

О РОЛИ М. С. ГОРБАЧЕВА В РАСПАДЕ СССР

Оценка роли личности в истории относится к категории наиболее трудно и неоднозначно решаемых философских проблем и во многом связана с существующими различиями в подходах к самой сути исторического процесса. Спектр мнений группируется вокруг двух полярных идей. Марксисты исходили из признания того, что исторические законы «с железной необходимостью» пробиваются сквозь препятствия, а сторонники противоположного мнения полагали, что в ход исторического процесса всегда вмешивается случайность. Первый посыл неизбежно приводил к представлению, что в будущем все заранее предопределено, второй – исторические законы, по большому счету, отвергал.

Как известно, проявление любых законов истории многообразно и многовариантно. Роль самой выдающейся личности всегда есть сплав предшествующего развития, массы случайных и неслучайных событий и ее собственных особенностей. В зависимости от самых разных условий и обстоятельств, с учетом особенностей исследуемого места, времени и индивидуальных черт личности ее историческая роль может колебаться от самой незаметной до колоссальной. Иногда личность играет решающую роль.

Благодаря своим личным особенностям, или случаю, или общественному положению, или специфике времени и обстоятельств, какой-либо человек, чаще всего – политик, может оказать самым фактом своего существования, своими идеями, действиями или бездействием, воздействие на общество как в положительном, так и в отрицательном плане.

При этом личность способна ускорить или отдалить решение назревших проблем, придать решению особые черты, талантливо или бездарно использовать предоставленные возможности. Если некая личность сумела сделать нечто, значит, для этого в недрах общества уже имелись потенциальные возможности. Никакие личности не способны создать великие эпохи, если в обществе нет накопившихся условий.

Роль М. С. Горбачева как на рубеже 1980–1990-х гг., так и по прошествии двух десятков лет после распада СССР оценивают с точки зрения двух

диаметрально противоположных подходов к объяснению причин этой трагедии – «субъективистского» и «объективистского».

Первый подход отводил ведущую роль в разрушении СССР деятельности конкретных политических сил, но чаще исторических личностей. При этом выбор конкретных политических персонажей в роли разрушителей ограничивался двумя фигурами. Так, бывший председатель советского правительства Н. И. Рыжков резко критиковал недостаточную компетентность политических лидеров, в особенности Горбачева, непоследовательность политики, отсутствие четкой экономической стратегии³⁶⁸. Напротив, Г. А. Зюганов считал, что разрушение СССР было результатом целенаправленной политики Запада, а также внутренних коррумпированных и компрадорских группировок, а задачу выполнила группа лиц во главе с Б. Н. Ельциным³⁶⁹. Известный этнолог В. Н. Басилов утверждал, что Горбачев всячески способствовал укреплению влияния демократической оппозиции в обществе с целью установления в стране капитализма³⁷⁰. Версия о том, что значительная коррумпированная и криминализируемая часть политической элиты времен «развитого социализма» сознательно разрушала социализм, а Горбачев лишь довел этот процесс до логического до конца, популярна и в наши дни.

«Объективистский» подход, заключающийся в поиске исторических закономерностей распада (а не разрушения) СССР, возможно впервые был представлен В. А. Тишковым, еще в 1989 г. высказывавшим сомнение в исторических перспективах крупных государств³⁷¹. А один из «отцов» Беловежского соглашения С. М. Шахрай утверждал, что судьбу Советского Союза решал не Горбачев и другие политики, «это сделала история»³⁷². Известный философ А. С. Ахиезер писал, что судьба СССР была предопределена закономерностями развития и слабостями того класса социальных систем, который именуется «большим обществом»³⁷³. «Объективистский» подход был присущ «демократической» общественности, включая и тех политиков, которые активно способствовали развалу СССР.

В последнее время, пожалуй, преобладает стремление исследователей пристальнее проанализировать противоречия, свойственные развитию СССР от рождения до распада, а также роль внешнеполитического фактора крушения Союза³⁷⁴. Что касается роли М. С. Горбачева в распаде СССР, то

³⁶⁸ См.: *Рыжков Н. И.* Перестройка: истории предательств. М., 1992.

³⁶⁹ См.: *Романенкова Т., Воробьев А.* Геннадий Зюганов: «В ближайшее время мы сформируем команду управленцев, обнаружим ее состав и программу» // Независимая газета. 1994. 4 ноября.

³⁷⁰ См.: *Басилов В. Н.* К 50-летию победы над германским фашизмом // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 9–11, 11–12.

³⁷¹ См.: *Тишков В. А.* О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // Советская этнография. 1989. № 5. С. 13–14.

³⁷² См.: *Шахрай С.* Три кита для новой России // Независимая газета. 1994. 5 марта.

³⁷³ См.: *Ахиезер А. С.* Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 18.

³⁷⁴ См., напр.: *Мэтлок Д. Ф.* Смерть империи: Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М., 2003; *Шевякин А. П.* Загадка гибели СССР: История заговоров и предательств, 1945–1991. М., 2003; Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005; *Петров В. П.* Социология СССР: Очерк становления и гибели Советского Союза. М., 2006; *Коэн С.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М., 2007; *Киран Р., Кенни Т.* Продавшие социализм: Теневая экономика в СССР.

историки еще в середине 1990-х гг. получили объемный сборник документов по данной проблеме, значимость и востребованность которого подтвердило его переиздание в 2007 году³⁷⁵.

Автор склонен искать причины распада СССР как в конкретном анализе советского общества и обстоятельствах «перестройки», так и исследовании значимости, влияния на механизм и «скорость» трагического финала советской истории субъективного фактора.

В общественном сознании наличествуют также два противоположных мнения. В 2006 г. накануне 75-летия М. С. Горбачева «Независимая газета» провела опрос среди литераторов с целью выяснить их мнение о роли бывшего президента СССР в распаде СССР. Ответы свелись к двум позициям. В. Аксенов отметил, что «без такой личности события прошли бы в той же последовательности и без большой крови», состоялась «полная разборка тоталитарного государства», «не было более великого человека в истории Советского Союза, чем Михаил Сергеевич Горбачев». В. Войнович отметил, что Горбачев «разрушил Советский Союз, – я лично ему за это готов поставить памятник».

Д. Галковский посчитал роль Горбачева «сильно преувеличенной»: «Некомпетентное управление может быть серьезным только в случае жесткого диктата. По мере повышения политической культуры малограмотный человек неизбежно становится опереточной фигурой». Тимур Кибиров «всемирно-историческое значение деятельности М. С. Горбачева» увидел «в том, что он разрушил ...самое мерзкое политическое образование в истории человечества, а именно – советскую власть», но «с Советским Союзом все гораздо сложнее». О. Зайончковский не усомнился в том, что Горбачев – личность историческая, но задался вопросом: «адекватна ли была эта личность своей исторической миссии?».

Эдуард Лимонов был категоричен: Горбачев – «маленький человек, оказавшийся в роли руководителя огромного государства, и с этой ролью он справился отвратительно». А. Проханов обвинил бывшего Президента «в том, что вдребезги разлетелось огромное, утомленное, остановившееся в развитии государство, которое требовало лечения и возрождения, а не смерти. Горбачев является убийцей советского государства».

Сам Михаил Сергеевич ответ на вопрос «Так кто же развалил Союз?» свел к обвинениям в адрес Б. Н. Ельцина, «опасного для России человека», «человека с разрушительной философией»³⁷⁶. Между тем, в конце 1999 г. М. С. Горбачев торжественно заявлял: «Целью моей жизни было уничтожение коммунизма... Именно для этой цели я использовал свое положение в партии и стране. Мне удалось найти сподвижников в реализации этих це-

М., 2009; *Панарин И. Н.* Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб., 2010; *Швейцер П.* Тайная стратегия развала СССР. М., 2010 и др.

³⁷⁵ Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд. М., 2007.

³⁷⁶ Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славинным. М., 2001. С. 51.

лей. Среди них особое место занимают А. Н. Яковлев и Э. А. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неоценимы»³⁷⁷.

Интерес М. С. Горбачева к национальным проблемам до перестройки не заметен. В 1984 г. научный руководитель Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ профессор Д. Валентей обратил внимание секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на усложнение демографических проблем в стране, прямо указывая, что «недостаточный учет роли демографического фактора в практике социального и экономического планирования негативно сказывается на разработке реалистических оценок перспектив развития народного хозяйства страны». Горбачев направил эти предложения для обсуждения в рабочей группе по подготовке новой редакции Программы КПСС, и, как сообщил заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС В. Захаров, они были «частично учтены»³⁷⁸.

В проекте новой редакции Программы КПСС, работа над которой началась после апрельского (1984 г.) заседания секретариата ЦК, говорилось о том, что на современном этапе «национальный вопрос не снимается с повестки дня, имеет свое содержание и формы»³⁷⁹. По свидетельству хорошо информированного В. А. Печенева, «противником даже таких гибких формулировок» выступил М. С. Горбачев, курировавший деятельность рабочей группы по подготовке Программы. В качестве доказательства Печенев, сохраняя стиль будущего генсека, приводит выдержку из хранящегося у него письма Горбачева: «когда мы говорим о национальном вопросе на современном этапе и что речь идет о нем в том виде, как он существует в условиях развитого социализма, тут, как мне кажется, имеется подтекст, который мы должны избежать»³⁸⁰. Горбачеву не составляло труда навязать такую позицию секретариату ЦК КПСС.

Сам М. С. Горбачев впоследствии свою роль в работе над последней Программой КПСС «при Черненко» оценивал иначе. Называя главным действующим лицом при разработке этого документа Р. И. Косолапова, он заявляет, что уже тогда обнаружил в тексте «такие нелепости, такие насилия над естественными процессами, что диву даешься до сих пор». В качестве примера Горбачев приводит разрабатываемый тезис: «давай слияние наций – и все. Сливай все в один кувшин, перебалтывай и делай своеобразный коктейль. И аргумент: когда-то Ленин сказал о слиянии». На практике, – дает оценку советской национальной политике 1970-х гг. бывший президент СССР, – «требовали форсировать процесс» сближения наций, «не считаясь со временем и обычаями отдельных народов», а «это приводило к отчуждению и вражде». «При любом национальном сближении, – заключает М. С. Горбачев, – всегда остается граница, которую не

³⁷⁷ Горбачев М. С. Целью моей жизни было уничтожение коммунизма: Речь на семинаре в Американском университете в Турции // Советская Россия. 2000. 19 августа.

³⁷⁸ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 90. Д. 123. Л. 42–47.

³⁷⁹ Печенев В. А. «Смутное время» в новейшей истории России (1985–2003): Исторические свидетельства и размышления участника событий. М., 2004. С. 65.

³⁸⁰ Там же.

следует переходить»³⁸¹. Бывший генсек и президент явно противоречил произнесенному в апреле 1990 г. признанию в том, что появление национального вопроса для руководства страны было неожиданным: «Раньше считали, что все вопросы решены, ими можно особо не заниматься. Ваш покорный слуга на первом этапе перестройки искренне полагал, что здесь больших проблем нет»³⁸².

Поэтому и не обращал внимания лидер государства на поступающие от советников и помощников предложения и предупреждения о серьезности этнополитической ситуации в стране. В начале октября 1986 г. «соображения по национальному вопросу» предъявил М. С. Горбачеву его помощник Г. Х. Шахназаров. Прежде всего, он предостерег от чрезмерного затягивания в решении конкретных вопросов в национальной сфере. Шахназаров предлагал определить пределы, до которых можно пойти «в вопросах предоставления самостоятельности республик», «а где надо стоять “на смерть”, поскольку речь идет уже о целостности нашего государства». Он предложил провести специальное совещание с руководителями союзных и автономных республик для обсуждения вопросов республиканского хозрасчета, гражданства, языка, экологии и геральдики³⁸³. Реакции на эти предложения, как и на многие другие, не последовало.

Не стоит, пожалуй, переоценивать уровень теоретических воззрений М. С. Горбачева в национальном вопросе. Как и все марксисты, он был убежден в подчиненности национального вопроса экономическим, социальным и политическим аспектам, самостоятельность национального вопроса явно недооценивал, более того, сужал его до рамок исключительно проблем федерации. Горбачев вряд ли имел устойчивую систему взглядов на национальные проблемы, часто прибегал к «двойным стандартам», его воззрения допускали использование различных принципов в отношении разных народов страны: «Наш Союз настолько разносторонен, что придется по-разному держать его разные части: одних – за ошейник, других – на коротком поводке, третьих – на длинном, и т. д.»³⁸⁴. Иными словами, «прораб» перестройки не допускал единой линии поведения к этносам в «союзе равных».

Не было ясного представления у Горбачева и по поводу национальной структуры государства, которое он возглавлял. Например, в 1989 г. он утверждал, что в СССР за пределами границ «своих» национальных территорий проживают 50 млн. чел.³⁸⁵, в апреле 1990 г. говорил о 60 млн.³⁸⁶, в феврале 1991 г. – о 75 млн. человек³⁸⁷.

Одним из главных факторов перестройки являлся национальный вопрос, выдвинувшийся окончательно на одно из главных мест в политической жизни СССР в 1988 году. В 1985–1986 гг. «начинающие реформаторы»

³⁸¹ Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славинным. С. 135–136.

³⁸² Союз можно было сохранить. С. 104.

³⁸³ Г. Х. Шахназаров полагает, что «целью Горбачева как реформатора был демонтаж тоталитарной системы» (Шахназаров Г. Х. С вожжами и без них. М., 2001. С. 382).

³⁸⁴ Союз можно было сохранить. С. 95.

³⁸⁵ Там же. С. 73.

³⁸⁶ Там же. С. 101.

³⁸⁷ Там же. С. 136.

не придавали большого значения национальным вопросам, а возникающие трудности решали привычным способом: принятием постановлений об «усилении», «совершенствовании», «воспитании в духе...».

29 апреля 1986 г. на заседании секретариата ЦК КПСС Г. П. Разумовскому и А. Н. Яковлеву в связи с якутскими событиями было поручено подготовить проект постановления ЦК КПСС, которое и было одобрено на заседании 5 мая 1986 года. В постановлении вина за происшедшее возлагалась на партийное руководство республики и лично первого секретаря обкома Ю. Н. Прокофьева. Обкому, Президиуму Верховного Совета и Совету Министров Якутской АССР предписывалось всесторонне учитывать социальные, этнические и демографические процессы в республике, целенаправленно влиять на национальный состав трудовых и учебных коллективов, обратить внимание на воспитание высокой культуры межнационального общения³⁸⁸.

Судя по воспоминаниям В. И. Воротникова, национальный вопрос был поднят 1 декабря 1986 г. на совещании у М. С. Горбачева, посвященном подготовке пленума по кадровым вопросам, причем сделал это ни кто иной, как председатель КГБ СССР. В. М. Чебриков обратил внимание на неблагоприятную ситуацию с национальной интеллигенцией и настаивал на вынесении на обсуждение будущего пленума национальных вопросов, предлагал, в частности, «практиковать обмен национальными кадрами»³⁸⁹. Реакции М. С. Горбачева на все эти предложения не последовало.

Удар по представлениям о «беспроблемности межнациональных отношений» был нанесен событиями в Алма-Ате в декабре 1986 года. Ошибочность своего решения об отставке первого секретаря ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаева и замене его бывшим первым секретарем Ульяновского обкома КПСС Г. В. Колбиным, вызвавшего межнациональные столкновения в столице Казахстана, М. С. Горбачев так и не признал, сославшись на то, что это решение ему подсказал сам отставник³⁹⁰.

Генеральный секретарь впервые столкнулся с отчетливо и ярко выраженной негативной реакцией национальной элиты на свои действия. Прибывший по заданию М. С. Горбачева в Алма-Ату Председатель Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС М. С. Соломенцев спустя почти 20 лет признал, что «Колбин ничего не мог сделать, так как находился в полной изоляции. Аппарат его не принял. Назарбаев, недавно избранный Председателем Совета Министров Казахстана, устранился. Кунаев сказался больным и помогать отказался»³⁹¹. Н. А. Назарбаев вообще не согласился «с тем, что главной причиной является национализм», и заявил, что «это в большей степени было хулиганство»³⁹². Первая схватка Центра и национальных

³⁸⁸ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 23. Д. 15. Л. 1, 2.

³⁸⁹ Воротников В. И. А было это так: Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 114.

³⁹⁰ См.: Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 497–498. В ходе беседы с Горбачевым о возможном преемнике Кунаев якобы дал нелестную оценку кандидату на первый пост в республике председателю Совмина КазССР Н. А. Назарбаеву и вообще заявил, что среди казахов преемника не видит, «на посту первого секретаря должен быть русский».

³⁹¹ Соломенцев М. С. Верю в Россию. М., 2003. С. 572.

³⁹² Там же. С. 574.

элит завершилась победой Москвы: беспорядки характеризовались как «националистические проявления со стороны казахской молодежи»³⁹³.

Пройдет почти четыре года перестройки, и казахстанское руководство ревизует вывод о националистическом характере алма-атинских выступлений декабря 1986 года. 24 сентября 1990 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР примет постановление «О выводах и предложениях комиссии по окончательной оценке обстоятельств, связанных с событиями в городе Алма-Ате 17–18 декабря 1986 г.». Националисты предстанут первыми борцами за перестройку, новоявленными «декабристами», а те, кто пытался препятствовать беспорядкам, будут обвинены в жестокости при разгоне «демократических демонстраций»³⁹⁴. Горбачев противостоять национальным элитам уже не мог, а защищать людей, пострадавших из-за его непродуманных действий и решений, не хотел.

Ситуация «Алма-Аты декабря 1986 г.» повторилась в январе 1990 г., когда по Баку прокатилась волна антиармянских и антирусских погромов, а Горбачев бездействовал. Только когда из Баку пришли сообщения о зверствах разбушевавшейся толпы, М. С. Горбачев решился послать туда в помощь командированному ранее Е. М. Примакову Д. Т. Язова и В. В. Бакатина. Правда, перед подписанием указа о вводе в Баку войск Горбачев, по свидетельству А. С. Грачева, обратился к отправленному в отставку бывшему лидеру Азербайджана Г. Алиеву с требованием повлиять на ситуацию. Алиев ответил, что к этим событиям никакого отношения не имеет³⁹⁵. Местные кланы в 1990 г. уже не боялись Москвы, своих целей – достижение абсолютной власти и беспрепятственного доступа к собственности и ресурсам – не скрывали. Не до конца был ясен лишь механизм достижения целей.

Перестройка обнажила еще одну острую проблему в межнациональных отношениях – вопрос о судьбе бывших депортированных и частично реабилитированных народов. Горбачев понимал, как нельзя решать эти проблемы, однако, осмысленных и решительных действий, ведущих к изменению положения бывших «наказанных» народов и ослаблению напряженности на бывших территориях упраздненных автономий, предпринять так и не решился.

К примеру, на заседании Политбюро ЦК КПСС 9 июля 1987 г. было отвергнуто очень перспективное предложение о возможности восстановления крымской автономии путем возвращения области под юрисдикцию РСФСР. М. С. Горбачев считал, что данное предложение таило в себе угрозу ухудше-

³⁹³ См.: *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 464–465.

³⁹⁴ Народный депутат СССР, председатель Павлодарского областного Совета народных депутатов Ю. Мещеряков, в 1986 г. занимавший пост первого секретаря Октябрьского райкома партии Алма-Аты, узнал о беспорядках после 14.00 17 октября 1986 г. от вышестоящих партийных органов. «В условиях начавшихся погромов и поджогов» он решил собрать дружинников и отправить их для оказания помощи работникам милиции. Дружинники были направлены для предупреждения развития массовых беспорядков лишь на следующий день, т. е. 18 декабря. Комиссия по «окончательной оценке событий 17–18 декабря 1986 г.» обвинила Мещерякова в вооружении дружинников и в «организации избиения ни в чем не повинных людей» (Государственный архив Российской Федерации. (далее – ГАРФ). Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 111. Л. 126, 127).

³⁹⁵ *Грачев А. С.* Горбачев. М., 2001. С. 270.

ния отношений между Украиной и Россией: недопустимо создание на этой почве «трещины в славянском ядре “социалистической империи”». А. И. Лукьянов и В. М. Чебриков высказались за создание для татар в Крыму специального автономного округа, но и оно было отклонено³⁹⁶.

М. С. Горбачеву неоднократно предлагали встретиться с представителями движения курдов. Б. И. Олейник, выступая с такой просьбой, полагал, что «в идеале решение вопроса» он видит в восстановлении автономии на «стыке Армении и Азербайджана»³⁹⁷. Советский лидер проигнорировал данное предложение.

Встреча М. С. Горбачева с представителями советских немцев произошла на пике противостояния на Волге – 7 мая 1991 года. Вместо конкретных решений последовали заклинания Президента СССР о том, что «восстановление немецкой государственности в Поволжье возможно лишь в условиях сочетания интересов всех народов, проживающих в этом регионе»³⁹⁸.

Парадокс политики М. С. Горбачева заключался в том, что власть не умела сохранять нейтралитет там, где он был особенно необходим. Через шесть дней после принятия 20 февраля 1988 г. областным Советом НКАО обращения к Верховным Советам Азербайджана и Армении с просьбой о передаче области в состав Армении М. С. Горбачев принял представителей армянской литературы З. Балаяна и С. Капутикян, с которыми обсуждал положение армян НКАО и Нахичевани³⁹⁹. В условиях превращения карабахского конфликта в «обязательную тему» советских СМИ, встреча *только* с представителями армянской общественности становилась как бы признанием правоты одной из сторон. В этот же день в пригороде Баку – Сумгаите начались погромы армянского населения, продолжавшиеся до 29 февраля⁴⁰⁰. На долгие годы затянулся «карабахский узел».

Между тем Горбачеву, очевидно, были известны проекты разрешения «карабахской проблемы». Например, в мае 1988 г. известный ученый Ж. Г. Голотвин предложил Президиуму Верховного Совета СССР освободить «скомпрометировавших себя первых секретарей ЦК КП Азербайджана и Армении, поскольку нагнетание напряженности – повод, используя который можно отвлечь внимание трудящихся Армении и Азербайджана от коррупции»⁴⁰¹. В качестве следующего шага Голотвин предлагал «передать НКАО во временное управление Российской Федерации». Не исключал он и возможности «преобразовать НКАО в автономную республику. Период же управления Российской Федерацией он считал временем "проведения разъяснительной и воспитательной работы с азербайджанцами, проживающими в Нагорном Карабахе и Азербайджане, цель которой – подготовить их к передаче Карабаха Армении»⁴⁰². Решение Горбачева в августе 1988 г. ввести в Нагорном Карабахе прямое правление Центра, на первый взгляд, пред-

³⁹⁶ Союз можно было сохранить. С. 15.

³⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 203. Л. 7, 8.

³⁹⁸ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 5. Д. 21. Л. 5.

³⁹⁹ Союз можно было сохранить. С. 18–20.

⁴⁰⁰ Пихоя Р. Г. Указ. соч. С. 469.

⁴⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 4178. Л. 10.

⁴⁰² Там же. Л. 10, 12.

ставлявшее собой «третий путь», результата не дало. Провал «третьего пути» способствовал переходу инициативы в руки экстремистов⁴⁰³.

Серьезной ошибкой М. С. Горбачева следует считать «войну за российские автономии». Вряд ли уж так существенны споры о том, кто это противоборство начал – Ельцин или Горбачев. Апрельский закон 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» рассматривал автономные республики в качестве субъектов федерации (СССР) и давал им право передавать полномочия Союзу ССР, минуя «свою» союзную республику, отношения с которой предполагалось строить на основе договоров и соглашений. Российское руководство со своей стороны обещало широкую самостоятельность автономиям. «Будет конфедеративный договор внутри России... Возьмите такую долю самостоятельности, какую можете переварить»⁴⁰⁴, – так летом 1990 г. в Татарстане формулировал российскую позицию Б. Н. Ельцин.

Важнее другое. Открытая борьба Центра и России за российские автономии развязывала руки национальным элитам автономных образований в их стремлении к абсолютной независимости и полному суверенитету. Так, в апреле 1990 г. председатель Верховного Совета Татарской АССР М. Шаймиев называл Татарскую автономную республику «советским социалистическим суверенным государством, непосредственно подписывающим на равных отношениях с нынешними союзными республиками новый союзный договор как субъект обновленной федерации» и обещал, что «при этом республика признает нерушимость сложившихся границ». Шаймиев также полагал целесообразным установить особые договорные отношения между Татарской республикой и Россией, «определив разграничение полномочий по ряду позиций, представляющих взаимный интерес»⁴⁰⁵.

Пагубность политики противостояния Союза и России понимали многие политики. Р. Г. Абдулатипов подчеркивал: «Народ начинает раскалываться на 2 части: сторонников Союза и сторонников России, причем такое противостояние уже ощущается не только на уровне правительства, министерств, но и на уровне трудовых коллективов»⁴⁰⁶. Ученый-политик высказывался за немедленное подписание Союзного договора, поскольку «ненормальное положение может взорвать страну»⁴⁰⁷.

Главная и самая трагичная ошибка М. С. Горбачева заключается в том, что Центр с огромным опозданием решил на реформу советской федерации. Политическое руководство страны, понимая, что катастрофически теряет инициативу в вопросах преобразования Союза, решает обратиться к так называемой концепции возобновления договорной основы Союза лишь в феврале 1990 года⁴⁰⁸. Вступая на пост Президента СССР 15 марта 1990 г.,

⁴⁰³ См.: Грачев А.С. Указ. соч. С. 266.

⁴⁰⁴ Митрохин С. С. Российский федерализм: история болезни // НГ-регионы. 1998. № 16.

⁴⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 182. Л. 43.

⁴⁰⁶ Там же. Д. 109. Л. 170.

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ Впервые тезис о необходимости развития «договорного принципа строения Союза» прозвучал в проекте платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии «К гуманному демократическому социализму», одобренном февральским (1990) Пленумом ЦК КПСС

М. С. Горбачев заявил о необходимости срочно разработать и опубликовать для всеобщего обсуждения проект нового Союзного договора, но при одном условии – если будет сохранена «идея федерации»⁴⁰⁹.

Однако уже 12 июня 1990 г. на заседании Совета Федерации при Президенте СССР при обсуждении вопроса «О проблемах национально-государственного устройства СССР» руководители практически всех союзных республик, включая уже «отделившиеся» республики Прибалтики, а также Татарской АССР, представлявшей автономные республики, согласились с необходимостью заключения такого Союзного договора, который «гарантировал бы реальный экономический и политический суверенитет республик»⁴¹⁰. Национальные элиты больше не церемонились с Центром. В условиях стремительно нарастающей дезинтеграции союзного государства Горбачев, возможно, вынужденно отказался от помощи тех политических сил, которые видели спасение Союза ССР в сохранении его единства. В конечном счете, дискуссии о судьбе Союзного договора неизбежно превратились в диалог между М. С. Горбачевым и республиканскими руководителями, за плечами которых стояли национальные элиты, уже преодолевшие стадию этнической мобилизации и приступившие к дележу власти и собственности на «своих» территориях.

Т. В. Черевичко (Саратов)

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ – ПУТЬ К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ?

В последние годы доминирующие тенденции мирового экономического развития в значительной степени обусловлены двумя процессами: глобализацией и модернизацией.

Глобализация в самом общем виде может пониматься как процесс, усиливающий взаимозависимость мирового сообщества. Глобализация – комплексное явление, которое не следует, да и невозможно сводить к одному объединяющему процессу. Как метко заметил У. Бек, глобализация – это смесь не совместимых компонентов, заимствованных отовсюду и ниоткуда.

Феномен глобализации является результатом как минимум трех переплетающихся процессов: во-первых, технологического прогресса, фундаментально меняющего отношения человека с окружающей его средой; во-вторых, интеллектуального, относящегося к изменениям социальных ценностей, образования; в-третьих, институционального, обуславливающего появление новой институциональной структуры.

(см.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5–7 февр. 1990 г. М., 1990. С. 370–371).

⁴⁰⁹ Правда. 1990. 16 марта.

⁴¹⁰ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 25. С. 675.

Глобализация сделала мир единым целым, «социальные, политические и экономические связи пересекают границы государств и вторгаются в судьбы живущих в них людей»⁴¹¹.

Глобализация и модернизация – два взаимосвязанных процесса. И не просто взаимосвязанных, а глобализация сращена с модернизацией, так как она развивается на основе новых инновационных продуктов. Одновременно с этим в настоящее время глобализация становится источником и ресурсом модернизации. Интенсивность, глубина, приоритеты модернизации во многом задаются процессами глобализации, которые являются мощным экзогенным двигателем российской модернизации, влияя на ее воспроизводство и степень радикализации⁴¹².

В этой связи хотелось обратить внимание на тот факт, что за последние годы проблема возможности модернизации России стала предметом острой научной дискуссии. И это не случайно. К началу 2010 г. классическая теория модернизации исчерпала свои возможности, что поставило под сомнение безальтернативность модернизационного пути развития⁴¹³.

В настоящее время в мировой политической экономии выделяются три подхода к пониманию модернизации. Первый понимает модернизацию как обновление чего-либо. Второй рассматривает модернизацию как целенаправленные действия по преодолению отставания. Третий видит в модернизации исключительно индустриальный тип общества. Как отмечает С. А. Афонцев, наиболее успешным для экономики до сих пор оказывался второй тип модернизации⁴¹⁴.

В современных условиях глобализационные процессы формируют и определяют функционирование особых типов модернизации. Так, в мировой практике отмечается, что современная модернизация носит анклавно-конгломератный характер: очаги «постиндустриальной» экономики мирно уживаются с традиционными архаичными структурами даже в развитых странах. Такой тип «анклавной модернизации»⁴¹⁵ позволяет инкорпорировать привнесенные извне инновации.

Как известно, процессы глобализации в мировой экономике включают интенсификацию международной торговли и межгосударственного перемещения капитала в различных его формах, распространение деятельности транснациональных корпораций на все страны, прогрессирующее объединение национальных финансовых рынков и дальнейшее развитие глобальной финансовой сферы. Глобальный рынок в этой связи может характеризоваться как крупнейший технологический трансфер. Он обеспечивает «конкурентно прибыльное производство гражданского сектора экономики,

⁴¹¹ Гиденнс Э. Социология. М., 1999. С. 483.

⁴¹² См.: Гавров С. Модернизации России: постимперский транзит. URL: www.bibliotekar.ru/gavrov-3/7.htm (дата обращения: 12.06.2012).

⁴¹³ См.: Зимние беседы о модернизации // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 2 (29). URL: www.intertrends.ru/twenty-sixth/010.htm (дата обращения: 15.08.2012).

⁴¹⁴ См.: Там же.

⁴¹⁵ См.: Там же.

в том числе фундаментальные научные исследования, здравоохранение, образование, социальное обеспечение»⁴¹⁶.

В свою очередь, рост объемов и значения иностранных инвестиций, мировой торговли услугами и появление новых возможностей финансирования деятельности компаний приводит к расширению туристских рынков, способствует более эффективному распределению мировых производственных и финансовых ресурсов, что благоприятствует увеличению мирового производства туристских услуг, а вслед за ним, при прочих равных обстоятельствах, и занятости⁴¹⁷.

Наиболее общим показателем экономической глобализации является рост международной торговли. Так, в 1990-х гг., по данным Международного валютного фонда (МВФ), ежегодные темпы роста оборотов международной торговли составляли в среднем 8% и более чем вдвое превосходили среднегодовой рост объемов производства. К 2000 г. доля международной торговли в мировом ВВП достигла почти трети⁴¹⁸.

В настоящее время, информационные технологии, наряду с интенсификацией торговли, способствуют распространению товарообмена на новые сферы товаров. Как следствие, в последние десятилетия возникла новая тенденция в мировой торговле: увеличение роли экспорта услуг (на данный момент уже 20% общего экспорта составляют услуги). Так, статистика утверждает, если в 1980 г. мировой экспорт услуг составлял 367 млрд. долл., в 1990 г. – 803 млрд. долл., то в 2001 г. – 1350 млрд. долл., т. е. мировой экспорт услуг каждые десять лет увеличивается почти в два раза⁴¹⁹.

Данное обстоятельство обуславливает наличие другой важной характеристики процессов глобализации – опережающий рост сферы услуг по сравнению с материальным производством и расширение ее хозяйственных позиций. В современной экономике существует более 600 видов различных услуг. В большинстве развитых стран доля услуг в структуре ВВП приближается к 70–80%. Так, данный показатель в Великобритании составляет 73,4%, во Франции – 70,6%, в Норвегии – 73,0%, в США – 80,0%⁴²⁰.

Экономическое развитие России также характеризуется возрастающим значением сферы услуг. По данным Госкомстата РФ, удельный вес услуг в формировании структуры ВВП России достигает в последние годы 50%.

Среди общих тенденций развития сферы услуг характерных для большинства развитых стран следует выделить:

- рост оборота и прибыли предприятий сферы услуг, а также увеличение заработной платы занятых в этой сфере;

⁴¹⁶ Глобальный технологический трансфер // Инновационные направления современных международных отношений. М., 2010. С. 50.

⁴¹⁷ Так, например, в ряде быстро развивающихся стран доля филиалов иностранных ТНК в общей занятости населения достигает значительных величин: в конце 1990-х гг. в Сингапуре, Малайзии и Шри-Ланке она составила свыше 20%, в Гонконге и на Тайване – более 10%.

⁴¹⁸ См.: Хаммер Х.-Р. Вклад международной торговли в экономическое развитие развивающихся стран // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003. С. 123.

⁴¹⁹ См.: Дюмулен И. И. Международная торговля услугами. М., 2003. С. 19.

⁴²⁰ См.: Устинов М. Мировая торговля. М., 2003. С. 27–28.

- быстрое развитие оптовой и розничной торговли, предприятий общественного питания, транспортных предприятий, услуг связи и финансовой сферы;

- сочетание государственных и частных предприятий в сфере услуг;

- активизацию инвестиционной и инновационной активности предприятий по оказанию услуг;

- возрастание спроса на новые виды услуг;

- активное развитие сектора деловых услуг;

- приоритет социальных аспектов в развитии сферы услуг.

Но роль данного сектора в современной экономике связана не только и не столько с его преобладанием в структуре хозяйства. В сфере услуг формируются ключевые факторы экономического роста, такие как научное знание, нематериальные формы накопления, информационные технологии. В качестве причин высокой динамики сферы услуг можно назвать:

во-первых, действие закона возвышения потребностей, который выражает изменение запросов людей в связи с изменением уровня общественного развития. Потребности являются основным стимулом развития производства услуг. С углублением общественного разделения труда изменяется соотношение свободного и рабочего времени, трудовой и досуговой деятельности. Увеличение объема свободного времени и повышение доли доходов населения ведет к изменению структуры его потребления в пользу нематериальных благ и услуг;

во-вторых, потребности в развитии услуг выходят за рамки сугубо экономических – процесс гуманизации экономического роста сопровождается расширением комплекса услуг, направленных на совершенствование самого человека, его интеллектуальных и физических возможностей, удовлетворение его культурных, духовных и социальных запросов;

в-третьих, усиливающуюся интеграцию материальных и нематериальных элементов производства. Границы между индустриальной сферой и сферой услуг становятся подвижными, происходит взаимное проникновение одной сферы в другую. Потребление услуг незаметно меняет потребление многочисленных физических продуктов. Этот процесс находит отражение в интеграции предложения физических продуктов и услуг. В сфере услуг происходит противоположный процесс: вместе с приобретением услуги приобретаются и определенных физические продукты. Кроме того, в промышленном производстве существует различный уровень специализации внутрипроизводственных услуг. Наряду с услугами, оказываемыми для собственных нужд, возникает необходимость оказания услуг другим предприятиям. Доля таких услуг становится существенной при выполнении таких видов деятельности, как информационные, образовательные и другие;

в-четвертых, конкурентоспособность страны в глобальной экономике в значительной степени зависит от человеческого фактора, что обусловлено изменениями в характере экономического роста. Основным источником экономического роста становится научное знание и человеческий потенциал.

В настоящее время даже появился термин «сервииндустриальная экономика», отражающий процесс интеграции секторов материального производства и услуг. Для данного вида экономики характерны следующие тенденции: «экстернализация» услуг; индивидуализация и социальная интеграция потребителей; диверсификация отраслей услуг; повышение качества

услуг и их возрастающая дифференциация; территориальная специфика производства и оказания услуг; усиление роли наукоемких отраслей услуг; интенсивный рост международной торговли услугами.

Общая высокая динамика, характерная для всей сферы, одновременно – результат различных темпов роста отдельных отраслей сферы услуг. Сейчас наиболее активно развиваются деловые услуги. Это связано со структурно-технологической перестройкой материального производства. В результате такой перестройки выросли потребности промышленных компаний именно в деловых услугах. Одновременно из состава крупных компаний выделялись и превращались в самостоятельный бизнес подразделения, специализирующиеся на услугах. Углубление специализации расширяет состав услуг, позволяет полнее и качественнее удовлетворять запросы потребителей.

Влияние вышеперечисленных факторов привело к расширению спроса на услуги не только со стороны индивидуальных потребителей, но и со стороны предприятий. Прирост услуг определяется в настоящее время в большей степени не потребительским спросом, а спросом со стороны производства (в развитых странах прирост услуг обеспечивается со стороны производства на 50–80%). В производственных компаниях различной отраслевой принадлежности расходы на приобретение деловых услуг выросли в крупную статью затрат.

В рамках этой отрасли услуг достаточно интенсивно происходит развитие такого сегмента сферы услуг – делового туризма. Деловой туризм – перспективная и высококорентабельная отрасль сферы услуг. Его доля в международном туристском обмене составляет от 10 до 20%.

К деловому туризму Всемирная Туристская Организация относит поездки для участия в съездах, общих собраниях какой-либо организации дипломатического или иного характера, научных конгрессах, конференциях, производственных совещаниях и семинарах, ярмарках, выставках и международных салонах и другие служебные поездки (установка и наладка оборудования, заключение контрактов и т. д.).

По нашему мнению, деловой туризм следует рассматривать как один из видов деловых услуг. Это обусловлено следующим:

1. В настоящее время происходит стирание секторальных границ. Традиционные границы, основанные на критерии основного вида деятельности компании, начинают разрушаться. Деловой туризм становится необходимым видом услуг для производства и продвижения товаров предприятия. Причем качество таких услуг – это существенный фактор конкурентоспособности.

2. Интернационализацией и усложнением рынков. Изменения в производстве и новые технологии сблизили географические рамки бизнеса, сократили расстояния. Рынки приблизились, хотя одновременно стали более сложными. Потребность проникновения на новые рынки, ныне доступные, включает потребность в информации и услугах, способствующих соединению различных географических мест. Деловой туризм также вносит свой вклад в обмен информацией, поэтому можно сказать, что деловой туризм как особый вид услуги и интернационализация имеют тесные связи между собой.

3. Критерием определения делового туризма как подвида деловых услуг является клиентура, которой предназначены такие услуги. Большей частью

деловой туризм не для индивидуального или коллективного потребления, а для производственных организаций, то есть для компаний. Иначе говоря, деловой туризм предполагает корпоративное обслуживание, направленное на расширение деятельности предприятия⁴²¹. Таким образом, целью делового туризма в конечном счете является повышение конкурентоспособности фирм.

В контексте развития сервисиоиндустриального общества деловой туризм как разновидность деловых услуг характеризует новую форму проявления глобализации. Это обусловлено рядом обстоятельств:

- деловой туризм, напрямую связан с передачей информации и коммуникацией, в определенной степени имеет отношение к переходу от индустриального к сервисиоиндустриальному обществу;

- деловой туризм – это наиболее впечатляющий результат становления производственных систем как более гибких. Компании оказались в состоянии предлагать услуги, которые раньше вообще не включались в производственную структуру;

- потребность в близости к клиенту стимулирует конкуренцию между многими услугами делового туризма, имеющими отношение к реализации продукции и к приобретению или передаче информации;

- цели, направленные на повышение качества, стимулируют использование не только услуг делового туризма, но и улучшение качества сопутствующих услуг (например, услуг размещения, питания, транспорта);

- конкуренция, базирующаяся на совокупности цены, качества услуг, требует имиджевой стратегии. Именно деловой туризм во многом определяет имидж многих компаний, в том числе и глобальных;

- проникновение на новые рынки требует глобальной перспективы. Растущая широта и сложность рынков вызывает конкуренцию среди множества услуг делового туризма, специализированных на стратегиях глобализации туристского рынка;

- процесс урбанистической концентрации и потребность в близости к клиенту – это важные элементы новой сервиоиндустриальной экономики. Они имеют решающее значение для рационального обоснования делового туризма как разновидности деловых услуг. В то же время деловые услуги как основа делового туризма имеют специфическую связь с местным индустриальным климатом. Они помогают повысить конкурентоспособность и инновативность таким образом, что деловой туризм не только становится следствием промышленной деятельности, но и сам может действовать как привлекательный фактор.

Несмотря на то, что формирование и развитие постиндустриального общества зачастую ставится под сомнение, тем не менее, можно утверждать, что сервисная экономика – это результат такого феномена как модернизации без перехода на качественно новые технологии.

⁴²¹ Суть корпоративного обслуживания в рамках делового туризма заключается в предоставлении полного пакета туристских услуг сотрудникам той или иной компании для участия в бизнес-поездках.

Н. В. Середина (Тверь)

**П. П. СМИРНОВ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ
XVI–XVII ВЕКОВ**

Одним из важнейших направлений развития современной исторической науки является изучение «комплексного феномена исторической культуры, в котором «сотворенная» предшествующими поколениями, ставшая памятью история соединяется с воспринимающим ее историческим сознанием»¹.

Такое соединение происходило, в частности, в период работы исследователей советского периода над созданием «Очерков истории СССР» и новой целостной концепции развития отечественной истории. Эта работа началась еще в 1930-е годы. Процесс трансформации оценок целого ряда проблем всемирной и отечественной истории (социально-экономические отношения в Киевской Руси, периодизация исторического процесса) изучался нашими современниками, рассматривался в литературе и вклад историков «старой школы» в формирование принципиальных теоретических представлений советской исторической науки².

Одной из важнейших проблем, требовавших переосмысления, явилась история городов и городского населения России. Создаваемая концепция отечественной истории должна была соответствовать основным положениям марксизма-ленинизма, доказывать наличие в нашей стране условий для совершения социалистической революции, важнейшим среди которых было наличие пролетариата и классовой борьбы в среде городского населения.

Между тем, из имевшихся в литературе в конце 1930-х гг. оценок городов трудно или даже невозможно было вывести положения о зарождении пролетариата и буржуазии даже в XVII в., не говоря уже о более раннем периоде истории страны. За последующие 8-10 лет ситуация в историографии переменилась, и произошло это в значительной мере благодаря одному из представителей «старой школы» историков – П. П. Смирнову (1882–1947). Попытаемся определить значение его работ для того времени, когда происходило формирование большевистской концепции отечественной истории, и для современных научных представлений.

¹ Репина Л. П. Вместо Предисловия. Представления о прошлом и связь времен в историческом сознании // *Образы времени и исторические представления. Россия-Восток-Запад*. М., 2010. С. 11–12.

² См., напр.: *Дубровский А. М. Историк и власть*. Брянск, 2005; *Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма*. М., 2011.

Общая характеристика трудов П. П. Смирнова, посвященных эволюции структуры городского населения, содержится в работах по историографии, в обзорах литературы к исследованиям по истории городов и городского населения³. Более основательно и детально проблемы его творчества рассматриваются В. Ф. Козловым и А. М. Дубровским⁴. Следует отметить большую эвристическую работу, проведенную этими учеными. Исследовав неопубликованные работы П. П. Смирнова, А. М. Дубровский пришел к выводу, что материал по истории населения городов был собран и осмыслен ученым еще до революции, и в последующем оценки и концепции ученого «почти не менялись»⁵. Двухтомная монография, посвященная классовый борьбе посадских людей, опубликованная в 1947–1948 гг., была, по мнению Дубровского, продолжением первой⁶, вышедшей в 1917 году. Однако исследователь отмечает и ряд существенных отличий между двумя крупнейшими работами П. П. Смирнова, на которых и мы остановимся ниже.

В недавно опубликованной монографии А. М. Дубровский показал интенсивную работу П. П. Смирнова по изучению и осмыслению всеобщей истории и теоретических основ марксизма. Эта работа, по мнению исследователя, привела ученого к выводу о единстве пути и об аналогичности стадий развития, которые прошли Россия и другие страны. Своеобразие России состояло, по мнению Смирнова, в том, что в ней каждая из стадий начиналась позднее, но была короче⁷.

О глубоком знании П. П. Смирновым идей классиков марксизма свидетельствует последняя работа А. Л. Юрганова. В ней автор показал огромное влияние одной из публикаций ученого на складывание концепции создания Русского централизованного государства⁸. Внимательное изучение марксистско-ленинского наследия отразилось и на понимании П. П. Смирновым исторических процессов, происходивших в городской среде. Об этом свидетельствует сопоставление его двух основных работ по истории городов и городского населения.

В первом своем крупном исследовании на эту тему П. П. Смирнов искал ответ на вопрос о причинах хозяйственного кризиса и разорения городов к началу XVII века. Главную из них он увидел в «исчезновении мелкого и насаждении крупного землевладения» в городах Московского государства. Государь постепенно становился единственным собственником земель. Это,

³ См., напр.: *Хорошкевич А. Л.* Основные итоги изучения городов XI – первой половины XVII в. // *Города феодальной России.* М., 1966. С. 39; *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж, 1975. С. 62, 82; *Соловьева Т. Б.* Городские владения патриаршего дома и борьба за них с посадом в России XVII в. // *Русский город.* Вып. 6. М., 1983. С. 53.

⁴ См.: *Козлов В. Ф.* Список печатных работ П. П. Смирнова // *Археографический ежегодник за 1982 г.* М., 1983; *Дубровский А. М.* Неопубликованные работы П. П. Смирнова в ОР ГБЛ // *Археографический ежегодник за 1988.* М., 1989. С. 228–234.

⁵ *Дубровский А. М.* Неопубликованные работы П. П. Смирнова в ОР ГБЛ. С. 231–232.

⁶ См.: *Дубровский А. М.* П. П. Смирнов – историк городов феодальной России // *Русский город.* Вып. 6. М., 1983. С. 91.

⁷ См.: *Дубровский А. М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) Брянск, 2005. С. 740–743.

⁸ См.: *Юрганов А. Л.* Указ. соч.

по мнению ученого, вело к разрыву связи между городом и деревней⁹. И этот разрыв в тот период его творчества казался автору губительным для России.

Ученый выделял в составе городского населения несколько групп: посадское тяглое черное население, которое проживало на черной государственной земле; служилых людей городов, также проживавших на государственной земле; население территорий, принадлежавших какому-либо феодалу и зависимое от него; ремесленное население дворцовых и казенных слобод. К служилым людям историк относил и некоторые группы ремесленников, состоявшие на службе у государя. Они не несли посадского тягла и посадских служб, их положение в городе, по мнению историка, было привилегированным, близким к положению помещиков¹⁰. Каждая профессиональная группа таких ремесленников и служилых людей чаще всего жила на государственной земле особой слободой, лишь иногда их дворы были рассеяны среди дворов посадских людей.

Своим исследованием П. П. Смирнов наглядно показал, что, по сути, город конца XVI–XVII вв. – это комплекс общин, каждая из которых несла какие-либо обязанности и платила налоги, набор которых существенно различался. Различия в значительной мере были обусловлены подведомственностью слобод различным субъектам, в том числе некоторым дворцовым и патриаршим приказам, церквям, монастырям, патриарху и частным светским лицам.

П. П. Смирнов подошел к исследованию городов с точки зрения поиска различий в положении отдельных категорий их населения. Неоднократно отмечая более привилегированное положение населения слобод по сравнению с посадскими людьми, он все же не акцентировал внимания на этом обстоятельстве.

Уже в советское время были опубликованы работы А. Н. Сперанского, С. В. Бахрушина, М. Н. Тихомирова, дополнены и переработаны труды С. К. Богоявленского и других ученых, исторические представления которых сформировались в дооктябрьский период или под влиянием представителей дооктябрьской историографии. Эти труды подтверждали сложную структуру городского тяглого населения, обособленность каждой отдельной слободы, в том числе в силу разной подведомственной подчиненности. Выводы этих ученых свидетельствовали, что не следует распространять понятия посадские люди / черные тяглые люди на всех занятых в сфере ремесла и торговли и даже на всех горожан, проживающих на посадской земле.

Ученые показали, что в XVII в. каждая территориально-профессиональная корпорация беломестцев, жившая отдельной слободой, имела свои органы самоуправления: как правило, они выбирали своего старосту, сборщиков налогов. В структуре государственного управления слободы были вертикально ориентированы, т. е. в большей степени зависели от центральных

⁹ См.: Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1917. Т. 1. Вып. 1: Формы землевладения. С. 8.

¹⁰ См.: Там же. С. 27–29.

учреждений – приказов, в ведомстве которых находились, чем от воеводы – главы местной администрации¹¹.

Однако происходившая в стране трансформация марксизма-ленинизма из одной из многих философских концепций в господствующую идеологию привела к новому взгляду на многие явления. На долгие годы оказалось практически забытым положение о том, что жители большинства городских слобод, по сути, как и посадские, в той или иной мере были тяглецами, а уж налогоплательщиками были определено. Этому в значительной степени способствовала новая работа П. П. Смирнова «Посадские люди и их классовая борьба»¹², а также интерпретация его положений ведущими учеными того времени и редакционной коллегией «Очерков истории СССР».

Еще в своем рукописном варианте исследование П. П. Смирнова получило Сталинскую премию 2-й степени¹³. В монографии, название которой соответствовало запросам исторической науки, развивавшейся в русле марксистской парадигмы, П. П. Смирнов нашел и обдумал новые, по сравнению с работой, изданной в дореволюционный период, нюансы взаимоотношений отдельных категорий городского населения.

Во-первых, ученый рассмотрел вопрос о происхождении посадских людей. Население городов периода формирования централизованного государства он разделил на две основные группы: своеземцы и городчане. Первые, по его мнению, являлись свободными людьми, проживали на своей земле и оброка государю не платили. Вторые за пользование землей платили оброк, обычно великому князю. Проживали они общинами, и такое положение П. П. Смирнов называет «коллективным держанием государевой данной земли из оброка». В случае, если дома городчан стояли на земле кого-либо из своеземцев, оброк за пользование землей выплачивался этому землевладельцу. Эту плату П. П. Смирнов обозначает как поземы. Автор пишет о сокращении численности своеземцев в ходе политики московских государей, считает, что по мере ее осуществления проходило «сливание» населения удельных городов в единую массу посажан или посадских людей¹⁴. Ученый детально подсчитывает увеличение численности последних в ходе посадских строений XV–XVII веков.

Среди посажан были представители различных профессий, занятий. Помимо оброка за пользование землей они несли еще так называемое тяг-

¹¹ См.: *Чечулин Н.* Несколько слов о «старых служб служилых людях» в XVIII в. // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 32–39; *Богоявленский С.* Состав Московского слободского схода // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Петербург, 1922. С. 322–329; *Он же.* Московская мещанская слобода в XVII в. // Научное наследие: о Москве XVII века. М., 1980. С. 9–170; *Сперанский А. Н.* Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства М., 1930; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1958; *Он же.* Население Дмитрова в XVII и начале XVIII века // *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 259–284; *Он же.* Город Дмитров. От основания города до половины XIX в. (с планами, картами и диаграммами // Там же. С. 170–216.

¹² См.: *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М., 1947–1948. Т. 1–2.

¹³ См.: *Бахрушин С. Б.* От редактора // Там же. Т. 2. С. 726–736.

¹⁴ См.: *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 95.

ло. Таким образом, П. П. Смирнов противопоставляет тягло оброку, который платится за пользование землей. Если оброк могли платить многие жители города, не имевшие своей земли¹⁵, то тягло несла лишь часть городского населения, к тому же в некоторых городах ничтожная по численности. Именно эту часть населения – городчан, несущих тягло, – П. П. Смирнов называет посадскими людьми.

По мнению П. П. Смирнова, термин посадские люди вошел в употребление в конце XV в. после того, как в результате внутренних процессов в развитии страны и ряда реформ «пестрые элементы удельного городского населения были объединены в одну группу государевых тяглых черных людей». Он противопоставляет посадских как людей не вполне свободных и к тому же обремененных податями и повинностями жителям слобод¹⁶. Ученый рассматривает структуру населения города с точки зрения отношения к тяглу и считает, что нести его – это обязанность посадских, в то время как население слобод было избавлено от тягла. В принципе аналогичный критерий выдвигали Н. Д. Чечулин и А. С. Лаппо-Данилевский. При этом их исследования, особенно монография Лаппо-Данилевского, были настолько насыщены примерами ситуаций, когда лица, не принадлежащие к посадской общине, платили налоги, исполняли повинности, что в результате прочтения складывалось впечатление о практически полном отсутствии различий в положении тяглового и нетяглового населения¹⁷.

В изложении П. П. Смирнова в положении тяглецов и беломестцев мы видим больше различий, чем общих черт. Более того, в его концепции именно эти различия в выплатах и повинностях отдельных категорий горожан часто являлось поводом для проявлений явно недружественного отношения населения посада к жителям слобод.

В этой работе, в отличие от предыдущей, ученый оценивал ликвидацию землевладения монастырей, церквей, частных светских лиц в рамках городов как явление положительное. По его мнению, в результате посадских строений, особенно тех, что прошли в 40-е годы XVII в., выросла численность городского населения, «была создана особая зона городского права» и произошло ее выделение из массива земель сельскохозяйственного производства. Это вело к усилению рыночных связей между городом и деревней, т. е. способствовало развитию капитализма в стране¹⁸.

Вероятно, детальное изучение П. П. Смирновым всеобщей истории и марксизма позволило ученому интерпретировать исторические факты, известные ему еще с начала XX в., в русле марксистской парадигмы. И эта интерпретация привела его к мысли об аналогии класса горожан Московского

¹⁵ Напомним, что Л. Д. Плошинский именно эту плату за землю рассматривал как «тягло».

¹⁶ По мнению П. П. Смирнова, посадские люди в период формирования этой категории населения были свободны (Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 95), их закрепощение началось после 1581 г. (Там же. Т. 1. С. 151–159, 401).

¹⁷ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. Изд. 2-е. М., 2011; Чечулин Н. Д. Города Московского государства. М. 1889.

¹⁸ См.: Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 722.

государства и бюргеров Западной Европы, а также молодых людей российских городов [именно городов, а не посада, – Н. С.] и плебейской оппозицией западноевропейских. Логическим следствием этой аналогии стала идея о расслоении горожан. Чрезвычайно важным представляется то обстоятельство, что П. П. Смирнов пишет именно о расслоении класса горожан, а не посадского населения. Плебейская оппозиция городов России, по мнению историка, уже в первой половине XVII в. состояла из разорившихся граждан (посадских людей) и массы городских жителей, не обладавших правами гражданства. К ним историк относит ремесленных подмастерьев, поденщиков и многочисленных зачатков люмпен-пролетариата¹⁹. Следующим логическим выводом в цепи размышлений, ставших следствием исходной аналогии между группами населения городов Московского государства и Западной Европы, была характеристика ученым противоречий, возникавших между отдельными группами населения городов, как классовой борьбы. «Врагами» были представлены, во-первых, население государевых черных земель (посадские люди) и беломестцы – жители городских кремлей и слобод, принадлежащих феодалам различных категорий, либо находящихся в ведении дворцовых и казенных приказов, во-вторых – посадская верхушка и молодые люди города – «посадская оппозиция».

Увеличение численности разорявшихся горожан, с одной стороны, и количества посадских дворов за счет сокращения дворов своеземцев в ходе посадских строений, с другой, свидетельствовало, по мнению историка, о развитии в России новой, капиталистической формации. Реформы конца 40-х годов XVII в., которые привели к существенному сокращению в городах численности слобод, не входящих в состав посадов, П. П. Смирнов рассматривал как победу, открывавшую дорогу развитию капитализма в России. И это был вывод, явившийся полной противоположностью оценкам, данным этому же процессу в работе, опубликованной в 1917 году.

Следует признать правоту А. М. Дубровского, который писал, что труд П. П. Смирнова поставил исследование городов на основу марксизма, но слишком прямолинейно отождествлял развитие западноевропейских и русских городов. Однако с суждением о том, что монография П. П. Смирнова не получила поддержки у его современников, согласиться трудно²⁰.

Новые оценки и интерпретации ученого оказались вполне востребованными в условиях необходимости сформировать новую концепцию отечественной истории.

Возьму на себя смелость утверждать, что появление монографии, равно как и статьи П. П. Смирнова о причинах создания централизованного Московского государства²¹, стало важнейшим событием среди тех, что позволили историкам в послевоенное десятилетие преодолеть кризис исторической науки. По итогам дискуссий, развернувшихся на страницах исторической периодики, был создан принципиально новый исторический нарратив, в рамках которого наработки предшествующей историографии были соеди-

¹⁹ См.: Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 193.

²⁰ См.: Дубровский А. М. П. П. Смирнов – историк городов феодальной России. С. 98.

²¹ О значении этой статьи подробнее см.: Юрганов А. Л. Указ. соч. С. 528–667.

нены с результатами новейших исследований, оформлены в новую систему и приобрели новый смысл.

В качестве такого, принципиально нового нарратива имеется в виду прежде всего издание «Очерков истории СССР» – фундаментальной работы по истории страны, основные положения которой были вписаны в систему взглядов марксизма-ленинизма. Работа над «Очерками», начатая еще в 30-х годах XX в., продвигалась тяжело и медленно. Причиной задержки стала не только Великая Отечественная война, но и сложности с формированием концепции. Публикация работы П. П. Смирнова «Посадские люди и их классовая борьба в первой половине XVII в.» оказалась важным этапом в ее создании.

Ученый умер в 1947 г., не дожив до выхода из печати своей двухтомной монографии, тем не менее, он значится среди авторов тома «Очерков истории СССР», освещающего историю страны в конце XV – начале XVII в., который увидел в свет в 1955 году. Более того, введение к следующему тому – по истории XVII в. – представляет собой изложение основных положений работы П. П. Смирнова и сопровождается ссылками на нее²². В ряде глав этого тома «Очерков» многие идеи П. П. Смирнова находят свое развитие в том ключе, который был необходим отечественной исторической науке в первой половине 1950-х гг. для создания цельной и логически выстроенной концепции истории страны XVII века.

В результате работы над «Очерками» были сформированы представления об эволюции структуры городского населения. Имея своим источником идеи двухтомника П. П. Смирнова, эти представления и поныне существуют в нашей литературе. Они всем нам хорошо знакомы и схематично выражаются примерно следующим образом. В результате посадских строений происходило сближение правового статуса служилых и посадских людей, и в то же время имела место имущественная дифференциация горожан. В результате уже в XVII в. сформировались две новые группы горожан: бедное население, занятое в производстве, и более богатое, занятое торговлей. В стране в целом произошло складывание двух пространств, городского и сельского. Они различались по хозяйственным занятиям населения, что вело к необходимости укрепления экономических связей между этими пространствами.

Такие построения согласовывались с положением В. И. Ленина о складывании всероссийского рынка и развитии капитализма в России в XVII в., и отвечали требованиям, предъявляемым партийным руководством страны к формируемой концепции развития отечественной истории.

Не менее важным стало то обстоятельство, что труд П. П. Смирнова позволил редакторам «Очерков истории СССР» связать в единое целое наблюдения дореволюционных исследований о сложной структуре городского населения XVII в. и выводы монографии А. А. Кизеветтера «Посадская община в России в XVIII столетии».

Это была едва ли не единственная работа дооктябрьского периода, посвященная истории развития посадской общины в XVIII веке. Характеристика структуры посадского населения, данная одним из лидеров кадетской

²² См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. М., 1955. С. 81–86; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 198–220.

партии, вполне вписывалась в марксистскую парадигму и в концепцию редакционной коллегии «Очерков».

Для А. А. Кизеветтера посад – это торгово-промышленное население города, различающееся по имущественному признаку. Различия правового положения отдельных категорий торговцев и ремесленников у Кизеветтера отходят на второй план. Посадская община в работе этого ученого представлена в виде пирамиды. У нее – широкое основание в виде «“подлого” гражданства – ремесленного населения и очень тонкая верхушка в виде малочисленной группы первогильдейских купцов»²³. Такая характеристика посада хорошо увязывалась с выводом П. П. Смирнова о складывании в городах еще в первой половине XVII в. «посадской оппозиции». В своей совокупности работы А. А. Кизеветтера и П. П. Смирнова позволили создать нарратив, где были сформулированы и развиты мифы о расслоении горожан, зарождении пролетариата уже в XVII в. и активизации этих процессов в XVIII столетии.

А. С. Майорова (Саратов)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ В ГОРОДАХ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА²⁴

Происхождение терминов, используемых в научных исследованиях, имеет разные источники. Понятие «культурное наследие» оформилось в области международного права менее полувека тому назад. Оно широко используется специалистами в области истории культуры. Содержание данного понятия зафиксировано в Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия, принятой 16 ноября 1972 г. на Генеральной конференции ЮНЕСКО. В ст. 1 Конвенции даны определения культурного и природного наследия. В понятие «культурного наследия» входят памятники, ансамбли и памятные места. К числу памятников отнесены произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки. К числу ансамблей относятся группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность. В число достопримечательных мест входят произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места²⁵. Понятию «культурное наследие» соответствует сформулированное в законодательстве СССР и РСФСР в 70-е гг.

²³ Кизеветтер А. А. Посадская община в России в XVIII столетии. М. 1903. С. 169.

²⁴ Выражаю благодарность А. Б. Мальшеву за оказанную информационную помощь.

²⁵ См.: Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия. URL: www.nhpfund.ru/world-heritage/convention.html (дата обращения: 13.10.2012).

XX века понятие «памятник истории и культуры». Их идентичность закреплена в Федеральном законе от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках) истории и культуры народов Российской Федерации»²⁶.

Несмотря на то, что оформление понятий «культурное наследие», «памятники истории и культуры» относится к середине XX в., представление о ценности подобных объектов начало формироваться гораздо раньше. Как отметила Л. В. Кошман, проблема культурного наследия уже в XIX в. была предметом забот общественности. Мало того – и государственная власть тоже не была к ней безразлична²⁷. Обращаясь к современному состоянию вопроса об отношении к памятникам прошлого, Л. В. Кошман обратила внимание на то, что исследователи очень мало внимания уделяют истории изучения культурного наследия²⁸. Данное замечание следует признать справедливым, однако не стоит забывать о том, что в 60-е годы XX в. в СССР широко обсуждался вопрос о состоянии культурного наследия в стране. В связи с этим обсуждением А. А. Формозов опубликовал небольшую, но очень интересную книгу очерков «Русское общество и охрана памятников культуры». Ее второе издание вышло в свет в 1990 году²⁹. Автор монографии предпринял попытку выяснить, какие идеи определяли судьбу памятников прошлого в России на протяжении ее истории вплоть до первых десятилетий XX века. Главной целью своего исследования Формозов считал определение этапов в развитии представлений о культурном наследии в нашей стране³⁰. Он рассматривает проблему во всероссийском масштабе.

Значительное место в книге очерков отведено периоду с середины XVIII и до середины XIX века. Именно в течение этого периода начал формироваться тот подход к памятникам национальной культуры, который унаследовало и развивало русское общество в дальнейшем. Формозов констатирует, что «понимание культурного наследия в русском обществе XVIII в. было... односторонним. Равнодушие к национальному искусству прошлого порождено системой классицизма, поработившей Европу в XVIII – начале XIX столетия»³¹. В то же время, во второй половине XVIII в. можно отметить свидетельства внимания к памятникам русской старины. Формозов замечает: «Хотелось бы дать более дифференцированный анализ этого нового в жизни русского общества явления, но материала у нас слишком мало»³².

Дополнить картину представлений о характере и ценности памятников национальной истории и культуры, которая существовала в среде образованных людей русского общества на рубеже XVIII–XIX вв., поможет изучение сведений такого рода по отдельным губерниям. Один из источников по истории Саратовской губернии начала XIX в. предоставляет материал по

²⁶ См.: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации. URL: www.infosait.ru/norma_doc/46/46433/index.htm (дата обращения: 13.10.2012).

²⁷ См.: Кошман Л. В. Культурное наследие как фактор исторической памяти // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 5. С. 8.

²⁸ См.: Там же. С. 10.

²⁹ См.: Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990.

³⁰ См.: Там же. С. 11.

³¹ Там же. С. 22.

³² Там же. С. 39.

данному вопросу. Следует отметить, что Формозов не использовал для рассмотрения представлений о культурном наследии в нашей стране в период с середины XVIII до середины XIX в. такую значительную по объему и разнообразную по составу группу источников как топографические и статистические описания. Л. В. Кошман также не учитывает информацию, которая содержится в источниках этой группы. А между тем, именно в топографических и статистических описаниях фиксировались сведения о достопримечательностях (иначе – достопамятностях). Названные понятия по своему содержательному наполнению близки к современному пониманию культурного наследия.

Рассмотрение одного из первых описаний Саратовской губернии, составленного в начале XIX в., показывает, что некоторые из названных в нем достопамятностей сохранили свое значение памятников культуры до настоящего времени. Следовательно, содержание понятий отчасти совпадает. Однако нельзя говорить о полном соответствии современного представления о культурном наследии содержанию понятия «достопамятности».

Топографические и статистические описания – явление весьма заметное в русской науке, возникновение их было связано с развитием государственного управления. Предметом государственного управления как научной дисциплины являлось государство в целом. Представители этой дисциплины называли ее также статистикой, но исследователи второй половины XX в. не склонны соглашаться с их мнением³³. Историки более раннего периода, напротив, полагали, что следует учитывать точку зрения самих специалистов в области государственного управления, поскольку в течение XIX столетия термин статистика изменил свое содержание. Те труды, которые относились к кругу статистических исследований в начале XIX в., совершенно не похожи на статистические работы конца столетия. М. В. Птуха называет «две ветви» этой научной дисциплины, характерные для ее развития в начале XIX в., – государственное управление (существовавшее в русской науке с XVIII столетия) и численное направление³⁴.

Целью государственного управления являлось описание государств, включая их природные условия, особенности быта населения, политические институты³⁵. В России с середины XVIII в. постоянно велось комплексное изучение территории страны, хозяйственного развития регионов, народов, населявших ее, и разнообразных достопримечательностей, включая памятники старины. Для составления топографических описаний конкретных регионов рассылались вопросники из Академии наук, Сената, Вольного Экономического Общества. Эти вопросники, а также практические потребности администрации в губерниях и послужили причиной возникновения достаточно большого количества топографических описаний.

Саратовская губерния как административно-территориальная единица появилась на карте России в 1780 году. Вначале она называлась наместничеством, и сразу после его открытия было составлено «Описание Саратов-

³³ См.: Дружинин Н. К. Развитие основных идей статистической науки. М., 1979. С. 17–18.

³⁴ См.: Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР: в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 3.

³⁵ См.: Дружинин Н. К. Указ. соч. С. 17.

ского наместничества»³⁶. Оно было впервые опубликовано в месяцеслове на 1785 г., а затем переиздано в составе «Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов за разные годы»³⁷. Целью его составления было выяснение социально-экономического потенциала Саратовского Поволжья. Исторические сведения в нем отсутствуют, поэтому в нем не встречаются указания на достопамятности.

Второе по времени создания описание – «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии», составленное в 1807 г. под руководством губернатора П. У. Белякова, впервые опубликовано в Волгограде только в 2011 году³⁸. О существовании этого ценного источника саратовские историки узнали в конце XIX века. М. В. Булычеву удалось выявить два списка данного описания, один из которых положен в основу публикации³⁹. Оно отличается от первого более разнообразным характером информации. Для нас важно то, что в нем имеются исторические сведения о городах и уездах, а также об археологических памятниках и мемориальных объектах на территории губернии. Особенностью терминологии описания является употребление понятия «древность» и определения «древний» к тем памятникам, которые с современной точки зрения таковыми не являются. Так, рассказывая о каналах, которые начали рыть при Петре I вблизи Камышина, составитель называет их древними, и время Петра определяется как «древность»⁴⁰.

В начале XIX в. губернской администрации удалось выявить ряд различных по характеру объектов, связанных с преданиями о прошлом. Причем, чаще всего они находились вблизи городов или в самих городах. Большинство из них отмечены в Саратовском и в Царицынском уездах. Наличие таких сведений именно в городах или вблизи них имеет определенные основания. Памятники прошлого, которые зафиксированы в топографическом описании, в большинстве случаев представляют собой археологические объекты. К «достопамятностям» отнесены и мемориальные предметы. Для фиксации и тех, и других необходим определенный уровень образования и знакомство с исторической литературой. Сельское население Саратовской губернии в начале XIX в., в своей массе, не имело возможности получать даже начальное образование, уже не говоря о знакомстве с сочинениями историков⁴¹.

При описании Саратовского уезда в «Топографическом и историческом описании» в качестве достопамятностей названы гора Увек, «насыпной мар» в окрестностях села Широкого и «в луговой стороне старый Сара-

³⁶ См.: ОР РНБ. Ф. 550. ОСРК F4 68.

³⁷ См.: Описание Саратовского наместничества // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов за разные годы. СПб., 1790. Ч. 6. С. 23–62.

³⁸ См.: Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. Волгоград, 2011.

³⁹ См.: Клейтман А. Л. «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии» как памятник провинциальной историографии и исторический источник // Там же. С. 9–10.

⁴⁰ См.: Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. С. 68.

⁴¹ См.: Любомиров П. Г. К истории народного образования в Саратовской губернии до освобождения крестьян // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения «ИСТАРХЭТ». Саратов, 1924. Вып. 34, ч. 2. С. 32–53.

тов»⁴². Информация об Увеке достаточно подробна. В описании сказано, что вдоль берега Волги остатки города тянулись на полторы версты. В те времена еще сохранялся вал, поднимавшийся в гору и окружавший городище. Упоминается о том, что на городище «и поныне находят мелкую серебряную татарскую и болгарскую монету», говорится и о находках «давних времен» – медной и глиняной посуды и «утварей женских» (очевидно, имеются в виду украшения). Интересно то, что составитель описания не называет ни имени, ни предполагаемого времени существования города, ни государства, к которому он принадлежал⁴³. Судя по всему, чиновники Саратовской губернии не были знакомы с «Дневными записками» выдающегося ученого И. И. Лепехина, в которых не только дано описание этого памятника, но высказано также мнение об его идентификации⁴⁴.

Лепехин побывал в Саратове и в его окрестностях во время академической экспедиции в 1768 году. Он посетил «жилища татар» на Увеке и оставил заметки об этом памятнике в своем сочинении. У Лепехина не было сомнения относительно того, что это был когда-то татарский город. В качестве доказательства этого факта ученый называет «находимые на Увеке» медные и серебряные монеты, кольца, серьги, посуду. От местных жителей ему было известно, что во время паводка, после того, как сойдет вода, здесь собирали серебряные монеты, чтобы затем продать их в Саратов серебряникам. Лепехин упоминает о том, что видел у одной женщины «золотые татарские подвески, найденные также на волжском берегу»⁴⁵. Он сообщает, что сам набрал на Увеке «немало медных денег и другой мелочи», а затем просил переводчика прочесть надписи на монетах. В результате ему удалось выяснить некоторые даты и имена ханов, при которых монеты были отчеканены⁴⁶. Упоминает Лепехин и земляной вал, окружавший городище, о котором сказано в топографическом описании, указывает высоту вала – «не более двух сажень»⁴⁷. Заметки Лепехина об Увеке отличаются большим количеством подробностей, чем соответствующие фрагменты топографического описания.

Что касается «старого Саратова в луговой стороне», то есть, на левом берегу Волги, то составитель «Топографического и исторического описания» имел в виду следы поселения на реке Саратовке. О них осторожно сказано: «По слухам предается, что в сем месте был прежде Саратов». Это городище, известное впоследствии как «первоначальный Саратов», интерпретировалось историками XIX–XX вв. также и в качестве одного из городищ периода русской колонизации Поволжья. (В настоящее время этот памятник уже не существует – его площадь застроена дачами). Приведенные в «Топографическом и историческом описании» сведения о «старом Саратове в луговой сто-

⁴² Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. С. 37.

⁴³ См.: Там же.

⁴⁴ См.: [Лепехин И. И.] Дневные записки путешествия доктора Академии Наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году. СПб., 1795. Ч. 1. С. 378–390.

⁴⁵ Там же. С. 379.

⁴⁶ См.: Там же.

⁴⁷ Там же. С. 380.

роне» показывают, что составитель был осторожен в использовании сведений устных источников.

В разделе топографического описания, посвященном Камышинскому уезду, названы «древние каналы», о которых говорится, что они «видны еще и теперь», и подчеркивается, что они были «начаты в древности при государе императоре Петере Великом... для составления коммуникации Волги с Доном»⁴⁸. В более поздних трудах саратовских статистиков и историков этот интересный памятник не упоминается, хотя он продолжает существовать и в наше время.

В разделе топографического описания, посвященном Царицыну, тема исторического наследия петровского времени тоже нашла отражение. В нем упомянуты мемориальные предметы, связанные с памятью Петра I, который побывал в Царицыне во время «низового похода» (имеется в виду Персидский поход 1722 г.). Составитель рассказывает о них с оговоркой: «В тамошнем цейхгаузе хранятся достопамятные вещи, оставленные якобы государем его собственные: картуз песочного сукна, подбит розовою тафтою на шляпе и выстеган на хлопчатой бумаге и трость простая вязовая»⁴⁹. Здесь вновь следует отметить сдержанность составителя топографического описания, который выразил сомнение относительно достоверности предания о мемориальных предметах. Картуз и трость Петра Великого в настоящее время находятся в экспозиции Волгоградского областного краеведческого музея. Их подлинность, да и сам эпизод дарения вызывает сомнения и у современных исследователей Е. К. Максимова и С. А. Мезина⁵⁰.

В разделе топографического описания, посвященном Царицынскому уезду, сообщается, что в уезде «есть многие остатки древних городов»⁵¹. Составитель называет урочище между Волгой и Ахтубой, «довольно известное и многими описанное Царевы Пады называемое». Автор описывает его состояние: «многие каменные развалины, обратившиеся в одни груды, каменные погребки или ямы и приметный земляной вал, четвероугольником построенный», и указывает примерную площадь памятника – 30 верст. Далее дается пояснение происхождения развалин: «остатки столицы татар известных под именем большой или Золотой Орды, называвшейся Сарай (порусски: Царев город)»⁵². К настоящему времени этот памятник известен в научной литературе под названием Царевское городище. Наиболее распространенная версия его происхождения – традиционная (зафиксированная в «Топографическом и историческом описании»), согласно которой Царевское городище представляет собой остатки одной из столиц Золотой Орды – Нового Сарая (Сарай ал-Джедид). Согласно другому предположению, высказанному недавно, этот археологический памятник отмечает место, где находился город Гюлистан, известный по нумизматическим материалам⁵³.

⁴⁸ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. С. 68.

⁴⁹ Там же. С. 74.

⁵⁰ См.: *Максимов Е. К., Мезин С. А.* Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010. С. 146.

⁵¹ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. С. 82.

⁵² Там же.

⁵³ См.: *Волгоград в начале XXI века: Учеб. пособие.* Волгоград, 2011. С. 124.

В качестве «остатков древности» в Камышинском уезде упомянуты еще два городища. «Между речек первою и второю Мечетною видны также каменные развалины бывшего городка», – сказано в описании⁵⁴. Здесь имеется в виду Мечетное городище. В настоящее время от него практически не осталось следов, т. к. оно оказалось на территории современного Волгограда⁵⁵. Выше посада Дубовки названо урочище Ближний водяной буерак, возле которого были видны развалины «древнего какого-то городка»⁵⁶. Ныне этот памятник носит наименование Водянского городища (предполагаемый Бельджамен)⁵⁷.

Составитель топографического описания упоминает об одном интересном предании, которое существовало в Царицыне. Оно гласило, что на том месте, где в начале XIX в. стояла церковь Иоанна Крестителя, был «дворец царя Мамаю». Автор топографического описания сообщает, что эти сведения подтверждаются наличием «груды древних камней»⁵⁸. Упомянув предание о «дворце Мамаю», автор замечает, что нельзя узнать, каким образом это предание дошло до русского населения, что является еще одним свидетельством его осторожного подхода к устным источникам⁵⁹.

При описании Кузнецкого уезда под рубрикой «Древность» есть указание на то, что в «дачах сельца Никольского Неклюдовка тож», в лесу есть «никем не запомнимое древнее укрепление» в форме треугольника. С двух сторон оно защищено речками «в крутых буераках», с третьей стороны проходит двойной глубокий ров и вал. Площадь укрепленного места – три десятины с небольшим. Через рвы были «сделаны дороги» «Ныне сие место заросло лесом даже строевым», – отмечает автор, подчеркивая давность его заброшенного состояния⁶⁰. Идентификация этого памятника, который в настоящее время находится вне пределов Саратовской области, требует специального рассмотрения.

При описании Петровского уезда составителем «Топографического и исторического описания» названы только «достопамятности», хранившиеся в Петровске: «стихарь диаконский в соборной церкви, пожалованный будто бы самим государем Петром I», Евангелие в соборной церкви, «жалованное по указу государеву из Приказа Казанского дворца с надписью на нем о времени построения города». Кроме того, указано, что до 1797 г. в городском цейхгаузе хранились: девять пушек, одна затинная пицаль, восемь знамен, «из холстины сделанных», одна алебарда и два копья на древках⁶¹. Позднее об этих военных реликвиях, писали А. Росницкий, Г. И. Чернышевский и Н. И. Костомаров. Сравнение сообщений топографического описания и более поздних авторов о мемориальных предметах в городе Петровске показывает, что военные реликвии, хранившиеся в цейхгаузе, были пе-

⁵⁴ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. С. 82.

⁵⁵ См.: Волгоград в начале XXI века. С. 126.

⁵⁶ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. С. 82.

⁵⁷ См.: Гордеев В. И., Павленко Ю. А. Малый город Поволжья в позднем средневековье. Йошкар-Ола, 2004. С. 20.

⁵⁸ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. С. 82.

⁵⁹ См.: Там же. С. 73.

⁶⁰ Там же. С. 94.

⁶¹ См.: Там же. С. 84.

ренесены в церковь⁶². Где находятся военные реликвии из Петровска в настоящее время – не известно. В 1872 г. они были отправлены на Московскую политехническую выставку, и назад не вернулись⁶³.

Однако не все достопримечательности города исчезли из него. Одна из богослужебных книг, которые упоминались местными историками в первой половине XIX в., сохранилась до наших дней и ныне находится в Петровском краеведческом музее. Это печатное Евангелие конца XVII в., на первых листах которого имеется надпись о том, что в 1699 г. оно было дано в качестве вклада в соборную церковь Петра и Павла из приказа Казанского дворца от имени великого государя Петра Алексеевича. Е. К. Максимов и С. А. Мезин полагают, что присылка Евангелия в Петровск вполне вероятна⁶⁴. Внешние особенности самой книги и надписи на ней свидетельствуют о том, что данная историческая реликвия может считаться подлинной.

Рассмотрение содержания «Топографического и исторического описания» показывает, что в нем отсутствовала определенная терминология для обозначения памятников истории и культуры. Составитель называет подобные объекты: «достопамятностями», «достойными замечания остатками древности», «древностью». Для составителя описания не было разницы между памятниками культуры и мемориальными предметами, которые называются «достопамятные вещи» и «достопамятности». К числу объектов, достойных внимания историка, составитель топографического описания не относит военные укрепления Царицына и остатки оборонительных сооружений городов в Саратове и Камышине. О них упоминается только как об элементах городской структуры. В числе достопамятностей в нем не названо ни одно из произведений архитектуры, которые были на территории губернии. Ни одна из саратовских каменных церквей, включая и Троицкий собор, не подходила под категорию «достойных замечания остатков древности». Возможно, объяснением этого может служить приведенное выше замечание Формозова о том, что «равнодушие к национальному искусству прошлого в начале XIX в. было порождено системой классицизма». Однако и архитектурный памятник, построенный на территории Саратовской губернии в стиле классицизма в конце XVIII в., не вызвал интереса у составителя топографического описания. Речь идет об усадебном комплексе в имении князя А. Б. Куракина Надеждино Сердобского уезда.

Основное внимание составителя «Топографического и исторического описания» обращено на археологические памятники, а также на мемориальные объекты, связанные с именем Перта I. Очевидно, особое внимание к этим последним было связано с тем, что изучаемое топографическое описание составлялось в период подготовки к празднованию в России столетия Полтавской победы. Однако только археологические объекты, названные в нем, могут быть и в наше время отнесены к памятникам истории и культуры.

⁶² См.: *Росницкий А.* Путевые заметки о городе Петровске и уезде // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1843. № 40.

⁶³ См. *Максимов Е. К., Мезин С. А.* Указ. соч. С. 121–122.

⁶⁴ См.: Там же. С 114–115.

А. И. Аврус (Саратов)

ХВАЛЫНСК – «ЗАМОРОЖЕННЫЙ» ГОРОД НА ВОЛГЕ

Небольшие российские города больше всего сохранили остатки старины, традиционный образ жизни. Проходя по их улицам, легко представить, как жили здесь люди в XVIII–XIX веках. Кажется, сейчас откроются ворота, и из них выедет экипаж, запряженный парой гнедых, или на резное крыльцо выйдет пышная красавица в накинутом на плечи узорчатом платке и громко позовет домой резвящихся на улице ребятишек.

Таких городов довольно много на территории России: Изборск, Порхов, Гдов и Опочка в Псковской, Холм и Демянск в Новгородской, Плёс в Ивановской, Трубчевск в Брянской, Кромы и Болхов в Орловской, Козельск и Медынь в Калужской, Касимов и Елатьма в Рязанской областях и т. д. Вот одним из таких городов мне представляется Хвалынский, с конца XVIII в. ставший уездным городом Саратовской губернии. За последние 50 лет я неоднократно бывал в этом городе, обошел его весь, познакомился с окрестностями. И мне кажется, он почти не меняется. В каждом конкретном городе есть свои причины того, почему он как бы застывает во времени, сохраняет свой прежний внешний облик в эпоху резких сдвигов в истории страны, региона. Подобные города, по-моему, следует называть «замороженными», или «застывшими». История каждого из них индивидуальна, любопытна, их настоящее помогает нам наглядно представить российскую провинцию, какой она была 150–200 лет назад.

Есть ли будущее у Хвалынска? Для того чтобы сделать какой-то вывод, надо досконально знать его историю, выявить причины его теперешнего состояния. К сожалению, до сих пор не написана обстоятельная история города, а в ней было много интересного и поучительного. Ведь из Хвалынска и уезда вышло немало замечательных людей: художников, писателей, ученых, политических и общественных деятелей. Есть среди них и историки, но почему-то никто не взялся восстановить историческое прошлое своего родного города. Возможно, остановило то, что во время пожара 1872 г. сгорели многие архивные документы, за исключением полицейского архива⁶⁵. Нужно отметить, что и в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО) мною обнаружено менее десятка дел, в которых есть упоминания о Хвалынске. Конечно, значительное количество источников можно найти в фондах Хвалынского краеведческого музея.

Как свидетельствуют имеющиеся публикации⁶⁶, постоянное население в районе Хвалынска появилось в конце XVII в., когда земли и рыбные про-

⁶⁵ См.: *Владимиров М.* Первое столетие Хвалынска. 1780, 7 ноября – 1880 (материалы для исторического очерка). Саратов, 1880. С. 178.

⁶⁶ См.: Там же; *Пичиенко Г. Ф.* Город Хвалынский. Саратов, 1977; *Осипов В. А.* Саратовский край в XVIII веке. Саратов, 1985 и др.

мысли в этом районе царским правительством были выделены ряду монастырей. Среди них находился и Чудов монастырь, получивший в 80-е гг. XVII в. земли на правом берегу Волги в районе Хвалынска для рыбопромышленных целей и переселившийся в 1699 г. 300 дворов на остров, поросший сосной (существовавший тогда на Волге напротив теперешнего Хвалынска и полностью залитый водой после сооружения Балаковской плотины). Поскольку в половодье большая часть острова оказывалась под водой, первые жители его перебрались на правый берег Волги, где и возникло село Александровское (Сосновый остров), в память о первом месте поселения⁶⁷. До этого сюда с юго-востока проникали кочевники, а с севера беглые крестьяне и раскольники.

В 1780 г. по Указу Екатерины II была образована Саратовская губерния в составе 10 уездов, одним из них стал Хвалынский (следует отметить, что тогда в состав Хвалынского уезда вошли земли по обоим берегам Волги), а село Сосновый остров было переименовано в г. Хвалынск⁶⁸. Так с 1780 г. началась история города Хвалынска, на отдельных страницах которой кратко остановимся дальше.

М. Владимиров приводит любопытную легенду о том, откуда пошло название города. Якобы, когда Иван Грозный спускался вниз по Волге после взятия Казани, то во всех населенных пунктах его встречали разными дарами. Жители населенного пункта, находившегося на месте Хвалынска, решили всех превзойти и подарили царю козла с золотыми рогами. Царь назвал их хвальбунами, отсюда и город стал называться Хвалынском⁶⁹. Конечно, это легенда, так как Иван IV не спускался по Волге, и в XVI в. еще не было постоянного поселения на месте Хвалынска. Сам М. Владимиров в выводах по своим записям придерживался версии, что Хвалынск назван по имени исчезнувшего народа хвалиссы, кочевавшего когда-то в низовьях Волги⁷⁰.

Во время провозглашения Хвалынска городом в нем насчитывалось 1357 жителей, которые занимались первоначально рыбной ловлей и земледелием. Уже к концу XVIII в. в Хвалынском уезде появились земли, пожалованные Екатериной II таким известным дворянским фамилиям, как Нарышкины, Голицыны, Воронцовы, Уваровы. На эти земли переселяли крестьян из других владений этих помещиков, и сельское население уезда, да и городское, довольно быстро росло⁷¹. В 1781 г. в Хвалынске было 346 дворов и 1686 жителей, в 1795 г. в городе проживал 2721 человек. До нас дошли фамилии первого городничего и первого городского головы, ими были соответственно поручик князь М. Д. Кугушев и купец Н. А. Зайцев⁷².

⁶⁷ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1770. Л. 6; *Юровский Л. Н.* Саратовские вотчины. Статистико-экономические очерки и материалы из истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия. Саратов, 1923. С. 6. М. Владимиров считал, что первыми поселенцами на острове были стрельцы, которые поселились здесь около 1706 г., а примерно в 1710–1715 г. они переселились на правый берег (см.: *Владимиров М.* Указ. соч. С. 177–178).

⁶⁸ См.: *Пичиенко Ф. Г.* Указ. соч. С. 9–10.

⁶⁹ См.: *Владимиров М.* Указ. соч. С. 168.

⁷⁰ См.: Там же. С. 179.

⁷¹ См.: *Пичиенко Ф. Г.* Указ. соч. С. 12.

⁷² См.: *Владимиров М.* Указ. соч. С. 179, 182–184, 186.

В начале XIX в. после того, как были разрушены раскольничьи поселения на реке Иргиз, многие раскольники переселились в район Хвалынского. Здесь образовались несколько десятков скитов, затем выросли старообрядческие мужской и женский монастыри. Хвалынский превратился в своеобразную столицу старообрядчества, в его окрестностях готовились кадры проповедников старой веры, происходили соборы представителей раскольников всей России, на которых выбирался глава старообрядческой церкви. Среди старообрядцев было несколько купеческих семей, давших толчок развитию города как одного из центров торговли зерном⁷³.

В первой половине XIX в. в Хвалынский и уезд переехало много татарских семей, в результате в 1828 г. они составили около 15 % всего населения⁷⁴.

Постепенно город начал благоустраиваться, в нем появились первые мостовые, от многочисленных родников вода стала подаваться во дворы, возводились первые двухэтажные кирпичные дома купцов Мельникова и Соляновского, был построен большой каменный собор на пожертвования купцов и других горожан и несколько церквей⁷⁵. 12 (24) января 1826 г. план г. Хвалынского был утвержден Николаем I, и город стал застраиваться по этому плану⁷⁶.

К середине XIX в. в Хвалынской насчитывалось уже свыше 11 тыс. жителей (в Царицыне в это время их было около 7 тыс.). Так что город стал одним из крупных уездных центров Саратовской губернии.

В XIX в. Хвалынский играл значительную роль в торговле зерном, рыбой, а затем и фруктами. Почти в каждом городском дворе стали разводить фруктовые деревья, особенно яблони, груши, сливы, вишни. А затем сады появились и за пределами города. Весной город благоухал от цветущих фруктовых деревьев, был окутан как будто белой и розоватой пеной. Вскоре торговля фруктами стала чуть ли не главной статьей дохода многих хвалынских семейств.

В городе появились довольно многочисленные ремесленные заведения, но в основном мелкие, часто чисто семейные. Среди них больше всего было бондарных, кожевенных и гончарных. Возникли и довольно крупные предприятия по переработке фруктов, ягод и овощей. Некоторые из них изготавливали в год десятки тысяч пудов варенья. Но работа на таких предприятиях носила сезонный характер.

Открывались в Хвалынской учебные заведения. Так, к началу 1882 г. в городе было два мужских и одно женское народных училищ, в которых обучалось соответственно 196, 130 и 146 учащихся. Кроме того, в городе и уезде были земские и церковно-приходские школы. В 1877 г. была открыта городская публичная библиотека⁷⁷. Имелась земская городская больница на 30 коек, к ней в 1867 г. было пристроено родильное отделение⁷⁸.

⁷³ См.: Пичиенко Ф. Г. Указ. соч. С. 13.

⁷⁴ См.: Юровский Л. Н. Указ. соч. С. 232. Подсчитано мной.

⁷⁵ См.: Владимиров М. Указ. соч. С. 169–170.

⁷⁶ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13699. Л. 23.

⁷⁷ См.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3620. Л. 29–29 об.

⁷⁸ См.: Журналы 3-его очередного Хвалынского уездного земского собрания с 25 по 29-е сентября 1868 года и отчеты, проекты и доклады уездной земской управы. Саратов, 1868. С. 22.

В конце XIX вв. рост численности населения Хвалынска приостановился. Постепенно его роль как торгового центра уменьшалась, так как он, в отличие от многих волжских уездных городов (Сызрань, Камышин, Царицын и др.), не получил доступ к железной дороге, оставался только связанным с другими местностями водным путем, который замирал почти на полгода. Проиграл Хвалынск и конкуренцию с Вольском, в котором начали строиться цементные заводы, хотя и в окрестностях Хвалынска находилось много меловых гор, пригодных для организации цементного производства.

К концу XIX в. в Хвалынске было более 15 тыс. жителей (по переписи 1897 г. 15465 человек), свыше 3,5 тыс. домов, в большинстве деревянных, 5 православных церквей, две раскольничьи молельни. На 30 фабриках и заводах города трудилось 77 наемных рабочих, еще 800 человек были ремесленниками⁷⁹.

Описание своего родного города этого времени дал знаменитый его уроженец замечательный художник К. Петров-Водкин в повести «Хлыновск»: «Хлыновск расположен на скате плоскогорья, спускающегося к Волге, и окружен амфитеатром меловых и песчаных гор, густо заросших строевой и мачтовой сосной, со сверкающими среди леса просветами меловых оголений... В меловых залежах гор – кораллы, звезды и трубчатые морские отложения. По склонам гор были чередующиеся друг за другом ключи..., и по городу умной заботой стариков по бесчисленным бассейнам за журчала и заплескала прозрачная, холодная, ледяная зимой и летом вода. Вокруг города на покатосях и по долинам раскинулись яблоневые сады с их знаменитым «анисом», «черным деревом» и «скрутом».

– Если бы это у нас... О, если бы это у нас – что бы мы с этим раем сделали! – говорили мне друзья-иностранцы, посетившие вместе со мной этот городок и его окрестности...»⁸⁰.

Следует отметить, что в Хвалынском уезде был низкий процент грамотности населения: в 1885 г. он составлял всего 5,4%, в 1904 г. – 18,8% среди мужчин и 2,5% среди женщин. Все эти цифры относятся к великороссам, а если взять данные по татарам, чувашам и мордве, то там процент грамотных был еще ниже. Одной из причин этого было то, что, особенно в селах уезда, церковно-приходские школы (а они составляли большинство учебных заведений) посещало мало детей из-за преподавания Закона Божьего по догматам, введенным в Русской православной церкви патриархом Никоном, которые отрицали старообрядцы. А поскольку их проживало в Хвалынске и уезде значительное количество, то родители обычно забирали детей из школ, узнав, как им преподавали этот предмет.

Пережив кратковременный подъем во второй половине XIX в., Хвалынск как бы замер в своем развитии. Железная дорога не появилась, крупных предприятий не открыли, учебных заведений, дававших среднее и высшее профессиональное образование, не было. И молодежь стала поки-

⁷⁹ См.: Русский энциклопедический словарь. Отдел IV. Т. III. СПб., 1878. С. 435; Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 73. СПб., 1908. С. 130; Большая энциклопедия. Т. 19. СПб., 1909. С. 577.

⁸⁰ *Петров-Водкин К.* Хлыновск. М., 1991. С. 13–14. Надо сказать, что и в начале XXI в. мне довелось слышать от представительницы Швейцарии примерно такие же слова о Хвалынске и его окрестностях.

дать город, начался процесс старения его населения. В проведенном в 1904 г. исследовании кустарных промыслов Саратовской губернии отмечалось, что Хвалы́нск – мало развитой в промышленном отношении город, промыслов много, но они работали на личные нужды и соседей, а на внешний рынок представляли лишь продукты садоводства. Большая часть промыслов в таком же состоянии, как и полвека назад., многие промыслы стали падать из-за конкуренции извне⁸¹. В этом же исследовании сообщалось, что всего мелким промыслом в Хвалы́нске занято 445 хозяйств, в которых было 2215 работников. Имелось также 34 кустарных завода, насчитывавших от 7 до 20 рабочих. Самым крупным предприятием был завод Корнилова, на котором изготовлялось до 50 тыс. пудов варенья в год, большей частью вывозившегося в Сибирь. Среди промыслов наиболее развивалось сапожное (80 хозяйств), обработка дерева (76 хозяйств), портняжное (50 хозяйств), кузнечное (31 хозяйство). Под садами и огородами было занято 1116,87 десятин⁸².

Накануне Первой мировой войны в Хвалы́нске оставались те же 15 тыс. жителей, что и по первой Всероссийской переписи населения. В городе было 12 церквей, 4 монастыря, около 20 сектантских молелен, старообрядческий скит⁸³.

Однообразие городской жизни всколыхнуло начало Первой мировой войны, когда тысячи хвалынцев были призваны в действующую армию, в уезде появились военнопленные, раненые, затем инвалиды войны, а также беженцы из Западных губерний. Летом 1917 г. в Хвалы́нск перевели из Петрограда юнкерское военно-топографическое училище, и по улицам стали расхаживать офицеры и юнкера⁸⁴. Уже 11 (24) августа 1914 г. состоялось Чрезвычайное земское собрание Хвалы́нского уезда, обсудившее задачи в связи с началом войны. Среди принятых решений: открыть при городской земской больнице лазарет на 25 коек и возбудить ходатайство о закрытии винных и пивных лавок до приведения армии на мирное положение⁸⁵.

Хвалы́нский уезд был последним (2(15) января 1918 г.) в Саратовской губернии, в котором установилась советская власть. В Хвалы́нске она встретила наибольшее сопротивление со стороны старообрядцев и юнкеров. Не случайно поэтому в 1920-е гг. были, прежде всего, ликвидированы раскольничьи скиты и монастыри, а уже потом принялись и за православные церкви. В течение двух месяцев (15 июля – 16 сентября 1918 г.) в Хвалы́нске советская власть была свергнута.

Как и другие города Поволжья, пострадал Хвалы́нск в 1921–1922 гг. от голода, охватившего весь регион. В конце 1923 г. Хвалы́нский уезд вошел в состав Вольского округа и прекратил существование. При проведении нового административного деления в 1928 г. многие татарские села бывшего Хвалы́нского уезда перешли в Средне-Волжский край.

⁸¹ См.: Исследование кустарных промыслов Саратовской губернии. Вып. 2. Хвалы́нск и Хвалы́нский уезд. Саратов, 1906. С. 22–23.

⁸² См.: Там же. С. 23, 152.

⁸³ См.: *Пичиенко Ф. Г.* Указ. соч. С. 16.

⁸⁴ См.: Там же. С. 24.

⁸⁵ См.: Журналы Хвалы́нского уездного земского собрания с приложениями за 1914 год. Хвалы́нск, 1915. С. 85–87.

На базе мужского и женского раскольничьих монастырей были созданы в 1928 г. хвалынские санатории «Черемшаны-1» и «Черемшаны-3». Санатории расположены в красивой местности, отличающейся своеобразием флоры, экологической чистотой, наличием знаменитого Черемшанского источника родниковой воды. Со временем здесь открылся еще один санаторий (Черемшаны-2) и дом отдыха «Просвещенец». Все они, хотя работали первоначально только в теплое время года, а на зиму закрывались, становились излюбленным местом отдыха не только жителей Саратовской области, но и других регионов.

Если весной, когда Волга очищалась ото льда, по ней снова пароходы, баржи, катера, моторные и весельные лодки, в Хвалынске становилось оживленно, прибывало много отдыхающих, приезжали на каникулы студенты, то с наступлением холодов жизнь замирала. Добраться в Хвалынск зимой, особенно после сильных снегопадов, да и ранней весной и осенью, в распутицу, было непросто.

В годы советской власти Хвалынск пополнился рядом новых культурных и образовательных учреждений. Так, уже в 1918 г. был открыт Краеведческий музей в одном из дворянских особняков, позднее к зданию была сделана большая пристройка совсем другого архитектурного стиля. В 1960 г. открылась картинная галерея, в которой собраны картины К. Петрова-Водкина и других художников – уроженцев города. Несколько позже дом, купленный Петровым-Водкиным в 1905 г. для родителей, в котором он любил жить, когда приезжал в Хвалынск⁸⁶, был превращен в дом-музей. В 1930 г. в Хвалынске начал работать сельскохозяйственный техникум. В 1976 г. в городе были 3 средние школы и 2 восьмилетние, детские музыкальная и спортивная школы.

Но по-прежнему промышленность города не развивалась, в 1977 г. в ней было занято 1145 человек на предприятиях, 80% которых производили пищевые продукты. В 1942 г. построили железную дорогу Сызрань–Саратов, но она прошла мимо Хвалынска, который остался в 25 км от ближайшей станции⁸⁷.

В результате Хвалынск все больше превращался в «замороженный» город: он мало что приобрел, но многое не утратил, за исключением церквей – из 12 сохранилась только одна. Изменения особенно касались возрастного состава жителей: они постарели, город все больше становился городом пенсионеров, а численность его жителей застыла на одной цифре: около 15 тысяч.

В постсоветское время в Хвалынске происходят некоторые перемены, но очень медленно: начали строить современные корпуса в санаториях, образован Хвалынский национальный парк для сохранения уникальных флоры и фауны, появились трассы для горнолыжного спорта, в августе месяце стали собираться художники со всей России для творческого обмена на родине Петрова-Водкина.

⁸⁶ См.: *Бородина В. И.* Хвалынский космос К. С. Петрова-Водкина. Саратов, 2010. В одном из писем жене Кузьма Сергеевич признавался: «Единственное место, где я себя хорошо чувствую, это у нас. Здесь... мне приходят мысли глубокие и поэтичные... Воздух здесь такой чистый, Волга такая широкая, что дает размах мысли... И теперь я утверждаю, что нет места прекраснее нашего...» (цит. по: Там же. С. 6).

⁸⁷ См.: *Пичиенко Ф. Г.* Указ. соч. С. 64.

Хвалы́нск для своего сохранения как уникального города и природного заповедника требует государственного плана развития. Он может быть превращен в курортный центр европейского уровня, не потеряв современного облика.

Б. Н. Миронов в «Социальной истории России периода империи (XVIII – начало XX в.)» делал вывод, что в период великих реформ разрыв между культурой столиц и провинциальных городов стал заметно сокращаться, что уездный город был олицетворением двух миров: традиционного деревенского и новой индустриальной России⁸⁸. Пример Хвалы́нска, по моему мнению, свидетельствует, что не во всех уездных городах происходило подобное, постоянное количество населения в нем означало, что в городе была слабая миграция, Хвалы́нск не привлекал к себе ни сельских жителей, ни иногородних, сохранял доиндустриальный облик и даже понизил свою роль торгового центра.

Закончить статью мне хочется словами саратовского поэта Вениамина Богатырева: «Живу в Саратове, но мне / все чаще снятся Черемшаны – / ручьи-бродяжки меж камней, / клубникой полные поляны...! / Живу в Саратове, но мне / не по душе здесь, / неудобно. / Я в Черемшаны по весне / уеду с первою попутной!...»⁸⁹.

П. С. Кабытов (Самара)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИКА В МЕНЯЮЩЕМСЯ ГОРОДЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Историческая топонимика на современном этапе развития российского общества приобретает все большую актуальность. Более 70 лет наименование городов, населенных пунктов, предприятий и улиц входило в прерогативу партийных и советских властных структур. Как правило, решение этих вопросов проходило келейно, без учета мнения населения. Суть советской топонимической политики сводилась к тому, чтобы уничтожить традиционную дореволюционную топонимику. В социокультурной сфере преобладали авторитарные методы.

О топонимической политике советской власти ярко свидетельствуют подлинные документы (постановления, протоколы, решения), которые отложились в фондах Самарского горисполкома и Самарского губисполкома, Центрального государственного архива Самарской области⁹⁰.

Накануне 1 мая 1918 г. Самарский губисполком принял постановление, которое за подписью председателя губисполкома А. Галактионова было разослано в адрес уездных, районных и волостных советов. В нем предписы-

⁸⁸ См.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. 3-е изд. СПб., 2003.

⁸⁹ *Богатырев В.* Хвалы́нская тетрадь. Стихи. Саратов, 1971. С. 9–10.

⁹⁰ См.: Центральный государственный архив Самарской Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 56, 81, 119.

валось «объявить 1 мая общеобязательным праздником. Все работы должны приостановиться. Памятники царской фамилии немедленно убрать. Улицы старого бюрократического строя переименовать»⁹¹. Уже в 1918 г. Театральная площадь стала именоваться Красной, а Алексеевская – площадью Революции. Тотальное переименование улиц в губернском центре состоялось в начале 1925 года. Были переименованы: Монастырский поселок в Рабочий, Мещанский поселок стал называться Крестьянским. Ново-Оренбургскому поселку оставили традиционное название⁹². Но многие улицы в этих предместьях Самары стали носить имена вождей коммунистической партии.

Итак, в процессе реализации советской топонимической политики с карты города Самары стала исчезать традиционная топонимика, которая, по мнению А. Галактионова, олицетворяла «старый бюрократический строй». Но могли ли названия улиц Вокзальная, Кооперативная, Рабочая, Заводская олицетворять так называемый бюрократический строй?⁹³ Однозначно, нет. Но, тем не менее, в Самаре, а затем в г. Куйбышеве появились сотни улиц, названия которых были связаны с героикой революционных лет, именами и событиями гражданской войны, Великой Отечественной войны и трудовыми подвигами строителей социалистического общества⁹⁴.

Конечно, жизнь некоторых исторических топонимов не была долговечной. Так с карты города исчезли такие названия улиц как Бухаринская, Красинская, Рыковская, Каменевская, Ворошилова и ряд других топонимов, что было вызвано политическими процессами в стране (30-е гг.) или участием ряда советских вождей в борьбе против Н. С. Хрущева, либо возведением новых микрорайонов.

В 70–80-е гг. XX в. жилищное строительство в областном центре развивалось бурными темпами. Небольшой губернский город трансформировался в один из крупнейших мегаполисов России. В кратчайшие сроки были сооружены свыше полутора десятков микрорайонов, которые получили номерные названия от первого до 15 «а». И это в какой-то мере вновь напомнило ситуацию, когда многие из нас не по своей воле или жили в зонах, или работали в почтовых цехах и номерных заводах.

Ситуация стала коренным образом меняться во второй половине 1980-х гг., когда в вечерней городской газете «Волжская заря» появилась рубрика «Как зовешься отчий дом». Вел ее один из замечательных самарских журналистов Владислав Князев⁹⁵. Его обзоры читательских писем вызвали в буквальном смысле шквал откликов. Читатели в своих письмах вольно или невольно затронули широкий круг вопросов, в которых вначале робко, а затем все настойчивее акцентировалось внимание на том, что при реализации топонимической политики необходимо отходить от келейности, закрытости, а принимать решения с учетом мнения городского общества. Новый поворот в настроении городского общества был связан с деятельностью общественного комитета «Самара», который развернул пропаганду

⁹¹ ЦГАСО. Д. 8. Л.106.

⁹² См.: Там же. Д. 473.

⁹³ См.: *Кабытов П. С.* Записки историка. Самара, 2006.

⁹⁴ См.: Личный архив автора.

⁹⁵ См.: Там же.

среди населения города о необходимости возвращения областному центру исторического имени «Самара»⁹⁶. Помимо сбора подписей под обращением на имя Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина, многочисленных публикаций в периодических изданиях и выступлениях на телевидении, удалось вернуть историческое название площади Самарской, которая получила новое название в связи со смертью маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова. В 1989–1990 гг. комитету «Самара» удалось провести две топонимические конференции, на которых был поставлен вопрос о создании топонимической комиссии. По мнению участников конференции, в нее должны были войти деятели науки и культуры, историки и краеведы.

Возвращение исторического имени областному центру фактически день в день совпало с переименованием старинного русского города Самара в Куйбышев. 25 января 1991 г., в Татьянин день, Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин издал Указ о возвращении на карту России Самары. И в этом я вижу заслугу членов общественного комитета «Самара» А. Е. Павлова, А. Н. Завального, Л. М. Ивановой, Т. Л. Осетровой, А. Г. Кузьминой, Г. Н. Россохиной, А. А. Петровой и автора этих строк⁹⁷. Наша идея была реализована еще и потому, что она получила поддержку выдающихся деятелей науки – академиков Лихачева, Раушенбаха. Нобелевский лауреат писатель А. И. Солженицын, посетивший наш город в 1995 г., высказал радость: ведь сослали его в Куйбышев, а теперь он приехал в Самару⁹⁸.

Топонимическая комиссия при главе городского округа Самары была создана вначале 90-хх. гг. XX века. На одном из первых заседаний было принято решение вернуть традиционные названия в историческом центре города. Но при этом члены комиссии осознавали, что, если пойти по обвальному пути, просто взять и резко поменять названия улиц, население города может этого не понять. Поэтому для начала было решено установить на домах по две таблички, со старым и новым названиями улиц. Вольно или невольно в сознание горожан постепенно будут входить эти названия, а потом естественным образом что-то сохранится, а что-то нет. При этом была высказана идея сохранить традиционные названия улицам и площадям в районах, которые возникли и развивались в советское время. Безусловно, реализация новой топонимической политики должна вестись с учетом мнения жителей города. К тому же переименование улиц влечет за собой расходы горожан на замену документов (паспортов, пенсионных свидетельств), в том числе и на владение недвижимостью (речь идет о жилой площади). Поэтому целесообразнее давать новые названия в строящихся микрорайонах. Так, в микрорайоне «Волгарь» по инициативе топонимической комиссии появятся такие названия как проспект П. В. Алабина, улицы Фритьофа Нансена, А. И. Солженицына, историков М. Н. Тихомирова и Е. И. Медведева.

Вообще в топонимике города присутствует все его прошлое, и оно не должно бесследно исчезнуть. Например, в районе Мехзавода есть места, носящие названия Верхние Дойки и Нижние Дойки. Красивые, поэтические, но немного странные названия. Когда же я поинтересовался их происхож-

⁹⁶ См.: Возвращение Самары / сост. П. С. Кабытов, А. Е. Павлов. Самара, 1992. С. 8, 10, 12.

⁹⁷ См.: Там же.

⁹⁸ См.: Кабытов П. С. Судьба эпоха. Автобиография историка. М., 2011. С. 263.

дением, выяснилось, что в этих местах когда-то паслись кобылицы. Утром их доили в том месте, где теперь расположены Верхние Дойки, вечером – в том, где Нижние Дойки. Таким образом, в этих названиях нашла отражение история кумысолечения, которым в свое время славился наш город.

На топонимической комиссии обсуждали вопрос о возвращении городскому парку А. М. Горького его исторического названия Струковский сад. Ставился вопрос о возвращении традиционных топонимов Театральная площадь, Соборная площадь, Вокзальная площадь. Были возвращены вновь топонимы Барбошина поляна (ранее она называлась поляна им. М. В. Фрунзе) и Постников овраг, который ранее именовался Овраг подпольщиков. Но был ли этот овраг местом тайных сходов социал-демократов? Отнюдь нет. В 1920-е гг. на этом месте началось самовольное строительство, когда в течение одного дня и одной ночи возводили стены, складывали печку, прилаживали к крыше трубу, из которой к утру следующего дня уже валил дым. Людей, которые самовольно селились на этой земле, прозвали «подпольщиками». До революции никаких подпольщиков в традиционном понимании этого слова там никогда не было. Там был Постников овраг. Постников – это выдающийся врач, который занимался кумысолечением. Я считаю несправедливым, что имя пионера кумысолечения было забыто нашим городом.

Как правило, инициатива по наименованию новых улиц или их переименованию исходит как от организаций, так и от отдельных горожан. Как-то ко мне как к члену топонимической комиссии пришли два мужика с идеей переименования переулка Специалистов в улицу имени Владимира Высоцкого. Я им объяснил, что для этого нужно, чтобы инициатива исходила от людей, проживающих на этой улице (на ней всего два дома). Каково же было мое удивление, когда два дня спустя эти граждане вернулись с подписными листами, на которых подписи за переименование улицы поставили все жители этих двух домов. Я был поражен. Обычно российские люди, встречая на пути препятствие, обходят его стороной и благополучно о нем забывают.

Историческая топонимика представляется на современном этапе полем, на котором возникают острые дискуссии. До сих пор большая часть людей выступает за то, чтобы сохранить советскую топонимику и ни в коем смысле не возвращать исторические наименования. Классический пример – площадь Куйбышева в Самаре. На топонимической комиссии было принято решение о возвращении ей традиционного топонима Соборная площадь, но затем это решение было отменено. Более 15 лет ведется дискуссия о возвращении городу Тольятти традиционного имени Ставрополь-на-Волге. Этот город был основан русским историком Василием Татищевым, не случайно там поставлен памятник ему. Ставрополь был переименован, когда умер вождь итальянских коммунистов П. Тольятти. Этот человек ни разу не был в наших краях, но почему-то Ставрополь решили переименовать, дав ему его имя. Вопрос о возвращении исторического названия этому городу мы ставим уже около 15 лет. К кому только не обращались: депутатам, губернатору, Президенту – все без толку. С Самарой было легче, у нас осталось немало старых самарцев. В Тольятти же около 99% жителей – приезжие.

Как-то я спросил у одной из работниц автозавода, почему их город носит такое название. И услышал ответ: «От слова «тальянка». А тальянка –

это гармошка. «Вот это да!» – подумал я. Какая трансформация произошла в сознании людей. Все забыли⁹⁹.

Если бы удалось вернуть Ставрополю-на-Волге его историческое название, думаю, это стало бы ярчайшим событием XXI столетия.

Соловьева Т. А. (Саратов)

ПРОБЛЕМА ДОСУГА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ГОРОЖАН В 1920–1930-Е ГОДЫ

Досуг является важным элементом повседневной жизни, поскольку вне рабочее время, не связанное с производственной деятельностью, может быть затрачено человеком на физическое и духовное развитие, отдых. В 1920–1930-е гг. в общей структуре бюджета времени городского рабочего постепенно увеличивался удельный вес времени, отводимый на собственно культурную деятельность, например, на посещение кино, прослушивание радио. Если такие элементы культурного творчества, как занятия художественной самодеятельностью, любительством, изобретательством, физической культурой и спортом в 1923–1924 гг. занимали у советских рабочих 1,1 часа в неделю, то в 1936 г. уже примерно 1,5–2,5 часа¹⁰⁰.

Советское государство уделяло много внимания организации досуга. Кинематограф, театр, клубная работа, радио, пресса, книги служили средством формирования коммунистического мировоззрения, чувства коллективизма, уважительного отношения к труду, классовой ненависти. Помимо воспитания социально-политических идеалов большевики также заботились и о повышении культурного уровня населения.

Одним из способов распространения образования среди людей являлись музеи. Индийский поэт Р. Тагор, посетивший Москву в 1930 г., отмечал, что большевики стремились привить рабочим художественный вкус, так как чувствовали, «что те, кто не понимает искусства, – варвары, а варвары внешне грубы, а внутри слабы»¹⁰¹.

Силами сотрудников музеев и партийных работников в городах организовывались интересные выставки, приглашались художники. В 1924–1925 гг. немецкие художники-экспрессионисты О. Нагель, К. Кольвиц, Э. Барлах и др. посетили ряд советских городов, в том числе Москву и Саратов¹⁰². В 1925 г. Наркомат Просвещения организовал первую Государственную передвижную выставку картин по Волге¹⁰³.

⁹⁹ Кабытов П. С. Записки историка. С. 127.

¹⁰⁰ См.: Советская культура в реконструктивный период 1928–1941. М., 1988. С. 408.

¹⁰¹ Тагор Р. Письма о России. М., 1956. С. 52.

¹⁰² См.: Саратовские Известия. 1924. № 290.

¹⁰³ См.: Объявление губернского комитета политико-просветительной работы об открытии в Саратове 1-й Государственной передвижной художественной выставки // Культурное строительство в Саратовском Поволжье. 1917–1928 гг. Ч. 1. Документы и материалы. Саратов, 1985. С. 236–237.

Саратовский художественный музей имени А. Н. Радищева являлся в 1920-е гг. одним из любимых мест посещения горожанами. В 1922 г. в музее был открыт отдел западного искусства, включавший «исключительную по своему интересу для провинции коллекцию картин иностранных мастеров с XV по XIX столетие», «ряд ценнейших полотен барбизонцев и рисунки французской школы XVIII столетия», а также предметы старинной французской, испанской, итальянской мебели XVI–XVIII вв.¹⁰⁴. В ноябре 1934 г. в Радищевском музее открылась первая краевая выставка работ местных художников¹⁰⁵. Число посетителей музея ежегодно росло. Так, если в 1923 г. их число составило 13707 чел., то в 1938 г. оно достигло 28071 чел., а за неполный 1939 г. в музее побывало 34600 человек¹⁰⁶.

Популярным был и Саратовский областной музей, сложившийся окончательно в 1923 г. на базе некоторых имевшихся до революции музеев и включавший в себя 4 отдела (природы, истории, социального строительства и истории религии). Посещаемость музея с 28982 чел. в 1925–1926 гг. выросла до 84892 в 1938 году¹⁰⁷.

Библиотеки также служили формой проведения коллективного досуга. С целью «привнесения книг в массы» библиотеками организовывались книжные выставки, литературные конференции, диспуты о новых книгах. Консультации, подготовленные сотрудниками библиотек, способствовали повышению уровня политической грамотности населения. Например, в 1938 г. Саратовской областной библиотекой были проведены для своих читателей 101 консультация (по истории ВКП (б), конституции 1936 г., текущей политике и общеобразовательным предметам) и 13 выставок (по темам: «Сталинская конституция», «Четырнадцатая годовщина смерти В. И. Ленина», «Н. Г. Чернышевский», «Слово о полку Игореве» и др.)¹⁰⁸.

Одним из способов проведения свободного времени служило кино. Помимо кинотеатров, имелись и киноустановки как стационарного типа, так и передвижки. Ими были оснащены рабочие, красноармейские клубы, клубы-театры. На экранах советских кинематографов в основном демонстрировались фильмы революционной тематики («Ленин в 1918 году», «Чапаев»), комедии («Волга-Волга», «Трактористы»). Многие киноленты воспевали будни обычного советского человека («Летчик») или героическое прошлое России («Петр Первый», «Александр Невский»). «С помощью хроникального кино советские люди знакомились с трудовыми успехами своей Родины, информировались о событиях за рубежом и т. д.»¹⁰⁹. В городских кинотеатрах организовывались кинофестивали, обсуждения политических событий и фильмов, встречи с известными людьми. В фойе кинотеатра мог играть оркестр, привлекая любителей музыки.

¹⁰⁴ См.: Саратовские Известия. 1922. № 46.

¹⁰⁵ См.: Твой четыре века, город. Саратов, 1990. С. 153.

¹⁰⁶ См.: Таубин Р. А. Культурное строительство в Саратовской области (народное образование, здравоохранение, искусство). Саратов, 1939. С. 55.

¹⁰⁷ См.: Там же. С. 55–56.

¹⁰⁸ См.: Там же. С. 48.

¹⁰⁹ Ильин Г. В. Культурное строительство в СССР в годы борьбы за упрочение и развитие социалистического общества (1937–1941). М., 1965. С. 38.

В Саратове количество кинотеатров стремительно росло. Так, если в 1923 г. в городе имелось 6 кинотеатров, в 1927 г. – 11, а в 1928 г. – 25¹¹⁰. Однако, начиная со второй половины 1930-х гг., сеть городских кинотеатров стала сокращаться, и по данным на 1 мая 1938 г. в Саратове осталось лишь 6 кинотеатров. В 1939 г. в городе с его почти 400-тыс. населением фактически действовал только один кинематограф на 700 мест. Остальные здания, служившие ранее кинотеатрами, были отданы под склады, магазины и учреждения. В летний период напряженность разрешалась за счет открытых площадок, также действовали киноустановки-передвижки, но их было недостаточно. Сокращение киносети объяснялось аварийным состоянием кинотеатров, отсутствием финансовых средств на их ремонт, недостаточностью и низкой квалификацией кадров (механиков, звуковиков)¹¹¹.

Провинциальная театральная сеть формировалась по следующим правилам: каждый губернский и областной город должен был иметь один базовый драматический театр, обслуживавший одну сотню тысяч жителей. Следовательно, если население города превышало 100 тыс. чел., то город имел право на открытие дополнительного театра. Другие провинциальные города при условии их особого политического значения или числа населения свыше 25 тыс. чел. также могли иметь по одному показательному театру. В результате, в конце 1921 г. в РСФСР насчитывалось 48 базовых и 7 районных драмтеатров в губернских и областных городах, 24 драмтеатра в уездных городах. По числу театров особенно выделялись Саратов и Саратовская губерния, Самара, Ростов-на-Дону, Тула. В конце 1921 г. в республике действовали три оперные труппы (в Ростове-на-Дону, Омске и Саратове)¹¹². Количество театров, обслуживавших периферию, увеличивалось, и к 1934 г. в РСФСР уже имелось 280 местных театров¹¹³. По числу театров, разумеется, выделялась Московская область. К концу 1939 г. в ней (вместе с Москвой) действовало 19 драмтеатров, два театра оперы и балета, два театра музыкальной комедии, 7 детских театров и 4 колхозно-совхозных. Второе место по количеству театров занимала Ленинградская область. Большинство областей имело в своем распоряжении от 10 до 13 театров. В Саратовской области в конце 1939 г. работал один театр оперы и балета, два драматических театра, два детских театра (кукольный и ТЮЗ) и пять колхозно-совхозных театров. Хуже всего была представлена Калмыцкая область, где насчитывалось лишь два драматических театра¹¹⁴.

¹¹⁰ См.: Статистический сборник по Саратовской губернии за 1923 г. Саратов, 1923. С. 105; Статистический справочник за 1927 г. Саратов, 1927. С. 107; Статистический справочник за 1928 г. Саратов, 1928. С. 57.

¹¹¹ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1 Д. 1071. Л. 107; Д. 1122. Л. 31–32; Д. 1429. Л. 22.

¹¹² См.: Из доклада театрального отдела Главполитпросвета о театральной сети в РСФСР // Культурное строительство в РСФСР. Т. 1, ч. 2. М., 1984. С. 251–252.

¹¹³ См.: Из обзора управления театрально-зрелищных предприятий Наркомпроса РСФСР состояния театрального искусства в РСФСР в 1933–1934 гг. // Там же. Т. 2, ч. 2. М., 1986. С. 233–234.

¹¹⁴ См.: Статистическая таблица, подготовленная Управлением по делам искусств при СНК РСФСР о количестве и видах театров РСФСР // Там же. С. 272–273.

Репертуар городских драмтеатров в основном включал произведения советских авторов, но ставились и пьесы «так называемых классиков, как русских, так и иностранных», не противоречившие идеологическим требованиям и дававшие «возможность театру вскрыть социальную и художественную ценность драматического материала»¹¹⁵. В середине 1930-х гг. классический репертуар драмтеатров составлял около 30%, а в опере и оперетте доля советских произведений была мала¹¹⁶. На сцене саратовского драматического театра ставились лучшие произведения классической драматургии: «Ревизор», «Горе от ума», «Король Лир», «Мещанин во дворянстве» и др. Большое внимание уделялось постановке пьес новых советских авторов на революционную тематику («Первая конная», «Разлом», «Гибель эскадры», «Огненный мост», «Ленин» и др.)¹¹⁷. Билеты в театр распространялись при помощи профсоюзов, а также зачастую служили формой премирования на предприятиях за хороший труд.

Театральная и музыкальная жизнь советских городов была насыщенной. В 1937 г. открылось саратовское отделение Государственной филармонии. За 1937 г. в клубах и парках Саратова артисты филармонии дали 803 концерта, а в 1938 г. – 1725¹¹⁸. В 1920–1930-е гг. на гастроли в Саратов приезжали артисты Малого театра, студии МХАТ, Московского театра революции, Московского государственного театра В. Э. Мейерхольда, балетная труппа Московского музыкального театра им. В. И. Немировича-Данченко. В зале Саратовской консерватории давали концерты виолончелист, профессор Московской консерватории (с 1922 г.) С. М. Козолупов, пианисты Э. Петри, В. В. Софроницкий, хор им. М. Пятницкого и др.¹¹⁹.

Местом проведения различных всесоюзных конкурсов являлась Москва. Например, в 1927 г. в столице состоялся Первый всесоюзный конкурс смычковых квартетов, а с 1936 по 1941 г. здесь прошли декады музыкального искусства всех национальных республик СССР¹²⁰.

«Совершенно новым явлением в культурной жизни ...страны стало ...возникновение и развитие художественной самодеятельности», способствовавшей творческому развитию рабочих, служащих, студентов и раскрытию их талантов¹²¹.

В годы НЭПа молодые комсомольцы объединялись в самодеятельные театральные коллективы. Участники подобных эстрадно-драматических групп выступали на предприятиях, в столовых, чайных, ресторанах с песнями, танцами, сценками, пантомимами, повествовавшими о производственной и общественной жизни, международных событиях. Эти выступления составляли так называемую «живую газету», то есть представление, основанное на газетном материале или на злободневных фактах. Синие блу-

¹¹⁵ Резолюция I Всероссийского съезда директоров театров по докладу Р. А. Пельше «Роль и задач советского театра» // Культурное строительство в РСФСР. Т. 1, ч. 2. С. 272.

¹¹⁶ См.: Из обзора управления театрально-зрелищных предприятий Наркомпроса РСФСР состояния театрального искусства в РСФСР в 1933–1934 гг. // Там же. Т. 2, ч. 2. С. 236.

¹¹⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1 Д. 1071. Л. 165–166.

¹¹⁸ См.: Таубин Р. А. Указ соч. С. 85.

¹¹⁹ См.: Твои четыре века, город. С. ???

¹²⁰ См.: История Москвы. Т. 6. Кн. 2. М., 1959. С. 427, 440.

¹²¹ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 3, ч. 1. С. 385.

зы, которые надевали актеры, определяли название их самодеятельных коллективов. Первый театральный кружок «Синяя блуза» был создан в 1923 г. студентами Государственного института журналистики г. Москвы. «Синеблузники» выступали не только в столице, но и ездили со своими номерами по провинциальным городам. Почин московских студентов получил поддержку в губернских городах и районных центрах, где были созданы «серые», «красные» и другие блузы. Если в октябре 1923 г. работал только один коллектив, то в 1924 г. их уже насчитывалось 14. «Живая газета» в 1920-е гг. стала достаточно популярной театральной формой. Кружки «живой газеты» существовали при многих рабочих клубах. В 1930-е гг. деятельность синеблузников была свернута¹²².

Возможность занятий художественной самодеятельностью рабочим предоставляли клубы при заводах. Силами участников хоровых, музыкальных, литературно-драматических кружков и оркестров духовой музыки организовывались творческие вечера. Все самодеятельные постановки в клубах проводились бесплатно, и каждый рабочий за год мог побывать на 10 бесплатных спектаклях и концертах. В клубах действовали также библиотечные, физкультурные, шахматно-шашечные кружки, курсы рабкоров, политшколы и др. Кружки кройки и шитья помогали вовлекать в культуру женщин¹²³. Между тем охват рабочих кружками был весьма низким. В частности, по данным 1935 г. из 5000 работающих на саратовском заводе Комбайнов в кружки было вовлечено только 180 чел., а из 2200 рабочих Трамвайного парка клуб посещало всего лишь 89 человек¹²⁴.

Сами рабочие объясняли это так: «Нас в клуб не тянет, потому что там нет порядка, нет обстановки отдохнуть, мебели недостаточно, приходится простаивать до начала постановок»¹²⁵. Например, рабочие фабрики им. Самойловой отказались посещать «читальню» клуба из-за вечного шума и гамма в залах библиотеки, заявив: «А ну его, с клубом-то, хулиганства я что ли не видел!»¹²⁶. Кроме того, расположение многих клубов за городом также отражалось на их посещаемости. Так, в докладе о работе клуба «Красный кожевник» говорилось: «Расположение неудобное. Стоит за чертой города, чтобы попасть в клуб надо пройти 1/2 версты заборов. Поэтому постоянная посещаемость слабая. Все рабочие живут в городе»¹²⁷.

Одним из мест развлечения горожан являлся цирк. Старое здание саратовского цирка, построенное в 1876 г., представляло собой «деревянный дырявый барабан», крытый парусиной», в котором зрителей то поливал дождь, то продувал ветер. Зимой цирк заносило снегом, и он пустовал. Ветхость и изношенность здания стали главной причиной его сноса в 1928

¹²² См.: Передовая статья в газете «Синяя блуза» о годовщине организации театрального коллектива «Синяя блуза» // Культурное строительство в РСФСР. Т. 1, ч. 2. М., 1987. С. 262–264.

¹²³ См., напр.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 396; Гэн. Кружки кройки и шитья в клубе // Культурный фронт. № 1925. № 3. С. 59; Шарошкин Н. А. Изменения в численности и составе рабочих Поволжья в переходный период от капитализма к социализму (1917–1937 гг.). Саратов, 1984. С. 124.

¹²⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 419. Л. 1.

¹²⁵ Там же. Л. 3.

¹²⁶ По рабочим клубам // Саратовские Известия. 1924. № 95. С. 2.

¹²⁷ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 396. Л. 43.

году. В 1931 г. было выстроено новое здание цирка, и подготовлена новая интересная программа. Для детей устраивались представления с дикими зверями, ловкими наездниками, веселыми музыкантами, забавными клоунами. Поскольку, как сообщалось в одном отчете, «цирк с умело построенной программой оказывает огромное влияние на психику», большое внимание уделялось постановке политико-агитационных номеров. В частности, была подготовлена специальная пантомима «Три даты», охватывавшая такие исторические события, как революция 1905 г., день памяти В. И. Ленина и завершение первой пятилетки. В 1933 г. в честь 15-летия Красной армии на сцене цирка была поставлена пантомима «15 лет на страже Октября». Многие цирковые номера посвящались пропаганде советских займов. За 1931–1936 гг. обновленный и реконструированный цирк показал 425 номеров, устроил 1200 представлений, обслужив 2347200 зрителей¹²⁸. К 1939 г. цирк посетило 2,5 млн. человек¹²⁹.

Таким образом, структуру досуга повседневной жизни горожан составляли посещения театров, кинотеатров, чтение книг, участие в художественной самодеятельности. Культурно-просветительную работу организовывали и рабочие клубы, проводившие лекции, устраивавшие показ кинокартин и вечера самодеятельности. Посещение библиотек и музеев по замыслу властей должно было повышать уровень образования, а также способствовать политической грамотности трудящихся. С этой целью на многих лекциях и консультациях, проводимых сотрудниками библиотек, обсуждались важные вопросы внутренней и внешней политики Советского государства. Отдельные музейные выставки посвящались революционной тематике. В активную политико-агитационную работу оказался вовлеченным даже цирк: на его арене ставились номера и показывались пантомимы, воспевавшие коммунистический строй. Вечера самодеятельности в заводских клубах также способствовали развитию творчества рабочих, однако неудобное расположение клубов и их бедная обстановка отражались на их посещаемости. В кружках клубов была занята незначительная часть рабочих.

В целом культурная жизнь городов в 1920–1930-е гг. была весьма насыщенной: на гастроли приезжали лучшие артисты столичных и провинциальных театров, филармония, драматический, детский, оперный театры почти каждый день показывали интересные концерты и спектакли.

¹²⁸ См.: Пять лет работы Саратовского государственного цирка, 1931–1936. Саратов, 1936. С. 6, 8, 10, 14.

¹²⁹ См.: Материалы к отчету Саратовского городского совета РК и КД с 1934 по 1 июля 1939. Саратов, 1939. С. 60.

А. В. Жидченко (Омск)

**МЕМУАРЫ УЧЕНЫХ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ
ОБРАЗА ГОРОДСКОГО РАЙОНА 1950–1960-Х ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДУБНЫ И АКАДЕМГОРОДКА)**

В современной исторической науке применение междисциплинарных подходов становится все более актуальным. При помощи традиционных видов источников исследователи по-новому реконструируют те или иные явления исторического процесса. Изменение объектов изучения, методов и подходов ведет к поиску новых исследовательских моделей. В этой связи хотелось бы обратиться к такому виду исторических источников, как мемуары.

Методику работы с мемуарами разрабатывали советские историографы В. С. Голубцов¹³⁰, А. А. Курносов¹³¹ и др. В советской историографической традиции они активно использовались для реконструкции крупных исторических событий: войн, революций и т. д. После перестройки в связи с обновлением отечественной исторической науки на авансцену вышли новые подходы, в том числе антропологически ориентированные. В обновлении методологического арсенала историков внимание было уделено в том числе и традиционным видам источников. Утвердилось восприятие самого исторического источника в контексте «теории информации», согласно которой любой источник содержит в себе разные информационные пласты. Данная методология была разработана О. М. Медушевской¹³² (РГГУ) и другими исследователями. В свете такого рассмотрения разные виды источников интересуют нас как фрагменты действительности, изучавшиеся ранее, и которые будут изучаться в перспективе.

В предлагаемой работе наше внимание будет сосредоточено на мемуарах ученых. Особенностью мемуарной литературы такого вида является то, что они были написаны представителями интеллектуальной элиты. В отличие от других отрядов советской интеллигенции, у них было собственное видение многих происходивших в стране процессов, которое зачастую кардинально отличалось от мнения партийной номенклатуры или инженерно-технических работников.

В этой работе будет предпринята попытка реконструкции образа городского района в мемуарах ученых двух наукоградов, строившихся в СССР в

¹³⁰ См.: Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества, М., 1970.

¹³¹ См.: Курносов А. А. Приемы внутренней критики мемуаров // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы, М., 1969. С. 120–143.

¹³² См.: Медушевская О. М. Историческая антропология и антропологически ориентированная история: общность источников познания в науках о человеке. URL: <http://cmb.rsuh.ru/article.html?id=57957> (дата обращения: 09.10.2012).

основном в 1950–1960-е гг.: Институтской части города Дубны и Новосибирского Академгородка.

Таким образом, предлагаемая исследовательская модель совмещает методы новой социальной истории, новой локальной истории и теории культурно-цивилизационного ландшафта. При анализе мемуаров нас интересует несколько уровней: во-первых, биография самого автора, во-вторых, предпосылки написания мемуаров, в-третьих – более поздняя их трактовка (воспоминания и мемуары детей известных ученых, причины публикации и т. д.).

Характеризуя общий массив имеющихся источников по теме, важно отметить, что в Новосибирском Академгородке они гораздо более доступны, многочисленны, содержательны. В Дубне мемуары ученых более сдержанны, часто анонимны. Причину такого несоответствия краеведы и литературоведы связывают с близостью научного центра Дубны к Москве, с созданием его преимущественно в годы правления И. В. Сталина. Новосибирский Академгородок возник и развивался в период «хрущевской оттепели», в отдаленной от Москвы Сибири. Но, в конечном счете, первые ученые Новосибирского Академгородка также прибывали сюда из академических центров Москвы и Ленинграда.

Воспоминания и мемуары новосибирских ученых опубликованы в ряде работ, вышедших в 1980–2000-е гг. Это мемуары Н. А. Притвиц, З. М. Ибрагимовой, М. А. Лаврентьева. Мемуары ученых Дубны были опубликованы на сайте¹³³, созданном по инициативе Музея Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ).

Строительство наукоградов становилось важной задачей в развитии научного потенциала СССР в 1950–1960-е гг. Для реализации масштабных проектов требовалась большая организационная работа, которая возлагалась главным образом на ученых, так как именно они больше других были заинтересованы в создании новых научных центров.

Видные деятели науки СССР участвовали в создании новых «городов науки». Так, фактически руководил строительством институтской части Дубны Михаил Григорьевич Мещеряков, а организационную работу по строительству Новосибирского Академгородка проводил Михаил Алексеевич Лаврентьев. Именно к их мемуарам необходимо обратиться в первую очередь, так как, во-первых, они являлись создателями новых научных центров, во-вторых, были их руководителями на протяжении длительного времени становления и развития. Отметим, что нас в первую очередь интересует именно та городская среда, которая формировалась при строительстве этих центров, ее особенности в сознании ученых, которые изложили многие свои соображения в мемуарах.

Довольно долгий период складывания городской культуры и строительства лег в основу конструируемого нами образа: 1950-е гг. в Дубне и рубеж 1950–1960-х гг. в Академгородке. На пустовавшей до этого территории были построены большие благоустроенные районы, которые поэтапно превращались в «образцы» советского градостроительства. Создание инфра-

¹³³ См.: Музей истории науки и техники ОИЯИ. Воспоминания. URL: <http://museum-jinr.ru/pages/7.html> (дата обращения: 09.10.2012).

структуры, научной базы, обеспечение жильем именитых ученых и молодых специалистов – все эти проблемы наложили свой отпечаток на образ нового района в этот период.

В мемуарах создателей новых городов науки они представляли исключительно с точки зрения науки, людей, живших здесь. Очень редко те или иные замечания касались формирующейся городской культуры. Но в целом – создание научно-исследовательских институтов и определяло образ всего наукограда. С окончанием строительства нового института формировалась новая координата всего пространства района.

На любом этапе как М. Г. Мещеряков, так и М. А. Лаврентьев видели в районе больше трудностей, неустройства, отсутствия удобств, других признаков, которые не определяли эту среду как городскую. Например, в своих мемуарах М. А. Лаврентьев много писал о сложностях в доставке строительных материалов, трудностях, связанных со строительными организациями. Когда на стройку приезжали такие известные представительные люди, как Н. С. Хрущев или американский президент Никсон, М. А. Лаврентьев акцентировал внимание на разном. Первому он демонстрировал новейшие научные достижения, активную работу в уже построенных институтских корпусах, благоустроенное жилье и хорошо налаженную, во многом собственными силами, сферу соцкультбыта. С другой стороны, он показывал руководителю СССР отсутствие нормальных жилищных условий у многих ученых, обслуживающего персонала, недостроенные корпуса институтов, которые осложняли работу всего научного центра, а вместе с этим и портили весь внешний вид нового наукограда. Американскому президенту Никсону показывалась по указанию советского руководства только та часть нового района, которой можно было гордиться на тот момент.

Немного по-другому формировался образ Институтской части Дубны и Академгородка в мемуарах других ученых, стоявших не во главе строительства и всего научного центра, в том числе рядовых аспирантов и молодых ученых. Для них в первую очередь играло роль представление о том, каким будет образ района в будущем. Пропаганда средств массовой информации, а также партийных органов привела к тому, что новый район воспринимался ими как действительно город, максимально комфортный для работы и жизни.

Первый этап формирования образов в мемуарах ученых Академгородка – это сибирский ландшафт. Ученые прибывали сюда из Москвы и Ленинграда, и еще до приезда они представляли себе холодный снежный край с хвойными деревьями, в который предстояло поехать для создания нового наукограда. Это почти тиражируемый образ, который быстро эволюционировал. Образ Дубны был климатически более привычным для приехавших сюда ученых.

Как в Дубне, так и в Академгородке со временем стал формироваться образ благоустроенного района с хорошей планировкой и развитой инфраструктурой. Важным элементом образа стала характеристика этих наукоградов как «городов-спутников», отдаленных от крупных городов – Москвы и Новосибирска.

Образ дополняли места, ставшие уникальными для своих объектов, например, так называемый «Биг-Бен» на центральной площади институтской

части Дубны, общественно-торговый центр в Академгородке. Важное место в образе заняли Дома ученых, с которыми было связано множество воспоминаний, которые касались и их строительства.

Каждый образ вырисовывается сквозь призму науки и определенной сферы приложения научного труда. Например, научные интересы тех или иных откладывались в памяти по месту их работы и проживания.

Важнейшим элементом формирования образа стала культурная жизнь. В этих районах в период «хрущевской оттепели» была достаточно либеральная обстановка в области культуры: открывались музыкальные и литературные клубы.

Таким образом, образ наукоградов Дубны и Академгородка в мемуарах предстает как разноплановый и многогранный объект. Особенностью реконструкции образа при помощи мемуаров ученых можно отметить его интеллектуальное наполнение, а также творческое осмысление различных сторон формирования наукограда, его развития.

В мемуарах ученых мы можем выделить три этапа эволюции образа городского района: период, предшествующий его строительству, то есть образ региона в целом, ландшафта; образ строящегося района или ожидаемый образ будущего наукограда и, наконец, самый яркий образ законченного города науки.

РОССИЯ И МИР: ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В. А. Аблизин (Саратов)

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ 1939 ГОДА: Г. А. АСТАХОВ – ГЛАВНЫЙ ФИГУРАНТ СОБЫТИЯ

Комплекс советско-германских отношений 1939–1941 гг. сегодня больше, чем какой либо другой сюжет мировой истории минувшего столетия, привлекает к себе пристальное внимание историков, политиков и журналистов. Спрашивается, как два ранее непримиримых режима добились улучшения своих отношений, кто явился инициатором сближения, и какое участие в нем принимали советские дипломаты, разведчики и журналисты. Несмотря на проделанный историками труд, многие вопросы сегодня все еще остаются не изученными до конца, в частности, только сейчас мы начинаем приоткрывать завесу молчания относительно миссии советского полпреда в Берлине Григория Александровича Астахова.

Известны следующие моменты его короткой, но насыщенной событиями биографии: Родился он в Киеве в дворянской семье, учился на романо-германском отделении историко-филологического факультета Московского университета. Вступил в партию большевиков в 1918 году. В 1918–1920 гг. работал в Берлине корреспондентом Российского телеграфного агентства, был редактором газеты «Коммунист». Трудился в Наркоминделе с 1920 г.: 1920–1922 гг. – заведующий отделом печати полпредства СССР в Закавказье, 1922–1923 гг. – заведующий отделом печати полпредства СССР в Турции, 1924–1925 гг. – референт полпредства СССР в Германии, 1925–1928 гг. – заведующий бюро печати, 1-й секретарь полпредства в Японии, 1928 – 1929 гг. – ответственный референт отдела Дальнего Востока Наркоминдела. В 1928 г. – командировка в Йемен. Первого августа 1928 г. Г. А. Астахову удалось заключить первый, советско-йеменский, мирный договор СССР со странами арабского мира. В 1930–1933 гг. Астахов – советник полпредства в Турции, в 1934–1935 гг. – советник полпредства в Великобритании, 1935–1936 гг. – уполномоченный НКВД СССР в ЗСФСР, 1936–1937 гг. – заведующий отделом печати Наркоминдела. С 1937 г. работал в Германии советником советского посольства. Однако, несмотря на свой большой дипломатический опыт, Григорий Александрович приобрел известность в исторических кругах благодаря назначению на должность полномочного представителя в Германии в начале мая 1939 г. и той роли, которую он сыграл в советско-германском сближении. Первые серьезные зондажи к улучшению двусторонних отношений были предприняты им и его немецкими коллегами в мае 1939 года. Пятого мая (6-го по данным немецких архивов) он был принят начальником отдела торговой по-

литики в Восточной Европе немецкого МИДа К. Шнурре. В донесении дипломата сообщается о намерении рейха «создать впечатление о наступившем или наступающем улучшении двусторонних отношений»¹. Со слов Шнурре следует, что «Астахов подробно объяснил, что в вопросах международной политики у Германии и Советской России нет серьезных противоречий и поэтому нет никаких причин для трений между двумя странами»².

Девятого мая у Астахова состоялась новая встреча с заместителем заведующего Отделом печати немецкого МИДа Б. Штуммом. Тот, намекая на необходимость нормализации отношений, указал на характерные для этого изменения в интонации немецкой печати. Астахов отметил, что «мы не можем придавать им большого практического значения, поскольку это не выходит за пределы временного тактического маневра»³.

В письме заместителю наркома иностранных дел В. В. Потемкину он указал, что «немцы стремятся создать впечатление о наступающем или даже уже наступившем улучшении германо-советских отношений»⁴. Дипломат констатировал: «Отмечая эти моменты, мы, конечно, не можем закрывать глаза на их исключительно поверхностный, ни к чему не обязывающий характер», – но испрашивал разрешение на вступление в игру⁵. Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов не возражал.

От советской разведки поступили первые сведения о подготовке гитлеровского командования к проведению польской кампании. Первого апреля 1939 г. германский генштаб принялся за уточнение восточной операции, которая уже готовилась с октября 1938 года. Третьего числа указания по разработке директивы за подписью начальника верховного командования вермахта поступили на рассмотрение командования вооруженными силами⁶. 11 апреля Гитлер подписал «Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.» и в тот же день утвердил план польской операции (директиву «Weiss»). Последний срок ее осуществления датировался 1 сентября 1939 г.⁷ Политическая сторона намеченной акции потребовала от германской дипломатии добиться нейтралитета СССР. Берлин взялся за серьезную обработку Москвы.

Пробный контакт сторон состоялся по инициативе немецкой стороны уже 7 апреля. В этот день советник германского внешнеполитического ведомства П. Клейст и представитель немецкого концерна «Wolf» Ф. Чунке по поручению министра иностранных дел рейха И. Риббентропа встретились с первым секретарем советского посольства в Германии Г. А. Астаховым. Советский вариант записи беседы не сохранился, но имеется немецкий, согласно которому, советский дипломат согласился с предложением герман-

¹ 1939–1941. СССР – Германия. Документы и материалы. М., 2012. С. 32–33.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Цит. по: *Молодяков В. Э.* Риббентроп. Упрямый советник фюрера. М., 2008. С. 177.

⁵ Там же.

⁶ См.: СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971. С. 301; Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы: в 2 кн. М., 1990. Кн. 1. С. 356.

⁷ См.: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма: в 2 кн. М., 1973. Кн. 1. С. 215; Год кризиса. 1938–1939. Кн. 1. С. 375–378; *Грайнер Г.* Военные кампании вермахта. Победы и поражения. 1939–1943 гг. М., 2011. С. 26–27.

ского коллеги обсудить перспективы улучшения двусторонних экономических отношений с советским послом в рейхе С. С. Мерекаловым. Тот согласился встретиться с германскими дипломатами на следующей неделе⁸. Обещанная встреча, однако, состоялась только 17 апреля. Советская запись разговора не обнаружена. Но имеется телеграмма советского полпреда, в которой тот, касаясь результатов разговора, информировал свое начальство о желании германского правительства «как можно скорее улучшить двусторонние экономические отношения»⁹. Содержание телеграммы расходится с немецкой записью беседы, согласно которой, советский поверенный «первым заявил» о желательности улучшения двусторонних политических отношений¹⁰. Так или иначе, но осуществленный зондаж нашел свой адресат.

21 апреля состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Материалы совещания все еще остаются неизвестными историкам, по-видимому, они попросту уничтожены, но дальнейший ход событий позволяет утверждать, что на встрече сталинским окружением обсуждалась возможность постепенного улучшения советско-немецких отношений. В пользу этого свидетельствует принятое решение о смещении с должности наркома иностранных дел М. М. Литвинова и о назначении на его место В. М. Молотова¹¹. Отставка наркома произошла 3 мая. Изменения, предпринятые в наркомате иностранных дел, не ускользнули от внимания немецких лидеров, тем более что на должность Мерекалова в начале мая полпредом был назначен его ближайший помощник Астахов. Сменился начальник, но советские внешнеполитические приоритеты не изменились. 15 мая (17 по немецким данным¹²) у нового посла состоялась вторая встреча со Шнурре. Германский дипломат задал коллеге вопрос, касавшийся улучшения германо-советских отношений. Согласно докладной записке Шнурре, «посол подробно объяснил, что у сторон нет каких-либо серьезных причин, мешающих укреплению их политических отношений»¹³. Немецкий вариант беседы расходится с советской записью. Согласно донесению полпреда, «тот больше слушал, чем говорил», не произносил он слов и о готовности советской стороны к широкому диалогу, к такому диалогу призывал немецкий коллега¹⁴.

30 мая гитлеровское правительство повторило свой зондаж. Секретарь германского МИДа Э. Вайцзеккер повел беседу по привычному сценарию – от текущих вопросов к случайному зондажу «не по протоколу» и «по личному мнению». В разговоре с Астаховым старый опытный дипломат сравнил немецкую внешнюю политику с «лавкой», где советскому правительству предлагался широкий выбор товаров – от нормализации политических отношений до непримиримого антагонизма. Шнурре утверждал: «Выбор здесь всецело зависит от советской стороны, германское руково-

⁸ См.: *Auswärtige deutsche Politik 1937–1941. Serie A-D. Bd. 12. Baden-Baden, 1977. Serie B. Bd. 8. S. 212.*

⁹ Цит. по: 1939 год. Уроки истории. Сб. ст. М., 1990. С. 442.

¹⁰ См.: *Auswärtige deutsche Politik 1939–1941. Serie B. Bd. 8. S. 222.*

¹¹ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1009. Л. 18.

¹² См.: *Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1939–1941. Serie A. Bd. 8. S. 294.*

¹³ *Auswärtige deutsche Politik 1939–1941. Serie A. Bd. 8. S. 301.*

¹⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 383. Л. 212.

дство готово к дальнейшим шагам по пути нормализации и, наоборот»¹⁵. Астахов при этом заявил, что «инициатива по улучшению отношений должна исходить от германского правительства»¹⁶, хотя и сослался на то, что это его личное мнение, а не указания из Кремля.

В Москве встретили берлинские предложения с недоверием, поскольку, несмотря на очевидное «сдвиги» в контактах сторон, гитлеровское руководство умолчало об условиях сближения. 14 июня Г. А. Астахов побывал в гостях у болгарского коллеги П. Драганова. По замечанию советского посла, он был «значительно более откровенным апологетом немецкой линии, чем раньше»¹⁷. Тот, выполняя поручение немецких коллег, пожелал советской стороне «скорейшего улучшения» отношений с рейхом. Он утверждал, что немецкое правительство «пойдет на самые широкие уступки при обмене мнениями»¹⁸. Но в каких вопросах и на каких условиях, поверенный умолчал. П. Драганов же в беседе с немецкими дипломатами настойчиво утверждал, что русский посол сам выразил «готовность своего правительства пойти на поэтапное улучшение двусторонних отношений», при этом он будто бы «настойчиво спрашивал, как в рейхсканцелярии мыслят себе улучшение двусторонних отношений»¹⁹. В записи поверенного нет ничего подобного. Но кому же в таком случае верить? Молотов предписывал послу на переговорах с берлинскими коллегами «придерживаться предельной осторожности, осторожности и еще раз осторожности»²⁰. Астахов между тем понимал, что в Кремле не намерены ограничиваться полунамеками, наоборот, полученные инструкции убеждали его в готовности Москвы «торговаться» по балтийскому и балканскому вопросам. Поэтому для будущей подстраховки он мог взять на себя смелость намекнуть о желании своих хозяев добиться сближения, понимая, что в случае неудачи, из-за отсутствия записей бесед, от сказанного можно будет с легкостью откреститься. 26 июля, после недолгого перерыва, Германия возобновила свои контакты с СССР, предложив перейти к обсуждению препятствующих взаимопониманию вопросов²¹.

В берлинском ресторане «Эвест» состоялся дружеский ужин. Шнурре вновь и вновь спрашивал Астахова: «Скажите, каких доказательств вы хотите? Мы готовы на деле доказать возможность договориться по любым вопросам»²². Советский дипломат уклонился от пространных рассуждений и напрямую спросил о Польше, Румынии и Прибалтике как возможных направлениях германской экспансии. Но его собеседник от прямого ответа на данный вопрос уклонился. Зондаж, тем не менее, не прошел бесследно. В тот же день по немецким данным и (по советским вариантам записей 27-го) сталинское руководство в телеграмме высказалось за кардинальное улучшение отношений с Германией и пожелало выяснить ее предложения «попод-

¹⁵ Auswärtige deutsche Politik 1939–1941. Serie A. Bd. 8. S. 301.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. S. 311.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. S. 312.

²⁰ Ibid. S. 316.

²¹ См.: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. 1939–1941 гг. М., 2000. С. 73.

²² Молодяков В. Э. Риббентроп. Упрямый советник фюрера. С. 181–182.

робнее»²³. 27 июля партнеры оговорили условия для проведения переговоров. Шнурре пытался убедить Астахова в том, что Германия не представляет для России угрозы: «Мы согласны предложить германо-русское понимание по всем взаимным интересам, благодаря которому обе страны получают значительную выгоду»²⁴. Москва, не удовлетворившись расплывчатыми обещаниями, напрямую поставила вопрос о Прибалтике: «Мы считаем, что без обеспечения безопасности северо-западных границ СССР путем решительного противодействия трех договаривающихся сторон прямому или косвенному нападению агрессора на Эстонию, Латвию или Финляндию невозможно будет удовлетворить общественное мнение советского народа и дело здесь не в технических формулировках, а в том, чтобы договориться по существу этого вопроса, после чего нетрудно будет найти удобную всем формулу сближения»²⁵.

Но и на этот раз она так и не была найдена. 28 июля Молотов инструктировал Астахова: «Между Советским Союзом и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений могут улучшиться и политические. Но только немцы могут сказать, в чем конкретно должно выразиться это улучшение. Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения, то они обязаны сказать нам, как они конкретно представляют себе это улучшение»²⁶. 29 июля Астахов, опираясь на данную телеграмму, снова в течение трех часов беседовал со Шнурре. Тот, отвечая на вопросы советского посла, заявил о готовности германского правительства обсудить с русскими лидерами перспективы самого широкого сближения. В тот же день Шнурре в разговоре с Астаховым от имени своего правительства заявил о его готовности приняться за обсуждение балтийской проблемы на «компромиссной основе»²⁷. На какой именно – немецкая сторона умолчала. Промолчала и советская.

Молотов рекомендовал Астахову объяснить немецким коллегам, что «с улучшением экономических отношений могут улучшиться и политические»²⁸.

Второго августа германское правительство повторило, что оно согласно «обсудить любой вопрос, в т. ч. балканский и балтийский»²⁹. В этот день с Астаховым беседовал министр иностранных дел рейха И. Риббентроп. Согласно советской записи беседы, рейхсминистр «настойчиво утверждал о том, что для улучшения двусторонних отношений настал тот самый момент,

²³ См.: *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. 1936–1939 гг. М., 1978. С. 289–274; *Севостьянов П. Г.* Перед великим испытанием 1939–1941 гг. М., 1980. С. 156–161; *Овсяный И. М.* Последние недели мира. М., 1981. С. 189–191; *Максимычев Ф. В.* Дипломатия мира против дипломатии войны. Советско-германские отношения 1933–1939 гг. М., 1981. С. 389, 333, 345–347; *Фляйшхауер И.* Пакт Гитлера-Сталина и инициатива германской дипломатии 1938–1939 гг. М., 1991. С. 387, 391–394.

²⁴ Цит. по: Прибалтика: преддверие 1940-го года. Ситуация в документах // Советская Россия. 12 ноября 1991.

²⁵ Там же.

²⁶ Цит. по: 1939 год. Уроки истории. С. 435.

²⁷ См.: 1939–1941. СССР – Германия. С. 43; *Auswärtige deutsche Politik 1939–1941. Serie A. Bd. 8. S. 330.*

²⁸ *Auswärtige deutsche Politik 1939–1941. Serie A. Bd. 8. S. 331.*

²⁹ Цит. по: 1939 год. Уроки истории. С. 447.

которого так сильно ждали стороны в течение многих предыдущих месяцев»³⁰. 3 августа у Астахова состоялся новый разговор со Шнурре. Тот коротко повторил ему основные пункты вчерашней беседы. Согласно немецкой записи беседы, советский дипломат заверил коллегу, что «нет никаких причин для волнений, советская сторона готова обсудить с немцами все интересующие их вопросы, в т.ч. и по польской проблеме, но только не следует спешить»³¹. Астахов между тем вел беседу, не имея на то надлежащих инструкций, но отдадим должное его дипломатическому чутью: как только закончился разговор, посол получил телеграмму своего правительства, в которой ему предлагалось уведомить нацистскую верхушку о том, что советская сторона согласна на оформление секретного протокола и в первую очередь по балтийской проблеме, но о том, как данный вопрос должен выглядеть на бумаге, опять-таки должно было подумать гитлеровское правительство³².

Прошли три дня, и германское руководство согласилось при подписании кредитного соглашения оформить «коммюнике или секретный протокол, где было бы обозначено обоюдное желание сторон улучшить свои политические отношения»³³. Астахов проявил интерес к такой идее, но получил от своего начальства решительный отказ: «Считаем неподходящим при подписании торгового соглашения предложение о секретном протоколе. Неудобно говорить во введении к договору, имеющему кредитный, торговый характер, что торгово-кредитный договор заключен в целях улучшения политических отношений. Это нелогично, и, кроме того, это означало бы неуместное и непонятное забегание вперед»³⁴. Москва не отказалась от секретного протокола, наоборот, она рассчитывала во время его оформления сохранить конфиденциальность. Восьмого августа состоялась очередная беседа Астахова с Риббентропом. В разговоре министр согласился с подписанием секретного протокола. Он указал на готовность германского правительства договориться с СССР по всем вопросам, касающимся территории «на всем протяжении от Черного моря до Балтийского». Однако прежде чем перейти к проблемам германо-советского сближения, – заявил министр, – немецкое правительство хотело бы получить гарантии того, что намерения второй стороны серьезны». Он дал понять советскому коллеге, что «будет готов к уточнениям сразу же, как только советское руководство официально уведомит германское правительство о том, что оно готово к улучшению двусторонних отношений»³⁵.

Астахов, сообщая о состоявшемся разговоре, отметил, что «немцы были бы не против вовлечь нас в разговоры более далеко идущего порядка. В этой связи фраза об отсутствии противоречий «на всем протяжении от Черного моря до Балтийского» может быть понята как желание договориться по всем вопросам, связанным с находящимися в этой зоне странами.

³⁰ Год кризиса 1938–1939. Кн. 2. С. 87.

³¹ Там же. С. 91.

³² См.: Там же. С. 93.

³³ Там же. С. 99–100.

³⁴ Там же.

³⁵ Цит. по: *Молодяков В. Э.* Несостоявшаяся «ось» Берлин – Рим – Токио. М., 2004. С. 166.

Немцы желают создать у нас впечатление, что готовы были бы объявить свою незаинтересованность (по крайней мере, политическую) к судьбе прибалтов (кроме Литвы), Бессарабии, русской Польши (с изменениями в пользу немцев) и отмежеваться от аспирации на Украину. За это они желали бы иметь от нас подтверждение нашей незаинтересованности к судьбе Данцига, а также бывш[ей] германской Польши (быть может, с прибавкой до линии Варты или даже Вислы) и (в порядке дискуссии) Галиции. Астахов полагал, что «готовность немецкой стороны к далеко идущим переговорам необходимо учитывать и, быть может, ее следовало бы несколько подогреть, чтобы сохранять в своих руках «козырь», которым можно было бы при необходимости воспользоваться. С этой точки зрения было бы, быть может, нелишним сказать немецким властям что-либо, поставить им ряд каких-либо вопросов, чтобы не упускать ниточку, которая при осторожном обращении с нею нам пригодится при достижении с немцами компромисса»³⁶. 11 августа в Кремле было принято решение вступить в прямые переговоры с Берлином³⁷. Молотов подтвердил заинтересованность своего правительства в дальнейших «разговорах», но сообщил о «желательности» их организации в Москве³⁸.

13-го числа из рейхсканцелярии поступила ответная телеграмма, в которой гитлеровское правительство советовало русским коллегам «не терять времени»³⁹. На следующий день немецкий посол в Москве Ф. Шуленбург получил инструкцию своего правительства, в которой ему как можно скорее предписывалось сообщить советским властям о том, что «дорога в новое будущее полностью открыта»⁴⁰. 15 августа Риббентроп отправил германскому послу сверхсрочное письмо, в котором министр требовал ускорить процедуру переговоров: «Жизненные интересы двух стран прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности, причины для агрессивного поведения одной страны по отношению к другой отсутствуют. Имперское правительство придерживается того мнения, что между Балтийским и Черным морями не существует вопросов, которые не могли бы быть урегулированы к полнейшему удовлетворению обоих государств. Политическое сотрудничество между двумя странами может иметь только положительный результат»⁴¹. Свои предложения немецкая сторона подкрепила угрозами: «Нет никакого сомнения, что сегодня германо-советские отношения пришли к поворотному пункту своей истории. Решения, которые примут стороны в течение поколений будут иметь решающее значение для германского и советского народов. От этих решений будет зависеть, придется ли когда-нибудь двум народам снова, без возникновения действительно непреодолимых обстоятельств, выступить друг против друга с оружием в ру-

³⁶ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП): в 23 т. М., 1990. Т. 22. Кн. 1. С. 587–589.

³⁷ См.: Доклад председателя комиссии «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года» А. Н. Яковлева на II съезде народных депутатов СССР // Известия. 1989. 25 декабря.

³⁸ См.: *Молодяков В. Э.* Тайный сговор. С. 187.

³⁹ *Auswärtige deutsche Politik 1939–1941. Serie A. Bd. 8. S. 373.*

⁴⁰ *Ibid. S. 378.*

⁴¹ *Ibid. S. 378.*

ках или же снова наступят дружеские отношения. Прежде, когда они были друзьями, это было выгодно обеим странам, и все стало плохо, когда они стали врагам»⁴².

Настойчивость немецкой стороны превзошла все границы, нацистская верхушка настойчиво напрашивалась в гости: Риббентроп подтверждал готовность «общему и быстрому выяснению германо-русских отношений и взаимному урегулированию актуальных вопросов» и заявил о своей готовности прибыть в Москву, начиная с 18 августа «для решения всего комплекса германо-советских вопросов, а если представится возможность, то и для подписания надлежащего договора»⁴³.

15 августа состоялся новый разговор Шуленбурга с Молотовым. Посол передал свое предыдущее заявление. Но Молотова интересовали не красивые формулировки, а конкретные обещания. Шуленбург передавал в Берлин: «Молотов с величайшим интересом выслушал мое заявление. Он заявил, что советское правительство тепло приветствует германские намерения улучшить свои отношения с Советским Союзом и теперь, принимая во внимание мое сегодняшнее сообщение, верит в искренность этих намерений... Молотов повторил, что если мое сегодняшнее сообщение включает в себя идею пакта о ненападении или что-то похожее, вопрос должен быть обсужден как можно конкретнее, чтобы в случае прибытия имперского министра в советскую столицу вопрос не свелся к обмену мнениями, а были приняты конкретные решения» и, в частности, «по балтийскому вопросу»⁴⁴. Шуленбург также отметил, что «несмотря на все наши попытки, мы так и не смогли выяснить абсолютно точно, каковы же пожелания советской стороны в данном вопросе. Очевидно только лишь то, что совместные гарантии целостности северо-западных границ расходятся с советскими желаниями»⁴⁵. Дипломат предложил отказаться от прежней линии балтийского поведения и согласится с советскими требованиями⁴⁶. Прислушавшись к мнению посла, германское правительство согласилось гарантировать присоединение Прибалтики к СССР⁴⁷.

Однако 17 августа последовало уже другое заявление. Нацистское руководство предложило вернуться к совместному «гарантированию» балтийских границ, для чего следовало оформить секретный протокол, пока только по балтийскому вопросу, да так, чтобы границы взаимных интересов пролегали по берегам Западной Двины⁴⁸. Москва согласилась, но если раньше она не собиралась мириться с таким половинчатым решением, то теперь смирилась – промедление угрожало развеять сталинские надежды участие Советского Союза в перекройке Европы. 16 августа на совещании с высшими офицерами вермахта Гитлер заявил о своем окончательном решении

⁴² 1939–1941. СССР – Германия. С. 47–50.

⁴³ *Auswärtige deutsche Politik 1939–1941. Serie B. Bd. 8. S. 391.*

⁴⁴ СССР – Германия. Кн. 1. С. 30–32.

⁴⁵ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 606–608.

⁴⁶ См.: 1939–1941. СССР – Германия. С. 57.

⁴⁷ См.: Год кризиса. 1938–1939. Кн. 2. 253–255; *Auswärtige deutsche Politik 1939–1941. Serie B. Bd. 8. S. 393.*

⁴⁸ См.: *Хильгер М., Майер А.* Россия и Германия. Союзники или враги? М., 2008. С. 363.

начать войну с Польшей⁴⁹. Тогда же в Восточной Пруссии началась скрытая мобилизация вермахта. 20 августа немецкое командование приступило к мобилизационным приготовлениям на всей территории рейха. 24 августа дивизии вторжения должны были встать на польской границе. 26 августа («день-Х») должны были начаться боевые действия⁵⁰.

Ситуация стремительно обострялась. Советская разведка регулярно докладывала о продолжающемся нагнетании обстановки на германо-польской границе.

17 августа в разговоре с Шуленбургом Молотов заявил, что если в рейхсканцелярии решили изменить свою прошлую политику для серьезного улучшения политических отношений с русскими, то «советское правительство может только приветствовать подобное изменение и, со своей стороны, готово пересмотреть собственную политику в контексте серьезного улучшения двусторонних политических отношений, но для того необходимы серьезные действия», а именно: подписание дополнительного протокола, который стал бы «неотъемлемой составной частью советско-германского пакта о ненападении»⁵¹. Берлин ответил 18 августа. Риббентроп телеграфировал Шуленбургу о готовности к ведению переговоров в советской столице «с учетом всех русских пожеланий». Каких именно? Министр этого уже не скрывал: «Мне предоставлено оформить специальный протокол, регулирующий интересы обеих сторон в тех или иных вопросах внешней политики. Например, в установлении сфер обоюдных интересов в балтийском и балканском регионах. Риббентроп настаивал: «Подобное урегулирование, представляющееся нам необычайно важным, возможно, однако, лишь во время устной (в записи министра – «приватной» беседы). Настаивайте на быстром осуществлении моей поездки и соответствующим образом противьтесь любым возможным советским возражениям. В этой связи Вы должны иметь в виду тот главенствующий факт, что, вероятно, скорое начало открытого германо-польского столкновения». Шуленбург немедленно передал телеграмму по назначению, подтвердив согласие своего правительства незамедлительно признать за советскими коллегами «все интересующие их вопросы». Дипломат от имени фюрера просил «ускорить процедуру улучшения двусторонних отношений»⁵².

Таким образом, дорога к оформлению двустороннего сближения была полностью открыта. За оставшуюся до подписания договора о ненападении неделю стороны лишь пытались добиться наиболее выигрышных для себя моментов в будущем секретном протоколе. В первую очередь это касалось немецкой стороны. Но сделать этого ей не удалось. Максимальное преимущество от сближения получила советское руководство. Сейчас многие историки спорят: насколько реальными были достигнутые результаты? Но они ставят такой вопрос, примеривая его к событиям 1941 г., к трагическому для нас началу Великой Отечественной войны. Но применимо к 1939 г. нельзя не признать, что за первые месяцы советско-германского сближения ощу-

⁴⁹ См.: Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 78.

⁵⁰ См.: Дашичев В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 384–385; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945 гг. М., 2003. С. 149, 151; Грайнер Г. Указ. соч. С. 44.

⁵¹ Цит. по: Безыменский Л. А. Сталин и Гитлер перед схваткой. М., 2009. С. 256.

⁵² *Auswärtige deutsche Politik 1939–1941. Serie B. Bd. 8. S. 393.*

тимые выгоды получила все-таки Москва. Благодаря секретным протоколам вермахту была поставлена преграда на восток: в сторону Прибалтики, Западной Белоруссии и Западной Украины. Большую роль в этом достижении сыграл Г. А. Астахов. Но увидеть результаты своей работы опытному дипломату не удалось. В начале сентября 1939 г. он был снят с занимаемой должности. Первого декабря того же года его уволили из НКВД по сокращению штатов, но через неделю «трудоустроили» заведующим сектором Кавказа Музея народов СССР. На музейном поприще он, однако, трудился недолго. 27 февраля 1940 г. за ним пришли как за «участником заговора правых» в Наркоминделе и... польским шпионом (!). Признательных показаний он не давал⁵³. Тем не менее, 9 июля 1941 г. его приговорили к 15 годам сибирских лагерей. Скончался он в Усть-Вымском ИТЛ 14 февраля 1942 года.

Несколько лет назад литератор В. Шенталинский, изучавший в архиве КГБ-ФСБ следственное дело Г. А. Астахова, опубликовал интригующие выдержки тех немногих писем, которые тот посылал из тюрьмы Л. П. Берии⁵⁴. В частности, 7 января 1941 г.: «Мне хотелось бы написать т. Сталину – не для lamentаций и полемики со следствием, но для освещения некоторых моментов своей дипломатической работы (особенно за последний период в Германии). Есть ряд моментов, которые надо зафиксировать даже вне зависимости от вопроса о моем деле»⁵⁵. Написал ли? Если да, то где эти письма? Уничтожены, затерялись? Неизвестно. Имя дипломата было предано забвению, как и история советско-германского сближения. Только сейчас мы раскрываем некоторые его подробности и детали участия дипломата в подготовке и реализации советско-германского сближения.

Ю. О. Касович (Саратов)

ПОЛИТИКА АМЕРИКАНСКОЙ ПОМОЩИ УКРАИНЕ В 1990-Е ГОДЫ

В 1990-е гг. Украина переживала трудный и болезненный период экономических и политических преобразований. После популистских экспериментов первых лет после обретения независимости правительство страны провело ряд реформ, благодаря чему уже весной 1996 г. снизилась инфляция, а валютный курс стабилизировался. В сентябре того же года была введена новая валюта – гривна. Результатом всех этих мер стала остановка семилетнего падения ВВП. Казалось, трудные времена подошли к концу. Однако начавшийся финансовый кризис стал серьезной угрозой хрупкой финансовой стабильности Украины. Правительство и парламент не смогли решить финансовые проблемы своевременно. Неоднозначную роль в сложившейся ситуации сыграли Соединенные Штаты Америки.

⁵³ Цит. по: *Молодяков В. Э.* Тайный сговор. С. 192.

⁵⁴ См.: *Шенталинский В.* Охота в ревзаповеднике // *Новый мир.* 1998. № 12. С. 45–53.

⁵⁵ Цит. по: Там же. С. 48.

После распада Советского Союза США начали серию различных программ по поддержке молодых независимых государств. Соединенные Штаты активно участвовали в процессе демократизации и проведении реформ в России, Украине и других новых независимых государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР, а также старались нормализовать отношения с их правительствами и другими институтами власти. Первоначально программы финансовой и технической поддержки государств бывшего СССР были нацелены на уменьшение и смягчение возможных конфликтов, усиление рыночной экономики, борьбу с распространением оружия массового поражения, наркоторговлей и т. д. Для администрации США программа помощи постсоветским республикам первоначально являлась одной из форм продвижения американских интересов в регионе.

Официально начало политике помощи США постсоветским республикам положило принятие Конгрессом США в 1992 г. «Закона о поддержке свободы России, молодых евразийских демократий и свободных рынков» (Freedom Support Act) для предоставления экономической, технической, гуманитарной помощи странам бывшего Советского Союза. Как говорится в Законе, он «создан с целью изменения всех законодательных положений, которые препятствуют нормальным отношениям США с Россией, Украиной и другими государствами бывшего СССР... а также корректировки законов США, чтобы они отражали новые измененные в международных обстоятельствах...»⁵⁶. Изначально, в 1994 г. средства Freedom Support Act составляли почти 2,5 млрд. долл., однако постепенно дотации уменьшались и, в итоге, составили только 958 млн. долл. в 2002 году⁵⁷.

В дальнейшем вся помощь, предоставлявшаяся правительством США, поступала в постсоветский регион двумя основными путями – через Freedom Support Act, а также через отдельные программы правительственных агентств и министерств. Американская помощь базировалась на двух исходных предпосылках. Во-первых, поддержка США была обусловлена благоприятными переменами в бывших советских республиках, наличие которых, как надеялись американские власти, повысило бы уровень безопасности США. Во-вторых, правительство США считало, что залогом успеха в строительстве демократических обществ и рыночной экономики в бывшем СССР являлось продолжение сотрудничества.

С начала 1990-х гг. США израсходовали десятки миллиардов долларов международных, правительственных и частных средств на различные программы по развитию рыночной экономики в странах бывшего СССР. Финансовые средства выделялись как напрямую центральным правительствам, так и распространялись через различные международные программы, специально созданные для этого, например, через Российско-Американский инвестиционный фонд (действует в России, Казахстане и Украине). Основным правительственным агентством, действующим в этих областях, стало Агентство США по международному развитию (USAID).

С 1992 по 2000 гг. правительство США затратило более 4,8 млрд. долл. на программы, направленные на борьбу с угрозой распространения оружия

⁵⁶ URL: <http://www.fas.org/nuke/control/ctr/docs/s2532.html> (дата обращения: 12.05.2012).

⁵⁷ См.: Как США помогают бывшему СССР. URL: <http://www.inosmi.ru/politic/-20120203/184771326.html> (дата обращения: 12.05.2012).

массового поражения в бывшем СССР. В 2000 г. Соединенные Штаты увеличили свою поддержку этим программам в рамках новой инициативы под названием «Расширенная программа сокращения угроз», которая была разработана в основном для обеспечения работой ученых, ранее вовлеченных в советские военные исследования, чтобы предотвратить их участие в нелегальной торговле оружием, ядерными и биологическими материалами и научными секретами. Только в 2000 г. правительство США предоставило около 888 млн. долл. России, Украине и некоторым другим странам бывшего СССР для реализации этих программ⁵⁸.

Вначале Украине было нелегко добиться внимания США, которые с опаской относились к ее отделению от СССР. Об этом можно судить по речи американского президента Дж. Буша-ст., в ходе его пребывания в Киеве в 1991 г., посвященной опасности «самоубийственного национализма», вошедшей в историю под названием «Chicken Kiev Speech» (Трусливая киевская речь)⁵⁹.

В этот период основное внимание западных политиков на постсоветском пространстве было сосредоточено на России, а Украина рассматривалась главным образом как препятствие на пути к ядерному разоружению и нераспространению. Об этом говорит тот факт, что в отчете Счетной палаты США 1992 г. достаточно много говорилось о проблемах Украины в сфере энергетики и ядерной безопасности. Однако позиция самих Соединенных Штатов была выражена нечетко, так как помощь ограничивалась только вложениями в энергетическую отрасль, что позволило бы Украине стать менее зависимой от поставок углеводородов из России⁶⁰. Было очевидным нежелание США устанавливать с Украиной тесное сотрудничество.

Кроме того, в 1993 г. было резко изменено направление финансирования. Почти две трети объема инвестиций, предоставляемых американскими программами помощи, было предназначено России. Конгресс одобрил сумму в 2,5 млрд. долл., хотя этому препятствовало серьезное сопротивление Сената, который выступил резко против концентрации внимания на России. В результате доля последней в общем объеме помощи постсоветским государствам возросла до 44%. Украине же предполагалось выделить только 150 млн. долл.⁶¹.

Администрация президента Дж. Буша-ст. находилась на «доктринальном перепутье» в выработке своей внешнеполитической стратегии относительно независимой Украины. В вопросе о возможной политике США относительно нее существовали два основных направления: «русоцентристы» (по большей части либералы и сторонники идеи единого блока постсоветских государств, которые собирались бы вокруг России) и «реалисты» (преимущественно консерваторы и представители школы «политического реа-

⁵⁸ См.: Как США помогают бывшему СССР.

⁵⁹ См.: Carothers T. U.S. Democracy Promotion. During and After Bush. Washington, 2007.

⁶⁰ См.: U. S. Senate. Ukraine Energy. Conditions Affecting U.S. Trade and Investing. GAO: Report to the Chairman, Subcommittee on European Affairs, Committee on Foreign Relations. August 1992.

⁶¹ См.: Tanoff C. The Former Soviet Union and U.S. Foreign Aid: Implementing the Assistance Program. CRS Report for Congress. January 1995.

лизма»). На разных этапах развития дискуссии в США инициатива переходила от одного направления к другому. Государственный департамент придерживался «москвоцентричных тенденций», демонстрировал «фатальное непонимание» глубинных процессов, которые происходили на постсоветском пространстве. С другой стороны, «трезвомыслящие реалисты», в частности, Р. Чейни, Зб. Бжезинский, Г. Киссинджер и другие, настаивали на необходимости признания государственной независимости Украины, установления с ней полномасштабных межгосударственных отношений⁶².

Но все-таки уже в 1993 г. отношение к Украине в политических кругах Вашингтона начало меняться, так как пришедший к власти Б. Клинтон осознал бесперспективность принципа ее изоляции. В украинско-американских отношениях наметилось улучшение. В апреле 1993 г. Госдепартамент США выступил с заявлением о необходимости и неотложности «преодоления кризиса доверия». Администрация Б. Клинтона начала осуществлять политику активной интеграции Украины в мировое сообщество и его институты, а также усилилась вовлеченность в процесс ее демократизации и осуществление рыночных реформ.

Сотрудничество США и Украины можно разделить на два этапа. В начале 1990-х гг. Соединенные Штаты пытались навязать новым независимым государствам свои приоритеты в сфере безопасности. Главной проблемой для США было наличие большого количества ядерного оружия на территории ряда бывших советских республик. Поэтому поначалу переговоры велись по вопросам его демонтажа. С Украиной в области нераспространения было много трудностей. Первый этап был отмечен нерешенностью проблемы вывоза ядерных вооружений. Сразу же после получения Украиной независимости США выдвигали ряд требований для ее признания как независимого государства: в ультимативной форме Украине предложили избавиться от ядерного оружия, находившегося на территории этой страны. После установления дипломатических отношений в 1992 г. США усилили давление на Украину с целью заставить ее ликвидировать арсеналы ядерного оружия. США настаивали на максимально быстрой ратификации Киевом «Договора об ограничении стратегических и наступательных вооружений» и на присоединении Украины к «Договору о нераспространении ядерного оружия».

Одним из наиболее важных проектов в данной области сотрудничества двух стран стала «Программа Нанна-Лугара», разработанная двумя сенаторами – республиканцем Р. Лугаром и демократом С. Нанном. Сформулировав эту программу в 1991 г. и включив ее в список обязанностей Пентагона, Конгресс США планировал, что Россия и постсоветские страны при финансовой помощи США будут участвовать в различных проектах по снижению угроз, исходивших от ядерных, химических и биологических арсеналов бывшего СССР.

Украинское руководство, в свою очередь, постаралось как можно выгоднее разыграть «ядерную карту», поскольку именно с наличием ядерного оружия на ее территории украинское государство связывало свои надежды

⁶² См.: *Pavliuk O. Ukraine's Transition and Western Strategies*. URL: <http://www.cap-lmu.de/transatlantic/topics/ukraine.php> (дата обращения: 10.06.2012).

на укрепление суверенитета⁶³. Верховные круги Украины заявляли, что «государство не может позволить вывозить свои богатства даром». Больше всего руководство страны во главе с Л. Кучмой волновал вопрос: «Что Украина получит взамен?»⁶⁴. Правительство опасалось, что Украина может стать второй Словакией, то есть страной, изолированной от Запада и от США. Еще одним поводом для беспокойства была Россия, в которой складывалась нестабильная ситуация, связанная с террористической активностью внутри государства. Эти факторы позволяли Украине требовать от Вашингтона значительную компенсацию в случае вывоза ядерных арсеналов.

Апогеем давления США на Украину в области ядерного разоружения стало трехстороннее соглашение России, США и Украины, подписанное 14 января 1994 г., согласно которому Украина обязывалась уничтожить все ядерное оружие, расположенное на ее территории, в течение 7 лет. Ядерные боеголовки перевозились в Россию, где их должны были деактивировать в течение 10 месяцев. Согласно данному соглашению, Украина обязывалась присоединиться к «Договору о нераспространении ядерного оружия» как безъядерное государство, что она и сделала в октябре 1994 года. Результатом стал грант на 72 млн. долл., выделенный в 1994 г. Вашингтоном для покрытия импорта углеводов из России. Кроме того, Украина получала примерно 175 млн. долл. в качестве экономической помощи⁶⁵. Таким образом, украинский «ядерный вопрос» был снят с повестки дня, а Соединенные Штаты смогли легитимно вмешиваться в российско-украинские отношения.

В это же время администрация Б. Клинтона решила расширить участие Украины в инициированных Вашингтоном переговорах по решению экономических, политических вопросов и проблем безопасности, которые привели бы, в свою очередь, к решению ядерной проблемы. Предвестником изменения подхода стал визит в мае 1993 г. американского заместителя госсекретаря С. Тэлбота, в ходе которого обсуждался целый ряд вопросов американо-украинских отношений. Следует заметить, что ранее переговоры касались исключительно проблемы украинского ядерного оружия. Теперь же США пытались создать основу для дальнейшего развития отношений с Украиной, которые можно было бы активизировать после решения ядерного вопроса.

Первого июня 1996 г. из Украины в Россию были вывезены последние ядерные боеголовки, благодаря чему Киев к концу 1990-х гг. стала одним из самых активных реципиентов американской экономической помощи. Уже в 1997 г. НАТО и Украина заключили «особое соглашение» и создали Совет НАТО – Украины⁶⁶.

Украина, в отличие от других стран, получавших помощь США, не имела энергетических ресурсов, которые в большинстве случаев были причи-

⁶³ См.: *Dresen J.* The Trilateral Process: Washington, Kyiv, Moscow and the Removal of Soviet Nuclear Weapons from Ukraine. The Brookings Institution. May 9, 2011.

⁶⁴ См.: *Ellis J. D.* Defense by Other Means: The Politics of US-NIS Threat Reduction and Nuclear Security Cooperation. N. Y., 2001. P. 112.

⁶⁵ См.: *Tanoff C.* Op. cit.

⁶⁶ См.: *Wedel J. R.* U. S. AID to Central and Eastern Europe: Results and recommendations // Problems of Post-Communism. Vol. 42. May/Jun., 1995. P. 42.

ной повышенного интереса американского правительства к новым независимым государствам. Однако у Вашингтона в данном случае были достаточно веские причины оказывать этой стране поддержку. Помощь Украине рассматривалась как альтернатива помощи России, которой угрожали большие государственные расходы в связи с войной в Чечне. В то же время США пытались создать противовес России на постсоветском пространстве, опасаясь усиления ее влияния.

Американские политики были склонны использовать одинаковый подход в оказании помощи России и Украине, а именно через формирование команд «реформаторов». Об этом можно судить по высказыванию Т. Дайна, заместителя администратора USAID, заявившего, что программа поддерживает деятельность реформаторов в Украине, в том числе министра экономики Р. Шпека, которого президент Кучма назначил для вывода Украины из трехлетнего кризиса.

Очень активным на Украине был Гарвардский институт международного развития (HIID). Известный экономист Дж. Сакс, который занял пост главы института с лета 1995 г., обратил внимание на Украину после того, как был вынужден завершить свою работу в России. У Сакса была собственная точка зрения на то, как надо действовать на Украине, существенно отличавшаяся от точки зрения других правительственных агентств помощи. Он считал, что главной причиной неудач программ помощи во многих государствах является неэффективная политика, проводимая Международным валютным фондом (МВФ). Наиболее актуальной проблемой, стоявшей перед МВФ, была помощь обанкротившимся государствам в условиях высокой инфляции. Подход МВФ был прост: резкое сокращение дефицита бюджета, низкий целевой показатель роста денежной массы, высокие процентные ставки и плавающий валютный курс. Однако в большинстве случаев это приводило к высокой инфляции и рецессии. При этом МВФ никогда не признавал свою роль в данных неудачах. Сакс утверждал, что у Украины еще остались шансы преодолеть экономические трудности, и единственным выходом для нее могли стать экономические структурные реформы⁶⁷.

В результате активной лоббистской деятельности HIID получил контракт USAID, позволявший разрабатывать программы по макро- и микроэкономическим процессам, а также работать с украинскими высшими должностными лицами, в частности с Р. Шпеком.

Инициатива Гарвардского института международного развития была нестандартной во многих отношениях, начиная с того, что она исходила не от представителей USAID. Намерение Дж. Сакса работать в Украине, выдвинутое им самим, было не так легко воплотить в жизнь, так как с самого начала оно встретило серьезное сопротивление со стороны представителей USAID в Вашингтоне и Киеве, которые считали проект излишним. В дальнейшем, в письме правительства Украины представителям USAID говорилось о том, что страна больше не нуждается в рекомендациях агентства⁶⁸.

⁶⁷ См.: *Sachs J. D. Personal View – What the IMF should advise Ukraine // The Financial Times. June 12, 1994.*

⁶⁸ См.: *Wedel J. R. U. S. Assistance for Market Reforms: Foreign Aid Failures in Russia and the Former Soviet Bloc. URL: <http://www.cato.org/publications/policy-analysis/us-assistance-market-reforms-foreign-aid-failures-russia-former-soviet-bloc> (дата обращения: 10.06.2012).*

Однако возражения USAID, касавшиеся работы Гарвардского института в Украине, были опровергнуты представителями высшей исполнительной власти США. Так, некоторые члены межведомственного координационного совета, имевшие личные и профессиональные связи с учеными гарвардского Института международного развития, явно поддерживали его инициативы и способствовали реализации данного проекта, что позволило продолжить работу НИИД в Украине и обеспечить ее финансирование.

Следует отметить, что результаты действий Гарвардского института были изучены Счетной палатой США (GAO) в 1996 г., но тогда они были в значительной степени закрыты. В ходе проверки был сделан вывод, что правительство США осуществляло «фаворитизм» по отношению к Гарварду, но этот вывод и подтверждавшая его документация были исключены из окончательного текста отчета⁶⁹.

Кроме того, много вопросов вызывала деятельность консультантов. Так, газета «Wall Street Journal» писала, что «орды американских консультантов... откусили слишком большой кусок пирога под названием “американская помощь”». Главной целью консультантов было применение их знаний и опыта для помощи странам-реципиентам в процессе их перехода к демократическим порядкам. Критики обвиняли консультантов в отсутствии какого-либо контакта с местным населением, а также игнорировании культурных норм государств, где они работали. Указанные ошибки не позволяли применять на практике рекомендации, даваемые правительствам стран-реципиентов⁷⁰.

Результатом деятельности различных агентств и консультантов в Украине стал новый финансовый кризис. Непрерывный отток инвесторов, потери валютных резервов, резкая девальвация гривны, очередная волна инфляции и спад производства стали привычными для украинской экономики. Таким образом, новая политика Дж. Сакса, отличавшаяся от деятельности МВФ, не привела к каким-либо позитивным результатам.

Однако Украина добилась той цели, которую она считала главной в отношениях с США, а именно – больших финансовых вливаний. Об этом свидетельствует ее выход в 1996 г. на третье место в мире по размерам американской помощи на душу населения после Израиля и Египта.

Кроме того, была создана межгосударственная комиссия во главе с сопредседателями – А. Гором и Л. Кучмой. Комиссия включала в себя четыре комитета, которые занимались вопросами внешней политики, безопасности, торговли и инвестиций, а также стабильного экономического сотрудничества. В общем заявлении по итогам первого пленарного заседания УАМК (Украинско-американской межгосударственной комиссии) 16 мая 1997 г. США признали за Украиной статус центрально-европейского государства и подтвердили предоставленные гарантии безопасности. Таким образом, Украина стала получать около 200 млн. долл. в год в качестве экономической помощи. С 1990 по 2000 гг. США предоставили Украине около

⁶⁹ См.: Foreign Assistance. Harvard Institute for International Development's Work in Russia and Ukraine. GAO: Report to the Chairman, Committee on International Relations, House of Representatives. November, 1996. P. 47.

⁷⁰ См.: Ibid.

2 млрд. долл., что позволило ей приостановить развертывание внутреннего экономического кризиса⁷¹.

И все же, представленных выше результатов оказалось недостаточно. Постепенно восприятие геостратегической важности Украины в США начало меняться. Длительное вложение значительных средств в реформирование своего «стратегического партнера» стало раздражать Вашингтон, поскольку позитивные сдвиги происходили слишком медленно. США стремились как можно скорее завершить стадию предоставления материальной помощи Украине и перейти к стадии, когда экономические отношения между двумя государствами происходили бы за счет естественного интереса американского частного капитала. В США все чаще начали говорить о том, что ранее «безусловная» помощь Украине должна быть обусловлена принципом «вознаграждения за достижение»⁷².

В свою очередь, предыдущие разговоры о «ключевой роли Украины» дали повод украинским правительственным чиновникам считать, что к евроатлантическому сообществу можно полноправно приобщиться исключительно за счет собственного геостратегического положения, не прикладывая особенных усилий для внутреннего развития. Однако уже в 1998 г. на слушании комитета по иностранным делам Палаты представителей США было решено сократить финансирование программ в Украине в два раза. В процессе заседания Украине было выдвинуто обвинение в налаживании связей с организациями, которые могут стать угрозой для Соединенных Штатов.

Таким образом, политику США в отношении Украины можно разделить на два этапа. Первый характеризовался усилиями Соединенных Штатов в области ядерного разоружения и создания системы безопасности. Вторым этапом представлял собой «подталкивание» Украины к экономическим и политическим реформам. Сейчас сложно сказать, какое влияние оказали программы помощи на ситуацию внутри страны в 1990-е годы. С одной стороны, было остановлено падение ВВП и стабилизирован валютный курс. Однако, с другой стороны, в стране разразился новый финансовый кризис, ставший ударом для еще хрупкой экономики Украины. Возможность более или менее равноправного «стратегического партнерства» между Вашингтоном и Киевом в будущем начала подвергаться сомнению. Если в 1994–1996 гг. Украина рассматривалась США как достаточно перспективный партнер, который временно находится в затруднительном положении, то во второй половине 1990-х гг. начало формироваться негативное отношение к этой стране.

⁷¹ См.: U. S. Overseas Loans and Grants. Foreign Assistance Data. URL: <http://gbk.eads.usaidallnet.gov/data/> (дата обращения: 10.06.2012).

⁷² См.: *Woehrel S.* Ukraine: Current Issues and U. S. Policy. Congressional Research Service. May 12, 2011.

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА
ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ
В АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БУША-МЛ.**

Мы, в России, всегда с опаской ожидаем смены власти в США и заранее пытаемся предсказать, какая партия победит на президентских выборах потому, что американская политика (внешняя и внутренняя) серьезно влияет на расстановку сил в мире и на положение нашей страны. Российские ведущие эксперты-американисты всегда кого-то поддерживают в президентской гонке – республиканцев или демократов – и, в большинстве случаев, ошибаются. Так, например, в России не хотели избрания Б. Клинтона потому, что он обещал больше заниматься внутренней политикой и не обращать особого внимания на внешнюю: было опасение, что он бросит молодую демократическую Россию на произвол судьбы. Но получилось наоборот – Клинтон поставил Россию в центр своей внешней политики. Мы ожидали от Дж. Буша-мл. резкого ухудшения отношений, поскольку президент В. Путин в переходный период активно консолидировал СНГ, но получилось опять наоборот – обострения не произошло. Россия заняла в энергетической стратегии Буша-мл. важное место, в Любляне В. Путин и Дж. Буш вообще стали друзьями, а затем, после 11 сентября, даже превратились в союзников.

Пытаясь ответить на вопрос о непредсказуемости поворотов (в первую очередь, тактических) внешней политики США, нужно иметь в виду, что очень трудно просчитать внутренне соотношение сил в американских партиях и администрациях, ибо они состоят из разных группировок, экономических интересов, и у каждой такой группировки своя внешнеполитическая модель. Эти группировки вступают между собой в различные союзы и коалиции, часто вражда сменяется альянсом и наоборот. Ситуация и соотношение сил меняются постоянно и очень быстро, президентам приходится следовать за этими изменениями и вносить коррективы в свою внешнюю политику. Кто побеждает в аппаратной или политической игре внутри американского истеблишмента, тот и диктует внешнюю политику, или она принимает компромиссный характер. Даже по частным внешнеполитическим вопросам возникают отдельные коалиции и союзы группировок. Именно вследствие таких сложных отношений внешним экспертам (в частности, российским) очень трудно предсказать, какого характера союз интересов будет в следующий момент у власти в администрации или в конгрессе.

Чтобы разобраться в этом, надо представлять, из каких групп состоит политический ландшафт США, какие экономические силы поддерживают эти группы, какие внешнеполитические модели им выгодно пропагандиро-

вать и реализовывать, добравшись до рычагов власти. Таких влиятельных групп в американской политической элите можно выделить четыре-пять.

Первая группа – это палеоконсерваторы. Они входят в состав республиканской партии и отражают интересы тех слоев активного американского населения и экономических групп, которые в процессе своей деятельности используют местные ресурсы и реализуют свою продукцию или услуги на местном рынке. Поэтому им не нужна интервенционистская, или активистская внешняя политика: у них просто нет внешних интересов.

Внешнеполитическая модель группы палеоконсерваторов называется неоизоляционизм. Эта внешнеполитическая модель подразумевает, что США не следует вмешиваться в международные дела, чтобы обеспечивать свою национальную безопасность. Америке ничто не угрожает, никакая агрессия, ради которой нужно было бы вмешиваться в мировую политику. Наличие у США ядерного оружия надежно защищает от любого агрессора, который неизбежно получит удар возмездия в случае нападения на Америку. А то, что ядерное оружие имеется у других держав (Китай, Россия, Британия и т. д.), это тоже хорошо, ибо они будут друг друга «сдерживать» и не позволят появиться евразийскому гегемону, который мог бы стать глобальным конкурентом США. Америка не должна нести на себе затраты по поддержанию мирового порядка, не должна пытаться распространять свои либерально-демократические ценности, ибо это усилит обиду на США и порождает угрозы для национальной безопасности.

Таким образом, неоизоляционизм нацелен на сохранение американской свободы и экономического благополучия вне мирового контекста. Соответственно, неоизоляционисты говорят, что нет смысла останавливать процесс распространения ядерного оружия, надо выйти из НАТО и максимально сократить военное присутствие за рубежом. Самыми яркими представителями этого направления являются Патрик Бьюкенен и Дуг Бендоу. Неоизоляционисты представлены в конгрессе слабо, а в республиканских администрациях последнего времени их не было вообще.

Следующая группа тоже преимущественно республиканская, но намного более влиятельная – это реалисты. Они опираются на сырьевые, нефтяные, добывающие и перерабатывающие корпорации, которые начинали свою деятельность как внутриамериканские, но затем стали искать возможности расширения поля деятельности за рубежом. Продвигать свои интересы указанного рода корпорации предпочитают классическими рыночными методами – это достаточно легко и удобно, ибо они имеют по сравнению с конкурентами значительные финансовые и технологические преимущества. Из-за такого подхода их называют традиционалистами. И именно такое продвижение своих интересов во внешнем мире традиционалисты рассматривают как ядро американских национальных интересов. Но поскольку иногда естественное рыночное продвижение наталкивается на препятствия враждебного военного или политического характера, то внешнеполитическая и военная мощь США должна, по мнению корпоративных интересов, быть точно задействована, чтобы эти препятствия снять. Массированный широкоформатный интервенционизм не приветствуется ими, ибо в разгоревшемся пламени конфликтов уже качать, добывать или перерабатывать ничего нельзя. Поэтому, как было сказано, вмешательство должно быть выборочное и точечное.

Реалисты в политике, защищающие интересы традиционалистов, также считают, что внешняя политика США должна быть нацелена на поддержание глобального баланса сил, который препятствует появлению держав (особенно, в Евразии), способных бросить вызов США и остановить продвижение американских корпоративных интересов. С этой же целью надо препятствовать и распространению ядерного оружия. Нельзя также допускать больших войн и не стоит пытаться распространять идеалы либерализма и ценности демократии силой – «гуманитарные интервенции» тоже могут мешать продвижению корпоративных интересов.

Для поддержания глобальной стабильности, считают реалисты, нужно иметь как можно больше союзников, в том числе и рамках таких многосторонних организаций как ООН или НАТО. Однако нельзя допускать с их стороны навязывания приоритетов: эти союзники должны выполнять только вспомогательные миссии ради восстановления стабильности. Наконец, реалисты считают, что вооруженные силы США должны быть такими, чтобы вести, по крайней мере, две локальные войны одновременно.

Правда, среди реалистов существует раскол. Во-первых, среди них можно выделить так называемых осторожных реалистов, которые заинтересованы в том, чтобы сохранять максимально стабильную экономическую ситуацию с использованием дипломатии, коалиций союзников и многосторонних организаций, а силу использовать очень аккуратно – в крайних случаях и только с полной гарантией успеха (К. Пауэлл, К. Райс). Во-вторых, есть группа консервативных реалистов (или жестких консерваторов), которые готовы ради тех же целей, но более решительно использовать вооруженные силы и меньше полагаться на союзников и многосторонние организации (Д. Чейни, Дж. Рамсфельд).

Наконец, в последнее полтора десятка лет в республиканской партии с периферии на первый план вышла еще одна группировка – так называемые неоконсерваторы. Объективно эта группа отражает интересы военно-промышленного комплекса и части федеральной бюрократии, которая кормится от активистской внешней политики. Эта группировка оживилась сразу после окончания холодной войны, ибо с того момента у американского ВПК появились проблемы с получением военных заказов.

Соответственно, неоконсерваторы стали активно генерировать и пропагандировать идеи, связанные с необходимостью установления американского глобального военно-политического доминирования, ибо, по их мнению, преимущество «единственного полюса» было так велико, что прислушиваться к оппонентам не имеет смысла. А оправдываться такое военно-политическое продвижение к абсолютной гегемонии должно «мессианством» – благородной миссией насаждения либерально-демократических порядков во всем мире, ибо демократические государства проводят мирную и конструктивную внешнюю политику. Военно-политическое господство, говорят неоконсерваторы, обеспечит продвижение, в том числе, и американских экономических интересов – под глобальным «силовым колпаком» можно качать нефть и добывать руды где угодно и никого не спрашивая. Все это позволит увековечить американские преимущества – военные и экономические.

В рамках этой внешнеполитической модели нельзя допускать распространения ядерного оружия – это плохо для американской гегемонии. Сами

вооруженные силы США должны быть на уровне холодной войны, и большие деньги надо инвестировать в новые технологические разработки, в модернизацию и развитие американского ВПК. Представляли неокнов в администрации Дж. Буша-мл. – П. Вульфовиц, Дж. Болтон, Д. Фейт, З. Халилзад, а вне администрации – У.Кристал и Н.Подгорец.

Что касается демократической партии, то она более однородна в своих пристрастиях. Здесь преобладают экономические интересы так называемых прогрессистов – это огромный слой предпринимателей, которые хотят продавать свои товары или услуги везде, где только возможно. Поэтому они категорически не приемлют конфликтов и войн, а стремятся к объединению национальных рынков в один глобальный рынок без границ и барьеров. Естественно, что эту «интегрирующую миссию» должно взять на себя правительство США – именно оно обязано создавать условия для всеобщей глобальной торговли.

В демократической партии эти интересы представляют либеральные демократы и консервативные демократы. Либеральные демократы проводят внешнюю политику вильсоновско-универсалистского типа, стремясь интегрировать экономические и политические национальные системы через усиление многосторонних организаций (ООН, ВТО, МВФ и т. д.). В то же время они говорят о лидерстве Америки, а не об одностороннем диктате США, поскольку лидерство должно быть моральным и легитимным. Надо примером доказывать, что Америка следует международным законам и традициям, а силу использует только для наказания нарушителей этих законов, да и то совместно с другими державами и под эгидой многосторонних организаций. Либералы-вильсоновцы всегда указывают на необходимость международного мира и сотрудничества, подчеркивают, что США должны оказывать помощь развитию отстающих стран и интегрировать их любой ценой в общую глобальную ткань мирового производства и торговли.

В целом, эта группировка многочисленнее и сильнее всех других в американском политическом спектре, но частенько проигрывает выборы из-за излишней гуманитарности и идеализма своих позиций, не совсем понятных широкой американской публике. Самым вильсоновским президентом после самого В. Вильсона был, конечно же, Б. Клинтон, который на практике активно осуществлял стратегию «расширения и вовлечения».

Консервативные демократы в общем разделяют цели прогрессистов-вильсоновцев, но считают, что для их достижения можно использовать не только дипломатию и прочую «мягкую силу», но и «жесткую» военную силу, в том числе тактику «сдерживания» (например, России или Ирана), регионального баланса сил и прочее. Типичным представителем консервативных демократов является З. Бжезинский.

Когда к власти в начале 2001 г. пришли республиканцы во главе с Бушем-мл., то прогрессисты-вильсоновцы практически были изгнаны с политической сцены, а в администрации Буша-мл. внешнеполитический блок состоял исключительно из умеренных осторожных реалистов. По крайней мере, республиканский конвент в августе 2000 г. уполномочил Буша-мл. на проведение именно такой политики и одобрил кандидатуры Пауэлла, Райса и Чейни как осторожных реалистов.

Однако, попав в администрацию, вице-президент Д. Чейни проявил себя как жесткий консерватор. Более того, он стал резко радикализировать внешнеполитический блок, пытаясь противопоставить осторожному реалисту госсекретарю К. Пауэлла целую группу агрессивных неоконсерваторов, которых он (имея на это полномочия вице-президента) стал вводить в администрацию, несмотря на отсутствие мандата партии на их включение.

Видимо, это было нужно для того, чтобы переложить на плечи неоконсерваторов ответственность за жесткую внешнеполитическую линию. Правда, сначала не было повода для ее проведения, однако события 11 сентября 2001 г. и объявленная «война с террором» такой повод дали, и неоконсерваторы вместе с Чейни и Рамсфельдом получили возможность контролировать внешнюю политику США, игнорируя госсекретаря К. Пауэлла с его реалистическими интересами.

В результате, неоконсерваторы, маленькая группка политических маргиналов, выталкиваемая вперед обстоятельствами и жесткими консерваторами Д. Чейни, захватила власть над американской внешней политикой. Единственное, что реалист Пауэлл смог в этих условиях сделать, – это убедить президента (который склонялся к поддержке неоконсерваторов), что без создания международной коалиции талибов и Аль-Кайду победить будет трудно. Собственно, сам Пауэлл эту идею потом и реализовал.

Однако дальше неоконсерваторы под покровительством Чейни и Рамсфельда уверенно вели американскую внешнюю политику к мировой военно-политической гегемонии. Ключевым моментом в этой политике было то, что Дж. Бушу-мл. это было по душе, и он играл в эту гегемонию, как ребенок в солдатиков. После, как казалось, триумфа в Афганистане, неоконсерваторы вместе с Рамсфельдом и Чейни замахнулись и на Ирак, который, в действительности, не имел отношения к войне с террором, но в этой ситуации он становился моделью того, как в новых условиях мир будет поставлен на колени.

Очередной триумф операции «Шок и трепет» в Ираке весной 2003 г. означал, что консервативный блок полностью отодвинул реалистов от рычагов управления внешней политикой. Пауэлл остался в изоляции, ибо даже К. Райс «перебежала» к неоконсерваторам. Однако к осени того же года вдруг стало ясно, что Ирак и Афганистан не побеждены, военные потери Запада там начинают расти, а «стратегии выхода» у консерваторов изначально не было. В американском общественном мнении постепенно нарастало недовольство такой политикой, а учитывая, что следующий 2004 г. – это год президентских выборов, республиканский истеблишмент и сам президент в панике начали искать выход и были вынуждены отдать внешнеполитическую инициативу в руки К. Пауэлла.

Соответственно, в 2004 г. госсекретарь сумел немного отыграть ситуацию и одержал несколько весомых побед в реалистском духе над консервативным блоком. Так, Соединенные Штаты начали восстанавливать отношения с европейскими союзниками, с Советом Безопасности ООН, к которому Буш-мл. обратился за экономической помощью для Ирака. Госсекретарь добился нейтрализации активности неоконсерваторов на таких критических направлениях внешней политики США как Иран, Северная Корея, Ближний Восток, где неоконсерваторы рвались дестабилизировать ситуацию изнутри, чтобы добиться «смены режимов».

В целом, на данном этапе Пауэллу удалось замедлить динамику развития неоконсервативной внешней политики, и можно было надеется, что после выборов Буш-мл. от нее откажется в пользу классического реализма. Однако вместо этого, сразу после победы в ноябре 2004 г. над демократом Дж. Керри, Буш отправил в отставку Пауэлла, который сделал очень много для того, чтобы отмыть режим от грязи неоконсервативных авантюр, и внес серьезный вклад в победу республиканцев. В то же время все неоконсерваторы, за исключением второстепенных фигур, остались на своих местах творить американскую внешнюю политику, но под прикрытием уже более приемлемой для них фигуры – Кондолизы Райс.

Д. В. Петрыкина (Саратов)

МЕКСИКА: ВОЙНА С НАРКОБИЗНЕСОМ И «ИНИЦИАТИВА МЕРИДА»

В течение последних десятилетий ряд государств Центральной и Южной Америки – особенно Колумбия и Мексика – приобрели сомнительную известность одних из ведущих игроков на мировом рынке наркотиков. В наши дни можно с уверенностью сказать, что пальму первенства в этом негласном споре захватили Мексиканские Соединенные Штаты – основной производитель и поставщик на североамериканский рынок героина и марихуаны. Одновременно территория этой страны превратилась в мощную транзитную артерию, по которой в США поставляется более 90% колумбийского кокаина.

Преступность и насилие, связанные с незаконным оборотом наркотиков, уже давно представляют угрозу национальной безопасности не только для Мексики, но и для соседствующих с ней США. Вследствие этого в 70-е гг. XX в. страны наладили и активизировали совместное противостояние наркомафии. В рамках наметившегося сотрудничества в Мексику начали поставляться технические средства, необходимые для эффективной борьбы с преступным бизнесом. На территории США было также налажено обучение специалистов, задачей которых стало обнаружение и уничтожение плантаций марихуаны и опиумного мака⁷³. Однако двусторонние контакты резко сократились после того, как в 1985 г. в Мексике произошло громкое убийство американского сотрудника Управления по борьбе с наркотиками (DEA). Нарботанные программы были свернуты, в том числе из-за введения Вашингтоном обязательной системы сертификации государств на их принадлежность к производству и транспортировке наркотиков. В сложившейся

⁷³ См.: *Clare Ribando Seelke, Kristin M. Finklea. U.S. – Mexican Security Cooperation: The Mérida Initiative and Beyond // CRS Report for Congress. Aug. 15, 2011. P. 7. URL: <http://www.fas.org> (дата обращения: 20.08.2012).*

ситуации, как отмечено в аналитических докладах США, сама мысль о расширении контактов была попросту невозможной⁷⁴.

Однако нарастающее влияние латиноамериканской наркомафии заставило политиков внести коррективы в свои действия. Разгром крупнейших колумбийских наркокартелей в начале 1990-х гг. привел к резкому росту преступного бизнеса в Центральноамериканском регионе, в частности, на территории тех мексиканских штатов, которые граничат с США. С этого момента вся Мексика оказалась втянутой в специфические процессы формирования преступного наркогосударства. Криминализация структур государственной власти в этой стране сопровождалась многочисленными убийствами и громкими коррупционными скандалами. Однако в отличие от наркобизнеса в Колумбии, где криминальным рынком наркотиков управляли два мощных картеля (Калийский и Медельинский), в Мексике сложились семь преступных группировок, попытавшихся поделить на зоны влияния все государство. Ежегодный доход от продажи наркотических средств приносит мексиканским наркобаронам от 13,6 до 48,4 млрд. долл.⁷⁵ Разгоревшаяся на рубеже XX–XXI вв. война между наркокартелями за перераспределение доходов, равно как и правительственные акции, направленные на их уничтожение, привели к мощной вспышке насилия в этой стране.

В конце 2006 г. новоизбранный президент Мексики Фелипе Кальдерон, объявил бескомпромиссную войну местным наркокартелям. Однако правоохранительные структуры государства – полиция и прокуратура – оказались недееспособны, поскольку были коррумпированы. Тогда, рассчитывая на форсированный успех, президент принял решение о привлечении к борьбе с наркобизнесом национальных вооруженных сил. Столь радикальный метод был подкреплён и внутривластной ситуацией. Состоявшиеся в 2006 г. президентские выборы в Мексике обеспечили Кальдерону и сторонникам Партии национального действия победу с минимальным отрывом в голосах (0,58%)⁷⁶. Проигравшая сторона, отстаивавшая первенство Лопеса Обрадора, лидера Революционно-демократической партии, лидировавшего перед выборами, протестовала и даже пыталась сорвать инаугурацию президента. Поэтому перед новым руководителем страны стояла задача утверждения своих позиций решительным наступлением на позиции наркомафии, игравшей, как уже было отмечено, весьма заметную роль в политической жизни Мексики. Впрочем, довольно скоро Кальдерон убедился, что собственными силами справиться с мафиозными структурами, проникшими во все сферы государственной власти, невозможно. Мексике потребовалась срочная помощь могущественного и заинтересованного северного соседа.

Решающую роль в обеспечении победы в войне с наркотиками был призван сыграть долгосрочный план совместных действий. Соответствующее со-

⁷⁴ См.: *Craig A. Deare* «U.S. – Mexico Defense Relations: An Incompatible Interface», Strategic Forum, Institute for National Strategic Studies, National Defense University, July 2009. P. 2. URL: <http://www.ndu.edu/press/lib/images.pdf> (дата обращения: 20.08.2012).

⁷⁵ См.: *Colleen W. Cook*. Mexico's Drug Cartels // CRS Report for Congress. Oct. 16, 2007. P. 4. URL: <http://www.fas.org> (дата обращения: 21.08.2012).

⁷⁶ См.: *Colleen W. Cook*. Mexico's 2006 Elections // CRS Report for Congress. Oct. 3, 2006. URL: <http://stuff.mit.edu/afs/sipb/contrib/wikileaks-crs.pdf> (дата обращения: 20.08.2012).

глашение было оперативно принято в октябре 2007 г., в ходе визита президента Дж. Буша-младшего в Мексику. Документ получил название «План Мексика», или «Инициатива Мерида», по названию мексиканского города, в котором состоялась встреча лидеров двух стран. «Инициатива Мерида» предусматривала начало нового этапа сотрудничества США с правительствами стран Центральной Америки в рамках коллективного противодействия незаконному обороту наркотиков, оружия и организованной преступности. Согласно подписанному документу, Вашингтон обязался в течение последующих трех лет поставить своему мексиканскому союзнику оборудование и технику на сумму в 1,4 млрд. долл. Предусматривалось также, что начатое сотрудничество может быть в дальнейшем продлено в той или иной форме. Американское финансирование «Инициативы Мерида» обеспечивалось по каналам Управления международного сотрудничества в борьбе с наркотиками и охране правопорядка (INCLE), Иностранного военного ведомства (FMF) и Фонда экономической поддержки (ESF). В совместном заявлении президентов США и Мексики говорилось, что данная программа «знаменует собой новый этап в двустороннем сотрудничестве, характеризующий прочные отношения между двумя странами»⁷⁷. Стороны обязались наращивать контакты, в частности, по обмену информацией о борьбе с преступными организациями по обе стороны границы. Реализация программы предусматривала также обучение кадров и двусторонний обмен экспертами. При этом соглашение не предполагало возможности развертывания военного персонала США на территории Мексики. Тем самым администрация Дж. Буша-мл. выполнила рекомендации Г. Киссинджера – дальновидного политика, утверждавшего, что правительству США бесполезно бороться с производством и транспортировкой наркотиков без организации совместных действий с Мексикой⁷⁸.

Следует признать, направленность очередной антинаркотической кампании Вашингтона оказалась во многом схожей с ранее уже примененной в «Плане Колумбия» и в Андской региональной инициативе. Напомним, что упомянутые, весьма дорогостоящие проекты, были апробированы правительством США в рамках борьбы с наркомафией и повстанческими формированиями на территории Колумбии. Весьма любопытно, что сама мексиканская сторона всячески открещивается от столь нелицеприятного сравнения, на котором, впрочем, продолжают настаивать многие зарубежные аналитики и СМИ.

В целом «Инициатива Мерида» объявила приоритетными четыре фундаментальные задачи: прекращение безнаказанной деятельности преступных организаций; создание границы XXI в. с целью контроля над передвижением населения и предотвращения торговли наркотиками, оружием и отмывания денег; улучшение системы правосудия и достижение верховен-

⁷⁷ Joint Statement on the Merida Initiative: A New Paradigm for Security Cooperation. Oct. 22, 2007. URL: <http://merln.ndu.edu/archive.pdf> (дата обращения: 04.03.2012).

⁷⁸ См.: Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / пер. с англ. М., 2002. С. 90.

ства закона; уменьшение спроса на наркотики в регионе и формирование гражданского общества, доверяющего государственной власти⁷⁹.

Для исполнения провозглашенных принципов, уже в 2008–2009 гг. Конгресс США выделил Мексике 700 млн. долл. При этом следует отметить, что деньги, как правило, тратились на военные нужды. В частности, мексиканской стороной были закуплены 8 вертолетов и 2 морских патрульных самолета. Часть средств (12,9 млн. долл.) предназначалась разведывательным службам для проведения расследований, приобретение специального оборудования, обучение сотрудников и на борьбу с терроризмом⁸⁰. Из США в Мексику были также поставлены сканеры, рентгеновские аппараты и даже служебные собаки, способные быстро обнаруживать незаконно транспортируемые наркотики.

Другим направлением практической реализации «Инициативы Мерида» стало наведение порядка на южной границе Мексики. Как известно, страны Центральной Америки, в частности Гватемала, уже давно превратились в перевалочные пункты «кокаинового маршрута». Устойчивая связь региона с наркомафией породила здесь невиданный размах преступности. Согласно данным Всемирного доклада о наркотиках за 2011 г., государства Северного треугольника (Гватемала, Гондурас и Сальвадор) занимают первое место в мире по количеству убийств⁸¹. При содействии и финансировании американской стороны мексиканское правительство было включено в процесс усовершенствования миграционного контроля вдоль всей южной границы. Не менее быстро, и также в сотрудничестве с Агентством США по международному развитию (USAID), в Мексике приступили к осуществлению программы по подготовке реформы судебной системы.

Впрочем, начальные успехи реализация «Инициативы Мерида» сочетались с немалыми трудностями. В первую очередь, антинаркотическая кампания в Мексике осложнялась тем, что территория США по-прежнему являлась главным импортером наркотиков. Другой осложняющий фактор – американские поставки вооружения в латиноамериканские страны. Именно оружие США позволяет местным наркокартелям продолжать борьбу с правоохранительными структурами, совершать преступления и сохранять высокий уровень коррупции. Как утверждает авторитетное издание «The Economist», чиновники Мексики полагают, что «самое полезное, что ее сосед может сделать, это сдерживать экспорт оружия»⁸². К тому же массированные поставки оружия из США провоцируют и мексиканские законы. Согласно конституции, каждый гражданин Мексики имеет право на огнестрельное оружие⁸³. Отсюда – парадокс сложившейся ситуации. «Инициатива Мери-

⁷⁹ См.: The Four Pillars of Cooperation. URL: <http://mexico.usembassy.gov> (дата обращения: 04.07.2012).

⁸⁰ См.: *Laura Carlsen: A Primer on Plan Mexico*. Americas Program, Center for International Policy (CIP). 2008. URL: <http://www.scoop.co.nz/stories> (дата обращения: 10.03.2012).

⁸¹ См.: Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2011 год. Нью-Йорк, 2012. С. 64–65. URL: <http://www.incb.org/pdf/annual-report.pdf> (дата обращения: 20.03.2012).

⁸² Just don't call it Plan Mexico // *The Economist*. 25 Oct., 2007.

⁸³ См.: Конституция Мексиканских Соединенных Штатов. 5 февраля 1917 года (с позднейшими изменениями). С. 5. URL: <http://www.vivamexico.ru/wp-content.pdf> (дата обращения: 10.03.2012).

да», нацеленная на примирение, неожиданно вызвала обратный эффект. В наши дни Мексику по-прежнему, как и в былые времена, сотрясают кровавые разборки между соперничающими кланами наркодилеров. За последние пять лет в стране в криминальных войнах погибло более 47 тыс. человек⁸⁴. Похищения высокопоставленных чиновников, убийства мэров и кандидатов в губернаторы стали регулярными. В 2010 г. войны наркокартелей Мексики заметно ужесточились. На приграничных с США территориях наблюдается массовое увольнение представителей правоохранительных органов, обеспокоенных угрозами в свой адрес и в адрес семей. В Мичоакан, на родину Ф. Кальдерона, правительство было вынуждено направить более 6,5 тыс. солдат, морских пехотинцев и сотрудников полиции с задачей остановить массовые и жестокие убийства местного населения бандитами⁸⁵. Как пишет кубинский лидер Ф. Кастро, «невероятно, что в мире почти не известно о войне, которая в настоящий момент стоит тысячей жертв в год»⁸⁶. Признаком нестабильности в стране может также служить полная замена штата сотрудников полиции, которые обеспечивали безопасность в международном аэропорту Мехико. Ротация 348 полицейских произошла после перестрелки между сотрудниками полиции в одном из пассажирских терминалов⁸⁷. Обстановка настолько серьезна, что мексиканское правительство, явно выходя за рамки соглашения с США, призвало мировое сообщество к совместной борьбе с наркобизнесом и международной преступностью. «Единение усилий поможет в запуске координированных программ и проектов, правительства всех стран смогут общими усилиями обеспечить безопасность своих граждан», – заявила глава Генеральной прокуратуры Мексики М. Моралес⁸⁸. Назревшую необходимость расширения формата меридской «Инициативы» была вынуждена признать и американская сторона. В ходе официального визита в Мексику в 2009 г. госсекретарь США Х. Клинтон приветствовала «общую ответственность» в борьбе с наркотиками и незаконным оборотом оружия⁸⁹. Подобное заявление не противоречит интересам США, поскольку именно они в наибольшей степени заинтересованы в стабильности страны, которая продолжает оставаться важным торговым партнером в рамках Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА).

С учетом очевидных осложнений и нестыковок, в адрес «Инициативы Мериды» раздается много критики. Президент Ф. Кальдерон обвиняется в продолжающемся росте насилия в Мексике. По словам мексиканского специалиста по геополитике А. Э. Сесеньи: «Шесть лет правления Фелипе Кальдерона, которые отмечены войной с наркотрафиком под руководством

⁸⁴ См.: Жертвами нарковойн в Мексике за пять лет стали более 47 тыс. человек. 11/01/2012. URL: <http://www.ria.ru/world> (дата обращения: 07.03.2012).

⁸⁵ См.: Mexico cracks down on violence. 21.12.2006. URL: <http://www.seattlepi.com/national/article.php> (дата обращения: 10.03.2012).

⁸⁶ Кастро Ф. Агрессивные Штаты Америки / пер. с исп. М., 2010. С. 421.

⁸⁷ См.: В международном аэропорту Мехико сменили полицейских. URL: <http://www.rg.ru/> (дата обращения: 07.03.2012).

⁸⁸ См.: Мексика призывает международное сообщество к совместной борьбе. URL: <http://mexico24.ru/news/> (дата обращения: 07.03.2012).

⁸⁹ См.: Eugene Robinson. Drugs and Guns – a Deadly Trade Between Mexico and the U.S. // The Washington Post. March 27, 2009.

США... стали самыми кровавыми в мексиканской истории»⁹⁰. Из-за сотрясающей страну войны с наркобизнесом мировые СМИ все чаще причисляют Мексику к разряду «несостоявшихся государств». Данный термин, появившийся на страницах печати в 2008 г., подразумевает, что правительство страны не в состоянии контролировать ситуацию и обеспечивать суверенитет государства⁹¹.

Заметно поменялись настроения и приоритеты также в самих США. Особенно существенные коррективы в антинаркотическую стратегию Вашингтона были внесены после появления нового хозяина Белого дома. В 2010 г. в администрации Б. Обамы созрело решение об отделении стран Центральной Америки от «Инициативы Мерида» в отдельную, менее дорогостоящую программу – Центральноамериканскую региональную инициативу в области безопасности (CARSI). Аналогичная программа была составлена и для государств Карибского бассейна. Тенденция по сокращению объемов помощи на борьбу с наркобизнесом отражена и в бюджете США на 2013 год. Помощник госсекретаря по вопросам Западного полушария Р. Якобсон объяснил это тем, что в Мексике происходит смена стадий от поставок оборудования к созданию потенциала для верховенства закона⁹². Так, в 2008 г. США предоставили Мексике 405,9 млн. долл., в 2012 г. – 330,1 млн. долл., а в 2013 г. объем помощи составит лишь 269,5 млн. долл.⁹³. Подобные перемены связаны, главным образом, с кризисным состоянием американской экономики и со сменой внешнеполитических приоритетов.

Некоторые аспекты «Инициативы Мерида» подверглись критике и в Конгрессе США. В докладе Управления общей бухгалтерской отчетности за июль 2010 г. было отмечено, что представляется сложным отследить расходование средств из-за отсутствия единой базы данных у ведомств, через которые осуществляется финансирование «мексиканской» программы. Как заявил в своем выступлении председатель подкомитета по делам Западного полушария Элиот Энджел: «Смешно продолжать звонить в Государственный департамент и каждый раз получать от различных людей информацию о том, что на самом деле происходит с Мерида»⁹⁴. Про Центральноамериканскую региональную инициативу в области безопасности, по словам конгрессмена, также не приходится говорить в положительном

⁹⁰ США реализуют планы по «нейтрализации» Венесуэлы. Июнь 2012 г. URL: <http://www.tiwy.com> (дата обращения: 20.08.2012).

⁹¹ См.: *June S. Beittel*. Mexico's Drug Trafficking Organizations: Source and Scope of the Rising Violence // CRS Report for Congress. June 8, 2012. P. 3. URL: <http://www.fas.org> (дата обращения: 20.08.2012).

⁹² См.: *Roberta S. Jacobson*, Assistant Secretary of State for Western Hemisphere Affairs, testimony before the U.S. Congress, House Committee on Foreign Affairs, Subcommittee on the Western Hemisphere, Western Hemisphere Budget, Review 2013: What Are U.S. Priorities?, 112th Cong., 2nd sess., April 25, 2012. P. 5. URL: <http://foreignaffairs.house.gov> (дата обращения: 20.08.2012).

⁹³ См.: *Peter J. Meyer, Mark P. Sullivan*. U.S. Foreign Assistance to Latin America and the Caribbean: Recent Trends and FY2013 Appropriations // CRS Report for Congress. June 26, 2012. P. 6–7. URL: <http://www.fas.org> (дата обращения: 20.08.2012).

⁹⁴ Assessing the Merida Initiative: a report from the government accountability office. Hearing before the Subcommittee on the Western Hemisphere of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives One Hundred 11-th Congress, second session, July 21, 2010. P. 2. URL: <http://foreignaffairs.house.gov> (дата обращения: 20.08.2012).

ключе. Но главная претензия к программе в другом. Еще в конце 2009 г. в докладе Управления общей бухгалтерской отчетности, а потом и на страницах «The Washington Post» проскользнули данные о том, что США отстают в отправке помощи по антинаркотической программе Мексике. К декабрю 2009 г. только 2% американского оборудования было поставлено в рамках «Инициативы Мерида», и это в условиях, когда мексиканская армия уже вела ожесточенную войну с наркокартелями⁹⁵. В последующих отчетах также обращалось внимание на крайне медленные темпы американских поставок, отмечалось отсутствие окончательных сроков их исполнения, подчеркивалась необходимость улучшить показатели эффективности, усовершенствовать организацию всего предприятия, а также упорядочить подотчетность «Инициативы Мерида». Так, хваля президента Ф. Кальдерона за сотрудничество с США, Э. Энджел сообщал о 9% освоенных средств за 2010 год. Свою озабоченность в отношении исполнения условий американо-мексиканского сотрудничества выразили и другие политики. «Я понимаю, что это требует времени. Я понимаю, что потребуется время на создание вертолетов и военной техники. Но я надеюсь, господин председатель, ради наших двух стран, что мы можем ускорить эту очень важную инициативу», – заявил конгрессмен М. Маккоул на заседании подкомитета по делам Западного полушария⁹⁶. Среди других причин неэффективности программы называлось недостаточное количество персонала для ее реализации; упоминались также бюрократические проволочки, такие, например, как межведомственные и двусторонние переговоры.

В условиях непрекращающегося насилия в Мексике и широкого общественного разочарования победителем очередной президентской кампании в Мексике, состоявшейся в июле 2012 г., стал бывший губернатор Мехико Энрике Пенья Ньето. В качестве единственного кандидата от оппозиционной Институционно-революционной партии он победил во всех приграничных штатах, как на южной, так и на северной границе. Бывшая Партия мексиканской революции, которая находилась у власти с 1929 по 2000 гг., не только отвоевала президентство, но и получила большинство в органах законодательной власти. Новый президент Мексики заявил о необходимости пересмотреть стратегию борьбы с наркобизнесом, снизить уровень насилия, а также провести ряд серьезных политических и социальных реформ. Впрочем, политический курс нового президента вряд ли будет антиамериканским и, скорее всего, принципиально не изменит методов борьбы с наркомафией. Не случайно вскоре после выборов президент Э. Пенья заверил, что отношения Мексики с США будут оставаться интенсивными и дружескими⁹⁷.

⁹⁵ См.: *William Booth*. U.S. lagging in sending anti-drug aid to Mexico, GAO says // *The Washington Post*. Dec. 4, 2009.

⁹⁶ См.: *Assessing the Merida Initiative: a report from the government accountability office*. P. 5.

⁹⁷ См.: *Alina Rocha Menocal*. A Requiem for Calderón // *Foreign Policy*. 2012. June 18. URL: <http://www.foreignpolicy.com> (дата обращения: 20.08.2012); *Clare Ribando Seelke*. Mexico's 2012 Elections // *CRS Report for Congress*. July 19, 2012. P. 14. URL: <http://www.fas.org> (дата обращения: 20.08.2012). Важно подчеркнуть, что избираться на пост президента Мексики, согласно конституции, можно только один раз.

В целом, можно констатировать, что стратегия борьбы с наркобизнесом, избранная президентом Ф. Кальдероном, не принесла ожидаемого позитивного результата. Привлечение армии лишь милитаризировало, а, следовательно, ужесточило внутренний конфликт, привело к невероятной жесткости. Фотографии, сделанные на антинаркотическом фронте в Мексике, не сходят со страниц международных изданий и ужасают общественность. «Инициатива Мерида», несмотря на финансирование и поставки американского оборудования, не смогла решить главную проблему, то есть, обеспечить решительную победу над региональной наркомафией. В этом противостоянии достигнуты лишь тактические успехи, обретенные ценой тысяч и тысяч человеческих жизней. Неудачи в войне с наркотиками в Мексике коренятся в слабости государства и государственных структур, в низком уровне социально-экономического развития, в масштабной коррупции и неэффективности судебной системы. По всей видимости, изменение внешнеполитических приоритетов и снижение финансово-экономического потенциала не позволит США в ближайшее время поддерживать войну с незаконным оборотом наркотиков в Центральной Америке с прежним энтузиазмом. Для обеих сторон – для Мексики и США – это означает неспособность контролировать прилегающие границы, что неизбежно приведет к увеличению потока незаконной миграции и наркотиков в регионе.

М. А. Гусакова (Саратов)

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ ЕС: ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

В начальный период интеграционных процессов Парламентская Ассамблея Европейских сообществ (деле – ПАЕС) занимала довольно скромное положение в системе надгосударственных институтов. Первый председатель Совета Министров Европейских сообществ К. Аденауэр в своем вступительном обращении к Ассамблее в 1952 г. провозгласил, что данная структура является суверенным органом власти, и сравнил Совет министров и ПАЕС с двумя палатами в национальном парламенте⁹⁸. Однако, новый институт, состоявший из делегатов, назначаемых национальными парламентами стран-партнеров по интеграционным процессам, был наделен лишь малозначительными консультативными и контрольными полномочиями. Таким образом, ПАЕС являлась преимущественно консультативным органом, хотя и имела определенные властные полномочия, включая

⁹⁸ См.: *Monnet Jeant.* Memoirs. N. Y., 1978. URL: <http://www.europarl.europa.eu> (дата обращения: 03.08.12). Совет министров Европейских сообществ – межправительственный орган стран-участниц Сообществ. Его предписания равносильны законам для государств-партнеров. Формируется из представителей стран-участниц на уровне министров. Проекты решений для Совета министров готовит Комиссия европейских сообществ.

право отправлять в отставку членов Европейской Комиссии⁹⁹ путем вынесения вотума недоверия¹⁰⁰. Осознание необходимости ограничения полномочий Совета Министров в системе Европейских сообществ, потребность сделать их более управляемыми, а также желание следовать принципам представительной демократии побуждали политиков государств-партнеров к системным переменам, направленным на усиление роли наднационального Европейского Парламента, вплоть до наделения его законодательными полномочиями, которые бы позволили ему играть важную роль в политической жизни Сообществ, наряду с Советом Министров.

Поначалу, как консультативный орган, ПАЕС стремилась повысить значение своих функций путем заключения соглашений с другими интеграционными институтами, а также посредством монополии на толкование учредительных договоров. Благодаря предпринятым усилиям, наметилось постепенное усложнение процедуры консультаций и повысилось ее качество. Однако на деле ПАЕС не могла блокировать принятие проекта решения или заставить Комиссию или Совет Министров внести в него изменения. Сложилась ситуация, при которой ПАЕС была вправе изложить свое мнение на любой стадии принятия решений, но не имела практических рычагов воздействия, если другой институт Европейских сообществ не принимал предлагаемые парламентские поправки. Отметим, что данная тенденция преобладала на протяжении трех десятилетий и распространялась на деятельность Европейского Парламента, первые прямые выборы в который состоялись в 1979 году.

Положение изменилось по итогам решения Европейского суда по делу об изоглюкозе в 1980 году. Его решением была аннулирована часть законодательства Европейских сообществ, принятого Советом Министров. Основанием для столь радикального действия оказалась невозможность для членов Европарламента высказать свое мнение по вопросу установления квоты на производство данного продукта¹⁰¹. Суд дал ясно понять, что Совет Министров не может принимать законодательство Европейских сообществ до получения мнения европарламентариев в тех случаях, когда оно требуется в соответствии с договорной практикой. Тем самым, решение Европейского суда создало важный прецедент: оно конкретизировало участие Европейского Парламента в демократических процессах Европейских сообществ, предоставив отныне наднациональной парламентской структуре право играть более активную роль в общем законотворчестве¹⁰².

Не удивительно, что структуры Европейского Союза, созданные в начале 90-х гг. XX столетия, в еще большей степени укрепили статусную роль

⁹⁹ Комиссия европейских сообществ (КЕС) – исполнительный орган Европейских сообществ. Члены данной структуры, назначаемые правительствами стран-участниц Сообществ, не могут получать каких-либо инструкций от национальных правительств и в своей деятельности должны исходить только из общих интересов.

¹⁰⁰ См.: The Treaty establishing ECSC. 1951. URL: <http://www.cvce.eu/obj> (дата обращения: 09.08.12).

¹⁰¹ См.: Judgment of 29 October 1980, Maizena / Council (139/79, ECR 1980 p. 3393) (EL1980:III/00359 ES1980/01217). URL: <http://www.eur-lex.europa.eu/smartapi> (дата обращения: 09.08.12).

¹⁰² См.: Зеленов Р. Ю. Законодательные процедуры Европейского Союза. Эволюция полномочий Европейского парламента // Государство и право. 2005. № 1. С. 97–103.

Европейского Парламента. Амстердамский договор 1997 г. ввел новую разновидность консультаций применительно к вопросам сотрудничества в области правосудия и внутренних дел. Теперь, в соответствии с Договором, до принятия решения, Совет Министров ЕС должен запросить мнение членов Европейского Парламента. Тем не менее, договор 1997 г. предоставил Совету Министров определенную свободу действий, которая выражалась в праве на установление срока для подготовки членами Европарламента своего мнения, который, однако, не мог быть менее трех месяцев. Если Европарламент не мог представить своего мнения в течение установленного срока, Совету предоставлялось право принимать собственное решение¹⁰³. Такое решение Амстердамского договора стало весомым ограничением парламентских прав, которое позже позволяло Совету Министров ЕС отойти от требований Европейского суда по делу об изоглюкозе.

Не менее важной законодательной акцией для Европарламента является «согласительная» процедура между ним и Советом Министров при активном участии Еврокомиссии. Данная процедура появилась в результате осознания того, что Европейский Парламент мог бы использовать свои новые финансовые полномочия для того, чтобы блокировать реализацию законодательства, которое могло иметь негативные бюджетные последствия. Значимость согласительной процедуры заключается, прежде всего, в идее, которую она воплощает. В первую очередь, речь идет о возможности непосредственных переговоров между Парламентом и Советом, в ходе которых представители данных институтов могут прийти к соглашению. Однако на практике окончательное решение все-таки остается за Советом Министров¹⁰⁴.

Большое влияние на развитие законодательных полномочий Европарламента оказала процедура «сотрудничества». В отличие от процедуры «консультаций», «сотрудничество» предполагает наличие двух чтений проекта решения, первое из которых является аналогом прежней процедуры консультаций. Введение второго чтения позволило Парламенту влиять на позицию Совета Министров и реагировать на мнения, высказанные по проекту решения вне институтов ЕС, например, в СМИ¹⁰⁵. Однако в тексте Маастрихтского договора такая практика была заменена процедурой «совместного принятия решений», за исключением вопросов экономической и валютной политики, которые по-прежнему были подчинены процедуре «сотрудничества»¹⁰⁶.

Формально процедура «совместного принятия решений» была введена с целью усиления роли Европейского Парламента в законодательном процессе ЕС. Данная процедура также предполагала наличие двух чтений, проводимых в каждом из институтов. Если после этого члены Совета и Парламента не могли принять единый текст, проект решения должен быть передан в Согласительный комитет, в функции которого входит согласо-

¹⁰³ См.: Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union. 1997. URL: <http://www.cvce.eu/obj> (дата обращения: 03.09.12).

¹⁰⁴ См.: Зеленов П. Ю. Указ. соч. С. 99.

¹⁰⁵ См.: Hix S., Noury A., Roland G. Democracy in the European Parliament. Brussels. 2005. URL: <http://www.oldbookshop.publications.europa.eu> (дата обращения: 07.09.12).

¹⁰⁶ См.: Treaty on European Union. 1992. URL: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11992M/htm> (дата обращения: 09.08.12).

вание компромиссного текста. Впоследствии компромиссный вариант должен быть направлен для окончательного утверждения членам Европейского Парламента и Совета Министров. Данная процедура не отличается от процедуры сотрудничества вплоть до второго чтения в Парламенте. Однако, если Европарламент примет решение об отклонении общей позиции большинством своих членов, законопроект не может быть принят в отличие от процедуры сотрудничества, при которой Совет все-таки мог принять текст при соблюдении принципа единогласия. Если члены Парламента утверждают общую позицию, решение считается принятым, если же внесут изменения в общую позицию, то решение направляется в Совет. В случае одобрения членами Совета всех поправок текст считается принятым. Если этого не происходит, вопрос автоматически передается в Согласительный комитет, в который помимо представителей Совета Министров и Европейского Парламента входят члены Еврокомиссии. В соответствии с Маастрихтским договором, членам Согласительного комитета предоставляется от шести до восьми недель, в течение которых требуется согласовать компромиссный, основанный на общей позиции, текст. Впоследствии, если члены Парламента и Совета поддержат компромиссный текст, он считается принятым, в противном случае проект решения отклоняется. Если Согласительному комитету не удастся прийти к соглашению в установленный период времени, текст автоматически считается не принятым и не может обрести законодательную силу без того, чтобы не начать всю законодательную процедуру заново¹⁰⁷.

Другое изменение, затрагивающее процедуру сотрудничества, касается роли Европейской Комиссии и позиции ее членов в отношении второго чтения поправок в Парламенте. В процедуре сотрудничества важным моментом для Европарламента является получение поддержки членами Комиссии внесенных европарламентариями поправок. В случае принятия данных поправок Комиссией, они включаются в проект решения и могут быть исключены или изменены Советом Министров, только если он действует единогласно. В соответствии с процедурой совместного принятия решений Комиссия выражает свое мнение по поправкам, принятым Парламентом во втором чтении, но вне зависимости от позиции ее членов¹⁰⁸. Таким образом, если члены Совета не могут принять все парламентские поправки, важная роль отводится Согласительному комитету, в котором в ходе переговоров Совет и Парламент имеют возможность прийти к соглашению по отдельным поправкам независимо от мнения Комиссии.

Амстердамский договор ввел несколько принципиально новых моментов в процедуру «совместного принятия решений». Во-первых, появилась возможность принятия законодательного акта в первом чтении, в случае если члены Парламента не вносят поправок, либо, если Совет Министров принимает все поправки, внесенные парламентариями. Равным образом в тех случаях, когда Парламент рассматривает общую позицию Совета во втором чтении, он может проголосовать за то, чтобы был принят текст в предложенной редакции. Во-вторых, был введен «примирительный» этап между предста-

¹⁰⁷ См.: Treaty on European Union.

¹⁰⁸ См.: Ibid.

вителями Совета и Парламента, в случае, если члены Совета Министров не приняли поправки во втором чтении. Кроме того, предусматривалось, что если Парламент рассматривает общую позицию членов Совета во втором чтении, он может проголосовать за то, чтобы был принят текст в уже предложенной редакции. В целом данные изменения усилили законодательную роль Европейского Парламента в системе институтов Союза.

Введение процедуры совместного принятия решений значительно укрепило позицию Парламента, предоставив право наложить «вето» на принятие проекта во втором чтении, или в ходе процедуры согласования, что автоматически вело к началу переговорного процесса¹⁰⁹. Ведение данной процедуры способствовало тому, что члены Совета Министров и Европарламента были вынуждены перейти от противостояния по ряду вопросов к поиску совместного решения, которое удовлетворило бы оба института. Такая возможность имела большое значение для популяризации значения и роли Европейского Парламента. Подписание в 2001 г. очередного договора, посвященного модернизации структур ЕС (в Ницце), способствовало дополнительному расширению области «совместного принятия решений» в отношениях между Европейским Парламентом и Советом Министров ЕС. Теперь практика совместного принятия решений распространялась на такие сферы межгосударственного взаимодействия, как свободное движение лиц, услуг, капиталов; экономическая деятельность; правила конкуренции; вопросы предоставления убежища; иммиграционная политика¹¹⁰.

Еще одной – важнейшей – прерогативой современного Европарламента является право утверждения бюджета, которое формировалось на протяжении длительного периода времени и осуществляется совместно с Советом Министров. Как Парламент, так и Совет могут, в конечном счете, отвергнуть подготовленный Еврокомиссией проект бюджета в целом, что делает эту процедуру схожей с коллизиями «совместного принятия решения». Однако в отличие от других нормативных актов, текст бюджета подписывает только Председатель Европарламента¹¹¹. В остальных случаях, между Парламентом и Советом происходит распределение полномочий по утверждению бюджетных расходов. Исходя из этого, в соответствии с Единым европейским актом, а позже и с Маастрихтским договором, предполагаемые траты делились на две группы: обязательные, то есть, те, которые должны быть определены в соответствии с учредительными договорами и законодательством ЕС, и необязательные¹¹². В отношении необязательных расходов Парламент наделялся правом вносить поправки, в отношении обязательных – лишь предлагать изменения. Если в течение 45 дней с момента выработки проекта бюджета Европарламент дает свое согласие, бюджет считается принятым окончательно. Однако, если он принимает по-

¹⁰⁹ См.: Treaty on European Union.

¹¹⁰ См.: Treaty of Nice Treaty on European Union, the treaties establishing the European communities and certain related acts. 2001. URL // <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/12001C/htm> (дата обращения: 09.08.12).

¹¹¹ См.: *Кашкин С. Ю.* Право Европейского Союза. М., 2002. С. 253–277.

¹¹² См.: *Palayret J.-M., Bardi L.* Building Parliament: 50 years of European Parliament history. Belgium: European Communities, 2009. URL: <http://www.oldbookshop.publications.europa.eu> (дата обращения: 07.09.12).

правки или предлагает внести изменения, проект бюджета возвращается Совету Министров. В случае, если Совет Министров принимает изменения и соглашается с поправками, бюджет считается окончательно утвержденным, о чем информируется Европарламент. Если же Совет вносит изменения в поправки и изменения, предложенные членами Парламента, то измененный проект направляется обратно, на рассмотрение парламентариев, которые в течение 15 дней могут отклонить изменения, предложенные Советом, и принять бюджет. При наличии веских причин, члены Европарламента уполномочены потребовать разработать новый проект бюджета. С бюджетно-финансовыми полномочиями неразрывно связано право европарламентариев утверждать отчет об исполнении бюджета, представляемый ежегодно Еврокомиссией. Соответствующее решение принимает Европейский Парламент, который может также затребовать проведение слушаний членов Комиссии по данному вопросу¹¹³.

Однако, несмотря на укрепление парламентского влияния в интеграционных процессах, достижения Европарламента не всеми воспринимаются всерьез. Так, в газете *The Luxemburger Wort* отмечается, что во многих странах ЕС члены Европейского Парламента не известны общественным массам, в отличие от депутатов – представителей местных парламентских партий. Кроме того, многие СМИ создают заведомо отрицательный образ единой Европы, не допуская возможности серьезного обсуждения текущих проблем Союза¹¹⁴. Вероятно, именно по этой причине многим гражданам Евросоюза неведомо и по сей день, что Европейский Парламент превратился в наднациональный демократический институт, наделенный реальной властью. Благодаря Маастрихтскому и Амстердамскому договорам, Европарламент получил право совместного принятия решений в 80% случаев принятия законодательных актов ЕС и оказался фактически наделенным теми же правами, что и Совет Министров. Пожалуй, критики Европарламента правы лишь в одном: этот институт по-прежнему не уполномочен решать вопросы налогообложения в странах ЕС. Именно по этой причине, в нынешние, кризисные времена, некоторые оппоненты называют Европарламент «ненастоящим парламентом», а его полномочия – «фикцией».

С того момента, как национальные парламенты стали применять законодательство ЕС в качестве единого и универсального, общеевропейские решения начали напрямую влиять на условия жизни в странах Евросоюза. Сторонники интеграционных процессов утверждают, что в условиях глобализации в таких областях, как защита окружающей среды, защита прав потребителей, транспортная и внутренняя политика, применение исключительно национальных законов является абсурдом¹¹⁵. В этих условиях неоспоримым достижением Европарламента является возможность усиления законодательства в наиболее важных областях взаимодействия. В то же время, ему, как демократическому представительскому институту, необходима

¹¹³ См.: Treaty on European Union. 1992. URL: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11992M/htm> (дата обращения: 09.08.12).

¹¹⁴ См.: *Werle G.* Parliament is underestimated // *the Luxemburger Wort*. 2004. URL: <http://www.cvce.eu/obj> (дата обращения: 23.08.12).

¹¹⁵ См.: *Ibid.*

самая широкая поддержка населения стран Евросоюза, что, в частности, проявляется в участии граждан в выборах депутатского корпуса.

С 70-х гг. XX столетия происходит постепенное упрочение позиций и расширение полномочий Европейского Парламента. В 1979 г. состоялись первые прямые выборы его депутатов, что существенно повысило влияние и авторитет данного института. Единый европейский акт 1986 г. расширил полномочия Европарламента в законодательном процессе, закрепив так называемую процедуру сотрудничества, а Договор о Европейском Союзе превратил его в орган, имеющий право принимать законодательные решения по ряду вопросов совместно с Советом Министров. Каждая последующая реформа Учредительных договоров неуклонно расширяла законодательные полномочия Европейского парламента. В итоге он получил право принимать участие в законодательном процессе на нескольких уровнях, в зависимости от выдвигаемых Комиссией предложений, что имеет большое значение для функционирования Европейского Союза в целом. В начале XXI столетия модернизация этой представительной демократической структуры ЕС успешно продолжается.

Е. А. Порецкова (Саратов)

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ПРОГНОЗЫ ЕВРОСКЕПТИКОВ И ЕВРООПТИМИСТОВ

Финансовый кризис, захвативший в 2008 г. территорию США, оказался прелюдией системного сбоя глобальной модели развития. Очень быстро в его орбиту были вовлечены и структуры Европейского союза (ЕС). Неурядицы в финансово-промышленном комплексе Старого Света начались уже в 2010 году. Особенно активно они заявили о себе после оглашения параметров государственного долга Греции. Его колоссальные масштабы не только обозначили угрозу дефолта для отдельной страны, но и нанесли тяжелый удар по всей монетарной системе ЕС. В то же время «греческая проблема» ярко высветила недостатки евро как общеевропейской валюты. С этого момента в экономике интегрированной Европы громко заявили о себе несогласованность финансовой политики, рост национальных бюджетных дефицитов, социальные проблемы, что стало причиной смещения ряда влиятельных и ярких политиков (С. Берлускони, Н. Саркози). В сопровождавших громкие отставки политических дискуссиях особую остроту приобрела тема возможного распада еврозоны и возврата к национальным валютам. В наши дни наиболее активные и последовательные критики Европейского валютного союза – министр иностранных дел Финляндии Эркки Туомиоя и премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон.

Как известно, Великобритания, присоединившаяся к Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС) лишь в 1973 г., посредством демаршей своих политических лидеров неоднократно заявляла о критическом восприятии некоторых интеграционных инициатив. Наиболее бескомпромиссным оппонентом транснациональных тенденций являлась М. Тэтчер. Напротив,

позиция преемника «железной леди» на посту премьер-министра Великобритании, Дж. Мейджора в его отношениях с европейскими политиками отличалась вначале заметной лояльностью. Для самих же британцев – и евроскептиков, и еврооптимистов – самым актуальным оставался вопрос о том, каким будет их будущее без навязываемого континентального единения. Не менее важными для наследников бывшей империи оставались также геополитические вызовы XXI века. Современные британские политические лидеры не менее активно, чем в прежние времена, размышляют о том, с какими государствами следует развивать приоритетные отношения. Другой сюжет для размышлений: какая роль уготована Великобритании в мире, в котором явственно доминируют США, Китай и ЕС (при лидерстве Германии и Франции).

При оценке позиций британских евроскептиков и еврооптимистов отечественные специалисты предпочитают уделять внимание политическим заявлениям лидеров, нежели выявлению глубинной специфики самих движений¹¹⁶. С не меньшим интересом современные авторы анализируют этапы карьерного роста лидеров ведущих политических партий, зачастую оставляя без внимания обстоятельства зарождения евроскептицизма и еврооптимизма¹¹⁷. Так, в монографиях А. А. Громыко внимание сосредоточено на эволюции политической жизни Великобритании, на вопросах смены политической ориентации партий в отношении евроинтеграционной стратегии¹¹⁸. Отчасти пробелы в изучении многообразных процессов, происходящих во внутрипартийной жизни Великобритании, восполняют работы Н. К. Капитоновой¹¹⁹, которая останавливается на ключевых моментах, связанных с исследованием непростых взаимоотношений, сложившихся по ту сторону Ла-Манша между руководителями ведущих политических партий и лидерами движений евроскептиков и еврооптимистов.

Наблюдаемое в наши дни усиление евроскептицизма на территории Великобритании, являющейся одним из крупнейших и влиятельных участников ЕС, получило должное внимание со стороны европейских и британских специалистов. При этом они в значительной степени сосредоточились на изучении идей евроскептиков в рамках политических партий¹²⁰. Наиболее подробно исследователи останавливаются на спорном вопросе о том, действительно ли существовали разработанные программы евроскептиков, или же это было движение под общими лозунгами протеста против участия в интеграционных процессах? Не менее тщательно в этих

¹¹⁶ См.: *Медведев Д.* Неизвестная Мэгги. М., 2009; *Капитонова Н. К.* Лидер британских консерваторов Дэвид Кэмерон: путь к власти // Новая и новейшая история. 2011. № 2.

¹¹⁷ См.: *Перегудов С. П.* Современный консерватизм. М., 1992; *Он же.* Тэтчэр и тэтчеризм. М., 1996.

¹¹⁸ См.: *Громыко А. А.* Политический реформизм в Великобритании. 1970–90-е гг. М., 2001; *Он же.* Модернизация партийной системы Великобритании. М., 2007. *Он же.* Великобритания. Эпоха реформ. М., 2007.

¹¹⁹ См.: *Капитонова Н. К.* Внешняя политика Великобритании, 1979–1990 гг. М., 1996; *Она же.* Великобритания в конце XIX – начале XX века: от консерваторов к лейбористам. М., 2003.

¹²⁰ См.: *Baker D., Gamble A., Ludlam S.* Whips or Scorpions? The Maastricht Vote and the Conservative Party. *Parliamentary Affairs* 46. No. 2. 1993.

работах анализируются внутрипартийные расхождения противников европейской интеграции, а также масштабы их влияния на партийных лидеров¹²¹. Наиболее яркими среди них являются монографии французского политолога А. Александр-Колье¹²² и британского историка Р. Хармсена¹²³, подчеркивающих двойственную природу евроскептицизма, основанного как на сложных взаимоотношениях с Европой, так и на отстаивании национального суверенитета Великобритании. Не менее обстоятелен вклад в изучение новейшей истории евроскептицизма и еврооптимизма австралийского ученого Б. Веллингса¹²⁴.

В целом, несмотря на то, что отдельные аспекты деятельности движения сторонников и противников европейской интеграции в Великобритании нашли свое отражение во многих работах как отечественных, так и зарубежных авторов, крайне актуальная тема влияния данных политических движений на евроинтеграционную стратегию этой страны в качестве самостоятельной исследовательской проблемы не рассматривалась.

Путь Великобритании в интеграционные структуры, как уже отмечалось выше, был весьма тернистым и нескорым. После двух вето, наложенных Ш. Де Голлем на обращения Лондона о вступлении в ЕЭС, британские дипломаты и политики предприняли все возможное, чтобы все-таки присоединиться к Общему рынку. Став с третьей попытки его участником (1973), Соединенное Королевство продлило для себя возможность играть важную роль на мировой арене. Позднее (1993) эта страна превратилась в одного из ключевых участников Евросоюза. Таким образом, британское членство в Евросоюзе может быть отчасти представлено в качестве эгоистического стремления к усилению собственного веса на международной арене за счет средств и возможностей, которые предоставляет ЕС.

Не удивительно, что позиции Великобритании в Европейском союзе изначально и в значительной степени отличались от интеграционной философии Франции и объединившейся Германии. В этой ситуации всегда недоверчиво-оппозиционное отношение к процессам углубления евроинтеграции создало для Британии устойчивую репутацию страны-скептика. В то время как страны-основательницы ЕС и большинство присоединившихся позже стран разделяют федералистский подход к интеграции, Великобритания воспринимает ЕС, скорее, как некое свободное объединение, в котором суверенитет должен сохраняться в руках национальных правительств. Подобное видение интеграционных процессов способствует тому, что Великобритания зачастую дистанцируется от проблем, возникающих в Союзе. По мнению сторонников ЕС, непонимание и игнорирование процессов, происходящих на континенте, наносит вред и самой Великобритании. В этой ситуации британские еврооптимисты призывают к активизации интеграционных процессов, но критики ЕС (евроскептики) категорически про-

¹²¹ См.: *Forster A.* Euroscepticism in contemporary British politics: opposition to Europe in the British Conservative and Labour Parties since 1945. L., 2002.

¹²² См.: *Alexandre-Collier A.* La Grande-Bretagne eurosceptique ? L'Europe dans le débat politique britannique. P., 2002.

¹²³ См.: *Harmesen R.* Euroscepticism: Party Politics, National Identity and European Integration. Amsterdam; N. Y., 2004.

¹²⁴ См.: *Wellings B.* English Nationalism and Euroscepticism. Oxford, 2012.

тив этого. Создание в Европе политического и экономического союза уже вызвало у них крайнее недовольство, а идея наделения Брюсселя еще большей властью представляется для этой категории политиков просто немислимой. События последних, кризисных лет, заметно усилили их позиции и позволили заявить об оправданности стародавних, самых мрачных прогнозов.

Вопросы, связанные с будущим Великобритании в ЕС, вызывают многочисленные споры внутри правящей коалиции, состоящей ныне из консерваторов и либеральных демократов. Значительная часть консервативной партии – ярые евроскептики, в то же время либерал-демократы – убежденные проевропейцы¹²⁵. Подобные расхождения во взглядах британской политической элиты не случайны. Внутри консервативной партии Великобритании всегда существовали разногласия между теми, кто выступает за выход Соединенного Королевства из ЕС, и теми, кто требует лишь пересмотра условий британской интеграции. Среди евроскептиков немало популярных и влиятельных политиков. К примеру, это мэр Лондона Борис Джонсон, сравнивающий нынешний европейский кризис со смертельной болезнью. «В попытке управлять этой болезнью – отметил он, – впустую потрачены годы. Мы спасаем рак и убиваем пациента»¹²⁶. Дэвид Кэмерон – премьер-министр и глава правящей коалиции – также часто упоминает о необходимости пересмотра условий британского участия в интеграционных процессах. При этом он стремится избегать резких, некорректных заявлений. В частности, он утверждает, что «кризис евро дает ЕС возможность переосмыслить свои цели и правила, чтобы европейский проект больше отвечал национальным интересам государств-членов и, в частности, Великобритании»¹²⁷. При этом Кэмерон, как глава действующего кабинета министров, против выхода Великобритании из ЕС. В целом, в стане тори господствует евроскептицизм, и лишь немногие высказывают проевропейскую позицию. При этом евроскептики действуют весьма напористо и уже начали сбор подписей в пользу проведения плебисцита о будущем Великобритании в ЕС. «Собранные подписи – настоящая головная боль для Кэмерона. Ему придется с ними считаться», – отметил независимый член парламента и сторонник референдума Никки Синклер. Уже осенью текущего года британский парламент рассмотрит вопрос о выходе страны из Евросоюза. Совершенно очевидно, что в процессе дискуссии наибольшую поддержку депутатов получит пункт о пересмотре формата интеграции. Согласно данным недавнего опроса британской социологической компанией «Ipsos Mori», большинство британцев – 67% – недовольны своим положением и считают, что антикризисные меры Брюсселя лишь сталкивают экономику их страны в рецессию¹²⁸.

¹²⁵ См.: *Kirkup J.* EU treaty: David Cameron stands as the lone man of Europe // *The Telegraph*. 2011. Dec. 09. URL: <http://www.telegraph.co.uk> (дата обращения: 17.06.2012).

¹²⁶ *Boris Johnson on euro crisis* // *The Standard*. 2012. May, 21. URL: <http://www.standard.co.uk> (дата обращения: 17.06.2012).

¹²⁷ *Wintour P.* Eurozone crisis gives Britain a chance to redraw EU // *The Guardian*. 2011. Nov. 14. URL: <http://www.guardian.co.uk> (дата обращения: 17.06.2012).

¹²⁸ См.: *Ipsos MORI EU Poll*. URL: <http://www.ipsos-mori.com> (дата обращения: 17.06.2012).

Центробежные настроения, захватившие Великобританию, подогревают и представители старой политической элиты. Экс-премьер Великобритании, Дж. Мейджор, на личном опыте убедившийся в плюсах и минусах проевропейской политики, полагает, что «Великобритания может, используя кризис еврозоны, пересмотреть свои отношения с Евросоюзом и вернуть делегированные Брюсселю полномочия»¹²⁹. В первые годы пребывания на посту премьер-министра Мейджор был намерен сделать Великобританию «сердцем Европы». «Я был заинтересован, чтобы не допустить представлений о Великобритании как о третьем лишнем, исключенным из неофициальных консультаций, которые все чаще предопределяли политику в Европе», – уточняет Мейджор в своих воспоминаниях¹³⁰. Однако после девальвации фунта стерлингов и выхода страны из Европейской валютной системы его евроинтеграционная стратегия приобрела скептический характер. Уже в ходе выборов партийного лидера 1995 г. Мейджор избрал тактику резкой критики европейских инициатив, а назревавшее тогда введение единой континентальной валюты назвал «еврочепухой».

В отличие от евроскептиков-тори, такие представители лейбористской партии, как бывший премьер Тони Блэр и бывший комиссар по европейской торговле Питер Мандельсон всегда утверждали, что хотели бы присоединиться к «успешной Еврозоне». Сходной позиции придерживались также другие видные лейбористы, например, Гордон Браун (бывший премьер-министр) и Алистер Дарлинг (бывший министр финансов). Впрочем, в рядах этой партии всегда находились и находятся евроскептики. Один из них, Эд Боллс, разработал для правительства Г. Брауна «пять экономических тестов»¹³¹, которые позволили более реалистично спрогнозировать последствия присоединения страны к единой европейской валюте. В результате правительство Великобритании отложило решение столь важного вопроса на неопределенный срок, а позднее привязало его к результатам общенационального референдума. Подобный шаг помог Великобритании не только уберечь собственную экономику от главенства валюты с весьма шатким, как оказалось, фундаментом, но и сохранил для Лондона статус мировой финансовой столицы.

В наши дни критическое отношение в Великобритании к евро стремительно нарастает. «Мы в кошмарной ситуации, и я подозреваю, что станет только хуже», – утверждает Найджел Фарадж, глава Партии независимости Соединенного Королевства, примкнувшей к наднациональному объединению евроскептиков «Европа за свободу и демократию». Такие бескомпромиссные политики, как Фарадж, полагают, что единая валюта ЕС гибнет медленной смертью, и, следовательно, нужно избавиться от евро как можно скорее. Более взвешенную и сбалансированную позицию занимает вице-президент Европарламента Эдвард Макмиллан-Скотт. «У нас, в Соединенном Королевстве, часто жалуются на то, что мы присоединились к Общему рынку, а получили политический союз. Но когда мы соглашались участво-

¹²⁹ Major offers a sensible way forward on the EU // The Telegraph. 2011. Oct. 10. URL: <http://www.telegraph.co.uk> (дата обращения: 17.06.2012).

¹³⁰ Major J. The Autobiography. L., 1999. P. 265.

¹³¹ An assessment of the five economic tests. URL: <http://www.hm-treasury.gov.uk> (дата обращения: 17.06.2012).

вать в Общем рынке, мы понимали, что поставлена цель создания все более тесного союза европейских народов. В Британии от тесных отношений с континентальной Европой зависят 3,5 млн. рабочих мест, более половины британской торговли приходится на остальную часть Евросоюза. Что, если мы все это потеряем? Огромное количество инвестиций поступает напрямую в Британию благодаря тому, что она – часть объединенного рынка. Все это справедливо и по отношению к другим европейским странам». Умеренные евроскептики придерживаются мнения о том, что кризис еврозоны – это прекрасный шанс реформировать ЕС, сделать его более гибким и децентрализованным. Однако такой подход вступает в конфликт с интеграционными планами Германии. Политическая элита этой страны выступает за углубление экономической и политической интеграции в рамках ЕС. Однако на практике «жесткий курс» не спасает от кризисных спадов и лишь чрезмерно усиливает роль брюссельской бюрократии. Не случайно, одним из главных обвинений, обращенных к ЕС, стало утверждение, что в то время, как граждане еврозоны затягивают пояса, европейские институты добиваются увеличения своего бюджета. По мнению Кэмерона, чрезмерный диктат штаб-квартиры ЕС, ее многочисленные правила и ограничения, лишь мешают экономическому росту. Поэтому, полагает британский лидер, Брюссель должен вернуть участникам интеграционного процесса часть своих полномочий. В частности, сама Великобритания добивается права, без оглядки на континент, менять свое трудовое законодательство, особенно в разделе, касающемся продолжительности рабочего дня¹³². В декабре 2011 г., по итогам очередного саммита ЕС, трещина в отношениях Великобритании с европейскими партнерами стала еще глубже. Д. Кэмерон фактически наложил вето на общеевропейское соглашение по борьбе с кризисом в еврозоне¹³³.

Кризисный для ЕС 2012 год ознаменовался очередным конфликтом интересов. 2 марта был подписан Договор о стабильности, координации и управлении в ЭВС – новое, носящее чрезвычайный характер фискальное соглашение большинства стран-участниц ЕС. Среди его критиков и ниспровергателей – Великобритания и Чехия. Великобритания, традиционный евроскептик, всеми способами дистанцируется от проблемы долгового кризиса еврозоны, не желая принимать участие в спасении единой валюты. Однако в противовес подобной позиции в стране вновь активизировались еврооптимисты. По их мнению, стремление остаться в стороне способствует укреплению франко-германского альянса. Следовательно, большинство важных решений внутри ЕС вскоре может быть принято без участия Лондона. В этой ситуации, упорно отказываясь от участия в спасении еврозоны, Великобритания рискует оказаться в изоляции, «за бортом» интеграционных процессов. Данная позиция подкреплена словами Ника Клегга, заместителя премьер-министра Великобритании и лидера партии либеральных демократов, заявившего о том, что у Британии нет повода для радости, до тех пор, пока «висящая где-то посреди Атлантики, она не наращивает

¹³² См.: Cameron delivers speech on euro crisis and UK economy: Politics live blog // The Guardian. 2012. May, 17. URL: <http://www.guardian.co.uk> (дата обращения: 17.06.2012).

¹³³ См.: Will David Cameron's veto protect the City? // The Guardian. 2011. Dec. 12. URL: <http://www.guardian.co.uk> (дата обращения: 17.06.2012).

влияние в Европе и не воспринимается серьезно в Вашингтоне»¹³⁴. Политическая позиция влиятельного политика основана на том немаловажном факторе, что сохранение стабильного евро соответствует британским интересам, поскольку страны зоны евро являются основными торговыми партнерами Соединенного Королевства.

Стремясь сгладить возникшие в правящей коалиции противоречия, Кэмерон вновь и вновь заявляет о принципиальном стремлении сохранить для Великобритании статус активного и влиятельного члена ЕС. Однако премьер-министр убежден, что его страна должна остаться в ЕС, чтобы защищать свои экономические интересы. Он настаивает на изменении ключевых статей Европейского договора в целях предоставления суверенных прав национальным правительствам. «Теперь появилась возможность задаться вопросом, какой мы на самом деле хотим видеть Европу? Для меня ответ очевиден: такую, которая смотрит на мир, в первую очередь, думая о внутренних делах. Европа должна быть гибкой системой, – полагает Кэмерон, – а не жестким блоком»¹³⁵. Позицию премьер-министра дополняют и подкрепляют сторонники изменения статуса участия Великобритании в ЕС. Так, например, Дэниэл Хэннан, член Европейского парламента, придерживающийся консервативных взглядов, предложил отказаться от методики экономического регулирования ЕС, которая, как он полагает, сдерживает восстановление британской экономики. По мнению Хэннана, Великобритания должна настаивать на получении статуса ассоциированного члена, предусматривающего участие в расширенном соглашении о свободной торговле¹³⁶. Подобные соглашения уже заключены, например, с Норвегией и Швейцарией. Тем самым, должна получить новое развитие давняя идея Дж. Мейджора о конструировании Европы «разных скоростей». Ее воскрешение оправдано дальними стратегическими расчетами современных британских политиков, поскольку решение проблемы долговых кризисов будет неизбежно сопровождаться углублением интеграции между странами-членами еврозоны. В этой ситуации излишняя жесткость и неуступчивость Великобритании, а также других участников ЕС, сохранивших национальные валюты, приведет не к искомому росту, но к самоизоляции и значительным финансовым потерям. По мнению умеренных и наиболее здравых евроскептиков, Великобритании следует лишь воспользоваться сложившейся ситуацией и сформировать вокруг себя лагерь из стран, не желающих дальнейшей передачи суверенитета на наднациональный уровень.

Итак, несмотря на все противоречия, выход Великобритании из ЕС маловероятен. Преимущества европейской интеграции для внешней торговли и платежного баланса этой страны по-прежнему очень велики. Тем не менее, Великобритания будет стремиться к более свободному формату сотруд-

¹³⁴ *Martin I.* The euro crisis is terrifying – but it's Cameron's last chance to restore Britain's sovereignty // *The Daily Mail*. 2011. May, 16. URL: <http://www.dailymail.co.uk> (дата обращения: 17.06.2012).

¹³⁵ *David Cameron: leaving EU 'not in our national interest'* // *The Telegraph*. 2011. Nov. 14. URL: <http://www.telegraph.co.uk> (дата обращения: 17.06.2012).

¹³⁶ См.: *Hannan D.* The case against Europe: One MEP reveals the disturbing contempt for democracy at the heart of the EU // *The Daily Mail*. 2012. Aug. 14. URL: <http://www.dailymail.co.uk> (дата обращения: 17.08.2012).

ничества с ЕС. Она готова поддерживать наиболее выгодные для себя формы интеграции, но не намерена спасать евро. Существование единой европейской валюты – постоянная угроза финансовым позициям Великобритании. Валютный союз неизбежно будет подталкивать Старый Свет к созданию централизованного правительства, способного наладить и контролировать беспрепятственное перераспределение финансовых потоков в интересах наиболее влиятельных стран континента. Такая политика самоубийственна для лондонского Сити. Однако ни евроскептикам, ни еврооптимистам так и не удалось создать унифицированную модель интеграционных отношений, способную решить фундаментальные проблемы развития стареющей Европы, вынужденной жестко конкурировать с внешним миром.

О. А. Старков (Саратов)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ УЛЬТРАПРАВОГО ДВИЖЕНИЯ В НИДЕРЛАНДАХ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Одним из основных критериев политической состоятельности партии является ее поддержка избирателями. В последнее десятилетие представители разных слоев населения европейских стран все чаще отдают предпочтение кандидатам от правых партий. Нельзя назвать случайным и результат парламентских выборов в Нидерландах в 2010 г., когда, вопреки прогнозам аналитиков, «Партия свободы» Герта Вилдерса¹³⁷, уверенно получила 24 места из 150 и стала третьей по значимости партией после центристской «Партии за свободу и демократию» и умеренно социалистической «Партии труда».

Ультраправые Нидерландов свободно используют в партийной риторике призывы к расизму, ксенофобии, выдвигают антииммигрантские лозунги и одновременно сохраняют статус легальной политической организации в силу того, что законодательство этой страны достаточно широко трактует понятие свободы слова. Кроме того, следует принять во внимание, что ультраправые здесь не одно десятилетие принимали активное участие в политической жизни.

Ультраправое движение в Нидерландах возникло в начале 20-х гг. XX в. на фоне экономической, политической и социальной нестабильности в стране. Как и большинство ультраправых организаций первой трети XX в.,

¹³⁷ Герт Вилдерс (р. 1963) – нидерландский политик, лидер организации «Партия свободы», член Парламента Нидерландов с 1998 года. До 2004 г. находился в рядах «Народной партии за свободу и демократию», однако из-за разногласий в политических взглядах вышел из партии и в 2006 г. основал собственную организацию – «Партию свободы». На выборах в том же 2006 г. партии удалось набрать 5,9% голосов. В центре партийной риторики Вилдерса лежит праворадикальный популизм, направленный на поддержку коренного населения Нидерландов, при этом допускаются агрессивные, на грани расизма и фашизма, лозунги, направленные против иммигрантов из стран Ближнего Востока и Восточной Европы. Г. Вилдерс неоднократно подвергался суду за расистские высказывания, однако оправдывался в силу законодательных особенностей Нидерландов.

голландские праворадикалы руководствовались принципами фашистской идеологии.

Следует отметить, что в 20-е гг. XX в. группы голландских праворадикалов были малочисленны, их политические программы недостаточно проработаны и представляли набор антикоммунистических, националистических и антисемитских идей. Эти группы возникли на волне интереса к итальянскому фашизму и партии Муссолини, пришедшего к власти в Италии после знаменитого «Марша на Рим» в октябре 1922 года. Одна из первых праворадикальных организаций Нидерландов, так называемый «Союз актуалистов» (*Verbond van Actualisten*), была создана в январе 1923 года. Инициаторами «Союза» стали Альфред Хэйтон¹³⁸ и Хьюго Синклер де Рошмонт¹³⁹. Их политическая программа, более похожая на список политических установок, представляла собой сокращенные программы Гитлера и Муссолини, адаптированные под реалии Нидерландского государства. Примечательно, что «Союз актуалистов», в отличие от коммунистов, не призывал к свержению монархии, а, напротив, настаивал на усилении борьбы с социалистическим и революционным движением, используя при этом милитаристские и националистические лозунги. В качестве потенциальных сторонников «Союза актуалистов» рассматривались прежде всего некоторые категории рабочих и мелких служащих. Для вовлечения рабочих в активную политическую деятельность «Союз» создал специальное подразделение, именуемое «Национальная рабочая организация» (*Nationale Arbeiders Organisatie*)¹⁴⁰. Однако очередные выборы в Парламент страны в 1925 г. не увенчались для правых успехом. «Союз актуалистов» набрал только 2253 голоса, или 0,07%¹⁴¹.

Несмотря на то, что избиратели не поддержали фашистские и националистические идеи, активисты ультраправых продолжали искать средства к укреплению движения. После распада в ноябре 1928 г. «Союза актуалистов» сторонники этой партии создали 15 декабря 1928 г. новое формирование, известное под весьма странным, на первый взгляд, названием – «Союз метлы» («*De Vereeniging De Bezem*»). Столь оригинальное название партия получила

¹³⁸ Альфред Хэйтон (1896–1943) – предприниматель, миллионер, спонсор и организатор фашистского движения в Нидерландах, соучредитель «Союза актуалистов» и «Союза метлы». В дальнейшем активный участник движений Голландского Национального фронта и Национал-социалистической голландской рабочей партии. Убежденный сторонник идей Муссолини и Гитлера. После оккупации Нидерландов в 1940 г. активно участвовал в коллаборационистском движении.

¹³⁹ Хьюго Синклер де Рошмонт (1901–1942) – активист и популяризатор фашистского движения в Нидерландах. Входил в руководящий состав «Союза актуалистов» и «Союза метлы». В 1930 г. покинул ряды организации после разногласий с соучредителем партии – А. Хэйтоном. Активный сторонник сотрудничества с нацистской Германией. В 1940 г. вступил в Голландский Национальный фронт и Национал-социалистическую голландскую рабочую партию. Участник коллаборационистского движения, участвовал в войне против СССР в составе Добровольческого легиона СС «Нидерланды». Погиб в бою 13.03.1942 г. на Восточном фронте. Более подробно см.: *De NSB: Ontstaan en opkomst van de Nationaal Socialistische Beweging, 1931–1935. Uitgeverij Boom, 2009. P. 87–89.*

¹⁴⁰ См.: *Van der Pauw J. L. De actualisten: de kinderjaren van het georganiseerde fascisme in Nederland 1923–1924. Sijthoff, 1987. P. 94–97.*

¹⁴¹ См.: *De Jonge A. Het nationaal-socialisme in Nederland: Voorgeschiedenis, ontstaan en ontwikkeling. Kruseman, 1968. P. 35–36.*

не случайно: начиная с 1924 г. в Нидерландах издавался политический журнал «Метла» («De Bezem»). По замыслу главного редактора этого журнала, Хьюго Синклера де Рошмонта, одновременно входившего в руководящий состав «Актуалистов», название «Метла» должно было импонировать рабочим и мелким служащим, на которых и были в основном рассчитаны агитационные статьи этого издания ультраправых. Кроме того, изображение метлы, украшавшей первую страницу каждого выпуска журнала, символизировало процесс «распространения» идей ультраправых и «выметания вон» чуждых концепций. Журнал выходил раз в неделю и печатал в основном разъяснительные статьи о сущности фашизма, популяризировал политику Муссолини, ставшего к тому времени премьер-министром Италии. Одновременно журнал Х. Синклера выступал с острой критикой коммунизма и социализма.

После трансформации «Союза актуалистов» в «Союз метлы» Х. Синклер занял в нем должность Генерального секретаря в составе руководящего органа из 15 человек.

Однако, несмотря на активную популяризацию фашистских идей, рабочие по-прежнему не проявляли интереса к ультраправой партии. Влиятельный функционер и соучредитель «Союза актуалистов» А. Хэйтон, который оказывал партии солидную финансовую поддержку, видел причины неудач в лице Х. Синклера, недостаточно активно, по его мнению, участвовавшего в деятельности партии и не способного предложить программу, отвечающую интересам рабочих и мелких служащих. Расхождения по основополагающим вопросам подтолкнули А. Хэйтона к началу кампании по продвижению в руководство партии выходца из пролетарской среды активиста Яна Баарса¹⁴².

К растущим политическим разногласиям добавились прямые обвинения в растрате партийной кассы, выдвинутые А. Хэйтоном против Х. Синклера, что привело в марте 1930 г. к расколу. В результате Х. Синклер с группой единомышленников покинул ряды партии, при этом оставаясь на посту редактора журнала «Метла». Однако, после смены лидера, реорганизованный «Союз» не смог полностью влиться в активную политическую жизнь Нидерландов, и к 1932 г. прекратил свое существование.

При всей стихийности процессов возникновения и исчезновения фашистских группировок на политической арене Нидерландов можно отметить, что пропаганда нацистских и милитаристских идей продолжалась: сторонники ультраправых неумолимо перемещались из партии в партию, меняя эмблемы, претенциозные названия, лидеров и т. д.¹⁴³.

Однако к началу 1930-х гг. в среде фашиствующих ультраправых усилились тенденции к консолидации: активисты многочисленных группировок пришли к выводу, что успешное участие в политической борьбе возможно лишь при объединении усилий. Такой партией, сплотившей под своим руко-

¹⁴² См.: *Zaal W.* De Nederlandse fascistien. Wetenschappelijke Uitgeverij. 1973. P. 53–55.

¹⁴³ Так, например, Ян Баарс, рассорившись с Хэйтоном, создал в 1932 г. так называемую «Генеральную голландскую фашистскую лигу», которая через 2 года, в 1934 г., трансформировалась в «Черный фронт», уже под руководством фашистского идеолога Арнольда Мейера, а затем в «Национальный фронт». В дальнейшем, после оккупации Голландии в 1940 г., все политические партии, в том числе и праворадикальные, кроме NSB, были запрещены.

водством значительную часть нидерландских ультраправых, стало «Национал-социалистическое движение» («Nationaal-Socialistische Beweging» – NSB), возникшее в конце 1931 года. Как видно из названия, основатели движения – Антон Мюссерт и Корнелиус ван Геелкеркен – находились под влиянием идеологии и практической деятельности партии А. Гитлера в Германии. Нидерландские функционеры активно поддерживали связь с немецкими нацистами, вели переговоры и перенимали опыт политической борьбы. Устав НСДАП послужил образцом для голландских нацистов.

По мере усиления политических позиций германских нацистов росла популярность и национал-социалистов в Нидерландах. Если в январе 1933 г. численность партии «Национал-социалистическое движение» не превышала тысячи человек, то через год она насчитывала уже около 21 тыс. активистов¹⁴⁴.

В отличие от большинства радикальных группировок начала 1930-х гг., партия А. Мюссерта выступала за ведение легальной политической борьбы и планировала получить власть в результате победы на выборах. При этом отвергалась сама возможность парламентского правления, и предпочтение отдавалось системе власти, построенной на идее фюрерства. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что на начальном периоде в программных установках партии «Национал-социалистическое движение» присутствовали существенные идеологические различия с германским фашизмом: отсутствовали расистские и антисемитские лозунги, евреям разрешалось вступать в ряды партии¹⁴⁵.

Успех пришел к нидерландским национал-социалистам в 1935 г. на выборах в органы местного самоуправления, когда они набрали около 8% голосов¹⁴⁶. Причем, не последнюю роль при этом сыграл территориально-географический фактор: наиболее значительной поддержкой NSB пользовалась среди жителей приграничных с Германией земель, где были сильны прогерманские настроения. В частности, землях Гельдерланд нацисты получили 5 мест в муниципалитете, в Дренте и Гронингене – по 4 места, в Лимбурге – 5 мест. Однако, по мере укрепления тоталитаризма в Германии, усиления ее военной мощи и в связи с явно выраженными тенденциям к захватнической политике в отношении близлежащих стран национал-социализм в Нидерландах постепенно терял сторонников, и на последующих выборах, 1937 и 1939 гг., партия А. Мюссерта смогла набрать лишь 4% голосов. После начала Второй мировой войны партия «Национал-социалистическое движение» полностью утратила легитимность и была объявлена вне закона. Около 10 тыс. активистов NSB, в том числе и А. Мюссерт, оказались в тюрьме как потенциальные шпионы. Однако после оккупации Нидерландов немецкими войсками все они были освобождены уже как союзники новых хозяев страны. Следует отметить, что партия А. Мюссерта была единственной политической организацией, не запрещенной во время оккупации, хотя под запрет попали все остальные, даже профашистские пар-

¹⁴⁴ См.: *Larsen S.* Who were the Fascists: social roots of European Fascism. Universitetsforlaget, 1980. P. 528.

¹⁴⁵ См.: *Blamires C.* World Fascism: A Historical Encyclopedia, ABC-CLIO. 2006. P. 463.

¹⁴⁶ См.: *Art D.* Inside the Radical Right: The Development of Anti-Immigrant Parties in Western Europe. Cambridge, 2011. P. 77.

тии, такие как Национальный фронт и Национал-социалистическая голландская рабочая партия. Доверие оккупантов к партии NSB можно объяснить личным знакомством А. Мюссерта с А. Гитлером еще с довоенных времен. Известно, что Мюссерт несколько раз бывал на приемах у фюрера¹⁴⁷.

Доверие немецких властей к А. Мюссерту в годы оккупации было столь велико, что в 1942 г. его даже назначили «Фюрером нидерландского народа»¹⁴⁸. Активисты NSB оправдали доверие гитлеровцев: они полностью поддерживали политику Германии, принимали активное участие в деятельности коллаборационистских гражданских и военных формирований, осуществляя репрессивную политику вместе с оккупационными властями. К 1943 г. партия А. Мюссерта насчитывала около 100 тыс. активистов, около 23 тыс. из них принимали активное участие в войне на стороне Германии, проходя службу в частях Ваффен СС¹⁴⁹.

После освобождения Голландии осенью 1944 г. национал-социалистическое движение Нидерландов было объявлено вне закона, однако многие из уцелевших коллаборационистов продолжали воевать на стороне Германии вплоть до ее капитуляции. В дальнейшем партийные активисты NSB, сотрудничавшие с фашистами, предстали перед судом и были приговорены к различным мерам наказания, вплоть до смертной казни¹⁵⁰. Остальные активисты NSB были подвергнуты процедуре денацификации, в результате которой многие были временно поражены в правах, лишены возможности голосовать и занимать государственные должности. Одновременно в Нидерландах были запрещены все партии праворадикального толка.

Несмотря на запрет, ультраправое движение в Нидерландах смогло консолидироваться. Постепенно, сначала под видом полулегальных кружков «ветеранов войны», сообществ лиц, подвергшихся денацификации, начали возрождаться ячейки нидерландского праворадикального движения. Его руководители и участники изменили тактику: пересмотрев ранние политические программы, они отказались от наиболее радикальных лозунгов, адаптировали идеи под политические и экономические особенности Нидерландов с целью участия в легальной политической борьбе.

¹⁴⁷ См.: *Blamires C.* Op. cit. P. 440.

¹⁴⁸ См.: *Morgan P.* Fascism in Europe. Routledge, 2002. P. 186.

¹⁴⁹ См.: *Warmbrunn W.* The Dutch Under German Occupation, 1940–1945. Stanford, 1963. P. 91.

¹⁵⁰ В частности, к смертной казни был приговорен А. Мюссерт. Приговор был вынесен 7 мая 1946 года. А К. ван Геелкеркен был приговорен к 20 годам тюремного заключения, освобожден в 1959 году.

СОДЕРЖАНИЕ

Интеллектуальная культура сегодня

<i>Ретина Л. П.</i> (Москва) Идеи и люди в контексте истории интеллектуальной культуры.....	3
<i>Воробьева О. В.</i> (Москва) А. Дж. Тойнби и современные цивилизационные исследования	9

История и память

<i>Гатауллина И. А.</i> (Казань) Древняя Русь в контексте исторической памяти	17
<i>Краснова И. А.</i> (Ставрополь) Память рода в пространственном измерении: по семейным книгам флорентийских граждан	24
<i>Чернова Л. Н.</i> (Саратов) «Историческая» память в купеческой среде Англии Раннего Нового времени	35
<i>Удалов С. В.</i> (Саратов) Историческая проза М. Н. Загоскина: к вопросу о формировании исторической культуры русского общества второй четверти XIX века	42
<i>Прасолов Д. Н.</i> (Нальчик) Пространство землепользования кабардинцев и балкарцев – образы прошлого в исторической ретроспективе	48
<i>Аникин Д. А.</i> (Саратов) «Киевская Русь» в украинских учебниках: к вопросу о политике памяти на постсоветском пространстве.....	55

История образов и представлений

<i>Эльфонд И. Я.</i> (Саратов) Образ правителя во французской историографии XVI века	65
--	----

<i>Ольшанская Н. М.</i> (Урюпинск) Наполеоновская эпоха в документах личного происхождения (по письмам и дневникам Стендаля)	72
<i>Кирюшкина В. В.</i> (Саратов) «Не знавший вдохновения»: Понимание творчества в «Рассуждениях об искусстве» Дж. Рейнольдса	83
<i>Креленко Н. С.</i> (Саратов) Романтические мотивы в «Воспоминаниях об Испании» Ф. Булгарина	91
<i>Нохрин И. М.</i> (Челябинск) Конструирование понятия «нация» и «национального»: канадский опыт (60-е – 80-е годы XIX века)	98
<i>Татарникова А. И.</i> (Тобольск) Образ сибирских «инородцев» на страницах местной периодической печати (по материалам газетной прессы Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX века)	106
<i>Биткинова В. В.</i> (Саратов) Образы русской истории в бардовской поэзии: Медный всадник, Клодтовы кони, птица-тройка и другие	111
<i>Ситникова Е. Л.</i> (Воронеж) Образ Советского Союза в США в начале холодной войны: некоторые особенности личностного восприятия.....	123
<i>Рыбалко О. К.</i> (Саратов) Представления президента Джорджа Буша-мл. о современной России	128

***Интеллектуалы, интеллигенция, интеллектуальные
сообщества: прошлое и настоящее***

<i>Старостина И. Ю.</i> (Саратов) Дж. Чосер как интеллектуал.....	133
<i>Мезин С. А.</i> (Саратов) Дидро и Россия	137
<i>Киясов С. Е.</i> (Саратов) Московские масоны-розенкрейцеры XVIII столетия: просветители, мистики, конспираторы	148
<i>Афонюшкина А. В.</i> (Воронеж) Научная интеллигенция в российской провинции во второй половине XIX века (профессор Харьковского университета М. Н. Петров)	155

<i>Кирьяш О. А.</i> (Омск) Образ Украины в сознании русского исторического сообщества второй половины XIX века	160
<i>Богомазова О. В.</i> (Челябинск) Мемориальные традиции сообщества историков: увековечивание памяти о В. О. Ключевском в первой трети XX века	165
<i>Кузнецова Н. В.</i> (Волгоград) Власть и научно-педагогическая интеллигенция вузов Нижнего Поволжья в 1945–1953 годах	172
<i>Кубасов А. В.</i> (Челябинск) Образ «советской интеллигенции» в контексте метафизики российского мышления	180

Историография и история науки

<i>Артамонов Д. С.</i> (Саратов) Образ Вадима Новгородского в русской историографии XVIII века	187
<i>Казарова Н. А.</i> (Ростов-на-Дону) История русского просвещения в научном наследии И. П. Козловского	196
<i>Савина А. В.</i> (Вологда) Ж. Кальвин и кальвинизм в творчестве Р. Ю. Вишпера: эволюция оценок.....	200
<i>Райкова В. А.</i> (Санкт-Петербург) Образ Джорджа Ф. Кеннана в отечественной и зарубежной историографии.....	210

История культуры, религии, образования

<i>Ананьев С. В.</i> (Саратов) Борьба за цивилизационное пространство в Северо-Западном крае в 60-х гг. XIX века	219
<i>Борисова О. В.</i> (Саратов) Открытие и первые шаги деятельности Саратовской духовной семинарии (1830–1840-е годы).....	227
<i>Бичанина З. И.</i> (Саратов) «Чему учат в школе?» (К вопросу об образовательном и воспитательном процессах в немецких школах города Саратова)	238
<i>Арчбасова Н. А.</i> (Волгоград) Общественные стипендиаты XIX в.: практика обучения вдали от дома.....	243

<i>Синельников С. П.</i> (Волгоград) Закон Божий в начальной и средней школе в дореволюционный период: проблемы и пути их преодоления.....	249
<i>Бурик Н. М.</i> (Барнаул) Метаморфоза образа священнослужителя в газетных заголовках 1920-х годов	257
<i>Галямичев А. Н.</i> (Саратов) Незримые нити (Из истории создания картины М. В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею»)	263
<i>Тихонов М. Н.</i> (Нижний Новгород) Музеи Нижнего Новгорода по материалам ведущих местных газет 1911–1912 годов	269
<i>Лосева Е. С., Лосева О. А.</i> (Саратов) Роль архитектуры сталинского неоклассицизма в формировании исторического облика провинциального города	279
<i>Жарова Е. Ю.</i> (Брянск) Повседневная жизнь студента-биолога в начале XX и XXI века: сравнительный анализ	285

В пространстве социальной и гендерной истории

<i>Болдырева И. И.</i> (Воронеж) Статус жены правителя в англосаксонском обществе VII – начала IX веков	292
<i>Мосолкина Т. В.</i> (Саратов) Строительная «горячка» в Англии эпохи Реставрации: проблема социальной самоидентификации	301
<i>Королева О. В.</i> (Саратов) Повседневная жизнь английского путешественника в Индии (на материалах путевого журнала Ч. Эклонда (1842–1845 гг.)	306
<i>Лёвин С. В.</i> (Балашов) Социально-исторический портрет земских статистиков.....	312
<i>Ерохина О. В.</i> (Урюпинск) Жизнь и быт советских рабочих иностранных концессионных предприятий в 1920-е годы	323
<i>Недзелюк Т. Г.</i> (Новосибирск) Гендерные практики в картине мира сибирских католиков.....	328
<i>Мариненко Л. Е.</i> (Красноярск) Отклики сельского населения Сибири о снабжении деревни в 1930-е годы.....	336

<i>Чеберяк Н. В.</i> (Красноярск) Денежные доходы и потребление партийно-советской номенклатуры Красноярского края в послевоенный период.....	342
<i>Васильева Л. Е.</i> (Саратов) Государственная и общественная помощь семьям погибших фронтовиков во второй половине 1940-х годов (на материалах Саратовской области)	350
<i>Гуменюк А. А.</i> (Саратов) Социальная работа в СССР в 1953–1964 гг. (по материалам Саратовской области)	356
<i>Яковлев С. А.</i> (Саратов) Особенности организации сельскохозяйственного труда и производства в Саратовской области (1965–1975).....	364

Власть, общество, человек: история и образы в истории

<i>Адоньева И. Г.</i> (Новосибирск) Историко-правовые сюжеты в «либеральный» период журнала «Русский вестник»	373
<i>Кочуков С. А.</i> (Саратов) Русско-турецкая война 1877-1878 гг. на страницах газеты «Летучий военный листок».....	380
<i>Сафронова Ю. А.</i> (Санкт-Петербург) Революционный террор как зеркало для русского общества (1879–1881 годы).....	386
<i>Кочукова О. В.</i> (Саратов) Проблема общественного мнения в восприятии идеологов русского консерватизма (М. Н. Катков и Р. А. Фадеев)	393
<i>Луконин Д. Е.</i> (Саратов) «Три великие заботы»: русская музыкальная интеллигенция и власть в конце XIX века (на примере балакиревского кружка).....	400
<i>Ананян Е. В.</i> (Волгоград) Реформы Александра II в судьбе российских немцев.....	410
<i>Зайцев А. Ю.</i> (Львов) Дмитрий Донцов об истоках и смысле русского коммунизма.....	418
<i>Варфоломеев Ю.В.</i> (Саратов) «Фантастический шпионский узор...»: к вопросу о расследовании Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства	

обвинений политической элиты Российской империи в измене и шпионаже в годы Первой мировой войны.....	426
<i>Ковалева Д. Н.</i> (Саратов) Влияние событий 1917 года на сословие присяжных поверенных в России	432
<i>Гальперин Р. И.</i> (Саратов) Адвокат во власти: присяжный поверенный Н. Н. Мясоедов в революционные годы	440
<i>Чолахян В. А.</i> (Саратов) Административно-правовая роль советского государства в разрешении трудовых конфликтов в промышленности в 1920-е годы	447
<i>Фурман Е. Л.</i> (Волгоград) Государственная власть и кооперация в Автономии немцев Поволжья (1917 – начало 1930-х годов)	459
<i>Мякшев А. П.</i> (Саратов) О роли М. С. Горбачева в распаде СССР	470
<i>Черевичко Т. В.</i> (Саратов) Модернизация российской экономики – путь к постиндустриальному обществу?	479

***Urban Studies: история, современность
и перспективы***

<i>Середа Н. В.</i> (Тверь) П. П. Смирнов и формирование представлений о структуре городского населения России XVI–XVII веков	485
<i>Майорова А. С.</i> (Саратов) Формирование представления о культурном наследии в городах Саратовской губернии в начале XIX века	492
<i>Аврус А. И.</i> (Саратов) Хвалынский – «замороженный» город на Волге	500
<i>Кабытов П. С.</i> (Самара) Историческая топонимика в меняющемся городе: традиции и новации.....	506
<i>Соловьева Т. А.</i> (Саратов) Проблема досуга в повседневной жизни советских горожан в 1920–1930-е годы	510
<i>Жидченко А. В.</i> (Омск) Мемуары ученых как источник реконструкции образа городского района 1950–1960-х гг. (по материалам Дубны и Академгородка).....	516

**Россия и мир: политика
и международные отношения**

<i>Аблизин В. А.</i> (Саратов) Советско-германское сближение 1939 года: Г. А. Астахов – главный фигурант события.....	520
<i>Касович Ю. О.</i> (Саратов) Политика американской помощи Украине в 1990-е годы.....	529
<i>Шенин С. Ю.</i> (Саратов) Особенности функционирования механизма принятия внешнеполитических решений в администрации Дж. Буша-мл.	537
<i>Петрыкина Д. В.</i> (Саратов) Мексика: война с наркобизнесом и «Инициатива Мерида»	542
<i>Гусакова М. А.</i> (Саратов) Эволюция институтов ЕС: Европейский Парламент на рубеже XX–XXI веков.....	549
<i>Порецкова Е. А.</i> (Саратов) Великобритания и Европейский союз: прогнозы евроскептиков и еврооптимистов	555
<i>Старков О. А.</i> (Саратов) Возникновение и становление ультраправого движения в Нидерландах: к постановке проблемы	562
Содержание	567

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
И ОБРАЗЫ ИСТОРИИ**

Материалы международной научной конференции в честь
95-летия гуманитарного образования в Саратовском
государственном университете имени Н. Г. Чернышевского,
Саратов, 20–21 сентября 2012 года

Ответственная за выпуск: *Л. Н. Чернова*

Работы выходят в авторской редакции

Оригинал-макет: *Ю. А. Алёшина*

Подписано в печать 10.10.2013. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Джорджия. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,49 (36). Науч.-изд. л. 36,09. Тираж 100 экз.

Издательский центр «Наука»,
410000, г. Саратов, ул. Пугачёвская, д. 117, к. 50.

Саратовский государственный университет
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Отпечатано в типографии Саратовского университета
410012, Б. Казачья, 112А, VIII корп. СГУ.